

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

*1874 Л. 31
Синодальство*

О ПРАВОСЛАВНОМЪ БѢЛОМЪ
и
ЧОРНОМЪ ДУХОВЕНСТВѢ

ВЪ РОССИИ.

I 20 B

*220 B
- В. 236
I 20 B*

**Bayrische
Staatsbibliothek
München**

О ПРАВОСЛАВНОМЪ БЪЛОМЪ

и

ЧОРНОМЪ ДУХОВЕНСТВЪ

ВЪ РОССИИ.

Истину говорю . . . . , негу какъ свидѣ-
тельствуеть мнѣ совесть моя . . . .

Рима. 9, 1.

Если я сказалъ худо, покажи, что худо;
а если хорошо, что ты бьешь меня!

Иоан. 18, 23.

ТОМЪ I.

ЛЕЙПЦИГЪ,
ФРАНЦЪ ВАГНЕРЪ.

LEIPZIG,
FRANZ WAGNER.

1866.

BIBLIOTHEC
REGIA
MONACENSIS

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Отдѣлъ 1й. Противорѣчiе въ мнѣнiяхъ о благосостоянiи бѣлаго д-ва	1
Отдѣлъ 2й. О духовной цензурѣ	10
Отдѣлъ 3й. Мнѣнiе русской заграничной и свѣтской отечественной литературы о православномъ д-вѣ	21
Отдѣлъ 4й. Мнѣнiе правительства и духовной литературы о бѣломъ д-вѣ	34
Отдѣлъ 5й. О томъ, почему дѣло объ улучшенiи бѣлаго д-ва и духовныхъ училищъ медленно подвигается впередъ	39
Часть 1я. О проволочкахъ при этомъ дѣлѣ	39
Часть 2я. О трудности узнать настоящее положенiе бѣлаго д-ва и духовныхъ училищъ избранными для этого официальными способами	45
Часть 3я. О томъ, что епархiальныя и семинарскiя власти намѣренно препятствовали разъяснить настоящее положенiе бѣлаго д-ва и духовныхъ училищъ	55
Отдѣлъ 6й. О томъ, что это сочиненiе издается за границею и что за такой поступокъ не слѣдуетъ обвинять автора	61
Отдѣлъ 7й. О русскомъ православномъ м-вѣ	85
Часть 1я. Объ идеалѣ м-ва	85
Часть 2я. О томъ, изъ какихъ сословiй и почему у насъ постунаютъ въ м-во	93
Часть 3я. О монастырскихъ послушникахъ и о монахахъ изъ д-ва	100
Часть 4я. О томъ, что ученое м-во присвоили себѣ почти всѣ мѣста начальниковъ въ епархiяхъ, духовныхъ семинарiяхъ и академiяхъ	113

	Стр.
Часть 5я. Обь особенномъ вниманіи и снисхожденіи начальства къ м-щимъ какъ студентамъ духовныхъ академій, такъ и наставникамъ духовно-учебныхъ заведеній	119
Часть 6я. О м-щихъ студентахъ духовныхъ академій изъ вдовыхъ священниковъ и дьяконовъ	130
Часть 7я. Платоновскій и полуплатоновскій способъ увлекать студентовъ духовныхъ академій въ м-во	133
Часть 8я. Разные способы уговаривать студентовъ духовныхъ академій къ поступленію въ м-во	141
Часть 9я. О домашней жизни прогрессистовъ, объ ихъ испушеніяхъ и паденіяхъ	152
Отдѣлъ 8й. О доходахъ монастырей	161
Часть 1я. О доходахъ монастырей отъ правительства	163
Часть 2я. О доходахъ, которые получаютъ монастырями отъ кладбищъ и сборныхъ книжекъ	169
Часть 3я. О часовенныхъ доходахъ	176
Часть 4я. О внутреннихъ доходахъ монастырей и о томъ, отъ чего мощи св. угодниковъ и чудотворныя иконы находятя преимущественно въ монастыряхъ	182
Часть 5я. Обь искусственныхъ средствахъ увеличить монастырскіе доходы	190
Часть 6я. О доходныхъ привилегіяхъ монастырей	200
Отдѣлъ 9й. Взаимное сравненіе монастырскихъ церквей по богатству	208
Отдѣлъ 10й. Раздѣленіе монастырей на общежительные и не общежительные; о помѣщеніи, пищѣ и одеждѣ монаховъ и особенно настоятелей	212
Отдѣлъ 11й. О томъ, чѣмъ занимаются монахи	228
Отдѣлъ 12й. О денежныхъ доходахъ монаховъ и особенно настоятелей, объ искусственныхъ средствахъ увеличивать доходы тѣхъ настоятелей, которые состоятъ ректорами семинарій и академій	250
Отдѣлъ 13й. О бѣдности и доходахъ архіереевъ	259
Часть 1я. О доходахъ архіерейскихъ отъ богослужебныхъ дѣйствій и отъ крестовой церкви	262
Часть 2я. Обь архіерейскихъ доходахъ, которые можно назвать акциденціями	269
Часть 3я. О наследствахъ послѣ архіереевъ	280
Отдѣлъ 14й. О доходныхъ статьяхъ бѣлаго д-ва	285
Часть 1я. О получаемыхъ бѣлымъ д-вомъ доходахъ отъ неприкосновенныхъ капиталовъ, недвижимыхъ имѣній и земли о жалованьѣ и хлѣбныхъ доходахъ	286

	Стр.
Часть 2я. О доходахъ, получаемыхъ за исправленіе церковныхъ произвольныхъ, необходимыхъ требъ	296
Часть 3я. О доходахъ, получаемыхъ отъ исполненія церковныхъ требъ произвольныхъ, не безусловно необходимыхъ	304
Часть 4я. О томъ, какъ велики всѣ вообще доходы д-ва и обременительны ли они для народа?	314
Отдѣлъ 15я. О вредныхъ послѣдствіяхъ, которыя происходятъ отъ нынѣшней системы доходовъ бѣлаго д-ва	323
Часть 1я. О хожденіяхъ д-ва по приходу въ Петербургѣ и другихъ городахъ	324
Часть 2я. О хожденіи д-ва по приходу въ селахъ	332
Часть 3я. Объ угощеніяхъ д-ва во время исполненія церковныхъ требъ	338
Часть 4я. О вымогательствахъ д-ва и о необходимости ему заискивать благорасположеніе прихожанъ	344
Часть 5я. О вліяніи нынѣшней системы доходовъ д-ва на взаимныя отношенія членовъ его и на религіозность народа	351
Часть 6я. О томъ, можно ли вполнѣ обвинять д-во въ его поборахъ съ прихожанъ	357
Отдѣлъ 16я. О замѣщеніи св-и-ц-сл-скихъ должностей	364
Часть 1я. О передачѣ св-и-ц-сл-скихъ мѣстъ по наследству и родству; о покункѣ и продажѣ ихъ и пр.	367
Часть 2я. О вредномъ вліяніи, которое имѣетъ нынѣшняя система замѣщенія духовныхъ должностей на брачныя союзы, на нравственность и семейную жизнь д-ва	381
Часть 3я. Вліяніе тойже системы на образованность д-ва; сужденіе о ней по церковнымъ авторитетамъ	401
Отдѣлъ 17я. О томъ, что наше бѣлое д-во бѣднѣе д-въ всѣхъ вѣроисповѣданій и странъ	412
Отдѣлъ 18я. Взаимное сравненіе бѣлаго и чернаго д-ва относительно наградъ, повышенія знаковъ, отличія и пр.	417
Часть 1я. Предпочтеніе, которое предоставлено черному д-ву предъ бѣлымъ относительно повышеній, наградъ и пр.	417
Часть 2я. О томъ, кто болѣе заслуживалъ наградъ, бѣлое или черное д-во	428
Отдѣлъ 19я. О снисходительности и потачливости духовныхъ властей къ монахамъ	438
Отдѣлъ 20я. О причинахъ пристрастія духовнаго начальства къ монахамъ	450
Отдѣлъ 21я. Историческое развитіе вражды между бѣлымъ и чернымъ д-вомъ	453
А) въ восточныхъ церквахъ	453
Б) въ Россіи	461

	Стр.
Отдѣлъ 22 ^й . О гордости, какъ типическомъ качествѣ монаховъ	470
Часть 1 ^я . О томъ, какъ развивалась гордость въ м-вѣ въ древнія времена на востокѣ и у насъ въ Россіи; въ чемъ она нынѣ обнаруживается, особенно въ начальникахъ семинарій и академій	471
Часть 2 ^я . О страсти м-шихъ къ титуламъ и о колокольномъ звонѣ въ честь архіереевъ	483
Отдѣлъ 23 ^й . О гордости нашихъ старинныхъ іерарховъ, особенно относительно бѣлаго д-ва	500
Отдѣлъ 24 ^й . О поклонаніи въ д-вѣ	506
Отдѣлъ 25 ^й . О томъ, какъ епархіальные архіереи обращаются съ д-вомъ и вообще, и въ частности при подаваніи имъ прошеній; сцены въ такъ называемыхъ подачахъ	517
Отдѣлъ 26 ^й . О томъ, къ кому архіереи болѣе внимательны и пріятливы; къ духовнымъ ли лицамъ, или къ мірянамъ?	537
Отдѣлъ 27 ^й . О томъ, почему архіереи не ласковы и даже суровы къ бѣлому д-ву, и напротивъ пріятливы и благосклонны къ мірянамъ	552
Отдѣлъ 28 ^й . О фаворитахъ архіереевъ	567
Часть 1 ^я . О лакеѣ, письмоводителѣ и экономѣ, какъ ближайшихъ фаворитахъ архіереевъ	568
Часть 2 ^я . О причинахъ особеннаго пристрастія архіереевъ къ своимъ любимцамъ	583

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Прочитывая перечисланное уже набыло свое сочиненіе, я къ искреннему сожалѣнію замѣтилъ въ немъ большое количество разнообразныхъ недостатковъ. Многіе не только мысли, но и выдержки изъ сочиненій, даже факты встрѣчаются въ нѣсколькихъ отдѣлахъ. Потомъ о нѣкоторыхъ предметахъ, какъ напр. о богатствѣ монастырей, я говорилъ не въ одномъ мѣстѣ. Попадаются дѣльные отдѣлы, которые требуютъ болѣе основательнаго и логическаго изложенія, нежели какъ это много сдѣлано. Въ одномъ мѣстѣ встрѣчаются недомолвки, надобно бы дополнить; — въ другомъ излищки, — надобно бы ноеократить кое-что; — тамъ видна небрежность въ слога, недостатокъ строгой послѣдовательности между свѣдами — періодами, — надобно бы исправить ихъ и пр. и пр. Повторяю: все это я увидалъ и знаю, что все это мнѣ повредитъ въ глазахъ будущихъ моихъ читателей, облегчить для моихъ недоброжелателей возможность осмѣять и разкритиковать мое сочиненіе. Нѣсколько времени даже я думалъ о томъ, не принятъ ли вновь за передѣлку, но . . . рѣшился напечатать его, не смотря на все перечисленные и многіе другіе недостатки. Опасаюсь, что бы такая иновѣдь не показалась даже обидною для читателей, признакомъ

моей невнимательности къ публикѣ; сознавать самому и видѣть необходимость исправить недостатки сочиненія и м. т. торопиться изданіемъ его, когда никто о томъ не проситъ — не значить ли пренебрегать общественнымъ мнѣніемъ? Выслушайте г. ч. мое оправданіе и потомъ судите меня.

Слѣдившіе за ходомъ духовныхъ дѣлъ, вѣроятно, не забыли еще того грустнаго впечатлѣнія, которое въ 1863 г. произведено было появленіемъ новаго устава для духовныхъ семинарій. Всѣ почти наставники духовно-учебныхъ заведеній, кромѣ большой части монашествующихъ лицъ между ими, всѣ почти члены блага духовенства, которымъ удалось прочитать новый уставъ, или ознакомиться съ нимъ изъ разговоровъ, всѣ тѣ, которые, не принадлежа къ духовному званію, между тѣмъ желаютъ ему добра; всѣ съ беспокойствомъ спрашивали себя: „что будетъ съ духовными училищами, а потомъ и со всѣмъ духовенствомъ, когда новый уставъ во всей своей силѣ приведется въ исполненіе. Къ счастью періодическія изданія не только свѣтскіе, а даже духовныя, равнымъ образомъ академическія конференціи и многіе комитеты, устроенные по епархіямъ, обнаружили недостатки устава, а потомъ мало по малу толки о немъ позамогли; распространилась даже молва, что онъ отложенъ въ сторону.

Но въ 1864 г. заговорили, что новый уставъ рѣшились ввести и уже представили на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, гдѣ впрочемъ будто бы онъ былъ принятъ съ неодобреніемъ и оттуда даже возвращенъ въ синодъ для исправленія. Другой слухъ состоялъ въ томъ, что уставъ думаютъ и надѣются ввести безъ шума, *потихохоньку*, отдѣльными предписаніями, постепеннымъ отмѣненіемъ прежнихъ постановленій. Наконецъ поговаривали, что о преобразованіи духовно-учебныхъ заведеній начальство ихъ перестало и думать; пусть они остаются тѣмъ, чѣмъ-

до сихъ поръ были. Въ то же самое время вопросъ объ улучшеніи быта всего вообще духовенства сильно тревожилъ и волновалъ всѣхъ тѣхъ, которые имъ интересовались. Одни говорили, что у монашескую властей готовы проэскты въ родѣ новаго устава семинарій, посредствомъ которыхъ положеніе духовныхъ лицъ сдѣлается еще хуже нынѣшняго. Большая же часть была увѣрена, что все останется въ прежнемъ порядкѣ, или безпорядкѣ; что только *попишутъ, устанутъ и потомъ писать перестанутъ*.

Въ это-то время многіе наставники духовно-учебныхъ заведеній многіе лица изъ блага духовенства а также и свѣтскіе люди, которые не относились равнодушно къ ходу духовныхъ дѣлъ, — всѣ они поговаривали: „очевидное дѣло, что свѣтское правительство искренно желаетъ улучшить положеніе блага духовенства и духовно-учебныхъ заведеній, но по утвердившимся отношеніямъ между имъ и высшимъ духовнымъ начальствомъ само собою не можетъ рѣшиться на нововведеніи; а между тѣмъ монашескую духовенство на верхнихъ ступеняхъ іерархіи пренятствуетъ всѣмъ предполагаемымъ улучшеніямъ или не торопясь ускореніемъ ихъ, или доказывая, что въ нихъ даже нѣтъ и надобности, — что все идетъ и безъ того хорошо, или ограничиваясь такими мѣрами, которыя благопріятствуютъ только монашеству. Какъ бы, въ это время поговаривали, хорошо было, если бы кто либо рѣшился со всею искренностію и съ возможною подробностію сказать всю правду о положеніи блага духовенства и его училищъ, описать крайне бѣдственное ихъ положеніе, — но описать не въ отдѣльныхъ эскизахъ, а въ общей одной картинѣ. Тогда свѣтское правительство, узнавши всю, такъ сказать *подноготную*, всѣ секреты внутренней жизни духовенства, найдетъ и само средства предпринять необходимыя преобразованія, или заставить мо-

нашествующее начальство спсѣшить ими. Да и самое это начальство, когда сдѣлается извѣстно вся *подготовная*, не отважится *откладывать въ длинный ящикъ* то, чѣмъ въ настоящее время прежде всего бы слѣдовало заняться, и не станетъ предлагать рутинныя, отсталыя, палліативныя мѣры, посредствомъ которыхъ ничего не улучшается.“

Не скрываю отъ читателей, что нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ предлагали мнѣ этимъ дѣломъ заняться, да я и самъ не прочь былъ отъ того. Одно особенно обстоятельство меня останавливало. Всю правду о духовенствѣ и духовныхъ училищахъ; по к. м. большую и важнѣйшую часть ея, высказать въ нѣсколькихъ печатныхъ листахъ невозможно; требовалось для этого большое, не однотомное сочиненіе, на составленіе котораго нужно много времени и трудовъ. А между тѣмъ говорили, что духовное начальство спсѣшить поскорѣе или совсѣмъ оставить всякую мысль о преобразованіяхъ, или ограничиться такими нововведеніями, которыя будутъ похожи на новой уставъ семинаріи. Сочиненію моему надобно было явиться въ свѣтъ прежде, нежели тотъ или другой изъ этихъ шаговъ будутъ сдѣланы, потому что помочь продолженію того, что начато, но еще не конечно, не брошено, гораздо легче, нежели расположить другихъ къ возстановленію того, что оставлено, или къ отмиженію того, что недавно еще приведено въ исполненіе; вѣдь напр. смѣшно же было бы писать теперь объ уничтоженіи крѣпостнаго права. Такимъ образомъ надобно было мнѣ спсѣшить своею работою, чтобы она была своевременною; а работа эта требовала усидчиваго и продолжительнаго труда, копотливой, утомительной, и напряженной дѣятельности, крѣпкаго здоровья, возможной свободы отъ другихъ занятій, — всѣ эти условія не для всякаго возможны.

Послѣ колебанія, которое къ сожалѣнію продол-

жалось 2—3 мѣсяца, я рѣшился *рискнуть*, — да, именно рискнуть и временемъ и здоровьемъ и можетъ быть даже собою, — рискнуть на составленіе этого сочиненія. Первая для него тетрадь взята, первыя его страницы мною написаны 22 Іюля 1864 г. День этотъ избранъ мною совершенно случайно, безъ всякаго преднамѣреннаго плана; уже послѣ я замѣтилъ, что въ этотъ день русскій народъ празднуетъ тезоименитство своей Матушки — Царицы. Эхъ! если бы ей сдѣлались вполнѣ известными тѣ страданія, которыя описаны мною: Ея бы материнское сердце тронулось ими и . . . Но мнѣ мечтать теперь, особенно мечтать о своемъ счастьи не время, *нужно поодить, да пододить*. Сочиненіе мое было окончено вчернѣ въ концѣ мая 1865 года. Положите его, г. ч., на одну свою руку и взвѣсьте на ней; и чрезъ этотъ даже способъ, я думаю, догадаетесь, что оно было для меня *тяжелою работою*; болѣе 900 листовъ написано мною своею рукою въ десять мѣсяцевъ. Но трудъ не ограничивался этимъ однимъ. Мнѣ нужно было пересмотрѣть множество книгъ и сдѣлать изъ нихъ огромныя выписки. Во многихъ книжкахъ журналовъ конечно я только прочитывалъ одни главныя статьи и, не найдя ничего относящагося къ моему предмету, отлагалъ въ сторону. Въ другихъ пересматривалъ одну какую либо статью, для меня нужную! Многія читалъ, но ничего не нашолъ нужнымъ выписать изъ нихъ, но гораздо большее количество читалъ, и выписывалъ изъ нихъ; всѣхъ вообще книгъ въ это время, отчасти пересмотрѣно, отчасти прочитано мною до 500. Пусть кто либо попробуетъ сосчитать тѣ цитаты, которые у меня разсыяны по всему сочиненію; пусть припомнить онъ, что для нѣкоторыхъ вычисленій мнѣ нужно было справляться съ каждымъ изъ отчетовъ Об. Прокурора Св. Синода съ 1836 до 1861 г.; тогда вѣроятно, повѣритъ словамъ моимъ. Потомъ изъ желанія

собрать побольше фактовъ и приобрести нужныя мнѣ книги я сдѣлалъ поѣздку не въ одно мѣсто. Наконецъ въ тѣже 10 мѣсяцевъ я старался заводить разговоръ со многими изъ своихъ знакомыхъ и незнакомыхъ, которымъ извѣстны и духовенство и духовныя училища, — заводить разговоры съ тѣмъ, чтобы отъ нихъ собрать нужныя мнѣ свѣдѣнія, и узнанное мною записывалъ въ особой тетради, потому что упомнить было трудно. Т. о. всѣ выписки изъ разныхъ прочитанныхъ мною сочиненій и замѣтокъ о томъ, что я узнавалъ изъ разговоровъ, набралось болѣе 120 листовъ. Все это говорю не изъ хвастовства, а съ намѣреніемъ показать, что глубоко вдумываться во всѣ частности, заняться отдѣлкою мелкихъ подробностей моего сочиненія у меня не доставало времени. Трудъ былъ большой, нужна была посѣпшность. Признаюсь, что еслибы я сначала предвидѣлъ громадность труда, предстоявшаго мнѣ въ теченіи 10 мѣсяцевъ, если бы зналъ, что мнѣ придется сдѣлать 120 листовъ выписокъ и написать своею рукою слишкомъ 900 листовъ, то . . . к-ся, не рѣшился бы взяться за дѣло. И теперъ даже не понимаю, какъ мнѣ удалось хоть какъ нибудь съ нимъ справиться тѣмъ болѣе, что я не имѣю поводовъ хвалиться своимъ здоровьемъ.

Сочиненіе вчернѣ написано; нужно было его перечитать, кое-что исправить, кое-гдѣ пополнить, или сократить и потомъ переписать. И это все сдѣлано. Вотъ тутъ-то я замѣтилъ всѣ недостатки, о которыхъ сказалъ въ началѣ предисловія. При другихъ обстоятельствахъ я и не подумалъ бы, не исправивши ихъ, приступить къ печатанію. Но особенность моего положенія заставила меня дѣйствовать иначе. Что бы исправить сочиненіе такъ, какъ слѣдуетъ по моему мнѣнію, и послѣ переписать его, для этого бы потребовались еще 3—4 мѣсяца, если не болѣе; а между тѣмъ время благоприятное для появленія моего труда

въ свѣтъ проходить и можетъ совершенно пройти. При этомъ столкновении противоположныхъ побужденій я такъ разсуждалъ: „ознакомиться съ тѣми фактами, описаніемъ которыхъ я занимался въ своей книгѣ, и даже съ частными моими замѣчаніями, въ ней высказанными, не бесполезно будетъ для тѣхъ, кто желаетъ помочь улучшенію духовно-учебныхъ заведеній и бѣлаго духовенства; можетъ быть въ этомъ я и ошибаюсь, но по к. м. такъ думаю. Эти факты и замѣчанія конечно произвели бы на читателя лучшее впечатлѣніе, если бы изложены были безъ тѣхъ недостатковъ, которыми страдаетъ мое сочиненіе. Но за всѣмъ тѣмъ они не теряютъ своей силы; скучно будетъ читать, а самый фактъ или замѣтку нельзя же за это одно признать ни къ чему негодными; значить, дѣло, котораго являюсь адвокатомъ, немного еще проигрываетъ, а можетъ быть даже и ничего не теряетъ. Съ другой стороны, вполнѣ исправивши свое сочиненіе, я, какъ авторъ, много бы выигрывалъ. Оставалось мнѣ или защитить свою литературную репутацію отъ будущей критики, но между тѣмъ пропустить, пожалуй, время, когда мое адвокатство хоть сколько нибудь можетъ быть полезно моему кліенту, или пожертвовавъ своимъ самолюбіемъ, поспѣшить хоть что нибудь сказать въ пользу его пока еще не ушло безвозвратно благоприятное время.“ Вотъ г. ч. какъ я разсудилъ! Судите меня, какъ знаете; я предъ вами высказалъ свои задушевныя мысли.

Обращаю теперь мое слово не столько ко всѣмъ моимъ читателямъ и критикамъ, сколько къ моимъ недоброжелателямъ, въ которыхъ, по напечатаніи моего сочиненія, недостатка не будетъ; по всей вѣроятности я наживу даже неумолимыхъ враговъ. Есть русская пословица: *насильно милымъ не будешь никому*; и мнѣ, р-ся, смѣшно же было бы просить всѣхъ, что вотъ де любите и жалуйте меня, — тако-

то господина, или отца, или просто добраго молодца. Но съ другой стороны и къ нелюбимымъ людямъ можно и должно имѣть снисхожденіе, оцѣнивать ихъ поступки по тѣмъ побужденіямъ, которымъ они руководствовались. Мнѣ отъ своего сочиненія нельзя ожидать никакихъ выгодъ. Въ финансовомъ отношеніи я уже многонокко истратилъ на него деньженокъ, еще болѣе истратится ихъ на напечатаніе, но продажа книгъ будетъ самая ограниченная; тутъ, к-ся, счастливъ буду я, если не понесу убытка въ нѣсколько сотъ рублей. О литературной, авторской извѣстности тоже нечего думать, моей фамиліи и не будетъ напечатано на книгахъ; за границую ея интересоваться нѣтъ никому надобности; проникнетъ ли сочиненіе мое въ Россію, многими ли читается, узнаютъ ли имя автора, — еще *темна*, какъ говорятъ, *вода во облацяхъ воздушныхъ*. Можетъ быть кто либо и станетъ считать меня авторомъ, можетъ быть, чего добраго, скажетъ даже комплиментъ мнѣ; но по всей вѣроятности мнѣнія о личности автора этой книги будутъ различны за недостаткомъ на ней вывѣски. Притомъ, правду сказать, кажется, надобно мнѣ и желать, да я и принимаю мѣры къ тому, что бы о моемъ авторствѣ и даже существованіи не догадывались; въ бмъ отдѣлѣ объясню, что мнѣ даже грозить не малая опасность, если я сдѣлаюсь извѣстнымъ, какъ авторъ этихъ книгъ. Далѣе написать болѣе 900, чуть не 1000 листовъ въ теченіи 10 мѣсяцевъ, при разныхъ препятствіяхъ, слишкомъ годъ не знать почти отдыха; рисковать своимъ здоровьемъ, чувствовать отъ утомленія и головокруженія, и онѣмѣніе въ правой рукѣ, и стѣсненіе въ груди и расстройство желудка, и общее изнеможеніе, — во всемъ этомъ нѣтъ большаго удовольствія. Чтоже меня могло поддерживать и воодушевлять въ этой изнурительной, продолжительной, неблагодарной и даже опасной работѣ? Вѣрьте; или не вѣрьте, а я скажу, что

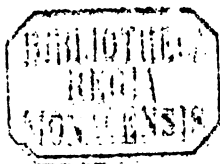
я находилъ утѣшеніе въ той мысли: авось либо мой трудъ будетъ полезенъ духовно-учебнымъ заведеніямъ и бѣлому духовенству. Такую надежду считать маіею, или признакомъ разстройства умственныхъ моихъ способностей нельзя; прочитайте мое сочиненіе; вѣрно, убѣдитесь, что я писалъ его въ здоровомъ умѣ. Такъ если кому либо мои мысли не понравятся, если даже сдѣлаютъ его моимъ врагомъ, то пусть онъ приметъ во вниманіе честныя и безкорыстныя побужденія. Уважьте хоть ихъ. Вѣдь человекъ въ полномъ умѣ предпринявшій тяжелый, неблагодарный, даже опасный трудъ съ единственною цѣлю оказать посильную помощь страдающимъ отъ разныхъ безпорядковъ сотнямъ тысячъ, если не стоитъ уваженія, то и не заслуживаетъ гоненія, о немъ только можно пожалѣть, пожалуй, еще надъ нимъ посмѣяться. Жалѣйте, смѣйтесь, но книги мои прочитайте.

Надобно еще мнѣ извиниться въ одной новости, которую я допустилъ при печатаніи своихъ книгъ. Мнѣ хотѣлось по возможности уменьшить число страницъ ея. Для этого между прочимъ я рѣшился тѣ слова, которыя часто въ ней встрѣчаются писать сокращенно. Съ перваго раза, разумѣется, это покажется для непривычнаго читателя неприятно, но, кажется, можно скоро это замѣтить; для облегченія я въ началѣ обѣихъ частей припечаталъ эти сокращенія. Кромѣ того допустилъ я нѣкоторыя отступленія отъ принятой орфографіи, замѣнивши знаменитую *фиту фертомъ*, и печатавши нѣкоторыя слова такъ, какъ они произносятся напр. *тяжолый, чорный, шолъ, учоный* и т. п.

СОКРАЩЕННЫЯ СЛОВА.

б. ч. — большею частію.
в-біе — высокопреподобіе.
в. с-но — выше сказано.
г. ч. — господинъ читатель.
д-во — духовенство.
д-вомъ духовенствомъ.
книга: о с. д. — книга о сельскомъ духовенствѣ.
книга: о у. д. у. — книга объ устройствѣ духовныхъ училищъ.
к-рія — консисторія.
к-ся — кажется.
м. т. — между тѣмъ.
м-во — монашество.
м-омъ — монашествомъ.
м-щій — монашествующій.
м. б. — можетъ быть.

о. — отецъ }
о. о. — отцы } когда стоятъ предъ
                  } словами протоіерей, архимандрить и пр.
Об. Пр-ръ — Оберъ-Прокуроръ.
п. ч. — потому что.
по к. м. — по крайней мѣрѣ.
Пр-во — Преосвященство.
р-ся — разумѣется.
св-и-ц-сл-ль — священно и церковно-служитель.
св-и-ц-сл-скій — священно и церковно-служительскій.
слѣд. — слѣдовательно.
т. е. — то есть.
т. о. — такимъ образомъ.
т. с-ть — такъ сказать.

Отдѣлъ 1ый.

Противорѣчіе въ мнѣніяхъ о благосостояніи бѣлаго д-ва.

Разсматривая положеніе русскаго православнаго д-ва, выслушивая мнѣнія лицъ едва ли не всѣхъ сословій въ государствѣ объ этомъ предметѣ, — почти постоянно сталкиваешься съ странными противорѣчіями и почти неизбежно даходишь до противоположныхъ заключеній. Поѣзжайте вы въ любое изъ селъ, гдѣ вмѣстѣ съ д-омъ живутъ крестьяне, — вы часто замѣтите, что дома перваго отличаются предъ крестьянскими обширностію, внѣшнею отдѣлкою, стоятъ, не всегда сбочаясь на стороны, не кланяются вамъ, смотрять на васъ иногда какъ-то весело и привѣтливо. Войдя въ нихъ, вы не вездѣ встрѣтите, особенно у священниковъ, простую крестьянскую избу, которой половина занимается печью и чуланомъ, а другая составляетъ рабочую, спальню, столовую, даже пріютъ для молодыхъ телятъ, ягнятъ, цыплятъ по к. м. въ холодное время. У многихъ духовныхъ лицъ, особенно священниковъ, сестъ въ избѣ маленькая прихожая, нѣчто въ родѣ залы или гостиной, небольшая спальня и чуланчикъ для кухни, а часто кухня находится въ особой избѣ; жилые, приемные покои, или, какъ говорятъ, горницы раздѣлены на три-четыре комнаты, не имѣютъ лавокъ, но установлены стульями, креслами, даже диванами, оклеены часто обоями, нагрѣваются не русскою, а голландскою печью. Не всегда тутъ опрятно, не все прибрано къ мѣсту, но за всѣмъ тѣмъ видѣнъ комфортъ, маленькое довольство, отзывается городомъ; ясное дѣло: здѣсь живетъ уже не мужикъ. Если вы вздумаете спросить крестьянина: а что? каково живетъ ваше д-во? то почти всегда услышите: „попы

что ль? что имъ дѣлается? податей не платятъ, повинностей никакихъ не несутъ, постоя не знаютъ, земли у нихъ много, унавозить ее имъ есть чѣмъ, вспахивать ее и убирать хлѣбъ мы помогаемъ, доходъ отъ насъ большой; чего они отъ насъ не берутъ? и деньги за всякую потребу, и хлѣбъ осенью, и яйца съ смѣтаной въ петровки и пр. Эхъ! имъ житье не то, что нашему брату.“ Когда въ 1863 у 1864 году, по распоряженію палатъ государственныхъ имуществъ, спрашивали крестьянъ, не согласятся ли они принять на себя обязанность улучшить бытъ лицъ приходскаго д-ва, то б. ч. они съ какимъ-то изумленіемъ отвѣчали: „да развѣ имъ плохо? на что же лучше имъ житья? А если плохо стало жить нашему попу, то пусть ищетъ себѣ другаго мѣста, а къ намъ охотниковъ будетъ много.“ Потомъ разговарившійся съ вами крестьянинъ въ праздникъ прибавитъ, если идетъ по улицѣ дочь, или жена священника, дьякона и пр. „вотъ посмотри, батюшка, какъ ихъ дочери и жены одѣты; не то, что наши дѣвки и бабы.“ И дѣйствительно болѣе уже 20 лѣтъ, какъ женская половина бѣлаго д-ва оставила кокошники, подзатыльники, повязки, сарафаны, сукни, полушубки и шубы овчинныя, бугаи, чоботы, лапти и пр, ситцевъ уже давно господствуетъ въ домахъ св-и-ц-сл-скихъ. А нынѣ вы тутъ встрѣтите не только ситцевыя, но шерстяныя и шолковыя платья, кринолины, мантильи, бурнусы, накидки, чепцы, шляпки даже à la Garibaldi, — услышите, пожалуй, толки о модахъ, иногда, хотя и рѣдко, встрѣтите модную картинку. Если бы вы вздумали съ мужикомъ не согласиться касательно его отзыва о д-вѣ, то онъ, по всей вѣроятности, прибавилъ бы: „что вы говорите объ ихъ бѣдности? Вотъ нашъ попъ недавно отдавалъ дочь за мужъ, — тоже за попа; ахъ, Господи, чего-то тутъ не было? цѣлыхъ три сундука повезли однихъ платьевъ, да денегъ дано двѣ, или три тысячи. Какая тутъ бѣдность, батюшка!“

Изъ села не угодно ли вамъ будетъ отправиться въ городъ? Здѣсь, конечно, дома св-и-ц-сл-лей не занимаютъ перваго, даже втораго мѣста по своей огромности и пышной отдѣлкѣ; многіе изъ нихъ бѣдноваты, по к. м. небогаты. Только въ уѣздныхъ городахъ иногда дома протоіереевъ и нѣкоторыхъ священниковъ могутъ считаться лучшими въ городѣ. Но если обратитесь къ городскимъ обывателямъ съ тѣми же вопросами, которые вы дѣлали въ селахъ о д-вѣ, то опять подумаете, что оно и здѣсь благоденствуетъ. И мѣщанинъ и средней руки купецъ, мелкій чиновникъ стануть говорить вамъ не безъ зависти особенно о священникахъ:

„какъ имъ не жить? Дѣла у нихъ почти нѣтъ никакого; служба легкая, не обременяетъ головы, не изнуряетъ здоровья. А м. т. доходы хорошия, мѣсто спокойное и надежное; нечего бояться, ни отставки за штатомъ, или по второму пункту, ни перевода куда нибудь зо три-девять земель въ тридесатую губернію, ни торговаго кризиса, ни упадка кредита.“ Въ самихъ домахъ нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ, особенно священниковъ вы найдете многіе признаки довольства и даже роскоши; на окнахъ кисейныя занавѣски и даже шолковые драпри, въ комнатахъ мебель, пожалуй, орѣховаго, или краснаго дерева, большія зеркала, недурные ковры; дочери, — это уже не сельскія дѣвушки, а барышни, безъ кринолина, не сидятъ даже и дома, безъ зонтика не выходятъ изъ квартиры; платья частенько заказываютъ мѣстнымъ модисткамъ, разряжены бываютъ по послѣднимъ уѣзднымъ, или губернскимъ модамъ. Между мебелью нерѣдко замѣтите фортепіано, или рояль, услышите игру на нихъ, или пѣніе не всегда на русскій ладъ, а на манеръ итальянскихъ тра-ла-ла. Мальчики — помоложе, пока не поступили въ училище, ходятъ въ ситцевыхъ, а иногда и въ шолковыхъ рубашечкахъ съ узорами на подолахъ, въ казакинахъ, камзолахъ, кучерскихъ поддевахъ, — настоящіе баричи, или барченки. А если есть въ городѣ женская гимназія, или какой либо пансіонъ, то отъ духовныхъ барышенъ услышите фразы французскія. Онѣ не очень многочисленны, но если на вопросъ „parlez-vous français“ вы отвѣтите отрицательно, то увидите легкую саркастическую улыбку. На вечерахъ даже танцуютъ, и въ этомъ случаѣ, къ ужасу и негодованію начальниковъ семинаріи, участвуютъ семинаристы-дѣти городского д-ва.

Ничего еще здѣсь не сказано о самыхъ духовныхъ лицахъ мужскаго пола. Во всемъ блескѣ можно видѣть ихъ въ торжественныхъ парадныхъ случаяхъ, напр. во время храмовыхъ праздниковъ, при представленіяхъ къ епархіальнымъ властямъ, если послѣднія любятъ, чтобы ихъ подчиненные одѣвались хорошо, — при визитахъ въ помѣщичьи дома, при приѣмѣ почетнѣйшихъ гостей. Даже въ селахъ при многихъ изъ такихъ случаевъ вы увидите, какъ священникъ идетъ торжественно, опираясь на трость съ серебрянымъ набалдашникомъ, частенько въ шолковой рясѣ, изъподъ которой выглядываетъ шолковый же, или шерстяной хорошій подрясникъ съ широкимъ, вышитымъ по канвѣ поясомъ; мнѣ не рѣдко случалось видѣть и дьяконовъ въ подобной одеждѣ; даже причетники въ подрясникахъ изъ хоро-

шаго сукна, или бумажной, шерстяной или шолковой матеріи, подпоясанные большими кушаками, имѣя распущенные, но съ искусствомъ прибранные волосы, представляютъ оригинальную конечно, но все-таки довольно хорошую картину, въ которой какъ будто бѣдности вовсе не видно. На богатыхъ же священникахъ и протоіереяхъ, особенно въ городахъ, можно иногда встрѣтить великолѣпныя рясы изъ бархату и дорогихъ шолковыхъ матерій; такъ что въ этомъ отношеніи сертуки, фраки, пальто и пр. кажутся бѣдными.

Но верхомъ матеріальнаго блаженства, любимую мечтою всѣхъ духовныхъ лицъ считаются св-и-ц-сл-скія мѣста въ Петербургѣ. Тутъ и дьячки получаютъ больше и живутъ лучше наставниковъ семинаріи и даже академіи, или помощниковъ столоначальниковъ и даже столоначальниковъ; дьяконамъ въ финансовомъ отношеніи позавидуетъ и начальникъ отдѣленія; а священники и протоіереи? Квартіры ихъ въ церковныхъ домахъ съ отопленіемъ иногда составляютъ предметъ зависти директоровъ департаментовъ, — настоящія — генеральскія; еслибы нажимать ихъ въ частномъ домѣ, то пришлось бы заплатить тысячу, а иногда двѣ тѣсячи и 6. руб. Убранство этихъ квартиръ — великолѣпно; лучшая мебель, — даже Гамбса и Тура, богатые ковры на полахъ въ гостиной, кабинетѣ и спальнѣ, богатѣйшія на окнахъ занавѣски и драпри, иногда даже ливрейные лакеи, а на стѣнахъ — весьма хорошія картины. Особенно же провинціальное духовное лицо удивится вечерамъ, или баламъ, которые бывають у петербургскихъ священниковъ и протоіереевъ по случаю именинъ, храмовыхъ праздниковъ, свадебныхъ пировъ и пр. Лампы и люстры ослѣпляютъ, пышные наряды дамъ и дѣвицъ чаруютъ зрѣніе; танцы увлекательны; музыка изъ 7—10 инструментовъ; богатый обѣдъ, или ужинъ, приготовленные гастрономически; вина если не отличныя, то въ обилии; тосты многочисленны, шампанское искрится въ бокалахъ; я зналъ недавно скончавшагося протоіерея, который любилъ хвалиться тѣмъ, что, при выдачѣ его дочери за наставника духовной академіи, у него вышло одного шампанскаго на 300 руб. с. Словомъ сказать, съ матеріальной стороны жизнь петербургскаго д-ва составляетъ предметъ зависти даже крупныхъ чиновныхъ особъ, которыхъ немалое количество можно встрѣтить на обѣдахъ и ужинахъ у священниковъ и протоіереевъ. А извѣстно всему міру, что ихъ Превосходительства только по гастрономически-уважительнымъ причинамъ являются на вечера къ непревосходительнымъ особамъ.

Поднимитесь еще повыше, поговорите съ аристократіей коммерческой, чиновнической и родовой; и тутъ вы встрѣтите многихъ лицъ, которыя завидуютъ положенію конечно уже не причетниковъ, или священниковъ, а монастырскихъ и епархіальныхъ начальниковъ. Послѣ я подробно стану говорить о всемъ м-вѣ вообще, а теперь замѣчу только, что многіе настоятели монастырей, особенно знаменитыхъ, ректоръ семинаріи и архіереи дѣйствительно могутъ казаться самой аристократіи благоденствующими

Т. о. еслибы какой либо путешественникъ, хорошо владѣющій русскимъ языкомъ, объѣзжая Россію, поговорилъ о д-вѣ съ крестьянами, горожанами, чиновниками, купцами, даже аристократами, еслибы онъ не ознакомился съ самимъ д-вомъ, то въ своихъ путевыхъ запискахъ, по всей вѣроятности, написалъ бы, что оно благоденствуетъ въ Россіи, составляетъ предметъ зависти всѣхъ сословій, что жалобы на его бѣдственное положеніе несправедливы.

Тотъ же путешественникъ составитъ совсѣмъ другое понятіе о матеріальномъ и моральномъ положеніи д-ва, если измѣнить, т. с-ть, Standpunkt своихъ наблюденій, сблизится съ самимъ д-вомъ и непосредственно вникнетъ въ его бытъ. Пусть онъ для этого поживетъ подолѣе въ селахъ, особенно въ лѣтнюю рабочую пору. Тутъ конечно не вездѣ и не всегда, но и нерѣдко онъ увидалъ бы, что идетъ по улицѣ человекъ иногда босой, или въ такъ называемыхъ калишкахъ (изношенные старые сапоги, отъ которыхъ отрѣзаны голенищи) съ непокрытою, пожалуй, головою, или обвязанный загрязненнымъ платкомъ, или въ старой засаленной, потертой шляпѣ. Борода его не причесана, волосы распущены, или завязаны въ безобразный пучокъ; кромѣ рубахи и исподнего платья, — на немъ ничего нѣтъ. Идетъ онъ за сохою, бороною, возомъ сѣна, соломы и т. п. запыленный, загорѣлый и даже загрязненный. И этотъ человекъ — не причетникъ только и дьяконъ, а даже иногда и священникъ, которыхъ богатству и благодѣянію такъ завидовалъ мужикъ. *Странно было бы видѣть въ немъ счастливица!* Подите на дворъ, гумно, на луга его. На дворѣ онъ запрягаетъ и распрягаетъ лошадь, убираетъ ее въ конюшнѣ, наваливаетъ навозъ на телѣгу; на гумнѣ, или на току у авина, или рыги онъ молотитъ на ряду съ прочими, утомленный ложится на снопы, или даже прямо на землю, задыхается отъ утомленія,тираетъ мозолистою рукою потъ съ лица; на лугу тащитъ на носилкахъ огромныя кошны сѣна, иногда по колѣна уходя въ тину, если лугъ болотистъ, мечетъ длиннѣйшими вилами

сѣно на высокой стогъ. Участницами во всѣхъ этихъ и другихъ работахъ вы около него спишкомъ часто найдете тѣхъ дамъ и дѣвицъ, которыхъ вы недавно въ праздникъ видѣли въ криполинахъ, чепцахъ, шляпкахъ à la Garibaldi. *Не ужели это тѣ счастливицы, которымъ мужики такъ завидуютъ?* Пусть потомъ постарается путешественникъ въ непраздничный день застать этихъ счастливицевъ за обѣдомъ, ужиномъ, но не приготовленныхъ къ посѣщенію. Въ скоромный день щи часто безъ говядины, а забѣленные сметаной, кислое молоко, каша съ молокомъ. Въ постные же дни, которые свято соблюдаются по церковнымъ постановленіямъ, на столѣ стоитъ чашка размоченныхъ сухарей; воду изъ нея выливаютъ, и она считается лучшимъ питьемъ; затѣмъ наливаютъ квасу, подбавляютъ толченого луку. Это блюдо No. 1, т. с — ть, холодное; потомъ слѣдуетъ No. 2, щи изъ воды, капусты и нѣсколькихъ крупинокъ; и въ нихъ тоже опускаютъ сухари, а иногда забѣливаютъ сокомъ изъ конопляныхъ сѣмянъ, а въ заключеніе No. 3, гречневая каша не всегда съ постнымъ масломъ, а иногда и съ квасомъ. *Счастливицы ли это объдаютъ?*

Но люди бываютъ не рѣдко скупы и расчетливы; работаютъ до поту, спятъ мало, умѣренны въ пищѣ для того, *чтобъ приберечь котыку на черный день*. М. б. и наши несчастные счастливицы принадлежать къ этого рода людямъ. Пусть путешественникъ получше съ ними ознакомишься, приобрѣтетъ ихъ довѣріе и поузнаетъ ихъ искреннее мнѣніе о своемъ положеніи. Въ такомъ случаѣ ему придется выслушать слишкомъ длинную іереміаду, печальные рассказы о томъ, что приходится выносить духовному лицу. Причетники, особенно дьяконы почти вездѣ недовольны священникомъ; послѣдній со всѣмъ причтомъ рѣдко похвалится благочиннымъ, никогда не скажетъ добраго слова о к-ріи, шопотомъ и оглядѣвшись пожалуется и на болѣе высокую власть, опишетъ множество поборовъ, взятокъ, чуть не податей, которыя ему нужно ежегодно платить предустановленнымъ надъ нимъ властямъ, расскажетъ о притѣсненіяхъ, оскорбленіяхъ, униженіяхъ, которыя ему приходится выносить предъ своими начальниками, особенно же губернскими. Не услышитъ также путешественникъ хорошихъ отзывовъ объ отношеніяхъ причта къ прихожанамъ. То старшина съ нимъ обращается слишкомъ гордо, то помѣщикъ притѣсняетъ его, то крестьяне составляютъ противъ него или, лучше противъ его доходовъ заговоры. Все это будетъ высказано съ такими основательными доказательствами, съ такою наглядною

очевидностію, такимъ убѣдительнымъ тономъ, что нельзя не повѣрить. Мудрено такъ искусно счастливцу описывать мнимыя, а не дѣйствительныя свои непріятности!

Если путешественникъ заподозритъ искренность и правдивость разсказовъ новыхъ своихъ знакомыхъ, то пусть поприщется къ ихъ обращенію какъ съ прихожанами, такъ съ властями и даже съ совершенно посторонними людьми. Извѣстно, что счастливцы и богачи любятъ держать себя независимо, стоятъ прямо, не сгибаются не заискиваютъ милостей, говорятъ смѣло, безъ ужимокъ, безъ поклоновъ, безъ потупленныхъ очей. А духовныя лица конечно не всё, а слишкомъ многія заботятся приобрѣсть благосклонность не только властей и вліятельныхъ лицъ своего прихода, старшинъ, старостъ, головъ, богачей, помѣщиковъ, купцовъ и пр., но даже чуть не всякаго домохозяина! Какъ они, по к. м. по временамъ, стараются быть ко всѣмъ натяжно-вѣжливыми, приторно-внимательными и ласковыми! Сколько иногда поднимается хлопотъ и бѣготни въ домѣ, когда зайдетъ или заѣдетъ къ нимъ какой либо вліятельный прихожанинъ? Какъ его угощаютъ, располагаютъ къ себѣ? Объ отношеніяхъ къ духовнымъ властямъ нечего и говорить. Ниже будетъ разсказано, какъ часто посѣдѣлый заслуженный священникъ съ трепетомъ входитъ не только къ епархіальному начальнику, а дажа къ ректору семинаріи и членамъ к-ріи, съ замѣшательствомъ объясняется съ ними, точно какъ школьникъ съ суровымъ учителемъ? Какъ часто тотъ же священникъ стоитъ съ непокрытою головою предъ протоіереемъ кафедральнымъ и даже священникомъ, но членомъ к-ріи, предъ письмоводителемъ и экономомъ архіерея? А сколько тутъ истратится поклоновъ, поклоненій и пр. *Нтъ! счастливцы не любятъ такъ себя унижать!*

Но путешественникъ и послѣ этого можетъ подумать, не происходятъ ли жалобы д-ва отъ общаго людямъ недовольства своимъ положеніемъ, не объясняется ли самоуниженіе д-ва предъ властями свѣтскими и духовными и предъ своими прихожанами отъ привычки, отъ настроенія, отъ обстановки; а м. т. эти жалующіеся и униженные все-таки справедливо считаются счастливцами. И на эту мысль много опроверженій. Извѣстно, что, если какое либо званіе, или должность доставляетъ счастье и довольство, то родители всячески стараются пристроить своихъ дѣтей къ тѣмъ же должностямъ и дѣти въ свою очередь желаютъ итти по стопамъ своихъ родителей. Въ этомъ отношеніи увидимъ замѣчательную странность въ духовныхъ лицахъ. Бѣдное

запуганное сельское д-во любить видѣть своихъ дѣтей въ духовномъ же сословіи, хотя и здѣсь причетникъ мечтаетъ о сынѣ-дьяконѣ и сынѣ-священникѣ и только въ крайности отыскиваетъ ему причетническое мѣсто. Священникъ почти всегда съ душевнымъ соболѣзнованіемъ опредѣляетъ сына не только на причетническую, но даже и на дьяконскую должность. Но умные богатые священники и даже дьячки, если только можно, б. ч. стараются дѣтей своихъ вывести въ свѣтское званіе, доставить имъ возможность воспитаться въ университетѣ, или медицинской академіи. Въ этомъ случаѣ Петербургское д-во самое богатое, самое, по видимому, счастливое-служить лучшимъ доказательствомъ. Оно, особенно священники и протоиереи воспитываютъ на половину своихъ сыновей въ свѣтскихъ училищахъ, да и изъ воспитавшихся въ семинаріи и академіи тоже едва ли не половину ведутъ по свѣтской дорогѣ. Тоже самое надобно сказать и о дѣтяхъ д-ва. Бездарные, второразрядные, забившіе свою голову схоластикою, не приобрѣтшіе вкуса къ занятію науками, не понимающіе прелести этихъ занятій, — эти идутъ даже съ охотою въ духовное званіе. Оно по нимъ. Но умные, образованные семинаристы, нынѣ по к. м., бѣгутъ изъ духовнаго званія. Они рѣшаются терпѣть всё лишенія, переносить и голодь и холодъ, рискуютъ здоровьемъ и даже жизнію, чтобы только какъ нибудь поучиться въ университетѣ, или медицинской академіи. И если духовныя мѣста дѣйствительно дѣлаютъ своихъ владѣльцевъ счастливыми и богатыми, то странно, почему именно болѣе богатые, болѣе умные родители открываютъ дѣтямъ другіе роды службы? Почему опять лучшія дѣти, которымъ при 20-лѣтнемъ возрастѣ можно бы увидѣть и понять всю прелесть привольной и счастливой жизни своихъ родителей, — почему они-то именно и ищутъ выхода изъ духовнаго званія? Очевидно п. ч. въ этомъ званіи, какъ будетъ объяснено въ своемъ мѣстѣ, трудно быть счастливымъ, или по к. м. это счастье не нравится умнымъ, образованнымъ и лучшимъ людямъ, принадлежащимъ къ д-ву.

Нельзя тоже при этомъ случаѣ не обратить вниманія и на то обстоятельство, что хотя всё, по видимому, завидуютъ счастливому будто бы положенію духовныхъ лицъ, а м. т. почти никто изъ другихъ сословій не поступаетъ въ д-во, особенно бѣлое; этого мало; свѣтскія сословія неохотно даже роднятся съ нимъ, слишкомъ рѣдко берутъ невѣсть изъ поповенъ, еще рѣже выдаютъ своихъ дочерей не только за дьячка, или дьякона, но и за священника. Ниже подробно

будутъ объяснены причины этого; но теперь замѣчу только, что, по русской пословицѣ, *рыба шцетъ — идъ мубже, а человекъ — идъ лучше*; что не только всѣ сословія, вмѣстѣ взятыя, но и каждое отдѣльно, едва ли не сильнѣе духовнаго сословія. А отсюда вытекаетъ самое естественное заключеніе, что еслибы не духовныя сословія русскаго царства дѣйствительно считали положеніе д-ва счастливымъ, то какъ бы послѣднее ни ограждало привилегіями, предразсудками, постановленіями, обычаями кастовое свое положеніе, — прочія, говорю, сословія пробили, или перешагнули бы ту китайскую стѣну, которая нынѣ отдѣляетъ ихъ отъ д-ва. И если этого не дѣлаютъ, то, очевидно, что, по к. м., большинство только на словахъ считаетъ духовныхъ лицъ счастливыми и богачами, или что это счастье, это богатство достается съ такими затрудненіями и неприяностями, при которыхъ то и другое не радуютъ.

Въ заключеніе нужно еще прибавить, что большинство аристократіи духовной, магнаты церковной іерархіи, архимандриты и архіереи въ искреннихъ бесѣдахъ со своими друзьями слишкомъ жалуются на свое положеніе. Справедливость и причины этихъ жалобъ будутъ рассмотрѣны въ своемъ мѣстѣ, а теперь скажу только, что наибольшее количество этихъ магнатовъ пристраиваютъ своихъ любимыхъ племянниковъ не только не въ м-во, а даже не въ духовное званіе. А если бы они дѣйствительно были счастливы, то почему бы имъ не вести своихъ *прислугъ*, своихъ любимцевъ по той же дорогѣ, по которой сами идутъ такъ величественно, съ такою торжественною обстановкою?

Т. о. путешественникъ, производя свои наблюденія надъ д-вомъ со втораго, указаннаго мною Standpunkt'a, дойдетъ до той мысли, что положеніемъ духовныхъ лицъ восхищаться нѣтъ особенныхъ поводовъ. И такъ гдѣ же скрывается правда? Чѣмъ мы должны считать духовныхъ лицъ? Счастливыми ли, и богачами, или несчастными тружениками, загнанными, забытыми, даже убитыми горемыками? Завидовать ли имъ, или сожалѣть о нихъ? Въ этомъ недоразумѣніи обратимся къ литературѣ и администраціи; не скажутъ ли онѣ намъ чегонибудь? И притомъ спросимъ ихъ не объ одномъ только д-вѣ, но о духовно-учебныхъ заведеніяхъ которыя какъ увидимъ послѣ, имѣютъ огромное вліяніе на духовныхъ лицъ.

Обращаясь къ литературѣ, я нахожу нужнымъ предварительнымъ образомъ поговорить о томъ, почему она не высказала всего, что извѣстно обществу о д-вѣ и духовныхъ училищахъ.

Отдѣлъ 2^и

О духовной Цензурѣ.

Въ Россіи до настоящаго царствованія былъ цензурный законъ, по которому всякое вѣдомство и министерство считало себя единственнымъ компетентнымъ судьей всѣхъ книгъ, статей, даже отдѣльныхъ замѣтокъ, которыя касались его. Т. о. если въ книгѣ, или статьѣ встрѣчались факты и замѣчанія о предметахъ, относящихся къ кругу дѣятельности министерствъ: военнаго, морскаго, юстиціи, внутреннихъ или иностранныхъ дѣлъ и пр., то цензурные комитеты, бывшіе подъ начальствомъ министерства Народнаго Просвѣщенія, отсылали книгу по всѣмъ упомянутымъ министерствамъ, гдѣ она и была отдаваема на разсмотрѣніе специальному т. с.—ть, цензору. Въ случаѣ сомнѣній, или недоразумѣній онъ докладывалъ своему начальству. Въ этомъ отношеніи особенно отличалось духовное вѣдомство; тамъ много постановленій, по которымъ статьи, или книги должны разсматриваться въ синодѣ, на пр.: курсы по богословскимъ наукамъ, исторіи о Русской церкви во время синодальнаго управления и пр. Иногда же цензура представляла въ синодъ сочиненія, за пропускъ которыхъ боялась получить замѣчанія. Въ нынѣшнее царствованіе законы о специальныхъ цензурахъ были отмѣнены, кромѣ предметовъ, относящихся къ духовному вѣдомству. Вѣроятно Привѣтельство этимъ хотѣло оградить отъ нападокъ только православную вѣру, ея догматику и нравственное ученіе.

Но цензурные духовные комитеты можно назвать монашескими. Петербургскій комитетъ состоитъ весь изъ монаховъ, вызванныхъ изъ разныхъ мѣстъ собственно для исполненія обязанностей цензуры; въ комитетахъ при московской, кievской и казанской духовныхъ академіяхъ непременно тоже есть одинъ, или два члена и б. ч. Предсѣдатель изъ монаховъ; за-тѣмъ, если есть лицо изъ блага д-ва въ числѣ цензоровъ, то оно, состоя въ полной зависимости отъ м-щаго начальства, неизбѣжно усваиваетъ или, лучше, принуждено бываетъ усвоить себѣ его взглядъ на цензурныя обязанности. А давно уже извѣстно, что духовное начальство любитъ слишкомъ широко понимать свои обязанности, а иногда возводитъ на степень неприкосновенныхъ догматовъ такія мнѣнія, въ которыхъ можно усомниться всякому православному христіанину безъ опасенія лишиться царствія небснаго, что м-во всѣхъ вѣроисповѣданій и орденовъ отличается особою

чуткостью, или умѣнемъ находить ереси, неправомысліе, неблагонамѣренность, безнравственное направленіе тамъ, гдѣ мірскіе люди ничего не видятъ; не менѣе отличается особою щекотливостію касательно интересовъ своего сословія; тутъ и слабыя нападки на лица ангельскаго чина, отдаленные намеки на ихъ слабости, особенно на слабости архіереевъ считаются болѣе, нежели ересью, чуть не признакомъ безбожія. Къ такимъ-то людямъ и надобно представлять свои сочиненія если вы вздумаете говорить о такъ называемыхъ духовныхъ предметахъ, даже о злоупотребленіяхъ въ духовныхъ училищахъ, объ улучшеніи ихъ и д-ва. Читатель и самъ можетъ догадаться, что должно произойти съ авторомъ и его рукописью, когда она будетъ представлена въ духовный цензурный комитетъ и какъ нибудь затрогиваетъ монашескіе и монастырскіе интересы, хотя бы отличалась чистою, неукоризненною правдою, благороднымъ тономъ, даже деликатностію.

Прежде всего авторъ долженъ запастись терпѣніемъ. Духовные люди, особенно м-ще не очень любятъ быстроту въ движеніяхъ; медлительность есть почти отличительный ихъ признакъ. Поступившая къ нимъ рукопись можетъ пролежать долго, даже очень долго. А если еще перешлется на разсмотрѣніе синода, то какъ выражаются сами духовные, надобно ждать нѣсколько лѣтъ, — чуть не до скончанія вѣковъ. Напр. покойный протоіерей при Парижской миссіи Вершинскій получилъ разрѣшеніе напечатать свои святцы почти чрезъ десять лѣтъ по представленіи ихъ въ цензуру. Потомъ цензоръ позаботится рукопись украсить крестиками, черточками, отмітками и пр., позволить, пожалуй, напечатать ее, но съ пропусками, поправками. А если ваше сочиненіе уже очень не понравится цензурному комитету и найдено будетъ неблагонамѣреннымъ, то вамъ его не возвратятъ, увѣдомятъ всѣ цензурные комитеты о томъ, что ваша рукопись попала въ индексъ и не должна быть никѣмъ одобряема. Кое что подобное, м. б. бываетъ и въ свѣтской цензурѣ; но безъ причины же въ послѣдніе годы печатались жалобы на нее и съ ея же позволенія. Но свѣтская цензура все-таки отличается снисходительностію, по к. м. въ извѣстныхъ случаяхъ; она даже позволяетъ говорить противъ себя самой; члены ея не прикрыты всеприкрывающею монашескою рясою, не защищаются цѣлымъ сословіемъ, цѣлою кастою, не укрываются за мистическими теоріями, нравственными сентенціями, сверхестественными истинами, непогрѣшимостію доктринъ. Вы браните свѣтскую цензуру? Эхъ! познаться съ духовною, тогда первая вамъ покажется чудомъ

снисходительности. Въ этомъ случаѣ надобно отдать справедливость откровенности верховной католической власти. Извѣстно, что въ Римѣ разсмотрѣніе книгъ поручено святой инквизиціи. Вотъ это настоящій взглядъ на цензуру духовную! Инквизиція и духовная цензура, духовная цензура и инквизиція, цензоръ и инквизиторъ, инквизиторъ и цензоръ, — вотъ это, право, — откровенно!

Въ доказательство затрудненій, которыя испытываютъ авторы въ духовной цензурѣ, постараюсь привести многіе факты. Извѣстно, что цензоры, прочитывая рукописи, отмѣчаютъ краснымъ карандашомъ тѣ мысли и выраженія, которыя, по ихъ мнѣнію, не заслуживаютъ одобренія. Послѣ совокупность такихъ мыслей, высшая, или низшая степень мнимой ихъ неблагонамѣренности пишется въ отзывѣ цензора и на этомъ основаніи запрещается статья, отдается на исправленіе, или конфискуется. Я имѣлъ случай ознакомиться со многими рукописями, которыя не допущены въ печать духовною цензурою, и готовъ ознакомить читателя съ тѣми мыслями, которыя она отмѣтила краснымъ, или зеленымъ карандашомъ и слѣд. находила опасными, неблагонамѣренными и недостойными появиться въ печати. Вотъ напр. мысли, не одобренныя преимущественно петербургскимъ, вполнѣ монашескимъ комитетомъ духовной цензуры. 1) „Духовенство въ идеальномъ значеніи должно быть потребностію народа.“ 2) „Христіанство не теорія и поклонники его прежде всего должны показать на самихъ себѣ и возможность исполненія его требованій и формы истинно христіанской жизни?“ — Вѣроятно цензоръ считаетъ христіанство теоріею и думаетъ, что его поклонники, особенно монахи не должны жить сообразно съ его предписаніями. 3) „Требованіе платы за совершеніе христіанскихъ таинствъ и отправленіе богослуженія возмущаетъ истиннаго христіанина до глубины души.“ Неужели это неправда? Неужели вымогательство денегъ у прихожанъ за церковныя требы не возмущаетъ души г: цензора?“ 4) „Д-во скандализировало бы себя и проповѣдуемое имъ ученіе, если бы за свою профессію потребовало отъ общества матеріальнаго вознагражденія и притомъ въ болѣе, или менѣе опредѣленной цыфрѣ.“ Такъ неужели д-во чтобы не скандализировать христіанства, должно налагать иѣчто въ родѣ подати на общество, или таксы за таинства и требы? 5) „На преподаваніе въ семинаріи медицинскихъ наукъ семинарское начальство смотритъ неодобрительно? Что же за бѣда, если это и правда? А смотритъ дѣйствительно неблагопріятно. 6) „Всякій изъ

обыкновенныхъ людей можетъ жениться, когда ему угодно.“ Это говоритъ неизвѣстный авторъ, чтобы выставить затрудненія при женитьбѣ духовныхъ лицъ, которыя *непретменно* должны жениться прежде посвященія своего во священника и дьякона и *никакъ* не могутъ вступать во второй бракъ, не оставивъ духовнаго званія. Что же законопреступнаго въ указаніи на обычай, всёмъ извѣстный? Развѣ цензоръ думаетъ, что міряне объ этомъ не знаютъ? 7) „При свободномъ выходѣ изъ духовнаго званія духовныя лица, наживъ нѣсколько тысячъ денегъ, могли бы купить себѣ землю.“ Что тутъ цензоръ находитъ неправомыслимаго, или скандальнаго; ей Богу, ничего не придумаешь. 8) „Требуется выдержать искусь семинарскаго образованія, которое не имѣетъ привлекательнаго вида.“ Г. цензоръ! да кто же этого не знаетъ? За чѣмъ же подчеркивать эти слова краснымъ карандашомъ? 9) „К-ріи справедливо пользуются извѣстною репутаціею взяточничества.“ Помилуйте о. цензоръ! неужели вы этого не знаете? 10) „До Петра Великаго общественная жизнь въ Россіи не имѣла строго опредѣленныхъ юридическихъ формъ.“ Тутъ я совершенно не понимаю, за что красивый карандашъ подчеркнул эти слова и поставилъ противъ нихъ крестъ. Будъ это правда, или неправда, — все равно; — какая опасность отъ того грозитъ Церкви или Государству? — право не понимаю. 11) „Одинъ авторъ говорилъ, что ученики семинаріи приучаются въ своихъ задачахъ отдѣлываться нѣсколькими общими мыслями, которыя въ шутку называются *казенными*; но духовный цензоръ замѣнилъ это слово словомъ: *извѣстными*. Отъ этого смыслъ статьи измѣнился. 12) Другой авторъ доказывалъ, что можно бы епархіальными средствами давно обезпечить бѣдныхъ духовнаго званія, еслибы только епархіальныя власти позаботились объ этомъ. Въ доказательство своей мысли онъ между прочимъ указывалъ на то, что въ одной епархіи въ теченіе 10—12 лѣтъ собрано почти съ одного д-ва и употреблено на устройство и содержаніе женскаго духовнаго училища болѣе 150,000 р. Цензоръ зачеркнулъ это доказательство. 13) Въ одной статьѣ описывались многіе недостатки и злоупотребленія, существующія при опредѣленіи духовныхъ лицъ на мѣста въ Петербургѣ. Зная щекотливость епархіальныхъ властей, авторъ сказалъ, что онъ не станетъ употреблять настоящаго имени города, а будетъ въ своей статьѣ называть городъ *знаменитѣйшимъ*. Цензоръ нашолъ это инкогнито недостаточнымъ, замѣнивъ его словомъ: *извѣстный*; но вмѣстѣ съ тѣмъ вычеркнулъ изъ статьи

всѣ факты, относящіяся къ этому *известному* городу. Поэтому статья внимательно читавшимъ ее показалась смѣшною. Зачѣмъ-де автору предупреждать читателей, что онъ во всей статьѣ станетъ какой-то городъ называть *известнымъ*, когда онъ послѣ того ниразу о немъ и не упомянуть.

Редакторы журналовъ, рѣшающіеся помѣщать у себя статьи о д-ствѣ и духовныхъ училищахъ, испытываютъ подобно авторамъ, множество неприятностей и хлопотъ. Статья, к-ся, хороша, написана умѣреннымъ, благороднымъ тономъ, сообщаетъ множество новыхъ, вполне доказанныхъ фактовъ, указываетъ конечно на нѣкоторыя злоупотребленія, но за-то слова автора дышатъ искреннею любовію къ людямъ, сердечнымъ желаніемъ облегчить ихъ страданія. Редакторъ еще не вѣритъ себѣ, даетъ статью прочитатъ какому либо честному специалисту, который тоже одобряетъ ее. Но вотъ ее въ корректурѣ уже послали духовному цензору; пошла въ ходъ проволочка, работаетъ красный карандашъ, редакторъ посылаетъ за справками, его кормятъ завтраками, пересылаютъ статью для поправокъ, передѣлокъ, а м. т. книжкѣ слѣдуетъ уже выходить; наконецъ или окончательно отказываются дать согласіе на печатаніе статьи, или искажаютъ ее такъ, что редакторъ уже не находитъ нужнымъ помѣстить ее въ журналѣ. Не удивительно послѣ того, что авторы статьи о д-вѣ встрѣчаются редакторами не очень ласково. Одинъ спроситъ: „была ли она въ духовной цензурѣ?“ И когда вы скажете, что не была; то вамъ посоветуютъ сначала самимъ озаботиться полученіемъ дозволенія печатать ее. Другой, услыхавши отъ васъ о содержаніи рукописи, почти закричитъ: „нѣтъ, нѣтъ; сдѣлайте милость, увольте, досталось уже мнѣ за духовныя статьи; благодарю покорно, пожалуйте увольте.“ Третій укажетъ вамъ на полку въ шкафъ и прибавитъ: „вы доставляете статью о д-вѣ? да что мнѣ съ нею дѣлать? Вотъ смотрите у меня цѣлыя полки, или цѣлый ящикъ заваленъ такими же статьями, да духовная цензура ни одной не пропускаетъ.“ Четвертый раскажетъ вамъ, какъ онъ, или его сотрудникъ по нѣскольку разъ должны были ѣздить къ духовному цензору, выдерживать съ нимъ борьбу, чуть не бородинскую битву за мысли, за выраженія, за слова даже. Знаете ли, добавитъ онъ, что мнѣ часто одна статья о д-вѣ стоитъ гораздо болѣе хлопотъ и неприятностей, чѣмъ цѣлая книжка? Пятый, чего добраго, выслушавши васъ, спроситъ съ саркастическою улыбкою: „вы, вѣроятно, не петербургскій, не московскій житель? вѣрно вы еще въ первый разъ хотите

явиться въ печатномъ мірѣ? Вѣрно вы изъ какой нибудь провинціи? Иначе бы вы не стали писать о д-вѣ.“

Нравятся ли вамъ, г. ч., духовные цензоры? Ихъ нельзя не назвать людьми ловкими и находчивыми, когда имъ надобно запретить печатаніе какой либо книги, или статьи. Ужъ найдутъ мысли и неправославныя и безнравственныя и антипатріотическія, — все найдутъ, хотя бы статья была написана ангелами. Они въ этомъ случаѣ весьма похожи на одного изъ довѣренныхъ лицъ кардинала Ришелье, к-ся, Лобардемона; ему знаменитый кардиналъ поручалъ составлять обвиненія противъ тѣхъ Французовъ, которыхъ надобно было засадить въ бастилію, или возвести на эшафодъ. Когда любимца спросилъ какой-то его пріятель, какимъ образомъ они умѣютъ обвинять въ государственныхъ преступленіяхъ людей совершенно невинныхъ и доводить ихъ до эшафода; тогда любимецъ отвѣчалъ: „Эхъ! Это дѣло вовсе не трудное. Напишите вы строкъ пять о чемъ угодно, и увѣрю васъ, что въ этихъ строкахъ я найду доказательства, что вы измѣнникъ королю и отечеству.“ К-ся и наши духовные цензоры могутъ посоперничать съ Лобардемономъ въ искусствѣ найти въ нѣсколькихъ страницахъ, написанныхъ вами о какомъ угодно предметѣ, доказательства вашихъ неправомыслия, безнравственности, неблагонамѣреннаго направленія и на этомъ основаніи запретить замъ изданіе вашего сочиненія. Они не доведутъ васъ до эшафода, п. ч. это не въ ихъ власти, но за то подвергнутъ ваше сочиненіе множеству пытокъ и истязаній; однѣ его части, и б. самыя здоровыя, безъ милосердія отрѣжутъ; оставятъ раны или вовсе не прикрытыми, или закроютъ ихъ такими перевязками и пластырями, что и соседнія уцѣлѣвшія части покажутся безобразными; вообще такъ изуродуютъ ваше любимое произведеніе, — ваше дѣтище, что вы не порадуетсяъ появленію его на свѣтъ. Добрые цензоры и въ этомъ случаѣ вамъ помогутъ; они, вѣроятно, изъ сожалѣнія къ вамъ, — для того, чтобы вы, т. е-тъ, *не казнили*, смотря на изуродованное ваше дѣтище, не позволятъ ему и вовсе появляться на Божій Свѣтъ, даже и вамъ не отдадутъ, а помѣстятъ его *на вѣки вѣковъ* въ какую либо маленькую бастилію въ видѣ шкафа, гдѣ оно рано или поздно сдѣлается пищею мышей. Самихъ васъ конечно *не приберутъ къ рукамъ*, однакожъ не считайте себя слишкомъ безопасными. Ваша честь можетъ быть запятнана; ваше православіе заподозрится; ваше имя ста-

нетъ произноситься, *яко зло*. Эхъ! чего не бываетъ? Право, не считайте и себя въ безопасности.

Но еслибы сочиненіе было напечатано даже съ дозволенія духовной цензуры, или еслибы оно сдѣлалось извѣстнымъ безъ согласія автора, то послѣдній не можетъ рассчитывать на спокойствіе. Примѣровъ на это было очень много. Одинъ изъ теперешнихъ Митрополитовъ пользуется необыкновеннымъ авторитетомъ; его мнѣнія въ дѣлахъ православной церкви считаются почти непогрѣшимыми. А м. т. въ началѣ двадцатыхъ годовъ составленъ былъ въ Петербургѣ комитетъ изъ архимандрита Фотія, протоіерея Вѣщезерова и священника Кочетова для разсмотрѣнія вышедшихъ тогда сочиненій Высокопреосвященнѣйшаго Владыки; *молва даже готовила ему далекий путь*. Однажды уже въ концѣ тридцатыхъ годовъ спросили покойнаго Кочетова: „а что нашли вы много неправославныхъ мыслей въ сочиненіяхъ Преосвященнаго?“ — „Какъ же, отвѣчалъ онъ, все уже было подготовлено, да только со смертію Императора Александра 1-го вѣтеръ перемѣнился; и мы поспѣшили позамять какъ нибудь дѣло.“ 2) Покойный Одесскій преосвященный Иннокентій въ концѣ двадцатыхъ годовъ напечаталъ въ Христіанскомъ Чтеніи хорошую статью подъ заглавіемъ: *послѣдніе дни жизни Иисуса Христа*. Но когда въ началѣ сороковыхъ годовъ захотѣли издать ее отдѣльною книжкою, то бывшій тогда цензоромъ священникъ Андрей Райковский колебался дать дозволеніе на это и захотѣлъ напередъ посоветоваться съ присутствовавшимъ въ то время въ синодѣ Рязанскимъ архіепископомъ Гивріиломъ. „Да развѣ въ статьѣ есть что нибудь неправославное?“ спросилъ Преосвященный. Нѣтъ, неправославныхъ мыслей я не нашолъ, отвѣчалъ Райковский, но она оставляетъ въ читателѣ непріятное впечатлѣніе.“ — „Ну такъ поостерегитесь давать дозволеніе,“ прибавилъ Преосвященный. Впрочемъ статья послѣ разныхъ хлопотъ была напечатана. 3) Въ тридцатыхъ годахъ священникъ Красноцвѣтовъ издалъ священную Исторію. Изданіе все разошлось и никто не протестовалъ противъ книги; никто не объявлялъ ее неправославною; она даже была разослана въ бібліотеки всѣхъ семинарій по распоряженію тогдашней комиссіи духовныхъ училищъ. Къ несчастію автора Плюшаръ захотѣлъ его исторію издать съ картинками, напечаталъ одинъ листъ ея въ Парижѣ и представилъ его въ духовную цензуру для того, чтобы можно

было разослать его при объявленіяхъ о новомъ изданіи; цензоръ одобрилъ. Но тутъ появилась критика на несчастный листокъ съ обвиненіями въ неправославіи и автора и цензора, послѣдній прикрылъ себя однимъ изъ пунктовъ цензурнаго устава, но несчастный Красноцвѣтовъ много пострадалъ, за свое мнимое неправославіе. 4) Въ 1842 г. одно событіе показало, до какой степени опасно не только издавать книги, относящіяся къ вѣдомству духовной цензуры, но и заниматься богословскими предметами даже по своей обязанности, или, какъ говорятъ, *ex professo*. Покойный ученѣйшій и благороднѣйшій Протоіерей Герасимъ Петровичъ Павскій, бывши еще профессоромъ еврейскаго языка въ Петербургской духовной академіи, перевелъ съ еврейскаго подлинника на русскій языкъ едва ли не весь Ветхій Завѣтъ. Студенты академіи достали этотъ переводъ и отлитографировали всѣ пророческія книги въ нѣсколькихъ, какъ надобно думать, тысячахъ экземпляровъ, впрочемъ не испрашивая согласія переводчика на это. Надобно сказать, что академическое начальство знало о литографированіи пророческихъ книгъ, что чутъли не всѣ ректора семинарій и очень многіе архіереи достали отлитографированный переводъ. Но въ 1842 году три тогдашнихъ Митрополита и Об. Пр-ръ Синода получили анонимныя письма, въ которыхъ увѣдомляли ихъ объ этомъ переводѣ. Сначала дѣло не считалось ни опаснымъ, ни очень противозаконнымъ. Одинъ изъ Митрополитовъ сказалъ даже: „я давно уже говорилъ, что нужно перевести св. Писаніе на понятный русскій языкъ подъ надзоромъ св. Синода; теперешнее отлитографированіе показываетъ только, какъ сильно желаніе читать св. Писаніе въ русскомъ переводѣ.“ Потомъ онъ же вмѣстѣ съ другимъ Митрополитомъ подалъ мнѣніе о такомъ переводѣ. Не мѣсто здѣсь говорить о многихъ прившедшихъ сюда обстоятельствахъ которыя заставили другихъ важныхъ особъ смотрѣть на дѣло иначе, нежели какъ сморѣли два Митрополита. Скажу, что только съ этого времени начинается буря. Оба Митрополита должны были выѣхать въ свои епархіи, изъ которыхъ уже ни разу не были приглашаемы для засѣданія въ Синодѣ. Назначены были слѣдственные комиссіи, — главная въ Петербургѣ, и второстепенныя едвали не во всѣхъ городахъ, гдѣ находились семинаріи или академіи; требовали къ допросамъ наставниковъ и студентовъ Петербургской академіи, равно какъ и всѣхъ вообще лицъ духовнаго вѣдомства, которыя имѣли отлитографированные переводы пророческихъ книгъ, отбирали не только эти переводы, но даже и рукописи, въ

которыхъ написаны были какіе бы то нибыло переводы книгъ Ветхаго Завѣта на русскій языкъ. Одинъ умный, честный и учоный Петербургскій священникъ долго даже былъ подъ опалою за то, что онъ не согласился отдать тотъ переводъ библейскихъ книгъ, которымъ онъ самъ, какъ знатокъ еврейскаго языка, занимался. Наконецъ всѣ слѣдственныя комиссіи представили свои донесенія; собрались цѣлые воза бумагъ и экземпляровъ перевода; составился, г. с-ть, экстренный духовно-уголовный судъ; одинъ горячій членъ его (ар-тъ В-ъ) предлагалъ покойнаго Павскаго низвести въ причетника; наставниковъ Петербургской духовной академіи и многихъ духовныхъ лицъ отдали подъ секретный надзоръ епархіальныхъ архіереевъ и пр. и пр. и пр. Замѣчательно, что переводъ, изъ-за котораго такъ много было шума и такая многимъ грозила опасность, — переводъ, признанный въ 1842 году не православнымъ, по к. м. не одобрительнымъ, въ послѣднее время печатается въ Духъ Христіанина съ дозволенія духовной цензуры!!!

5) Когда былъ поднятъ, но еще не разрѣшенъ вопросъ объ уничтоженіи крѣпостнаго права, то естественнѣе всего было ожидать, что Церковь и духовенство выскажутъ особенное сочувствіе къ этому великому дѣлу; тутъ слѣдовало бы и въ духовныхъ журналахъ, и въ отдѣльныхъ брошюрахъ и съ церковной кафедрой говорить, какъ православная церковь смотритъ на рабство людей. Но была *воля тишина*; только въ Православномъ Собесѣдникѣ появились нѣкоторыя статьи, особенно одна проповѣдь, въ которыхъ, хоть и очень скромно, высказалось сочувствіе къ 20 милліонамъ Христіанъ, страдавшихъ отъ крѣпостнаго ига. Проповѣдь произвела сильное впечатлѣніе; нѣкоторыя свѣтскіе журналы перепечатали ее вполнѣ, другіе сдѣлали о ней самыя благопріятныя отзывы. Но отъ редактора Православнаго Собесѣдника и вмѣстѣ ректора Казанской академіи потребовали объясненія о томъ, какъ онъ смѣлъ печатать нѣкоторыя статьи и особенно проповѣдь, о которой идетъ рѣчь. Ни первоначальнаго запроса къ редактору, ни его объясненія я не имѣю въ рукахъ. Но вотъ что пишетъ Об. Пр-ръ редактору въ отвѣтъ на его объясненіе:

„Высокопреподобный Отецъ Архимандритъ,
Милостивый Государь!

„Письмо ваше отъ 28. февр. я имѣлъ честь получить и, признаюсь, оно не порадовало меня; съ сожалѣніемъ предвижу, что и васъ не порадуетъ мой отвѣтъ.

„Многія статьи Православнаго Собесѣдника поразили и

огорчили членовъ св. Синода, меня и многихъ другихъ. Мы были однако готовы приписать ихъ появленіе просмотру, или печальной случайности; изъ вашего же письма видно, что онѣ были напечатаны вслѣдствіе сознательнаго разочота.“

„Вы ссылаетесь на одобрительныя письма, палученныя вами. Они ничего не доказываютъ, п. ч. и до меня дошли отзывы, не только словесные, но и письменные, совершенно противоположнаго содержанія. Также мало говорить въ пользу Православнаго Собесѣдника сочувствіе выраженное ему свѣтскими журналами.“

„Эти самыя изданія многимъ доказали свое непріязненное расположеніе къ Церкви и теперь, очевидно, радуются уступкѣ, неправильно сдѣланной ею духу міра; а въ тоже время другія изданія, болѣе искреннія, не скрываютъ, что они желаютъ еще большаго униженія Церкви. Статья г. Щанова подала поводъ редактору Русскаго Дневника объявить, что у него есть множество актовъ, свидѣтельствующихъ о жалкомъ положеніи бывшихъ монастырскихъ крестьянъ; потребовались хлопоты съ моей стороны, чтобы остановить изданіе этихъ актовъ. И такъ единственное, несомнѣнное послѣдствіе нѣкоторыхъ статей Православнаго Собесѣдника то, что мы ими поставлены въ затруднительное положеніе, которое происходитъ особенно отъ невозможности отстаивать и оправдать многія мысли, имъ выраженыя. Церковь наша проповѣдывала человеколюбивое обращеніе и съ рабами и съ крѣпостными людьми (что, замѣчу мимоходомъ, не одно и тоже); но какое бѣ могъ имѣть значеніе Церковный судъ надъ крѣпостнымъ состояніемъ, когда сама церковь пользовалась онымъ (тутъ ужъ я, а не Об. Пр-ръ, замѣчу мимоходомъ, что доходами отъ крестьянъ пользовались архіереи и монахи; а у Православной, католической, апостолской, вселенской Церкви были только дѣти, или Чада — Христіане, а не рабы, или крѣпостные люди)? Еще важнѣе то, что Православный Собесѣдникъ дошелъ до явнаго разногласія съ Церковнымъ ученіемъ. Въ словѣ объ освобожденіи крестьянъ 21 стихъ 7-ой гл. 1-го посл. къ Коринф. объясненъ не только въ противорѣчіе съ славянскимъ переводомъ, принятымъ Русскою Церковью, но и съ вселенскимъ учителемъ св. Иоанномъ Златоустомъ, коего толкованіе на сіе мѣсто еще въ прошломъ году напечатано въ Христіанскомъ Читеніи. Что мнѣ послѣ этого сказать? Развѣ то, что члены св. Синода, вѣроятно, пожелають, чтобы толкованіе Златоуста на 7-ю главу 1-го посл. къ Коринф. было перепе-

чатано въ Православномъ Собесѣдникѣ; и я бы вамъ посоветовалъ сдѣлать это въ слѣдующей же книжкѣ.»

„Въ заключеніе скажу вамъ откровенно, что самое участіе академическихъ ректоровъ и профессоровъ въ разсужденіяхъ о преходящихъ современныхъ вопросахъ *весьма странно*. (!!!) Когда они проникнуты важностію своей обязанности, состоящей въ томъ, чтобы воспитывать дѣлателей для нивы Господней (и гдѣ, какъ не на этой нивѣ возникаютъ современные вопросы?), образцовъ и проповѣдниковъ для міра, во злѣ лежащаго (этотъ злой міръ тогда хлопоталъ объ освобожденіи 20 милліоновъ христіанъ отъ крѣпостнаго ига), будущую соль земли, гдѣ найдутъ они время спускаться съ такого высокаго служенія въ человѣческіе споры — житейскія дѣла (значитъ, и крестьянскій вопросъ былъ только человѣческій споръ, житейское дѣло!). Примѣровъ къ тому нельзя отыскать ни на Православномъ Востокѣ, ни въ католической Франціи, ни въ Англіи, ни даже въ Америкѣ; вездѣ бы это явилось несообразностію или, выражаясь современнымъ русскимъ, живымъ языкомъ Казанскаго Собесѣдника — *аномалию* и *регрессомъ*.“

Если Об. Пр-ръ именемъ св. Синода дѣлаетъ ректору академіи столь суровый выговоръ за сочувствіе, которое выражено было между прочимъ въ Православномъ Собесѣдникѣ къ Христіанамъ, страдавшимъ подъ крѣпостнымъ игомъ; если онъ не совѣтуетъ ни ректорамъ, ни профессорамъ академическимъ *спускаться съ высоты своего служенія* для разсужденій о современныхъ вопросахъ, то чего ожидать тому человѣку, который рѣшится описать господствующіе нынѣ недостатки и злоупотребленія въ бѣломъ, особенно въ черномъ д-вѣ. По словамъ Об. Пр-ра онъ хлопоталъ, чтобы остановить изданіе актовъ, свидѣтельствующихъ о жалкомъ положеніи бывшихъ монастырскихъ крестьянъ. Не ужели же не похлопочутъ и теперь остановить печатаніе всякаго сочиненія, которое съ полною откровенностію станеть описывать жалкое и униженное положеніе бѣлаго д-ва въ настоящее время?

Отдѣлъ 3^{ій}.

Мнѣніе русской заграничной и свѣтской отечественной литературы о православномъ д-вѣ.

Ознакомившись съ характеромъ духовной цензуры, г. ч. легко пойметъ, что даже въ нынѣшнее царствованіе откровенные, полные, добросовѣстные отзывы о д-вѣ можно найти только въ заграничной прессѣ. Съ нея здѣсь я и начинаю. Первымъ по времени, смѣлымъ по содержанию сочиненіемъ въ этомъ отношеніи надобно назвать вышедшую въ Парижѣ (1858 г.) книжку: *описаніе сельскаго д-ва*. Молва справедливо ее приписала одному сельскому священнику Тверской губерніи. Авторъ ея кончилъ курсъ только въ семинаріи; будучи родственникомъ покойнаго профессора Московскаго университета Морошкина, онъ имѣлъ возможность въ бесѣдѣ съ нимъ и другими профессорами, которыхъ онъ встрѣчалъ у него, ознакомиться съ новыми взглядами, понять горькое положеніе бѣлаго, особенно сельскаго д-ва, грубое, гордое и деспотическое обращеніе съ нимъ епархіальныхъ властей, дурное устройство духовныхъ училищъ и пр. По слухамъ профессора же университета внушили достойному уваженія пастырю мысль описать положеніе д-ва. Но, по какимъ бы то ни было побужденіямъ, рукопись была составлена едва ли еще не въ царствованіе Николая I го, передана г. Погодину, переслана за границу, напечатана въ Парижѣ и явилась въ качествѣ впрочемъ контрабанды въ нишемъ отечествѣ. Наглядность описаній, живой и увлекательный разсказъ, хорошій слогъ, такъ рѣдко встрѣчавшійся въ то время въ сочиненіяхъ духовныхъ лицъ, глубокое сочувствіе къ страданіямъ д-ва, одушевленное изложеніе, переходящее иногда въ пафосъ, — всё эти достоинства, замѣчательныя въ книгѣ, могли и сами собою понравиться публикѣ, особенно духовной. Но тутъ дѣйствовала особая причина.

О бѣдственномъ положеніи духовныхъ училищъ и д-ва, о деспотизмѣ епархіальныхъ начальниковъ и пр. много говорили, но отъ препятствій, противопоставляемыхъ духовною цензурою, *печатать объ этомъ никто не смѣлъ и не могъ*; даже всё были увѣрены, что и не удастся напечатать по к. ж., въ скоромъ времени. Какъ же теперь не изумиться, не возрадоваться, когда у насъ въ рукахъ книга, печатная русская книга, хоть и тайкомъ привезенная изъ-за границы,

и когда въ этой книгѣ описано то, чего до тѣхъ поръ перья отъявленныхъ смѣльчаковъ не касались. Впечатлѣніе было громадно; книгу доставали за огромную сумму не смотря на ея 10½ печатныхъ листовъ; я заплатилъ за нее восемь рублей; читали ее міряне и бѣлое д-во съ увлеченіемъ, съ жадностію, — епархіальные начальники и вообще м-щіе съ негодованіемъ. Одинъ митрополитъ такъ былъ изумленъ смѣлостію содержанія ея, что она выпала изъ рукъ его. Одинъ свѣтскій человѣкъ въ разговорѣ съ пожилымъ архіереемъ какъ-то коснулся этой книги. „Читали вы эту мерзкую книгу?“ спросилъ архіепископъ. И когда полученъ былъ утвердительный отвѣтъ, то послѣдовалъ другой вопросъ: „ну, что? какъ вы думаете о ней? Скажите пожалуйста, по совѣсти свое мнѣніе.“ Свѣтскій человѣкъ, замѣтивъ зарождавшійся уже ураганъ, сдѣлалъ нѣсколько уклончивый отвѣтъ. „Прочитавши эту книгу, сказалъ онъ, можно видѣть, что авторъ ужасно сердитъ на Ваше Высокопреосвященства.“ Архіепископъ не усидѣлъ на мѣстѣ: „да, вскрикнулъ онъ, это такъ и видно. Но неужели правду онъ пишетъ? Неужели мы ихъ (т. е. священниковъ и пр.) считаемъ хуже собакъ?“ Свѣтскій человѣкъ едва, едва успѣлъ утишить бурю. Этотъ же архіепископъ и другіе ему подобные (а ихъ было очень много) даже проклинали автора, р-ся, на словахъ. Впрочемъ въ книгѣ есть важные недостатки; она немножко отзывается пасквилемъ, открываетъ только черныя стороны, мало входитъ въ разъясненіе причинъ описываемыхъ явленій. Особенно по отношенію къ училищамъ авторъ показалъ себя не очень прогрессивнымъ человѣкомъ; ему свѣтскія науки кажутся вовсе ненужными для семинариста; только почти одно богословіе и должно, по его мнѣнію, изучать въ семинаріяхъ. Такъ какъ мнѣ очень часто придется ссылаться на эту книгу, то для краткости я стану означать ее начальными буквами словъ ея заглавія: *о. с. д.*

Книга *о. с. д.* не могла же не возбудить полной ревности въ защитникахъ іерархіи. Изъ самихъ іерарховъ ни у одного не достало смѣлости открыто, печатно выступить противъ нее. Защитниками ихъ явились лица изъ бѣлаго д-ва и даже свѣтскія въ небольшихъ статьяхъ, подъ названіемъ: разоблаченіе клеветъ на русское д-во, сужденіе о книгѣ, изданной въ 1858 г. на русскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: *о. с. д.* и пр. Послѣднюю статью молва приписала тому лицу, которое нѣкогда назвали *Знаменитымъ авторомъ путешествія ко святымъ мѣстамъ.*

Нельзя умолчать здѣсь о томъ маневрѣ, посредствомъ котораго захотѣли возбудить въ публикѣ желаніе прочитать всѣ эти и другія статьи. Полярная звѣзда, Колоколь и другія заграничныя сочиненія увлекали тогда публику. Слова: *напечатано за границею* электризовали мозгъ самыхъ ту-поумныхъ и нелюбознательныхъ людей и располагали ихъ къ чтенію великой заграничной русской книги. Этимъ-то настроеніемъ публики и рѣшились воспользоваться; я даже незнаю, кто-сами ли авторы, или лица, желавшія сдѣлать извѣстными ихъ сочиненія? Только эти послѣднія были напечатаны въ Берлинѣ въ одномъ томѣ. Чтобы еще болѣе позавлечь читателя, сборнику дали названіе: *книга о сельскомъ духовенствѣ*. Вскорѣ въ газетахъ появились напечатанныя крупными буквами объявленія, что вотъ-де у такого-то книгопродавца поступило въ продажу изданная за границею книга о сельскомъ д-вѣ. На эту, извините за выраженіе, *удочку* хотѣли поймать простаковъ. Почему бы имъ въ самомъ дѣлѣ не вообразить, что это именно и есть та книга *о. с. д.*, которая надѣлала столько шуму и возбудила такой интересъ къ себѣ? Но публика какъ-то на этотъ разъ не поддавалась обману; маневръ былъ понятъ и книга осталась б. ч. въ лавкахъ книгопродавцевъ; ее покупали почти одни начальники епархій и семинарій, ихъ присяжные почитатели; ее также оффициально разослали по семинаріямъ. Впрочемъ обманъ былъ слишкомъ грубъ; да и содержаніе книги не заслуживаетъ похвалы. Такъ и видно, что сочинители или сами себя обязали, или были обязаны *сочинить* во чтобы то ни стало, свои статьи и доказать данную тему по всѣмъ правиламъ реторики и схоластики. Впрочемъ иногда какъ будто проглядываетъ другой умыселъ. Авторы считали обязанностію опровергать особенно тѣ мѣста настоящей книги *о. с. д.*, въ которыхъ замѣчаются рѣзкіе отзывы о епархіальныхъ властяхъ; съ этою цѣлію самыя мѣста были выписываемы буквально, чѣмъ и воспользовались русскіе журналы и газеты. Они мѣста эти перепечатали и сдѣлали извѣстными той части читателей, которая не читала самой книги. *Хоть по суду и не докажешь, а коль не со-грѣшишь, не скажешь*, что и сами Берлинскіе, по к. м., нѣкоторые защитники іерархіи не имѣли задней мысли выставить на видъ злоупотребленія и притѣсненія духовныхъ властей? Чего небываетъ? А если этого не было, то къ авторамъ можно приложить другую басню И. А. Крылова, въ которой услужливый медвѣдь пустилъ камнемъ въ лобъ милому своему другу пустынноку, такъ сладко заснувшему

подъ его карауломъ. Для краткости я эту книгу стану въ полѣдствии называть *берлинскою апологіею*, а самихъ авторовъ статей, въ ней помѣщенныхъ, *берлинскими защитниками, или апологистами*.

Волненіе, произведенное книгою *о. с. д. въ духовномъ мѣрѣ*, начало мало по малу утихать, какъ вдругъ къ концу 1862 г. въ Лейпцигѣ появилось сочиненіе на русскомъ языкѣ *объ устройствѣ духовныхъ училищъ въ Россіи*, — сочиненіе очень полное, въ двухъ томахъ, въ 70 печатныхъ листахъ не очень крупной печати. Извѣстный писатель о Россіи Шнитцлеръ въ своемъ сочиненіи *La Russie en 1812* (стр. 24) какъ будто бы приписываетъ его одному изъ такъ называемыхъ нашихъ выходцевъ (*refugiés*). Вотъ что говоритъ онъ: „съ нѣкотораго времени извѣстные издатели въ Берлинѣ и Лейпцигѣ (Вагнеръ, Беръ и пр.) наводняютъ Россію памфлетами и другими брошюрами и даже волюмами; которыя публикуются выходцами и изгнанными патриотами, и которыя контрабанда умѣетъ распространять по всей имперіи. Между этими изданіями есть очень замѣчательныя, напр. *объ устройствѣ духовныхъ училищъ въ Россіи*; Въ этой книгѣ находится очень справедливая критика на духовныя училища. Нападая на подобные предметы, русскіе выходцы, слишкомъ гѣрные преданіямъ отчаяннаго радикализма, окажутъ своему отечеству истинныя услуги.“ Но Шнитцлеръ едва ли правъ. Въ Россіи молва приписала сочиненіе о которомъ идетъ рѣчь, перу отставнаго профессора одной изъ духовныхъ академій. Авторъ хотя во многихъ мѣстахъ касается положенія бѣлаго д-ва, однако главнымъ образомъ занимается духовно-учебными заведеніями. Чтобы имѣть понятіе о цѣли методѣ и содержаніи сочиненія, лучше всего послушать самого автора. Въ своемъ введеніи сказавши о томъ, что въ послѣдніе годы (предъ 1862 г.) появилось много неблагопріятныхъ отзывовъ о семинаріяхъ и семинаристахъ, онъ замѣчаетъ, что въ этихъ отзывахъ авторы „или описывали только факты безъ объясненія причинъ ихъ и безъ предложенія мѣръ, которыми можно исправить вкравшіяся злоупотребленія; или говорили объ этихъ мѣрахъ и причинахъ, не достаточно ознакомившись съ фактами. Такихъ же статей, въ которыхъ бы духовно-учебныя заведенія разсмотрѣны были въ теперешнемъ ихъ состояніи со всѣхъ главныхъ сторонъ, гдѣбы подробно были описаны недостатки, существенные имъ всѣмъ съ немногими развѣ исключеніями, удовлетворительно объяснялись причины этихъ недостатковъ и злоупотребленій и вмѣстѣ съ тѣмъ предложены были мѣры остановить ихъ въ

настоящее и предотвратить по возможности на будущее. время, — такихъ статей, по мнѣнію автора, не было (Т. 1 стр. 2).“ Поэтому читатели въ правѣ ожидать отъ него подробныхъ свѣдѣній и изслѣдованій. И дѣйствительно въ разсматриваемой книгѣ авторъ говоритъ о духовныхъ училищахъ очень обширно и подробно, не только въ учономъ и нравственномъ, но въ гигиеническомъ, экономическомъ и даже нравственно-экономическомъ и экономически-нравственномъ отношеніяхъ, касается учениковъ, учителей, начальниковъ, учебниковъ, экзаменовъ; описывая главные предметы, не забываетъ и то, что считается мелочами; особенно онъ неумолимъ къ недостаткамъ и злоупотребленіямъ, господствующимъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, не щадитъ, тѣхъ, кто виноватъ въ этихъ недостаткахъ и злоупотребленіяхъ, подтверждаетъ свои мысли множествомъ разсказовъ или анекдотовъ, впрочемъ не называя по имени дѣйствующихъ лицъ, если они-живы. Авторъ также высказываетъ причины, отъ которыхъ произошли и происходятъ существующіе недостатки и злоупотребленія, предлагаетъ мѣры къ исправленію ихъ и къ улучшенію вообще духовныхъ училищъ. Неудивительно, если его книга не понравилась тѣмъ людямъ, которые виноваты въ дурномъ положеніи д-ва и духовныхъ училищъ и находятъ нужнымъ для своихъ интересовъ, или по разсчетамъ партіи поддерживать *statum quo*. Особенное негодованіе возбудили тѣ главы, гдѣ описываются дѣянія *прогрессистовъ* (а.), ихъ несправедливости, казнокрадство, разгульная жизнь, пустота и схоластицизмъ семинарской учоности и пр. и пр. За открытіе и описаніе подобныхъ секретовъ никого не полюбятъ, никому не бываютъ благодарны, особенно *реверендиссимусы* (такъ называется авторъ епархіальныхъ начальниковъ). И потому естественно было ожидать, что всё будутъ приняты мѣры не давать книгѣ никакого хода. Цензура иностранныхъ книгъ признала возможнымъ дозволить ея продажу въ Россіи, но духовная нашла это ненужнымъ и притомъ по *самымъ важнымъ причинамъ*, — лучшихъ придумать не могла. Вотъ почти буквальный отзывъ духовныхъ властей о книгѣ. *Такъ какъ сочиненіе содержитъ факты, которые относятся къ прежнимъ временамъ и могутъ быть интересовать немногихъ, то*

а) *прогрессистами* (Час. 1. стр. 99) названы тѣ изъ монаховъ, которые служатъ въ духовныхъ училищахъ въ должностяхъ ректора, инспектора и наставниковъ; — наставникамъ изъ блага д-ва дано названіе *полупрогрессистовъ*, а свѣтскихъ-*непрогрессистовъ* (стр. 99).

и не позволять продажи его. Впрочемъ свѣтская цензура не запретила вполнѣ книги; она дозволила продавать ее известнымъ лицамъ. При такомъ положеніи, о ней не могли уже ни слова говорить газеты и журналы; одинъ было духовный журналъ началъ разборъ ея, но потомъ долженъ былъ прекратить его. Очевидно боялись тѣхъ же послѣдствій, которыя произошли отъ критическихъ разборовъ книги *о. с. д.* Какъ ни ругай и какъ ни обязывай ругать книгу, публика все таки догадается, что въ ней есть интереснаго и, не смотря на всѣ препятствія, постарается прочесть ее. О книгѣ распушены были въ д-вѣ самые неблагопріятные, даже презрѣнные отзывы, называли ее отсталую, сборникомъ анекдотовъ, — автора выставляли клеветникомъ, неблагодарнымъ, неблагонамѣреннымъ человѣкомъ; одинъ изъ реверендиссимусовъ на торжественномъ обѣдѣ не постыдился даже приложить къ нему слово Св. Писанія, которыя, по объясненію толковниковъ, относятся къ Иудѣ-предателю: *ядый со мною хлѣбъ, воздвигше на мя пяту свою (Иоан. 13, 18)*. Дѣло состояло въ томъ, что предполагаемый авторъ получаетъ пенсію изъ духовно-училищныхъ суммъ.

Въ самомъ сочиненіи есть недостатки, которые препятствовали распространенію его въ читающей публикѣ. Капитальная ошибка автора состояла въ томъ, что онъ, какъ самъ сознается въ эпилогѣ, надѣялся напечатать свое сочиненіе въ Россіи. Но желая избѣжать тѣхъ препятствій, которыя известны подъ именемъ *обстоятельствъ, не зависящихъ отъ автора*, онъ, по русской пословицѣ, поставленъ былъ *между двумя огнями*, или, по другой уже нерусской поговоркѣ *между Сциллою и Харибдою*. «Вздумай быть,» стану говорить его словами (Т. 2. стр. 514), вполнѣ откровеннымъ и добросовѣтнымъ, не премѣнно встрѣтишься съ *обстоятельствами не зависящими отъ воли автора*; начни усердно заботиться объ устраненіи ихъ, — нужно будетъ проститься съ ясностію, добросовѣстностію и подробностію. Чтобы пройти между обоими огнями, проплыть между Сциллою и Харибдою, мы (т. е. авторъ) прибѣгали къ разнымъ средствамъ; изложивши факты, нерѣдко предоставляли самому читателю догадываться о заключеніи, которое изъ нихъ вытекаетъ, — описавши злоупотребленія, оставляли на волю того же читателя подумать, какъ ихъ исправить; — опасаясь слишкомъ раздражить нѣкоторыя личности, объ одномъ умалчивали, другаго касались слегка; — замѣчанія свои высказывали въ видѣ шутокъ, легкой насмѣшки, показывали снисходительность къ людямъ, извиняли ихъ привычками, принятыми мнѣніями,

прикрывались равнодушіемъ, даже чѣмъ-то похожимъ на сочувствіе и пр. и пр. Отъ вліянія всѣхъ перечисленныхъ и не перечисленныхъ причинъ произошло, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно насъ обвинять въ неясности и неполнотѣ, даже заподозрять въ недобросовѣстности, что не одинъ найдется читатель, который непойметъ надлежащимъ образомъ настоящаго положенія духовныхъ училищъ, превратно истолкуетъ наши замѣчанія о нихъ, не догадается о причинахъ злоупотребленій и недостатковъ, нынѣ существующихъ и о средствахъ уничтожить и предотвратить ихъ.“ Не только странно, но нѣсколько смѣшно представляется надежда автора на то, что бы ему дозволили напечатать сочиненіе его въ Россіи. Неужели онъ, служивши немалое время въ духовной академіи, не зналъ, что печатанье подобныхъ сочиненій зависитъ именно отъ тѣхъ прогрессистовъ, которыхъ дѣянія онъ такъ безцеремонно описалъ? Неужели онъ не зналъ, что никто, кому улыбается жизнь, не любитъ налагать на себя руку, что партіи упрямо отстаиваютъ несправедливо ими присвоенныя права и привилегіи и стараются не только извинять, но и скрывать свои недостатки? Надобно правду сказать, что авторъ въ этомъ случаѣ показалъ такую наивность, такую простоту (даже *sanctam simplicitatem*), которая удивительна и въ профессорѣ духовной академіи. А м. т. отъ этого сочиненіе много потеряло; во многихъ мѣстахъ оно темновато, страдаетъ натяжками, недомолвками, искусственными прибавленіями, напр. въ родѣ разговоровъ между Иваномъ Ивановичемъ и Никитою Мартиновичемъ. И хотя авторъ въ эпилогѣ своемъ высказалъ прямо свои мысли о виновникахъ дурнаго положенія духовныхъ училищъ; но совсѣмъ другое дѣло было бы, еслибы во всемъ сочиненіи не было *экзвивокоевъ*. За-тѣмъ авторъ очень похожъ на своего пріятеля Ивана Ивановича, который (т. 2. стр. 42), Занимаясь въ молодости много математикою, приобрѣлъ привычку „*выражать свои мысли съ такою же ясностію и отчетливостію, съ которою онъ никогда доказывалъ пифагорову теорему, или разрѣшалъ уравненіе первой степени* (Т. 2. стр. 42).“ Отъ подобной привычки авторъ очень многоглаголивъ, не жалѣетъ бумаги, когда нужно ему доказывать что либо, состоятъ ли доказательства въ разсказѣ анекдотовъ, или въ изложеніи отвлеченныхъ мыслей. Т. о. у него являются не только отдѣльныя статьи, а даже цѣлыя трактаты о предметахъ, о которыхъ можно было бы говорить покороче, таковы напр.: главы о молитвѣ, о преподаваніи словесности, особенно о необходимости свѣтскихъ наукъ

для богослова (Т. 1. гл. 5. отд. 2 и Т. 2. ч. 2. гл. 4. от. 1 и ч. 4. гл. 1.) Это многоглаголане, слишком долго задерживая вниманіе читателя на одномъ предметѣ, тягостно и непріятно ему; авторъ забылъ поговорку: *даже и хорошенькаю нужно по немножску*, а написанное имъ все ли еще хорошо? Потому что онъ, во время своей службы испытывши вѣроятно весь гнетъ деспотизма господствующей въ духовныхъ училищахъ партіи, страдавъ отъ злоупотребленій и недостатковъ, здѣсь встрѣчающихся, сострадая ученикамъ и наставникамъ — непрогрессистамъ, говоритъ часто съ воодушевленіемъ и не щадитъ сарказмовъ на виновниковъ зла. Р-ся, подобныя вещи не нравятся, и автора упрекали въ преувеличеніяхъ, пристрастіи, злонамѣренности и пр. Какъ будто бы можно хладнокровно и равнодушно говорить о страданіяхъ другихъ людей и вспоминать о своихъ собственныхъ! Но имѣющие власть въ д-вѣ, или желающие угодить ей особенно упрекали автора въ томъ, зачѣмъ онъ рассказалъ много анекдотовъ о живыхъ людяхъ, изъ которыхъ иные занимаютъ важныя мѣста въ церковной іерархіи; особенно не нравятся рассказы, помѣщенные въ 1мъ Т. гл. 9. от. 3 іе объ ученомъ реверендиссимусѣ — астрономѣ, физикѣ, физиологѣ и пр. и въ 2мъ Т. ч. 2. гл. 8. Отд. 6. Въ извиненіе автора я хочу рассказать его разговоръ объ этомъ предметѣ съ однимъ епархіальнымъ начальникомъ. Когда послѣдній сталъ выговаривать ему, зачѣмъ онъ говорилъ о такомъ-то и такомъ-то лицѣ, то обвиняемый сказалъ, что у него эти лица даже нигдѣ и не поименованы. Архіерей ему возразилъ: „да у васъ ихъ подвиги такъ описаны, что нельзя не узнать ихъ.“ Такъ, значить, мои описанія вѣрны, а правды почему не сказать отвѣчалъ обвиняемый. И въ самомъ дѣлѣ автору надобно же было подкрѣпить свои мысли фактами, иначе ему бы замѣтили, что онъ безъ всякой причины возводитъ обвиненія. Но факты не выдумываются; они относятся къ лицамъ, дѣйствительно существующимъ; Какъ же теперь, имѣя нужду подтвердить чтолибо фактами изъ жизни людей, не коснуться чьего либо лица? Здѣсь деликатность требуетъ не поименовывать только тѣхъ субъектовъ, къ которымъ относятся факты, — что и исполнилъ авторъ. Далѣе сочиненіе, какъ выше замѣчено, состоитъ изъ двухъ томовъ; прочитатъ ихъ нелегко, особенно когда они переполнены отступленіями, эпизодами, разнообразными трактатами. Притомъ не всегда было безопасно имѣть и книгу въ рукахъ послѣ того, какъ стали заподозривать въ злонамѣренности тѣхъ, которые знакомятся съ русскими кни-

гами, напечатанными за границею. Напр. по слухамъ одинъ наставникъ В. семинаріи былъ арестованъ въ Н. Н. За то, что у него найдена была книга объ устройствѣ духовныхъ училищъ и выпущенъ на свободу послѣ того, какъ получено изъ Петербурга приказаніе освободить его. По всемъ этимъ причинамъ разсматриваемая книга не получила такой извѣстности, не была прочитана съ такою жадностію, не приобрѣла себѣ такихъ друзей и защитниковъ, какъ книга *о. с. д.* Во многихъ губернскихъ городахъ она вовсе неизвѣстна, даже между духовными лицами, какъ напр. въ половинѣ 1864 года въ Петрозаводскѣ и Псковѣ. Для краткости я ее стану называть книгою *о. у. д. у. т. е.* начальными буквами ея заглавія.

Препятствія со стороны духовной цензуры были причиною того, что собственно въ Россіи не вдругъ принялись за составленіе и печатаніе обширныхъ статей о д-вѣ и духовныхъ училищахъ. *Отеч. Зап.* въ 3мъ. N 1860 г. въ ст. *Заграничныя пренія о положеніи русскаго д-ва* (стр. 5.) и газета *День* въ 31мъ N 1862 въ ст. очеркъ мѣстнаго город. пр-го д-ва и пр. почти одинаковыми словами пишутъ, что „свѣтская литература б. ч. старается обходить вопросъ о д-вѣ.“ Но если она и отступала отъ этого обыкновенія, то, какъ сказано въ N 1 *Отеч. Зап.* 1865 г. въ ст. г. Самоцвѣтова: повѣсти изъ семинарскаго быта „на семинариста обращали вниманіе тогда только, когда надо было въ повѣсти выставить субъектъ неуклюжій, не умѣющій выражаться почтительно, выпускающій изъ устъ своихъ книжныя старославянскія фразы, запуганный и забытый въ нравственномъ отношеніи. На семинаристахъ изощряли свое остроуміе многіе писатели, потѣшаясь ихъ внѣшними недостатками, усложившимися обстановкою и случайными обстоятельствами семинарскаго быта.“ Не болѣе счастливо было и д-во. „Свѣтская литература, какъ говоритъ «*День*» въ томъ же номерѣ, касается его только стороною, указывая на нѣкоторые частные факты, или высказывая о немъ свое мнѣніе въ общихъ категорическихъ положеніяхъ, поголовно обвиняя его въ безпечности, пьянствѣ, называя его цѣлою арміею дормождовъ. Но она не брала на себя труда разобрать бытъ д-ва раскрыть предъ обществомъ причины, заправляющія жизнью этого сословія. *Д-во для нее какъ бы заколдованный кружокъ*, на который она съ видомъ презрительнымъ указываетъ издали, но въ который не хочетъ проникнуть. Мы положительно знаемъ, что свѣтскіе журналы возвращали авторамъ статьи, гдѣ выяснялись законы, сдавливающіе жизнь нашего д-ва

они находили для себя неловкимъ помѣщать эти статьи.“ Но мало по малу наконецъ повременныя изданія занялись бытомъ и д-ва и духовныхъ училищъ. Здѣсь едва ли не прежде всего нужно упомянуть о газетѣ: День. Она, какъ к-ся, болѣе другихъ періодическихъ изданій занималась д-вомъ и духовными училищами и сообщала множество свѣдѣній о нихъ. Особенно она сдѣлала, можно сказать, настояція почти открытія въ западныхъ губерніяхъ Россіи. Даже тѣ люди, которые вовсе не расположены къ д-ву, и тѣ почувствовали сожалѣніе къ нему, прочитавъ, въ какомъ ужасно-бѣдномъ и бѣдственномъ положеніи оно тамъ находится какимъ притѣсненіямъ подвержено отъ помѣщиковъ, свѣтскихъ и духовныхъ властей. Тутъ незнаешь, чему больше надобно удивляться; тому ли, какимъ образомъ, т. е-тъ, организовалось это бѣдственное положеніе, или тому, что мы — москали православные — вовсе не слыхали и не догадывались объ этомъ. Не скупился «День» также и на извѣстія изъ велико-русскихъ губерній и на общій обзоръ всего вообще д-ва.

Много было говорено о д-вѣ въ Отечественныхъ Запискахъ, Современникѣ, Русскомъ словѣ, Русскомъ Вѣстникѣ и пр. Можно сказать, что едва ли найдется хоть одно періодическое изданіе, которое бы въ послѣднее время не говорило о д-вѣ и духовныхъ училищахъ. Много очень появилось статей беллетристическихъ, состоящихъ въ романахъ, повѣстяхъ, рассказахъ, очеркахъ, анекдотахъ и пр. К-ся, едва ли не Крестовскій еще въ началѣ нынѣшняго царствованія выступилъ первый на этомъ поприщѣ и коснулся какъ говорятъ, Рязанской семинаріи. Потомъ вошло уже чуть не въ моду выводить самонаристовъ героями въ повѣстяхъ. Всѣхъ такого рода статей не пересчитывая, читатель увидитъ въ послѣдствіи, какъ я ими воспользовался. Но считаю нужнымъ отдѣльно сказать о бурсацкихъ типахъ покойнаго Помяловскаго. Покойникъ самъ учился и страдалъ въ Петербургскихъ училищѣ и семинаріи, высѣченъ, какъ пишетъ его биографъ Благовѣщенскій, до 400 разъ, беспощадно бичуетъ бывшихъ своихъ воспитателей и все вообще устройство бурсъ. Читая его типы, не вѣришь, чтобы происходили описываемыя событія въ Петербургѣ, въ центрѣ административной дѣятельности духовныхъ и свѣтскихъ властей; приходишь въ ужасъ отъ того положенія, въ которомъ находятся дѣти, готовящіяся быть нашими пастырями, архипастырями и воспитывающіеся подъ непосредственнымъ почти надзоромъ перваго архипастыря Россіи, почти въ буквальномъ смыслѣ предъ его глазами, не болѣе, какъ въ 50 сажняхъ

отъ его вельможескихъ палатъ; чувствуешь омерзѣніе къ тѣмъ лицамъ, которые или такъ безнаказанно тиранствуютъ надъ дѣтьми, или не хотятъ обратить вниманіе на эти тиранства. Жаль только, что г. Помяловскій слишкомъ увлекся негодованіемъ и горькими воспоминаніями дѣтства; онъ опозитизировалъ бурсацкія мерзости и не хотѣлъ видѣть ничего хорошаго въ томъ училищѣ, которое описываетъ; м. т. какъ и въ этомъ училищѣ были начальниками и наставниками люди, достойные уваженія. Нужно было ему напасть на систему, на творцовъ и поддерживателей ея, а не на тѣхъ, которымъ, по несчастію, пришлось дѣйствовать подъ вліяніемъ и по принципамъ этой системы. Отъ этого статьи Помяловскаго похожи немножко на пасквили, а не на тѣ добродушные рассказы, которыми насъ подарилъ Гоголь, напр. въ статьяхъ объ Иванѣ Ивановичѣ и Иванѣ Никифорочѣ, о старосвѣтскихъ помѣщикахъ и пр. Читая Гоголя, чувствуешь всю пошлость его героевъ, но только смѣешься и не испытываешь тяжелыхъ ощущеній? Но въ статьяхъ Помяловскаго не надѣ чѣмъ отдохнуть; сердце постоянно разрывается, кровь волнуется, готовъ бы послать къ ч. . . всѣхъ дѣйствующихъ героевъ; словомъ испытываешь тяжелое, невыносимое впечатлѣніе. Но зато каковы же духовныя училища? Какъ воспитываются наши пастыри и архипастыри?!

Кромѣ романовъ, повѣстей, рассказовъ, касавшихся и духовныхъ училищъ, помѣщалось въ журналахъ и газетахъ еще много критическихъ и даже учоныхъ статей о тѣхъ же предметахъ. Надобно сказать, что почти во всѣхъ статьяхъ, помѣщавшихся въ свѣтскихъ журналахъ, принадлежали онѣ къ беллетристическимъ или учонымъ, или критическимъ и пр., — во всѣхъ почти высказываются неблагоприятные отзывы о настоящемъ положеніи и д-ва и духовныхъ училищъ. Во многихъ же статьяхъ сообщаются столь возмутительные факты, такіе примѣры самоуправства епархіальныхъ властей, такія доказательства униженнаго, бѣдственнаго а иногда (что грѣха таить?) безнравственнаго положенія д-ва, что авторы почти по неволѣ воодушевляются негодованіемъ противъ виновниковъ зла и не щадятъ ихъ. Особенно достается воспитателямъ духовнаго юношества. Вотъ какъ пишется объ этомъ въ статьѣ: мои литературныя и нравственныя скитальничества (N 12 Времени 1862, стр. 78): „мрачными и страшными чертами рисуетъ наша литература жизненную и воспитательную обстановку, приготовляющую практическихъ ототрицателей (такъ называются

здѣсь семинаристы) обнажаетъ ее безпощадно, до цинизма, бичуя немилосердо; — да милосердія эта обстановка едва ли и заслуживаетъ. Пусть кричатъ отъ боли тѣ, кому — больно; крикъ ихъ свидѣтельствуесть только, что бичъ бьетъ мѣтко, бьетъ по чувствительнымъ мѣстамъ; все равно, они стоютъ бичеванья.“

Здѣсь могутъ сказать: „нѣтъ ли противорѣчія въ моихъ словахъ? Сначала я говорилъ, что отъ препятствій со стороны духовной цензуры невозможно писать откровенно о д-вѣ и духовныхъ училищахъ, а теперь самъ указалъ на множество помѣщенныхъ въ журналахъ статей, относящихся къ этому предмету, притомъ статей, которыя, по выраженію Современника, мрачными и страшными чертами рисуютъ семинаріи, обнажаютъ безпощадно, бичуютъ безъ милосердія и пр. К-ся, тутъ должна быть свобода отъ цензуры.“ На это отвѣчаю, что въ журналахъ и газетахъ едва ли не самое значительное большинство статей о д-вѣ принадлежитъ къ беллетристикѣ, т. е. состоятъ изъ романовъ, разсказовъ, повѣстей, анекдотовъ, а также изъ краткихъ извѣстій, замѣтокъ и т. п. Подобныя статьи и статейки б. ч. пропускаетъ сама свѣтская цензура къ ужасу и негодованію духовной. Но при разрѣшеніи вопросовъ объ улучшеніи духовныхъ училищъ и д-ва беллетристика и краткія замѣтки недостаточны. Ихъ не стануть и читать, особенно духовныя лица, отъ которыхъ теперь зависитъ это улучшеніе. При томъ въ беллетристическихъ и небеллетристическихъ статьяхъ только въ послѣднее время стали называть семинаріи-семинаріями, д-во д-вомъ и пр. А прежде и очень недавно нужно было выдумывать какія либо другія имена. Т. о. Помяловскій назвалъ свои статьи *бурсацкими типами*, а не очерками духовныхъ училищъ; статья Піотровскаго въ N 6 Библ. для Чтенія за 1861 г., относящаяся къ архіереямъ, озаглавлена словами: *одна изъ кастъ*; въ Дневникѣ темнаго человѣка N 5 Современника 1864 г. описываютъ одного изъ архіереевъ, но называютъ его *Евгениемъ Бородою*; въ статьѣ Современника одна изъ академій названа *Захолустьемъ*. Конечно догадливые люди поймутъ, о чемъ и о комъ говоритъ статья; но гораздо лучше было бы, чтобы лица и училища назывались своими именами; намеками, околичностями не всегда можно достигнуть цѣли. Въ настоящее время, по моему мнѣнію, требуются такъ называемыя солидныя статьи, обширныя, а не беллетристическія, не отрывочныя. Въ нихъ нужно съ математическою точностію описать если не всё, то важнѣйшіе недостатки и злоупо-

даже просто по головкѣ поглядать.“ Изъ Рязани же (19 Н. Дня 1864 г.) пишутъ, что тамъ обсужденіе новаго устава семинарій „поглощено было бюрократизмомъ семинарскаго привлечія.“ 3.) Въ 31 Н. Дня 1862 года, въ очеркѣ мѣстнаго городского пр-го д-ва и пр. пишутъ: „помнится, семь лѣтъ тому назадъ спрашивали у семинаріи мнѣнія на счетъ того, какія сдѣлать преобразованія. Собравъ учителей (это было въ первый разъ, да никакъ и въ послѣдній, когда ихъ спросили мнѣнія по педагогическому вопросу), мѣстный ректоръ пренаивно сознался: „я, право, незнаю, какія же тутъ улучшенія нужны? все такъ хорошо идетъ.“ А м. т. изъ той же статьи Дня видно, что семинарія, въ которой все такъ хорошо идетъ, находилась въ крайнемъ разстройствѣ. 4) Въ II-ой семинаріи, когда въ комитетѣ, обсуждавшемъ новый уставъ семинарій, нѣкоторые изъ наставниковъ стали говорить, что слѣдуетъ ограничить права, которыя предоставляются ректорамъ, — то предсѣдательствовавшій въ комитетѣ ректоръ жестоко обидѣлся этими словами; поѣхалъ, по окончанію засѣданія, къ архіерею, подалъ просьбу объ увольненіи отъ должности; насилу уговорили его взять ее назадъ. 5) Какъ бы въ *rendant* къ этому событію расскажу случай, бывшій въ II-ой семинаріи. Тамъ въ такомъ же комитетѣ предсѣдательствовалъ архіерей. Въ собраніи наставники высказали, что архіереямъ, по новому уставу, предоставляется слишкомъ большая власть надъ семинаріями. Предсѣдатель промолчалъ; но когда поутру къ нему явился ректоръ, то онъ спросилъ его: „что это такое вчера говорили Н. Н. на мой счетъ? Неужели я ихъ притѣсняю? Вѣдь я еще здѣсь недавно.“ 6) Въ одной семинаріи комитетъ для обсужденія новаго устава по формѣ былъ составленъ, но засѣданія ни одного не сдѣлали. И когда секретарь правленія сталъ о томъ говорить, то ректоръ отвѣчалъ: „къ чему засѣданія? вы напишите, я поправлю, а прочіе члены подпишутъ.“ Ниже я ознакомлю васъ, г. ч., съ фактами еще болѣе возмутительными. Но и теперь видно, благопріятствуютъ ли м-щіе начальники улучшенію д-ва и духовныхъ училищъ.

Г. Положимъ, что всё, отъ кого зависитъ въ Петербургѣ улучшеніе и д-ва и духовныхъ училищъ, имѣютъ искреннее желаніе способствовать этому, но они встрѣтятъ препятствія въ разныхъ обстоятельствахъ и особенно въ способахъ, посредствомъ которыхъ собираются свѣдѣнія о болѣзненныхъ припадкахъ нашихъ больныхъ и о способахъ

для излеченія ихъ. Возьмите самое Присутствіе; въ немъ засѣдаютъ особы высшаго, преимущественно м-щаго д-ва, знатные государственные сановники. Еслибы порученное имъ дѣло нужно было рѣшить на основаніи вышшихъ административныхъ соображеній, сообразно съ церковными и гражданскими законами, съ общими потребностями государства, тогда они былибы компетентными судьями. Но для рѣшенія дѣла, имъ порученнаго, нужно знать множество мелкихъ подробностей, которыя для нихъ, по самому ихъ высокому положенію, или вовсе неизвѣстны, или извѣстны по слухамъ, а не по собственному опыту; м. б. только два члена испытали часть тѣхъ тягостей, подъ гнетомъ которыхъ страдаетъ д-во. Тутъ нужны бы лица бѣлаго, даже не столичнаго, а провинціальнаго, даже сельскаго д-ва, (а еслибы понадобилось разсуждать объ учебной части, то нужны бы наставники семинарій); а ихъ-то именно нѣтъ въ Присутствіи ни между членами, ни даже въ канцеляріи. Прошу извиненія у г. г. членовъ высокаго Присутствія за такія мысли; я едвали бы ихъ помѣстилъ, еслибы онѣ не были напечатаны съ разрѣшенія цензуры. Вотъ какъ говорится объ этомъ предметѣ въ N. 1. Времени 1863 г. въ статьѣ: *нами домашнія дѣла*“ (стр. 44.): „во вновь учрежденномъ . . . Присутствіи не присутствуетъ ни одинъ членъ, принадлежащій къ сельскому д-ву. Удовлетворительное исполненіе Высочайшей Воли зависитъ въ этомъ случаѣ преимущественно и прежде всего отъ тщательнаго изученія образа жизни, привычекъ, нравовъ нашего приходскаго д-ва, его ежедневныхъ, будничныхъ потребностей, его отношеній къ прихожанамъ, какъ въ деревняхъ, такъ и въ городахъ, его средствъ къ жизни, его истиннаго значенія въ народѣ и т. д. Всѣ высокія лица, входящія въ составъ особаго Присутствія, все это знаютъ лишь до нѣкоторой степени и съ большою пользою могли бы воспользоваться указаніями тѣхъ, кто знаетъ все это на самомъ себѣ, стало быть подробнѣе и точнѣе, нежели кто бы то ни было другой. Сверхъ того члены приходскаго и именно сельскаго д-ва, по своему положенію, въ силу котораго они стоятъ въ ближайшемъ соприкосновеніи съ народомъ, знаютъ и моглибы, еслибы были спрошены, указать на нѣкоторые источники, изъ которыхъ моглибы съ большимъ удобствомъ пополниться недостающія суммы. Лица, высоко стоящія, не могутъ знать этихъ источниковъ по самому своему положенію.“ Въ N. 4 Дня 1863 г. (стр. 8. ст. 1 и стр. 9. ст. 2—3) предлагается даже „вызвать въ Петер-

бургъ выборныхъ отъ приходскаго д-ва по два священника, или дьякона изъ каждой епархіи, одного изъ городскихъ, а другаго изъ сельскихъ съ тѣмъ, чтобы выборные эти были назначены не епархіальнымъ начальствомъ, а избраны самимъ приходскимъ д-вомъ; ибо улучшение быта касается только приходскаго д-ва, а не епархіальныхъ начальниковъ. Нѣтъ спора, что этотъ способъ довольно затруднителенъ и далеко не отличается быстротою. . . Но едва ли не одинъ онъ можетъ ручаться за вѣрность и достаточность собранныхъ свѣдѣній и за возможность надлежащимъ образомъ, согласно съ жизнію и преданіями русской православной Церкви, улучшить бытъ приходскаго д-ва. Только отъ самого приходскаго д-ва, отъ его выборныхъ, свободно избранныхъ, новое Присутствіе могло бы узнать о настоящихъ существенныхъ нуждахъ приходскихъ причтовъ и о средствахъ, какъ пособить имъ; только мѣстные выборные могли бы сообщить тѣ необходимыя жизненные подробности, при помощи которыхъ новое Присутствіе могло бы составить проектъ дѣйствительнаго улучшения быта приходскаго д-ва и притомъ такого улучшения, которое бы не разногласило ни съ нравственными отношеніями причта къ прихожанамъ, ни съ требованіями православной Церкви, ни съ историческими жизненными преданіями русскаго народа и не усиливало бы сложившихся исторію условій народной жизни.“

Д) Можетъ быть, для членовъ Присутствія показалось бы не ловкимъ сидѣть и разсуждать съ смиренными депутатами, которыхъ избрало бы отъ себя сельское д-во; въ числѣ ихъ были бы не только священники съ мозолистыми руками, но и дьяконы. Да и у самихъ депутатовъ едва ли бы достало смѣлости сказать: *да* или *нѣтъ*, когда напр. Петербургскій, или Киевскій митрополитъ стали говорить: *нѣтъ*, или *да*. Далѣе сочтутъ, пожалуй, неудобнымъ открыть нѣчто, похожее если не на духовный соборъ, то на *земскую духовную думу*, и позволить ей полупарламентскимъ образомъ посудить о мѣрахъ, которыя нужно предпринять для благосостоянія сословія, ее избравшаго. Въ такомъ случаѣ Петербургскимъ докторамъ пужно было бы принять надежныя мѣры къ тому, чтобы имъ доставлены были самыя вѣрныя свѣдѣнія о состояніи *нашихъ больныхъ*. Больные правда страдаютъ разными недугами, но эти недуги, какъ говорится, не *отняли у нихъ языка*, не лишили ихъ памяти и разсудка. Конечно наше бѣлое д-во не состоитъ изъ однихъ Цицероновъ и Демосеновъ, но едва ли не самое огромное большинство членовъ его, если не будетъ застра-

чено и задавлено, способно толково высказать свои нужды, свои болтзненные припадки; а многіе изъ нихъ по своему уму, образованію, дару слова поспорятъ, если не съ Петербургскими докторами, то по к. м. съ приставленными къ нимъ провинціальными медиками, съ зрителями, сидѣлками, фельдшерами и пр. Ихъ самихъ можно и должно распросить и выслушать терпѣливо; извѣстно, что больные бываютъ иногда раздражительны и нетерпѣливы. М. т., приступая въ 1859 г. къ преобразованію духовныхъ училищъ, Петербургъ отнесся только въ вопросы; по к. м., сначала, къ однимъ начальникамъ епархій и училищъ. Подобнымъ почти образомъ поступило Присутствіе въ вопросѣ объ улучшеніи быта д-ва. Последнему не дозволено самому отвѣчать на предложенные Петербургомъ вопросы 2 и 3 категорій, гдѣ идетъ дѣло о новыхъ льготахъ, правахъ и привилегіяхъ, которыя нужно дать д-ву, — и о тѣхъ притѣсненіяхъ, отъ которыхъ слѣдуетъ освободить его. А м. т. кого бы лучше всего объ этомъ спросить? Конечно многимъ показалось бы очень смѣшнымъ и неумѣстнымъ, еслибы, желая улучшить бытъ учениковъ какого бы то нибыло училища, стали ихъ спрашивать, какія бы льготы и права имъ предоставить и отъ какихъ бы стѣснительныхъ порядковъ освободить ихъ; молодые джентлмены, по всей вѣроятности, предъявили бы такія требованія, на которыя ни одинъ самый гуманный педагогъ не согласился бы. Но и здѣсь не оффициально конечно, а семейнымъ образомъ, не излишнее дѣло спросить дѣтей, чего имъ хочется. Если ихъ желанія будутъ нелѣпы, то можно ихъ не исполнять. А м. т. и дѣти скажали бы кое-что годное и полезное, о чемъ сѣдые педагоги и бюрократы не догадываются. Почему бы теперь не спросить у самаго бѣлаго д-ва о томъ, чѣмъ оно находитъ возможнымъ улучшить свое положеніе относительно особыхъ правъ и привилегій? Почему бы подобнымъ образомъ и въ 1859 г. не обратиться къ наставникамъ духовныхъ училищъ съ вопросами о томъ, какія преобразованія слѣдуетъ сдѣлать въ училищной администраціи, учебной, нравственной части и пр. Духовныя лица и наставники уже не дѣти; первымъ ввѣрено религиозное назиданіе 50 милліоновъ русскаго народа, а послѣднимъ-слишкомъ 54 тысячи будущихъ служителей алтаря Господня. Неужели ихъ считаютъ неспособными понимать свои выгоды, или способными предъявить не быточныя требованія, обнаружить революціонныя тенденціи? Но Присутствіе не нашло нужнымъ спросить о льготахъ, правахъ и пр. само д-во. Въ этомъ случаѣ оно

какъ будто бы подражало примѣру, которому слѣдовали при разрѣшеніи крестьянскаго вопроса; тогда у крестьянъ, какъ извѣстно, ничего не спрашивали. Но въ № 4 Дня 1863 г. (стр. 9. ст. 3) справедливо замѣчено, что „приходское д-во не состоитъ ни отъ кого въ крѣпостной зависимости и по закону имѣетъ всё права личности, а по своему образованію не уступаетъ другимъ классамъ общества. Потому отстранять его отъ участія въ заявленіи своихъ нуждъ было бы не справедливо и вредно для самого дѣла. Не смотря на это, на вопросы о льготахъ и притѣсненіи предложено отвѣчать епархіальнымъ начальниками.“ Но они, какъ справедливо говоритъ День въ томъ же номерѣ, „едва ли могутъ замѣнять выборныхъ отъ д-ва, какъ помѣщики замѣнили выборныхъ отъ крестьянъ: ибо живутъ не вмѣстѣ съ приходскимъ д-вомъ, а по самому званію своему и религіознымъ объѣтамъ далеки отъ семейнаго быта блага д-ва, а потому и не могутъ надлежащимъ образомъ понимать всѣхъ его нуждъ и необходимыхъ житейскихъ требованій.“ Но тутъ упущено изъ вида очень важное обстоятельство. Епархіальнымъ властямъ дозволено представить свое мнѣніе о томъ, какія льготы и права дать д-ву и отъ какихъ притѣсненій освободить его? — Ну а если ихъ гнѣтъ именно и тяжело и не выносимъ для д-ва, если отъ него-то и нужно освободить нашихъ пастырей? Не ужели можно ожидать, что сами епархіальныя власти укажутъ на это? Напр. неужели к-рія скажетъ, какимъ образомъ ограничить безконтрольный ея произволъ? М. т. во многихъ мѣстахъ епархіальныя начальники к-ріамъ и поручили дѣло. Я знаю епархію, гдѣ о привилегіяхъ, льготахъ, правахъ и пр. д-ва поручено написать консисторскому столоничальнику, успѣвшему въ 3—4 года своей службы выстроить себѣ новый домъ, хотя прежде того онъ былъ, по русской пословицѣ, также *юль, какъ соколъ*. Да и вообще все дѣло объ улучшеніи быта д-ва и въ Петербургѣ и въ губернскихъ городахъ приняло бюрократическій, характеръ; о немъ судятъ не люди, непосредственно въ немъ заинтересованные, и чиновники, или уже очень высокіе сановники. А День опять въ томъ же номерѣ (стр. 9. ст. 1.) справедливо говоритъ: „официальныя свѣдѣнія, какъ бы добросовѣстно ни были составлены, непременно опустятъ изъ вида многія мѣстныя подробности, которыя для успѣха дѣла всего нужнѣе. Это неотразимая характеристическая черта всѣхъ официальныхъ свѣдѣній о подобныхъ дѣлахъ, вытекающая изъ самой природы этихъ свѣдѣній; п. ч. 1.) они составля-

ются людьми посторонними, чиновниками, которымъ ни тепло, ни холодно отъ того, что будетъ заключаться въ этихъ свѣдѣнiяхъ; имъ одна забота, — скорѣе отдѣлаться отъ тяжелаго труда; 2) п. ч. официальные свѣдѣнiя собираются обыкновенно по заданной программѣ и естественно должны составлять отвѣты на заданные вопросы; вопросы же эти составляютъ вдалькѣ людьми, поставленными совѣтъ въ другой средѣ и не имѣющими возможности знать настоятельныя мѣстныя потребности; слѣдовательно вопросы, по необходимости, должны быть общими, мало охватывающими, а потому и отвѣты или официальные свѣдѣнiя волей-неволей должны быть общими, лишенными всѣхъ, нужныхъ для обсужденiя дѣла, подробныхъ данныхъ.“

Е) Чиновничество духовное захотѣло внести свой контроль туда, куда бы ему не слѣдовало и заглядывать, отнимало во многихъ мѣстахъ свободу слова тамъ, гдѣ она была дозволена. Даже и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ, по предписанiю Петербургскихъ докторовъ, велѣно спросить самихъ больныхъ, или въ тѣхъ епархiяхъ, которыхъ начальники нашли нужнымъ услышать мнѣнiе д-ва о всѣхъ вообще запросныхъ пунктахъ, даже и тутъ происходили странныя вещи. Благодiинные получали приказанiя объяснить своимъ подчиненнымъ, какъ писать имъ свои отвѣты, поправляли и заставляли передѣлывать ихъ; потомъ к-рии отвѣты, исправленные благочинными, вновь отсылали для передѣлки, предписывали даже рамку для отвѣтовъ. Если кто либо высказывалъ мысль, которая не нравилась к-рии, или епархiальному начальнику, хотя она сама въ себѣ вѣрна, и если высказавшiй ее не хотѣлъ отказаться отъ нее, то ему даже грозила немилость начальства. Въ этомъ отношенiи духовно-училищное начальство не отставало отъ чисто-епархiальнаго, иногда даже предупреждало его; и оно не очень позволяло наставникамъ свободно высказывать свои мысли о потребностяхъ училища, особенно о новомъ уставѣ семинарiй, когда даже дозволено было разсуждать объ этихъ предметахъ.

Часть третья.

О томъ, что епархіальныя и семинарскія власти намѣренно препятствовали разъяснить настоящее положеніе бѣлаго д-ва и духовныхъ училищъ.

Вѣроятно многіе подумаютъ: „да правда ли то, что говорено въ предъидущей части? Не выдумываю ли я небывалыхъ обвиненій? Не клевету ли я на почтеннѣйшихъ особъ? Къ искреннему сожалѣнію я все могу подтвердить фактами, которыя почти все заявлены въ печати, преимущественно въ Днѣ. Послушайте меня, г. ч.

1) Въ N. 46 Дня 1863 года (стр. 13 ст. 2.) напечатано, что въ Гродненской губерніи „немалое число священниковъ не высказало всего, что желало высказать, будучи отчасти удерживаемо отъ этого рачительностію нѣкоторыхъ лицъ, власть имущихъ, чтобы многописаніемъ не утруждать высшаго начальства; отчасти п. ч. должны были принаравляться къ личнымъ мнѣніямъ и воззрѣніямъ упомянутыхъ лицъ.“ Здѣсь все высказывается въ общихъ чертахъ. Но вотъ не угодно ли ознакомиться съ нѣкоторыми частностями.

2) Благочинные наши, пишутъ въ День (17 N. 1863 г. ст. 9) съ восточной границы Заволжскихъ степей „благочинные, чрезъ которыхъ объявлялось д-ву распоряженіе Присутствія (о запросныхъ пунктахъ 1. и 4. категорій) повели дѣло совсѣмъ не такъ, какъ ожидало д-во и какъ бы слѣдовало его повести. Одинъ изъ нихъ продиктовали причтамъ, что и какъ нужно написать на вопросы, предложенные на сужденіе д-ва. Продиктовавъ, благочинные дали приказъ чрезъ недѣлю приготовить отвѣты и представить ихъ-имъ благочиннымъ для представленія въ свою очередь на разсмотрѣніе въ к-рію. Изготовленные и представленные чрезъ недѣлю отвѣты блочочинные возвращали причтамъ *для передѣлки*, п. ч. находили въ отвѣтахъ или излишнее, или несогласное съ тѣмъ, *что они диктовали*. Изъ представленныхъ чрезъ недѣлю въ другой разъ отвѣтовъ нѣкоторые были возвращены опять для *исправленія*. Но и к-рія не захотѣла не проявить своей самостоятельности. Она представленные благочинными отзывы возвращала назадъ съ приложеніемъ формы *для исправленія и изложенія по этой формѣ*; и причты чрезъ два мѣсяца снова

должны были переделывать свои отзывы по новой формѣ. Удивительно еще, какъ к-рія не сдѣлала выговора причтамъ, не оштрафовали ихъ, по к. м., нѣкоторыхъ изъ нихъ! Право это было бы кетати. Впрочемъ не обошлось и безъ этого, какъ сей часъ увидимъ.

3) Протоіерей одного кафедральнаго собора въ отзывѣ своемъ о средствахъ улучшить бытъ соборнаго д-ва, написалъ, что для этого достаточно увеличить получаемые оклады одною третью. Относительно себя о. протоіерей былъ совершенно правъ; онъ занималъ квартиру комнатъ въ 15 и получалъ всего до 1500 руб.; прибавка еще 500 руб. давала ему возможность жить по барски. Но причту особенно низшему нельзя было удовольствоваться одною третью. Квартиры для него были отведены чрезвычайно тѣсныя и убійственно-дурныя, нѣкоторые члены его получали по 100—150 руб., чрезъ прибавку къ этой суммѣ 33 руб. 33 к. или 50 р. они все-таки оставались бѣдняками. Поэтому, когда протоіерей потребовалъ отъ нихъ подписи подъ составленнымъ имъ отзывомъ, то они просили позволения подумать объ этомъ; и одинъ особенно старался убѣдить прочихъ подать отъ себя особое мнѣніе. Протоіерею это не понравилось и онъ началъ притѣснять главнаго, по его мнѣнію, зачинщика, бунтовщика. Прямо преслѣдовать за то, что не подписываетъ бумаги, нельзя; надобно было сдѣлать диверсію и напасть съ другой стороны. Въ этомъ ему помогли два шпіона, доносившіе о всѣхъ словахъ и поступкахъ возмутителя. Однажды возмутитель при другихъ сталъ уличать шпіона въ наушничество; послѣдній поднялъ шумъ, на который явился протоіерей, призналъ возмутителя пьянымъ и обязалъ его подпискою не пить впередъ. Въ другой разъ, когда протоіерей началъ прижимать возмутителя, то этотъ въ видѣ угрозы сказалъ: я сдѣлаю болѣе, нежели удавленникъ (NB. незадолго до того времени одинъ изъ причта отъ придирокъ и нападковъ властей удавился). Наряженъ былъ судъ; обвиненный требовалъ слѣдствія но ему все-таки не объявляли, въ чемъ онъ обвиняется, и только дѣлали отдѣльные запросные пункты. При всемъ томъ нашли возможность обвинить его только въ томъ, что онъ два раза въ годъ былъ не въ трезвомъ видѣ. Хотя одинъ изъ членовъ к-рія и сказалъ, что обвиняемаго бы слѣдовало произвести въ дьяконы, такъ какъ едва ли кто изъ судей, если сказать по совѣсти, только два раза былъ въ годъ *на веселъ*, однако возмутителя отправили въ монастырь на два мѣсяца.

4) Вотъ случай, гдѣ возмутитель кое-какъ избавился отъ

бѣды. Одинъ причтъ города П., отвѣчая на вопросъ: *въ чемъ именно признаются неудовлетворительными нынѣшнія средства содержанія д-ва*—отвѣчалъ, что нынѣшній способъ содержанія приходскихъ причтовъ портитъ нравственность д-ва, возбуждаетъ въ немъ дурныя навыки и страсти и указалъ средства къ уничтоженію зла. Что же тутъ дурнаго? Но к-ріи этотъ отзывъ почему-то не понравился и она не захотѣла довести его до Высочайше учрежденнаго Присутствія. Продержавши у себя почти четыре мѣсяца докучливую бумагу безъ движенія, она успѣла убѣдить старшаго члена причта (онъ вмѣстѣ и членъ к-ріи) передѣлать отзывъ. Но одинъ изъ членовъ причта, — очень умный, энергическій и учоный священникъ, — отказался исполнить требованіе к-ріи, объявивъ, что не видитъ въ немъ ни малѣйшаго слѣда законности, другіе же члены передѣляли отзывъ, который и былъ отправленъ въ к-рію, но уже не оффиціальнымъ путемъ, а чрезъ благочиннаго, — не при рапортѣ, а домашнимъ образомъ, секретно (N. 7 Дня 1864 г. стр. 9.) Но дѣло этимъ не окончилось. Сначала послѣ того, какъ напечатано было извѣстіе объ описанномъ событіи въ Днѣ, к-рія допрашивала священника о томъ, какъ онъ смѣлъ огласить то, что сдѣлалось втайнѣ, хотя подъ статьею Дня не было подписи священника. Послѣднему удалось скоро тутъ отдѣлаться. Но духовныя власти не скоро забываютъ тѣхъ, кто по ихъ мнѣнію, виноватъ предъ ними. К-рія и епархіальный начальникъ съ нетерпѣніемъ ждали случая поприжать либерала. Случай, по видимому, самый благопріятный, скоро открылся. Въ храмѣ, при которомъ состоялъ священникъ, обѣщадась пріѣхать одна важная особа длѣ служенія молебна, вслѣдствіе чего чередной священникъ долженъ былъ дожидаться ея. Полагая, что она еще не скоро прібудетъ, онъ началъ другую службу, а м. т. особа пріѣхала прежде окончанія ея. Правда, произошло небольшое замѣшательство и замедленіе, но собственно дурнаго, противозаконнаго ничего не было. Епархіальныя власти воспользовались этимъ событіемъ. По предложенію архіерея, к-рія потребовала къ себѣ непослушнаго священника и стала выговаривать, какъ онъ смѣлъ дѣлать такой ужасный поступокъ? Какъ онъ смѣлъ служить литію, когда долженъ былъ приготовляться служить молебенъ? И настойчиво требовала объясненія. Одно только забыли почтенныя члены, именно развѣдать, да точно ли нелюбимый ими священникъ былъ дежурнымъ въ то время, какъ важная особа служила молебенъ въ храмѣ. Обвиняемый наконецъ спросилъ, въ чемъ

вы меня обвиняете? И когда ему описали его horrendum scelus (ужасное преступление), тогда онъ говорившему обвинителю сказалъ: «въ этомъ я столько же виноватъ, сколько и вы.» «Какъ такъ?» воскликнулъ обвинитель; — «да я вовсе не былъ и не обязанъ быть въ церкви.» И я также не былъ и не обязанъ быть быть,» отвѣчалъ обвиняемый. «Да вѣдь вы были дежурнымъ?» ему сказали: «нисколько, дежурнымъ быть и служить молебень такой-то, его спросите.» Сама к-рія сконфузилась и доложила о казусѣ епархіальному начальнику. Замѣчательно, что настоящаго виновнаго даже и не призвали въ к-рію; п. ч. правду сказать, horrendum scelus не стоило даже объясненія.

5) Г. Лохвицкій въ Олонецкой губерніи встрѣтилъ, какъ онъ пишетъ въ N. 277 Голоса 1865 г., между священниками «прямо замѣчательнаго человѣка . . . Его, какъ и все вообще бѣлое д-во, сильно занимаетъ вопросъ объ улучшеніи быта ихъ сословія. Но какъ странно идетъ дѣло! Онъ пробовалъ написать своему начальству по совѣсти отвѣтъ на вопросы: задали ему такого трезвона, что едва мѣста не лишился. Начальство послѣ этого распорядилось такъ, что священникамъ оставалось писать о томъ и въ такомъ духѣ, какъ подъ рукою было указано.

6) Теперь возьмемъ факты изъ духовно-училищной своды слова. Когда новый уставъ семинарій былъ предложенъ на обсужденіе наставниковъ, то нѣкоторые изъ послѣднихъ пожелали знать: какое значеніе долженъ имѣть ихъ голосъ? Дано ли имъ оффиціально, свыше право разсуждать о новомъ уставѣ. Отвѣта на это не было. Но вопросы были разрѣшены косвеннымъ образомъ. Одинъ наставникъ идеалистъ, увлекшись предоставленною возможностью разсуждать о новомъ уставѣ, замѣтилъ, что теперя долженъ всякій высказать честно и открыто свое мнѣніе о такомъ важномъ дѣлѣ. «Да, подтвердило начальство въ лицѣ ректора, и записать это мнѣніе, чтобы начальство высшее знало, кто имѣетъ вольнодумныя мысли, не повинуется начальству, и кого слѣдуетъ выслать вонъ изъ семинаріи. — Прекрасный способъ узнавать благонамѣренность, или неблагонамѣренность наставниковъ! (N. 41 Дня 1863 г. стр. 5 ст. 1.)

7) Въ другой семинаріи нѣкоторые наставники, увлекшись протестомъ противъ проэктируемаго административнаго порядка, вздумали проповѣдывать предъ лицомъ начальства о выборѣ средою наставниковъ ректора и инспектора и о контролѣ надъ ними педагогическаго совѣта. Начальство слушало эти разрушительныя идеи, по сказать чтолибо дѣль-

ное противъ нихъ ничего не могло. Однакожь объ этомъ *повстаніи* передано вышему (епархіальному) начальству, которое уже разразилось словесными перунами. Да чтоже они? Безумные поляки чтоль? Посполитаго *рушенія* захотѣли? Начальства не хотятъ? и пр. и пр. (N. 46 Дня 1863 год. стр. 7. ст. 1).

Можно было бы привести множество другихъ примѣровъ, которые показали бы, что Высочайше утвержденное Присутствіе немного узнаеть о дѣйствительныхъ нуждахъ, о настоящемъ положеніи д-ва чрезъ спросы и неспросы, дознанія и недознанія, производимыя епархіальными властями. Можно было бы рассказать, какъ одинъ епархіальный начальникъ, не обращая вниманія на отзывы д-ва, самъ *сочиняетъ потребности и нужды его, выдумываетъ его настоящее положеніе*; какъ другой и слышать не хочетъ о томъ, чтобы спросить священниковъ, чегобы они желали. «Позволь-ка имъ говорить, прибавляетъ онъ въ негодованіи, да они, пожалуй, скажутъ, что и я имъ не нуженъ. Нѣтъ я и самъ съумѣю отвѣчать.» — Можно бы еще было рассказать, какъ въ одной епархіи комитетъ составленъ изъ такихъ духовныхъ особъ, которыя способны только подписывать то, что имъ прикажутъ, — какъ въ другой всѣ бумаги, относящіяся къ улучшенію быта д-ва, сваливаются къ одному столоначальнику, а онъ только и думаетъ о томъ, нельзя ли *при сей торной оказіи* получить съ кого либо побольше взятокъ, — какъ въ третьей епархіи члены комитета ни разу не собирались для разсужденій, а м. т. что-то подписали, что имъ предложено было для подписи и пр. и пр. Повторяю, многое, многое можно было бы рассказать. Но довольно, к-ся, шести примѣровъ, изъ которыхъ пять печатныхъ; они особенно мнѣ нравятся; п. ч. освобождаютъ меня отъ всякаго подозрѣнія въ пристрастіи и въ предубѣжденіи къ кому либо; я переписать только то, что уже напечатано.

Конечно — есть нѣсколько Преосвященныхъ, которые воодушевлены искреннимъ желаніемъ улучшить подчиненное имъ д-во и для этого добросовѣстно собираютъ и снисходительно выслушиваютъ всѣ, нужныя въ этомъ отношеніи, свѣдѣнія. Они, по всей вѣроятности, сдѣлаютъ и представить основательныхъ соображенія на счетъ улучшенія быта д-ва. Но впервыхъ они составятъ незначительное меньшинство между своею братією; относительно ихъ благодѣтельныхъ, но нѣсколько либеральныхъ мѣръ очень легко можетъ составиться слѣдующая резолюція: «такъ какъ значительное большинство епархіальныхъ начальниковъ вовсе

не говорить о подобныхъ предположеніяхъ, а многіе прямо называютъ ихъ вредными и противными церковнымъ правиламъ; то и оставить ихъ безъ вниманія« притомъ и тѣ Преосвященные, которые захотятъ исполнѣть благодѣтельность вѣствовать д-ву принадлежатъ все таки къ м-щей братіи, и все-таки стануть смотрѣть на д-во сквозь увеличительное, или уменьшительное стекло монаха. Монахъ никогда не забываетъ, выгодъ своего сословія и всегда хлопочетъ увеличить численность, силу, значеніе и богатства его. Заклучимъ свои сужденія объ этомъ предметѣ выпискою изъ N 7. Дня 1864 год. стр. 9, ст. 3. «Напрасны были надежды д-ва, что въ его дѣлѣ выслушаютъ и его мнѣніе. Голосъ его не дойдетъ до Присутствія, если этотъ голосъ не звучитъ въ одинъ тонъ съ голосомъ членовъ к-ріи (надобно бы прибавить и поставить на первомъ мѣстѣ епархіальныхъ начальниковъ). Жаль, что Присутствіе Высочайше учрежденное получить отъ д-ва не тѣ отзывы и мнѣнія, которые вышли прямо изъ подъ пера его, были плодомъ собственныхъ его мыслей и вѣрно изображали его положеніе; но отзывы и мнѣнія, уже передѣланные подъ влияніемъ и по внушенію к-ріи (за чѣмъ авторъ позабываетъ преосвященныхъ?) Отъ этого Присутствіе, м. б., лишится очень многихъ данныхъ, которыя были бы весьма полезны для практическаго рѣшенія вопроса объ улучшеніи быта д-ва.»

Итакъ нельзя ожидать, чтобы провинціальные медики, сидѣлки, надзиратели, смотрители, подлекаря сообщили Петербургскимъ докторамъ вѣрныя свѣдѣнія о причинахъ и припадкахъ болѣзней нашихъ больныхъ, они послѣднимъ не позволяютъ прямо самимъ адресоваться къ своимъ докторамъ. Добрый Петербургъ! получивши скорбные листки со всѣхъ концовъ Россіи, ты будешь думать, что они составлены по всѣмъ правиламъ діагностики, а м. т. не будешь знать, что для нихъ даны *особыя формы*, что ихъ *передѣлывали, исправляли* и вовсе не со словъ больныхъ, а по благоусмотрѣнію приставниковъ, которые почему-то находятъ нужнымъ сочинять припадки и причины болѣзни, *вымышленыя ихъ*, какъ говорятъ, *изъ собственнаго чрева*. Въ такомъ случаѣ ты и при доброй волѣ ничего не сдѣлаешь хорошаго. Я уже говорилъ, что засѣдающіе въ Присутствіи г. г. Министры и особы бѣлаго д-ва воодушевленные искреннимъ желаніемъ помочь нашимъ пастырямъ. Но какъ имъ быть, когда ихъ стануть опровергать оффиціальными донесеніями и изслѣдованіями епархіальныхъ властей и губернскихъ комитетовъ, когда самую литературу, которая часто поетъ на задан-

ный ей тонъ, недоброжелатели блага д-ва найдутъ возможность поутвердить свои мнѣнія? На официальные и литературныя доказательства надобно отвѣчать такими же доказательствами; и потому, добрый Петербургъ, не торопись на основаніи однихъ официальныхъ свѣдѣній составлять рецептъ, не предписывай по немъ лечить *нашихъ больныхъ*. Не торопись, Бога ради; поищи другихъ способовъ для узнанія настоящаго положенія пациентовъ. Въ противномъ случаѣ приняты, м. б., будутъ нѣкоторые мѣры къ улучшенію д-ва, но частныя, временныя, только палліативныя. Даже можно опасаться, какъ бы положеніе д-ва не сдѣлалось худшимъ противъ нынѣшняго по тѣмъ же самымъ причинамъ, по которымъ больной не излечивается, если надлежащимъ образомъ не опредѣлены состояніе организма и припадки болѣзни его.

Отдѣлъ 6ой.

О томъ, что это сочиненіе издается за границею и что за такой поступокъ не слѣдуетъ обвинять автора.

Если для излеченія блага д-ва и духовныхъ училищъ отъ тѣхъ недуговъ, которыми они страдаютъ, нужно подробное описаніе и разъясненіе настоящаго ихъ положенія, всѣхъ или большей части злоупотребленій и недостатковъ, въ нихъ господствующихъ; и м. т. если свѣдѣній о всемъ этомъ нельзя было пріобрѣсти ни путемъ печатной гласности, которою дирижировала духовная цензура, ни при помощи тѣхъ официальныхъ средствъ, которыя доселѣ употреблялись; то не ужели нельзя ничего предпринять тому, кто безъ всякихъ корыстныхъ видовъ желаетъ помочь угнетенному и бѣдному бѣлому д-ву и для этой цѣли настоящее положеніе его сдѣлать извѣстнымъ Петербургу? Такое желаніе съ перваго раза кажется очень удобоисполнимымъ. По новому закону о печати, каждое сочиненіе изъ нѣсколькихъ десятковъ листовъ можетъ быть издано безъ предварительной цензуры. По этому и мнѣ свои тетради слѣдовало бы только отдать въ какую либо типографію и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ явилась бы книга. Но День (32 N. 1865 г. стр. 1) справедливо говоритъ, что новое «законодательство (о печати) не распространяется на книги и изданія духовнаго содержанія и на такъ называемую духовную цензуру.» Въ моемъ же со-

чиненіи слишкомъ много есть предметовъ, для одобренія которыхъ къ печати нужно предварительное согласіе этой цензуры. Еслибы даже сочиненіе и было напечатано безъ нее то его все-таки нужно представить на трехдневное разсмотрѣніе и тогда только можно продавать и раздавать, когда въ этотъ срокъ не послѣдуетъ запрещенія. И въ такомъ случаѣ свѣтскіе цензоры, прочитавъ мое сочиненіе, отошлютъ его въ духовную цензуру. Но во 2мъ отдѣлѣ уже проявлено, что такое духовная цензура, духовные цензоры и чему подвергается книга, поступающая на ихъ разсмотрѣніе. Здѣсь я могу коечто прибавить. Одинъ протоіерей мнѣ говорилъ уже въ Сентябрѣ 1865 г., что новымъ указомъ изъ Синода предписано какъ можно строже разсматривать все вновь печатаемыя книги о д-вѣ и пр. «А м. т. — N. 32 Дня 1865 г. стр. 1) извѣстно, что не только нѣтъ ничего строже цензуры духовной, но что и вообще, къ прискорбію, нигдѣ такъ не боятся правды, какъ въ области церковнаго нашего управленія, нигдѣ младшіе такъ не трусятъ старшихъ, какъ въ духовной іерархіи, нигдѣ такъ не въ ходу *ложь* во спасеніе, какъ тамъ, гдѣ ложь должна бы быть въ омерзѣніи. Нигдѣ подъ предлогомъ змѣиной мудрости не допускается столько сдѣлокъ и компромиссовъ, унижающихъ достоинство Церкви, ослабляющихъ уваженіе къ ея авторитету.» Вотъ теперь и представляй сочиненіе, въ которомъ нужно высказать всю, хоть и горькую, правду на счетъ д-ва, — представляй въ ту цензуру, *строже которой нѣтъ ничего*, — представляй туда, гдѣ болѣе, нежели въ какихъ либо другихъ мѣстахъ, *младшіе трусятъ старшихъ, въ ходу ложь во спасеніе, допускаются сдѣлки подъ предлогомъ змѣиной мудрости*, — представляй и надѣйся, что позволятъ младшіе сказать правду о старшихъ и даже о себѣ самихъ! Представь на предварительную цензуру? Духовная цензура, духовная власть, ею управляющая, т. е. господствующая въ д-вѣ монашеская партія, печатать не позволять. Напечатай безъ цензуры? Въ теченіи трехъ дней успѣютъ остановить, конфисковать все изданіе — и пропадутъ т. о. все труды и издержки.

По неволѣ пришлось обратиться къ другому средству, хоть и не очень надежному, даже не совсѣмъ безопасному именно къ заграничной прессѣ. И тутъ конечно не безъ бѣды; сочиненіе напечатается, но едвали будетъ допущено въ Россію. Впрочемъ если вся читающая русская публика и не узнаетъ о моемъ сочиненіи, то оно по к. м. прочтется кѣмъ либо изъ русскихъ за границую, дойдетъ до нѣкото-

рыхъ высокихъ особъ, живущихъ въ Россіи, и до членовъ Высочайше учрежденнаго Присутствія. По всей вѣроятности между будущими, особенно м-щими моими читателями найдутся такіе, которые стануть бранить меня даже пожелаютъ сдѣлать что либо побольше. Но съ другой стороны я увѣренъ, что многіе, конечно не изъ м-щихъ, поблагодарятъ меня за тѣ свѣдѣнія, которыя я сообщу въ книгѣ, особенно поблагодарятъ тѣ члены Присутствія, которые пожелаютъ имѣть вѣрное и подробное понятіе о настоящемъ положеніи блага д-ва и духовныхъ училищъ.

Чтоже касается до содержанія и цѣли этого сочиненія, то они легко опредѣляются тѣми обстоятельствами, которыя расположили меня написать его. Еслибы бѣлое д-во не находилось въ бѣдственномъ положеніи, еслибы небылъ поднятъ вопросъ объ его улучшеніи, еслибы цензура духовная не стѣсняла журналовъ и газетъ въ печатаніи тѣхъ статей, которыя описываютъ настоящее положеніе духовныхъ лицъ, то по всей вѣроятности, я молчалъ бы. Послѣ этого понятно, о чемъ я буду бесѣдовать съ вами, г. ч.

Мнѣ хочется помочь бѣлому д-ву; но матеріальныхъ средствъ для этого я не имѣю, да частному человѣку нельзя думать объ этомъ, развѣ только компанія изъ Шереметьева, Воронцова-Дашкова, Панина, Паскевича, Кудрявцева, Воронина, Бенардака, Мамонтова, Кокорева, Солдатенкова и пр. можетъ рѣшиться на такой подвигъ. Но еслибы подобная неосуществимая компанія осуществилась, то и она, незная, чѣмъ болить д-во, въ чемъ нуждается, не сумѣла бы облегчить его бѣдственное положеніе. Въ этомъ-то случаѣ авторъ предлагаетъ свое пособіе, рѣшаясь описать бытъ д-ва съ тѣхъ именно сторонъ, которыя требуютъ улучшенія. Итакъ какъ матеріальный бытъ cadaго сословія и человѣка улучшается или предоставляніемъ новыхъ матеріальныхъ средствъ къ содержанію, или устраненіемъ тѣхъ препятствій, которыя мѣшаютъ ихъ благоденствію, то и авторъ станетъ говорить не только о томъ, что нужно бы сдѣлать положительнаго для д-ва, но и о томъ, — отъ чегобы слѣдовало освободить его. Далѣе матеріальный бытъ сословія зависитъ не отъ однихъ матеріальныхъ средствъ, но и отъ гражданскаго, умственнаго, моральнаго, семейнаго и пр. его положеній. Въ этомъ случаѣ относительно блага д-ва весьма важную играетъ роль воспитаніе, получаемое имъ въ духовныхъ училищахъ, влияние на него епархіальныхъ, административныхъ и судебныхъ властей, отношенія его къ прихожанамъ и вообще къ обществу и пр. Вотъ почему я буду говорить здѣсь и о духовныхъ учи-

лицахъ, и о епархіальныхъ властяхъ, и о м-вѣ, и о настоящемъ положеніи д-ва и о прочихъ предметахъ, которые съ перваго раза покажутся не относящимися къ улучшенію матеріальнаго быта. Здѣсь по неволѣ обращаешься къ крестьянскому вопросу. Онъ начался предложеніемъ, которое Верховная Власть сдѣлала благородному русскому дворянству заняться улучшеніемъ быта крестьянъ. Но когда приступлено къ разрѣшенію вопроса, то крестьянъ не только надѣлили усадьбою, землею и освободили отъ барщины, но и даровали имъ права, о которыхъ, они и не думали, предоставили имъ самоуправленіе въ значительной степени, приняли мѣры къ умственному ихъ образованію и пр. и пр. Точно также дѣло и о бѣломъ д-вѣ начато предложеніемъ Государя Императора Синоду заняться улучшеніемъ матеріальнаго быта, потомъ учреждается особое Присутствіе, открываются епархіальные комитеты и пр., занимаются уже не однимъ матеріальнымъ бытомъ, толкуютъ уже объ отношеніяхъ д-ва къ епархіальнымъ властямъ, желаютъ ему самоуправленія, — словомъ я вижу большое сходство между вопросомъ объ улучшеніи быта д-ва съ вопросомъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крепостной зависимости. Какъ же теперь ограничаться однимъ матеріальнымъ бытомъ? Пусть поднимутся все вопросы! *Се нынѣ время благоприятно, се нынѣ ниспосылаетъ день спасенія для бѣлаго д-ва.* Пропусти эти день и время, потеря будетъ невозвратима, д-во бѣлое . . . . . погибнетъ. Наконецъ странно было бы подробно описывать дурное положеніе бѣлаго д-ва чуть не во всехъ отношеніяхъ и притомъ съ тѣмъ, чтобы усиленно содѣйствовать къ улучшенію его, а м. т. молчать о причинахъ, которыя довели его до нынѣшняго почти кризиса и не предлагать мѣръ остановить пагубныя послѣдствія этого кризиса. Какъ угодно, а въ моемъ положеніи нельзя обойтись безъ предложенія и разрѣшенія вопросовъ: отъ чего это происходитъ? Кто въ этомъ виноватъ? Какъ этому помочь?

Источниками и пособіями мнѣ будутъ служить прежде всего многолѣтнія мои наблюденія надъ д-омъ и духовными училищами; мнѣ благопріятствовали и теперь благопріятствуютъ обстоятельства и люди очень близко слѣдить не только за бытомъ и занятіями воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній, а также городского и сельскаго д-ва, но и за дѣйствіями, жизнью, образомъ мыслей властей духовныхъ и духовно-училищныхъ, наставниковъ духовныхъ училищъ; у меня едва ли не во всехъ слояхъ духовной іерархіи и духовно-учебнаго вѣдомства есть друзья, знакомые и пр;

мнѣ и была и есть возможность знать многое, очень многое, чѣмъ теперь и пользуюсь для своего сочиненія. Но съ моей стороны былобы слишкомъ самолюбиво опираться на однихъ своихъ наблюденійхъ, на собственномъ только авторитетѣ. Я разговаривалъ и совѣтовался со многими духовными и даже свѣтскими людьми и о предметахъ своей книги, притомъ не сказывая имъ, что намѣренъ ее писать, а бесѣдуя какъ будто случайно, по логической послѣдовательности разговора. Такъ я поступалъ, п. ч. слова: *напечатаю ваши слова, ваши рассказы*, многихъ бы рѣшительно затруднили быть искренними. Наконецъ я прочиталъ едва ли не всѣ статьи и книги, которыя, въ последнее время печатались о д-вѣ и духовныхъ училищахъ. Многое изъ прочитаннаго я внесъ въ свое сочиненіе буквально и сдѣлалъ это вовсе не потому, чтобы изложенные въ чужихъ статьяхъ и книгахъ факты были мнѣ неизвѣстны, или соображенія недоступны. Нѣтъ, фактовъ и уменя самого много набрано, а до соображеній тоже самъ я доходилъ, и могъ дойти. Но мнѣ хотѣлось показать, что я не опираюсь на своею авторитетъ, что *не одинъ я такъ думаю*. Особенно я старался воспользоваться содержаніемъ изданныхъ за границу книгъ: *о с. д. и о у. д. у.* и другими заграничными сочиненіями на французскомъ и русскомъ языкахъ, напр.: *La vérité sur la Russie; des reformes en Russie par Dolgoroukoff, la Russie et les Russes par Tourgueneff* и пр., пользовался, п. ч. авторамъ ихъ можно было быть откровеннѣе, нежели другимъ, которые имѣли дѣло съ цензурою, особенно духовною. Мнимые ревнители закона развѣ скажутъ про меня: «какъ же онъ смѣлъ читать запрещенныя книги и ими пользоваться?» — Эхъ! Господа! кто не читалъ заграничныхъ изданій? Если судить всѣхъ читателей Колокола и Полярной звѣзды, Голосовъ изъ Россіи, разныхъ *verités* и *Veridiques*, то тѣсно будетъ въ Сибири. Читаютъ не изъ желанія произвести какой либо переворотъ въ государствѣ, а самою наибольшею частію изъ любопытства, читаютъ и либералы, и радикалы, и консерваторы, и даже ультра-монтаны, ультра-клерикалы, ультра-крѣпостничи. Такъ что же за преступленіе читать и пользоваться прочитаннымъ? Притомъ вотъ примѣръ, имѣющій сюда нѣкоторое отношеніе. Въ ст. Дѣятельность Якова И-ча Ростовцева (см. N. 10 Р. Вѣст. 1864 г. стр. 501) напечатано: »въ редакціонную комиссію присылался съ Высочайшаго соизволенія одинъ экземпляръ Колокола для того, чтобы (члены комиссій) знали все, что (о нихъ) будутъ писать за границу. Сообщая объ этомъ, Ростовцевъ говорилъ членамъ: я буду васъ просить, чтобы

вы и изъ Колокола заимствовали и приняли въ соображеніе все, что можетъ только быть полезно и примѣнено къ исправленію нашихъ трудовъ и усовершенствованію проэкта уложеній. — У одного изъ членовъ вырвались слова: «какъ, неужели заимствовать у Герцена? Я-въ И-чь отвѣчалъ: *«чтоже намъ за дѣло до мнимоностей? Кто бы ни сказалъ полезное, мы должны воспользоваться.»* Этимъ отрывкомъ я вовсе не думаю сказать, чтобы я имѣлъ право пользоваться заграничными изданіями о Россіи; къ такой дерзости я не способенъ. Я хочу только приложить слова покойнаго Ростовцева къ себѣ: *«что за дѣло до мнимоностей? Кто бы ни сказалъ полезное, я могу воспользоваться.»*

Но мнѣ представляють гораздо болѣе серьезныя опасности. Шиллеръ въ своей тридцатилѣтней войнѣ, рассказывая о насильственной смерти Валленштейна, говоритъ почти въ самомъ концѣ четвертой книги: «со времянь пророка Самуила ни одинъ человекъ, ссорившійся съ Церковью счастливо не окончилъ своей жизни.» Авторъ этой книги вовсе не Валленштейнъ, даже не военный, а очень мирный гражданинъ, уважаетъ вселенскую, соборную и апостольскую Церковь, не имѣетъ ни желанія ни поводовъ вступать съ нею въ борьбу; по этому на него бы лицамъ, высоко поставленнымъ въ церковной іерархіи, не слѣдовало обращать вниманія. Но ему придется говорить о томъ, что главная причина дурнаго положенія и бѣлаго д-ва и духовныхъ училищъ заключается въ лицахъ, изъ которыхъ состоитъ церковная монашеская администрація, что большинство монашескихъ властей не очень сочувствуетъ улучшенію д-ва. Ему придется говорить о постриженіи въ м-во, о монастыряхъ и пр. вовсе не такъ, какъ любятъ говорить о нихъ монахи. И потому ему мудрено разсчитывать на благорасположеніе высокихъ м-щихъ сановниковъ. Въ этомъ случаѣ нѣтъ надобности указывать на Валленштейна; тамъ дѣйствовало католическое д-во. Примѣры можно найти поближе. Извѣстно (конечно по слухамъ), что авторъ книги: *о. е. д.* былъ приговоренъ духовными властями окончить свою жизнь въ стѣнахъ соловецкаго монастыря; отъ этаго ужаснаго приговора онъ спасенъ былъ только Волею нашего Батюшки, Царя — освободителя и участіемъ нашей Матушки-Царицы. Съ авторомъ книги: *о. у. д. у.* труднѣе было управиться безцеремонно, если только онъ дѣйствительно свѣтскій отставной профессоръ. Но стонущая молва говоритъ, что и ему грозила серьезная опасность, что онъ нашолъ нужнымъ съѣздить самъ въ Петербургъ и собственнымъ наблюденіемъ убѣдиться, въ какой

степени справедливы слухи объ угрожающей ему опасности. Какъ же послѣ этого разсчитывать на полную свою безопасность, когда кто нибудь коснется еще болѣе щекотливыхъ вопросовъ, нежели оба эти автора? Послушаемъ вмѣстѣ, г. ч., какъ авторъ книги: *о. с. д.* самъ прилагаетъ къ себѣ слова Дѣяній Апостольскихъ о первомученикѣ Стефанѣ, немного ихъ парафразируя: «нѣтъ сомнѣнія, что тѣ, которые узнають себя въ представленныхъ нами чертахъ, назовутъ наши слова хулою, недѣлостію, злонамѣреннымъ памфлетомъ, и на насъ, если Господь попуститъ, *сподвинуть люди и старцы и книжники и нападше восхитятъ насъ, приведутъ на сонмище, поставятъ свидѣтели ложныя, глаголющія: яко человекъ сей не перестаетъ глаголы хульныя глаголати . . . . Слѣзашомъ бо ео глаголюща, яко нужно . . . . измѣнить обычаи, яже предаша намъ мѣта древнія. И распяшутся сердца своими и заскрежещутъ зубы на ны, воззвонютъ же гласомъ великимъ, заткнутъ уши свои и устремятся единомудушно на ны и изведше въ города, въ грозный примѣръ другимъ, казнятъ насъ (стр. 146—147).* Никакъ нельзя думать, чтобы при нынѣ господствующихъ понятіяхъ и мнѣ, смиренному рабу Божію можно было ожидать того же, чего опасался авторъ *о. с. д.*; но м. т. не излишнимъ нахожу поговорить о томъ, въ чемъ, по всей вѣроятности, защитники и приверженцы церковной іерархіи, станутъ обвинять меня. Слова мои конечно не убѣдятъ ихъ и не пробудятъ въ нихъ расположенія ко мнѣ. Но безпристрастные люди, прочитавши мое оправданіе, *не распяшутся на меня сердцами, своими не заскрежещутъ зубами, не заткнутъ ушей своихъ, и, м. б. нѣкоторые изъ нихъ даже устремятся, — но не на гибель, а на защиту мою.*

Защитники церковной іерархіи, особенно ея представители и ихъ клеветы не очень бываютъ снисходительны къ тѣмъ, кто рѣшается печатать о недостаткахъ и злоупотребленіяхъ, господствующихъ въ бѣломъ д-вѣ, особенно же въ м-вѣ и еще особеннѣе между епархіальными начальниками, — печатать о томъ, что бѣдственное матеріальное положеніе д-ва и духовныхъ училищъ, ихъ вполне неудовлетворительное состояніе даже въ моральномъ и религіозномъ отношеніи произошло не отъ мірянъ, а главнымъ образомъ или отъ самага д-ва, или отъ духовныхъ властей; о томъ, что послѣднія все это знаютъ, но не хотятъ принять дѣятельныхъ мѣръ къ улучшенію изъ кастовыхъ побужденій, изъ монашескихъ предубѣжденій, и свои заднія мысли прикрываютъ возгласами о благѣ Церкви, о святости древнихъ обычаевъ

и преданій, о нищетѣ духовной и матеріальной, о буйствѣ по *Бозѣ* и о тщетѣ человѣческой мудрости и пр.; — печатать еще о томъ, что отъ упадка умственнаго, нравственнаго и религіознаго состояній д-ва грозитъ серьезная опасность и религіи и государству и пр. и пр. О! съ такими людьми не церемоняется; только снисходительные изъ іерарховъ, ихъ поклонниковъ, клеветовъ называютъ такихъ людей обманщиками, лжецами, не добросовѣстными клеветниками, или заблудшими овцами, которыя, будучи увлечены современными матеріалистическими идеями, совратились съ пути истиннаго. Менѣе снисходительные обвиняютъ ихъ въ желаніи унижить д-во въ глазахъ народа и подорвать авторитетъ церковной власти, и чрезъ это способствовать ослабленію въ народѣ религіи, нравственности и уваженія ко всемъ вообще властямъ; а вовсе не снисходительные называютъ ихъ и безнравственными вольнодумцами, противниками всякой божеской и человѣческой власти и наконецъ даже безбожниками. Разсчетъ вѣрный. Масса не судитъ, а увлекается пышными фразами, громкими словами; оглушенная и ослѣпленная ими, она думаетъ: *не безъ причины же такъ чествятъ человека, и при томъ люди — официальныя представители христіанскихъ добродѣтелей, — вѣрно онъ не прелезъ, —* начинаетъ и сама бросать въ него грязью, а иногда поднимаетъ на него кулакъ свой.

Оставлять безъ опроверженія подобныя нападки не слѣдуетъ. Дѣйствительно не дѣлаетъ чести военнымъ людямъ, если они, засѣвши въ крѣпости, никогда не выходятъ изъ нее, опасаясь непріятелей, и даже боятся стрѣлять изъ страха раздражить его; это уже трусость. Но смѣшно же требовать, чтобы отрядъ, выступая изъ крѣпости и зная, что окрестности наполнены непріятелемъ, не бралъ никакихъ предосторожностей противъ нападений. И потому не смѣйтесь, г. ч. если я предпринимаю походъ, беру военныя предосторожности и думаю поприкрыть себя, т. е. ть, панциремъ отъ непріятельскихъ нападений.

Есть истины, нравственныя доктрины, социальныя учрежденія, о которыхъ, по мнѣнію многихъ, не слѣдуетъ свободно разсуждать; и если кто либо сомнѣвается въ нихъ, оправвергаетъ ихъ, особенно насмѣхается надъ ними, то не только считается неблагонадежнымъ человѣкомъ, но даже подвергается общественному нареканію и часто преслѣдуется законами, какъ преступникъ. Къ числу такихъ предметовъ, недоступныхъ критическому разбору, принадлежатъ, р-ся, религія, и частью церковь, которая, какъ пишетъ Совре-

менникъ (№. 3. 1863 г. Заграничныя пренія о положеніи русскаго д-ва стр. 5) «есть установленіе не человѣческое и слѣдовательно совершенное и никакимъ переи́мамъ не подлежащее.» Но такую привилегію пользуются не всѣ части религіи, или нашего Православія, но только главныя и существенныя ихъ догматы и нравственныя правила. И потому не всякаго, кто свободно касается религіозныхъ предметовъ, надобно уже осуждать, какъ преступника, или трактовать, какъ человѣка погибшаго. По моему мнѣнію, писателя на основаніи изданнаго имъ сочиненія, тогда только можно считать 1) *безбожникомъ*, когда въ немъ отвергается бытіе Верховнаго Существа, промыслъ Его въ твореніи и поддержаніи міра, безсмертіе души человѣческой и необходимость нравственнаго закона для человѣка; 2) *не христіаниномъ*, когда онъ не признаетъ тѣхъ догматовъ, которые составляютъ отличительные признаки христіанства отъ прочихъ религій и основанныхъ на Св. Писаніи и постановленіяхъ вселенскихъ соборовъ, каковы напр. догматы о Св. Троицѣ, о воплощеніи сына Божія, о святости Таинствъ, о благодати Божіей и пр.; 3) *не православнымъ*, когда онъ кромѣ того опровергаетъ тѣ пункты вѣроученія, которыми существеннымъ и главнымъ образомъ Православіе различается отъ прочихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій; въ обоихъ послѣднихъ случаяхъ однимъ изъ лучшихъ критеріевъ можетъ служить обрядъ Православія, совершаемый въ воскресенье первой недѣли великаго поста; тутъ подробно изложено, во что Православной христіанинъ обязанъ вѣровать, и за что ему грозитъ анаѣма; 4) *безнравственнымъ и развратителемъ людей*, когда излагаетъ ученіе, которымъ подрываются нравственныя начала и обязанности человѣка, или когда описываетъ порокъ въ столь привлекательныхъ чертахъ, а добродѣтель представляеть въ такомъ смѣшномъ видѣ, что неизбѣжно является желаніе слѣдовать первому и бросить послѣднюю.

По этимъ, т. е-ть, пунктамъ не опасаясь обвиненій. Я далъ себѣ и повторяю предъ читателями — честное слово ни подъ какимъ видомъ въ своемъ сочиненіи не подвергать сомнѣнію основныхъ пунктовъ религіи, православія и нравственности, — и сдержу его; а о *чемъ не говоришь, въ томъ не критикуешь*. Лучшимъ ручательствомъ въ этомъ случаѣ служить личная моя безопасность; только, оставаясь вѣрнымъ этому слову, я могу въ предстоящемъ мнѣ литературномъ походѣ рассчитывать на поддержку свѣтской власти и честныхъ, добросовѣстныхъ людей. И такъ съ этой стороны я считаю себя безопаснымъ. Но мнѣ тражно говорить о

д-вѣ; а неблагопріятные отзы́вы о немъ и особенно о его предстоятеляхъ, по мнѣнію многихъ, должны быть подвергаемы такому же суду, какъ и критика религиозныхъ основныхъ догматовъ. Несправедливость такого взгляда очевидна; и это я стану подтверждать не своими собственными доказательствами, а мыслями, одобренными цензурою. Т. о. въ No. 7 От. Запис. 1862 г. (стр. 265) пишется: «догматическое законодательство неизмѣнно, по способъ управленія епархіей можетъ и долженъ измѣняться сообразно состоянію управляемаго общества. Измѣненіе это необходимо тѣмъ болѣе, что вопросъ объ администраціи нашего бѣлаго д-ва касается не однихъ только священниковъ, но и всего православнаго народонаселенія, всѣхъ классовъ общества.» А если управленіе епархіею измѣняемо, то очевидно, что судить о епархіальныхъ дѣлахъ и лицахъ вовсе не есть ни ересь, ни признакъ вольномыслія. Но въ 3 No. Современника 1860 г. въ заграничныхъ преніяхъ и пр. (стр. 3) еще лучше говорится: «основанъ православія, очевидно, нисколько не повредило бы, если бы стали писать напр. о духовныхъ к-ріяхъ, о существующихъ отношеніяхъ высшей духовной власти къ нашему причту, объ отношеніяхъ священника къ прихожанамъ, объ организаціи ученой власти въ духовныхъ училищахъ, о значеніи различныхъ мѣръ, принимаемыхъ и принимавшихся противъ раскола и пр. и пр. Вѣдь устройство духовныхъ к-рій, преподаваніе агрономіи и медицины въ семинаріяхъ и т. п. не опредѣляется ни св. Писаніемъ, ни соборами, ни отцами церкви; это дѣло временныхъ потребностей и сообразно съ ними можетъ измѣняться.» Но эти выписки я бралъ изъ свѣтскихъ журналовъ; ихъ авторитетъ не можетъ считаться важнымъ въ религиозныхъ дѣлахъ. Обратимся къ духовной цензурѣ, къ духовному писателю, даже защитнику д-ва, г. Предтеченскому. Въ своей брошюрѣ (стр. 68) онъ говоритъ: «д-во, какъ и всѣ другія сословія, должно подлежать общественному и печатному суду; оно даже нуждается въ этомъ судѣ м. б. болѣе, чѣмъ другія сословія, сообразно большей важности тѣхъ великихъ интересовъ народа, которые находятся подъ его смотрѣніемъ; въ этомъ общественномъ судѣ оно можетъ найти для себя поощреніе, возбужденіе, совѣты, внушенія, можетъ найти энергію и для усиленія добра въ себѣ и для искорененія зла въ своей средѣ и другихъ.» Поэтому за мой печатный судъ о д-вѣ оно даже должно остаться благодарнымъ, п. ч. изъ него оно почерпнуть можетъ и поощреніе, и совѣты, и внушенія, и энергію и пр.; это я говорю на основаніи словъ г.

Предтечинскаго, одобренныхъ духовною цензурою и напечатанныхъ въ старѣйшемъ изъ духовныхъ журналовъ. Значить, и съ этой стороны меня не за что обвинять.

Здѣсь могутъ возразить: «на д-во нельзя смотрѣть, какъ на прочія сословія въ государствѣ; члены его особенно священники, архіереи и монахи — *люди не отъ міра сего*. Имъ нельзя сдѣлаться посредствомъ указа, или приказа. Они не опредѣляются на должность, а *посвящаются, рукополагаются, или хиротонизируются* въ церкви предъ престоломъ Царя царствующихъ, притомъ тѣми только лицами, которыя получили на это власть по преемству отъ Апостоловъ и самого Іисуса Христа; — рукоположеніе въ священники не есть какой либо обрядъ, простая церемонія, а одно изъ семи христіанскихъ таинствъ; при совершеніи его низводится на рукополагаемаго таинственная благодать Божія, ниспосылаются дары Св. Духа, *дается власть вязать и развязать*. Не безъ причины же священники считаются служителями алтаря Господня, а архіереи — преемниками Апостоловъ, а иногда даже представителями Іисуса Христа, м-во — ангельскимъ чиномъ, а д-во — священнымъ званіемъ. Не даромъ священники зовутся пастырями, архіереи — архипастырями, а весь прочій народъ — овцами, или пасомыми. Т. о. *д-во есть, т. с-ть, догматическій предметъ* и должно быть недоступно сужденію и осужденію мірянъ; оно само рѣшаетъ свои дѣла и санкционируетъ ихъ благословеніемъ и согласіемъ архіерея.»

Возраженіе это весьма сильно для боязливаго католика; тамъ д-во, особенно епископы, ставятъ себя выше суда человѣческаго, хотя не избѣгаютъ его. Но г. Погодинъ въ своемъ объясненіи (№ 5 Рус. Вѣстн. 1859 г. стр. 44) говоритъ: какъ чиновники. не составляютъ юстиціи, такъ и духовныя лица, какія бы онѣ ни были, внѣ ихъ священнодѣйствія, не составляютъ Церкви. Кто осуждаетъ тѣхъ, или другихъ чиновниковъ, тотъ еще не показываетъ тѣмъ не-уваженія къ юстиціи; кто показываетъ злоупотребленія духовныхъ лицъ или учреждений, какихъ бы то ни было, тотъ можетъ благоговѣть предъ Церковію и ея уставами.» И дѣйствительно въ д-вѣ различаемъ двѣ стороны: духовную и мірскую, или лучше догматическую и житейскую. Еслибы я нападалъ на таинства, богослуженіе и разные обряды, оспаривалъ право священниковъ и архіереевъ низводить благодать св. Духа, прощать и вязать грѣхи, вводить въ таинственное единеніе со Христомъ чрезъ приобщеніе Его тѣла и пр. и пр., ну, тогда бы я зашолъ въ

область догматики. И если бы осмѣлился глумиться надъ этими и имъ подобными предметами, — то былъ бы неправославнымъ человѣкомъ, еретикомъ и, по нашимъ законамъ, преступникомъ. Но я обошлъ эти предметы; говорю только о бѣдственномъ положеніи бѣлаго д-ва, о причинахъ этого и о средствахъ улучшить его во всѣхъ отношеніяхъ. Бѣдственное же положеніе д-ва, — не предметъ догматики, желаніе объяснить и облегчить его, не есть посягательство на власть Церкви, описаніе недостатковъ и злоупотребленій, господствующихъ въ бѣломъ д-вѣ, въ м-вѣ, даже между епархіальными начальниками не есть возстаніе противъ апостольскихъ правилъ, постановленій вселенскихъ соборовъ; скромное желаніе, хотя и высказанное въ печати, измѣнить плачевныя отношенія между высшимъ и низшимъ д-вомъ, ограничить произволъ и даже деспотизмъ епархіальныхъ властей, предоставить бѣлому д-ву самостоятельность не въ измѣненіи догматовъ, а въ житейскихъ дѣлахъ, — вовсе не есть ни ересь, ни отщепенство. Прочитайте чинъ православія, чинъ исповѣди, православныя катихизисы и догматики, — ни гдѣ не увидите, чтобы эти предметы назывались ересью, расколомъ, грѣхомъ.

Но защитивши себя отъ обвиненія въ неправославіи, въ неуваженіи къ предметамъ догматическаго содержанія, я долженъ позаботиться доказать, что своею книгою не развращаю православнаго русскаго народа, не подрываю въ немъ уваженія къ власти и пр. Тутъ обвинители могутъ сказать: «нравственность весьма тѣсно соединена съ религіею и безъ нее даже не мыслима. Но религіозность не только народныхъ массъ, а и образованныхъ классовъ преимущественно поддерживается уваженіемъ и довѣріемъ пасомыхъ къ своимъ пастырямъ, въ дѣлахъ вѣры довѣріе и даже безусловное повиновеніе необходимы. Сравненіе лучше всего объясняетъ это. Овцы, составляющія стадо, тогда только безопасны отъ волковъ, когда онѣ слушаютъ своего пастуха, не расходятся, не слѣдуютъ своему глупому инстинкту; а если разбѣгутся и удалятся отъ пастуха, то заблудятся, или сдѣлаются добычею волковъ и хищныхъ людей. Точно такъ и словесное стадо безопасно только въ томъ случаѣ, когда оно внимлетъ гласу своихъ пастырей и архипастырей, иначе и оно сдѣлается добычею того существа, которое называется *врагомъ чловѣка искони, шущимъ котомбо поглотити*. Но ознакомленіе съ злоупотребленіями, господствующими въ бѣломъ д-вѣ и особенно въ м-вѣ и между архіереями, пробуждаетъ сомнѣніе въ ихъ благочестивой жизни и

недовѣріе къ ихъ словамъ. А усомнившись въ достоинствѣ лицъ, принадлежащихъ къ священному званію и ангельскому чину, перестаешь уже вѣрить и въ ученіе, ими проповѣдуемое; съ этимъ, по необходимости уже соединенъ упадокъ нравственности и религіи. Далѣе согласіе между пастырями и архипастырями, любовь, преданность и повиновеніе съ одной, сознание важности своего сана съ другой стороны — необходимы для того, чтобы пасти и спасти стадо; п. ч. пока тѣ и другіе будутъ заняты взаимною враждою, одни откажутъ въ повиновеніи, другіе не будутъ имѣть смѣлости приказывать; — стадо оштетя безъ надзору, овцы разьдутся и *волкъ расхититъ и расхититъ* ихъ. Теперь пастыри, м. б. и догадываются, что архипастыри могли бы съ ними поступать нѣсколько поблагороднѣе, а м. б. и не догадываются, но во всякомъ случаѣ молчатъ и смиренно преклоняются; миръ іерархіи остается ненарушеннымъ. Но подробное описаніе бѣдствій и страданій бѣлаго д-ва, убѣдительныя доказательства того, что въ этомъ много виновны епархіальныя власти, естественно поселяютъ вражду между пастырями и архипастырями, одни потребуютъ себѣ самостоятельности, другіе или станутъ употреблять болѣе крутыя мѣры, чтобы поддержать старый порядокъ, или потеряютъ вліяніе на подчиненныхъ; очевидно, что въ царствѣ появится раздѣленіе, а *всякое царство, раздѣлившееся на ся, не станетъ*. Наконецъ власть пастырей и особенно архипастырей есть власть духовная, власть самая важная и высокая, отъ которой зависитъ благосостояніе въ этой и спасеніе въ будущей жизни. Не должно ли послѣдовать презрѣніе ко всякой власти вообще, какъ скоро подорвется уваженіе къ власти духовной и церковной? А это, р-ся, непременно будетъ, какъ скоро сдѣлаются извѣстными недостатки и злоупотребленія господствующія въ д-вѣ и его властяхъ. И такъ, скажутъ обвинители, неправда ли, что авторы подобныхъ книгъ, какъ эта, подрываютъ въ народѣ нравственность, религію и уваженіе къ власти, что ихъ даже можно считать развратителями людей, возмутителями противъ существующаго законнаго порядка?»

Если выслушать подобныя обвиненія, особенно когда они высказываются съ дѣйствительнымъ, или мнимымъ воодушевленіемъ, то иногда задумаешься о томъ, ужъ въ самомъ дѣлѣ хорошее ли дѣло обличать д-во въ его недостаткахъ и злоупотребленіяхъ? Не лучше ли, придерживаясь Лейбницевою теодицеи, доказывать, что все прекрасно и что кажущееся зло есть добро и к-ся зломъ только намъ — близорукимъ людямъ? Нѣтъ, на это не только нельзя, но и не должно соглашаться.

Прежде всего нужно спросить: злоупотребленія и недостатки, описанные въ этой книгѣ, дѣйствительно ли существуютъ, или выдуманы мною? Не называю ли я бѣлаго чернымъ? *Не дѣлаю ли слома изъ муха*, по русской пословицѣ? Не клевету ли? Нѣтъ, господа! Я уже далъ и сдержу честное слово говорить правду. Р-ся, злоупотребленія и недостатки, мною описываемые, существуютъ не въ каждой епархіи, но нѣтъ ни одного изъ нихъ, который гдѣ либо не существовалъ; ни клеветы, ни лжи, ни даже преувеличенія нѣтъ. И если на мою книгу смотрѣть, какъ на лѣтопись описывающую нынѣшнее состояніе д-ва, то, пожалуй, можно упрекнуть ее въ томъ, что она не говоритъ о многихъ дѣяніяхъ церковныхъ, особенно м-щихъ властей, — о дѣяніяхъ, описаніе которыхъ могло бы произвести не только негодованіе, но омерзеніе и ужасъ; я щадилъ еще реверендиссимусовъ и прогрессистовъ. Говарить чистую правду, ничего не выдумывая, мнѣ нужно было для личной безопасности; ею только могу я прикрыться, если когда либо *станутъ истязать меня о словеси моемъ*; и за правду мнѣ можетъ многое достаться; къ чему же ложью и клеветою подавать поводъ къ законному преслѣдованію?

Второй вопросъ есть слѣдующій: описываемые въ книгѣ недостатки и злоупотребленія, существующія въ д-вѣ, извѣстны ли мірянамъ? Подобный вопросъ могутъ предлагать только тѣ, кто не знаетъ ни людей вообще, ни образа жизни д-ва. Не смотря на свое изолированное, кастовое положеніе, д-во во всёхъ отношеніяхъ извѣстно мірянамъ. Въ домахъ его всегда есть кухарки, работницы, няньки, или работники, которые все видятъ въ домѣ, и объ этомъ всёмъ разсказываютъ внѣ дома. Да и сами духовныя лица не любятъ секретничать; они не очень ладно и мирно живутъ между собою; а о врагахъ и соперникахъ не любятъ молчать; тутъ, по русской пословицѣ, *что ни есть въ печи, все на столѣ мечи*. За-тѣмъ опять духовныя лица не очень любятъ церемониться или, какъ нынѣ выражаются, *жемуроваться* предъ мірянами; самая большая часть описываемыхъ недостатковъ и злоупотребленій *въ очю всѣхъ*, т. е-тъ, *совершаются*. О бѣломъ, особенно сельскомъ д-вѣ міряне даже м. б. знаютъ больше, нежели сами духовныя лица, особенно духовныя власти.

И вы, святые отцы, блаженные иноки, не обольщайтесь мечтою, чтобъ объ васъ не знали міряне. Конечно монастыри ночью бываютъ заперты на замокъ, и ключъ отъ воротъ относится о. настоятелю, или его намѣстнику, но за-то

днемъ съ самаго ранняго утра и до поздняго вечера во всякій монастырь безъ всякаго препятствія входятъ міряне и непосредственно, даже въ кельяхъ наблюдаютъ за житьемъ бытjemъ отшельниковъ; даже, за-чѣмъ таить грѣхъ, умѣютъ проникать туда и ночью, по к. м. знаютъ, что дѣлается тамъ въ это время. Кромѣ того сами отшельники не держатъ себя подѣ спудомъ въ стѣнахъ монастырскихъ, не налагаютъ на себя, подобно трапнистамъ, обѣта молчанія. Они любятъ посѣщать міръ и мірянъ, чтобы доставить другимъ, или получить отъ нихъ утѣшеніе, любятъ бесѣдовать съ мірянами не только о суетѣ мірской и тревоженіяхъ житейскихъ, но и о своихъ искушеніяхъ, о неприятностяхъ монастырской жизни, о братіи, о настоятеляхъ и пр.; любятъ въ своихъ бесѣдахъ оживлять себя тѣмъ, чѣмъ русскій народъ оживляетъ и ободряетъ себя и въ радости и въ горѣ, — и тогда, по русской пословицѣ, *слушай только тѣсь, что дубрава шумитъ*; тутъ мірянину иногда даже и наскучить слушать. Притомъ въ монастыряхъ есть привратники, ловара, сторожа — міряне, которымъ все монастырское извѣстно и которые ничего не скрываютъ; есть послушники, которые, по отроческой невинности и юношеской откровенности, не любятъ молчать и въ монастырѣ, и особенно бываютъ говорливы, когда оставляютъ его, чтобы поступить въ другое званіе, какъ случается, нерѣдко. Наконецъ хотя и рѣдко, а нѣкоторые изъ святыхъ отшельниковъ волею, или неволею оставляютъ чинъ ангельскій и разсказываютъ безъ всякой утайки монастырскія тайны. Т. о. и о монастыряхъ все знаютъ міряне.

И вы, прогрессисты, и вы, реверендиссимусы, монснѣры, не думайте, чтобы даже мельчайшія подробности вашей жизни были неизвѣстны мірянамъ. У васъ такъ много почитателей и почитательницъ, враговъ и завистниковъ, что одни изъ уваженія къ вашимъ особамъ, другіе изъ желанія повредить вамъ, стараются все объ васъ узнать отъ вашихъ же послушниковъ, келейниковъ, служителей, лакеевъ, поваровъ, кучеровъ, письменоводителей, экономовъ и пр. и пр. Вы пьете чай въ своемъ кабинетѣ одни, или интимно бесѣдуете тамъ съ кѣмъ либо *дверемъ затвореннымъ*. Но будьте увѣрены, что въ тотъ же вечеръ, или въ слѣдующій день узнаютъ, съ кѣмъ вы пили чай, узнаютъ также, или догадываются, въ чемъ состояла ваша бесѣда съ интимною особою, чѣмъ и когда окончилась. Вы садитесь за столъ и кушаете; кухня ваша заперта для всякаго сторонняго человѣка, кушанья къ вамъ переносятся въ закрытой посудѣ, кушаете

вы одни, а м. т. иногда прежде вашего объѣда уже знаютъ въ городѣ, гдѣ получались припасы, — въ рыбномъ, или мясномъ ряду? Объ обращеніи нашемъ съ подчиненными нечего и говорить: всё ваши слова запомнены и переданы, ваши мины подмѣчены, ваши жесты заучены. Все, все извѣстно.

И такъ эта книга не говоритъ о чемъ либо вполне никому изъ мірянъ неизвѣстномъ. Я не утверждаю, чтобы все, мною написанное о д-вѣ, было извѣстно; и объ Наполеонахъ I и III не вся Франція все знаетъ. Но съ другой стороны положительно нужно сказать, что въ книгѣ нѣтъ ни одного факта, который бы не былъ извѣстенъ многимъ мірянамъ. Не думайте даже, чтобы мнѣ трудно было собрать всё эти факты; они, т. с-ть, сами ко мнѣ являлись; я не всегда спрашивалъ, мнѣ больше рассказывали.

Но не будетъ ли справедливымъ то мнѣніе, что недостатки и злоупотребленія пробуждаютъ неуваженіе къ виновникамъ ихъ съ тѣхъ только поръ, когда они сдѣлаются извѣстными чрезъ печать; тогда какъ, передаваясь устнымъ образомъ, они не производятъ неблагоприятнаго впечатлѣнія? Смѣшно такъ думать и говорить, хотя нѣкоторые именно такъ думаютъ и говорятъ. Неуваженіе къ человѣку, желаніе освободиться отъ его вліянія и деспотизма обуславливается жизнію, частными его поступками, а не типографскими чернилами, не печатнымъ станкомъ, не веленевою, или простою бумагою. И какъ скоро, выразимся нѣсколько пышно, человѣкъ проявитъ свое существованіе дурными поступками, запятнаетъ себя злоупотребленіями, то люди теряютъ уваженіе къ нему, узнаютъ, ли они о томъ непосредственно сами собою, или устно отъ другихъ, или изъ печати. Подтвердимъ это относительно разсматриваемаго здѣсь предмета. До настоящаго царствованія почти вовсе не было печатано о д-вѣ, а м. т. пользовалось ли оно безусловнымъ уваженіемъ мірянъ? Благодушно ли оно сносило деспотизмъ епархіальныхъ властей? Въ послѣдствіи подробно будетъ говорено въ какомъ уваженіи нынѣ д-во находится у мірянъ и восхищается ли управленіемъ и обращеніемъ своихъ начальниковъ? Но міряне перестали уважать д-во и духовные начала тяготиться своимъ начальствомъ давно уже, очень давно. Подобнымъ образомъ разрѣшается и то возраженіе, что будто бы обнародованіе недостатковъ и злоупотребленій духовныхъ властей подрываетъ авторитетъ всякой власти вообще, что авторъ въ такомъ случаѣ является въ нѣкоторомъ смыслѣ возмутителемъ общественнаго порядка и пр. На это отвѣчаю. Виновниками общественныхъ безпорядковъ

и всѣхъ революцій надобно считать тѣхъ, кто своими поступками и злоупотребленіями предоставленной имъ власти пробуждаютъ неудовольствіе въ управляемыхъ, дѣлаютъ невыносимымъ положеніе ихъ. Вотъ кто-главные виновники, а вовсе не тѣ, кто изъ желанія прекратить безпорядки, предостратитъ пагубныя ихъ послѣдствія, обнародываетъ ихъ въ печати; чрезъ это онъ даетъ способъ высшему начальству, верховной власти принять нужныя мѣры къ искорененію злоупотребленій, къ предупрежденію дурныхъ послѣдствій. Притомъ напрасно думаютъ, что обличеніе однихъ чиновниковъ подрываетъ уваженіе къ всѣмъ властямъ; к-ся, напротивъ; чрезъ это обнародываніе честные, благонамѣренныя органы власти дѣлаются еще болѣе достойными уваженія и любви.

Предположимъ теперь самый неблагоприятный случай для меня. Пусть недостатки и злоупотребленія, мною описываемые, неизвѣстны, или немногимъ извѣстны. Что лучше? Оставить ли ихъ *во мракѣ неизвѣстности*, или слѣдуетъ обнародывать ихъ печатно? Для разрѣшенія этихъ вопросовъ нужно рѣшить другой вопросъ: если недостатки и злоупотребленія дѣйствительно существуютъ (а въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія), то надобно ли стараться объ искорененіи ихъ, или слѣдуетъ позволить имъ по прежнему процвѣтать и здравствовать, ожидать, пока сами виновники откажутся отъ нихъ? Въ этомъ случаѣ даже отъявленный ультраконсерваторъ едва ли станетъ отвѣчать утвердительно; здѣсь *laisser passer* такая безобразная несправедливость, что её даже опровергать не стоитъ. И потому надобно стараться объ искорененіи существующихъ недостатковъ и злоупотребленій. Теперь рождается новый вопросъ; когда они лучше искореняются, тогда ли, какъ они бывають немногимъ извѣстны, или когда печатно оглашаетъ ихъ гласность?

Слишкомъ много чести значило бы приписывать книгопечатанію, если сказать, что недостатки и злоупотребленія въ какой либо вѣтви администраціи, послѣ того, какъ обличаться въ печати, тотчасъ же искореняются. Въ этомъ случаѣ человѣкъ показываетъ много самостоятельности, упрямо держится укоренившихся привычекъ и настойчиво продолжаетъ идти по проложенной дорогѣ, особенно, когда съ этимъ вмѣстѣ соединены какія либо матеріальныя выгоды, возможность удовлетворить честолюбію поддержать и расширить сословныя привилегіи; тутъ литература одерживаетъ побѣду развѣ послѣ продолжительной и ожесточенной борьбы. Съ другой стороны извѣстно, что обличительная литература сильно обуздываетъ тѣхъ господъ, которые любятъ пожа-

виться на счетъ ближняго, повеличатся предъ нимъ своею
 возможностью, поприжать его, *по придержать его въ черномъ
 тѣмъ*, и что злоупотребленія, предъ которыми гласность без-
 гласна, упрямо поддерживаются ихъ виновниками. Печатное
 слово имѣетъ какую-то магическую силу, предъ которою
 преклоняется и канцелярскій чиновникъ и крупный самодуръ,
 мелкій торговецъ, потомственный гражданинъ, смиренный
 аббатъ и недоступный прелатъ; всякій боится, чтобы *его не
 пропечатали*. Вотъ напр. извѣстный взяточникъ и казно-
 крадъ; всѣ его сограждане знаютъ, что онъ нажилъ свое
 огромное имѣніе *разными неправдами*, даже тайкомъ отъ
 него толкуютъ о немъ, иногда и въ глаза отпустятъ остроты
 на его счетъ. Но онъ б. ч. остается спокойнымъ, развѣ
 иногда немного поморщится; онъ знаетъ, что людскіе толки
 скоро прекращаются, да и далеко не уходятъ. Совсѣмъ
 другое дѣло бываетъ, когда его *пропечатаютъ*, опишутъ
 хотя подъ чужимъ именемъ его похождения. Рѣдкій изъ
 пропечатанныхъ не поблѣднѣетъ, услышавъ, что онъ, по
 русской пословицѣ, *выведемъ на частую воду*; онъ знаетъ,
 что печатное слово разнесетъ его имя по цѣлой Россіи, сдѣ-
 лаетъ его предметомъ остротъ всѣхъ читателей, заклемитъ
 на долго позоромъ, а иногда и передастъ потомству; это уже
 не то, что безтолковые людскіе толки. Точно такимъ же
 образомъ, чтобы вылечить самодура-начальника отъ грубаго
 обращенія съ подчиненными, — печать едва ли не самое
 сильное лекарство. Это очень хорошо подтверждается по-
 слѣдними годами, когда мы ознакомились — было съ глас-
 ностію; какъ ни говорите, а теперь и становые, и исправ-
 ники, даже городовые и будочники, и судебныя мѣста (кромѣ
 впрочемъ крѣй) уже не тѣ, чѣмъ онѣ были лѣтъ за десять.

Д-во, начиная съ низшей степени и до высшей, оказа-
 лось очень чувствительнымъ къ литературнымъ обличеніямъ,
 даже едва ли не чувствительнѣе всѣхъ прочихъ сословій.
 Чувствительность эта б. ч. выражалась негодованіемъ, кото-
 рое въ духовныхъ магнатахъ доходило уже до крайняго
 озлобленія, но иногда обнаруживалось желаніемъ исправить
 недостатки и злоупотребленія. Хорошо и это, хорошо даже
 одно негодованіе; значитъ, литература стрѣляетъ метко, ору-
 жіе ея — остро. Конечно крѣпость еще не приступна, но въ
 ней есть уже брешь, непріятель обезпокоенъ. Видно уже
 нѣсколько благотельныхъ послѣдствій. Конечно общее со-
 стояніе д-ва и духовныхъ училищъ мало улучшилось; но
 есть уже священники, которые стали тяготиться вымогатель-
 ствомъ отъ прихожанъ и своими отношеніями къ нимъ, —

есть много семинаристовъ, которымъ опротивѣла схоластическая бездушная ученость; есть уже начальники училищныя, которые отвыкли, или отвыкають отъ бурсацкой системы обращенія съ учениками и наставниками; есть даже реверендиссимусы, которые говорятъ протоіереямъ и священникамъ, *ош*; сажаютъ даже у себя. Нѣтъ, уже многое измѣнилось и въ д-вѣ.

Впрочемъ неполнѣ удовлетворительное вліяніе обличительной литературы зависитъ преимущественно отъ двухъ причинъ. Во первыхъ *отъ такъ называемыхъ обстоятельствъ, независящихъ отъ автора*; при большой гласности убѣжденія самыхъ упрямыхъ консерваторовъ старинныхъ безпорядковъ въ д-вѣ поколебались бы. Другая причина состоитъ въ томъ, что литература, вышеупомянутыми обстоятельствами, принуждена довольствоваться небольшими статьями о д-вѣ, которыя разбѣраютъ не всю систему его администраціи, не всѣ злоупотребленія и недостатки, а только кое-что отрывками. Чтобы объяснить эту причину, позвольте прибѣгнуть къ сравненію. Представьте себѣ огромную и не дурно дисциплинированную армію, которая двигается всею своею массою, притомъ съ соблюденіемъ хоть нѣкоторыхъ военныхъ предосторожностей. Такой арміи конечно много можно сдѣлать вреда отдѣльными стычками, партизанскими набѣдами и пр. и пр., но совершенно ее разстроить можно только генеральною битвою, особенно когда нужно скоро закончить войну. Д-во наше представляетъ нѣчто въ родѣ огромной арміи; всѣ ея корпусные командиры дѣйствуютъ по одному плану и состоятъ подъ надзоромъ одного главнаго штаба. Небольшія статьи противъ господствующихъ въ немъ недостатковъ и злоупотребленій, — для такой арміи именно ничто иное, какъ партизанскіе набѣги, отъ которыхъ кое-кто будетъ раненъ, кое-кого, пожалуй, убьютъ, или въ плѣнъ возьмутъ, но которые не разстроятъ всей арміи, развѣ послѣ продолжительнѣйшей многолѣтней борьбы. Нѣтъ, нужны генеральныя битвы, — нужны цѣлыя книги, въ которыхъ разбиралась бы вся система духовной администраціи, всѣ недостатки и злоупотребленія ея. При этой тактикѣ можно надѣяться на побѣду, хотя, м. б. и тутъ не обойдется безъ неудачъ и поражений. Такихъ книгъ въ Россіи еще не было; изъ двухъ, вышедшихъ за границею, одна говоритъ преимущественно о духовныхъ училищахъ и мало извѣстна въ Россіи, другая далеко не всего коснулась. *Нужны еще книги, нужны еще битвы*. Я рѣшаюсь на такую книгу, на такую битву. На побѣду мнѣ рассчитывать невозможно;

неприятельская армія слишкомъ многочисленна и сильна. Но не пробудитъ ли моя книга воинственнаго духа въ ревнителяхъ общественнаго порядка и блага? Часто возобновляющіяся подобныя воинственныя попытки не внушатъ ли мысль дозволить въ самой Россіи вести генеральныя битвы, а не стрѣлять изъ-за границы? Пускай бы битвы происходили на родной почвѣ, предъ лицомъ соотечественниковъ, которые увидятъ, на чьей сторонѣ больше храбрости и умѣнія защищать и нападать.

Нѣкогда одинъ Римлянинъ Эмилиі Лепидъ былъ въ сильной враждѣ съ другимъ Римляниномъ Фульвіемъ Флаккомъ. Но они, будучи избраны оба цензорами, оставили свою вражду. Я вовсе не имѣю претензій ставить себя относительно недоброжелателей своихъ и враговъ своей книги въ такія же отношенія, въ такое же равенство, въ какихъ находились два знаменитыхъ Римлянина. Недоброжелатели мои на мѣстѣ римскихъ консуловъ, м. б. не согласились бы меня имѣть въ числѣ своихъ ликторовъ и . . . . ., м. б. прежде всего отдали бы ликторамъ (*ut verberet*); но они должны желать добра бѣлому д-ву, должны же заботиться объ улучшеніи его. И я желаю добра тому же д-ву и, по мѣрѣ силъ своихъ, стараюсь способствовать этому. Почему же бы объимъ сторонамъ не соединится для достиженія общей цѣли? Я описалъ недостатки и злоупотребленія, существующія въ д-вѣ, объяснилъ ихъ причины, предлагаю мѣры къ искорененію ихъ; пусть другая сторона безпристрастно обсудитъ слова мои и улучшить подоженіе д-ва. Тогда пускай дѣлаютъ, что угодно съ своимъ противникомъ, пускай отдадутъ меня хоть ликторамъ, *увидавши улучшение быта д-ва*, скажу: *нынѣ отпустиши раба твоего, Владыко, съ женою* . . . . . Но если другая сторона не позаботится о бѣломъ д-вѣ, то пусть знаетъ, что въ такомъ случаѣ грозитъ серьезная, м. б., неминуемая опасность и ей, и д-ву и обществу. Пусть знаетъ, что недостатки и злоупотребленія только сначала бываютъ слабы, имѣютъ небольшіе размѣры, поддерживаются нерадѣніемъ, невниманіемъ, извиняются обстоятельствами; тогда ихъ искоренить очень легко. Но послѣ они, мало по малу, укрѣпляются, соединяются съ выгодами другихъ, обрастаютъ въ привычки, считаются уже привилегіями, т. е-тъ, *узаконяются*; тогда уже борются съ ними не легко; тогда лицо, или сословіе, ими страждущее, можно уподобить больному съ застарѣлыми хроническими болѣзнями, для излеченія отъ которыхъ нужны героическія лекарства, нужны даже нелегкія операціи. Если пропускаютъ и это время;

ну, тогда организм разлагается. Въ примѣрахъ нѣтъ недостатка; укажемъ на одинъ изъ нихъ, который къ намъ имѣетъ отношеніе. Извѣстно, что въ древнія времена Болгары имѣли епископовъ изъ среды себя и хотя въ іерархическомъ отношеніи зависѣли нѣсколько отъ Константинопольскаго патріарха, но не платили ему тяжолыхъ податей. Потому съ паденіемъ Византійской имперіи патріархамъ понадобились деньги для подкупа визирей и министровъ Султана. Стали облагать податью и Болгары; нашли лучшимъ сборъ этой подати поручать епископамъ, а епископовъ дѣлать изъ Грековъ, которые, не стѣсняясь національными чувствованіями, настойчиво требовали и собирали подати. Деньги оказывались нужнѣе и нужнѣе, налоги увеличивались, епископы-Греки менѣе и менѣе женировались съ Болгарами; наконецъ послѣдніе вышли изъ терпѣнія, стали просить облегчить ихъ положеніе, дозволить имъ имѣть своихъ архипастырей. Но зло такъ укоренилось, что патріархія не хочетъ дѣлать никакихъ уступокъ; и если не помогутъ иностранныя державы, или Турецкое министерство Болгарамъ, то послѣдніе сразу обратятся въ католицизмъ, или протестантство.

Конечно у насъ не будетъ того, что происходитъ теперь въ Турецкой Имперіи между Болгарами и Греками-епископами и патріархомъ. Но кое-что можетъ быть. Чтобы пасти Христово стадо, пастырямъ нужно быть и впереди, и среди своего стада, знать овецъ и умѣть, или можно такъ выразиться, говорить съ ними, а не гнать ихъ сзади крикомъ и длиннымъ кнутомъ; тогда овцы услышатъ гласъ пастырей, пойдутъ за ними и съ ними. Если пастыри станутъ поступать иначе, то со стадомъ вотъ что должно случиться. Однѣ овцы отдѣлятся отъ него и пойдутъ своею дорогою, другія м. б. и будутъ продолжать итти по указанному пути, но, узнавши, что пастыри ихъ далеко отстали гдѣ-то назади, да и не умѣютъ съ ними объясняться, — начнутъ, пожалуй, разсуждать: «вѣдь намъ отъ нашихъ пастырей нѣтъ никакой пользы, они гдѣ-то отстали; пойдемъ-те однѣ, выберемъ-те изъ себя пастырей (не забываютъ, любезный читатель, что въ этомъ стадѣ есть много барановъ и овецъ, которые разсуждаютъ не хуже пастырей).» Скоро ли такъ заговорятъ всѣ, не знаю; но многіе уже поговариваютъ. А по другой дорогѣ ушло уже много изъ стада Христова; дорога эта еще не далека отъ большой, но это еще хуже, п. ч. изъ стада много овецъ перебѣгаетъ на нее. До царствованія Никалая 1го раскольниковъ было не болѣе 2—3, а теперь 10 милліоновъ, — что ежели въ такой же

пропорціи каждыя 30 лѣтъ станетъ число ихъ увеличиваться? Что если еще станетъ также увеличиваться въ образованныхъ классахъ пренебреженіе къ д-ву, холодность къ православію и индеферентизмъ? Подумайте пастыри, особенно вы, архипастыри, пока есть еще время благопріятно; хлопочите объ улучшеніи быта блага д-ва и духовныхъ училищъ; иначе дѣла примуть дурной оборотъ. Впрочемъ счастье наше, что у насъ есть Власть, которая, независимо отъ іерархіи, можетъ улучшить и духовныя училища и д-во; на нее-то болѣе всего и нужно надѣяться.

Римскій поэтъ Овидій Назонъ, живя изгнанникомъ изъ Рима на берегахъ Дуная, написалъ книгу, которая на русскомъ языкѣ названа *плачемъ Овидія Назона* (на латинскомъ называется *Ovidii Nasonis Tristium libri quinque*). Въ ней онъ описалъ бѣдственное свое положеніе въ ссылкѣ и, какъ к-ся, надѣялся, что это описаніе пробудитъ участіе къ нему не только въ его друзьяхъ и знакомыхъ, но и въ тогдашнихъ знатныхъ Римлянахъ и въ самомъ Августѣ Цезарѣ; м. б. несчастный поэтъ думалъ умереть на берегахъ не Дуная, а Тибра. Нельзя безъ душевнаго волненія читать пачальныхъ стиховъ книги Овидія, въ которыхъ онъ обращается къ своей книгѣ и, отпуская ее въ Римъ, напутствуетъ ее наставленіями и благожеланіями. «Я не завидую тебѣ, говоритъ онъ, маленькая книга, что ты идешь безъ меня въ Римъ; ступай, но въ плохой одеждѣ, какъ и прилично изгнанницѣ. Ступай, несчастная, въ одеждѣ, приличной теперешнему времени. Ступай и привѣтствуй отъ меня милыя мнѣ мѣста. Ступай, посмотри ты на Римъ.» Авторъ этой книги ничѣмъ не похожъ на Овидія; онъ не поэтъ, не прогнѣвалъ Цезаря; ему не запрещенъ ни выѣздъ изъ отечества, ни вѣздъ въ него; онъ даже надѣется умереть, оставшись неизвѣстнымъ. Но книга его имѣетъ сходство съ книгою, посланною Овидіемъ въ Римъ съ береговъ Дуная. Она тоже содержитъ въ себѣ печальные рассказы о бѣдственномъ положеніи только не автора своего, а цѣлаго сословія Русскаго Царства. Она, чисто русская по содержанію и языку, должна явиться внѣ своего отечества — въ одномъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ при Овидіи жили варвары — Гермацы. Только она еще несчастіе книги Овидія; послѣдняя безъ препятствія дошла до Рима, была даже въ рукахъ Цезаря, а первой едва ли удастся проникнуть въ свое отечество, и притомъ придется отъ многихъ встрѣтить вовсе недружелюбный пріемъ. Ей, также, какъ и Овидій на прощаньи, авторъ хочетъ выразить свои благожеланія и высказать наставленія.

«Не скорби, мое дитя, что тебѣ пришлось увидѣть свѣтъ съ перваго раза на чужой сторонѣ. Не твоя въ томъ вина; ты, чисто русская, любишь русское царство и вполне предана его интересамъ. Что дѣлать, если твои мысли не нравятся людямъ сильнымъ? Терпи и ступай въ Русскую землю. Доступъ въ нее тебѣ будетъ труденъ; недружелюбно встрѣтятъ тебя таможенные; подозрительно на тебя посмотрятъ цензоры; съ негодованіемъ услышатъ о твоёмъ прибытіи прогрессисты и реверендиссимусы; м. б. обрѣжутъ тебя цензурными ножницами, запятнаютъ типографскими чернилами, или вовсе вырѣжутъ цѣлыя твои части, м. б. запрутъ тебя въ темные шкафы, или вышлютъ опять за границу, въ землю Тевтонскую. Тогда тебѣ придется пробираться тайкомъ въ отечество, — вмѣстѣ съ контрабандными товарами, при помощи жидовъ; много придется тебѣ вытерпѣть униженія; заглядывать въ тебя будутъ украдкою, припрятать гдѣ либо въ темномъ уголку. Но если какимъ бы то нибыло образомъ проникнешь въ наше любезное отечество, — то постарайся прежде всего ознакомиться съ собою бѣлое д-во. Попроси его не сердиться на твоего отца за откровенность. Когда нужно лечить кого либо отъ застарѣлыхъ болѣзней, надобно рассказать докторамъ всю жизнь его, всѣ слабости и болѣзни, осмотрѣть раны, даже коснуться ихъ. Тутъ иногда и стыдно и больно; но что же дѣлать? Иначе нельзя. Скажи ему, что отецъ твой любитъ его и изъ любви къ нему рѣшился на отважный поступокъ. Не оставляя надежды, что Царь-освободитель рано или поздно *възъщитъ ихъ своею милостію*, пусть они и сами о себѣ позаботятся; пусть знаютъ, что наставниками людей въ религіи и руководителями въ нравственности можно быть не иначе, какъ сдѣлавшись образованными въ возвышенномъ, обширномъ и современномъ смыслѣ; не иначе, какъ когда сами проникнутся религіозными чувствами и станутъ жить по правиламъ нравственности истинно христіанской, а не обрядовой, казуистической. Явись къ прогрессистамъ и реверендиссимусамъ. Напомни имъ, что они одинаковаго происхожденія съ членами бѣлаго д-ва, имѣютъ между ними братьевъ, отцовъ, бывшихъ товарищей и друзей, могли бы и должны позаботиться о нихъ сами безъ сторонняго понужденія. Скажи имъ, что мы и они исповѣдуемъ Православную вѣру, а не католичество, что у насъ священники и дьяконы не могутъ быть не женатыми людьми, что нельзя ихъ воспитывать по образцамъ іезуитскихъ коллегіумовъ и семинарій, или дѣлать изъ нихъ отшельниковъ. Скажи, что привославіе въ народѣ

поддерживается не великолѣпіемъ монастырей, не тратою огромныхъ монастырскихъ доходовъ на пышное содерженіе настоятелей, на *утѣшеніе* монастырской братіи, а забытыми и чуть не убитыми смиренными приходскими священниками. Скажи реверендиссимумсамъ къ черному, что они называются не *архи-монахами*, не *архи-иноками*, а *архи-іерейми*, *архи-пастырями*. Но тутъ тебѣ на хорошій пріемъ рассчитывать нельзя. — Явись ты къ свѣтскимъ образованнымъ и ученымъ людямъ, къ литераторамъ и журналистамъ. Два твоихъ предшественника (книги: описаніе сельскаго д-ва и обустройство духовныхъ училищъ) у нихъ нашли много доброжелателей и защитниковъ. Попроси у нихъ извиненія, что къ нимъ являешься, какъ говоритъ Овидій, *incultus, qualem decet exulis esse*; — чужая страна не краситъ изгнанника; не поздоровится, — не до нарядовъ тому, кто знаетъ, что его самыя благородныя побужденія будутъ осмѣяны, самыя чистыя намѣренія очернены, самыя безкорыстныя чувства заподозрѣны и оклеветаны. Попроси ихъ, чтобы они словомъ и дѣломъ, не генеральными битвами, а хоть партизанскими набѣгами способствовали къ освобожденію бѣлаго д-ва отъ гнетущихъ его тяжестей. Не смѣю говорить, но какъ бы я желалъ, чтобы ты въ Петербургѣ явилась къ самому Цезарю, въ его августѣйшее семейство. Не бойся; Русскій Царь есть Православный Государь; онъ любитъ бѣлое д-во, желаетъ ему помощь и непремѣнно поможетъ; Онъ высоко поставленъ надъ всѣми, но милостивъ и доступенъ для всѣхъ, имѣющихъ въ Немъ нужду. Не бойся; не даромъ русскій народъ издавна называетъ своего Царя — Батюшкою, Царицу — Матушкою; помни, что отецъ и мать умѣютъ быть снисходительными даже къ страннымъ желаніямъ своихъ дѣтей; а ты станешь ходатайствовать не за себя, а за другихъ людей, страдающихъ давно и надѣющихся только на Надежду — Православнаго Царя.

Ступай, мое дитя; м. б. мнѣ съ тобою и не удастся видѣться въ нашемъ отечествѣ; прощай.»

Отдѣль 7ой.

О русскомъ православномъ м-вѣ.

Наше д-во, какъ извѣстно, раздѣляется на *чорное и бѣлое*. Такъ-какъ въ этой книгѣ предположено существеннымъ образомъ описать настоящее положеніе священниковъ, дьяконовъ и причетниковъ; то не было бы никакой надобности говорить о чорномъ д-вѣ. Но оно не ограничиваетъ своей дѣятельности монастырскими стѣнами, имѣетъ чрезвычайно сильное вліяніе на бѣлое д-во, можетъ и препятствовать и благопріятствовать улучшенію его. Вотъ почему я нашолъ нужномъ заняться подробнымъ описаніемъ нашего м-ва.

Что такое нынѣ м-во, притомъ наше русское, православное? Вопросъ этотъ сначала разрѣшу съ теоретической стороны, т. е. покажу, чѣмъ бы оно должно быть *по идеѣ*, по обѣтамъ, которые налагаетъ на себя; а потомъ уже подробно разсмотрю, въ какой степени она приближается къ своему идеалу и чѣмъ является на самомъ дѣлѣ?

Часть первая.

Объ идеалѣ м-ва.

Для составленія идеала м-ва берутся здѣсь за руководство а) послѣдованіе малыя схимы, т. е., обрядъ посвященія въ простаго монаха, а не въ схимника, и б) номоканонъ, или *законоправильникъ*, который приложенъ къ такъ называемому *большому требнику*; по мыслямъ, изложеннымъ въ этихъ сочиненіяхъ, возлагаются на монаха слѣдующія обязанности.

1) *Постничество*. Эта обязанность поставлена здѣсь на первомъ мѣстѣ, п. ч. объ ней прежде всего говорится при постриженіи въ м-во. Извѣстно, что это постриженіе начинается осмью вопросами постригаемому. Первый вопросъ выражается словами: *что пришелъ еси брате . . . ?* Пришедшій отвѣчаетъ: *желая житія постническаго*; и въ отвѣтъ на пятый вопросъ обѣщается пребывать въ постничествѣ до *послѣдняго своего издыханія*. Постригающій игу-

менъ, *) выслушавъ отвѣты на свои вопросы, говорить наставленіе, которое для краткости пусть называется *послѣвопроснымъ*; здѣсь между прочимъ совѣтуетъ постригаемому *въ постъ не разслаблятися*. Но монахъ долженъ поститься съ тѣмъ, чтобы умертвить свою плоть. Символомъ этой обязанности служитъ поясъ, который возлагается на него; — *братъ нашъ*, говорить игуменъ, *препоясуетъ чресла своя силою истины во умерщвление плоти*. Чтобы удобнѣе достигнуть этого, монахамъ запрещается употребленіе мясной пищи, не всегда позволяется рыбная, предписывается сухофѣбніе, воздержаніе отъ пищи до окончанія обѣдни и проч. Настоящіе подвижники монахи, къ которымъ нужно причислить обитателей Афона, съ неумолимою строгостію соблюдавшихъ и соблюдающихъ монастырскіе уставы, — все они вели и ведутъ самую суровую постническую жизнь, самымъ дѣломъ умерщвляютъ свою плоть. Г. Благовѣщенскій въ своемъ Афонѣ пищу афонскихъ киновій называетъ слишкомъ непитательною. «Попадутъ имъ (монахамъ афонскимъ) супъ гороховый, или картофельной, потомъ какіе-либо бобы, или фасоли, отъ которыхъ спираются внутренности а при этомъ кружка вина пополамъ съ водою» (стра. 20). Далѣе еще говорить, что въ наибольшую часть года предлагается братіи *также неизмѣнная травка сырая, травка вареная, травка жареная, и такъ во все дни до скончанія живота* (стра. 21) и что «общинный уставъ прежде всего старается измозжить и обезсилтъ грѣшное тѣло подвижника и лишитъ его тѣхъ здоровыхъ соковъ, приобрѣтенныхъ мірскимъ раздольемъ, отъ которыхъ происходятъ все почти *искушенія афонскія*. На этомъ основана цѣлая система физическаго истощенія (стр. 17 и 18).» Равнымъ образомъ и русскіе притомъ образованные люди относительно обязанности монаховъ вести жизнь постническую, имѣютъ очень хорошую поговорку. Когда нужно выразить, что кому-либо придется голодать, или довольствоваться весьма скудною пищею, то обыкновенно говорятъ: *онъ состоитъ на діетѣ святаго Антонія*. (основателя монашества).

2) *Пребываніе въ монастырѣ*. Соблюдать эту обязанность каждый монахъ даетъ обѣщаніе въ отвѣтъ на питый вопросъ, — притомъ *до послѣдняго своего издыханія*. И потому м-щамъ предписывается не выходить изъ монастыря и

*) Постриженіе производятъ также архимандриты, но я вездѣ буду употреблять слово игуменъ, п. ч. оно стоитъ въ самомъ обрядѣ постриженія.

особенно не входить въ дома мірянъ (если, р-ся, нѣтъ особой къ тому нужды), даже въ свой собственный. Нарушеніе этой заповѣди преслѣдуется сурово. По 93му правилу номоканона, того монаха, который посидитъ даже, въ дому своемъ: *яко мірянина вмѣняетъ Богъ*. А по 92му правилу простое сидѣнье на пиру съ мірскими людьми считается преступленіемъ противъ 7й заповѣди; *монахъ аще сидитъ на пиру съ мірскими, соблудилъ есть*. Притомъ номоканонъ (107 прав.) обязываетъ монаха оставаться до послѣдняго своего издыханія въ томъ именно монастырѣ, куда онъ первоначально поступилъ. Въ случаѣ же не исполненія этого предписанія преступника сравниваетъ Василій Великій съ Іудею предателемъ: «горе ему (т. е. оставляющему свой монастырь монаху), кому его уподоблю? говоритъ Святитель, токмо Іудѣ предателю, разлучившемуся отъ Христа и учениковъ Его.» Даже игумень, который приметъ такого бѣглеца въ свой монастырь (по 107 прав.) лишается игуменства.

Съ разсматриваемою обязанностию тѣсно соединена другая, именно безусловное повиновеніе настоятелю и другимъ властямъ монастырскимъ; иначе что будетъ за святая обитель, изъ которой выйти запрещается братіи, а она м. т. сдѣлается строптивою преръ настоятелемъ! Вотъ почему постригающій игумень предлагаетъ въ седьмомъ вопросѣ сохранять послушаніе къ настоятелю *даже до смерти*. А по 113 правилу номоканона: «Глаголетъ Василій Великій: аще кій монахъ въ коемъ либо словеси, ко спасенію его изглаголанномъ сопротивится игумну своему, или старцу, или духовному своему отцу, яко соперникъ Божій обрѣтается. *Лучше бо есть къ Богу согрѣшити, нежели къ одному отъ силъ.*» Равнымъ образомъ Іоаннъ Лѣственичъ говоритъ: «*лучше согрѣшитъ противъ Бога, нежели противъ отца нашего*, т. е. наставника по м-ву.» (Лѣствица св. Іоанна стра. 85) к-ся сильнѣе этого не легко выразиться. Наконецъ по отвѣту на седьмой вопросъ монахъ обязанъ соблюдать послушаніе *ко всей во Христѣ братіи*; въ *послѣвопросномъ* наставленіи игумень говоритъ ему: *стяжи смиренномудріе, отложи житейскаго образа дерзость; послушаніе имѣй ко всемъ.*

Смиреніе и повиновеніе требуютъ отъ монаха тяжелыхъ жертвъ. Онъ долженъ безропотно переносить оскорбленія, униженіе, укоризны, страданія, скорби, даже отяготительныя. Въ этомъ отношеніи очень сильно выражается послѣвопросное наставленіе: «да не отвращаешься . . . ниже озлобленія, ниже униженія человѣческаго, ... злопостра-

жди, яко добрый воинъ Христовъ; подобаетъ убо и намъ его (Бога) ради вся претерпѣти; . . . ибо имаша досадитися, укоритися, унижитися и изгнати, иными многими отяготитися скорбными, ими же сущій по Богу животъ начертывается.» А Іоанъ Лѣственичъ называетъ блаженнымъ монаха, который «почитаеъ себя ежечасно достойнымъ всякаго безчестія и униженія.» (Лѣств. св. Іоанна стра. 59 и 60.)

3) *Дѣвство и цѣломудріе.* Эти двѣ добродѣтели, особенно первая, должны составлять главный признакъ, отличающій монаха отъ мірянина. Женатый монахъ уже не монахъ; и женатый мірянинъ не иначе можетъ вступить въ м-во, какъ разлучившись навсегда съ своею женою. И всякій постригаемый въ отвѣтъ своемъ на шестой вопросъ игумена обѣщаетъ хранить себя въ дѣвствѣ и цѣломудріи. А по 91му правилу номоканона преступившіе 7ю заповѣдь схимники запрещаются на 15, а не схимники-монахи на 7 лѣтъ. Такъ-какъ дѣвство и цѣломудріе всего болѣе подвергаются искушеніямъ отъ сближенія монаха съ мірянами, особенно съ женщинами; то и приняты противъ этого очень рѣшительныя мѣры. По 100му правилу монахъ отлучается на 7 дней, если онъ *пройдетъ съ женою поприще едино*; а по 101му правилу не можетъ приобщаться 40 дней если поцѣлуеъ жену; въ Пасху ему запрещается христосоваться даже съ своею матерію. На Афонѣ же (Афонъ г. Благовѣщенскаго стран. 22) монахъ-каноніакъ рѣдко мѣняетъ бѣлье. . . . частію отъ того, что онъ *не долженъ видѣть наготы своей, что бы не соблазниться на самою себя.* Вотъ какія необыкновенныя мѣры принимаются для сохраненія монашескаго дѣвства и цѣломудрія! И слѣдовательно, до какой степени то и другое считается нужнымъ для всякаго монаха!

4) *Молитва.* Всѣмъ уже извѣстно, что каждый монахъ ежедневно обязанъ быть за обѣднею, утренею и вечернею службами и что богослуженіе въ монастыряхъ совершается, или должно совершаться медленно. «На Афонѣ, какъ говодитъ г. Благовѣщенскій (стр. 18) монаху ежедневно прихорится провести въ Церкви около 10 часовъ *безвыходно.* По воскресеньямъ утренняя продолжается 10—12 часовъ, по большимъ праздникамъ 12—14 часовъ; такъ-что въ эти дни монахи на всѣхъ службахъ проводятъ въ Церкви почти что цѣлыя сутки.» У насъ, конечно, настоятели монастырей посписходительнѣе афонцевъ къ себѣ и братіи; но и у насъ, наприм. въ саровской пустыни, бритии иногда приходится

стоять за настоящимъ *всенощнымъ* бдѣніемъ. Но кромѣ молитвенныхъ занятій въ Церкви монахъ еще обязанъ молиться въ своей келліи; напр. по 87му правилу номоканона схимникъ обязанъ въ день сдѣлать 600, а не схимникъ-монахъ 300 поклоновъ. На Афонѣ же (стр. 14) первый долженъ ежедневно отсчитать 1200 поясныхъ и 100 земныхъ поклоновъ. Затѣмъ по 86му правилу номоканона монахъ, не прочитавшій 1го, 3го, 6го и 9го часа считается недостойнымъ *ясти*; того, кто не прочитываетъ всего правила своего, — *яко мертва вмѣняетъ Богъ и да запретится, якоже подобаетъ*. По 87му правилу не книжный монахъ да творитъ сто тридцать 50 поклоновъ, глаголя: *Господи помилуй*. Но если не можетъ дѣлать поклоновъ, то обязывается сказать на часъ 500 разъ молитву; *Господи, Исусе Христе, богородицею помилуй насъ*. Еще интереснѣе читать тутъ же правило Василия Великаго. Чтобы понять его, надобно вспомнить, что каждый монахъ носитъ въ рукахъ *четки* или *вервицы*, и по св. Василию каждая вервица должна имѣть сто три узла. Безкнижный монахъ долженъ сдѣлать 10 вервицъ за полунощницу, за утреню 20, за часы 10, за 9й часъ и вечерню 10ть, за повечеріе 10, всего, кромѣ литургии, 60 вервицъ; далѣе на всякомъ узлѣ читать преднаписанную молитву, вѣроятно: *Господи, Исусе Христе, богородицею помилуй насъ*. Т. о. безкнижный и немощный монахъ обязанъ сказать эту молитву 6180 разъ въ день.

5) *Нищета*. Для монаховъ, какъ людей, которые всю жизнь свою должны провести въ монастырѣ, въ дѣвствѣ и цѣломудріи, почти постоянно заниматься молитвою, — для нихъ богатство было бы вещью странною и неестественною. И дѣйствительно, по 118му правилу номоканона всякій монахъ лишается приобщенія святыхъ таинъ за то, если имѣетъ какую-либо собственность — въ монастырѣ ли, или внѣ монастыря. Послѣдованіе малыя схимы еще рѣшительнѣе вооружается противъ монашескаго богатства, предписывая и предсказывая монаху нищету. *Да не отвращаешися*, говорится въ послѣвопросномъ наставленіи, *нищеты*. Потомъ сказавши, что Исусъ Христосъ ради насъ *обнища*, игуменъ говорить, что *подобаетъ подражателемъ его быти*; обращаясь же къ посвящаемому, онъ предупреждаетъ его, что ему придется переносить голодъ и жажду и даже не имѣть одежды; *амкати имати и жаждати и нагствовать*. К—ся, что подобныя слова не приложимы къ людямъ богатымъ.

6) *Отреченіе отъ міра, отъ всѣхъ удовольствій его, отъ родства, друзей и проч.* Объ этой обязанности говорится

въ началѣ той молитвы, которую игумень читаетъ, положивъ книгу на голову постригаемаго. Начало это не совсѣмъ ясно для людей, не очень знакомыхъ съ церковнымъ нашимъ языкомъ. Поэтому оно здѣсь приводится въ подлинникѣ и въ парафразѣ: «Господи Боже нашъ; достойныхъ быти законоположивый житейская вся оставшихъ и сродство и други и послѣдовавшихъ тебѣ, прими и раба твоего (т. е. постригаемаго) отвергшагося всѣхъ сихъ.» Т. е. *Господи, ты закономъ положивший считать достойными тѣхъ, которые оставили все житейское и родство и друзей, — прими раба твоего, который отказался отъ всего этого.* Въ сочиненіяхъ же отцовъ церкви, — ревнителей м-ва совѣтуется не только не трогаться просьбами матери, но и прямо предписывается отрекаться отъ родителей. Въ IV томѣ Лорана (стр. 145) пишется что одинъ молодой человекъ, желавшій поступить въ м-во, удержанъ былъ отъ этого просьбами своей матери. Знаменитый отецъ Церкви Августинъ писалъ ему: «Фальшивая нѣжность матери имѣетъ начало въ грѣхопадении Адама; всѣ эти доказательства дружбы, посредствомъ которыхъ она старается истребить въ тебѣ евангельскую любовь (впрочемъ дѣло идетъ о поступленіи въ м-во) похожи на лукавство змія-искусителя.» Иоаннъ Лѣствицъ еще сильнѣе выражается: «никто, говоритъ онъ, не войдетъ въ небесный брачный чертогъ вѣнценосцемъ, если не отречется первымъ вторымъ и третьимъ отреченіемъ. Разумію же отречение отъ всякой вещи, отъ людей, даже *отъ родителей.*» Потомъ еще: «не разтрогивайся слезами родителей и друзей, иначе вѣчно будешь плакать.» И затѣмъ называетъ и друзей и родителей не только пчелами, но даже осами. (Лѣствица стр. 19 и 26.) Послѣ этого неудивительно, что иные старинные монахи даже не хотѣли видѣть своихъ матерей. У Лорана же на тойже страницѣ описывается ужасная сцена, изъ которой видно, какъ монашескій ригоризмъ находитъ нужнымъ подавлять самыя нѣжныя естественныя чувствованія и уничтожаетъ самыя священныя связи между людьми. Игумень Пименъ съ своими братьями жили въ египетскихъ пустыняхъ. Старуха — ихъ мать пожелала видѣть дѣтей своихъ прежде своей смерти. Монахи — дѣти отказали ей въ этомъ. Материнская любовь прибѣгла къ хитростямъ. Несчастная старуха подстерегала своихъ дѣтей, когда они пойдутъ въ Церковь и тутъ думала ихъ увидѣть. Но суровые анахореты увидавши ту, отъ которой получили жизнь, поспѣшили скрыться въ своей кельѣ. Несчастная мать бросилась къ двери и кричала у ней: *я ничего отъ васъ не требую, кроху*

того, чтобы увидеть васъ. Не мать ли я вамъ? Не я ли кормила васъ моею кровью? Но монахи остались неумолимыми, утѣшая мать тѣмъ, что они увидятся съ нею на томъ свѣтѣ» Я и не знаю что сказать о такомъ забвеніи сыновнихъ отношеній къ матери; такъ поступаютъ не люди; имъ надо говорить, что они отреклися отъ челоуѣчества. А м. т. помните, г. ч., что дѣствица Іоанна рекомендуется, какъ руководство для всякаго монаха, а Пименъ съ братьями выставляются, какъ образцовые монахи. У насъ конечно о такомъ ригоризмѣ мало думаютъ, а м. т. иной благочестивый иннокъ своимъ роднымъ, которые у него что нибудь просятъ, любитъ говорить: «да развѣ не-знаете, что я отъ всего отрекся.»

Изъ всѣхъ перечисленныхъ обязанностей очевидно, что всякій монахъ долженъ до послѣдняго своего издыханія оставаться въ монастырѣ, проводить тамъ жизнь въ постничествѣ, дѣвствѣ, цѣломудріи, въ постоянной почти молитвѣ, въ смиреніи, послушаніи, нищетѣ, обязывается и алкать, и жажда-ть и быть нагимъ, отрекается отъ міра, отъ всѣхъ его удовольствій, даже отъ самыхъ близкихъ къ сердцу людей, отъ отца, матери и пр. Очевидно, что такую жизнь нельзя назвать счастливою въ мірскомъ значеніи. Съ этимъ согласно послѣдованіе малой схимы. Въ 8 вопросѣ игуменъ спрашиваетъ новицата: «терпиши ли всякую скорбь и тѣсноту монашескаго житія царствія ради небеснаго?» И получаетъ въ отвѣтъ: *ей, Богу содѣйствующу, честный отче.* Далѣе въ послѣвопросномъ наставленіи монахи ставятся въ одну категорию съ мучениками и говорится, что тѣ и другіе вели жизнь трудную и изнурительную, что они запечатлѣвали свои подвиги множествомъ своей крови и даже много разъ умирали. Игуменъ внушаетъ постригаемому обо всемъ этомъ размышлять съ тѣмъ, р-ся, чтобы переносить всѣ такіа скорби и несчастія «помышляя мученики и преподобные (монахи), иже многими поты и труды и безчисленными кровями и смертми сіа стяжаша.» Наконецъ афонская братія даже старается искусственно увеличить скорбь и тѣсноту монашеской жизни, чтобы уже дѣйствительно не было никакой возможности счесть ее счастливою. Въ подтвержденіе, этого выпишу нѣсколько строкъ изъ прекраснаго сочиненія г. Благовѣщенскаго. «Я никогда не могъ долго оставаться въ кельяхъ монашескихъ: воздухъ до того спертый, прокислый и удушливый, что голова кружится. Все въ кельѣ обыкновенно покрыто толстымъ слоемъ грязи, на войлокъ (постельный) взглянуть страшно; — и въ этой гнилой атмосферѣ, среди

вѣчной грязи, проходить келейная жизнь отшельника. Спросить: отчего это неряшливо? А отъ того, что чистый воздухъ въ кельѣ — роскошь; чистота — поблажка прихотямъ мирскимъ, запрещеннымъ на Афонѣ. Толоко разъ въ годъ чиститъ и мететъ свою келью монахъ . . . . Тою же грязью, тѣмъ же прокислымъ воздухомъ пропитана вся одежда монаха; п. ч. онъ никогда не сбрасываетъ своей одежды, даже спитъ въ ней, даже, какъ в. с-но, рѣдко мѣняетъ бѣлое свое. Мыться ему запрещено, ... иногда дозволяется толоко вымыть голову и то въ крайнемъ случаѣ: когда головная чешотка сдѣлается нестерпимою. Повѣрять ли, что на Афонѣ, въ видахъ ложно понятаго умерщвленія грѣшной плоти, нарочно не истребляютъ блохъ, клоповъ и подобныхъ имъ насекомыхъ. Ими не только полны койки и кельи монашескія, но даже формы мѣстъ, въ которыхъ сидятъ монахи (когда читаются кафизмы и проч.) въ церквахъ . . . . Помню, каково было мое удивленіе, когда на всеобщемъ бдѣніи, среди запаха ладона, я явственно слышалъ запахъ клоповъ и, оглядѣвшись, съ ужасомъ увидѣлъ, какъ они, такіе жирные, откормленные, прогुливаются по моей одеждѣ.» (Афонъ стр. 21—23.)

Вотъ краткій очеркъ идеала монаха, взятый не изъ моей фантазіи, а составленный на основаніи обычаевъ афонскихъ и официальныхъ, т. с-тъ, документовъ: номоканона и обряда достриженія въ м-во. Чтобы отнять возможность обвинять меня въ преувеличеніяхъ, я приводилъ б. ч. подлинныя слова изъ документовъ.

Что же это за люди, которые вступаютъ въ м-во съ твердою и искреннею рѣшимостію добросовѣстно исполнять всѣ обязанности иноческой жизни, подвергаться всѣмъ скорбямъ и тягостямъ ея? Что можетъ побуждать ихъ къ такому почти нечеловѣческому самоотверженію, чуть-чуть не къ погребенію себя за-живо, — по теоріи, по к. м.? По моему мнѣнію, эти люди могутъ быть только четырехъ разрядовъ. 1) Одни слишкомъ увлекаются религиозными побужденіями; воображаютъ, что они при условіяхъ обыкновенной жизни подвержены безчисленному множеству мирскихъ и плотскихъ соблазновъ; думаютъ отдѣлать себя отъ міра и его соблазновъ монастырскими стѣнами и тамъ найти дорогу ко спасенію. 2) Другіе, пресытившись и наскучивши мирскими удовольствіями, притупивши даже всякое чувство къ нимъ, ищутъ въ монастырѣ чего-либо новаго, еще не испытаннаго ими въ мірѣ. 3) Третьи, перенесши множество огорченій и несчастій, не предвидя ничего себѣ пріятнаго въ

будущности, чувствуютъ отвращеніе къ обыкновенной жизни и рассчитываютъ на мирный, безмятежный приютъ въ монастырѣ. Наконецъ 4) Люди, которые или по физическимъ свойствамъ своего организма не способны къ супружеской жизни, или имѣютъ отвращеніе отъ ней по моральному своему настроенію. При другомъ душевномъ настроеніи, по другимъ побужденіямъ, кромѣ тѣхъ, которыя здѣсь перечислены, право, недобросовѣстно поступать въ монастыри, если только желаешь вполнѣ соответствовать идеалу монашеской жизни. Но лучше посмотримъ, кто и по какимъ побужденіямъ у насъ наполняетъ монастыри?

Часть вторая.

О томъ, изъ какихъ сословій и почему у насъ поступаютъ въ м-во?

Сравнивая между собою мужскіе и женскіе наши монастыри, находимъ замѣчательное различіе между ними относительно сословнаго происхожденія ихъ жильцовъ. По отчетамъ Об. Пр-ра Синода въ теченіи 16 лѣтъ съ 1841 до 1857 (исключая 1848), поступило въ женскіе монастыри всего 1569; изъ крестьянъ 434, купцовъ и мѣщанъ 425, духовенства 213, дворянства и чиновничества 190, разночинцевъ 183, солдатокъ 66 и вольноотпущенныхъ 58. Слѣд. крестьянки, купчихи и мѣщанки составляютъ болѣе половины, а духовныя менѣе одной седьмой части всего монастырскаго населенія. Напротивъ въ теченіи того же самаго времени по тѣмъ же отчетамъ поступило въ мужскіе монастыри всего 4147, изъ д-ва 2253, купцовъ и мѣщанъ 744, крестьянъ 558, разночинцевъ 200, солдатъ 141, вольноотпущенныхъ 126: тутъ д-во беретъ перевѣсъ надъ всѣми сословіями. Смотри на эти цифры, сначала удивишься тому, что сравнительно съ огромнымъ количествомъ крестьянъ такъ мало изъ нихъ поступаетъ въ м-во. Но это зависитъ вовсе не отъ нерасположенія ихъ къ ангельскому чину. Наши крестьяне и крестьянки не безъ удовольствія согласились бы жить въ монастыряхъ, быть тамъ свободными отъ всѣхъ житейскихъ работъ и заботъ, оброковъ и податей и заниматься только спасеніемъ своей души; но они встрѣчали и встрѣчаютъ много неодолимыхъ препятствій. Помѣщичьимъ крестьянамъ и крестьянкамъ, желавшимъ поступить въ монастырѣ, надобно

было получить согласіе своего барина на это; а онъ съ экономической точки зрѣнія справедливо рассуждалъ, что они гораздо болѣе ему доставятъ пользы въ деревнѣ, или въ дворнѣ своими работами, оброками, прислуживаніемъ, нежели въ монастырѣ своими молитвами; притомъ, вѣруя даже въ силу молитвъ, помѣщикъ не могъ очень вѣстить себя надеждою, чтобы бывшіе его пооданные усердно стали за него молиться. Только богачи крестьяне, откупившись, могли поступать въ монохи, но имъ гораздо лучше было пожить въ мірѣ. Государственные же, удѣльные и всѣхъ родовъ крестьяне, равно-какъ и нынѣшніе временно-обязанные и проч., должны тоже просить увольненіе у общества, чтобы поступить въ монастырь. А общество не находитъ большаго удовольствія платить въ казну разныя повинности за своего собрата-инока въ той только надеждѣ, что онъ помолится за нихъ; крестьяне наши сами очень усердны къ молитвѣ. Кроме того, мужскіе монастыри любятъ принимать грамотныхъ людей, по к. м. умѣющихъ читать съ тѣмъ, чтобы они могли быть іеромонахами, іеродьяконами, или хоть пѣть и читать на клиросѣ. Наши же крестьяне небольшие грамотѣи; по этому они для монастырей не очень нужны. А если уже въ душу нашего крестьянина западетъ не преодолимое желаніе отказать отъ міра и онъ не будетъ въ состояніи по чему-либо удовлетворить своему желанію въ нашихъ монастыряхъ; то увлекается расколомъ, находитъ пріютъ гдѣ-либо въ скиту и тамъ оканчиваетъ жизнь, если, попавшись въ руки полиціи, не переселится по неволѣ куда-либо за Кавказъ, Уралъ, даже въ Соловки; болѣе же отважные и догадливые перебираются какъ-нибудь за турецкую границу, уходятъ въ Иерусалимъ, на Афонъ и тамъ, особенно на послѣднемъ, м. б. и отличаются монашескими подвигами и послушаніемъ, но, оковавши монастырскими правилами свою русскую натуру, которая такъ любитъ разгулъ и раздолье, умираютъ преждевременную смертію и могутъ только утѣшать себя надеждою, что загробная жизнь будетъ для нихъ счастливѣе, нежели земная, что подъ покровомъ божіимъ они найдутъ наконецъ себѣ вѣчный покой, въ которомъ имъ люди отказывали. Пожалуйте, господа, объ этихъ несчастныхъ.

Изъ нашихъ бюргеровъ или буржуа, т. е. мѣщанъ и купцовъ, поступаетъ въ м-во гораздо болѣе, нежели изъ крестьянъ, особенно если взять во вниманіе небольшое число первыхъ въ сравненіи съ числомъ послѣднихъ. Это объясняется очень просто. Бюргерамъ легче можно получить увольненіе отъ своихъ обществъ, нежели крестьянамъ; одна

только рекрутчина составляет часто слишком сильное для мѣщанъ препятствіе. И дѣйствительно, было и есть много примѣровъ того, что монастырями, даже ставропигіальными, первоклассными, управляютъ и кетати имѣютъ Анну и Владимира на шеѣ о. архимандриты изъ нашихъ почтенныхъ бюргеровъ. Въ этомъ случаѣ они отличаются особеннымъ умѣньемъ возсозидать разрушающіеся, украшать и обогащать бѣдные, дѣлать великолѣпными посредственные монастыри. Тутъ помогаетъ имъ не одно пріобрѣтенное ими въ мірѣ умѣнье ловко вести хозяйственные и коммерческія дѣла, но именно самое ихъ происхожденіе. Извѣстно, что изъ всѣхъ нашихъ сословій болѣе всего жертвуетъ на благолѣшіе храмовъ и монастырей купечество. Оно не откажетъ и всякому монаху, который придетъ къ нему съ книжкою для сбора на свою обитель. Но явись архимандритъ, его собратье — бывший купецъ; тутъ сословная гордость готова на всѣ пожертванія; тутъ мы, цѣлуя руку о. архимандрита, жертвуемъ сотнями и тысячами даже; вѣдь это нашъ братъ, а не баринъ, или поповичъ. Притомъ нельзя не замѣтить, что такіе о. архимандриты домовиты и менѣе любятъ оставлять богатые наслѣдства своимъ племянникамъ, нежели настоятели изъ прочихъ сословій, особенно изъ д-ва. Вѣроятно, поэтому между прочимъ многіе епархіальные архіереи поручаютъ управленіе монастырями настоятелямъ изъ купечества и мѣщанства; даже митрополиты нерѣдко дѣлали ихъ своими намѣстниками въ лаврахъ.

Военная дисциплина, повидимому, имѣетъ сходство съ монастырскою; п. ч. основаніемъ той и другой служитъ безмолвное повиновеніе начальству. И потому слѣдовало бы ожидать, что наши такъ называемые нижніе воинскіе чины, отслуживъ Богу и Великому Государю положенные годы, охотно потомъ посвящаютъ всю свою жизнь молитвѣ; имъ безъ родства, безъ потомства гдѣ бы искать лучшаго убѣжища, какъ не въ монастырскихъ стѣнахъ. Но на дѣлѣ бываетъ не то. Нашъ солдатъ мастерски вытянется въ струнку предъ начальствомъ, опуститъ руки по швамъ, станетъ на него глядѣть, не сводя своихъ глазъ, не моргнетъ, не кашлянетъ; но ему, привыкшему къ вытяжкѣ и выправкѣ, трудно и неловко кланяться и преклоняться, гнущая и изгибаться; воинское самолюбіе не любитъ ползать и унижаться. — Нашъ солдатъ громко, живо и съ интонаціею скажетъ; *здравія желаю*; *ради стараться*; *слушаю-сь, Ваше Благодіе*; *счастливо оставаться* и проч.; еще ловче и живѣе повернется налѣво кругомъ; но онъ мало способенъ, вошедши къ начальнику, вымѣрить

прежде всего полъ всею длиною своего туловища, потомъ, вставши, съ лицемѣрно — благоговѣйнымъ выраженіемъ въ лицѣ, сложивши обѣ ладони, принимать благословеніе въ полусогбенномъ положеніи; — не способенъ стоять съ потупленными глазами, съ поникшею главою и сладко-умильно повторять: *слушаю-съ Ваше Высокопреподобіе*. — Нашъ солдатъ пробудеть на часахъ не три, а пять — шесть часовъ, переминаясь съ ноги на ногу, или вымѣривая своими шагами 5—6 аршинъ, отведенныхъ ему для прогулки; спокойно, не пошевельнувшись, не наклонившись, простоятъ подѣ пулями, картечью и ядрами; но ему трудновато пробыть нѣсколько часовъ каждый день на богослуженіи, слушать монотонное чтеніе и пѣніе одного и тогоже, вздыхать, охать, поднимать глаза кверху и опускать внизъ, дѣлать почти въ тактъ установленные поклоны. Вотъ почему, а не по безграмотности можно встрѣчать такъ мало нашихъ бравыхъ защитниковъ отечества между монастырскою братією. Но за то настоятели чрезвычайно любятъ принимать ихъ къ себѣ, когда имъ хочется или ввести строгую дисциплину, или имѣть вѣрную прислугу. Тутъ въ должности привратника, или комнатнаго слуги — солдатъ драгоцѣнность; что ни прикажи исполнить отлично, потачки никому не дастъ. Когда намѣстникъ одной изъ нашихъ лавръ распорядился, чтобы никто изъ братіи и послушниковъ не смѣлъ выходить безъ билета, то къ воротамъ былъ поставленъ отставной унтеръ-офицеръ; и не братія, а о. намѣстникъ были очень довольны этимъ выборомъ.

Дворянъ и чиновниковъ, поступающихъ въ м-во, очень немного, менѣе, нежели солдатъ и разночинцевъ порознь; среднимъ числомъ между 33 монахами только одинъ дворянинъ, или чиновникъ. Но надобно сказать, что они б. ч. оставляютъ міръ по религіознымъ побужденіямъ. М. б., иногда и бѣдность къ тому наклоняетъ; м. б., иной скажетъ: »все-таки лучше въ монастырѣ быть и кланяться настоятелю, нежели протягивать руку за милостыню и ночевать на площади. Но изъ дворянъ дѣлались монахами люди богатые, извѣстныхъ даже знатныхъ фамилій, люди образованные, ученые специалисты, инженеры, артиллеристы, моряки и проч.; многіе изъ нихъ могли бы составить себѣ блистательную карьеру въ военной, или свѣтской службѣ. Даже нельзя не замѣтить, что дворяне, притомъ изъ важныхъ княжескихъ и графскихъ фамилій, поступали бы въ м-во въ большемъ количествѣ, если бы монастыри были лучше устроены и болѣе приспособлены къ удовлетворенію религіозныхъ требованій;

если бы набожность дворянъ не оскорблялась и не соблазнялась порядками, или беспорядками, господствующими въ монастыряхъ. Иначе какъ объяснить поступки Гагариныхъ, Голицыныхъ, Джунковскихъ, Печориныхъ и проч., которые приняли католичество и поступили въ католическіе монашескіе ордена, гдѣ дисциплина несравненно строже, нежели въ нашихъ обителяхъ? Чего имъ искать въ католическомъ м-вѣ, кромѣ удовлетворенія религиозному своему чувству? Они сдѣлались изгнанниками изъ отечества, отступниками отъ вѣры своихъ отцовъ, ужъ, конечно, не по честолюбивымъ и корыстнымъ разсчетамъ; очевидное дѣло, что имъ хотѣлось всю свою жизнь посвятить молитвѣ; только наши монастыри не по сердцу имъ.

Но весь, т. с-тъ, контингентъ, который отдѣляютъ изъ себя всё недуховныя сословія въ монастыри, составляетъ менѣе половины (именно $\frac{5}{11}$ ч.) м-щей братіи; большинство ($\frac{6}{11}$) происходитъ изъ племени левина. Есть монастыри, которыхъ всё почти жильцы принадлежатъ по своему рожденію къ духовному званію; только въ лаврахъ и нѣкоторыхъ богатыхъ монастыряхъ нерѣдко большинство составляется изъ не духовныхъ сословій. Аристократія же монашеская чуть не въ полномъ своемъ составѣ преимущественно происходитъ изъ духовнаго званія. Напр. изъ 87 архіереевъ, внесенныхъ въ списокъ ихъ, изданный синодомъ на 1864 г. 76 по рожденію принадлежатъ къ бѣлому д-ву; изъ остальныхъ затѣмъ 5 родилось между бывшими униатами, 4 между грузинами, и только двое чисто-русскихъ епископовъ произошли не изъ бѣлаго д-ва. Между настоятелями монастырей есть бывшіе дворяне, купцы, даже мѣщане и крестьяне, но большинство и тутъ принадлежитъ потомкамъ племени левина. Посмотримъ теперь, какъ, по какимъ побужденіямъ и кто изъ этихъ потомковъ поступаетъ въ число м-щей братіи?

Пріютъ въ монастыряхъ ищутъ и находятъ едва ли не болѣе всего ученики, исключенные изъ низшихъ духовныхъ училищъ, а отчасти и семинарій за лѣность, неспособность, шалости, даже дурное поведение. Извѣстно, что цѣлыя тысячи такихъ учениковъ ежегодно исключаются изъ духовно-училищнаго вѣдомства въ епархіальное. Куда имъ теперь дѣваться?

Какъ настоящіе члены колѣна левина, привыкшіе жить по примѣру отцовъ своихъ на счетъ десятины и разныхъ приношеній прочихъ колѣнъ Израиля, они стараются пристроиться какъ-нибудь въ бѣломъ д-вѣ. Почти всё причетническія мѣста, большая часть дьяконскихъ достаются этимъ

господамъ, *убоявшимся* какъ говорятъ семинаристы, *глубины премудрости и возвратившимся вспять*. Но число всѣхъ этихъ мѣстъ далеко не соответствуетъ числу возвращающихся вспять изъ духовныхъ училищъ. Остающіеся затѣмъ исключенные семинаристы, не могли служить при алтарѣ христіанскаго Бога, стараются какъ-нибудь пристроить себя къ многочисленнымъ капицамъ одной изъ языческихъ богинь, — Фемиды — богинѣ правосудія, а, м. б., и неправосудія. Они-то опредѣляясь первоначально писцами при всѣхъ такъ называемыхъ низшихъ присутственныхъ мѣстахъ, при станovýchъ, посредникахъ, волостныхъ правленіяхъ, нерѣдко съ жалованіемъ по одному рублю серебромъ въ мѣсяць, иногда дослуживаются званія столоначальниковъ, секретарей и даже еще чего-нибудь повыше, но вообще составляютъ главную массу подъяческаго племени. Впрочемъ Фемида богиня гордая, аристократическая; капища ея открыты б. ч. для людей съ какою-либо протекціею а причетническимъ дѣтямъ, не кончившимъ курса въ семинарияхъ, они совершенно недоступны; только, к-риі даютъ пріютъ этимъ бѣднякамъ. Вотъ почему множество исключенныхъ семинаристовъ, особенно причетническихъ дѣтей, съ глубокимъ вздохомъ расстаются съ правами привилегированныхъ сословій и приписываются къ городскимъ и сельскимъ обществамъ. Но свобода такъ заманчива; платить подати, отдавать, дѣтей въ рекруты такъ непріятно, что многіе изъ нашихъ недоучившихся учоныхъ готовы хоть куда-нибудь поступить, только бы имѣть кусокъ хлѣба и надежду такъ, или иначе пристроиться при алтарѣ господнемъ. Монастыри въ этомъ случаѣ представляютъ имъ надежное и очень спокойное убѣжище.

По 80му правилу номоканона всякій, поступающій въ м-во, долженъ подвергнуться *искусу* въ теченіи $\frac{1}{2}$ —3 годовъ; для этого онъ отдается подъ надзоръ какого-либо брата-монаха и получаетъ названіе *послушника*. Такъ-какъ по русскимъ законамъ не кончившіе полного курса богословскихъ наукъ не могутъ быть пострижены въ монахи ранѣе 30, то слѣдовало бы принимать и въ послушники тоже не ранѣе 27 лѣтъ. Но у насъ всегда умѣютъ обойти законъ. Въ наши монастыри поступаютъ послушниками дѣти въ 12—15 лѣтъ и т. о. при добросовѣстномъ исполненіи закона должны пробыть подъ искусомъ еще 18—15 лѣтъ. Что же заставляетъ о. настоятелей такъ дѣйствовать?

Монастырскій *искусъ* долженъ бы состоять въ томъ, чтобы узнать, способенъ ли жадающій сподобиться ангельскаго образа и достоинъ ли быть монахомъ по своимъ

нравственнымъ качествамъ, религіознымъ убѣжденіямъ и молитвенному настроенію?

Потомъ 19 правиломъ дух. регламента о монахахъ постановлено: «никому кромѣ старыхъ и начальниковъ не имѣти служителей, но и начальникамъ не выше потребности, даже совѣтуется для стариковъ и больныхъ устраивать больницы и тамъ *опредѣлять служителей по пропорціи*. Значить послушники должны бы быть только въ послушаніи, а не въ услуженіи. Но у насъ уже такъ все настроено, что каждый, кому поручать наблюдать за кѣмъ либо, считаетъ себя не только начальникомъ но перѣдко даже господиномъ его. И вотъ монастырскій послушникъ, какъ справедливо сказано въ ст. *Макся* г. Рѣшетникова (№. 10 Совр. 1864 года стр. 393) *исправляетъ лакейскія должности*, и потому его для краткости зовутъ уже не послушникомъ, а *служкою*. Такому превращенію будущихъ иноковъ въ лакеевъ благопріятствуетъ возрастъ. Будь послушникомъ человѣкъ около и болѣе 30 лѣтъ, было бы совѣстно распоряжаться имъ безцеремонно; ну а мальчикъ, сирота безпріютный, сынъ причетника, — съ нимъ можно обращаться безъ церемоніи; можно не только побранить и разбранить его, но даже *разчесать своими пальцами его волосы*. Въ былое, впрочемъ не очень давнее время, нѣкоторые о. о. настоятели молоденькихъ послушниковъ изъ семинаристовъ пощѣкали и розгами. Кромѣ того, многіе настоятели желаютъ устраивать въ своихъ монастыряхъ нѣчто въ родѣ пѣвческихъ хоровъ; басовъ и теноровъ можно найти между братією. Но откуда взять дискантовъ и альтовъ; а безъ ихъ нѣжныхъ, звучныхъ, серебрястыхъ галосковъ что за пѣвческій хоръ? Далѣе и настоятелямъ нужна тоже прислуга, иногда даже изъ нѣсколькихъ лицъ. Бывшіе штатные служители — вѣчные пьяницы, а вольнонаемная прислуга не отличается скромностію. То ли дѣло безмолвный послушникъ, котораго вся будущность зависитъ отъ о. настоятеля? Ему слѣдуетъ, даже полезно быть молчаливымъ и услужливымъ. Наконецъ почему не доставить меньшаго удовольствія и утѣшенія глазамъ братіи и своимъ собственнымъ? Вѣдь если устроить обитель по русскимъ законамъ, то въ ней никто не долженъ быть моложе 27 лѣтъ, всѣ будутъ субъекты серьезные, чего добраго сухощавые, безъ живаго румянца на щекахъ, съ лицомъ, обросшимъ густою бородою и усами. Толи дѣло молоденькіе субъекты съ розовыми щечками, съ улыбающимся личикомъ, съ тонкимъ пушкомъ на щекахъ, съ неогрубѣвшимъ еще голосомъ; на такихъ субъектахъ какъ-то пріятно

останавливать свои взоры. На основаніи этихъ, а. м. б. и другихъ соображеній масса послушниковъ, *настоящихъ послушниковъ* — *прислужниковъ* состоитъ преимущественно изъ исключенныхъ семинаристовъ. И хотя искусъ, по тому же 80 правилу номоканона, *съ мирскими одеждами, а не съ иноческими, долженъ есть быти*; впрочемъ всѣхъ ихъ одѣваютъ уже непремѣнно въ подрясники, а голову прикрываютъ чѣмъ-то въ родѣ камилавокъ. Чтобы видѣть, какъ послушники приготовляются къ принятію ангельскаго чина, прослѣдимъ официальные и неофициальные, церковныя и домашнія занятія ихъ.

Часть третья.

О послушникахъ монастырскихъ и о монахахъ
изъ бѣлаго д-ва.

Всю монастырскую братію б. ч. будятъ отъ сна особеннымъ звонкомъ, или стукомъ въ дверь за полчаса до начала утрени, въ половинѣ 4го, 5го, или 6го часа утра. Послушники, проснувшись сами, или разбуженные своими патронами, спѣшатъ, по выраженію церковно-библейскаго языка, иногда еще *съ отягченными вѣждами*, полусонные, кто на колокольню, чтобы заняться звономъ и трезвономъ, кто въ алтарь церковный, чтобы поскорѣе раздуть уголья для кадила; тотъ становится у входной двери храма, чтобы отворить и затворить ее, когда изволитъ шествовать о. настоятель, этотъ спѣшитъ принять у него трость и *при сей okazji* облобызать его десницу; всѣ же почти собираются на обоихъ клиросахъ, кромѣ тѣхъ, кому нужно прислуживать въ алтарѣ. Служба идетъ заведеннымъ порядкомъ, поютъ, читаютъ, дѣлаютъ поясные и земные поклоны, присаживаются, наприм. во время кафизмъ; р-ся, и послушники во всемъ этомъ участвуютъ. Развѣ только иногда при монотонномъ, долго непрерываемомъ чтеніи и особенно при сидѣннй иной молоденькй, не выспавшійся послушникъ вздремнетъ и даже всхрапнетъ, если никто не замѣтитъ его слабости. Но б. ч. щипокъ другаго послушника, или толчокъ какого-либо суроваго монаха не дадутъ ему вполне насладиться въ объятіяхъ Морфея; полу испуганный отъ боли просыпается, не кстати вскакиваетъ, а иногда даже вскрикиваетъ; братія уже понимаютъ, въ чемъ дѣло, улыбаются и послѣ денекъ другой посмѣется надъ сонюю. Послѣ утрени надобно итти къ ранней обѣднѣ, потомъ къ поздней; послѣ обѣда слушать

вечерню и повочеріе, какой-либо акаѣстъ. Если же есть при монастырѣ кладбище, то иногда нужно съ кадиломъ, кануномъ и свѣчами походить и попѣть по могиламъ.

Исполнивши церковныя официальные, обязанности, не нужно забывать и тѣ занятія, которыя лежатъ на послушникѣ, какъ на лакеѣ, какъ на *служкѣ*. Послѣ ранней обѣдни, а иногда, что грѣхъ таить, и послѣ утрени послушникамъ надобно поспѣшить поставить поскорѣе самоваръ для своихъ патроновъ, убрать комнату и проч.; и вечеромъ тоже рѣдкому изъ нихъ не приходится съ раскрасѣвшимися щеками дуть въ самоваръ. Потомъ есть и общія работы. О казначей прикажетъ то расчистить гдѣ-либо снѣгъ, то вымести дворъ, то усыпать песочкомъ дорожки, не говоря уже объ обязанности разъ или два мести ежедневно церковь, чистить подвѣщники и паникадила и проч. За всѣмъ тѣмъ свободнаго времени отъ официальныхъ занятій часто очень много остается. Куда же его дѣвать? Тогда-какъ старцы послѣ трапезы предаются сладкому отдохновенію молодое монастырское поколѣніе отыскиваетъ гдѣ-либо уютное мѣстечко и тамъ вспоминаетъ о своемъ житіи семинарскомъ; веселія пѣсенки, напѣваемые въ полголоса, игра въ бабки, чехарду и другія невинныя дѣтскія забавы хоть на время заставляють забыть скуку монастырской жизни. Если же настоятель очень строгъ и не позволитъ развлекаться *сими мирскими удовольствіями*, то отыскиваютъ еще болѣе тихій уголокъ и тамъ въ три листика, горку, или просто въ дурачки перекидываютъ и тасуютъ засаженные листки съ валетами, дамами, королями и проч.; иногда это дѣлается даже въ покояхъ о. настоятеля, въ комнатѣ его келейника. А если и это надобѣтъ, или горе слишкомъ возметъ, то пріучаются оживлять себя тою влагою, которую Французы называютъ *жизненною водою*; въ этомъ случаѣ сама старшая братія подаетъ частенько соблазнительный примѣръ; — *въ монастыряхъ нельзя же обойтись безъ искушеній*. Въ свободное время при болѣе, или менѣе снисходительномъ настоятелѣ можно выйти за монастырскую ограду съ дозволенія, или безъ дозволенія казначея, благочиннаго и проч., днемъ и ночью, въ ворота и не въ ворота какъ увидимъ ниже. При такой обстановкѣ послушники находятъ возможность и расположеніе быть веселыми и въ монастырѣ. Въ ст. «Овцебыкъ (N. 4 От. Зап. 1864 г. стр. 583) названы они народомъ веселымъ, шаловливымъ отважнымъ и добродушно-лицемѣрнымъ. Пока кто-нибудь — послушникъ, — онъ существо необыкновенно общежителное. Какіе кулачные бои я помню въ хлѣбопекарнѣ? Какія пѣсни

удалыя пѣлись въ полголоса въ стѣнахъ, когда 5—6 ро-слыхъ, красивыхъ послушниковъ медленно прогуливались на нихъ и зорко поглядывали за рѣчку. А за рѣкой пѣлась другая пѣсня, звонкая, голосистая, сильная русская, пѣсня. О! я все это хорошо помню. Не забылъ я ни одного урока ни въ пѣніи кантатъ, сочиненныхъ на самыя оригинальныя темы, ни въ гимнастикѣ, для упражненія въ которой впрочемъ высокія монастырскія стѣны были не совсѣмъ удобны, ни въ умѣнь-молчать и смѣяться, сохраняя на лицѣ серьезное выраженіе.»

Между послушниками есть тоже аристократія; — это тѣ счастливыя, которымъ выпадаетъ жребій находиться подъ *искусомъ* или, что тоже, въ услуженіи монастырскихъ властей, особенно о. настоятеля. Конечно, настоятельскій послушникъ есть также, какъ и другіе его собраты, *смушка*, притомъ обязанный исполнять несравненно большее предъ другими количество лакейскихъ обязанностей; но зато сколько у него случаевъ своею ловкостію, услужливостію и догадливостію обратить на себя вниманіе и приобрести благосклонность своего начальника? Нельзя быть къ нему вѣчно суровымъ, тѣмъ болѣе, что нашъ камер-лакей знаетъ всѣхъ, входящихъ къ барину и исходящихъ отъ него, слышитъ, или подслушиваетъ кабинетныя разговоры и подсматриваетъ кабинетныя занятія, ѣздитъ съ бариномъ въ дома горожанъ, знаетъ и самъ и отъ лакеевъ, что и тамъ говорится и дѣлается, подсаживаетъ его въ карету, поддерживаетъ и проч.; къ такому чело-вѣку надобно быть даже ласковымъ; вѣдь мало ли что можетъ наговорить? Далѣе частенько о. настоятелю въ своихъ комнатахъ приходится оставаться одному безъ гостей; *молитва молитвою, но и скука-скукою*. Почему не потолковать о чемъ-либо съ своимъ невиннымъ послушникомъ, не послушать его разказовъ, не допустить его до интимныхъ разгово-ровъ, не сдѣлать даже повѣреннымъ своихъ секретовъ. Чтобы молчать всегда, надобно забраться на какой-либо столбъ, какъ Симеонъ Столпникъ, или скрыться въ какую-либо глушь, гдѣ ни съ кѣмъ не встрѣтишься; да и тамъ, пожалуй, станешь разговаривать съ камнями и деревьями и самимъ собою, или отыскивать пріятеля-медвѣдя, какъ по-ступилъ пустынный Крылова. Приблизивши же къ себѣ послушника, нельзя не послушать и даже не послушаться его иногда, не уважить его просьбы. Братія это знаетъ и потому настоятельскій послушникъ пользуется почотомъ въ монастырѣ; послушники ему завидуютъ, или чрезъ него обдѣлываютъ свои дѣлишки; іеродьяконы съ нимъ за паниб-рата, іеромонахи къ нему ласковы, самъ о. казначей не су-

ровъ. Кромѣ того онъ всегда одѣтъ лучше другихъ; настоятель даетъ ему свои пеношенные подрясники и пояса; лице у него б. ч. хорошее съ свѣжимъ румянцемъ; не только ему самому на себя, но и другимъ на него можно полюбоваться.

О приготовленіи же послушниковъ къ истинно-иноческой жизни, развитіи въ нихъ религіознаго и нравственнаго чувствъ, о назидательныхъ бесѣдахъ, извините, о. о. святые, за откровенность, — у васъ почти никогда не бываетъ рѣчи. Ходи послушникъ механически въ Церковь, дѣлай поклоны, читай, пой, не заигрывайся слишкомъ, не будь черезъ-чуръ болтливъ, — довольно этого. А заглянуть въ молодую душу, слѣдить за ея наклонностями, обуздывать страсти, или давать имъ благородное направленіе, знакомить съ истиннымъ духомъ и ученіемъ христіанскимъ; — Э! къ чему это? Да и кому нужно? Развѣ какой-либо добрый старецъ, полюбившій за что-либо молодого послушника, кротко пожурить его; развѣ о. настоятель и о. казначей уже суровый дадутъ нагоняй, если послушникъ зашалится, или по монастырскому выраженію, *видеть во искушеніе*. А тамъ думай, что хочешь, — мечтай о всемъ, что взбрѣдетъ на умъ, — пожалуй, и дѣлай почти все, что угодно; только такъ, чтобы соблазна никому не было, т. е. посекретнѣе. Да, виноватъ я, совсѣмъ было забылъ сказать о томъ, что есть одна обязанность, которая удивительно какъ нужна и полезна въ иноческомъ русскомъ житіи и къ которой настойчиво приучаютъ молодыхъ послушниковъ.

Чтобы объяснить эту обязанность, надобно обратиться къ покойному Брамбеусу. Почтенный баронъ въ своемъ путешествіи на медвѣжій островъ говоритъ, что въ допотопномъ царствѣ Барабіи поклонами можно было всего достигнуть; и потому-то отецъ Саяны хотя уже и далъ слово Бакубароосу выдать свою дочь за его сына Шабахубосаара, но все-таки непремѣнно требовалъ, чтобы будущій его зять какъ-нибудь втерся въ дворцовую переднюю и подвергнулъ себя испытанію, отвѣсивъ въ его присутствіи поклонъ хотъ намѣстнику государства, когда тотъ будетъ проходить съ бумагами. Почтенный тестъ надѣялся по углу наклоненія спины будущаго своего зятя разсчитать, высоко ли онъ поднимется въ барабійскомъ царствѣ. Странно было бы сравнивать монастыри съ этимъ царствомъ; а м. т. въ нихъ съ *поклономъ все дается, поклономъ все берется и полуается*. Такъ какъ теперь не приучать молодыхъ послушниковъ къ исполненію этой, столь нужной въ иноческомъ быту, обязанности, или лучше къ этой гимнастикѣ? Но совершенства въ

гимнастическихъ упражненіяхъ можно достигнуть преимущественно чрезъ частое повтореніе ихъ; по этому и въ монастыряхъ поклоны вмѣстѣ съ лобзаніемъ руки повторяются постоянно, особенно послушниками. Явился спросить о чемъ-либо настоятеля, поклонись ему въ землю и поцѣлуй руку, уходишь отъ него, — повтори тоже; сколько бы разъ съ нимъ ни встрѣчался днемъ, кланяйся каждый разъ въ поясъ, даже подъ острымъ угломъ; подаешь ли ему, или принимаешь отъ него трость, служебникъ, епитрахиль и проч., — кланяйся, по к. м., сгибайся, а руку непременно цѣлуй; поцѣлуй, поужинавъ, отстоявъ вечерню, — опять кланяйся и цѣлуй руку. Затѣмъ надобно хоть разъ въ день поклониться о. казначею, о. о. іеромонахамъ и поцѣловать у нихъ руки; въ строгихъ же монастыряхъ послушники обязываются къ пояснымъ поклонамъ при каждой встрѣчѣ съ этими лицами. Геннадій въ 99^{мъ} правилѣ о вѣрѣ и жизни Христовой говоритъ всѣмъ вообще монастырскимъ обитателямъ: «не пройди мимо всякаго монаха не поклонясь.» (Твор. св. отцовъ 1845 г.) Не шутя можно сказать, что въ счастливый день иной послушникъ не предъ иконами, а предъ людьми, сдѣлаетъ гораздо большее количество земныхъ и поясныхъ поклоновъ, а также лобзаній разныхъ рукъ, нежели сколько проглотитъ золотниковъ хлѣба и другой пищи. И зато какихъ блестящихъ результатовъ достигаютъ. Изъ монастырскихъ жителей выходятъ истинные артисты поклонничества. Имъ не почемъ, стоя на ногахъ, достать лбомъ до полу (это не земной, а поясной поклонъ); иной насилу бредетъ и едва поднимается на лѣстницу, а въ землю скорѣе поклонится и встанетъ, нежели вы сдѣлаете два-три шага.

Какъ хотите, а жизнь монастырская не всякому послушнику можетъ понравиться. Душа рвется на просторъ, желаетъ свободнаго, а не заугольнаго разгула; сердце ищетъ сердечнаго, а не собутыльнаго сочувствія; кровь волнуется; физиологическія потребности организма настойчиво требуютъ удовлетворенія; товарщи-однолѣтки живутъ уже семейно; иногда даже шевелится разумокъ и хотѣлъ бы получить разрѣшеніе многихъ вопросовъ. А тутъ пой и читай только почти одно и тоже, сгибайся и кланяйся; будь заведенною, часто безотвѣтною машиною; въ будущемъ одна и таже перспектива; не смѣй и мечтать объ участіи подруги, о ласкахъ дѣтей. А, что ни говорите, одни и тѣже механическія и гимнастическія упражненія, вѣчно повторяясь прискучиваютъ, какое бы имъ названіе ни давали. Не смотря на это, воля чего не дѣлаетъ? «Выйти изъ монастыря

послушнику, кажется безусловно - невозможнымъ, хотя онъ и знаетъ, что ему въ этомъ никто не препятствуетъ.» (Овцебыкъ, стран. 583). Нищета, безпріютность, опасеніе не найти по себѣ занятій страшатъ; лучше хотѣ съ поклонами и со скукою сытно обѣдать и ужинать, нажели на просторѣ голодать. Кромѣ того есть особый кошмаръ, который свинцомъ лежитъ на послушникахъ и заставляетъ ихъ бѣжать въ монастыри и тамъ все выносить. Извѣстно, что не одинъ уже разъ (напр. 1796, 1806 г.) обращали въ военную службу всѣхъ св-и-ц- сл-скихъ дѣтей, которые въ данное время были въ возрастѣ, но оставались безъ должностей; это у д-ва называется *разборомъ*; послѣдній былъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ. Вотъ эти-то разборы приводятъ въ ужасъ не пристроившихся никуда дѣтей д-ва и гонятъ ихъ въ монастыри и тамъ удерживаютъ. Кромѣ того и у послушниковъ есть свои пріятныя мірскія надежды. Нынѣ во многихъ епархіяхъ вошло въ обыкновеніе опредѣлять ихъ на причетническія мѣста. Правда, тутъ рѣдко обходится безъ нѣкоторыхъ самопожертвованій; иногда о. настоятель предложить свою родственницу въ невѣсты, а съ нею и мѣсто; иногда тоже сдѣлаетъ о. казначей, или лица, знакомыя съ монастырскими властями; иногда приходъ бѣденъ, невѣста не красива, будущій тестъ пьяница, теща — злая баба. Но все-таки лучше на просторѣ. Надежда такимъ-то способомъ пристроиться въ міру, конечно духовномъ, заставляетъ многихъ послушниковъ долго проживать въ монастырѣ. Другіе, болѣе нетерпѣливые, горячіе и энергичные сами собою бросаютъ его и вступаютъ даже въ податное состояніе; впрочемъ такихъ бываетъ очень мало. Наконецъ многихъ, вполнѣ уже никуда не годныхъ, даже и на должность монастырскаго служки, окончательно уже испортившихся, сами о. о. настоятели выгоняютъ изъ монастырей.

Но за исключеніемъ добровольныхъ выходцевъ и невольныхъ изгнанниковъ остается еще множество послушниковъ, которые рѣшаются навсегда пристроится въ монастырскихъ стѣнахъ. Ихъ и съ перваго раза завлекли сюда не религіозныя побужденія, а нужда имѣть кусокъ хлѣба и мѣсто для пріюта; они бы не разстались съ міромъ, если бы онъ далъ имъ выгодное мѣстечко. Да и поживши въ монастырѣ, они не находятъ особенной прелести въ иноческой жизни, не разлюбиваютъ міра. Но одни изъ нихъ принадлежатъ къ тѣмъ безхарактернымъ, неподвижнымъ, обломовскимъ натурамъ. для которыхъ перемѣна занятій, образа жизни и даже квартиры-событіе ужасное; они готовы сносить неудобства, только бы имъ не двигаться съ мѣста; или если уже

тронуты, то благодарны будутъ тому, кто не только укажетъ дорогу, но даже и толкнетъ ихъ по ней. Поживши 5—10 лѣтъ въ монастырѣ, они готовы воображать, что имъ здѣсь нужно и умереть; видя, какъ одинъ за другимъ ихъ товарищи поступаютъ въ м-во, они убѣждаются, что судьба предназначила и ихъ къ черной рясѣ. Другіе способны понимать неудобства какъ настоящаго своего положенія, такъ и грозной будущности. Но чтоже дѣлать? Многолѣтняя монастырская жизнь отучила ихъ отъ полевыхъ и домашнихъ сельскихъ работъ и заботъ, приучила ѣсть готовый, притомъ очень вкусный хлѣбъ и не заботиться о завтрашнемъ днѣ, къ которому все будетъ приготовлено о. казначеемъ, или экономомъ. Рано, конечно, приходится вставать и часто скучать при богослуженіи, но зато въ остальное время спи сколько хочешь, дѣлай, что знаешь. И на чтоже надобно перемѣнить эту жизнь? Записаться въ мѣщане, въ экономическіе крестьяне, платить подати, работать, — много работать даже для насущнаго хлѣба, — великая радость? Мѣсто причетническое? — да оно какъ-то не дается. Притомъ въ немъ нѣтъ уже большой привлекательности. Получи его, да и оставайся вѣкъ на немъ; а теперь мы на одинъ шагъ отъ іеродьяконства, отъ іеромонашества; что же за охота отказываться отъ такой блестящей карьеры? Всѣ руку станутъ цѣловать.

Если бы въ этомъ случаѣ запали въ душу какія-либо сомнѣнія, то для разсѣянія ихъ, для успокоенія совѣсти является вспомогательный корпусъ въ лицѣ о. настоятеля и всей почти м-щей братіи. Извѣстно, что никто такъ не заботится объ увеличеніи числа членовъ своего сословія, какъ монахи. Въ мужескихъ монастыряхъ это усердіе поддерживается нѣкоторыми расчѣтами. Въ нихъ богослуженіе совершается самою братією, по этому съ увеличеніемъ числа іеродьяконовъ и іеромонаховъ хотя доходы нѣсколько уменьшаются, но за то и служба облегчается; можно отдохнуть недѣлку-другую *внѣ очереди*. По этому въ не бѣдныхъ монастыряхъ настоятель и братія даже уговариваютъ послушниковъ постричься въ монахи. Сначала завлекаютъ полегоньку, предлагаютъ надѣть толоку рясу и камилавку; это еще не м-во. Но если бы новичку ряса показалась слишкомъ просторною, а камилавка тѣсною, то ему напоминаютъ, что при одѣяніи въ нихъ благодарили Бога за то, что онъ *избавилъ раба своего отъ суетныхъ мірскихъ жизни*; молились, чтобы Богъ *сподобилъ раба своего пожити достойно въ ангельскомъ жителствѣ и въ настѣ сочтатися избраннымъ божіимъ* (слова эти взяты изъ послѣдованія въ одѣяніе

рясы и камилавки). Потомъ въ случаѣ упорства укажутъ на 80^е правило номоканона, гдѣ говорится: «аще кто облачится, черная нося, или въ расу (рясу) облечется внутрѣ искуса, да не дерзнетъ совлещи сего къ тому прочее, но и *неволею понужденъ будетъ постричься* и пр.» Впрочемъ къ такому мѣрамъ рѣдко приходится прибѣгать; птичка уже въ клѣткѣ, она сама даже иногда рвется туда; служкою быть надоѣло; пора вступить въ составъ братіи, даже самому имѣть, наставлять и благословлять послушника; притомъ денежные доходы іеродьякона и іеромонаха пообъемистѣ послушническихъ. Робкую совѣсть могла бы безпокоить тяжесть монашескихъ обѣтовъ во время постриженія. Но, поживши въ монастырѣ, послушникъ уже знаетъ, какъ они исполняются, — ознакомился со всеми мыслями, которыми можно извинять себя въ случаѣ нарушенія ихъ. Поэтому при постриженіи, м. б., на основаніи принятыхъ обычаевъ, немножко поплачемъ, но скоро утѣшимся. Когда же новый инокъ сдѣлается іеродьякономъ, особенно іеромонахомъ, то его можно сравнить развѣ съ кадетомъ, въ первый разъ вышедшимъ на Невскій Проспектъ въ офицерскомъ мундирѣ. У того и другаго такъ и рвется наружу радость и сознание своего новаго достоинства; одинъ въ восхищеніи отъ того, что ему солдаты отдають честь, а другой отъ того, что къ нему подходятъ даже почотные люди подѣ благословеніе. Да и какъ не радоваться? Думалъ развѣ при счастливыхъ обстоятельствахъ быть дьячкомъ, а тутъ есть возможность благословить и дьячка и дьякона, и по падью, да и священнику сказать: *Христосъ посреде насъ*. Притомъ, почему не помечтать о чемъ-либо повыше? Онъ и самъ знаетъ, да и слышалъ отъ другихъ, что одинъ монахъ изъ послушниковъ сдѣлался казначеемъ, другой строителемъ, третій игуменомъ, даже архимандритомъ. Да и самъ о. настоятель, уговаривая его постричься, м. б. приговаривалъ: «чтожъ тебѣ нейти въ монахи? Развѣ лучше быть дьячкомъ, или мѣщаниномъ? Вотъ и я тоже былъ, какъ ты, исключеннымъ семинаристомъ и послушникомъ, тоже боялся постричься; а теперь благодарю Бога и добрыхъ людей. Смотри-ка, я ужъ архимандритъ, имѣю Анну на шеѣ, получу даже и Владимира; въ служеніи съ преосвященнымъ уступаю мѣсто только ректору и стою выше каедральнаго протоіерея; бывшіе мои учителя и даже профессора подходятъ ко мнѣ подѣ благословеніе и цѣлуютъ мою руку. Полно раздумывать, соглашайся.» Повторяю, какъ же отказаться отъ такой блистательной будущности?

Конечно, между монахами изъ исключенныхъ семинаристовъ встрѣчаются люди истинно-благочестивые, настояще подвижники. Одинъ изъ такихъ о. архимандритъ Агапий былъ настоятелемъ Ниловской пустыни въ Тверской губернии; объ немъ и при жизни и послѣ смерти говорили, какъ о святомъ человѣкѣ. Другой долго состоялъ при одномъ изъ архіерейскихъ домовъ іеромонахомъ, и потомъ сдѣланъ игумномъ монастыря. Его смиреніе, благочестіе и усердіе къ молитвѣ заслуживаютъ удивленіе; лучшіе люди въ городѣ считаютъ за честь имѣть его духовникомъ и приглашаютъ отслужить молебенъ въ своемъ домѣ. Одинъ даже изъ его начальниковъ, человѣкъ, котораго трудненько причислить къ лику праведныхъ, любилъ говаривать: *я знаю что В-ій замолитъ Бога за меня*. Можно бы еще привести нѣсколько подобныхъ примѣровъ; но они все составляютъ исключеніе изъ общаго правила. Большинство же послушниковъ не только не отличается отъ грѣшныхъ мірянъ, но едва ли не хуже ихъ въ нравственномъ и религіозномъ отношеніи, какъ увидимъ ниже.

Зато послушники-семинаристы удивительно какъ хорошо пріучаются, умѣютъ приспособиться къ жизни и нужнымъ качествамъ нашихъ нынѣшнихъ монаховъ. Чтобы достойнымъ образомъ оцѣнить ихъ въ этомъ отношеніи, поговоримъ сначала о воспитаніи нашего торговаго сословія. Мальчишку, едва выучившагося читать и писать, берутъ въ лавку и заставляютъ пройти все ступени русскаго торговца. Сначала онъ отворяетъ и затворяетъ только дверь въ лавку, зазываетъ въ нее покупателей, потомъ въ лавкѣ подставляетъ стулья имъ, бѣгаетъ въ сосѣднія лавки, разноситъ купленные товары по домамъ покупателей. Послѣ онъ подаетъ ножицы и аршины прикащикамъ, складываетъ товары, переноситъ ихъ къ полкамъ, прислушивается и присматривается къ тому, какъ хозяинъ и его сидѣльцы божатся, обманываютъ, обмѣриваютъ, обвѣшиваютъ довѣрчивыхъ покупателей, пказываетъ при случаѣ и самъ опыты этого искусства. Приобрѣтши достаточную опытность и ловкость, онъ возводится въ званіе прикащика и начинаетъ получать жалованье; дѣлается, т. е-ть, *кандидатомъ торговлества*, обманываетъ и покупателей и хозяина, потихоньку наживаетъ и открываетъ свою собственную лавку; это уже *магистръ торговлества*. Наконецъ дѣлается *докторомъ его*, но не ученымъ, образованнымъ докторомъ, а докторомъ-эмпирикомъ, шарлатаномъ, разживается, богатѣетъ, толстѣетъ и тѣломъ и карманомъ и пр. Посмотрите теперь и на по-

слушника — исключеннаго семинариста; и его научное образование бываетъ нерѣдко также разнообразно, какъ и у мальчишки, только-что взятаго въ лавку; и онъ тоже сначала не вдругъ допускается ко всему, а отворяетъ и затворяетъ двери, подаетъ другимъ разныя разности, кланяется, цѣлуетъ руки, унижается и унижается и пр. и пр. Эхъ, г. ч., сами дополните картину, я доставилъ для нее вамъ и сюжетъ, и краски, и кисти, а мнѣ пора подумать о томъ, какъ бы чрезъ-чуръ уже *исей не раздражить*. — Только такъ, или иначе наши послушники постепенно возвышаются въ *кандидаты* (іеродьяконы), *маистры* (іеромонахи) и *доктора м-ва* (настоятели).

И какъ же хорошо они бываютъ выдисциплинированы? Удивляться тутъ нечему. Они прошли, т. с-ть, *огнь и воду*, ознакомились практически со всеми приемами, обычаями, взглядами монастырскими; ихъ почти никогда *не застанешь въ распоясъ*. Если вы, г. ч., человекъ опытный, то ихъ легко узнаете. Здоровье ихъ б. ч. цвѣтущее; лицо свѣжее съ румянцемъ; волосы причесаны съ небольшимъ даже кокетствомъ; глаза веселые и живые, кромѣ тѣхъ случаевъ, *когда нужно ими глядеть внизъ*. Посмотрите, какъ они низко и артистически кланяются настоятелю и особенно преосвященному, какъ ловко и предупредительно объясняются съ богатымъ богомольцемъ, выказываютъ приличную важность предъ богомольцемъ средней руки, и надмѣнно уже разговариваютъ съ бѣднякомъ, даже не замѣчая, какъ онъ у нихъ цѣлуетъ руку. При случаѣ благочестивому пилигриму они съ умиленіемъ расскажутъ о чудесахъ, совершающихся въ ихъ обители, о несомнѣнныхъ доказательствахъ заступничества ихъ святителя, съ глубокимъ негодованіемъ поговорятъ о развратѣ нынѣшняго вѣка, особенно о нечестии ученыхъ людей, со смиреніемъ примутъ отъ васъ лепту на поминаеніе васъ, или вашихъ родныхъ. А если вы такъ-себѣ, не очень благочестивый человекъ и съ умѣте приобрести довѣріе своего собесѣдника, тогда васъ въ келліи угостятъ отлично, еще менѣ откажутся отъ вашего угощенія, посмѣются, повеселятся съ вами, сдѣлаются даже откровенными на счетъ монастырскихъ секретовъ; достанется тутъ и братіи, и о. настоятелю. Чувствуя свои достоинства, монахи изъ семинаристовъ-послушниковъ считаютъ почти себя только однихъ настоящими монахами, а прочихъ, которые поступаютъ къ нимъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ, особенно подъ старость, и скоро посвящаются въ іеродьяконы и іеромонахи, — они не очень уважаютъ, даже не любятъ. Они

и въ м-во ввели тоже самое раздѣленіе, которое замѣчается въ дворянствѣ и почетномъ гражданствѣ. Извѣстно, что у насъ одни называются *урожденными*, *потомственными*, а другіе только *личными дворянами*, или *почетными гражданами*. Точно т. о. и наши иноки-послушники называютъ себя *урожденными* (не потомственными ли даже?), а причихъ *личными монахами*. Ниже увидимъ, что есть еще классъ монаховъ, которые тоже причисляютъ себя къ урожденнымъ и потомственнымъ монахамъ.

Изъ учениковъ, окончившихъ полный семинарскій курсъ, поступаетъ прямо въ м-во весьма немного. Они настолько ужъ умны, чтобы понимать трудности и несообразности монашеской жизни въ нынѣшнее время. Съ другой стороны имъ нѣтъ причинъ бояться попасть подъ *разборъ*, или остаться безъ мѣста. Обыкновенно изъ кончившихъ курсъ семинаристовъ дѣлаются монахами тѣ, которые или дѣйствительно чувствуютъ призваніе къ отшельнической жизни, или по болѣзни находятъ невозможнымъ вести семейную жизнь; а къ свѣтскому званію не чувствуютъ расположенія. Есть еще третій по мѣстамъ разрядъ. Нѣкоторые, къ счастью не многіе ректора семинарій стараются уговаривать поступать въ м-во тѣхъ учениковъ, которые имъ очень нравятся и, по ихъ мнѣнію, будутъ надежными монахами. Нельзя не сказать, что изъ этихъ трехъ разрядовъ выходятъ б. ч. хорошіе люди. Исключенія бываютъ едва ли только не въ двухъ случаяхъ. Если поступившій по болѣзни въ монастырь ученикъ тамъ совершенно и скоро выздоровѣетъ, а м. т. успѣлъ уже постричься въ монахи; тогда укрѣпившійся организмъ вступаетъ въ свои физиологическія права; борьба противъ нихъ, неудовлетвореніе, или даже удовлетвореніе ихъ часто сопровождаются печальными послѣдствіями. Другой случай относится къ людямъ третьяго разряда. Ректору не трудно ослѣпить молодого человѣка, незнающаго ни себя, ни людей, описаніемъ прелести иноческой жизни. Но вотъ молодой монахъ ознакомился съ подробностями монастырской жизни, увидѣлъ, какъ она скучна, какъ самъ онъ мало къ ней способенъ, узналъ, что и міръ вовсе не заслуживаетъ презрѣнія. Вотъ тутъ-то онъ часто подвергается ужаснымъ искушеніямъ и окончательно падаетъ, заливая свое горе виномъ, *проклинаетъ своихъ соблазителей*. Наконецъ многіе изъ учителей, кончившихъ курсъ семинаристовъ, женившись, дѣлаются вдовцами. Имъ по существующимъ законамъ нельзя быть ни дяконами, ни священниками. Что же теперь имъ дѣлать?

Немногіе рѣшаются или перейти на гражданскую службу, или оставаться вѣкъ на должности учителя, а нѣкоторые, скрѣпя сердце, надѣваютъ черную рясу. Равнымъ образомъ слишкомъ часто случается, что священники и дьяконы лишаются женъ своихъ въ очень молодыхъ лѣтахъ. Молодые изъ нихъ и притомъ кончившіе курсъ въ семинаріяхъ въ первомъ разрядѣ поступаютъ въ духовныя академіи; о нихъ будетъ сказано ниже. Затѣмъ уже нѣкоторые (къ счастью немногіе) епархіальные начальники требуютъ отъ вдовцовъ-священниковъ и дьяконовъ, чтобы они шли въ монастыри, даже принуждаютъ къ тому почти насильственно. Покойный воронежскій архіепископъ Антоній отнималъ священническія и дьяконскія мѣста у вдовцовъ, хотя бы у нихъ оставались даже дѣти. Но и тѣ, которыхъ никто не побуждаетъ заключить себя въ монастырь, б. ч. оканчиваютъ тамъ свою жизнь, если они овдовѣли въ молодыхъ лѣтахъ. Они остаются на священническихъ, или дьяконскихъ мѣстахъ до того только времени, пока не передадутъ мѣста своему сыну, или дочери. И если, пристроивши всѣхъ своихъ дѣтей, еще не имѣютъ лѣтъ пятидесяти, то почти всегда постригаются въ монахи. Ноконѣцъ многіе старцы изъ духовныхъ лицъ, не исключая и причетниковъ, по религіознымъ ли побужденіямъ, или въ надеждѣ имѣть всегда вѣрный приютъ и кусокъ хлѣба, добровольно поступаютъ въ монахи и послѣ шестидесяти лѣтъ.

Читатель пойметъ, что во всѣхъ этихъ вдовцахъ какъ-то трудненько предполагать, настоящихъ иноковъ, — иноковъ по призванію, по убѣжденіямъ и т. п. Каждый изъ нихъ, вступая въ бракъ, р-ся, вовсе и не думалъ о монастырской жизни и не считалъ себя способнымъ къ ней; онъ мечталъ обзавестись семействомъ, дожить въ немъ до самой смерти, наслаждаться ласками жены, дѣтей и внучатъ. Потомъ, овдовѣвъ въ молодыхъ и даже зрѣлыхъ лѣтахъ, рѣдкій изъ нихъ не женился бы во второй разъ, если бы только церковныя законы были поспасительнѣе къ двоуженцамъ. Поэтому каждый такой инокъ при своемъ постриженіи на вопросы игумена: *вольною ли твоею мыслию приступаси ко Господу? не отъ нѣкїя ли нужды и насилїя?* долженъ бы по чистой совѣсти отвѣчать на первый: *нѣтъ, честный отче, не вольною мыслию, а совершенно невольною*; а на второй: *да, честный отче, отъ нужды, а иногда могъ бы прибавить: и отъ насилїя*. Но, несмотря на это, монахи изъ вдовыхъ св-и-ц-сл-дей и учителей среднимъ числомъ лучше монаховъ-послушниковъ во многихъ

отношеніяхъ. Вообще они, какъ б. ч. кончившіе курсъ семинаріи, образованіе, уміе и даже нравственіе своихъ бывшихъ товарищей по училищу или низшему классу семинаріи, которые за лѣность и разныя художества исключены были изъ училищнаго вѣдомства и нигдѣ не могли пріютиться, кромѣ монастыря. Они, поживши въ міру, ознакомившись съ радостями и горемъ семейной жизни, смотрятъ на нее болѣе съ положительной, нежели съ идеальной точки зрѣнія, не рисуютъ ее, подобно настоящимъ celibатамъ, или въ отвратительно-гадкихъ картинахъ, или напротивъ въ радужныхъ краскахъ; при мысли о ней, при невозможности законнымъ образомъ наслаждаться ею, не доходятъ до тѣхъ дикихъ страстей, которыя затемняютъ разумъ и заставляютъ рѣшаться на всѣ средства, лишь бы такъ, или иначе удовлетворить пробудившимся пожеланіямъ, успокоить взволнованную кровь. Но имъ приходится многое переносить, если большинство братіи и особенно самъ о. настоятель принадлежатъ къ монахамъ-послушникамъ. Эти послѣдніе лѣтъ по 5—10, и даже болѣе были служками, и уже за исправленіе такой благочестивой должности сдѣлались іеродьяконами, потомъ опять лѣтъ 5—10 добивались іеромонашества. Какъ же теперь имъ, *урожденнымъ* и, м. б. уже *потомственнымъ* монахамъ, полюбить новыхъ своихъ братьевъ, которые съ самымъ постриженіемъ въ монахи становятся уже іеродьяконами или іеромонахами? Иной іеродьяконъ уже надѣялся скоро быть іеромонахомъ и тайкомъ въ келліи своей учился благословлять; а тутъ вдругъ поступаетъ священникъ въ монастырь и іеродьяконъ остается надолго еще іеродьякономъ. Къ тому же, какъ сейчасъ сказано было, монахи-священники поумнѣе монаховъ-послушниковъ, а умные люди всегда тяжеловаты для дураковъ.

Къ разсматриваемому разряду м-щихъ нужно причислить тѣхъ священниковъ и дьяконовъ, которые за проступки заслуживаютъ удаленія отъ своихъ должностей, и потому получаютъ или приглашеніе, или даже указъ окончить свою жизнь внутри монастырскихъ стѣнъ. И они тоже облакаются въ черную рясу и длинную мантию; и они тоже надѣваютъ клобукъ съ крепою. Но считать ихъ монахами по призванію, по собственному желанію или убѣжденію такъ же можно, какъ и тѣхъ государственныхъ преступниковъ, которые заключаются въ соловецкій, или въ суздальскій спасофимовскій монастырь.

Часть четвертая.

О томъ, что учоное м-во присвоило себѣ все почти мѣста начальниковъ въ епархіяхъ, духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ.

Остается еще поговорить о самомъ важномъ отдѣлѣ м-щихъ, который извѣстенъ подъ названіемъ *учоного м-ва*. Чтобы имѣть предварительное понятіе о значеніи этого класса, раздѣлимъ всехъ м-щихъ и готовящихся быть ими на четыре отдѣла. Къ первому - низшему относятся послушники, — это даже не римскій плебсъ, не афинскій охлосъ, а скорѣе нѣчто въ родѣ кліентовъ римскихъ, или испытуемыхъ еще адептовъ иллюминатовъ и франкмасоновъ. Второй классъ состоитъ изъ іеродьяконовъ и іеромонаховъ; это ужъ посвященные франкмасоны, плебсъ и охлосъ, который въ своихъ трибахъ и комиціяхъ, можетъ даже имѣть голосъ. Къ третьему классу принадлежатъ настоятели и отчасти казначеи монастырей, а также экононы и благочинные въ лаврахъ; — это уже нѣчто въ родѣ римскихъ всадниковъ, низшее дворянство и т. с-ть оберъ и штабъ-офицеры монаховъ. Но надъ всеми тремя классами высится четвертый, состоящій изъ епископовъ, архіепископовъ и митрополитовъ; это уже настоящая аристократія церковной іерархіи, патриціи въ рясахъ и клубукахъ. Все четыре класса или сословія составляютъ одно общество, или почти отдѣльное государство, но различное отъ древняго Рима. Въ послѣднемъ переходъ изъ одного сословія въ другое, напр. изъ плебеевъ во всадники и потомъ въ патриціи оставался для огромнаго большинства невозможнымъ; только при особыхъ обстоятельствахъ или заслугахъ можно было рассчитывать на промоцію; только сильнѣйшіе патроны-патриціи могли доставить значеніе своимъ любимымъ кліентамъ, или въ послѣдствіи императоры изъ своихъ отпущениковъ дѣлали сенаторовъ и даже консуловъ. Но въ нашемъ монашескомъ царствѣ дѣла ведутся иначе. Всякій кліентъ-послушникъ, кромѣ самыхъ рѣдкихъ случаевъ, поживши десятокъ лѣтъ и умѣя читать и писать, непременно будетъ іеродьякономъ, и потомъ почти всегда сдѣлается іеромонахомъ. Далѣе, каждый іеромонахъ можетъ рассчитывать на званіе казначая, а значительная часть помечтатъ и о настоятельствѣ, даже и получить его.

Въ былыя времена не было непреодолимыхъ препятствій всякому умному и особенно благочестивому настоя-

телю помечтать объ архіерействѣ, и даже получить его. Тогда у насъ не было училищъ въ томъ смыслѣ, какъ нынѣ ихъ понимаютъ и устриваютъ; учили и то кое-какъ читать, даже писать, — учоныя читали часовникъ, псалтирь; учонѣйшіе шли далѣе, — читали прочія церковныя книги, брались за четьи-минеи, даже и за біблію; о свѣтской литературѣ и понятія не имѣли. Въ эти-то блаженныя времена должности бѣлаго д-ва получались не скачками, а постепенно, начиная съ низшихъ; въ это-то время (пишется No. 6 Отеч. Зап. 1862 г. въ ст. чернецъ Федосъ стр. 485) «умѣвшій читать и писать, знавшій нѣсколько псалмовъ и молитвъ наизусть, какого бы онъ званія ни былъ, избирался міромъ, или помѣщикомъ и ставился архіереемъ по ихъ просьбѣ» сначала б. ч. дьячкомъ, потомъ дьякономъ, а тамъ м. б. и священникомъ; только талантливые, бойкіе читачи и пѣвцы, а также имѣвшие сильную протекцію, извѣстные самому преосвященному, прямо дѣлались дьяконами, или священниками: но и это все-таки были не болѣе, какъ читачи; не даромъ же говорилосѣ и писалосѣ: *изучившій псалтирь достоинъ священства*. Въ эти-то или лучше въ сіи блаженныя и счастливыя для невѣжества времена архіерейскія мѣста давались не за учоныя, а за моральныя, пожалуй даже монашескія только качества. Узнавалъ князь, а послѣ Царь или самъ собою, или отъ другихъ о какомъ либо благочестивомъ игуменѣ, архимандритѣ, даже іеромонахѣ и они дѣлались епископами, даже митрополитами. Но еще въ до-Императорскій періодъ правительство и духовное и свѣтское стало догадываться, что сельскіе священники должны быть не читачи-пономари, или ревуны-дьяконы, а люди умные и образованные; и начало мало-по-малу заводить училища для приготовленія достойныхъ пастырей. Читачамъ труднѣе и труднѣе становилось сдѣлаться не священниками уже, а дьяконами и даже дьячками. При Императорѣ Александрѣ 1^{мъ} дѣло уже дошло до того, что не окончившему курса въ семинаріи стало очень трудно получать священническое мѣсто; и для дьяконской должности надобно было поучиться въ семинаріи, а для причетнической — въ низшихъ училищахъ, и даже въ реторикѣ.

Такое прогрессивное движеніе образованности въ бѣломъ д-вѣ не осталось безъ вліянія и на черное. Хотя почти все монашескіе ордена въ новѣйшія времена оказываются враждебными образованности, хотя для нихъ, какъ и для Фамусова, *ученье вотъ чума*; впрочемъ наше м-во увидало, что если не все его члены, то по к. м. архіереи должны быть

сразу заговорятъ: «за чѣмъ же существуетъ придворный штатъ? Вѣдь онъ заявши всю почти лѣстницу, мѣшаетъ дѣловымъ людямъ имѣть доступъ къ сидящему на верхней ступенькѣ.» Нужны, значитъ, учоные монахи не для однихъ архіерейскихъ мѣстъ; нужно ихъ хоть изрѣдка поставять на іерархической лѣстницѣ въ родѣ телеграфныхъ столбовъ и чрезъ нихъ передавать приказанія и получать извѣстія. Но лицъ, назначаемыхъ для этого, не слѣдовало оставлять только въ монастырскихъ оградахъ; тамъ они могли бы смѣшаться съ прочіею братіею, усвоить ея привычки, бросить учоныя занятія. Для нихъ найдена самою приличною служба при духовно-учебныхъ заведеніяхъ. На это нужно было рѣшиться, преимущественно даже п. ч. оставлять духовныхъ училища подъ ближайшимъ и исключительнымъ надзоромъ лицъ бѣлаго д-ва было не безопасно для м-ва. Въ этомъ случаѣ воспитанники ихъ сразу сдѣлаются благоразумными при выборѣ званія; не испытавши самихъ себя, пожалуй, не станутъ отказываться на словахъ отъ міра, котораго не знаютъ, принимать на себя обѣты, важности и трудности которыхъ не понимаютъ. А если бы кто либо по неопытности, по случайному увлеченію и сдѣлалъ это, то благоразумные начальники-не-монахи посовѣтывали бы молодому человѣку пообдуматься, поглубже вникнуть въ себя прежде, нежели онъ рѣшится на роковой шагъ; а поживши между мірянами легко видѣть можно, что *міръ нашъ въ сказкахъ монашескихъ ужасенъ*, въ немъ не скучно; и спастись не трудно, занимаясь даже житейскими дѣлами. Тогда бы не откуда было взять достаточное количество людей, которыхъ можно, какъ в. с-но, разставлять на видныхъ мѣстахъ по іерархической лѣстницѣ въ видѣ телеграфныхъ столбовъ; оставалось бы въ параллель съ образованнымъ бѣлымъ д-вомъ ставить фалангу изъ послушниковъ-монаховъ, которые ищутъ въ монастырѣ возможности скрыться отъ *разбора* и скрыть также свою неспособность ни къ какимъ дѣльнымъ занятіямъ.

Но извѣстно, что всѣ вообще монашескіе ордена отличаются особенною чуткостію видѣть грозящую имъ опасность, — умнѣемъ въ изобрѣтеніи средствъ къ предотвращенію ея, — рѣшительностію ни чѣмъ не стѣсняться, когда имъ нужно приводить ихъ въ исполненіе. И потому очень естественно, что вмѣстѣ съ основаніемъ и увеличеніемъ, духовныхъ школъ въ Россіи м-во старалось присвоить себѣ въ нихъ начальническія и даже наставническія мѣста. Къ этой цѣли въ прошедшемъ столѣтіи оно стремилось съ большою смѣ-

лостію или, лучше, несправедливостію, нежели въ нынѣшнемъ. Вотъ что напечатано объ этомъ въ 21 т. прибавлен. къ творен. Св. Отцовъ (стр. 136—137): «Кіевскіе наставники (монахи изъ Могиланской академіи, вызванные для управленія Московскою духовною академіею) старались въ Москвѣ утвердить за м-вомъ господство въ области наукъ; въ слѣдствіе ихъ вліянія считалось почти необходимостію поручать учонныя кафедры во всёхъ классахъ преимущественно м-щимъ; много было курсовъ, когда въ академіи между наставниками не было ни одного свѣтскаго лица. Любопытный случай представляется въ 1744 г.; въ этомъ году всё наставники были м-ще, кромѣ одного учителя низшаго класса Григорія Кондакова, которому, послѣ не принятыхъ имъ убѣжденій вступить въ м-во, послѣдовало на представленіи ректора Порфирія такое опредѣленіе синода: «Григорія Кондакова изъ учителей, понеже онъ монашескаго чина понынѣ не пріемлетъ, исключивъ, ни къ какимъ школамъ не опредѣлять.» Другой случай относится къ 1753 г.; избравъ на двѣ праздныя учительскія вакансіи свѣтскихъ учителей Афанасія Пельскаго и Григорія Драницына, ректоръ Варлаамъ писалъ о нихъ въ синодъ: «сіи учителя, хотя бѣльцы, однако люди весьма надежныя и какъ житія, такъ и ученія изряднаго.» И хотя авторъ статьи, изъ которой взятъ этотъ отрывокъ, говоритъ, что будто бы правительство старалось поддерживать принесенное изъ Кіева въ московскую академію направленіе, впрочемъ, вѣроятно, физиологическіе законы брали верхъ надъ административными распоряженіями; московская академія и другія духовныя училища принуждены были, за недостаткомъ монаховъ, предоставлять не только наставническія, но и даже нѣкоторыя изъ начальническихъ должностей свѣтскимъ лицамъ; напр.: покойный Сперанскій былъ префектомъ (т. е. инспекторомъ) въ Александроневской семинаріи. Въ новомъ проектѣ устава духовныхъ училищъ при Императорѣ Александрѣ 1мъ даже было постановлено, что ректорами и семинарій и академіи одинаково могли быть лица бѣлаго и чорнаго дѣла, а инспекторами всё вообще наставники независимо отъ своего платья, притомъ по выбору своихъ сослуживцевъ. Но эти распоряженія, неблагоприятныя монашеской системѣ, не попрепятствовали ей утвердиться. Конечно и каждый архіерей, даже каждое м-щее лицо готовы были всѣми силами содѣйствовать осуществленію ея; но можно сказать, что она едва ли бы восторжествовала, если бы не явился гениальный *систематикъ*, если бы онъ и самъ собою, и вліяніемъ своего ума на про-

чихъ членовъ духовно-училищнаго начальства не доставилъ ей полной побѣды. При введеніи системы дѣйствовали съ неумолимою настойчивостію, не обращая вниманія ни на заслуги, ни на способности, ни даже на многія существующія постановленія. Первая задача здѣсь состояла только въ томъ, чтобы должности ректоровъ и инспекторовъ семинарій и академій занимаемы были непременно м-щими. При такой настойчивости и безцеремонности дѣло довели до того, что въ списокѣ ректоровъ на 1864ый годъ вы найдете только двухъ человекъ изъ бѣлаго д-ва. Одинъ изъ нихъ вполнѣ заслужилъ свое мѣсто и достойнымъ образомъ занимаетъ его. Но онъ, какъ безбрачное лицо, ближе къ м-ву, нежели къ бѣлому д-ву. Другой — ректорствуетъ въ семинаріи, находящейся въ такомъ городѣ, куда никто изъ монаховъ, вѣроятно, не согласится ѣхать. Вѣдь Якутскъ — сильный городъ; должность ректора семинарии для тамошняго протоіерея дѣйствительно лестна; ему все таки лучше жить и умереть не только протоіереемъ, но и ректоромъ. Но послать туда о. архимандрита . . . . . за что его наказывать? Въ числѣ инспекторовъ семинарии есть не монахи; напр. по адресъ-календарю на 1864/65 г. было между ими шесть изъ бѣлаго д-ва и шесть изъ свѣтскихъ наставниковъ; но это произошло отъ крайняго недостатка м-щихъ лицъ, способныхъ для этой должности.

Вторая задача при введеніи нашей системы состояла въ томъ, чтобы всѣ начальнческія должности въ семинаріяхъ и академіяхъ поручать магистрамъ и кандидатамъ богословія, но не семинаристамъ. Не приписывайте этого любви духовно-училищнаго начальства къ просвѣщенію; мы послѣ увидимъ, что оно не всегда-то расположено бываетъ къ ученымъ и умнымъ людямъ; но слишкомъ странно было бы, если бы наставниками семинарій были люди съ учеными академическими степенями, а ихъ начальниками — семинаристы. Задача эта рѣшена полнѣе, нежели первая. Нынѣ едва ли только не въ одномъ Якутскѣ ректорствуетъ не академикъ, да и вообще въ послѣдніе 50 л., к-ся, не болѣе 5—10 человекъ изъ семинаристовъ было вновь сдѣлано ректорами семинарій.

Часть пятая.

Объ особенномъ вниманіи и снисхожденіи начальства къ м-щимъ какъ студентамъ духовныхъ академій, такъ и наставниковъ духовно-учебныхъ заведеній.

Чтобы утвердить и поддержать господствующую нынѣ систему замѣщенія начальническихъ должностей въ семинаріяхъ и академіяхъ, духовно-училищное начальство м-щимъ академистамъ предоставило множество привилегій и прежде и послѣ поступленія ихъ на службу. Ознакомленіе съ этими привилегіями намъ необходимо, чтобы понять, какимъ образомъ, по какимъ побужденіямъ и кто изъ академій поступаетъ въ м-во.

Едва только студентъ пострижется въ монахи, — ректоръ и инспекторъ почувствуютъ къ нему особенное расположеніе и отличать его отъ товарищей *-сертуконосцевъ*. Инспекторъ чуть не каждый мѣсяцъ рекомендуетъ его правленію, какъ образецъ по поведенію и часто начинаетъ свой списокъ какимъ либо отцомъ Амфилохіемъ, Митрофаномъ и пр. Какихъ качествъ не отыщетъ онъ въ студентахъ-монахахъ? и смиреніе, и молитвенное настроеніе, и послушаніе, и благочестіе, и даже прилежаніе, такъ что объясняя на лекціяхъ по практическому богословію всѣ добродѣтели, едва ли найдете хоть одну, въ образецъ которой нельзя бы представить иноковъ-студентовъ. Быстрые также успѣхи въ наукахъ они оказываютъ послѣ своего постриженія, если судить о томъ по спискамъ. Свѣтскіе профессеры, особенно въ низшемъ отдѣленіи, не обращаютъ вниманія на иночество студентовъ. Но зато наставники высшаго отдѣленія, особенно м-щіе, какъ будто стараются поправить невнимательность своихъ солуживцевъ — фрачниковъ; иноки-студенты въ спискахъ ихъ, дѣлаются удивительно какъ успѣшными. Тутъ дѣйствуютъ двоякимъ образомъ. Если студентъ поступилъ въ м-во за-долго до окончанія курса, то при повышеніи его въ списокѣ соблюдается постепенность; такъ что иногда подумаешь, ужъ, въ самомъ дѣлѣ, не прилежаніемъ ли своимъ онъ достигъ чуть не перваго мѣста; тутъ дѣйствуютъ какъ будто естественныя силы. Но если студентъ сдѣлался монахомъ предъ окончаніемъ курса, тогда естественный порядокъ въ сторону; нужны чудеса; шагаютъ

вдругъ чрезъ десятокъ номеровъ. За примѣрами дѣло не стоитъ. Лѣтъ за 18^{ть} одинъ бѣленькій, маленькій студентъ писался около 20го номера, а иногда и пониже; былъ *якоже и прочиі чловѣки* - студенты, принадлежавшіе къ золотой средннкѣ. Вдругъ предъ окончательнымъ экзаменомъ ему дали другое имя и онъ въ спискахъ богословскихъ явился на третьемъ мѣстѣ. О. ректоръ и инспекторъ и прочіе отцы успѣли оставить его на этомъ же мѣстѣ и въ окончательномъ списокѣ. Какъ ни возражали противъ этого свѣтскіе профессора низшаго отдѣленія, имъ отвѣчали: «у него прекрасное разсужденіе; вы его не понимали; онъ, переставъ учиться у васъ, сдѣлался лучше.» Чтобы впрочемъ показаться хоть по наружности справедливымъ, разсужденіе этого генія инспекторъ не только исправилъ, но почти все пере-дѣлалъ.

При такой системѣ, поддерживаемой съ настойчивостію столько десятковъ лѣтъ, не удивительно, что такъ много магистерскихъ крестовъ украшаютъ наше учное м-во, что въ спискахъ академическихъ не-рѣдко первыя мѣста занимаются монахами. Правда, найдешь ихъ много между кандидатами; но вѣдь ректору и инспектору академіи совѣсть, особенно противодѣйствіе свѣтскихъ наставниковъ, не позволяютъ чловѣка, едва стоющаго быть магистромъ, записать первымъ, — чловѣка бездарнаго и тупаго внести въ число магистровъ. Притомъ академическому начальству, вообще благосклонному къ м-щимъ студентамъ, не нравятся отдѣльныя изъ нихъ личности. Тутъ не обходится безъ интригъ. И святые отцы монахи-студенты другъ другу завидуютъ, другъ у друга стоятъ на дорогѣ; почему же ловкимъ словомъ не устранить, не унизить своего соперника? Почему, по русской пословицѣ, *не подставитъ ноги* своему возлюбленному брату? Тутъ начальство вовлекается въ обманъ. Но иногда и безъ всякихъ интригъ, оно просто-на-просто не любитъ тѣхъ, или другихъ монаховъ-студентовъ. Этой бѣдѣ часто подвергаются люди благородные, искренніе монахи, но не низкопоклонники. Такимъ людямъ пощады нѣтъ. Я зналъ одного монаха-студента, который до м-ва и послѣ него въ низшемъ отдѣленіи занималъ четвертое мѣсто. Въ высшемъ отдѣленіи болѣзнь ему конечно нѣсколько препятствовала учиться по прежнему, но все таки онъ во всѣхъ отношеніяхъ стоилъ магистерства. Къ несчастію его былъ у него товарищъ монахъ, чловѣкъ довольно близкій къ инспектору, съ которымъ онъ нѣкогда учился вмѣстѣ. Этотъ чловѣкъ умѣлъ вооружить инспектора противъ больнаго

бѣдняка, который и окончилъ курсъ младшимъ кандидатомъ. Отъ такихъ-то причинъ, а вовсе не отъ безпристрастія академическаго начальства не всѣ монахи оканчиваютъ курсъ магистрами.

Людей, которыхъ такъ отличаютъ во время академическаго курса, нельзя не предпочесть другимъ при окончаніи его. Когда число вакантныхъ мѣстъ при семинаріяхъ гораздо менѣе числа окончившихъ курсъ студентовъ, то свѣтскіе младшіе, даже и старшіе кандидаты ступай къ прежнему своему епархіальному и семинарскому начальству, вымаливай у нихъ какое либо мѣстечко; бывали примѣры, что и магистры должны были подождать, пока найдутъ возможность гдѣ нибудь ихъ пристроить. Но монахъ-студентъ пусть не беспокоится о себѣ; о немъ печется и высшее и ближайшее начальство; онъ непременно назначится куда либо въ семинарію; исключенія бывали относительно только тѣхъ лицъ, которые хотя и окончили курсъ и получили даже учоную степень, но рѣшительно ни на что не способны, или слишкомъ ужъ дурнаго поведенія; впрочемъ и тутъ они скоро найдутъ себѣ покровителей. Однажды въ Петербургской академіи кончилъ курсъ іеромонахъ Г-ъ на послѣднемъ мѣстѣ; его постыдили къ куда либо въ семинарію послать. Но вотъ онъ является къ одному изъ тогдашнихъ членовъ синода, не участвовавшему въ распредѣленіи студентовъ на должности. Почтенный членъ изумился, какъ это монахъ-студентъ занялъ послѣднее мѣсто во спискѣ и потомъ остался безъ должности, за такой промахъ намылили голову ректору академіи; отцу же Г-у протекторъ предложилъ быть смотрителемъ одного изъ училищъ своей епархіи; тотъ отказался и очень резонно, п. ч. ему скоро дали наставническое мѣсто въ С-ой семинаріи и даже сдѣлали потомъ инспекторомъ. Далѣе монаховъ-студентовъ непременно пошлютъ инспекторами семинарій, если только есть вакантныя мѣста, и тутъ рѣшительно не обращаютъ никакого вниманія на списокъ конференціи. Свѣтскій магистръ даже и не думай объ инспекціи, развѣ уже крайняя нужда, или особенныя какія либо соображенія заставятъ власти дать ее ему. Но монахъ-даже младшій кандидатъ будетъ инспекторомъ, была бы только вакансія.

И на нравственность м-щихъ студентовъ часто не обращаютъ никакого вниманія, полагая, что *подъ черною рясою ничего не видно*. Въ этомъ отношеніи можно указать на возмутительные примѣры. Въ одномъ изъ курсовъ петербургской академіи было три монаха-студента, которыхъ по-

хожденія можно бы приписать Жилблазу. Когда было объявлено имъ, что ихъ будутъ постригать во всеобщую сльдующаго воскресенья, то они сочли нужнымъ приготовиться къ этому надлежащимъ по ихъ понятію образомъ, или, какъ выражаются въ подобныхъ случаяхъ, *проститься съ міромъ*, — *заговѣться*. Нечего и говорить, сколько бутылокъ и штофовъ въ немногіе дни было опорожнено; новицаты, постарались о томъ, чтобы дѣйствительно могъ къ нимъ приложиться смыслъ тропаря, который поется въ самомъ началѣ постриженія (объятія отча отверсти ми потщися, *блудно бо мое издихъ житіе*); надобно же было *заговѣться*. Заговѣлись и постриглись. Чего не дѣлали эти отшельники въ академіи и внѣ ея до самого окончанія курса? Рѣдкая недѣля проходила, въ которую бы имъ, не удалось погулять и повеселиться; находили даже нужнымъ и *разавливатся*, притомъ (повѣрьте честному слову) въ самой академіи, въ домѣ, которой ни одному женатому наставнику не позволяють жить изъ опасенія яко бы соблазна. Но два событія особенно были замѣчательны. Двое изъ этихъ отцовъ, бывши у одного лаврскаго іеродьякона на именинахъ, засидѣлись долгонько и, какъ одинъ изъ нихъ выразился, помнили только, что они кое какъ при помощи другихъ въ передней своего хлѣбосольнаго именинника, надѣли теплыя рясы. Калитка, чрезъ которую проходятъ изъ лавры на академической дворъ, нынѣ совершенно открыта, но въ то время предъ нею были темноватія сѣни предъ сторожкой тогдашней семинаріи. Почтенные гости доплелись кое-какъ до этихъ сѣней и, воображивши, что они дошли уже до своей комнаты, расположились почивать на полу, раздѣвшись впрочемъ и разувшись, хотя это происходило въ не очень холодное, а все таки въ зимнее время; у нихъ много было внутренней теплоты. Труженники сначала уснули, укрывшись своими теплыми рясами, но холодъ и время взяли свое, головы отрезвились и спавшіе проснулись. Сначала они никакъ не поняли, гдѣ находятся, даже думали, не попались ли на сѣзжій домъ, и начали между собою разговаривать. Это услышали привратникъ и унтеръ-офицеръ, спавшіе въ сторожкѣ. Такъ какъ въ сѣняхъ еще былъ чуланчикъ, въ которомъ лежали ихъ кое-какія вещи, то они подумали: не пожаловали ли воры къ нимъ; и потому закричали: кто тамъ? Труженники вскочили и тутъ увидали, что они стоятъ предъ калиткою академіи. Одинъ принялся звонить въ колокольчикъ, проведенный въ академическую сторожку, а другой въ тоже время, отыскавши сапоги, сталъ обуваться. Пока семинарскіе при-

вратникъ и унтеръ-офицеръ вздували огонь и отыскивали какія либо орудія чтобы проводить незванныхъ гостей, академической привратникъ проснулся и успѣлъ отпереть калитку въ то самое время, какъ унтеръ-офицеръ съ товарищемъ выступили въ сѣни. Незванные гости растерялись и бросились въ отпертую калитку, — одинъ, звонившій въ одномъ только бѣльѣ и босой, а другой въ сапогахъ и подрясникѣ. Все же прочее — двѣ теплыхъ и двѣ холодныхъ ясы, одинъ подрясникъ, два клубука, пара сапогъ осталось въ сѣняхъ на полу. Академической привратникъ, не появивши дѣла, бросился къ вахтеру и сказалъ ему, что какіе-то два мошенника пробѣжали въ академической домъ. Разбудили эконома, тотъ отдалъ приказъ поднять на ноги всю служительскую команду. Но вскорѣ позвали его въ сѣни — бывшую опочивальню мнимыхъ воровъ. Тамъ онъ узналъ оставленныя вещи, прибралъ и по утру отдалъ владѣльцамъ ихъ. Въ друдой разъ одинъ изъ тѣхъ же трехъ отцовъ, въ отличный лѣтній день слишкомъ на-веселѣ возвращаясь съ стеклянаго завода, упалъ на дорогѣ и заснулъ. Академическое начальство, узнавши о томъ, послало служителей сдѣлать *перенесеніе честныхъ мощей* почивающаго. Служители, положивъ его на одно одѣяло, другимъ совсѣмъ закрыли и, держа первое за четыре угла, начали перенесеніе, сопровождаемое толпою, которая болѣе и болѣе увеличивалась. Случайно, ѣхавшій казацкій офицеръ, спросилъ вахтера, который дирижировалъ всею процессію: что это такое? Вахтеръ отвѣчалъ, что съ однимъ студентомъ сдѣлался ударъ на дорогѣ. Неотвязчивый офицеръ повернулъ лошадь и сталъ тоже конвоировать процессію. М. т. уснувшій проснулся отъ движенія и началъ сбрасывать съ себя одѣяло. Служители, желая сохранить все въ секретѣ, не позволяли мнимо-больному показать себя предъ публикой; завязалась борьба; одинъ изъ нихъ выпустилъ предъ самымъ входомъ въ академію свой конецъ одѣяла; мнимо-больной освободился на свѣтъ Божій и нашолъ еще въ себѣ столько силъ, чтобы двигаться на своихъ ногахъ. Служители, помня приказъ принести непременно опочивавшаго, бросились за нимъ съ крикомъ и хотѣли опять положить на одѣяло, а тотъ, желая спастись отъ преслѣдователей, но еще оставаясь, какъ нынѣ говорятъ, подъ сильнымъ шафѣ, подбѣжалъ къ желѣзно-рѣшотчатой академической оградѣ и обнаруживалъ желаніе взобраться на нее. На всю эту сцену смотрѣли казакъ-офицеръ, толпа сопровождавшая процессію, и студенты изъ всѣхъ оконъ жилыхъ комнатъ. Хохотъ былъ истинно-гоме-

рической. Происшествіе это случилось въ послѣднюю треть курса предъ самыми окончательными экзаменами.

Непріятно, даже отвратительно не только рассказывать, но и слушать подобныя дразги; сознаюсь въ этомъ г. ч. и прошу извиненія. Но рассказъ былъ необходимъ, чтобы вы могли видѣть, съ какою непреклонною, можно сказать, безсовѣстною настойчивостію держались принятой системы назначать на начальническія должности въ семинаріяхъ только монаховъ. Вотъ напр. вы, чего добраго, подумаете, что всѣхъ нашихъ героевъ, по к. м., послѣдняго исключили изъ академіи, или не дали ему ученой степени, или хоть отстранили его отъ педагогическихъ должностей семинаріи. Плохо же вы знаете нашихъ систематиковъ; *вотъ наши герои получили инспекторство въ семинаріяхъ!!!*

Заглянемъ въ другую академію, т. е. т., пропитанную монашествомъ. У студентовъ одного изъ ея курсовъ я любовался фотографическимъ снимкомъ всѣхъ его товарищей на одной картинѣ. Снимокъ былъ весьма хорошъ, какъ по отдѣлкѣ, такъ и по расположенію фигуръ. Во второмъ ряду почти съ краю стоялъ монахъ, — единственный между товарищами. «Неужели у васъ въ цѣломъ курсѣ только одинъ и есть монахъ?» спросилъ я. — «Нѣтъ, отвѣчали мнѣ, есть еще другой.» — «Да почему же вы его не помѣстили вмѣстѣ съ собою?» — «Никакъ нельзя было; онъ постоянно былъ въ такомъ видѣ, что его выставить на картинѣ на память потомству никакъ не слѣдовало. Когда мы были въ фотографіи, его хотѣли довести хоть подъ руки, но оказалось, что его можно было только донести.» И все-таки онъ посланъ былъ поучать духовное юношество въ в-ую семинарію. ¶

Въ той же академіи былъ попрежде предъидушаго студентъ-монахъ; онъ любилъ жить весело, такъ весело, что начальство часто не знало, какъ поуспокоить его веселость. По окончаніи курса, его назначили наставникомъ въ одну семинарію, притомъ на самую почетную кафедру. Теперь надобно было проститься съ академіею. Прощаться начали съ утра; подошло время ѣхать на желѣзную дорогу; напередъ отправили багажъ и поручили взять билетъ, а сами остались прощаться; прощались, но не поднимались, наконецъ не могли подняться; багажъ уѣхалъ; билетъ остался въ барышахъ; а прощавшійся успокоился сномъ праведниковъ на мѣстѣ своего прощанья. По утру вновь стали прощаться, но кое-какъ другіе помогли разстаться; только отъѣзжавшій пріѣхалъ на станцію ужъ болѣе, нежели на веселѣ, и помѣстился въ вагонѣ втораго класса. Веселье тутъ начало про-

сится наружу; герой своимъ поведѣніемъ изумилъ почотную публику, съ нимъ сидѣвшую. Къ счастью, или несчастью, не знаю какъ сказать, однимъ изъ спутниковъ горя оказался академіи ректоръ, который все видѣлъ, видѣлъ и ничего не сдѣлалъ. Герой уѣхалъ на должность наставлять д-ное юношество.

Возму еще примѣръ изъ третьей академіи. Здѣсь обучался нѣкто г. К.-нъ. Онъ первоначально поступилъ въ Петербургскую академію съ сильною склонностію къ пьянству но замѣтивъ, что противъ нее здѣсь принимаютъ рѣшительныя мѣры, онъ, сколько возможно, сдержался и, притаившись больнымъ, перепросился въ К-ую академію. Тутъ уже онъ не стѣснялъ себя. Но будучи еще въ сертукѣ, любилъ напиваться вечеромъ тайкомъ отъ другихъ, и свои Vomissements изрыгалъ подъ кровати другихъ студентовъ. Эти, р-ся, захотѣли отучить лицемѣра отъ его гадкой привычки. Герой нашъ подалъ поскорѣе въ монахи и, живя уже въ особой комнатѣ, жилъ и пилъ и ничего не дѣлалъ. Не смотря на то, дали ему учоную степень и послали въ П-скую семинарію наставникомъ — помощникомъ ректора по классу.

Такъ какъ семинаріи, подобно академіямъ, управляются монахами, то и здѣсь новыхъ наставниковъ встрѣчаютъ и приголубиваютъ, смотря по платью, которымъ они себя прикрываютъ. Монахъ-студентъ, если онъ сдѣлалъ инспекторомъ семинаріи, приѣхавъ къ мѣсту назначенія своего, получаетъ очень хорошую квартиру съ прислугою, отопленіемъ, освѣщеніемъ и пр.; ректоръ принимаетъ его, какъ ближайшаго своего помощника; епархіальный архіерей, какъ одного изъ самыхъ важныхъ своихъ подчиненныхъ; профессеры, изъ которыхъ иные были его наставниками, являются съ поздравленіемъ и съ своею покорностію; объ ученикахъ нечего и говорить; они всѣ въ полномъ распоряженіи его. Если новый профессоръ-монахъ на первый разъ не инспекторъ, то ему непремѣнно отыщутъ, даже почти *выдумаютъ квартиру* въ семинарскомъ зданіи. Когда Петербургская семинарія не имѣла еще флигелей, то въ ней была ужасная тѣснота; секретарь и экономъ имѣли по комнатѣ, двое помощниковъ инспектора жили въ другой комнатѣ; смотрителя же помѣстили въ подвалѣ вмѣстѣ съ кухнею, кладовыми и служителями. Но явился туда профессоръ монахъ, и тотчасъ какимъ-то чудомъ отыскалось ему помѣщеніе. А если квартира занята свѣтскимъ наставникомъ, то его вышлютъ вонъ изъ зданія, и предоставятъ ее новому монаху-наставнику. Къ этой несправедливости такъ привыкли, что она не возбуждаетъ воз-

раженія, а считается законнымъ дѣломъ. Притомъ новый монахъ-профессоръ дѣлается непремѣнно чрезъ нѣсколько лѣтъ инспекторомъ и получаетъ награды и поощренья; то дадутъ наперстный крестъ, то сдѣлаютъ игуменомъ, архимандритомъ; на него станутъ вѣшать ордена, а тамъ не далеко и до панагеи, если, р-ся, отъ быстрого хода кандидатъ на архіерейство гдѣ либо не спотыкнется.

Совсѣмъ другое дѣло — свѣтскій наставникъ: епархіальный архіерей принимаетъ его важно и послѣ позволяетъ только въ торжественныхъ случаяхъ прикладываться къ своей рукѣ; ректоръ не очень заботится о ласковости; даже инспекторъ и тотъ покажетъ себя начальникомъ. Далѣе въ немногихъ семинаріяхъ есть квартиры для свѣтскихъ наставниковъ. Поэтому, пріѣхавши на новую должность, онъ долженъ еще по цѣлому городу бѣгать, чтобы отыскать уголокъ по своимъ средствамъ. Въ этомъ отношеніи начальство семинарское оказывается часто даже враждебнымъ для него. Иногда и есть совершенно свободная комната; наставники могли бы въ ней помѣститься; но ее отдаютъ комисару, письмоводителямъ, назначаютъ въ ней болѣе просторную кухню, или столовую для ректора, расширяютъ на ея счетъ правленіе, отдаютъ ее ученикамъ и пр. Одинъ ректоръ велѣлъ даже просто снять перегородку между двумя комнатами и сдѣлать для 50ти человѣкъ классъ, въ которомъ можетъ помѣститься ихъ до 150. Въ II-ой семинаріи поступили еще страннѣе. Въ новомъ зданіи ей назначены были комнаты для ректора и больницы. Но ректоръ имѣлъ прекрасную квартиру въ сосѣднемъ домѣ, принадлежавшемъ его монастырю, а для больницы послѣ выстроенъ отдѣльный флигель. Т. о. нашлись совершенно празднаы комнаты. Свѣтскіе профессоры стали просить ихъ для себя; имъ отвѣчали отказомъ. Почему? «мы-де не смѣемъ итти противъ воли Государя Императора.» — «Да когда же Государь Императоръ запрещалъ насъ помѣщать въ этихъ комнатахъ?» спрашивали наставники. «А какъ же? отвѣчало начальство, вѣдъ планъ семинаріи утвержденъ Императоромъ, а въ планѣ просимыя вами комнаты назначены для ректора и больницы. Можемъ ли мы итти противъ Высочайшей воли, позволивъ, вамъ въ нихъ помѣститься?» Профессоры стали просить, чтобы сдѣлано было представленіе въ духовно-учебное управленіе объ отводѣ имъ квартиры въ казенномъ домѣ; но получили отказъ. Они просили принять ихъ прошеніе; — не приняли. М. т. комнаты, не занятыя никѣмъ не отопляемые, начали сырѣть, щекотурка въ нихъ отваливалась, углы промерзали,

но начальство не хотѣло идти противъ Высочайшей воли. Къ счастью въ городъ пріѣхалъ чиновникъ Об. Пр-ра синода для обревизаванія к-рин. Самъ ли, или отъ другихъ онъ, узнавши о никѣмъ не занятыхъ комнатахъ въ семинаріи, похлопоталъ, чтобы онѣ были отданы подъ квартиры наставниковъ.

Устроившись такъ, или иначе, свѣтскій наставникъ и не думай о комфортахъ. Хорошо еще если онъ получитъ мѣсто священническое и останется профессоромъ; тогда онъ обезпеченъ хотя въ матеріальномъ отношеніи, двигается хоть сколько нибудь впередъ, только уже будъ покорнѣйшимъ слугою и ректора и архіерея; иначе сей часъ вонъ изъ семинаріи. Оставшись же на одной наставнической должности, онъ долженъ ознакомиться со всѣми лишеніями, особенно если женится. Чего не придется вытерпѣть и ему и семейству его? За это терпѣніе даже ничѣмъ не награждать его, по к. м. не награждали года за два — за три; теперь старымъ профессорамъ стали даже давать ордена. Но они могутъ въ этомъ случаѣ говорить то же самое, что нѣкогда сказалъ одинъ генералъ при Императорѣ Павлѣ. Императоръ за какую-то услугу разхвалилъ его при многочисленномъ собраніи и самъ надѣлъ на него орденъ Св. Анны 1й степени. Когда наградившій отошолъ отъ награжденнаго, то этотъ, взявши крестъ на руку и, покачивая его, проговорилъ: *Аннушка, Аннушка, что намъ съ тобою будетъ петь-то?* Окружающіе, зная бѣдность генерала, засмѣялись его остроу. Императоръ, замѣтивши это, пожелалъ узнать о причинѣ смѣха; ему рассказали; и генералъ могъ уже сытно кушать съ своею Аннушкою, получивъ хорошую аренду. Но наши кавалеры остаются при своемъ ничтожномъ жалованьѣ; ихъ жалобъ пока не слышать; услышатъ ли, или по к. м. уважать ли ихъ и послѣ? — Едва ли, если не поможетъ свѣтское правительство. О другихъ поощреніяхъ тоже имъ нечего думать; инспекторскія мѣста все еще составляютъ привилегію монаховъ. Да впрочемъ стали и тутъ появляться уступки. Въ Ярославской семинаріи есть профессоръ, состоящій на службѣ съ 1833го года, давно ужъ женатый чловѣкъ и весьма умный магистръ. Въ 1864 г. слишкомъ чрезъ 30 лѣтъ, по представленію архіерея, а главное за неимѣніемъ монаховъ, его сдѣлали инспекторомъ семинаріи. Чрезъ 30 лѣтъ? тогда какъ монаха студента посылаютъ прямо съ академической скамейки.

Предпочтеніе, которое отдаютъ и на студентческой скамьѣ, и на службѣ монахамъ-академистамъ предъ сергую-

носцами, такъ ясно, что его не отвергаютъ и сами прогрессисты. Но въ оправданіе своихъ поступковъ и особенно потачливости къ монахамъ-студентамъ говорятъ: «что же дурнаго въ этомъ предпочтеніи? Молодой человѣкъ попеть, погуляеть, находясь еще подъ опекою другихъ; но, сдѣлавшись начальникомъ, пойметъ свое положеніе и будетъ отличнымъ руководителемъ духовнаго юношества. М-во явится ему на помощь, совѣсть потребуетъ исполненія обѣтовъ; тогда какъ мірскіе люди навсегда остаются одинаковыми.» Пожалуй укажутъ даже здѣсь на Томаса Моруса, извѣстнаго англійскаго канцлера Генриха VIII. Бывши придворнымъ этого короля, онъ участвовалъ во всѣхъ его оргіяхъ, но сдѣлавшись примасомъ Англій и архіепископомъ Кентербурійскимъ, изумилъ всѣхъ образцовою своею жизнію. Но мы русскіе, особенно въ м-вѣ, ознакомившись съ жизненною водою, почти всегда любимъ нынѣ оставаться тѣми же, чѣмъ были вчера. Въ подтвержденіе этого пересмотримъ служебную карьеру нашихъ выше упомянутыхъ шести героев, кромѣ No. 5го, по тому уваженію, что сей герой еще не окончилъ своего служебнаго поприща.

Начинаю съ триады. Одинъ изъ нея вскорѣ на своей инспекторской службѣ попался въ сѣзжіи домъ по случаю гадкаго и скандалѣзнаго происшествія и *не могъ быть не отставленъ*. Другой пилъ, пилъ и тоже отставленъ. Третій изумилъ губернской городъ, гдѣ инспекторствовалъ, своими похождениями. Однажды, подошедши къ военному часовому сталъ было отнимать ружье у него съ тѣмъ, чтобы выказать свои свѣдѣнія въ воинскомъ артикулѣ. Часовой ружья не отдалъ; а инспекторъ нашолъ колъ и имъ на улицѣ предъ домомъ губернатора выдѣлывалъ: *отъ ноги, на плечо къ заряду, стрѣлай* и пр. Въ другой разъ онъ надѣлъ на животное, извѣстное подъ названіемъ вѣрнаго стража человѣка, ту часть своей монашеской одежды, которая называется *шлемомъ спасенія*; животное прогуливалось въ этомъ нарядѣ по цѣлому городу. Первые двое отосланы были въ монастырь одного уѣзднаго города-Р-а, нашли себѣ ходатая въ докторѣ, который началъ хлопотать за нихъ у настоятеля. Старикъ долго не соглашался, но убѣжденный докторомъ, донесъ начальству, что они исправились. Исправившіеся, узнавши о томъ, что репортъ отосланъ, *возрадовались радостно велею* и такихъ надѣлали скандаловъ, что старикъ настоятель поспѣшилъ къ епархіальному архіереку и попросилъ возвратить ему репортъ. Третій выгнанный изъ училищной службы, рѣшился было вновь начать академическій курсъ, но не въ

той, гдѣ прежде получилъ степень младшаго кандидата, а въ другой академіи. Начальникомъ послѣдней былъ тогда человѣкъ благочестивый, монахолюбивый; онъ принялъ раскаявающагося блуднаго сына и мечталъ обратить на путь истинный заблудшую овцу. Но при всемъ своемъ монахолюбіи долженъ былъ исключить новаго *студента-кандидата* изъ академіи. Одинъ изъ этихъ трехъ подвижниковъ умеръ, а двое другіе за годъ назадъ содержались въ суздальскомъ монастырѣ подъ строжайшимъ надзоромъ. — Четвертый герой, не попавшій въ фотографическій снимокъ, очень недавно начавшій службу, не успѣлъ еще прославить себя подвигами, но за-то первый день его службы предвѣщаетъ ему приятное житье. Въ семинаріи, куда онъ пріѣхалъ, ректоръ и инспекторъ не ладятъ между собою. Явившись къ первому, онъ долженъ былъ выслушать Филиппику на инспектора и поддакивалъ своему начальнику. Послѣднему это очень понравилось и онъ велѣлъ подать закуску. Новый подчиненный, выпивъ и закусивъ, пошелъ уже на-веселѣ къ инспектору, который съ своей стороны принялся жаловаться на ректора. Новый сослуживецъ и тутъ поддакнулъ и опять подана была закуска, такъ что ему надобно было и отдохнуть. Наконецъ послѣдній нашъ герой К-нъ не оставилъ своихъ привычекъ въ п-ской семинаріи. Академическое Правленіе, узнавши о томъ, перевело его въ в-ую семинарію на другой низшій предметъ. К-нъ счелъ это несправедливостію и не хотѣлъ ѣхать на новое мѣсто. Къ счастью одинъ изъ сослуживцевъ убѣдилъ его, что онъ тамъ будетъ инспекторомъ. Пріѣхавши въ в-ую семинарію, онъ прямо явился въ инспекторскія комнаты и хотѣлъ въ нихъ распоряжаться похозяйски. Насилу настоящій инспекторъ и ректоръ убѣдили его, что ему надобно помѣститься въ другой квартирѣ. Помѣстились и продолжали свои прежнія занятія. На веселѣ онъ любилъ ходить по классамъ, садился и говорилъ профессору: «читайте, я пришолъ послушать, какъ вы преподаете,» и потомъ высказывалъ свои замѣчанія. Академическое Правленіе перевело его въ одно изъ к-ихъ низшихъ духовныхъ училищъ. Но тутъ К-нъ уже надѣлалъ столько подвиговъ, что даже м-щее начальство уволило его отъ училищной службы и помѣстило въ монастырь въ число братства. Отъ оскорбленной ли гордости, или въ припадкѣ *delirii trementis* онъ удавился.

Часть шестая.

О м-щихъ студентахъ духовныхъ академій изъ вдовыхъ священниковъ и дьяконовъ.

Кто тѣ счастливы изъ академистовъ, которые удостоиваются чести воспользоваться привилегіями, объясненными мною въ предъидущей части? Ближайшими и, т. е-ть, самыми естественными кандидатами учонаго м-ва могутъ быть тѣ перворазрядные ученики семинарій, которые, поступивъ въ него, или сдѣлавшись священниками, дьяконами и, овдовѣвши, рѣшаются учиться въ духовной академіи. Последнимъ безъ разстриженія жениться нельзя, значить обѣтъ дѣвства и цѣломудрія для нихъ не есть новая тягость. Рѣдкій академическій курсъ обходится безъ нихъ, а въ иномъ случается ихъ по 3—4 человѣка. Но этотъ классъ академическихъ студентовъ далеко и по числу, и по качествамъ не соответствуетъ требованіямъ на учоное м-во. Причинъ на это много. Не всѣ лучшіе ученики остаются въ епархіальномъ вѣдомствѣ, а многіе изъ нихъ поступаютъ въ академіи и университеты. Потомъ еще никакая статистика не доказала и не докажетъ, чтобы изъ священниковъ и дьяконовъ дѣлались вдовцами въ молодости лучшіе люди; а наконецъ изъ этихъ вдовцовъ немногіе рѣшаются вновь приниматься за классическія книжки и тетрадки.

Прежде, поступивши въ академію, вдовыя священники считали себя жертвами, обреченными для м-ва, и по приглашенію начальства тотчасъ надѣвали на себя клобукъ. Но въ послѣднее время случилась какая-то революція въ мысляхъ академическихъ студентовъ, которая какъ нельзя лучше доказываетъ что цензура не останавливаетъ распространенія тѣхъ, или другихъ, идей. Ужъ, к-ся, свѣтская и особенно духовная цензура беспощадно запрещала всякую мысль противъ м-ва, а м. т. анти-монашескія тенденціи обнаружались въ такихъ людяхъ, которые какъ будто самою судьбою предназначены для м-ва. Академическіе студенты изъ вдовыхъ священниковъ начали отказываться отъ него не только къ удивленію, но даже къ ужасу всѣхъ старыхъ прогрессистовъ. Попытки этой революціи обнаруживались въ петербургской и московской академіяхъ. Въ первой за 4 года обучалось нѣсколько вдовцовъ изъ блага д-ва. Начальство снисходительно позволяло имъ ходить въ ширококрылыхъ шляпахъ и кушать скоромное въ не-посты. Но

вотъ приближается конецъ курса; начальство предлагаетъ имъ подать прошенія о постриженіи въ м-во, вовсе не ожидая, на основаніи прежнихъ примѣровъ, сопротивленія своему *благому* предложенію. Но о ужасъ! о превратность міра! о оборотъ или, лучше, переворотъ въ мысляхъ! Всѣ обрѣченныя жертвы отказались подавать прошенія. Начальство остолбенѣло отъ неожиданности, ужаса и негодованія, принялось уговаривать, условѣчивать упрямцевъ. «Что вы дѣлаете? вѣщало имъ; развѣ вы не знаете своего назначенія?» Упрямцы отвѣчали: «мы безъ м-ва можемъ быть хорошими наставниками.» Революціонеры не уступали убѣжденіямъ. Надобно было извѣстить высшее начальство о революціи. Оттуда пришло грозное приказаніе: *постричься, иначе мѣсть не получите.* Революціонеры струсили, сдались и постриглись; и даже уговариваясь на вопросъ: *вольною ли твоею мыслию приступаеши ко Господу? Не отъ нѣкія ли нужды и насилія?* отвѣчали на первый: *ей, Богу содѣйствующую, честный отче*; а на второй: *ни, честный отче*; и постригавшій ихъ ректоръ академіи, не задолго до того умиравшій революціонеровъ, и виду не показавъ, что онъ не вѣритъ искренности этихъ словъ.

Года за 2—3 въ московскую академію поступилъ молодой вдовый священникъ и скоро своими успѣхами и поведеніемъ обратилъ на себя вниманіе начальства, особенно профессоровъ. Ему цѣлый годъ позволяли жить, какъ священнику, т. е. пользоваться тѣмъ же столомъ, который готовится для студентовъ въ сертукахъ, или *сертуконосцевъ*. Но чрезъ годъ инспекторъ-архимандритъ, не сказавши ни слова студенту-священнику, велѣлъ не давать ему мясной пищи; пусть-де онъ кушаетъ вмѣстѣ съ монахами-студентами. Осужденный на *работеніе*, не извѣстно за какой проступокъ попросилъ объясненія у своего начальства. Оно сначала отвѣчало довольно уклончиво, сказавши, что его мясоѣденіемъ соблазняются и даже скоромятся чрезъ обонія два живущіе съ нимъ монаха-студента. Осужденный весьма основательно сказалъ, что соблазняемые, слава Богу, въ лѣтахъ уже, а не дѣти; онъ могъ бы еще прибавить, что посредствомъ обонія скоромиться нельзя. Потомъ дали ему намекъ, что онъ долженъ приучить себя къ иноческой жизни, къ которой предназначенъ. Осужденный отвѣчалъ, что онъ и не думаетъ поступить въ м-во. «Какъ же такъ?» воскликнуло начальство. «Да я желаю остаться священникомъ.» — «За-чѣмъ же вы поступили въ академію?» спросили его. — «Чтобы учиться; я всегда любилъ заниматься науками,»

былъ отвѣтъ. — «Да мы васъ и не приняли бы, замѣтило начальство, если бы знали, что вы не поступите въ монахи.» — «Это уже не мое дѣло,» отвѣчалъ подчиненный. Особенно замѣчательнъ отрывокъ изъ диспута, который по этому случаю происходитъ между однимъ начальникомъ и студентомъ-священникомъ. Последняго пригласили въ кабинетъ, посадили и повели бесѣду самымъ вѣжливымъ образомъ. Когда дѣло дошло до спорнаго пункта, то начальникъ, видя, какъ подчиненный защищается противъ м-ва, сказалъ: «напрасно вы не читали святыхъ отцовъ; тамъ бы вы увидѣли, какъ они превозносятъ иноческую жизнь.» Увѣщаемый отвѣчалъ: «я читывалъ святыхъ отцовъ.» «Кого же,» его спросили. «Иоанна Златоустаго, Григорія Богослова и пр.,» былъ отвѣтъ. Тогда начальникъ, вѣроятно, не-много вознегодовавъ на святителей за то, что ихъ сочиненія не пробудили во вдовомъ священникѣ желанія поступить въ м-во, сказалъ: «это вѣдь не настоящіе монахи; они были люди мірскіе. Прочитайте лучше Иоанна Лѣствинича.» Святители! Святители! *И вамъ достается, когда дѣло до м-ства коснется.* Наконецъ священнику-студенту было сказано, что онъ, не сдѣлавшись монахомъ, не получитъ никакого мѣста въ училищной службѣ. Но полагая, что до окончанія курса еще далеко ждать, начальство нашло нужнымъ немедленно подвергнуть упрямца какому либо наказанію. Такъ какъ онъ продолжалъ защищать свои права на скоромную пищу, то ему хотя и дозволили употреблять ее, но приказали, чтобы онъ самъ ходилъ въ общую студентческую столовую и тамъ кушалъ вмѣстѣ съ сертуконосцами, тогда какъ прежде обыкновенно пища приносилась въ комнату, гдѣ помѣщался наказываемый. Молва объ этомъ дошла до наставниковъ; они вступились за любимаго ими студента-священника; начальство впрочемъ долго не сдавалось но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ призвало наказываемаго; съ участіемъ спросило его о томъ, что онъ какъ будто скученъ, и потомъ въ утѣшеніе послѣшило прибавить, что отселѣ стануть носить пищу въ его комнату, хотя съ нимъ по прежнему жили тѣ 25-лѣтнія невинныя и слабыя дѣти, которыя соблазнялись его мясоѣдіемъ. Устоишь ли ты, благородный, умный и честный священникъ-вдовецъ въ своемъ намѣреніи? Устоитъ ли и начальство въ томъ, чтобы тебѣ не давать мѣста за то только, что ты не хочешь итти въ м-во? Вопросы эти теперь рѣшить нельзя. Но, к-ся, *трудно итти противъ роженя.* М. т. и академическія начальства, уstraшенныя революціонными идеями, принимаютъ, по слухамъ, рѣшительныя мѣры; они

хотятъ будто бы брать съ поступающихъ въ академію священниковъ письменныя обязательства непременно быть монахами. *Sic.* Чтоже это будутъ за монахи? Ничего. Что за дѣло до такого вопроса? Главное, чтобы были монахи!

Часть седьмая.

Платоновскій и полуплатоновскій способы увлечь студентовъ духовныхъ академій въ м-во.

Такъ какъ студентовъ изъ вдовыхъ священниковъ и дьяконовъ слишкомъ мало для занятія всѣхъ инспекторскихъ, ректорскихъ и архіерейскихъ мѣстъ и такъ какъ для этого нужны монахи именно изъ академистовъ; то остается вербовать ихъ изъ студентовъ-сертуконосцевъ. Но здѣсь съ перваго раза является, по видимому, сильное препятствіе. Въ академію поступаютъ люди молодые в. ч. 18—20 лѣтъ; старѣ этого бываетъ очень мало; и потому при окончаніи академическаго курса развѣ немногіе изъ нихъ имѣютъ 25 лѣтъ; притомъ молодежь всегда бываетъ успѣшнѣе, нежели пожилые люди. Съ другой стороны по духовному регламенту (1ое прав. о монахахъ) постановлено «не принимать въ монахи челоуѣка ниже тридесятаго году возраста. Къ монашескому житію не довольно имѣть совершенный разумъ, но искусство состава своего, еще имѣеть даръ къ безженному житію.» Для академистовъ 30-лѣтній срокъ сокращается до 25 лѣтъ. Какимъ же образомъ набирать теперь м-щихъ изъ студентовъ, которыхъ огромное большинство не достигло еще законныхъ лѣтъ для этого, а другіе хотя и достигли, но или не хотятъ постричься, или принадлежать къ посредственности, которая не оченъ къ себѣ располагаетъ? Надо бо правду сказать, что щекотливая совѣсть, честные и благородные люди затруднились бы при разрѣшеніи этого вопроса. Но *идъ м-ва коснется, тамъ не только услямъ, модямъ, двумъ вселенскимъ святителямъ, но и законамъ достается.* Академическіе начальники въ этомъ случаѣ нисколько не затрудняются нарушать законъ. Во всѣхъ справкахъ, которыя прилагаются при представленіи о постриженіи студента въ монахи, непременно всегда значится, что онъ имѣеть 25 лѣтъ отъ роду, хотя бы ему было 19—20. Съ этимъ систематическимъ нарушеніемъ закона, съ этимъ, можно

сказать, *накааннымъ маньямъ* трудно и часто невозможно бороться честнымъ секретарямъ и членамъ академическаго правленія; объ этомъ *манья* знаетъ высшее духовное начальство; его не только не преслѣдуютъ, но одобряютъ, считаютъ даже необходимымъ для блага Церкви. Когда секретарь одного изъ академическихъ правленій не захотѣлъ подписать фальшивой справки о желавшемъ поступить въ м-во студентѣ и выставилъ настоящія его лѣта, именно 23 года: то синодъ не утвердилъ академическаго представленія. Но одинъ изъ самыхъ влиятельныхъ членовъ его при свиданіи съ ректоромъ академіи сказалъ: «за-чѣмъ это вы не выставили М-ву (фамилія студента) 25 лѣтъ?» Когда ректоръ объяснилъ, что секретарь заупрямился подписать справку, то получилъ въ отвѣтъ: «вотъ еще смотришь на что; велѣлъ бы подписать письмоводителю. *Мы вѣдь ужъ знаемъ, что въ этомъ случаѣ все мутъ, и мы сами малы и лжемъ; да что же дѣлать, когда это нужно для блага Церкви*» А еще говорятъ, что будто бы у однихъ иезуитовъ существуетъ поговорка: цѣль извиняетъ средства! Секретарю-упрямцу досталось послѣ отъ ректора и даже отъ его преемника. И вотъ яко бы для блага Церкви, которая впрочемъ настойчиво внушаетъ, соблюдать законы, постригаются въ монахи за долго до того времени, когда бы слѣдовало это сдѣлать. Мнѣ извѣстно много несчастныхъ случаевъ отъ такого нарушенія закона, но особенно памятны два. Постригли въ монахи двухъ студентовъ, одного въ 19, другаго въ 20 лѣтъ; оба были люди талантливые, а одинъ отличался благородствомъ характера и нравственностію. Послѣ постриженія оба несчастные поняли всю глубину пропасти, въ которую они попали. Одинъ принялся искать утѣшенія въ зеленомъ винѣ, выгнанъ изъ службы, перемѣщаемъ былъ въ разные монастыри и наконецъ заключенъ въ Суздальскій монастырь. Другой изнывалъ, изнывалъ, нажилъ неизлѣчимую болѣзнь и умеръ почти въ то время, когда ему бы слѣдовало только постригаться. Такихъ смертей въ ученомъ м-вѣ слишкомъ много; и все это будто дѣлается для блага Церкви! Святая, Православная Церковь! чего не сваливаютъ на тебя люди, которыхъ надобно бы назвать богохульниками? Авторъ книги *о. у. д. у.* говоритъ тоже объ этомъ и на стр. 106^й 1го тома прибавляетъ: «это (дганье академическихъ правленій на счетъ лѣтъ студентовъ, поступающихъ въ м-во) *мы готовы утверждать хоть предъ зеркаломъ уголовной палаты.*» Чудакъ этотъ неизвѣстный авторъ! За-чѣмъ его звать въ уголовную па-

лату? Вотъ другое бы дѣло пригласить туда тѣхъ, которые такъ безстыдно нарушаютъ законъ, свое нарушение прикрываютъ клеветою на Церковь, и м. т. дѣлаютъ несчастными, даже доводятъ до смерти молодыхъ людей, которые бы при соблюденіи закона не спились, не умерли, а были полезными дѣятелями.

Легко можно заставить молчать законы гражданскіе; къ этому на Руси издавна приучили насъ судьи праведные и подъячіе. Но есть законы у нашего организма и нашей души; ихъ называютъ *физиологическими*, *психическими*, — *умственными*, *нравственными* и пр. Вотъ эти-то законы часто съ неумолимою настойчивостью требуютъ, чтобы ихъ исполняли, и жестоко наказываютъ нарушителей своихъ; они устаиваютъ противъ всѣхъ диалектическихъ, схоластическихъ и подъяческихъ тонкостей и крючковъ, не слушаются даже и монашеской логики. Съ этими-то грозными, навязчивыми и неумолимыми законами приходится бороться академическому начальству. Студенты академіи б. ч. имѣютъ 18—24 года, — возрастъ и по физиологическимъ и по психическимъ законамъ самый неблагоприятный для м-ва; возрастъ, въ который какъ сказано въ романѣ Le Maudit (т. 1 стр. 46) молодой человекъ не можетъ посовети давать столь страшный обѣтъ, какъ безбрачіе. Въ этомъ возрастѣ слишкомъ хорошо ощущаютъ необходимость исполнять первую, данную Творцомъ заповѣдь: *раститесь и множитесь и наполняйте землю*; ищутъ сердечнаго сочувствія; чувствуютъ потребность имѣть подругу въ жизни; страшно боятся одиночества; кромѣ того въ это время душа рвется на свободу, жаждетъ развлеченья и удовольствій; тутъ хочется смѣяться и веселиться, а не плакать и скорбѣть или, еще хуже, притворяться плачущимъ и скорбящимъ о своихъ грѣхахъ, притомъ еще очень небольшихъ. — Имъ толкуютъ объ удаленіи отъ міра и его удовольствій, а они такъ и рвутся къ нимъ и съ завистію смотрятъ на наслаждающихся ими. — Имъ указываютъ на женщину, какъ на злѣйшаго врага мужчины, а они только и находятъ отраду въ семействѣ своихъ отцовъ, въ ласкахъ матери и сестеръ своихъ. — Имъ совѣтуютъ умерщвлять свою плоть, а они, изнуренные бурсацкою пищею, только и мечтаютъ о томъ, когда-то имъ можно будетъ покушать съ удовольствіемъ. Притомъ студенты духовныхъ академій, по к. м. лучшіе изъ нихъ, на столько имѣютъ развитыми умственныя способности, чтобы не запутаться въ диалектическихъ и схоластическихъ сѣтяхъ, которыми ихъ опутываютъ, — на столько благородны и

нравственны, чтобы не давать обѣтовъ, когда не чувствуютъ въ себѣ силы исполнить ихъ. Прибавьте къ этому господствующія идеи, знакомство студентовъ съ литературою отечественною и иностранною, оближеніе хоть и небольшое съ свѣтскими образованными людьми, и вы поймете, съ какими препятствіями нужно бороться почтеннымъ прогрессистамъ, чтобы плѣнить для м-ва лучшую академическую молодежь. Но надобно сказать, что они хотя иногда и терпятъ поражения въ частныхъ стычкахъ, но во всей войнѣ одерживаютъ еще побѣды, или если позволите выразиться охотническимъ языкомъ, дѣлаютъ *удачныя облавы*.

Въ благословенное прежнее время, даже въ началѣ нынѣшняго столѣтія, для увеличенія штата учонаго м-ва дѣйствовали нѣсколько похоже на то, какъ у многихъ необразованныхъ народовъ приобрѣтаютъ невѣсту. Понравилась доброму молодцу дѣвушка, подговариваетъ онъ своихъ друзей, или отправляется одинъ, увозитъ свою суженую, женится, тогда уже по неволѣ слюбится. Но и у м-щихъ есть мысль, что они, принимая ангельскій чинъ, *уневѣщаются* Христу и Церкви, т. е. т. с-ть, вступаютъ съ ними въ бракъ. Почему же не примѣнить описаннаго сей часъ патриархальнаго способа захватывать невѣсть и къ монашескому уневѣщиванію? И вотъ какого либо отличнаго студента, кончившаго, или оканчивающаго курсъ напр. въ Троицкой семинаріи, равнымъ образомъ какого либо наставника, угovarивали уневѣститься Христу и Церкви; онъ не соглашался; ему повторляли совѣты; онъ ихъ не принималъ; надобно же было прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ, но не къ тѣмъ, которымъ подвергся Григорій Кондаковъ. Секретно дѣлалось представленіе въ синодъ о постриженіи *имярекъ* въ м-во по прошенію, котораго онъ не подавалъ; получалось разрѣшеніе постричь. Молодаго упрямаца приглашалъ кто либо изъ почетныхъ иноковъ къ себѣ; начинали бесѣдовать и поддерживать бесѣду *оживляющею жидкостью*: хозяинъ посдерживалъ себя, чтобы получше угостить гостя. Послѣдній наконецъ или совершенно терялъ сознание, или приходилъ въ то восторженное состояніе, когда *намъ все ни по чемъ*. Въ томъ, или другомъ положеніи совершали надъ нимъ обрядъ постриженія въ монахи. Молодой человекъ по утру просыпался, видѣлъ около себя не брукки, сертукъ, жилетъ и пр., но подрясникъ, рясу и надъ вѣсьмъ, какъ побѣдное знамя, клубукъ съ крепкою; съ похмѣлья монахъ иногда ничего не могъ вдругъ припомнить, вскакивалъ, рвалъ на себѣ волосы, грозилъ закономъ; случалось, что вся

новая одежда разлеталась въ разные углы комнаты. Но вокорѣ являлись мониторы, которые хотя и не были вооружены такими же смертоносными орудіями, какъ мониторы адмирала Фаррагута при взятіи фортавъ Мобилля, но м. т. мало по малу начинали словами бомбардировать возмутителя. Даже и не было нужды въ слишкомъ большихъ усиліяхъ, въ продолжительной осаде и перестрѣлкѣ. Новый иннокъ скоро понималъ, что возвратъ уже не-возможенъ, что расстригой быть хуже, нежели дослужиться до митры и панегіи; поплачетъ, побранится, посердится, а потомъ идетъ - бывало принять благословеніе отъ постригавшаго. Само собою р-ся, что на подобныя вещи могли рѣшаться только сильные іерархи; преданіе указываетъ въ этомъ случаѣ на покойнаго московскаго митрополита Платона; я видѣлъ коекого изъ тѣхъ іерарховъ, которые, по тому же преданію, пострижены въ м-во описаннымъ способомъ. М. б. въ разсказахъ этихъ есть легендарный, мифическій характеръ; но и въ легендахъ и мифахъ выражаются идеи, которыя имѣютъ основаніе въ дѣйствительномъ мірѣ. Если не такъ постригаи, какъ описано, то все-таки употреблялось принужденіе, близкое къ насилію. Платону по к. м. надобно отдать честь за то, что онъ принималъ въ м-во людей только даровитыхъ; въ дѣтствѣ своемъ я помню, какъ желая выразить, что какой либо архипастырь умный человекъ, прибавляли: *таде онъ мамоникъ*.

Но это-дѣла минувшихъ, лѣтъ преданья старины, хотя и не глубокой. Нынѣ митрополиты не нисходятъ до студентовъ; они часто не-знаютъ или лучше знать не хотятъ и профессоровъ; и потому обязанность уговаривать студентовъ въ м-во возложили на ректоровъ и инспекторовъ академій. Расположеніе митрополитовъ къ академическому начальству весьма часто бываетъ пропорціонально количеству м-щихъ студентовъ. Самому лучшему ректору сдѣлаютъ упрекъ и даже выразятъ негодованіе, если всѣ его студенты — сертуконосцы. Напротивъ даже бездарный, не любимый ректоръ удостоится милостивой улыбки, когда явится съ докладомъ, что нѣсколько студентовъ желаютъ постричься въ монахи; догадливые ректора къ этому времени собираютъ такія представленія, на которыя не захотѣлъ бы въ другое время согласиться ихъ начальникъ; ну, а тутъ все подпишетъ. Не менѣе интересны бываютъ сцены во время публичныхъ испытаній, особенно въ петербургской академіи, гдѣ на нихъ присутствуютъ даже по пяти архіереевъ. Если есть обильное количество монаховъ-студентовъ, то начальство

напередъ постарается поразсадить ихъ болѣ сценическимъ образомъ. Иные находятъ лучшимъ всѣхъ такихъ студентовъ собрать на одной скамьѣ, которую проказники-сертуконосцы называютъ *чорною*. Другіе считаютъ лучшимъ рассадить иноковъ по всѣмъ столамъ, чтобы ихъ клобуки возвышались надъ стриженными головами свѣтскихъ студентовъ. Надобно сидѣть противъ предсѣдателя и особъ, сидящихъ *одесную и ошуюю его*, чтобы видѣть удовольствіе, съ которымъ взоры ихъ обращаются на будущихъ своихъ преемниковъ, иногда не вытерпятъ, подзовутъ ректора и тутъ же поблагодарятъ его; *душа не нарадуется*, прибавятъ. Но если одинъ — два монаха-студента, если вовсе нѣтъ ни одного; то (позвольте говорить высокимиъ слогомъ) сумрачно бываетъ чело предсѣдателя и его ассистентовъ; взоры ихъ суровы; имъ не на комъ отдохнуть; ректоръ и инспекторъ сидятъ сконфуженные; свѣтскіе профессора улыбаются. Даже когда на слѣдующій день академія придетъ благодарить попечителя за посѣщеніе, то и тутъ онъ иногда выразитъ явно свое неудовольствіе. *У васъ что-то не хорошио; ни одного даже нѣтъ монаха, или сидитъ только одинъ*. Какъ же послѣ этого ректору и инспектору не употребить всѣхъ усилій для того, что бы монашескій чинъ украсалъ академическія скамьи?

Но ректоръ и инспекторъ не могутъ прибѣгать въ этомъ случаѣ къ патріархальному *платоновскому* способу; времена измѣнились, да и дисциплина по ослабѣла; надобно придумать другія средства. Одно изъ нихъ отчасти похоже на платоновское. Между студентами академіи есть не мало охотниковъ знакомиться съ тѣми домами, на которыхъ нынѣ красуются слова: *растворчно, на выносъ*. Въ сергіевскомъ посадѣ существовалъ трактиръ, въ долговой книгѣ котораго рѣдкій изъ студентовъ не былъ записанъ; а въ Петербургѣ на шлицсельбургской улицѣ былъ погребокъ, котораго хозяинъ Ефремъ Кузмичъ могъ бы написать списокъ поведения студентовъ едва ли не лучше инспектора. Нынѣ впрочемъ нѣтъ единства въ студентахъ, *пошли въ разноту*, т. е. утѣшаютъ развлекаютъ себя въ разныхъ мѣстахъ, но результаты одни и тѣ же. Послѣ такихъ утѣшеній и развлеченій языкъ и ноги студентовъ отказываются иногда служить имъ; иныхъ даже привозятъ, приносятъ, — послѣднее извѣстно подъ именемъ *перенесенія честныхъ мощей*. Начальство узнаетъ и если это случится не задолго до окончанія курса съ студентомъ очень хорошимъ, особенно отличнымъ, то оно не пропуститъ случая *обратить заблудшую овцу на путь истинный*. На слѣдующій день призываютъ блуднаго сына.

«Что это вы надѣлали? Не стыдно ли вамъ? Какъ вы рѣшились на такой поступокъ, который не терпимъ въ воспитанникѣ, особенно духовномъ? Жалко васъ, но и намъ нельзя быто слабыми. Оставь васъ безъ наказанія, другіе на то же рѣшатся.» Иногда тутъ же скажутъ: «подайте просьбу объ увольненіи.» Иногда же намекнуть только, что виновному нельзя уже надѣяться на хорошее окончаніе курса и на профессорское мѣсто. Студентъ-часто сынъ дьячка, или бѣднаго священника, рассчитывавшій на магистерство, на бакалаврство, вдругъ видитъ, что ему приходится ѣхать въ свою епархію, вымалывать тамъ себѣ учительское, или священническое мѣсто, слышать слова: *ты тамъ только пьянствовалъ и тѣмъ*; — или еще хуже, — ѣхать къ отцу своему въ деревню и быть ему въ тягость. Бѣдняга начинаетъ молить и упрасивать, раскаявается въ своемъ простукѣ, общается исправиться. Начальство слушаетъ, тоже начинаетъ смягчаться, и . . . . иногда тутъ же, иногда на другой день говорить: «жалко намъ васъ; вы к-ся дѣйствительно раскаяваетесь. Но если ваше раскаяніе искренне, докажите это; ступайте въ монахи; тогда мы все забудемъ, и вы останетесь при академіи, или посланы будете инспекторомъ въ семинарію; иначе . . . не пеняйте на насъ.» Гг. ч., не многіе изъ васъ бывали въ положеніи бѣдняка-студента; повѣрьте людямъ опытнымъ по этой части, трудно устоять; *надѣнешь не только черную рясу, но и петлю на шею.* Но Господи! Господи! какъ творятся дѣла у насъ? Во французскую армію человѣка съ дурнымъ поведеніемъ не примутъ. А у насъ пользуются пьянствомъ для того, что бы завербовать человѣка въ монахи, и даютъ ему обѣщаніе сдѣлать его инспекторомъ семинаріи и пр.! ужъ нелучше ли подражать покойному митрополиту Платону, или придерживаться способа, употреблявшагося прусскими вербовщиками въ прошломъ столѣтіи; когда нашъ Ломоносовъ попалъ въ прусскую армію; напоить, вырвать слово или подпись, надѣнуть мундиръ, — и кончено.

Хорошихъ послѣдствій отъ такой вербовки ожидать нельзя. Отъ пьянства такъ не вылечиваются; пьяница въ сергукѣ дѣлается, т. е-тъ, еще *пьянствентіе* въ черной рясѣ. Въ тридцатыхъ годахъ одного веселаго молодца, котораго студенты называли *душою*, привезли въ академію безъ памяти; самъ инспекторъ конвоировалъ *перенесеніе его мощей* отъ воротъ до больницы. *Душа* постриглась, сдѣлалась бакалавромъ, сдерживалась, но не выдержала, уволена была сначала отъ ученой службы, затѣмъ отъ настоятельства,

помѣщена въ число братіи въ монастырь, которымъ управляла прежде. Этого человѣка хотѣли было опять, какъ говорятъ, *поставить на ноги* и вызвали въ Петербургъ, но однажды застали его въ комнатѣ въ полномъ облаченіи и митрѣ; и когда спросили о причинѣ такой торжественности, онъ серьезно отвѣчалъ; «развѣ не-знаете? сама Божія матеръ ко мнѣ идетъ; такъ я приготовился ее встрѣтить.» Р-ся, его тотчасъ опять отправили въ монастырь, въ которомъ онъ запирался каждой вечеръ въ своей спальнѣ для того-де, чтобы читать безъ препятствія монашеское правило; въ одно утро онъ долго не вставалъ, разломали дверь и нашли его мертвымъ, только безъ молитвенника, а съ опрожненною *нѣкою* посудуо и съ романомъ близъ кровати. Другой почти также, какъ и *предъидущая душа*, сдѣлался монахомъ, но не долго боролся съ жизнію, или со смертію, не знаю какъ сказать. Какъ человѣкъ гордый, умный, дорожившій своею честію, но съ другой стороны раздражаясь и тяготясь одиночествомъ и безвыходнымъ своимъ положеніемъ, онъ, служа въ одной изъ академій, днемъ былъ исправнымъ человѣкомъ; но въ 9 часовъ вечера запирался въ своей комнатѣ, ставилъ предъ собою графинъ, отъ котораго оторвать никто его не могъ. Въ этомъ положеніи онъ любилъ имѣть товарищомъ своего земляка студента изъ священниковъ. Развеселившись оба, принимались мечтать о будущемъ своемъ величіи, и старшій говорилъ младшему: «вотъ славно заживемъ мы съ тобою, когда я буду ректоромъ, а ты инспекторомъ.» Но водяная отправила на тотъ святѣ этого благороднаго и умнаго человѣка, изъ котораго бы семейная жизнь могла сдѣлать отличнаго священника и даже свѣтокаго чиновника. Третій, благодаря провинціальному безмолвію и снисходительности начальства къ монахамъ, сдѣлался ректоромъ а-ой семинаріи. Здѣсь; ничѣмъ не стѣсняясь, онъ отъ пьянства доходилъ до помѣшательства. Однажды въ этомъ положеніи онъ спрашивалъ своего келейника: «все ли готово къ отъѣзду?» — Куда? спросилъ келейникъ. — «Да въ Ярославль, — вѣдь я велѣлъ тебѣ все приготовить.» — За чѣмъ же вы туда ѣдете? спросилъ его келейникъ. «Какъ за чѣмъ? меня тамошнимъ архіереемъ сдѣлали.» — Какъ же вы это узнали? — «Мнѣ было видѣніе,» отвѣчалъ помѣшанный отъ пьянства и честолюбія. На-силу какъ-то собрались уволить его отъ обязанности воспитывать духовное юношество и готовить его къ пастырскимъ обязанностямъ. Онъ былъ помѣщенъ въ монастырь, состоявшій подъ начальствомъ бывшаго его инспектора. Этотъ имѣлъ низость мстить

ему за что-то, посмѣстилъ его въ сырыхъ комнатахъ надъ ледникомъ, велѣлъ давать дурную пищу и даже не отопливать комнаты. Несчастнаго куда-то послѣ перевели въ другой монастырь.

Часть осьмая.

Разные способы уговаривать студентовъ духовныхъ академій къ поступленію въ м-во.

Полуплатановскій способъ не-приложимъ къ трезвымъ студентамъ, да и нетрезвые часто умѣютъ прикрывать свои грѣхи до поры до времени и безъ черной ясы. Нужно дѣйствовать иначе. Между воспитанниками духовно-учебныхъ заведеній встрѣчаются натуры до такой степени кроткія, скромныя, покорныя, безмолвныя предъ всякою властію, что онѣ какъ будто сами напрашиваются на послушаніе, какъ будто ждутъ, чтобы ихъ двигали; не обидятся, по к. м. не станутъ сопротивляться, если ихъ станутъ *подталкивать*. Эти натуры можно раздѣлить на три разряда. 1. Между ними есть такія лица, которыя въ молодости своей м-во ставятъ выше всего на свѣтѣ. Разказы о подвижничествѣ пустынножителей, чтеніе четыхъ-миней, незнакомство съ жизнію общественною, не пониманіе физическихъ явленій и другія причины пробуждаютъ въ нихъ какое-то фанатическое желаніе принять поскорѣ ангельскій чинъ. Такихъ людей не нужно уговаривать; сами отдадутъ себя въ полное распоряженіе. Мнѣ извѣстенъ былъ одинъ такой человекъ. Поступивъ въ академію, онъ тотчасъ же почти сталъ проситься въ монахи; его на первомъ году курса и постригли. Нужно было быть свидѣтелемъ его восторга предъ простриженіемъ, чтобы понять, до чего можетъ доходить ослѣпленіе и увлеченіе предвзятыми понятіями. За недѣлю до постриженія нашъ энтузіастъ былъ внѣ себя отъ радости, въ буквальномъ смыслѣ и во снѣ и на яву бредилъ м-ствомъ; ему и больничный сторожъ, и печка, и часы казались монахами; близькъ былъ онъ къ помѣшательству. Но вотъ его постригли. Разказывать его исторію въ академіи здѣсь не у мѣста; только дѣло кончилось тѣмъ, что къ концу академическаго курса ничѣмъ его — человекъ кроткаго, богобоязненнаго, ничѣмъ нельзя было такъ раздражить и вывести изъ себя, какъ похвалою м-ву; онъ въ буквальномъ смыслѣ проклиналъ и его, и себя, и тѣхъ, кто . . . . . Чахотка вскорѣ по окон-

чанин курса свела его въ могилу. Царство тебѣ небесное, добрыйшій человекъ, истинный христіанинъ! Какой бы ты былъ прекрасный пастырь стада Христова!

2) Другія сами собою ни на что почти не рѣшаются; ихъ нужно вести и подталкивать. Академическое начальство скоро замѣчаетъ такихъ и ведетъ на нихъ атаку. Не рѣдко какой либо бакалавръ-монахъ позволить кроткому студенту съ собою познакомиться, приглашаетъ его на чай, говорить по-дружески, и мало по малу располагаетъ его къ м-ву. Когда уже плодъ готовъ, тутъ иногда или ректоръ, или инспекторъ предоставляютъ себѣ честь сорвать его. Послѣ постриженія рано, или поздно люди этого разряда чувствуютъ тягостъ своего положенія, иногда и пораскаются; но вообще, какъ люди безъ большой энергіи, любящіе всегда плавать по вѣтру, достигаютъ безъ блеска и треска до высокихъ іерархическихъ должностей, если только какіе либо сильные толчки не пробудятъ ихъ отъ сна, не произведутъ въ нихъ разочарованія.

3) Кроткія и скромныя натуры иногда состоятъ подъ командою здраваго смысла и довольно образованнаго ума. Съ ними академическимъ властямъ приходится бороться довольно долго, и даже иногда оставаться побѣжденными. Человекъ цѣлые четыре года жилъ *тише воды, ниже травы*, былъ покоренъ во всемъ, кланялся чуть не въ поясъ; въ м-вѣ его не было никакого семнѣнія; его даже не находили нужнымъ *улаживать и задабривать* издали. Призываютъ къ себѣ, почти безъ приступа дѣлаютъ предложеніе постричься, и думать не думаютъ объ отказѣ. И... о ужасъ! человекъ вдругъ отказывается, да къ несчастію высказываетъ основательныя причины своего отказа. Начальство горячится и выходитъ изъ себя, какъ это почти всегда случается съ людьми, которые были долго въ самообольщеніи, и вдругъ увидали свою ошибку. Тутъ прибѣгаютъ чуть не къ платоновскимъ средствамъ. Расскажу два случая. Въ началѣ сороковыхъ годовъ былъ въ одной изъ академій студентъ М-скій, кроткій, степенный, умный; начальство не нарадовалось имъ; впрочемъ онъ стоялъ любви и вниманія. Предъ концомъ курса инспекторъ предлагаетъ ему постричься. М-скій отвѣчаетъ, что онъ и самъ не прочь отъ м-ва, но только, не зная ни себя, ни людей, ни жизни, ни свѣта, не хочетъ теперь сдѣлать роковой шагъ. «Позвольте мнѣ, говорилъ онъ, на мѣстѣ пожить годокъ-другой, посмотрѣться, и если найду себя способнымъ къ м-ву.» Инспекторъ изумился неожиданному отвѣту, началъ увѣщевать;

студентъ отвѣчалъ скромно, но твердо. Бесѣды возобновлялись не одинъ разъ; начальство не знало, что предпринять. Наконецъ инспекторъ сдѣлать рѣшительный шагъ. «Что же вы нейдете въ м-во?» спросилъ онъ. — «Я уже объяснилъ свои сомнѣнiя, отвѣчалъ студентъ; я не знаю, способенъ ли я буду быть настоящимъ монахомъ; позвольте мнѣ, сдѣлайте милость, испытать себя.» — «Не за-чѣмъ, возразилъ инспекторъ; это съ вашей стороны одна только уловка. Скажу вамъ прямо: вы до сихъ поръ жили прекрасно, жили такъ, какъ должно жить только монаху. Если вы не лицемерили, то вамъ нечего себя испытывать, вы способны къ м-ву. Но такъ какъ отказываетесь отъ него, то ясно, что вы лицемерили до сихъ поръ; и потому ваше поведение становится сомнительнымъ. Припомните, что вы окончиваете курсъ, что ваша участь въ нашихъ рукахъ. Ступайте въ монахи, или извините, если кончите курсъ не такъ, какъ ожидаете.» М-скiй не устоялъ, подалъ просьбу, но впалъ въ меланхолю. Болѣзнь стала усиливаться и перешла въ помѣшательство; больного перевели въ больницу; начальство струсило и не пустило просьбы въ ходъ. Но студентъ изнывалъ и душевно и тѣлесно. Высшее начальство, не зная, что дѣлается въ стѣнахъ академическихъ, назначило М-скаго на должность въ семинарію. Изъ академіи его проводили, но въ семинарію онъ не пріѣзжалъ; по розыскамъ никакихъ слѣдовъ не нашлось; *точно какъ будто въ воду канулъ*. Другой студентъ подалъ просьбу о постриженіи въ м-во, но такъ какъ лѣта его были выставлены настоящія, то и предписано было постричь его тогда, какъ достигнетъ онъ 25 лѣтъ. Наступили 25 лѣтъ, но студентъ раздумалъ исполнить прежнее свое намѣреніе. Инспекторъ сталъ его мучить совѣтами, угрозами и пр. Однажды разговоръ былъ слишкомъ живой; студентъ вышелъ отъ инспектора разгоряченный и въ поту. Въ досадѣ, подъ гнетомъ неприятныхъ впечатлѣній онъ посѣщилъ освѣжитья, искупался и схватилъ тифозную горячку. Къ счастью докторъ былъ чело-вѣкъ дѣльный, спасъ жизнь больного; а начальство ужъ не стало больше тревожить упрямаго грѣшника; онъ уѣхалъ въ одну семинарію, тамъ женился и, к-ся, живетъ теперь семьяниномъ. А сколько еще несчастныхъ этого разряда, которые поступали въ м-во и въ разныхъ мѣстахъ влачили и влачатъ горькую свою жизнь. И все это дѣлается во имя Божіе, для блага Церкви!!! —

4) Мягкая глина очень нравится горшечникамъ и мастеровымъ фарфоровыхъ заводовъ; ей можно придавать ка-

ную угодно форму. Но чтобы издѣлія изъ глины имѣли прочность, ихъ закалываютъ. И м-во очень любитъ мягкія натуры, п. ч. изъ нихъ, какъ изъ глины, можно все сдѣлать. Только всякой партіи, всякому обществу, всякому монашескому ордену необходимы люди твердые, самостоятельные, энергичскіе; съ ними трудно ладить, но за то они, управляя дѣлами, могутъ все улаживать и, главное, отражать нападенія со внѣ. И такъ какъ человѣческія мягкія натуры рѣдко закалываются, такъ какъ безхарактерные люди остаются безхарактерными до гробовой доски; то въ духовныхъ академіяхъ стараются завлечь въ м-во не однихъ смиренниковъ и послушниковъ, но людей даровитыхъ, умныхъ, съ крѣпкою волею, съ желѣзнымъ характеромъ. Неукротимый, буйный степной конь страшень для недовкаго всадника, но объѣзженный какимъ либо гуанчо, будетъ переносить сѣдока изъ одного мѣста въ другое съ быстротою вѣтра и выручить его изъ какой угодно опасности. Но (позвольте продолжать сравненія, хотя оно и отзывается реторикою) коней двуногихъ, особенно если они имѣютъ или надѣются получить степень магистра и кандидата, нельзя ловить арканами; а нужно устроить дѣло такъ, чтобы они или сами заходили, куда ихъ нужно завлечь, или позволили надѣть на себя уздечку.

Уздечкой этой въ духовныхъ академіяхъ служить честолюбіе. Смотри на какого либо семинариста и студента академіи недовкаго, застѣнчиваго, молчаливаго, вы, м. б., и не думаете, чтобы въ его душѣ таились честолюбивые замыслы. Если такъ, то дурно знаете людей. Давно уже замѣчено, что д-во едва ли не всѣхъ вѣроисповѣданій, не всѣхъ временъ, потомственное ли оно, или не потомственное, м-щее, или женатое, — всегда отличалось честолюбіемъ и въ общихъ своихъ стремленіяхъ и въ частныхъ дѣйствіяхъ. Вездѣ оно хочетъ командовать не одною совѣстію людей, а и мірскими дѣлами ихъ. Вездѣ вы найдете кардиналовъ Монтальто, которые цѣлые десятки лѣтъ унижаются, притворяются глупыми, глухими и больными, терпятъ насмѣшки и обиды съ тѣмъ, чтобы сдѣлаться Сикстами пятыми, и тутъ удивить міръ своею неукротимую дѣятельностію и обширнѣйшимъ умомъ. Вездѣ найдете Роденей, которые даже для аббатовъ д'Егриньи кажутся слѣпыми, механическими орудіями, а м. т., не смотря на свой засаленный подрясникъ, гдѣ либо въ мансардѣ съ завистью и наслажденіемъ смотрятъ на портретъ Сикста V и надѣются занять папскій престолъ. И изъ моихъ читателей кто читалъ написанную Кс.

Полевымъ жизнь Ломоносова, припомнить свиданіе послѣдняго съ Дмитріемъ Сѣченовымъ, — припомнить, какъ почти еще неизвѣстный этотъ монахъ мечталъ уже управлять совѣстію царей и удивилъ своимъ честолюбіемъ знаменитаго нашего учонаго и поэта. Не считайте же не честолюбивыми семинаристовъ и студентовъ академій духовныхъ; ихъ отцы и предки, ихъ начальники уже давнымъ давно состоятъ изъ духовныхъ лицъ. Какъ же къ нимъ не привьтся честолюбію? Только оно обнаруживается различнымъ образомъ и примѣнительно къ положенію честолюбца. Студентъ академіи, — хорошій мечтаетъ о магистерствѣ, — очень хорошій, особенно отличный о первомъ мѣстѣ и о мѣстѣ бакалавра при академіи. Есть конечно много личностей, которыя занимаются науками только для своего образованія, но большинство желаетъ магистерства, а магистранты — первыхъ мѣстъ, и особенно бакалаврскихъ должностей въ академіи.

Нынѣ уже и семинаристы знаютъ о различіи расположенія начальства къ м-щимъ и свѣтскомъ студентамъ и наставникамъ. А если бы и не знали, то, пріѣхавши въ академію, они услышатъ о томъ самыя интересныя и мелкія подробности. Послѣ этого очевидно, что начальству академическому, когда оно приглашаетъ студентовъ въ м-во, нѣтъ, повидимому, надобности, употреблять большія усилія; честолюбивые и догадливые изъ студентовъ сами давно уже понимаютъ будущее свое величіе, если поступятъ въ монахи, — и свое ничтожество, если останутся въ суртукѣ. Но доброе и снисходительное академическое начальство умѣетъ поддерживать колеблющихся, смягчать упорствующихъ. Оно приглашаетъ къ себѣ то тѣхъ, то другихъ студентовъ; между ними встрѣчаются иногда люди съ ясными признаками дородства, съ здоровымъ румянцемъ на щекахъ, съ искромечущими глазами, которые обнаруживаютъ пыльную, страстную натуру. Съ такими молодцами рѣдко говорятъ о суетѣ мірскихъ благъ, о высокомъ значеніи монашески-ангельскаго чина, о подвигахъ отшельниковъ, о брѣнности и тщетѣ всего земнаго; приступаютъ прямо къ болѣе солиднымъ доказательствамъ. Вотъ краткое извлеченіе изъ нихъ: «почему же бы вамъ нейти въ монахи? начинаетъ говорить начальство. Какіе причины васъ удерживаютъ отъ этого? Положимъ, что васъ назначать профессоромъ семинаріи, или бакалавромъ академіи. Эка-важное дѣло! Если вы женитесь, то станете голодать и бѣдствовать съ семьєю, если останетесь холостымъ, то вѣдь будете вести жизнь, какъ

долженъ жить монахъ; притомъ у послѣдняго есть семья-монастырь, гдѣ онъ всегда найдетъ пріютъ а вы будете настоящимъ бобылемъ. Пожалуй, поступите во священники; тутъ получше, но и то, что за жизнь? вѣчныя хлопоты съ семьею, вѣчная зависимость отъ начальства, отъ прихожанъ. Кому вамъ не придется кланяться, предъ кѣмъ не изгибаться, и вѣдь только для того, чтобы у васъ не отняли куса хлѣба, или чтобы дали его? Толи дѣло, если поступите въ М-во? Съ перваго же раза вы инспекторъ, затѣмъ не далеко до ректорства и архимандріи съ богатымъ монастыремъ, а тамъ и до епархіи. А сознайтесь, что вѣдь гораздо пріятнѣе имѣть подчиненныхъ съ перваго до послѣдняго шага на службѣ, нежели вѣчно быть подъ начальствомъ; — жить въ богатой меблированной на казенный счетъ квартирѣ, нежели занимать какую либо комнатку аршинъ въ пять: — одѣваться въ богатые шелковыя рясы и подрясники, нежели носить истертый съ побѣлѣвшими швами сертукъ, — ѣздить въ коляскѣ и каретѣ, нежели ходить пѣшкомъ по грязи, или трястись на дрожкахъ и тележонкѣ; — получать тысячу, двѣ, три и болѣе рублей, притомъ на одного себя, нежели довольствоваться цѣлую жизнь 300—500 рублями съ большою семьею. Что же сказать, когда вы получите епархію? Цѣлый огромный домъ для вашего житья, цѣлый огромный штатъ для вашихъ услугъ; все д-во за счастье сочтетъ исполнять ваши приказанія; цѣлая епархія предъ вами благоговѣтъ. Куда ни явитесь, у васъ цѣлуютъ руки; куда ни поѣдете, васъ встрѣчаютъ со звономъ. Ну полно упрямитесь; гдѣ жъ вы найдете такое житье? Вотъ вамъ мое благословеніе; подавайте просьбу.»

Противъ подобныхъ рѣчей дѣлаютъ возраженія иногда искренно, иногда изъ приличія, и больше для сохраненія, т. е-тъ, военной чести; нельзя же сдать безъ выстрѣла; или для того, чтобы мнимымъ сопротивленіемъ доставить осаждающей сторонѣ удовольствіе одержать побѣду. Крѣпостные валы и бастіоны въ этомъ случаѣ состоятъ не изъ очень прочныхъ матеріаловъ, устроиваются и защищаются по одному издавна принятому плану. «Помилуйте, говорить защищающаяся сторона, какъ можно мнѣ итти въ м-во? я еще такъ молодъ и неопытенъ, такъ мало знаю себя, людей и міръ; а м. т. мнѣ нужно вступить на такой путь, съ котораго уже нельзя сойти. Гдѣ мнѣ вынести тяжесть монашескихъ обѣтовъ? и опытные старцы подъ нею изнемогаютъ и падаютъ и пр. . . .» Вылазка эта отражается также по одному и тому же плану, такъ что тутъ проис-

ходить не настоящая битва, а маневры, гдѣ обѣ стороны знаютъ напередъ. когда и сколько каждой изъ нихъ нужно сдѣлать выстрѣловъ. Атакующая сторона говоритъ: «то-то молодой человекъ; съ молодыхъ лѣтъ и надобно посвящать себя Богу; конечно тутъ болѣе будетъ борьбы, м. б. больше и паденій, нежели когда вы сдѣлаетесь изнеможеннымъ отъ жизни старцемъ; но зато будетъ болѣе и подвиговъ и заслугъ предъ Богомъ съ вашей стороны.» Впрочемъ этотъ маневръ, т. е. эти слова рѣдко пускаются въ ходъ; вѣдь обѣ стороны б. ч. знаютъ, что дѣло идетъ вовсе не о посвященіи себя Богу. Атакующая сторона чаще отражаетъ вылазку слѣдующими словами: «что это? чѣмъ затрудняетесь? Развѣ не знаете, что монашеская жизнь вовсе не такъ трудна, какъ воображаете, что въ монашескихъ обѣтахъ выражаются тѣ же почти самыя обязанности, которыя лежатъ на всякомъ христіанинѣ? Вѣдь различіе почти состоитъ только въ томъ, что нужно не жениться, не употреблять мясной пищи и жить въ монастырѣ. Первая не Богъ знаетъ какаѣ бѣды; сколько людей и свѣтскихъ остаются весь вѣкъ не женатыми? (*отъ меня*: тутъ бы можно много интереснаго прибавить, но помолчу до поры-до времени). Потомъ можно и постной столъ имѣть не хуже скоромнаго. А въ монастырѣ вамъ жить придется мало; обителью вашею будетъ семинарія, или академія. Въ церковь также каждый день за каждую службу ходить не понадобится: вы вѣдь *учоный, а не монастырскій монахъ*; вамъ нужно будетъ въ классѣ сидѣть, готовить уроки, управлять семинаріею. А сколько вы окажете добра людямъ, услугъ церкви и отчеству воспитаніемъ духовнаго юношества и приготовленіемъ достойныхъ пастырей? Изучайте богословіе и прочія науки, передавайте свои свѣдѣнія другимъ, боритесь съ невѣріемъ; вамъ въ этомъ занятіи ничто не помѣшаетъ; вы будете вполне обеспеченный человекъ, не-развлекаемый семейными и житейскими дрягями. Какое возвышенное, благородное и вмѣстѣ христіанское назначеніе? Полно говорить; примите-ка мое благословеніе, подавайте просьбу.»

Эта и предъидущія рѣчи говорятся въ тѣхъ только случаяхъ, когда нужно убѣдить умнаго, даже лучшаго студента, отъ котораго много можно ожидать, и который м. т. твердо отстаиваетъ свою свободу, или по к. м. хочетъ продать ее на самыхъ выгодныхъ условіяхъ. Съ золотою академическою средняю и особенно посредственностію меньше трудовъ и словъ, меньше церемонятся. Многіе изъ нее даже сами являются охотниками; только покорнѣе просятъ при-

нять ихъ. Если въ курсѣ уже много есть м-щихъ изъ лучшихъ и очень хорошихъ студентовъ, то посредственностію не дорожатъ, даже ей отказываютъ; да и она не очень любить выступать; *ей тогда не выгодно идти въ м-во*. Но если перворазрядные студенты не хотятъ переѣмнить сертука на черную ясу, то открывается свободное поле и для посредственности; ее даже удостоиваютъ завлекать и уговаривать: вѣдь надобно же имѣть нѣсколько монаховъ, иначе получишь выговоръ отъ митрополита. Въ этомъ случаѣ золотая середина и посредственность счастлива; ихъ обѣихъ высвятъ, первую придвигаютъ къ первымъ мѣстамъ, да и послѣдней даютъ старшаго кандидата.

Судя по всему, здѣсь сказанному, можно бы полагать, что въ каждый академическій курсъ очень значительное количество студентовъ поступаетъ въ м-во. И дѣйствительно встрѣчались много такихъ курсовъ, къ которымъ можно приложить слова одной церковной пѣсни: *монаховъ множество*. Напр. въ 6 курсѣ петербургской академіи было 10, въ 7 даже 12 монаховъ; и въ 6, 11 и 13 курсахъ московской академіи по 10 человекъ въ каждомъ; правда, многие изъ нихъ поступили уже, будучи на должности; но за исключеніемъ ихъ останется крупная еще цифра. Причину такого изобилія бываютъ преимущественно два обстоятельства. Иногда академическое начальство отличается безпредѣльнымъ усердіемъ въ завлеченіи студентовъ въ м-во. Тутъ дѣйствуетъ не одно желаніе выслужиться предъ высшимъ духовнымъ начальствомъ, а и тайная цѣль — имѣть побольше своихъ приверженцевъ, составить, т. е-ть, свою партію. Въ предъидущей части сказано, что уговоренные покойнымъ митрополитомъ Платономъ въ м-во носили названіе *платониковъ*; есть теперь лица, которыхъ зовутъ *иннокентіевцами* (отъ Иннокентія, бывшаго ректоромъ кievской академіи и умершаго одесскимъ архіепископомъ). Почему же и другимъ не пожелать увѣковѣчить своего имени въ множествѣ тѣхъ лицъ, которыхъ они постригутъ въ м-во? Другая причина относится собственно къ студентамъ. Известно, что между людьми иногда появляются повальные заразительныя болѣзни и мани, отъ которыхъ трудно уберечься самому осторожному человѣку. Точно также въ иные академическіе курсы страсть къ м-ву обнаруживается чѣмъ-то въ родѣ повѣтрій или повальныхъ болѣзней, которыя можно назвать *монахоманіей*; охотниковъ или пожалуй больныхъ является множество; успѣвай только начальство постригать ихъ. Впрочемъ болѣзнь эта въ нѣкоторыхъ слу-

чаяхъ объясняется очень просто. Иногда человѣкъ пять и даже десять могутъ считать себя совершенно равными по успѣхамъ; cadaго изъ нихъ можно записать и первымъ, и пятымъ, и десятымъ. Если теперь одинъ пошодъ въ монахи съ намѣреніемъ, или безъ намѣренія чрезъ это повысится; то другой, или даже другіе начинаютъ опасаться, какъ бы имъ не потерять своихъ мѣстъ, и вотъ являются новые охотники постричься въ м-во. Напр. въ одномъ курсѣ петербургской академіи первый и лучший студентъ былъ страшный монахоненавистникъ; никто лучше его не любилъ и не умѣлъ посмѣяться надъ монахами. Но когда сдѣлалось извѣстнымъ, что другой то же изъ лучшихъ студентовъ, надѣваетъ черную рясу, то монахоненавистнику вообразилось, что онъ потеряетъ первое мѣсто; подумалъ, подумалъ да и подалъ просьбу. Оба были пострижены, но монахъ — монахоненавистникъ скоро расстригся.

Но вмѣсто множества монаховъ иногда бываетъ большой недостатокъ въ нихъ въ нѣкоторыхъ академическихъ курсахъ; точно такъ послѣ урожайныхъ годовъ бываютъ неурожайные, послѣ сильныхъ дождей — засуха. И здѣсь тоже, какъ и въ предъидущемъ случаѣ, дѣло зависитъ и отъ начальства и отъ студентовъ. Встрѣчаются между ректорами люди умные и благонамѣренные, которые испытали всю трудность монашеской жизни, — знаютъ сами, или отъ другихъ все гибельныя послѣдствія, которыя грозятъ молодому человѣку, когда онъ, увлекаемый честолюбіемъ, изъ угождения начальству, по незнанію свѣта и себя, даетъ монашескіе обѣты. Такіе-то ректора не только не говорятъ вышеприведенныхъ рѣчей, но даже сдерживаютъ аскетическіе порывы студентовъ, совѣтуютъ подумать да поразузнать себя, и, главное, не возвышаютъ въ спискахъ, никого за то только, что онъ надѣлъ клобукъ. При нихъ почти никто изъ студентовъ не поступаетъ въ м-во. За тѣмъ что въ академіяхъ извѣстны несчастія, которымъ подвергаются студенты, увлеченные въ м-во начальствомъ, или расчотами. А иногда примѣръ бываетъ предъ глазами. Однажды мнѣ случилось говорить съ студентомъ М. духовной академіи, кончившимъ курсъ въ сороковыхъ годахъ, объ одномъ знаменитомъ ректорѣ. «А знаете ли вы его?» спросилъ я своего собесѣдника. «Еще бы не знать; у меня никогда не выйдетъ изъ памяти его физиогномія.» — Почему же она такое впечатлѣніе на васъ произвела?» вновь я спросилъ. — «Вотъ отчего? когда мы поступали въ академію, то въ своей церкви у самой двери видѣли человѣка, прислонившагося къ стѣнѣ,

завернувшись въ шинель; въ теченіи службы онъ бывало ни разу не перекрестится. Ходилъ онъ въ какомъ-то полузабытѣи, съ лицомъ похожимъ на лицо утопленника, или челоуѣка, рѣшившагося на самое позорное самоубійство. Кто это такой? спрашивали мы своихъ предшественниковъ и получали въ отвѣтъ: «это будущій бакалавръ, который подалъ просьбу о постриженіи въ м-во; съ тѣхъ самыхъ поръ въ такомъ онъ положеніи. Мы, — продолжалъ мой собесѣдникъ — съ ужасомъ на него смотрѣли. Наконецъ его постригли; цѣлый годъ онъ послѣ каждой своей лекціи записался въ своей комнатѣ, искалъ утѣшенія въ винѣ, покрывалъ полъ своими *vomissements*, отрезвлялся къ слѣдующей лекціи, во время которой служитель окуривалъ и вычищалъ комнату. Впрочемъ спасибо ему; насмотрѣвшись на него, я далъ себѣ слово ни за что нейти въ м-во.» Вотъ такіе-то примѣры удерживаютъ многихъ умныхъ студентовъ перемѣнять сертукъ на черную рясу. Но въ нѣкоторые курсы является общее анти-монашеское настроеніе. Это б. ч. бываетъ отъ того, что по чему-то здравый смыслъ въ нихъ не затемняется и позволяетъ имъ видѣть всю несообразность поступать въ м-во въ молодые годы; — отъ того, что не заглушены благородныя и возвышенныя чувства, препятствующія сознательно давать обѣты, которые исполнить не могутъ и не намѣрены. Отъ этихъ и другихъ причинъ не рѣдко въ цѣломъ курсѣ не бываетъ ни одного монаха; напр. въ 16 и 18 курсахъ хотя по исторіи петербургской академіи г. Чистовича и значится по два монаха, но въ первомъ оба поступили вдовыми въ академію священниками, а во второмъ одинъ постригся на должности, а другой пріѣхалъ послушникомъ, или іеродьякономъ въ академію. Особенно появилось было анти-монашеское настроеніе въ послѣднее время, когда мы вздумали считать себя либералами. Въ эти года (конецъ пятидесятихъ и начало шестидесятихъ) въ московской и петербургской академіяхъ никто изъ студентовъ не хотѣлъ перемѣнить сертука на рясу. Обѣ академіи завязали даже переписку между собою; студенты ихъ давали и получали честное слово, чтобы изъ ихъ курсовъ никто не постригся въ монахи, и, къ удивленію, даже на короткое время успѣли въ этомъ. Приверженцы м-ва встретились, но напрасно; это не то значить, чтобы земля сдѣлалась совершенно бесплодною, а то, что какія-то временныя случайныя явленія не благоприятствовали урожаю. Обстоятельства измѣнились, земля сдѣлается и уже оказывается по прежнему плодородною. Вотъ и доказательства. Въ

одинъ день 1864 г. въ церкви петербургской духовной академіи во всюнощную предѣ очень обыкновеннымъ праздникомъ было необыкновенное торжество; зажжены были всѣ толстыя свѣчи предѣ мѣстными иконами, — всѣ свѣчи въ люстры; поставлены большія свѣчи даже предѣ иконами на стѣнахъ; начальство выражало на своемъ лицѣ торжественную радость. Что же это значило? Неужели завтра должно было праздноваться новое небывалое дотогѣ празднество? Нѣтъ! дѣло объяснялось очень просто. Въ эту всюнощную постригалось въ м-во два студента. Какъ не такомъ не торжествовать, не зажечь всѣхъ свѣчъ при радоваться, обыкновенномъ событіи? Насмѣшники поговаривали даже, что готовится иллюминація, но ее не было; а напрасно; тогда, по к. м., нигилисты узнали бы, что академія освободилась отъ ихъ зловреднаго вліянія.

Изъ описанія различныхъ, т. е-ть, процедуръ поступленія студентовъ духовныхъ академій въ м-во очевидно, что религіозныя побужденія тутъ *помыщаются на заднемъ планѣ, оставляются совершенно въ сторонѣ*. Конечно, какъ и выше уже замѣчено, есть студенты, которые идутъ въ м-во съ полнымъ убѣжденіемъ въ ангельскомъ значеніи этого званія, съ искреннимъ желаніемъ исполнять всѣ обязанности, имъ налагаемыя. Но подобныя примѣры, изъ которыхъ одинъ мною и описанъ, слишкомъ рѣдки, да и потомъ б. ч. оканчиваются разочарованіемъ. Главными побужденіями къ иноческой жизни для студентовъ служатъ или сознаніе, что они въ другихъ сословіяхъ не будутъ имѣть никакого значенія, или желаніе подняться повыше въ спискѣ, сдѣлаться магистромъ, занять одно изъ первыхъ мѣстъ, остаться при академіи поступить инспекторомъ въ семинарію и за тѣмъ, поднимаясь выше и выше, облечься въ омофоръ и саккосъ (архіерейскія одежды). Извините, отцы святыя, *честомловіе, честомловіе и честомловіе вотъ главный стимулъ, побуждающій васъ сбросить съ себя сертуть*. Посмотримъ теперь, г. ч. поближе на молодыхъ учоныхъ монаховъ.

Часть девятая.

О домашней жизни прогрессистовъ, объ ихъ искушеніяхъ и чаденіяхъ.

Академическое начальство съ самаго перваго раза выказываетъ свое снисхожденіе къ монахамъ-студентамъ. Хотя въ концѣ послѣдованія малой схимы сказано: «вѣдомо буди, яко сицевый (т. е. вновь постриженный) монахъ долженствуетъ пребывать въ Церкви дней пять, упражняясь отъ всякаго дѣла кромѣ чтенія, аще вѣсть;» впрочемъ въ академіяхъ изъ Церкви ведутъ новаго инока съ пѣніемъ и лики прямо въ комнаты ректора; тамъ посадятъ на стулъ или кресло, попотчуютъ чайкомъ, *примутъ уже, какъ своего младшаго брата*. Отсюда идетъ вновь постриженный въ назначенную ему комнату и встрѣчается веселыми товарищами; тутъ бываютъ и поздравленія и записванія. Кровать та же, матрацъ, одѣяло и подушки тѣ же; даже и въ комнатахъ рѣдко помѣщаются по одному; тутъ еще нѣтъ одиночества. Въ одинъ изъ слѣдующихъ дней ректоръ ведетъ новаго монаха къ митрополиту; конечно при этомъ случаѣ отложивъ въ сторону студентческую гордость, нужно не одинъ разъ поклониться въ землю; но за-то принимаютъ отечески, даютъ архипастырскія наставленія, общають начальническое покровительство. Послѣ начинаются тѣже классы и уроки, что и прежде, таже почти студентческая жизнь. Бываютъ, правда, непріятности; и въ академіи съ опасеніемъ, а иногда не безъ ужаса подумываютъ, какъ бы еще здѣсь не пришлось разочароваться въ золотыхъ мечтахъ. Иногда собственная неутомонная натура успѣваетъ вырваться на просторъ; выше уже было сказано, какъ нерѣдко *мы поживаемъ въ академіяхъ*.

Но положимъ, что кончили академической курсъ, получили хорошее инспекторское, или бакалаврское мѣсто, и заняли квартиру, въ которой жить можно просторно. Но тутъ скоро узнаютъ, что комнатный просторъ бываетъ очень скученъ. Студентъ въ академіи еще не знаетъ одиночества, не испытывалъ его тягости, напротивъ живя съ товарищами и встрѣчая препятствіе своимъ занятіямъ въ ихъ шуткахъ, играхъ и пр. онъ не рѣдко говоритъ себѣ: эхъ какъ бы хорошо жить одному! Но вотъ онъ уже одинъ одиноконекъ, только тамъ въ передней за перегородкой сидитъ или не бритый солдатъ служитель, или келейникъ-хорошенькій

семинаристъ, или послушникъ съ длинными волосами. Конечно одинокъ и воякой холостой человекъ. Только этому есть возможность размыкать свое одинокое горе; идетъ въ гости, или принимаетъ кого либо къ себѣ, предается веселью и даже разгулу, отправляется на гулянье за городъ, въ театръ, публичный садъ, даже просто измѣряетъ шагами городскія улицы. Ему этого никто не поставитъ въ упрекъ. Но монаху ходить для прогулки по городскимъ улицамъ, въ публичномъ саду, за городомъ? да объ этомъ поднимутся такіе толки, что Боже сохрани; тутъ отъ начальства получишь головоломку, которой долго не забудешь. Можно конечно самому пойти въ гости, или принять кого либо у себя, но не часто. Только тутъ на друзей, особенно въ провинціи не рассчитывай. Охотниковъ и охотницъ знакомиться будетъ много, но или изъ желанія прислужиться, что бы послѣ что нибудь отъ васъ, чрезъ васъ получить, или изъ хвастовства, что вотъ де мы знакомы съ такимъ то Его В-біемъ. Даже бесѣдуя съ гостями, или въ гостяхъ, учоный монахъ не можетъ вести себя, какъ говорятъ, *на распушку*. Сиди важно, говори степенно, даже на распѣвъ и по новгородски; не предавайся веселости и искреннему изліанію чувствъ; съ расчетомъ даже смѣйся, касайся рюмки, пожалуй, но осторожно и не часто; иначе мольва заговоритъ: эге да онъ вовсе не монахъ, смотрите, вчера былъ тамъ-то, третьяго дня здѣсь-то, тогда у него были такіе-то, онъ и хочется, и выпиваетъ таки; вотъ каковы нынѣ монахи!» Тутъ иной ханжа, суевѣръ, или фанатикъ обращается къ учоному монаху съ нелѣпѣйшими вопросами; прямо сказать, что это вздоръ, нельзя, иначе опять заговорять: «вотъ каково судятъ монахи-то.» Истинное же наказаніе для учонаго м-ва составляютъ свѣтскія дамы. У многихъ изъ нихъ чуть не единственное честолюбіе говорить, что я знакома съ такимъ-то о. инспекторомъ, ректоромъ и пр., едва ли не самымъ главнымъ наслажденіемъ онѣ считаютъ бывать у нихъ, или принимать ихъ у себя. Замѣтьте, г. ч., что тутъ дурныхъ связей не предполагается. Тутъ только съ одной стороны дамская, или лучше бабья навязчивость и хвастливость, а съ другой недостатокъ благоразумія и твердости отказаться отъ знакомства съ особою, которая слыветъ или благочестивою, или знатною. И какихъ мученій не приходится выносить отъ этого знакомства? Иная является чуть не каждый день, сидитъ по нѣскольку часовъ, надобѣтъ и ангелу своими глупѣйшими вопросами; а сиди и говори съ ней и даже благодари за посѣщеніе. А м. т. злые и насмѣшливые

языки благовѣстятъ, или лучше *зловѣстятъ* по цѣлому городу о какой-то даже интимности между двумя лицами, тогда какъ одинъ изъ нихъ не-знаетъ, какъ бы отдѣлаться отъ другой. А тамъ, глядишь, появляется басенка о какой либо Ивановѣ или Егоровѣ, *нашедшей себѣ хорошее мѣстечко*.

Что послѣ этого дѣлать молодому инспектору-монаху, или даже не старому ректору? Сидѣть вѣчно одному ужасно скучно; развлекать себя разговорами съ келейникомъ, или служителемъ неприлично; часто ѣздить въ гости, или принимать у себя другихъ — подозрительно и зазорно. Что же дѣлать? Русскіе люди! не-многіе изъ васъ устаиваютъ въ подобныхъ случаяхъ, ищутъ лекарства, или развлечения въ умственныхъ занятіяхъ; вы прибѣгаете къ той жидкости, изъ за которой Владиміръ Святославичъ не захотѣлъ принять магометанство. И вотъ служитель, или келейникъ несетъ штофъ, бутылъ и т. п. Баринъ конечно находитъ утѣшеніе, или хоть забывается на время, но зато чувствуютъ униженіе предъ своею прислугою; знаетъ, что ей очень легко разсчитать, сколько рюмокъ въ день убавится изъ бутылки; знаетъ также, что объ этомъ мольва разнесется и по городу; — знаетъ и все-таки ищетъ утѣшенія; чудна ты русская натура! Къ этому начинаютъ присоединяться другія неприятности. Ректоръ и инспекторъ рѣдко бываютъ вполнѣ довольны другъ другомъ, даже частенько враждуютъ между собою; тутъ непременно одинъ кто либо, а иногда и оба не нравятся преосвященному. Приходится переносить холодное обращеніе, выговоры, а тамъ и въ послужныхъ спискахъ вмѣсто *отлично-честнаго поведенія* отмѣченъ только *очень хорошо*. Тамъ услышишь, что товарищи и даже младшіе обгоняютъ по службѣ; одинъ уже архимандритъ, другой ректоръ; третій имѣетъ Владиміра на шеѣ; а у насъ только Анна; четвертый уже викарій. При другихъ обстоятельствахъ все это можно бы перенести. Но когда мечты честолюбія составляютъ единственную отраду, когда только чрезъ осуществленіе ихъ надѣемся быть въ лучшемъ, нежели теперь, положеніи, когда нѣтъ ни семейства, ни друзей, которые бы развлекали насъ, когда нѣтъ никакого выхода изъ сословія, куда мы завлечены; о, тогда неудача, отсталость по службѣ волнуютъ кровь, раздражаютъ нервную систему! Опять надобно искать утѣшенія въ чемъ либо, почаще подходить къ шкафу, почаще звѣнять рюмки, а то и стаканы; почаще приходится бѣгать служителю съ бутылкою; — паденіе началось.

И организмъ не молчитъ; законы его не измѣняемы; во всѣхъ, кто ѣсть и пьетъ, процессы физиологическіе одинаковы. Не даромъ старинные отшельники, не понимая ни законовъ природы, ни назначенія человѣка, обнаруживали такую ненависть къ женщинамъ; не даромъ называли ихъ орудіемъ діавола, изчадіемъ ада, соблазнительницами; не даромъ запретили монаху христосоваться съ матерью; не даромъ на Афонѣ считается грѣхомъ смотрѣть на свое собственное обнаженное тѣло; не даромъ умерщвляютъ плоть, даже уродуютъ себя. Борьба идетъ страшная, но побѣда почти всегда, по к. м. нынѣ, остается за физиологическими законами организма. Вмѣстѣ съ тѣмъ увеличиваются и затрудненія для тѣхъ лицъ, о которыхъ говоримъ. Надобно имѣть не одно даже довѣренное лицо, а два, надобно, повѣрить имъ свою честь. О подобныхъ вещахъ не ловко говорить догадывайтесь сами . . . Но всякому теперь будетъ понятно, почему у прогрессивистовъ инспекторовъ и ректоровъ такъ сильны бываютъ послушники, келейники и даже служители. Иной явно обкрадываетъ своего господина, ежемѣсячно употребляя по 50 руб. на столъ для него, состоящій изъ какихъ либо незатѣливыхъ трехъ блюдъ; другой приводитъ купца съ матеріями, за которыя вмѣсто двухъ берутъ 3—4 рубля, — вмѣсто пяти-десять и т. д. и господинъ молчитъ. Третій живетъ открыто-распутно, тратитъ на это не десятки, а сотни рублей, — баринъ расплачивается. Четвертый даже племянникъ, поступивъ въ университетъ, или медицинскую академію, требуетъ отъ своего дяденьки ежемѣсячно по 80—100 р. и дяденька высылаетъ, а племянникъ проживаетъ. По неволѣ все вытерпишь, все заплатишь, даже улыбнешься при этомъ: вѣдь своя честь дорога; вѣдь отказъ можетъ повести къ открытію такихъ секретовъ, отъ которыхъ разстроится вся будущность. Но скука не проходитъ, раздраженіе и недовольство своею судьбою усиливаются; утѣшимъ себя вновь.

Вѣчно борются и сражаются безъ проигрыша сраженій, безъ потерь невозможно. Наполеоны и Фридрихи великіе проигрывали битвы, но ихъ непріатели могли быть убиты, истощены. Гдѣ же теперь нашимъ, особенно молодымъ воителямъ одерживать всегдашнія побѣды? Ихъ непріатели неумолимы, неотразимы, не умираютъ, получаютъ безпрепятстванныя подкрѣпленія; убить ихъ значитъ убить самаго себя. Какъ же тутъ не терпѣть поражений? Они начинаютъ иногда еще въ академіи; но тамъ на нихъ *смотрятъ сквозь пальцы*. На службѣ воители наши проигрываютъ не

только битвы, но и всю компанію; впрочемъ чрезъ разные скроки, иногда въ первый, во второй годъ, иногда же долго еще борятся, но и чрезъ десятки лѣтъ бываютъ побѣждаемы. Вотъ напр. кончили курсъ два земляка, два короткихъ знакомца; оба поступили въ м-во и оба остались въ академіи. Одинъ былъ молчаливъ, но умнѣе и честнѣе; другой говорливъ, но хитрѣе и проницательнѣе. Черезъ годъ нужно было кому либо изъ двухъ земляковъ поручить на время исправленіе инспекторской должности; говорливый отдѣлалъ дѣло въ свою пользу; молчаливый обидѣлся и мало по малу началъ расходиться не только съ своимъ товарищемъ, но и съ инспекторомъ. Черезъ годъ еще молчаливый получилъ даже выговоръ отъ ревизора за какіе-то пустяки; говорливый и тутъ не совсѣмъ былъ правъ. Въ слѣдующій годъ молчаливый, не любившій ни съ кѣмъ дѣлиться мыслями, началъ скучать и искать домашняго утѣшенія, являться на веселѣ не только въ классъ, но и къ богослуженію. Еще въ слѣдующій годъ молчаливый уже сталъ дебоширствовать; однажды, пришедши къ инспектору и на дорогѣ разбивши себѣ лицо, въ окровавленномъ видѣ захотѣлъ высказать ему свои мнимыя обиды и даже ударить его. Забіяку насилу отвели въ его комнату. Кончилось тѣмъ, что ему до самой смерти запрещено было священнодѣйствовать. Говорливый сначала пошолъ въ ходъ; но онъ надѣялся служить въ академіи, а его вскорѣ послали въ семинарію. Появилась раздражительность, начались ссоры то съ своими начальниками и подчиненными, то даже съ свѣтскими людьми; заговорили и фізіологическія потребности. Его переводили, переводили изъ одного мѣста въ другое, сначала уволили отъ училищной службы, а наконецъ и отъ управленія монастыремъ; — онъ тоже умеръ и притомъ скоропостижно. Третій былъ истинный, даже почти фанатическій монахъ, жилъ образцово; послушникъ, служившій у него и очень хорошо знавшій м-во, говорилъ, что онъ лучшаго монаха никогда не встрѣчалъ и не встрѣтитъ. Этотъ третій былъ инспекторомъ академіи, архимандритомъ, писателемъ въ ультра-православномъ тонѣ. Но сдѣлавши небольшую ошибку, попалъ въ немилость; его сослали на житье въ монастырь. Тутъ у него упала съ глазъ завѣса; онъ бросилъ и м-во и архимандрію; теперь онъ женатый человѣкъ. Четвертый красивый, восхищавшійся самимъ собою пблѣ сначала очень бойко, попалъ въ столицу, уже почти касался панагіи. Но не понравился одному сильному лицу; его услали въ провинцію; тамъ онъ сталъ падать все ниже, и ниже; сначала удалился по неволѣ отъ училищной

службы, потомъ запутался въ процессъ самый скандальный; теперь доживаетъ вѣкъ свой въ числѣ братства. Число такихъ случаевъ можно увеличить до огромной цифры. Пожалѣйте объ этихъ людяхъ, г. ч. Они вездѣ, кромѣ и-ва, были бы не дурными, и даже отличными, милыми людьми. Они погибли отъ того, что, обольстившись величіемъ предстоявшей имъ карьеры, не понимая себя и людей, увлеченные, или невразумленные своими начальниками, поступили въ молодости въ такое ословіе, въ которое должно поступать только въ солидные годы послѣ зрѣлаго обсуждения. Ихъ сгубила та несчастная система, по которой нынѣ всѣ начальническія мѣста въ семинаріяхъ и академіяхъ представляются м-щамъ. За нихъ и подобныхъ имъ людей дадутъ отвѣтъ Богу тѣ, которые поддерживаютъ эту систему или по своему упрямству, или по своимъ сословнымъ расчетамъ. На этихъ то людей рано, или поздно падетъ гнѣвъ Божій и судъ людской!

Но не уже ли всѣ падаютъ? Нѣтъ, нѣкоторые идутъ впередъ до конца своей жизни, м. б. не многоко поизраненные, поизувѣченные, даже поискалеченные, — что такъ часто случается со всѣми, одерживающими побѣды надъ кѣмъ либо и надъ чѣмъ бы то ни было. Здѣсь на первое мѣсто поставимъ тѣхъ, которые одарены, хоть и не гениальнымъ, но основательнымъ умомъ, не лишены благородства и возвышенныхъ чувствъ, не принадлежатъ къ страстнымъ, горячимъ натурамъ. Не очень пылкій характеръ спасаетъ ихъ отъ тѣхъ излишествъ, которымъ подвергаются люди въ одиночествѣ; твердые нравственные правила оберегаютъ ихъ отъ искушеній; умъ даетъ имъ возможность переносить равнодушно неприятности и не изнемогать подъ тяжестію ихъ. Они набожны на сколько возможно человѣку, по б. ч. искренно; не чуждаются ни міра, ни людей; не откажутся принять участіе даже въ нѣкоторыхъ развлеченіяхъ. Другіе, — это тѣ добрыя натуры, которыя сами по себѣ прекрасны, но за недостаткомъ самостоятельности идутъ туда, куда имъ прикажутъ. Достигши верхнихъ степеней іерархіи, они сами по себѣ не сдѣлаютъ никакого зла, но, находясь вѣчно подъ чьею либо опекою, бываютъ причиною многихъ золъ. Самихъ ихъ непремѣнно полюбишь и уважишь, но служить подъ ихъ начальствомъ откажешься; за нихъ всегда командуетъ кто либо другой. Третій классъ, самый многочисленный состоитъ изъ людей, которые не отличаются ни умственными и нравственными качествами, ни административною дѣятельностію, но ихъ нельзя назвать, ни совер-

шенно бездарными, тупыми, ни очень безнравственными, ни вовсе лѣнивыми. Не поступи въ м-во, они занимали бы гдѣ нибудь мѣсто наставника при семинаріи, или священника въ городѣ и въ этихъ должностяхъ были бы очень недурными дѣятелями. Но у нихъ огромный запасъ честолюбія; имъ, во что бы то ни стало, хочется, послуживши инспекторомъ и ректоромъ, достигнуть непременно архіерейства; это — задача всей ихъ дѣятельности. Въ свѣтскомъ быту подобныя вещи обдѣлываются при помощи протекціи, связей и прислуживанья; все это не излишно, не остается безъ пользы и въ ученомъ м-вѣ. Но здѣсь есть средство могушее, т. е-ть, духовное; — это такъ называемое виѣшнее благочестіе, и безпредѣльно-раболѣпная преданность своему начальству. Этимъ средствомъ начинаютъ пользоваться еще въ самомъ началѣ академическаго курса. Студентъ прежде всего старается обратить на себя вниманіе молитвеннымъ настроеніемъ. Въ комнатѣ утромъ и вечеромъ непременно положить порядочное количество земныхъ поклоновъ, и всегда *по счастливой случайности* комнатный старшій это замѣтитъ. Иногда даже уходитъ и днемъ помолиться гдѣ либо втайкѣ отъ другихъ, но объ этомъ непременно узнаютъ всѣ. На общихъ утреннихъ и вечернихъ молитвахъ, равно какъ и при богослуженіи онъ устроитъ дѣло такъ, что и инспекторъ и помощники видятъ множество земныхъ и поясныхъ его поклоновъ. Нельзя же начальству не писать въ ежемѣсячныхъ спискахъ поведенія, что такой-то человекъ отличается набожностію, кротостію. Поступивши въ академію въ м-во и стоя во время богослуженія б. ч. предъ очами начальства, онъ тѣмъ болѣе умѣетъ себя отличить. Чтобы утвердить свою репутацію на непоколебимыхъ основаніяхъ, даже въ классическое время ходитъ къ утренѣ, обѣднѣ и вечернѣ въ церкви монастырей, при которыхъ состоитъ каждая изъ духовныхъ академій, кромѣ Казанской, знакомится съ вліятельными монахами, отъ которыхъ академическое начальство слышитъ похвалы молодому иноку, а иногда объ этомъ узнаетъ и митрополитъ. Сдѣлавшись инспекторомъ и ректоромъ семинаріи и академіи, описываемыя личности получаютъ новую возможность прославиться *ревностію по Бозѣ*, но, т. е-ть, на *чужой счетъ*; именно показываютъ видъ, что они стараются своихъ подчиненныхъ сдѣлать людьми благочестивыми. О послушаніи ихъ своему начальству нечего и говорить; оно только отъ нихъ и слышится: *слушаю-сь, непременно будетъ исполнено, какъ прикажете* и пр., такъ что въ этомъ случаѣ раболѣпство не нравится

даже тѣмъ архіереямъ, которые любятъ видѣть покорнѣйшихъ слугъ въ своихъ подчиненныхъ. Дѣятельностію по управленію ввѣряемыхъ имъ частей они не любятъ отличатся; въ инспекціи полагаются на старшихъ, или отчасти на своихъ помощниковъ, въ ректорствѣ на секретаря, эконома, инспектора и пр. Если станутъ повыше, то и тутъ, оставляя за собою представительную часть своей должности, скучныя подробности ея предоставляютъ другимъ, а сами все утверждаютъ своею подписью. Если эти люди сумѣютъ сдержаться и разыграть роль свою до извѣстнаго періода, то вполне, или на половину достигаютъ своей цѣли. Нѣкоторые изъ нихъ съ очень слабыми способностями по окончаніи ученой карьеры получаютъ въ управленіе богатые монастыри, гдѣ оказываются поравнодушнѣе къ дѣламъ благочестія. А прочіе непремѣнно дѣлаются епархіальными начальниками, или ихъ викаріями; случается даже, митрополитами. Я такъ много говорилъ объ этихъ лицахъ по двумъ причинамъ. Они составляютъ нынѣ большинство мѣщаго учонаго д-ва. Потому нельзя не замѣтить, что и не принадлежачіе къ этому классу любятъ иногда держаться ихъ тактики; — такъ она легка и проста и такъ вѣрно ведетъ къ побѣдѣ! Но съ этими тактиками послѣ блистательныхъ побѣдъ не рѣдко случается тоже самое, что нѣкогда было послѣ каннской битвы въ Капуѣ съ войсками Аннибала. Счастливы, что у нихъ нѣтъ противниковъ въ родѣ Нерона, Марцелла, Сципіона, римскаго сената, съ которыми долженъ былъ бороться карфагенскій полководецъ.

Есть еще классъ учонаго м-ва, который по моему мнѣнію, нужно поставить выше прочихъ классовъ. Многіе изъ академистовъ, послуживши при духовно-учебныхъ заведеніяхъ, или въ бѣломъ д-вѣ, поступаютъ въ м-во. Это — овдовѣвшіе наставники и священники, не женатые ученые, которые по бѣдности, или по другимъ какимъ либо причинамъ не хотятъ себя связывать семейными узами. Я не говорю, чтобы они были слишкомъ набожный народъ и желали жить вполне по монашескимъ правиламъ. Но они испытали себя на службѣ, ознакомились съ міромъ, людьми, узнали ихъ достоинства и недостатки, соразмѣрили свои силы съ тѣми обязанностями, которыя налагаетъ м-во; ихъ почти никто не завлекаетъ, не уговариваетъ; они б. ч., послѣ продолжительнаго размышленія, убѣждаются, что лучше всего могутъ быть полезными въ ученомъ м-вѣ. Самыя неудачи ихъ не волнуютъ, не разстраиваютъ; п. ч. они напередъ ихъ предвидѣли. Этимъ людямъ за нѣсколько лѣтъ мало

давали хода. Извольте видѣть. Студенты, поступившіе въ м-во во время или при концѣ академическаго курса, считаютъ себя тоже, какъ и послушники - монахи, *урожденными, потомственными монахами*, а описываемый нами классъ относить къ чему - то въ родѣ *монашескаго личнаго дворянства, или почетнаго гражданства*. Прежде составляя большинство, первые на послѣднихъ смотрѣли неблагопріятно. Въ самомъ дѣлѣ странно было видѣть, что профессора, или священника, прослужившаго нѣсколько лѣтъ и поступившаго въ м-во, чловѣка опытнаго, солиднаго, котораго слѣдовало бы прямо сдѣлать ректоромъ, заставляли иногда по нѣсколку лѣтъ служить еще простымъ наставникомъ; тогда какъ его же ученика, догадавшагося постричься въ академіи, дѣлали тотчасъ по окончаніи курса инспекторомъ. Нынѣ времена, к-ся, стали измѣняться; это очевидно изъ слѣдующаго соображенія. Если архіереевъ и ректоровъ, кончившихъ курсъ въ духовныхъ академіяхъ съ 1814го г., раздѣлить на два разряда; къ одному причислить тѣхъ которые приняли м-во во время, или при окончаніи академическаго курса, а къ другому тѣхъ, которые служили прежде священниками, или наставниками; то между архіереями первый разрядъ почти вдвое болѣе втораго, а между ректорами не болѣе, какъ $\frac{1}{4}$ частію. И дай Богъ, чтобы второй разрядъ взялъ верхъ надъ первымъ и совсѣмъ бы вытѣснилъ потомственныхъ, урожденныхъ монаховъ. Лица, къ нему принадлежащія, занимаютъ ли должность ректора, или архіерея, б. ч. гуманнѣе, нежели перваго разряда.

К-ся, мною перечислены всѣ разряды нашего м-ва. Читатель видитъ, что оно, конечно, составляется изъ всѣхъ классовъ общества русскаго, но большинство и главныя роли въ немъ принадлежать лицамъ, происходящимъ изъ д-ва и притомъ преимущественно или студентамъ-академистамъ, или исключеннымъ ученикамъ семинарій и низшихъ училищъ. Потомъ иные, конечно, поступаютъ въ м-во по внутреннему влеченію къ нему, ради спасенія души, но огромнѣйшее большинство, особенно изъ духовнаго званія, ищетъ въ иночествѣ или вѣрный и сытный кусокъ хлѣба и спокойный приютъ, или думаетъ чрезъ него достигнуть высшихъ степеней іерархіи; *безпріютность и честолюбіе — вотъ два главныя стимула къ м-ву.*

Въ заключеніе этого отдѣла нахожу нужнымъ прибавить, что образованность не составляетъ отличительнаго признака м-ва; бѣлое д-во образованнѣе его. Вотъ доказательство, по отчету Об. Пр-ра за 1861 г. изъ 50394 (стр. 28) или

изъ 50,389 (Вѣдомость подъ No. 4, стр. 23) священниковъ и дьяконовъ 34,023 окончили богословскій и 4406 философскій курсъ; т. о. болѣе нежели $\frac{3}{4}$ св-и-ц-сл-лей могутъ быть названы образованными людьми; тогда какъ между іеромонахами и дьяконами очень большое количество исключенные семинаристы и нигдѣ не учившіеся мѣщане и крестьяне; притомъ образованные люди въ бѣломъ д-вѣ постоянно увеличиваются. Наконецъ лучшихъ академистовъ несравненно болѣе въ бѣломъ, нежели въ черномъ д-вѣ.

Отдѣлъ 8ой.

О доходахъ монастырей.

Странно было бы утверждать, что всѣ наши монастыри богаты, что во всѣхъ нихъ царствуетъ полное довольство, даже роскошь; но думаю, что жалобы на монастырскую бѣдность не справедливы. Въ подтвержденіе ея указываютъ на то, что число м-щихъ муштинъ у насъ необыкновенно мало; вѣдь всѣхъ ихъ (кромя послушниковъ) въ 1860 г. было только 5648, тогда какъ на одномъ Афонѣ число ихъ простирается до 7000; — что даже въ штатныхъ — вообще лучшихъ монастыряхъ недоставало противъ штатнаго въ 1860 г. 1203, а въ 1858 г. 1269 человекъ, болѣе нежели четвертой части. Но по моему мнѣнію эти цифры не доказываютъ бѣдности монастырей. Вѣрно никто не скажетъ, что лавры кіево-печерская, александровская и троцко-сергѣевская бѣдны, а м. т. недоставало противъ штатнаго положенія въ 1858 г. въ первой 16, во второй 37, а въ третьей съ принадлежащими къ ней монастырями и скитомъ въ 1860 году 37 человекъ. Тоже самое можно видѣть почти во всѣхъ ставропигіальныхъ монастыряхъ; напр. въ ново-спаскомъ, воскресенскомъ, симоновомъ и донскомъ штатное число монаховъ полагается: 33, 33, 38 и 43, а въ 1860 г. состояло на лицо 25, 17, 18 и 29. И потому изъ недостающей болѣе, нежели четвертой части монаховъ противъ штатнаго положенія слѣдуетъ заключить не то, что монастыри бѣдны, а то, что штатное число ихъ превышаетъ потребности народа, что у насъ мало людей, которые желаютъ по внутреннему расположенію поступить въ м-во и не соглашаются играть клятвами и обѣтами, не смотря на явныя житейскія выгоды, даже

смотреть сквозь пальцы на слабости всёхъ вообще монастырскихъ жителей, но сами лучше хотятъ быть полезными, дѣтельными членами обществу, нежели подобно мыши Хемницера кушать хлѣбъ въ благочестивомъ уединеніи.

Если даже всё наши монастыри, или члены ихъ дѣйствительно были бы бѣдны, то и въ такомъ случаѣ м-щимъ жаловаться на свое положеніе, а мірянамъ сожалѣть о нихъ не слѣдуетъ. Вѣдь постригаемые въ монахи даютъ обѣтъ, какъ сказано въ 1ой час. 7го отдѣла, пребывать *въ постничествѣ даже до послѣдняго издыханія*, терпѣть скорбь и тѣсноту монашескаго житія царствія ради небеснаго; посвящающій ихъ игуменъ предрекаетъ имъ, что они будутъ и *алкати, и жаждати, и напсовати*. За-чѣмъ бы и имъ самимъ жаловаться и мірянамъ сожалѣть о нихъ, когда бы они находились именно въ томъ положеніи, которое благопріятствуетъ исполненію ихъ собственныхъ обѣтовъ и предсказаніямъ игумена? Еслибы напр. жизнь м-щихъ имѣла такую обстановку, при которой они никакъ не могли бы нарушить обѣтъ дѣвства и цѣломудрія, то всякій сказалъ бы: «какъ хороша эта обстановка; монахамъ именно и надобно жить при ней». За-чѣмъ же теперь жаловаться, если обстановка жизни благопріятствуетъ исполненію обѣтовъ, постничества и нищеты? — М-щимъ для сохраненія себя въ дѣвствѣ и цѣломудріи предписано удаляться отъ міра, отъ женскаго особенно пола, не христосоваться даже съ матерями. Почему бы не брать подобныхъ мѣръ и къ тому, чтобы въ монастырѣ представлялись случаи и алкать и жаждать, по к. м. за-чѣмъ такіе случаи считать несчастіями? — Всякое обстоятельство, которое пробуждаетъ плотскія страсти и вождѣнія монаха, называютъ обыкновенно *искушеніемъ, дьявольскимъ навожденіемъ*, всякаго мірянина соблазнителемъ, если онъ намѣренно, или не намѣренно бываетъ причиною такихъ искушеній. Почему же теперь не считаютъ искушеніемъ, дьявольскимъ навожденіемъ богатство, при помощи котораго такъ легко нарушается обѣтъ постничества и нищеты? Почему не называютъ соблазнителями тѣхъ, которые вносятъ богатія приношенія на братію и этимъ препятствуютъ ей и *алкати, и жаждати и напсовати*. Скажутъ, что обѣтъ дѣвства и цѣломудрія есть самый важный для монаховъ. Въ важности и въ необходимости его я нисколько не сомнѣваюсь, но думаю, что обѣты постничества не только не ниже, но даже важнѣе его; и думаю такъ на основаніи чина постриженія въ малую схиму. Въ немъ, какъ сказано въ 1ой ч. 7го отд., на самый первый вопросъ

игумена: *что пришель еси брате?* постригаемый отвѣчаетъ: *постническаго житія желаю*; а потомъ въ 5мъ вопросѣ игумень спрашиваетъ: *пробудеши ли въ постничество до послѣдняго твоего издыханія*; тогда какъ о дѣвствѣ говорится въ одномъ 6мъ вопросѣ безъ прибавленія словъ: *до смерти, или до послѣдняго издыханія*. Конечно еслибы къ постнической жизни, къ тѣсотѣ м-ва кто либо насильно принужденъ былъ, ну тогда бы онъ имѣлъ право жаловаться на свое положеніе; чтобы онъ не алкалъ, ни жаждалъ, ни не былъ нагимъ, слѣдовало бы, даже позволительно было бы позаботиться о его нѣкоторомъ довольствѣ. Но постриженный въ отвѣты на 4ой и 5ый вопросы отвѣчаетъ, даже кланется, что онъ поступаетъ въ м-во *вольною своею мыслию*, даже не *отъ нѣкяя нужды и насилія*. Т. о. к-ся ясно доказано, что скудость содержанія м-щихъ, если бы она была на самомъ дѣлѣ, еще не есть для нихъ несчастье. Можно даже прибавить, что они ей должны радоваться. *И егда, говорить игумень постригаемому, сія вся постраждеши* (въ этихъ страданіяхъ поставлено и *алкати и жаждати и нагствовати*) *радуйся*, глаголетъ Господь, *яко мзда твоя многа на небесехъ*.

Но не безпокойтесь г. ч. отъ моихъ словъ о бѣдности, какъ необходимой принадлежности иноческой жизни. Вѣдь все это относится только къ теоріи. А теорія и практика нигдѣ не находятся въ такомъ разладѣ между собою, какъ здѣсь. Если даже и встрѣчается дѣйствительно бѣдный монастырь, т. е. въ сравненіи съ другими, то настоятели умѣютъ помогать этому между прочимъ тѣмъ, что сокращаютъ число братіи не замѣчая убылыхъ мѣстъ; притомъ изъ подобныхъ монастырей сама братія любитъ переходить въ другіе. Тогда содержаніе бѣдное для 20 человѣкъ дѣлается очень сноснымъ для 10. Разрѣшивши вопросъ о бѣдности монастырей съ теоретической, церковной точки зрѣнія, обратимся къ дѣйствительной жизни, займемся разсмотрѣніемъ тѣхъ средствъ, которыми м-щая братія поддерживаетъ свое матеріальное существованіе.

Часть первая.

Доходы, монастырей отъ Правительства.

Доходы монастырей такъ разнообразны и такъ часто измѣняются по мѣстнымъ условіямъ, что ихъ всѣ пересчитать

нелегко. Поэтому напередъ прошу извиненія, если описаніе ихъ будетъ неполно. Они могутъ быть раздѣлены на два рода. Одни получаютъ отъ правительства, другія отъ частныхъ людей. Правительство оказываетъ пособіе монастырямъ 1) деньгами, 2) прислугою и 3) различными такъ называемыми угодами.

1) По отношенію къ жалованью монастыри раздѣляются на штатные и заштатные, а первые кромѣ того на первоклассные, второклассные и третъеклассные. Заштатные монастыри не получаютъ никакого денежнаго пособія отъ казны. Изъ штатныхъ монастырей высшая цифра назначается первокласснымъ, а низшая третъекласснымъ. Сверхъ того лавры, ставропигальныя монастыри состоятъ на особыхъ положеніяхъ. Полныхъ свѣдѣній относительно этого предмета я не имѣю; поэтому долженъ ограничиться нѣкоторыми частностями. По отчету Об. Пр-ра синода за 1842 г. (стр. 12) въ западныхъ епархіяхъ кievской, литовской, митлевской, подольской, полоцкой и волынской ежегодно отпускается изъ казны въ каждый мужеской монастырь 1го класса 3185 р., 2го класса 2220 и 3го кл. 1540 р. серебромъ. Въ этомъ случаѣ Кіеву, к-ся, выпало счастье; на тамошнюю лавру казна даетъ 5309 р. 88 коп., а на прочія монастыри 15,710 р. 47 коп. и кромѣ того въ замѣнъ угодовъ 432 р. 51 коп. серебромъ. Но въ другихъ епархіяхъ кромѣ перчисленныхъ выдается на монастыри сумма не менѣе этихъ цифръ; напр. по отчету Об. Пр-ра синода за 1836 г. назначено выдавать сергіевской пустыни 3952 руб. 68³/₄ коп., старохарьковской 2610 р. 32¹/₂ к., зилантовой 2593 р. 11¹/₄ к., и на пять монастырей иркутской монархіи 12,859 руб. по 2571 руб. 40 коп. на каждый, на воронежскій митрофановъ 3328 руб., но только ассигнаціями, а не серебромъ, какъ въ западныхъ епархіяхъ. Т. о. въ великорусскихъ монастыряхъ братія получаетъ отъ казны небольшое жалованье, напр. въ третъеклассныхъ по словамъ одного старца іеромонахи и іеродьяконы по 24 руб. асс. въ годъ. Впрочемъ отцы настоятели и здѣсь далеко превышаютъ братію, получая напр. во второклассныхъ монастыряхъ по 600 руб. асс. *)

*) Въ N. 283 „Голоса“ 1865 г. сказано: „Получаютъ настоятели Лавръ 40,000—60,000. Настоятели монастырей 1го класса 10,000—30,000, 2го класса 5000—10,000, 3го класса 1000—5000 рублей. Иверская 100,000 руб.“ Въ Троицкой Лаврѣ всѣ доходы за годъ 500,000 руб. сер. должно думать даже больше.

2) Прислуга полагалась на монастыри, смотря по ихъ классамъ напр. въ монастыряхъ второклассныхъ 17, и въ третьеклассныхъ 12 человѣкъ. Она состояла изъ государственныхъ крестьянъ, отдѣлявшихся отъ общества для этой специальной цѣли. Служа монастырю, они были избавлены отъ податей и к-ся отъ рекрутства; послѣ 25 лѣтъ своей службы должны были возвращаться въ общество и замѣнялись новыми. Если прибавить, что дѣти монастырскихъ служителей принадлежали обществу государственныхъ крестьянъ, то очевидно, что сами служители были не болѣе, какъ временные, но вмѣстѣ обязательные монашескіе лакеи и черноработчіе. Но они издавна не пользовались хорошою репутаціею и для поддержанія дисциплины между ними, для внушенія доброй нравственности употреблялись розги или чрезъ полицію, или даже въ самой святой обители. Въ этомъ отношеніи былъ весьма замѣчательнъ Экономъ одной лавры, котораго называли по созвучію его имени *барономъ*. Онъ тоже своихъ *штатныхъ* (такъ обыкновенно назывались обязательные служители) отсылалъ сначала въ полицію для наказанія. Тамъ уже имъ задобрены были напередъ и частный приставъ и кварталный надзиратель; даже полицейскіе солдаты, исполнители экзекуцій получали подарки; притомъ по тогдашнимъ обычаямъ наказанный долженъ былъ заплатить за розги по одной копѣйкѣ ассигнаціями за каждый ударъ. Служители просили, чтобы ихъ лучше наказывали въ монастырскихъ стѣнахъ, тутъ и розги были даровыя, да и свой братъ служитель будетъ посписходительнѣе полицейскаго. О. Экономъ уважилъ эту просьбу, но производилъ экзекуціи, примѣняясь къ монастырскому духу. Первоначально онъ читалъ виновному проповѣдь о важности его проступка, объ оскорбленіи имъ и божескихъ и человѣческихъ законовъ, о томъ, что виновный долженъ считать себя счастливымъ, если его накажутъ въ этой жизни, п. ч. онъ сдѣлается лучше, да кромѣ того не будетъ наказанъ на томъ свѣтѣ. Послѣ и о. экономъ, и виновный, и всѣ присутствующіе должны были молиться Богу о прощеніи сдѣяннаго виновнымъ грѣха; затѣмъ уже начиналась экзекуція. Если ее нужно было сдѣлать очень продолжительною, то приказываемо было остановиться; тогда вновь принимались молиться и т. д. Но даже при такихъ и имъ подобныхъ дисциплинарныхъ средствыхъ монастырскіе служители не очень улучшались; ихъ держали, п. ч. они были даровые, но всегда ими тяготились и многихъ увольняли за небольшой оброкъ на вольныя работы. Но если штатный былъ достаточный

человѣкъ, или могъ добывать хорошія деньги своимъ ремесломъ; ну тогда другое дѣло; его требовали уже въ монастырь, и онъ для получения свободы долженъ былъ откупаться порядочнымъ оброкомъ, да еще подарочками отцу казначею и пр. Послѣ манифеста 19 февраля 1861 г. правительство нашло невозможнымъ оставлять государственныхъ крестьянъ въ крѣпостной, хотя и временной зависимости отъ монастырей; но въ замѣнъ положило выдавать вмѣсто того 307,850 руб., сумму, которая тѣмъ выгоднѣе для братіи, что изъ подоженной по штату прислуги достаточно имѣть половину, а иногда и менѣе; въ такомъ случаѣ выдаваемыя правительствомъ деньги есть уже чистый доходъ для монастыря. Лучше всего слова мои подтвердитъ слѣдующее вычисленіе; раздѣливъ 307,850 р. на 377 (число штатныхъ монастырей мужескихъ и женскихъ, равно какъ и архіерейскихъ домовъ, которые тоже имѣли казенныхъ служителей) увидимъ, что среднимъ числомъ на каждый архіерейскій домъ, или монастырь приходится по 816 руб. 57 коп. Можно еще сдѣлать другое вычисленіе. По таблицамъ отчета Об. Пр-ра 1861 г. за NN. 1 и 2 число всѣхъ м-щихъ въ архіерейскихъ домахъ, въ штатныхъ мужескихъ и женскихъ монастыряхъ по штатамъ должно быть 6980 (на самомъ дѣлѣ въ 1860 г. было только 5467) человѣкъ, не считая послушниковъ, которые не только не получаютъ прислуги, но и сами — монастырскіе служители. Раздѣливъ 307,850 на 6980, увидимъ, что правительство среднимъ числомъ для прислуги каждому штатному монаху положило по 44 руб. Конечно изъ этой суммы очень много досталось архіерейскимъ домамъ, но за всемъ тѣмъ монастыри остались крайне довольными, получивши вмѣсто служителей деньги и очень щедрыя.

3) Такъ называемыя угодыя, которыми правительство снабжало и доселѣ снабжаетъ монастыри, состоятъ изъ различныхъ предметовъ, напр. рыбныхъ ловль, или тоней, водныхъ мельницъ, луговъ, пахотной земли, лѣсовъ; есть еще другія угодыя, которыхъ даже вы, г. ч. и не предполагаете. По к. м. инѣ при всемъ моемъ знакомствѣ съ монастырями вовсе не приходило въ голову, чтобы какой либо изъ нихъ получалъ огромныя выгоды, отъ чего бы вы думали? — . . . . . Отъ моста. А м. т. въ отчетѣ Об. Пр-ра за 1861 (стр. 21) пишется, что «Костромскому ипатьевскому монастырю выдано 4423 р. 20 к. въ вознагражденіе за отошедшій изъ его власти мостъ черезъ рѣку Кострому.» Выгоды отъ прочихъ угодьевъ очень разнообразны; тутъ главную роль играетъ мѣстность. Начнемъ съ рыбныхъ ловль, или тоней.

Эта статья издавна доставляла, огромный доходъ александровской лаврѣ, которая имѣетъ на Ладожскомъ озерѣ богатые тони. Онѣ до намѣстника Аарона приносили незначительный доходъ, но онъ возвысилъ плату за нихъ на очень большую цифру. Определенно я ее не знаю; но Об. Пр-ръ въ отчетѣ за 1847 г. (стр. 80) пишетъ, что «за Якимварскую усадьбу съ рыбными ловлями и другими угодами валаамскаго монастыря, отданную финляндскому правительству, велѣно ежегодно выдавать 5515 руб.» И эти деньги составляютъ богатый доходъ; но у лавры есть еще другія рыбныя ловли. Касательно прочихъ монастырей я немного имѣю свѣдѣній. При Императорѣ Николаѣ была, какъ говорили тогда, тяжба у астраханскаго архіерейскаго дома или какого-то монастыря съ казною, или частнымъ лицомъ не помню, за рыбныя ловли на Каспійскомъ морѣ, которыя приносили доходъ не въ одинъ десятокъ тысячъ рублей ассигнаціями. Но вотъ и официальный документъ. По тому же отчету «санктпетербургскому женскому монастырю вмѣсто предоставленія рыбной ловли выдается ежегодно по 500 р. Судя по сему, надобно полагать, что эта статья каждому монастырю приноситъ не одну сотню, а въ иныхъ мѣстахъ и тысячу рублей.

Доходы отъ мельницъ зависятъ отъ мѣстности и правительствомъ оцѣниваются неодинаково, напр. по отчетамъ Об. Пр-ра за 1838 (стр. 79) положено выдавать новгородскому воскресенскому деревяницкому монастырю 300 руб. асс., а макасовскому троицкому дѣвичьему по 500 руб. асс. въ замѣнъ отобранныхъ у нихъ мельницъ въ казну. На самомъ дѣлѣ многіе монастыри получаютъ отъ мельницъ по 500 и 600 рублей, и даже огромные доходы. Такъ напр. есть пустынь флорищенская во Владимірской губерніи; проживавшій въ ней работникомъ крестьянинъ рассказывалъ, что она владѣетъ мельницею, которую отдаетъ на откупъ арендатору, — за какую плату крестьянинъ не знаетъ. Но зато, по его словамъ, монастырь выговорилъ у арендатора, чтобы съ каждой смолотой четверти хлѣба брать не очень большое количество муки. И этой-то муки, собираемой по малости, не только достаточно для пропитанія всей братіи, послушниковъ, рабочихъ и всего вообще люда, будто до 150 человекъ, которые содержатся на счетъ монастыря, но еще продается за излишествомъ огромное количество ея. Вотъ эта такъ мельница - кормилица.

О надѣлѣ штатныхъ и не штатныхъ монастырей выгодными землями по 30 десятинамъ на нужды былъ указъ при

Павлѣ 1мъ (1797 г. Дек. 18 д. собр. зак. XXIV т. стр. 821 No. 18,273). Въ какой степени онъ исполненъ, я незнаю, но, очевидно, не оставался же онъ мертвой буквой. Послѣ вѣроятно, сочли 30 десятинъ земли недостаточнымъ количествомъ для монастыря и начали прибавлять ее и притомъ очень щедро. Напр. изъ отчетовъ Об. Пр-ра синода видно, что съ 1842—1861 г. въ теченіи 20 лѣтъ 168 монастырямъ отмежевано было 16,879 десятинъ. Если это число раздѣлить на 168, то окажется, что среднимъ числомъ каждый монастырь получилъ по 100 десятинъ. Разсматривая же частности, увидимъ, что наименьшее число получили въ 1846 г. 12 монастырей, именно 672 десятины; и тутъ впрочемъ среднимъ числомъ на долю каждаго досталось по 56 десятинъ. Но иные монастыри уже слишкомъ щедро были награждены; напр. получили а) въ 1859 г. четыре монастыря 642 дес., а б) въ 1854 г. три монастыря 451 дес. и слѣдовательно среднимъ числомъ въ первомъ случаѣ каждый 160, а во второмъ 150 дес. Наконецъ въ 1858 г. одному изъ самыхъ богатыхъ монастырей въ Россіи именно троицко-сергіевской лаврѣ пожаловано 1240 десятинъ лѣсу. Но монастыри съ давнихъ временъ получаютъ отъ добродѣтельныхъ дателей въ подарокъ, или сами покупаютъ болѣе, или менѣе значительные участки земли. Поэтому неудивительно, что ее въ настоящее время по к. м. при нѣкоторыхъ очень много; напр. въ N. 23 Дня 1865 г. (стр. 546) напечатано, что 24мъ новгородскимъ монастырямъ принадлежитъ 9641 дес. земли, слѣд. среднимъ числомъ болѣе, нежели по 400 дес. каждому. Но это малость; а вотъ не угодно ли знать, что такое въ этомъ отношеніи Саровская пустынь. По отчету Об. Пр-ра синода за 1861 г. (стр. 21—22) ей разрѣшено вести лѣсное хозяйство въ ея дачѣ на пространствѣ 6000 десятинъ. Не думайте, чтобы у этой обители только и есть 6000 дес. земли; нѣтъ она владѣетъ еще огромнымъ количествомъ десятинъ лѣсу, луговъ, пашни. А въ 6000 дес. ей дозволено только вести лѣсное хозяйство, т. е. раздѣлить ихъ на извѣстное число участковъ, рубить ежегодно одинъ изъ нихъ, но такъ, что когда вырубится послѣдній участокъ, первый уже въ то время опять будетъ доставлять отличный лѣсъ. *Т. о. у Саровской пустыни торговля лѣсомъ будетъ продолжаться до скончанія вѣка.* Остановимся на 6000 десятинахъ, онѣ въ Тамбовской губерніи, гдѣ лѣса уже почти выведены. Если даже оцѣнить каждую десятину въ 100 руб., то и тогда получится громадный капиталъ въ 600,000 руб. Но саровскій лѣсъ нужно оцѣнить не сравненно выше; это,

можно сказать, дѣственный, первобытный вѣковый лѣсъ; тутъ есть безчисленное множество деревьевъ годныхъ на мачты огромныхъ линейныхъ парусныхъ кораблей. Однажды такое дерево было куплено англичанами — одно за нѣсколько сотъ рублей. Но вотъ еще фактъ для оцѣнки богатства лѣсной дачи Саровскаго монастыря. Извѣстно, что въ сосновыхъ деревьяхъ смолистый сокъ просачивается сквозь такъ называемую кожуру и застывая на ея поверхности, составляетъ твердую массу, называемую въ деревняхъ *ст-рою*. Это, т. е-тъ, нашъ янтарь. Въ вѣковыхъ саровскихъ деревьяхъ сосновая сѣра выступаетъ въ огромномъ количествѣ, имѣетъ прекрасныя качества и употребляется въ разныя издѣлія. За эту-то сѣру саровская пустынь получаетъ по 12,000 руб.; за сѣру только 12,000 руб.!!! Кромѣ того въ этихъ лѣсныхъ дачахъ множество пней, изъ которыхъ добывается огромное количество бочекъ смолы; святая обитель имѣетъ свои смоляные заводы, на которыхъ, какъ въ какомъ либо скиту, живетъ для надзора, кто либо изъ братіи. Послѣ этого всякую десятину саровскаго лѣса надобно оцѣнить не въ 100, а м. б. вдвое, даже впятеро болѣе. Чего все это будетъ стоить? Чего стоитъ вся вообще земля; принадлежащая Саровской пустыни? Тутъ уже нужно пустить въ ходъ не сотни тысячъ, а милліоны рублей. Это конечно самый рѣдкій примѣръ; но есть и другія обители тоже съ большимъ количествомъ земли. Не давно собирали свѣдѣнія, сколько находится поземельной собственности при церквахъ и монастыряхъ; напрасно ихъ не обнародовали, тогда бы мы узнали то громадное количество десятинъ луговой, пахатной и лѣсной земли, которое находится во владѣніи нашихъ иноковъ, давшихъ обѣтъ нищеты.

Часть вторая.

О доходахъ, которые получаютъ монастырями отъ кладбищъ и по сборнымъ книжкамъ.

Всѣ перечисленныя доселѣ статьи доходовъ, конечно, еще не составляютъ огромной цыфры, но въ штатныхъ монастыряхъ можно бы ими содержаться безбѣдно, а въ саровской пустыни и нѣкоторыхъ другихъ — даже богато, особенно если бы м-щіе подобно своимъ великимъ образцамъ

и предшественникамъ въ Фивандскихъ степяхъ занимались рукодѣльными работами и продажею ихъ увеличивали средства къ своему содержанію; тогда право, они бы не имѣли конечно богатыхъ рясъ, подрясниковъ и поясовъ, не раскостовали въ трапезѣ, но и не алкали, не жаждали, не оставались нагими, какъ имъ предрекаетъ при постриженіи игумень. Наши м-щѣ, получая выше описанные доходы преимущественно отъ правительства, не отвергають приношеній отъ мірянъ и мірянокъ — которыхъ считаютъ по теоріи соблазнительными и соблазнительницами своими; — и посредствомъ множества этихъ приношеній вмѣсто аскетической ведутъ жизнь очень комфортабельную. Начнемъ-те свое описаніе съ тѣхъ доходовъ, которые получаютъ монастырями отъ покойниковъ, или за покойниковъ.

Вельможные, чиновные и вообще богатые люди въ теченіи своей земной жизни не любятъ сближаться, и особенно вмѣстѣ жить съ какими либо пролетаріями и даже съ лицами среднихъ классовъ. Имъ какъ будто и въ могилѣ не хочется быть вблизи тѣхъ, отъ которыхъ они въ жизни устранились. Поэтому для нихъ отыскиваются мѣста не на общихъ, а на особенныхъ, т. е-тъ привилегированныхъ кладбищахъ. Монастыри ловко воспользовались этою аристократическою даже загробною спѣсью. Почти въ нихъ во всѣхъ непремѣнно есть кладбища или въ монастырской оградѣ, или въ близкомъ разстояніи отъ нее. На этихъ-то кладбищахъ погребаются, р-ся, настоятели и братіи. Но тутъ же успокоиваться вѣчнымъ сномъ предоставляется богатымъ, чиновнымъ и вельможнымъ людямъ.

За такую честь эти люди, или уже ихъ родственники должны быть благодарными и выражать свою благодарность очень щедрыми приношеніями, которыя назначаются самими монастырями. Лѣтъ за 25 тому назадъ въ Петербургѣ плата за могилы и погребеніе на кладбищѣ александровской лавры до того возвысилась, что ею стали затрудняться даже богатые купцы и аристократы; и жалобы дошли до Государя Императора. При произведенномъ дознаніи открылось, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ за могилу и погребеніе брали до 12,000 руб. асс. Послѣ того заставили понизить таксу до 1000—1500 руб. сер. Объ этомъ обстоятельствѣ упомянуто въ общихъ выраженіяхъ въ отчетѣ Об. Пр-ра синода за 1841 г. (стр. 45) и 1843 г. (стр. 53). Нынѣ такса опять, какъ слышно, поднялась, вѣроятно въ слѣдствіе всеобщей дороговизны. Но монастыри и прочихъ городовъ стараются подражать столицѣ и не упускають своихъ выгодъ. Въ

апрѣлѣ 1863 года у одного очень небогатаго чиновника умеръ сынъ младенецъ. На кладбищѣ монастыря того города, гдѣ жилъ чиновникъ, находилась уже могила его родныхъ, за которую внесена была въ свое время требуемая сумма. Въ этой-то самой могилѣ и думали погребсти младенца. Но когда отецъ явился къ одному изъ братьевъ, распорядившемся могилами, то послѣдній потребовалъ еще 15 руб. за оплаченную уже могилу. Какъ ни доказывалъ чиновникъ несправедливость такого требованія, но распорядитель былъ неумолимъ. Ректоръ семинаріи и вмѣстѣ *настоятель монастыря*, когда къ нему обратились, притворился невиннымъ и сказалъ, что онъ тутъ ничего не можетъ сдѣлать, что этимъ дѣломъ завѣдываетъ (р-ся по приказанію его же отца ректора) такой-то. А вѣдь многонокъ за младенца, погребаемого въ оплаченной уже могилѣ требовать 15 руб. въ какомъ либо провинціальномъ городѣ! Притомъ и выносъ и погребеніе совершалъ приходскій священникъ. Впрочемъ послѣ долгихъ переговоровъ и по причинѣ нѣкоторыхъ стороннихъ обстоятельствъ братъ — распорядитель сдѣлалъ какую-то уступку упрямому чиновнику.

Описываемая статья дохода не ограничивается деньгами за могилу. Монастырская братія часто участвуетъ въ выносѣ тѣла покойника и въ отпѣваніи его; за это не только получаетъ особую плату, но приглашается къ закускѣ, или къ обѣду, который слѣдуетъ за погребеніемъ. Въ монастыряхъ большихъ городовъ по причинѣ огромныхъ разстояній даже есть особыя комнаты, гдѣ совершаются эти тризны; въ александровской лаврѣ такая комната находится подѣ такъ называемою надворотною церковью. Но помины возобновляются въ девятый, двадцатый, сороковой дни, чрезъ полгода и годъ послѣ смерти покойника, потомъ иные родные и послѣ прѣзжаютъ даже по нѣскольکو разъ въ годъ *помянуть* его; р-ся, во всѣхъ этихъ случаяхъ служатся обѣды, или по к. м. панихиды, за которыя плата поступаетъ въ монастырскую кассу. Далѣе многіе желаютъ, чтобы умершихъ ихъ родственниковъ на всѣ будущія времена поминали на проскомидіи, чтобы даже совершали известное число обѣденъ, или панихидъ за нихъ. Для этого опять нужны денежныя вклады. Въ этомъ случаѣ монастырская братія иногда усердіе къ пользамъ своимъ простираетъ далеконокъ. Она нерѣдко убѣждаетъ мірянъ, даже деревенскихъ жителей, что поминovanje усопшихъ въ монастыряхъ совершается усерднѣе и неопустительнѣе, что даже молитвы тутъ успѣшнѣе, нежели въ приходскихъ церквахъ; — «мы-де

монахи принадлежимъ къ ангельскому чину и ближе къ небожителямъ, нежели священники - женатые люди, почти что міряне.»

Такъ или иначе, по суммы, вносимыя въ монастыри для вѣчныхъ поминовъ, очень значительны. Бѣдные простодушные люди отдаютъ свои маленькіе рубли и просятъ записать родныхъ своихъ въ синодикъ; лица болѣе догадливые и менѣе довѣрчивые сами вписываютъ, или при себѣ просятъ вписать тѣ имена, за вѣчный поминъ которыхъ дѣлаютъ взносъ. Деньги эти немедленно поступаютъ въ общую монастырскую кассу, не отдѣляются отъ нее и тратятся со всѣми прочими деньгами на обыденныя нужды обители. Богатые люди въ этомъ случаѣ надѣются иначе расположить монастыри къ вѣчному поминовенію ихъ усопшихъ родныхъ. Они вносятъ большую, или меньшую сумму въ кредитныя учрежденія и оставляя капиталъ неприкосновеннымъ, предоставляютъ монастырямъ пользоваться процентами съ него съ обязательствомъ поминать тѣ или другія лица. Эти - то неприкосновенные капиталы составляютъ очень доходную статью въ монастыряхъ. Количество ихъ можетъ опредѣлить государственный коммерческій банкъ, въ которомъ они помещены на вѣчныя времена, подъ названіемъ четырехъ - процентныхъ билетовъ. Въ числѣ 64хъ милліоновъ этихъ денегъ есть конечно деньги приходскихъ Церквей, казенныхъ мѣстъ и пр. Но по всей вѣроятности тутъ почетная цифра принадлежитъ и монастырямъ.

Впрочемъ покойники все - таки доставляютъ монастырямъ менѣе выгодъ, нежели живые; притомъ доходы отъ послѣднихъ очень разнообразны. Начнемъ описаніе ихъ съ такого дохода, по которому можно видѣть и несходство и сходство нашихъ монастырей съ католическими. Извѣстно, что изъ послѣднихъ ежегодно рассылаютъ чуть не по всему земному шару миссіонеровъ съ евангельскою проповѣдію; между ними встрѣчаются лица, которыя своими подвигами и трудами напоминаютъ первыхъ проповѣдниковъ христіанства; имъ иногда приходилось запечатлѣвать свое благочестіе усердіе кровію и смертію. Наши м - щіе, по правдѣ сказать, не любятъ отличатся апостольскою ревностію даже въ самомъ русскомъ царствѣ между инородцами и магометанами. Въ отчетѣ Об. Пр - ра за 1861 г. (стр. 45—59) перечислены, вѣроятно, всѣ наши миссіи и описаны болѣе замѣчательныя подвиги миссіонеровъ. Самая многолюднѣйшая изъ миссій — алтайская состоитъ изъ 7 іеромонаховъ, 7 послушниковъ, одного священника, одного дьякона, но находится подъ на-

чалствомъ протоіерея Ландышева. Прочихъ миссій поименовано 18, но между миссіонерами, къ нимъ принадлежащими, упомянуты изъ монаховъ только архимандритъ Арсеній и іеромонахъ Макарій, а прочіе купецъ Ситниковъ, Гилякъ и священники Вишневскій, Малковъ, Литвинцевъ, Родіоновъ, Заровняевъ, Суворовъ, Веняминовъ, Громовъ, Гижигинскій, Ситхинскій и Удскій; послѣдніе три, к-ся, называются не по фамиліямъ, а по мѣсту службы. Но наше м-во, предоставляя заниматься обращеніемъ язычниковъ и магометанъ въ православіе преимущественно бѣлому д-ву, м. т. посылаетъ нѣчто въ родѣ миссіонеровъ, но съ экономическою цѣлю. Въ этомъ отношеніи онъ подражаетъ Афону, изъ котораго ежегодно отправляется множество такъ называемыхъ сборщиковъ въ Россію, Грецію, въ разныя турецкія области. И изъ нашихъ также монастырей каждый годъ подаются прошенія къ епархіальнымъ начальствамъ о дозволеніи такому-то изъ братьи собирать подаянія на обитель; и о снабженіи его книжкою за скрѣпою члена и секретаря и за печатью к-ріи. Вотъ съ такими-то книжками и странствуютъ наши монастырскіе миссіонеры-сборщики по всѣмъ концамъ русской имперіи; изъ могилевской, волынской губерніи пробіраются за Уралъ, изъ Архангельска въ Одессу и пр.

Я согласенъ исполнѣ съ Благовѣщенскимъ въ томъ, что сборщикамъ съ Афона, равно какъ изъ Іерусалима и другихъ мѣстъ турецкой имперіи можно доставать деньги гораздо легче и въ большемъ количествѣ, нежели нашимъ. *Тѣ* сердечные, разсуждаетъ нашъ народъ, въ Афонѣ были, Царьградъ видѣли, — въ нихъ значить и благодати больше (стр. 180); а *наши* свои люди, не Богъ знаетъ откуда пріѣхали, — *Тѣ* могутъ разсказывать про чудеса великія, про турокъ, про заступничество царицы небесной, про то, какъ эта царица являлась имъ во снѣ и велѣла обратиться къ русскимъ за помощію (стр. 181); а *наши* что ни начни говорить, все это не такъ занятно для мужика и купца, да притомъ сразу кто либо изъ слушателей скажетъ: «полно тебѣ врать, я самъ тамъ былъ.» Почетнѣйшіе изъ *тѣхъ* объяви только въ газетахъ, что вотъ-де мы пріѣхали, живемъ тамъ-то, не сите скорѣе къ намъ деньги и какъ говорилъ русскій монахъ г. Благовѣщенскому, они «сидятъ себѣ въ кельѣ, двери раскрыты, а народъ къ нимъ валомъ валить, да все не простые какіе либо, а господа;» а «*наши* всю жизнь ходи да кланяйся по кабакамъ да трактирамъ: гдѣ выругаютъ, гдѣ запросто вытолкаютъ, и рѣдко кто копѣйку дастъ; . . . цѣлую жизнь ходи, озираючись, что сраму-то одного набе-

решься». *Ть* «дѣйствительно собираютъ въ Россіи огромныя суммы, такъ напр. одинъ афонскій монахъ въ трехъ уѣздахъ Вятской губерніи набралъ 20,000 руб. (N. 201 С. II. 6. вѣд. 1864 г.); и потому привозятъ на Афонъ по нѣскольку тысячъ русскихъ полуимперіаловъ, кромѣ драгоценныхъ вещей»; но и *наши* не возвращаются въ монастырь съ пустыми руками; иначе не стали бы ѣздить. Для полученія обильныхъ приношеній они не могутъ конечно рассказывать ни про Царьградъ, ни про Святую землю, ни про Синай-гору, ни про заступничество и явленіе во снѣ богородицы; но и у нихъ есть средства къ пробужденію усердія и къ щедрости въ народѣ. Тутъ чаще всего играетъ ролю бѣдность обители, ея будтобы запустѣніе, развалившійся храмъ господень; иногда въ темномъ какомъ-либо закоулкѣ поговорятъ и объ угодникахъ, покровительствующихъ монастырю, о чудесахъ, которые тамъ бывали и пр. Но главнымъ, т. е-ть, стимуломъ здѣсь употребляется обѣщаніе вѣчнаго и ежедневнаго помина на проскомидіи, вѣчной и ежедневной молитвы о прощеніи грѣховъ подающаго. Въ этомъ отношеніи наши м-ще похожи на католическихъ. У послѣднихъ, какъ пишется въ *Le Maudit* (2 т. 132—133 стр.), *рай въ другомъ мѣстѣ есть ходячая монета, которую отцы духовные щедро расточаютъ своимъ духовнымъ дѣтямъ*. «Церковь васъ благословитъ, говоритъ (т. 1. стр. 11) госпожѣ Клавьеръ отецъ Бриффаръ, и наша святая обитель будетъ вѣчно молиться за свою благодѣтельница.» Подобныя слова и у насъ имѣютъ силу. Русскій человѣкъ часто бываетъ способенъ забыть, или за житейскими хлопотами не успѣваетъ помолиться хорошенько; а ему тоже хочется, если не своими, что чужими молитвами получить хоть въ будущей жизни блаженство. И вотъ отсчитываютъ не копѣйки уже, а рубли сборщику, просятъ его записать имена: онъ записываетъ. Поступая т. о. сборщикъ набираетъ м. б. и не имперіалы, но все таки копѣйки, пятаки, гривны, рубли, которые всѣ и мѣняются на болѣе, или менѣ крупные кредитные билеты. Черезъ мѣсяць, черезъ два послѣ отъѣзда сборщика монастырь начинать получать черезъ почту по сотнѣ, по двѣ и т. д., наконецъ онъ и самъ является съ очень полнымъ карманомъ, выпоражниваетъ его предъ о. настоятелемъ, отдаетъ отчотъ по книжкѣ; но будьте увѣрены, что развѣ рѣдкій подобно упомянутому у г. Благовѣщенскаго афонскому старцу въ 19 лѣтъ (стр. 185 и 186) не оставитъ у себя чего нибудь. Но за этимъ не гоняются; вѣдь все таки привезъ и прислалъ порядочное количество. Впрочемъ въ послѣднее время число сборщиковъ отъ мона-

стырей и церковей слишкомъ увеличилось; говорили, что во время коронаванія нынѣ царствующаго Императора оказалось ихъ въ Москвѣ болѣе 800. Надобно же было хотя для вида что нибудь сдѣлать. По словамъ отчота Об. Пр-ра (за 1856 г. стр. 49) синодъ имѣлъ разсужденіе, что обычай собирать въ пользу монастырей и церковей добровольныя приношенія посредствомъ выдаваемыхъ изъ *к-рий* книгъ *распространился до чрезмѣрности*, что отъ легкаго приобрѣтенія умножились сборы на несущественныя нужды церковныя; отчего сборы на истинныя нужды церковныя дѣлаются скуднѣе, благотворители теряютъ довѣріе къ сборщикамъ и пр. Поэтому синодъ указалъ выдавать сборныя книжки только на существенныя надобности въ бѣдныхъ приходахъ.

Оставляя въ сторонѣ финансовый вопросъ, подивимся тому, какимъ образомъ до сихъ поръ не подумаютъ, возможно ли каждый день поименно поминать на проскомидіи всѣхъ тѣхъ, которые или вписаны дѣйствительно, или надѣются быть вписанными въ синодики монастырскіе? Вѣдь такихъ лицъ въ иномъ монастырѣ, напр. на Афонѣ, въ Іерусалимѣ, а у насъ въ троицко-сергіевской, кіево-печерской лаврахъ, соловецкомъ и другихъ монастыряхъ не тысячи, а сотни тысячъ (нѣтъ ли даже милліоновъ?); кромѣ того ежедневно, особенно тамъ, гдѣ скопляется множество богомольцевъ, подается огромное количество просфоръ за здравіе и за упокой. Какимъ же образомъ совершается на проскомидіи ежедневная поименная перечень всѣхъ лицъ, которыхъ берутся поминать на вѣчныя времена? Тысячи, десятки, сотни тысячъ именъ пересчитать — много нужно времени; а число поминаемыхъ растетъ, растетъ и разрастется чуть не до безчисленности. Тутъ не только можно удивляться, но даже *кое-что не понимать, кое что подозревать*. Остается развѣ подражать Ивану Васильевичу Грозному, который, поручая одному изъ монастырей поминать многое множество замученныхъ и казненныхъ имъ людей, но дошедши до Новгородца, увидѣлъ невозможность поименно перечислить всѣ жертвы своей жестокости, а просилъ только поминать: *тѣмъ темъ новгородцевъ избѣженныхъ*. Такъ и совершающимъ проскомидію въ монастыряхъ, не приходится ли сказать: *помини, Господи, тѣмъ темъ записанныхъ въ наши синодики, или тѣхъ, которыхъ мы обѣщались поминать и получили за это деньги?* Пусть обычай этотъ служить утешеніемъ для многихъ умирающихъ и еще для большаго числа скорбящихъ о нихъ. Но надобно вести дѣло такъ, чтобы въ головы мірянъ не заходила и тѣнь сомнѣнія относительно возможности

поминовения. Въ приходской церкви будутъ помянуть вѣчно, п. ч. тутъ вѣчный поминъ рѣдко касается 20—30 человекъ. А какъ, позвольте спросить, въ монастыряхъ ежедневно помянуть десятки, сотни тысячъ, даже миллионы именъ? Недавно, желая обстоятельно узнать, какимъ образомъ совершаются поминны, я имѣлъ разговоръ съ іеромонахомъ одного изъ богатыхъ нашихъ монастырей. Отъ него я узналъ, что въ ихъ обители синодикъ состоитъ уже изъ шести огромныхъ, по его выраженію, библій елизаветинскихъ временъ и въ каждой изъ нихъ записаны сотни тысячъ именъ. Чтобы кто либо удостоился вѣчнаго ежедневнаго помина на проскомидіи, за того нужно внести ломбардный порядочной суммы билетъ, проценты съ котораго идутъ въ пользу поминающей братіи. Это, т. е. ть, аристократія покойниковъ; къ среднему ихъ сословію принадлежатъ тѣ, за которыхъ внесена средней величины сумма (іеромонахъ не открывалъ мнѣ цифръ), тѣхъ поминаютъ на проскомидіи однажды въ годъ; а затѣмъ прочіихъ плебеевъ уже покойниковъ, за поминъ съ которыхъ даны только рубли, поминаютъ особымъ оригинальнымъ образомъ. Одинъ монахъ, или послушникъ читаетъ молча во время богослуженія псалтирь по вѣмъ вообще покойникамъ, записаннымъ въ монастырскій синодикъ и на каждое изъ такъ называемыхъ *славъ* по очереди поименовываетъ сколько нибудь изъ нихъ. Сколько же разъ, спросилъ я, въ годъ каждого помянуть? «Чтобы? Сколько разъ? Мы хлопочемъ о томъ только, чтобы въ годъ однажды помянуты были имена всѣхъ записанныхъ покойниковъ,» отвѣчалъ мнѣ монахъ. Вотъ вамъ и поминъ монастырскій! Вотъ за что берутъ рубли и десятки рублей!

Часть третья.

О часовенныхъ доходахъ.

Тѣ, къ которымъ монастырскіе сборщики, обращаются, живутъ далеко; ѣздить часто къ нимъ нельзя. Но къ удовольствію ищей братіи православные христіане сами даютъ ей обильныя приношенія, изъ которыхъ составляются огромныя суммы. Приношенія эти раздѣлимъ на два рода; для однихъ жертвователю нѣтъ надобности входить въ самый монастырь; они собираются въ особыхъ вмѣстилищахъ, или

влагалищахъ, устроенныхъ внѣ его въ такъ называемыхъ часовняхъ; а другія вносятся уже въ самый монастырь; первыя назову *внѣшними, часовенными, кружечными*, а вторыя *внутренними монастырскими доходами*.

Часовни у насъ устроиваются едва ли не при каждой церкви. Но часовни монастырей и простыхъ церквей во многихъ отношеніяхъ различаются между собою. Церковныя б. ч. состоятъ изъ деревяннаго или каменнаго столбика аршина въ два вышиною съ деревянною повѣточкою въ видѣ триугольника; къ столбику прикрѣпляется небольшая икона. Встрѣчаются также часовни изъ маленькихъ деревянныхъ, или каменныхъ домиковъ съ ветхими иконами. Р-ся, при часовнѣ прикована кружка для приношеній отъ добродѣтельныхъ дателей. Но монастырскія часовни отличаются отъ церковныхъ сравнительнымъ, а иногда и дѣйствительнымъ великолѣпіемъ. Б. ч. онѣ каменныя, находятся преимущественно у воротъ монастырскихъ, вдѣланы въ самую ограду, или составляютъ особенное помѣщеніе. Въ послѣднемъ случаѣ придаютъ имъ очень изящный видъ, устроиваютъ ихъ напр. въ видѣ воротъ съ аркою и съ крестомъ наверху. Часовенки изъ столбиковъ въ монастыряхъ рѣдко употребляются. Затѣмъ во всякой монастырской часовнѣ, если есть возможность, помѣщается уже множество образовъ хорошихъ, даже въ окладахъ; предъ иконами стоятъ подѣвѣчники, висятъ ломпадки, горятъ свѣчи, или масло; входъ въ часовню весьма часто изъ желѣзной рѣшотки, такъ что проѣзжающимъ нельзя не замѣтить ея. Но для пробужденія ихъ вниманія употребляется особенный будильникъ. При каждой почти монастырской часовнѣ во всякое время сидитъ, или даже имѣетъ постоянную комнату какай либо сторожъ, иногда послушникъ, или даже кто либо изъ братіи. Имъ дается въ руки выходящій нынѣ изъ употребленія церковный кошелекъ, т. е. небольшая палочка, къ одному концу которой привѣшенъ кожаный мѣшочекъ. Съ такимъ-то кошелькомъ состоящій при часовнѣ подходитъ къ каждому проѣзжающему и проситъ подаенія, или напоминаетъ ему звономъ колокольчика, который обыкновенно прикрѣпленъ къ кошельку. Колокольчикъ этотъ очень звонокъ; мнѣ случалось ѣзжать въ дилижансахъ, почтовыхъ каретахъ, тарантасахъ, на удалыхъ русскихъ тройкахъ; и, не смотря на стукъ экипажа, часовенный монастырскій колокольчикъ напоминалъ, что тутъ есть часовня. Т. о. проѣзжій особенно ночью церковной часовни не замѣтитъ; иногда полѣнится къ пей подойти и только сидя на телегѣ перекрестится. Но монастырская ча-

совня непременно обратить его вниманіе своими горящими свѣчами и лампадкама, своими блестящими окладами на иконахъ и подсвѣчникахъ; а главное дѣло, сторожъ и его колокольчикъ сейчасъ *пробудятъ* не только задумавшагося, но даже и заснувашаго путника, который притомъ можетъ и не слѣзая съ экипажа; услужливый сторожъ съ кошелькомъ самъ подбѣжитъ, да еще поклонится. Въ послѣдніе годы инженеры надѣлали много хлопотъ монастырямъ, мимо которыхъ пролегали большія дороги; здѣсь часовни были устроены самымъ приспособительнымъ образомъ. Но вотъ проводится шоссе совѣмъ съ другой не рѣдко съ задней стороны монастыря саженьяхъ въ 100, даже и гораздо болѣе; потомъ еще прокладывается желѣзная дорога и опять гдѣ либо въ новомъ направленіи. Съ шоссе скоро управлялись; выстроивалась, хотя бы и сзади монастыря, даже за версту отъ него новая и притомъ очень великолѣпная часовня; издержки скоро вознаграждались. Съ желѣзными дорогами трудно ладить; промчитя, пролетитъ поѣздъ съ 300 пассажировъ и никто ничего не подастъ; тутъ и звонокъ не поможетъ. Но за-то начали появляться небольшія часовни у вокзаловъ, а иногда встрѣчаютъ васъ на платформѣ и старецъ съ кошелькомъ и колокольчикомъ: скоро, м. б., дѣла пойдутъ еще лучше прежняго. Приходскимъ церквамъ позволяютъ ставить часовню только вблизи себя; но монастыри устрояютъ свои часовни даже въ отдаленныхъ, особенно губернскихъ и столичныхъ городахъ. Т. о. въ Петербургѣ имѣютъ часовни коневскій и валаамскій, въ Москвѣ боровскій и др. монастыри. Мѣста для такихъ часовенъ выбираются видныя, около которыхъ проходитъ множество народа; въ этомъ случаѣ мѣщѣ обнаруживаютъ отличную сообразительность, въ чемъ очень недавно убѣдился самъ Петербургъ.

Вы, г. г. петербургскіе жители, сколько разъ проходили мимо площади между Невскимъ проспектомъ, городскою думою, перинною линіею и гостинымъ рядомъ. Думалия вы, что въ этой площадкѣ скрывается почти настоящій золотой калифорнскій, или сонорскій рудникъ? Вы развѣ только сердились на нее въ грязное время. Но вотъ пріѣхавшій съ Афона старецъ — монахъ понялъ, что — занявши частичку этого мѣста, онъ откроетъ для святой горы неизсякаемый источникъ богатства; — и потому просилъ о дозволеніи построить тутъ часовню. Дѣло совѣмъ уладилось бы, еслибы въ то время не явился въ Петербургъ настоятель вновь учрежденнаго монастыря въ такъ называемой гуслицкой сторонѣ московской губерніи. Онъ умѣлъ доказать, что не

зачѣмъ деньги отъ будущей часовни отдавать на Афонъ и что лучше ихъ предоставить новой обители, а она употребитъ уже ихъ на обращеніе раскольниковъ, которыхъ такъ много близъ нее. Гуслицы одержали побѣду надъ Афономъ, часовня въ византійскомъ вкусѣ выстроена купцомъ, Григоріемъ Петровымъ, получившимъ за то орденъ Анны 3й ст. Скоро всѣ увидали, какъ старцы-монахи, не занимаясь геологіей, умѣютъ угадывать гдѣ скрывается золото. Внутри часовни по стѣнамъ поставили иконы съ богатыми блестящими окладами, огромными подсвѣчниками, съ толстѣйшими восковыми свѣчами; зажгли множество свѣчъ; народъ толпами бросился къ этой часовнѣ. Хоть никакой не было тутъ чудотворной иконы, но отличная обстановка произвела чудо; служили молебны, ставили свѣчи, клали всякія монеты и даже кредитные билеты. Помните еще, какъ долго надобно было ждать, чтобы имѣть возможность отслужить молебенъ и даже приложиться, или поставить свѣчу къ иконамъ; и нынѣ еще почти никогда, кромѣ ночи не увидите часовни этой безъ богомольцевъ, а главное дѣло безъ вкладчиковъ. Не знаю, сколько гуслицкая обитель обратила раскольниковъ въ православіе; — к-ся, въ этомъ можно поусомниться. Гуслицы остаются до сихъ поръ центромъ самага упрямаго, ничѣмъ неизлечимаго старовѣрства, которое даже отлагается отъ московскихъ старообрядцевъ, имѣеть уже, какъ пишетъ г. Субботинъ въ Русскомъ Вѣстникѣ, своего епископа Антонія, — ясное дѣло {расколъ не уменьшился; но зато деньги, которыя обѣщались употреблять на обращеніе послѣдователей его, посылались въ монастырскую кассу. При этомъ кстати уже докончить исторію афонскаго старца, потерпѣвъ поражение въ Петербургѣ, онъ началъ было хлопотать о постройкѣ на выгодномъ мѣстѣ часовни въ древней нашей столицѣ; но тутъ ему сказали, что у насъ своихъ монастырей много и устроили часовню въ пользу одного изъ богатѣйшихъ русскихъ монастырей.

О часовенныхъ монастырскихъ доходахъ знаетъ совѣсть братій и тѣхъ людей, которые состоятъ, т. е-тъ, въ штатѣ при часовняхъ. Братія конечно, по всей вѣроятности, ведетъ запись доходовъ, но едва ли захочетъ сказать о нихъ вамъ, міряне. Впрочемъ она получаетъ только ту часть, которую считаютъ нужнымъ ей представить состоящіе въ штатѣ часовень. Отъ нихъ-то дѣйствительно можно бы узнать настоящую правду. Но они въ этомъ отношеніи народъ молчаливый, не открываютъ ея; зато она обнаруживается иначе. Если сборщикомъ при какой либо часовнѣ бываетъ

солдатъ, мѣщанинъ и пр., то будьте увѣрены, что онъ уже не бѣденъ, даже можетъ записаться деньжонками и на не предвидѣнные обстоятельства, *на черный день*. Мнѣ извѣстенъ одинъ монастырь, гдѣ лѣтъ за десять такой сборщикъ въ одинъ годъ успѣлъ построить себѣ домикъ на ту часть денегъ, которую онъ отдѣлялъ изъ часовеннаго сбора. Даже сборщики при часовняхъ изъ самой монастырской братин, хотя и не строятъ домовъ себѣ, но живутъ лучше, нежели ихъ собраты, и особенно находятъ возможность помогать тѣмъ, кому захотятъ помочь. Все это извѣстно и настоятелямъ и братин; но что же дѣлать? Смѣни одного, другой не будетъ честнѣе. А м. т. все-таки часовенныя кружки доставляютъ хорошия доходы. Они, р-ся, слыхкомъ не одинаковы, но въ общемъ своемъ итогѣ и въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ даже громадны. Здѣсь я укажу на самыя богатыя часовни и во первыхъ на ту петербургскую, о которой сейчасъ только говорилъ. Сборы въ ней, особенно сначала, были до такой степени огромны, что само петербургское бѣлое д-во окрестныхъ церквей стало опасаться уменьшенія своихъ доходовъ; въ нѣкоторые дни собиралось по нѣсколько даже сотъ рублей. Устроившій эту часовню упустилъ изъ виду только одно для себя благопріятное обстоятельство: ему бы слѣдовало испросить позволеніе возить какую либо икону изъ часовни по домамъ для молебныхъ пѣній предъ нею, какъ это дѣлается въ Москвѣ съ Иверскою иконою. Тогда бы доходы отъ часовни достигли до сотенъ тысячъ. Ну а теперь все-таки они должны уступать иверской московской часовнѣ, находящейся при вѣздѣ въ Иверскія ворота и приписанной къ Перервинскому монастырю. О доходахъ этой часовни рассказы принимаютъ мифическую характеръ. Въ книгѣ о. у. д. у. (т. 2. стр. 500) говорится, что даже послушники, при ней состоящіе, имѣютъ возможность кушать уху въ 15 руб. сер.; это уже Лукуллы въ подрясникахъ, перетянутыхъ ремнемъ. Есть достовѣрныя свидѣтельства, что сборъ здѣсь ежегодно простирается даже за 100,000 руб., по к. м. такъ было въ холерный 1843 годъ и пр. Конечно эти двѣ часовни-аристократки между себѣ подобныи. Но уменьшите ихъ доходы въ 10, въ 100, даже въ 1000 разъ, и тогда все таки можно построить часовенку, украсить ее даже великолѣпно, приставить къ ней особаго сборщика, позволить послѣднему самому понаживаться, — обитель не будетъ въ убыткѣ и станетъ получать такіе проценты, какихъ не даетъ ниодно изъ кредитныхъ учреждений. Вотъ почему монастыри хлопчутъ о

томъ, чтобы имъ дозволено было строить часовни особенно въ столицахъ. И если бы такая постройка не требовала Высочайшаго разрѣшенія, то Москва и Петербургъ имѣли бы на своихъ улицахъ и площадяхъ многое множество часовенъ. Но при нынѣшнемъ порядкѣ такое дѣло не легко; даже, т. е. г. низшія инстанции отказываютъ въ мѣстахъ для монастырскихъ часовенъ. Такъ поступила московская новая городская дума въ 1863 году.

Въ заключеніе рѣчи о часовенныхъ монастырскихъ доходахъ не будетъ излишнимъ разсказъ о недавно случившемся событіи. Въ одномъ изъ нашихъ городовъ одинъ іерархъ пригласилъ къ себѣ на обѣдъ по особому случаю въ числѣ другихъ гостей и почтеннѣйшее, т. е. богатѣйшее купечество. Послѣ обѣда наши почтеннѣйшіе негодіанты удостоены были новаго приглашенія кушать кофе въ кабинетѣ іерарха; при этомъ только почти одни они были, и кофе разливался самимъ хозяиномъ. Честь была необыкновенная, восторгъ былъ неописанный. Тутъ хозяинъ повелъ рѣчь о томъ, что нынѣшнее время оскудѣло въ благочестивыхъ людяхъ, что нынѣ бросаютъ сотнями, тысячами на театры, зрѣлища и другія мірскія увеселенія, а стали забывать святыхъ обители. Далѣе онъ началъ говорить, что вотъ такая-то обитель (между нами сказать — одна изъ самыхъ богатѣйшихъ въ Россіи), состоящая подъ его начальствомъ стала оскудѣвать; ей даже грозитъ въ будущемъ совершенное обнищаніе. Для предотвращения столь горестнаго событія онъ находитъ лучшимъ средствомъ устроить часовню на одномъ самомъ людномъ мѣстѣ его резиденціи. Но часовня должна быть великолѣпная, а средства обители скудны. И потому высокопочтеннѣйшій хозяинъ обратился къ почтеннѣйшимъ гостямъ съ просьбою помочь этому дѣлу. Гости, подготовленные къ щедрости оказаннымъ имъ отличіемъ и вниманіемъ, не уранили себя, собрали точчасъ же сумму, на которую бы можно было построить очень хорошую приходскую церковь. Въ какой степени разсказъ этотъ вѣренъ, я не знаю; но я его слышалъ въ томъ городѣ, гдѣ событіе совершалось, отъ многихъ лицъ свѣтскихъ и духовныхъ; одно изъ нихъ узнало обо всемъ отъ участвовавшего въ обѣдѣ. По к. м. изъ разсказа видно, какимъ золотымъ рудникомъ для монастырей считаются часовни, если надѣются ими богатѣйшіе монастыри сдѣлать еще богатѣе. А это здѣсь и нужно намъ.

Часть четвертая.

О внутреннихъ доходахъ монастырей и о томъ, отчего мощи св. угодниковъ и чудотворныя иконы находятся преимущественно въ монастыряхъ.

Отъ вѣшнихъ, или часовенныхъ монастырскихъ доходовъ переходимъ теперь къ внутреннимъ, составляющимся изъ многочисленныхъ приношеній деньгами, вещами, припасами и пр., которыя въ монастыри жертвуются богомольцами, или присылаются отъ почитателей монастырской святыни. Главнымъ побужденіемъ къ этимъ приношеніямъ служитъ существующее въ русскомъ народѣ убѣжденіе, что мірянинъ легче всего можетъ удостоиться прощенія своихъ грѣховъ и милости господней въ монастыряхъ; для этого онъ или самъ долженъ молиться въ нихъ, или поручить себя молитвамъ обитателей ихъ. Такое убѣжденіе преимущественно зависитъ отъ благоговѣнія, которое имѣютъ у насъ къ чудотворнымъ иконамъ и мощамъ св. угодниковъ. Но эти двѣ святыни русскаго народа преимущественно сохраняются въ монастырскихъ оградахъ. Есть конечно онѣ въ соборахъ, въ приходскихъ церквахъ, но здѣсь б. ч. не привлекаютъ къ себѣ поклонниковъ изъ отдаленныхъ мѣстъ; только окрестные и мѣстные жители *чествуютъ* ихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ доставляютъ нескудное, а иногда и богатое содержаніе бѣдому д-ву. Но такихъ иконъ и мощей очень немного въ не монастырскихъ церквахъ. Напротивъ монастыри весьма изобилуютъ ими; притомъ тутъ сосредоточены всѣ тѣ изъ нихъ, которыя пользуются особымъ уваженіемъ цѣлой Россіи, или какой либо значительной ея части. Вотъ почему стекаются сюда со всѣхъ ея концовъ и богомольцы и приношенія.

Нельзя не остановиться здѣсь и не спросить отчего это чудотворныя иконы и мощи угодниковъ преимущественно сосредоточены въ 614 монастыряхъ, а не въ 33000 соборныхъ, приходскихъ, и кладбищенскихъ церквахъ. Конечно защитники монастырей здѣсь прежде всего укажутъ на то, что канонизованные русскою церковію святые преимущественно принадлежали къ княжескимъ родамъ, или къ м-щимъ лицамъ. И такъ какъ тѣ и другія б. ч. погребались въ монастыряхъ, то вовсе нѣтъ ничего удивительнаго, что и мощи русскихъ угодниковъ оказались въ нихъ же и здѣсь

остаются до сихъ поръ. Не смотря на видимую основательность этого довода, я впрочемъ думаю, что обилію мощей преимущественно въ монастыряхъ способствовали и человѣческія средства. Не стану разъяснять бой пунктъ дух. регл. (общія дѣла) о томъ, что относительно мощей *много ниплутано*. Но много есть поводовъ сказать, что сосредоточенію чудотворныхъ иконъ и мощей въ монастыряхъ способствовали представители церкви, — высшее наше духовное начальство. Въ подтвержденіе своей мысли хочу указать на разные факты. 1) Воронежскій святитель Митрофанъ погребенъ былъ въ каѳедральномъ соборѣ; здѣсь же открыты были его нетлѣнныя мощи. Но вскорѣ воронежскій епископъ Антоній донесъ, что будто бы жители Воронежа въ знакъ особеннаго уваженія къ святителю и чудотворцу Митрофану просятъ обратить соборъ въ мужескій монастырь. Синодъ на это согласился, дабы, какъ сказано въ отчетѣ Об. Пр-ра за 1836 г. (стр. 14) *мѣсту покоя мощей святителя придать болѣе благолѣпія*. Тутъ приходятъ въ голову многіе вопросы; что за нужда и охота была жителямъ Воронежа желать того, что приписываетъ имъ пр. Антоній? Впрочемъ пусть они просили. Почему же люди умнѣ ихъ, нашли желаніе ихъ основательнымъ? Неужели въ самомъ дѣлѣ св. Митрофану болѣе оказано уваженія и мѣсту покоя мощей придано болѣе благолѣпія отъ того, что церковь, гдѣ они почиваютъ, станетъ называться не каѳедральнымъ соборомъ, а монастыремъ? Неужели соборъ, какъ соборъ, нельзя сдѣлать благолѣпнымъ? Неужели менѣе было бы уваженія къ святителю, когда бы молебны ему стали служить священники, а не монахи? Какъ бы-то ни было, соборъ обратили въ монастырь и настоятелемъ послѣдняго сдѣлался епархіальный архіерей! *Вотъ идѣ вся и суть!* Архіерею нельзя быть настоятелемъ собора и пользоваться его доходами, а въ монастырѣ, которымъ онъ управляетъ, цѣлая треть ихъ принадлежитъ ему. 2) Въ одной изъ калужскихъ церквей стоявшій издавна крестъ пользовался особешнымъ уваженіемъ мѣстныхъ жителей. Онъ въ 1812 г. сопровождалъ калужское ополченіе. Но по возвращеніи послѣдняго крестъ не возвратился въ церковь; его помѣстили въ особомъ мѣстѣ загородомъ, нынѣ тутъ уже отличный каменный домъ, весьма хорошій храмъ, кладбище для богатыхъ людей; все это обнесено оградой, официально еще не признано монастыремъ, но служба церковная и молебныя пѣнія кресту совершаются м-щими и получаемые доходы идутъ не въ прежнюю Церковь, или вообще на бѣлое бѣдное калужское д-во, а *мѣстному*

архіерею и служащимъ при немъ монахамъ. 3) Какъ бы въ доказательство того, что присвоеніе иконъ *удается только монастырямъ и архіерейскимъ домамъ*, было событіе въ Калужской же губерніи. Въ церкви находящагося вблизи Калуги села Калужки есть икона Божіей Матери, первоначально принадлежавшая фамиліи Хитровыхъ, — помѣщиковъ означеннаго села. Икона эта въ большомъ уваженіи у жителей калужской губерніи; ее во время общественныхъ бѣдствій переносятъ на время въ Калугу и ставятъ въ каеедральномъ соборѣ. Такое событіе случилось въ 1812 г., когда Калуга была въ опасности отъ Французовъ. По минованіи опасности собору захотѣлось оставить икону на всегда у себя якобы въ память спасенія города отъ нашествія непріятели. Въ этомъ случаѣ поддержаль притязанія собора и епархіальный начальникъ, у котораго, кстати сказать, нѣтъ особой церкви, такъ что соборъ служитъ вмѣстѣ и крестовою его. Синодъ утвердилъ мнѣше калужскаго архіерея. Но представитель фамиліи Хитровыхъ прапорщикъ Хитровъ подалъ на Высочайшее имя жалобу. Коммиссія прошеній положила возвратить икону въ церковь села Калужки; мнѣше ея утверждено Государственнымъ Совѣтомъ и Императоромъ вопреки опредѣленію Синода (XXXIV т. собр. зак. стр. 58. 5го Фев. 1817 г. No. 26658). 4) Въ холеру 1848 г. народъ сталъ обращаться съ молитвою къ иконѣ, помѣщавшейся въ одной приходской церкви Москвы, ожидая отъ нея защиты, какъ отъ чудотворной. Конечно чудотворность ея не была признана синодомъ; въ такомъ случаѣ слѣдовало бы произвести обстоятельное дознаніе происходящихъ близъ нее явленій, или въ избѣжаніе какихъ либо *гумлений* скрыть ее въ совершенно неизвѣстное мѣсто. Но ее взяли изъ приходской церкви, не скрыли, а поставили въ высокотетровскомъ монастырѣ, гдѣ отъ поклонниковъ ея въ первый годъ на долю настоятеля досталось по слухамъ до 3000 руб. Она еще и доселѣ въ томъ же монастырѣ. 5) Хлопоты объ улучшеніи быта бѣлаго д-ва открыли весьма замѣчательный, даже неожиданный фактъ. Въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ почиваютъ издавна мощи многихъ св. угодниковъ. Въ немъ ежедневно богослуженіе совершается соборнымъ причтомъ. К-ся, ему бы слѣдовало отправлять и молебны, которые пожелаютъ служить поклонники. Анъ-нѣтъ! Оказалось, что молебны поются монахами архіерейскаго дома; р-ся и доходы достаются имъ же и архіерею. Доходы эти очень значительны, такъ какъ соборный причтъ официально объявилъ, что быть его вполне будетъ обезпеченъ, если только ему

позволять служить молебны мощам угодниковъ и употреб-
лять въ свою пользу получаемыя за то приношенія. 6) Образъ
Божіей Матери въ Москвѣ въ часовнѣ при Иверскихъ воро-
тахъ, о которомъ уже я говорилъ принадлежалъ Архангель-
скому собору; но при митрополитѣ Платонѣ его причислили
къ перервинскому монастырю, гдѣ настоятельствуяютъ мо-
сковскіе митрополиты. Тогдашній кафедральный протоіерей
подавалъ даже жалобу на такое присвоеніе; производившееся
по этому случаю дѣло хранится доселѣ въ архивѣ москов-
ской к-рии. Особа разсказывавшая мнѣ объ этомъ присвоеніи
за годъ тому назадъ, прибавила, что настоятель гуслицкого
монастыря имѣетъ намѣреніе получить во владѣніе своей
обители находящуюся надъ Варварскими воротами въ Мо-
сквѣ икону, изъ за которой въ прошедшемъ столѣтїи убили
московскаго архіерея Амвросія. Икона теперь принадлежитъ
одной небогатой церкви на Солянкѣ. Но отцу настоятелю
кажутся недостаточными доходы отъ Петербургской часовни
близъ гостинаго ряда; онъ общается устроить не только
часовню, но даже церковь для московской иконы, только
бы ее отдали во владѣніе гуслицкой обители. Разсчитъ вѣр-
ный; убытка, по к. м. въ первые годы, не будетъ. Уда-
стся ли это *ближее* намѣреніе? Увидимъ. Но подобныя при-
тязанія обнаруживаются и въ другихъ мѣстахъ. Въ сель-
ской церкви одной изъ подмосковныхъ губерній есть тоже
икона, на поклоненіе которой стекается много народа. Игу-
менья женскаго монастыря, находящагося въ сосѣднемъ го-
родѣ, уже просила архіерея, чтобы икона были перенесена
въ ея обитель; — прошеніе не удалось, но его попробуютъ
возобновить. Всѣ перечисленные мною примѣры, конечно не
могутъ служить неопровержимымъ доказательствомъ общаго
правила, но съ другой стороны не случайны и не един-
ственны. Если въ очень недавнее время мощи, иконы и
кресты, которыя привлекали многихъ къ себѣ поклонниковъ,
высшія духовныя власти, т. е-ть, взяли у бѣлаго д-ва и
передали черному, или лучше присвоили себѣ; если и те-
перь святыя обители обнаруживаютъ подобныя притязанія;
то почему не предположить, что въ старину подобнымъ
образомъ очень нерѣдко мощи угодниковъ и чудотворныя
иконы дѣлались принадлежностію монастырей? Хорошо если-
бы человекъ болѣе меня знакомый съ этимъ предметомъ
занился имъ; впрочемъ, р-ся, духовная цензура противъ
такихъ изслѣдованій возстанетъ, какъ противъ ереси.

Теперь займемся внутренними монастырскими доходами
отъ богомольцевъ; изберемъ для примѣра замечательнѣйшіе

и богатѣйшіе изъ нашихъ монастырей. Конечно между максимум и минимум можетъ быть большое различіе, но по максимум можно кое что заключать и о минимум и особенно о промежуточныхъ цифрахъ. Начнемъ съ троицко-сергіевской лавры. Знаете ли, г. ч., что она ежегодно получаетъ не доходъ, а почти капиталъ отъ такого предмета, о которомъ вы и не думаете, разсуждая о богатствѣ этой обители? Угадайте, сколько рублей ей приноситъ продажа просфоръ, приготовленіемъ которыхъ занимаются 6—8 чело-вѣкъ монастырскихъ работниковъ. Такъ, — узнайте, что однихъ просфоръ въ лаврѣ ежегодно продается на 24000 р.; это я слышалъ отъ одного каедральнаго провинціального протоіерея, которому сообщилъ о томъ нынѣшній намѣстникъ лавры. Для меня по к. м. знать это было также неожиданно, какъ и то, что саровская пустынь отъ сосновой сѣры полу-чаетъ 12000 руб. Вычислимъ приблизительно число этихъ просфоръ; онѣ продаются по одной, по двѣ и т. д. копѣйки; положивъ, что среднимъ числомъ каждая стоитъ по 3 коп., увидимъ, что ихъ продается отъ лавры въ годъ 800000. Кромѣ того богомольцы имѣютъ возможность покупать ихъ и внѣ лавры, т. е. ть, *по вольной продажѣ*; т. о. число всѣхъ просфоръ можно положить до милліона. Но каждая изъ нихъ покупается для того, чтобы ее подать на проскомидію, и при каждой непременно прилагается какая либо монета, м. б. бѣдные поклонники даютъ копѣйку, но за то сколько людей жертвуютъ 5, 10 копѣекъ, даже рубль и б. Доходъ отъ этого долженъ быть по к. м. вдвое и даже втрое болѣе, нежели отъ продажи просфоръ. Обѣ эти статьи доходовъ считаются въ лаврѣ второстепенными. Къ первостепеннымъ принадлежитъ выручка за продаваемые восковыя свѣчи, кружечный и тарелочный сборъ. Развѣ рѣдкій изъ богомольцевъ не поставитъ своей свѣчи; всякій непременно положитъ какую либо монету на тарелку, или въ кружку, съ которыми во время богослуженія ходятъ по церкви. Конечно тутъ много копѣекъ, но сколько гривенниковъ, четвертаковъ и кредитныхъ билетовъ? Вычислить всю свѣчную и кружечную сумму нельзя стороннему чело-вѣку; о ней можно бы узнать отъ самой лавры. Но очевидно, что тутъ играетъ главную роль число богомольцевъ. Сколько же ихъ? Вотъ нѣкоторые изъ данныхъ. Въ лаврѣ ежедневно накрывается столъ для бѣдныхъ богомольцевъ; по приблизительному исчисленію въ одномъ году оказалось, что въ теченіи его объ-дало болѣе 300000 чело-вѣкъ. Но это вѣдь бѣдный народъ. Сколько же теперь не-бѣдныхъ поклонниковъ? При раз-

борѣ статистики русскихъ городовъ въ Эпохѣ или Русскомъ Словѣ (не припомню хорошенько) за Июнь или Июль 1864 г. число посѣтителей лавры полагается до милліона; к-ся, эта цифра не преувеличена. Сколько отъ этого милліона получится денегъ за восковыя свѣчи и въ кружку? Для разрѣшенія этого вопроса трудно избрать среднюю цифру; положимъ ее въ 10 копѣекъ съ каждаго богомольца; въ такомъ случаѣ получимъ 100000 рублей. Чтобы хоть сколько нибудь убѣдиться въ этомъ, постарайтесь занять мѣсто близъ свѣчнаго ящика и послѣдите, какое, огромное количество свѣчъ продается особенно въ праздники, какую сумму приносить на тарелкѣ послѣ обхода по церкви; тогда вы увидите, что мое вычисленіе очень скромно. Далѣе богомольцы служатъ молебны и притомъ не только преподобному Сергію въ соборѣ, но и другимъ святымъ въ Церквахъ никоновской, мидеевской, въ палаткѣ пр. Сергія, а также и панихиды за упокой души Максима Грека. М. б. и нѣтъ опредѣленной таксы за всѣ такія службы; впрочемъ не соглашаются служить всякому и за малыя приношенія. Но затѣмъ сколько служится молебновъ и панихидъ, за которыя платится не менѣе рубля, и даже по 5—10 рубл. и болѣе. Имѣйте терпѣніе побыть недѣлку въ лаврѣ, постоять отъ утрени до обѣдни, послѣ обѣдни и вообще въ то время, какъ во всѣхъ перечисленныхъ выше мѣстахъ покоятся молебны; тогда и поймете, какое множество ихъ въ цѣлый годъ случится. Сколько же получите за нихъ рублей? Много, очень много. Но троицко-сергіевская лавра получаетъ множество другихъ доходовъ, напр. отъ двухъ огромнѣйшихъ гостинницъ, отъ лавокъ подъ ними и около монастырской ограды при входѣ во святые ворота, отъ лѣсныхъ дачъ и другихъ угодьевъ, отъ продажи картинъ, деревяннаго масла, которому придается значеніе чудотворнаго, даже отъ кладбища, отъ множества домовъ въ Москвѣ, занятыхъ трактирами, харчевнями, отъ часовенъ и пр. и пр. и пр.

Въ кіево-печерской лаврѣ доходы отъ богомольцевъ почти также собираются, какъ и въ троицко-сергіевской, только едва ли не всѣ въ увеличенныхъ размѣрахъ. И не удивительно; Кіевъ существовалъ и процвѣталъ, когда и Москвы, и Сергіевского посада не было. — Кіевская святыня своими чудесами, количествомъ святыхъ мощей привлекали поклонниковъ, когда ни преподобнаго Сергія, ни преподобнаго Никона еще не существовало. Кіево-печерская обитель есть русскій и Афонъ, и Иерусалимъ, и Синай. Обращаясь къ фактамъ, встрѣтимъ подтвержденіе своей мысли. Выше за-

мѣнено, что продажа просфоръ, для печенія которыхъ въ троицко-сергіевской лаврѣ приставлены 6—8 человекъ, доставляетъ ей доходу 24000 руб. Но въ киево-печерской занимаютъ этимъ дѣломъ до 15 человекъ, и кромя того продаютъ просфоры въ огромномъ множествѣ горожанками. Т. о. здѣсь продажа просфоръ, подача ихъ на проскомидію доставляютъ, по всей вѣроятности, вдвое болѣе доходу, нежели въ троицко-сергіевской лаврѣ. Большое число богомольцевъ киевскихъ, р-ся, увеличиваетъ не только просфорные и проскомидные доходы, но и свѣчные, кружечные и молебные. Только въ Кіевѣ есть нѣсколько благопріятныхъ обстоятельствъ, которыхъ нѣтъ въ Сергіевскомъ посадѣ. Богомольцы киевскіе непреимѣнно посѣщаютъ такъ называемыя пещеры, гдѣ почиваютъ въ такомъ множествѣ святые угодники. Тутъ прежде всего надобно купить свѣчу восковую, чтобы ея свѣтомъ уменьшать темноту, господствующую въ пещерахъ. Далѣе кто хаживалъ по нимъ, тотъ долженъ помнить, какое тоже множество разставлено кружекъ, или тарелокъ, въ которыя кладутъ свои лепты поклонники, приложившись къ мощамъ; есть также тарелки и въ сергіевской лаврѣ, но число ихъ никакъ не можетъ равняться съ числомъ киево-печерскихъ. Конечно бѣдные богомольцы проходятъ по пещерамъ, не дѣлая, или мало дѣлая приношеній; но съ ними тамъ и обращаются не очень ласково. А если вы хотите видѣть къ себѣ вниманіе, не заслужить подозрѣнія въ недостаткѣ уваженія къ святынямъ, которой поклоняетесь, то непреимѣнно должны класть на тарелки и въ кружки что либо; и потому лица, не запасшіяся мѣдною монетою, а м. т. не желающія заслужить косые взгляды руководителей по пещерамъ, по выходѣ оттуда, не досчитываются порядочной суммы въ своемъ кошелькѣ. Потомъ киево-печерской лаврѣ принадлежатъ огромные пчельники, на которыхъ пчелиныя улья считаются тысячами. И медъ конечно имѣетъ свою цѣну, но со всѣхъ пчельниковъ собирается огромное количество воску. Для передѣлки его въ свѣчи у лавры есть свои свѣчные заводы. Т. о. тутъ свѣчи церковныя не покупаются, но продаваясь также, какъ и въ прочихъ церквахъ и монастыряхъ, доставляютъ не сравненно большіе доходы, нежели какіе могли бы получаться при покупкѣ ихъ у вольныхъ торговцевъ. При такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ киево-печерская лавра по своимъ *внутреннимъ* доходамъ стоитъ гораздо выше троицко-сергіевской.

Въ послѣднее время много заставили говорить о себѣ задонскій и воронежскій монастыри, изъ которыхъ въ пер-

вомъ почиваютъ мощи св. Тихона, а во второмъ св. Митрофана. Объ открытіи мощей послѣдняго мнѣ не удалось собрать подробныхъ свѣдѣній; ихъ уже начали забывать; но открытіе мощей св. Тихона у всѣхъ еще въ свѣжей памяти. И по газетамъ и по отчету Об. Пр-ра въ это время собралось богомольцевъ не менѣе 250000. Между ими были конечно и бѣдные, но огромное количество принадлежало къ достаточнымъ и богатымъ классамъ п. ч. разнороднѣйшіе экипажи пріѣхавшихъ занимали не только дворы и улицы города, но и окрестныя мѣста и дороги на нѣсколько верстъ. И всѣ эти 250000 покупали не по одной свѣчѣ, положили на тарелки не по одной копѣйкѣ. Особенно замѣчательно и торжественно было время, когда стали обносить кругомъ церкви мощи угодника. Религіозный восторгъ богомольцевъ дошелъ тогда до энтузіазма, до экстаза. Народъ захотѣлъ составить, т. е-тъ, подстилку для крестнаго хода изъ своихъ приношеній матеріями и одеждою. И въ нѣсколько минутъ явилась эта подстилка изъ толстаго слоя самыхъ разнообразныхъ вещей, — отъ грубой деревенской ткани до самой лучшей шерстяной и шолковой матеріа; бросали послѣднія кусками, снимали съ себя платки, шали, даже верхнія платья. Лица, участвовавшія въ крестномъ ходѣ, съ трудомъ могли двигаться по этой оригинальнѣйшей подстилкѣ. По причинѣ множества народа, стоявшаго внутри и внѣ монастыря, нельзя было собирать деньги чрезъ монастырскую братію и прислугу; ихъ давали тому, кто хотѣлъ быть сборщикомъ; иной подставлялъ свою шляпу, другой полу зипуна, или шинели, и все это быстро наполнялось монетами всѣхъ сортовъ и билетами. Довольно справедливо выразился одинъ жандармскій полковникъ, присутствовавшій при открытіи мощей св. Тихона: *«деньги тутъ собирались ворохами, а вещи возами.»* Но и послѣ этого событія Задонскъ и особенно монастырь его не остаются безъ посѣтителей, притекающихъ туда изъ всѣхъ концовъ Россіи; приношенія растутъ и достигли и еще болѣе достигнуть громаднхъ цифръ. При открытіи мощей св. Митрофана и послѣ того стеченіе народа и доходы отъ него были едва ли не болѣе, нежели въ Задонскѣ. Не смотря на трудность путей сообщенія, изъ самаго либеральнаго Петербурга сколько отправлялось пилигримовъ и особенно пилигримокъ, аристократовъ и аристократокъ чистѣйшей крови; съ благоговѣніемъ прикладывавалось къ мощамъ современника Петра Великаго; они и особенно онѣ съ неменьшимъ благоговѣніемъ лобызали десницу современнаго имъ тогдашняго живаго воронежскаго святителя.

Часть пятая.

Объ искусственныхъ средствахъ увеличивать монастырскіе доходы.

Въ поименованныхъ четырехъ и многихъ другихъ монастыряхъ ни настоятелю, ни братіи, повидимому, нѣтъ надобности употреблять какія либо искусственныя средства для привлеченія поклонниковъ въ свою обитель; они сами туда стремятся; ихъ не надобно только отталкивать, по к. м. очень грубо. Но и искусственными средствами почти нигдѣ не пренебрегаютъ; а стараются такъ принять и настроить поклонниковъ, чтобы они были щедрѣе къ обители, и своими разказами объ видѣнномъ и слышанномъ въ ней возбуждали въ слушателяхъ желаніе самимъ отправиться видѣть видѣнное и слышать слышанное другими. Что же это за искусственные средства? 1) Важные богатые и чиновные люди любятъ наслаждаться почотомъ и уваженіемъ, которыя имъ оказываютъ другіе. Поэтому они, пріѣхавши въ какой либо монастырь, сами постараются сдѣлать опытъ, чтобы убѣдиться, понимаютъ ли тутъ, какъ надобно принять особъ подобныхъ имъ; притомъ для ихъ тщеславія пріятно будетъ разказывать, съ какою вѣжливостію ихъ приняли. Съ этою цѣлію рѣдкій не пойдетъ къ настоятелю обители, или его намѣстнику отрекомендоваться «что вотъ-де я такой-то прибылъ сюда.» Тотъ и другой ласкаютъ подобныхъ посѣтителей почти всегда, какъ нельзя лучше; развѣ слишкомъ притязательный или очень умный, не любящій лести человекъ уйдетъ отъ нихъ съ неудовольствіемъ. Въ монастыряхъ же не очень важныхъ привѣтливость и предупредительность еще болѣе замѣтны, нежели въ богатѣйшихъ. Отдается приказъ содержателямъ гостинницъ, чтобы они тотчасъ же извѣщали о прибытіи какихъ бы-то ни было лицъ замѣчательныхъ по знатности, или по богатству. Смотри по степени важности прибывшаго, о. настоятель или самъ является къ нему, или поручаетъ кому либо поздравить его съ пріѣздомъ. Въ другихъ мѣстахъ настоятель, и братія, и послушники смотрятъ, нѣтъ ли въ церкви кого либо изъ почетныхъ людей. Въ обоихъ случаяхъ почетнаго богомольца съ умѣютъ встрѣтить и приласкать, вынесутъ ему просфору на блюдечкѣ, даже иногда постеляютъ коверъ подъ ноги. Молебенъ или панихиду для него отслужатъ торжественно, соборнѣ, подъ пред-

стоятельствомъ самого настоятеля. Тутъ иногда уже, какъ говорится, даже и *пересаливаютъ*. Въ 1864 г. одному богатому, по экономному барину нужно было, какъ говорятъ, помянуть сына погребеннаго въ одной изъ нашихъ богатѣйшихъ и знаменитѣйшихъ обителей. «И, какъ рассказывалъ самъ отецъ, думалъ покончить все поскромнѣе, попросить іеромонаха отслужить литію. Но дѣло устроилось иначе; для совершенія литіи явился безъ всякой моей просьбы самъ намѣстникъ настоятеля съ многочисленною братією, богослуженіе совершено самымъ торжественнымъ образомъ. И я, думая отдѣлаться какими либо 25-ю рублями, долженъ былъ за оказанную мнѣ почесть заплатить 500 рубл.»

Молебны и панихиды сами настоятели служить не можемъ, но за-то рѣдкаго почетнаго богомольца они не пригласятъ къ себѣ въ келью. Если приглашенный человекъ очень благочестивый, то его не только угостятъ чаемъ въ комнатѣ настоятеля, но попросятъ откушать въ общую трапезу, посадятъ на почетномъ мѣстѣ. Такой почетъ особенно любить купцы. Г. Благовѣщенскій весьма хорошо охарактеризовалъ русскаго богатаго купца на Афонѣ. «Видя себя предметомъ общаго вниманія, засѣдая на почетныхъ мѣстахъ . . . ., соблазняясь почетнымъ именемъ . . . . благодѣтеля монастырскаго, купецъ выпимаеъ мошну. Была-не была, скажетъ онъ старцамъ; — чѣмъ нашему брату на скверныя дѣла тратить деньги, лучше вамъ помочь; *спасайтесь-ка на мой счетъ*, отцы; только чуръ молиться шибче за мою душу, а какъ помру, такъ, значитъ, сорокоусты править . . . . Слышите ли?» У насъ конечно до такого экстаза не доходятъ, но вниманіе и угощеніе даромъ не пропадаютъ, а сугубо вознаграждаются. Нечего уже говорить, что за свѣчи, на тарелку, за молебенъ кладутъ не копѣйки, не гривны, а билеты кредитные, иногда очень крупные; купецъ этимъ не довольствуется. Черезъ нѣсколько времени пришлетъ богатый подвѣчникъ, сосудъ, великолѣпное облаченіе. Братія благодарна и за это, но еще благодарнѣе, когда придутъ нѣсколько подводъ, даже цѣлый обозъ съ разными съѣстными припасами и другими житейскими предметами. Смотря на почетъ, съ которымъ встрѣчаютъ богатыхъ людей въ монастыряхъ и на результаты этого почота, невольно подумаешь, что наши иноки не забываютъ 22 правила Геннадія о вѣрѣ и жизни христіанской: «ради смиренія преклоняй главу предъ всякимъ богатымъ. Это многовѣтвистое дерево (твор. св. отцовъ 1845 г.)

Наши поклонники святыхъ мѣстъ въ Турецкой имперіи

привозятъ и приносятъ оттуда разныя вещи: частицы животворящаго древа и мощей св. угодниковъ, — какія либо косточки, крестики изъ кипариса, чотки, картинки и т. п. Подражая этому, многіе наши монастыри снабжаютъ богомольцевъ крестиками, картинками, образами изъ финифти и фольги и пр. эти вещи стоятъ монастырямъ ничтожной суммы, а при продажѣ приносятъ болѣе нежели, какъ говорятъ, *копейку на копейку*, или *рубль на рубль*. Такъ напр. за чайную ложечку деревяннаго маса, взятаго якобы изъ лампадки, которая виситъ предъ иконою или мощами, берутъ никакъ не менѣе копѣйки. Кромѣ того разсматриваніе ихъ по возвращеніи богомольцовъ на родину можетъ въ другихъ, если не пробудитъ, то поддержать пробужденное прежде желаніе и самимъ посѣтить святую обитель.

Позвольте, святые отцы троико-серіевской лавры, сказать вамъ одну истину. Предъ вашими святыми воротами расположено множество лавокъ съ игрушками. М. б. вы за мѣста для этихъ лавокъ берете порядочную сумму съ торговцевъ. Но неужели никто изъ васъ не подумалъ о томъ, какъ странно при входѣ въ вашу обитель, и при выходѣ изъ нее встрѣчать лавки и притомъ съ игрушками? Какой вы подаете легкій поводъ насмѣшникамъ выказывать тутъ свое остроуміе? Если богомольцы дѣйствительно охотно запасаются при возвращеніи домой игрушками, то пусть послѣднія продаются гдѣ либо подальше отъ вашихъ святыхъ воротъ. Не бойтесь убытка отъ того; число богомольцевъ не уменьшится, зато не будетъ неприятнаго впечатлѣнія входящимъ къ вамъ и выходящимъ отъ васъ благочестивымъ поклонникамъ. Кромѣ того, вѣроятно, вы тоже, какъ и мы, знаете, что въ тѣхъ же лавкахъ продаются скандальныя игрушки относительно васъ самихъ и обитательницъ женскихъ монастырей. Такихъ игрушекъ, р-ся, не выставляютъ наружу, но стоитъ только намекнуть торговцу, что желательно бы ихъ имѣть, какъ онѣ будутъ показаны.

3) Въ нынѣшнее время во Франціи, Испаніи и пр. совершается, или совершалось множество чудесъ, о которыхъ клерикальная пресса возвѣщала міру для посрамленія невѣрующихъ; являлись и являются даже особія чудотворцы, особенно чудотворицы. У насъ такой гласности нельзя придать всякому чуду, которое бы захотѣли возвѣститъ жители монастырей. Но и у насъ не обходятся безъ разсказовъ о чудесахъ. Въ этомъ отношеніи была весьма замѣчательная статья Белюстина, помѣщенная въ какомъ-то номерѣ Москов-

скихъ Вѣдомостей одного изъ шестидесятихъ годовъ. Тамъ прямо говорится, что при иныхъ монастыряхъ есть, т. е. сть искусственные больные, которые при случаѣ быстро могутъ вылечиться; они даже приглашаются иногда и въ другія мѣста. О совершающихся такихъ чудесныхъ исцѣленіяхъ конечно не печатается, но молва о нихъ разносится во всё концы Россіи; *имъ вѣрять, п. ч. желаютъ* вѣрить; и отправляются сами, чтобы посмотрѣть, не совершится ли и при нихъ какое либо чудо. Далѣе естѣ при богатыхъ монастыряхъ цѣлый легіонъ нищихъ и больныхъ мнимыхъ, или дѣйствительныхъ; они только и живутъ отъ монастыря. Какъ же имъ не быть ему благодарными? И вотъ пришедшіе богомольцы стоятъ около нихъ, слушаютъ ихъ давнивыя пѣснопѣнія, слушаютъ также и рассказы, что вотъ такой-то тогда-то вылезъ, тогда-то случилось то-то; много, много тутъ говорится и опять разносится по Россіи и опять толпы идутъ въ надеждѣ, не удостоятся ли и они быть свидѣтелями какого либо чуда. Наконецъ иногда и сама братія умѣетъ выставить въ хорошомъ свѣтѣ подвиги своихъ даже не бывалыхъ собратьевъ. Въ одномъ не очень давнемъ монастырѣ есть какъ и въ Кіевѣ пещеры, по которымъ входящихъ богомольцевъ водятъ и за недостаткомъ св. мощей указываютъ имъ на чуланчики, приговаривая, что вотъ тутъ спасается въ безмолвномъ уединеніи схимникъ. Сюда заходятъ иногда студенты и, услышавши о мѣстопребываніи схимника, заглядываютъ въ чуланчики, но тамъ обыкновенно никого не видятъ; тогда чичероне прибавляетъ: «вѣрно схимникъ куда нибудь ушолъ.» Если же дверь окажется запертою, то услышите слова: «не беспокойте о. схимника, онъ молится. Т. о. хоть никто не видалъ тамъ схимниковъ, но простодушные люди давно уже разнесли молву объ небывалыхъ чудесахъ и подвигахъ этихъ не существующихъ чудотворцевъ и подвижниковъ. Множество народу осматриваютъ пещеры и каждый долженъ непременно купить по к. м. пятикопѣчную свѣчку, чтобы съ нею путешествовать по нимъ. Есть еще монастырь въ которомъ вырыли глубокой колодезь и, поднимая изъ него воду въ особый резервуаръ, провели ее трубами по монастырскимъ зданіямъ. Но этимъ не удовлетворились. Поставивъ противъ главнаго собора большой крестъ съ пустыми въ немъ полостями и внѣшними отверстіями, сообщили его съ водопроводными трубами, отчего въ не зимнее время вода изъ креста бьетъ фонтанами. Простодушные богомольцы съ благовѣніемъ подходятъ сюда, умываются водою, какъ

святою, берутъ ее даже съ собою; братія, р-ся, помогаетъ этому благоговѣнію.

4) За недостаткомъ чудесныхъ явленій отъ почившихъ святителей монастырскіе обитатели разсказываютъ *по секрету* о чудесахъ, которыя нынѣ совершаются съ ихъ собратіями, или особенно съ ихъ святымъ настоятелемъ, о его неутомимомъ благочестіи, его подвижничествѣ въ молитвѣ, даже *еще болѣе по секрету*, дѣлаютъ свидѣтелемъ этого подвижничества, хотъ оно и совершается *тайннъ, дверемъ затвореннымъ*. Иногда и сами знаменитости монастырскія поддерживаютъ вѣру въ чудесныя явленія, происходящія у нихъ. Вы не вѣрите г. ч.? Повѣрьте, — я вамъ разскажу кое-что по этой части; *до поры до времени* собственныхъ имена въ этомъ разсказѣ не выставляются. Представьте себѣ, что къ одному сановному настоятелю монастыря является какая либо аристократическая дама и спрашиваетъ у его служки: «можно ли принять благословеніе Его В. П.» «какъ вамъ угодно, отвѣчаетъ спрошенный. —» Что же это такое? Отъ меня это нисколько не зависитъ, а можетъ ли принять меня Его В. П.» вновь вопрошаетъ дама. Тогда служка объясняетъ, что его В. П. изволятъ теперь стоять на молитвѣ и отдали приказаніе, что, если пришедшему нужно скоро съ нимъ видѣться, то можно прервать ее, а если нѣтъ особенной надобности, тогда приказали просить подождать окончанія молитвы. Нечего и сомнѣваться въ томъ, что дама никакъ не захочетъ прерывать ее, садится на диванъ, или кресло, гдѣ и рѣшается дожидаться. Тутъ какъ будто случайно, а иногда по ходу разговора узнаетъ она, что Его В. П. молятся въ сосѣдней комнатѣ, что даже можно видѣть его въ замочную скважинку. Дамское любопытство неудержимо; непременно посмотрятъ и увидятъ, какъ Его В. П. стоять на колѣнахъ въ глубочайшей молитвѣ. Молитва и наблюденіе надъ нею продолжаются долго. Конечно ждать неприятно иногда, но тутъ ждутъ не безъ удовольствія, въ надеждѣ получить благословеніе тотчасъ послѣ собесѣдованія благословляющаго съ Богомъ и потомъ разсказать о томъ, какъ наблюдали надъ молитвою живаго святаго мужа.

Молитвы, подобныя той, которыя сейчасъ описаны совершаются *тайннъ* съ тѣмъ именно, чтобы онѣ непременно сдѣлались *явными* и всѣмъ извѣстными. Значеніе такихъ молитвъ предъ сердцевицею понятно для всякаго умнаго и вмѣстѣ религіознаго человѣка. Но такихъ людей мало, да они и не станутъ ждать въ пріемной по часу окончанія молитвы и наблюдать за молящимися сквозь замочную сква-

жинку. Масса же увлекается вѣшностію, и такихъ молитвенниковъ готова считать святыми. А чрезъ святыхъ, или по к. м. для святыхъ мужей еще при жизни ихъ дѣлаются чудеса. Нужно только убѣдиться въ томъ, что кто нибудь святой мужъ; тогда непременно найдутся услужливые люди и расскажутъ вамъ о чудесахъ, которыхъ вы такъ желаете. Пока вы ждете окончанія молитвы того лица, отъ котораго вамъ хочется принять благословіе, м. б. служка станетъ говорить тоже самое, что рассказывалъ по секрету десятка за два лѣтъ одинъ тоже служка: «Однажды нашъ В. П. какъ-то очень рано приказалъ мнѣ ложиться спать и не ждать, пока онъ окончитъ свое вечернее молитвословіе. Я удивился этому, легъ на постель, но рѣшился не спать. Минуть чрезъ 20 В. П. вошелъ самымъ тихимъ образомъ въ мою комнату, еще тише подошелъ къ моей кровати и прислушивался къ моему дыханію; это повторялось два раза, я, р-ся, какъ будто спалъ самымъ крѣпкимъ сномъ. Наконецъ В. П. входитъ вновь, но совершенно уже одѣтый, прошелъ мимо меня, осторожно отперъ и отворилъ дверь и скрылся за нею. Я никакъ не могъ понять, что это значитъ, и рѣшился самъ тоже встать и посмотреть, куда онъ отправился. Но вышедши на дворъ, я удивился великолѣпнѣйшему освѣщенію собора, гдѣ почиваютъ мощи нашего святителя, — испугался, полагая, ужъ не пожаръ ли тамъ и чуть было не поднялъ тревоги; но сначала захотѣлъ подойти къ сабору. Тутъ увидѣлъ, что дверь въ него отворена; освѣщеніе было самое великолѣпное, какое у насъ бываетъ только въ важнѣйшіе праздники; царскія врата отворены; но въ храмѣ видны были мнѣ только три человѣка. Одинъ лежалъ распростертымъ предъ амвономъ, а двое другихъ въ полномъ архіерейскомъ облаченіи съ митрами на головахъ стояли въ алтарѣ и между собою бесѣдовали. Я осмѣлился самымъ осторожнымъ образомъ войти въ саборъ; лежащій предъ амвономъ, по временамъ вставалъ на колѣна, молился и вновь распростирался, — это былъ нашъ В. П., а въ другихъ двухъ я узналъ святителя, котораго мощи почиваютъ у насъ, и еще другаго . . . . ., который погребенъ въ З . . . . ѣ. Я не зналъ, что мнѣ дѣлать. Почившіе уже давно святители долго предъ престоломъ бесѣдовали и по временамъ указывали на нашего В. П. Потомъ вышли изъ алтаря, подняли его и повели къ престолу, гдѣ опять начали бесѣдовать втроемъ. Я потихоньку ушелъ и ждалъ на крыльцѣ, что будетъ. Наконецъ надъ саборомъ появилось свѣтлое облако, а на немъ скоро я увидѣлъ дру-

того святителя; облако быстро понесло его въ сторону къ 3-у. Я поскорѣ въ комнату и на кровать, успѣлъ раздѣться и разуться и вновь притворился спящимъ. Немного спустя дверь тихонько отворилась, В. П. взошелъ, заперъ ее и мимо меня прошелъ на цыпочкахъ. Всю ночь я не могъ заснуть, выходилъ на дворъ и подходилъ къ собору, но въ немъ горѣли только лампадки, а двери были заперты. Утромъ осторожно стороною я началъ спрашивать братію и всѣхъ нашихъ, не случилось ли чего либо ночью у насъ; но никто ничего не видалъ и не слышалъ; одного меня Богъ сподобилъ видѣть рассказанное вамъ. Черезъ нѣсколько времени я увидѣлся съ однимъ благочестивымъ жителемъ изъ 3-а. Знаешь ли, сказалъ онъ мнѣ, что у насъ было такого-то числа (того самаго, въ которое случилось видѣнное мною). Ночью часу въ одинацатомъ въ нашемъ монастырѣ зазвонили во всѣ колокола. Я испугался, что это значить, — ужъ не пожаръ ли? Но звонили не по пожарному. Я поскорѣ вышелъ на улицу и увидалъ, какъ на свѣтломъ облакѣ кто-то изъ монастыря поднялся и быстро по воздуху понесся въ вашу сторону. Я такъ и обомлѣлъ. Постоявши, возвратился я въ комнату и долго не могъ заснуть. Но часа черезъ два слышу опять колокольный звонъ; я поскорѣ на улицу и опять увидѣлъ какъ на свѣтломъ облакѣ кто-то несся по воздуху, но уже отъ вашего города; облако спустилось надъ монастыремъ; колокольный звонъ умолкъ и я ничего болѣе не видѣлъ. Когда я поутру сталъ рассказывать про то, что я слышалъ и видѣлъ ночью, всѣ надъ мною смѣялись, п. ч. никто ничего не слышалъ и не видалъ. Тутъ, продолжаетъ первый рассказчикъ, и я рассказалъ знакомому о своемъ видѣніи; тогда-то онъ понялъ, для чего у нихъ былъ колокольный звонъ и благодарилъ Бога, что онъ его одного сподобилъ быть свидѣтелемъ чуда.»

Свидѣтелями и рассказчиками подобныхъ чудесъ бываютъ не одни служки, а даже такъ называемыя образованные люди. Тоже слишкомъ за 20 лѣтъ одинъ весьма богатый и вмѣстѣ набожный помѣщикъ В-ой губерніи, пріѣхавши въ Петербургъ, увидѣлся здѣсь съ однимъ профессоромъ, — своимъ землякомъ. Разговорившись съ нимъ, помѣщикъ между прочимъ спросилъ его: «а слышали вы, какое у насъ совершилось чудо въ день празднованія памяти нашего святителя . . . . .?» — Нѣтъ ничего не слышать, отвѣчалъ Профессоръ. — «То-то вы, петербургскіе жители, не любите чудесъ и не хотите знать о нихъ. Позвольте мнѣ рассказать вамъ.» — Прошу покорнѣйше, быть, р-ся отвѣтъ.

Помѣщикъ такъ началъ. На канунѣ праздника я пошолъ къ настоятелю монастыря, гдѣ почиваютъ мощи святителя. При мнѣ явился къ нему экономя его и спрашивалъ: «нужно ли въ слѣдующій день готовить обѣдъ для богомольцевъ?» «Какъ же, отвѣчалъ настоятель, вѣдь у насъ всегда такъ водилось, готовь.» Но экономя что-то сталъ запинаться. Настоятель, замѣтивъ это, спросилъ его: «Чтоже ты стоишь? Ступай, распорядись; вѣдь обѣдъ на цѣлыя тысячи не легко приготовить, да ты позднею, к-ся, спрашиваешь меня.» Тогда экономя, запинаясь, сказалъ: Ваше В . . . . ., да у насъ денегъ вовсе нѣтъ.» — «Какъ нѣтъ?» спросилъ настоятель. — «Вовсе нѣтъ, отвѣчалъ экономя; всё употреблено на то-то, на то-то и пр.» — «Такъ вовсе нѣтъ? опять спросилъ съ огорченіемъ настоятель. — «Нѣтъ, вновь повторилъ экономя. Настоятель заговорилъ: «чтоже это будетъ? Что скажутъ богомольцы? Вѣдь у насъ всегда былъ обѣдъ для нихъ, они и нынѣ его ожидаютъ. Какъ же это быть?» Послѣ того онъ задумался и видимо былъ въ сильнономъ огорченіи и замѣшательствѣ. Наконецъ оказалъ кротко: «послушай, о. экономя, отдадимъ себя на волю святителя. Если онъ одобряетъ наши обѣды богомольцамъ, то и завтра намъ поможетъ, а если ему они не нравятся, то мы ихъ не будемъ дѣлать. Ступай, помолимся нынѣ св. угоднику.» Поутру, продолжалъ помѣщикъ, послѣ обѣдни я по приглашенію отправился къ настоятелю и увидалъ на дворѣ множество столовъ, уставленныхъ всѣмъ, что нужно для обѣда; народъ уже разсаживался за ними. Въ комнатахъ своихъ, увидѣвши и благословивши меня, настоятель съ довольнымъ видомъ спросилъ: «а видѣли, что у насъ на дворѣ-то?» — «Какъ же, отвѣчалъ я; скажите Бога ради, откуда все это взялось?» — «А вотъ что случилось, продолжалъ настоятель. Нынѣ утромъ, когда еще ворота были запорты, начали въ нихъ стучаться. На вопросъ: кого вамъ нужно, стучавшіе отвѣчали: эконома. Экономя пришолъ и увидалъ цѣлый обозъ съ приготовленнымъ обѣдомъ для всѣхъ нашихъ гостей, которые тамъ на дворѣ теперь обѣдаютъ. Экономя никакъ не могъ добиться, кто это прислалъ такой обѣдъ.» — А помѣщикъ давалъ наставнику, что и до сихъ поръ никакъ не могли узнать это, *точно какъ будтобы съ неба явился обѣдъ.*» Вообразите, г. ч. что всѣ разсказанныя три событія касаются одного лица, одной обители, и что вполнѣ довѣрчивые богомольныя люди, узнавши все это, приходятъ къ настоятелю за благословіемъ. Если онъ, посадивъ ихъ, станетъ говорить о нуждахъ своей обители, о томъ, что

нужно бы сдѣлать серебряную раку въ нѣсколько пудовъ, купить люстру въ нѣсколько сотъ свѣчъ, устроить великолѣпнѣйшее облаченіе и пр. и пр.; то м. б. графиня немного пожертвуетъ, даже и вовсе ничего не жертвуетъ, но зато, возвратившись въ Петербургъ, расскажетъ всѣмъ о видѣнныхъ и слышанныхъ ею чудесахъ, пробудитъ во многихъ ей подобныхъ уваженіе и благоговѣніе не только къ почившему святителю, но и къ настоящему настоятелю; слава особенно послѣдняго утвердится въ Петербургѣ; поѣдутъ къ нему новые пилигримы и пилигримки, гораздо болѣе щедрые, нежели прежніе. Ну а если, получившій благословеніе есть богатый купецъ, онъ долго не станетъ думать, отсчитаетъ крупную сумму денегъ и получитъ благословеніе за свое доброе дѣло. Да, чудеса всегда производятъ другія чудеса!

5) Но въ монастырѣ иногда нѣтъ ни мощей, ни чудотворной иконы. Тогда для привлеченія богомольцевъ можно употреблять слѣдующее средство. Въ О-й п-ѣ К-ой г-и былъ недавно настоятелемъ человекъ не Богъ знаетъ какого благочестія, но человекъ смѣтливый, знатокъ хозяйства, настоящій Колберъ монастырскій. Получивши въ свое управленіе обитель обдѣнѣвшую, разрушавшуюся, онъ умѣлъ ее такъ обогатить, что она сдѣлалась предметомъ зависти монастырей всей епархіи. При жизни братія не очень долбожливала покойнаго настоятеля, но по смерти начала питать къ нему благоговѣніе и внушать его другимъ. Почотныхъ посѣтителей принимаютъ хорошо, но мимоходомъ замѣтятъ, что вотъ вамъ лучшебы пожаловать, или даже прямѣе, не пожалуете ли такого-то числа, когда мы празднуемъ память нашего покойнаго настоятеля. «Да развѣ онъ сопричисленъ къ лику святыхъ?» ихъ спросите. — «Нѣтъ, отвѣчаютъ вамъ протяжно, нѣтъ еще, но мы служимъ въ этотъ день панихиды по немъ.» Дѣйствительно празднованіе этого дня становится торжественнѣе и торжественнѣе; появляются кое-какіе уже рассказы. А для большей извѣстности печатается въ мѣстной епархіальной газетѣ, что вотъ-де въ О-ой п-ѣ въ день памяти такого-то настоятеля совершена была панихида, что къ этому дню съѣхалось множество богомольцевъ, между которыми были Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ N, Генераль Маіоръ N, Графиня N, и пр., многіе изъ нихъ служили панихиды по усопшемъ. Конечно панихиды, не молебны; но и за нихъ тоже даютъ деньги. А кто знаетъ? М. б. вы, молодой читатель, и доживете до того времени, когда тутъ станутъ служить не панихиды, а мо-

лебны уже. Да и кстати было бы, п. ч. въ цѣлой губерніи иѣтъ ни однихъ мощей. Въ другомъ монастырѣ погребенъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ нашихъ Митрополитовъ. Одинъ монахъ уже нѣсколько лѣтъ рассказываетъ о своихъ видѣніяхъ, которыя показываютъ, что скоро должны явиться мощи покойнаго преосвященнаго. Надобно думать, что и это дѣло устроится *ко благу обители.*

6) Иногда въ монастырѣ не было ни одного настоятеля, или брата, котораго память можно бы почитать хоть панихидою. Братія и тутъ бываетъ находчива. Ей нынѣ особенно полезны въ такомъ случаѣ архипастыри, изъявившіе желаніе покончить свою жизнь въ какой либо обители. Если монастырь, въ которомъ покоится такой архіерей, за городомъ; то естественно новая личность привлекаетъ туда старыхъ своихъ знакомыхъ и почитателей и многихъ любопытныхъ изъ окрестности. Число посѣтителей можно увеличить и *искусственными средствами.* Вотъ что недавно случилось въ ономъ монастырѣ. Поселившійся въ немъ *на покой* архипастырь былъ такъ называемый добрый человекъ; къ нему и изъ-за него стало много народу ѣздить. Догадливая братія увеличила свою гостинницу, но вмѣстѣ съ тѣмъ мало по малу распространила слѣдующій разказъ. Близъ монастыря пролегали двѣ большія дороги: лѣтняя и зимняя; на первой изъ нихъ была большая часовня съ множествомъ образовъ, а на другой маленькая, въ которую ставили образъ только на зиму. Однажды будто бы икона, перенесенная изъ лѣтней въ зимнюю часовню, не оказалась въ послѣдней. Думали, что кто либо унесъ ее. Но когда кто-то изъ братіи подошелъ къ лѣтней часовнѣ, то увидѣлъ въ запертыхъ ея дверяхъ одно разбитое стекло, посмотрѣлъ въ часовню и замѣтилъ что мимо-пропавшая икона стоитъ на своемъ мѣстѣ. По произведенному дознанію оказалось, что дверей въ лѣтней часовнѣ давнымъ давно никто не отпиралъ, что иконы туда никто не переносилъ и даже не могъ перенести. Значитъ ей самой угодно было перейти изъ зимней въ лѣтнюю часовню, что и подтверждалось разбитымъ стекломъ. Молва объ этомъ чудѣ стала распространяться. Вскорѣ пришли двѣ большія женщины, которымъ явившаяся во снѣ икона велѣла отправиться для исцѣленія въ этотъ монастырь. Имъ показывали всѣ иконы, но онѣ ихъ не признавали, наконецъ вспомнили про часовенную икону, показали ее; оказалось, что она-то и являлась больнымъ женщинамъ, которыхъ молва не только выдумала, но и исцѣлила. Черезъ это богомольцы умножились, Сначала добрый архипастырь и самъ повѣрилъ

разказу; м. б., примѣшалось тутъ и самолюбіе, п. ч. благодать господня стала видимо обнаруживаться въ обители съ его поселенія въ ней. Но къ величайшему своему огорченію онъ узналъ о подлогѣ; только онъ бытъ *слабый человекъ*, какъ Родень называлъ Григорія XVI.; искреннимъ друзьямъ своимъ разказывалъ, какъ недобросовѣстно воспользоваться его добротою для поддержанія обмана, но не возсталъ открыто противъ него. Впрочемъ онъ скоро умеръ, а вмѣстѣ съ нимъ число богомольцевъ стало уменьшаться, да и про икону перестали говорить; обитель приняла прежній свой видъ.

Часть шестая.

О доходныхъ привилегіяхъ монастырей.

Искусственныя средства, о которыхъ до сихъ поръ говорено, можно назвать моральными, впрочемъ вовсе не п. ч. въ нихъ много выражается нравственныхъ побужденій, что они основаны на нравственныхъ началахъ; съ этой стороны скорѣе слѣдовало бы назвать ихъ безнравственными; — но п. ч. при помощи ихъ будто бы хотятъ дѣйствовать на нравственную и религіозную сторону человѣка. Но есть еще другія искусственныя средства, которыми или увеличиваются, или по к. м. сберегаются монастырскіе доходы, и которыя я думаю назвать *привилегіями монастырскими*.

1) На первомъ мѣстѣ ставлю свѣчные доходы. Извѣстно, что во всѣхъ приходскихъ церквахъ доходы отъ продажи восковыхъ свѣчъ должны отсылаться въ духовно-учебное управленіе и употребляться на содержаніе духовно-учебныхъ заведеній. Отъ этого не освобождена ни-одна приходская, даже самая бѣднѣйшая церковь; если-бы она продала во весь годъ свѣчъ на 2—3 рубля, имѣла всего дохода 10—20 руб., то и тогда она внесетъ на училища нѣсколько гривенъ, или рублей. Но отъ падобнаго взноса уволены всѣ тоже безъ исключенія монастыри; это истинная привилегія!

Надъ нею позадумаетъсья и спросишь: почему наши святыя обители не жертвуютъ свѣчныхъ доходовъ на духовное просвѣщеніе? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ м-щіе и ихъ защитники *тихонько* поговариваютъ: «приходскія церкви вносятъ свѣчные доходы для содержанія духовныхъ училищъ, п. ч. дѣти св-и-ц-сл-лей тамъ обучаются, а монахамъ что-де за нужда до училищъ; туда ихъ дѣти не поступаютъ.»

Мысль эта такъ отзывается эгоизмомъ и корыстолюбиемъ, такъ даже грязна, что признать ее своею въ печати едвали согласится хоть одинъ монашистъ, ее я и не опровергаю; не стоитъ того. Другіе изъ защитниковъ монашизма говорить, что есть много очень бѣдныхъ монастырей, которые, отдѣляя на духовно-учебное вѣдомство свѣчные доходы, затруднятся и даже разорятся.» Конечно есть и бѣдные монастыри, но бѣднѣйшихъ приходскихъ церквей несравненно болѣе. Отчего же эти церкви, внося свѣчную прибыль, не разоряются, а монастыри непременно разорятся отъ того? Притомъ если монастырь бѣденъ, то и продажа свѣчь, а слѣдъ и взносъ, вырученный за нихъ, будетъ незначительный, ограничится какимъ либо десяткомъ рублей; отъ этого, право, не разорятся. Отчего же богатые монастыри, которые свои доходы считаютъ уже не тысячами, а десятками, сотнями тысячъ, отчего они тоже ничего не жертвуютъ на училища? Отчего кievская лавра, которой такъ дешево обходятся восковыя свѣчи, приготовляемая изъ ея собственнаго воска, на ея же собственныхъ заводахъ, и которая продаетъ въ годъ тысячи пудовъ свѣчь, тоже ничего не жертвуетъ на духовное просвѣщеніе? — Все отъ того, должно быть, г. ч., что всѣ монастыри даже кievо-печерская и троицкая лара, саровская пустынь и пр., совсѣмъ разорятся, удѣляя то, что удѣляютъ бѣднѣйшія церкви. Еще говорятъ: приходскія церкви имѣютъ прихожанъ, которые поддерживаютъ ихъ не только покупкою свѣчь, но и кошельковымъ и кружечнымъ сборомъ и другими способами. А монастыри не имѣютъ приходоу; отними у нихъ свѣчные доходы, тогда имъ нечѣмъ будетъ содержаться.» Это возраженіе имѣло бы смыслъ, еслибы въ монастыряхъ не было ни кружечнаго и часовеннаго сбора, ни продажи восковыхъ свѣчь стороннимъ прихожанамъ и еслибы употреблялось свѣчь столько, сколько нужно для богослуженія. Но монастыри привлекаютъ къ себѣ прихожанъ сосѣднихъ и отдаленныхъ церквей, продаютъ имъ восковыя свѣчи на огромныя суммы, имѣютъ тоже огромныя кружечныя, часовенныя, поземельныя доходы; многіе получаютъ пособія отъ правительства. Такъ скажите, отчего они не хотятъ участвовать въ поддержаніи духовнаго просвѣщенія? *Я называю это несправедливѣйшею и безсвѣтнѣйшею привилегіею.*

По нашему законодательству строжайше запрещено имѣть кладбища внутри городовъ или селеній; всѣ они отводятся въ чистомъ полѣ; а по 173 правилу Номоканона «мертвыхъ погребати внутрь церкви освященной не подобаетъ.» При-

чина на это гигиеническая. Русскій человекъ всякое дѣло спѣшить покончить *какъ нибудь*, поэтому онъ и для покойника роетъ могилу не въ три, а въ два аршина и менѣе, даже, на столбчатыхъ кладбищахъ остриемъ желѣзныхъ прутьевъ длиною, немного болѣе аршина, могильщики узнаютъ, гдѣ есть гробъ; изъ такихъ могилъ непременно должны выходить газы отъ гниющихъ труповъ и вредно дѣйствовать на сосѣднихъ жителей. Т. о. хотя бы село состояло только изъ 3—4 дамовъ, или 15—20 жителей, свободно со всѣхъ сторонъ освѣжалось здоровымъ деревенскимъ воздухомъ, который быстро поглощаетъ и разноситъ могильные газы, — не смотря на все это, наше законодательство принимаетъ мѣры противъ того, чтобы здоровье жителей не разстроивалось отъ близости къ нимъ кладбищъ. Но во 2ой части этого отдѣла сказано, что во всѣхъ почти монастыряхъ есть кладбища не для однихъ обитателей ихъ, но и для мірянъ, рся, богатыхъ. Въ этомъ случаѣ монастыри могутъ сослаться на указъ Петра Iго (см. Т. VII. соб. зак. стр. 30. N 4322), въ немъ сказано: «въ Москвѣ и во всѣхъ городахъ мертвыхъ человѣческихъ тѣлъ, кромѣ знатныхъ персонъ, внутри городовъ не погребать, а погребать въ монастыряхъ и приходскихъ церквахъ внѣ городовъ.» Указъ не совѣтъ можетъ быть объясненъ въ пользу монастырей; на основаніи его имѣютъ право сказать, что кладбища дозволяются тѣмъ монастырямъ, которые находятя внѣ городовъ. Положимъ впрочемъ, что Петръ Великій соглашался знатнымъ персонамъ давать могилы не только въ приходскихъ церквахъ внѣ городовъ, но и вообще во всѣхъ монастыряхъ. Но вѣдь послѣ того нашли нужнымъ запретить погребеніе умершихъ не только въ сельскихъ церквахъ, но даже на кладбищахъ. Печему же теперь на монастыри не распространили этого запрещенія. Вѣдь въ рѣдкомъ изъ нихъ не живетъ 15—20, а въ иныхъ даже сотня и болѣе человекъ; почти вблизи всѣхъ монастырей есть большія слободы, а въ городахъ непосредственно къ ихъ оградѣмъ примыкаютъ зданія съ жителями уже не монастырскими. Потомъ кдадбища монастырей, напр. александровской лавры, иногда закрываютъ въ себѣ болѣе могилъ, нежели многія изъ сельскихъ кладбищъ. Наконецъ могильные газы одинаковѣ вредны и для монаха и для мірянина, выходятъ ли они изъ труповъ, погребенныхъ на монастырскомъ, или на сельскомъ кладбищахъ. Вотъ впрочемъ и доказательства на это. Въ одной изъ спальныхъ комнатъ московской духовной академіи часто нѣтъ возможности лѣтомъ открывать тѣхъ оконъ ко-

торы выходятъ на соседнее монастырское кладбище; такъ и несетя оттуда могильнымъ запахомъ. Тоже самое замѣчается въ томъ домѣ александровской лавры, котораго южная сторона выходитъ на лазаревское кладбище. Лавра съ помѣщающихся въ этомъ домѣ жильцовъ беретъ очень выгодную плату, но зато бесплатно позволяетъ дышать мазмами, поднимающимися изъ кладбищенскихъ могилъ. При сильномъ вѣтрѣ со стороны лаврскихъ кладбищъ можно ощущать запахъ могильныхъ газовъ и въ другихъ окрестныхъ домахъ и мѣстахъ. Увѣряютъ, что въ духовской церкви лавры, гдѣ такъ много подѣло погребено покойниковъ, поутру можно ощущать сильный могильный запахъ, не смотря на каменные своды склеповъ. Служившій съ предшествовавшее царствованіе въ лаврѣ и жившій въ угловомъ домѣ ея на Невскомъ проспектѣ докторъ Л-нь О-чъ Ал-овъ всегда съ негодованіемъ говаривалъ, что монастырскія кладбища ужасно вредны окрестнымъ домамъ и мѣстамъ. Послѣ всего этого иной, пожалуй, вздумаетъ упрекать правительство въ небреженіи о здравіи монастырскихъ жителей, п. ч. оно не запрещаетъ имъ имѣть внутри своихъ стѣнъ, или близъ нихъ кладбища. Оно впрочемъ по мѣстамъ это и дѣлаетъ, напр. по отчату Об. Пр-ра синода за 1850 г. (стр. 48) «въ предупрежденіе важныхъ въ врачебномъ отношеніи неудобствъ послѣдовало Высочайшее воспрещеніе погребать на будущее время тѣла умершихъ въ кіево-печерской крѣпости и принадлежащихъ тамошней лаврѣ церквахъ. Изъ сего изъяты лишь случаи погребенія преосвященныхъ архіереевъ.» Но если бы правительство рѣшилось на такую мѣру относительно всѣхъ вообще монастырей, то оно услышало бы, сѣтованіе и вопль и даже встрѣтило бы сильную протестацію со стороны всѣхъ монастырскихъ обитателей отъ послушника, даже отъ сорожа и могильщика до іеромонаха и схимонаха, отъ всѣхъ настоятелей, отъ всѣхъ епархіальныхъ архіереевъ; даже въ синодѣ только два главныхъ священника стали бы поддерживать распоряженіе правительства, но ихъ голоса заглушались бы голосами другихъ членовъ.

Если бы на кладбищахъ монастырскихъ погребали только однихъ настоятелей и монаховъ, то и тогда можно бы спросить, неужели этимъ особамъ, которыя живутъ приношеніями мрянъ, не хочется имѣть свои могилы вблизи ихъ на общемъ для всѣхъ кладбищѣ? Неужели они, когда трибы ангеловъ пробудятъ всѣхъ предъ страшнымъ судомъ, желаютъ явиться отдѣльными кучками отъ прочихъ людей? Но пусть они

относительно себя поступаютъ, какъ хотятъ; только зачѣмъ принимаютъ къ себѣ на кладбища богатыхъ покойниковъ и, т. с-тъ, отбиваютъ доходы у церковныхъ причтовъ. Въ этомъ случаѣ они присвоиваютъ себѣ привилегію столько же почти несправедливую, какъ и предъидущая. Приходскій священникъ исправляетъ всѣ церковныя требы въ домѣ богача при его жизни, служитъ молебны, читаетъ молитвы, приобщаетъ больныхъ, получая иногда по рублю, пожалуй по 5 р., но иногда, довольствуясь и 20 коп. Но вотъ умеръ богачъ; за погребеніе его за помяны до шести недѣль, за вѣчное помяновеніе причтъ могъ бы получить не копѣйки, не одиночныя рубли, а даже десятки и сотни ихъ. Нѣтъ, извините, тутъ является монастырская братія къ услугамъ и, не занимаясь прежде исправленіемъ мало доходныхъ, но необходимыхъ требъ у богача, присвоиваетъ себѣ богатые приношенія, которыя дѣлаются по смерти его. — Приходскій священникъ отгѣваетъ всякаго бѣдняка, не получая за это иногда и рубля; тутъ не увидите вы монаха, особенно же высокостепеннѣйшаго настоятеля. Но умеръ богачъ, тутъ уже вся монастырская братія отъ послушника до архимандрита и даже выше, вся на ногахъ, поетъ и молится, погребаетъ и поминаетъ, только не за рубль, какъ дѣлаютъ приходскій причтъ, а за десятки, сотни, даже тысячи рублей Бѣлое д-во! погребай ты бѣдныхъ, молись о нихъ; *монастырская братія принимаетъ на себя ходатайство предъ Богомъ только за богачей.*

3) Выше было тоже замѣчено, что книжки для сбора приношеній выдаются не однимъ монастырямъ, но и приходскимъ церквамъ. Но и здѣсь есть своя привилегія. Чтобы получить книжку, приходская церковь должна выставить непременно какое либо экстренное обстоятельство, напр. постройку новаго храма, особенно послѣ того, какъ прежній сгорѣлъ. Но монастыри даже и послѣ выше упомянутаго синодскаго распоряженія 1856 г. получаютъ почти всегда безъ всякаго препятствія позволеніе послать своего сборщика. Тутъ считается достаточною причиною мнимая, или дѣйствительная бѣдность обители, желаніе настоятеля сдѣлать богатый иконостасъ, выстроить новую съ башнями ограду и пр. Тутъ всегда и все разрѣшаютъ, особенно если настоятель есть ректоръ семинаріи, членъ к-ріи и пр. М. т. употребленіе денегъ бываетъ совершенно различное въ приходскихъ церквахъ и въ монастыряхъ. Тамъ всѣ сборные доходы непременно вносятся въ приходъ церковной суммы и употребляются на нужды церкви, а не на причтъ. А въ монасты-

ряхъ обими доходами распоряжаются, какъ угодно настоятелю. Эти мои замѣчанія подтверждаю примѣрами, относящимися къ одному монастырю. Монастырь этотъ очень богатъ, имѣя неприкосновеннаго капитала болѣе 30,000 руб.; могъ бытъ еще болѣе богатымъ, п. ч. настоятель ежегодно получаетъ до 2000 руб., а одинъ изъ казначеевъ мѣнѣе, нежели въ 10 лѣтъ нажилъ капиталъ, которымъ теперь поддерживаетъ себя. Но настоятели монастыря оба ректоры семинаріи не забывали о сборныхъ книжкахъ. Одинъ захотѣлъ увѣковѣчить себя въ монастырѣ, отдѣлавши въ лучшемъ видѣ иконостасъ въ главной церкви, хотя и прежній не былъ дурнымъ. Своихъ, или даже запасныхъ монастырскихъ суммъ онъ не тратилъ, а послалъ по городу монаха съ книжкою, которая даже не была выдана изъ к-ріи, а скрѣплена только самимъ о. ректоромъ. Бѣдный монахъ получилъ строжайшій приказъ непременно набрать побольше денегъ; ходилъ по всѣмъ домамъ; и когда ему выговаривали, зачѣмъ ходитъ, то онъ жалобнымъ тономъ отвѣчалъ: «да чтоже дѣлать? Настоятель посылаетъ, одушаться нельзя; пожалуйте что нибудь.» Деньги набраны, иконостасъ отдѣланъ, поговариваютъ, что и о. настоятель не въ убыткѣ, а м. т. онъ прославился тѣмъ что его стараніями (но не деньгами) храмъ изукрашенъ. Другому настоятелю и ректору захотѣлось имѣть уютную бесѣдку въ монастырскомъ саду, гдѣ бы онъ могъ отдохнуть отъ своихъ дѣлъ, или лучше отъ своего бездѣлья. Опять пошли въ ходъ книжки на улучшеніе святой обители, и опять собралась сумма и явилась очень хорошенькая бесѣдка; говорятъ впрочемъ, что отъ нее монастырь нисколько не улучшился.

4) Во всѣхъ приходскихъ церквахъ есть выбранное прихожанами лицо, которое подъ названіемъ церковнаго старосты наблюдаетъ вмѣстѣ съ причтомъ за доходами и расходами церкви; тутъ причту самовольно распоряжаться или невозможно, или трудно; староста такъ, или иначе можетъ его останавливать. Далѣе ни причтъ, ни староста не имѣютъ права расходовать за разъ болѣе 30 руб. на самыя настоятельныя потребности церкви безъ разрѣшенія к-ріи. Наконецъ за всѣми расходами приходскихъ церквей есть надзоръ благочиннаго; для подробной записи ихъ выдается изъ к-ріи книга; въ нихъ дается ежегодный отчетъ и пр.; тутъ есть контроль и отвѣтственность. Монастыри и въ этомъ отношеніи имѣютъ привилегію. У нихъ нѣтъ церковнаго старосты; они расходуютъ суммы свои почти совершенно произвольно, слова богослужебныхъ книгъ: *аще или яко изволитъ настоя-*

тель, могутъ быть приложены и къ денежнымъ расходамъ. Даже отчотливости нѣтъ почти никакой, кромѣ тѣхъ суммъ, которыя выдаются правительствомъ на штатные монастыри; сама обитель всёмъ и распоряжается отъ этого преимущественно происходятъ два результата. Если послѣ экономныхъ настоятелей бываетъ преемникомъ человекъ, который, какъ выражаются, *любитъ протиратъ глаза денежкамъ*, то собранные капиталы часто тратятся на прихоти или по к. м. на вовсе не нужные расходы. Такъ одинъ высокостепенный настоятель истратилъ въ предшествовавшее царствованіе 40,000 руб. на отдѣлку своихъ комнатъ. Тутъ нечего ужъ и говорить объ обыкновенныхъ паркетахъ; тутъ полъ устроивался изъ мелкихъ разноцвѣтныхъ деревьевъ, которыя составляли весьма красивые узоры; тутъ были двери, за каждую половину которыхъ заплачено по 1000 руб. асс. Тойже высокостепенный особѣ вообразилось, что она имѣетъ нужду въ дачѣ, хотя при ея квартирѣ былъ отличный садъ съ весьма хорошею въ нѣсколько комнатъ бесѣдкою, гдѣ можно было жить, какъ на дачѣ. Задумано и сдѣлано; построенъ огромный каменный двухъ-этажный домъ; а затѣйщикъ даже и не былъ въ немъ ни однажды; да изъ преемниковъ его никто тамъ не жилъ, да почти и не бываетъ хоть на минуту. Когда же въ 1865 г. одному преемнику захотѣлось пожить на дачѣ, то онъ помѣстился въ загородномъ домѣ извѣстнаго въ Россіи богача-барина.

Экономные же настоятели пользуются разсматриваемою привилегіею съ выгодною для монастыря. Д-во приходской церкви, еслибы она имѣла даже большіе капиталы, можетъ конечно выхлопотать себѣ право построить домъ на нихъ; но это только въ столицахъ, да въ городахъ отчасти; въ селахъ почти нигдѣ не встрѣчается. Монастыри въ этомъ отношеніи свободнѣе приходскихъ церквей; имъ постройка домовъ разрѣшается безъ пренятствія, притомъ и въ отдаленныхъ мѣстахъ; напр. въ Москвѣ есть дома, или подворья, принадлежащіе монастырямъ другихъ губерній. На постройку такихъ-то домовъ экономные настоятели употребляютъ монастырскіе капиталы. Домами богата александровская лавра. Она нѣкогда получила огромное количество земли на всѣ стороны около себя и постепенно застроивала ее домами, кромѣ того пріобрѣтала и въ другихъ частяхъ города. Отъ этого въ настоящее время у нее въ Петербургѣ нѣсколько десятковъ домовъ; напр. въ концѣ Невскаго проспекта, по Шлиссельбургской улицѣ и по Невской набережной до малоохтинскаго переезда. Между ними отличаются огромностію

домъ противъ к-риі, два дама, занимающіе всю шлиссельбургскую улицу, домъ вблизи малоохтинскаго переваза и пр. У другихъ монастырей конечно нѣтъ столькихъ зданій, какъ у александро-невекой лавры, но все таки чего имъ вѣмъ вообще не принадлежитъ въ городахъ и деревняхъ? И гостинницы, и дама, и лавки, и заводы и пр. и пр. — все есть и отъ всего идутъ обильныя суммы въ монастырскую кассу.

Чтобы еще болѣе обогатить ее, нельзя же было обойтись безъ привилегій. Не говорю здѣсь о томъ, что дома монастырскіе свободны отъ городскихъ повинностей, военнаго постоя и пр. Эти привилегіи нынѣ мало по малу уничтожаются; притомъ они распространены на дома, принадлежащія церквамъ и бѣлому д-ву. Лучше здѣсь укажемъ на привилегію монастырей предъ приходскими церквами. У насъ есть законъ, который приказываетъ, чтобы въ домахъ, принадлежащихъ церквамъ и даже д-ву, если они построены на церковной землѣ, ни подъ какимъ видомъ не было ни гостинницъ, ни трактировъ, ни харчевенъ, ни питьевыхъ домовъ. Причина, р-ся, та, что въ противномъ случаѣ будто бы церковь и религія унижаются, профанируются. Странноже послѣ этого узнать, что всѣ перечисленныя непотребныя заведенія допускаются въ домахъ, принадлежащихъ монастырямъ и построенныхъ даже на монастырской святой землѣ. Напр. петербургское епархіальное начальство немедленно подвергнетъ взысканію причтъ церковный, если онъ въ домѣ, принадлежащемъ церкви, допуститъ трактиръ, харчевню и пр. А м. т. сколько епархіальныхъ петербургскихъ начальниковъ проѣзжало каждый разъ изъ Невскаго монастыря мимо двухъ домовъ на правой сторонѣ Проспекта, гдѣ съ незапамятныхъ временъ находятся и трактиръ, и харчевня, и настоящій кабакъ, мимо котораго въ праздничное время пройти не было возможности. Неужели ни одинъ епархіальный начальникъ не догадывался объ этой профанціи монастырскихъ церковныхъ зданій? Потомъ громадные корпуса тройско-сергіевской лавры извѣстныя подъ именемъ гостинницъ для пріѣзжающихъ богомольцевъ въ сущности такіе же трактиры, которые запрещено имѣть въ церковныхъ домахъ. И наконецъ какое множество по Руси домовъ монастырскихъ, занятыхъ вышеперечисленными заведеніями? Въ послѣднее время съ уничтоженіемъ откуповъ вновь возникъ вопросъ о томъ, позволять ли давать патенты на продажу питья въ церковныхъ домахъ. Дѣло доходило до синода. И вновь подтверждено, чтобы написи: *растивочно*,

или на выносъ не были, ни подъ какимъ видомъ, ни на одномъ домѣ, который принадлежитъ церквамъ, или св-и-ц-сл-ямъ, или даже построены на церковной землѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ловко выгорожены изъ этого запрещенія дома монастырскіе; имъ опять можно все по прежнему имѣть. М. т. тутъ нужно бы принять во вниманіе слѣдующее обстоятельство. Въ селахъ, расположенныхъ на проѣзжихъ большихъ дорогахъ, св-и-ц-сл-и могутъ получать порядочное пособіе для облегченія своей бѣдности, отдавая дворы подъ постоянный домъ. Но нынѣ содержателю постоялаго двора почти неизбѣжно нужно имѣть право продавать вино, если не *на выносъ*, то *распивочно*; иначе онъ не выдержитъ соперничества съ подобными себѣ. Т. о. теперь, когда такъ хлопочутъ объ улучшеніи быта д-ва, теперь же отнимаютъ у него одно изъ средствъ, которыми оно можетъ себя поддерживать. Да, Бога ради, скажите, неужели и церковь и религія профанируются оскверняются, если въ домѣ, принадлежащемъ священнику или дякону, будетъ трактиръ, питейный домъ, когда это допускается для домовъ, которыя принадлежатъ святымъ обителямъ, и отъ которыхъ доходы получаютъ членами Святѣйшаго Синода? Но вѣдь законъ есть? скажутъ мнѣ. Да развѣ нельзя отмѣнить закона? Да сколько законовъ каждый годъ отмѣняется? Впрочемъ дѣло понятное; коснись до выгодъ монастырей, ну тогда бы можно было отмѣнить законъ а то, что за дѣло до блага д-ва?

Отдѣлъ 9ый.

Взаимное сравненіе монастырей и приходскихъ церквей по богатству.

Если бы кто либо изъ отшельниковъ первыхъ вѣковъ христіанства — обитателей степей Фивандскихъ воскресъ и сталъ путешествовать по Россіи; то, подходя къ нашимъ монастырямъ, не повѣрилъ бы, что бы въ нихъ помѣщались люди, которые называютъ себя то же, какъ и онъ, монахами. Монахи первыхъ временъ дѣйствительно удалялись въ пустыни, — мѣста не населенныя, отъискивали расщелину въ скалѣ, или пещеру, часто своими руками выкапывали настоящія землянки и въ нихъ помѣщались. Жили, конечно,

иногда въ деревянныхъ, или каменныхъ зданіяхъ, но это были не дома, а лачуги, домики. Да и не нужны имъ были великолѣпныя палаты, высокіе валы и крѣпкіе запоры; они только молились и руководѣлись для своего пропитанія, а это можно дѣлать въ скромной кельѣ и пещерѣ; они были бѣдны; отъ нихъ воры ничѣмъ не могли поживиться; за-чѣмъ же имъ огораживать себя со всѣхъ сторонъ высокими твердынями, затворять входы къ себѣ крѣпкими дверьми и воротами, запирать ихъ желѣзными засовами и огромными замками? Но наши монастыри окружены каменными стѣнами съ башнями по угламъ. И если бы не церкви, то ихъ можно бы считать не за пріюты, гдѣ люди, наскучившіе суетою міра, помѣстились, чтобы въ молитвѣ и постничествѣ проводить все время, а за замокъ какого либо суроваго феодалнаго барона, или за старинную крѣпость. Чтобы еще правдоподобнѣе было такое предположеніе, въ нѣкоторыхъ монастыряхъ какъ будто нарочно есть и бойницы. Можно ли въ этомъ отношеніи сравнивать съ монастырями приходскія церкви? Большая часть послѣднихъ вовсе не имѣетъ никакихъ оградъ, или имѣетъ изъ простаго деревяннаго забора и рѣшетника, и только въ городахъ, да въ немногихъ селахъ можно находить богатыя ограды. Теперь войдемте въ крѣпости, называемыя монастырями; это сдѣлать тѣмъ удобнѣе, что ворота, или калитки въ нихъ всегда, кромѣ ночнаго времени, отворены *настежь*, что при нихъ нѣтъ, какъ въ католическихъ монастыряхъ, привратника, который не позволить вамъ войти иначе, какъ съ разрѣшенія настоятеля; *у насъ иди, кто хочетъ*.

Въ числѣ 34—35 тысячъ храмовъ, которые въ отчетѣ Об. Пр-ра называются каедральными и городскими соборами, приходскими, кладбищенскими и приписными церквами, — есть много каменныхъ, даже великолѣпныхъ, — не только въ городахъ, но и въ селахъ. Въ послѣднихъ они тѣмъ кажутся величественнѣе, чѣмъ бѣднѣе дома, ихъ окружающіе; у городовъ же нашихъ отнимите церкви; и они потеряютъ много въ своей красотѣ, особенно если смотрѣть на нихъ издали. Но въ числѣ тѣхъ же 34—35 тысячъ сколько еще остается деревянныхъ храмовъ? Количество ихъ опредѣлить не могу, но едва ли они не составляютъ цѣлой половины выше приведеннаго числа. По к. м. между новыми церквами большинство принадлежитъ деревяннымъ. Напр. съ 1839 по 1861 г. въ теченіи 23 лѣтъ вновь по всей имперіи построено 3418 каменныхъ и 3481 деревянныхъ церквей. Кромѣ того огромное количество деревянныхъ сельскихъ церквей пред-

ставляютъ по своей наружности жалкій видъ, особенно въ западныхъ и безлѣсныхъ губерніяхъ; а недавно открылось, что въ рижской епархіи совершается богослуженіе въ прежнихъ сараяхъ, ригахъ и т. п. Наконецъ, раздѣливши 34—35 тысячъ на 52 милл. православнаго населенія, увидимъ, что среднимъ числомъ на каждую церковь придется не мѣнѣе, какъ по 1500 человѣкъ. Но въ монастыряхъ деревянные храмы едва ли даже извѣстны; мнѣ по к. м. не случилось встрѣчать ихъ. Далѣе изъ каменныхъ храмовъ есть, конечно, скромные, не богатые, даже бѣдные, но зато сколько церквей и колоколенъ, которыя по обширности, высотѣ и архитектурнымъ наружнымъ украшеніямъ считаются рѣдкостью во всей Россіи, напр. соборъ въ александровской лаврѣ, колокольни въ симоновомъ московскомъ монастырѣ, въ кievопечерской и троицко-сергіевской лаврахъ? Потому рѣдкій изъ монастырей имѣетъ только одну церковь, во многихъ есть не двѣ, а 3—4, даже и болѣе, такъ что въ 477 мужескихъ монастыряхъ нужно положить гораздо за 1000, м. б., даже болѣе 1500 церквей.*) И такъ какъ всѣхъ м-щихъ и послушниковъ мужескаго пола въ Россіи 10,527 (1861 г.), то каждая монастырская церковь приходится на 7—10 человѣкъ; — просторно, есть гдѣ помолиться нашимъ смиреннымъ инокамъ.

Сравнимъ между собою внутренность храмовъ монастырскихъ съ немонастырскими; есть и между послѣдними замѣчательные по своему великолѣпію, богатые иконостасы, цѣлый нижній рядъ мѣстныхъ иконъ въ серебряныхъ окладахъ, огромные подсвѣчники, паникадила и люстры, распи-

---

*) Здѣсь могутъ противъ меня выставить оффиціальныя документы. По отчету Об. Пр-ра въ 1860 г. число церквей въ 477 мужескихъ и 137 женскихъ монастыряхъ полагается только 849. Но тутъ допущена странная ошибка; непонятно даже, какъ она повторяется нѣсколько десятковъ лѣтъ въ отчетѣ, представляемомъ Государю Императору. Ошибку эту доказать можно самимъ отчетомъ. Напр. въ петербургской губерніи по вѣдомости отчета за N. 4 монастырскихъ церквей только 3, а монастырей мужескихъ и женскихъ въ той же губерніи 8 и еще Лавра (вѣдомость подъ NN. 1 и 2); только три церкви на 9 монастырей! да въ одной Лаврѣ шесть: соборъ, духовская, благовѣщенская, федоровская, крестовая и кладбищенская! Въ новгородской губ. на 29 монастырей отчетъ полагаетъ только 6 церквей, — по церкви на 5 почти монастырей. Ошибка эта тѣмъ страннѣе, что въ нѣкоторыхъ епархіяхъ выставлены, к-ся, очень вѣрныя цифры. Напр. въ тверской губ. на 20 монастырей 55, въ вологодской на 20 монастырей 44, въ черниговской на 14 монастырей 34 церкви и пр. Повторяю: ошибка странная; и прибавлю: небрежность и недогадливость непростительныя.

саннныя живописью, или украшенныя иконами стѣны, множество ризъ изъ дорогой парчи и пр.; — все это можно встрѣчать въ приходскихъ, особенно соборныхъ церквахъ. Но сколько есть не бѣдныхъ, а бѣднѣйшихъ приходскихъ церквей? Убоги онѣ и снаружи, но все таки предъ окружающими домами кажутся чѣмъ-то сноснымъ; внутри же убожество доходитъ иногда до нищенства. Черныя, закоптѣлыя стѣны, полинялыя образа, при-томъ самой плохой, даже безобразной живописи, рублевья подсвѣчники, люстра въ 5—6 свѣчъ, ризница, въ которой парча - рѣдкость, одинъ, или много два дешевыхъ сосуда, мѣдное какое либо кадило; — смотря на все это, невольно какъ то переносясь въ былыя времена, когда гонимые христіане собирались въ какомъ либо забытомъ зданіи и тамъ только молились, а объ украшеніи своей молельницы и думать не могли; или иногда думаешь, не въ Булгаріи ли путешествуешь, гдѣ такъ богаты архіереи - греки, и такъ бѣдны приходскіе храмы; по к. м., разсмотрѣвъ не одну виѣшность, но и внутреннее убранство нашихъ приходскихъ церквей не вдругъ рѣшишься причислить ихъ къ благоденствующему и господствующему вѣроисповѣданію. Другое дѣло — монастыри. Бѣдность и въ ихъ не многихъ церквахъ встрѣчается, но убожества, нищеты нигдѣ не найдешь. Большинство же монастырскихъ храмовъ поражаетъ великолѣпіемъ и богатствомъ всякаго, кто видѣлъ только сельскія и отчасти городскія церкви. По монастырямъ всегда почти можно видѣть, что Православіе въ Россіи есть господствующая вѣра. Какое огромное количество найдете вы серебряныхъ и золотыхъ сосудовъ, дисковъ, лжицъ, блюдечекъ, тарелокъ, ковчеговъ, кадилъ, крестовъ, евангелій съ серебряными и золотыми крышками, на которыхъ финифтяные образа осыпаны жемчугомъ и дорогими камнями? Сколько тамъ богатыхъ длинныхъ и широкыхъ, цѣльныхъ и сшивныхъ ковровъ, изъ которыхъ бы одними съ гордостію покрылъ богачъ свою парадную дѣстницу, а другими устлалъ свой кабинетъ и гостинную? Сколько серебряныхъ окладовъ на иконахъ съ золотыми вѣнцами надъ головами изображаемыхъ святыхъ? Сколько на тѣхъ же иконахъ можно встрѣчать дорогихъ и даже драгоценныхъ камней? Особенно же бываютъ въ полномъ смыслѣ разукрашены иконы тѣхъ святыхъ, на поклоненіе къ которымъ приходятъ богомольцы. Если тутъ же почитаютъ мочи почитаемаго святаго, то рака для него нерѣдко и съ балдахиномъ вычеканена бываетъ изъ серебра 84ѣ пробы и вѣсить по нѣскольку пудовъ. Ризница часто не виѣ-

щается въ шкафахъ, которые можно поставить въ алтарѣ; для нея отводится особая комната, даже нѣсколько комнатъ; тутъ вы увидите цѣлые десятки (даже не сотни ли?) богатѣйшихъ парчевыхъ ризъ, стихарей, шелковыхъ подризниковъ, шитые золотомъ и серебромъ воздухи и покровы, облачения, унизанныя жемчугомъ и пр.; тутъ вы увидите митры, стоящія десятковъ, даже сотенъ тысячъ рублей.

Отдѣлъ 10ый.

Раздѣленіе монастырей на общежительные и необщежительные; о помѣщеніи, пищѣ и одеждѣ монаховъ и особенно настоятелей.

Отъ богатства обителѣй самымъ логическимъ порядкомъ можно заключать къ богатству обитателей. Въ самомъ дѣлѣ странно было бы предполагать, чтобы братія и настоятель, при богатыхъ, а иногда при богатѣйшихъ монастырскихъ доходахъ, стали жить сами въ скудости. Для избѣжанія этой опасности м-ще большей части нашихъ монастырей открыто даже отступили отъ своего идеала.

Мы уже видѣли, что при самомъ постриженіи своемъ, монахъ даетъ обѣтъ нищеты и нестяжательности. А по 6му правилу собора константинопольскаго «монахи не должны имѣть ничего собственнаго.» И потому этимъ же правиломъ имъ до постриженія дозволяется все свое имущество завѣщать по произволу, но, по вступленіи въ м-во, монастырь имѣетъ власть надъ всею ихъ (монаховъ) имуществомъ и имъ не предоставлено распоряжаться ничѣмъ собственнымъ; — все, принадлежащее имъ, утверждается за монастыремъ. За утайку же чего либо соборъ приказываетъ налагать на виновнаго епитимію. Основываясь на этомъ одномъ, всякій имѣетъ право заключать, что монахи послѣ своего постриженія не должны вновь обзаводиться собственностію; иначе странно же было бы отдать всю собственность въ монастырь, а потомъ, поступивъ въ него, опять ею обзавестись и притомъ изъ тѣхъ доходовъ, которые приобретаетъ монастырь отъ добротныхъ мірянъ. Относительно этого есть даже и положительные законы. По 28му правилу духовнаго регламента о монахахъ «вся бываемыя доходы изъ монастыр-

скихъ вотчинъ и даемая отъ боголюбцевъ и церковныя доходы приѣмлютъ въ едино опредѣленное мѣсто, и изъ того употребляютъ на вся церковныя и монастырскія и братскія potreбы. Аще же не будетъ тако, то не престанетъ имѣній хищеніе, любоначалія ради бываемое, которое обителямъ въ сущее разореніе, а ихъ сродникамъ въ обогащеніе.» На похищеніе люди рѣшаются б. ч. въ томъ случаѣ, когда или нуждаются въ необходимыхъ житейскихъ потребностяхъ, или видятъ, что другіе имъ равны живутъ гораздо лучше. Поэтому 25^{мъ} правиломъ тойже статьи регламента полагается: «пища и питіе и одѣяніе всѣмъ въ равенствѣ да будетъ. Аще бо не тако, то всякъ тѣшится будетъ красти многихъ ради пищи и питія и одежды.» Чтобы такія распоряженія привести въ исполненіе, 27^е правило предписываетъ: «въ монастыряхъ общежитію быти по правиломъ святыхъ отецъ; аще бо не общая житія будетъ, всякъ повлечетъ потребная врознь.» Не смотря на столь ясныя правила, чтобы монахи не имѣли своей собственности, а жили общежитіями, наши монастыри съ давнихъ поръ раздѣляются на *общежительные* и *необщежительные*; первыхъ очень немного, большинство на сторонѣ послѣднихъ. Въ общежительныхъ монастыряхъ всё безъ исключенія доходы, получаютъ ли они изъ кружечныхъ и свѣчныхъ сборовъ, отъ совершения разныхъ богослужебныхъ дѣйствій, или отъ земли, мельницъ, лѣсныхъ дачъ и пр., — всё поступаютъ въ монастырскую кассу. Здѣсь у братія собственности нѣтъ никакой. Но зато самъ монастырь снабжаетъ ее всѣмъ нужнымъ для жизни и притомъ въ изобиліи; онъ даетъ не только пищу и одежду, но чай, сахаръ, — средства попотчивать пришедшаго гостя, бумагу, чернила, даже деньги для отсылки писемъ. Монастыри эти представляютъ собою, т. е. ть, примѣръ коммунизма подъ вліяніемъ религіозныхъ идей, но имѣютъ недостатки и совершенства коммунистическихъ обществъ. Община богатѣетъ; члены ея, пока въ ней, всѣмъ продовольствуются, но выйди они за ворота изъ нея, и остаются нищими. Вотъ почему братія общежительныхъ монастырей немножко похожа на воспитанниковъ тѣхъ учебныхъ заведеній, гдѣ все безъ исключенія казенное. Какъ бы отличныя содержаніе ни было во всѣхъ отношеніяхъ, все — такіе воспитанники и взрослые, и не взрослые бывають недовольны; имъ хочется имѣть *свои* деньги, чтобы удовлетворять *своими* желаніямъ по *своей* волѣ.

Въ необщежительныхъ монастыряхъ доходы раздѣляются на двѣ части; одни поступаютъ въ монастырскую кассу

и употребляются на поддержаніе монастыря, украшеніе его и церквей, отопленіе, пищу братіи и т. п.; а другіе предоставляются въ безотчетное употребленіе братіи съ тѣмъ, чтобы она, пользуясь пищею въ общей столовой, сама уже заботилась о проихъ своихъ житейскихъ нуждахъ, напр. объ одеждѣ, обуви, чаѣ, сахарѣ и пр. Дѣленіе это бываетъ не вездѣ одинаково, но доходы отъ продажи свѣчъ, отъ угодьевъ и кружечнаго сбора принадлежатъ монастырской кассѣ, а деньги за молебны, проскомидіи и пр. отдаются монахамъ. Впрочемъ тутъ не нарушимой границы нѣтъ. Въ приходскихъ церквахъ будь церковные доходы огромны, а причтъ страдаетъ безденежьемъ, тѣ остаются въ церкви; староста не позволяетъ причту ими пользоваться. А въ монастырѣ недостатокъ братскихъ доходовъ всегда можетъ быть пополненъ изъ монастырской кассы, т. о, отказавшійся отъ собственности монахъ вновь дѣлается собственникомъ, конечно не недвижимаго имѣнія, а денегъ, изъ которыхъ можетъ составлять и капиталы. Такъ какъ быть владѣльцемъ хоть какой либо собственности, притомъ при готовыхъ квартирѣ, столѣ и отопленіи гораздо пріятнѣе, нежели стоять въ рангѣ воспитанника, то наши м-ціе лучше любятъ жить въ монастыряхъ необщежительныхъ.

Теперь посмотримъ на житье — бытѣе всѣхъ вообще нашихъ м-щихъ, начавъ описаніе его съ предметовъ, которые имѣютъ одинаковое значеніе въ общежительныхъ и необщежительныхъ монастыряхъ, именно съ квартиры. Почти во всѣхъ мужескихъ монастыряхъ братскія кельи помѣщаются въ каменныхъ зданіяхъ, которыя хотя и не вездѣ, могутъ назваться красивыми, но въ рѣдкомъ случаѣ бываютъ дурными. Напротивъ часто попадаются огромныя, великолѣпныя палаты, въ которыхъ бы не стыдно было помѣститься феодальному барону; напр. въ Юрьевѣ монастырѣ находится пять каменныхъ двухъ-этажныхъ домовъ отъ 30—70 саж. длиною; а всей братіи съ послушниками только 58 человекъ. Братскія кельи, каждая отдѣльно, внутри не вездѣ красивы; видно, что тутъ живетъ мущина, который не слишкомъ много хлопочетъ о красотѣ и опрятности, но нельзя же ихъ назвать тѣсными и дурными; въ богатыхъ же монастыряхъ онѣ хороши; затѣмъ у монастырскихъ властей, смотря по степенямъ жильцовъ, становятся лучше и лучше. Настоятельскія квартиры рѣдко состоятъ менѣе, нежели изъ 4хъ комнатъ; въ другихъ же можно помѣститься со всѣми удобствами огромному семейству знатнаго барина. Тутъ кромѣ того часто встрѣтишь паркетные полы, красивые обои на стѣнахъ,

полковыя занавѣски у оконъ, настоящія драпери и жалюзи, богатыя ковры, мебель краснаго, или орѣховаго дерева съ роскошными мягкими подушками, даже двухъ-аршинныя зеркала. Пришедши въ эти покои и дожидаясь, пока выйдетъ къ вамъ хозяинъ ихъ, вы забываете, что находитесь въ жилищѣ начальника людей, отказавшихся отъ міра, наложившихъ на себя обѣтъ нищеты; вы думаете, что стоите въ пріемной богатаго, даже вельможнаго барина. И потому когда является настоящій жилецъ, вы приходите въ какое-то замѣшательство, не вѣрите, чтобы онъ тутъ жилъ. Пустыньники степей фивандскихъ, старинные наши кіево-печерскіе подвижники, воскресните, возьмите съ собою нынѣшнихъ даже обитателей Афона и посмотрите, какое безконечное различіе между вашими пещерами, землянками, лачугами и нынѣшними обиталищами нашихъ монастырскихъ настоятелей!

Не надобно при этомъ забывать, что у братіи, особенно у о. настоятелей нѣкоторыхъ монастырей есть особы помѣщенія внѣ монастырской ограды, подъ названіемъ дачъ, мызъ, хуторовъ, загородныхъ домовъ и пр. съ огромными садами, обширными лѣсами, съ пчельниками, виноградниками и пр. Тутъ встрѣчаются дачи, которымъ позавидуютъ лѣтніе жители не только Лѣснаго Института, Кушелевки, Новой деревни, но Павловска, Петергофской дороги и пр. Но здѣсь нужно сдѣлать особенное замѣчаніе о ректорахъ семинарій и въ тоже время настоятеляхъ монастырей; каждый изъ нихъ имѣетъ въ семинарскомъ домѣ отличную квартиру. И монастырь и семинарія часто въ одномъ и томъ же городѣ, даже чуть не рядомъ между собою. Отцы ректора конечно во всякій данный моментъ могутъ жить только въ одномъ мѣстѣ, но очень рѣдко соглашаются уступить кому либо одну изъ двухъ своихъ квартиръ. И если бы назойливые профессоры — бѣдняки, бѣдствующіе на наемныхъ квартирахъ, попросили помѣстить себя въ которыхъ либо комнатахъ ректора, совершенно излишнихъ для него, то онъ сразу, какъ в. с. н. о II-ой семинаріи (5. ч. 7го отд.), сошлетъ на Высочайшее повелѣніе и посоветуетъ профессорамъ голодать и холодать гдѣ либо въ городѣ, но уже безъ Высочайшаго повелѣнія.

О. о. ректора относительно квартиръ ставятъ семинаріи выше своихъ монастырей. Предпочтеніе это выражается преимущественно въ томъ, что въ семинарскомъ корпусѣ квартиры ихъ почти всегда лучше отдѣланы, нежели въ монастыряхъ. На это есть много основательныхъ причинъ. Семинаріи близки къ міру и иногда не отдѣляются отъ него даже каменною оградой; значитъ, въ нихъ можно допустить

болѣе роскошное помѣщеніе, нежели въ какой либо обители. А главное, остатки монастырскихъ суммъ могутъ быть употребляемы о. настоятелемъ по его *благову* усмотрѣнію и переходить даже въ шкатулки его самого и въ карманы братіи. Но въ семинаріи остаточныя суммы отъ одного къ другому году вносятся въ отчеты, не могутъ раздѣлиться между членами Правленія, — расходуются съ разрѣшенія высшаго начальства, а нынѣ тотчасъ засчитываются духовно-учебнымъ управленіемъ къ слѣдующему году. Такъ къ чему жъ ихъ беречь? Лучше ихъ истратить въ томъ же году, когда онѣ ассигнованы. А если бы такихъ суммъ не доставало, то почему отъ содержанія учениковъ не сдѣлать маленькой экономіи, — рубля по два — по три отъ каждаго желудка; полученныя т. о. сотни три — четыре дадутъ возможность убраться приличнымъ образомъ квартиру отца начальника?

Въ нѣкоторыхъ изъ такихъ квартиръ инныя комнаты, особенно одну (повторю: въ нѣкоторыхъ, а не вездѣ), можно назвать *привилегированными*. Чтобы понять такое названіе, я попрошу васъ прочитать Пикильо д'Аллягу, романъ Евгенія Скриба. Въ немъ въ 6ой части между прочимъ разсказывается, что при Филиппѣ третьемъ въ Мадридѣ поселились іезуиты подъ начальствомъ о. о. Хероме и Эскобара, и что они умѣли при помощи такъ называемаго благочестиваго обiana завлечь къ себѣ Мавра Пикильо д'Аллягу. Этотъ послѣдній вошелъ однажды въ келью о. Хероме въ то время, какъ тамъ случайно никого не было. Келья была не дурна; п. ч. вообще іезуиты любятъ жить опрятно; это не то, что какіе нибудь босоногіе капуцины, — но и не очень богата. Только Пикильо, озираясь въ темной кельѣ, примѣтилъ на полу слабый свѣтъ, который выходилъ чрезъ какую-то щель; онъ подошелъ къ ней, предполагая найти дверь. Но тутъ стояла большая картина, которая отодвигалась и маскировала входъ въ другой покой. Обыкновенно эта картина придвигалась такъ плотно, что никто не могъ подозрѣвать за нею ничего, кромѣ стѣны, но на этотъ разъ не всѣ взяты были предосторожности. Пикильо едва взялся за раму, какъ таинственная дверь сама отворилась и его внезапно поразилъ яркій свѣтъ отъ множества свѣчъ. То была небольшая, но довольно роскошно убраная комната, вовсе не похожая на келью монаха. По срединѣ стоялъ накрытый столъ, уставленный отборными, ни мало не постными явствами и отличными винами. Мягкія шолковыя кресла, по видимому, приглашали садиться; у задней стѣны стоялъ такой же мягкій диванъ съ пуховыми подушками. По сторонамъ дивана два

узкихъ прохода были завѣшаны зелеными тафтяными драпировками. Пякильо хотѣлъ было воротиться въ свою келью, но, услышавши чьи-то шаги и не разсуждая, что дѣлаетъ, бросился на удачу за одну изъ тафтяныхъ драпировокъ. Черезъ минуту вошли въ комнату о. Эскобаръ и придворная дама графиня д'Альтамира. И она, осмотрѣвши все, воскликнула: какъ все здѣсь изящно! Точно будуаръ! . . . . Это мѣсто довольно . . . . довольно соблазнительно . . . . особенно одинъ на одинъ. Какъ вы думаете? спросила она о. Эскобара; а мы, вѣдь, съ вами здѣсь *почти* одинъ на одинъ. Какъ *почти*? сказалъ о. Эскобаръ, мнѣ к-ся, насъ дѣйствительно только двое. — А ваша *добродѣтель*, весело вскричала графиня, ваша добродѣтель которой вы не считаете, отецъ мой, и которая однако должна входить въ расчетъ. Трудно рѣшить, какіе бы труды предстояли этой третьей особѣ, если бы не вошолъ вскорѣ о. Хероме.

Знаете, г. ч., скажу вамъ по секрету, что въ семинарскихъ комнатахъ нашихъ *нѣкоторыхъ* (замѣтите: не *всѣхъ*) о. о. Хероме комнаты раздѣляются на оффиціальныя и привилегированныя. Первые состоятъ изъ зала и гостиной, — и онѣ убраны хорошо. Но тамъ гдѣ нибудь не за картиною, а за дверью, комнатою, иногда двумя, даже тремя есть комната привилегированная. Вотъ туда-то надобно зайти, чтобы видѣть, какъ развитъ изящный вкусъ у хозяина. «Ахъ, батюшка-ты мой, недавно мнѣ говорилъ одинъ знакомый. Посмотрѣлъ я на *комнату-то*, ну ужъ на диво все тамъ устроено. Ковры закрываютъ весь полъ, да такіе мягкіе, толстые, — спи на нихъ какъ на постелѣ, ходи — ничего не слышно, даже попляши — и то ничего. А диванъ? А кресла? Сидишь на нихъ, точно какъ будто на воздухѣ, такъ мягко! слѣзати не хочется. А обои? откуда это онъ ихъ взялъ? Я слышалъ, что самъ привезъ изъ Петербурга Потомъ, батюшка-ты мой, столяръ цѣлыхъ два мѣсяца устроивалъ у него полочки лѣсенкою (что французы называютъ *gradin*) по вѣсѣмъ почти стѣнамъ; ихъ выкрасили и поставили горшками съ цвѣтами и деревьями; заглядѣнье, да и только; такъ и думаешь, что въ садикъ зашолъ; а тутъ еще то тамъ порхнеть птичка, то здѣсь зачиликаетъ другая, — на волѣ, родимый, всѣ летаютъ. Вотъ такъ ужъ комната!» Я ничего не говорю, что дѣлается въ такихъ привилегированныхъ комнатахъ. Только знаю, что изъ нихъ есть всегда особый выходъ, минуя передней, что туда не вводятъ самыхъ искреннихъ друзей; изъ прислуги не вѣсѣмъ позволено входить. Не говорю также, одинъ ли о. Эскобаръ здѣсь остается, или

иногда заглянетъ сюда нѣчто въ родѣ графини д'Альтамыры? Бываетъ ли при этомъ третье лицо въ видѣ добродѣтели, или нѣтъ? Но во всякомъ случаѣ всѣ мѣры приняты къ тому, что бы за тафтяными драпировками никто не могъ скрываться и подслушивать то, о чемъ здѣсь разговариваютъ, подсматривать то, что здѣсь происходитъ.

Отдѣлывая и украшая свои комнаты, монахи не могутъ не позаботиться о собственномъ своемъ убранствѣ. Впрочемъ, по моему мнѣнію, не слѣдуетъ требовать отъ нихъ, что бы они ходили въ какихъ либо вретисахъ, въ загрязненныхъ, изорванныхъ покрытыхъ заплатами подрясникахъ, и особенно что бы этимъ тщеславились. Помѣстный гангрскій соборъ въ 12^м прав. относительно этого говоритъ: «аще кто изъ мужей ради мнимаго подвижничества употребляетъ суровую верхнюю одежду, и акибы отъ сего получая праведность, осуждаетъ тѣхъ, которые съ благоговѣніемъ носятъ шелковыя одѣянія и употребляютъ общую и обыкновеніемъ принятую одежду; да будетъ подъ клятвою.» Слова эти относятся вообще, какъ к-ся, ко всѣмъ христіанамъ-мірянамъ, но почему на основаніи ихъ и монаху не позаботиться о приличіи своей одежды. Только въ такомъ случаѣ необходимо ему помнить 12^е правило седьмаго вселенскаго собора: «всякая роскошь и украшеніе тѣла чужды священническаго чина и состоянія. Сего ради епископы, или клирики, украшающіе себя свѣтлыми и пышными одеждами, да исправляются. Аще же въ томъ пребудутъ, подвергать ихъ епитиміи. Понеже отъ древнихъ временъ всякій священный мужъ довольствовался не роскошнымъ, а скромнымъ одѣяніемъ, ибо все, что для непотребности, но для убранства приемлется, подлежитъ обвиненію въ суетности, якоже глаголетъ Василій Великій. Но и разноцвѣтныя изъ шолковыхъ тканей одежды не были носимы и на края одежды не налагались воскрилія инаго цвѣта.» Постановленіе это относящееся собственно къ епископамъ и клирикамъ тѣмъ болѣе должно быть примѣнено къ монахамъ, которымъ по предреченію постригающаго игумена даже придется *нагнстовати*. Но обращаясь къ дѣйствительности, мы увидимъ, что м-ще помнать 12 правило только гангрскаго, а не втораго никейскаго собора. Они почти вездѣ одѣты лучше, нежели бѣлое д-во; по к. м. изъ нихъ почти никого не встрѣтите босоногимъ, въ одномъ бѣлѣ, одѣтымъ иногда въ зипунъ, старый полушубокъ, изорванный подрясникъ, засаленную рясу, какъ это бываетъ съ сельскимъ д-вомъ. Самый послѣдній послушникъ всегда въ порядочномъ подрясникѣ и въ сапогахъ: если изъ подъ под-

рясника замѣтно грязное, черное бѣлье, то это доказываетъ не столько бѣдность, сколько своего рода вкусъ и семинарскій обычай перемѣнять бѣлье чрезъ недѣлю, или двѣ. Наибольшая же часть послушниковъ имѣетъ чистые подрясники изъ очень хорошихъ матерій, даже иногда изъ шелковыхъ. Поясаются они ремнями, но у щеголей вы увидите широкіе священническіе поясы, шитые шерстью, шелкомъ, или даже чѣмъ либо подрагоцѣннѣе, такъ что на послушника въ праздничномъ нарядѣ съ волосами, приосанными и живописно раскинутыми по плечамъ, можно мужчинѣ полюбоваться, а иной горожанкѣ позволительно засмотрѣться тѣмъ болѣе, что они отличаются здоровымъ видомъ лица, неробкою походкою, услужливостію и пр. Одежда іеродьяконовъ и іеромонаховъ дурною почти нигдѣ не бываетъ. Если вы въ иномъ монастырѣ, или около него встрѣтите монаха въ поношенномъ подрясникѣ, въ босовичкахъ, то не считайте его бѣднякомъ, вы его видите въ неглиже, къ которому онъ привыкъ въ училищѣ и въ деревнѣ. О богатыхъ монастыряхъ нечего и говорить. Тутъ у братіи не только шерстяныя, но и шелковыя рясы — не, Богъ знаетъ, кака я рѣдкость. Особенно они любятъ щеголять подрясниками, черный цвѣтъ для нихъ забывается, не только голубая, малиновая, а даже пунцовая краска выглядываетъ изъ-подъ рясы. Въ настоятеляхъ особенно въ ректорахъ семинаріи роскошь въ этомъ случаѣ доходитъ до очень высокой степени. Самыя лучшія шелковыя матеріи, притомъ самыхъ яркихъ цвѣтовъ и красивыхъ рисунковъ можно встрѣчать только на ихъ подрясникахъ и платьяхъ дамъ, не даромъ же говорится, что *крайности сходятся*. Еще нельзя не замѣтить, что на многихъ прогрессистахъ, особенно тѣхъ, которые побывали въ Петербургѣ, одежда какъ-то чрезвычайно пышно и живописно лежитъ, смотря на нихъ невольно задаешь вопросъ: отчего это и ряса и особенно подрясникъ какъ будто шире, объемистѣе, т. е. въ большей дали отъ тѣла, нежели какъ слѣдовало бы ожидать по структурѣ тѣхъ, которые носятъ ихъ. Я долго не зналъ, какъ разрѣшить эту задачу. Но вотъ недавно мой знакомый, услышавъ о моихъ недоумѣніяхъ засмѣялся и сказалъ: «эхъ вы, простаки; недоумѣніе ваше легко разрѣшается. Отчего нынѣ у дамъ такъ широко раскидываются платья? К-ся, знаете отъ чего. Но ихъ кринолины слишкомъ уже широки, даже до безобразія; мужчины въ этомъ отношеніи скромнѣе.» Эге, ге ге, подумалъ я; вотъ отчего такъ пышно сидятъ подрясникъ и ряса. Послѣ какъ-то счастливый случай доставилъ моему знакомому

возможность поговорить съ портнымъ, который шьетъ платье на его В-біе, о ректора семинаріи. Портной, подъ глубочайшимъ секретомъ, сообщилъ, что онъ шилъ новый подрясникъ его В-бію на особой клеенкѣ, которая даетъ необыкновенно великолѣпный и пышный видъ одеждѣ; — не уступить криволину! (У насъ, прибавилъ онъ, монашескихъ криволиновъ нѣтъ, а изъ Петербурга выписать неловко.) Портной говорилъ правду. Разболтавшись, онъ прибавилъ, что его В-біе приказываетъ шить рясу въ подолъ до 12ти аршинъ и потому онъ беретъ матеріи несравненно болѣе, нежели священники. Вообще надобно сказать, что м-во, если есть возможность, одѣвается чрезвычайно пышно и красиво, оно, какъ говоритъ Скрибъ, въ Пикильо д'Альяга объ о. Хероме, любитъ щеголять всѣмъ, чѣмъ только возможно пощеголять въ его званіи; только петербургское бѣлое д-во ему не уступить въ этомъ отношеніи. Поднимемся выше; тутъ ужъ чорный цвѣтъ даже на рясахъ оставленъ; онѣ сшиты изъ матерій необыкновенно яркихъ цвѣтовъ и затѣйливыхъ рисунковъ; тутъ уже употребляются произведенія не московскихъ, а лонскихъ фабрикъ; тутъ ряса и подрясникъ стоятъ не одну сотню руб.; за то заглядишься на нихъ, такъ все красиво и великолѣпно. Встрѣчаются примѣры даже нѣсколько непонятнаго, мелочнаго щегольства. Напр. одинъ не очень давно скончавшійся прогрессистъ имѣлъ, можно сказать, страсть къ перчаткамъ. Ихъ по особой мѣркѣ приготавлила мѣстная модистка для того, что бы онѣ не могли стѣснять, а, главное, чтобы вполне обрисовывали пухленькія ручки надѣвавшего ихъ. Одна и таже пара перчатокъ рѣдко надѣвалась болѣе одного раза, такъ что въ счастливый для модистки день ихъ употреблялось по 3—4 пары. Хотя носившій, будучи нетерпѣливаго характера, не снималъ, а больше срывалъ, а потому часто разрывалъ перчатки, впрочемъ келейникъ отъ продажи этихъ обрывковъ модисткѣ получалъ порядочный доходъ.

Чѣмъ ни одѣвайся, все-таки будетъ холодно, если не имѣешь своей внутренней теплоты; а эта теплота, какъ давно уже учитъ Либихъ, поддерживается пищею, такъ что послѣднюю въ нѣкоторомъ смыслѣ можно назвать дровами, нагрѣвающими нашъ организмъ. Вотъ почему и здѣсь отъ одежды ближе всего перейти къ пищѣ. Изъ обряда постриженія въ монахи, мы уже знаемъ, что новопостригаемый клянется пребывать въ постничествѣ, а игумень наставляетъ его въ *постъ не разслабляться*, предрекаетъ, что онъ будетъ *и алкати и жаждати*. Судя по этимъ словамъ на-

добно было бы полагать, что подъ пышиною и великолѣпною монашескою одеждою скрываются тѣла, изнуренныя сухощадеміемъ и постничествомъ. Торопиться такимъ заключеніемъ не слѣдуетъ; п. ч. при томъ же постриженіи игуменъ каждому новому монаху съ незапамятныхъ временъ предрекаетъ, что онъ будетъ *нагтовати*, а м. т. мы уже видѣли, какъ хорошо прикрыты *тѣлеса* иноковъ. Теорія, если бы даже она основывалась на церковныхъ книгахъ, не всегда надобно вѣрить; лучше держатся дѣйствительности.

Правда, есть настоятели, которые стараются приучить свою братію къ постничеству, дѣлая распоряженія, чтобы пища приготовлена была не роскошная, даже скудная; иногда и припасы отпускаются не хорошаго качества. Въ 1862 г. за обѣдомъ по случаю освященія храма въ селѣ разсуждали о томъ, почему нынѣ мало людей идетъ въ монахи. Сидѣвшій за столомъ архіерей сказалъ: «ну да какъ итти? вотъ подика къ нему (тутъ онъ указалъ на одного архимандрита), онъ заморить; хлѣба даетъ монахамъ по золотникамъ; развѣ въ пасху даетъ рыбки, да и то по золотникамъ.» При другомъ обѣдѣ у новаго протоіерея, обратившись къ свѣтскому лицу, тотъ же архіерей сказалъ про другаго архимандрита тутъ же бывшаго: «знаете ли, какъ онъ морить своихъ монаховъ? У него капуста еще третьягоднишная; червей въ ней множество; а все таки щи изъ нее велить варить.» При такой пищѣ по неволѣ будешь постникомъ. Но почему-то сами настоятели не очень любятъ постничество; приучая къ нему братію, они въ своихъ келіяхъ имѣютъ лучший столъ. Такъ напр. въ извѣстномъ мнѣ монастырѣ обѣдъ для о. настоятеля становится дороже, и масла скоромнаго выдается на него больше, нежели для всей братіи. Въ этомъ случаѣ о. о. настоятели м. б. руководствуются обычаями Афона, гдѣ, какъ пишетъ г. Благовѣщенскій (стр. 21) «для духовниковъ и игуменовъ, какъ для людей почтенныхъ и слабыхъ, въ нѣкоторыхъ киновіяхъ готовится особый столъ, болѣе приличный и питательный.» Притомъ постническія распоряженія встрѣчаютъ сильную оппозицію не только во всей братіи, но и въ о. казначей; не обходится даже иногда безъ жалобъ, безъ маленькихъ демонстрацій и революцій; тутъ всего яснѣе бываетъ видно, какъ плоть умѣетъ возставать противъ духа. Поэтому настоятели почти вездѣ, если не по благому соизволенію, то изъ опасенія революціонныхъ движеній принуждены бываютъ не очень сильно приучать своихъ подчиненныхъ къ постничеству. Безъ мясной пищи конечно не совѣтъ приятно оста-

ваться; её действительно не подаютъ въ монастырской трапезѣ. Но и рыбная пища не дурна, иногда лучше мясной, а при помощи молока, яицъ и скоромнаго масла въ непостные дни можно устроить очень хороший столъ. Чтобы въ этомъ случаѣ имѣть удобства, въ рѣдкомъ монастырѣ, кромѣ столичныхъ, нѣтъ скотнаго двора, гдѣ вопреки афонскимъ обычаямъ содержится нѣсколько отличныхъ коровъ. При томъ и совершенно постный столъ можно сдѣлать очень вкуснымъ при помощи опытнаго повара; я помню, какъ однажды весьма порядочный человѣкъ, кушавшій въ тотъ день въ монастырской трапезѣ, съ удивленіемъ, чуть не съ восторгомъ говорилъ: «это настоящее чудо! какимъ образомъ безъ рыбы и скоромныхъ приправъ можно приготовить такой хороший обѣдъ, какой нынѣ мнѣ пришлось кушать. Особенно меня удивили котлеты изъ чорнаго хлѣба; право, объѣденъ.» Слушая моего пріятеля, я очень хорошо понялъ, почему для приготовления постныхъ столовъ приглашаютъ монастырскихъ поваровъ; почему одинъ помѣщикъ въ какой-то драмѣ, или повѣсти (не припомню хорошенько), говоритъ, что у него постный столъ отличный и это подтверждаетъ тѣмъ преимущественно, что его поваръ учился на архіерейской кухнѣ. Кромѣ того *слухомъ земля полнится*, а поговариваютъ и очень громко, что будто бы въ нѣкоторыхъ монастыряхъ въ общую кухню иногда приносятъ отъ того или другаго *брата нашего* кастрюльки съ замочкомъ и съ небольшимъ отверстіемъ для выхода паровъ; — какіе припасы положены въ кастрюльки — не увидишь; но зачѣмъ бы заперать ихъ? Говорятъ также, что обитатели келлій подражаютъ Людовику XVIII, королю французскому. Монархъ этотъ очень любилъ кулинарное искусство, приказывалъ своему первому министру, или другому довѣренному лицу приносить припасы, запирался съ нимъ въ кабинетъ и тамъ въ то время, какъ полагали, что онъ съ министромъ занимался государственными дѣлами, онъ на особомъ секретномъ очагѣ приготавливалъ какое либо кушанье и потомъ кушалъ его. У нашихъ иноковъ нѣтъ министровъ; но будто бываютъ очажки, на которыхъ подобно Людовику и они занимаются приготовленіемъ любимыхъ ими кушаньевъ, издающихъ запахъ не совѣмъ постный. О настоятеляхъ, особенно прогрессистахъ нечего и говорить. Кухни послѣднихъ составляютъ настоящее *табу* для всѣхъ, кромѣ повара; въ былыя времена не одному семинаристу слишкомъ любопытному доставалось даже за то, если онъ осмѣливался переступить за порогъ этого завѣтнаго табу. Нынѣ по мѣстамъ семинаристы

стали посмѣлѣе и подогадливѣе прежняго. Въ 1865 г. въ одной семинаріи даже въ мясоѣдъ слишкомъ плохо кормили казенныхъ учениковъ. Одинъ изъ нихъ какъ-то сблизился съ ректорскимъ поваромъ, даетъ ему самую пустую плату, но за-то получаетъ прекрасное дополнение къ семинарскому столу. «Спасибо, говорилъ онъ знакомому своему товарищу, что познакомился съ ректорскою кухней, даешь изрѣдка повару гривенникъ и тамъ душу отводишь.» А вѣдь поваръ не на свои деньги кормитъ семинариста; и о. ректоръ доволенъ имъ!! Но вотъ уже случай почти оффиціальныи. По смерти одного знаменитаго прогрессиста между огромнымъ запасомъ килекъ, сардинокъ, салакушекъ, икры паясной и жидкой, стерлядей и цѣлыхъ сотенъ бутылокъ съ лучшими винами отъ Депре къ удивленію нашли рябчиковъ, куропатокъ, перепеловъ, залитыхъ въ особаго рода желѣ. Объясняли такъ: вѣроятно купецъ, которому поручено было сдѣлать запасъ по недоразумѣнію привезъ кое-что и не изъ рыбаго; недоразумѣнія не успѣли разрѣшить, а смерть все покончила. Только купецъ не объявлялъ своихъ претензій на неуплату. Впрочемъ при жизни прогрессиста было два случая, относящіеся сюда: къ нему пришедшій домашній лекарь засталъ его во время обѣда, извините за нескромность, за жаркимъ изъ рябчика. Хозяинъ спросилъ доктора: «а что можно ли мнѣ это ѣсть?» Хоть докторъ былъ орусѣвшій Французъ, но отвѣтилъ очень неловко: «конечно нынѣ великій постъ.» — «Не о томъ спрашиваю, перебилъ вопрошавшій, а хорошо ли это блюдо для желудка?» Докторъ поспѣшилъ поправить свой прежній промахъ, однако все таки замѣненъ былъ другимъ. Поваръ этого прогрессиста поступилъ на ту же должность къ мѣстному почтмейстеру и однажды въ припадкѣ откровенности сказалъ: «вотъ баринъ, такъ не надивлось прежнему моему хозяину. Живаль я у многихъ господъ, но такой *скороми* нигдѣ не видывалъ; вѣдь даже въ великую пятницу все было скоромное; а и господа въ страстную все таки посятся.» Когда послѣ погребенія этого прогрессиста нужно было производить опись имѣнія и обычные поминки, д-во, присутствовавшее по этому случаю на обѣдахъ, съ какимъ-то удовольствіемъ отзывалось объ отличныхъ винахъ и такъ называемыхъ сухихъ, закускахъ, которыя ему пришлось тутъ кушать. А частный приставъ, участвовавшій въ описи (во время производства которой каждый день описывавшимъ подавалось закуска изъ оставшагося послѣ покойника) говорилъ, что такихъ закусокъ и винъ не приходилось ему пробовать и въ Петербургѣ.

Къ другому прогрессисту въ Великую пятницу пришолъ его подчиненный прогрессистъ тоже и засталъ своего начальника не въ духѣ. «Какъ ваше здоровье?» спросилъ подчиненный. — «Да что? мочи нѣтъ, животъ подтянуло, ужасная въ немъ рѣзь; постная пища меня разстроиваетъ; не знаешь ли, какъ этому пособить?» Подчиненный очень хорошо понялъ, куда идетъ рѣчь, и потому отвѣчалъ: «поберегите свое здоровье, прикажите сварить что либо попитательнѣе и полегче.» — «А что въ самомъ дѣлѣ, весело спросилъ начальникъ, развѣ велѣтъ приготовить куриный супъ?» — Почему же не приготовить? отвѣчалъ подчиненный.

Третій болѣе знаменитый прогрессистъ былъ замѣчательнымъ гастрономомъ. Его поварь сначала получалъ 2500 р. асс. жалованья, которое за отличную службу было возвышено до 3000 р. асс. и сверхъ того онъ пользовался квартирою и столомъ; такъ что былъ обезпеченъ несравненно лучше, нежели ординарные профессоры той духовной академіи, которая въ патронѣ повара имѣла попечителя. Патрону ежедневно подавалось до шести разъ кушанья изъ нѣсколькихъ, блюдъ, подъ названіемъ завтрака, закуски, обѣда, полдника, ужина и еще чего-то. Застольными же участниками были викарій, домашній секретарь и одинъ архимандритъ наперсникъ. Послѣдніе двое считали жизнь свою блаженною, цѣли здоровьемъ и дородностію; *имъ*, какъ говорятъ, *все шло съ прокъ*. Но викарій — человекъ простой жизни — пришолъ въ ужасъ отъ такого многобѣднія, и потому просилъ, какъ милости, не участвовать въ гастрономическихъ наслажденіяхъ своего начальника. Когда за одинъ годъ нужно было подвести итогъ кулинарныхъ расходовъ, употребленныхъ поваромъ на почтенное *триб*, то комитетъ изъ трехъ монаховъ ужаснулся, увидѣвъ, что онъ простирается до 6000 руб. сер., хотя въ него не внесены были многіе запасы, отпушавшіеся изъ общихъ монастырскихъ кладовыхъ. Четвертый и еще болѣе знаменитый прогрессистъ особенную роскошь любилъ обнаруживать въ чаю, который для него исключительно выписывался по самой высокой цѣнѣ. Чайникъ былъ огромный; чай сыпался туда самою щедрою рукою; такъ что фунтъ становился на 3—4 дня, хотя *мы тивам* чашки по двѣ, или по три. Мѣстные трактирщики уговорили келейника, чтобы онъ, напоивши своего патрона, сливалъ изъ чайника воду, а *спитый*, какъ говорятъ, *чай* посылалъ къ нимъ за очень хороша деньги; они же этимъ спитымъ чаемъ угощали только тѣхъ, кого *хотѣли уважить*. Пятый доселѣ здравствующій живетъ великолѣпнѣйшимъ

образомъ, какъ жила въ старину не только толедскіе архіепископы, но и кардиналы Роганы. Ему на собственное его имя высылаются прямо изъ за границы лучшія вина, отъ которыхъ петербургскіе свѣтскіе гости въ восторгѣ и въ благодарности не нахвалятъ гостепріимнаго архипастыря.

Прошу покорнѣйше читателя не прилагать моихъ предъидущихъ и послѣдующихъ словъ о монашескомъ постничествѣ ко всѣмъ вообще инокамъ и ко всѣмъ временамъ года. Извѣстно, что во всѣхъ монастыряхъ первая и послѣдняя недѣля великаго поста отличаются не только сухожденіемъ, но и малоѣденіемъ, если, р-ся, довольствуются тѣмъ, что предлагають въ трапезѣ. Есть даже довольно характеристическій анекдотъ, сюда относящійся. Одинъ татаринъ по какимъ-то непріятностямъ въ своемъ обществѣ рѣшился отдѣлиться отъ него и принять христіанство. Его помѣстили для приготовленію къ крещенію въ одинъ изъ монастырей; дѣло было предъ самою масляницею. Блины и прочія гастрономическія наслажденія сырной недѣли татарину очень понравились и потому на вопросъ: хорошо ли тебѣ жить здѣсь, онъ сказалъ: *славно, мнѣжи пальчи, маши юлова* (т. е. облизывай пальцы, да помазывай голову). Но вотъ наступила первая недѣля великаго поста съ своими продолжительными службами, съ своею пищею холодною и безъ масла даже постнаго. Татаринъ потерпѣлъ нѣсколько дней, потомъ, улучивъ минуту, убѣжалъ вонъ и пошолъ съ повинною опять въ свое общество. На дорогѣ ему попался мужикъ, который на веревкѣ велъ собаку. Куда ты еѣ ведешь? спросилъ татаринъ. Хочу въ лѣсу повѣсить, отвѣчалъ мужикъ. Зачѣмъ вѣшать? заговорилъ татаринъ; отведи вонъ туда (туда онъ указалъ на монастырь), тамъ сама околѣбѣт.

Далѣе, кому не извѣстно, что между м-щими есть дѣйствительно постники. Такихъ можно встрѣтить не только въ саровской пустынѣ, соловецкомъ, валаамскомъ, коневскомъ, но и въ другихъ монастыряхъ, — правда, не въ большомъ количествѣ, но встрѣтить можно. Затѣмъ есть архипастыри, которыхъ постническая жизнь слишкомъ извѣстна. Напр. у бывшаго ярославскаго архіепископа Е-ія, пока онъ управлялъ разными епархіями, столъ б. ч. состоялъ изъ весьма посредственной ухи и гречневой каши, которая обыкновенно подавалась въ горшечкѣ; ее накладывалъ на тарелку эконоомъ преосвященнаго, всегда съ нимъ кушавшій. Почтеннѣйшій архипастырь, кромѣ этой скудной пищи, ничего не употреблялъ, но о. эконоомъ любилъ пополднать недоста-

токъ архіерейской трапезы прибавленіями въ своихъ комнатахъ. Въ великій постъ одного года владыка велъ слишкомъ постническую жизнь, кушая только по одной просфирѣ, да и то не каждый день съ ослабленнымъ желудкомъ онъ еще болѣе усилилъ постъ въ страстную недѣлю, такъ что въ пасху при совершеніи литургіи его водили подъ руки. Нужно было посоветоваться съ докторомъ зная щекотливость владыки на счетъ мясной пищи, докторъ давалъ ему пилюли изъ бульоннаго желѣ и потомъ уговорилъ аптекаря приготовить скоромный супъ, и давалъ его больному какъ лекарство. Чтобы владыка не догадался о томъ, изъ чего приготовлялся супъ, къ нему подмѣшивали полынь и дѣлали похожимъ на микстуру. Этимъ только благоразумнымъ обманомъ могли спасти жизнь постника. Другой, не давно скончавшійся, знаменитый архипастырь до такой степени привыкъ къ простой пищѣ, даже къ сырымъ вовсе не вкуснымъ огороднымъ продуктамъ, что этою привычкою ускорилъ свою смерть. Когда послѣ болѣзни преосвященный сталъ поправляться, то доктора настояли, чтобы онъ употреблялъ питательную пищу. Преосвященный наскучилъ этимъ и сообщилъ о томъ своему любимцу іеромонаху. Этотъ посоветовалъ слушаться своего аппетита и по желанію преосвященнаго тайкомъ принесть ему зеленого лучку. Желудокъ еще былъ слишкомъ слабъ, чтобы справиться съ такою пищею, открылась холера, которая и докончила жизнь постника. Третій недавно скончавшійся архипастырь до такой степени изнурялъ себя въ великій постъ, что желудокъ его окончательно разстроился и не могъ переварить никакой пищи; постникъ отъ этого умеръ и, можно сказать, самъ себя своимъ постничествомъ лишилъ жизни. Четвертый живой издавна довольствуется *угою изъ пискарика съ прибавкою еще какого нибудь невиннаго блюда*. Столь такъ скуденъ, что мірскіе люди откажутся отъ него чрезъ недѣлю. Это даже подтвердилось однимъ опытомъ. Преосвященный, будучи доволенъ своимъ домашнимъ секретаремъ, въ знакъ расположенія предложилъ ему кушать съ собою. Секретарь сначала согласился и даже гордился такимъ отличіемъ. Но вскорѣ секретарскій его желудокъ никакъ не могъ довольствоваться тѣмъ, что кушалъ преосвященный; поэтому онъ уже просилъ, какъ о милости, уволить его отъ дароваго стола. Можно бы еще привести не одинъ примѣръ воздержности архипастырей; впрочемъ довольно и этихъ четырехъ.

Относительно большинства м-щихъ надобно сказать, что они не имѣютъ ни случая, ни желанія *ни алкать, ни жаж-*

дать. Еще Ливаній, жившій въ 4мъ вѣкѣ, говоритъ: «посмотрите на разрушителей нашихъ (языческихъ) храмовъ; они одѣты въ черныя одежды, ѣдятъ болѣе слоновъ, требуютъ вина у народа за пѣснопѣнія и прикрываютъ свое воздержаніе искусственною блѣдностію лица.» (Лорана 4 т. 210 стр.). М. б., знаменитый языческій протезе Юліана не множо ѣдко отзывается о современннхъ ему монахахъ; но нельзя не признать въ его словахъ частички правды. Съ того времени аскетизмъ не могъ усилиться. И въ нашихъ во всѣхъ безъ исключенія монастыряхъ обѣдъ и ужинъ состоятъ если не изъ роскошныхъ и многочисленныхъ, то по к. м. изъ сытныхъ блюдъ, пользуясь которыми никогда *не взаимчивъ*. Въ праздники же, а въ богатыхъ монастыряхъ почти всегда бываетъ, какъ выражается Церковный уставъ, *утѣшеніе велие* въ трапезѣ. Не говоря о хорошо приготовленныхъ кушаньяхъ въ болѣе, нежели достаточномъ количествѣ, даютъ не только *сикеру* (пиво), но и вино и нашу православную водочку, позволяютъ ихъ употреблять если не *красоулею*, то всегда довольно вмѣстительными рюмками и стаканами. Татаринъ, о которомъ в. с-но, попавши въ одинъ изъ такихъ монастырей, не убѣжалъ бы изъ него и чуть цѣлый годъ сталъ бы приговаривать: *мижи пальчи, маниъ голова*. Впрочемъ, если бы какой либо суровый, или скупой настоятель не слишкомъ былъ тароватымъ, то братія можетъ свои лишенія по трапезѣ восполнять у себя въ кельѣ; у нея есть и чай, есть и деньги на булки, есть иногда и оцажки; при этихъ условіяхъ нѣтъ нужды изнурять себя голодомъ.

Если мои слова о постничествѣ нашихъ иноковъ кажутся несправедливыми, то ступайте, г. ч., въ монастырь особенно богатый и повѣрьте мои слова на братіи. Начните свои наблюденія съ послушниковъ; не у всѣхъ богатырская грудь, но у рѣдкаго не румяное, не полное и не свѣжее лицо, а большинство-ребята *кровь съ молокомъ*. Вотъ и іеродьяконъ, бывшій тоже послушникомъ; конечно постарѣе, но едва ли не подороднѣе. Вотъ и іеромонахъ; конечно въ лѣтахъ, но изнуренія не замѣтите; на всѣхъ монастырскихъ ступеняхъ цвѣтетъ здоровье. Р-ся, что встрѣтите и сухія, истощенныя лица; но вѣдь не всѣ организмы способны къ дородности; нѣкоторые иноки, какъ в. с-но, ведутъ дѣйствительно постническую жизнь, а часто старость, горе и страсти налагаютъ свою печать. Въ богатыхъ же обителяхъ встрѣтите много лицъ, которыхъ дородности можете даже подивиться. Въ этомъ отношеніи приобрѣла извѣстность кіевопечерская Лавра. Не даромъ издавна въ неродѣ ходятъ про

обитателей ея анекдоты. «Эй хлопче, говорить, по народному разсказу, какой нибудь отецъ послушнику, посмотритъ что тамъ такое у меня на ногѣ?» Это значитъ, что преемникъ, по мѣсту жительства, Антонія и Феодосія Печерскихъ отъ своей дородности, отъ выдавшейся середины своего туловища никакъ не можетъ увидеть свои ноги. Подобныхъ людей можно найти и въ другихъ Лаврахъ и богатыхъ монастыряхъ. Особенно можно полюбоваться здоровьемъ братіи, когда она во время и въ концѣ службы выходитъ на средину Церкви и поетъ какую либо молитву, или стихиру. Что за крѣпкіе и сильные голоса? Какія должны быть могучіе легкія для этихъ голосовъ? . . . . И потому справедливо можно сказать, что въ нашихъ монастыряхъ здоровье не разстроивается, а поправляется только уже не отъ постничества. По к. м. многіе изъ семинаристовъ, которые по болѣзненному своему состоянію не считали себя способными къ семейной жизни, въ монастыряхъ прекрасно поправлялись и даже высказывали, что имъ теперь приходится бороться съ большими искушеніями. Послушники же быстро измѣняются; изъ мозгляваго мальчонки чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, особенно лѣтъ получается молодець - молодцомъ. Хоть я занимаюсь описаніемъ мужескихъ православныхъ монастырей, однако для поясненія разсматриваемаго факта хочу привести отрывокъ изъ новаго Французскаго романа: тайны женскаго монастыря въ Неаполѣ. Эриккетта, героиня романа, говорить о своихъ монастырскихъ подругахъ: «полныя, свѣжія, румяныя, веселыя и блаженныя б. ч. были мои подруги; безпечность, праздность, апатія шли имъ въ прокъ, какъ жизнь въ курятникѣ идетъ въ прокъ курамъ. (Отч. Зап. 1865 г. 2 кн. за Мартъ стр. 301).» Вѣдь, г. ч., описаніе это можно приложить даже къ мужескимъ некаатолическимъ монастырямъ

Отдѣлъ II^{ый}.

О томъ, чѣмъ занимаются монахи.

Что же дѣлаютъ эти люди, которые имѣютъ такой вѣрный и спокойный пріютъ, такъ хорошо одѣты и, м. б., еще лучше накормлены, а иногда, какъ не согрѣшишь не ска-

жешь, упитаны и откормлены? Занятія ихъ мы отчасти знаемъ изъ описанія жизни послушниковъ-семинаристовъ. Встаютъ обыкновенно по звону за полчаса до заутрени часу въ шестомъ, пятомъ, а въ праздники еще поранѣе. Конечно вставать, когда еще всё внѣ монастыря спать, а иные только что ложатся на кровать, на первый разъ трудненько. Но не скорбите много о нашихъ труженикахъ. Если вы, ведя регулярную жизнь, ложитесь спать не позже 11 часовъ, то, вѣроятно, все таки не станете считать мучениками и тружениками тѣхъ свѣтскихъ людей и чиновниковъ, которые ежедневно просиживаютъ до 2хъ час. ночи и далѣе, но потомъ утромъ не разстаются съ постелью до 10—12 часовъ. И о нашихъ труженикахъ не скорбите; раннее вставаніе они вознаграждаютъ дневнымъ отдыхомъ.

Вставши, монастырскіе обитатели собираются къ утрени, послѣ слушаютъ обѣдню, а тамъ и вечерню. Если бы у насъ въ монастыряхъ богослуженіе совершалось также медленно какъ на Афонѣ, то присутствовать при немъ было бы дѣло вовсе не шуточное; простоять въ каждый будничнй день до 10 час. даже безъ клоповъ, которыхъ такъ много въ Афонскихъ храмахъ, трудно. Конечно и у насъ кое-гдѣ стараются подражать Афону, напр. въ саровской пустыни. Но извѣстно, что копіи съ картинъ никогда не могутъ равняться съ оригиналомъ, хотя бы копіистъ былъ одинаково отличный живописецъ, какъ и тотъ, изъ подъ кисти котораго вышла первоначально картина. А наша солидная сѣверная натура по части исполненія внѣшнихъ религиозныхъ обязанностей никакъ не можетъ выдержать соперничества съ пылкою натурою жаркихъ странъ и потому въ большей части монастырей богослуженіе совершается торжественно и медленно только въ праздники, да и то не всегда и не вездѣ. Впрочемъ новые настоятели иногда сгоряча стараются ввести афонскую дисциплину. Побужденія къ этому бываютъ двухъ родовъ, смотря потому, изъ послушниковъ ли дослужился настоятель, или вышелъ изъ ученой братіи. Въ первомъ случаѣ нельзя не обратиться къ нашему военному званію. Солдатъ изъ престонародья тяготится дисциплиною, даже въ званіи унтеръ-офицера; онъ только и мечтаетъ, когда бы ему освободиться отъ неѣ. Но, сдѣлавшись командиромъ, онъ съ какимъ-то особеннымъ азартомъ муштруетъ своихъ подчиненныхъ; *солдатская косточка*, говаривали про такихъ командировъ солдаты. И настоятель изъ послушниковъ скупавшій прежде длиннымъ богослуженіемъ и бранившій за то своихъ предшественниковъ, находитъ неизъяснимое удоволь-

ствіе хотъ сначала быть ревностнымъ исполнителемъ монастырскаго артикула, т. е. устава; подобная ревность длится впрочемъ не долго; старыя впечатлѣнія скоро берутъ верхъ надъ новѣйшими соображеніями. Настоятелямъ изъ ученой братіи хочется показать настоящимъ монахамъ, что они хотъ и вовсе до того времени не живали въ монастыряхъ, строго держатся иноческихъ правилъ и умѣютъ подчинить имъ своихъ подчиненныхъ. Притомъ пускай и вблизи и вдали разнесется вѣсть, что «вотъ такой-то о. архимандритъ не только учоный, но и благочестивый человекъ. Какъ у него долго идетъ служба? Какъ лѣнныя монахи на него сердятся?» Подобныя слухи пробиваютъ тропинку къ архіерею. За исключеніемъ этихъ и еще немногихъ случаевъ въ нашихъ монастыряхъ служба вовсе не бываетъ продолжительна; многіе набожныя старики — священники, совершаютъ литургію медленнѣе. А въ будничное время особенно въ тѣхъ обителяхъ, которыя находятся въ какой либо глуши, въ деревнѣ, вся служба: и вечерня, и обѣдня, и утреня, вмѣстѣ взятая, не продолжается болѣе 4хъ час.; это уже не Афонъ; отѣка въ ногахъ и грыжи отъ стоянія не будетъ у братіи. Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ, кромѣ нормальныхъ, ординарныхъ службъ, есть еще экстренныя, экстраординарныя, когда, какъ в. с-но, нужно служить молебны, панихиды, погребенія, раннія обѣдни и пр. Конечно тутъ труда побольше, но за-то есть хорошее вознагражденіе; — братія не тяготится такими службами, а очень рада, если онѣ увеличиваются.

За исключеніемъ часовъ, употребляемыхъ на богослуженіе, у м-щихъ много еще остается свободнаго времени каждый день. На что теперь имъ употребить такой остатокъ? Здѣсь прежде всего является природа съ законными своими требованіями; надобно подкрѣпить свою немощную и могучую плоть пищею и сномъ. Пища приготовлена въ общей трапезѣ, но заснуть нужно въ своей кельѣ; и это требованіе тѣмъ справедливѣе, что каждое утро приходится вставать очень рано. Столь законному требованію природы иноки любятъ удовлетворять, и притомъ даже не въ одинъ, т. с-тъ, пріемъ. Мнѣ однажды пришлось быть при разговорѣ двухъ родныхъ братьевъ: протоіерея и дьякона, поступившаго въ м-ство. «Ну, что, братъ, спросилъ протоіерей, каково поживаемъ?» — Хорошо, отвѣчалъ новый монастырскій житель; только трудненько часто разуваться и раздѣваться; это немного надоѣдаетъ.» — «Да за чѣмъ тебѣ это дѣлать?» спросилъ протоіерей. — «То-то, отвѣчалъ другой братъ, и

видно, что ты не знаешь монашескаго житія. Встаемъ мы рано каждый день къ утренѣ; какъ же не отдохнуть? Но мы спимъ всегда добросовѣтно, а не безсовѣтно.» — Въ чемъ же состоитъ ваша сонная добросовѣтность?» перебилъ пр-рей и получилъ въ отвѣтъ: «въ томъ, что ложаешься, когда бы-то ни было, спать, надобно и разуться и раздѣться и лечь подъ одѣяло; это вотъ добросовѣтное спанье; тутъ ужъ нѣтъ никакого притворства; видно, что спать хочешь, или спишь. Такъ вотъ и я, вставши къ утренѣ, обуюсь; пришедши отъ нее, засну, до позней обѣдни, р-ся, по добросовѣстности разуюсь и раздѣнусь; послѣ предъ обѣдней въ другой разъ придется и одѣться и обуться; а послѣ обѣда опять совсѣмъ разоблачишься передъ вечерней же еще нужно и обуться и одѣваться. Видишь, сколько разъ приходится повторять одно и тоже дѣло.» М. б. и трудненько это, особенно когда сапоги тѣсны, но за всѣмъ отъ такого труда не многіе изъ монастырскихъ обитателей отказываются; всѣ хотъ однажды въ день, по ихъ выраженію, *създятъ къ Храповицкому*; какъ христіане, они не хотятъ имѣть дѣло съ языческимъ божкомъ Морфеемъ. Развѣ только молодые послушники, какъ в. с-но (3 ч. 7го отд.), уходятъ куда либо въ уютное мѣстечко поиграть въ бабки вдали *отъ очей* настоятеля и казначея; но за то и они прямо послѣ вечерней трапезы *отправляются къ Храповицкому*.

И за визитами Храповицкому у м-щихъ остается еще много времени; куда его дѣвать? Придерживаясь монастырскаго устава, надобно было бы полагать, что оно употребляется на келейную молитву и на чтеніе душеспасительныхъ книгъ. Посмотримъ, возможно ли и правда ли это?

Молитва! молитва! Счастливъ тотъ, кто можетъ искренно молиться, т. е. отрѣшиться мыслію отъ міра, изливать свои чувства предъ Богомъ, входить съ Нимъ въ какое-то не всякому понятное единеніе, а не просто прочитывать нѣсколько листовъ напечатанныхъ молитвъ, сдѣлать нѣсколько сотъ земныхъ, или поясныхъ поклоновъ, или, какъ выражаются на Афонѣ, *перебрать нѣсколько разъ чотки*. Первое дѣйствительно молитва, а послѣдняя — только парадная сторона ея, нѣчто въ родѣ молитвенныхъ экзерцицій. Но, чтобы искренно молиться, нужно молитвенное настроеніе, а молитвенно настроить себя не такъ легко, не одно и тоже, что сообщить своему тѣлу движеніе въ ту, или другую сторону; особенно не легко большинству обитателей нашихъ монастырей. Возмемъ-те послушниковъ изъ исключенныхъ семинаристовъ — этотъ главный контингентъ м-ва. Вотъ маль-

чикъ, исключенный изъ семинаріи, или изъ низшихъ училищъ за лѣность, тупость, шалости и даже дурное поведение, — такіа качества, которыя вовсе не показываютъ наклонности къ молитвѣ, или къ подвижнической жизни. Этотъ мальчикъ сдѣлался послушникомъ *отъ нечего пѣтъ*, изъ опасенія попасть по разбору въ солдаты, отъ неспособности, или нежеланія своими трудами добывать себѣ пропитаніе; тутъ опять нѣтъ ничего ни монашескаго, ни подвижническаго. Въ монастырѣ онъ подметаетъ комнату, вакситъ сапоги, усыпаетъ дорожки пескомъ, играетъ за угломъ въ чехарду, въ пашки, звонитъ на колокольнѣ, отворяетъ и затворяетъ двери, ставитъ самоваръ, раздуваетъ кадило, чиститъ подсвѣчники, шатается по городу; — тутъ уже болѣе мірекихъ-отчасти ребяческихъ, отчасти лакейскихъ занятій. Отъ старшей братіи и самого о. настоятеля немного можно перенять истинно-иноческихъ добродѣтелей. Эхъ, святые отцы! Далеко не все время употребляется вами на богоугодны дѣла и проводится по монастырскимъ правиламъ. Искренніе и вполне справедливые печатные отзывы въ этомъ отношеніи можно найти, р-ся, относительно католическихъ монастырей: «монастырь, пишется въ XIV главѣ романа: тайны женскаго монастыря въ Неаполѣ, заключаетъ въ себѣ пороки міра безъ его добродѣтелей и преимуществъ.» Вѣдь не даромъ у Итальянцевъ составила пословица: «религія монаховъ ни болѣе, ни менѣе, какъ бѣлье, которое они надѣваютъ и снимаютъ по своему усмотрѣнію; а когда оно загрязнится, посылаютъ въ стирку. (No. 2 От. Зап. 1865 г. стр. 684).» Авторъ романа Le Maudit едва ли не суровѣе еще отзывается о монахахъ. «Духовенство (католическое, — безбрачное и монашеское) говоритъ онъ (41 стр. 1 т.) нѣсколько уже вѣковъ живетъ въ постоянномъ отрицаніи того ученія, котораго храненіе ему ввѣрено; ученіе это оно проповѣдуетъ устами и опровергаетъ своими дѣлами.» На 28 стр. 3 т. авторъ пишетъ: «монахи ввели злоупотребленія и преступленія въ Церковь. Монашизмъ не происходитъ отъ І. Христа, не вытекаетъ изъ сущности христіанства; оно есть случайное явленіе, есть вторичное зачатіе (superfetation) болѣе или менѣе отвратительное (hideuse), но всегда вредное.» Конечно во всѣхъ этихъ четырехъ цитатахъ дѣло идетъ о католическихъ монахахъ. Но . . . и у насъ издавна уже не очень хорошо зарекомендовываютъ себя обитатели монастырей. Въ XIII т. Исторіи г. Соловьева стр. 155 напечатано: «изъ Тотемскаго уѣзда дали знать, что тамъ появились разбойники; въ разбояхъ участвовалъ и грабежную ружьядь укрывалъ

строитель тафтонской пустыни, старецъ Ферапонтъ.» Такой случай можетъ назваться конечно экстреннымъ и не можетъ быть основаніемъ для составленія понятія о всемъ тогдашнемъ м-вѣ, если бы не было другихъ болѣе т. с. универсальныхъ извѣстій. Т. о. соборъ при Алексѣѣ Михайловичѣ въ отвѣтъ на третье предложеніе правительства о дурномъ житіи монаховъ постановилъ между прочимъ: «архимандритамъ, игуменамъ и строителямъ жить благочинно и братію къ благочестію наставлять, . . . изъ монастырей монаховъ не выпускать, непокорныхъ и строптивыхъ ослушниковъ смирать по монастырскому чину. А которые чернецы въ монастыряхъ не живутъ въ послушаніи и безчинствуютъ по Москвѣ и въ городахъ, ходятъ по кабакамъ и корчмамъ и мірскимъ домамъ, упиваются до пьяна и валяются по улицамъ, на такихъ безчинниковъ троицкаго-сергіева монастыря власти должны возобновить бывший пятницкій монастырь, огородить его высокимъ стоячимъ тыномъ; . . . въ этотъ монастырь безчинниковъ ссылатъ.» Вѣрно нравственность иноковъ была не очень похвальна, когда они ходили по кабакамъ и корчмамъ, упивались до пьяна, валялись по улицамъ, и когда для нихъ нашли нужнымъ устроить особый монастырь, окруживъ его высокимъ стоячимъ тыномъ. Но и послѣ этого дѣло не улучшилось. Указомъ Петра Великаго отъ 18 февраля 1718 г. (собр. Зак. т. V стр. 545 No. 3171) предписывается приводить въ монастырскій приказъ неистовыхъ монаховъ, которые являются въ Москвѣ и ходятъ по гостямъ, и по рядамъ, и по улицамъ, и сидятъ по перекресткамъ и пр. Черезъ 6 лѣтъ въ новомъ указѣ отъ 31го января 1724 г. (собр. зак. т. VII стр. 226 No. 4450) опять говорится, что монашескій чинъ вообще хотя благословныхъ ради винъ начался, но потомъ въ убыль обществу, отчасти же въ соблазнъ и поношеніе инославнымъ произошелъ.» Потомъ и о современныхъ монахахъ указъ отзывается не очень милостиво: «понеже нынѣшнее житіе монаховъ точію видъ есть и поносъ отъ иныхъ законовъ; не мало же и зла происходитъ, понеже большая часть тунеядцы, и понеже корень всему злу праздность, то сколько забобонъ, расколовъ, но и возмутителей произошло, всемъ вѣдомо есть.» Это было при Петрѣ, но . . . и нынѣ не очень хорошо отзываются о нравственности монаховъ. Не очень давно въ разговорѣ нѣсколькихъ очень образованныхъ людей зашла рѣчь о томъ, почему-это м-щіе, не смотря на свои обѣты, такъ часто впадаютъ въ прогрѣшенія, почему ведутъ жизнь, которую вовсе нельзя назвать нравственною. Тогда одинъ

собесѣдникъ сказалъ: «какъ почему? — да потому, чтобы каждый изъ нихъ, читая молитву предъ приобщеніемъ св. таинъ: *спрую Господи и исповдую яко . . . . пришедый истинная спасти*, могъ съ полной справедливостію сказать: *отъ нихъ же* (грѣшниковъ) *первый есмь азъ*, Потомъ не безъ причины, какъ говоритъ Об. Пр-ръ въ отчетѣ за 1861 г. (стр. 44) самому Государю Императору благоугодно было по одному случаю обратить особенное вниманіе Св. Синода на *необходимость строжайшаго испытанія* поступающихъ въ м-во и повелѣтъ къ *непреклонному наблюдению*, чтобы въ оное принимать достаточно испытанныя лица по достиженію узаконенныхъ лѣтъ подъ строгою отвѣтственностію настоятелей и епархіальныхъ начальствъ.» Вѣдь не безъ причины Государь Императоръ издалъ такое повелѣніе; не одинъ случай подалъ къ тому поводъ. Нѣтъ и у насъ какъ и въ Италіи позволительно всякій монастырь назвать *микрокосмосомъ* (маленькимъ міромъ) со всѣми страстями, прихотями, сплетнями, даже едва не съ большимъ ихъ количествомъ; этотъ микрокосмъ отличается отъ мегалокосмоса развѣ только тѣмъ, что въ последнемъ большинство трудится и трудомъ достаетъ себѣ хлѣбъ, а въ первомъ всѣ живутъ на счетъ ближняго. А если заглянуть еще въ монастырскія закулисныя тайны, подслушать интимныя бесѣды братьи, посмотреть дѣла, которыя происходятъ *дверемъ затвореннымъ и даже запертымъ на крючокъ*, послѣдить за монастырскими обитателями во время ихъ визита мірянамъ; о! тогда бы самый отъявленный филмонахъ не сказалъ бы, чтобы исключенные за шалости и лѣность семинаристы, побывши 5—10 лѣтъ послушниками, сдѣлались достойными подражателями Антонія и Феодосія Печерскихъ. Чтобы изъ послужника, за немногими исключеніями, вышелъ истинный богомолецъ и инокъ, нужно, по моему мнѣнію, настоящее чудо; только всемогущее слово Творца и Промыслителя тутъ можетъ ввести *во сухля кости сія духъ животень* (Іезек. XXXVII, 4). Конечно въ библейскія времена совершалось много чудесъ мгновенно; ударить чудотворецъ въ камень и оттуда течетъ вода, — помажетъ брѣніемъ очи слѣпому и слѣпой прозрѣваетъ, — скажетъ прокаженному: *возми одръ твой и иди*, или умершему Лазарю, уже смердящему: *вряди вонъ*; — и первый встаетъ и несетъ одръ свой, а второй выходитъ изъ гроба. Но нынѣ прошли эти времена; нынѣ и тѣ дѣйствія, которыя уже признаются чудесами, совершаются не мгновенно. Вотъ напр. по отчету Об. Пр-ра (1861 г. стр. 7) при открытіи мощей Задонскаго Угодника *больные и увѣч-*

ные изцѣлялись, конечно. по вѣрѣ своей и молитвенному заступленію святителя отъ самыхъ тяжкихъ недуговъ, но изцѣлялись ужъ не мгновенно, какъ это бывало при чудесахъ библейскихъ, а, какъ выражается отчотъ, почти мгновенно. Какъ же теперь преобразиться чуть не въ ангела свѣтла послушнику-семинаристу, у котораго нѣтъ и своей вѣры, нѣтъ также и ни одного святителя-ходатая? Онъ конечно облечется въ малую схиму, но будетъ не инокомъ, а монахомъ, даже чернецомъ.*)

Обыкновенно здѣсь указываютъ на богослуженіе. «Слушая - де ежедневно церковныя пѣнопѣнія и множество молитвъ, по неволѣ будто увлечешься ими, и сдѣлаешься набожнымъ.» Я думаю совсѣмъ иначе объ этомъ щекотливомъ предметѣ. Начнемъ-те съ утрени. Вотъ собралась въ церковь вся братія; чередной іеромонахъ глаголетъ: *благословенъ Богъ нашъ*, — чтець отвѣчаетъ: *аминь* и начинаетъ б. ч. скороговоркою читать полунощницу. Въ будничные дни посторонняго народа почти не бываетъ; ночная тишина, одинокій, раздающійся въ пустотѣ и монотонный голосъ чтеца, тусклое освѣщеніе имѣютъ что-то фантастическое и располагаютъ скорѣе къ дремотѣ, нежели къ молитвѣ. Этому помогаетъ и то обстоятельство, что всѣ недавно проснулись не сами собою, а по звонку, — одинъ потягивается, другой зѣваетъ, третій и вовсе вздремнетъ; уже около половины утрени, особенно во время канона частое пѣніе стихиръ наконецъ всѣхъ пробуждаетъ. Вечерняя еще болѣе утрени состоитъ изъ чтенія, а не пѣнія, притомъ и послѣ-обѣдѣнный сонъ, подобно утреннему, не вдругъ проходитъ. Литургія лучше всего должна бы располагать къ молитвѣ своими торжественными гимнами. Но какъ въ ней, такъ и въ другихъ службахъ этому препятствуютъ многія обстоятельства. Главнымъ врагомъ бываетъ наша натура. Возьмите напр. самое лучшее музыкальное произведеніе Моцарта, Гайдена и пр., поручите разыграть его самымъ лучшимъ музыкантамъ. Возьмите какую угодно піесу Шекспира, или Шиллера

*) Года за 3—4 одинъ архіепископъ, отслуживши литургію въ монастырѣ, былъ на закускѣ у настоятеля его. Настоятель и самъ по себѣ не отличался иноческими добродѣтелями, и не пользовался расположеніемъ своего архипастыря. Послѣдній началъ говорить, что архіереевъ не слѣдуетъ считать монахами они *администраторы*; вотъ напр. меня нельзя назвать монахомъ (это впрочемъ была сушая правда!). Но вотъ про тебя, такъ продолжалъ архипастырь, обратившись къ настоятелю, никто не скажетъ, что ты не монахъ, а всякій непременно назоветъ тебя *чернецомъ*; *чернецъ* — такъ уже *чернецъ ты*.

и пусть ее при самой отличной сценической обстановкѣ играютъ первые артисты. Возьмите самый лучший духовный концертъ Боргянскаго, Турчанинова, Львова и пусть его пропоютъ придворные пѣвчіе. Читайте какую либо книгу, которая была бы написана самымъ увлекательнымъ образомъ. Конечно на первый, второй, даже на десятый разъ вы будете въ восторгѣ. Но если вамъ придется слушать нѣсколько десятковъ, особенно сотъ, даже тысячъ разъ, — вѣдь, право прискучить. Ну, а ежели пѣсы не Моцарта, не Шекспира, не Боргянскаго, если музыканты, актеры и пѣвчіе ни то, ни сѣ, и особенно плоховаты; о книгахъ уже нечего и говорить; — въ такомъ случаѣ и десяти разъ много, чтобы заставить васъ скучать. А теперь представьте, что человеку, ежедневно присутствующему при всѣхъ богослуженіяхъ, придется въ нѣсколько лѣтъ многія, даже очень многія молитвы и пѣсни, напр. *и же на всякое время, отче нашъ* и пр. прослушать цѣлыя тысячи разъ. Не ужели вы думаете, что вниманіе къ нимъ не притупится, а чувство не перестанетъ ими трогаться? Если вы на этотъ вопросъ не скажете: *да*, то вы не знаете человѣческой природы; *ей все, рѣшительно все, постоянно повторяемое, прискучиваетъ.* И потому я нисколько не удивляюсь, что большинство монаховъ дѣлается равнодушнымъ къ молитвѣ во время богослуженія, даже скучаетъ. Мнѣ случалось говорить съ самыми набожными священниками и тѣ сознаются, что, не смотря на всѣ усилія молитвенно настроить себя во время призванія благодати божіей на освящаемые дары, имъ это часто не удается; *плачешь*, повторяютъ они, *а мыслей никакъ не настроишь.* Что же сказать о послушникѣ, о монахѣ изъ послушниковъ? Если вы не захотите приложить моихъ замѣчаній къ монахамъ, такъ ступайте въ ихъ церкви и посмотрите внимательно на клиросъ. Если мѣще дѣйствительно молитвенно настроены, то отчего стукъ отворившейся двери непременно заставитъ ихъ всѣхъ почти обернуться назадъ? Отчего во время чтенія какихъ либо молитвъ они поглядываютъ по сторонамъ? Отчего послѣ самаго торжественнаго гимна тотчасъ же начинаютъ между собою шептаться, посмѣиваться? Теперь представьте, что такой порядокъ у насъ идетъ давнымъ-давно; что нынѣшнихъ временъ послушникъ и новый монахъ встрѣчаетъ братію, которая сдѣлалась равнодушною къ пѣснопѣніямъ и молитвамъ, — поетъ, читаетъ, или слушаетъ, дѣлаетъ поклоны, но не молится. Вѣдь, еслибы и послушникъ и монахъ были даже слишкомъ набожные люди, то и тогда нельзя бы за нихъ ручаться.

Примѣры бываютъ сильно заразительны; толпа почти всегда за собою увлечетъ.

Но если искренняя, не механическая молитва для нашихъ м-щихъ даже въ церкви при торжественной обстановкѣ трудна, невозможна, — можно бы сказать что либо и послѣднѣе; — то захотятъ ли они много тратить изъ свободнаго времени на келейную молитву? Отцы святые! скажите по совѣсти, вѣдь, право, мои замѣчанія о васъ справедливы. Молитесь конечно, отходя ко сну, но недолго. Есть исключенія, но ихъ мало, очень мало, а прочіе — и притомъ въ самомъ огромномъ большинствѣ . . . . о, у нихъ ужасно опять какъ много свободнаго времени!

Вопросъ на счетъ чтенія книгъ можно рѣшить поскорѣе, нежели предъидущій. Не говорю уже объ учюности, даже, извините за слово, самая *читаемость* не въ большомъ употребленіи въ монастыряхъ. Вѣдь, чтобы читать книги, находить въ нихъ удовольствіе и отраду, нужно напередъ приобрести расположеніе къ этой работѣ; нужны книги, которыя бы завлекали наше вниманіе, или хоть бы не отталкивали отъ себя. Посмотримъ съ этой стороны на обитателей монастырей. Здѣсь должны стоять на первомъ мѣстѣ тѣ магистры и кандидаты, которые волею, а больше неволею сдѣлались постоянными обитателями монастырей. Они попадаютъ сюда преимущественно по двумъ причинамъ. Одни неспособность свою къ ученымъ, или педагогическимъ должностямъ до такой степени обнаружили, что само духовное монашеское начальство нашло невозможнымъ оставлять ихъ на учюномъ, или административномъ поприщѣ; пускай доканчиваетъ свою жизнь въ какой либо обители, пользуясь ея доходами за свою бесполезную прежнюю службу. Естественно, что эти, люди небольшие охотники до чтенія книгъ и немного станутъ заботиться пробудить и поддерживать охоту къ нему въ братіи. Другіе не выдержали тяжести и скуки одинокой жизни, *сблизь*, какъ говорятъ, *- съ пути*, и *сосланы* въ монастырь подъ надзоръ въ число братій; этимъ некогда заниматься книгами; у нихъ есть одно любимое ими и нелюбимое начальствомъ занятіе. Притомъ всѣ академисты въ монастырѣ составляютъ незначительное меньшинство. Большинство же, особенно исключенные за лѣность и пр. семинаристы, а также мѣщане и крестьяне, едва выучившіеся читать и писать, право, небольшие грамотѣи, не успѣли до поступленія въ монастырь *заразиться* страстію читать книги. Немногіе развѣ изъ дворянъ, священниковъ и кончившихъ курсъ семинаристовъ способны находить удовольствіе

въ книгахъ. Но къ несчастію книги въ монастырѣ не слишкомъ завлекательны; онѣ состоятъ только изъ церковныхъ и такъ называемыхъ душеспасительныхъ книгъ. Первые писаны языкомъ славянскимъ и не очень удобопонятны, а вторыя какъ будто нарочно пишутся для доказательства той истины, что спасеніе души приобретается нелегко. Чтобы читать ихъ усердно, надобно принудить себя къ тому, надобно напередъ убѣдиться, что чтеніе ихъ необходимо и полезно. Одна почти только библія и особенно Новый завѣтъ могутъ завлечь монастырскаго читателя. И потому отъ недостатка расположенія къ чтенію и отъ недостатка завлекательныхъ книгъ м-щія братія немного читаютъ; развѣ только читающіе, особенно простодушные старцы смотрятъ на чтеніе, какъ на монашескій подвигъ. Имъ напр. внушено, что надобно въ сутки сдѣлать столько-то поклоновъ, они и дѣлаютъ ихъ, — есть ли молитвенное расположеніе, или нѣтъ. Точно также они повѣрили, что чтеніе душеспасительныхъ книгъ облегчаетъ путь къ царствію небесному. Вотъ они и сидятъ надъ ними и перебираютъ листы ихъ также, какъ чотки; даже иногда даютъ себѣ уроки на каждый день; прочитали и остаются спокойными, сознавая, что исполнили свой долгъ, выучили свой урокъ.

И такъ ни молитва, ни чтеніе не уменьшаютъ множества свободнаго времени, которое остается у м-щихъ. Что же, повторимъ еще, съ нимъ дѣлать? *Какъ*, по русской пословицѣ, *убить его?* иначе скука убьетъ.

При этомъ нашимъ инокамъ не худо бы вспомнить о древнѣйшихъ своихъ предшественникахъ, объ основателяхъ м-ва и первыхъ ихъ преемникахъ. Тогда монахи, живя даже въ пустынѣ не знали скуки, п. ч. кромѣ молитвы они сами старались своими трудами добывать себѣ пищу. Они, какъ говоритъ указъ Петра Великаго (31 янв. 1724 г. Собр. Зак. т. VII. No. 4450) «трудились своими руками и нужду свою, елико имъ отъ самородныхъ земныхъ плодовъ не ставало, отъ трудовъ своихъ исполняли.» Слова эти относились къ тѣмъ анахоретамъ, которые жили вполнѣ уединенно безъ всякихъ сношеній съ прочими людьми. Но и послѣ, когда монахи стали соединяться въ общины, они еще долго подерживали себя своими трудами. «А яко монастыри (первыхъ христіанскихъ временъ) продолжаетъ тотъ же указъ, не требовали чужими трудами насыщаться, безъ числа имѣемъ свидѣтельства. Златоустый въ словѣ 73 на Матвѣя пишетъ, что монахи не токмо самихъ себя трудами своими питали, но многихъ странныхъ угощали и больныхъ, прини-

мая, упокоивали, кормили и служили имъ. Василій Великій въ правилахъ монашескихъ въ отвѣтъ на вопросъ 38 бесѣдуетъ и о руководѣніи м-ву приличномъ; въ отвѣтъ же на вопросъ 42 глаголетъ, что монахи должны снабждать убогихъ отъ трудовъ своихъ и не тако себя ради, якоже нищихъ ради трудитися. Святый же Исидоръ Пелусіотъ въ посланіи 49 къ Павлу Киновіарху, у котораго много было братій, но праздно живущихъ, съ ругательствомъ пишетъ, и яко вещь весьма дикую и званію своему противную поноситъ; почему и у Сократа, историка церковнаго пишется, что нѣкій изъ древнихъ святыхъ монаховъ такуюю пословицу издалъ, что *монахъ праздный есть тать лестный.*» Если бы и наши иноки содерживали себя своими собственными трудами, тогда бы имъ не было скучно. Но опять въ томъ же указѣ Петръ Великій пишетъ, что еще сто лѣтъ спустя отъ начала чина монашескаго произошли монахи лѣнливые, которые желали отъ чуждыхъ рукъ питатися, сами праздны суще. Подражателей этимъ лѣнтяямъ явилось очень много и у насъ на Руси. Изъ 8 правила (о епископахъ) регламента видно, что въ то время монахи не только были праздными, но и «волочились безпутно.» Что бы удержать отъ безпутной волочливости, 18ое правило регламента предписываетъ: «да не попускаютъ настоятели весьма монахомъ празднымъ быти, избирая всегда дѣло нѣкое. А добрѣ бы въ монастыряхъ завести художества; напр. дѣло столярное, и иконное, и прочее, что не противно м-ву.» Но это постановленіе, р-ся, осталось мертвою буквою. М-шіе по прежнему продолжали питаться трудами чужихъ рукъ. М. б. мысль, — что монашеская одежда есть ливрея праздности (Книж. 2^я От. Зап. за Май 1865 г. стр. 240) идетъ вполне только къ монастырямъ католическимъ, но за то Петръ Долгоруковъ въ своей правдѣ о Россіи (стр. 350) называетъ уже нашихъ монаховъ классомъ лѣнливымъ, испорченнымъ и послѣ бюрократіи самымъ вреднымъ въ Россіи. При такой наклонности къ питанію себя трудами чужихъ рукъ и къ неизбежно соединенной съ тѣмъ праздности по неволѣ надобно придумать самимъ инокамъ нашимъ какія либо легкія занятія для себя.

Кому неизвѣстно, что домашнее благосостояніе обитателей русскаго царства особенно коренныхъ москалей зависитъ нынѣ отъ китайской имперіи? Вообразите, что вдругъ весь Китай покроется водою восточнаго океана. Вѣдь тогда намъ не откуда достать чаю. А безъ чаю чѣмъ замѣнить время, которое употребляемъ нынѣ на питье его утромъ и вечеромъ?

Бѣда бы. А теперь и вельможа, и крестьянинъ, и купецъ, и чиновникъ, — всѣ попиваютъ чаёкъ, м. б. и не чисто-китайскій, а съ примѣсю своего самодѣльнаго Иванъ-чая, пьютъ и говорятъ спасибо за него. Но болѣе всѣхъ, к-ся, должны быть благодарны Китайцамъ монастырскіе обитатели; питье чая у нихъ составляетъ двѣ самыхъ замѣчательныхъ эпохи въ каждый день. И надобно видѣть, какъ торжественно и медленно совершается это событіе. Не только послушникъ или іеродьяконъ, а даже иногда іеромонахъ ставятъ самоваръ сами; чтобы онъ не спѣшилъ, положить зажженную лучинку вверху трубы. Отъ лучины не вдругъ раскаляются сосѣдніе угли; отъ послѣднихъ еще медленно переходить жаръ къ низшимъ угольямъ. Поставившій похаживаетъ, посматриваетъ, возьметъ-подуетъ, поворочаетъ уголья палочкою. Уголья загорѣлись; самоваръ нагрѣвается; прислушиваются, не закипаетъ ли онъ? Вотъ онъ запѣлъ свою пѣсенку съ очень высокой ноты; пѣніе становится все сильнѣе и сильнѣе, звуки гуще и гуще; поставившій подойдетъ, постучитъ пальцами и по глухотѣ звука расчитываетъ, скоро ли самоваръ заклокочетъ, закипитъ, станетъ выбрасывать и пары и даже воду. Наконецъ самоваръ на столѣ, чайникъ уже на комфоркѣ. Медленно ставятся чашки; ихъ ополаскиваютъ, даже вытираютъ, посмотрятъ въ чайникъ, что бы узнать, поспѣлъ ли китайскій нектаръ. Начинается разливанье; жидкости въ чашечкѣ дадутъ устояться, потомъ выливаютъ ее въ блюдечко и здѣсь ей дадутъ успокоиться; пьютъ послѣ, не торопясь, съ наслажденіемъ, б. ч. въ прикуску. Счота выпитымъ чашкамъ не ведутъ, останавливаются тогда, какъ или вода въ самоварѣ вся, или желудокъ ясно говорить: *довольно*. Тутъ начинается уборка самовара, мытье и вытиранье чашекъ, подноса, ложки и пр. Глядишь часа полтора, или два *какъ не бывало*. Вы не вѣрите; — повѣрьте, вашъ покорнѣйшій слуга въ skutѣ самъ на себѣ испыталъ это и очень часто бывалъ благодаренъ китайцамъ за мудрое ихъ приготовленіе листовъ одного изъ своихъ кустарниковъ. Благодарите вмѣстѣ со мною и вы, монастырскіе жители; бѣда бы вамъ безъ чаю.

Но свободнаго времени еще много остается. Теперь приходится благодарить не Китайцевъ, а нашихъ архитекторовъ, которые въ монастырскихъ зданіяхъ всегда почти устрояютъ коридоры, крытыя галлерей съ оконными рамами. Истинные благодѣтели! Эти-то коридоры и галлерей исправляютъ въ монастыряхъ ту же должность, которая доставалась въ древнемъ Римѣ на долю форуму. Сюда идетъ

монахъ, когда ему въ кельѣ дѣлать нечего. Если вы, г. ч. проходили чрезъ монастырь не во время богослуженія, послѣ обѣденной сіесты или всеобщаго чаепитія, то, вѣрно, видѣли въ какомъ либо окнѣ галлерей хоть одного изъ обитателей монастыря. Стоитъ онъ бѣдненькій, облокотившись на подоконникъ своею рукою, поддерживаетъ ею свою голову, глядитъ безстрастно, даже вяло на монастырскій дворъ. Какъ онъ бываетъ радъ, если вы тутъ появились; все-таки на васъ можно посмотрѣть; еще больше доставите ему удовольствія, если заговорите съ нимъ; онъ съ полною готовностію станетъ отвѣчать на ваши вопросы. А если вы ему понравились и у васъ есть время, то вступитъ съ вами въ бесѣду, даже, пожалуй, пригласитъ васъ въ галлерей и въ свою келью. Побесѣдуйте съ нимъ; вы его развлечете.

Подобное счастье рѣдко впрочемъ достается монастырскимъ жителямъ; проходяще б. ч. идутъ, молча, или спросятъ, получаютъ отвѣтъ, да и продолжаютъ свой путь. Но не одному приходится скучать въ кельѣ; и другимъ тамъ тоже не большое веселье. Вотъ и еще кто нибудь появился въ галлерей, или коридорѣ. У монастырскихъ жителей почти все уже переговорено между собою; но все-таки или сойдутся къ одному окну, или издали начнутъ какой либо отрывистый разговоръ. Если по какому либо счастливому случаю онъ окажется интереснымъ, то для продолженія его иногда приглашаютъ другихъ, или идутъ въ одну изъ келлій. Тутъ бесѣда бываетъ воодушевленнѣе, особенно если подоспѣло время чаепитія. Тутъ уже самовару не одинъ разъ приходится операживаться и наливать, кипѣть и молчать; чаепитіе длится два-три часа. Но число монастырской братіи б. ч. такъ мало, общіе интересы ихъ такъ извѣстны, а иногда и мелочны, умственное образованіе стоитъ на такой степени, что предметы разговора скоро истощаются, особенно если разговаривающіе станутъ ежедневно сходиться; самъ кипящій самоваръ не въ состояніи разогрѣвать бесѣду. По этому монастырскіе жители очень рады бываютъ всякому случаю, который бы оразнообразилъ ихъ однообразную жизнь. Къ числу благоприятныхъ случаевъ относится все, что хоть не много можетъ пованять скучающихъ. Особенно въ монастыряхъ ждутъ не дождутся того дня, въ который топится баня. Банные дни составляютъ эпоху въ недѣлю; сговариваются кому и когда, съ кѣмъ итти въ баню, у кого выпить чаю по выходѣ изъ нея, притомъ послѣ бани и чай вкуонтѣе и пьется въ большемъ количествѣ и спится какъ-то

лучше. А попариться въ банѣ, попотѣть. понѣжиться, потолковать и пошутить съ неизбѣжными товарищами, — сколько тутъ развлечения, т. е., когда нѣтъ другихъ развлеченій? Счастливейшими изъ братіи считаются должностныя монастырскія лица, напр. казначей, экономъ; о настоятелѣ пока не говорю. Они вѣрно въ хлопотахъ, надобно и въ монастырѣ раздавать служителямъ приказанія; надобно посмотреть за исполненіемъ ихъ, а главное надобно поѣхать въ городъ, или въ сосѣднее село чтобы купить что нибудь; тутъ некогда скучать. Впрочемъ, почему и братіи не раздражать имъ? Почему не выйти изъ монастыря, если не по монастырскимъ нуждамъ, то ради собственнаго удовольствія и развлечения. Прогуливайтесь почаще около монастырей, когда тамъ нѣтъ богослуженія; и вы рѣдко развѣ тутъ не увидите кого либо изъ обитателей ихъ. Иной сидитъ на скамеечкѣ у самыхъ воротъ, другой стоитъ, или лежитъ на бережку сосѣдней рѣчки, тотъ похаживаетъ по ближайшему лѣсоочку, по лугамъ, полямъ, даже по болотамъ, похаживаетъ одѣтый б. ч. простенько въ босовичкахъ даже, въ измятой камилавкѣ, въ поношенномъ подрысникѣ. Если это покажется скучновато, то отправляются къ какому либо доброму человѣку, такъ что въ праздничные дни половина монастырскихъ жителей, а иногда почти всё гдѣ нибудь внѣ монастыря сидятъ гостями. Въ этомъ отношеніи какъ будто бы самая судьба имъ благоприятствуетъ. Въ нашихъ монастыряхъ братія собрана изъ разныхъ мѣстъ, а въ многолюдныхъ изъ разныхъ губерній. К-ся, трудно бы ожидать, чтобы иноки вблизи обителей нашли себѣ знакомыхъ, особенно родныхъ. М. т. поговоривши съ м-щами, и вы узнаете, что у рѣдкаго изъ нихъ нѣтъ въ городѣ родныхъ, или знакомыхъ, которые принимаютъ ихъ, какъ родныхъ. Къ такимъ то своимъ родственникамъ частенько и похаживаютъ монастырскіе обитатели; и если бы вы за ними пошли, то увидѣли бы, какъ ихъ радушно принимаютъ; видно, что ихъ ждали и рады ихъ посѣщенію. Въ благодарность за радушіе и посѣщающіе отплачиваютъ своимъ радушіемъ; посѣщаемые не рѣдко получаютъ пособіе отъ нихъ. При взаимномъ радушіи и хозяевъ и гостя послѣднему естественно засидѣться долѣе, нежели сколько позволяетъ монастырскій уставъ. Въ Петербургѣ на обѣдѣ у священника зашолъ разговоръ о монахахъ; одинъ изъ собесѣдниковъ слишкомъ горячился и доказывалъ, что они даже не любятъ молиться. «Ну, нѣтъ, извините вступился за м-щихъ одинъ пожилой профессоръ академіи; нѣтъ, я самъ бываю свидѣтелемъ, какъ они

богомольны. Возвращаясь перѣдко съ боровъ поздненько, въ концѣ пятого, или въ началѣ шестаго часа утра, я самъ часто вижу, съ какою поспѣшностію, закутавшись, почти бѣгутъ святые отцы въ монастырь, чтобы поспѣть къ началу утрени. Нѣтъ, мы ужъ вотъ съ нимъ, тутъ защитникъ указалъ на одного собесѣдника, такъ не спѣшимъ къ утрени и даже къ обѣднѣ.» Всѣ слушавшіе по чему-то засмѣялись. Профессоръ выразился какъ-то двусмысленно, а м. т. въ разсматриваемомъ случаѣ нужна ясность. Извините, св. отцы, а поговариваютъ и притомъ на основаніи вѣрныхъ фактовъ, что не только молодые послушники, а даже отцы іеродьяконы и іеромонахи въ иной день долгою остаются внѣ монастырскихъ стѣнъ, такъ что привратникъ успѣетъ прежде ихъ возвращенія запереть ворота; случается тожѣ, что увлеченные, вѣроятно, прелестію нашихъ свѣрныхъ ночей, молодые обитатели монастырей уходятъ для прогулки, когда теже ворота уже заперты. Русскую пословицу: *они природу въ дверь, она влезетъ въ окно*, надобно бы переимѣнить относительно монастырей слѣдующимъ образомъ: *не пускай природы въ ворота, она найдетъ себѣ проходъ въ оградѣ и башняхъ* Монастырскіе настоящіе и постоянные обитатели, р-ся, назовутъ эту поговорку несправедливою; но случайные, временные жильцы обителей, особенно студенты московской и кievской академіи, а также ученики нѣкоторыхъ семинарій, помѣщающихся при монастыряхъ, вполне согласятся со мною. Въ сергіевской лаврѣ тѣ, кому ночью нельзя было войти въ ворота, а приходилось *прелазить отъ инуду*, помнятъ конечно находившуюся близъ калитчѣй башни разѣлину, которая открывала входъ ночью въ обитель запоздавшимъ студентамъ, послушникамъ и . . . . . кое кому другимъ. Для такихъ людей счастливое было время при передѣлкѣ камнатъ намѣстника лавры, примыкавшихъ къ оградѣ; тогда очень легко было возвращаться въ монастырь во всякое время. Впрочемъ былъ еще проходъ въ пафнутьевскій садъ по тѣмъ подземнымъ трубамъ, которыми такъ славился старинный Римъ, которыя уносили въ немъ всякую всячину въ Тибръ, и у насъ наполнены отвратительною нечистотою, но дѣлать нечего; нужда чего не дѣлаетъ? И по этимъ трубамъ пробирались ночью не только послушники, но и студенты академіи; одинъ изъ послѣднихъ, сдѣлавши, какъ говорятъ Французы, *фалшивый шагъ*, долженъ былъ послѣ омыть и себя и свое платье въ пруду пафнутьева сада. Ступайте и въ другіе монастыри и внимательно осмотрите ограду со внутренней и внѣшней сторонъ; и вы

монастыря въ Неаполѣ монашеская одежда называется между прочимъ *милрею эюизма, возведеннаго на степень религіознаго ученія*. (N 5. От. Зап. 1865 г. стр. 240). Въ другихъ мѣстахъ того же романа *ненависть называется чисто монашескою потребностію*, и потомъ указывается на италіанскую пословицу: «монахи соединяются, не зная другъ друга, — живутъ, не любя другъ друга, — умираютъ, не оплакиваемые другъ другомъ.» О нашемъ м-вѣ довольно щекотливо высказывать подобныя мысли. Къ счастью въ этомъ случаѣ можно отчасти опереться на важный авторитетъ для монаховъ, именно на Василія Великаго. Онъ даже запрещаетъ монаху имѣть особенную къ кому либо привязанность: «любовь другъ къ другу должна быть во всѣхъ равною и общюю . . . . Послѣдку всѣ непремѣнно обязаны любить другъ друга съ равномѣрнымъ расположеніемъ; то оскорбительно для общества, когда находятся въ немъ какія либо отдѣльныя собратства и сотоварищества. Ибо любящій одного предпочтительно предъ другими обличаетъ себя въ томъ, что не имѣетъ совершенной любви къ другимъ. Почему *равно должны быть изгнаны изъ общества и не пристойная ссора и чистая расположенность*; п. ч. отъ ссоры происходитъ вражда, а отъ частой дружбы и близости происходятъ подозрѣнія и зависти . . . . Какъ Богъ всѣмъ даетъ возможность равно пріобщаться свѣта, такъ и подражатели божіи да изливаютъ на всѣхъ общій и равночестный лучъ любви . . . . И такъ *надобно, что бы любовь во всѣхъ и по всѣмъ была равная и одинаковая*. (Твор. Св. Отц. т. 9. стр. 80—83).» Совѣтъ великаго святителя не остался безплоднымъ для нашихъ м-щихъ, по к. м. въ половину т. с-тъ. Не стану говорить о томъ, что нѣкоторые изъ нихъ ненавидятъ другъ друга, но есть очень много поводовъ думать, что и дружба между ними очень рѣдка. Въ этомъ отношеніи я хочу указать на тѣхъ, которые занимаютъ верхнюю ступеньку въ іерархіи. Церковному собору, бывшему въ 1681 году, правительству, предлагая увеличить число епископовъ, между прочимъ говорилъ: «каждому митрополиту имѣть въ своей епархіи епископа, подвластнаго ему, а св. патріарху, отцамъ отцу, имѣть многихъ епископовъ.» Соборъ согласился на увеличеніе числа епископовъ и просилъ правительство назначить архіереевъ особыми епархіями, а не подвластныхъ митрополитамъ, что бы въ *архіерейскомъ чинѣ не было церковнаго разлзасія, распри и выскости*, что бы въ такомъ настроеніи не было Св. Церкви преобидѣнія и отъ народа молвы и укоризны (XIII. т. ист. г. Соловьева стр. 311).» Не ясно

ли, что самъ соборъ ожидалъ и распрей, и высости, и укоризны въ народѣ, какъ скоро одинъ архіерей будетъ состоять при другомъ. Потомъ можно бы указать на Яворскаго и Прокоповича, Прокоповича и Лопатинскаго, — можно бы взять изъ конца прошедшаго и начала нынѣшняго столѣтій примѣры не очень пріязненныхъ отношеній между представителями Церкви. Можно бы также высказать повторяемые въ частныхъ разговорахъ вопросы: отчего между студентами — монахами слишкомъ часто замѣчается взаимная не любовь? отчего слишкомъ рѣдко м-ще инспекторъ и ректоръ семинаріи живутъ между собою въ согласіи? отчего епархіальные архіереи двухъ сосѣднихъ епархій, объѣзжая свои епархія, не устроиваютъ на пограничныхъ ихъ мѣстахъ свиданій между собою? Относительно послѣдняго было даже характеристическое событіе въ 1862 г. Двѣ епархія раздѣляются между собою рѣкой, на берегу которой находится резиденція одного архіерея. Этотъ, узнавши, что начальникъ сосѣдней епархія въ извѣстный день будетъ на другомъ берегу рѣки, можно сказать, почти противъ его резиденціи, приглашалъ имѣть свиданіе, но . . . мы ни сами не захотѣли переѣхать рѣку; ни другому не позволили къ намъ пожаловать. И въ монастыряхъ между простою братією дружбы искренней не замѣчается; это фактъ, на который уже нынѣ есть оригинальное объясненіе. Весьма недавно разговаривая съ однимъ профессоромъ семинаріи, спросилъ я его, почему такъ мало настоящей дружбы между м-щами? А потому, отвѣчалъ мнѣ профессоръ, что каждый изъ нихъ исключительно занятъ собою.» Да вѣдь это не хорошо, возразилъ я. «Вотъ ужъ нѣтъ, сказалъ профессоръ, это дѣло самое естественное; монахи потому заняты исключительно собою, что они отъ всего отrekliсь и отъ міра, и отъ родства, и отъ общества, такъ что же дѣлать? по неволѣ будешь занятъ однимъ собою.» Поэтому-то по всеѣмъ объясненнымъ причинамъ такъ трудно разгонять свою скуку при помощи друзей которыхъ не имѣется въ наличности.

Остается теперь разогрѣвать и пробуждать часокъ на другой дружеское расположеніе искусственными, живительными средствами или самому искать у себя въ кельѣ утѣшеніе въ графинѣ, или бутылкѣ, скрытыхъ гдѣ либо въ уютномъ мѣстечкѣ. То и другое ведется издавна; о нетрезвости иночествующихъ братій много есть печатныхъ доказательствъ. Въ Малороссіи въ старинныя времена монахи жили не очень хорошо; свѣтскіе про нихъ говаривали: «монахи намъ про постъ твердятъ, а сами въ монастыряхъ

учреждаютъ пиры и попойки и напиваются до упаду, а иные по корчимамъ шатаются.» Монахи въ этомъ и не записались, а отвѣчали: «что жъ? бываетъ и съ нами грѣхъ; случаются и пиры, и пьянство, да зато не бываетъ у насъ проклятой музыки; притомъ если инокъ когда либо напьется, но не разбираетъ и не привередничаетъ, горькое, или сладкое попадется ему, пиво ли, медъ . . . все равно, лишь бы хмѣльно и весело было; а бываетъ это развѣ въ большіе праздники . . . По старосвѣтски собравшись въ бесѣду поѣсть, попить, повеселиться, — это еще половина грѣха; дѣдовская простота соблюдается; человекъ не пристращается къ земному; а вотъ какъ выдумывать способы веселія и насыщаться — вотъ первый грѣхъ. Или не знаешь, говорить православный хранитель старины свѣтскому любителю роскоши, въ твоихъ сѣрыхъ, красныхъ, бѣлыхъ поливахъ и юшкахъ, аликантахъ, мушкетеляхъ, мальвазіяхъ, ревулахъ, медахъ, пивахъ разнородныхъ конецъ благочестію и погибель душѣ» (Отрыв. изъ Истор. южнорусскаго казачества, помѣщенной въ 1 или 2 N. Библ. для Чт. 1865 г. стр. 25—26). И наши старинные иноки не любили отставать отъ своихъ малороссійскихъ братьевъ. Отчасти я уже недавно говорилъ, отчасти скажу объ этомъ послѣ; но и теперь укажу на нѣсколько примѣровъ. На соборѣ при Алексѣѣ Михайловичѣ правительство находило нужнымъ «хмѣльнаго питья въ монастыряхъ отнюдь не держать;» и соборъ полагаетъ: «во веѣхъ монастыряхъ запрещаетъ держать пьянственное питье.» Да и нужненько было такое постановленіе; пьянственное питье употреблялось даже тогдашними знаменитостями. Самъ Никонъ «по смерти Алексѣя Михайловича во весь великій постъ пилъ до-пьяна и напившись людей мучилъ безвинно; по его приказу старца Пафнутія били на правѣжѣ цѣлую недѣлю въ великій постъ; своими руками билъ служителя Обросимова, который отъ этихъ побоевъ умеръ; старца Лаврентія билъ палками; а постъ Никонъ запоилъ его виномъ, отчего тотъ и умеръ . . . Пріѣзжала къ нему дѣвица 20 лѣтъ съ братомъ малымъ ребенкомъ для леченья; и Никонъ ее запоилъ до-пьяна, отчего она умерла (XIII. т. Ист. г. Соловьева стр. 245—246).» Святитель значитъ не только любилъ попить, но и другихъ, даже дѣвицъ угостить до пьяна, и до смерти. И въ нынѣшнее столѣтіе любящъ иноки тоже по старосвѣтски собравшись съ бесѣду, или по одиночкѣ попить, повеселиться. Это извѣстно не только въ Россіи, но и въ Китаѣ. Въ 1817 году новый маймачинскій Дзаргучей, разговаривая съ директоромъ кяхтинской таможи Голяхов-

скимъ, выразить сожалѣніе, что духовное начальство, посылая въ Пекинъ членовъ тамошней миссіи, дѣлаетъ неудачный выборъ. Но не Дзаргучей только, а даже одинъ изъ начальниковъ миссіи архимандритъ Софроній не одобряетъ поведенія членовъ ея, указывая впрочемъ на дьячковъ и учениковъ. Г. Максимовъ говоритъ откровеннѣе, что даже начальники миссіи (архимандриты) являлись людьми не трезваго поведенія, плохой нравственности. Многіе начальники были даже высылаемы изъ Пекина подъ присмотромъ и возвращались въ Россію съ невыгодными отзывами о себѣ (N. 9. Русск. Сл. 1864 г. Разборъ книги Максимова). Въ концѣ уже тридцатыхъ годовъ почтенные м-іе начальники и наставники одной духовной академіи и сосѣдней съ нею семинаріи съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ другихъ о. о. архимандритовъ и іеромонаховъ любили *собираться окупть* и веселить себя. Когда головы уже перазгорячались отъ возливанія и вливанія разныхъ жидкостей въ желудокъ, то начинали общимъ хромъ пѣть особенную приличную случаю кантату: «что сего краше, и что сего лучше, егда господинъ дому гостей къ себѣ сзываетъ, самъ испиваетъ и гостемъ часто подноситъ; гости веселятся и раби правдою служатъ.» Заведено было, что бы по окончаніи кантаты, если не раби, то сами пѣвчіе наливали рюмки и пр.

О простой братіи неученой нечего и говорить. Многіе поступаютъ въ монастырь очень трезвыми, людьми; а тамъ посмотришь, уже не отстаютъ отъ своихъ собратій и даже одерживаютъ надъ ними побѣду. Прежде бывало, настоятели принимали, суровыя мѣры противъ описываемаго недостатка; но всѣ мѣры оказываются тщетными. Если въ тюремныхъ замкахъ за желѣзными рѣшотками и запорами, подъ надзоромъ часовыхъ умѣютъ получать нужное количество водки только за дорогую цѣну, то какъ же предотвратить это тамъ, гдѣ ворота отворены, куда ходитъ множество народа безъ всякаго обыска; тутъ репрессивныя мѣры не остановить зла. Нужно моральнымъ образомъ дѣйствовать на несчастныхъ; нужно измѣнить многое, многое; а безъ того страсть не истребится. Къ сожалѣнію надобно сказать, что въ этомъ отношеніи едва ли не на первомъ планѣ стоятъ тѣ академисты, которыхъ отставили отъ училищныхъ должностей и включили въ монастырскую братію. Это самые не исправные люди. Настоятели съ ужасомъ слышатъ, когда къ нимъ присылаютъ подобнаго господина. Учюная спѣсь, обманутое честолюбіе, неудавшіяся надежды, какое-то дикое упрямство и самодурство отнимаютъ почти всякую возмож-

ность какъ нибудь исправить ихъ; тутъ одна только могла исправляеть. Впрочемъ отъ академиковъ не далеко отстоятъ и семинарская и прочая братія, а иногда даже равняется имъ и превосходить ихъ.

Но нельзя же вѣчно и пить; и здоровье разстроится, и денегъ не достанетъ. Въ такомъ случаѣ у скучающихъ развивается другая страсть со всѣми ея послѣдствіями. Въ скукѣ для насъ занимательна всякая новость, мы даже не хотимъ знать, вымыслена ли, или дѣйствительно случилась она; мы рады ей; п. ч. она развлекаетъ насъ, даетъ возможность поговорить о ней. Не достаетъ новостей? надобно ихъ выдумать, подсмотреть за своимъ сосѣдомъ, *сдѣлать изъ мухи слона*; тутъ начинается своего рода творчество, своя поэзія. Эта то поэзія составляетъ любимое занятіе въ монастыряхъ. Наставленіе Спасителя: *не судите, да не судими будите*, забывается. Судятъ и пересуживаютъ, выдумываютъ, или преувеличиваютъ, знаютъ даже, что извѣстная новость - вздоръ, а все-таки по секрету ее сообщатъ. Но бѣда бы еще не велика, если бы все дѣло ограничилось однимъ, извините за выраженіе, *чесаніемъ языка*. Но оно заходитъ далѣе. Говорить и судить приходится болѣе всего про свою же братію и особенно про настоятеля. *А правда глаза колетъ*; еще болѣе раздражаетъ неправда, которую о насъ говорятъ. И вотъ отъ скуки идутъ сплетни; отъ сплетней рождаются неудовольствія, раздоръ растетъ, составляются даже партіи. Тутъ впутываются отношенія настоятеля къ братіи. Ему неприятно, если и онъ дѣлается предметомъ пересудовъ; онъ старается узнать, кто былъ главнымъ ихъ виновникомъ. И вотъ ищеть и находитъ готовыхъ къ услугамъ людей, которые все ему переносятъ. Настоятель тутъ оправдываетъ себя еще и тѣмъ, что ему надобно знать, что дѣлаетъ братія; а самъ всего не увидишь. Избранный для подобнаго рода порученій, стараясь выставить свои заслуги, одно преувеличить, другое пораспространить, а третье вовсе выдумать. Отъ этого неудовольствія и раздоры растутъ. Конечно, можно жить и при такомъ положеніи, кому надобно жить хоть гдѣ нибудь и какъ нибудь. Но человѣку съ душою открытою, съ характеромъ благороднымъ, съ ибжнымъ сердцемъ жить среди сплетней, шпionства и происходящихъ отъ этого раздоровъ — наказанье. И вотъ теперь понятно, отъ чего такіе люди или всячески стараются избѣжать монастыря, или, попавши туда, тяготятся житьемъ своимъ до нельзя. Отъ нихъ-то можно узнать, что такое монастырская жизнь?

Отдѣлъ 12ый.

О денежных доходахъ монаховъ и особенно настоятелей: объ искусственныхъ средствахъ увеличивать доходы тѣхъ настоятелей, которые состоятъ ректорами семинарій и академій.

М-щце общежительныхъ монастырей, какъ в. с-но (10ый отд.) стоять, т. с-ть, на полномъ готовомъ содержаніи, но имъ не дается денегъ въ собственные руки. Другое дѣло братія необщежительныхъ монастырей; она, пользуясь даровымъ столомъ, отопленіемъ, квартирою и пр., вмѣстѣ съ тѣмъ получаетъ въ свое безоточное распоряженіе денежные доходы; объ этихъ то доходахъ я буду здѣсь говорить.

Смѣшно было бы утверждать, что все послушники, іеродьяконы и іеромонахи имѣютъ больше дохода, нежели причетники, дьяконы и священники. Но здѣсь для правильнаго сравненія нужно брать во вниманіе слѣдующее обстоятельство. Каждый членъ блага д-ва есть семейное лицо, а каждый монахъ безсемейный человѣкъ. Если среднимъ числомъ каждое семейство состоитъ изъ пяти лицъ, то гдѣ монаху можно довольствоваться рублемъ, тамъ св-и-ц-сл-лю нужно пять рублей. Кромѣ того у перваго готова квартира, отопленіе и пища, а послѣдній на все это долженъ тратить свои или труды, или деньги. По этому справедливо можно сказать, что если бы напр. іеромонахъ получалъ меньше денегъ не только въ пять, а даже въ 7—8 разъ, нежели священникъ, то и тогда перваго надобно бы считать богаче послѣднаго; а если тотъ имѣетъ вдвое дохода, то онъ можетъ устроить свое житіе втрое лучше, нежели этотъ. Впрочемъ не беспокойтесь на счетъ иноковъ; ихъ доходы вовсе не въ 5—8 разъ меньше доходовъ св-и-ц-сл-лей.

Развѣ уже въ немногихъ бѣднѣйшихъ монастыряхъ получить въ годъ послушникъ менѣе 16—20, а іеромонахъ менѣе 40—60 руб. По предъидущей пропорціи это тоже значитъ, какъ если достанется причетнику 75—100 или 120—160 руб., а священнику 200—300, или 320—480 руб. Но доходы монастырскихъ обитателей гораздо выше. Даже въ посредственно богатыхъ монастыряхъ послушники получаютъ 30—50 руб., а іеромонахъ 100—150 руб.; въ богатыхъ и богатѣйшихъ доходы первыхъ заходятъ за сотню,

а послѣднихъ за 300—500 руб. Что теперь значать предъ ними причетники и священники, обязанные содержать семейства до пяти человекъ, добывать и пищу и отопленіе, поправлять, или устраивать домъ и пр.? М. б. не повѣрите мнѣ; извольте выслушать доказательства. Припомните, что в. с-но (10. отд.) объ одеждѣ монаховъ; вѣдь, шолковыя и шерстяныя, и даже красивыя бумажныя матеріи, богатые поясы приобрѣтаются не на гривны и не на десятокъ-другой рублей. Познакомьтесь съ монастырскими жителями; тогда узнаете, что они пьютъ каждый день чай, имѣютъ возможность что либо выкушать *стомаха ради и частыхъ недуговъ*, и васъ даже угостить очень не дурно; и тутъ нужны не гривны и не единицы рублей. Потомъ припомните, что рѣдкій изъ м-щихъ не имѣетъ вблизи своей обители знакомыхъ, которые конечно угощаютъ его, но вмѣстѣ съ тѣмъ не остаются въ убыткѣ. Далѣе не вся братія, отрекаясь отъ міра, забываетъ своихъ родныхъ по плоти. Я знаю многихъ не только іеромонаховъ, но даже послушниковъ, которые помогаютъ своимъ отцамъ и братьямъ и пр.; и притомъ не гривнами и единицами рублей, а десятками послѣднихъ; мнѣ извѣстны іеромонахи, которые давали порядочное приданое своимъ племянницамъ, помогали своимъ племянникамъ содержаться въ среднихъ и высшихъ даже учебныхъ заведеніяхъ; тутъ уже нужны сотни рублей. Кромѣ того кто, бывая часто въ опекунскихъ совѣтахъ, государственномъ камерческомъ банкѣ, приказахъ общественнаго призрѣнія и другихъ, кредитныхъ учрежденіяхъ, — кто тамъ не встрѣчался и съ иноками, которые тоже вносятъ остатки отъ своихъ доходовъ на имя неизвѣстнаго? Наконецъ нельзя не сказать о томъ, что если какой либо монастырь обращается изъ не-общезительнаго въ общежительный, то быстро улучшается и богатѣетъ, хотя число богомольцевъ и доходныхъ статей его нисколько не увеличивается. Не ясно ли, что доходы, которые прежде доставались братіи, были очень хороши, когда они, поступивъ въ общежительную кассу, доставили возможность и монастырь поправить, да и братію содержать нисколько не хуже прежняго? А вмѣстѣ съ тѣмъ, не ясноли изъ всего, здѣсь сказаннаго, что обитатели необщезительныхъ монастырей имѣютъ очень хорошіе доходы? Коснемся теперь отцовъ настоятелей.

Настоятели получаютъ третью часть всѣхъ денежныхъ доходовъ, раздѣляемыхъ между братією. И если послѣдняя не только не бѣдствуетъ, но можетъ доставлять благоденствіе и себѣ, и своимъ роднымъ и знакомымъ, то что надобно

оказать о благоденствіи о. о. настоятелей? Отвѣтъ не затруднителенъ. Извѣстно, что развѣ въ самыхъ бѣднѣйшихъ монастыряхъ, изъ которыхъ братія бѣжить какъ татаринъ, говорившій въ масляницу: *можги пальчи, мажь голова*, настоятелю достанется менѣе 200—300 руб. Конечно, не Богъ знаетъ, какаѣ сумма; но припомните, что получающій ее пользуется даровыми квартирою, отопленіемъ, освѣщеніемъ, пищею, экипажемъ, лошадьми и пр.; даже поѣздки свои, особенно въ уѣздный и губернской городъ можетъ совершать, на монастырскій счетъ. За исключеніемъ этихъ *бѣднѣхъ* обитателей, настоятельскіе доходы въ прочихъ возрастаютъ, возрастаютъ и достигаютъ такихъ цифръ, предъ которыми могутъ благовѣтъ богатые помѣщики. Монастырь еще не считается богатымъ, если настоятель получаетъ 600—1000 руб. Я знаю отцовъ архимандритовъ, которые при 1500—2000 ежегоднаго дохода не считаютъ себя богатыми и съ завистью поговариваютъ: «что моя обитель? Какой въ ней доходъ? Вотъ посмотрите на N и N, — тамъ такъ ужъ доходъ!» Очень много есть монастырей, гдѣ настоятелю достается въ годъ 2000—5000 руб. Что же теперь сказать о нашихъ монастырскихъ эльдорадо, о нашихъ напр. лаврахъ, воронежскомъ, задонскомъ и пр. монастыряхъ? Въ былыя времена, когда русскіе считали всѣ деньги на ассигнаціи, настоятели двухъ лавръ получали болѣе, нежели по 100,000 руб. каждый. Нынѣ счетъ, конечно, идетъ на серебро; по этому предъидущая сумма поуменьшилась; но поговариваютъ, что и доходы настоятелей по старой, вѣроятно, привычкѣ стараются завоевать прежнюю свою цифру; до 100,000 р. сер. конечно дойти трудненько, но почему жъ не довольствоваться хоть половинкою? Все таки нищими себя считать нельзя.

Послѣ этого понятно, почему іеромонахъ, дѣлаясь настоятелемъ, можетъ быть увѣренъ, что его наслѣдники радуются такому повышенію гораздо болѣе, нежели онъ самъ. Только, вѣроятно, для контр-баланса обитель, куда поступаетъ новый настоятель, не всегда бываетъ довольна. Не давно мнѣ случалось поговорить съ казначеемъ одного монастыря. «За что это вы, о. казначей, такъ недовольны своимъ настоятелемъ?» спросилъ я; — человекъ онъ почтенный, пожилой, добрый, вы сами его прежде хвалили.» — «Эхъ!» отвѣтилъ мнѣ о. казначей, «вы не знаете, кто онъ такой. Бѣда съ нимъ; побудь онъ у насъ настоятелемъ лѣтъ еще 5—10, совершенно разорить монастырь. Вѣдь, чего онъ не посылаетъ своему сыну? и муку и крупу, и пр., о деньгахъ

уже нечего и говорить.» Бѣсъ любопытства заставилъ меня узнать объ обстоятельствахъ милаго сына. Онъ былъ священникомъ въ очень хорошемъ селѣ, но такую питалъ сыновнюю преданность къ папашѣ, что все почти нужныя для дома вещи покупалъ не только съ согласія, но даже на деньги его. Понадобятся ли башмаки, или платья дочерямъ, мука и крупа для семьи, гвозди, петли, замки и пр., для дома сейчасъ же письмо къ папѣ; и добрый чадолюбивый старецъ никогда не оставлялъ просьбы сына своего безъ удовлетворенія. А сколько перешло въ сундуки жены и дочерей разныхъ шелковыхъ, шерстяныхъ и бумажныхъ матерій, платковъ, шалей и прочаго, какъ говорятъ, *бабьяго тряпья*? А когда пришло время пристроивать внучекъ, то изъ кошелка дѣдушки отсчитывались цѣлыя тысячи на приданое, на свадьбу, на новый домъ и пр. Не думайте, что бы примѣръ этотъ былъ единственный; нѣтъ, — ихъ почти столькоже, сколько настоятелей, которые еще не отказались отъ своихъ родныхъ. Тамъ семинаристъ, или академистъ, не смотря на полное казенное содержаніе, получаютъ изъ какой либо обители первый десятки, а послѣдній даже сотни рублей чтобы облегчить и оразнообразить свои ученія занятія мірскими развлеченіями. Здѣсь чиновникъ — бывшій семинаристъ при 5—10 р. мѣсячнаго жалованья живетъ отъ щедротъ своего папаша-инока настоятеля лучше, нежели столоначальникъ. Въ одномъ мѣстѣ учитель духовнаго училища съ своими 120—150 руб. едва могъ себя кое-какъ прокармливать. Но вотъ папа получилъ въ управленіе обитель; и сынъ вашомъ возможность жениться и съ своею женою, потомъ семьею вовсе уже не стѣсняется въ своемъ содержаніи, у него даже приятно провести вечерокъ, пообѣдать и пр. Въ другомъ мѣстѣ профессоръ семинаріи при 900—1500 руб. асс. имѣетъ даже свой экипажъ и все отъ того, что настоятеля одной обители можетъ называть своимъ папашею или дяденькою.

Но настоятели полезны бываютъ своимъ роднымъ не только при жизни но - иногда едвали еще не болѣе — послѣ смерти своей! Въ началѣ 10го отд. было сказано, что по 6му правилу Константинопольскаго собора, называемаго *двукратнымъ* «монахи не должны имѣть начего собственнаго, но все, имъ принадлежащее, да утверждается за монастыремъ.» . . . . . По вступленіи въ м-во, монастырь имѣетъ власть надъ воимъ ихъ (т. с. поступившихъ) имуществомъ, и имъ не предоставлено распорядиться ничѣмъ собственнымъ, *ти заповѣсти.*» Правило слишкомъ ясно и по моему мнѣнію

должно бы быть приложено ко все́мъ настоятелямъ монастырей и ко все́мъ нашимъ нынѣшнимъ епископамъ. Вѣдь они все́ монахи, не уволены отъ обѣтовъ монашескихъ и выгодами м-ва пользуются еще болѣе, нежели простые іеромонахи и іеродьяконы. Такъ почему же и ихъ имѣніямъ не поступать въ собственность монастырей? Но епископы-монахи воспользовались 40 апостольскимъ правиломъ, въ которомъ сказано: «епископъ, умирая, имѣеть власть отказать собственное, каму хоцетъ и какъ хоцетъ.» Въ самомъ этомъ правилѣ объясняется причина, почему оно составлено; — тогда епископы не были монахи; многіе изъ нихъ имѣли *жену, дѣтей*; и потому надобно было позаботиться, чтобы *близкіе къ нимъ* (епископамъ) *не впамя въ тѣсноту и кончина не была бы сапровоздаема безславьемъ.* Но епископы-монахи не только приложили къ себѣ самимъ апостольское правило, но и придали ему характеръ богоугодности: «праведно есть и угодно предъ Богомъ и человѣками, говорится въ 24 пр. антиохійскаго собора, чтобы собственность епископа предоставляема была, кому онъ возхоцетъ.» У насъ, вѣроятно, изъ желанія увеличить число праведныхъ и угодныхъ Богу дѣлъ даже имѣнія настоятелей монастырей необщепительныхъ передаются по наслѣдству ихъ родственникамъ къ величайшему, р-ся, удовольствію послѣднихъ.

Впрочемъ нельзя и не радоваться. Самый благодѣтельный для своихъ родныхъ настоятель оставляетъ себѣ *коттечку на черный день.* И потому послѣ его смерти всегда найдутся не только имущество въ вещахъ, но и деньги. Цѣнность такихъ остатковъ различна; иногда ограничивается сотнями рублей, но б. ч. заходитъ за тысячу и простирается до десятковъ тысячъ. Зная это, родственники какого либо архимандрита зорко слѣдятъ за его драгоценнымъ здоровьемъ, имѣютъ даже вблизи его шпионовъ. Умри онъ, тотчасъ являются покорнѣйшія прошенія въ уѣздный судъ, или въ гражданскую палату съ представленіемъ документовъ, подтверждающихъ права на наслѣдство послѣ покойника. Только тутъ бывають не рѣдко разочарованія. Послѣ покойника оказывается завѣщаніе, по которому все его имѣніе предоставляется или обители, или другимъ лицамъ, а не тѣмъ, которые являются претендентами на него; даже бывають прибавки, что онъ и *безъ того своимъ роднымъ по плоти много при жизни передалъ всячины*; пусть тѣмъ и удовольствуются. Иногда впрочемъ (чего не бываетъ на свѣтѣ?) и братія предъявляетъ завѣщаніе, по которому завѣщавшій не могъ уже по слабости приложить свою руку;

а это исполнено было по его просьбѣ, или съ его благословенія къмъ либо изъ предстоявшихъ. Р-ся, въ такихъ завѣщаніяхъ все представляется въ пользу святой обители. Но и тутъ не безъ разочарованій. Еще теперь не кончено дѣло подобнаго рода. Послѣ смерти архимандрита богатаго монастыря въ п-ой епархіи оказалось завѣщаніе послѣдняго сорта; все к-ся такъ; формы соблюдены; законное число свидѣтелей было, — только одно обстоятельство упущено изъ виду. Всѣ свидѣтели состояли изъ братіи того же монастыря, въ пользу котораго составлено завѣщаніе; а нашъ гражданскій законъ признаетъ недѣйствительными подписи всѣхъ монаховъ подъ завѣщаніями.

Да, хорошо быть сыномъ, племянникомъ, племянницею и пр. настоятеля какого бы-то ни было монастыря, но гораздо лучше называть папеньками или дяденьками ректоровъ семинарій и начальниковъ епархій. Начнемъ-те съ первыхъ.

Не говоря уже о томъ, что они кромѣ монастырскихъ доходовъ получаютъ порядочное жалованье за ученую свою службу, у нихъ много еще искусственныхъ средствъ собирать въ свои шкатулки побольше рублей. 1. Всѣ почти ректора семинарій живутъ какъ в. с-но (10ый отд.) въ семинарскихъ зданіяхъ. По существующимъ постановленіямъ они отъ семинаріи имѣютъ только жалованье и квартиру съ отопленіемъ, но затѣмъ уже на свой счетъ должны нанимать прислугу, освѣщать свою квартиру и содержать себя и всѣхъ, съ ними живущихъ. М. т. на самомъ дѣлѣ это почти нигдѣ не соблюдается. Прислуга получаетъ пищу изъ казенныхъ запасовъ или изъ ученической столовой, а жалованье отъ эконома. Матеріалъ для освѣщенія комнатъ доставляется опять отъ эконома, но въ видѣ не сальныхъ, а стеариновыхъ свѣчъ. Нѣкоторые предусмотрительные о. о. ректора даже любятъ откладывать ихъ про запасъ, — *на черный день* что ли — не знаю. Напр. послѣ отъѣзда одного о. ректора на время въ Петербургъ въ квартирѣ его оказалось нѣсколько пудовъ запасныхъ стеариновыхъ свѣчъ. Наконецъ, конечно, рыбу и кое-какія приправы приходится ректору покупать на свой счетъ; но разнаго рода крупа, мука, масло, соль хлѣбъ и пр., все это почти вездѣ смѣлою рукою берется изъ запасовъ казеннокоштныхъ учениковъ; такъ что даже повара и лакеи находятъ возможнымъ передавать кое-что въ свои семейства. Словомъ сказать, чуть не каждый ректоръ считаетъ семинарію почти общежительнымъ монастыремъ и потому довольствуется отъ нее, *яко настоятель*, всѣмъ, кромѣ одежды, чаю, сахару и еще кое-

чего. Но съ другой стороны въ тоже время и монастырь обязан доставлять ему все то, что онъ беретъ отъ семинарии. Какъ тутъ надобно поступить? Одни о. о. ректора, не желая, вѣроятно, пробуждать зависти и соперничества между семинарией и монастыремъ, берутъ изъ послѣдняго такую сумму, какая, по ихъ соображеніямъ, должна бы на нихъ истратиться. Другіе не поступаютъ такъ; но все таки не бываютъ въ убыткѣ; п. ч. сумма, которая должна бы употребиться на ихъ содержаніе, остается въ монастырской кассѣ, откуда настоятель получаетъ законную треть. Т. о. о. ректоръ содержится незаконнымъ образомъ на счетъ семинарии, за этотъ подвигъ въ крайнемъ случаѣ получить въ вознагражденіе одну треть того, что стоило бы монастырю содержаніе его. *Вѣдь, право, нельзя не назвать этого средства искусственнымъ, даже искуснымъ!*

2) Во всякомъ монастырѣ непременно есть и лошади и экипажи для о. настоятеля. М. т. по недогадливости казны, въ семинаріяхъ б. ч. полагается одна лошадь, притомъ для черныхъ работъ, или другихъ экономическихъ надобностей. По этому ректора перемѣщаютъ въ семинарскія конюшни и сараи монастырскихъ лошадей и экипажи и, вѣроятно, для простоты счетовъ, для единства расходовъ приказываютъ эконому содержать кучера и лошадей, починывать экипажи на счетъ семинарии. Цѣль всѣхъ этихъ отеческихъ распоряженій слишкомъ понятна. Всякое уменьшеніе расходовъ по монастырю увеличиваетъ монастырскую кассу, которую настоятель можетъ распоряжаться, *яко же изволить*; тогда какъ сокращеніе расходовъ по семинарии выгодно только для казны, или для семинаристовъ. А давно уже сказано, *что своя рубашка къ телу ближе*.

3) При храмѣ каждой семинарии есть хоръ пѣвчихъ изъ учениковъ ея, почти вездѣ очень хорошій. Очевидно, что онъ красить и богослуженіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ привлекаетъ въ церковь, если она просторна, горожанъ, приношенія которыхъ при хорошемъ управленіи могли бы доставлять пособіе бѣднымъ семинаристамъ. Когда о. ректоръ изволитъ самъ присутствовать и особенно служить въ семинарской церкви, то и пѣвчіе непременно тутъ бываютъ. Но если ректорскій монастырь въ одномъ городѣ съ семинаріею и настоятель совершаетъ литургію въ немъ, — ну тогда въ семинарской церкви могутъ пѣть волонтеры, а пѣвчіе уже состоятъ при особѣ о. ректора. И такъ какъ опять *своя рубашка къ телу ближе*, то ректора б. ч. обѣднѣ служатъ въ монастыряхъ. Одинъ ректоръ на вопросъ знаемой дамы: почему онъ почти всегда заставляеть семинар-

скихъ пѣвчихъ пѣть литургію не въ семинаріи, а въ монастырѣ, очень наивно и чистосердечно отвѣчалъ: «*п. ч. чрезъ это мнѣ лишняя ряса будетъ.*» О вознагражденіи пѣвчихъ отъ монастыря за ихъ труды и не думаютъ. Когда въ церкви одной семинаріи нашли нужнымъ служить для стороннихъ богомольцевъ раннюю обѣдню, то ректоръ велѣлъ давать изъ церковныхъ доходовъ по нѣсколько рублей за каждую службу. Но тѣ же самые пѣвчіе изъ монастыря его В-бія не получаютъ ни копѣйки, хотя поютъ тамъ обѣдни, всенощныя и пр. едва ли не чаще, нежели въ семинаріи, присутствуютъ при погребеніяхъ и выносахъ тѣхъ покойниковъ, которыхъ отпѣваютъ подъ предводительствомъ ректора въ монастырѣ, и погребаютъ на монастырскомъ кладбищѣ. Его В-іе крайне обижается всякимъ даже намекомъ на то, что пѣвчимъ служить въ его обители не легко. Одинъ изъ нихъ, поссорившись съ регентомъ, хотѣлъ выйти изъ хора. Все причины выхода ректоръ опровергалъ спокойно; но когда пѣвчій сказалъ, что имъ трудно ходить въ монастырь, особенно въ грязь, то начальникъ не выдержалъ и сталъ грозить исключить упрянца. Послѣдній, видя опасность, прикинулся ханжою и, поднявъ глаза, сказалъ: «*малышечка усердная, мати Христа Бога нашего, заступись за меня.*» Эта только выходка спасла бѣдняка. Несправедливость настоятеля переходитъ въ нахальство въ его подчиненныхъ. Однимъ монастыремъ за временнымъ отсутствіемъ ректора управлялъ казначей, а семинарію въ тоже время инспекторъ, — почтенный и заслуженный протоіерей, который былъ наставникомъ, начальникомъ и даже благодѣтелемъ казначея. Послѣдній однажды захотѣлъ скрасить пѣвчими праздникъ своего монастыря; желаніе, пожалуй, очень понятное. Но онъ долженъ былъ бы или самъ явиться, или послать вѣжливое письмо къ инспектору и просить у него семинарскихъ пѣвчихъ, притомъ только часть ихъ. О казначей не думалъ о подобной деликатности; онъ чрезъ монастырскаго полушника приказалъ регенту явиться въ монастырь съ полнымъ хоромъ. Почтенный инспекторъ, услышавши о такой невѣжливости, велѣлъ половинѣ хора остаться въ семинаріи, а другой итти въ монастырь. Но казначей — сказать просто: малышка въ сравненіи съ инспекторомъ — обидѣлся еще тѣмъ, почему послѣдній осмѣлился противорѣчить его распоряженіямъ и прислать къ Его Преподобію только половину хора, который весь принадлежалъ семинаріи. Наконецъ, если въ самомъ монастырѣ находится семинаріа, то, р-ся, пѣвчіе семинарскаго хора — вполне монастырскіе

пѣвчіе. Будь даже особая церковь для учениковъ, для нихъ тамъ не станутъ совершать особаго богослуженія. Это соблюдается въ кievской академіи; и тутъ г. г. будущіе магистры и кандидаты служатъ обители своими голосами и увеличиваютъ ея доходы.

4) Настоятель монастыря, не ректоръ семинаріи б. ч. если не на всю жизнь, то очень долго въ немъ остается. Отъ этого происходитъ, что такіе настоятели сродняются съ своими обителями и имѣютъ побужденіе не разорять ихъ, чтобы самимъ послѣ не бѣдствовать. Но настоятель — ректоръ совѣтмъ другое дѣло. Онъ знаетъ, что ему монастырь данъ на время въ качествѣ пребенды, или аренды. Почему (употребимъ нынѣшнее модное слово) не взять на себя труда *поэксплуатировать* свою аренду, т. е. въ возможно краткій срокъ извлечь возможно большія выгоды для себя самаго? Давно уже извѣстно, что монастыри состоящія подъ начальствомъ ректоровъ семинарій и академій, рѣдко благоденствуютъ, а часто даже доходятъ почти до нищеты, до разоренія. Не однократныя бывали въ синодѣ представленія, въ которыхъ епархіальные начальники прямо высказывали эту мысль; такъ напр. поступили калужскій и ярославскій архіереи относительно Боровскаго, Пафнутьева и Тольскаго монастырей, бывшихъ долгое время арендой ректоровъ петербургской академіи и семинаріи. Тутъ настоятели ректора жили далеко. Но не лучше иногда бываетъ и тамъ, гдѣ они живутъ близко. Здѣсь эксплуатированіе производится подъ надзоромъ эксплуатирующаго, но къ выгодѣ его одного, а не монастыря и братіи. Особенно былъ замѣчательнъ примѣръ лѣтъ за 30 тому назадъ. Знаменитый учоный птогрессистъ, управляя М-имъ монастыремъ (к-ой губ.) не болѣе пяти лѣтъ, оставилъ на немъ долгу до 100,000 руб. асс.

Изъ сказаннаго мною объ искусственныхъ средствахъ увеличивать доходы видно, что о. о. ректора отъ монастырей получаютъ больше выгодъ, нежели простые настоятели. Въ подтвержденіе этой мысли не стану указывать ни на одежду, ни на столъ, ни на квартиру почтенныхъ о. о. ректоровъ; обо всемъ было в. с-но. Укажу на фактъ не всѣмъ извѣстный. Я знаю трехъ ректоровъ, которые прежде архіерейства на своей родинѣ были въ состояніи на свой счетъ построить каменные церкви. Деньги конечно употреблены надѣло хорошее; но вмѣстѣ съ тѣмъ изъ этого факта видно, какіе же доходы должны получать ректора, чтобы построить церковь; вѣдь, такія зданія требуютъ не одной тысячи рублей. Съ другой же стороны при всѣхъ усиліяхъ я узналъ

только о трехъ лицахъ, сдѣлавшихъ такое пожертвованіе; но они не были единственными представителями ректорскаго богатства; многіе и даже очень многіе ректора богаче ихъ. Значить, сколько должно остоваться у тѣхъ, которые получаютъ точно такіе же, или еще большіе доходы, какъ и эти три ректора, только уже не строятъ церквей, а развѣ выстроятъ себѣ бесѣдки на сборную по книжкѣ сумму?

Всѣ епархіальные наши начальники принадлежать къ м-щимъ; почти всѣ они бывають до своей хиротоніи ректорами семинарій и настоятелями монастырей; поэтому все сказанное въ этомъ отдѣлѣ въ большей или меньшей степени прилагается и къ нимъ. Но послѣ хиротоніи матеріальное положеніе ихъ во многомъ измѣняется; имъ приходится со многими изъ прежнихъ своихъ доходовъ разстаться, но зато съ другими новыми познакомиться. Вотъ почему я напольнужнымъ весь слѣдующій отдѣлъ посвятить доходамъ архіереевъ.

Отдѣлъ 13ый.

О бѣдности и доходахъ архіереевъ.

Въ недавнее время было много, да и нынѣ еще есть довольно людей, по словамъ которыхъ большинство нашихъ епархіальныхъ начальниковъ имѣють не очень богатое, даже бѣдное содержаніе. Въ этомъ случаѣ указываютъ особенно на весьма ограниченное жалованье, напр. одинъ изъ берлинскихъ защитниковъ говоритъ, что лично на себя получаетъ владимирскій архіерей 600 руб., а костромской не болѣе 700 руб. (стр. 37); а въ N. 35 Дня 1864 г. (стр. 2 столб. 1) напечатано, что по штатамъ 1764 г. на жалованье, на столъ, экипажъ и пр. положено выдавать архіереямъ въ епархіяхъ 2го класса 914 руб., въ епархіяхъ 3го кл. 743 руб. На содержаніе архіерейской свиты, пѣвчихъ и прислуги, составляющихъ въ епархіяхъ второкласныхъ 94 человекъ, а въ третекласныхъ 80 человекъ отпускается для первыхъ 1671 до 1960 р., а для послѣднихъ 1268—1580 руб. Изъ этой (будто бы) суммы архіереи должны поддерживать ризницу, исправлять соборную церковь (?), архіерейскій домъ и домовую церковь; и кромѣ того содержать 30 человекъ бога-

дѣльныхъ обоого пола. На основаніи однихъ этихъ данныхъ можно было повѣрить, что нѣкоторые архіереи дѣйствительно затрудняются относительно приличнаго содержанія себя; а про костромскаго архіерея одинъ изъ берлинскихъ защитниковъ пишетъ, что онъ съ трудомъ можетъ прокормить себя. Въ прошлое царствованіе говорили, что одинъ архіепископъ, получивъ орденъ Александра Невскаго, не имѣлъ денегъ для уплаты за него и долженъ былъ занять ихъ у секретаря к-рии, да и въ другое время не только довольствовался почти до нельзя скуднымъ столомъ, но и носилъ чрезъ чуръ не богатую одежду. Покойный Императоръ, узнавши объ этомъ, будто бы спрашивалъ у синода: «правда ли, что такой-то архіерей не имѣетъ даже хорошей одежды?» Владыкѣ было назначено не въ примѣръ прочимъ 1000 руб. прибавки къ жалованью. Другой архіепископъ, находясь въ началѣ пятидесятихъ годовъ въ Петербургѣ, жаловался одному авторитетному лицу изъ бѣлаго д-ва, что онъ по бѣдности не можетъ имѣть при себѣ хорошаго писмоводителя и долженъ самъ вчернѣ составлять всѣ бумаги. Наконецъ многіе архіереи, живя въ Петербургѣ для присутствія въ синодѣ, не могли даже въ прежнее время имѣть своихъ лошадей и для каждаго выѣзда изъ квартиры нанимали извозчицы кареты.

Но этой *пресловутой* бѣдности не слѣдуетъ вѣрить даже относительно бывшихъ временъ. Жалованье архіереямъ точно не велико, но они отъ казны пользуются подобно монастырямъ разными угодьями, напр. мельницами, рыбными ловлями, землею, лугами и пр. и кромѣ того имѣютъ очень прибыльныя статьи доходовъ, о которыхъ будетъ сейчасъ сказано. Независимо впрочемъ и отъ этого, положеніе ихъ въ послѣднее время очень хорошо улучшено. Напр. получаютъ архіереи: рижскій 6700 руб., варшавскій до 8000 р., литовскій, могилевскій, минскій и подольскій по 4000 руб. на себя и по 2973 р. на свиту, полоцкій и волынскій по 3200 р. на себя и по 2778 р. на свиту. Потомъ архіереи другихъ епархій постепенно получали ежегодныя прибавки на содержаніе себя, или домовъ своихъ; напр. кишиневскій сверхъ опредѣленной штатомъ прислуги (54 человека) для найма прислужниковъ 1530 р., иркутскій и олонекскій по 2000 р., калужскій 1428 р., костромскій и пензенскій по 1142 р., харьковскій 1000 р. и херсонскій 857 р. (N. 35 Дня 1864 г.), кавказскому, или ставропольскому, вмѣсто мельницы и рыбныхъ ловель назначено 3800 р. каждый годъ (отч. Об. Пр-ра за 1859 г. стр. 12). Затѣмъ, съ уничтоженіемъ крѣпостнаго

права, замѣненіе казенной прислуги выдачею богатой суммы изъ казны очень улучшило всѣ вообще архіерейскіе дома. Далѣе синодъ самъ нашолъ возможнымъ обезпечить большую часть архіереевъ предоставляя въ ихъ управленіе монастыри, р-ся, богатые. Прежде эта честь принадлежала только почти тремъ митрополитамъ, пользовавшимся доходами отъ своихъ лавръ; т. о. по отчету О. Пр-ра синода въ 1839 г. настоятельствами въ монастыряхъ только четыре архіерея. Съ 1842 г. стали понимать, что, если лаврами могутъ управлять митрополиты, живя иногда въ 60 верстахъ отъ нихъ, то почему же не быть настоятелями святыхъ обителей и другимъ епархіальнымъ архіереямъ. И вотъ изъ нихъ настоятельствами уже 18 въ 1842 г., 29 въ 1854 г., 38 въ 1858 г. и 45 въ 1861 г. Къ сожалѣнію отчетъ О. Пр-ра не входитъ въ подробности, какіе именно монастыри составляютъ, т. е. ть, пребенду или приходъ того или другаго архіерея. По частнымъ свѣдѣніямъ извѣстно, что нѣкоторые владыки пользуются доходами отъ нѣсколькихъ монастырей; напр. московскій митрополитъ отъ Троицко-сергіевой лавры, Чудова и Перервинскаго монастырей, Гефсиманскаго скито, иверской иконы Божіей Матери въ Москвѣ и пр. Недавно я слышалъ, что епархіальный начальникъ одной изъ волжскихъ губерній представилъ о закрытіи одного будто бы бѣднаго и не нужнаго монастыря въ своей епархіи и о присоединеніи его имуществу къ архіерейскому дому. Ходатайство уважено; тогда открылось, что отъ угоды въ бывшаго бѣднаго монастыря, какъ то лѣсу, рыбныхъ ловль и пр. архіерейскій домъ получаетъ ежегодно по 4000 р. Наконецъ изъ отчетовъ О. Пр-ра за послѣдніе годы видно, что въ распоряженіи синода есть особый капиталъ на производство епархіальнымъ пресвященнымъ добавочнаго жалованья. Капиталъ этотъ появился въ отчетѣ за 1858 г. въ числѣ 206,163 руб. 32 коп., а къ 1862 г. онъ въ четыре года возросъ до 254,543 руб. 76 коп., значитъ увеличился болѣе, нежели на 48,000 руб. Отсюда слишкомъ очевидно, что архіереи ни въ чемъ не нуждаются, п. ч. иначе капиталъ, назначенный собственно для ихъ обезпеченія, такъ не увеличился бы; даже въ 1861 г. доходъ по этой статьѣ состоялъ изъ 11,635 р. 95 к., а расходъ изъ 7905 р. 57 к.; т. о. осталось излишнихъ болѣе 4000 р. И потому осмѣливаюсь сказать, что нынѣ бѣдныхъ архіереевъ нѣтъ и быть не можетъ, если даже они станутъ довольствоваться только тѣмъ, что получаютъ отъ правительства, или отъ монастырей, которыми завѣдываютъ. Но у нихъ есть еще многіе особыя, какъ говорятъ, ресурсы и даже

есть акциденціи, какъ въ царствованіе Императора Николая въ фельетонѣ, к-ся, Сѣверной Пчелы выразился кто-то о чиновникахъ опекунскаго совѣта; пересмотримъ эти ресурсы и акциденціи.

Часть первая.

О доходахъ архіерейскихъ отъ богослужебныхъ дѣйствій и отъ крестовой церкви.

1) Извѣстно, что русскіе люди, — не только простой народъ, но и средніе и высшіе классы любятъ совершать нѣкоторые религіозные обряды, какъ можно, торжественнѣе. Торжественность эта состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, чтобы въ обрядѣ участвовали побольше духовныхъ особъ, чтобы между ними были притомъ тѣ лица, которыхъ нѣмцы назвали бы *hervorragende geistliche Personen* т. е. протоіереи, архимандриты и даже архіереи. Въ Петербургѣ и Москвѣ послѣдніе едва ли не чаще всего приглашаются на погребеніе умершихъ богачей не только аристократовъ, но и купцовъ; для этого выдумано даже особое слово *халтура*; отъ какого корня или языка происходитъ это слово, не знаю, но знаю, что быть приглашеннымъ на халтуру для всякаго духовнаго лица тоже значить, что быть приглашеннымъ для выноса, или отпѣванія какого нибудь покойника. *Халтуры* въ Петербургѣ и Москвѣ достаются б. ч. викарнымъ архіереямъ, которые чрезъ нихъ получаютъ едва ли не самыя главныя денежныя средства, и даже наживаютъ порядочныя остатки. Митрополиты Петербургскіе не часто приглашаются на погребеніе. Участіе теперешняго Митрополита Московскаго въ погребеніи кого либо служитъ лучшимъ доказательствомъ заслугъ покойника и личнаго къ нему уваженія архипастыря, который, р-ся никогда за это ничего не принимаетъ; онъ желаетъ только почтить покойника. Въ провинціальныхъ городахъ, гдѣ богатые покойники очень рѣдки, халтуры для епархіальныхъ начальниковъ случаются тоже рѣдко. Проходятъ иногда года два, или три безъ нихъ. Къ халтурѣ тоже надобно отнести заказываемыя богачами заупокойныя обѣды по ихъ умершимъ родственникамъ; въ Петербургѣ въ этомъ отношеніи замѣчательны такъ называемыя *шереметьевскія обѣды*, которыя совершаются въ церкви лазаревскаго кладбища при Лаврѣ даже нерѣдко ми-

трополитами, въ поминаваніе умершихъ членовъ фамиліи Шереметьевыхъ; за эти обѣдни всѣ служащіе каждый разъ получаютъ хорошее вознагражденіе и угощаются обѣдомъ, или закускою. Затѣмъ нужно сказать, что богатые помѣщики, купцы и даже приходы *общимъ миромъ и соборомъ* приглашаютъ не рѣдко архіереевъ для освященія храмовъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ получить благодарность, к-ся, не унизительно. Многие почтенные люди сочтутъ для себя большимъ оскорбленіемъ, если преосвященный не согласится, по ихъ просьбѣ, присутствовать въ которомъ либо изъ трехъ предъидущихъ случаевъ. Но странно было бы требовать, чтобы преосвященные исполняли всѣ такія просьбы безъ всякаго вознагражденія за труды, къ которымъ они не обязаны; имъ тутъ иногда надобно и пройти и пробѣхать порядочное количество верстъ, потерять нѣсколько часовъ и даже дней. Притомъ тутъ приглашаютъ по произволу; зовутъ люди, или общества, богатые; пусть же они и поблагодарятъ того, кто рѣшился съ нѣкоторымъ пожертвованіемъ и времени и трудовъ удовлетворить ихъ желанію. Благодарность выражаютъ обыкновенно или деньгами, или матеріями, или различными вещами напр. посудою и пр. На халтурѣ цѣна зависитъ отъ того, былъ ли кто на вынось, провожалъ ли покойника отъ дома до церкви, отъ церкви до кладбища, или служилъ только обѣдню. Въ Петербургѣ за все это вмѣстѣ рѣдко даютъ викарному архіерею менѣе 100 руб.; для болѣе важныхъ особъ плата увеличивается до 200 и выше; даже за одну заупокойную обѣдню платятъ по 50 руб. и болѣе. Въ провинціяхъ едва ли менѣе даютъ, п. ч. на приглашеніе рѣшаются только очень богатые люди. За освященіе храмовъ благодарность еще усерднѣе, такъ какъ тутъ архіерею нужно ѣхать очень далеко и пробыть въ дорогѣ не одну ночь; мнѣ извѣстны случаи, гдѣ благодарили 3—5 стами рублей. Конечно многогнко, но если приглашеніе было безъ всякаго понужденія со стороны приглашеннаго, то еще бѣда не велика. Къ сожалѣнію дѣламъ иногда даютъ такое настроеніе, что надобно непременно пригласить. Недавно умершій одинъ епархіальный начальникъ вовсе не двусмысленными признаками показывалъ, что ему очень пріятно, если его попросятъ на освященіе храма и, р-ся, поблагодарятъ за это. Подчиненные слишкомъ скоро поняли, чего желаетъ ихъ начальникъ и всячески старались угодить ему. Въ богатыхъ селахъ священники и мѣстные благочинные убѣждали прихожанъ даже нарочно пригласить начальника для освященія; въ такомъ случаѣ и благодарность выражалась

большимъ приношеніемъ, если же село было не богатое, то ждали, когда начальникъ ревизуя епархію, поѣдетъ мимо, или вблизи него; тогда можно было являться и съ меньшимъ приношеніемъ, но все таки не менѣе 100—150 руб. Съ своей стороны и приглашенный не оставлялъ безъ вниманія пригласившихъ; священникъ получалъ набедренникъ, а если имѣлъ его, то и скуфью, благочиннаго не забывали при представленіи къ наградамъ. Лицо, о которомъ сейчасъ говорено, такъ любило подобныя приглашенія, что, снисходя къ нимъ, укорило свою смерть. Оно было очень больно, но начало поправляться; въ это время одинъ богатый московскій купецъ въ селѣ, — мѣстѣ своей родины — возобновилъ и украсилъ церковь; освящать ее не было нужно, п. ч. *престоль не былъ нарушенъ*. Но благочинный, священникъ и строитель, каждый по своимъ побужденіямъ, захотѣли, чтобы первая обѣдня была совершена непременно епархіальнымъ начальникомъ и пригласили его на такъ называемое *малое освященіе*. Доктора настойчиво доказывали опасность путешествія, притомъ въ дурное осеннее время; но ихъ не послушались; поѣхали, едва доѣхали; въ церковь внесены были въ кресла, обѣдню не могли служить, въ алтарѣ ее просидѣли, потомъ пообѣдали, получили 300 руб., уѣхали, окончательно захворали и умерли. Событіе это дало преемнику покойника поводъ сказать порядочную острогу; когда одна игуменья стала приглашать его освятить церковь въ ея монастырѣ и, получивъ отказъ, сказала: «прежній преосвященный самъ, бывало, освящалъ храмы;» на что ей отвѣчали: «за то и голову на этомъ положилъ.» Потомъ освятителю должно не только не принуждать никого приглашать себя на освященіе, но и получать только ту благодарность, которую даютъ, а не удвоять ее. А то былъ случай, что послѣ освященія церкви въ имѣніи одного магната, заводчика, предложенъ былъ освятившему богатый сервизъ. Но важная особа сказала: «куда мнѣ-монаху такое богатство? Что мнѣ дѣлать съ такимъ богатымъ сервизомъ?» Тогда распорядитель вручилъ въ пакетъ очень полную сумму кредитными билетами. — Остались довольны. Послѣ, когда еще посидѣли и поразговорились, то предложили вопросъ: «а что не взять ли намъ и сервизъ, а то, пожалуй, Его Превосходительство (заводчикъ) обидится, что мы отказались отъ подарка.» И потому тотчасъ же постарались ошибку исправить, взяли и сервизъ, но денегъ не возвратили.

2) Издавна тоже существуетъ обычай приглашать преосвященнаго служить обѣдню въ храмовые праздники тѣхъ

церквей, которыя находятся въ городѣ — его резиденціи. Подобный обычай даже хорошъ. Преосвященному надобно видѣть всѣ церкви; прихожанамъ каждой церкви пріятно получить благословіе въ день ихъ храмоваго праздника. Тутъ обыкновенно преосвященный заѣзжаетъ къ священникамъ и церковному старостѣ; у первыхъ б. ч. выпьетъ чашку чаю, у послѣдняго покушаетъ; въ Петербургѣ впрочемъ бываетъ и чай и обѣдъ у протоіерея, или старшаго священника. Все это не дурно, но нужно, чтобы въ подобныхъ случаяхъ церковь не терпѣла никакихъ особенно большихъ расходовъ, или по к. м. причты не были поставлены въ необходимость приглашать преосвященнаго къ себѣ служить литургію. М. т. на самомъ дѣлѣ ни то, ни другое почти нигдѣ не исполняется. У нѣкоторыхъ преосвященныхъ есть списки храмовыхъ праздниковъ всѣхъ городскихъ церквей; и они сами извѣщаютъ, когда и гдѣ имъ угодно будетъ служить; это впрочемъ очень рѣдкіе дѣлаютъ. Другіе непременно требуютъ, чтобы священникъ каждой городской церкви приходилъ въ канунъ храмовыхъ праздниковъ и испрашивалъ благословіе на празднованіе; р-ся въ этомъ случаѣ священникъ можетъ пригласить и не пригласить; но дѣло опять такъ ведется, что приглашающій можетъ рассчитывать на начальническое благоволеніе, а не приглашающій не удостоится его. Въ другомъ мѣстѣ предъ главнымъ праздникомъ священникъ и староста идутъ вмѣстѣ ко владыкѣ и упрашиваютъ его пожаловать къ нимъ отслужить обѣдню. Всѣ эти приглашенія недешево обходятся приглашающимъ, или лучше церкви. Съ преосвященнымъ къ служенію приходитъ цѣлый штабъ: протодьяконъ, дьяконы, иподьяконы, пѣвчіе, лакей, кучеръ и пр.; все это непременно требуетъ угощенія послѣ обѣдни. Недавно одинъ священникъ въ храмовой праздникъ пригласилъ меня къ себѣ. Отслуживши литургію, преосвященный пріѣхалъ въ домъ пригласившаго съ духовными особами, которыя вмѣстѣ съ нимъ совершали ее. Всѣ они недолго посидѣли, п. ч. спѣшили на парадный и пышный обѣдъ, приготовленный у старосты. Но послѣ ихъ отъѣзда *наярнула*, извините за выраженіе, *цѣлая громада*, въ которой я замѣтилъ не только протодьякона, дьяконовъ, иподьяконовъ, пѣвчихъ, но даже пономарей и звонарей соборныхъ; — послѣдніе вовсе ничего въ церкви не дѣлали, а пришли по заведенному порядку; всѣхъ посѣтителей я насчиталъ 28 человекъ. Имъ поставили графины и штофы съ водкою, равно какъ огромныя блюда, наполненные кусками пирога, студеной, жареной гусятины и пр. и пр. Потчивать гостей не было необходимо-

сти; всё сами знали, что дѣлать и покончили все минутъ чрезъ 15—20. Что дано имъ деньгами, не знаю; но когда я сталъ говорить хозяйкѣ о ея хлопотахъ, то она, улыбнувшись, сказала: «да вы не все видѣли; пока еще преосвященный сидѣлъ здѣсь, на кухню прибѣжало множество кучеровъ и лакеевъ, которыхъ надобно было, какъ можно скорѣе, угощать. Послѣ нихъ очередь дошла до будочниковъ и жандармовъ. Насилу тамъ раздѣлались. Но нынѣ, слава Богу, все обошлось безъ неприятностей. Вы видѣли, что и дьяконы и пѣвчіе вели себя хорошо, а то иногда, какъ подвыпьютъ бывало, такъ хоть бѣги изъ дома. Кромѣ того за однимъ изъ прежнихъ преосвященныхъ являлся цѣлый штатъ его почитательницъ; вотъ съ ними то была бѣда;» — хозяйка еще многое прибавила, но я пока помолчу.

Откуда же брать деньги на все это угощеніе. Священнику вынимать изъ своего кармана не хочется, старостѣ тоже, отвѣчай церковь. Потомъ парадный обѣдъ у священника, или у старосты опять устраивается на церковный счетъ. Наконецъ поутру староста и священникъ, или одинъ староста являются къ преосвященному благодарить его за оказанную честь. Конечно не рѣдко тутъ ограничивается все словесною благодарностію, но гораздо чаще не отказываются и отъ вещественнаго выраженія ея. Иные довольствуются фунтомъ чаю и головою сахару, но другіе желаютъ имѣть что либо поцѣннѣе. Т. о. церковные праздники въ этомъ случаѣ обходятся очень и очень недешево. Петербургскимъ церквамъ расходы въ 500 р. ни почемъ, а для бѣдной церкви иного губернскаго города 50—100 руб. слишкомъ много значать. Такъ не лучше ли или вовсе не служить, или служить, но не вводить въ расходы церковь, которая удостоилась *нашего* посещения.

3) Въ каждомъ архіерейскомъ домѣ есть домовая церковь, или, какъ ее называютъ, *крестовая*, въ которой ежедневно совершается обѣдня, вечерня и утренняя. Судя по такому назначенію своему, крестовая вовсе не должна быть обширною. Сюда, какъ будто бы не слѣдовало даже пускать стороннихъ людей. Но почти вездѣ не такъ думаютъ. Не только не уменьшаютъ величины прежнихъ крестовыхъ, но расширяютъ старыя и устраиваютъ новыя. Къ одному архіерейскому дому недавно сдѣлана огромная пристройка, чтобы имѣть тамъ обширную крестовую. Тутъ по к. м. употреблены были домашнія, или монастырскія средства. Другой архіерей имѣлъ крестовую, которая могла вмѣщать до 200 человекъ. Но ему захотѣлось устроить на 500 и б.

Своихъ денегъ, или изъ кассы архіерейской не стали тратить, а обратились къ бѣлому д-ству, чтобы оно своими пожертвованіями помогло устроить новую обширную крестовую, въ которой рѣшительно никто не нуждался. Благочинные, по внушенію строителя, употребили все усердіе свое, — не только убѣждали, но и принуждали подчиненныхъ своихъ вписывать себя въ число жертвователей.

Охотниковъ и охотницъ ходить къ богослуженію въ крестовую найдется, во всякомъ городѣ, весьма много; было бы только гдѣ стоять. Въ ней служба совершается, м. б., не очень быстро, но и не слишкомъ продолжительно; часто поютъ архіерейскіе пѣвчіе; бываютъ б. ч. раннія обѣдни; но, главное, въ ней круглый годъ, по к. м. въ праздники, служатся не утрени, а всенощныя. Относительно всенощныхъ существуютъ у насъ довольно странныя понятія. Что въ селахъ ихъ почти никогда не служатъ, дѣло понятное. Крестьянинъ въ будничные дни, даже предъ праздникомъ, работаетъ до темнаго вечера, а предъ воскресеньемъ вся семья его считаетъ обязанностію вымыться въ банѣ. При такомъ положеніи ко всенощнымъ почти никто не пойдетъ, особенно изъ деревень. Утрени — другое дѣло. Вставать рано деревенскимъ жителямъ не привыкать и потому даже изъ отдаленныхъ деревень успѣваютъ пріѣхать, или придти къ утренней службѣ. Но въ городахъ всенощныя служатся въ праздничные дни, начиная съ фоминой недѣли и до 14го сентября; въ остальное время бываютъ только утрени. Изъ этого правила исключаются дни храмовыхъ праздниковъ; затѣмъ учебныя заведенія и казенныя мѣста, напр. богадѣльны, больницы и пр. и наконецъ архіерейскія крестовыя. Въ этомъ случаѣ относительно приходскихъ городскихъ церквей надобно было бы поступить совсѣмъ иначе. Прежде всего, почему причту и прихожанамъ городскимъ не предоставить самимъ рѣшить, всенощную, или утрени имъ служить въ известное время, или даже иногда и ту и другую? Право, они въ этомъ отношеніи лучше судьи. Потомъ городскіе жители, ремесленники и торговцы занимаются своими дѣлами до самаго вечера. Поэтому лѣтомъ, когда всенощныя не только начинаются но и оканчиваются засвѣтло, до заката солнечнаго, торговцамъ слушать ихъ неудобно; имъ надобно сидѣть еще въ лавкѣ. Зимой же и осенью всенощныя начинались бы уже послѣ заката солнечнаго, когда и торговля и работа многихъ мастеровъ поканчиваются; поэтому они могли бы безъ препятствія идти въ церковь. Далѣе лѣтомъ къ утрени можно приходиться очень удобно, п. ч. уже свѣтло,

не попадешь въ сугробъ снѣгу, обойдешь грязь и пр. А зимою и осенью не только вставать въ 4—5 часовъ трудно, но иногда нѣтъ возможности ни пройти, ни проѣхать отъ сугробовъ снѣга, нанесеннаго ночью, или отъ грязи. Ужь, если бы нужно служить въ одну часть года всенощныя, а въ другую утрени, то надобно бы для первыхъ назначить осень и зиму, а для послѣднихъ лѣто. Наконецъ нельзя не спросить, почему въ семинарской, больничной и крестовой церквахъ всенощную позволено служить во весь годъ, а въ приходскихъ только съ фоминой недѣли до 14го сентября? Какъ это завелось, не знаю, но знаю предостовѣрно, что такое распоряженіе приноситъ очень хорошій доходъ архіерейской крестовой.

Въ самомъ дѣлѣ въ зимнее время въ губернскихъ родахъ всенощныя почти только и бываютъ въ крестовой, семинаріи, богадѣльнѣ или больницѣ, иногда въ гимназіи. Но семинарская церковь наполняется семинаристами по к. м. на половину; въ богадѣльнѣ отдѣляется на церковь какая либо небольшая комната, въ гимназіи изъ стороннихъ почти никого не пускаютъ. Очевидно, остается одна только крестовая и въ нее-то, если она просторна, спѣшитъ множество народа. Привыкшіе ходить ко всенощному бдѣнію въ нее посѣщаютъ ее и въ обѣдню, такъ что въ праздники она почти всегда полна бываетъ. Рѣся и тутъ, какъ въ обыкновенныхъ церквахъ, продаются и ставятся къ иконамъ свѣчи, ходятъ по церкви съ тарелками и кружками и получаютъ по мѣстамъ доходы до 2—300 руб. въ мѣсяцъ, даже и болѣе. Различіе состоитъ только въ томъ, что въ приходскихъ церквахъ сумма отъ продажи свѣчъ поступаетъ на содержаніе духовныхъ училищъ, а кошельковая составляетъ неотъемлемую принадлежность церкви; эту сумму д-во на свои нужды тратить не можетъ. Тогда какъ въ крестовой только часть всѣхъ сборовъ тратится на нужды и украшеніе церкви, а прочими деньгами преосвященный распоряжается, какъ ему угодно; тутъ нѣтъ ни контроля, ни отчетовъ, ни ответственности. Затѣмъ такъ называемые, крестовые монахи обращаютъ церковь свою въ настоящую приходскую, поютъ молебны, панихиды, принимаютъ на себя поминованіе, исповѣдуютъ и приобщаютъ, хотя у нихъ не ведется исповѣдныхъ росписей, даже съ иконами своими ходятъ въ дома обывателей, чтобы тамъ служить молебны и пѣть акафисты. Доходы въ крестовой увеличиваются отъ того, что по к. м. нѣкоторые преосвященные очень часто любятъ служить въ ней, а не въ соборѣ. Одинъ преосвященный почти во всю свою быт-

ность на архіепископской кафедрѣ въ великую пятницу такъ называемый выносъ плащаницы всегда дѣлалъ изъ своей крестовой въ соборъ. Отчего свѣчи, которыя имѣютъ при этой церемоніи всѣ присутствующіе, покупались въ крестовой, а соборъ оставался пустымъ и безъ доходу; въ него приходили съ плащаницею къ концу вечерни. При помощи всѣхъ этихъ обстоятельствъ доходы въ крестовой бывають очень большіе; часть ихъ отдѣляется на м-шую братію, при ней служащую и доставляетъ ей, особенно отцу эконому болѣе, нежели безбѣдное содержаніе, даже возможность наживать капиталы; а прочее все поступаетъ въ кассу архіерейскаго дома, въ непосредственное безотчетное распоряженіе архіерея. Въ одной крестовой собрано было такихъ суммъ до 14,000 руб., а послѣ куда дѣвались?!?

Часть вторая.

Объ архіерейскихъ доходахъ, которыя можно назвать акциденціями.

1) Изъ описанныхъ въ предъидущей части способовъ увеличивать доходы архіерейскихъ домовъ не всѣ заслуживають одобренія. Но слѣдующій стоитъ уже полнаго осужденія. Въ селѣ одной изъ близъ — московскихъ губерній была икона Божіей Матери; ее считали чудотворною, а потому не только приходили на поклоненіе къ ней въ село, но и носили ее въ отдаленные мѣста. Епархіальный архіерей обзрѣвалъ свою епархію въ то время, какъ по разнымъ ея мѣстамъ и въ губернскомъ городѣ свирѣпствовала холера. Одно богатое село, лежавши на его пути, онъ хотѣлъ было проѣхать, не останавливаясь, но крестьяне довольно энергически просили его, чтобы онъ отслужилъ обѣдню, какъ п. ч. ихъ *постылись тѣмъ божіей* — въ селѣ свирѣпствовала холера — такъ и п. ч. у нихъ теперь чудотворная икона Божіей Матери. Епархіальный начальникъ не слыхалъ прежде объ этой иконѣ; узнавши то уваженіе, которымъ она пользуется въ народѣ, онъ отслужилъ обѣдню. Впрочемъ въ то же самое время священнику церкви, къ которой она принадлежала, приказалъ, какъ можно скорѣе, явиться съ нею въ губернскій городъ, гдѣ холера дѣйствовала чрезвычайно сильно. Граждане, какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, искали небесной

помощи; услышавъ о приближеніи чудотворной иконы; они огромными толпами вышли на встрѣчу ей. Икону поставили не въ соборѣ, или какой либо приходской церкви, а въ крестовой. Народъ во множествѣ приходилъ кто приложиться, кто отслужить молебень; въ томъ и другомъ случаѣ приношенія сыпались щедрою рукою. Огромное большинство гражданъ пожелало служить молебны въ собственныхъ квартирахъ. Икону брали изъ крестовой съ самаго ранняго утра часу въ четвертомъ, переносили изъ двора во дворъ до поздней ночи и возвращались съ нею только во время богослуженія. Сначала имѣли даже неосторожность назначить т. с-тъ таксу за молебень въ домахъ по 5 руб.; послѣ, узнавъ о ропотѣ, отмѣнили распоряженіе, за всѣмъ тѣмъ молебень не обходился никому дешевле 1½—2 руб. Только сельскій священникъ, принесшій икону, получилъ приказъ уѣхать въ свое село. Всѣ молебны служили крестовые монахи; за иконою носилась огромная запертая кружка, куда собирались приношенія. Это продолжалась 3—4 недѣли, въ которыя едва ли не цѣлая половина семействъ городскихъ принимала у себя икону. Если какой либо приходъ желалъ имѣть ее въ своей церкви, то ее приносили, но непременно съ крестовыми іеромонахами и съ огромною кружкою. Когда болѣзнь ослабѣла въ губернскомъ городѣ, а по окрестнымъ уѣздамъ еще свирѣпствовала, то икону съ величайшимъ почтотомъ брали далѣе, нежели за 50 верстъ, но всегда въ сопровожденіи крестоваго іеромонаха и огромной кружочки. Болѣзнь прекратилась, но чествованіе иконы, оставшейся болѣе года во крестовой, продолжалось; приношенія конечно сдѣлались меньше, но все таки были огромны и могли бы доставить средства къ жизни многимъ семействамъ. Наконецъ икону отпустили въ село, которому она принадлежала, устроивъ напередъ совершеннѣйшую во всѣхъ отношеніяхъ копію, которой воздается поклоненіе и приносятся приношенія. Послѣ этого чрезъ нѣсколько времени тотъ же начальникъ приказалъ перенести изъ сосѣдняго монастыря въ крестовую церковь икону одного изъ святыхъ, но вскорѣ заболѣлъ и умеръ. Во время болѣзни въ бреду онъ высказалъ и то, сколько ему доставила та и другая икона. «Нѣтъ, нѣтъ, повторялъ болящій, святой угодникъ немного доставилъ; вотъ Божія Матерь другое дѣло, — 27,000 руб. доставила, впрочемъ тысячъ пять получу и отъ угодника.» Да, прискорбно говорить о подобныхъ фактахъ; но надобно ихъ обнаруживать, чтобы они не повторялись и окончательно не подорвали религіи въ народѣ и чтобы была возможность объяснить ими

упадокъ религіозныхъ вѣрованій. Скажутъ: вѣдь этотъ случай исключеніе, частность. Полно такъ ли? Не дѣлается ли чего либо подобнаго, въ другой только формѣ, съ другою обстановкою?

2) Выше сказано, что въ 1861 г. 45 архіереевъ были вмѣстѣ съ тѣмъ настоятелями монастырей. Во всея подробности и частности управленія ими сами преосвященные почти нигдѣ не входятъ; это предоставлено особымъ лицамъ, которые получаютъ названіе намѣстниковъ. Если преосвященный живетъ въ самомъ монастырѣ, то ему м. б. ежедневно приходится выслушивать словесные рапорты отъ своего намѣстника и снабжать его своими совѣтами, или приказаніями. Но если монастырь вѣн и особенно вдали отъ резиденціи архіерея, то участіе послѣдняго въ управленіи имъ, кромѣ подписи нѣсколькихъ бумагъ, ограничивается, почти только рописками въ полученіи денегъ; часто такіе настоятели по году и болѣе даже и не бывають въ тѣхъ монастыряхъ, которыми управляютъ.

Намѣстники получаютъ вознагражденіе за свои труды по управленію различнымъ образомъ; само собою р-ся, что содержаніе пищею, отопленіе, освѣщеніе, квартира — все это отъ монастыря. Но кромѣ того нѣкоторые добросовѣстные архіерея изъ своей части выдѣляютъ имъ приличное вознагражденіе. Другіе, получивъ все, что слѣдуетъ имъ, какъ настоятелямъ, приказываютъ изъ оставшихся затѣмъ общихъ братскихъ доходовъ отдѣлять намѣстникамъ болѣе, или менѣе значительную часть; тутъ уже братія содержитъ намѣстника на свой счетъ. Наконецъ бывають очень экстренные случаи. Напр. намѣстники въ одномъ монастырѣ не получали ни отъ братіи, ни отъ главнаго начальника никакихъ денежныхъ доходовъ, но вмѣсто того ихъ посылали очень часто освящать вновь отстроенныя, или передѣланныя церкви. Р-ся они въ убыткахъ не были; кромѣ того кое-что перепадало въ ихъ руки изъ доходовъ самаго монастыря.

Настоятель — архіерей распоряжается суммою монастыря самостоятельнѣе, нежели простой строитель, или архимандритъ; послѣдніе зависять отъ к-ріи и епархіальнаго начальника, могутъ быть отставлены, контролированы во своихъ дѣйствіяхъ; сама братія ихъ удержитъ отъ многоаго. Но настоятель — архіерей выше всѣхъ этихъ препятствій; ему никто не посмѣетъ противорѣчить, никто его не ревизуетъ и не повѣряетъ. Простой настоятель никакъ бы не осмѣлился, или ему бы не позволили истратить 40,000 руб. на отдѣлку своихъ комнатъ, на устройство дачи, въ которой никто не

живеть. Настоятелю же повыше саномъ *вся сія возможна суть*. Кромѣ того высокіе настоятели находятъ нужнымъ увеличивать доходы своихъ монастырей экстренными способами. Прежде всего отводятся въ нихъ кладбища для богатыхъ людей. Кладбища устраиваются епархіальными архіереями даже на своихъ дачахъ, или въ другихъ мѣстахъ, какимъ либо образомъ имъ принадлежащихъ. Достаточно тутъ огородить мѣсто оградю, построить небольшую церковь; охотниковъ погребать своихъ родныхъ будетъ много; и они съумѣютъ отблагодарить за сдѣланное имъ снисхожденіе. У к-го архіерея есть даже два такихъ кладбища; одно какъ будто для соперничества находится въ близкомъ разстояніи отъ городского. Въ этихъ случаяхъ уменьшаются, очевидно, доходы приходскихъ и кладбищенскихъ городскихъ церквей. Но, если монастырь находится въ самой резиденціи архіерея и особенно, если послѣдній живеть въ немъ, то страдаютъ интересы кафедральнаго собора. Въ такихъ случаяхъ епархіальный начальникъ служитъ преимущественно въ своемъ монастырѣ; соборъ кафедральный удостоивается этой чести только въ экстренныхъ случаяхъ, напр. въ высокаторжественные дни. Т. о. петербургскій митрополитъ совершаетъ 6. ч. литургію въ Невскомъ Монастырѣ; казанскій соборъ прежде и исакиевскій нынѣ рѣдко его видятъ въ своихъ стѣнахъ. Но тутъ по к. м. одинъ соборъ слишкомъ близко, у самыхъ почти митрополичьихъ келій, а другіе въ 4—5 верстахъ; разстоянія слишкомъ различны. Но вотъ въ Москвѣ митрополичій домъ въ одинаковомъ разстояніи отъ чудова монастыря, успенскаго и архангельскаго соборовъ; м. т. архіерейскія службы бывають преимущественно не въ соборахъ, а въ монастырѣ, который состоитъ подъ управленіемъ московскихъ митрополитовъ. Здѣсь уже нельзя, какъ въ Петербургѣ, объяснить такой фактъ разницею въ разстояніяхъ; здѣсь причина скрывается кое — *въ чемъ въ другомъ*. Точно также въ Воронежѣ кафедральный соборъ рѣдко видитъ у себя архіерейское служеніе; тамошніе архіепископы находятъ *лучшимъ для себя* совершать литургію въ своемъ митрофаніевомъ монастырѣ.

3) Архіерейскіе дома получаютъ по мѣстамъ пособія, доходы, приношенія, или акциденціи (назовите, какъ угодно) отъ всѣхъ вообще, или отъ богатыхъ монастырей епархіи. Это зависитъ или отъ добровольнаго усердія послѣднихъ, или отъ сдѣланнаго имъ приглашенія. Т. о. каждый почти разъ, какъ мѣстный епископъ посѣщаетъ саровскую пустынь, послѣдняя считаетъ себя обязанною сшить одежду всему пѣв-

ческому хору и выразить свою благодарность за посѣщеніе многими другими добровольными приношеніями; одна пустынь во В-ой губерніи доставляетъ архіерейскому дому отличныхъ стерлядей. Но иногда не ожидаютъ добровольныхъ приношеній, а дѣлаютъ приглашенія; тутъ уже не забываются и женскіе монастыри. Вотъ напр. весьма замѣчательный случай въ этомъ родѣ. Одинъ епархіальный архіерей, бывшій прежде женатымъ человѣкомъ, имѣлъ сына. Сынъ кончилъ курсъ въ одномъ изъ высшихъ нашихъ учебныхъ заведеній и долженъ былъ поступить на службу. Ему нужно было имѣть приличное бѣлье. Въ этомъ случаѣ одна старушка — игуменья, настоятельница весьма бѣднаго монастыря, получила приглашеніе приготовить нѣсколько дюжинъ бѣлья изъ лучшаго голландскаго полотна. Старушка не имѣла смѣлости отказаться отъ сдѣланнаго приглашенія, купила кое-какъ на послѣдніи почти деньги полотна, поручила сшить изъ него бѣлье, но, вручивъ его пригласившему, отказалась отъ настоятельства.

4) Доходами отъ крестовой и монастырей можно бы содержать себя архіерейскимъ домамъ, но они любятъ приглашать и бѣлое д-во къ участию въ доставленіи комфорта общему ихъ начальнику. Въ послѣднее время одно изъ такихъ приглашеній надѣлало много шума. Въ одномъ губернскомъ городѣ для архіерея есть домъ, выстроенный на возвышенномъ, можно сказать, восхитительномъ мѣстѣ; онъ стоитъ почти уединенно, не окруженъ никакими зданіями мірянъ; не далеко вблизи его протекаетъ знаменитая въ Россіи рѣка; изъ него открываются въ три стороны великолѣпные виды на раскинутыя близъ рѣки дуга и другія окрестныя живописныя мѣста. Если присоединить сюда, что при домѣ находится очень обширный садъ съ большою бесѣдкою въ нѣсколько комнатъ, то трудно найти дачу, которая была бы лучше дома; живя здѣсь лѣтомъ, нельзя чувствовать надобности перѣѣзжать на житье куда либо за городъ. Къ тому же архіерейскому дому принадлежала загородная роца съ домомъ и церковью въ немъ. Роца въ старинное время сохранилась въ барскомъ вкусѣ, но потомъ мало-по-малу была, какъ говорятъ, *затушена*, сдѣлалась сыроватою и даже не отличалась особенно благоуханнымъ воздухомъ. Домъ въ ней началъ ветшать; поддерживать его было трудно. Поэтому епархіальный архіерей съохъ за лучше *нарушить*, какъ говорятъ, *церковь*, а домъ продать. Но одинъ изъ преемниковъ захотѣлъ, во что бы-то ни стало, непременно имѣть въ той же роцѣ домъ, только уже въ отличномъ видѣ.

На такія постройки казна, не любитъ отпускать сумму; свои тоже деньги тратить почтенной особѣ казалось неудобнымъ. Отъ горожанъ еще труднѣе было добиться чего нибудь. Не лучше ли всего обратиться къ *возлюбленной о Христв братіи*, къ доброму, услужливому и податливому блѣному д-ву? Составлено окружное посланіе, въ заглавіи котораго стояло: *возлюбленная о Христв братія*; потомъ описано, какъ въ извѣстной роцѣ отъ небрежности предшественниковъ пришло въ ветхость и разрушенъ храмъ, потомъ доказывалось, какъ бы хорошо было воздвигнуть тамъ новый храмъ и наконецъ предлагалось возлюбленной братіи сдѣлать пожертвованіе на столь богоугодное дѣло. Благодичнымъ тутъ не довѣрились; нашли лучшимъ послать ловкаго, услужливаго, предъ одними вкрадчиваго, предъ другими смѣлаго, даже дерзкаго человѣка, снабдили его не только окружнымъ посланіемъ и шнуровою книгою, но и устною инструкціею, ободрили къ предстоящимъ трудамъ привлекательною и заманчивою наградою. Ловкій человѣкъ оправдалъ казанное къ нему довѣріе; дѣйствовалъ разнообразно; тамъ употреблялъ вкрадчивость, ласку, даже лесть, тутъ настойчивость и даже дерзость; въ одномъ мѣстѣ ободрялъ обѣщаніемъ благоволенія, въ другомъ стращалъ немилостію. Если же гдѣ д-во было скупое, или бѣдно, и поэтому не хотѣло, или не могло пожертвовать требуемую сумму, то сборщикъ говорилъ: «что вы скупитесь, возьмите изъ церковныхъ денегъ; преосвященный это разрѣшилъ; только смотрите, онъ никакъ не велѣлъ записывать взятыхъ денегъ въ приходорасходныя книги.» Зная, что внѣшняя обстановка болѣе всего дѣйствуетъ на деревенскихъ жителей, что они особенно слабоваты предъ людьми, которые высказываютъ рѣшительный тонъ, самоувѣренность, сознаніе важности своей миссіи, ловкій человѣкъ, гдѣ нужно было, являлся представителемъ какой-то грозной власти. Вылѣзши изъ повозки на дворѣ какого либо сельскаго священника, тотчасъ говорилъ, или лучше кричалъ: «чтобы овса лошадямъ было въ волю.» Если нужно было тутъ же имѣть ночлегъ, то причетникамъ отдавался приказъ караулить лошадей всю ночь, не смотря на холодъ. Къ священнику, конечно, были посписходительнѣе, но не давали и ему забываться. Результаты оказались блистательные. Были даже одноштатныя села, гдѣ пожертвованія простирались за 25 р. сер. И хотя ловкій человѣкъ по не предвидѣннымъ обстоятельствамъ не могъ объѣхать всей епархіи, тѣмъ не менѣе, по слухамъ, сборъ состоялъ болѣе, нежели изъ 10,000 руб. сер. За такой подвигъ онъ

получилъ приличную награду, сдѣланъ начальникомъ одной обители. Впрочемъ онъ и во время своей побѣдки умѣлъ не забыть не только себя, но и своихъ спутниковъ, послушника и кучера. Получивши пожертвованіе, онъ говорилъ хозяину: «ну а что же мнѣ за труды? вѣдь я хлопочу.» Хозяева только въ бѣдныхъ селахъ ограничивались рублевою благодарностію, а въ богатыхъ она заходила даже за три рубля и болѣе. Р-ся, хлопоты послушника и кучера тоже, были въ каждомъ селѣ вознаграждаемы.

Въ одномъ только ошибся ловкій человѣкъ; ему не было поручено устраивать новый домъ на собранныя имъ деньги. Это дѣло предвсхитилъ другой, если не болѣе ловкій, то болѣе солидный и даже *страшный* господинъ. Въ новомъ домѣ дѣйствительно одна комната отдѣлена на храмъ, но вѣроятно въ замѣнъ того пристроена къ дому галерея, которая ведетъ къ очень большому флигелю; по плану предполагалось два флигеля. Мнѣ говорили, что, побывавши въ этомъ домѣ и припомнивши, на какія деньги онъ построенъ, оставишь его съ грустнымъ чувствомъ. Деньги, истраченные на него, можно считать погибшимъ капиталомъ. Мѣсто сырое, на фундаментѣ и въ нижнихъ вѣнцахъ видна плѣсень. Сама почетная особа ни разу въ немъ не ночевала и уже никогда не ночуетъ, при ней служба совершалась во храмѣ только въ день его освященія; тоже почетная особа и пообѣдала въ домѣ съ приближенными къ ней людьми только въ этотъ день. А м. т. 10000 рублей, собранныхъ съ д-ва на этотъ домъ, сколькоимъ бы бѣднымъ лицамъ могли доставить вполне обезпеченное положеніе? Повторимъ еще: *грустно встрѣчаться съ подобными явленіями.*

б) Въ предшествовавшее и настоящее царствованіе часто стали встрѣчаться случаи, когда пособія епархіальнымъ начальникамъ дѣлаются подъ видомъ вознагражденія за учоныя и литературныя ихъ труды. Извѣстно, что многіе архиереи издають въ свѣтъ свои сочиненія, б. ч. тѣ поученія, которыя они говорили, м. б. чуть не со студентческой скамьи. Никто не станетъ отвергать того, что они, подобно всякому автору, имѣють право заботиться о распространеніи своихъ учоныхъ, или литературныхъ произведеній, но легальными, не насильственными способами. Для этого слѣдовало бы объявить въ газетахъ о напечатаніи сочиненія, отдать его книгопродавцамъ, или извѣстить о мѣстѣ жительства автора, тогда, если сочиненіе хорошо, его раскупятъ, даже придется повторить изданіе. Но духовные сановники, Впрочемъ не все, употребляютъ другое менѣ хлопотливое, но болѣе вѣр-

ное средство *сбывать съ рукъ* свои сочиненія. Такъ или иначе, официальнымъ, или конфиденціальнымъ путемъ, иногда даже чрезъ указы Его Императорскаго Величества изъ такой-то к-рии все д-во приглашается, т. е. принуждается купить новое, или старое сочиненіе своего архипастыря. Для подтвержденія своей мысли я укажу на многіе примѣры. Одинъ, скончавшійся въ нынѣшнее уже царствованіе, почетный архипастырь, милостивый и добрый, издавши очень простенькія свои проповѣди, даже *проповѣдки*, тотчасъ же разослалъ ихъ по всѣмъ церквамъ своей епархіи, р-ся не безмездно. Другой, умершій на покой вскорѣ послѣ предъидущаго, своимъ проповѣдямъ давалъ затѣливыя названія въ родѣ напр. *брашна, млека* и пр. и пр.; и можно сказать болѣе, нежели настоятельно обязывалъ своихъ подчиненныхъ имѣть ихъ и у себя, и въ церкви. Чиновники синодальнаго вѣдомства въ Петербургѣ, узнавши объ этомъ, шутя говорили: *такой-то архіерей поставляетъ на всю свою епархію молоко и брагу*. Примѣровъ подобной продажи печатныхъ проповѣдей можно бы еще насчитать много. Но книжки ихъ бываютъ не толсты и потому достаются не очень дорого. Но вотъ случай, гдѣ д-ву приходится расплачиваться недешево. Одна сановная особа издала огромное въ нѣсколько томовъ сочиненіе, которое, по печатнымъ объявленіямъ, продается болѣе, нежели по 10 руб., к-ся по 12 руб. Особа, прѣхавъ въ новую епархію, старается узнать умственное состояніе подчиненныхъ; для этого критеріемъ избираетъ свое сочиненіе и предлагаетъ вопросы изъ него. Если кто отвѣчаетъ по печатному, или по к. м. отвѣтами своими покажетъ, что у него есть печатное руководство, то онъ можетъ оставаться спокоенъ. А если кто либо, не имѣя печатнаго руководства, отвѣчаетъ не по немъ, такому бываетъ не совсѣмъ спокойно. Кто же не заботится о своемъ спокойствіи? И вотъ, не смотря на очень высокую цѣну, сочиненіе является въ каждой церкви, даже въ домѣ каждаго священника. Распространенное т. о. сочиненіе только въ двухъ епархіяхъ по 1000 экземпляровъ въ каждой доставитъ автору болѣе 20000 руб. и если 5000 руб. отдѣлитъ за напечатаніе его, то всетаки останется чистаго дохода 15000 руб. Иногда доходы не ограничиваются одними сочиненіями. Вотъ напр. переводится на новую епархію начальникъ; къ нему мало по малу является д-во. Тутъ въ передней услужливый или келейникъ, или экономъ предлагаетъ: не угодно ли вамъ имѣть портретъ Его В-ва? Какъ же не купить, хотя цѣна очень и очень недешева?

На основаніи, вѣроятно, правила, что нужно другъ другу помогать, высокостепенные авторы, коротко знакомые между собою, рассылаютъ по своимъ епархіямъ не только свои собственные произведенія, но и произведенія своихъ друзей, р-ся, не въ подарокъ. Наконецъ по пословицѣ: *куда конь съ копытомъ мечится, туда ракъ съ клеиной тащится* и менѣе высокостепенные авторы, но стремящіяся къ высокостепенству, подражаютъ высокостепеннымъ особамъ. Въ этомъ отношеніи отличился въ послѣднее время одинъ ректоръ семинаріи-археологъ. Онъ издалъ археологическія изслѣдованія двухъ епархій; — для изданія одного изъ нихъ получилъ даже пособіе отъ начальства, а въ другомъ очень наивно рассказываетъ, что всѣ почти статьи отдѣланы другими, и что онъ ихъ только издалъ. М. т. къ распространенію того и другаго сочиненія были употреблены и искусственные мѣры. Самъ авторъ не могъ разослать указовъ, но вѣдь стоитъ попросить кого слѣдуетъ, указы, или приказы будутъ разосланы и книга будетъ разобрана, деньги за нее вышлются; притомъ не нужно дѣлать уступки 20 % книгопродавцамъ. Всего смѣшнѣе было тутъ то, что духовныя лица должны были покупать археологическія изслѣдованія даже той епархіи, къ которой они не принадлежали.

Въ послѣднее время появились у нѣкоторыхъ архіерейскихъ домовъ новые совершенно доходы, о которыхъ прежде не было слышно. Извѣстно, что печеніе просфоръ въ каждомъ селѣ поручается какой либо вдовѣ изъ духовнаго званія, а за недостаткомъ вдовъ — женѣ священника; слишкомъ бываютъ рѣдки случаи, что бы просвириною была женщина не изъ духовнаго званія. Замѣчательно, что въ штатахъ, по которымъ нынѣ получаютъ причты многихъ уже епархій жалованье, включены также и просвири сь особеннымъ окладомъ. Судя по этому, надобно бы полагать, что и въ городахъ заготовленіе просфоръ должно быть предоставлено на попеченіе самихъ церковныхъ причтовъ. Но епархіальныя власти давно уже стараются подчинить себѣ назначеніе просвири. Въ Петербургѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ надобно непремѣнно, что бы просвири, точно также какъ и всякій св-и-ц-сл-ль, были опредѣляемы на свое мѣсто епархіальнымъ архіереемъ. Въ другихъ городахъ, гдѣ есть женскія монастыри, найдено нужнымъ, что бы въ нихъ пеклись просфоры для всѣхъ совершенно церквей; это, т. с-тъ, монополія нашихъ инокинь. Нельзя одобрять и эту мѣру, п. ч. она нерѣдко бываетъ стѣснительна для причтовъ. Монахини, пользуясь однѣ своею привилегіею, не всегда гото-

вять хорошія просфоры; иногда и мука черновата, и печати не ясны, и просфоры подозжены особенно снизу; иногда при большомъ количествѣ дадутъ такія, которыхъ не разгрызешь самыми крѣпкими зубами; такъ что и при нынѣшнихъ поярдахъ можно слышать многія жалобы на прозвиричъ-монахинь. Но теперь по мѣстамъ въ губернскихъ, или лучше епархіальныхъ городахъ стали вводить новое распоряженіе, что бы приготовлялись просфоры на всѣ безъ исключенія городскія церкви въ архіерейскомъ домѣ и выгоды отъ этой операціи шли въ пользу его. Т. о. тутъ привилегія женскихъ монастырей замѣняется привилегією архіерейскихъ домовъ. Не говорю уже о несправедливости новой привилегіи, а обращаю вниманіе на то, что и нынѣ, какъ бы дурно ни приготовлялись просфоры въ женскихъ монастыряхъ, причты церковныя ничего не могутъ сдѣлать; жалобы ихъ остаются б. ч. безъ послѣдствій; развѣ только церковныя старосты-богатые купцы, или именитые протоіереи могутъ чего либо добиться отъ матушки-игуменьи. Что же дѣлать д-ву, когда просфоры приготовляются въ архіерейскомъ домѣ? Выгоды отъ этой операціи, р-ся, стараются увеличить, но объ улучшеніи самаго производства не думаютъ; вѣдь *на архіерейскій домъ надобно жаловаться въ архіерейскомъ же домѣ*. Къ счастью пока этотъ родъ промышленности еще не очень распространился. А при всемъ томъ какъ не сказать: ну не стыдно ли заниматься подобнымъ торгашествомъ? тѣмъ болѣе что тутъ невыгоды падаютъ на всѣ безъ исключенія церкви, а выгоды достаются не столько архіерейскому дому, сколько эконому и пекарямъ. Да и стоитъ ли нашимъ святителямъ брать на себя т. с-ть поставку чего бы то ни было?

Но доходы отъ просфоръ приходится собирать по мелочамъ, — по копѣйкамъ и полушкамъ. Иное дѣло — другая торговая операція, которую стали по мѣстамъ присвоивать себѣ архіерейскіе дома. Продаваемые нынѣ въ Церквахъ свѣчи почти вездѣ заготовляются на заводахъ частными промышленниками и продаются въ лавкахъ. Отсюда Церкви покупаютъ и уже налагаютъ свой процентъ, отдадутъ ихъ богомольцамъ и избытки получаемой суммы должны представлять на содержаніе духовныхъ училищъ. Надобно правду сказать, что отъ этого не было бы никакихъ невыгодныхъ для церкви послѣдствій, если бы продажа свѣчъ происходила на основаніи существующихъ постановленій. Главное изъ нихъ состоитъ въ томъ, что бы изъ лавокъ свѣчи продавались только церковнымъ старостамъ и духов-

нымъ лицамъ для Церквей, а не въ *частныхъ*, какъ говорятъ, *руки*, особенно по мелочамъ. М. т. всякому, кто ни захочетъ, можно брать въ лавкахъ собственно церковныя свѣчи въ какомъ угодно количествѣ, даже хотя бы полутора — или трехъ — копѣчную свѣчку. Черезъ это, р-ся, доходъ Церкви, и средства къ содержанію училищъ сокращаются. Вотъ почему давно уже придумывали разные проэекты для уничтоженія существующихъ нынѣ злоупотребленій; но остановились едва ли не на самомъ худшемъ. Многимъ вообразилось, что лучше всего и заготовленіе и продажу восковыхъ церковныхъ свѣчъ запретить частнымъ людямъ, а открыть т. е. церковныя свѣчные заводы и лавки, подчинить ихъ вполнѣ архіереямъ и т. о. сдѣлать ихъ чисто архіерейскими. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ проэектъ объ этомъ, составленный едва ли не тѣми же лицами, которые написали новый уставъ для семинарій, разосланъ былъ на разсмотрѣніе епархіальныхъ властей. Но надобно сказать, что послѣднія въ нѣкоторыхъ епархіяхъ напр. въ К-ой, В-ой, и Ч-ой давно уже привели въ исполненіе эту мысль. Дѣйствительно архіерейскіе дома отъ такой операціи получаютъ огромныя выгоды, но производство самыхъ свѣчъ не улучшится, цѣна ихъ не понизится, суммы на содержаніе духовныхъ училищъ не увеличатся. Возьмемъ самый благопріятный случай, если владыка самъ ничѣмъ не захочетъ пользоваться отъ этой операціи. Но ему самому нельзя же быть постоянно и на заводахъ, и въ лавкахъ. Все дѣло придется поручить и поручаютъ лицамъ изъ придворнаго штата архіерейскаго. А мы послѣ увидимъ, что́ это за люди. Ну а если еще самага благопріятнаго случая не будетъ; тогда надобно искать защиты тамъ, гдѣ м. б. злоупотребленія имѣютъ своихъ главныхъ защитниковъ. Одно только скажу, что разсматриваемая операція принесетъ громадныя выгоды архіерейскимъ домамъ — гораздо большія, нежели какую приносили нѣкогда крестьяне.

Здѣсь слѣдовало бы для полноты картины сказать о нѣкоторыхъ другихъ акциденціяхъ не безвыгодныхъ для нашихъ владыкъ, но онѣ будутъ разсмотрѣны ниже. А теперь, к-ся, имѣю право сказать, что доходы епархіальныхъ начальниковъ бываютъ и особенно могутъ быть даже громадны. Что бы доказать это полутеоретическое заключеніе, сослусь на нѣсколько фактовъ.

Часть третья.

О наследствахъ послѣ архіереевъ.

Очень недавно скончался одинъ архіепископъ. При помощи искусственныхъ средствъ онъ лѣтъ чрезъ десять своего епископства нажилъ такое состояніе, что могъ купить для своего брата въ Петербургѣ каменный домъ, который не только доставляетъ квартиру новому хозяину своему, но и обеспечиваетъ его доходами. Другой, получивши богатѣйшій въ Россіи монастырь въ свое управленіе, успѣлъ въ первые года послѣ того устроить своего племянника. Послѣдній былъ настоящій бурсакъ со всѣми недостатками, которыми отличаются ректорскіе и архіерейскіе родственники-семинаристы. За него въ замужество добровольно едва ли пошла бы дочь священника; такъ онъ былъ не вразумленъ и глупъ. Но дяденька, замѣтивши, что вице-губернаторъ отличается ханжествомъ, умѣлъ совершенно подчинить его своему вліянію и послѣ нѣсколькихъ искусныхъ маневровъ предложилъ породниться съ нимъ, обѣщая въ тоже самое время т. с-тъ въ приданое своему племяннику 70000 руб. асс. Дочь ханжи получила прекрасное свѣтское воспитаніе, стоила быть женою гвардейскаго полковника, камергера, а не неотесаннаго тупаго семинариста. Какъ она ни отговаривалась отъ предложеннаго ей жениха, но ханжа-отецъ, восхищаясь ли родствомъ съ святымъ человѣкомъ, или увлекался 70000 р., заставилъ ее покориться своей волѣ; бракъ былъ несчастенъ.

Къ утѣшенію моему и вашему, г. ч., здѣсь можно указать на архипастыря, одного изъ преемниковъ предыдущаго. И онъ могъ наживать и наживалъ богатство, но употреблялъ его, какъ бы слѣдовало поступать всѣмъ нашимъ архипастырямъ. На родинѣ своей онъ выстроилъ на свой счетъ хорошій каменный храмъ, купилъ такое количество хорошей земли, что причтъ можетъ считать себя обеспеченнымъ на всегда. Затѣмъ кто къ нему ни обращался за поsobіемъ, родной или не родной, рѣдко получалъ отказъ. Къ сожалѣнію здоровье его разстроилось. Другой также недавно скончавшійся архіепископъ самъ себя выказывалъ, да и другимъ казался бѣднымъ. Бывши въ Петербургѣ, онъ такъ часто и убѣдительно доказывалъ свою бѣдность, что ему дали въ управленіе самый богатый монастырь въ епархіи и

исходатайствовали прибавочнаго жалованья въ 1000 руб. Родственниковъ у него было многое множество; онъ и имъ мало помогалъ изъ своего кошелька, извиняясь то же своею скудостью, но зато щедро награждалъ лучшими мѣстами въ епархїи. Наконецъ этотъ бѣдный человѣкъ пожелалъ *на покой*; ему положили 2000 руб. пенсіи. Тогда-то, видя ли себя вполне обеспеченнымъ, или опасаясь произвести неблагоприятный для его чести говоръ, онъ весь свой капиталъ роздалъ разнымъ лицамъ и въ разныя мѣста. Оказалось, что этотъ человѣкъ, считавшій себя и считавшійся отъ другихъ бѣднымъ, имѣлъ 100000 руб. асс. Извѣстіе о такой оригинальной бѣдности изумило всѣхъ и недоброжелателей, и почитателей его; послѣдніе не могли понять, какъ такой безсребренникъ, какимъ казался *почитаемый ими*, вдругъ явился богачомъ!

Но немногіе епархіальные начальники при жизни своей рѣшаются раздать, или истратить на свое житье-бытье капиталы; они берегутъ ихъ *на черный день*, который никогда для нихъ не наступаетъ. За то день смерти ихъ бываетъ днемъ радости для наследниковъ. Нѣтъ еще 15 лѣтъ, какъ умеръ епископъ, долго управлявшій одною (Т-ю) подмосковною епархіею. Еще при жизни было извѣстно, что имъ разными искусственными, даже очень уже неодобрительными способами собранъ огромный капиталъ. Но вотъ онъ умираетъ *на покой*, и произведенная опись его имѣнія, показала, что онъ владѣетъ капиталомъ до 1½ миллионъ руб. асс. Такой фактъ рѣшительно озадачилъ всѣхъ, не исключая и наследниковъ полуторамилліоннаго владѣльца. Особенно же почти съ ужасомъ, съ благочестивымъ негодованіемъ и глубокою скорбію услыхалъ о томъ преемникъ его, человѣкъ въ высшей степени честный и безкорыстный, готовый иногда отдать бѣдному едва ли не послѣднюю рубаху. Въ баснословномъ капиталѣ, оставленномъ его предшественникомъ, онъ видѣлъ униженіе архіерейскаго сана, но помочь не могъ; фактъ сдѣлался извѣстнымъ.

Другой очень недавно скончавшійся архіепископъ оставилъ двумъ своимъ племянникамъ наследство въ 160000 р. Но тутъ надо принять во вниманіе слѣдующія обстоятельства. 1) Капиталъ этотъ, какъ видно изъ даты билетовъ опекунскаго совѣта, нажитъ въ теченіе 16 только лѣтъ, а покойникъ и прежде и послѣ этихъ 16 лѣтъ былъ епископомъ еще почти столько же времени, въ которое, по всѣмъ вѣроятностямъ, онъ долженъ былъ имѣть огромные остатки отъ своихъ доходовъ. 2) На имя одного молодаго человѣка, къ

которому покойникъ имѣлъ *отеческое расположеніе*, онъ положилъ еще задолго до своей смерти 30000 руб. 3) По слухамъ очень достовѣрнымъ одинъ изъ родственниковъ покойника умѣлъ какъ-то самовольно присвоить себѣ капиталъ еще болѣе, нежели въ 30000 руб. 4) Опять по достовѣрнымъ, можно сказать, неопровержимымъ извѣстіямъ, одна особа, присутствовавшая при покойникѣ въ послѣдніе дни его жизни, нашла возможность безъ помощи гражданской палаты сдѣлать себя наслѣдницею своего благодѣтеля. По к. м. у покойника не оказалось никакихъ билетовъ кредитныхъ учреждений за послѣднія 6—7 лѣтъ, хотя вполне было извѣстно, что онъ не разъ посылалъ своего намѣтника отвозить въ Москву по 5000 руб. 5) Кромѣ денегъ осталось огромное количество одежды, кусковъ и отрѣзковъ отличныхъ шелковыхъ матерій, ковровъ, серебряныхъ и золотыхъ вещей, архіерейскихъ облаченій, митръ, парчи и пр. и пр. Принявши все это во вниманіе, можно смѣло сказать, что, если бы покойникъ не роздалъ части своихъ денегъ еще при жизни, если бы другая часть ихъ не была расхищена до, — или послѣ смерти, если бы все имущество въ вещахъ обратитъ въ деньги, то составленъ былъ бы капиталъ еще больше, чѣмъ у предъидущаго покойника.

Есть и теперь между прочимъ два архипастыря, послѣ кончины которыхъ наслѣдники будутъ благоденствовать. Одинъ изъ нихъ нажилъ разными искусственными средствами громадное состояніе, которое, не смотря на барскую роскошь, болѣе и болѣе увеличивается. Другой нисколько не отличается любостыжаніемъ и собственно на свою особу истрачиваетъ очень не большую сумму. Но по занимаемому имъ мѣсту онъ, получая въ теченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ огромные доходы, долженъ нажить громадный капиталъ. По слухамъ въ 1863 г. онъ поручилъ одному изъ приближенныхъ сосчитать все свое имѣніе, и самъ изумился своему богатству. Тутъ впрочемъ все нажито честнымъ способомъ; можно бы пожелать, чтобы нажитое употреблено было на что нибудь полезное, но заподозрить въ любостыжаніи, недобросовѣстности никакъ нельзя.

О менѣе богатыхъ, т. е. ть, умѣренныхъ наслѣдствахъ послѣ архіереевъ не за чѣмъ бы почти и говорить; они какъ бы исчезаютъ предъ тѣми, которые я описалъ. Но если, г. ч., желаете ознакомиться съ житьемъ-бытьемъ нашихъ архипастырей, то я совѣтовалъ бы вамъ сблизиться съ какимъ либо ихъ наслѣдникомъ и попросить, чтобы онъ показалъ всѣ полученныя имъ отъ дяденьки, или брата вещи.

Повѣрите, было бы вамъ на что посмотрѣть. Тутъ бы вы увидали теплыя шубы изъ лучшаго куняго и собольяго мѣха, или изъ чернобурой лисицы; въ какомъ бы восхищеніи была ваша супруга, если бы вы изъ этой шубы сшили ей салопъ, или муфту; вѣдь подобнаго ничего нельзя встрѣтить въ губернскомъ городѣ, да и въ столицѣ рѣдкость; я напр. знаю такую шубу въ 6000 руб. Когда лакей преосвященнаго сказалъ окружавшей его толпѣ, что шуба, лежащая на его рукахъ, стоитъ такой суммы, проценты съ которой (5 %) равняются жалованью большей части семинарскихъ наставниковъ, то толпа изумилась и боялась прикоснуться къ драгоценности. — Тутъ бы вы увидали холодныя рясы и подрясники изъ самыхъ дорогихъ шолковыхъ матерій. Если бы не пунцовый, или голубой цвѣтъ ихъ, то самая великосвѣтская дама сочла бы за счастье имѣть платье изъ такой драгоценности; но наслѣдники и наслѣдницы умѣютъ найти имъ настоящее употребленіе и пробуждаютъ зависть въ тѣхъ, которые ничего подобнаго не могутъ шить себѣ. — Тутъ вы увидите ковры, которые бы не испортили гостиной вельможи, диванной персидскаго, или турецкаго визиря. Такой коверъ покроетъ цѣлую комнату, притомъ такъ пушистъ, мягокъ, такъ плотенъ, что ваши дѣти могутъ играть на немъ, не опасаясь простуды. — Тутъ вы увидите патентованные полныя столовые сервизы изъ серебра 84й пробы, а многія вещи или позлащенные, или изъ золота, или отдѣланныя подъ такъ называемую *чернь*; чего тутъ не встрѣтите? — и молошники и корзинки, стаканы, рюмки, ложечки, столовыя, соусныя и различныя ложки, блюда, тарелки, подносы, ножи, вилки, бокалы и пр. и пр.; глаза ваши разбѣгутся. Тогда вы повѣрите, почему въ бѣломъ д-вѣ родственники архіереевъ считаются счастливыми. Въ 1864 уже году нѣсколько человекъ — всѣ изъ духовнаго званія по своему происхожденію — разговаривали о томъ, кому нынѣ лучше всѣхъ жить на свѣтѣ. Одинъ изъ собеседниковъ сказалъ, что онъ считаетъ счастливейшими людьми нашихъ архіереевъ. «Ну вотъ уже и ошибаетесь, прервалъ его другой. Счастливейшимъ человѣкомъ я считаю не архіереевъ, а ихъ братьевъ, или племянниковъ-наслѣдниковъ. Вотъ напр. если бы ты, тутъ онъ обратился къ своему брату, былъ теперь архіереемъ, то мнѣ не зачѣмъ было бы беспокоиться ни о себѣ, ни о своихъ дѣтяхъ, и при жизни твоей и особенно послѣ смерти мы всѣ славно были бы обеспечены.» Пожалуй и я съ своей стороны прибавлю, что едва ли въ самомъ дѣлѣ наслѣдники архіерея не будутъ

счастливей его; послѣдній наживаетъ деньги, хотя и пользуется ими, а первые только пользуются.

Такъ разсуждали какихъ-то два бѣдняка, для которыхъ тысяча, или двѣ рублей ежегоднаго оклада составляютъ большую сумму; и потому не удивительно, что они такъ высоко думаютъ о богатствѣ архiereевъ. Но мнѣ к-ся, что и родовая, и денежная аристократія не *побрезгуетъ*, какъ говорятъ простолюдины, доходами iерархической аристократіи. Въ этомъ случаѣ онѣ могутъ даже руководствоваться примѣромъ тоже аристократа давнымъ-давно минувшихъ лѣтъ. Въ IV вѣкѣ былъ въ Римѣ знаменитый человѣкъ патрицій, консулъ Протестатъ. Оставаясь язычникомъ онъ, какъ надобно думать, былъ въ близкихъ отношеніяхъ къ тогдашнему римскому епископу Дамасу. Этотъ однажды сильно убѣждалъ Протестата оставить язычество. Тогда почтенный консулъ сказалъ: «сдѣлайте меня епископомъ Рима, и я сию же минуту приму христіанство,» намекая въ этомъ случаѣ на богатые доходы того, кто въ то время былъ преемникомъ ап. Петра. (N. 11 От. Зап. 1864 г. изъ ст. г. Тунивева стр. 118.) И нынѣ, г. ч. многіе, даже очень многіе наши патриціи, наши аристократы, подражая Протестату, скажутъ: «сдѣлайте насъ епископами, и мы тотчасъ пойдемъ въ монахи.» Право скажутъ, да даже и поговариваютъ.

Впрочемъ, к-ся, достаточно я объяснилъ *богатую бѣдность* нашихъ иноковъ всѣхъ степеней, начиная отъ 12—15 послушника до самаго сановнаго iерарха; пора перестать говорить объ этомъ предметѣ, по к. м. на время, но въ заключеніи въ родѣ финала надобно сослаться на романъ *Le Maudit*. На 129 стр. 1го тома его есть замѣчательное мѣсто: *Les Jésuites font vœu de richesse le jour, ou ils entrent en religion*; т. е. Иезуиты въ тотъ самый день, какъ вступаютъ въ м-во, даютъ обѣтъ богатства, или, т. с-ть, клянутся быть богатыми. Что г. ч.? не находите ли возможности вмѣстѣ со мною придумать эти слова французскаго романиста къ нашимъ м-щимъ? Конечно игуменъ совѣтуетъ имъ приготовиться къ тому, чтобы алкать, и жаждать, и нагетствовать, внушаетъ имъ благодушно переносить нищету. Но обрядъ постриженія въ малую схиму составленъ давно, когда м. б. монахи дѣйствительно были бѣдны. Съ того времени идеи политической экономіи одержали верхъ и въ монастыряхъ надъ идеями постничества и нищеты. И если взять во вниманіе все, что я сказалъ о богатствѣ и монастырѣй, и м-щихъ всѣхъ степеней, то не будетъ ли насмѣшкою надъ здравымъ смысломъ, надъ истиною и справедливоію считатьъ убѣжи-

щемъ нищихъ тѣ мѣста, въ которыхъ накопляются громадна, иногда баснословныя богатства и въ вещахъ, и въ деньгахъ, и въ зданіяхъ, и изъ которыхъ только не многіе можно назвать не богатыми, да и то по сравненію съ другими мѣстами имъ подобными? Не будетъ ли тоже насмѣшкою считать и называть нищими тѣхъ людей, которые во всемъ вполне обезпечены, изъ которыхъ большая часть даже раскошествоуетъ и имѣетъ возможность другимъ помогать, — а многіе оставляютъ такіа наслѣдства, о какихъ и мечтать нельзя людямъ средняго сословія? И потому не лучше ли, не современнѣе ли было бы игумену при постриженіи говорить: «пребудеши ли ты въ богатствѣ и довольствѣ, которое тебя ожидаетъ? А въ послѣвопросномъ наставленіи прибавить: «хороше ты поступаешь; предрекаю тебѣ, что ты въ новомъ твоёмъ званіи не будешь ни алкать, ни жадать, ни нагствовать, будешь вполне обезпеченъ въ матеріальномъ отношеніи?»

Отдѣлъ 14ой.

О доходныхъ статьяхъ бѣлаго д-ва.

Въ семи отдѣлахъ, изъ которыхъ нѣкоторые раздѣлены на многія части, я говорилъ о м-вѣ. Столь обширное описаніе необходимо было для того, чтобы яснѣе выказывались не только значеніе монаховъ въ нашей іерархіи, но и противоположность между ими и бѣлымъ д-вомъ. Много еще будетъ у меня отдѣловъ, касающихся м-ва, особенно архіереевъ, но теперь пора говорить и о бѣломъ д-вѣ, котораго улучшение и было поводомъ къ составленію этого сочиненія. Конечно улучшение можетъ и должно коснуться не одной матеріальной, но и умственной, нравственной, гражданской и пр. сторонъ; но надобно правду сказать, что прежде всего нужно обратить вниманіе на внѣшнее благосостояніе духовныхъ лицъ; обезпечъ человѣка сначала въ матеріальномъ отношеніи, тогда ужъ и требуй отъ него, чтобы онъ былъ умнымъ, нравственнымъ и пр. Поэтому прежде всего нахожу нужнымъ пересмотрѣть и оцѣнить способы, посредствомъ которыхъ бѣлое д-во поддерживаетъ свое существованіе.

Часть первая.

О получаемых бѣлымъ д-мъ доходахъ отъ неприкосновенныхъ капиталовъ, недвижимыхъ имѣній и земли; о жалованьяхъ и хлѣбныхъ доходахъ.

Способы, посредствомъ которыхъ бѣлое д-во обеспечивается въ матеріальномъ отношеніи, раздѣляются на пять разрядовъ. Къ нимъ относятся: 1) проценты съ капиталовъ, положенныхъ въ пользу извѣстныхъ церквей на вѣчныя времена б. у. для поминовенія усопшихъ, такіе капиталы считаются неприкосновенными и по нынѣшнимъ узаконеніямъ приносятъ въ годъ четыре процента съ рубля. 2) Доходы съ домовъ и разныхъ недвижимыхъ имѣній, принадлежащихъ церквамъ. 3) Жалованье. 4) Земля и 5) такъ называемые поручные доходы, которые д-во получаетъ за исправленіе разныхъ церковныхъ требъ.

1) Въ приходскихъ Церквахъ такъ мало неприкосновенныхъ капиталовъ, что проценты съ нихъ кромѣ весьма немногихъ исключеній, не только сами собою не могутъ доставить безбѣдное содержаніе причту, но рѣдко обнаруживаютъ значительное влияние на улучшеніе его даже при другихъ доходахъ.

2) Доходы съ церковныхъ домовъ и другихъ имѣній, особенно въ городахъ иногда бываютъ значительны. Изъ отчета Об. Пр-ра Синода видно, что въ цѣлой Россіи такихъ доходовъ въ 1861 году было 647,817 руб. 32¹/₄ коп.; только въ отчетѣ не означено, на какой предметъ употребляются эти доходы, — на содержаніе ли церквей, или въ пособіе причтамъ; по всей вѣроятности на послѣдній предметъ истрачивается развѣ только половина ихъ. Притомъ эти доходы въ весьма немногихъ епархіяхъ составляютъ порядочную сумму; напр. въ Петербургской 168,488 руб.; въ Московской 117,915 руб.; въ Пермской 26,341 руб.; въ Вологодской 25,477 руб.; Херсонской 25,206 руб.; затѣмъ въ 14 епархіяхъ отъ 10,000—20,000 руб.; а въ девяти епархіяхъ даже ниже 1000 руб.

3) Къ лицамъ бѣлаго епархіальнаго д-ва, получающимъ болѣе, или менѣе значительное жалованье, относятся тѣ, которые состоятъ при учебныхъ заведеніяхъ, при нѣкоторыхъ правительственныхъ мѣстахъ напр. при министерствѣ ино-

странныхъ дѣлъ, при многихъ больницахъ, гошпиталяхъ, при богадѣльняхъ, тюремныхъ замкахъ и проч., равнымъ образомъ при всѣхъ каедральныхъ соборахъ. Изъ перечисленныхъ духовныхъ лицъ достаточно обезпечены почти всѣ законоучители высшихъ и среднихъ учебныхъ заведений, и то не какъ священники, или дьяконы, а какъ преподаватели закона Божія. Точно также служба при Министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, при нѣкоторыхъ тюремныхъ замкахъ и больницахъ, напр. при Обуховской въ Петербургѣ доставляетъ причтамъ возможность жить безбѣдно. Затѣмъ законоучители при уѣздныхъ и приходскихъ училищахъ и даже священники въ большей части больницъ и тюремныхъ замковъ никакъ не могутъ поддерживать себя однимъ жалованьемъ; они почти вездѣ состоятъ при городскихъ церквахъ, или имѣютъ другіе какіе либо источники для содержанія себя, напр. уроки въ частныхъ домахъ, или учебныхъ духовныхъ, свѣтскихъ и даже крестьянскихъ заведенійхъ. Д-во при каедральныхъ соборахъ получаетъ хорошее жалованье только въ западныхъ полупольскихъ, полурусскихъ губерніяхъ, напр. въ Кіевской, Вольнской и пр. Это произошло въ прошедшее царствованіе въ то время, когда по случаю отобранія имѣній у католическаго д-ва назначено ему содержаніе отъ казны; тогда найдено было нужнымъ увеличить жалованье причтамъ каедральныхъ соборовъ въ выше означенныхъ губерній; гдѣ въ одномъ и томъ же городѣ есть православные и католическіе соборы. Въ остальныхъ же губерніяхъ соборное д-во получаетъ очень бѣдное жалованье, напр. во второклассныхъ самъ каедральный протоіерей 172 руб., а священникъ 115; а въ третьеклассныхъ епархіяхъ даже первый едва ли не 143 руб.; на эти деньги въ губернскихъ городахъ трудно найти приличную себѣ квартиру безъ отопленія.

Кромѣ того еще въ 1830 году покойный Государь Императоръ предлагалъ Синоду сумму изъ казны для пособія бѣлому д-ву. Синодъ нашолъ нужнымъ просить только ежегодно 500,000 рублей ассигнаціями. Затѣмъ сначала сороковыхъ годовъ, по предложенію и распоряженію свѣтскаго правительства, начали выдавать жалованье изъ государственнаго казначейства сельскому д-ву. Не помню, какъ велика была сумма, назначенная въ первый годъ, но потомъ она ежегодно увеличивалась 100,000 руб. Изъ отчета Об. Пр-ра синода за 1861 годъ видно, что всѣхъ денегъ изъ государственнаго казначейства и духовно-учебнаго управления выдается сельскому д-ву 3,601,593 руб. 38³/₄ коп. Кромѣ

того въ 1861 году вновь назначено къ производству содержания по 36 епархіямъ изъ государственнаго казначейства 136,759 руб. 45 коп.; т. о. въ 1862 г. причты всѣхъ епархій должны были получить 3,738,352 руб. 83³/₄ коп. *) Въ этой суммѣ, по всей вѣроятности, заключается жалованье д-ву всѣхъ кафедральныхъ соборовъ. Наконецъ и духовно-учебное управленіе изъ небогатыхъ своихъ средствъ оказываетъ небольшое пособіе, непр. въ 1861 году 68 причтамъ въ 13 епархіяхъ. Изъ этого числа на одну Полоцкую приходится 43 причта.

Не спору, что сумма, почти въ 3³/₄ милліона рублей составляетъ очень почетную цифру. Но если ее раздѣлить поровну между причтами, которымъ она выдается, то она окажется очень не крупною. Напр. каждый изъ 17,547 причтовъ, которымъ предположено выдавать въ 1862 году изъ государственнаго казначейства 3,727,987 руб. 45 коп. получить среднимъ числомъ 212 руб. 45 коп. и слѣдовательно священникъ 106 руб. 22¹/₂ коп. менѣе, нежели хорошіе писцы въ губернскихъ присутственныхъ мѣстахъ; — дьяконъ 53 руб. 11 коп.; за эту сумму невозможно найти прислугу въ Петербургѣ; — причетникъ по 26 руб. 54¹/₄ коп.; за эти деньги и въ провинціи не наймешь порядочнаго чело-вѣка. Употребимъ другое вычисленіе. Высшій окладъ въ первоклассныхъ губерніяхъ, напр. въ петербургской губерніи, выдаваемый изъ государственнаго казначейства, состоитъ изъ 200 руб. для священника, изъ 100 руб. для дьякона и 50 руб. для причетника. Тутъ священникъ почти сравнялся съ писцами перваго разряда при министерскихъ департаментахъ. Но зато въ малолюдныхъ приходяхъ, особенно въ такъ называемыхъ хлѣбородныхъ губерніяхъ даже священникъ получаетъ 80 руб. Здѣсь не зачѣмъ дѣлать сравненія съ чѣмъ либо. Т. о. самое огромное большинство д-ва, получающаго жалованье, имъ однимъ содержать себя никакъ не можетъ даже нищенски.

4) *Земля.* Земледѣліе и соединенныя съ нимъ огородничество и скотоводство почти вездѣ доставляютъ болѣе, или менѣе значительныя выгоды сельскимъ хозяевамъ, давая имъ возможность безъ покупки прибрѣтать необходимые съѣстные запасы очень разнообразныя и въ достаточномъ количествѣ. Но за удовлетвореніемъ домашнихъ хозяйствен-

*) Сюда не включили 30,475 р. 18³/₄ к., которые выдаются изъ духовно-учебныхъ капиталовъ на содержаніе въ Рижской епархіи Церквей и школъ и на развѣзды благочиннымъ.

ныхъ потребностей отъ земли сельское д-во получаетъ порядочные денежные доходы преимущественно только тамъ, гдѣ 1) сверхъ казенной пропорціи состоитъ при Церкви большое количество такъ называемой *тисцовой* земли, т. е. приложенной, приписанной какимъ либо усерднымъ поклонникомъ святыни, напр. въ средней полосѣ Россіи есть села; которымъ принадлежитъ до 100, 200 и 1000 десятинъ; даже въ черноземныхъ губерніяхъ по мѣстамъ на долю священника достается въ каждомъ изъ полей 10—20 десятинъ отличной земли; 2) гдѣ по особымъ мѣстнымъ условіямъ и небольшое количество земли можетъ приносить огромные доходы, сюда напр. относятся хорошіе луга въ московской, калужской, тульской и рязанской губерніяхъ, расположенные близъ Оки и впадающихъ въ нее рѣкъ. Въ обоихъ этихъ случаяхъ закупаются ли духовныя лица сами посѣвомъ хлѣба и сѣнокосомъ, или отдають землю въ наймы безъ излишнихъ хлопотъ для себя, — они получаютъ такіе доходы, которыми имъ можно содержать и обезпечивать себя. Мнѣ извѣстны села недалеко отъ Оки въ указанныхъ мѣстностяхъ, гдѣ священники отдачею принадлежащихъ имъ луговъ приобрѣтають 200—300 руб. Наконецъ есть немного селъ, которыя владѣють огромными лѣсными дачами; впрочемъ тутъ причтъ рѣдко получаетъ хорошій доходъ; продавать лѣсъ самъ собою онъ не имѣетъ права, а К-рія любитъ подобныя дѣла производить не торопясь и не безъ *полнотельныхъ благодарностей*, да и вырученныя продажею деньги почти всегда отдаются въ кредитныя учрежденія, откуда проценты идутъ и на церковь и на д-во.

Но сель, гдѣ бы земля въ обоихъ указанныхъ случаяхъ совершенно обезпечивала д-во, очень немного. Б. ч. каждой сельской церкви принадлежитъ только казенная пропорція земли, именно 33 десятины (нынѣ, к-ся, отводятъ во вновь открываемыхъ селахъ 36 десятинъ). Если при Церкви состоитъ только одинъ штатъ; то за исключеніемъ усадьбы, при трехпольномъ сѣвооборотѣ достанется въ каждомъ полѣ священнику около 5, дякону $2\frac{1}{2}$, причетнику $1\frac{1}{4}$ десятины. Конечно при хорошей черноземной почвѣ священникъ и дяконъ могутъ чрезъ земледѣліе удовлетворять своимъ хозяйственнымъ потребностямъ и даже выручить кое-что продажею излишнихъ продуктовъ. Но причетнику при многочисленномъ семействѣ не всегда удастся свести концы съ концами въ домашнемъ быту. На его долю во всѣхъ поляхъ приходится немного болѣе того душеваго полного надѣла, который получаютъ бывшіе помѣщичьи крестьяне въ

средней и сѣверной полосахъ Россіи; значить причетникъ не сравненъ въ этомъ отношеніи съ тягловымъ крестьяниномъ (на одно тягло приходится б. ч. по 2 — 2½ души). Что же теперь сказать о д-вѣ той огромной части нашего отечества, которую нельзя назвать плодородною? Здѣсь даже и священникъ при казенной пропорціи земли не можетъ удовлетворить всѣмъ потребностямъ скромнаго своего хозяйства; кромѣ того при земледѣліи ему нужно нанимать работника, который въ нынѣшнее время обходится кромѣ пищи до 40 р. О дьяконѣ и причетникахъ нечего и говорить. Но здѣсь найти былъ самый благоприятный случай, когда при Церкви находится одинъ только причтъ. М. т. много есть приходоу съ двумя и даже тремя причтами; и всѣмъ имъ очень часто отведено только 33 десятины; тутъ уже и священникъ имѣетъ земли на свою долю менѣе, нежели сколько бывшій помѣщичій крестьянинъ получаетъ въ душевой надѣлѣ. Т. о. земледѣліе слишкомъ въ немногихъ мѣстахъ доставляетъ духовнымъ лицамъ возможность получить денежные доходы; б. ч. священники чрезъ него удовлетворяютъ только своимъ домашнимъ потребностямъ, или имѣютъ очень малые избытки; а причетники едва ли тоже не б. ч. даже при хорошей землѣ не добудутъ отъ нее того, что имъ нужно для своего содержанія. Остаются поэтому только одни сборы съ прихожанъ, какъ единственный общій источникъ денежныхъ доходовъ для д-ва.

б) Доходы, получаемые д-вомъ съ прихожанъ, можно раздѣлить на два рода; одни изъ нихъ назовемъ *хлѣбными*, такъ какъ они б. ч. состоятъ изъ зерновыхъ запасовъ, печенаго хлѣба и разныхъ другихъ снѣдомыхъ веществъ; а другіе *денежными*.

Хотя хлѣбные доходы бываютъ очень разнообразны, измѣняются по мѣстностямъ и часто соотвѣтствуютъ тому роду земледѣльческой промышленности, которую прихожане занимаютъ; впрочемъ и они въ свою очередь раздѣляются на два рода, къ первому относятся тѣ, которые получаетъ д-хо за исполненіе какой либо церковной требы независимо отъ денежной платы за нее; пусть называются они *требными*. Другой родъ состоитъ изъ сборовъ, которые производятся въ извѣстныя времена года со всѣхъ дворовъ, не соединяются ни съ какими церковными обрядами, и очень похожи на поборы; вотъ почему назовемъ ихъ *поборными*.

Къ *требнымъ* хлѣбнымъ доходамъ относятся: хлѣбъ священнику за прочтеніе молитвы надъ родительницею и

наименованіе новорожденнаго дитяти, хлѣбъ всему причту за крещеніе дитяти, хлѣбъ при такъ называемой *богословскѣ*, т. е. въ томъ случаѣ, когда крестьянинъ, объявивъ намѣреніе женить своего сына, внука и пр., получаетъ на то согласіе причта, или благословеніе священника. Въ такомъ случаѣ приносится хлѣбъ, къ которому, скрывать не зачѣмъ, бываетъ прибавленіе изъ полуштофа, или штофа съ жизненнымъ элексиромъ; вотъ почему по мѣстамъ встрѣчается выраженіе: *запить богословку*; хлѣбосольные крестьяне прибавляютъ, но слишкомъ уже рѣдко, гуся, или поросенка. Еще по мѣстамъ есть обыкновение давать по хлѣбу со двора священнику въ великій постъ; этотъ хлѣбъ называется *духовнымъ*, вѣроятно, отъ того, что онъ дается въ то время, когда прихожанамъ надобно быть на исповѣди, — *на душу*, какъ говорятъ въ простонародьѣ. Далѣе для каждой такъ называемой панихиды, т. е. большой, или малой литіи, совершаемыхъ въ церкви, или на могилѣ въ поминовеніи усопшихъ, крестьянами кромѣ знаменитой кутьи приносится пирогъ и нѣсколько блиновъ; нынѣ часто замѣняются они калачомъ; все это, р-ся, достается причту, только кутья почти вездѣ остается у хозяина; хотя прежде въ дни общихъ поминовеній, напр. въ дмитрову субботу кутью со всѣхъ могилъ сливали въ одинъ кувшинъ (то-то должно думать, была вкусная вещь!!!!). Но главный хлѣбный доходъ бываетъ въ нѣкоторые храмовые праздники и пасху, когда д-во, по общенародному выраженію, *ходитъ съ молебнами* по всѣмъ дворамъ. Въ этомъ случаѣ въ очень многихъ мѣстахъ дается хлѣбъ и даже, хотъ и рѣдко, два хлѣба, къ которымъ кромѣ того въ Пасху прибавляются пирогъ, или *каравай* и небольшіе кругленькіе хлѣбы, называемые *колубушками*.

Изъ поборныхъ хлѣбныхъ доходовъ болѣе всего распространены по селамъ такъ называемые *петровка* и *новъ*. Первая происходитъ въ Петровъ постъ и состоитъ изъ яицъ и смѣтаны. Новью же собираютъ въ октябрѣ, или ноябрѣ, когда крестьяне обмолотятъ весь нажатый хлѣбъ, или часть его. Тутъ духовнымъ лицамъ домохозяинъ жертвуетъ, смотря по обычаямъ, сколько нибудь, или одной ржи, или всѣхъ зерновыхъ хлѣбовъ, которые онъ сѣялъ въ данномъ году. Въ прежнее время чуть не всѣ матушки попадьи, дьяконицы и причетницы лично являлись собирать по дворамъ мятый уже ленъ; нынѣ этотъ обычай почти оставленъ, или держится гдѣ либо въ захолустьяхъ; особенно молодыя попадьи ни за что не соглашаются его поддерживать.

Прочитавши описаніе хлѣбныхъ доходовъ иной, пожалуй, воскликнетъ: «какое множество хлѣба получаетъ отъ прихода не только священникъ; но и пономарь?» Пусть объ этомъ судятъ покойнѣе; доходы хлѣбные не, Богъ знаетъ, какія выгоды приносятъ д-ву. Прежде всего надобно сказать, что печеный хлѣбъ не вездѣ дается при совершеніи указанныхъ нами требъ; особенно нынѣ число этихъ хлѣбовъ болѣе и болѣе сокращается. Частые неурожаи, высокія цѣны на хлѣбъ, ограниченные крестьянскіе посѣвы, и даже, извините за выраженіе, либеральныя идеи, распространяющіяся по деревенскимъ избамъ и хатамъ, давно уже заставляютъ крестьянъ смотрѣть на требные хлѣбные расходы не очень благопріятно. По к. м. мнѣ извѣстно, что лѣтъ за 30 въ Пасху съ каждаго двора въ иныхъ приходахъ получалось по два хлѣба, и по пятку разнаго наименованія меньшихъ хлѣбцовъ, въ родѣ караваевъ, колобушекъ и проч. А нынѣ тамъ же не съ охотою даютъ даже одинъ только хлѣбъ. Далѣе крестинные, молитвенные, духовные и другіе хлѣбы даже въ лучшихъ приходахъ иногда не доставляются на половину. Потомъ еще Карлъ Гутцковъ на 2 стр. 1й части своего комическаго романа: *Блазедовъ и его дѣти* сказалъ великую истину, что на десятинѣ, собираемой въ ученой Германіи съ прихожанъ въ пользу лютеранскихъ пасторовъ, лежитъ какъ будто проклятіе; она нейдетъ въ прокъ (*nicht anschlägt*); не откармливаетъ даже лошадей въ конюшняхъ. И потому догадливые пасторы ее продаютъ, а для себя, своей прислуги и лошадей покупаютъ сами стѣстные запасы. Наши крестьяне не читали Гутцкова; да и образованная публика не видала его Блазедова въ русскомъ переводѣ, а м. т. хлѣбы, получаемые д-омъ, частенько похожи на германско-лютеранскую десятину. Въ деревенскихъ домахъ, когда нуженъ бываетъ печеный требный хлѣбъ, можно слышать слова хозяина: «ей, бабы, принесите поповскій хлѣбъ,» и разломивши этотъ хлѣбъ, иногда найдешь его съ закалищемъ, съ мякиною и другими не очень гастрономическими приправами. Притомъ хлѣбы, получаемые въ разное время одинъ по одному-за крестины, молитву и пр., не залеживаются; ихъ употребляютъ въ тотъ же, или на другой день. Но что дѣлать съ хлѣбами, караваями, колобушками, которые собираются въ Пасху, или храмовые праздники? Въ зимнее время ихъ выносить куда либо на холодъ, гдѣ они и замерзаютъ. Потомъ по мѣрѣ надобности берутъ ихъ, кладутъ въ печь, гдѣ они оттаиваютъ, дѣлаются помягче, и при помощи очень крѣпкихъ зубовъ употребляются въ

пищу. Вотъ почему въ нѣкоторыхъ мѣстахъ хлѣбъ черствый и даже съ плесенью называютъ *поповскимъ*; вотъ почему семейства духовныхъ лицъ мало знакомы особенно зимою съ мягкимъ, недавно испеченнымъ хлѣбомъ. Хлѣбы, собираемые въ Пасху и храмовые праздники, почти вездѣ изрѣзываются въ мелкіе куски и обращаются въ сухари; эти-то сухари какъ в. с-но (1ый отд.), особенно лѣтомъ опускаются въ горячія скоромныя щи, или размачиваются въ постные дни въ водѣ и потомъ въ квасѣ съ прибавкою луковицы и соли съѣдаются въ семействахъ даже священническихъ. Но иногда хлѣбъ не годится и на сухари, иногда такъ заплеснѣваетъ, или такъ бываетъ плохъ, что его ѣсть нельзя; тогда отдають лошадамъ и другимъ менѣе чистымъ и почотнымъ домашнимъ животнымъ. Иногда продають его за малую цѣну неприхотливымъ людямъ. Одно описаніе того, какъ употребляется собранный печеный требный хлѣбъ, показываетъ, что д-во не благоденствуетъ; право, хлѣбъ, пролежавшій на морозѣ мѣсяцъ или два, и потомъ оттаявшій, или, какъ говорятъ, *отпаренный* въ печи, сухари, размоченные въ водѣ и въ скоромныхъ щахъ, не показываютъ довольства.

Петровка даже въ былое время не вездѣ доставляла много выгодъ д-ву. Скотоводство у нашихъ крестьянъ очень ограничено; притомъ они слишкомъ дорожатъ каждымъ яйчкомъ, каждою ложкою молока, п. ч. иногда въ цѣлый годъ не употребляютъ ничего скоромнаго, кромѣ яицъ и молока. Далѣе тутъ церковному причту приходится имѣть дѣло не съ хозяиномъ, мужчиною, а съ хозяйками, б. ч. старушками, большими скопидомками. Отъ нихъ почти каждый годъ духовныя лица слышатъ въ Петровъ постъ, что нынѣ почему-то и куры плохо *несутся*, и коровы даютъ очень мало молока. Вотъ почему и священнику отсчитываютъ рѣдко болѣе 3—5 яицъ и отмѣриваютъ 5—10 ложекъ смѣтанки — довольно жиденькой съ прибавкою сыворотки. Хозяйки, которымъ хочется показать себя предъ батюшкою тароватѣе, берутъ ковшичекъ, впрочемъ немного пообъемистѣе деревенской ложки. Ну а дьяконъ, или дьячокъ во многихъ дворахъ и ничего не получаютъ. Нынѣ нѣкоторыя лица изъ д-ва перестали собирать петровку. Да и что за смѣсь составляетъ изъ собранной отъ разныхъ хозяекъ смѣтана? Впрочемъ при хорошемъ сборѣ жена священника добываетъ изъ нее иногда нѣсколько десятковъ фунтовъ скоромнаго масла, или нѣсколько кусковъ сыра не очень вкуснаго.

Изъ хлѣбныхъ поборовъ болѣе всего выгодна *новь* особенно тамъ, гдѣ земля хлѣбородна и крестьяне имѣютъ большую запашку и еще, когда урожай бываетъ хорошъ, и духовное лицо пользуется благорасположенемъ прихожанъ. При такихъ условіяхъ нерѣдко священникъ считаетъ собранный хлѣбъ десятками четвертей; притомъ въ хлѣбородной полосѣ онъ получить и рожь и овесъ, и гречу, и пшено и проч. Но въ сѣверной и большей части средней полосахъ Россіи, гдѣ и земля не плодородна и часты неурожаи, гдѣ у крестьянина не достаетъ своего хлѣба не только на годъ, но даже на полгода, тутъ отъ нови и священникъ немного наживетъ. Кромѣ того слѣдуетъ замѣтить, что до 19 Февраля 1861 года помѣщичьи крестьяне въ хлѣбородныхъ мѣстахъ были б. ч. на барщинѣ, тогда и при хорошей землѣ у нихъ немного хлѣба было въ избыткѣ, а иногда они получали даже мѣсячину; тогда священникъ нерѣдко самъ долженъ былъ, по к. м. временно, помогать прихожанамъ своими хлѣбными запасами. А въ мѣстахъ не хлѣбородныхъ, гдѣ по причинѣ дурной земли помѣщики не любили заводить барщину, крестьяне и сами получали и потому давали священнику мало хлѣба при собираніи новью. Наконецъ употребимъ математическое выраженіе: хлѣбные и денежныя доходы д-ва находятся б. ч. въ обратномъ между собою отношеніи т. е. гдѣ много хлѣбныхъ доходовъ, тамъ незначительны денежныя, и на оборотъ. Причина этого понятна. Въ хлѣбородныхъ мѣстахъ крестьянинъ живетъ дома, и получаетъ деньги только отъ продажи лишняго хлѣба; послѣдній для него дешевле, нежели деньги. Поэтому, держась пословицы; *тѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ*, онъ готовъ жертвовать хлѣбомъ, но за деньги крѣпко держится. Съ другой стороны въ нехлѣбородныхъ мѣстахъ крестьянинъ добываетъ деньги разными ремеслами, промышленностію, заработками и пр.; тутъ есть деньги, но мало хлѣба; пришедшему причту прибавятъ скорѣе гривну, нежели дадутъ лишній пирогъ, или хлѣбъ.

Вообще о хлѣбныхъ доходахъ скажемъ, что сельскіе священники почти вездѣ при помощи ихъ и собственнаго хлѣбопашества не имѣютъ нужды покупать ржаную муку для своихъ семействъ, что при многоземельной запашкѣ, при хлѣбородной землѣ они могутъ продавать избытки на порядочную сумму, но въ сѣверной и средней полосахъ имъ почти вездѣ нужно тратить деньги на покупку гречневой крупы, пшена, гороха, пшеничной муки и пр. У причетниковъ даже въ хлѣбородныхъ мѣстахъ немного бываетъ

излишковъ отъ своего и сборнаго хлѣба; а въ мѣстахъ не хлѣбородныхъ едвали не самая большая часть ихъ должна прикупать для домашняго употребленія даже ржаную муку.

Перейдемъ теперь къ денежнымъ доходамъ. Между мірянами много есть людей, которые завидуютъ денежнымъ доходамъ даже сельскаго д-ва, представляя ихъ очень огромными и находя прибрѣтеніе ихъ легкимъ. Съ другой стороны они же-міряне смѣются надъ тѣмъ, какъ прибрѣтаются эти легкіе доходы; и сами, по всей вѣроятности, ни за что бы не согласились собирать ихъ такъ, какъ это дѣлать при-нуждено д-во. Но и духовныя лица не любятъ входить въ подробности о своихъ денежныхъ доходахъ и почти вездѣ стараются на словахъ уменьшить количество ихъ. Напр. по клировымъ вѣдомостямъ, въ которыхъ означается, сколько каждый причтъ получаетъ дохода, даже многимъ священни-камъ не достанетъ денегъ на кашу, чай и сахаръ; а о со-держаніи двухъ трехъ сыновей въ семинаріи невозможно и думать. Я самъ читывалъ клировыя вѣдомости, въ кото-рыхъ доходы причтовъ выставлены не вдвое, а втрое, вчет-вера менѣе надлежащаго. Далѣе духовныя лица хотя сами б. ч. не любятъ тѣхъ способовъ, чрезъ которые собираютъ свои доходы съ прихожанъ, хотя съ нетерпѣніемъ ожидаютъ, когда они избавятся отъ униженія, испытываемаго ими въ этомъ случаѣ, но, к-ся, еще большую нелюбовь, большее не-терпѣніе обнаруживаютъ, когда кто либо искренно и съ доб-рою цѣлію, съ желаніемъ оказать имъ же услугу выскажетъ всю горькую правду объ этомъ щекотливомъ предметѣ. Ко-нечно они знаютъ, что мірянамъ все болѣе, или менѣе из-вѣстно, но м. т. стараются сохранять подъ покровомъ тайны то, чего скрыть нельзя. И потому въ слѣдующихъ частяхъ не надѣюсь понравится ни духовнымъ лицамъ, ни мірянамъ; — первымъ за свою искренность, за описаніе тѣхъ секретовъ, которые бы имъ желалось скрыть отъ всѣхъ, а вторымъ м. б. за то, что стану защищать д-во, или по к. м. объяснять роковыя причины, которыя доводятъ его въ этомъ случаѣ до неодобрительныхъ, а часто и отвратительныхъ поступковъ. Выслушайте меня и вы, духовныя лица, и вы, міряне!

Часть вторая.

Доходы, получаемые за исправленіе церковныхъ произвольныхъ, необходимыхъ требъ.

Требы, за исправленіе которыхъ д-во получаетъ денежное вознагражденіе, можно раздѣлить на четыре разряда.

1) На тѣ, которыхъ ежегодное совершеніе должно бы считаться необходимымъ для каждаго взрослога православнаго христіанина; сюда относится исповѣдь и приобщеніе святыхъ таинъ. 2) На тѣ, которыя необходимы для каждаго, но совершаются въ теченіи цѣлой жизни только по одному разу, притомъ въ извѣстные сроки; сюда относятся молитва при нареченіи имени младенцу, святое крещеніе, молитва, читаемая надъ дитятею въ церкви чрезъ шесть недѣль по рожденіи его, погребеніе умершаго и бракосочетаніе лицъ, вступающихъ въ супружество. Требы этихъ двухъ родовъ можно назвать *необходимыми*; или *не произвольными*; къ нимъ причисляется елеосвященіе или соборованіе, которое хотя не надъ каждымъ больнымъ совершается, но въ которомъ священникъ ни одному трудному больному не долженъ отказывать. 3) На тѣ, которыя болѣе, или менѣе зависятъ отъ произвола нашего; сюда относятся поминовенія за здравіе, или за упокой во время проскомидіи, совершеніе панихидъ, или литій, обѣденъ за упокоеніе усопшихъ, выносъ, послѣднихъ изъ дома и сопровожденіе священникомъ до Церкви и кладбища, разные молебны, которые называются въ просторѣчьи *благодарственными, задравными, просительными* и совершаются по желанію отдѣльныхъ лицъ въ церкви, или на дому, даже на полѣ, и нѣкоторые другіе обряды и 4) на тѣ, которые, по видимому, должны бы быть предоставляемы произволу каждаго семейства, но м. т. сдѣлались почти обязательными для всѣхъ: сюда относятся такъ называемыя хожденія д-ва по приходу въ разные праздники и времена; именно хожденіе со святою водою въ крещеніе, преподовеніе Господне, 1го Августа, съ крестомъ, или иконами въ Пасху и храмовые праздники для служенія молебновъ, или для пропѣтія тропаря и кондака, хожденіе для чтенія молитвы при наступленіи и окончаніи великаго поста, а кое-гдѣ и рождественскаго. Вотъ главныя, т. е-ть церковныя требы; онѣ почти всѣ вездѣ исполняются; по всей вѣроятности здѣсь пропущены развѣ немногія.

По видимому, надобно ожидать, что д-во получает самыя обильныя приношенія отъ прихожанъ, когда послѣдніе всѣ, начиная съ семилѣтняго возраста и до глубокой старости, по церковнымъ правиламъ, обязаны въ великій, или успенскій постъ исповѣдываться въ своихъ грѣхахъ и приобщаться святыхъ таинъ. Самая значительная часть приходо- довъ заключаетъ въ себѣ болѣе, нежели по тысячѣ человекъ съ семи лѣтъ и далѣе. Если бы отъ каждаго за исповѣдъ и причастіе среднимъ числомъ было пожертвовано въ пользу причта по 5—10 коп., то и тогда собралась бы порядочная сумма для села. Дѣйствительно, великій постъ для петербургскаго д-ва есть время самое обильное приношеніями, когда въ нѣкоторыхъ церквахъ, напр. въ спасосѣнновской чуть ли не въ каждую недѣлю исповѣдуются и приобщаются цѣлыя тысячи людей; такъ что для этого времени есть особы болѣе вмѣстительныя сосуды, которые трудно держать въ рукахъ дякону и потому во время приобщенія ставить ихъ на какое либо подножіе. Хотя наше простонародье не бываетъ и не можетъ быть очень щедрымъ въ этомъ случаѣ, за всѣмъ тѣмъ и изъ его пожертвованій составляется въ каждомъ петербургскомъ приходѣ порядочная сумма. Но надобно сказать, что она занимаетъ второстепенное мѣсто: на первомъ планѣ стоитъ сумма, составляющаяся изъ пожертвованій отъ прихожанъ болѣе зажиточныхъ классовъ, — купцовъ, почетныхъ гражданъ, личныхъ и потомственныхъ дворянъ. Изъ уваженія ли къ священнику, изъ благодарности ли къ нему за разрѣшеніе ихъ отъ множества грѣховъ, тяготившихъ ихъ совѣсть, или для поддержанія личнаго своего достоинства, только извѣстно, что большая часть этихъ лицъ за исповѣдъ и причащеніе дѣлаютъ щедрыя приношенія; тутъ получаютъ духовникомъ не рублевые, а трехъ, пяти, десяти рублевые и проч. билеты. Нѣкоторые же богачи и магнаты просятъ священника отправлять у себя въ дому такъ называемыя *кресты*, т. е. служить вечерню, утреню и часы. За такіе *кресты* даются десятки, а иногда и сотни рублей: недавно одинъ магнатъ платилъ духовнику своему за исповѣдъ и кресты по 300 руб.; м. б. и нынѣ дѣлается тоже самое и даже не однимъ магнатомъ. Повторю: петербургское д-во щедро вознаграждается за труды, которые оно несетъ въ великій постъ, исповѣдуя и приобщая прихожанъ; нѣкоторые священники — любимцы аристократіи и богачей купцовъ — этимъ однимъ временемъ могутъ себя порядочно обезпечивать.

Исповѣдныя у д-ва доходы въ губернскихъ, особенно

уѣздныхъ городахъ несравненно менѣе, нежели въ столицѣ отъ того, что тамъ бываетъ меньше исповѣдниковъ и притомъ послѣдніе, по своимъ матеріальнымъ средствамъ, или по принятымъ обычаямъ не очень щедры къ своимъ духовнымъ отцамъ; тутъ рѣдки даже рублевья приношенія. Но въ селахъ тѣже доходы можно назвать ничтожными, по к. м. вовсе не соответствующими трудамъ, которые достаются на долю священниковъ. Не смотря на строгія секретныя и не секретныя предписанія, что бы всё прихожане съ семи лѣтъ исповѣдывались и приобщались, — не смотря на то, что въ духовныхъ книгахъ священники обязаны отмѣчать, кто былъ и не былъ у исповѣди и святаго причастія; — не смотря на то, что крѣя можетъ отсылать на покаяніе въ монастыри тѣхъ, кто не исповѣдывался 2—3 года, — не смотря на всё эти и многія другія побужденія, крестьяне наши не охотно очищаютъ свою совѣсть отъ грѣховъ. Одни извинялись барщиною (самая уважительная была причина), другіе домашними хлопотами; одни уѣхали въ извозъ, ушли въ плотники, каменьщики, щекотуры и пр., а другіе работаютъ безъ отдыха на фабрикахъ и заводахъ; одни еще молоды, — у нихъ - де и грѣховъ мало, а другіе полагаютъ, что только въ болѣзни и то предъ смертію нужно исповѣдываться и приобщиться; наконецъ едва ли не всё непонимаютъ важности таинства. Только въ результатѣ оказывается, что въ самомъ благочестивомъ приходѣ развѣ половина взрослыхъ людей бываетъ на исповѣди; въ другихъ не явится и четвертая, даже десятая часть; притомъ приходятъ преимущественно взрослые дѣвѣцы, женщины, особенно старушки; мужики считаютъ себя безгрѣшными.

Но и пришедшіе не очень щедро вознаграждаютъ священника; нынѣшняя копѣйка за исповѣдь, обыкновенная плата, такъ называемый *семишникъ* и *троишникъ* - рѣдкость, — пять копѣекъ хотя и видитъ священникъ, но у него попросить сдачи. Это впрочемъ еще хорошо. Если бы нынѣ кому либо захотѣлось имѣть собраніе мелкихъ мѣдныхъ монетъ, отчеканенныхъ въ царствованіе Императоровъ не только Николая, но и Александра 1го, даже Павла, Екатерины 2й и т. д.; то онъ долженъ обратиться къ сельскимъ священникамъ; имъ за исповѣдь приходится получать не только копѣйки, но денежки александровскія, павловскія и екатериненскія; лѣтъ за 20—30 можно было находить у нихъ полученныя такимъ путемъ полушки. На эти монеты особенно щедры старушки; онѣ въ молодости украдкою отъ мужей скрывали копѣйки и денежки и составленные т. о. капиталы

хранять у себя гдѣ либо въ тряпицахъ; иногда впрочемъ получали ихъ отъ своихъ бабушекъ, да чего добраго, передадутъ внукамъ.

А м. т. на долю сельскихъ священниковъ сколько труда достается въ великій постъ? Многие изъ нихъ совершаютъ богослуженіе почти каждый день. Затѣмъ исповѣдники къ нимъ являются уже послѣ вечерни въ пятницу; ранѣе этого ни за-что не стануть исповѣдываться, — *напрѣмиши-де-батюшка*. Спросить о грѣхахъ дѣло бы не трудное; но священнику приходится разъяснять такъ называемые сомнительные случаи. Вотъ одна со слезами рассказываетъ, что она накормила ребенка грудью въ постный день; другая похвалится тѣмъ, что она этого грѣха не знаетъ за собою, хотя ея ребенокъ въ постъ отъ какой-то болѣсти умеръ; третья съ ужасомъ говоритъ, что она рассыпала много разъ соль изъ салонки и пр. и пр. А тѣже самыя грѣшницы ни за что не хотять раскаяться въ дѣйствительныхъ грѣхахъ, даже не хотять признать ихъ грѣхами.» Что ты, батюшка? говорятъ они, да развѣ это грѣхъ? Да это всё дѣлають.» Сколько нужно почти ангельскаго терпѣнія, евангельской кротости и вмѣстѣ тонкаго и оборотливаго ума, что бы вразумить и успокоить подобныхъ грѣшницъ? И это повторяется каждый разъ; что было говорено нынѣ, забыто къ слѣдующему году; съ предразсудками и суевѣріями въ деревняхъ не скоро разстанутся, б. ч. съ ними и умирають. Въ такихъ то занятіяхъ священникъ остается иногда до 12го и 1го часа ночи; а ему завтра надобно встать рано и совершать очень продолжительныя богослуженія. Я самъ много разъ бывалъ свидѣтелемъ, какъ священники, возвратившись изъ церкви въ великій постъ, утомленные, обезсиленные, въ полномъ изнеможеніи почти падали на кровать и только полежавши полчаса, или часъ, могли заснуть, если это было ночью, или напиться чаю, если было днемъ. Жалѣешь бывало объ этихъ труженникахъ, но вмѣстѣ и любуешься ими, проникаешься полнымъ уваженіемъ къ нимъ. Вотъ настоящіе пастыри и врачи душъ!

Причастнику не за одну исповѣдь приходится дѣлать приношенія. Прежде всего здѣсь стоитъ въ Петербургѣ записываніе исповѣдывающихся. Вотъ вы исповѣдывались, священникъ даетъ вамъ билетъ и проситъ записаться. Вы въ Церкви же находите столъ, за которымъ сидитъ о. дьяконъ, одинъ и даже два причетника. Подходите къ ю. дьякону; кто вы таковы? васъ спрашиваютъ. Купецъ, отвѣчаете вы; такъ ступайте вотъ къ нему, а я записываю чи-

новниковъ и благородныхъ. Точно также и благородному приходится отъ дьячка перейти къ дьякону и пр. Р-ся, канцелярская работа не можетъ обойтись безъ *калма*. Неприятно въ храмѣ божемъ столкнуться съ канцелярскими формами и грѣхами, особенно человѣку, который самъ пришолъ раскаяться въ своихъ прегрѣшеніяхъ. Но уже болѣе, нежели неприятно, когда при этомъ случаѣ придется испытать подъяческія прижимки. А иногда бываетъ и это. Вотъ напр. чтó случилось въ 1865 г. въ одной изъ м-скихъ церквей (У. С. В. П-ахъ). Тутъ каждый исповѣдывающійся подходитъ къ священнику съ зажженною свѣчою. Одинъ крайне бѣдный чиновникъ, купивши ее; хотѣлъ напередъ внести свое имя въ число исповѣдывавшихся. Дьяконъ, къ которому онъ обратился, просилъ за запись 20 копѣекъ. Чиновникъ отвѣчалъ, что у него всѣхъ денегъ осталось только 20 копѣекъ, и что надобно еще будетъ благодарить священника. Тогда дьяконъ сказалъ: «съ 20^ю копѣйками къ намъ не ходятъ на исповѣдь.» Тоже самое подтвердилъ и священникъ. Чиновникъ ушолъ изъ Церкви, не исповѣдывавшись.

Въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ дѣло представляется въ менѣе канцелярскомъ видѣ, а въ селахъ самъ священникъ б. ч. записываетъ исповѣдывающихся; тутъ запись не стоитъ ничего. Но сельскіе причты не отстаютъ отъ столичныхъ въ другихъ отношеніяхъ, даже едва ли не изобрѣтательнѣе ихъ. Вотъ послѣ вечерни прочитали такъ называемое *правило*, вы подходите къ кресту, приложились; вамъ надобно дать священнику за правило, потомъ тутъ же иногда къ ряду стоятъ съ тарелками дьяконъ, причетники и даже сторожъ церковный. Тоже самое повторяется утромъ послѣ утренняго правила, т. е. по прочтеніи молитвы къ причащенію, послѣ обѣдни, когда прикладываются ко кресту. Кромѣ того нужно подать на проскомидію просфору съ какою либо монетою, положить что нибудь на тарелку за антидоръ и теплоту послѣ приобщенія; по мѣстамъ есть еще кое-какія прибавленія, напр. если вы городской житель и принадлежите къ почетнымъ прихожанамъ то послѣ обѣдни, въ которую вы приобщились, къ вамъ сразу придутъ причетники поздравить съ принятіемъ святыхъ таинъ. Нельзя сказать, что бы расходы въ этомъ случаѣ были очень обременительны для приобщающихся, но частое ихъ повтореніе въ разныхъ формахъ неприятно дѣйствуетъ на религіозное настроеніе; хотя впрочемъ человѣкъ, не запасшійся мелкими монетами, а м. т. желающій удовлетво-

рить всѣхъ, стоящихъ съ тарелочками, порядочно платится.

Доходы отъ исполненія требъ, которыя причислены ко второму разряду, въ общей сложности не очень значительны, а въ частности иногда не вознаграждаютъ времени, истраченного на получение ихъ. Что бы прочитать молитву для нареченія имени новородившемуся дитяти, или приобщить труднаго больного, священнику надобно ѣхать не только за 2—3, но иногда за 5—10 верстъ и болѣе. И при хорошихъ путяхъ сообщенія на проѣздъ 10—20 верстъ надобно употребить 2—4 часа. Но наши почтовые даже тракты, кромѣ шоссеиныхъ, не всегда отличаются удобствами для проѣзжающихъ, а на проселочныхъ дорогахъ между селомъ и его деревнями иногда не бываетъ ни прохода, ни проѣзда. Присоедините сюда деревенскую клячу, едва передвигающую ноги, осеннюю и весеннюю грязь, лѣтніе жары, или проливные дожди, зимніе морозы и вьюги. Не угодно ли при этихъ удобствахъ возжировать? Притомъ почему-то, или вѣрнѣе на основаніи русскихъ: *авось, Богъ милостивъ, пройдетъ какъ нибудь*, за священникомъ для приобщенія больныхъ часто приѣзжаютъ въ глухую полночь; и все-таки поѣзжайте съ надеждою услышать иногда волчій концертъ, а иногда встрѣтиться съ самими пѣвчими; и затѣмъ получите рѣдко 10, иногда даже и 5ть копѣекъ, а то удовольствуйтесь чѣмъ либо по меньше, или ровно ничѣмъ. За елеосвященіе благодарятъ поболѣе, нежели за двѣ предъидущія требы, но его совершать нужно часа два въ биткомъ набитой народомъ комнатѣ и полученную полтину раздѣлить уже со всѣмъ причтомъ. За крещеніе младенца на цѣлый причтъ даютъ крестьяне 10—30 коп.; но въ этомъ случаѣ часто младенцевъ привозятъ въ село въ воскресные и праздничные дни; и крещеніе совершается вдругъ надъ всѣми. Но иногда за тоже вознагражденіе надобно ѣхать и въ деревню, когда новорожденному грозитъ смерть. Молитва надъ младенцемъ черезъ шесть недѣль по рожденіи немного отнимаетъ времени; или сама родительница въ праздникъ приѣзжаетъ въ село, или ожидаетъ приѣзда священника въ деревню и въ обоихъ случаяхъ награждаетъ его стариннымъ пятакомъ, или нынѣшнимъ трехъ копѣечникомъ.

Умершихъ младенцевъ въ сельскихъ приходахъ сами крестьяне приносятъ въ церковь; священникъ съ причтомъ обязанъ надъ ними совершить только погребеніе и проводить ихъ до могилы. Но въ случаѣ смерти взрослыхъ людей развѣ въ рѣдкихъ мѣстахъ не позовутъ священника съ прич-

томъ въ домъ покойника; здѣсь служится литія, и потомъ священникъ и дьяконъ въ ризахъ предшествуютъ гробу покойника до такъ называемой околицы деревни, а иногда во всю дорогу до самой церкви; затѣмъ совершаютъ погребеніе и провожаютъ на кладбище, которое вездѣ находится за селомъ въ полѣ. Въ этомъ случаѣ городскіе и даже столичные священники не обходятся безъ трудовъ. Достаточные, особенно богатые люди приглашаютъ ихъ въ дома утромъ и вечеромъ совершать литію надъ покойникомъ, пока онъ остается еще въ домѣ; далѣе священники провожаютъ такихъ покойниковъ на кладбища и проходятъ иногда по пяти и болѣе верстъ, напр. въ Петербургѣ съ Песковъ, или отъ Смольнаго монастыря идутъ до Смоленскаго, или Митрофаньевскаго кладбищъ. Но зато большая разница бываетъ въ вознагражденіи. Сельскій причтъ, теряя часто цѣлый рабочій день (его просятъ послѣ погребенія опять ѣхать въ домъ покойника), получаетъ цѣлый нынѣшній рубль, даже, хоть и рѣдко, два рубля. Въ уѣздныхъ и губернскихъ городахъ количество рублей порядочно увеличивается. Въ столицахъ, по к. м. очень нерѣдко, съ правой стороны единицы приставляются не только по одному, но даже по два ноля. За составляемыя т. о. послѣднія цифры и соответствующіе имъ банковые билеты можно отслужить 5—6 литій и пройти 5—10 верстъ.

Но при этомъ случаѣ слѣдуетъ обратить вниманіе на причты особенно сельскіе не съ финансовой, а съ гигиенической стороны. По русскимъ обычаямъ, по уваженію къ образу и часто къ кресту, которые несутся впереди всей погребальной церемоніи, весь причтъ, не смотря ни на какую погоду, долженъ итти съ обнаженною головою. Отъ этого увольняются только всѣ безъ исключенія мщія лица, а равно и тѣ, кто пожалованъ митрою, камилавкою и скуфеею. При томъ въ столицахъ и немногихъ городахъ утвердился обычай, позволяющій всѣмъ вообще священникамъ и дьяконамъ надѣвать на голову шапочки въ видѣ скуфьи. Но сельскому дву этихъ шапочекъ не позволяютъ носить; даже старики священники, у которыхъ на головѣ не осталось не одного волоса, должны утруждать епархіальнаго начальника просьбою о дозволеніи прикрывать свою голову, но и имъ не всѣмъ оно дается, а считается въ извѣстныхъ мнѣ мѣстахъ признакомъ особой милости. Англичане бы сказали, что съ непокрытою головою въ жаркій день можно получить солнечный ударъ; а въ морозъ, или вѣтеръ схватить воспаленіе въ мозгу, или сильный ревматизмъ. Но сельскіе священники

не такъ прихотливы; они отъ этого страдаютъ только приливами крови къ головѣ, простуживаются, лишаются волосъ и проч. Не смотря на эту неприхотливость, почему не позволить всякому священнику, дьякону и даже причетнику прикрывать свои головы хоть шапочками, похожими на скуфью; одни волоса, у кого они есть, не защитятъ ни отъ сильнаго вѣтра ни отъ лѣтняго жара, ни отъ зимняго холода. Но зачѣмъ объ этой мелочи думать тѣмъ, которыхъ головы всегда прикрыты митрами и клобуками? Русскій нарѣдъ въ этомъ отношеніи оказывается добрѣе духовныхъ властей. При погребальныхъ церемоніяхъ онъ каждому лицу причта и всѣмъ, участвующимъ въ церемоніи, даетъ такъ называемыя *ширинки*, т. е. куски полотна величиною съ порядочный носовой платокъ. Ими-то священникъ и пр. обязываютъ свою голову, и въ этомъ вовсе некрасивомъ головномъ уборѣ предшествуютъ гробу.

При бракосочетаніи въ церкви причтъ употребляетъ трудовъ и времени не болѣе, какъ при погребеніи и елеосвященіи. А если взять во вниманіе поѣздки въ деревни; то не только послѣднія двѣ требы, но даже молитва надъ родительницею и приобщеніе больнаго для священника труднѣе, нежели бракосочетаніе; п. ч. только въ немногихъ мѣстахъ причтъ ѣздитъ въ дома для служенія молебновъ предъ свадьбою, еще рѣже провожаетъ новобрачныхъ въ домъ. А м. т. за свадьбы въ селахъ полагается окладъ выше, нежели за каждую изъ прочихъ требъ. Причина этого заключается едва ли не въ множествѣ разныхъ предшествующихъ браку т. с-ть церемоній. Крестьянинъ приходитъ къ священнику съ богословкою; тутъ начинается справка по метрикамъ о лѣтахъ жениха и невѣсты, разборъ дѣйствительнаго, или мнимаго родства, заговариваютъ о троекратномъ оглашеніи въ церкви по праздникамъ, справляются; исповѣдывались ли и приобщались ли будущіе новобрачные, требуютъ свидѣтельства въ этомъ, если кто либо изъ нихъ принадлежитъ къ другому приходу, иногда даже оказывается, по к. м. на время, что или женихъ, или невѣста пропущены въ метрикахъ, что есть родство, которое разрѣшается только к-ріей и пр. и пр. Мужикъ все это видитъ, слышитъ, б. ч. ничего не понимаетъ, больше всего боится к-ріи, спѣшитъ покончить свадьбу въ слѣдующее воскресенье; а потому развязывается кошелекъ и платитъ требуемую сумму, даже расплачивается тутъ же въ тѣхъ т. с-ть *недоимкахъ*, которые на немъ накопились за разные молебны и другія требы. Съ другой стороны нигдѣ русскій человѣкъ не предается такому раз-

гулу, какъ на свадьбѣ, даже при крѣпостномъ правѣ иные крестьяне для нее покупали по 5—10 ведръ водки. Причтъ это знаетъ, выставляетъ на видъ мужику; послѣдній совѣстится и расплачивается. П. с. платятъ въ селахъ за свадьбу 2—4 руб.; выше рѣдко поднимаются. по к. м. мало знаю такихъ примѣровъ. Другое дѣло городскія, особенно столичныя свадьбы; тутъ не только 10, а даже 25—50 руб. нерѣдкость. Вообще надобно сказать, что требы и втораго разряда гораздо болѣе доставляютъ дохода городскимъ, нежели сельскимъ причтамъ.

Часть третья.

О доходахъ, получаемыхъ отъ исполненія церковныхъ требъ произвольныхъ, не безусловно необходимыхъ.

Между требами третьяго разряда первое мѣсто представимъ тѣмъ, которыя имѣютъ связь съ поминовеніемъ усопшихъ. Въ нашемъ Православіи есть вѣрованіе, что молитвы церкви спасаютъ умершаго грѣшника отъ вѣчныхъ мученій, его ожидающихъ. Поэтому достаточные родственники покойниковъ поручаютъ священникамъ совершать такъ называемыя *заупокойныя* литургіи, гдѣ не только на проскомидіи, но и на одной изъ ектеній молятъ Всевышняго о прощеніи грѣховъ рабовъ божіихъ. Очень богатые и набожные родственники нанимаютъ служить такія литургіи въ теченіи цѣлаго года по смерти покойника. Другіе менѣе богатые заказываютъ называемый *сорокоустъ*, т. е. поручаютъ служить заупокойныя обѣдни въ теченіи сорока дней; по вѣрованію Церкви и по народному мнѣнію молитва за усопшихъ особенно полезна имъ въ слѣдующіе за смертью сорокъ дней, въ которые будто бы душа проходитъ чрезъ такъ называемыя *мытарства*. Большинство же крестьянъ заказываетъ по покойникамъ служить одну, или нѣсколько обѣденъ, а иногда и этого не дѣлаетъ. Впрочемъ описываемый обычай измѣняется по мѣстностямъ. Есть небогатые приходы, гдѣ почти по каждомъ взросломъ покойникѣ совершаются литургіи, но есть напротивъ богатые приходы, гдѣ *казанная* обѣдня слишкомъ рѣдко бываетъ. Нѣкоторые богобоязненные, но

вмѣстѣ и богатые люди, еще при жизни своей, а иногда наслѣдники ихъ вносятъ вклады въ церкви для вѣчнаго поминовенія за упокой душъ ихъ на литургіи. Внесенныя деньги составляютъ, какъ в. с-но въ 1ой ч. этого отд. неприкосновенный капиталъ, помѣщаются въ кредитныхъ учрежденіяхъ, и только проценты ихъ употребляются въ пользу *поминающаго причта*. Кромѣ того многіе родственники новопреставившагося, даже при очень ограниченномъ своемъ состояніи, совершаютъ если не обѣдню, то литію въ третій, девятый, двадцатый, сороковый дни, чрезъ полгода и годъ послѣ смерти покойника. Нѣкоторые служатъ литіи и въ послѣдующіе годы въ день смерти, рожденія, именинъ его. Особенно сороковый день, называемый *поминками*, никѣмъ не пропускается. Въ этотъ день почти вездѣ причтъ приглашается въ домъ покойника, совершаетъ тамъ литію, угощается обѣдомъ, на которомъ поется *со святыми упокой* и провозглашается *отчая память*, а потомъ по деревенскому выраженію женщины *проводжаютъ душу* за деревню въ ту сторону, гдѣ стоитъ приходская церковь и съ ней прощаются. Наконецъ во всякомъ деревенскомъ дворѣ (за городскіе дома не ручаюсь) есть не большая книжка, называемая *поминаемъ*, въ которую вписаны все умершіе родственники дома. Рѣдкій домохозяинъ, или кто либо изъ его семьи не подастъ этой книжки нѣсколько разъ въ годъ священнику при совершеніи проскомидіи для поминовенія усопшихъ. Есть впрочемъ еще нѣсколько дней, въ которые развѣ изъ рѣдкаго дома особенно въ деревняхъ кто либо не придетъ на кладбище и не отслужить панихиды на могилѣ своихъ семейныхъ покойниковъ; этого не соблюдаютъ развѣ дворяне, чиновники и нѣкоторые уже облагородившіеся кушцы. Къ такимъ днямъ принадлежатъ дмитрова суббота въ концѣ октября, вторникъ фоминой недѣли, суббота предъ троицынымъ днемъ и проч.

Все виды поминовенія умершихъ доставляютъ конечно, порядочные, но не огромные доходы, и въ общей сложности, и по частямъ, кромѣ немногихъ исключеній. Годовые поминки и сорокоусты такъ рѣдки въ селахъ, что о каждомъ изъ нихъ иногда знаетъ цѣлый уѣздъ, а о первыхъ даже говорить нѣсколько лѣтъ. За заказныя обѣдни, р-ся, вмѣстѣ съ вечернею и утреннею службами сельскіе причты довольствуются 40—60 коп.; развѣ кое-гдѣ получаютъ по рублю. За панихиду платятъ по 5—10 коп.; и рѣдко кто даетъ 20 коп. Поминовение за проскомидіей вознаграждается копѣйками и грошами, притомъ иногда старинными; впрочемъ на одномъ столичномъ кладбищѣ берутъ за поминанье по 20 к.;

но это всё въ Петербургѣ. Какъ угодно изъ копѣчныхъ или гривенныхъ приношеній не скоро составишь порядочную сумму, которую притомъ нужно дѣлить между четырьмя лицами, напр. отъ панихиды, за которую заплатили 5—10 к., причетникъ получить не много болѣе $\frac{1}{2}$, или 1 коп.

Относительно поминовенія усопшихъ городское бѣлое д-во встрѣчаетъ себѣ сильныхъ соперниковъ въ кладбищенскихъ причтахъ. Извѣстно, что почти во всѣхъ нашихъ городахъ устроены на кладбищахъ церкви, при которыхъ въ столицахъ и едва ли не во всѣхъ губернскихъ городахъ есть священникъ, а иногда два и три и даже четыре. Къ кладбищенскимъ церквамъ не приписывается никакихъ дворовъ; приходъ ихъ, если позволите выразиться, состоитъ изъ могилъ, а прихожане изъ покойниковъ. Но не нужно жалѣть о причтахъ этихъ церквей; молчаливые обитатели могилъ доставляютъ имъ недурное, а часто и хорошее содержаніе даже въ губернскихъ городахъ; въ столицахъ же самые богатые денежные доходы у кладбищенскаго д-ва. Умеръ кто либо изъ порядочныхъ людей въ городѣ; конечно приходскаго священника приглашаютъ на вынось, отпѣванье, поминки, но здѣсь же непременно будетъ и кладбищенскій священникъ; бѣдныхъ же людей б. ч. отпѣваетъ онъ одинъ. Затѣмъ ему же предоставлены всѣ почти заупокойныя обѣдни, панихиды на могилахъ и проч. Если присоединить сюда, что въ кладбищенскія церкви дѣлаются богатые вклады для вѣчнаго поминовенія усопшихъ; то очевидно, что причты ихъ значительно уменьшаютъ доходы приходскаго городского д-ва. Но надобно сказать, что всѣ вообще причты по части поминовенія покойниковъ встрѣчаютъ самыхъ опасныхъ соперниковъ, даже враговъ въ монастыряхъ, о чемъ сказано въ 1ой ч. 8го отд.

Такъ называемые молебны не очень часто служатся въ приходскихъ церквахъ, если только нѣтъ въ нихъ иконъ, для поклоненія которымъ приходятъ вѣрующіе изъ окрестныхъ и дальнихъ мѣстъ. Обыкновенно же довольно много служатъ молебновъ въ храмовые праздники до обѣдни, или послѣ нея, такъ что въ эти дни приходскіе священники нерѣдко приглашаютъ помощника изъ ближайшаго села. Въ другое же время крестьянинъ отслужитъ молебенъ развѣ въ день своихъ именинъ, или по какому либо замѣчательному для него случаю. Но сельское д-во отъ исполненія этихъ требъ, если онѣ совершаются въ церкви, немного получаетъ дохода. Оно довольствуется 20^{ко}, даже 10^{ко} копѣйками за молебенъ, болѣе высокую сумму даютъ развѣ богачи. Гораздо

выгоднѣе для д-ва молебны, которые просятъ его служить въ домахъ и для которыхъ б. ч. берутъ иконы изъ церквей, это особенно нерѣдко бываетъ въ городахъ. Къ сожалѣнію тутъ д-во иногда по волѣ, или по неволѣ — судите сами г. ч. — слишкомъ увлекается желаніемъ получить лишнюю полтину, или рубль и потакая суевѣрію и предрасудкамъ прихожанъ, дѣлаетъ такія прибавки, которыя профанируютъ молебствіе. Напр. въ н-ѣ домохозяинъ, пригласившій къ себѣ въ домъ причтъ, просилъ его отслужить молебенъ отъ угара. Молодой священникъ колебался было удовлетворить желанію прихожанина, но опытный дьяконъ яился на подмогу и сказалъ, что у нихъ такіе молебны въ ходу. Начали какой-то молебенъ; а отецъ дьяконъ, что бы угодить хозяевамъ, на эктениі вводитъ особое прошеніе въ слѣдующихъ словахъ: *о еже въ комнати сей не упорати и пещи сей не дымитися Господу помолимся*. Р-тсѣ за такое кощунство можно бы причтъ послать въ монастырь хотя на мѣсяць.

Совсѣмъ иначе нужно смотрѣть на молебны, или, какъ говорятъ, молебствія, которыя служатся для цѣлой деревни въ ней самой и всегда по особому случаю. Какое либо счастливое, или несчастное событіе касавшееся деревни, составляетъ иногда столь глубокое впечатлѣніе, что жители долго — долго помнятъ его, и т. с-ть въ память его совершаютъ въ опредѣленное время общественное моленіе. Къ этому же побуждаются часто сельскіе жители продолжительными засухами, или ненастьемъ и другими общественными бѣдствіями. Надобно быть при такихъ молебствіяхъ, что бы видѣть и понять всю глубину религіознаго чувства въ русскомъ народѣ, всю его преданность Творцу, всю непоколебимую и часто единственную надежду на Него. Мѣстное д-во о такихъ молебствіяхъ извѣщается заранѣе. Утромъ въ назначенный день по к. м. треть, или четверть населенія деревни является въ праздничномъ нарядѣ въ Церковь (молебствія эти почти всегда бывають въ лѣтнее время), слушаетъ съ полнымъ благоговѣніемъ утреню и обѣдню. По окончаніи послѣдней пришедше берутъ хоругви, запрестольный крестъ и иконы, иногда въ большомъ количествѣ, если деревня велика. Всякій желаетъ первый нести что либо, но обыкновенно эта честь первоначально уступается людямъ почетнымъ, сѣдымъ старикамъ, деревенскимъ властямъ и зажиточнымъ крестьянамъ; близъ нихъ становятся другіе, готовые смѣнить ихъ при первой усталости. Въ церкви все устанавливается въ порядокъ, стоитъ въ благоговѣйномъ ожиданіи; *отверзаются царскія врата*; д-во, не исключая причетни-

ковъ, въ хорошихъ, иногда лучшихъ ризахъ выходитъ изъ алтаря съ пѣніемъ какого либо богородична; и крестный ходъ въ порядкѣ выступаетъ изъ церкви, притомъ икона за иконою; д-во слѣдуетъ за ними; а сади густою толпою идутъ жители. Представьте отличный лѣтній, или весенній день, торжественный колокольный звонъ, сотню и болѣе благоговѣйнаго народа, длинный рядъ иконъ, развѣвающихся въ воздухѣ хоругви, торжественное пѣніе, — все это вмѣстѣ производитъ сильное глубокое впечатлѣніе на не привычнаго человѣка. Но ступайте въ деревню, тамъ вы ознакомитесь съ болѣе умильными сценами. На крышахъ крайнихъ домовъ, или на другихъ какихъ либо возвышенностяхъ непремѣнно сидятъ взрослые мальчики, изъ которыхъ каждому хочется увидать первому приближающійся крестный ходъ. Увидѣли, — всѣ съ крышъ долой; по деревнѣ раздаются слова: *идутъ, идутъ*. Крестный ходъ еще въ полверстѣ, даже за версту, а м. т. все народонаселеніе, одѣтое тоже по праздничному, рѣшительно все выходитъ на встрѣчу ему; тутъ и сгорбившіеся старики и старухи, поддерживаемые внуками, тутъ и грудные младенцы на рукахъ матерей, тутъ увѣчные, одряхлѣвшіе, еле, еле движущіеся больные; всѣ стоятъ въ благоговѣнномъ ожиданіи. Крестный ходъ еще за сотню сажень, но многіе начинаютъ молиться и преклоняться. Но вотъ онъ уже около толпы; она вся падаетъ ницъ, иной со слезами на глазахъ, другой съ отпечаткомъ восторженной молитвы на лицѣ; равнодушіе тутъ не возможно. Крестный ходъ остановился, начинаютъ прикладываться къ иконамъ, ложатся на землю, что бы надъ ними пронесли ихъ. Когда всѣ приложатся, крестный ходъ двигается въ деревню; тутъ гдѣ либо у воротъ одряхлѣвшій старикъ, или совершенно ослабѣвшій больной, которые даже съ помощью другихъ не могли выйти за деревню, падаютъ на землю, молятся съ тѣмъ усердіемъ, которое только и возможно въ человѣкѣ, ожидающемъ помощи отъ одного Бога. Иконы останавливаются среди деревни, или близъ часовни, если она есть. Причтъ поетъ молебствіе не скороговоркою, а протяжно, торжественно, всегда совершается водоосвященіе. Благоговѣніе видно и во все время молебствія, но оно иногда, особенно во времена особенныхъ бѣдствій, переходитъ въ какой то экстазъ, когда становятся на колѣни при чтеніи молитвы, или когда запоютъ: *Спаси Господи люди твоя*. Простыя сердца, которымъ не отъ кого ждуть помощи, кромѣ какъ отъ Творца, безгранично ему въ это время предаются и могутъ растрогать самую черствую душу. Не менѣе, а

часто и болѣе умиленные сцены происходятъ, когда крестный ходъ по окончаніи молебствія обносится кругомъ всей деревни и потомъ отправляется въ село. Не скоро съ иконами растаются; всякому хочется вновь приложиться. Особенно трогательно смотрѣть на стариковъ. «Вотъ, говоритъ иной, Господь Богъ сподобилъ меня имъ поклониться; еще уже не удасться, скоро меня самага отнесутъ къ нимъ.» Крестный ходъ удаляется, но народонаселенія долго провожаетъ его глазами, молится, стоитъ на колѣняхъ. Я увѣренъ, что если бы при описанныхъ сценахъ присутствовалъ невѣрующій, то м. б. онъ и не увѣровалъ бы; но тронулся бы непремѣнно до глубины души. Искреннее и глубокое религиозное чувство, какой бы ни былъ его источникъ, какъ бы оно ни проявлялось, возбуждаетъ въ насъ сочувствіе; съ радующимся мы по неволѣ радуемся, съ плачущими не можемъ смѣяться. Надобно прибавить, что по окончаніи религиозныхъ церемоній д-во угощается обѣдомъ, но замѣчательно, что въ такіе дни рѣдко любятъ предаваться разгулу, хотя бываетъ и не безъ грѣха.

Къ разряду описываемыхъ нами доходовъ относятся тѣ, по копѣйкамъ и денежкамъ, которые даютъ православные христіане, прикладываясь къ кресту по окончаніи обѣдни, или будучи помазываемы елеемъ во время всенощныхъ и утреннихъ службъ, когда совершается освященіе хлѣбовъ, вина и елея. Тутъ именно подаются только копѣйки и денежки въ деревняхъ, и то очень немногими, въ городахъ впрочемъ попадають и болѣе крупныя монеты; для собиранія всѣхъ такихъ приношеній около священника, въ концѣ обѣдни, или около наоя во всенощную держится кѣмъ либо тарелка.

Есть еще, но не во всѣхъ епархіяхъ, и преимущественно въ городахъ, обыкновеніе дѣлать сборъ на cadaго изъ св-и-ц-сл-лей въ обѣдню и всенощную. Для этого за старостою идетъ причетникъ съ тарелкою для сбора подаеній себѣ самому; тутъ же впереди него несетъ какой либо мальчикъ другую тарелку для сбора священнику. Послѣдній кромѣ того во всенощную, или утреню, обходи церковь для каждаго иконъ во время пѣнія: *хвалите имя Господне* и пр., принимаетъ тоже особыя пожертвованія въ руку отъ тѣхъ изъ прихожанъ, мимо которыхъ онъ проходитъ. Дьяконъ же получаетъ свою долю, когда во время девятой пѣсни канона въ утреню, или всенощную тоже обходитъ церковь для каждаго. Послѣдніе два обычая нельзя одобрять. Въ самомъ дѣлѣ какъ то странно положеніе напр. священника.

Идетъ онъ съ кадиломъ въ одной рукѣ по церкви, въ другую ему вкладываютъ копѣйки, гроши, набирается ихъ горсть, нужно положить собранное въ карманъ, потомъ кади, собирай, пожалуй, иногда уронишь что нибудь. Мнѣ сознавались священники, что по к. м. на первыхъ порахъ этотъ доходъ чрезвычайно ихъ тяготитъ. Кромѣ того не обходится тутъ безъ соблазнительныхъ сценъ. Въ дѣтствѣ я зналъ дьякона, который въ 9ю пѣснь канона обходя съ кадиломъ по Церкви, въ слухъ говаривалъ: «что вы мало даете, кладите больше,» а предъ богатыми людьми останавливался и не переставалъ кадить до тѣхъ поръ, пока они ему чего нибудь не давали. Къ удивленію моему я узналъ, что въ настоящее время точно также дѣйствуетъ протоіерей уѣзднаго города к-ы, магистръ, бывший профессоръ семинаріи и проч. Онъ тоже, какъ и покойный дьяконъ при каженіи во все-нощную не отходитъ отъ богатыхъ купцовъ и купчихъ, не получивъ отъ нихъ порядочной монеты, и т. с-ть, *выкашиваетъ* изъ нихъ деньги. Поэтому хорошо, что такіа доходныя *кажденія* не вездѣ въ употребленіи.

Четвертый разрядъ доходовъ денежныхъ бѣлое д-во получаетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда оно въ извѣстныхъ времена года, или по случаю извѣстныхъ праздниковъ переходитъ изъ дома въ домъ, изъ квартиры въ квартиру; иногда цѣлымъ причтомъ, иногда по одиначкѣ, иногда въ лицѣ одного священника; и тутъ или прочитываютъ какія либо молитвы, или поютъ тропарь, или служатъ молебенъ празднику; — ходятъ съ иконами, или съ крестомъ и святою водою, или безъ того и другой. Случаи къ такимъ хожденіямъ раздѣляются на два рода; одни общи всеѣмъ совершенно приходскимъ церквамъ, а другіе имѣютъ т. с-ть мѣстный отънокъ.

Къ первымъ принадлежатъ праздникъ крещенія Господня. Въ этомъ и слѣдующіе за ними 2—3 дня весь причтъ ходитъ съ святою водою и, пропѣвъ тропарь и кондакъ празднику, окропляетъ ею семейство дома. Затѣмъ въ началѣ великаго, а кое-гдѣ и рождественскаго постовъ священникъ одинъ, пришедши въ домъ прочитываетъ постную молитву, въ которой призывается благословеніе божіе на постящихся. По окончаніи же постовъ предъ пасхою и святками онъ опять является для прочтенія молитвы, которою разрѣшается вкушать скоромную пищу. Потомъ въ пасхальную недѣлю весь причтъ ходитъ въ деревняхъ непремѣнно съ иконами, и особенно съ образомъ Божіей Матери, и служитъ въ каждомъ домѣ пасхальный молебенъ. Ни одинъ день не проводится

русскимъ народомъ лучше того, когда, по его наивному выраженію, *приходитъ въ пасху къ нему Божія Матерь*. Совпаденіе пасхи съ началомъ весны, успокоеніе отъ трудовъ на цѣлую недѣлю, окончаніе самаго продолжительнаго поста, наступленіе праздника, въ который сама Церковь приглашаетъ *веселиться и радоваться, вкусить отъ полной трапезы*, религиозное воодушевленіе при воспоминаніи о важнѣйшемъ событіи въ исторіи христіанства, о самомъ возвышенномъ, сверхъестественномъ самопожертвованіи нашего Спасителя, народныя преданія и повѣрья, м. б. и не очень вѣрныя, но зато носящія на себѣ истинно поэтически-религіозный характеръ; — все это еще приводитъ въ восторгъ нашъ простой народъ. Иконы переносятъ изъ одной деревни въ другую, встрѣчаютъ и провожаютъ съ тѣмъ же почти торжествомъ и благоговѣніемъ, которое мы видѣли при общественныхъ молебствіяхъ. Ворота въ домѣ растворены, дворъ устланъ соломою или весъ, или часть его отъ воротъ до крыльца, а также сѣни и изба. Все семейство въ самомъ лучшемъ, въ самомъ праздничномъ нарядѣ встрѣчаетъ Божию Матерь въ воротахъ, преклоняется предъ нею, лобызаетъ ее, а домохозяинъ получаетъ благословеніе отъ священника. Въ избѣ столъ накрытъ самою чистою скатертью; лавки, гдѣ нужно поставить образа, устланы самыми лучшими утиральниками, или бѣлымъ полотномъ; предъ каждою иконою, принесенною и домашнею зажжены свѣчи; въ иныхъ мѣстахъ и всѣ члены семейства изъ рукъ священника получаютъ по зажженной свѣчи. Не только изба, но и сѣни, даже часть двора наполнены народомъ. Если погода хороша и дворъ не грязенъ, то молебенъ служится посреди него. Немного найдется обрядовъ, которые были бы религиозно-поэтичнѣ пасхальныхъ молебновъ, благоговѣнно совершаемыхъ въ деревняхъ д-омъ. Въ городахъ вы уже не встрѣтите этой религіозной поэзіи. И здѣсь еще многіе принимаютъ у себя Божию Матерь и служатъ молебны, но ко многимъ причтъ приходитъ только съ однимъ крестомъ, да и то послѣ предварительнаго доклада. Наконецъ въ праздникъ Рождества Христова городское д-во ходитъ цѣлымъ причтомъ съ крестомъ, но въ селахъ б. ч. по одинакѣ священникъ, дьяконъ и причетники; хожденіе это хотя и называется *славленіемъ Христа*, слышкомъ просто; — должно бы, но какъ-то непріятно употребить другое слово. Тутъ даже священникъ ходитъ безъ креста; тутъ пропоютъ: *Христось рождается, славите; рождество твое, Христе Боже нашъ*, а въ почетномъ домѣ: *Дваа днесъ, слава во вышнихъ Богу*; даже не всегда прися-

дуть, стоя получать благостыню и уходить. Эти четыре случая, к-ся, общи всѣмъ приходскимъ причтамъ и городскимъ и сельскимъ.

Частныя хожденія д-ва по приходу совершаются въ такъ называемые храмовые праздники. Въ селахъ такихъ хождений мало; есть мѣста, гдѣ они бывають ежегодно только разъ и рѣдко три раза. Городскіе причты въ этомъ случаѣ любятъ посѣщать дома своихъ прихожанъ. Сколько бы ни было въ Церкви алтарей, столько разъ непременно причтъ обойдетъ приходъ. Если престолъ овященъ въ память святыхъ, или событій, которымъ празднованіе совершается въ году два и болѣе раза, то въ каждый разъ непременно ожидайте къ себѣ священника съ крестомъ; т. о. престолы, посвященные Іоанну Крестителю, Борису и Глѣбу, Александрю Невскому, Владимірской Божіей Матери, довольно убыточны городскимъ прихожанамъ. Далѣе если есть въ Церкви какая либо икона или очень древняя, или по чему либо уважаемая, то и ей отдѣляется особое празднованіе съ хожденіемъ по приходу. Наконецъ независимо отъ храмовыхъ праздниковъ городскіе причты почти всё ходятъ по прихожанамъ въ такіе дни, въ которые сельскій священникъ сидитъ дома, напр. въ день Преполовенія Господня и 1го числа Августа. Одинъ городскій знакомый мой года за четыре увѣрялъ меня, что къ нему приходское д-во ходитъ въ годъ 27 разъ; я не могъ повѣрить, въ какой степени вѣрна эта цифра. Но осмѣливаюсь сказать, что есть городскіе приходы, гдѣ священникъ одинъ, или съ причтомъ является ежегодно до 15 разъ, — конечно почти вдвое менѣе 27, но все-таки многонько.

Могнократно и многообразно разсылались и подтверждали синодомъ и к-ріями указы о томъ, что бы д-во во время хождений по приходу не водило за собою, или съ собою женъ и дѣтей своихъ. Все это правда, но вмѣстѣ правда и то, что указы далеко не во всѣхъ мѣстахъ исполняются. Значительная часть священниковъ, едва ли не всё дьяконы и причетники, развѣ съ немногими исключеніями, начинаютъ брать съ собою по приходу дѣтей почти съ 8 лѣтъ, по к. м. съ того времени, какъ мальчикъ поступитъ въ училище. *Емуде нужны деньги на свое содержаніе; пусть же онъ самъ и добываетъ ихъ, протягивая ручонку къ бородастымъ хозяевамъ;* только нѣкоторые взрослые семинаристы бывають въ этомъ случаѣ революціонерами. Я зналъ одного ученика, котораго мать высѣкла розгами и все-таки не могла заставить пойти по селу *славить Христа*. Мальчиковъ водитъ д-во почти

только въ святки и въ пасху впрочемъ преимущественно въ первые. М. б. если бы семинаристы жили круглый годъ дома, то они участвовали бы и въ другихъ хожденіяхъ по приходу. «Все это неправда,» скажутъ защитники недостатковъ д-ва. Нѣтъ, милостивые государи и святые отцы, говорю правду и подтверждаю а между прочимъ тѣмъ, что не смотря на мою жизнь въ городѣ, въ послѣдніе уже годы въ святки и пасху за разъ приходило ко мнѣ приходское д-во съ дѣтьми, родственниками и т. с-ть, другими аматѣрами въ числѣ 27 въ Пасху, и въ числѣ 19 человекъ въ святки, тутъ я видѣлъ ноющихъ и вопіющихъ молодцовъ выше себя ростомъ, малютокъ лѣтъ десяти; одинъ изъ нихъ упрашивалъ даже дозволить сказать рѣчь моей вовсе ничѣмъ незамѣчательной и ничѣмъ не привлекательной особѣ.

Въ городахъ, к-ся, жены всѣхъ св-и-ц-сл-лей не ходятъ сзади своихъ мужей по приходу. Тоже самое надобно сказать едва ли не о всѣхъ молодыхъ сельскихъ попадьяхъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ имъ можно таскаться съ своими кринолинами, въ своихъ чепцахъ, шляпкахъ, платьяхъ съ шлейфами по грязнымъ улицамъ и дворамъ, по развалившимся крыльцамъ, по темнымъ избамъ, съ опасностью подвергнуться нападенію собаченокъ и насмѣшкамъ ребятишекъ надъ ихъ костюмами. Но старья попадьи, ходившія въ кокошникахъ, а теперь повязывающія голову платочками, множество дьяконицъ и особенно причетницъ не хотятъ еще оставлять старинныхъ обычаевъ; онѣ, т. с-ть, въ качествѣ *женскаго причта* слѣдуютъ за мужескимъ, особенно въ пасху. Въ этотъ праздникъ, когда причтъ мужеской отслуживъ молебенъ, уходитъ въ сосѣдній дворъ, съ нимъ въ воротахъ часто сталкивается и вскорѣ является *женскій причтъ*, хозяинъ усаживаетъ его за столъ, угощаетъ, одариваетъ и отпускаетъ. Мнѣ извѣстны двѣ здравствующія матушки вдовы; одна изъ нихъ, которой съ семействомъ было предоставлено мѣсто умершаго ея мужа, а другая, по случаю вялости и болѣзненному состоянію живаго своего супруга, сами ходили по приходу, но уже вмѣстѣ съ мужескимъ причтомъ, получали лично отъ домохозяевъ плату за молебенъ, спорили даже перебранивались съ ними; *это своего рода амазонки*; одну изъ нихъ называютъ даже *попомъ Палагеей*; названіе, напоминающее отзывъ какого-то писателя, который говоря о Екатериинѣ 2ой сказалъ: *Екатерина Великій*.

Часть четвертая.

О томъ, какъ велики всѣ вообще доходы д-ва, и
обременительны ли они для народа?

Городское д-во не имѣетъ возможности налагать на своихъ прихожанъ одинаковую, т. е. ть, *конtribusiю*, какъ при описанныхъ хожденіяхъ, такъ и вообще за исправленіе всякихъ требъ. Жители городскіе до такой степени различаются своимъ богатствомъ, гражданскими правами, образованностію, что ихъ подводить подъ одинъ уровень невозможно. Вотъ почему д-во въ городахъ б. ч. довольствуется тѣмъ, что ему дадутъ; священникъ даже часто беретъ *дачу*, не взглянувъ на нее, и только за дверью разсмотритъ и покажетъ ее своимъ сослуживцамъ. Впрочемъ въ домахъ мѣщанъ, отставныхъ солдатъ и другихъ лицъ такъ называемаго низшаго званія и городскіе священники просятъ прибавочки. Жители деревень привержены къ демократическому равенству, они платятъ одинаковыя государственныя подати, одинаковыя оброки, ставятъ одинаковымъ образомъ подводы. Изъ подражанія этому обычаю и д-во при исправленіи своихъ требъ б. ч. проситъ и получаетъ одинаковое вознагражденіе отъ всѣхъ прихожанъ. Вотъ почему, когда при хожденіяхъ отслужится молебень, или пропоется тропарь, домохозяйинъ, держа въ рукахъ своихъ мошну съ деньгами, спрашиваетъ священника: «что батюшка? Сколько вамъ за труды? или какое у васъ нынѣ *положеніе*?» И слишкомъ немного найдется самыхъ богатыхъ крестьянъ, которые бы дали хоть копѣйкою болѣе *положенія*.

Положенія эти въ селахъ слишкомъ разнообразны. За постную молитву священникъ получаетъ 5—10, рѣдко 15 коп. Въ святки ему одному даютъ 10—25 коп., а дьячокъ иногда довольствуется даже 1—2 копѣйками, въ богатыхъ домахъ развѣ получить пятачокъ. Въ крещенье всему причту дается 20—40 коп. Молебны въ пасху и храмовые праздники считаются самою доходною статьею сельскаго д-ва; извѣстны мнѣ мѣста, гдѣ оно получаетъ по 50—60 коп. за молебень; слышалъ я что иные священники доводятъ это до рубля, и даже до полутора рубля, но вмѣстѣ съ тѣмъ слышалъ я также, что священники сосѣди не одобряютъ, даже бранятъ ихъ за такой высокій поборъ. Но во многихъ мѣстахъ до-

вольствуются 30—40 коп., недавно мнѣ говорили два священника, что имъ въ 1863 уже году за молебень въ храмовый праздникъ давали только по 15 коп.; въ бывшихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ плата понижалась даже до 10 коп.

Но случается, что домохозяинъ, или дѣйствительно не имѣеть денегъ, или лучше дорого цѣнить ихъ, а м. т. занимается какимъ либо ремесломъ, или чѣмъ-то въ родѣ его; и потому предлагаетъ, а духовныя лица принимаютъ произведенія его искусства. Это преимущественно, почти исключительно бываетъ въ святки; тогда въ иныхъ деревняхъ можно замѣтить что многіе *славельщики*, переходя изъ двора во дворъ, имѣютъ повѣшанными на кушакѣ, или въ пучкахъ мочальные кульки, лень, вихири, завертки и проч., или относятъ въ свои сани цыновки, чашки, горшки, пучки лыкъ и пр. и пр. Печальная, непріятная истина! Я думаю, что доказательства ея можно находить только въ деревняхъ. Но недавно къ величайшему моему изумленію и сожалѣнію узналъ, что одинъ протоіерей губернскаго города захотѣлъ подтвердить ее своимъ примѣромъ. Пришедши въ очень бѣдное семейство по случаю какого-то хожденія, онъ услышалъ отъ хозяйки, что у нее нѣтъ ни копѣйки. Когда онъ началъ убѣждать ее, что не хорошо такъ принимать приходскаго протоіерея, то женщина, вѣроятно, для шутки сказала: «да вотъ, батюшка, у меня есть небольшое блюдо горохового киселя; развѣ не возьмете ли его?» Почтенная бездѣтная особа, у которой по достовѣрнымъ слухамъ есть денежный капиталъ до 25 тысячъ рублей, не *побрезала* скромнымъ приношеніемъ женщины.

Дѣти, ходящія вмѣстѣ съ отцами по приходу, не одинаково награждаются за свои труды. Священническій сынъ, рся, по настоянію отца, получаетъ гораздо болѣе дьячковскаго, даже болѣе самаго дьячка. Нѣкоторые священники, хотя и не берутъ съ собою дѣтей въ приходъ, но рассчитавшись за молебень, просятъ особую сумму на нихъ, притомъ на каждого поровнь а иногда и на жену. Этого мало, едва ли не въ каждой к-ріи можно найти дѣла, возникшія по жалобамъ причта на то, что священникъ въ приходѣ во время праздничныхъ хожденій сперва съ домохозяиномъ оканчиваетъ свои семейныя счоты, и потомъ уже принимается за дѣла причта. Дьяконскія, особенно дьячковскія дѣти получаютъ такъ мало, что надобно дивиться, зачѣмъ ихъ водятъ отцы съ собою. Но это иногда пробуждаетъ въ мальчикѣ благородныя чувства. Одинъ сынъ дьячка долженъ былъ по общему обычаю пойти славить Христа; ему въ первыхъ че-

тырехъ дворахъ какъ нарочно дали по полушкѣ. Благородная гордость пробудилась; мальчикъ бросилъ четыре полушки въ снѣгъ и ушолъ домой. Старикъ отецъ простымъ здравымъ смысломъ понялъ, что сына за это чувство бранить не слѣдуетъ, даже внушалъ дѣтямъ не дорожить духовнымъ званіемъ. Мальчикъ теперь состоитъ инспекторомъ въ одной изъ губернскихъ гимназій.

И жены духовныхъ лицъ, ходящія съ ними по приходу, протягиваютъ также руки къ домохозяину и получаютъ отъ него дачу. Р-ся, что на первомъ планѣ тутъ попадаѣя и про-свирия; первой отъ домохозяина большой почетъ, первое мѣсто за столомъ, первая чарка и лишняя копѣйка, даже грошъ противъ другихъ. Но домохозяйка очень нерѣдко благосклоннѣе къ дьяконицамъ и дьячихамъ; попадаѣи часто держатъ себя аристократками. И потому дьячиха и дьяко-ница открыто получаютъ меньше попадаѣи, но зато хозяйка иногда при выходѣ изъ дома тайкомъ сунетъ имъ въ руку лишній даже грошъ. Тутъ впрочемъ бывають болѣе стран-ныя вещи. Въ пасху за образами ходитъ по приходу мно-жество не духовныхъ лицъ, нищихъ, богомолкъ, богомоль-цевъ; тоже и они всё протягиваютъ свои руки. Нѣкоторые изъ богомолкъ пользуются бѣльшимъ уваженіемъ у прихо-жанъ, нежели сама попадаѣя. Я зналъ одну изъ таковыхъ: ее звали *Домною*. Когда въ пасху домохозяину надобно было *одпалить* духовный женскій причтъ, то иногда можно было слышать его голосъ: «нѣтъ постойте; гдѣ Домна? на-добно прежде ее уважить, а тамъ и съ вами раздѣлаюсь.» Домна выступала и уходила съ благодарностію.

Кончилъ я описаніе всѣхъ т. с-тъ, ординарныхъ денеж-ныхъ сборовъ, или поборовъ приходскаго д-ва. Легко замѣтить можно, что требы перваго и втораго разрядовъ болѣе благопріятны городскому, нежели сельскому д-ву, тоже самое должно сказать о требахъ третьяго разряда, если только въ городѣ нѣтъ кладбищенской церкви и особенно монастыря съ своимъ кладбищемъ. Но четвертый разрядъ доходовъ обильнѣе въ селахъ, нежели въ городахъ, такъ что если сравнить между собою городскіе и сельскіе приходы одина-ковыхъ категорій; т. е. отличный городской съ отличнымъ сельскимъ, хорошій съ хорошимъ, посредственный съ посред-ственнымъ; то относительно доходовъ, получаемыхъ причтами отъ хожденія въ святки, въ каждый отдѣльно храмовый праздникъ и особенно въ пасху, они возмутъ верхъ надъ городами. Мнѣ случалось слышать, что иной сельскій свя-щенникъ въ пасху получаетъ больше, нежели его возлю-

блennyй о Христѣ братъ при многихъ церквахъ въ Петербургѣ. Но изъ этого одного выводить слишкомъ высокое мнѣніе о доходахъ сельскаго д-ва не должно. Сборы, получаемые имъ въ пасху, святки и храмовые праздники, составляютъ не только половину, а иногда двѣ трети всѣхъ его денежныхъ доходовъ. Уничтожьте эти сборы, уменьшите ихъ на значительную цифру, почти все сельское д-во впадетъ въ нищету; тогда какъ городское, особенно петербургское даже, какъ говорится, и не *охнетъ*.

Прочитавшіе все, что въ этомъ отдѣлѣ сказано о доходахъ бѣлаго д-ва, удивятся множеству ихъ. По всей вѣроятности, многіе скажутъ «смотрите, какія огромныя суммы получаетъ оно? а еще сожалѣютъ объ его жалкомъ будто бы положеніи! Смотрите, какъ бѣдный нашъ народъ обремененъ? плати онъ подати правительству, оброки помѣщику, взятки чиновникамъ, да еще удовлетворяй множеству поборовъ за исправленіе церковныхъ требъ.» Читатели могли уже замѣтить, что причислить меня къ клерикальной партіи невозможно. Хотя я искренно желаю, обнаруживъ бѣдственное положеніе бѣлаго д-ва, тѣмъ самымъ сколько нибудь помочь ему — не смотря на это, клерикальная партія не очень будетъ ко мнѣ благосклонна. А м. т. хочу сказать и надѣюсь доказать, что доходы д-ва вовсе не огромны, во многихъ мѣстахъ положительно недостаточны, вездѣ почти страшно — унижаютъ д-во и что отъ этихъ доходовъ крестьяне вовсе не разоряются и не могутъ разориться.

Самыми доходными надобно считать духовныя мѣста въ Петербургѣ; здѣсь священники получаютъ до 3000—5000 р., говорятъ, что кое гдѣ и по болѣе, кромѣ того пользуются квартирою и отопленіемъ отъ церкви; здѣсь даже нѣкоторыя причетническія мѣста доставляютъ болѣе 1000 руб. Затѣмъ слѣдуютъ восточныя наши губерніи вятская, пермская, уфимская, оренбургская и всѣ сибирскія. Сюда по причинѣ недостатка туземцевъ, достойныхъ занять священническія мѣста, приглашаютъ и даже невольно заставляютъ отправляться воспитанниковъ семинаріи, или священниковъ и дьяконовъ изъ владимірской, рязанской, тамбовской и другихъ губерній. Уѣзжаютъ обыкновенно съ неохотою, съ горемъ, со слезами, но уже никогда не возвращаются, переманиваютъ къ себѣ своихъ родныхъ, или пишутъ, что для д-ва *сибирь у васъ, а не у насъ*. Можно по мѣстамъ встрѣчать богатѣйшіе приходы по волжскимъ и малороссійскимъ губерніямъ, въ богатыхъ городахъ, промышленныхъ и многодушныхъ селахъ, но вообще приходы, гдѣ весь причтъ получаетъ до 2000—

2500 руб. денежнаго дохода, надобно считать исключеніемъ изъ общаго правила. Почти во всѣхъ великороссійскихъ и западныхъ губерніяхъ сельскій приходъ считается *отличнымъ* при 600—500 руб. очень *хорошимъ* при 400—300 руб. не *дурнымъ* при 250—200 руб. денежнаго священническаго дохода; чрезвычайно много приходоѡвъ, гдѣ священникъ получаетъ не болѣе 150 руб.; а есть очень немало священниковъ, которымъ приходится довольствоваться 100 рублями и менѣе. Такъ какъ при раздѣлахъ дьяконъ вообще получаетъ вдвое, а причетникъ вчетверо менѣе противъ священника, то есть дьяконскія мѣста съ 300, 200, 100, 75 р. (въ бѣднѣйшіе приходы дьяконовъ не опредѣляютъ), а причетническія мѣста съ 150 р. 100, 50 и даже 40—30 р. годоваго денежнаго дохода. Вотъ въ какихъ огромныхъ цифрахъ выражается сумма, получаемая наибольшею частію д-ва отъ прихожанъ!

Въ подтвержденіе своихъ словъ привожу нѣсколько доказательствъ. 1) У многихъ аккуратныхъ священниковъ вѣдуться секретныя домашнія записки получаемыхъ ими всѣхъ совершенно денежныхъ доходовъ. Мнѣ попадались въ руки подобныя записки; особенно одинъ случай былъ самый благопріятный. Послѣ смерти священника, котораго приходъ считался лучшимъ въ цѣлой (подмосковской) епархіи найдена домашняя записка доходоѡвъ за 15 лѣтъ. Оказалось, что покойникъ получалъ денежнаго дохода въ годъ 450—500 р.; цифру эту превышали только два — три года. 2) Тамъ гдѣ съ сороковыхъ годовъ стали выдавать жалованье д-ву, денежные доходы его уменьшаются; крестьяне почти всегда говорятъ священникамъ: «теперь вы получаете жалованье, берите съ насъ меньше.» Но это жалованье нигдѣ не превышаетъ 200 руб. священнику, ограничивается наиболѣе 120—150 руб. и спускается даже ниже 100 руб. И м. т. большинство д-ва ему очень радо. Очевидное дѣло, что при 500 р. ежегоднаго дохода не стали бы радоваться такому жалованью, которое притомъ уменьшаетъ ихъ доходы; радость могутъ ощущать тѣ, для которыхъ 200—150—80 р. составляютъ половину, или треть всего дохода. 3) Въ 1863 году газеты и журналы обнаружили, что почти все д-во западныхъ, особенно бѣлорусскихъ и литовскихъ губерній находится въ крайней нищетѣ. А м. т. оно получаетъ жалованье изъ государственнаго казначейства. Вѣрно денежные его доходы малы, когда оно при нихъ и при жалованьѣ нищенствуетъ. 4) Говоря о томъ, за какія требы и сколько получаетъ д-во, я старался пересчитать всѣ по возможности

случаи и показать *maximam* и *minimam*. Но уже сказано, что даже почти ни одинъ богатый крестьянинъ не даетъ священнику выше *положенія*, напротивъ очень многіе по бѣдности по скупости чего нибудь не додають. Потомъ самому неуступчивому священнику нельзя иногда отказаться отъ исполненія требы, хотя бы за нее давали $\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{3}$ того, что онъ вообще за нее получаетъ; иногда надобно исполнить, хотя бы вовсе ничего не дали, что бы не вѣдаться съ полиціею, благочиннымъ, к-ріею и проч. Притомъ сначала требу нужно исполнить, и послѣ уже получить за нее; если денегъ или нѣтъ, или не дають, мудроно что нибудь сдѣлать, — треба исполнена, ее не перевершишь, — не возьмешь назадъ, какъ товаръ.

И такъ, за исключеніемъ петербургскихъ и нѣкоторыхъ другихъ приходоу, составляющихъ незначительное меньшинство въ общемъ итогѣ, священникъ получаетъ 600—500 въ отличномъ, 400—300 въ очень хорошемъ, 250—200 въ посредственномъ, даже 100 р. и менѣе въ плохомъ приходѣ. Неужели это огромные доходы для него? Возьмемъ 600—500 руб. Мѣсто съ такимъ доходомъ можетъ получить только ученикъ, кончившій курсъ въ семинаріи въ первомъ разрядѣ, прослужившій нѣсколько лѣтъ учителемъ; такихъ мѣстъ добиваются благочинные, наставники семинарій, магистры. Поступи послѣдніе въ м-во, изъ нихъ многіе чрезъ 20 лѣтъ были бы настоятелями монастырей, даже начальниками епархій, имѣли бы на шеѣ множество крестовъ, были бы людьми съ вѣсомъ и значеніемъ. Поступи въ гражданскую службу, года два — три побѣдствовали бы, потомъ мало по малу стали бы обезпечиваться, дослужились бы званія столоначальниковъ, секретарей, совѣтниковъ и проч.; имѣли бы и чины и ордена; даже у епархіальнаго начальника были бы въ почотѣ. А теперь, конечно новый священникъ въ отличномъ приходѣ съ перваго раза получаетъ крупную цифру дохода; но ею онъ долженъ довольствоваться до самой смерти; ему какъ увидимъ ниже, нѣтъ почти не повышений, ни наградъ, ни поощреній. Далѣе конечно 600—500 рубл. для анахорета, для холостяка при разныхъ хлѣбныхъ доходахъ были бы очень порядочною суммою. Но нашъ священникъ-семьянинъ; ему и самого себя, и жену, и дѣтей водить во вретисахъ, въ лохмотьяхъ, кормить однимъ кортофелемъ съ хлѣбомъ нельзя; онъ долженъ воспитывать сыновою въ семинаріи и въ годъ тратить на каждаго по 60 и болѣе рублей, одѣвать себя, жену и дочерей приличнымъ образомъ, особенно заготовить огромную сумму для приданаго послѣднимъ, и

дѣлать еще многое множество ежегодныхъ тратъ на разныя, какъ увидимъ ниже, разности, чего ему, не нужно? — нужно непременно. Неужели 600—500 р. громадный для него доходъ? Но это въ различныхъ приходяхъ! А вѣдь большинству священниковъ достается въ годъ по 400, 300, 200, 150, 100 р. и даже менѣе. Что же и это громадныя суммы? Но опять *новое но*, здѣсь говорится о священникахъ; дьяконы получаютъ противъ нихъ вдвое, а причетникъ вчетверо менѣе. Тутъ громадные доходы понизятся ниже сотни рублей до 80, 50, даже 30 руб. При такихъ деньгахъ безъ земли многие были бы чистыми нищими. И нынѣ едва ли половина сельскихъ священниковъ въ сѣверныхъ и среднихъ губерніяхъ въ каждый скоромный день имѣетъ во щахъ говядину; да и вообще мясная пища для нихъ готовится изъ домашней телятины, ветчины, солонины, или баранины. А очень часто скоромная пища состоитъ изъ щей, забѣленныхъ смѣтаную, — изъ каши, въ которую подлито молоко, или положенъ кусочекъ масла, — или изъ кислаго молока. По этому образцу можно уже судить о гастрономическихъ наслажденіяхъ и дьяконовъ и причетниковъ. И потому неудивительно, что многія духовныя лица стараются увеличивать свои денежныя средства сторонними занятіями. Въ провинціальныхъ городахъ вставка стеколъ почти исключительно принадлежитъ причетникамъ; другіе занимаются переплетомъ книгъ; я зналъ городскаго священника, который по бѣдности и самъ долженъ былъ и жену съ дѣтьми выучить переплетать книги. Въ селахъ, не смотря на всѣ денежныя, хлѣбныя, и т. с-ть, *земляные* доходы, многіе причетники занимаются столярствомъ, переплетомъ, вставкою стеколъ, или набираютъ деревенскихъ ребятишекъ съ тѣмъ, чтобы за 3—4 р. выучить грамотѣ и на это нерѣдко употребляютъ годъ и два. Священники, м. б., и не дѣлаютъ этого, но зато въ противность существующихъ постановленій, занимаются промышленностію; можно указать на множество примѣровъ, когда они, а также прочій причтъ втихомолку торгуютъ лѣсными произведеніями и приготовленными изъ нихъ вещами; напр. дверьми, скупаютъ зимою хлѣбъ, а лѣтомъ продаютъ его. Наконецъ почти всѣ сельскія духовныя лица работаютъ не хуже крестьянъ на своихъ поляхъ и гумнахъ. Лѣтомъ въ рабочую пору молистая руки, загорѣлое отъ жару лицо можно замѣтить не только у священниковъ, но и у ихъ женъ, сыновей и дочерей. Какъ угодно, а при достаточныхъ вполнѣ доходахъ д-ва, всѣ перечисленные здѣсь факты были бы не возможны, или необъяснимы.

Раздѣлавшись съ огромностію доходовъ д-во, перейдемъ теперь къ отягощенію, которое будто бы испытываетъ наше сельское народонаселеніе отъ нихъ. Возьмемъ опять отличный приходъ, гдѣ деньгами священникъ получить 600—500 руб., а весь причтъ 1200—1000 руб. Такіе приходы возможны почти только при 1000—1500 душъ мужескаго пола (если приходъ имѣетъ болѣе 1500 душъ, то назначаются уже два священника). Значитъ на каждую, какъ говорится, ревизскую душу приходится не болѣе одного рубля серебромъ. Полагая круглымъ числомъ на отдѣльный дворъ по 3—4 души мужескаго пола, мы увидимъ, что каждый домохозяинъ среднимъ числомъ въ годъ истрачиваетъ на д-во 3—4 руб. Эти самыя замѣчанія прилагаются ко всѣмъ прочимъ не отличнымъ уже приходамъ.

Неужели въ самомъ дѣлѣ по одному рублю съ души или по 3—4 руб. со двора? спросятъ м. б. даже съ удивленіемъ. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, эта сумма, разложенная на цѣлый годъ, не Богъ знаетъ, составитъ какую тягость для мужика! Въ подтвержденіе своихъ словъ я хочу привести косвенное доказательство. По отчету О. Пр-ра синода за 1861 годъ всего православнаго народонаселенія мужескаго рода (кромѣ большей части войска) было 25,226,972 души; для легкости вычисленія уменьшимъ это число до 25 милліоновъ. Посмотримъ теперь сколько получитъ каждый причтъ, если собравши съ каждой православной души по одному рублю, раздѣлить сумму между всѣмъ бѣлымъ д-омъ. По тому же отчету всѣхъ протоіереевъ и священниковъ, а слѣд. всѣхъ причтовъ состояло въ 1861 году 37,945. Но здѣсь включены причты гвардіи и арміи, законоучители учебныхъ заведеній, священники при казенныхъ мѣстахъ, вообще всѣ тѣ, которыя состоятъ на жалованьи отъ правительства. Трудно опредѣлить число этихъ причтовъ. Но изъ отчета видно, что православныхъ церквей находится при казенныхъ заведеніяхъ 378, домовыхъ 391, ругою пользующихся, или пособіемъ отъ казны, или отъ частныхъ лицъ 433, кафедральныхъ и другихъ городскихъ безприходныхъ соборовъ 92, всего 1294. Конечно не при всѣхъ домовыхъ и казенныхъ церквахъ есть отдѣльные священники, но зато въ кафедральныхъ соборахъ находится по 4—5 священниковъ и даже болѣе. Кромѣ того священниковъ придворныхъ, при арміи, флотѣ, гвардейскомъ и гренадерскомъ корпусѣ состоитъ 532. Т. о. смѣло можно положить, что число приходскихъ причтовъ, живущихъ только подаваніями отъ прихожанъ, не менѣе 36,000, но возьмемъ даже это число. Раздѣливъ теперь 25,000,000 на

36,000, увидимъ, что каждый причтъ круглымъ числомъ получить по 694 руб. или 700 руб., и слѣд. священникъ по 350, дьяконъ по 175, а причетникъ по 87 руб. 50 коп., если бы число дьяконовъ равнялось числу священниковъ, а число причетниковъ было вдвое болѣе послѣдняго. Но на самомъ дѣлѣ при 37,945 священникахъ и протоіереяхъ всѣхъ вообще вѣдомствъ находится только 12,444 дьяконовъ, а причетниковъ 63,421 и потому не достаетъ первыхъ 25,501, а вторыхъ 72,469. Въ такомъ случаѣ нужно остающіеся 5,553,712 р. 50 к. ($25,501 \times 175$ р. и $12,469 \times 87$ р. 50 к.) раздѣлить между наличными духовными лицами. Черезъ это доли ихъ увеличатся болѣе, нежели на $\frac{1}{5}$ часть, и потому священнику достанется не мене 420, дьякону 210 и причетнику 105 р. Вотъ сколько бы денежнаго дохода среднимъ числомъ получали всѣ духовныя лица, если бы дѣйствительно съ каждой ревизской души истрачивали на нихъ одинъ рубль въ годъ! Но настоящее среднее число должно быть гораздо ниже этого. Выше уже было с-но, что слишкомъ многіе священники имѣютъ денежнаго дохода 300, 200, даже 100 р. и проч. И потому, по всей вѣроятности, денежныхъ поборовъ для д-ва на ревизскую душу не придется ни въ какомъ случаѣ болѣе 75 коп. Здѣсь кстати сказать объ одномъ знакомомъ мнѣ прежнемъ бурмистрѣ богатаго князя. Когда, бывало, онъ услышитъ жалобу на то, что на священниковъ много уходитъ денегъ, то говаривалъ крестьянину: «полно грѣшнить, поработай три, четыре дня (его крестьяне были плотники) и ты получишь денегъ больше, нежели сколько у тебя выйдетъ на священниковъ.» А надобно сказать, что бурмистръ не очень ладно жилъ съ священниками, и не очень много уважалъ д-во.

Отчего же такъ много раздается жалобъ на поборы д-ва? Отчего крестьяне нерѣдко отказываются давать ихъ? Смѣшно было бы утверждать, что всѣ такія жалобы и отказы не основательны, что обвиненія д-ва въ вымогательствахъ, въ отяготительныхъ поборахъ, въ прижимкахъ и проч. несправедливы; *иринки бывають* и очень нерѣдко; въ слѣдующемъ отдѣлѣ я поговорю и о нихъ. Но и при вымогательствахъ и прижимкахъ д-во можетъ оставаться не богатымъ; вѣдь не всегда же онѣ удаются; а потомъ, даже при не отяготительной платѣ за частныя требы, у крестьянъ можетъ появляться желаніе облегчить себя отъ нее по двумъ особенно причинамъ. 1) Возмемъ высшее выведенное нами число, именно одинъ рубль съ души, или 3—4 р. со двора; но это среднее число; въ дѣйствительности же оно много измѣняется.

Если у прихожанина въ домѣ никто въ теченіе года ни умеръ, ни женился, то у него не выйдетъ на д-во и двухъ рублей. Но если случится въ домѣ свадьба, или похороны, да не одни; тогда расходы могутъ дойти до 10—20 руб. со двора. Р-ся, такая сумма уже не легка для крестьянина. 2) На немъ лежитъ множество другихъ налоговъ, надобно платить казенныя подати, помѣщичьи оброки, оклады на общественное волостное, деревенское управленіе, поставлять подводы, давать иногда взятки разнымъ властямъ и проч., повторимъ много у него расходовъ и уже очень тяжелыхъ. Естественно, что крестьянинъ, такъ сдавливаемый со всѣхъ сторонъ, ищетъ выхода или облегченія съ той, которая ему к-ся слабѣ другихъ. Священникъ не становой, не старшина, или староста; не баринъ, не посредникъ; съ нимъ можно поспорить; отъ податей и другихъ налоговъ нельзя вернуться, пожалуй, достанется и отъ становаго, и отъ исправника, и отъ волостнаго правленія, пожалуй, продадутъ корову; а поборы д-ва не казенная вещь. Почему же не попытаться отъ нихъ освободиться? И если д-во съ своей стороны станетъ отстаивать свои выгоды, употреблять не очень религіозныя и моральныя средства; то какъ не начать жаловаться? Эти жалобы находятъ подкрѣпленіе въ томъ неуваженіи, которое у насъ развилось историческими причинами къ д-ву.

И потому въ настоящее время, какъ к-ся, нужно думать не о томъ, чтобы уменьшить доходы д-ва, кричать о тяжести его поборовъ и проч., а о тѣхъ вредныхъ, даже гибельныхъ послѣдствіяхъ, которыя соединены тѣснѣйшимъ образомъ съ нынѣшнею методою содержанія д-ва, и касаются не только его самаго; но и религіи и общества. Описаніемъ этихъ послѣдствій займемся въ слѣдующемъ отдѣлѣ.

Отдѣлъ 15ый.

О вредныхъ послѣдствіяхъ, которыя происходятъ отъ нынѣшней системы доходовъ блага д-ва.

Д-во ходитъ по приходу для исполненія требъ, и для полученія за то *давятъ* или по приглашенію самихъ прихожанъ, или безъ зову съ ихъ стороны и по заведенному издавна порядку, который не всегда далекъ отъ безпоряд-

ковъ и не вездѣ пользуется безусловнымъ одобреніемъ. Къ первому случаю относятся требы, которыя въ предъидущемъ отдѣлѣ (2 ч.) причислены къ 1, 2 и 3 разряду. Положеніе духовныхъ лицъ здѣсь не унижительно, ихъ звали; ихъ ожидаютъ; а иногда напр. при елеосвященіи, приобщеніи больного, при какомъ либо произвольномъ молебствіи положеніе ихъ, особенно священника даже величественно. Онъ является для приготовленія челоуѣка къ грозному и таинственному переходу въ загробную жизнь, — для утѣшенія и подкрѣпленія и его самого, и его семейныхъ, — для того, что бы быть, т. е. ть, органомъ, или проводникомъ, чрезъ который низводится благодать господня и проч. Конечно лучше бы, если бы ему въ этихъ случаяхъ не было надобности получить *вещественную благодарность*; но все таки ему можно принимать ее, не стыдясь, не красѣя; тутъ онъ похожъ на доктора, приглашеннаго для подаенія помощи больному, на адвоката, съ которымъ намѣрены посоветоваться о серьезномъ дѣлѣ.

Но при исполненіи требъ 4го рода, духовныя лица находятса совсѣмъ въ другомъ положеніи. Звали ихъ, или не звали, ожидаютъ ли, или не ожидаютъ, даже имѣютъ ли желаніе принять ихъ, или не думаютъ о томъ, они странствуютъ изъ двора во дворъ, изъ квартиры въ квартиру, переѣзжаютъ или переходятъ изъ улицы въ улицу изъ деревни въ деревню. Тутъ уже они являются, какъ просители посѣтители, даже поздравители, не всегда при выгодномъ свѣтѣ при благопріятной обстановкѣ. Посмотримъ сначала, какъ это дѣлается и дѣлалось въ Петербургѣ и другихъ городахъ.

Часть первая.

О хожденіяхъ духовенства по приходу въ Петербургъ и другихъ городахъ.

Всякій изъ васъ, жители Петербурга, въ пасху и святки непременно можетъ увидѣть и въ Коломнѣ и на Пескахъ, на Невскомъ, Англійской набережной и проч. двое или трое саней, два-три возка, или столько же каретъ, которыя наполнены, нерѣдко чуть не переполнены лицами благаго д-ва всѣхъ степеней; тутъ и скромный причетникъ, и сановитый о. дьяконъ, и священникъ и протоіерей въ великолѣпной

рясъ, съ камилавкою на головѣ, съ орденами не только въ петлицѣ, но и на шеѣ. Весь поѣздъ останавливается у какаго либо дома, причетникъ быстро скрывается на лѣстницѣ въ какую либо квартиру; прочіе приѣхавшіе или сидятъ, завернувшись въ шубы, если они въ саняхъ, или не выглядывая изъ оконъ, если въ каретахъ, а иногда полегоньку выходятъ изъ экипажей, и останавливаются кучькою подъ воротами. Въ это время въ квартирѣ, куда побѣжалъ причетникъ, раздастся звонокъ, но не очень громко, иногда даже очень скромненько; дверь отпирается; причетникъ спрашиваетъ: *доложите барину, можно ли д-ву или съ крестомъ и святою водою*, или даже просто: *можно ли поздравить съ празникомъ*. Петербургскіе дома такъ огромны, лѣстницы въ нихъ такъ высоки, квартиры часто отъ воротъ и общихъ подъѣздовъ такъ далеки, что причетникъ не скоро добѣжитъ до звонка, не всегда по первому звону отпрутъ ему дверь, не вдругъ баринъ вышлетъ отвѣтъ, не скоро съ нимъ посоль возвратится къ пославшимъ, а м. т. эти или сидятъ въ экипажахъ, или стоятъ подъ воротами.

Начинаемъ съ самого счастливаго случая *баринъ и дома, и просить*. Поднимаются по лѣстницамъ длинною вереницею, иногда человекъ до 8—10, оставляютъ въ передней верхнее платье, входятъ въ приемную, рѣдко въ гостиную. Р-ся, въ Петербургѣ есть много людей, знающихъ свѣтъ и приличія; есть тоже немалое число людей благочестивыхъ, или желающихъ слыть набожными. Поэтому пришедшія духовныя лица во многихъ мѣстахъ встрѣчаются съ вѣжливостію. Къ нимъ выходитъ вся семья, иногда съ деликатностію просятъ ихъ подождать кого либо изъ семейныхъ, который сейчасъ выйдетъ; съ благоговѣніемъ, по к. м. въ приличной позѣ, слушаютъ тропарь и другія пѣнопѣнія, приложаться ко кресту, подойдутъ къ благословенію. Потомъ хозяинъ попроситъ священниковъ и дьяконовъ присѣсть, заведетъ вѣжливый разговоръ. Покойный петербургскій купецъ Проконій Ивановичъ Пономаревъ особенно былъ внимателенъ въ такихъ случаяхъ къ д-ву своей церкви. Если въ то время, какъ оно у него сидѣло, приходилъ къ нему ктонибудь даже изъ важныхъ особъ; то Проконій Ивановичъ говаривалъ: *не угодно ли Вамъ, Ваше Превосходительство, на половину къ жень? а я побесѣдую съ батюшками*. Д-во тутъ долго не можетъ сидѣть; его провожаютъ вѣжливо, благодарятъ какимъ либо пакетомъ, но деликатно.

Поставивши на первомъ планѣ самый благоприятный случай, станемъ постепенно описывать тѣ, которые болѣе,

или мнѣ унижительны для д-ва. Оно, пройдѣвши свои тропари и кондаки иногда видитъ въ приемной только хозяина, или хозяйку, или даже несовершеннолѣтняго сына, принимаетъ отъ нихъ *мзду свою*, и уходитъ вонъ, не присаживаясь. Иногда лакей, или камердинеръ, докладывая хозяину о прибытіи д-ва, получаетъ какой либо кредитный билетъ, вложенный въ конвертъ, или просто завернутый въ бумажку, принимаетъ пришедшихъ и слушаетъ ихъ пѣснопѣнія одинъ въ своемъ лицѣ; — если онъ французъ, или нѣмецъ, то держитъ себя важно, даже съ саркастическою улыбкою; если русскій, то иногда перемигивается съ причетниками, повертываетъ конвертикъ и вручаетъ его наконецъ предстоятелю; тутъ даже какъ то стыдно получать и крупные билеты, или монеты. Такія лакейскія и камердинерскія встрѣчи особенно часты въ домахъ тѣхъ петербургскихъ жителей, которые внимательны къ д-ву, или лучше къ которымъ оно очень почитительно. Въ нашей сѣверной столицѣ и даже чуть не во всѣхъ городахъ духовные въ святки и пасху являются съ крестомъ не къ однимъ своимъ приходжанамъ, а и къ другимъ городскимъ жителямъ съ цѣлю получить вознагражденіе за визитъ. Тутъ на первомъ планѣ стоитъ д-во кафедральныхъ соборовъ, кладбищенскихъ церквей, м-щая братія; въ Петербургѣ даже нѣкоторые священники казенныхъ церквей и учебныхъ заведеній не пренебрегаютъ хожденіями по не своимъ прихожанамъ. Покойный Прокофій Ивановичъ Пономаревъ пользовался въ этомъ отношеніи особеннымъ вниманіемъ. Не ручаюсь безусловно за извѣстіе, а передаю безъ всякаго прибавленія слышанное, что въ квартирѣ его въ означенные два праздника приличныя имъ пѣснопѣнія можно было слышать отъ разныхъ духовныхъ лицъ будто бы до 50 разъ; впрочемъ въ это число не входила ль посѣщенія разныхъ пѣвческихъ хоровъ, м-щихъ разныхъ монастырей и часовенъ? Р-ся, всѣхъ посѣтителей самому хозяину встрѣчать невозможно. Вотъ почему и у Пономарева, и у другихъ ему подобныхъ лицъ напередъ заготовлены запечатанные пакеты съ кредитными билетами и надписью, которая показываетъ, причту какой Церкви, или какому пѣвческому хору должно отдать пакетъ. Являются не приходскія духовныя лица, входятъ почти всегда безъ препятствія, поютъ пѣснопѣнія въ присутствіи только камердинера, или лакея, который иногда спрашиваетъ, какой они Церкви, отыскиваетъ не всегда скоро назначенный имъ пакетъ, нашедши вручаетъ его и . . . . . конецъ всей церемоніи. Для этого не всякій согласится итти даже къ Поно-

мареву. Наконецъ хоть и рѣдко, но бывали случаи, когда д-во, не входя въ квартиру, получало то, за чѣмъ бы оно пошло туда. Менѣе нежели за 15 лѣтъ тому назадъ, былъ какой то генералъ-прихожанинъ одного изъ соборовъ въ Петербургѣ; онъ за день, или за два до Пасхи и Рождества Христова присылалъ своего лакея въ церковь; лакей спрашивалъ протоіерея, или кого либо изъ священниковъ, вручалъ имъ отъ генерала пакетъ съ деньгами и прибавлялъ, что баринъ проситъ ихъ не беспокоиться, не приходите къ нему: это дѣлалось систематически. Тутъ, к-ся, лучше бы прійти и ничего не получить, нежели, не ходя, принимать даже порядочную сумму.

Что побуждало чудака генерала къ описанному поступку, не знаю, но не скрываю того, что иногда нѣкоторые духовныя лица въ элегантной пріемной могутъ оставлять матеріальные признаки своего присутствія. Я самъ слышалъ отъ умаго, благороднаго и деликатнаго молодаго священника жалобу на двухъ товарищей его. Одинъ изъ нихъ, которому не нравилось въ каждой квартирѣ въ пасху и святки скидывать калоши, обувался въ такъ называемые личные сапоги и р-ся, не могъ, да и не очень заботился совершенно очищать подошвы ихъ отъ всего, что можно принести въ комнаты съ петербургскихъ тротуаровъ и улицъ; поэтому и оставлялъ на паркетныхъ и другихъ полахъ настоящіе слѣды своего посѣщенія. Другой, у котораго отъ развивавшейся чахотки былъ кашель съ густою мокротою, тоже не любилъ собирать послѣднюю въ свой носовой платокъ, и оставлялъ ее близъ того угла, гдѣ стоялъ, совершая пѣснопѣнія. Не забуду того негодованія, съ которымъ молодой священникъ говорилъ о невѣжествѣ своихъ товарищей: *вѣдь стыдно, мочи нѣтъ съ ними ходить, а нельзя обойтись, я еще молодъ*, говаривалъ онъ. Иной прихожанинъ, м. б., велитъ только лакею поскорѣе истребить слѣды посѣщеній; а другой нетерпѣливый по этой, или по другимъ подобнымъ причинамъ, пожалуй, *поступитъ по-генеральски*.

Но подѣхавшій къ какому либо подѣзду цѣлый причтъ, пославши причетника для доклада, получаетъ часто чрезъ него отвѣтъ: *барина дома нѣтъ; баринъ почиваетъ; баринъ обѣдаетъ, или даже занятъ; просятъ пожаловать въ другое время*. Тогда ѣдутъ къ другому подѣзду, или дому. Иногда, какъ на бѣду, такіе отказы къ ряду повторяются въ трехъ, четырехъ, пяти домахъ. Не ловко сидѣть на улицѣ въ саняхъ, или каретѣ, еще хуже, когда, понадѣявшись на пріемъ, вышли уже на тротуаръ. По маршруту

итги слѣдуетъ въ слѣдующій домъ, садиться не изъ чего; — отъ однихъ воротъ къ другимъ, отъ одного подъѣзда къ другому переходятъ съ скуфьями и камилавками на головѣ, съ Владиміромъ и Анною на шеѣ, или въ петлицѣ; а тамъ опять отказъ и т. д. А вы г. ч. знаете, что въ Петербургѣ на всякой почти улицѣ найдется множество людей, которые отъ нечего дѣлать идутъ на что либо посмотрѣть, особенно надъ чѣмъ либо посмѣяться. Въ описываемомъ случаѣ собирается на тротуарѣ порядочная кучка такихъ господъ, и они безъ церемоніи, въ слухъ смѣются, даже острятъ. Такое положеніе д-ва тяжело и незавидно даже въ Подъяческой, а не только на Невскомъ Проспектѣ. Однажды я видѣлъ подобную передвижку, повторившуюся на Литейной улицѣ пять разъ. Послѣ пятой неудачи причтъ уѣхалъ куда-то въ другую улицу. Тутъ еще другая дурная сторона; хозяинъ квартиры, откуда полученъ который либо изъ приведенныхъ выше отвѣтовъ, м. б., очень бы радъ былъ, если бы и вовсе къ нему не пріѣзжали опять. Но пріѣзжавшимъ нельзя, или не хочется угадать это. Пріѣзжаютъ и въ другой разъ; — пріѣзжаютъ и въ третій. Если бы даже и вошли въ квартиру, и пропѣли, получили, то все-таки лучше бы, что бы это не повторилось.

Пока описывались тѣ случаи, когда д-во какой либо Церкви всею своею массою, *in corpore* является въ святки и въ пасху въ квартиры почетныхъ и почтеннѣйшихъ своихъ прихожанъ, по к. м., такихъ, которые, по наблюденіямъ причта, умѣютъ почетнымъ образомъ принимать и провожать его. Но составъ причтовъ въ нѣкоторыхъ церквахъ многочисленъ; есть не только по три, но по четыре, пяти священниковъ при одной церкви; присоедините сюда дьяконовъ, причетниковъ, тогда поймете, что въ нѣкоторыхъ церквахъ причтъ состоитъ изъ 10 и болѣе человекъ. И всѣ они ходятъ къ почетнымъ и почтеннѣйшимъ прихожанамъ. Но бывають тутъ и ошибки. Въ Петербургѣ квартиры такъ часто мѣняютъ своихъ жильцовъ, что можно иногда незнать, остаются ли почетнѣйшіе въ своихъ прежнихъ квартирахъ, не переѣхали ли въ другое мѣсто, или не явился ли въ иномъ домѣ новый почетнѣйшій человекъ. Ближайшія свѣдѣнія по этой части собирать поручается причетникамъ; а эти, или увлекаемые излишнимъ усердіемъ увеличить число почтеннѣйшихъ, или обманутые насмѣшникомъ-дворникомъ, и сами ошибаються, и вводятъ въ ошибку весь причтъ, который отъ этого является тамъ, гдѣ его не ожидаютъ, да гдѣ и самъ въ полномъ составѣ не желалъ бы быть. Однажды

причетникъ В-ой церкви доложилъ, что вотъ по этой лѣстницѣ живетъ прекрасный и богатый прихожанинъ. Повѣрили ему и пошли. Лѣстницы поднимались выше и выше и становались темнѣе, все уже, уже такъ что можно было итти другъ за другомъ по одиначкѣ, впрочемъ отступать уже не хотѣли. Наконецъ отворили двери и вошли въ бѣднѣйшую квартиру, въ настоящую мансарду; — въ узкую, небольшую комнатку съ однимъ окномъ, и съ двумя жильцами, — чиновникомъ и старухою — его матерью. Комната была такъ мала, что посѣтителѣ не могли всѣ въ нее войти; часть ихъ осталась на лѣстницѣ и на порогѣ растворенной двери. Сынъ сидѣлъ у окна и писалъ въ одной сорочкѣ, а старуха мать лежала на печкѣ. Посѣтителѣ заняли комнату такъ, что сыну нельзя было достать какое-то пальто, висѣвшее за ними, а старухѣ нельзя было слѣзть съ печки и подойти поближе къ иконѣ. М. т. пропѣли; жильцы гдѣ-то достали гривенникъ, старуха съ печи благодарила батюшекъ, но послѣдніе дали сильный нагоняй причетнику. Сами они, конечно, могли не обижаться этимъ; но событіе сдѣлалось извѣстнымъ жильцамъ всего дома. Причтъ, вышедши на дворъ, увидѣлъ, что изъ разныхъ оконъ, съ разныхъ крылецъ и подъѣздовъ устремлено на него по нѣскольку насмѣшливыхъ глазъ. А потомъ со двора извѣстіе перешло въ мелочные лавочки; и тамъ не одинъ день потѣшались разговоромъ объ этомъ событіи.

Съ почетнѣйшими дѣло оканчивается б. ч. въ первые два дня праздниковъ. Затѣмъ не слѣдуетъ забывать почетныхъ и тѣхъ, которыхъ нельзя назвать уже почетными и даже *почтенными*. Тутъ многоштатные причты раздѣляются на столько отдѣловъ, сколько въ нихъ есть священниковъ, или протоіереевъ. Каждый отдѣлъ состоитъ изъ двухъ и не болѣе какъ изъ трехъ человекъ и получаетъ, т. е. ть, на свой пай извѣстную улицу, кварталъ и проч. Въ этомъ случаѣ уже не ѣздить, а переходятъ изъ дома въ домъ. Притомъ каждый домъ стараются, какъ иногда выражаются, *покончить*, или *очистить* заразъ, т. е. побывать во всѣхъ квартирахъ, кромѣ самыхъ бѣдныхъ, помѣщающихся въ подвалахъ, или на чердакахъ; р-ся, не входятъ также туда, гдѣ хозяинъ и хозяйка иновѣрцы. Но жители Петербурга мало довѣряютъ другъ другу и любятъ держать себя за запорами. Поэтому и въ описываемыхъ нами случаяхъ причетнику надобно сначала подойти къ квартирѣ, позванитъ и спроситъ то же: *можно ли* и проч. Т. о. прочія лица отдѣла конечно не стоятъ на улицѣ, или подъ воротами, но все-таки

дожидаются рѣшенія хозяевъ на лѣстницахъ, въ коридорахъ, или на дворѣ, конечно не видятъ ихъ мимоходящiе, или, мимо ѣздящiе по улицамъ, но все-таки нѣтъ недостатка въ свидѣтеляхъ; тамъ выглядываетъ изъ двери кухарка-чухонка, или выбѣгаетъ въ коридоръ казачокъ; тутъ босоногіе ученики мастеровыхъ въ своихъ полосатыхъ халотахъ стоятъ кучками на лѣстницахъ, или въ коридорахъ. А если ожиданіе происходитъ на дворѣ, то смотрятъ отвсюда сквозь огромныя стекла, изъ отворенныхъ форточекъ, а въ теплое время изъ оконъ; это хожденіе въ самыхъ многлюдныхъ приходахъ оканчивается въ третій и четвертый день праздника. Остаются уже не почотные и не почтенныя прихожане, а хлѣбные курени, мелочныя лавочки, дворники, жители темныхъ чердаковъ и сырыхъ подвальныхъ этажей; не забываютъ и ихъ. За отказомъ нѣкоторыхъ священниковъ ходить по непочотнымъ и не почтеннымъ принявшіе на себя этотъ трудъ берутъ уже себѣ всю собранную ими мзду, а не отдаютъ въ общую кружку. И въ самомъ дѣлѣ они имѣютъ право не давать ея своимъ братьямъ. Вѣдь не легко подниматься на пятые и шестые этажи, ходить по такимъ лѣстницамъ и закоулкамъ, гдѣ можно пробираться только ощупью, дышать такимъ воздухомъ, котораго еще не разлагали химически, войти въ мелочную лавочку съ магистерскимъ, или наперстнымъ крестомъ, пѣть тамъ среди собранія кухарокъ, лакеевъ, дворниковъ и получить за то гривенникъ. Тутъ уже лучше бы ничего не брать; тогда, по к. м., можно бы прикрыть себя безкорыстнымъ исполненіемъ пастырскихъ обязанностей.

Спросить, м. б.; «неужели петербургское д-во совершаетъ всѣ праздничныя хожденія (не лучше ли похожденія?) равнодушно даже, благодушно, — то д-во, которое такъ хорошо обезпечено, такъ великолѣпно одѣто и живетъ такъ комфортабельно, такъ любитъ защищать свои права и отстаивать свою независимость? Да, я имѣлъ не съ однимъ священникомъ интимные разговоры объ этомъ предметѣ, не надъ однимъ изъ нихъ дѣлалъ свои наблюденія, и замѣтилъ, что сначала чуть ли не каждый чувствуетъ себя какъ-то не ловко при праздничныхъ хожденіяхъ; нѣкоторые никогда не могутъ къ нимъ привыкнуть, или стараются какъ нибудь отъ нихъ отдѣлаться. Для примѣра здѣсь указываю на трехъ живыхъ теперь (1864 г.) протоіереевъ безъ означенія ихъ фамиліи. Первый изъ нихъ поступилъ сначала въ Церковь при одномъ министерствѣ съ весьма ограниченнымъ жалованьемъ. Главный начальникъ и прочіе чины и чинов-

ники министерства полюбили своего молодого священника, и принимали его въ святки и пасху съ крестомъ съ полною предупредительностію и деликатнымъ образомъ увеличивали его слабые ресурсы своими приношеніями. Нужда матеріальная заставила священника искать себѣ другаго мѣста, гдѣ уже въ праздники надобно было разѣзжать всѣмъ *міромъ соборомъ* по цѣлому городу. Министерство не захотѣло разстаться съ своимъ священникомъ, онъ продолжалъ служить въ его церкви. Въ пасху и святки его принимали чиновники и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ могъ бы ѣздить съ своимъ причтомъ, кромѣ немногихъ опущеній; т. о. ему бы достались двѣ, т. с-ть, доли; притомъ въ первомъ случаѣ онъ получалъ болѣе доходу, нежели сколько могло достаться изъ общей кружки новой церкви. Но онъ упросилъ своихъ сослуживцевъ дозволить ему не ѣздить съ ними по домамъ, и за это вносилъ въ общую кружку тѣ деньги, которыя получалъ въ министерствѣ, не смотря на явный для себя убытокъ. Причтъ, р-ся, соглашался. — Два другихъ протоіерая служатъ законоучителями и уже состарѣваются. У нихъ чуть не каждый день бываетъ по нѣскольکو классовъ. На вопросъ: почему это вы продолжаете свои трудныя и хлопотливыя по вашимъ лѣтамъ законоучительскія занятія? Они отвѣчаютъ друзьямъ: дѣйствительно намъ теперь трудно, дѣйствительно въ приходѣ мы получимъ вдвое болѣе доходу, нежели здѣсь; но за то мы за своимъ жалованьемъ должны сходить только къ казначею разъ въ мѣсяцъ, а не бродить изъ двора во дворъ, особенно въ пасху и святки. Нѣтъ, намъ къ этому не привыкнуть!» Оставайтесь, Бога ради, благородные люди, на прежнихъ своихъ мѣстахъ до тѣхъ поръ, пока вамъ силы и законъ позволяетъ! Но прочіе . . . прочіе . . . Эхъ къ чему нужда, привычка, примѣръ старшихъ не причаеетъ насъ?

Сказанное о столичныхъ хожденіяхъ д-ва по приходу почти все съ нѣкоторыми измѣненіями прилагается и къ прочимъ городамъ. Въ первые два дня тоже ѣздятъ, гдѣ есть извозчики, но уже не въ каретахъ или возкахъ, а на дрожкахъ и санкахъ, тутъ можно видѣть, какъ на иномъ ванкѣ священники и дьяконы сидятъ по два въ большемъ, т. с-ть, мѣстѣ, одинъ причетникъ помѣститься на облучкѣ съ извозникомъ, а другой ухитрится стать сзади на концахъ полозьевъ. Все это ѣздить, останавливается у домовъ, посылаетъ причетника, а къ почетнѣйшимъ даже дьякона спросить? *можно ли?* . . . . получаетъ тоже и отвѣты: *дома нѣтъ*, — *послѣ*, — *не принимаютъ*; вошедши въ домъ,

поеть и проч. и проч.; только здѣсь пакеты не въ употребленіи и камердинеры съ лакеями рѣдко разыгрываютъ роль хозяевъ. Въ прочіе дни, а тамъ, гдѣ нѣтъ извожиковъ, и во все время только ходятъ изъ двора во дворъ. Еще въ губернскихъ городахъ есть обыкновеніе, по которому причты безприходныхъ церквей, и соборные дьяконы ходятъ не столько по квартирамъ жителей, сколько по лавкамъ, лавочкамъ, трактирамъ, рестораціямъ, харчевнямъ, кабакамъ и проч. Поэтому, желая что нибудь купить, вы въ это время сразу можете присутствовать при священной церемоніи, или услышать пѣніе въ лавкѣ, мимо которой проходите. Причты поютъ скромно. Но о. о. соборные дьяконы съ ихъ могучими легкими на далекое расстояние даютъ знать о своемъ присутствіи. Это, хожденіе, к-ся, самое униженное для д-ва и оскорбительное для святыхъ. Плата самая ничтожная, даже иногда копѣчная. А главное не странно ли слышать пѣніе священныхъ гимновъ или среди базарнаго шума, или тамъ, гдѣ играетъ органъ, распиваются чай съ *прибавленникомъ*, звѣнять рюмки, чашки, слышны неприличные шутки; и все это въ одно и тоже время? О городахъ довольно.

Часть вторая.

О хожденіяхъ д-ва по приходу въ селахъ.

Въ селахъ при пасхальныхъ и святковскихъ хожденіяхъ встрѣчается много особенностей, которыя въ городахъ едва ли вполнѣ извѣстны; для многихъ послѣдующее описаніе покажется даже не вѣроятнымъ; но увѣрю васъ, г. ч., что скажу только вполнѣ мнѣ извѣстное. Начнемъ съ Пасхи.

Выше уже описано, какъ въ это время торжественно, умирительно и благоговѣнно встрѣчаются *Божія Матерь* или *образъ*, и цѣлою деревнею, и въ каждомъ домѣ. Прекрасно! Положимъ даже, что и молебенъ отслуженъ благоговѣнно. Какъ бы хорошо было, если бы по окончаніи его священникъ, благословивъ семейство, поздравивъ съ праздникомъ, пожелавъ провести его по-христіански, тотчасъ уходилъ въ сосѣдній домъ. А хозяинъ свое приношеніе далъ бы деликатно, не замѣтно для другихъ, или положилъ бы въ носимую кружку или бы причтъ получалъ вознагражденіе за свои труды, отъ всей деревни въ началѣ, или послѣ молеб-

новъ. Тогда бы хожденіе не теряло своего религіознаго характера, оставляло пріятное впечатлѣніе. Но вотъ дѣйствительность. Молебень конченъ, благословіе роздано, хозяинъ выступаетъ съ мошною; священникъ иногда не только въ епитрахили, но даже въ ризахъ протягиваетъ руку, на которую рѣдко кладется та именно монета которую жаелаетъ получить причтъ. Отъ этого одинъ начинаетъ настаивать о прибавкѣ, другой отстаиваетъ свой карманъ, или прибавляетъ по пятакамъ и даже грошамъ. Къ первому являюся на помощь дьяконъ и причетники, но и второй часто находитъ адвокатовъ въ толпѣ, или въ своемъ семействѣ. Особенно въ этомъ отношеніи замѣчательнъ первый молебень въ деревнѣ. Многіе крестьяне чуть не каждый разъ думаютъ о томъ, нельзя ли уменьшить плату за молебень, а причтъ заботится если не возвысить ее, то поддержать въ прежней цыфрѣ. Столкновение начинается въ первомъ дворѣ, куда даже сходятся хозяева и прочихъ домовъ, что бы видѣть, на чьей сторонѣ останется побѣда. Если причтъ одержитъ ее, то ему уже легче дѣйствовать въ сосѣднихъ домахъ; а если первый домохозяинъ не проигралъ битвы, то она съ большими усиліями возобновляется въ слѣдующихъ домахъ, пока или не умиротворится какъ нибудь дѣло, или утомленный причтъ увидитъ бесполезность своихъ усилій. Вотъ почему первый домохозяинъ получаетъ иногда наставленія отъ цѣлой деревни, да и вовремя битвы поддержку то словомъ, то миганьемъ и киваньемъ. Надобно слишкомъ привыкнуть къ такимъ сценамъ, чтобы отъ нихъ не разстроилось набожное настроеніе, не изгладилось религіозное впечатлѣніе.

Отъ святковскихъ сельскихъ хожденій еще менѣе, можетъ оставаться религіозныхъ впечатлѣній, нежели отъ пасхальныхъ. Въ Пасху много значить, т. е-тъ, обстановка, Цѣлый прѣтъ, священникъ съ крестомъ, въ епитрахили и ризѣ, нѣсколько иконъ, зажженные предъ ними свѣчи, довольно продолжительное молебное пѣніе, множество народа, — все это и многое другое располагаетъ религіозному настроенію. Но въ святки часто ничего этого не бываетъ, тутъ въ многихъ селахъ, какъ в. с-но (З ч. 14. Отд.), причтъ раздѣляется, священникъ ходитъ одинъ съ своими дѣтьми, дьяконъ тоже, причетники или по одиначкѣ, или вдвоемъ съ прибавкою тоже дѣтей. Но если даже ходятъ и цѣлымъ причтомъ, то нѣтъ ни иконы, ни креста, ни епитрахили, ни ризы, ни рясы на священникѣ, не всегда зажигаютъ даже одну свѣчу. Взшедши въ домъ, быстро поютъ два стиха;

и если нѣтъ задержки отъ хозяина въ благостынь, то все оканчивается въ 2—3 минуты. Но зато сколько бываетъ сценъ, которыя можно назвать гогартовскими. Хочу описать ихъ изъ желанія не унижить д-ва, а быть ему полезнымъ. М. б. имѣющіе власть увидятъ, что нужно же когда нибудь освободить его отъ того унижительнаго положенія, въ которомъ оно теперь находится.

Въ такъ называемыхъ неоднотатныхъ селахъ прежде было вездѣ, но и теперь еще по мѣстамъ сохраняется обыкновеніе что бы каждый штатъ *славиль Христа* не только въ своей, но и въ другой половинѣ или трети прихода, и потому нужно въ теченіи семи дней (славленіе должно оканчиваться 31го Декабря) обойти не 200—300, а 600, даже 1000 дворовъ, разбросанныхъ иногда въ 30—40 деревняхъ; тутъ на каждый день придется по 100—150 дворовъ. Кромѣ того дни въ святки бываютъ слишкомъ непродолжительны. Отъ этого *славельщики* не только ходятъ вечеромъ часу до 8—10; но и пріѣзжаютъ въ деревню задолго до разсвѣта. Я знаю одно село, гдѣ нарочно 25 декабря служили утреню, какъ можно ранѣе, чтобы послѣ нее *ославить* деревню въ 50 дворовъ. Но въ деревняхъ до разсвѣта и вечеромъ послѣ сумерекъ любятъ держать ворота на запорѣ; часто это дѣлаютъ и днемъ, а иногда, что грѣхъ таить, узнавши о пріѣздѣ славельщиковъ, и нарочно припираютъ ворота. Т. о. духовныя лица, подошедши къ дому, должны еще первоначально постучать въ окно; оно не всегда вдругъ открывается, или отворится, изъ него высунется голова, услышать слова: *поти, или дячки примили*, вновь скроется; а славельщики стой на улицѣ, по которой иногда проѣзжаютъ обозы. Невыгоды увеличиваются отъ того, что славельщики, очень быстро ходя изъ двора во дворъ, иногда оставляютъ свои шапки гдѣ либо въ домѣ, и потому предъ воротами на вѣгру приходится стоять съ непокрытыми головами. А отпираютъ ворота не всегда скоро. Что бы избѣжать такого затрудненія, иногда посылаются напередъ вѣстникъ, который стучитъ по окнамъ и докладываетъ, что пріѣхали попы или дячки. Тутъ не обходится безъ промаховъ; у мужика бываетъ двѣ избы, изъ которыхъ одна безъ жильцовъ. Вѣстникъ частенько принимается стучать именно въ этой избѣ и не вдругъ узнаетъ о своей ошибкѣ, особенно утромъ, когда еще хозяева не успѣли встать и зажечь огонь. Предпринимаются иногда и спеціальныя мѣры, изъ которыхъ одна напоминаетъ Митю, котораго графъ Толстой ввелъ въ свой романъ: *князь серебрянный*. Я зналъ причет-

ника, который могъ бы замѣнить собою по своей медвѣжьей силѣ Митю Гр. Толстаго. Срубивши въ лѣсу дерево, онъ, что бы не изнурять по напрасну своей лошади, бревно вытаскивалъ самъ одинъ на дорогу. Этотъ то богатырь нахотился въ приходѣ, гдѣ въ святки весь причтъ ходилъ по дворамъ. Что бы отучить крестьянъ не медлить отпираниемъ воротъ, дядя Митяй упирался могучимъ своимъ плечомъ въ нихъ, и ворота растворялись, только запоры переламывались. Но нерѣдки случаи особенно для дьячковъ, когда на стукъ ихъ выглянетъ кто либо въ окно, потомъ закроетъ его, потомъ послѣ не всегда короткой паузы вновь выглянетъ и скажетъ: *дарить не чьмъ*, и славельщики ступай къ другому двору. Если деревня не принадлежитъ къ ихъ штату, то такіе отказы повторяются дворахъ въ пяти къ ряду. Это уже карриатура на городскія: *дома нтъ, пожалуйте послъ и проч.*

Но вотъ и ворота не заперты; можно войти на дворъ, не дожидаясь разрѣшенія на улицѣ въ виду проѣзжающихъ, при улыбкахъ, а иногда и очень ясныхъ насмѣшкахъ ихъ. И тутъ впрочемъ не обходится безъ препятствій. Крестьяне любятъ оберегать свои дворы не одними запорами, но и дворняшками; эти въ свою очередь за оказываемое имъ довѣріе стараются отличиться своимъ усердіемъ. И потому едва славельщики войдутъ на дворъ, какъ иногда встрѣчаются дружнымъ натискомъ и лаемъ двухъ — трехъ дворняшекъ. Надобно имѣть толстую палку и крѣпкую руку, даже ловкость и смѣлость, что бы уберечь свои платья и ноги отъ зубовъ этихъ привилегированныхъ охранителей общественной безопасности; иногда сами хозяева выбѣгаютъ на помощь посѣтителѣмъ; а иногда какъ будто не слышатъ ничего; а м. т. какой либо плутишка — мальчишка осторожно съ плутовскою улыбкою выглядываетъ изъ волоковаго окна и лобкуется происходящею на дворѣ битвою между двуногими и четвероногими существами. Но и посѣтителѣ, особенно причетники и семинаристы принимаютъ тоже рѣшительныя мѣры. Злыя не отвязчивыя дворняшки имъ уже извѣстны; поэтому предъ входомъ въ домъ, гдѣ онѣ находятся, посѣтителѣ запасаются не палками, а хорошими кольями. Дворняшки опроретью бросаются; одни изъ посѣтителѣ выдерживаютъ первоначальную атаку, а другіе, сдѣлавши диверсію, стараются отрѣзать отступленіе для атоковавшихъ. Тогда начинается атака на дворняшекъ въ свою очередь со всѣхъ сторонъ; бѣдняжки поздно замѣчаютъ военную хитрость, жертвою которой онѣ сдѣлались, рассыпаются, ищутъ спасенія въ бѣг-

ствѣ; но вездѣ встрѣчаютъ непріятеля и спереди и сзади; находятъ спасеніе, или перепрыгнувши чрезъ заборъ и заднія ворота, или укрывшись въ какую либо ласейку подъ амбаромъ и сѣнями. Духовныя лица прежде б. ч. ходили въ подрясникахъ изъ домашняго сукна синяго цвѣта. Дворяшки, ознакомившіяся съ описанною битвою, послѣ уже едва бывало завидять, по выраженію ихъ враговъ, *синій кусокъ*, какъ бросались за заднія ворота. И послѣ такихъ битвъ входятъ къ мужику въ избу и, запыхавшись, начинаютъ *славить Христа!!!*

Сцены въ избахъ разнообразятся отъ того, въ какое время сутокъ славельщики приходятъ въ нихъ. Если это случится рано утромъ, до разсвѣта, то ихъ встрѣчаетъ только одинъ хозяинъ, или хозяйка; поютъ, а тутъ въ одномъ углу раздастся сопѣнье; въ другомъ настоящее русское храпѣнье; тамъ мальчишка, проснувшійся отъ громкаго пѣнія, закричалъ: *мама, мама*; а здѣсь ребенокъ въ люлькѣ еще сильнѣе поетъ свои пѣсни; и все это сливается въ одинъ общій хоръ. Впрочемъ самое худшее время для славельщиковъ первая половина дня съ того момента, какъ хозяйки начнутъ топить печи. Въ деревняхъ и было и есть множество такъ называемыхъ курныхъ избъ, въ которыхъ во время топки печи дверь бываетъ растворена совершенно, а дымъ наполняетъ болѣе, нежели половину комнаты, да и въ не наполненную нижнюю часть постоянно врывается то отъ вѣтра, то отъ приходящихъ людей. Кромѣ того въ тоже время крестьяне кормятъ часть домашней скотины въ избѣ, гдѣ сами живутъ; тутъ можно встрѣтить молодыхъ телятъ, ягнятъ, самку того животнаго, которое считается нечистымъ у Магометанъ и Евреевъ, притомъ съ многочисленнымъ молодымъ поколѣніемъ; а пользуясь растворенною дверью вбѣгаютъ туда и не прошенныя животныя, особенно овцы и дворяшки.

Послѣ этого описанія понятно, что должно происходить, когда славельщики войдутъ въ такую избу. Дымъ оставляетъ свободнымъ пространство надъ поломъ даже менѣе двухъ аршинъ; славельщикамъ нужно сильно наклониться, чтобы не попасть головою въ его владѣнія. Начинаютъ пѣть, но взволнованный ихъ прибытѣмъ и даже пѣніемъ дымъ спускается ниже своего нижняго уровня, врывается въ легкія пѣвчихъ, начинаются кошель, перерывы. Къ этому присоединяется хрюканье однихъ, блеяніе и мычаніе другихъ, гагаканье третьихъ домашнихъ животныхъ; тамъ гдѣ нибудь подъ лавкою, или въ подпечѣ дворяшка, замѣтивши

присутствіе стороннихъ людей, присоединяется къ общему хору; а выгоняють, она увертывается, получаетъ толчки, выражаетъ свое негодование визгомъ и проч. Сцена дѣйствительно была бы забавная, если бы она не соединялась съ религиознымъ обрядомъ. Къ счастью пѣснопѣнія скоро оканчиваются, и все мало по малу приходитъ въ порядокъ, по к. м. бываетъ меньше беспорядковъ. Р-ся, не во всякомъ домѣ повторяются описанныя сейчасъ сцены; у многихъ мужиковъ нынѣ избы *бѣлыя*, у другихъ впрочемъ уже очень немногихъ есть особыя скотныя избы; тамъ и въ курной избѣ иногда не бываетъ дворяшки; здѣсь есть телята, но нѣтъ ягнятъ, зато стоитъ корова, недавно подарившая хозяевъ теленкомъ и потому кушающая приготовленное для нее *мисиво* въ лохани и проч., видоизмѣненій много, но очень часто повторяется вся сцена вполнѣ.

Мало по малу дрова въ печи сгораютъ, дымъ выходитъ изъ избы, дверь затворили, остается не закрытымъ волоковое окно надъ печью для выхода остальнаго дыма, наконецъ и его закрыли. Но тутъ является другая бѣда. Деревенскіе жители дорожатъ тепломъ, и потому очень рано принимаютъ мѣры, что бы не выпускать его изъ избы. Отъ этого вмѣсто дыма половина избы занимается *чадомъ*, который своимъ темнозеленоватымъ цвѣтомъ замѣтенъ бываетъ и для глазъ. Крестьяне къ нему привыкли, хотя и они отъ него разстраиваютъ и рано теряютъ зрѣніе, страдаютъ головными болями, а иногда и на тотъ свѣтъ отправляются, развѣ только ихъ ототрутъ снѣгомъ на морозѣ. Но духовныя лица живутъ почище; имъ хожденіе въ святки не дешево обходится; рѣдкій день они не утораютъ и если бы не выходили постоянно на свѣжій воздухъ, то къ половинѣ дня они не способны были бы даже двигаться. *И еще имъ завидуютъ!*

Хожденіе послѣ полдень не соединено конечно съ описанными сейчасъ неудобствами. Но и тутъ не обходится безъ сценъ. Русскій человекъ любитъ заснуть послѣ обѣда, поэтому славельщики, вошедши въ избу, застаютъ не спящими часто однихъ дѣтей; пропѣли, — тутъ начинаютъ расталкивать хозяина; онъ ворчитъ, потягивается, какъ будто не слышитъ, потомъ вскочитъ, хватаетъ свой полушубокъ, съ раскраснѣвшимъ лицомъ съ заспанными глазами, съ всклокоченными волосами подходитъ къ благословенію священника, или говоритъ дьячкамъ: *а, пришли, стойте*; отыскиваетъ мошну, иногда идетъ за нею въ свѣтлицу, пожалуй не найдетъ, воротится къ старухѣ, пошепчетъ съ нею, а славельщики сиди, да жди благостыни. Кромѣ того крестьяне

занимаются въ избахъ не однимъ рукодѣльемъ, тутъ не только прядуть пряжу, но ткуть кульки, рогожи, работаютъ топоромъ, пилою, выдѣлываютъ и сушатъ овчины; изба завалена обрубками, щепками, стружками, опилками. Къ тому же она и безъ того не высока; тамъ головою зацѣпишься за верхній косякъ двери, тутъ ударишься о палаты, тамъ поцѣлуешься съ жердью, протянутою изъ одной стѣны въ другую. А въ сѣняхъ полъ улитъ водою, сдѣлался скользокъ, приступки на лѣстницѣ въ добавокъ еще покаты. Вотъ почему рѣдкій изъ славельщиковъ при самой внимательной осторожности не сдѣлаетъ себѣ замѣтки на лбу, не поскользнется и не упадетъ, иногда даже поохаетъ, немножко похромаетъ, потретъ дома руку нашатырнымъ спиртомъ. Особенно подобными приключеніями обильно хожденіе въ ночное время. Не ужели и въ этомъ отношеніи нужно завидовать д-ву? М. б. выходить порядочную сумму; но зато какъ она достается?

Часть третья.

Объ угощеніяхъ д-ва во время исполненія церковныхъ требъ.

Доселѣ предполагалось, что духовныя лица во время своихъ хожденій по приходу бываютъ, какъ говорится, *въ своемъ видѣ*, трезвыми. Къ несчастію опытъ часто противорѣчитъ этому. Приступая къ столь щекотливому предмету, нахожу нужнымъ попросить у трезвыхъ духовныхъ лицъ извиненія въ томъ, что скажу правду объ ихъ нетрезвыхъ товарищахъ.

Русскіе люди любятъ угостить и себя и другихъ при всякомъ удобномъ случаѣ, при радости и горѣ, а чаще, п. ч. нѣтъ ни радости, ни горя, а просто скучно сидѣть. Исполненіе религіозныхъ обрядовъ не избѣгло вліянія этой любви или лучше страсти. Окрестилиль, повѣнчалиль кого, умеръ ли кто, нужно ли его помянуть, — надобно непременно угостить и себя и причтъ духовный. Какъ же не исполнить этого обычая въ праздники, особенно въ Пасху, когда всё почти предаются полному разгулу. Смѣшнѣе и страннѣе всего замѣчать это въ людяхъ образованныхъ, по к. м. ставящихъ себя выше толпы. Они сильно вооружаются про-

тивъ того, что духовныя лица при исполненіи религиозныхъ обрядовъ слишкомъ злоупотребляютъ угощеніемъ прихожанъ, а м. т. приходи къ нимъ священникъ въ праздникъ, стараются угостить его; обидятся если онъ не остановился; и похвалятся тѣмъ, если позасидится у нихъ. Чудно ты русское общество!

Даже въ elegantномъ Петербургѣ, преимущественно впрочемъ въ купеческихъ домахъ во время святокъ и Пасхи едва приходскій причтъ пропоетъ обычныя пѣснопѣнія, присядетъ по просьбѣ хозяина, какъ является конечно не вездѣ, но и не очень рѣдко подносъ съ бокалами шампанскаго; съ *праздникомъ - де надобно поздравить*. Но это дѣлается б. ч. только для священниковъ и дьяконовъ, причетники же въ передней или постоятъ, или угостятся мадерою, хересомъ и даже водкою. Въ губернскихъ и другихъ городахъ шампанское почти неизвѣстно, даже донское - рѣдкость; но зато готовы бутылки иностранныхъ винъ русскаго издѣлія и свое отечественное, — очищенное и не очищенное; даже иногда и столики съ разными закусками къ услугамъ пришедшихъ. Въ деревняхъ всё подражанія иностранцамъ брошены; кромѣ своего роднаго *зеленаго* ничѣмъ не подчуютъ; развѣ только для непьющаго священника какой либо богатый мужикъ возьметъ красенькаго, или бѣленькаго винца.

Не трудно предвидѣть послѣдствія этихъ угощеній. Конечно Петербургъ очень elegantенъ и давно забылъ русскую поговорку: *пьянъ, да умнъ, два умнѣя въ немъ*; д-во здѣсь держитъ себя тоже elegantно; оно не любитъ себя унижать. М. б. иногда въ святки и въ Пасху предъ обѣдомъ, или вечеромъ можно замѣтить и въ священникахъ больше веселости и живости въ разговорѣ, нежели сколько ея бываетъ въ нормальномъ состояніи; причетники же изрѣдка бываютъ даже *на весель*. Но неприятныхъ сценъ тутъ почти не встрѣтишь. Другое дѣло губернскіе и прочіе города. И здѣсь едва ли не большинство священниковъ умѣетъ поддерживать свою честь, дорожать ею, по к. м., *не роняетъ себя*. Но тутъ при хожденіяхъ въ Пасху, въ святки, и въ храмовые праздники по вечерамъ, а иногда поранѣе однихъ нужно немного поддержать, у другихъ отъ чего-то *языкъ прилипаетъ къ гортани*, третьихъ даже отводить и отвозить домой, и самое пѣніе общимъ хоромъ похоже бываетъ на крыловскій квартетъ. Петербургская elegantность здѣсь многими забывается; боятся уже обидѣть хозяина отказомъ, выпиваютъ и . . . упиваются.

Въ селахъ еще хуже бываетъ, хотя и тамъ нынѣ есть

очень много трезвыхъ священниковъ. Но большинство членовъ церковныхъ причтовъ уже никакъ не могутъ принадлежать къ обществу трезвости. Ихъ часто даже и оправдываютъ въ томъ. Въ самомъ дѣлѣ у нашего простаго народа есть какое-то дикое удовольствіе напоить гостя, особенно почотнаго до самаго нельзя. Крестьянинъ готовъ изъ за копѣйки, просимой за потребу, проспорить съ священникомъ полчаса; но часто съ удовольствіемъ употребить на угощеніе причта полтину и рубль. Встрѣчая сопротивленіе этой прихоти онъ иногда даже говоритъ: *«батюшка, выпей, такъ тебѣ четвертакъ; а не выпьешь, такъ пятакъ.»* Впрочемъ въ святки и въ храмовые праздники крестьяне еще скупы на угощеніе духовныхъ лицъ. Последніе въ иной день развѣ успѣютъ гдѣ либо пообѣдать и выпить чаю, и развѣ какой либо почетный домохозяинъ попроситъ ихъ зайти къ нему послѣ того, какъ обойдутъ всю деревню, тутъ иногда и *навеселъ* бывають. Въ святки же очень недавно по мѣстамъ нужно было славельщикамъ, особенно маленькимъ дѣтямъ, запасаться изъ двора калачами. Но въ Пасху у рѣдкаго крестьянина, кромѣ бѣдныхъ, нѣтъ про запасъ водки; рѣдкій не захочетъ попросить батюшку присѣсть и выпить. Чтобы не быть пьянымъ, священнику надобно воевое не пить; а то выпей въ одномъ дворѣ, другіе обидятся отказомъ. Къ несчастію не все умѣютъ отказаться. И потому . . . начнемъ свое описаніе съ причетниковъ.

Не смотря на строгость многихъ священниковъ, на угрозу сдѣлать вычетъ изъ дохода, или пожаловаться благочинному, большинство причетниковъ умѣетъ уважить хозяина. Мѣною, киваньемъ головы, почесываньемъ затылка и пр. они даютъ знать ему, что желательно было бы выпить, но тайкомъ отъ священника; и добрый хозяинъ, гдѣ либо за угломъ, или дверью удовлетворитъ ихъ желанію. Къ полудню, особенно къ вечеру и языкъ прилипаетъ къ гортани, и ноги отказываются служить; и мы гдѣ либо на сѣнникѣ спимъ сономъ праведниковъ. Догадливые причетники договариваются между собою, чтобы одинъ былъ исправенъ до, а другой послѣ обѣда. Дьяконы не уступаютъ причетникамъ, даже едва ли не превосходятъ ихъ. Последніе еще побаиваются священниковъ, ну, а отецъ дьяконъ почти ему равенъ. Но отсутствіе, или не нормальное состояніе всѣхъ этихъ лицъ еще не останавитъ хожденія по домамъ и служенія молебновъ; и такъ пусть они спятъ гдѣ нибудь. Безъ священника же нельзя служить молебенъ; а м. т. у нѣкоторыхъ даже болѣе, нежели у нѣкоторыхъ изъ сельскихъ священниковъ и языкъ

и ноги тоже отказываются служить во время Пасхи. Поэтому то ихъ поддерживаютъ и ведутъ подъ руки, почти поднимаютъ по лѣстницамъ; возгласы ихъ бываютъ не внятные, чтение евангелія не разборчиво; даже иногда дьяконъ, если онъ трезвъ, прочитаетъ его. Ахъ! чего тутъ не бываетъ, особенно къ концу большой деревни и къ концу дня? Опасаясь, что моимъ словамъ не повѣрятъ, я беру отрывокъ изъ книги автора: *о. с. д.*; онъ священникъ и въ настоящемъ случаѣ не можетъ быть заподозрѣнъ въ преувеличеніи. «Боже мой, Боже мой! говоритъ онъ (стр. 96), еслибы миллионная часть праздничныхъ подѣтелей была выведена на свѣтъ Божій, то какимъ вѣчно — неизгладимымъ пятномъ покрылась бы наша Церковь!!! Священникъ служитъ молебень; сзади его дьяконъ играетъ на гармоникѣ, причетники пляшутъ, и все семейство крестьянина хохочетъ; священникъ святитъ воду, — тутъ же за дверью дьяконъ въ стихарѣ тормозитъ бабу, а та съ бранью и крикомъ отбивается отъ него; священникъ вошелъ въ домъ и спрашиваетъ: кудажь дѣвались дьяконъ и причетники; и вотъ послѣ долгаго ожиданія ведутъ къ нему дьякона, вытасеннаго гдѣ нибудь изъ канавы, всего въ грязи и съ связанными ораремъ руками, п. ч. онъ порывался еще драться; а о причетникахъ говорятъ, что и привести ихъ нельзя, или что они связанные привязаны гдѣ нибудь къ столбу; эти и подобныя имъ явленія еще не самыя рѣдкія и поразительныя. Бываетъ и хуже; о до чего скверно бываетъ!» Впрочемъ, к-ся, довольно и описанныхъ скверностей.

При переѣздахъ изъ деревни въ деревню не обходится безъ событій. Иконы почти всегда доставляются въ цѣлости такъ называемыми богоносцами и сопровождающими крестьянами. Но случались слѣдствія о томъ, какъ они бывали потеряны, или при переѣздѣ чрезъ рѣку употребляемы вмѣсто весель. Находятъ иногда на полѣ требики, епитрахиль, даже и крестъ. А иногда какой либо утомленный и нагруженный причетникъ и даже о. дьяконъ проспится ночь гдѣ либо на полѣ, искупается въ водѣ и проч. Эхъ, пора, давно пора не сердиться на тѣхъ, кто дѣлаетъ извѣстными чрезъ печать такіе поступки, а принять мѣры къ тому, чтобы они не повторялись, и притомъ предупредить ихъ не указами, не строжайшими предписаніями, взысканіями, а облагороженіемъ нравственнаго характера, развитіемъ умственныхъ способностей и улучшеніемъ матеріальнаго и гражданскаго быта д-ва. А еще порабы прекратить эти хожденія. «Если когда либо, говоритъ тотъ же авторъ (стр. 91), рѣшатся присту-

пить на самомъ дѣлѣ къ преобразованію д-ва, то въ числѣ самыхъ необходимыхъ мѣръ должно быть совершенное уничтоженіе этихъ хожденій. Къ чему и для чего они? Нужно служить молебнѣ, пускай служатъ въ церкви. А то посмотрите, что дѣлается въ селахъ; пьяные служатъ, пьяные молятся; чтожъ это за молитва? Эти хожденія не религіозное дѣло, а лишь обычай, положимъ вѣковой съ единственною цѣлью собирать деньги. Уничтожьте этотъ обычай; и вы на половину уничтожите пьянство и беспорядки въ д-вѣ.» Г. г. члены петербургскаго д-ва! Вамъ слѣдуетъ добровольно начать это уничтоженіе. Вы и безъ хожденій, имѣте много доходовъ; покажите первые примѣры! Притомъ осмѣливаюсь напомнить всему вообще городскому д-ву, что еще указомъ Петра Великаго предписано: «въ Москвѣ и въ городахъ изъ монастырей и приходскихъ церквей ни съ какими образами къ обрѣтающимся въ Москвѣ и городахъ жителямъ въ дома отнюдъ подѣ штрафомъ не ходить; а ежели кому какое обѣщаніе, и тотъ бы приходилъ въ монастырь и церкви и обѣщаніе свое исполнялъ.» (Собр. Зак. т. VI. стр. 512. No. 3910.) А вы, отцы, ходите по дворамъ не только съ крестомъ, но и съ образами; перестаньте, *стыдно вамъ побитаться!!!*

Русское хлѣбосольство не забывается при исполненіи всѣхъ вообще требъ церковныхъ, а не однихъ молебновъ пасхальныхъ, или святковскихъ славеній. Съ другой стороны и духовныя лица, вѣроятно, опасаются отказомъ отъ хлѣба - соли обидѣть знаменитое славянское гостепримство. И потому пригласятъ ли священника прочесть молитву родильницѣ, окрестить ли новорожденнаго, причастить ли больного, помянуть ли покойника и пр. и пр., нужно непременно угощеніе. Сколько извѣстно, к-ся, только при елеосвященіи и при выносѣ покойника забываютъ о хлѣбосольствѣ, въ послѣднемъ случаѣ, п. ч. надобно спѣшить поскорѣе погребсти умершаго. Но не понимаю, какъ до сихъ поръ никто не вооружался противъ такъ называемыхъ *поминовъ*, т. е. не противъ служенія литій и обѣденъ, поминовенія на проскомидіи, — это допускается и одобряется Церковью, а противъ обѣдовъ, которые родственники покойнаго обязаны дѣлать въ день погребенія, въ сороковой день послѣ смерти и проч., и при этихъ случаяхъ не только накормить, но и напоить всѣхъ приглашенныхъ; иначе непременно скажутъ: «*Господи, Господи! что это такое? Вѣдь вовсе не помянули покойника; даже обѣда не было, или былъ обѣдъ, но такой, что только поѣли кое-чего.*» Напротивъ часто приходится слы-

шать: «*вот так наследники, вот так мужь, или сынъ, славно помянули покойнаго, или покойницу! не повърите, на силу мы дошли домой, а нѣкоторыхъ надобно было уже довести.*» Въ самомъ дѣлѣ позвать священника послѣ погребенія, или въ сороковый день отслужить въ домѣ литію, дѣло даже хорошее; умный священникъ исполненіемъ обряда и своими словами можетъ доставить утѣшеніе скорбящимъ родственникамъ. Но зазвать десятки, и даже сотню поминателей, устроить обѣдъ, который приличенъ былъ бы только въ день свадьбы, *услѣбить* и *упоить* всякаго до самаго нельзя — по тому только случаю, что умерли отецъ или мать, сынъ или дочь, мужъ или жена; да это такое дикое обыкновеніе, которое могло существовать только до введенія христіанства, когда праздновались *тризны*. Ну наследникъ богатаго имѣнія, оставшагося послѣ покойника, найдетъ въ себѣ еще побужденіе къ тому, чтобы раздѣлить свою *радостную печаль* съ *присными* и *не присными*; м. б. и мужъ, которому надоѣла давно уже его дрожайшая половина, способенъ будетъ къ такой же печали. Но каково хлопотать объ обѣдахъ, заботиться объ угощеніяхъ людямъ, которые глубоко поражены бывають смертію особъ, близкихъ къ ихъ сердцу! А м. т. приготовляй обѣдъ, угощай; иначе плохо помянешь покойника? Каково людямъ бѣднымъ, остающимся сиротами, тратить и даже занимать деньги, не только десятки, а сотни рублей на то, что бы угостить десятокъ, или сотню людей, про которыхъ иногда только и можно сказать: *потом, потом и послѣ разошлись, какъ будто дѣломъ занялись.*

Въ этомъ случаѣ можно обвинять не однѣ деревни; элгантный Петербургъ ихъ давно опередилъ. Въ немъ и обѣды похоронные великолѣпнѣе, и вина лучше, и выпивается ихъ больше, нежели въ провинціяхъ, но кромѣ того почти въ немъ только одномъ послѣ обѣда ставятъ огромную миску и дѣлають нѣчто въ родѣ гоголя-моголя или джонки; напрасно уже кстати не поють: *gaudeamus igitur*. Въ провинціальныхъ городахъ послѣ обѣда берутъ только бутылки пива и меда, составляютъ напитокъ, извѣстный подъ названіемъ *медопивіумъ*, или *пивомедіумъ*, поють: *кая житейская сладость пребываетъ печали непричастна*; поють покойнику *вѣчную память*, а оставшіяся провозглашаютъ и поють съ экстазомъ *многая мѣта*, и все это запивають медопивіумомъ и виномъ. Въ деревняхъ просто за однимъ обѣдомъ и напиваются и наѣдаются, а послѣ него уходятъ, если еще есть силы. Зачѣмъ все это возведено чуть не на степень религіознаго обряда?

При исполненіи другихъ требъ духовнымъ лицамъ не приходится сидѣть за столъ сытными и обильными обѣдами, какъ при поминкахъ. Впрочемъ свадьбы не обходятся безъ угощеній. «Вотъ что дѣлается, пишетъ авторъ книги: о. с. д. (стр. 96), въ каждомъ безъ исключенія приходѣ, когда у крестьянина заведется свадьба. Прежде всего недѣли за три онъ долженъ объявить священнику и причту о своемъ намѣреніи. Это значитъ, что онъ долженъ привезти водки и угостить всѣхъ до-сыта. Затѣмъ во все время до свадьбы, дьяконъ и причетники (а священникъ?) пользуются всѣми случаями посѣщать этого крестьянина, нерѣдко и съ женами своими; и каждый разъ онъ долженъ удовольствоваться ихъ, т. е. напоить до безчувствія. Напоенные однакожъ мало снисходительны къ крестьянину и назначаютъ всегда изрядную сумму за вѣнчаніе. Крестьянинъ торгуется, уходитъ, возвращается, набавляетъ полтину, рубль, два; нѣтъ — не уступаютъ; поить ихъ еще, напивается и самъ, и кое-какъ наконецъ улаживаетъ дѣло, пріѣзжаютъ съ поѣздомъ; священникъ въ церкви, причтъ не является. Посылаютъ за ними; несутъ имъ водки, пива, пироговъ; и если до свадьбы угощенія были достаточны; т. е. если крестьянинъ былъ на столько терпѣливъ и богатъ, что поилъ ихъ, какъ имъ хотѣлось, то, поломавшись немного, они идутъ; если же казалось имъ мало, то нелегко затащить ихъ въ церковь. Поѣздъ стоитъ часъ, два, съ 11 часовъ дня до поздней ночи; имъ и дѣла нѣтъ.» К-ся, почтенный авторъ напрасно говоритъ, что такія безобразныя сцены происходятъ въ каждомъ безъ исключенія приходѣ. Что говорить? бывають, но не въ каждомъ приходѣ; я это знаю. Но кстати прибавлю, что въ деревняхъ священникъ, исполнивъ и другія требы не рѣдко возвращается, какъ говорить, *не въ своемъ видѣ.*

Часть четвертая.

О вымогательствахъ д-ва и о необходимости ему заискивать благорасположеніе прихожанъ.

Хлѣбъ-соль остается хлѣбомъ и солью, да и деньги тоже деньгами; *хлѣбъ-соль* у другихъ людей *нишъ*, но помни, что и дома надобно что нибудь поѣсть и самому, и семей-

ству. Поэтому духовнымъ лицамъ за исправленіе грѣбъ нельзя ограничиваться одними обѣдами и закусками, которыя притомъ не всегда и не каждый день бывають. Но рѣдкой крестьянинъ даетъ священнику то, что слѣдуетъ получить по мнѣнію послѣдняго, и потому не при однихъ пасхальныхъ хожденіяхъ ведутся переговоры между священникомъ и домохозяиномъ. Сначала б. ч. начинается покорѣйшими просьбами; одинъ говоритъ: *«самъ посуди; вѣдь мы тоже живемъ съ семействами; Богъ тебя поможетъ; не обижай насъ и пр.»* Другой выставляетъ свои трудныя обстоятельства, оброки, дороговизну и проч.; впрочемъ если сдается, то все дѣло оканчивается благополучно. Но иногда миролюбивой сдѣлки не бываетъ, тогда почему первому не погрозить, не сказать: *«смотри, когда нибудь и мы понадобится, тогда не пеняй, притомнимъ.»* Тутъ сцена оживляется, тонъ голосовъ повышается, доходитъ иногда до высокихъ нотъ, начинается очень крупный разговоръ, разстаются въ большомъ неудовольствіи.

Не уплаченные вовсе, или не доданные деньги въ рѣдкомъ сельскомъ причтѣ не записываются въ особую тетрадку, какъ долги; иногда къ этому располагають и сами крестьяне, которые, отправляясь въ дальныя заработки, говорятъ священнику: *«батюшка, ты записывай за нами, а мы возвратившись, заплатимъ тебѣ.»* Но уплата у этихъ и у другихъ не всегда бываетъ исправна. Съ одной стороны напоминають о *должкахъ*, а съ другой просятъ подождать. Ждутъ, ждутъ, ну иногда и рѣшаются исполнить свои угрозы, выразить свое неудовольствіе, а потомъ приобретенная привычка, поддерживаемая, т. е. ть, преданіями, матеріальныя нужды, развившееся подъ вліяніемъ ихъ корыстолюбіе располагають д-во къ вымогательствамъ и незаконнымъ поборамъ съ прихожанъ. Что дѣлать? правды не утаишь.

Въ 4ой ч. 14го отд. я уже сказалъ, что обвиненія духовныхъ лицъ въ вымогательствахъ, прижимкахъ при исправленіи грѣбъ нельзя признать всѣ безъ исключенія несправедливыми; въ нихъ есть порядочная доля и правды, подтверждаемой старыми и новыми временами. Еще въ духовномъ регламентѣ (21 прав. о пресвитерахъ, дьяковахъ и пр.) пишется: *«за дѣло служенія своего, напр. за крещеніе вѣнчаніе, погребеніе и проч. не дѣлали бы іереи торгу, но довольны были бы подаваемымъ добродотно награжденіемъ. Сіе наипаче наблюдать въ сороко-устахъ, за которыя великія цѣны попы домогаются; хотя бы ихъ и не прошено о томъ, но и сами они часто сорокоустовъ служить не думаютъ,*

а насильно платы, будто пошлины, за смерть истязуютъ.» Правило это, вѣроятно, скоро было забыто, или было исполняемо относительно однихъ сорокоустовъ, на которые оно особенно налагаетъ; только жалобы на вымогательства д-ва не прекращались и дѣла по нимъ восходили до синода. Такъ напр. въ 1779 г. священникъ Каргопольскаго уѣзда архангельской волости олонецкой губерніи Василій Ивановъ (см. т. XIX собр. законовъ стр. 658 №. 13,916 ноября 23 дня) лишенъ сана зато, что 1) съ крестьянина Пядышева и крестьянки Яковлевой требовалъ излишнихъ взятокъ (именно складки рѣзной работы въ 2 р. 50 коп., и 50 к.) за погребеніе Ульяны — сестры перваго, — и Никифора Петрова — мужа послѣдней; 2) не получивши требуемыхъ взятокъ, не погребалъ цѣлую недѣлю покойниковъ, отчего происходилъ не только что злосмраднѣйшій духъ и кровь пересаженная, истекшая изъ тѣлъ на лавкахъ и на помостѣ, гдѣ тѣ мертвыя тѣла положены, но и черви на тѣлахъ были; 3) какъ бы въ наказаніе за то, что не дали требуемыхъ взятокъ, отслужилъ ему младенческое только погребеніе и 4) когда послѣ тѣмъ же крестьяниномъ Пядышевымъ привезены были два умершихъ младенца, то Ивановъ не погребалъ ихъ съ 19—24 августа, отчего на нихъ появились тоже черви.» И нынѣшнее столѣтіе, даже близкая къ намъ часть его не обходилась безъ жалобъ на вымогательства д-ва. Не безъ причины же въ 28 пунктѣ инструкціи благочинному пишется: «благочинный долженъ подтверждать священникамъ и дьяконамъ, чтобы не были корыстолюбивы и нахальны; и посему ни за какую требу не домогались у прихожанъ платы, особливо же не дѣлали договора съ ними, и были бы довольны добротнымъ подаваніемъ.» Было много жалобъ на вымогательство вскорѣ послѣ учрежденія министерства государственныя имуществъ. Тоже самое повторялось послѣ уничтоженія крѣпостнаго права; отъ посредниковъ въ губернскія присутствія по крестьянскимъ дѣламъ поступало множество донесеній о притѣсненіяхъ деревенскихъ жителей церковными причтами. Не спорю, что многія изъ жалобъ и донесеній были несправедливы и преувеличены, но, право, нельзя же признать и духовныхъ лицъ совершенно не виновными; повторю; *грѣшки были и бывають*. Хочу познакомить васъ, г. ч., съ фактами, которые относятся къ этимъ грѣшкамъ и случались не въ прошедшемъ только, а и въ нынѣшнемъ столѣтіи, — случаются даже и теперь.

Слышали ли напр. вы, что такое значить разслуживать молебень? Вотъ напр. въ пасху отслужили его, но домо-

хозяинъ не удовлетворилъ, какъ слѣдуетъ, причта платою; тогда, конечно не вездѣ, а по мѣстамъ принимались разслушивать молебень; т. е. если онъ начинается словами; *благовословенъ Богъ нашъ* и проч., то священникъ говоритъ: *не благовословенъ не Богъ не нашъ* и т. д. прибавляя: *не къ каждому слову*. Простодушный крестьянинъ приходилъ въ ужасъ отъ этой новости и сдавался на капитуляцію. На такой поступокъ могли рѣшиться только отважныя головы, притомъ отуманенныя винными парами. Другія средства, т. с-ть, помягче, поделикатнѣе, и иногда прикрываются законностію. Напр. зовутъ дать молитву родильницѣ; — *никогда намъ, да и только*. А по существующему въ деревняхъ повѣрью родильница до молитвы не можетъ ни выходить куда либо изъ избы, ни вставать съ постели. Мужъ по неволѣ смирится и побоится на будущее время оскорблять священника *не додачами*. Но вотъ еще сюда же относящееся средство, которое имѣетъ даже историческую знаменитость и попало въ духовный регламентъ. Въ немъ въ 10 пунктѣ общихъ дѣлъ пишется: «ведьми срамное и сіе обрѣталось (какъ сказуютъ) молитвы людемъ, далече отстоящимъ, чрезъ посланниковъ ихъ въ шапку давать.» Хотя тутъ и прибавлено, что «для памяти сіе пишется, что бы иногда отвѣдать, еще ли сіе дѣлается.» но и я помню священника, даже благочиннаго, который посылалъ въ нелюбимыя имъ семейства въ *шапку* молитву. Для этого прочитывалъ ее надъ шапкою пріѣхавшаго посла; шапку надобно было вести назадъ, не надѣвая на голову, и потомъ по пріѣздѣ въ деревню, надѣтъ на родильницу.

Перейдемъ къ покойникамъ. Крестьянинъ является къ священнику съ извѣстіемъ, что вотъ батюшка, умеръ старикъ, или сынъ, котораго ты пріобщилъ. «Хорошо, ему отвѣчаютъ; чрезъ три дня похоронимъ; такъ законъ велить.» А наши крестьяне готовы похоронить своихъ умершихъ родственникововъ, если можно, даже въ день смерти ихъ. Впрочемъ въ рабочую пору, особенно въ жаркое время три дня держать покойника дома даже невозможно; иначе произойдетъ *злосмрадный духъ*, и *кровь пересадная истечетъ* изъ тѣла. Тутъ по неволѣ подашься и принужденъ будешь раздѣлаться по старымъ недоимочкамъ, или заплатить то, что вновь потребуютъ. У простодушныхъ же прихожанъ, особенно у такъ называемыхъ инородцевъ заставляютъ самихъ покойниковъ убѣждать оставшихся родственникововъ быть пощедрѣе къ священнику. «Помретъ богатый Якутъ, пишетъ Иванъ Мевесъ (No. 7 Отеч. Зап. 1863 — въ статьѣ три года въ

Сибири стр. 82—83), священникъ узнаетъ, что у него есть получше. При отпѣваніи растягиваетъ, потомъ махнеть рукою, — тишина, припадетъ къ могилѣ и начнетъ какъ будто разговаривать. Потомъ вставши скажетъ: «знаете ли, что мнѣ говорилъ покойникъ?» *Билбятинъ* (незнаемъ). «Покойникъ говоритъ, что шибко тяжело ему въ могилѣ, а что бы я пуще за него молился, велѣлъ мнѣ отдать своего сѣраго жеребца.» *Учунэ, учунэ* (хорошо, хорошо). Еще припадаетъ, еще поговорить и т. д. пока получить лисью шубу, омушенную бобримъ.» Конечно въ Великороссіи *подобныхъ штукъ выкидывать* нельзя; но невольно скажешь: *по сему и прочая разуживайте.*

Особенныя прижимки бываютъ при свадьбахъ; тутъ иногда крестьянину приходится уплатить все старыя долги. Заплотить конечно, впрочемъ и не забудетъ тѣхъ мытарствъ, которыя ему придется вытерпѣть, расскажетъ своимъ одно деревенцамъ; одни примутъ сторону его, другіе побранятъ его за то, что прежде знать не хотѣлъ попа. Впрочемъ подобныя событія накаплиются и часто раздражаются жалобой, въ которой пишется, что священникъ беретъ за свадьбу, или похороны 10, 15 и даже 20 руб. Назначается слѣдствіе и по немъ оказывается жалоба не основательною. Дѣло, р-ся, состоялось въ томъ, что 10, 15 и 20 р. взято не за свадьбу, или похороны, а въ составъ этихъ суммъ вошли требныя долги многихъ прежнихъ лѣтъ. Ловкій слѣдователь спрашиваетъ истца: «ты скажи, сколько собственно за свадьбу взяли съ тебя? А прочія деньги были вѣдь долговыя.» Мужикъ, спрашиваемый подъ присягою, показываетъ настоящую свадебную сумму. А если бы и сталъ устоявать на своемъ, то слѣдователь спроситъ другихъ крестьянъ, на которыхъ впрочемъ не было никакихъ долговыхъ претензій причта при бракосочетаніи кого либо изъ семейныхъ. Они показываютъ, что съ нихъ никогда не берутъ той суммы, какая стоитъ въ жалобѣ, которой справедливость отъ этого заподозрѣвается. К-рія, задобренная отвѣтчикомъ, б. ч. жалобу найдетъ неосновательною; съ мужика даже взыщутъ за гербовую бумагу; — другому уже не захочется жаловаться.

Но д-во, рѣшаясь на описанныя вымогательства, должно искать опоры въ самомъ приходѣ. Для этого въ недавнее время нужно было непременно ладить съ помѣщиками, а въ случаѣ ихъ отсутствія, съ управляющими, бурмистрами, старостами, писарями и вообще со всею деревенскою аристократіей. Способы для пріобрѣтенія благосклонности были разнообразны. Для помѣщика приходилось попозже отслу-

жить иногда обѣдно, высылать ему, если онъ въ Церкви, просѣиру съ дьякономъ, или дьячкомъ въ стихарѣ, поздравлять его съ домашними праздниками, приглашать на свой и проч. Прочую аристократію можно было задобрять удобнѣе; зови ее къ себѣ послѣ обѣды, угости нѣсколько разъ въ годъ на славу, прїѣзжай и самъ къ ней и не отказывайся отъ предлагаемаго. Приобрѣтши благосклонность аристократіи, уже нечего было бояться. Но робкія духовныя лица не хотѣли забывать и простыхъ прихожанъ. Къ храмовому празднику покупали ведра два водки, варили котла три браги; пошли всѣхъ, кто къ нимъ приходилъ, почетнѣйшихъ приласкивали красненькими словцами. Чего не бывало и не бываетъ? Но вздумай священникъ не позаботиться о благосклонности деревенской аристократіи, тогда не пеняй, если бы даже и не дѣлалъ вымогательствъ. Помѣщикъ, сильные управляющіе и бурмистры умѣли выставить священника предъ епархіальными властями съ невыгодной стороны. Впрочемъ и безъ этого ему приходилось терпѣть много. Предпишутъ цѣлой вотчинѣ особое *положеніе* за церковныя требы, выше котораго никто уже не смѣлъ дать, п. ч. пришлось бы отвѣчать или карманомъ, или сумою. Иногда даже подадутъ бумагу, что наша-де деревня ближе къ такому-то селу и потому просимъ те причислить къ нему. Я знаю одного благочиннаго, котораго честность и усердіе къ исполненію пастырскихъ обязанностей доходила до ригоризма; его любили прихожане, какъ нельзя болѣе. Но онъ не хотѣлъ унижать себя предъ управляющимъ помѣщика - графа, — мѣщаниномъ. По несчастію одна деревня прихода благочиннаго была отъ церкви по лѣтней проѣзжей дорогѣ верстахъ въ десяти, а по зимней верстахъ въ пяти. М. т. также деревня отъ другаго села находилась въ 2—3 верстахъ. Причтъ послѣдняго села воспользовался случаемъ; священники начали ѣздить къ прикащику въ гости, особенно же почаще звать его къ себѣ, дали даже ему взятку. Помѣщикъ - графъ въ слѣдствіе представленія прикащика написалъ изъ Петербурга письмо къ епархіальному начальнику о причисленіи деревни къ новому селу. Деревня, р-ся, была отчислена, хотя она и новое село принадлежали къ различнымъ уѣздамъ и хотя крестьяне рѣшительно не желали перехода, но не смѣли ничего дѣлать противъ прикащика и графа — помѣщика. Благочинный принужденъ былъ отказаться отъ должности и перейти въ другое село. Послѣ этого и изволь быть самостоятельнымъ!

19 числа Февраля 1861 года едва ли не одѣлало пого-

женіе сельскаго д-ва хуже прежняго. Новая деревонская аристократія, не смотря на свое демократическое происхождение, успѣла заразиться аристократическою спѣсью. Нынѣ чуть не каждый приходъ составляетъ особенную волость. Поэтому волостной старшина можетъ себя вообразить тѣмъ же, чѣмъ были нѣкогда помѣщики. На этомъ основаніи почему же ему не пожелать, чтобы и священники также къ нему относились, какъ къ помѣщику, да притомъ такому, которому принадлежалъ весь приходъ? Смѣшно смотрѣть, какъ старшина въ Церкви величественно стоитъ напередѣ всѣхъ, какъ по окончаніи обѣдни дьячокъ, а иногда и дьяконъ вынесетъ и съ поклономъ передастъ на блюдечкѣ просѣиру его милости а случается, что и самъ священникъ, подпуская ко кресту, вручить ее представителю приходскаго земства. И Боже сохрани не исполнить этого обыкновенія! Впрочемъ благородные и умные священники не хотятъ унижаться и раболѣпствовать даже предъ старшиною. Другіе же не имѣя много въ запасѣ ни ума, ни благородства, преклоняются предъ всѣми, отъ кого такъ, или иначе зависитъ ихъ положеніе. Очевидно, чрезъ это волостные старшины дѣлаются еще притязательнѣе и требовательнѣе къ непокорнымъ священникамъ, и благосклоннѣе къ покоряющимся. Я знаю, какъ одинъ старшина самъ себя объявилъ строителемъ вновь созидаемой Церкви, не слушалъ священника, требовалъ у него и церковнаго старосты кашельковыхъ денегъ, хотя новая церковь строится на счетъ прихожанъ, умѣлъ оттѣснить отъ сельскаго училища священника и его сына студента, а все дѣло воспитанія возложить на пролазу — причетника. Не вида покорности въ священникѣ, онъ успѣлъ уменьшить сборы его за требы. Въ другомъ селѣ два священника покорились старшинѣ, ѣздятъ къ нему и писарю, зовутъ ихъ къ себѣ и проч. и проч., но третій остался непокорнымъ. Въ слѣдствіе этого доходы послѣдняго ограничены, а двое первые по милости начальства остаются на прежнемъ положеніи, хотя въ нравственномъ и пастьерскомъ отношеніи ниже обиженнаго. Одинъ изъ нихъ, возвращаясь отъ своихъ милостивцевъ — старшины и писаря, потерялъ такую церковную вещь, именно *дароносицу*, что могъ бы попасть въ монастырь; но къ счастью найденная вещь доставлена къ покровителю его — писарю; и дѣло окончилось новою попойкою. Много бы еще можно рассказать о томъ, что церковные причты во многихъ мѣстахъ съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права приходятъ въ жалкое состояніе, которое, по всей вѣроятности, сдѣлается еще хуже

и распространится, м. б., на всё приходы. Вотъ почему духовныя лица стали поговаривать, что *крестьянская воля сдѣлалась для нихъ неволю.*

Часть пятая.

О вліяніи нынѣшней системы доходовъ д-ва на взаимныя отношенія членовъ его и на религіозность народа.

Нынѣшняя система денежнаго дохода духовныхъ лицъ имѣетъ вредное вліяніе на отношенія ихъ не только къ прихожанамъ, но и другъ къ другу. Если не очень нравственными способами позволяешь себѣ добыть лишнюю гривну и рубль за исправленіе какой либо церковной требы, то почему, получивши нѣсколько рублей, не соблазниться частичку ихъ утаить отъ прочихъ членовъ причта, или какъ нибудь иначе присвоить себѣ; вѣдь послѣднее гораздо легче перваго. Такіе соблазны очень нерѣдки. Нѣтъ ни одной к-ри, въ которой бы ежегодно не производились дѣла по жалобамъ дьякона, или причетниковъ на то, что священникъ обижаетъ ихъ по части доходовъ. А сколько еще такихъ дѣлъ обсуживается благочинными? Сколько ихъ оканчивается домашними церебранками? Духовное начальство давно уже старалось предотвращать и преслѣдовать эти злоупотребленія. По 26 пункту благочиннической инструкціи внушается священнику «дьякона и причетниковъ не обижать и доходовъ у нихъ не удерживать.» Затѣмъ были предписанія о томъ, чтобы священникъ имѣлъ запечатанную кружку, для опущенія въ нее получаемыхъ съ прихожанъ за требы денегъ и чтобы кромѣ того ведена была записъ ихъ. Не смотря на все это, много и было и есть священниковъ, которые свои доходы любятъ увеличивать на счетъ причта. Укажу на нѣсколько подобныхъ примѣровъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ покажутъ употребляемыя въ этомъ случаѣ средства. 1) Въ одномъ весьма богатомъ трехштатномъ селѣ причты получая хорошіе доходы, вовсе не подозрѣвали, чтобы отъ нихъ священники утаивали что нибудь. Но въ село переводится одинъ пожилой честный протоіерей, и вдругъ доходы причта его увеличились

чуть не третью противъ прежняго. Другіе два причта, узнавши о такой новости, начали подозрѣвать своихъ предстоятелей и даже осмѣлились объ этомъ доложить имъ. Одинъ скоро умеръ и счоты съ нимъ покончились. Но другой не захотѣлъ отступить отъ своихъ правилъ. Пришла пасха, обошли приходъ съ молебнами, стали дѣлить доходъ. Оказалось около 500 р. асс. Причтъ повелъ прямо атаку и просилъ священника добавить еще 200 руб. Этотъ, р-ся, божился и крестился, ругался и грозилъ благочиннымъ. Тогда дьячокъ вынулъ изъ кармана листъ бумаги, въ которомъ тайкомъ отъ священника онъ записывалъ все, что получалось съ каждаго двора. Священникъ увидалъ, что *увернуться нельзя*, добавилъ требуемую сумму и радъ былъ, что не начали дѣла въ к-риі; впрочемъ до самой смерти не переставалъ *приворожывать*. 2) Другой священникъ не вооруженъ, а нашолъ способъ не всё доходы давать причту. По существующимъ постановленіямъ причтъ или цѣлымъ своимъ составомъ, или въ лицѣ одного члена обязанъ быть при совершеніи церковныхъ требъ; въ противномъ случаѣ отсутствующіе лишаются слѣдующей имъ части. Нашъ священникъ умѣлъ, т. е-тъ, насильно обратить въ свою пользу это постановленіе. Когда его позовутъ въ деревню съ требою, онъ, выѣхавши уже изъ дома, даетъ знать причетнику, что бы тотъ спѣшилъ въ такую-то деревню въ такой-то домъ, и самъ тотчасъ уѣзжаетъ. Причетнику остается запрещъ свою лошадь, а иногда еще напередъ сходить за нею въ поле, или догонять батюшку пѣшкомъ. Но въ первомъ случаѣ не запряжешь своей клячи въ 3—4 минуты, какъ успѣваютъ это дѣлать петербургскіе пожарные, а во второмъ пригодится русская пословица: *тѣмъ конному не товарищъ*; и потому дьячокъ непремѣнно не поспѣетъ къ исполненію требы, за что священникъ и лишаетъ его на законномъ основаніи слѣдующей ему части. 3) Въ одномъ кафедральномъ губернскомъ соборѣ священникъ, совершая проскомидію, любитъ по *малости* класть въ свой карманъ частичку тѣхъ денегъ, которыя подаются богомольцами съ просфорами. Замѣтивши это, сборные дьяконы установили изъ себя очередной за нимъ надзоръ. 4) Зналъ я протоіерея знаменитаго, магистра, законоучителя, притомъ въ знаменитомъ городѣ. Онъ проскомидными деньгами, какъ мелочью, не любилъ пользоваться лично для себя одного. Но ходя по приходу въ святки и пасху и получая отъ хозяевъ квартиръ *благодатью*, имѣлъ обыкновеніе уменьшать ее въ свою пользу. Причтъ догадался объ этомъ и каждый разъ, выходя изъ квартиры чьей

либо, просилъ о. протоіерея показать то, что имъ получено. Сначала о. протоіерей принужденъ былъ поудержаться отъ своей привычки, но вскорѣ нашолся. Онъ въ своихъ карманахъ запасался мелкими кредитными билетами; получивши отъ хозяевъ благостыню и замѣтивъ, что она крупнаго десятка, онъ опускалъ ее въ карманъ и вмѣсто нее оттуда вынималъ другую изъ запасныхъ помельче. Причетники доходили иногда до такой невѣжливости, что отнимали у о. протоіерея возможность опустить руку въ карманъ. 5) Примѣръ не остался безъ подражанія. Вмѣстѣ съ о. протоіереемъ началъ службу при соборѣ священникъ, тоже магистръ. Онъ превзошелъ даже своего учителя. Протоіерей, однажды какъ-то разсердившись, назвалъ его при цѣломъ причтѣ воромъ; и почтенная особа со смиреніемъ перенесла это униженіе. Но въ 1865 г. за тоже названіе іерей, сдѣлавшійся уже протоіереемъ, ударилъ въ лицо протоіерейнаго, отчего у послѣдняго потекла кровь изъ носа. Событіе это, какъ мнѣ говорили, случилось въ алтарѣ послѣ того, какъ протоіерей и протоіерейнаго приобщились святыхъ тайнъ; но литургія еще не кончилась. Въ другой разъ причетники составили длинную роспись тѣхъ денегъ, которыя онъ утаивалъ отъ нихъ, и подали о томъ жалобу епархіальному начальнику. Хотя *умка была на лицо*, однако гдѣ же причетнику тлгаться съ священникомъ-магистромъ? Одинъ прихожанинъ генералъ, узнавши о такихъ похожденияхъ, *однакъ* причтъ уже *поручно*. М. б. произшествія, подобныя описаннымъ здѣсь, равно какъ и вымогательство съ прихожанъ случались бы и при другой системѣ доходовъ, но нынѣшняя имѣетъ особое въ этомъ случаѣ вліяніе. Одинъ изъ берлинскихъ защитниковъ свѣщ. Грековъ говоритъ (стр. 153), что «порокъ корыстолюбія въ д-вѣ зависитъ не отъ воспитанія и не отъ природныхъ наклонностей духовнаго званія, а отъ способовъ его содержанія. Обезпечьте насъ какъ слѣдуетъ, дайте намъ приличное содержаніе, и тогда требуйте отъ насъ совершеннаго безкорыстія. Мы не только не пожалѣемъ тогда о своихъ доходахъ, но напротивъ будемъ радоваться, что избавились отъ этой тяжкой и горькой необходимости питаться подаваніемъ.» Едва ли это не правда. Надобно имѣть очень возвышенный и честный характеръ, благородную душу, что бы, собирая свои доходы по копѣйкамъ, грошамъ, гривнамъ и пр. не сдѣлаться *котлетникомъ*.

А м. т. священниковъ называютъ, да и они сами любятъ называть себя *соллю* земли, *святѣльниками*, пастырями душъ, учителями. Но приглядѣвшись къ нынѣшнему д-ву

приходскому, особенно сельскому даже съ одной стороны его поборовъ за церковныя требы, увидите, что эта *соль* немножко *обуяла*, что къ ней примѣшалось много стороннихъ частицъ, совершенно негодныхъ въ пищу, что эти свѣтильники потускнѣли, что, идя по указанію этихъ звѣздъ, можно сбиться съ дороги, что эти пастыри, конечно *не прелазятъ отъ инуда*, но зато часто входятъ въ дворы прихожанъ и противъ желанія ихъ, и безъ всякой нужды, притомъ вовсе не какъ пастыри и учителя, а какъ люди, имѣющіе нужду въ своихъ овцахъ.

Въ самомъ дѣлѣ самая главная обязанность священника должна состоять въ томъ, чтобы развивать, укрѣплять и поддерживать нравственное-религіозное настроеніе своихъ прихожанъ, *благовременно и безвременно* наставлять не только въ церкви, но и на дому. Но при нынѣшней системѣ поборовъ у священника не достанетъ смѣлости говорить о многихъ предметахъ напр. о безкорыстїи, нестяжательности, воздержанїи, пьянствѣ и проч.; да и многіе прихожане, слушая подобныя поученія, не улыбнутся ли и не скажутъ ли про себя, врачу: *исцѣлится самъ?* Притомъ поборы, ставя приходскаго, особенно сельскаго священника въ полную зависимость отъ прихожанъ, дѣлаютъ его слишкомъ часто *покорнѣйшимъ слугою*, а вовсе не наставникомъ, не руководителемъ, не пастыремъ ихъ. Мудрено принять на себя роль обличителя въ родѣ Ильи Фесвитянина предъ тѣмъ человекомъ, къ которому въ слѣдующій праздникъ придешь съ своими сыновьями и станешь просить прибавочки и себѣ и имъ.

Вотъ между прочимъ почему священники главное свое вниманіе обращаютъ на исполненіе церковныхъ требъ и обрядовъ. Конечно и въ этихъ случаяхъ можно бы имѣть нравственно-религіозное вліяніе, но тому препятствуютъ поборы. За каждую требу священникъ получаетъ плату, даже и требуетъ ее. Какъ угодно, а при такомъ обычаѣ въ головахъ очень многихъ прихожанъ можетъ зародиться мысль о томъ, что если не всѣ требы, то большая часть ихъ введена и поддерживается только п. ч. онѣ благопрїятствуютъ увеличенію доходовъ д-ва. Мысль эта давно существуетъ и къ несчастію оправдывается слѣдующимъ обстоятельствомъ. Требы, какъ в. с-но (2 ч. 14 отд.), раздѣлить можно на существенно необходимыя и произвольныя. Перваго рода требы не многочисленны и не очень тяготятъ прихожанъ; каждый болѣе, или менѣе сознаетъ ихъ необходимость; по к. м. священникъ тутъ не навязывается самъ, а приглашается. Но

въ произвольныхъ требахъ, напр. въ *хожденіяхъ* прихожане далеко не всё видятъ нужду, даже, по правдѣ сказать, онѣ не очень и нужны: каноническихъ постановленій о необходимости ихъ нѣтъ; значить сама Церковь не считаетъ ихъ необходимыми. А м. т. онѣ-то и повторяются чаще всего. Какъ же у прихожанина, который каждый разъ платитъ за нихъ, не появится мысли о томъ, что они благопріятствуютъ только доходамъ д-ва? Въ городахъ конечно можно принять и не принять священника, дать произвольную плату, но частое повтореніе хоженій хоть кому покажется неприятнымъ и назойливымъ. Не говоримъ о 27, но и 12—15 разъ въ годъ встрѣтить и проводить д-во, пришедшее безъ приглашенія и каждый разъ чѣмъ нибудь поплатиться не всякому понравится. Въ селахъ же хотя и рѣже, нежели въ городахъ бывають хоженія, но опредѣленная, т. е-ть, такса, настойчивость, съ которою многіе священники держатся ея, разныя вымогательства и прижимки давно уже поставили д-во вовсе не въ тѣ отношенія къ прихожанамъ, въ какомъ должны бы находиться пастыри и пасомые, наставники и наставляемые. Не забывайте при этомъ соприкосновенныхъ обстоятельствъ. Вотъ къ вамъ вмѣстѣ съ причтомъ входитъ 10—15 мальчиковъ и славятъ Христа вовсе не съ религіозною цѣлю, а для того, что бы отъ васъ получить какую либо подачу. Тамъ и самый причтъ приходитъ иногда въ такомъ видѣ, въ которомъ не только неприятно слушать его религіозныя пѣснопѣнія, но даже имѣтъ съ нимъ простой разговоръ. Здѣсь за нимъ порядочной вереницею тащатся его жены, тоже не всегда въ приличномъ видѣ. Тамъ иной несетъ подъ мышкою полученный имъ кулёкъ, завертку, горсть льна и проч. Присоедините сюда все, что сказано по случаю славенья о запертыхъ воротахъ, о курныхъ избахъ, о спящихъ и проснувшихся хозяевахъ, объ обстановкѣ, при которой во время топки печи поется *Христось рождается*, о лающихъ, мычащихъ, хрюкающихъ животныхъ и пр. Право, к-ся, будетъ понятно, что исполненіе требъ, потеряло въ глазахъ многихъ прихожанъ религіозный характеръ, и потому не производитъ на нихъ морально-религіознаго вліянія; даже часто профанируетъ совершаемые обряды, носитъ на себѣ характеръ кощунства или, по к. м., безжизненнаго формализма.

При этомъ случаѣ нельзя не подивиться глубокому религіозному чувству русскаго народа; вѣдь онъ еще не забылъ Бога, съ благоговѣніемъ покланяется Ему и старается сообразно съ своими понятіями дѣлать угодное Ему. Но

съ другой стороны надобно сказать, что описываемыя въ этомъ и предъидущемъ отдѣлахъ — обстоятельства подрываютъ и искажаютъ религіозное чувство и нравственное настроеніе русскаго народа. Не безъ причины же въ образованномъ классѣ замѣтны холодность къ религіи и индифферентизмъ, а въ низшихъ, даже среднихъ классахъ не безъ причины тоже расколъ имѣетъ до 10 милліоновъ приверженцевъ. А извините насъ, Гг. либералы матеріалисты, нравственность и религія, или лучше религіозная нравственность необходимы особенно въ простомъ необразованномъ человѣкѣ. Образованный человѣкъ, м. б. найдетъ и въ религіи много побужденій быть хорошимъ гражданиномъ и нравственнымъ существомъ. Но у необразованнаго человѣка нравственность, религія, внѣшніе обряды, уваженіе къ клиру все какъ-то перепутано. Въ немъ нравственность поддерживается едва ли не одною религіею; а религія въ свою очередь зависитъ слишкомъ часто отъ внѣшнихъ обрядовъ и уваженія къ священнику. Подорвите послѣднее, тогда или все прочее рухнетъ; или произойдутъ новыя секты. Въ образованныхъ людяхъ различіе религіозныхъ мнѣній рѣдко имѣетъ печальныя послѣдствія. Зная изъ исторіи, какъ разнообразно проявлялось человѣческое мышленіе, они бываютъ очень снисходительны къ разномыслицамъ. И если сами отступаютъ отъ господствующаго вѣроисповѣданія, то не проявляютъ своего отступничества въ дикихъ какихъ либо мнѣніяхъ. Иначе дѣйствуютъ необразованные люди. При ослабленіи въ нихъ уваженія къ извѣстному вѣроисповѣданію основателями новыхъ вѣрованій бываютъ б. ч. суевѣры, фанатики и даже изувѣры, или подъ религіознымъ покровомъ скрываютъ грубый развратъ. Тутъ являются не общества квакеровъ, меннонитовъ, или гернгутеровъ, а какіе либо бѣгуны, хлысты, скопцы и проч. Притомъ необразованные проповѣдники новыхъ религіозныхъ убѣжденій, если находятся подъ влияніемъ фанатизма и изувѣрства, стараются передать эти чувства своимъ послѣдователямъ. Конечно есть государства напр. Англія и Соединенные-Штаты, гдѣ безчисленное множество сектъ не производитъ печальныхъ послѣдствій; хотя въ Штатахъ появленіе Мормонизма не обошлось безъ кровавыхъ сценъ. Но тутъ такъ привыкли къ разнообразнымъ на все взглядамъ, что разномысліе не пробуждаетъ фанатизма и изувѣрства. Тамъ же, гдѣ господствуетъ обязательная для большинства религія, гдѣ еще нѣтъ возможности допустить полную свободу вѣроисповѣданій старыхъ и новыхъ, тамъ появленіе новыхъ сектъ, основываемыхъ невѣждами, фанати-

ками и изувѣрами, можетъ имѣть очень печальныя послѣдствія. Гоненія за вѣру и тутъ не нужны; но надобно стараться, что бы господствующее вѣроисповѣданіе не ослаблялось не нормальнымъ положеніемъ тѣхъ именно лицъ, которые обязаны поддерживать и проповѣдывать его.

Часть шестая.

О томъ, можно ли вполне обвинять д-во въ его поборахъ съ прихожанъ.

Изъ прочитавшихъ мое описаніе тѣхъ унизительныхъ, соблазнительныхъ, смѣшныхъ а не рѣдко и отвратительныхъ сценъ, въ которыхъ дѣйствуютъ духовныя лица при теперешней системѣ доходовъ ихъ, — не многіе, м. б., пожалѣютъ о бѣдномъ бѣломъ д-вѣ; большинство едва ли не станетъ надъ нимъ только смѣяться и говорить: «само оно во всемъ виновато.» Вполнѣ не оправдываю его и я, но сожалѣю о немъ и надѣюсь, что г. ч. понисходительнѣе станетъ судить о нашихъ сельскихъ пастыряхъ, когда увидитъ, какимъ сцѣпленіемъ роковыхъ обстоятельствъ они доводятся до теперешняго унизительнаго собранія своихъ доходовъ; до вымогательствъ, прижинокъ прихожанъ, до утаекъ отъ причта и пр.

Возмемъ самый благопріятный случай, положивъ, что поступилъ во священники человекъ съ возвышенными понятіями о священномъ званіи и съ искреннимъ желаніемъ добросовѣстно исполнять пастырскія обязанности, но рожденный, какъ это нынѣ непремѣнно бываетъ, отъ кого либо изъ духовныхъ лицъ, воспитанный въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ и женившійся на дѣвицѣ, происходящей изъ духовнаго званія. Онъ конечно не станетъ обременять прихожанъ поборами, будетъ довольствоваться тѣмъ, что ему дадутъ, но и не захочетъ унижать себя лестію и заискиваніемъ благосклонности предъ деревенскою аристократіею, быть ея застольнымъ собесѣдникомъ, — станетъ самъ вести жизнь трезвую, но вмѣстѣ съ тѣмъ напомнитъ не только простому крестьянину, а самому волостному старшинѣ, что имъ надобно жить по христіански, не обижать и не притѣснять

другихъ, не предаваться пьянству и проч. Прежде всего у него произойдетъ столкновение съ своими сослуживцами-односельчанами. Эти, ознакомившись съ дѣйствительностию, давно уже погрузились въ житейскія заботы, забыли теоретическій взглядъ на обязанности д-ва, идутъ дорогою, проложенною ихъ предками; любятъ поговорить о доходахъ и объ увеличеніи ихъ, о значеніи того или другаго бурмистра, старосты, прикащика, любятъ поддержать разговоръ свой и подкрѣпить себя чѣмъ либо живительнымъ, а главное, чрезвычайно не любятъ тѣхъ, которые, имѣя возвышенный образъ мыслей и христіанскій взглядъ на д-во, служатъ для нихъ олицетворенною уликою. Р-ся, что новый сослуживецъ не понравится имъ съ перваго раза, когда ему придется съ ними служить даже обѣдню, крестить младенцевъ и отпѣвать покойниковъ. Но вотъ наступило время ходить по приходу съ какими либо молебнами и святою водою; новый пастырь, придерживаясь своихъ идей, не хочетъ настоящей востюю, просьбами, или угрозами выжимать лишнія копѣйки, довольствуется тѣмъ, что дадутъ; а крестьяне съ своей стороны не преминутъ воспользоваться такимъ снисхожденіемъ и постараются болѣе и болѣе ограничивать свои расходы на д-во. Тутъ уже новый священникъ сталкивается съ интересами другихъ и наживаетъ не просто недоброжелателей, а даже враговъ, и въ своемъ причтѣ, и въ причтахъ окрестныхъ сель. Доходы противъ прежнихъ годовъ уменьшатся, но причтъ свыкся, сроднился съ прежними доходами, привыкъ жить сообразно съ ними; ну какъ же ему не сердиться на своего новаго предстоятеля, который хочетъ исправить его моральные недостатки, а м. т. уменьшаетъ матеріальныя средства? Затѣмъ прихожане окрестныхъ сель слышавъ, что новый попъ въ сель N довольствуется только добровольными приношеніями, пожелають и у себя ввести выгодное для ихъ кармановъ нововведеніе; чрезъ это неблагоприятно будетъ смотрѣть на нововводителя все окрестное д-во. Самъ о. благочинный, живущій по старинѣ, давно знакомый съ причтомъ, имѣетъ много побужденій вѣрить неблагоприятнымъ отзывамъ о спѣсивомъ новичкѣ, въ которомъ не замѣчается ни обычной угодливости, ни готовности угостить его о. благочиннаго на славу; зачто же питать къ нему расположеніе? Далѣе является на сцену деревенская аристократія; она у прежняго батюшки, жившаго по старинѣ, привыкла сидѣть и засиживаться, опоражнивать рюмочки и стаканчики, попивать чаёкъ съ *прибавленшицами*, привыкла, чтобы батюшка ей дѣлалъ почотъ, сидѣлъ и по-

гуливалъ съ нею. Карманъ у нее толстенецъ, прежніе поборы за требы для нее были не тяжелы, но зато теперь нельзя уже ей сказать своимъ однодеревенцамъ и одновотчинцамъ: «вчера мы долго просидѣли съ попомъ, то-то знатный человѣкъ, и самъ любитъ угостить, да и уважитъ хозяина.» И потому при всякомъ случаѣ она станетъ поговаривать: «нѣтъ, нынѣшній попъ больно спѣсивъ, толкуетъ только о грѣхахъ, благочестіи, добродѣтели, а и самъ не пьетъ, да и другихъ не угощаетъ.» Наконецъ мужикамъ плебеямъ конечно правится давать за требы то, что заблагоразсудится; но вся ихъ масса едва ли не вездѣ подобна, извините за выраженіе, стаду овецъ, которыя кучею идутъ за своимъ передовымъ, хотя бы онъ былъ и козель. А о новомъ попѣ дьяконъ и дьячки, которые съ рѣдкимъ пожилымъ прихожаниномъ не знакомы, не братались, не пивали вмѣстѣ, отзываются дурно; съ деревенскими большаками и стариками онъ что-то не ладитъ; да и всемъ плебеямъ, которые заходили къ нему поздравить съ праздникомъ, не поднесъ ни рюмки водки, ни стакана браги. И вотъ эти овцы въ своемъ мнѣніи о священникѣ идутъ б. ч. за своими передовыми.

Вскорѣ является на сцену новое затрудненіе и уже очень близкое къ домашнему очагу. Если самъ нашъ прогрессистъ не догадается, то жена ему скоро доложитъ, что полученными имъ доходами нѣтъ возможности содержать себя даже по дьячковски. Къ этому присоединяется слишкомъ часто случающееся обстоятельство. Нынѣ, какъ увидимъ, на самую большую часть св-и-ц-сл-скихъ мѣстъ поступаютъ лица, обязываясь выдавать даже огромныя примѣнительно къ суммамъ семейству предшественника. Съ своею семьею еще можно бы уладить; но не выдавать обязательнаго пособія матери или тещѣ, братьямъ или сестрамъ своимъ, или жены своей — нельзя; не говоря уже о домашнихъ сценахъ, сразу ознакомишься въ Кр-ю. А нерѣдко при нынѣшнихъ знаменитыхъ порядкахъ новый священникъ даже въ долги впадаетъ еще до своего посвященія, покупая мѣсто и тратя деньги при своемъ производствѣ. М. б. въ первые годы дѣло какъ нибудь станетъ еще улаживаться; дѣтей своихъ еще нѣтъ, или мало; своя одежда и женнины платья, полученные въ приданое, еще не износились; еще можно перебиваться со дня на день. Но вотъ появилась куча своихъ собственныхъ дѣтей; надобно ихъ кормить, одѣвать; надобно сыновей содержать въ училищѣ, или готовить для этого деньги; вотъ является нужда сшить обновы и себѣ и женѣ.

Пренебрегать этими вещами нѣтъ возможности. Вѣдь водить своихъ дѣтей босоногами, или обувать въ лапти, одѣвать въ самотканныя домашнія сукно, или холстъ, право, невозможно, когда и дьячковскій сынъ обутъ въ сапоги, одѣтъ въ панталоны, порядочный сертучекъ и проч. Вѣдь и самому тоже ходить во вретищѣ не ловко; и прихожане станутъ смѣяться, да и вы, г. ч., съ пренебреженіемъ посмотрите на неприлично одѣтаго священника, а епархіальное начальство, пожалуй, заподозритъ въ скражничествѣ, или въ наклонности къ пьянству. О женѣ же нечего и говорить, тутъ сразу и свою хорошую рясу отдашь, что бы только она имѣла возможность купить себѣ бурнусъ, или мантилью. Что ни дѣлай, деньги становятся нужными; а ихъ не достаетъ. Въ добавокъ вражда причта и деревенской аристократіи не прекращается; неблаговоленіе о. благочиннаго и окрестнаго д-ва не уменьшилось; прихожане сами собою не увеличиваютъ своихъ приношеній; семейство предшественника грозитъ начать дѣло; въ собственной семьѣ поселяется бѣдность; въ будущности при принятой системѣ не предвидится никакого улучшенія. Что тутъ станешь дѣлать? Воевать со всѣми трудно; жить аскетомъ при семействѣ въ 5—10 человекъ, при тридцати градусовъ мороза, за недостаткомъ *акриды и двѣмъ меда*, хлѣбнаго дерева, бананова и финиковъ — невозможно. Нынѣ и преемники древнихъ аскетовъ живутъ въ хорошо, и иногда въ отлично меблированныхъ комнатахъ, одѣваются въ великолѣпныя одежды, знакомы съ утонченностями гастрономіи. Какъ же теперь нищенствовать не одному, а съ цѣлою семьею?

Но м. б. еще какънибудь дѣло и уладилось бы; себя ко всему можно принудить; — предѣловъ самопожертвованія и самоотверженія нѣтъ; — дѣтей, особенно сыновей тоже можно бы уговорить, или заставить переносить недостатки, вознаградивъ это прибавкою отеческой любви и заботливости о нравственномъ и умственномъ ихъ воспитаніи; съ дочерьми и особенно съ женою труднѣе было бы уладить; тутъ иногда семейное счастье зависитъ отъ обновокъ; впрочемъ все еще какънибудь сошло бы съ рукъ. Но у священника есть расходы не семейные, для которыхъ нужны деньги, хоть бы напр. на разныя взятки, пожертвованія, приношенія и проч., о чемъ скажу ниже.

Откуда же взять деньги, когда вполне добровольная плата крестьянъ за церковныя требы окажется недостаточною? Естественно, что при разрѣшеніи этого вопроса возникнетъ въ душѣ нововводителя борьба между желаніемъ

остаться вѣрнымъ тому идеалу, который онъ составилъ объ обязанностяхъ священника и между необходимою удвоительностью матеріальнымъ потребностямъ своимъ и своего семейства. У идеала только и есть одинъ союзникъ — тѣ понятія о значеніи священства, которыя вычитаны изъ книгъ, или пріобрѣтены отъ людей, не всегда впрочемъ идеальныхъ. Напротивъ враговъ идеала и союзниковъ матеріальныхъ потребностей многое множество; да кромѣ того потребности и сами умѣютъ говорить за себя сильнѣе, нежели идеалы. Что же остается дѣлать священнику въ этой роковой борьбѣ. Р-ся, нѣсколько времени станешь колебаться, а потомъ подумаешь, да и задумаешься; а м. т. матеріальныя нужды увеличиваются; нужда въ деньгахъ становится настоятельнѣе. Что дѣлать? По неволѣ попробуешь разстаться съ идеаломъ и прійтись по проложенной другими дорогѣ.

Первые шаги будутъ несмыслимы; руку протянуть съ опущенными внизъ глазами; говорить о прибавочкѣ стануть нетвердымъ и даже дрожащимъ голосомъ; но причтъ явится на помощь, поможетъ сдѣлать второй и третій шагъ. Повтореніе одного и того же поступка, какъ бы онъ ни былъ сначала для насъ тяжело и отвратителенъ, дѣлаетъ насъ равнодушными къ нему; удача ободряетъ; неудача раздражаетъ. А м. т. нужды священника растутъ. Вотъ уже надобно вести сыновей въ училище; тамъ нужно ихъ содержать на чистыя деньги; да нельзя уже одѣвать въ лохмотья, или самотканый холстъ. А вотъ и дочери становятся невѣстами; за мужиковъ отдать ихъ не хочется; да онѣ тамъ не годятся и даже погибнуть; а выдача за духовныхъ лицъ, по к. м. во многихъ епархіяхъ, стоитъ огромныхъ суммъ; — надобно спѣшить и спѣшить, какъ можно скорѣе, готовить приданое. Просьбы къ прихожанамъ о прибавочкѣ не всегда удаются. Почему же не попробовать прибѣгнуть къ настойчивости; почему не выразить неудовольствія, не погрозить чѣмъ либо и не исполнить угрозы на самомъ дѣлѣ? И вотъ нашъ нововводитель мало по малу разстается съ своимъ идеаломъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняются у него взгляды и на другія житейскія дѣла. Теперь онъ уже понимаетъ, что ему надобно имѣть опору и въ о. благочинномъ и въ деревенской аристократіи. Вслѣдствіе этого почему не польстить первому, не прислужиться къ нему, по к. м. не угостить его на славу, что бы изгладить прежнія непріятныя впечатлѣнія, прежнюю свою недогадливость? Можно и нужно сблизиться и съ деревенскою аристократіей, принаровиться къ ея привычкамъ,

даже поусвоить ихъ себѣ; сначала немножко стыдненько; но зато она съумѣетъ отблагодарить. И вотъ мы ее къ себѣ зовемъ; и сами у нее сидимъ; время проходить весело. За чѣмъ забывать и плесевеѣ-прихожанъ? Одинъ умѣетъ громко кричать на сходѣ; другой сразу попадетъ въ старосты, или въ волостные при слѣдующихъ выборахъ. Почему ихъ не потѣшить, выпивши у нихъ рюмочку — другую? Почему и у себя не поднести стаканчика два бражки, или рюмочку водки? Извѣстно, что шаръ, скатываясь по наклонной плоскости, не останавливается на срединѣ ея, а двигается къ къ низу съ большею и большею быстротою.

Такому аллегорическому движенію нашего нововводителя внизъ способствуютъ многія благопріятныя обстоятельства. Съ увеличеніемъ дохода водворились въ семействѣ довольство и спокойствіе; жена уже не жалуется на недостатки, не хмурится, а такая веселая, услужливая и распорядительная, что любо посмотреть; дѣти въ новыхъ хорошенькихъ рубашонкахъ и платицахъ сдѣлались милѣе, игривѣе; — не насмотришься и не нарадуешься на нихъ; причтъ оставилъ неприятности и грубости, сдѣлался услужливымъ, даже полюбилъ своего *отца*; о. благочинный доволенъ; сосѣдніе священники перестали сердиться; развѣ когда нибудь подтрунять надъ прежнею системою. Аристократія деревенская успокоилась и довольна, даже при случаѣ умѣетъ усмирить, или уговорить какого либо крикуна-мужика, который станеть жаловаться на поборы. Да и прочіе прихожане конечно, почесываютъ затылки, когда приходится расплачиваться за требы, но все таки говорятъ: «хоть батюшка беретъ и много, но зато не спѣсивъ, и насъ не обижаетъ отказомъ, да и отъ себя даромъ не отпуститъ. Вотъ сначала онъ что-то жилъ не по прежнему, несся высоко, а теперь знатный сталъ.» Будь нововводитель не изъ д-ва по происхожденію, ему бы съ поборами, съ напрашиваніями и выпрашиваніями трудно было бы свыкнуться. А теперь ему нужно только вспомнить свое дѣтство, и все дѣло кончено. Въ дѣтствѣ онъ тоже ходилъ по приходу, выпрашивалъ по капѣчкѣ ассигнаціями, говаривалъ: *прибавь, или дай дядюшка*. Теперь ему легче, онъ проситъ прибавочки гривнами, говоритъ часто *не яко проситель, а аки власть имѣяи*. Далѣе заискиванія, лесть, прислуживанія могли бы показаться тяжелыми при другомъ школьномъ воспитаніи. Ну а семинаріи умѣютъ къ этому приготовить. Вѣчныя проповѣди о пользѣ смиренія и вредѣ гордости даже благородной, поясные поклоны, скиданіе шапки предъ властями за 10—15 шаговъ,

недоступное величіе начальниковъ, гордое ихъ обращеніе и пр. и пр. давно уже убили всякую въ душѣ самостоятельность, благородную гордость; къ поклонамъ, къ лести привыкать нѣтъ никакого труда. Отъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ аллегорическое движеніе внизъ становится быстрѣе и быстрѣе. Даже замѣчено, что люди, подобные нашему нововводителю послѣ бываютъ иногда притязательнѣе того, кто съ самаго перваго раза пошелъ по проложенной дорогѣ; они какъ будто стараются вознаградить то, что потеряли, гоняясь за идеаломъ.

Описанъ мною сейчасъ самый благопріятный случай. Что же теперь сказать о томъ, когда поступаетъ на священническое мѣсто человекъ, который не увлекается идеалами, желаетъ только пользоваться доходами отъ прихода, надѣется при помощи ихъ и для нихъ жить. Въ первомъ случаѣ все-таки была борьба, а тутъ прямо принимаются за то, на что тамъ рѣшились чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, а иногда и лѣтъ. Тутъ иногда съ перваго раза налагаютъ даже прибавку на каждую потребу.

Но послѣдствія благопріятныхъ и неблагопріятныхъ случаевъ бываютъ почти одинаковы. Извѣстно, что нѣтъ возможности слишкомъ разсчитывать на моральныя качества того, кто унижается предъ другими, кто чувствуетъ себя униженнымъ въ своихъ собственныхъ глазахъ, кто сознаетъ, что его жизнь не соотвѣтствуетъ даже скромному идеалу. Какимъ же образомъ духовнымъ лицамъ сохранить уваженіе къ самимъ себѣ и приобрести уваженіе другихъ при той обстановкѣ, которая находится около нихъ? Необходимость угождать деревенской аристократіи, прислуживаться къ ней, полагаться ея вкусу и привычкамъ, сообразоваться съ ними, заискивать даже расположеніе и у неаристократіи, — все это убиваетъ сознание личнаго достоинства, притупляетъ и огрубляетъ эстетическое и нравственное чувство. Далѣе другая необходимость жить поборами съ присоединеніемъ вымогательства, прижимокъ, просьбъ и пр. ведетъ къ поступкамъ, которые не одобряются даже снисходительною совѣстію. А тутъ, то съ горя, то съ радости, то изъ угрожденія другимъ, то по развивающейся привычкѣ надобно выпить и тамъ и здѣсь, и у того и у другаго; является уже страсть, которая такимъ чернымъ пятномъ лежитъ на д-вѣ. Присоедините сюда гнетъ сверху, семинарское воспитаніе, дѣтскія впечатлѣнія, тогда поймете, какъ трудно нашему д-ву развивать свои моральныя качества. Тутъ почти не избѣжны которая либо изъ двухъ крайностей, а иногда и

объ попеременно. Человѣкъ или вполне падаетъ, пресмыкается, и уже не поднимается; или чувствуя свое униженіе, хочетъ искусственно закрыть его отъ себя и отъ другихъ: хочетъ поднять себя тщеславіемъ, высокомеріемъ, р-ся тамъ, гдѣ это можно.

Не богатые б. ч. доходы, получаемые съ униженіями, съ вымогательствами, съ разными не благоприятными обстановками, духовнымъ лицамъ приходится употреблять не на себя только, а и на семейства своихъ предшественниковъ, о чемъ уже въ этомъ отдѣлѣ не разъ были сдѣланы намеки. Съ несчастною системою поборовъ соединена не менѣе несчастная система замѣщенія св-и-ц-сл-скихъ должностей, которая полужалкое состояніе бѣлаго д-ва въ матеріальномъ отношеніи дѣлаетъ еще болѣе жалкимъ. Этою-то системою я займусь въ слѣдующемъ отдѣлѣ.

Отдѣль 16^{лй}.

О замѣщеніи св-и-ц-сл-скихъ должностей.

Православная Церковь для семейнаго счастья кого бы то ни было считаетъ необходимыми взаимныя любовь и согласіе супруговъ, и потому въ самомъ началѣ обряда бракосочетанія священникъ спрашиваетъ жениха и невѣсту, по собственному ли *произволению* и не по принужденію ли они вступаютъ въ супружество; и если кто либо изъ нихъ изъять свое несогласіе, то обрядъ не начинается. Съ этимъ постановленіемъ церкви, съ этою, можно сказать, святою истиною согласны и сердце, и здравый разумъ, и психологія, и даже статистика. Но странно, что въ настоящее время наша святая истина ни въ какомъ сословіи не встрѣчаетъ столько ограниченій, какъ въ бѣломъ д-вѣ, притомъ со стороны предстоятелей церкви. Здѣсь дѣло идетъ не о тѣхъ ограниченіяхъ, которыя основываются на каноническихъ законахъ, такъ напр. 18 апостольское правило не позволяетъ епископу, священнику и дьякону имѣть женою «вдову, или отверженную отъ супружества, или блудницу, или рабыню, или позорищную.» Нѣтъ, мнѣ приходится говорить объ ограниченіяхъ *нашего домашняго издѣлія, расейскаго произведенія.*

Нѣтъ ни одного ни гражданскаго, ни церковнаго постановленія, которое, бы запрещало духовнымъ лицамъ вступать въ супружество съ дѣвицами изъ дворянъ, купцовъ, чиновниковъ и прочихъ мірянъ. А м. т. едва ли не во всѣхъ епархіяхъ утвердился и настойчиво поддерживается обычай, обязывающій всякаго не только будущаго священника, или дьякона, но и причетника искать себѣ невѣсту въ д-вѣ. По этому при выдачѣ имъ билетовъ изъ к-ріи на бракосочетаніе прописывается, чтобы они вступали въ супружество съ дѣвицею духовнаго званія. А если бы кто либо захотѣлъ отступить отъ этого обычая, то ему нужно подавать къ епархіальному архіерею просьбу, которая удовлетворяется развѣ по какимъ либо особымъ обстоятельствамъ, напр. изъ уваженія къ будущему тестю, по ходатайству какаго либо знаменитаго мірянина, или по рѣдкому впрочемъ вниманію къ самому просителю. Напротивъ многіе даже наставники семинаріи, просившіе позволенія вступить въ бракъ съ дочерью какаго либо мірянина, должны были вмѣстѣ съ тѣмъ выйти изъ духовнаго званія. Подобныя изгнанія есть дѣло чистаго произвола епархіальныхъ архіереевъ, какъ доказываетъ слѣдующій примѣръ. Изгнанный т. о. изъ д-ва профессоръ одной семинаріи женился и получилъ даже чинъ; но потомъ вновь захотѣлъ поступить во священники, подалъ о томъ просьбу епархіальному архіерею и, получивши отказъ, пожаловался синоду, который предписалъ указомъ включить профессора опять въ духовное званіе и дать ему просимое имъ мѣсто.

На описанное ограниченіе духовныхъ лицъ при выборѣ невѣсть смотрятъ уже равнодушно: даже того, кто хочетъ отъ него отступить, считаютъ если не либераломъ, то чловѣкомъ неблагонадежнымъ, не заслуживающимъ никакихъ милостей и наградъ. Не ужели такое ограниченіе не странно, даже не противозаконно? Что напр. сказали бы, если бы Комитетъ министровъ, притомъ безъ Высочайшаго утвержденія, издалъ приказаніе, чтобы чиновники не иначе женились, какъ только на дочеряхъ чиновниковъ? Такое постановленіе сколько бы вызвало насмѣшекъ, возраженій, сколько бы возбудило негодованія, и по всей вѣроятности было бы тотчасъ отмѣнено? Но что стали бы говорить, еслибы губернаторъ, подражая Комитету министровъ, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы никто изъ чиновниковъ его губерніи не смѣлъ вступать въ бракъ ни съ кѣмъ, какъ только съ дочерьми чиновниковъ тойже губерніи; а если бы кто захотѣлъ отступить отъ этого; то долженъ подать о томъ особую просьбу

и ожидать милостивой резолюціи? Вѣдь очень вѣроятно, что врачебная управа получила бы приказаніе освидѣтельствовать умственное состояніе такого губернатора. А м. т. во многихъ епархіяхъ существуетъ распоряженіе, чтобы духовныя лица брали невѣсту не только изъ духовнаго званія, но даже не смѣли для этого выѣзжать за предѣлы своей епархіи. Но что еще скажете вы о томъ распоряженіи, по которому въ одной подмосковной епархіи кандидатъ священства могъ жениться только на священнической дочери, кандидатъ дьяконства на дьяконской и священнической, а причетнику можно было взять себѣ невѣсту и у своего брата причетника, и у попа, и у дьякона? Зачто такая не милость къ дьяконскимъ и особенно къ причетническимъ дочерямъ? Ну а если дьячокъ нашолъ средство хорошо воспитать и м. т. желаетъ отдать ее за духовное лицо? Нѣтъ, все таки пусть будетъ она только дьячихой! Подобныя распоряженія нельзя сравнивать съ тѣми, которыя я по предположенію приписывалъ Комитету министровъ и губернатору; они имѣли бы сходство съ тѣми, если было постановлено, что бы первогильдельные купцы женились на дочеряхъ такихъ же купцовъ, второгильдельные на дочеряхъ купцовъ обѣихъ гильдей, а мѣщане уже и на мѣщанскихъ и на купеческихъ дочкахъ, или чтобы мѣщане Казанскіе никакъ не смѣли брать невѣсту хотя и у мѣщанъ, но нижегородской или симбирской губерній. Или лучше подобныя распоряженія напоминаютъ намъ покойное наше крѣпостное право, когда помѣщики позволяли своимъ крестьянамъ жениться только на дѣвицахъ своей же вотчины.

Описанныя ограниченія, которыя по произволу епархіальныхъ архіереевъ стѣсняются духовныя лица при вступленіи въ супружество, можно назвать по русской пословицѣ, *только цвѣтиками, а ягодки впереди*. Такъ какъ въ д-вѣ женитьба и поступленіе на мѣста б. ч. тѣсно между собою связаны, то описаніе *нашихъ ягодокъ* я нашолъ нужнымъ соединить съ замѣщеніемъ св-и-ц-сл-скихъ мѣстъ. Напечатанная объ этомъ предметѣ статья Никитинскаго въ NN. 19 и 20 Дня за 1864 г.; содержитъ очень много подробностей, но не отличается большою послѣдовательностію. Поэтому покорнѣйше прошу редакцію Дня извинить меня въ томъ, что я воспользуюсь этою статьею, но изложу ее нѣсколько въ другомъ видѣ и присоединю свои замѣчанія и факты, которые не помѣщены въ ней.

Часть первая.

О передачѣ св-и-ц-сл-скихъ должностей по наслѣдству и родству, о покупкѣ и продажѣ ихъ и проч.

«Должностное лицо, говоритъ г. Никитинскій, въ военномъ, или свѣтскомъ званіи, почувствовавъ невозможность продолжать свою службу отъ старости, разстроеннаго здоровья, или другихъ причинъ, въ прошеніи пишетъ только о своемъ увольненіи, о выдачѣ пособія, или о назначеніи пенсіи. М. б. иногда и похлопочутъ, чтобы вакантное мѣсто было предоставлено какому либо сыну, внуку, зятю, или другому близнему лицу; м. б. и достигаютъ своей цѣли; но это бываетъ очень и очень рѣдко.» Но уже ни одно лицо, выходящее въ отставку, не прибавитъ въ своемъ прошеніи, что вотъ-де у меня есть сынъ, внукъ, племянникъ и проч., обучившійся тамъ-то; ему-то и прошу предоставить мою должность, — или что вотъ-де у меня есть совершеннолѣтняя родственница-дѣвица: дочь, внука, племянница и пр.; поэтому и прошу дозволить прискаты для нея мужа съ извѣстными качествами, и этого-то будущаго родственника опредѣлить на мое мѣсто. Подобныя просьбы не приснутя, не уважатся и, какъ оригинальные курьезы, пробудятъ общій хохотъ въ канцеляріяхъ, даже сразу попадутъ въ Искру, или Развлеченіе. Равнымъ образомъ небывалымъ событіемъ сочли бы, еслибы жена какого либо умершаго чиновника, напр. столоначальника подала просьбу въ слѣдующемъ тонѣ, что «вотъ-де по смерти моего мужа, скончавшагося такого-то числа, осталось семейство изъ семи члвкъ, между которыми находятся взрослые сынъ Петръ, или дочь Анна. Такъ какъ я, несчастная вдова, не имѣю со всемъ своимъ семействомъ никакихъ средствъ къ пропитанію, то покорнѣйше прошу оставить сдѣлавшуюся вакантною должность покойнаго моего мужа за моимъ сыномъ Петромъ, или дочерью Анною, и въ послѣднемъ случаѣ дозволить прискаты достойнаго зятя, который и займетъ вакантную должность.» Еще оригинальнѣе была бы просьба если бы вдова чиновника прописывала, что за малолѣтствомъ ея сына Петра и дочери Анны; она покорнѣйше проситъ утвердить вакантное мѣсто за ея семействомъ; въ такомъ слу-

чаѣ для исправленія должности покойнаго своего мужа найметъ кого либо до тѣхъ поръ, пока ея сынъ, или дочь не подрастутъ.

Подобныя просьбы какъ ни кажутся странными и даже смѣшными въ военной и гражданской службѣ, считаются законными въ духовномъ вѣдомствѣ, гдѣ, какъ справедливо замѣчаетъ г. Никитинскій, мѣста надобно назвать *наследственными*, или *передаточными*. Пожилое духовное лицо, состарѣвшись, сдѣлавшись больнымъ, или просто соскучивъ своею должностію и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣя взрослого сына, внука, даже племянника, въ прошеніи прописываетъ, что онъ не можетъ болѣе служить церкви божіей, просить уволить его отъ должности, но мѣсто предоставить такому-то сыну. Если послѣдній по своему образованію сколько нибудь соответствуетъ искомой должности, напр. если онъ, будучи кандидатомъ на священническое мѣсто, кончилъ курсъ семинаріи въ 1мъ и 2мъ разрядѣ, то единственнаго соперника, или лучше соперницу встрѣчаетъ въ взрослой своей сестрѣ. При трудности выдавать замужъ дѣвицъ духовныя лица находятъ болѣе выгоднымъ сдавать свои мѣста не сыновьямъ, а дѣвицамъ. Въ такомъ случаѣ приискиваютъ ей жениха съ извѣстными учеными качествами и просятъ опредѣлить его на мѣсто. Равнымъ образомъ въ случаѣ смерти духовнаго лица, если остались послѣ него взрослые сынъ, или дочь, то мѣсто по просьбѣ матери предоставляется за кѣмъ нибудь изъ нихъ, преимущественно тоже за дочерью; а въ случаѣ малолѣтства всѣхъ сиротъ, — ужъ, какъ говоритъ г. Никитинскій, *не лицу мужескаго, или женскаго пола, а собирательному существительному имени*, т. е. семейству умершаго. Это собирательное существительное имя получаетъ указъ на право пользоваться доходами мѣста, нанимаетъ какое либо заштатное духовное лицо для исправленія требъ и состоитъ, т. е. въ св-и-ц-сл-ской должности даже болѣе, нежели по 10 лѣтъ, пока или дочь не подрастетъ, или сынъ по своему образованію не сдѣлается достойнымъ мѣста. Иногда выходящее въ отставку духовное лицо, или вдова умершаго не имѣютъ ни сына, ни дочери; въ такомъ случаѣ вакантное мѣсто по ихъ прошенію представляется внуку, внучкѣ, племяннику. племянницѣ, притомъ родной, двоюродной и пр. Тутъ впрочемъ б. ч. берется во вниманіе не только мужнино, но и женнино родство. Т. о. въ случаѣ смерти кого либо изъ св-и-ц-сл-лей или бездѣтнаго, или оставившаго очень малолѣтнихъ дѣтей, за которыми по чему либо не находятъ возможнымъ *закрѣпить*

мѣсто, сестра вдовы дѣлается преемницею девера, уступая права свои мужу.

Наслѣдственная передача должностей въ бѣломъ д-вѣ имѣетъ не только семейный, но и хозяйственный, контрактный, отчасти даже коммерческій характеръ. Если сынъ наследуетъ отцу, то весь контрактъ почти всегда заключается въ томъ, чтобы первый покоилъ старость послѣдняго. Рѣдкій отецъ, напр. священникъ выговоритъ себѣ рублей 50 ежегодной, т. е. пенсіи, или известное количество ржи, крупъ. пшена, масла и пр., даже особую избу на тотъ впрочемъ случай, когда и преемнику и предшественнику не захочется жить вмѣстѣ. Само собою р-ся, что на преемника почти всегда возлагается обязанность, если остаются еще малолѣтныя братья, или сестры - дѣвицы, первыхъ содержать въ семинаріи, а вторыхъ выдать въ замужество. Но въ вознагражденіе за принимаемыя на себя обязанности, сынъ получаетъ отъ отца не одно мѣсто, но домъ, садъ, домашній скотъ, хозяйственныя заведенія и вещи, запасный зерновой хлѣбъ и пр. Развѣ только иной догадливый старикъ поторопится предъ сдачею мѣста продать нѣсколько штукъ изъ домашняго скота, или нѣсколько четвертей ржи, овса и пр., чтобы вырученныя т. о. деньги приберечь на черный день. Съ зятями, внуками, внучками, племянниками, племянницами и другими родственниками менѣе церемонятся. Конечно имъ, также какъ и сыновьямъ, почти всегда отдается домъ со всеми его принадлежностями; но зато выговариваются ежегодныя денежныя и хлѣбныя пенсіи гораздо въ большемъ количествѣ, нежели когда имѣется дѣло съ сыномъ. Разчетливые же и осторожные старики, особенно священники не иначе соглашаются уступить свои мѣста, какъ за порядочную сумму, напр. въ 1000 и болѣе рублей, которая или выплачивается заразъ, или разсрочивается на 5—10 лѣтъ. Такъ какъ духовныя лица б. ч. по старости или по слабости здоровья отказываются отъ своихъ мѣстъ; то зная, что имъ недолго жить, довольствуются малымъ; поэтому расходы ихъ преемниковъ какъ единовременные, такъ и ежегодные не слишкомъ обременительны; а потомъ вскорѣ смерть все поканчиваетъ.

Совсѣмъ другое дѣло бываетъ, когда по смерти духовнаго лица остается вдова съ семьєю. Наши духовныя дамы отъ причетницы до протоіерейши хорошо хозяйничаютъ на мужнины деньги, но слишкомъ рѣдко отличаются умѣньемъ добывать своими трудами себѣ хлѣбъ. Поэтому, чтобы обезпечить себя и дѣтей до зрѣлаго ихъ возраста, онѣ налагаютъ

на преемниковъ своихъ мужей, не исключая даже сыновей, очень тяжкія условія или, какъ ихъ называетъ д-во, *обязательства*. Въ городахъ обыкновенно ограничиваются б. ч. только выдачею ежегодной пенсіи, или содержаніемъ семьи. Въ Петербургѣ подобныя денежныя обязательства по священническимъ мѣстамъ состоятъ изъ нѣсколькихъ сотенъ рублей, поднимаются и за 500 р. Но и провинціи, даже села часто стараются подражать Петербургу въ своихъ требованіяхъ и щедрости; только въ селахъ обязательства состоятъ изъ выдачи не однихъ денегъ, но и разныхъ съѣстныхъ припасовъ; общей итогъ всего можетъ иногда изумить даже петербургскаго жителя. Такъ напр. одинъ священникъ сдалъ свое мѣсто съ тѣмъ чтобы зять въ теченіи пяти лѣтъ выдалъ ему 1000 руб., содержалъ двухъ сыновей его въ семинаріи и кромѣ того кормилъ тестя и тещу до ихъ смерти. Одна вдова-попадья, рѣшившись жить въ отдѣльномъ домѣ отъ сына, обязала послѣдняго ежегодно выдавать ей и малолѣтнимъ ея четверемъ дѣтямъ 120 рублей и еще 8 четвертей ржи, 3 четверти гречневыхъ крупъ, 2 четверти пшена, доставлять сѣна на содержаніе лошади, двухъ коровъ, четырехъ овецъ. Кромѣ того послѣ женитьбы сынъ отдалъ ей 2000 рублей полученнаго имъ приданаго за женою. Другая попадья желавшимъ занять мѣсто ея мужа предлагала слѣдующія условія: заплатить ей за домъ 2000 рублей въ теченіи 10 лѣтъ, потомъ выдавать независимо отъ этого до конца ея жизни по 150 рублей ежегодно и еще содержать ее самую и болѣе пяти человекъ дѣтей. Вѣдь это великолѣпнѣе, нежели въ Петербургѣ. Даже причетники въ селахъ нерѣдко обязываются вносить въ годъ 18—30 рублей и кромѣ того содержать еще иногда человекъ пять; по неволѣ удивишься, какимъ образомъ принимаютъ на себя такія обязательства.

М. т. многіе папаша наслаждаются цвѣтущимъ здоровьемъ, вовсе не желаютъ сдѣлаться заштатными, имѣютъ по нѣскольку дочерей, желаютъ ихъ во что бы то ни стало выдать за духовныхъ же; и м. т. у нихъ нѣтъ стариковъ родственникововъ, которые бы согласились хотя на тяжкихъ условіяхъ передать имъ свои мѣста. Къ счастью ихъ встрѣчаются духовныя лица, которыя по старости, слабому здоровью, или другимъ какимъ либо обстоятельствамъ должны выйти въ отставку, но вмѣстѣ съ тѣмъ или не имѣютъ родственникововъ и родственницъ, которымъ бы могли передать свою должность, или передачу находятъ для себя не очень выгодною. Такія лица, особенно священники извѣстны въ

нѣсколькихъ уѣздахъ, а иногда и въ цѣлой епархіи тѣмъ папашамъ, которымъ хочется пристроить своихъ дочекъ. «Папаша, какъ говоритъ г. Никитинскій, являются къ тому или другому изъ нихъ *единъ по единому*; для сохраненія секрета пріѣзжаютъ и бесѣдуютъ съ нимъ по ночамъ, приглашаютъ его для переговоровъ куда либо въ другой домъ, даже въ сосѣднюю деревню, ловятъ гдѣ либо нерѣдко въ городѣ, какъ *случайно* съ ними встрѣтившись. Атака при такихъ свиданіяхъ ведется издалека, а не по образцу кавалерійскихъ *маршъ-маршъ*. Сначала выражаютъ участіе къ почтенному человѣку, доказываютъ, что ему уже трудненько проходить свое служеніе церкви, что время успокоиться и пр. И когда настанетъ *время благоприятно*, когда всѣ маневры для пріобрѣтенія благосклонности будутъ окончены, тогда папаша предлагаетъ почтенному человѣку уступить свое мѣсто за приличную сумму. Почтенный человѣкъ понимаетъ и выгоду своей позиціи, и вмѣстѣ критическое свое положеніе и потому не вдругъ поддается и сдается. Начинаются торги, являются соперники, бываютъ переторжки, расходятся, разѣзжаются, вновь сходятся и сѣзжаются, переписываются; иногда такія дипломатическія уловки ведутся не мѣсяцъ, а годъ и даже болѣе. Но дѣло почти всегда оканчивается въ пользу того папаша, который обнаружитъ болѣе ловкости и дипломатическаго такта въ переговорахъ и особенно имѣетъ болѣе полный и объемистый кошелекъ. По окончаніи торговъ заключается письменный договоръ. Если надѣются встрѣтить *сверху* снисходительность, то договоръ вносится въ покорнѣйшее прошеніе; а если есть опасеніе, что такіе контракты не понравятся высокой особѣ, то въ прошеніи пишется, что вотъ-де я такой-то прошу меня по такимъ-то причинамъ уволить отъ должности. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ обоихъ уже случаяхъ еще болѣе покорнѣйше просятъ, чтобы для успокоенія старости просящаго, для обезпеченія его въ содержаніи, мѣсто было предоставлено за такую-то родственницею, или за такимъ-то родственникомъ (папаша нерѣдко этимъ способомъ пріобрѣтаютъ мѣста для своихъ сыновей), которыхъ, придерживаясь пословицы, нельзя назвать даже *киселемъ на седьмой водѣ*. Б. ч. дѣло улаживается; изъ новыхъ небывалыхъ родственниковъ одинъ получаетъ полномѣсную сумму, а другой, или другой мѣсто. Расходы въ этомъ случаѣ бываютъ иногда огромны. Если хлопотали о пристроеніи сына, то они вознаграждаются м. б. приданымъ, которое онъ получить за женою. Но если мѣсто пріобрѣтено для дочери, тогда надобно ей жениху прибавить

еще значительную сумму на посвященіе и первоначальное обзаведеніе; надобно дочь снабдить приданымъ; такъ что устройство дочери обходится до 4—6000 рублей.

Не у всякаго папаша, которому хочется пристроить свою дочь, заготовлено 6000, даже и 3000 рублей; а иногда и при такой суммѣ обыкновеннымъ порядкомъ нѣтъ возможности для нее найти мѣсто, а съ тѣмъ вмѣстѣ и жениха. Чтобы пособить горю въ этомъ случаѣ, прибѣгаютъ къ разнымъ способамъ; укажемъ на тѣ изъ нихъ, которые чаще другихъ употребляются.

1) Если скончается какое либо духовное лицо, не оставивъ по себѣ ни жены, ни дѣтей, или если послѣдніе не хотятъ хлопотать о предоставленіи за ними мѣста, то часто появляются родственники, которые при жизни покойника м. б., никогда у него и не бывали, даже находились въ открытой съ нимъ враждѣ. Но, вѣроятно на основаніи латинской поговорки: *de mortuis aut bene, aut nihil*, прописываютъ въ покорнѣйшемъ прошеніи своемъ къ епархіальному архіерею, что покойникъ былъ ихъ истиннымъ благодѣтелемъ, что они имъ только и жили, а со смертію его остались безпомощными сиротами; поэтому просятъ предоставить мѣсто за кѣмъ либо изъ нихъ.

2) Не имѣя возможности сослаться на родственныя связи, прибѣгаютъ къ юридическимъ доказательствамъ. Въ этомъ случаѣ въ покорнѣйшемъ прошеніи пишется, что сдѣлавшееся теперь вакантнымъ мѣсто принадлежало нѣкогда отцу, дѣду, или дядѣ такихъ-то безпріютныхъ сиротъ, что оно покойникомъ отбито у нихъ несправедливымъ образомъ, что тогда за нихъ не кому было вступиться, но что теперь, зная безконечное милосредіе владыки къ бѣднымъ сиротамъ, покорнѣйше просятъ возвратитъ мѣсто во владѣніе той семьи, которой оно прежде принадлежало. Мнѣ даже извѣстенъ былъ одинъ архіерей, который любилъ присвоивать себѣ титулъ *милостиваго*. При его предшественникѣ, не вполне уважавшемъ наслѣдственныя права на полученіе св-и-ц-сл-скихъ мѣстъ, одинъ дьяконъ былъ лишенъ своего сана за разные не проступки, а преступленія. На его мѣсто переведенъ былъ изъ сосѣдняго села другой дьяконъ, а мѣсто послѣдняго оставалось не занятымъ по причинѣ бѣдности прихода. Прошло послѣ того нѣсколько лѣтъ, какъ въ епархію пѣхалъ *милостивый* архипастырь. Жена разстриги подала ему просьбу о томъ, чтобы преемника ея мужа возвратитъ жить въ прежнее село, а его мѣсто предоставить такому-то ученику, который обязался взять ея дочь. Прошеніе было ува-

жено. Ученикъ женился, но прїѣхавши для посвященїя пошелъ вѣтеръ перемѣвившимся. Оскорбленный безъ всякой причины дьяконъ подалъ архіерею основательно написанную просьбу, что его безъ всякой законной причины переводятъ на прежнее мѣсто и потому просилъ оставить его въ теперешнемъ санѣ; въ противномъ случаѣ грозилъ подать жалобу въ синодъ. Милостивый архипастыръ былъ немножко трусливъ. Поэтому онъ оставилъ просителя на своемъ мѣстѣ, а женившася семинариста - ученика средняго отдѣленїя назначилъ въ бѣдное село; этотъ въ свою очередь хотѣлъ было жаловаться синоду, но его кое-какъ уговорили, обѣщая наградить впоследствии своими милостями, чего впрочемъ не исполнили; дьяконъ и теперь остается на томъ же мѣстѣ, а архіерей на томъ свѣтѣ. М. г. послѣдній при жизни продолжалъ свои *милости*, такъ что многіе даже священники переводимы были въ другія села, только п. ч. мѣста ихъ возвращались семьямъ предшественниковъ.

3) Въ случаѣ недостатка родственныхъ и юридическихъ правъ прибѣгаютъ къ филантропіи, прописывая, что вотъ есть такое-то семейство, которое находится въ крайней бѣдности и что предоставленіемъ ему празднаго мѣста можно спасти его якобы отъ нищеты и голодной смерти. Тутъ кстати иногда пересчитываются заслуги покойнаго главы семейства.

Во всѣхъ этихъ трехъ случаяхъ б. ч. мѣсто предоставляютъ двѣцямъ, или, какъ обыкновенно говорятъ, пристроиваютъ *непсту къ мѣсту*. Въ П-гѣ недавно скончалась матушка протопоица. Имѣя каменный домъ въ литейной части и кромѣ того хорошій капиталъ, она все-таки на основанїи 2 и 3го способовъ умѣла пристроить четырехъ своихъ дочерей единственно п. ч. мужъ ея былъ знаменитый, заслуженный протоіерей, а она крайне бѣдная женщина.

4) Извѣстно, что нѣкогда міряне-прихожане имѣли большое участіе при выборѣ кандидатовъ на св-и-ц-сл-скія мѣста, даже на основанїи законовъ, такъ напр. по указу 15 Марта 1737 г. (Собр. Зак. т. X стр. 84 No. 7204) «повелѣно . . . на убыльи мѣста во священника и дьякона выбирать . . . прихожанамъ всемъ необходимо и подавать о нихъ выборы за своими руками и пр.» Этотъ порядокъ остается и доселѣ извѣстнымъ подъ названіемъ *заручныхъ одобреній*. Такія одобренія нынѣ не имѣютъ никакой силы и развѣ принимаются во вниманіе въ томъ случаѣ, когда епархіальному начальнику нужно бываетъ предоставить за кѣмъ нибудь мѣсто по побужденїямъ, которыхъ гласными сдѣлать невозможно. Нынѣ

сила мірянъ при опредѣленіи духовнаго лица на мѣсто зависитъ собственно отъ того гражданскаго, политическаго, или финансоваго положенія, которое они занимаютъ въ обществѣ; а принадлежатъ ли они къ приходу, куда нужно назначить новаго священника, дьякона и пр., или никогда и въ немъ, и даже въ епархіи, въ которой онъ находится, не бывали и не будутъ, — это сторонній вопросъ. Одинъ какой либо графъ, князь, министръ, генераль, ихъ супруги, также богатый купецъ можетъ сдѣлать больше, нежели подпись всѣхъ настоящихъ, но не вліятельныхъ прихожанъ. Къ вліятельнымъ - то мірянамъ обращаются духовныя лица, которымъ хочется пристроить своихъ дѣтей, особенно дочерей въ епархіальномъ вѣдомствѣ. Въ слѣдствіе этого ходатаи-міряне или лично являются къ архіереямъ, или посылаютъ письма на всевозможные тоны. Но главная мысль въ нихъ выражается та, что В-е П-во крайне *насъ* обяжете, если пристроите такую-то дѣвицу, на такое-то мѣсто, а иногда даже прибавляютъ на имѣющую гдѣ либо открыться вакансію; р-ся, тутъ же говорятъ, что мы принимаемъ въ невѣстѣ, или отцѣ и матери ея живое участие. Тонъ прошеній и писемъ бываетъ конечно больше почтительнаго характера, но иногда напоминаютъ объ услугахъ, которыя или были или могутъ быть оказаны самому владыкѣ: *мы-де и сами когда либо приходимся вамъ*. Другіе же ссылаются на свои услуги церкви, напр. въ приходѣ одного помѣщика былъ дьячокъ настоящій, но ловкій пройдоха и негодяй, котораго *въ расплюхъ* трудно было застать. Ему захотѣлось быть дьякономъ; онъ поклонялся помѣщику; этотъ поѣхалъ къ владыкѣ и сказалъ, что онъ построилъ въ селѣ на свой счетъ (по завѣщанію матери) церковь и потому просить дьячка возвести во дьякона; дѣло къ удивленію окончилось въ пользу пройдохи.

5) Мірянамъ подражаютъ и духовныя особы. Извѣстно, что во всякой епархіи, кромѣ развѣ камчатской, есть множество духовныхъ лицъ, которыхъ родственники состоятъ гдѣ либо въ званіи архіереевъ, ректоровъ и инспекторовъ семинарій и академій, архимандритовъ знаменитыхъ монастырей и пр. Хотя они ссылаются на свое отреченіе отъ родства своего, когда напр. просятъ у нихъ денежнаго пособія, но не отказываются письменно ходатайствовать предъ епархіальнымъ начальствомъ за своихъ братьевъ, племянниковъ и пр.; расходы на бумагу и почтовые марки не очень обременительны. Архіереямъ не уважать подобныхъ людей нельзя, по к. м. всегда; они вѣдь тоже *наши*, а потомъ и

сами когда либо пригодятся. Кто ихъ знаетъ? иной, пожалуй, попадетъ и въ синодъ, пока еще мы живы.

6) И въ каждой епархіи есть порядочное количество духовныхъ особъ, на нужды и покорнѣйшія прошенія которыхъ нельзя епархіальному архіерею не обращать вниманія. Сюда относятся кафедральныя протоіереи, члены к-ріи, протоіереи уѣздныхъ городовъ, благочинные, настоятели монастырей; у однихъ есть дочери, внучки, у другихъ сестры племянницы и пр. (о мужескомъ полѣ я уже и не говорю). Конечно для всѣхъ ихъ находить мѣста и жениховъ трудно, но и отказывать всѣмъ невозможно. Особенно несчастна та епархія, которой начальникъ родился въ нейже. Тутъ появляется такое множество родственниковъ и родственницъ, что отъ нихъ, какъ выражаются, *проходу не бываетъ*. Но кромѣ плотскаго есть духовное родство, — крестники и крестницы. Одинъ еще здравствующій владыка имѣетъ въ своей епархіи множество такихъ родныхъ и для аккуратности ведетъ имъ списокъ. Выростутъ крестникъ или крестница; отецъ или мать идутъ къ своему сановному куму и просятъ пристроить *единачо изъ ево духовныхъ чадъ*. Владыка справляется съ списокомъ, и если справка подтверждаетъ слова просителя, то просьба удовлетворяется. Но иногда въ списокѣ нѣтъ имени крестника, или крестницы; владыка съ негодованіемъ говоритъ: «съ чего ты взялъ, что онъ, или ты (иногда являются и сами крестники) мой крестникъ? Это неправда.» Тогда проситель принимается доказывать, что владыка, вѣроятно, забылъ о томъ, когда были крестины; доказательства б. ч. удаются; крестникъ и крестница, иногда дѣйствительно мнимые, получаютъ мѣста. Я и забылъ сказать, что владыка соглашается быть кумомъ только почти однихъ родныхъ своихъ по плоти.

7) Епархіальные архіереи такъ высоко стоятъ надъ своими подчиненными, что послѣдніе рѣшаются ходатайствовать о своихъ родственникахъ, опираясь только на важность своихъ заслугъ. Умные и догадливые люди являются къ довѣренной особѣ преосвященнаго, напр.: къ писмоводителю, эконому и пр. предпосылаютъ иногда свою благодарность за будущія милости и излагаютъ затрудненія относительно выдачи своей дочери въ замужество. Милостивецъ, особенно смягченный предпосланною благодарностію, благосклонно выслушиваетъ іеремаду, а поущій ее проситъ совѣта, какъ бы помочь горю. Снисходительный совѣтникъ иногда послѣ нѣкоторыхъ колебаній, а иногда и прямо предлагаетъ самовѣрнѣйшее средство. Ступайте къ его Пр-ву и

одѣлайте какое либо пожертвованіе на какой либо благотворительный предметъ. Владыка, вѣроятно, распроситъ васъ о вашихъ нуждахъ.» Жертвователъ является, отдаетъ нѣсколько сотъ рублей и даже м. б. побольше, получаетъ похвалу за благочестивое усердіе и потомъ его спрашиваютъ о семейныхъ его обстоятельствахъ. Описаніе ихъ въ принявшемъ пожертвованіе пробуждаетъ сердечное участіе. «Да что же до сихъ поръ не говорилъ мнѣ о своихъ нуждахъ? Ты человѣкъ хорошій; грѣхъ тебѣ не помочь; ступай, потерпи, дочь твоя будетъ пристроена.» Иногда за хлопотами главнаго начальника подобнаго рода просьбы и пожертвованія принимаются его наперсникомъ. Способъ этотъ употребляется преимущественно богатыми людьми. Одинъ уѣздный протоіерей выдалъ т. о. первую свою дочь за академика, который, получивши мѣсто въ богатомъ селѣ, *долженъ былъ* взять себѣ жену по указанію владыки у о. протоіерея. Другая дочь отдана была по тойже методѣ за кончившаго курсъ семинариста, наследоваемаго отцовское мѣсто. Для третьей дочери открытъ былъ чадолюбивымъ папашею новый штатъ въ городѣ; но тутъ было явилось препятствіе; епархіальное начальство сверхъ ожиданія отказало дочери. Но о. протоіерей бросился въ Питеръ и оттуда пришло велѣніе пристроить его дочку къ мѣсту. Надобно сказать, что папаша трехъ дочекъ очень богатый человѣкъ, могъ бы выдать ихъ съ большимъ приданымъ, но зятя его этимъ не хвалялся. Способъ этотъ имѣетъ разнообразныя отбѣнки. Злые языки поговариваютъ, что будтобы пожертвованія не всё доходятъ до своего назначенія, что будто бы изъ нихъ составляются тѣ огромныя наследства, которыя получаютъ племянниками нашихъ владыкъ. Въ книгѣ о. с. д. пишется прямо (стр. 54): «и посредственное мѣсто студентъ можетъ получить подъ однимъ условіемъ заплативши за него. Прежде лѣтъ за 20, зло это еще не слишкомъ было сильно, но въ послѣднее время оно развилось до не вѣроятной степени . . . Продаютъ или письмоводитель архіерейскій, или келейникъ, а иногда и оба вмѣстѣ. Чѣмъ лучше мѣсто, тѣмъ выше цѣна, возрастающая иногда до 200 руб.» Но мало ли что говорятъ? Я скажу только, что дѣйствительно дочери пристраиваются чрезъ болѣе, или менѣе краткій промежутокъ.

8) Наконецъ къ тѣмъ невѣстамъ, которымъ даются мѣста съ женихами, или женихи съ мѣстами, принадлежатъ воспитанницы училищъ для дѣвицъ духовнаго званія. Такъ какъ они получаютъ воспитаніе отличное отъ того, которое могли бы дать имъ родители въ своихъ домахъ, то слѣдо-

вало бы ожидать, что семинаристы, какъ народъ учоный, будутъ, какъ говорятъ, брать *на расхватъ* этихъ учоныхъ невѣсть. Но на дѣлѣ не всегда это замѣчается; многіе употребляютъ всевозможныя усилія, чтобы только освободиться отъ нашихъ *синихъ чулокъ*, такъ что при свободномъ выборѣ невѣсть въ д-вѣ дѣвицы, воспитываемыя въ духовно-женскихъ училищахъ для званія попадѣй, дьяконицъ, дьячихъ б. ч. должны были бы выходить въ замужество за мірянъ. Чтобы спасти ихъ отъ такого безславія, заставляютъ кандидатовъ преимущественно священническихъ мѣстъ жениться на учоныхъ дѣвицахъ. Въ доказательство этого позвольте мнѣ сослаться на очень сильный авторитетъ. Послѣ того, какъ въ NN. 19 и 20 Дня 1864 г. была напечатана вышеупомянутая статья г. Никитинскаго, на нее появилась въ No. 26 той же газеты замѣтка, въ которой авторъ С. Ш. старается оправдать разсматриваемый мною способъ давать мѣста воспитанницамъ духовно-женскихъ училищъ. Вотъ что между прочимъ говоритъ г. С. Ш.: «въ тѣхъ епархіяхъ (гдѣ есть эти училища) епархіальные начальники стали предоставлять нѣкоторыя мѣста, *свободныя отъ прямого наслѣдства*, хотя часто и *обремененныя обязательствами* вообще бывшимъ воспитанницамъ училища дѣвицъ духовнаго званія. При этомъ уже *самимъ архіереемъ* выбирается одинъ изъ *лучшихъ студентовъ* семинаріи, которому предоставлялось въ *назначенный срокъ выбрать себѣ жену* изъ бывшихъ воспитанницъ училища дѣвицъ духовнаго званія. Согласившійся (!) принять предложенное т. о. ему священническое мѣсто обыкновенно являлся къ начальницѣ училища и испрашивалъ свѣдѣній о выпущенныхъ воспитанницахъ и ихъ адреса. Списокъ адресовъ доставлялся; *наружность и умственные и нравственные свойства*, замѣченныя у каждой изъ нихъ въ училищѣ, по просьбѣ просителя, *разсказывались*; вооруженный этими свѣдѣніями семинаристъ отправлялся *объяснять невѣсть*, и нерѣдко чрезъ двѣ или три недѣли былъ мужемъ одной изъ указанныхъ ему дѣвицъ и — священникомъ.» Не знаю, какъ вы, г. ч. думаете объ этой выпискѣ, а я ею очень доволенъ. Она заключаетъ въ себѣ много интересныхъ свѣдѣній. Изъ нее напр. видно, что при раздачѣ духовныхъ мѣстъ существуетъ *прямое наслѣдство*, что мѣста свободныя отъ прямого наслѣдства имѣютъ *обременительныя обязательства*, что избранный на такія мѣста *самимъ архіереемъ лучший студентъ* семинаріи получаетъ приказъ *въ назначенный срокъ выбрать невѣсту* изъ воспитанницъ училищныхъ, что въ училищѣ сообщаются жени-

хамъ свѣдѣнія о наружности, нравственныхъ и умственныхъ качествахъ невѣсть и пр.; искренно благодарю г. С. Ш. за эти интересныя подробности. Напрасно только онъ не позаботился быть нѣсколько поосторожнѣе и по деликатнѣе въ своихъ выраженіяхъ. Онъ говоритъ, что семинаристы *обязжуютъ невѣсть*. Вѣдь, чего добраго, иной насмѣшникъ скажетъ: «а! невѣсты - то, значить, бываютъ *не объѣзжены*; надобно еще объѣзжать ихъ.» Право, говоря о дѣвицахъ, не слѣдуетъ употреблять двумысленныхъ словъ.

Чтобы къ невѣстамъ, за которыми закрѣпляются духовныя мѣста, присватать жениховъ употребляются разные способы. Иногда родственники невѣсть сами отыскиваютъ жениха и съ нимъ являются къ владыкѣ. Догадливые папаша и мамыши, которымъ надобно пристроивать своихъ дочекъ, любятъ дѣйствовать изделека, т. е., какъ говорятъ, *заманивать и уламливать* жениховъ. Особенно это частенко бываетъ съ академистами. Вотъ напр., по словамъ г. Никитинскаго, молодой человекъ пріѣхалъ въ академію. Мѣстный какой либо папаша, иногда тотчасъ же а иногда за 2—3 года до окончанія курса академиста знакомится съ нимъ, приглашаетъ къ себѣ на чай, обѣдъ, даже на праздники и каникулы. Какъ не пойти? радушіе необыкновенное, угощеніе хорошее. М. т. знакомимся съ мамашею и ея дочкою. Сначала съ послѣднею какъ-то побавляемся говорить, потомъ привыкаемъ, увлекаемся; или насъ такъ обстановать, что уже нельзя выпутаться изъ незамѣтно разставленныхъ сѣтей. Тутъ указываютъ и на мѣсто, да мы и сами знаемъ безотрадную службу при семинаріяхъ. Эхъ, что тутъ думать? Иногда секретно обручимся прежде, нежели конференція рѣшить, какую учоную степень намъ дать за наше хожденіе не только въ классъ, но и къ невѣстѣ.» Но чаще владыки сами непосредственное принимаютъ участіе въ пристроеніи невѣсть. Вотъ напр. какой либо сынъ умершаго, или состарѣвшагося отца просить предоставить себѣ его мѣсто; вотъ еще другой отличный студентъ, или даже профессоръ семинаріи желаютъ поступить на совершенно вакантное мѣсто. Отказывать нѣтъ причинъ, но просителю говорятъ: «пожалуй, я тебѣ дамъ это мѣсто, только ты женись на такой-то дѣвицѣ, иначе мѣсто предоставится другому.» Думай сколько хочешь, а согласиться надобно; иначе на всегда останешься безъ мѣста за свое неповиновеніе властямъ. Нѣкоторые преосвященные дѣйствуютъ еще самостоятельнѣе. Узнавъ о томъ, что есть какое либо вакантное мѣсто, они призываютъ къ себѣ достойнаго, по ихъ мнѣнію, кандидата и говорятъ ему:

«не хочешь ли поступить на такое-то мѣсто?» И когда, получаютъ положительный отвѣтъ, то прибавляютъ: *такъ возьми себѣ такую-то невольству, иначе ничего не получишь*. Чтобы такъ дѣйствовать, нужно, очевидно, имѣть списокъ жениховъ и невѣстъ, первый получается изъ правленія семинаріи, а второй ведется секретно, домашнимъ образомъ; только такіе секреты иногда выходятъ наружу. Недавно одинъ начальникъ Т-ой епархіи былъ переведенъ въ другую губернію. Преемникъ его, перебирая оставшіяся бумаги послѣ предшественника, нашолъ между прочимъ списокъ о тѣхъ невѣсть, которымъ предназначались мѣста. Это впрочемъ была не простая перечень именъ и фамилій; тутъ-точно также, какъ и въ училищѣ, о которомъ говоритъ г. С. Ш., были описаны наружность, лѣта и другія качества невѣстъ, даже противъ нѣкоторыхъ были выставлены числа, когда ихъ видѣли при обзорѣ епархіи. Другой епархіальный начальникъ поступилъ еще оригинальнѣе. Епархія его была велика; разѣзжать семинаристамъ по ней для осмотра привилегированныхъ невѣсть обыточно. Для избѣжанія такихъ затрудненій, онъ въ одинъ годъ въ зимнее время приказалъ отцамъ привести въ резиденцію тѣхъ невѣсть, которыхъ онъ находилъ достойными для священническихъ мѣсть. Этотъ первый вызовъ оказался неудачнымъ. На слѣдующій годъ выписаны были новые, т. е. ть экземпляры невѣсть. Въ обоихъ случаяхъ семинаристы могли уже не *объѣзжать*, какъ выражается г. С. Ш., а *обходить* невѣсть; напрасно впрочемъ ихъ не собирали въ одну комнату и тамъ не показывали, какъ показываютъ товары на выставкахъ.

Изъ моего описанія способовъ замѣщать св-и-ц-скія мѣста слишкомъ очевидно, что они достаются не только по наслѣдству, родству, передаются, покупаются, продаются, но и предоставляются главнымъ образомъ дѣвицамъ или, какъ говорятъ, получаютъ *за женами и изъ-за женъ*. Въ самомъ дѣлѣ потрудитесь пересчитать *всѣхъ дочерей, внуковъ, племянницъ и другихъ родственницъ даже седьмого колѣна на водѣ*, всѣхъ тѣхъ, за которыхъ ходатайствуетъ множество болѣе, или менѣе вліятельныхъ лицъ, всѣхъ тѣхъ, которымъ отцы покупаютъ мѣста или прямыми сдѣлками съ стариками, или пожертвованіями на такъ называемыя богоугодныя и благотворительныя заведенія, всѣхъ воспитанницъ училищъ дѣвицъ духовныхъ заведеній, всѣхъ крестниковъ и крестницъ владыки; — тогда поймете, что почти нѣтъ возможности самому лучшему семинаристу, или академисту получить мѣсто не чрезъ невѣсту. А если вы, г. ч. петер-

бургскій житель, то соберите къ себѣ челоуѣкъ пятюкъ тамошнихъ священниковъ и протоіереевъ, и попросите ихъ по совѣсти сказать, сколько изъ ихъ собратій епархіальнаго вѣдомства получили сами собою священническаія мѣста. Если они дѣйствительно будутъ совѣтливы и откровенны, то услышите, что развѣ только десятая часть петербургскихъ епархіальныхъ священниковъ получила мѣста только по своимъ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ, а прочимъ всѣмъ такъ или иначе, официально, или секретно помочь *именей*. Это правда, самая вѣрная правда! М. б. только дробь $\frac{1}{10}$ надобно переимѣнить на $\frac{1}{12}$ или $\frac{1}{15}$.

Провинціи тоже не отстаютъ въ этомъ случаѣ отъ столицы. М. б. не въ каждой епархіи раздаются мѣста на основаніи всѣхъ выше изложенныхъ способовъ, но рѣши тельно можно сказать, что нѣтъ ни одной епархіи, гдѣ бы не господствовала большая часть этихъ способовъ; равнымъ образомъ нѣтъ ни одного способа, который бы въ большей части епархій не имѣлъ приложенія. Вездѣ мѣста даются или по наследственному праву, породству даже *кисельному седьмой воды*, или по протекціи; тамъ продаются и покупаются, тутъ получаютъ чрезъ пожертвованія; вездѣ почти есть обязательства, вездѣ, гдѣ находятся духовныя женскія училища, воспитанницы ихъ — привилегированныя невѣсты священниковъ. А есть и такія епархіи, гдѣ всѣ выше изложенные способы не только господствуютъ, но даже *свирѣпствуютъ*. Безъ преувеличенія можно сказать, что изъ лицъ бѣлаго д-ва, поступившихъ на должности въ послѣднія 25 лѣтъ, едва ли найдется хоть $\frac{1}{20}$ часть, которая получила мѣста совершенно свободныя, т. е. гдѣ бы новое духовное лицо не было обязано или платить извѣстную сумму семейству своего предшественника, или вступать въ замужество съ тою дѣвицею, которой предоставлялось мѣсто. Къ несчастію описываемая система стала проникать даже и туда, гдѣ она прежде не существовала. Прежде отъ нее свободны были мѣста законоучителей при учебныхъ заведеніяхъ, священниковъ при посольствахъ, соборныхъ протоіереевъ и пр. Но теперь много можно указать примѣровъ, когда и законоучители, и заграничные наши священники получали должности при помощи *именей*. Мѣста кафедральныхъ протоіереевъ нельзя давать ихъ семействамъ, или родственницамъ, но тутъ употребляется косвенный способъ. Кафедральнымъ протоіереемъ дѣлаютъ какого либо заслуженнаго челоуѣка, а его мѣсто достается уже семейству предшественника. Тотъ же способъ прилагается и къ протоіереямъ уѣздныхъ

городовъ, но тутъ давно уже во многихъ епархіяхъ опредѣляютъ наставниковъ семинарій съ тѣмъ впрочемъ, чтобы они взяли за себя дочь, племянницу, или другую какую либо родственницу умершаго, выходящаго въ отставку протоіерея.

Часть вторая.

О вредномъ вліяніи, которое имѣетъ нынѣшняя система замѣщенія духовныхъ должностей, на брачные союзы, на нравственность и семейную жизнь въ д-вѣ.

«Есть предметы, какъ говоритъ г. Никитинскій, достоинство которыхъ легко оцѣнить; стоитъ только ихъ описать и потомъ сравнить съ однородными предметами.» Къ этому роду относится и разсматриваемая здѣсь система замѣщенія св-и-ц-сл-скихъ мѣстъ. Сколько было бы шума и смѣха, если бы мѣста чиновниковъ, начиная хоть съ столоначальниковъ и до писцовъ, получались по наслѣдству, или изъ-за невѣсть и чрезъ невѣсть? Сколько бы было негодованія, если бы cadaго изъ нихъ опредѣляли не иначе, какъ напередъ взявши съ него подписку въ томъ, что онъ станетъ выдавать часть жалованья и доходовъ семьѣ предшественника своего? Не сочли ли бы противными законамъ божескимъ и человѣческимъ такія распоряженія, по которымъ подчиненные обязаны жениться по указанію, или предложенію начальника своего? Но зачѣмъ сравнивать д-во съ чиновниками? Куда ему по правамъ тягаться съ ними? Разсмотримъ лучше нашу систему съ другихъ сторонъ.

Безъ большаго запаса провицательности можно видѣть, что браки въ д-вѣ вовсе не похожи на то, чѣмъ бы имъ слѣдовало быть по здравому смыслу, и по постановленіямъ гражданскимъ и церковнымъ. Здѣсь бракъ заключается не въ слѣдствіе продолжительнаго ознакомленія жениха и невѣсты между собою, не въ слѣдствіе взаимнаго ихъ убѣжденія, что они походятъ своимъ характеромъ, по сердечному влеченію другъ къ другу могутъ, соединившись между собою, надѣяться на счастливую будущность. Здѣсь б. ч. женятся, п. ч. надобно одному пристроить себя къ мѣсту, а другой

выйти за мужъ, чтобы не потерять предоставленнаго ей мѣста, или не остаться на всегда дѣвицею, — женятся, п. ч. невѣста доставляетъ приданое, или мѣсто, или то и другое, а женихъ свою собственную фамилію, свои учоныя, гражданскія и іерархическія достоинства. Если мнѣ не вѣрите, то послушайте, что авторъ книги о. с. д. пишетъ. По его словамъ женихъ въ духовномъ званіи «обыкновенно ищетъ не собственно невѣсту, а деньги съ невѣстой, и хлопочетъ не о томъ, чтобы выбрать себѣ подругу жизни, а чтобы какъ можно болѣе найти денегъ. Приторговавшись къ нѣсколькимъ невѣстамъ, рѣшается тамъ, гдѣ дають больше, будь невѣста со всеми недостатками нравственными и даже физическими.» — (Другой) ищетъ поступить въ домъ. Это значитъ — ищетъ священника, который долженъ оставить свое служеніе. Здѣсь не обращается ни малѣйшаго вниманія ни на достоинство невѣсты, ни на быть семейный ея родителей, — можно ли спокойно и безтревожно жить съ ними. Главное — мѣсто, невѣста же можетъ быть двое старше жениха, и глупа и безобразна и пр. (стр. 55—56).» Присоедините сюда еще финансовыя договоры, разнородныя обѣщанія вспоможеній, покупку мѣстъ, — тогда поймете, что подобныя браки не похожи даже на гражданскіе браки; это уже полукommerческія сдѣлки, подряды, наймы въ работу, не записанныя въ маклерскія книги, а весьма часто внесенныя въ консисторскіе протоколы; все вообще очень отзывается нашимъ покойнымъ крѣпостнымъ правомъ, когда помѣщикъ приказываетъ Антону женить сына своего на дочери Андрона, а Пахому выдать свою внуку за одного изъ племянниковъ Семена. Конечно, академистъ и семинаристъ могутъ не жениться на указанной невѣстѣ. Но если ему говорить: «возьми за себя такую-то дѣвицу, иначе не получишь этого мѣста;» если онъ знаетъ, что такое предложеніе ему будетъ повторяться и послѣ; если затѣмъ онъ имѣетъ сильное расположеніе поступить въ бѣлое д-во или, лучше, не можетъ найти себѣ приюта ни въ одномъ изъ прочихъ сословій; то не похожъ ли онъ будетъ на антонова сына, которому баринъ велитъ жениться на дочери дяди Андрона? Конечно и невѣста можетъ не выходить замужъ, если ей женихъ не понравится; — физическаго насилія относительно ея въ церкви употребить нельзя. Но и она, какъ увидимъ ниже, находится въ столь стѣснительныхъ обстоятельствахъ, что очень похожа бываетъ на внуку дяди Пахома, которой надобно волей, или неволей быть женою одного изъ племянниковъ дяди Семена?

Дѣти дядей Антона и Андрона, б. ч. живя въ одной деревнѣ, знали другъ друга съ дѣтства, игравали вмѣстѣ на улицѣ, м. б. не очень ладили между собою, но зато уже могли расчитать, чего одному изъ нихъ нужно ожидать отъ другаго. Семинаристы, которымъ достаются мѣста изъ за невѣсту, очень часто бываютъ менѣе счастливы андроновыхъ и антоновыхъ дѣтей въ этомъ отношеніи. Тесть одного и свекоръ другой живутъ иногда не за 50, а за 100, 200 верстъ другъ отъ друга, не только незнакомы между собою, а даже не слыхивали одинъ о другомъ. Судьба, или воля начальства вдругъ теперь заставляеть ихъ породниться чрезъ своихъ дѣтей. И вотъ будущій вашъ, міряне, пастьеръ или дьяконъ пріѣзжаетъ съ кѣмъ либо изъ родныхъ къ будущему тестю и въ одно, т. е-ть, засѣданіе долженъ разсмотрѣть свою невѣсту, узнать ея характеръ, сблизиться съ нею и все это сдѣлать при не очень благопріятной обстановкѣ. Семинаристы, воспитанные по антисупружескимъ, монашескимъ принципамъ, вовсе не славятся умѣньемъ обращаться съ дамами и барышнями, а отличаются предъ ними скромностію и почти безгласностію, или уже самою широкою размашистостію. И вотъ пріѣхавшему будущему зятю показываютъ его невѣсту, усаживаютъ ихъ даже иногда рядомъ; разговоръ между ними не клеится, краснѣютъ, скажутъ слова два — три, вздохнуть, посмотрятъ въ разныя стороны, возьмутъ, пожалуй, другъ друга за руки; какое тутъ обліженіе? М. б. надобно ему еще переговорить о важныхъ дѣлахъ, о приданомъ, вознагражденіяхъ, выдачахъ и пр. Невѣста уходитъ за перегородку, начинаются торги, высказываются требованія, притязанія, доходятъ иногда до крупнаго разговора и наконецъ заканчивается сдѣлка (бракомъ я не хочу называть это).

Но и такое *сблжженіе* иногда находятъ не нужнымъ. Открывшееся напр. праздно священническое мѣсто представляется за какую либо невѣстою. Мясоѣдъ на исходѣ, откладываетъ свадьбу вдаль нѣтъ возможности; сразу явятся новые соперники и соперницы; ѣхать хоть взглянуть на невѣсту некогда. И вотъ, перекрестясь, семинаристъ подаетъ покорнѣйшее прошеніе объ опредѣленіи его на такое-то священническое мѣсто съ обязательствомъ жениться на такой-то; милостивая резолюція положена; билетъ изъ к-ріи выданъ; будущій священникъ заѣзжаетъ за отцомъ, или другими родственниками; всѣ отправляются къ будущему родственнику иногда въ такъ называемый дѣвичникъ; и вотъ тутъ-то, когда возвратъ невозможенъ, женихъ видитъ въ первый

разъ ту особу, которая должна быть вѣчною его подругою. Повѣрте, и такіе примѣры - не рѣдкость. Напр. въ одномъ изъ подмосковныхъ губернскихъ городовъ сдѣлалось извѣстнымъ вакантное священническое мѣсто 24 Февр. 1864 г. въ понедѣльникъ такъ называемой пестрой недѣли; отыскали въ тотъ же день перваго попавшагося семинариста, согласившагося жениться на невѣстѣ, о которой до тѣхъ поръ онъ и не слыживалъ; во вторникъ подано было прошеніе къ архіерею; въ среду получили изъ к-ріи билетъ на вступленіе въ бракъ и выѣхали изъ города; въ четвергъ пріѣхали въ домъ невѣсты, устроили дѣвичникъ, а въ пятницу обвѣнчались: — *вѣдь, настоящий романъ, только безтолковый.*

Даже непродолжительныя свиданія женихъ не всегда имѣетъ возможность употребить на ознакомленіе съ своею невѣстой, даже узнать, красива ли она, или нѣтъ. Нынѣ и въ селахъ умѣютъ, по русской пословицѣ, при сватовствѣ *лицомъ продавать товаръ.* Является покупщикъ-женихъ; продавцы товара, м. б., сами и не бывали въ театрахъ, но знакомы впрочемъ съ искусствомъ устроить декорации, раздавать роли и костюмировать актеровъ. Пріѣзжихъ милыхъ гостей раздѣляютъ другъ отъ друга; главныхъ между ними окружаютъ все возможнымъ вниманіемъ. Если они любятъ употреблять то, что составляло веселіе Руси при Владимірѣ — красномъ солнышкѣ, то недостатка въ угощеніи не будетъ. Въ противномъ случаѣ самые говорливые и вкрадчивые родственники невѣсты, самъ папаша и мамаша ея, садятся около жениха, не наговаряются съ нимъ, не надобуются его разговорами. Его занимаютъ, часы уходятъ, надобно разстаться; при такой обстановкѣ и въ десять визитовъ не узнаешь невѣсты. Если въ ней есть тѣлесныя недостатки, то прикрыть ихъ не стоитъ большаго труда, особенно предъ семинаристомъ. Невѣста рябовата, блѣдна, — ничего, — косметическія средства противъ безобразія извѣстны и въ селахъ; она не множко горбовата, — и это ничего; — не одни портные умѣютъ прикрывать этотъ недостатокъ. И вотъ женихъ и пріѣхавшіе съ нимъ родственники, слыхавшіе о нѣкоторыхъ тѣлесныхъ недостаткахъ невѣсты, съ удивленіемъ видятъ, что на лицѣ ея нѣтъ никакихъ впадинъ, что у нея, какъ говорится, *румянецъ во всю щеку* любо-дорого посмотрѣть; не множко какъ будто полновата, но горба никакого не замѣтно. — Глаза у невѣсты иногда разбѣгаются въ разныя стороны; въ такомъ случаѣ мамаша велитъ ей держать себя скромно, смотрѣть внизъ; это приписывается застѣнчивости, которая должна

пройти со временемъ. Иногда тактику измѣняютъ; разставляютъ свѣчи и сажаютъ молодыхъ такъ, чтобы женихъ не могъ видѣть хорошо глаза невѣсты. Р-ся, онъ не замѣтитъ никакихъ недостатковъ, бываетъ доволенъ, что слухи о безобразии его суженой оказались несправедливыми; родственники поздравляютъ его съ такимъ неожиданнымъ счастьемъ, въ которомъ приходится разочаровываться на другой день свадьбы.

А впрочемъ зачѣмъ быть слишкомъ разборчивымъ относительно внѣшнихъ качествъ невѣсты? При бракосочетаніяхъ въ д-вѣ, какъ говоритъ г. Благовѣщенскій (въ своемъ романѣ: *Предъ разсвѣтомъ* No. 4 Рус. С. 1865. г. стр. 176), считаютъ «невѣсту чѣмъ-то второстепеннымъ; — было бы мѣсто, а невѣста найдется,» говорить обыкновенно. Даже сами женихи (тамъ же и на тойже страницѣ), подобно Трепетову, говорятъ на счетъ выбора невѣсты: «да вези меня матушка или батюшка, куда хочешь, хоть въ лѣсъ, хоть въ балото.» Да иначе и нельзя. Пожалуй, будь разборчивъ, не женись, но вмѣстѣ съ тѣмъ откажись и отъ мѣста, которое предоставлено невѣстѣ. Притомъ еще неизвѣстно, будешь ли счастливей въ послѣдствіи? Представится ли случай получить болѣе хорошія мѣсто и невѣсту? М. т. разборчивость начальству можетъ показаться причудливостію, капризомъ, недостаткомъ любви къ ближнему и состраданія къ сиротамъ, даже не уваженіемъ къ нему — начальству, когда напр. оно само предлагаетъ невѣсту. На протестацію въ такихъ случаяхъ не обращаютъ вниманія. «Почему же ты не хочешь жениться на такой-то?» спрашиваютъ семинариста. — «Помалуйте, В-е П-во, отвѣчаетъ послѣдній, да она горбовата, рябовата, или подслѣповата.» «Вотъ еще что заговорилъ? отвѣчаетъ первый. Ну чтожь за бѣда? Вѣдь, дѣти отъ нее будутъ; смотри, какой прохотникъ! Тебѣ хотѣлось бы присвататься къ какой либо красавицѣ; женись, если хочешь получить мѣсто, а то и безъ тебя много найдется охотниковъ на него.» И не только семинаристы, а не рѣдко и академисты женятся; на протестацію почти никогда не рѣшаются, зная, что она не принесетъ никакой пользы.

Послѣ красоты при бракахъ едва ли не болѣе всего обращаютъ вниманіе на лѣта дѣвицы. Въ старое время женихъ рѣдко бывалъ моложе невѣсты. Но нынѣ уже много исключеній изъ этого правила, такъ необходимаго для семейнаго счастья. На первомъ планѣ являются тутъ причетники. Иная дьячиха, или пономариха дѣлается вдовою съ цѣлою кучею дѣтей. Если ей еще не болѣе 30—35 лѣтъ, то вла-

дыки предоставляютъ мѣсто собственно за нею и позволяютъ ей выбрать жениха. Хорошо, если кандидатомъ является тоже вдовый причетникъ; тутъ большей разницы въ лѣтахъ между мужемъ и женою не бываетъ. Но нѣкоторыя причетники предпочитаютъ вдовцамъ неженатыхъ семинаристовъ и т. о., имѣя 30—35, вводятъ въ свою семью двадцати лѣтняго супруга. За тѣмъ какой либо упрямый старикъ отецъ медлитъ отказать отъ своего мѣста въ пользу дочери. Иногда какая либо невѣста бываетъ такъ безобразна, что ни изъ академистовъ, ни изъ семинаристовъ долго никто не осмѣливается стать съ нею рядомъ подъ вѣнцомъ. Случается также, что сиротствующія дѣвицы духовнаго званія и даже имѣющія отцовъ не скоро находятъ протекторовъ, которые бы у епархіальныхъ властей исходатайствовали имъ какое либо мѣстечко. Во всѣхъ этихъ случаяхъ невѣсты засиживаются не только до 25, но даже до 30 лѣтъ. Тутъ наконецъ наступаетъ для нихъ *время благоприятно, день спасенія*; отецъ видитъ, что сдачу мѣста далѣе откладывать нельзя; является ходатай, который убѣждаетъ владыку пристроить невѣсту къ мѣсту. Снисходительный женихъ, не обращающій вниманія на красоту, или, лучше, на безобразіе невѣсты, отыщется; семинаристы на это смѣлый народъ. Въ томъ же романѣ г. Благовѣщенскаго (стр. 203) Трепетовъ, кончившій курсъ семинаріи, спрашиваетъ своего товарища Маевского: «что же ты нашолъ ли себѣ мѣсто?» Маевскій отвѣчалъ: «Еще бы? Вотъ въ зарайскій погостъ дьякономъ хочу поступить, тамъ и невѣста *закрѣпленная* есть. Она уже лѣтъ 20, говорятъ, въ невѣстахъ сидѣла, все меня поджидала, и вотъ встрѣтились таки наконецъ. Рыломъ-то уже больно не приличная, да мнѣ это наплевать; вѣдь не цѣловаться же съ нею.» И вотъ стоятъ предъ налоемъ женихъ лѣтъ 20—22, а невѣста 25—30. Подобное неравенство въ лѣтахъ нѣ хорошо и вездѣ, но въ д-вѣ, гдѣ священникъ и дьяконъ въ другой разъ не могутъ жениться, оно имѣетъ гибельное вліяніе на семейный бытъ, на супружескую вѣрность. Но и здѣсь скажи женихъ, что невѣста старше его, что *она ему не пара*; онъ услышитъ: «ну если не хочешь, то и безъ тебя найдется много охотниковъ, а ты подожди себѣ молодой невѣсты.»

Если при бракосочетаніяхъ въ д-вѣ такъ мало есть возможности обращать вниманіе на красоту и лѣта невѣсты, то едва ли еще не менѣе бываютъ разборчивыми на счетъ нравственныхъ и умственныхъ качествъ. Прежде всего трудно ихъ и узнать. Посидѣть 2—3 раза, а иногда даже и одинъ

разъ съ невѣстою при папашѣ и мамашѣ, при заготовленныхъ напередъ декораціяхъ, имѣть разговоръ о предметахъ самыхъ ничтожныхъ, — разговоръ, состоящій изъ вопросовъ въ 5—10 словъ и изъ отвѣтовъ въ родѣ: *да, нѣтъ, точно-такъ и пр.*, иногда поглядывать другъ на друга изъ подъ подлбья, — все это такія средства, при помощи которыхъ не узнаешь ни характера, ни образованности, ни нравственнаго настроенія. Если невѣста жила еще не далеко отъ жениха, то она могла быть извѣстною до сватовства, а за 100—200 верстъ кто ее могъ знать? Спросы о ней часто не ведутъ ни къ какимъ основательнымъ результатамъ. При бракахъ духовныхъ лицъ сосѣди раздѣлены на двѣ ожесточенныя партіи, одни въ невѣстѣ видятъ идеалъ всевозможныхъ совершенствъ; другіе, особенно тѣ, которымъ хотѣлось пристроить своихъ родственницъ, раскритикуютъ не только невѣсту, но и всѣхъ ея родныхъ по восходящей и боковымъ линіямъ. Гдѣ тутъ собирать свѣдѣнія? Женись, получи мѣсто, а тамъ самъ себѣ ужъ устройвай семейное счастье, узнавай прежнее, или давай новое нравственное и умственное образованіе женѣ.

До сихъ поръ говорено было только о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя въ бѣломъ д-вѣ заставляютъ жениховъ брать невѣсту если не *по неволѣ*, то по к. м. не *по свободной волѣ*. Но не надобно позабывать и другую половину; и ей тоже слишкомъ часто приходится быть въ неволѣ, когда дѣло касается браковъ. Между дочерьми духовныхъ лицъ и прежде встрѣчалось, и нынѣ еще болѣе встрѣчается невѣсты, которыя ознакомились съ *beau monde*, стыдятся называться кутейницами; имъ такъ и хочется быть и слыть великосвѣтскими дамами; особенно это часто случается въ столицахъ и губернскихъ городахъ. Такого рода невѣстамъ не нравятся ни академисты, ни семинаристы, особенно когда они поступаютъ въ д-во. И въ самомъ дѣлѣ что за удовольствіе быть женою человѣка, который надѣнетъ длинное платье, не уступающее въ своемъ объемѣ платьямъ съ кринолинами, отпустить длинные волосы? Съ нимъ нельзя будетъ ни ѣздить въ театръ, ни прогуливаться не только по Невскому Проспекту, Тверскому бульвару, но даже по Литейной улицѣ, Петровкѣ, Пречистенкѣ, даже Спиридоновкѣ и Галерной. Толи дѣло напр. молоденькій офицеръ съ закрученными усиками, съ погонами на плечахъ, или ловкій свѣтскій молодой человѣкъ, служащій гдѣ либо въ департаментѣ, при министрѣ, при губернаторѣ и пр.? Съ ними и до свадьбы можно танцовать до упаду; они такъ умѣютъ

разнообразить разговоръ, такъ мило подадутъ стулъ, перевернуть листъ нотъ во время игры на фортопанахъ; а послѣ свадьбы станутъ возить въ театръ, по баламъ, на пикники, гулянья, введутъ въ свѣтское общество. Потомъ почему не помечтать и о томъ, что они дослужатся до генеральскаго чина? Какъ пріятно будетъ слышать слова: Ваше Превосходительство; да безъ этого все таки на конвертахъ можно читать надпись: Ея Высокоблагородію, Ея Высокородію. А жена священника, протоіерея, даже протопресвитера не имѣетъ никакого титула; вѣдь, ея не зовутъ ни ея благословеніемъ, ни ея высокоблагословеніемъ; оставайся вѣкъ милостивою государынею, матерью протопопицею; а иной невѣжда назоветъ просто попадьею, или матушкою. Какъ же послѣ этого духовно-свѣтской, или свѣтски-духовной благовоспитанной дѣвушкѣ съ охотою выходить за мужъ за будущаго священника, или дьякона?

Тѣ дѣвицы бѣлаго д-ва, которыя получаютъ домашнее воспитаніе, особенно въ селахъ, не имѣютъ описанныхъ сейчасъ мною притязаній; любимую мечтою большей части ихъ бываетъ мысль *быть матушкою*; даже дочь священника скорѣе согласится выйти за причетника, нежели за достаточнаго мѣщанина. Но нерѣдко женихъ-семинаристъ до такой степени бываетъ дурень лицомъ, что даже при бородѣ будетъ казаться уродомъ. Иногда же такъ неловокъ, не развязенъ, приторно-вѣжливъ, тупоуменъ, что и сельская невѣста не можетъ безъ смѣха смотрѣть на его ужимки и выходки. Иногда же дурные отзывы о его поведеніи, о характерѣ отца и братьевъ его такъ ясны и положительны, что связать свою свободу съ нимъ значитъ осудить себя на постоянное горе. И вотъ по этимъ и другимъ причинамъ сельскія даже духовныя дѣвицы рѣшаются хотъ на первый разъ отказаться выходить въ замужество за извѣстнаго семинариста.

Революціонныя тенденціи дѣвицъ духовнаго званія въ столицахъ, городахъ и селахъ усмиряются почти вездѣ одинаковымъ образомъ. Отецъ, мать и родные принимаютъ доказывать невѣстѣ, что хотъ женихъ и не имѣетъ всѣхъ достоинствъ, но что мѣсто хорошо, что, пренебрегши женихомъ, можно потерять мѣсто, что другіе женихи требуютъ большаго приданаго, а у отца остается еще множество дочерей и сыновей, для которыхъ нужны тоже деньги, что, упустивши теперь благоприятный случай, можно навсегда, или на неопредѣленный срокъ остаться въ дѣвицахъ и пр. Если эти доказательства не оказываютъ надлежащаго дѣй-

ствія, то начинаютъ просить, плакать, называютъ неблаго- дарною, непослушною дочерью, не забываютъ угрозы, а иногда приводятъ ихъ въ исполненіе. Энергическія дѣвушки, чувствуя слабость своего положенія предъ отцомъ и матерью, рѣшаются дѣйствовать на жениховъ, обращаются съ ними, какъ можно холоднѣе, выказываютъ имъ полнѣйшее свое нерасположеніе; иная посмѣлѣе даже прямо, р-ся, тайкомъ отъ папашы и мамашы, объясняетъ, что она не любитъ его, что они, соединившись, оба будутъ несчастными. Въ Петербургѣ бывали примѣры, что когда женихъ пріѣзжалъ къ будущему тестю, то невѣста находила причины куда либо уѣзжать, или не выходить изъ своей комнаты, — другая нарочно танцевала съ какими нибудь офицеромъ, или фрачникомъ, а на жениха не обращала никакого вниманія; иная ни слова не говорила цѣлые вечера, которые женихъ долженъ былъ по обычаю проводить у будущаго тестя. Въ селахъ же свое нерасположеніе выражаютъ проще; гдѣ либо за перегородкою заливаются слезами съ прибавкою такихъ либо рыданій, которыя слышны на улицѣ. Но все эти протесты и манифестаціи остаются б. ч. безъ всякой пользы; женихъ, зная, что съ невѣстою дается ему мѣсто, не обращаетъ вниманія на дѣвичьи капризы; отецъ, мать и родные совокупными силами нападаютъ на непослушную и благодарную; и она волею, или неволею покоряется.

Послѣ сказаннаго мною о бракахъ въ д-вѣ трудно ожидать, чтобы они были счастливыми. Несчастіе, или по к. и. непріятности начинаются иногда съ перваго дня; многимъ не извѣстны бываютъ даже медовые мѣсяцы и недѣли. Одна дѣвица, мечтавшая о свѣтскомъ, или военномъ мужѣ, дѣлается женою того, кто долженъ надѣть длиннополую рясу и ширококрылую шляпу. Другая хотя и желала быть за духовнымъ лицомъ, но не влюбила жениха, избраннаго для нее отцомъ и матерью и даже прямо выказывала и высказывала свое къ нему нерасположеніе. Такія невѣсты, уступивши настойчивости родныхъ, покорившись роковымъ почти обстоятельствамъ, подъ гнетомъ которыхъ находится д-во и ж. б. владѣя порядочнымъ запасомъ энергіи и упругмства, не думаютъ себя пересилить и измѣнить а съ перваго же дня хотятъ показать своему мужу, что онѣ его не любятъ. Одна, постоявши подъ вѣнцомъ и поцѣловавшись съ мужемъ въ церкви, пріѣхавши потомъ въ каретѣ въ квартиру, въ цѣлый вечеръ держитъ его отъ себя въ почтительной дистанціи, не говоритъ съ нимъ ни слова, но вмѣстѣ съ тѣмъ, веселится съ другими, танцуетъ, шу-

титъ и пр. Смѣшно смотрѣть въ такихъ случаяхъ на вновь пожалованнаго супруга; онъ или садится гдѣ либо въ уголокъ и толкуетъ шопотомъ съ своимъ какимъ либо пріятелемъ, который изъ сожалѣнія старается поразвлечь его; или ходитъ за своею милою *княжицею*, которой расточаетъ любезности держащій ее подъ руку офицеръ, или фрачникъ; *держатъ* иногда завести рѣчь, но ему не отвѣчаютъ, или высказываютъ колкости. Однажды такой мужъ, взявши свою супругу за руку, похвалилъ надѣтый на ней перстень съ брилліантами. Супруга, снявши съ пальца дорогой перстень, бросила его на полъ и сказала, что онъ *ее мучитъ и жметъ*, Брилліанты выпали; перстень былъ взятъ, к-ся, только на вечеръ; поднялась суматоха; появились щотки, которыя стали выметать комнату; гости должны были встать со стульевъ, осторожно переходить съ мѣста на мѣсто до тѣхъ поръ, пока не отыскали брилліантовъ. Другая и въ церковь является съ покраснѣвшими отъ слезъ глазами, не перестаетъ плакать и тамъ, а по возвращеніи въ квартиру, садится по обычаю на диванъ съ мужемъ, сидитъ какъ какая либо жертва; мужъ или молчитъ, или пробуетъ завести какой либо разговоръ. Гостямъ тоже не кстаети веселиться; какъ люди благовоспитанные, они не смѣются, но какъ-то по неволѣ принимаютъ торжественный и мрачный видъ; и свадебный вечеръ похожъ бываетъ на погребальное собраніе. Въ слѣдующіе дни положеніе новобрачныхъ не улучшается. Что же послѣ бываетъ? Да разныя явленія. Напр. одного мужа, сдѣлавшагося послѣ знаменитымъ протоіереемъ, не взлюбила молодая жена; ни увѣщанія, ни ласки, ни что не помогло; тогда мужъ, посовѣтовавшись съ тестемъ, употребилъ рекомендуемое Домостроемъ средство для укрощенія кичливыхъ женъ. — Одной матушкѣ протопопицѣ дочка, мечтавшая только объ офицерскихъ эполетахъ и попавшая за священника, говорила до свадьбы, что она мужа не станетъ любить. «Ну это увидимъ,» отвѣчала старуха. Но дочь захотѣла поставить на своемъ; мать, не владея даромъ убѣжденія, прибѣгла тоже къ средству, рекомендуемому Домостроемъ. Третья новобрачная не захотѣла ни подъ какимъ видомъ сходитьсь съ мужемъ; ничто не могло измѣнить ея рѣшительность. Поэтому, когда мужъ, сдѣлавшись священникомъ, перѣхалъ въ церковный домъ, она осталась у отца, и женатый мужъ долженъ былъ жить и умереть женатымъ холостякомъ.

Описанныя сейчасъ исторіи случались въ городахъ, даже столичныхъ. Въ сельскомъ д-вѣ хоть по наружности соблюдается такъ называемый страхъ божій и повиновеніе роди-

тельской власти; и потому невѣста, вышедшая за мужъ даже противъ своего желанія, на первыхъ порахъ б. ч. покоряется необходимости и отъ того новобрачная чета наслаждается медовыми мѣсяцами. Но скоро мужъ и жена замѣчаютъ, что они не схожи между собою ни по характеру, ни по образованію, ни по взглядамъ на жизнь, почти то же, что огонь и вода. Счастье, если у одного есть твердость характера и умъ, а у другой женскій тактъ и пониманіе супружескихъ отношеній; тогда угловатости взаимнаго ихъ положенія какъ нибудь сглаживаются, и привычка заставляетъ жить если не счастливо, то не вполнѣ несчастливо. Но б. ч. дѣла идутъ иначе. Мужъ опирается на свою учоность, на свое официальное, гражданское и церковное значеніе, а жена часто имѣетъ право говорить, что мѣсто дано было ей, что безъ нея онъ и теперь *сидѣлъ бы гдѣ нибудь у моря и ждалъ* благоприятной поюдки. Старики родители новобрачной четы не отличаются умѣньемъ тушить начинающійся пожаръ, особенно если уже причислены къ *защитнымъ*. Въ послѣднемъ случаѣ они бывають недовольны своимъ положеніемъ; одинъ потерялъ значеніе свое въ приходѣ, у другой ускользнуло изъ рукъ хозяйство въ томъ домѣ, гдѣ она такъ долго была госпожою. А когда люди недовольны собственнымъ своимъ положеніемъ, то они рѣдко имѣютъ способность и желаніе примирить враждующія стороны, пристають къ которой либо изъ нихъ и, т. с-ть, раздуваютъ огонь. Если старики живутъ отдѣльно отъ молодыхъ, то и тутъ бываетъ много причинъ къ взаимнымъ неудовольствіямъ; зять недоволенъ приданымъ; тестъ и теща оскорбляются неуваженіемъ зятя; отецъ и мать мужа стараются поддержать сына; тутъ уже у каждой партіи является по вспомогательному корпусу. Сначала вражда б. ч. ничтожена, даже похожа на искорку; появившіяся неприятели можно сравнить съ мелкими стружками и лучинками. Но извѣстно, что отъ искорки, которая раздувается вѣтромъ и обкладывается стружками и щепками, начинаются пожары. А что скажете о тѣхъ случаяхъ, когда и первоначально зажигаютъ костеръ сухихъ дровъ пучкомъ лучины, да потомъ льютъ на огонь масло? Дѣйствительно пожары въ семейномъ быту д-ва бывають опустошительные. Не говорю уже о томъ, что происходитъ между мужемъ и женою съ глазу на глазъ; пусть это останется пока въ секретѣ . . . Но много можно представить примѣровъ, когда жены духовныхъ лицъ убѣгали отъ своихъ мужей. Въ одну к-рю, подано было священникомъ прошеніе о томъ, чтобы ему полицейскимъ пу-

темъ возвращена была жена, переселившаяся къ полковнику. Въ другомъ мѣстѣ жена переселилась сначала къ отцу-проіоерею. Мужъ потребовалъ выдачи ея, но жена ушла изъ города и нѣсколько дней пробыла у окрестныхъ инородцевъ, пока отецъ не отыскалъ ея. Изъ одного села молодая попадья ушла веретъ за полтораста къ своему заштатному отцу и около года не хотѣла возвратиться къ мужу. И при взаимной любви между новобрачными въ д-вѣ есть много причинъ, препятствующихъ семейному счастью. «Тутъ, какъ говорить г. Никитинскій, одну изъ главныхъ роль играютъ тѣ обязательства, которыя принимаетъ на себя духовное лице при поступленіи на мѣсто, общаясь или пропитывать семейство своего предшественника въ нѣсколько человѣкъ, или выдавать пособіе деньгами и запасами въ нѣсколько не десятковъ, а даже часто сотенъ рублей. Конечно въ богатѣйшихъ приходахъ напр. въ Петербургѣ при владимірской, вознесенской, скорбященской, смоленско-кладбищенской и др. церквахъ священникъ, выдавши семьѣ предшественника 500, даже 1000 руб., имѣлъ бы еще отъ своихъ доходовъ остатокъ, который позволить ему при доровыхъ квартирѣ и отопленіи жить безбѣдно; но и тутъ непріятны такія выдачи; вѣдь изъ нихъ въ 10—20 лѣтъ можно составить капиталъ для обезпеченія собственныхъ дѣтей. Но каково теперь ежегодно издерживать до 200—300 р. на семейство своего предшественника въ селѣ, гдѣ доходы отъ земли и прихожанъ состоятъ не болѣе, какъ изъ 500—1000 руб.? Что сказать о священникѣ, который получить въ годъ 100—150 руб. и платитъ иногда 30—50 руб. или о дьячкѣ, который изъ 50—80 руб. долженъ удѣлять своей тещѣ 15—25 руб.»

Сначала, пока собственное семейство духовнаго лица, обязавшагося дѣлать разныя выдачи, состоитъ изъ двухъ лицъ, дѣло еще безъ труда улаживается. Но вотъ появились на свѣтъ свои дѣти, составляется семья изъ 5—8 человѣкъ; вѣдь, ее надобно содержать, да еще и обезпечить въ будущности; а, главное, надобно приготовить дочерямъ приданое, которое въ д-вѣ такъ дорого стоитъ. Для этого часто прибѣгаютъ къ самой стрѣгой экономіи. «Иной, по словамъ г. Никитинскаго, даетъ въ приданое за дочерью тысячи, а самъ не всегда ѣстъ во щахъ говядину, частенько забѣливаетъ ихъ смѣтаною, довольствуется сухарями съ квасомъ и лукомъ, кашею съ коноплянымъ масломъ и съ тѣмъ же квасомъ; работаетъ не хуже крестьянина, носить одну и ту же рясу по 10—20 лѣтъ и пр. Это не скражничество, а своего рода самопожертвованіе для счастья

своей дочери. За тѣмъ содержаніе сыновей въ семинаріи не отличается роскошью. За дочерьми дадутъ салоны, бурнусы, мантильи изъ дорогихъ матерій и въ добавокъ деньги, а сынъ живи гдѣ либо въ грязной комнатѣ, ходи въ овчинномъ тулупѣ, не сиди конечно голоднымъ, но и не балуй своего аппетита вкусной пищей; а главное: оставайся безъ всякаго надзора. Многіе священники прибѣгаютъ даже къ займамъ; рѣдкій изъ нихъ послѣ выдачи дочери въ замужество за священника же не бываетъ долженъ по тысячѣ рублей, часто и болѣе; связываетъ себя на цѣлую жизнь и часто умираетъ, не расплатившись съ кредиторами. Это встрѣчается даже въ самой Москвѣ.»

Не смотря на всѣ лишенія, на долги, надобно уплачивать большую сумму, или содержать цѣлое семейство по обязательству, данному при поступленіи на мѣсто. Что ни говорите о необходимости свято исполнять обѣщанія, но когда человѣкъ самъ подвергается многимъ лишеніямъ, не предвидитъ облегченія и въ будущемъ, то по неволѣ задумавшись, начнешь сожалѣть о данныхъ обязательствахъ, тяготиться своимъ положеніемъ и тѣми людьми, которые дѣлаютъ его затруднительнымъ, придумывать средства какъ бы облегчить себя; по неволѣ дашь волю своимъ мыслямъ и сочтешь позволительнымъ или содержать плохо семью своего предшественника, или задерживать выдачу ей пособія; во всякомъ случаѣ почувствуешь холодность къ этой семьѣ, или что либо болѣе. Послѣдствія бываютъ разнообразны, смотря потому, кто поступилъ, — сынъ, зять предшественника, или кто другой. Въ первомъ случаѣ, если осталась мать съ дѣтьми, то сынъ м. б. сначала заступится за своихъ братьевъ и сестеръ, но невѣстка непременно станетъ болѣе думать о своихъ дѣтяхъ; свекровь же, оскорбленная и безъ того потеряю своего значенія въ домашнемъ хозяйствѣ, еще болѣе оскорбится невниманіемъ къ ея дѣтямъ. Во второмъ случаѣ теща будетъ м. б. имѣть союзницу въ замужней дочери; но зятю естественнѣе думать о своемъ собственномъ потомствѣ. Въ обоихъ случаяхъ въ одномъ и томъ же домѣ будутъ двѣ партіи враждебныя между собою. Тутъ уже отъ ссоръ и дрягъ не оберешься; тутъ пожаръ поддерживается не стружками и лучинками, а сухимъ валежникомъ и другими горючими матеріалами. Какія бываютъ тутъ грязныя исторіи и сцены? Тамъ теща, имѣя незамужнюю дочь, или взрослога сына, которымъ можно передать мѣсто, пятнаетъ зятя предъ благочиннымъ и епархіальными властями, чтобы выжить его изъ села. А здѣсь кричатъ: *караулъ, заступитесь*

и даже выбѣгаютъ на улицу съ растрепанными волосами, съ снѣжками на лицѣ. Трудно рѣшить, кому здѣсь больше достается? Тецѣ ли, зятю, или нечастной дочери и вмѣстѣ женѣ? Если дочь держитъ нейтралитетъ, то теща рѣдко одерживаетъ побѣду; но если онѣ обѣ заключаютъ союзъ, ну тогда держись и зять. Но отвратительнѣе всего, когда сынъ не ладитъ съ матерью. Вотъ и примѣръ. Одинъ священникъ, поступивъ на мѣсто своего отца, обѣщался выдавать матери, сестрѣ и брату пособіе деньгами и запасами и жить съ ними вмѣстѣ. Началась разладаца; мужъ и жена составляли одну партію, а старуха съ дѣтьми другую. Обѣ партіи обѣдали врозь; первая партія кормила вторую, но ложекъ своихъ не давала; — *мы-де обязались доставлять вамъ пищу, а не ложки.* Однажды какъ-то у старухи и двухъ дѣтей осталась одна ложка и они трое должны были обѣдать, передавая ее другъ другу. Въ другой разъ сынъ, ласкаясь къ женѣ, назвалъ ее Еввою, а себя Адамомъ, потомъ вдругъ сказалъ: «а кто же у насъ змѣй-искуситель?» и указалъ пальцемъ на свою мать.

Къ несчастію многіе св-и-ц-сл-ли «не выдерживаютъ себя, а, какъ говоритъ г. Никитинскій, *надламываются* и даже переламываются. Тяжесть принятыхъ обязательствъ, происходящія отъ того семейныя лишенія, невозможности обезпечить себя и дѣтей, ссоры съ сѣмьею предшественника, тяжбы въ к-ри, разладаца съ женою, должность, которая не даетъ права надѣяться на что либо лучшее въ будущемъ (да мало радуется въ настоящемъ); — все это по частямъ можетъ разстроить сильную голову. Что же сказать, когда соединяются нѣсколько такихъ обстоятельствъ, а иногда и всѣ? Тутъ еще и совѣсть начинаетъ поговаривать: «зачѣмъ же ты принималъ на себя такія обязательства? зачѣмъ женился, не ознакомившись хорошенько съ своею невѣстою? зачѣмъ увлекся житейскими побужденіями? Вѣдь, и ты могъ предвидѣть и даже предвидѣлъ все, что теперь терпишь, а только — или не захотѣлъ подумать, или не послушалъ здраваго смысла. Самъ виноватъ. М. б. придутъ при этомъ на память нѣкоторые не совѣмъ нравственные поступки которые употреблены были, чтобы получить «мѣстечко.» Когда все это взойдетъ въ голову, мудроно ей здраво разсуждать и дѣйствовать.» А я съ своей стороны прибавлю, что теперешніе русскіе люди — потомки тѣхъ русскихъ людей, которые любили *заливать свое горе виномъ.* И вотъ семинаристъ и академистъ, которыми можно было любоваться, пока они ходили въ сертукѣ, забываютъ въ

своихъ несчастіяхъ прибѣгать съ своими молитвами къ Тому, кого мы называемъ своимъ небеснымъ отцомъ, и обращаются къ Бахусу и въ его дарахъ стараются потопить свое горе. Больно говорить это, по словамъ г. Никитинскаго, *а все-таки это правда, горькая правда.*

Господствующая система раздачи мѣстъ въ д-вѣ, столь вредная въ семейномъ кругу, располагаетъ духовныхъ лицъ и виѣ его рѣшаться на поступки, которые никакъ нельзя назвать нравственными. Такъ какъ сами они имѣютъ малое значеніе въ глазахъ епархіальнаго архіерея, то, желая *охлапотать мѣстечко* для своихъ сыновей, дочерей и другихъ родственниковъ, прибѣгаютъ съ покорѣйшими просьбами къ ходатайству свѣтскихъ лицъ, кушцовъ, даже именитыхъ мѣщанъ и крестьянъ. А извѣстно, что расположить кого бы-то ни было ходатайствовать о себѣ, не всегда можно одними своими умственными и нравственными достоинствами; тутъ чаще всего нужны поступки, которыхъ ни одна нравственная философія не причисляла еще къ добродѣтелямъ. Не угоднולי выслушать, какъ въ романѣ г. Благовѣщенскаго: *Предъ разсвѣтомъ* (№ 2. Русс. Сл. 1865 г. стр. 260) отецъ Трепетовъ, — священникъ хлопочетъ о сынѣ у помѣщика Вихляева: «съ привычнымъ смиреніемъ, съ привычною лестью и съ выраженіемъ полного ничтожества своего кланялся отцу надутому барину . . . Все тутъ было пущено въ ходъ: и слезы, и вѣра въ силу барскую, и ея вліяніе надъ нами плебеями, и похвалы умершему отцу помѣщика, и обѣщаніе поминать до гроба его милости. А Вихляевъ дождавъ въ это время жаренаго гуся, съискоса и съ достоинствомъ посматривалъ на Василья Петровича (просителя), и только изрѣдка приговаривалъ: «все, что могу, батюшка; все, что отъ меня будетъ зависѣть, я очень буду доволенъ.» Но въ селахъ подобныя просьбы и ходатайства бывають, т. е-ть, единичныя. Совсѣмъ другое видимъ въ городахъ особенно большихъ.

Въ доказательство своей мысли я обращаюсь къ тебѣ, знаменитѣйшій городъ въ Русской Имперіи, въ которомъ и дьячокъ не рѣдко получаетъ болѣе 1000 руб. ежегоднаго дохода. Ты очень хорошо знаешь, что происходитъ прежде, нежели вакантное духовное мѣсто кому либо предоставится. Сколько въ случаѣ смерти священника, даже дьячка въ какой либо изъ твоихъ церквей бываетъ хлопотъ по твоимъ улицамъ и домоу? Сколько епархіальнымъ начальникомъ получится просительныхъ, рекомендательныхъ и другихъ писемъ? Сколько истрачивается униженіи, лести, заискива-

ня и подкуповъ? Но дѣло не ограничивается вельможными и богатыми лицами. Письма къ епархіальнымъ начальникамъ конечно подписываются ими; но эти господа часто даже и не видали просителя; *все дѣльце обдѣлываетъ* домашній секретарь, камердинеръ, дворецкій, даже простой лакей; а знакомство съ лакеями, дворецкими, камердинерами, особенно получение чрезъ нихъ доступа къ ихъ барину, заискиваніе у нихъ милостиваго расположенія не дѣлаетъ большей чести д-ву, не обходится безъ большаго нравственнаго униженія для него.

За недостаткомъ протекторовъ духовныя лица прибѣгаютъ къ ходатайству, т. е-ть, придуманной или разнородной лжи. Напр. овдовѣвшая мать, желая убѣдить епархіальнаго начальника предоставить мѣсто ея сыну, пишетъ въ своемъ прошеніи, что мужъ ея оставилъ множество долговъ, которые сынъ беретса уплатить, если заступитъ мѣсто своего отца; или, находя нужнымъ пристроить свою дочь, заговоритъ, что будущій ея зять соглашается пропитывать ее — бѣдную вдову и другихъ ея дѣтей — еще болѣе бѣдныхъ сиротъ; хотя въ первомъ случаѣ послѣ мужа остался не долгъ, а даже иногда порядочный капиталъ, а во второмъ вдова секретно даетъ обѣщаніе зятю вовсе не жить съ нимъ и ничего отъ него не требовать. Сама по себѣ ложь такого рода можетъ быть названа только недобросовѣстною сдѣлкой, но она часто подаетъ поводъ къ семейнымъ дрягамъ и officialнымъ жалобамъ. Одна мать дьяконица подобнымъ образомъ обязала сына заплатить мнимый долгъ въ 500 руб. Послѣ почему-то не поладила съ нимъ и съ своею невѣсткою. Желая отмстить якобы за неуваженіе къ своей особѣ, она начала требовать съ сына уплаты мнимаго долга, отыскала, р-ся, мнимаго кредитора и начала жаловаться на сына. Другая вдова дьячича officialно взяла съ будущаго зятя обѣщаніе содержать ее съ дочерью. Но такъ какъ мѣсто было весьма бѣдное, то она дала новому дьячку росписку въ томъ, что не будетъ требовать съ него ни денегъ, ни содержанія; и потому жила и цѣлыхъ 10 лѣтъ отдѣльно отъ него. Дьячокъ, м. т. овдовѣвши, хотѣлъ выйти въ другое село и тамъ жениться. Теща потребовала, чтобы онъ уступилъ ей свое первое мѣсто, но дьячокъ просилъ за такую уступку 100 руб. Тогда теща подала жалобу, что зять ея, не смотря на обѣщаніе, не содержалъ ея 10 лѣтъ и теперь даже вовсе оставляетъ ее, поэтому и проситъ к-рію обязать его или выдавать ей деньги на содержаніе, или взять съ собою на новое мѣсто. Хотя дьячокъ въ своемъ объясненіи разказалъ, что обѣщаніе его содержать тещу съ дочерью

было только мнимое, въ доказательство чего представилъ выше упомянутую росписку; впрочемъ въ к-ри началось формальное дѣло и если бы за дьячка не вступился одинъ честный и безкорыстный человѣкъ, то ему пришлось бы не дешево отдѣлаться отъ тещи. Иногда тестъ вмѣстѣ съ тещею совокушно любятъ обманывать милаго своего зятя относительно приданого. Въ селахъ дѣла идутъ м. б. немножко грубовато, но зато откровенно. Женихъ прежде свадьбы получаетъ договорныя деньги и обѣщанное приданое, такъ что дѣвичникъ проходитъ въ пересчитываніи кредитныхъ билетовъ, въ пересмотрѣніи платьевъ и прочаго, какъ выражаются, бабьяго тряпья. М. б. тутъ немного бранятся, даже иногда и расходятся, но я все таки этотъ способъ ставлю выше того, который не рѣдко употребляется въ городахъ, особенно большихъ. Женихъ изъ деликатности и въ надеждѣ на благородство тестя и тещи отлагаетъ расчеты до послѣ свадебнаго времени и часто обманывается жесточайшимъ образомъ. Одинъ священникъ, имѣвшій каменный четырехъ-этажный домъ, одному изъ своихъ зятьевъ обѣщалъ и мѣсто, и приданое и пр. Но послѣ свадьбы даже обидѣлся тѣмъ, когда ему напомнили о неисполненіи обѣщанія. Къ счастью зять былъ умный и достойный человѣкъ и самъ за свои учоныя и нравственныя качества получилъ мѣсто. Тотъ же папаша съ своею благовѣрною супругою достали мѣсто другой дочери своей и прискакали къ ней жениха. И тутъ опять положились на ихъ благородство. Но когда молодые на утро свадьбы своей проснулись въ казенной квартирѣ, то нашли въ гардеробѣ старыя платья и одежду невѣсты, кое-какую мебель и потомъ на кухнѣ фунтовъ пять говядины, — а денегъ даже ни копѣйки. Вотъ и все приданое!

Въ предъидущихъ трехъ случаяхъ главными виновниками были мать, теща и отецъ; но не надобно забывать зятьевъ и сыновей. Вотъ вамъ примѣръ и въ этомъ отношеніи. Послѣ умершаго священника осталась жена его и малолѣтняя дочь. У вдовы былъ уже зять священникъ въ другомъ селѣ. На семейномъ совѣтѣ они положили, чтобы зять перешолъ на мѣсто тестя, чтобы одинъ домъ покойника, стоющій 1500—2000 руб. поступилъ въ собственность зятя, а другой похуже остался за вдовою. Кромѣ того зять долженъ былъ содержать тещу съ дочерью и выдать ей ту сумму, которую получить за свой домъ въ прежнемъ селѣ отъ преемника. Епархіальный начальникъ перевелъ зятя, а этотъ взялъ за домъ съ чѣмъ-то 1000 руб. Теща начала

просить слѣдующія ей по договору деньги, но зять потребовалъ въ свою собственность и другой домъ и притомъ якобы на основаніи договора. Дѣйствительно по оффиціальному документу зять оказался правымъ. Когда заключенъ былъ договоръ, то теща поручила зятю сочинить и переписать прошеніе къ архіерею; а онъ сдѣлалъ небольшое измѣненіе въ условіяхъ, написавъ, чтобы ему были отданы въ собственность всѣ строенія, оставшіяся послѣ покойника. Вдова не замѣтила этой продѣлки, подписалась подъ прошеніемъ и т. о. должна была лишиться цѣлаго дома. Начались домашнія самыя отвратительныя сцены, которыя даже повторались на улицахъ, такъ что сосѣди должны были, разнимать дерущихся . . . . Затѣмъ крїя къ своему удовольствію получила жалобу отъ обѣихъ враждующихъ сторонъ; велѣно произвести слѣдствіе и пр. и пр.

И сыновья тоже обманываютъ своихъ отцовъ. У одного вдовца-причетника былъ сынъ-дьяконъ. Приѣхавши къ отцу, онъ сталъ убѣждать уступить ему мѣсто свое съ тѣмъ, что бы сынъ, оставаясь по сану дьякономъ, по доходамъ былъ причетникомъ; это выражается словами: *быть на причетнической ваканси*. Старикъ, не имѣя довѣрія къ сыну, на отрѣзъ отказалъ ему. Сынъ не обидѣлся и остался погостить въ родительскомъ домѣ. Однажды поупоивши папашу, сынъ началъ подшучивать надъ нимъ, доказывая, что онъ писать вовсе не умѣетъ. Учоное самолюбіе пынаго причетника оскорбилось. «Какъ не умѣю писать? воскликнулъ онъ. Да развѣ ты не знаешь, сколько разъ я прикладывалъ свою руку?» — Сынъ отвѣчалъ: «руку приложить не важное дѣло, а пишешь все-таки ты плохо.» Учоный диспутъ завязался и когда отецъ порядочно поразгорячился, то сынъ, взявши вблизи чистый бѣлый листъ бумаги, сказалъ: «ну да что тамъ спорить? Напиши-ка вотъ здѣсь и самъ увидишь, каково пишешь.» «Что же писать?» спросилъ отецъ. «Да что хочешь; напиши, пожалуй, къ сему прошенію такой-то руку приложилъ,» и указалъ мѣсто на чистомъ листу. Старикъ, ничего не подозрѣвая, сдѣлалъ рукоприкладство; оба начали разсматривать, обсуживать подпись, потомъ еще подпили и наконецъ уснули. На другой день сынъ уѣхалъ; но въ губернскомъ городѣ подалъ къ архіерею прошеніе на томъ листу, гдѣ была отцовская подпись; все было подлажено такъ, что окончаніе прошенія приходилось предъ самою подписью. Въ прошеніи прописывалось, что такой то причетникъ, по старости и болѣзненному состоянію, передаетъ мѣсто своему сыну, который, р-ся, согла-

шается кормить и дѣлать своего отца и поступить на причетническую вакансію. Къ прошенію былъ приложенъ листъ, на которомъ причтъ изъявилъ свое согласіе на то, чтобы принять въ свой составъ новаго причетника-дьякона; подписи всё были фальшивыя; причтъ и не думалъ о согласіи. Чрезъ нѣскольکو времени новый причетникъ-дьяконъ явился съ указомъ к-риа о томъ, что онъ опредѣленъ на мѣсто своего отца, уволеннаго по собственному прошенію за штатъ. Р-ся, не обошлось безъ сценъ и теперь отецъ и сынъ нерѣдко пробуютъ, кто изъ нихъ посильнѣе, но потомъ мирятся, запираютъ мировую и будутъ наслаждаться семейнымъ счастіемъ.

Если при передачѣ духовныхъ мѣстъ по наслѣдству, родству и пр. не очень строго соблюдается честность, то нельзя встрѣчать большой ея запасъ, когда мѣста продаются стороннимъ нероднымъ лицамъ. Тутъ иногда и предосторожности не спасаютъ отъ обмановъ; часто очень порядочныя суммы пропадаютъ и не уплачиваются. Одинъ настоятель монастыря захотѣлъ купить священническое мѣсто своей внукѣ и отправился къ вдовому пожилому священнику. Начались торги; согласились наконецъ на 1500 руб. Но взаимнаго довѣрія между договаривавшимися сторонами не было; поэтому рѣшились контрактныя деньги положить въ желѣзный ящикъ, находившійся въ той церкви, гдѣ служилъ сдававшій мѣсто священникъ, запечатали и заперли ящикъ и подали прошеніе къ архіерею. Сверхъ ожиданія получили отказъ. Но когда почтенный о. настоятель пріѣхалъ за залогомъ и когда отперли ящикъ, то денегъ не оказалось ни копѣйки; — такъ-таки и пропали.

Но скажутъ: «неужели только въ одномъ д-вѣ происходятъ при бракахъ и послѣ нихъ въ семейной жизни описанныя здѣсь событія? Неужели другія сословія ихъ вовсе не знаютъ? Потомъ неужели въ томъ же д-вѣ итъ вовсе счастливыхъ браковъ и замѣчается одна расладица? Почему авторъ такъ неумолимъ только къ духовнымъ лицамъ?» — Отвѣчаю: и въ прочихъ сословіяхъ при заключеніи брачныхъ союзовъ и послѣ того бываетъ много обмановъ, отвратительныхъ семейныхъ сценъ, расладицъ между мужемъ и женою, тестемъ и зятемъ, свекровью и невѣсткою и пр., — всего довольно бываетъ. Но тамъ это случается отъ людскихъ преимущественно страстей, а въ д-вѣ б. ч. зависитъ отъ господствующей системы — давать мѣста по наслѣдству, протекціи, куплѣ, продажѣ и пр. Вдумайтесь г. ч. въ описанныя мною сцены и вы увидите, что существенно онѣ одолжены своимъ происхожденіемъ этой системѣ. И потому я

описывалъ ихъ не для того, чтобы унижить д-во предъ другими сословіями, а для того, чтобы доказать гибельныя послѣдствія тѣхъ обычаевъ, на основаніи которыхъ епархіальные архіереи опредѣляютъ св-и-ц-сл-лей. Далѣе, есть много духовныхъ семействъ, которыя какъ говоритъ г. Никитинскій, «блаженствуютъ не только въ матеріальномъ, но и въ другихъ отношеніяхъ. Иногда сынъ дѣлается наслѣдникомъ и отцовскаго мѣста и имѣнія движимаго и недвижимаго, и даже выбираетъ себѣ по сердцу жену; иногда зять, какъ говорятъ, *поступаетъ во дворъ* и обязывается содержать только жену, да старуху тещу; иногда приходъ такъ хорошъ, что, даже удѣляя значительную сумму изъ доходовъ семейству предшественника, жить можно безбѣдно.» Сюда нужно присоединить разныя такъ называемыя счастливыя случайности: хорошее образованіе мужа и жены, добрый и уступчивый ихъ характеръ, взаимную готовность ихъ снисходить къ недостаткамъ другъ друга и исправлять ихъ любовью, благоразумную твердость съ одной и нѣжную привязанность съ другой стороны и пр. и пр. При такихъ вспомогательныхъ средствахъ можно и въ бѣдности жить счастливо. Кромѣ того въ не большихъ городахъ и во всѣхъ почти селахъ супружеская вѣрность немного встрѣчаетъ соблазновъ; и дамы и кавалеры изъ мѣщанскаго и крестьянскаго сословія мало имѣютъ средствъ пробудить къ себѣ сердечную привязанность сколько нибудь образованныхъ людей; тутъ по неволѣ почти останешься вѣрнымъ супругомъ. Наконецъ едва ли не важнѣйшую роль здѣсь играютъ нравственныя и религіозныя вѣрованія, которыя еще не ослабли въ д-вѣ, особенно сельскомъ. Бываетъ иногда конечно супружеская невѣрность, по к. м. подозрѣніе на счетъ ея, но большинство, не смотря на семейныя ссоры, остается вѣрно данной клятвѣ при бракосочетаніи. Города? — особенно большіе? — . . . ну тутъ, пожалуй, что либо есть. Но повторю: въ д-вѣ есть счастливыя супружества; и если бы гибельная система раздавать мѣста невѣстамъ, покупать и продавать не извращала нравственныхъ понятій, не заставляла смотрѣть на бракъ, какъ на спекуляцію, коммерческую сдѣлку, патентъ на должность, то семейная жизнь, по к. м. сельскаго д-ва была бы м. б. образцовою.

Часть третья.

Вліяніе той же системы на образованность д-ва; сужденіе о ней по церковнымъ авторитетамъ.

Вредныя послѣдствія разсматриваемой системы не ограничиваются одними семействами и родственниками духовныхъ лицъ, или ихъ одною личностію, а касаются всего вообще д-ва, понижая общій уровень его образованности. Здѣсь на первомъ планѣ нужно поставить тѣхъ семинаристовъ, за которыми закрѣплены отцовскія мѣста, напр. священническія. Вотъ они достигли до богословскаго класса; безъ отца смотрѣть за ними, какъ взрослыми людьми, трудно; мѣсто у нихъ уже есть; къ чему же изнурять себя сидѣніемъ надъ книгами? Если мѣсто предоставлено еще за несовершеннолѣтнею дѣвицею, то ловкій и догадливый молодой семинаристъ или самъ, или при помощи папаша за-долго до окончанія курса присваивается къ ней; почему и ему не предложить того же вопроса, которые задаетъ себѣ наслѣдникъ отцовскаго мѣста? Для нихъ обоихъ неловко только попасть въ третій разрядъ, но отъ этого можно избавиться *казеннымъ* смиреніемъ и послушаніемъ, низкими поклонами и хожденіемъ въ классъ даже съ пустою головою. То же самое можно приложить и къ академистамъ. Если и ихъ успѣютъ до конца курса присватать, то къ чему слишкомъ много заниматься науками? Да и до наукъ ли, когда часто приходится сидѣть съ милою барышнею — будущей своею женою? Кандидата дадутъ, если станемъ кое-какъ учиться, а иногда можно какъ нибудь прицѣпить себя къ концу перваго разряда. Подобную лѣнь особенно въ семинаристахъ поддерживаетъ доброе епархіальное начальство. Напр. окончивъ семинарскій курсъ во второмъ разрядѣ, ученикъ и не думай получить хорошее священническое мѣсто, если онъ явится съ одними личными своими достоинствами. Но будь онъ наслѣдникомъ отцовскаго мѣста, или женихомъ *закрѣпленной* невѣсты, тогда не второй, а иногда и третій разрядъ не будетъ препятствовать ему занять лучшее священническое мѣсто. Самъ Об. Пр-ръ на 30—31 стр. отчета за 1861 г. сознается, что «при такомъ устройствѣ дѣль епархіальные архіереи обязаны предпочитать въ рукополагаемыхъ достоинству родство.» Тоже самое нужно сказать о дьяконскихъ и причетническихъ мѣстахъ; напр. вполнѣ свободныя

отъ обязательствъ дьяконскія мѣста предоставляютъ только за учениками высшаго и средняго отдѣленія. Но наслѣдникъ съ мужеской, или женской стороны получить его, если будетъ исключенъ не только изъ реторики, но и изъ уѣзднаго училища.

Господствующій нынѣ порядокъ или, лучше, беспорядокъ при раздачѣ духовныхъ мѣстъ еще вреднѣе дѣйствуетъ относительно тѣхъ академистовъ и семинаристовъ, которые до конца курса занимаются науками съ полнымъ усердіемъ. Вѣроятно всякій согласится, что болѣе достойными кандидатами на священническія мѣста должно считать сначала академистовъ, потомъ перворазрядныхъ и второразрядныхъ учениковъ высшаго отдѣленія семинаріи. Отсюда очевидно, что надобно признать вредными для церковной іерархіи тѣ распоряженія, въ слѣдствіе которыхъ священническія мѣста легче всего получать второразряднымъ, потомъ перворазряднымъ ученикамъ семинаріи, за ними кандидатамъ и магистрамъ академіи. Нынѣшняя же система ведётъ именно къ такимъ послѣдствіямъ.

Ее епархіальные начальники прилагаютъ одинаково и къ семинаристамъ и къ академистамъ. Самые лучшіе ученики семинарій и студенты академіи, сами магистры и кандидаты богословія, наставники семинарій и низшихъ уѣздныхъ училищъ, бакалавры, экстраординарные и обыкновенные профессора академіи б. ч. не иначе могутъ сдѣлаться священниками въ епархіальномъ вѣдомствѣ, какъ женившись на дѣвицѣ, которой предоставляется мѣсто, и въ добавокъ обязавшись разными выдачами семейству своего предшественника на очень долгое время, чуть не на всю иногда жизнь. Что же остается дѣлать кандидатамъ на священническія мѣста? Одни изъ нихъ, не смотря на всѣ финансовыя затрудненія, на неопредѣленность своего положенія, все таки рѣшаются жениться, не получивши еще никакого священническаго мѣста. Сюда принадлежатъ наставники всѣхъ вообще духовно-учебныхъ заведеній и сельскихъ школъ; они рассчитываютъ на службу свою, но скоро въ томъ разочаровываются. Подавать просьбы на вновь открывающіяся священническія мѣста и получать отказы, имъ не запрещено; иногда даже имъ скажутъ: «жалко тебя, ты стоишь мѣста, но зачѣмъ ты женился рано?» Т. о. одинъ ординарный профессоръ академіи цѣлыхъ девять лѣтъ подавалъ просьбы на многія вакантныя священническія мѣста и получалъ всегда отказы; м. т. соперники его, — его же ученики по академіи, а иногда и семинаристы дѣлались священниками, п. ч. тотъ былъ женатъ,

а эти брали предлагаемую имъ невѣсту. Одинъ женатый профессоръ семинаріи болѣе 20 лѣтъ старался пріютиться къ какой либо церкви въ мѣстѣ своего жительства. Человѣкъ онъ былъ и достойный, и заслуженный; это доказывается тѣмъ, что епархіальный архіерей, отказывавшій ему въ священнической должности представилъ его на инспекторскую вакансію семинаріи и представленіе была уважено синодомъ. Не странно ли профессору, котораго дѣлають инспекторомъ семинаріи, не задолго до того отказать въ священническомъ мѣстѣ, п. ч. онъ, какъ женатый человѣкъ, не можетъ жениться на извѣстной какой либо дѣвицѣ? Другой профессоръ, занимавшійся своею наукою самымъ усерднымъ образомъ, просилъ владыку опредѣлить его на одно бѣднѣйшее священническое мѣсто въ городѣ. «Чтожь?» сказали профессору, «дамъ тебѣ мѣсто, возьми сестру Т-ихъ.» — «Да я женатъ», отвѣчалъ профессоръ. «Такъ чтожь ты пришолъ? воскликнулъ раздаватель мѣстъ, ступай, ты никогда не получишь мѣста. Соперница была дочь дьячка, или дьякона; отецъ ея не оказалъ никакихъ услугъ; и все таки она одержала побѣду надъ профессоромъ семинаріи и своему жениху семинаристу доставила возможность быть священникомъ въ городѣ. Третій профессоръ семинаріи явился къ другому раздавателю священническихъ мѣстъ и изъявилъ желаніе поступить въ его вѣдомство. «Давно ли вы на службѣ въ семинаріи?» спросилъ раздаватель. — «Болѣе десяти лѣтъ», отвѣчалъ профессоръ. «Хорошо», сказалъ первый, «а какую степень вы имѣете?» — «Магистерскую», былъ отвѣтъ. «Еще лучше; но скажите, какой предметъ вы преподаете въ семинаріи?» — «Священное писаніе.» Раздавателю мѣстъ видимо нравился проситель. «А что бывали у васъ ревизіи?» спросилъ онъ. — «Какъ же», отвѣчалъ проситель; «при мнѣ было уже три ревизіи.» — «А какъ ревизоры васъ аттестовали?» былъ новый вопросъ. — «Я каждый разъ послѣ ревизіи получалъ благословіе св. синода», отвѣчалъ проситель. «Прекрасно», сказалъ съ замѣтнымъ удовольствіемъ раздаватель. «Ахъ! да кстати скажите, женаты вы?» спросили профессора. «Женатъ», отвѣчалъ послѣдній. Тогда вдругъ все перемѣнилось. «Ну вамъ трудно поступить въ мое вѣдомство», сухо заговорилъ раздаватель. Профессоръ — веселая и откровенная голова — невольно улыбнулся при такой перемѣнѣ и открылъ свои зубы, которые были не советѣмъ бѣлы. Раздаватель, замѣтивъ это, спросилъ: «вы, к-ся, курите табакъ? у васъ зубы черны?» — «Дѣйствительно такъ», отвѣчалъ профессоръ. «Ну это не

хорошо, замѣтилъ раздаватель; священнику не слѣдуетъ курить табакъ;» и затѣмъ всталъ и раскланялся, позволивши впрочемъ для вида подать себѣ прошеніе, на которое даже не было и отвѣта. При такомъ положеніи дѣлъ большая часть наставниковъ, подождавши нѣсколько лѣтъ архипастырской милостивѣйшей резолюціи, оставляетъ духовное званіе; такъ напр. изъ четырехъ предъидущихъ профессоровъ одинъ только могъ поступить священникомъ въ семинарскую безприходную церковь на ничтожное жалованье.

Другіе наставники и семинаристы и академисты рѣшаются не жениться и ждать, не представится ли имъ возможность чрезъ невѣсту получить мѣсто? Прежде всего здѣсь нужно замѣтить, что со стороны духовнаго начальства не благоразумно ставить людей въ 20—30 лѣтъ въ насильственное безбрачное состояніе. Тутъ физиологическія потребности непременно вступаютъ въ борьбу съ нравственными принципами; побѣда первыхъ увлекаетъ къ той жизни, которая по церковнымъ постановленіямъ отстраняетъ человѣка отъ священства; побѣда послѣднихъ б. ч. сопровождается разстройствомъ здоровья и нерѣдко такими пороками, названія которыхъ къ счастью не всѣмъ извѣстны. Повторяю: не хорошо ставить людей въ такое положеніе. Затѣмъ рѣшившіеся на безбрачную до поры — до времени жизнь являються съ покорнѣйшими прошеніями къ епархіальнымъ начальникамъ. Имъ напрямикъ рѣдко отказываютъ, а говорятъ: «эхъ жалко; это мѣсто предоставляется такой то дѣвицѣ, а она нашла уже себѣ жениха,» — или: «пожалуй, дамъ тебѣ это мѣсто; только женись на такой то дѣвицѣ,» или: «возьмись содержать семью своего предшественника, или выдавать ей столько то рублей.» Прямого отказа дѣйствительно нѣтъ; но какъ скоро проситель не согласился на предложенныя условія, тогда онъ опять оставаясь безъ мѣста. Вотъ напр. уже въ 1864 г. въ одномъ степномъ губернскомъ городѣ, извѣстномъ своею грязью и періодическими лихорадками открылось священническое мѣсто; его предложили профессорамъ семинари съ тѣмъ, чтобы они взяли известную дѣвицу, за которой зачислено было мѣсто. Изъ профессоровъ никто не нашолъ для себя удобнымъ жениться на этой невѣстѣ; тогда и она и мѣсто достались семинаристу.

Но «кто же мѣшаетъ, какъ говоритъ г. Никитинскій, лучшимъ воспитанникамъ семинарій и академій поступать на священническія мѣста подъ тѣми условіями, которыя считаются необходимыми по мнѣнію начальниковъ епархіальныхъ и по принятымъ обычаямъ? Вѣдь, имъ надобно жениться;

почему же не вступить въ бракъ съ тою, на которую указываетъ архипастырь, или, взявши которую, можно помочь осиротѣвшему семейству? Сдѣлай это, — они получаютъ священническія мѣста и начнутъ свое служеніе церкви добрымъ дѣломъ; р-ся, и епархіальные начальники согласятся принять ихъ подъ свое начальство съ большимъ удовольствіемъ, нежели посредственныхъ воспитанниковъ.»

Такъ могутъ говорить и разсуждать только тѣ люди, которые смотрятъ на бракъ не какъ на церковное таинство, а какъ на гражданскій договоръ, когда мужчина и женщина подъ извѣстными условіями б. ч. финансовыми даютъ обѣщаніе жить вмѣстѣ всю жизнь и, т. с-ть, составить маленькую компанію на акціяхъ, или безъ акцій. Къ чести наставниковъ духовно-учебныхъ заведеній и многихъ семинаристовъ надобно сказать, что между ними есть еще умные и благородные люди, которые и на бракъ и на самихъ себя смотрятъ возвышеннѣе, нежели какъ угодно ихъ начальству. Они считаютъ бракъ важнѣйшимъ событіемъ въ жизни, приступаютъ къ нему съ осмотрительностію, выбираютъ подругу своей жизни не на основаніи коммерческихъ разсчетовъ, а на взаимной любви, и потому находятъ необходимыхъ напередъ покороче узнать ея характеръ и расположеніе къ себѣ. Какъ же они теперь рѣшатся на бракъ, иногда даже не выдавши невѣсты, посидѣвши съ нею часокъ другой при папашѣ и мамашѣ, при множествѣ родныхъ и знакомыхъ, при заготовленныхъ напередъ декораціяхъ? Нѣтъ, они въ такомъ случаѣ лучше согласятся остаться холостяками, нежели жениться на основаніи русскихъ: *авось, Богъ дастъ, Богъ милостивъ, дѣло какъ нибудь уладится, поживется-слобится*. Потому умный и благородный академикъ и семинаристъ не рѣшится ни на какія обязательства, не обсудивъ ихъ важности; не дастъ ихъ съ затаенною мыслию послѣ какъ нибудь отдѣлаться отъ нихъ. Онъ всегда старается исполнять добросовѣстно данное слово, и скорѣе самъ согласится переносить бѣдность, нежели измѣнить ему. И потому захочетъ ли онъ, поступая въ священники, принимать на себя такія обязательства, которыя или очень трудны, или даже неудобоисполнимы? Далѣе проучившіеся 12—16 лѣтъ, получившіе ученія степени, служившіе нѣсколько лѣтъ въ званіи наставника даже академіи, к-ся, имѣютъ право думать, что заслуживаютъ не только священническаго, но даже протоіерейскаго мѣста за личныя свои умственные и нравственныя качества, за заслуги по ученой части. И потому имъ простительно тяготиться мыслию получить свою должность

чрезъ невѣсту и имѣть пріятную надежду когда нибудь отъ нее услыхать: «да ты чрезъ кого получилъ это мѣсто? Безъ меня бы ты и теперъ гдѣ нибудь сидѣлъ на 2—300 руб.» Наконецъ большая часть семинаристовъ и академистовъ перенесли много горя и бѣдности во время своего ученья; знаютъ нерѣдко, что отъ нихъ ожидаетъ помощи старикъ отецъ, тративши на нихъ послѣднюю трудовую копейку; они желаютъ обезпечить и себя, и семейство, и родителей своихъ. Развѣ легко имъ согласиться на тѣ обязательства, которыя по господствующей нынѣ системѣ налагаются на священниковъ? Развѣ легко, а иногда даже развѣ возможно купить себѣ мѣсто или на наличныя деньги, или принявши на себя тяжелыя обязательства?

Сюда нужно присоединить, какъ выражается г. Никитинскій, нѣкоторые *акцессуары*. Иногда невѣста старѣе жениха 5—10 годами, имѣетъ лицо, изрытое ярынами, горбъ на спинѣ и на груди, тупые, безжизненные глаза, приплюснутый носъ, отвислыя губы, физиогномію обезьяны; иногда невѣста способна только варить щи, печь кулебяки, чистить мыть бѣлье, а не на столько образованна, чтобы быть свѣтлицею и помощницею мужа, — или очень благосклонна къ офицерскимъ усикамъ, къ ловкости свѣтскихъ фрачниковъ и не любитъ длинныхъ волосъ и широкихъ рясъ. Неужели вы, г. ч., станете обвинять умнаго и благороднаго даже семинариста, если онъ при такихъ акцессуарахъ откажется и отъ мѣста и отъ невѣсты. Развѣ пріятно черезъ 10—15 лѣтъ видѣть въ женѣ беззубую, морщинистую и сѣдую старуху, когда самъ еще будешь находиться въ цвѣтѣ лѣтъ и полнотѣ силъ? Развѣ пріятно при небольшомъ даже самолюбіи, при малоразвитомъ чувствѣ изящнаго стать рядомъ подъ вѣщомъ съ безобразною или старою дѣвою на потѣху всѣхъ предстоящихъ и слышать даже во время совершенія брака колкія насмѣшки надъ своимъ вкусомъ? Развѣ пріятно, если жена будетъ по своей образованности только нѣчто въ родѣ кухарки, или прачки? А что уже сказать о тѣхъ случаяхъ, когда отъ офицерскихъ усиковъ и свѣтскихъ фрачниковъ предстоитъ опасность сдѣлаться, извините за выраженіе, *рогносищемъ*?»

Если бы благородные и умные академисты и семинаристы рѣшились пожертвовать своимъ самолюбіемъ, согласившись на предлагаемыя обязательства поступить въ д-во, то и въ этомъ случаѣ испытали бы много неудачъ, встрѣтивши опасныхъ и неумолимыхъ соперниковъ въ мѣтѣ умныхъ своихъ товарищахъ. «Послѣдніе очень хорошо знаютъ, что

имъ на личное свое достоинство слишкомъ разсчитывать не возможно, что за ихъ успѣхи, за моральныя качества и ученыя занятія развѣ дадутъ имъ гдѣ либо посредственное священническое мѣсто, а то, пожалуй, порекомендуютъ поступить въ дьяконы. Поэтому они несравненно снисходительнѣе въ своихъ требованіяхъ, скромнѣе въ своихъ желаніяхъ, съ большею готовностію исполняютъ всякое желаніе начальства, услужливѣе и уступчивѣе предъ родными своей будущей жены, нежели ихъ гордые своею образованностію и службою соперники . . . . . Они не уклоняются ни отъ какихъ обязательствъ, или п. ч. не понимаютъ ихъ тяжести, или п. ч. совѣсть заранее указываетъ имъ способы, какимъ нибудь образомъ отдѣлаться отъ нихъ. Эти люди не только быстро, безпрекословно соглашаются на предлагаемыя имъ условія, но даже сами себя напередъ предлагаютъ къ услугамъ, засылаютъ своихъ парламентаровъ, отдаются въ полное распоряженіе другихъ. И если узнаютъ, что какой либо ихъ болѣе умный, благородный, но вмѣстѣ разборчивый товарищъ соглашается взять невѣсту съ мѣстомъ на извѣстныхъ условіяхъ, то дѣлаютъ надбавку или скидку, смотря по надобности. Что же за бѣда, они разсуждаютъ, если невѣста горбовата, рябовата, 5—10 годами старше насъ? — ничего; вѣдь, женою можетъ же быть. Что же за бѣда, если она не любитъ длинноволосыхъ, не хочетъ вмѣстѣ съ ними ѣздить и гулять? Опять ничего; *поживется* авось какъ нибудь и *слюбится*; притомъ мѣсто важнѣе невѣсты. Пусть болѣе умные и благородные товарищи спѣсивятся; но мы будемъ имѣть и скуфью и камилавку и наперсный крестъ, а они станутъ еще бродить по домамъ помѣщиковъ въ званіи домашнихъ учителей или, еще хуже, состоятъ наставникомъ въ духовномъ училищѣ, или корпѣтъ въ какой либо канцеляріи надъ переписываніемъ бумагъ.» Съ такими господами бороться трудно; на торгахъ беретъ подрядъ, или что либо покупаетъ тотъ, кто даетъ болѣе выгодную цѣну.

Отъ всѣхъ изложенныхъ обстоятельствъ болѣе умные и благородные какъ академисты, такъ и семинаристы *сидятъ у моря и ждутъ погоды*, ласкаютъ себя надеждою, не смилуется ли надъ ними епархіальный начальникъ, не уважить ли онъ ученой степени и службы, не дастъ ли мѣстечка собственно имъ, а не ихъ невѣстамъ? А время течетъ безостановочно; проходятъ не годы, а пятилѣтія и десятилѣтія; тогда уже поздно поступать въ священники, и даже жениться. Тогда и магистры и кандидаты академій и лучшіе студенты семинарій берутъ чины и переходятъ въ свѣтское званіе.

Духовно начальство, по к. м. повидимому, не скорбитъ объ этихъ бѣглецахъ; можно иногда слышать слѣдующія слова: «пускай бѣгутъ; *свято мѣсто не будетъ пусто, худая трава изъ поля вонъ*; бѣглецы, убѣгая изъ духовнаго званія, тѣмъ самымъ показываютъ, что они были бы плохими членами его; у нихъ на умѣ не пасти стадо христово, не проповѣдывать слово божіе *благовременнѣ и безвременнѣ*, не служить алтарю господню въ скромныхъ должностяхъ; они гонятся за чинами, орденами, мірскими почестями и удовольствіями; пускай бѣгутъ; церковь въ такихъ людяхъ не нуждается.» Этихъ бѣглецовъ многіе ревнители изъ д-ва называютъ даже *хриstopродавцами*. Но заблуждаются тѣ, которые такъ говорятъ и думаютъ. Бѣгство такъ называемыхъ хриstopродавцевъ приноситъ д-ву положительный вредъ. Если бы разныя несчастныя обстоятельства не заставляли воспитанниковъ академіи и кончившихъ курсъ въ первомъ разрядѣ семинаристовъ оставлять д-во, то ежегодно открывающіяся священническія мѣста замѣщались бы ими; дяконскія должности предоставлялись бы второразряднымъ ученикамъ семинаріи высшаго, или исключеннымъ изъ средняго отдѣленія; причетниками пришлось бы быть ученикамъ философіи и реторики; исключенные за неуспѣшность, лѣность и дурное поведеніе изъ низшихъ училищъ должны были бы выписываться изъ духовнаго званія; сожалѣть о такой потерѣ не было бы никакой причины. Но теперь дѣла идутъ на оборотъ. По причинѣ выхода въ свѣтское званіе многихъ академистовъ и перворазрядныхъ семинаристовъ высшаго отдѣленія на священническія мѣста поступаютъ почти всѣ второразрядные и даже нѣкоторые исключенные изъ философіи; дяконскія мѣста достаются не только риторамъ, но даже исключеннымъ изъ низшихъ училищъ, а причетниками дѣлаются тѣ, которые не могли перейти даже въ семинарію и должны бы при другой, а не при нынѣшней системѣ раздачи св-и-ц-сл-скихъ мѣстъ выйти изъ духовнаго званія. Разсчотъ, к-ся, вѣренъ. Нельзя хвалить ту систему, вслѣдствіе которой образованные семинаристы и академисты бѣгутъ чуть не толпами въ свѣтскія сословія, а «ученики втораго разряда, которые цѣнятъ себя много дешевле студентовъ, и особенно третьяго, которые при денежной оцѣнкѣ спускаются еще ниже второразрядныхъ, скорѣе находятъ себѣ мѣста, чѣмъ студенты, т. е. по епархіи преимущественно расходуется то, что и въ семинаріяхъ было худшаго. А прочіе студенты выходятъ или въ учителя или въ подъячіе (книга о. с. д. стр. 56).»

Въ заключеніе отдѣла хочу ознакомить читателя съ тѣмъ взглядомъ, который надобно имѣть, придерживаясь церковныхъ и гражданскихъ авторитетовъ какъ на всю систему замѣщенія духовныхъ мѣстъ, такъ и на нѣкоторыя части ея.

1) По 29 и 30 апостольскимъ правиламъ или по 175 и 205 пр. номоканона всякій священникъ и даже причетникъ лишаются сана и подлежатъ отлученію, если кто изъ нихъ *приведетъ князя или утроситъ боярѣ, да умолитъ епископа о священствѣ или санѣ* и пр. Даже принимавшіе въ этомъ дѣлѣ тоже отлучаются. Что, если бы этимъ обоимъ правиламъ дать полную силу и приложить къ духовнымъ лицамъ? Сколько изъ нихъ поступили, умоливъ князя, боярѣ и другихъ людей? И потому сколько бы слѣдовало *извергнуть и отлучить*? Многолико бы оказалось праздныхъ мѣстъ въ д-вѣ. А кстати ужъ сказать, почему и владыки, зная 29 и 30 апостольскія правила и 175 и 205 прав. номоканона принимаютъ и уважаютъ ходатайства мірянъ, даже уже не князей и боярѣ, а купцовъ и мѣщанъ?

2) По 29 апостольскому правилу, если пресвитеръ или дьяконъ получить деньгами сіе достоинство, да будетъ изверженъ онъ и поставившій его и отъ общенія со всѣмъ отлучается. Тоже самое подтверждается вторымъ правиломъ халкидонскаго вселенскаго собора съ тою прибавкою, что «и посредствующій въ толико гнусномъ и незаконномъ мздопріятіи, аще есть изъ клира, да будетъ низверженъ съ своей степени; аще же мірянинъ, или м-щій да будетъ преданъ анафемѣ.» Пусть и это правило получить силу; сколько бы опять явилось вакантныхъ мѣстъ и въ бѣломъ и чорномъ д-вѣ? Наконецъ по 2 прав. номоканона, иже на пѣнязехъ рукополагай, съ рукополагаемымъ да извержется и отлучается.» Сколько бы мірянъ и м-щихъ притомъ высокаго ранга предано было анафемѣ? Сколькихъ бы нужно было извергнуть? Но нынѣ народъ смѣлый; ни проклятій, ни отставки не боятся.

3) Русскіе церковные авторитеты въ нѣкоторыхъ по к. м. случаяхъ благопріятствуютъ, по видимому, теперешней системѣ раздачи мѣстъ. Т. о. А) по указу 22 Января 1768 г. (собр. зак. т. XVIII, стр. 443. No. 13,067). Если по смерти духовныхъ лицъ оставались дочери, племянницы-дѣвицы, то вдовамъ умершихъ предоставлялось отыскивать къ этимъ невѣстамъ достойныхъ жениховъ, за которыми и утверждались мѣста. Этимъ же указомъ дозволялось закрѣплять мѣсто умершаго за малолѣтними мужескаго пола дѣтьми, если только они дѣйствительно уже обучаются въ школахъ; для

исправленія же должности нанимать викарія. Б) Въ докладѣ синода Императору въ 1823 г. (собр. зак. т. XXXVIII. стр. 1169. No. 29,583) пишется, что на мѣста престарѣлыхъ, больныхъ и умершихъ духовныхъ лицъ опредѣляются преимущественно предъ другими родственники ихъ, пріемлющіе на себя обязанность пропитывать ихъ и ихъ семейства, — или даже постороннія, соглашающіяся на подаваніе имъ нѣкотораго пособія. Еще предоставляется сиротамъ мужескаго пола, обучающимся въ училищахъ, часть доходовъ отъ дьяконскихъ и причетническихъ мѣстъ, оставляемыхъ для этого на нѣкоторое время праздными. Наконецъ В) тоже самое повторено въ отчетѣ Об. Пр-ра за 1861 г. (стр. 30). Но тотъ же Об. Пр-ръ въ томъ же отчетѣ сознается, что отъ этого происходятъ «постоянныя и тягостныя затрудненія для архіереевъ, обязанныхъ при такомъ устройствѣ дѣлъ предпочитать въ рукополагаемыхъ достоинству родство; — крайнее стѣсненіе для причтовъ, б. ч. дурно обезпеченныхъ и однако принужденнымъ дѣлиться послѣднимъ своимъ недостаткомъ съ принятыми на ихъ содержаніе лицами, — и обремененіе к-ріи множествомъ дѣлъ, возникающихъ отъ несоблюденія, нерѣдко невольнаго, членами причтовъ неудобноисполнимыхъ условій.» Докладъ 1823 г. выше упомянутые способы давать мѣста родственникамъ, или малолѣтнимъ дѣтямъ называетъ не закономъ, а обычаемъ, и говоритъ, что они употребляются по необходимости. Для надлежащаго пониманія указа 1768 г. нужно сказать, что въ тогдашнее время д-во особенно въ Москвѣ имѣло свои дома на церковной землѣ. Въ случаѣ смерти какого либо духовнаго лица, преемникъ его долженъ былъ купить домъ; отчего происходили частыя злоупотребленія, тяжбы и ссоры. И потому еще указами при Петрѣ Великомъ отъ 18 фев. 1718 г. и 29 окт. 1722 г. предписывалось, чтобы священникамъ, дьяконамъ и причетникамъ своихъ домовъ при церквахъ не имѣть, *а имѣть оныя сборными церковными деньгами купленные*, а за тѣ дома, которые во время изданія указовъ принадлежали кому либо изъ духовныхъ лицъ, велѣно было уплатить изъ тѣхъ же сборныхъ церковныхъ суммъ. Но указы не помогли и злоупотребленія напротивъ увеличились въ огромныхъ размѣрахъ. Лучшее всего я нахожу нужнымъ сдѣлать выписку изъ указа 1768 г., чтобы читатель самъ могъ судить о томъ, какъ синодъ въ то время смотрѣлъ на нынѣшнюю систему раздачи мѣстъ, впрочемъ еще не совсѣмъ тогда развившуюся. «Не безъ извѣстно, говорить указъ, что въ Москвѣ и до днесь самое вредное для учоныхъ и безчестное для церкви обыкновеніе

продолжается; ибо подъ претекстомъ тѣхъ св-и-ц-сл-скихъ дворовъ и самыя св-и-ц-сл-скія мѣста въ противоположность святыхъ правилъ и выше прописанныхъ указа и синодальныхъ опредѣленій продаются установленною издавна отъ самыхъ бывшихъ при тѣхъ церквахъ священниковъ и церковно служителей не малою и, противъ того, чего тѣ дворы стоятъ, излишнею цѣною; а вмѣсто того, что бы сіе безчинство отвратить, не посвященъ бываетъ никто, пока требуемой за мѣсто суммы не заплатитъ, отъ чего не только ученымъ, но и не ученымъ честнымъ ставленикамъ въ полученіи мѣстъ съ горестію соединенная бываетъ трудность, а покупаютъ лучшія мѣста б. ч. такіе только, которые довольно у себя денегъ имѣютъ, хотя бы они и вовсе не ученые и не весьма въ знаніе своемъ достойные были. Обучающіеся же въ академіяхъ и семинаріяхъ, кои такого капитала у себя не имѣютъ, хотя они по наукамъ и состоянію своему противу означенныхъ капиталистовъ гораздо достойнѣе, принуждены бываютъ или священства, или лучшихъ мѣстъ въ противность духовнаго регламента и указовъ вовсе лишаться, а заступаютъ они самыя послѣднія мѣста, или же на покупку оныхъ задолжаются неоплотными деньгами; и такъ *деньги въ произвожденіи въ священство большую силу имѣютъ*, чрезъ что у другихъ и охота къ наукамъ отъемлетя. *На каковую продолжавшуюся изъ давнихъ временъ тѣхъ мѣстъ продажу, яко на святуюкупство* и происходящій отъ того въ народѣ соблазнъ св. правительствующій синодъ *съ немалымъ сожалѣніемъ смотритъ*, хотя бъ таковое зло могъ и вскорѣ истребить и на убылыя мѣста для умноженія учонаго и добросовѣтнаго священства достойныхъ безъ платы за тѣ дворы опредѣлять, дабы неучоные, а достаточные деньгами не имѣли случая *чрезъ пролазы тѣхъ мѣстъ превосхищать*, и ученымъ и добродѣтельнымъ, не имѣющимъ капитала препятствовать.» Хотя этотъ указъ, какъ в. с.-но, дозволилъ предоставлять мѣста родственникамъ и даже малолѣтнимъ дѣтямъ умершихъ или престарѣлыхъ духовныхъ лицъ; но допустилъ это въ качествѣ временной мѣры, притомъ преимущественно относительно Москвы. Зато какъ рѣзко синодъ выражается о тогдашнихъ порядкахъ опредѣленія на св-и-ц-сл-скія мѣста. Продажу мѣстъ называетъ *безчестнымъ для церкви обыкновеніемъ*, противною святымъ правиламъ и синодскимъ постановленіямъ, *безчинствомъ, святуюкупствомъ*; говоритъ, что отъ этого при произвожденіи въ священство *деньги большую силу имѣютъ, богатые чрезъ пролазы превосхищаютъ мѣста*, въ народѣ происходитъ соблазнъ и что

самъ синодъ смотритъ на все это съ немалымъ сожалѣнiемъ. Будь такой отзывъ не въ синодскомъ указѣ, по всей вѣроятности цензура не позволила бы напечатать его. Но нынѣ злоупотребленiя при замѣщенiи вакантныхъ св-и-ц-сл-скихъ должностей, можно сказать, достигли до огромныхъ размѣровъ въ сравненiи съ тѣмъ, что было въ 1768 г. Нынѣ даютъ мѣста племянницамъ и роднѣ въ родѣ *киселя на седьмой водѣ*; продаютъ и покупаютъ чуть не съ акціоннаго торгу, даютъ обязательства *неудобоисполнимыя*, происходятъ грязныя и отвратительныя сцены въ семействахъ, употребляется множество низостей, искательства и пр. Что же бы сказалъ даже за 100 лѣтъ синодъ, если бы ему все это было извѣстно? Не знаю. Но вотъ что давно уже о подобныхъ почти случаяхъ говорилъ Исидоръ Пелусiомъ: «Церковь уподобилась какой-то женѣ, утратившей прежде благоденствiе, и имѣющей у себя только признаки онаго. Цѣлы у ней кладовыя и ковчеги убранствъ, но богатства уже лишилась не по нерадѣнiю украсившаго ее въ началѣ, но по злонравiю правящихъ ея дѣлами, не какъ должно. Ибо *осмѣиваются одни продавать, другiе покупать священство*; одни дѣлаютъ то, о чемъ если бы и позволили, не осмѣлюсь сказать, а другiе говорятъ, о чемъ и подумать не позволено. (Твор. Св. Отц. 1860 г. т. 35. стр. 384—385.)»

Отдѣлъ 17ый.

О томъ, что наше бѣлое д-во бѣднѣе д-ва другихъ странъ и вѣроисповѣданiй.

Въ предъидущихъ трехъ отдѣлахъ описывая затруднительное положенiе большей части нашего д-ва въ матеріальномъ отношенiи я нигдѣ не сближалъ его съ положенiемъ д-ва другихъ вѣроисповѣданiй и странъ. Для полноты картины надобно пополнить и этотъ недостатокъ; иной скажетъ: да можетъ быть д-ву вездѣ суждено быть бѣднымъ.

Начинаю съ Англiи; тамъ есть пасторы, которые до-вольствуются ежегодно 250 руб., — и эта цифра для нашихъ очень многихъ священниковъ показалась бы весьма

привлекательною, но ею измѣряютъ свои доходы только немногіе англійскіе пасторы; доходы большей части другихъ превышаютъ 1000 руб. и для немногихъ конечно достигаютъ до 10,000 руб. (N. 33 Дух. Бесѣд. 1863 г. въ статьѣ современное состояніе англійской церкви). Во Франціи правительство истрачиваетъ на д-во ежегодно 12½ милліоновъ руб. Конечно изъ этой суммы многоюшко идетъ на епископовъ и капитулы, но и сельскій священникъ кромѣ квартиры, получаетъ не менѣе 200—250 руб., да пользуется еще нѣкоторыми доходами отъ прихожанъ и отъ общины; т. о. при безбрачнѣмъ состояніи обезпеченъ въ матеріальномъ отношеніи; такъ что авторъ романа *Le Maudit*, ярко описавшій страданія низшаго д-ва, о бѣдности его не говоритъ. Въ Италіи приходы и капланства получаютъ съ земель 21,604,980, съ домовъ 1,678,571, съ капиталовъ 2,518,259, съ фермъ 9,578,571, по книгѣ публичнаго долга 1,554,857, всего 36,912,722 франк. или болѣе 9 милліоновъ руб. (No. 11 Отеч. Запис. 1864 г. въ ст. г. Тунѣва уничтоженіе монастырей въ Италіи). Эту сумму при даровыхъ квартирахъ, при безбрачій своемъ и при другихъ доходахъ д-во можетъ жить небѣдно. Въ Германіи нѣтъ англійскихъ приходовъ съ 10,000 руб. ежегоднаго дохода; у Гутцова почтенный Блязедовъ не могъ даже хорошо воспитать своихъ дѣтей; но и тутъ большинство пасторовъ обезпечено. Въ Турціи магометанское д-во владѣетъ громадными богатствами, изъ которыхъ оно нерѣдко помогало даже Султану въ критическихъ обстоятельствахъ, какъ это было въ крымскую кампанію, и на которыя Правительство давно уже посматриваетъ съ желаніемъ пополнить имъ почти всегда пустое казначейство свое.

У насъ въ Россіи д-ва иновѣрны хорошо обезпечены. Напр. въ No. 31 Дня 1864 г. (стр. 8 въ подстрочномъ примѣчаніи 2го столбца) сказано, что ксендзъ одинокій изъ казны получаетъ 290 руб. одного жалованья. Русскій же Вѣстникъ въ статьѣ, польская пропаганда на Волини» (No. 4. 1864 г. стр. 835) пишетъ, что каждый изъ католическихъ причтовъ волынской губерніи среднимъ числомъ получаетъ ежегодно по 1234 руб. Лютеранскій сельскій пасторъ (No. 6 Рус. Вѣст. 1863 г. народная грамотность г. Щербини, стр. 844) «въ куопійской губерніи въ Финляндіи по средствамъ и обстановкѣ тоже, что русскій зажиточный помѣщикъ средней руки. Онъ ни о чемъ матеріальномъ не хлопочетъ, а прихожане сами доставляютъ ему въ положенные сроки, по ненарушиму обычаю, и мясо и рыбу, и яйца, и ветчину, и хлѣбъ,

и овощи. Да кромѣ того за погребеніе отца, или матери тягловаго семейства крестьянинъ обязанъ дать пастору корову, да еще платится извѣстная сумма денегъ.» Р.-ся, и въ другихъ мѣстахъ имперіи лютеранскіе пасторы обеспечены, какъ нельзя лучше. О доходахъ магометанскаго д-ва я не нашолъ положительныхъ свѣдѣній, но, судя по сановитости, одеждѣ, спокойной и самоувѣренной поступи, смѣлому и важному взгляду муллъ, можно догадываться, что они не унижены ни морально, ни матеріально. Наконецъ ламайское д-во, какъ видно изъ No. 3 Дух. Бесѣд. 1863 г. (ст. забайкальская миссія), владѣеть огромными богатствами. Каждый лама имѣеть во владѣніи по 60 десятинъ земли и даже ховараки (ученики) по 15, притомъ есть доходы, за исключеніемъ требъ, отъ добротныхъ приношеній мирянъ отъ продажи бурхановъ, молитвъ, поясовъ и другихъ предметовъ церковныхъ.

Что же мы теперь видимъ въ нашемъ православномъ д-вѣ? Начну съ Сибири. Ламы имѣютъ по 60 десятинъ земли, а о томъ, чтобы сельскіе причты надѣлить 55ю десятинами была тамъ продолжительная переписка, а надѣлили ль — не знаю (No. 8 Дня 1863 г. стр. 6, подстрочное примѣчаніе столб. 1го); если же и надѣлили, то нужно помнить, что нашъ причтъ состоитъ изъ 3—4 семействъ. Далѣе въ волынской губерніи православный причтъ получаетъ отъ казны 167 руб. въ годъ, а не 290, какъ ксендзъ. Но и здѣсь лучше сослаться на Русскій Вѣстникъ (въ ст. пропаганда на Волыни). «Здѣсь наше д-во получаетъ отъ земли 122,000 р., отъ казны 203,645 руб. и отъ добротныхъ дателей до 60,000 руб., всего 385,645 руб., или на каждый изъ 1216 причтовъ по 317 руб.; слѣдовательно почти четверо меньше противъ католическихъ приходовъ. Николай Тургеневъ (т. 2, стр. 31) о бѣломъ д-вѣ говоритъ, что оно всегда несчастнымъ образомъ прозябало въ Россіи (а toujours végété misérablement). Петръ Долгоруковъ выражается еще сильнѣе въ своей правдѣ о Россіи (стр. 347): положеніе сельскаго д-ва ужасно. Оно бѣдно, удалено отъ всякаго умственнаго пособия; сосѣдніе помѣщики обращаются съ нимъ неуважительно, и потому его жизнь ничто иное, какъ продолжительный рядъ страданій.» Но вотъ свидѣтельство, взятой изъ проценированной литературы (No. 6. Рус. Вѣстн. 1863 г. стр. 846): «положительно можно сказать, что наше д-во несравненно бѣднѣе матеріальными средствами и обстановкой жизни, чѣмъ д-во въсѣхъ другихъ странъ.»

Тяжела бѣдность и сама по себѣ; неприятно имѣть скуд-

ные доходы и жалованье. Но бѣдность нашего блага два становится вдвое, втрое, тяжелѣе отъ способствъ, которыми оно добываетъ себѣ содержаніе. Г. Щербина (№. 6 Русск. Вѣст. 1863 г. стр. 845) сказавши о томъ, какъ пасторы куошійской губернии берутъ за погребеніе корову и деньги, прибавляетъ: «а нашъ сельскій священникъ хорошо еще, если получить за отправленіе погребенія 25 коп. Онъ собираетъ съ причтомъ по мѣднымъ грошамъ, ходя изъ избы въ избу, какъ *какой нибудь паря*, и иногда зависитъ въ деревнѣ отъ мужика - самодура, или мироѣда. Какая же ему послѣ этого есть возможность всесторонне отдаться чисто-духовному своему призванію, когда каждая минута напоминаетъ ему о кускѣ насущнаго хлѣба и его бѣдствующихъ дѣтяхъ? Онъ такъ учился чему нибудь и изящной словесности, и философіи (какая бы тамъ она ни была и какъ бы онъ тамъ ни учился), а жить долженъ, какъ всякій безграмотный мужикъ, по всей обстановкѣ и внѣшнимъ средствамъ. Стоитъ только сообразить всю перспективу и слѣдствія подобныхъ бѣдственныхъ обстоятельствъ . . . . . Собирая отъ народа по копѣйкамъ, какъ *попрошайка* и завися т. о. экономически отъ милости прихожанъ, — какое духовно нравственное вліяніе можетъ имѣть нашъ сельскій священникъ на народъ; вѣдь для вліянія должно имѣть самостоятельность, независимость, силу, хорошую обстановку . . . Бѣдность кого подъ часть не сломить? . . . Хорошо намъ въ столицахъ разсуждать о вопіющихъ недостаткахъ нашего сельскаго д-ва и семинарскаго воспитанія. Поставить бы насъ на мѣсто этихъ тружениковъ . . . . . Чтобы изъ насъ вышло съ нашею дешевою купленною гуманностію, съ неумѣстнымъ безкорыстіемъ, съ нашимъ духовно нравственнымъ развитіемъ безъ труда и печали.» Да, возьмите хоть доктора геттингенскаго, или оксфордскаго университета, назначьте ему содержаніе въ 200—300 руб.; пусть онъ эти деньги добываетъ, какъ *паря*, какъ *попрошайка*, ходя изъ избы въ избу, и прислуживаясь къ мужикамъ самодурамъ и мироѣдамъ; пусть еще въ добавокъ имѣетъ многочисленное семейство; посмотрѣлъ бы и я, сколько изъ подобныхъ докторовъ не сломилось бы подъ матеріальнымъ и моральнымъ гнетомъ, особенно когда еще честное и благопечетильное начальство, ради приученія къ смиренію и послушанію, въ видахъ заботливости о душевныхъ благахъ, о вѣчномъ спасеніи и само *попридавитъ и поприжметъ* его.

Не слушайте тѣхъ, которые говорили, что д-во наше привыкло къ бѣдности, что сдѣлавшисъ богатымъ, оно забудетъ о своихъ пастырскихъ обязанностяхъ, что апостолы

не получали жалованья, а или кормились трудами своихъ рукъ, или довольствовались пособиями и приношеніями тѣхъ кого они назидали; — не слушайте *глаголющихъ Сщесвѣтымъ образомъ*, а послушайте лучше, какъ Русскій Вѣстникъ (12 книжка 1863 г. стр. 510) говорить объ этомъ: «бѣдность и даже убожество, произвольно избранныя монахами отшельниками, людьми, отречшимися отъ міра, не озабоченными семьею а помышляющими только о спасеніи души своей, безспорно возвышаютъ человѣка во мнѣніи христіанскаго общества; но когда дѣло идетъ о людяхъ семейныхъ, обязанныхъ по самому призванію своему жить и дѣйствовать среди общества мірянъ, тогда на вопросъ о бѣдности слѣдуетъ смотрѣть со стороны практической. Странно слышать, когда проповѣдуютъ противъ роскоши тѣмъ людямъ, которые не имѣютъ даже и обыкновеннаго довольства, а вѣдь оно было бы не только желательно, но даже необходимо тому сословію, которое должно быть въ постоянномъ общеніи съ низшими и высшими классами. Последніе вслѣдствіе своего воспитанія и образа жизни придають слишкомъ много значенія внѣшности, и священникъ въ убогой рясѣ, пожалуй, настоится въ передней; и будетъ сочтенъ недостойнымъ занять мѣсто въ изящной гостиной тотъ, кто предстоить престолу божію и совершаетъ святыя таинства.» Я съ своей стороны прибавляю даже, что честь наша требуетъ избавить д-во отъ бѣдности. Въ самомъ дѣлѣ, если д-во, какъ сейчасъ доказано, всѣхъ почти странъ и вѣроисповѣданій богаче нашего, если даже у насъ же въ Россіи лама, или мулла обезпечены лучше, нежели священникъ, то, право, вѣдь и стыдно уже православному обществу оставлять православное д-во въ убожествѣ.

Сравнивать матеріальное положеніе бѣлаго д-ва съ матеріальнымъ положеніемъ м-щихъ не нахожу нужнымъ. Матеріаловъ для этого сравненія очень много помѣщено въ 8—14 отдѣлахъ; только при сравненіи никакъ не надобно забывать, что всякій монахъ не имѣетъ семейства, или отказался отъ него, а почти всякое духовное лицо обязано содержать жену, болѣе или менѣе значительное количество дѣтей, думать о пристроеніе послѣднихъ къ мѣстамъ и пр. Лучше займемся теперь сравненіемъ обоихъ д-въ въ другихъ отношеніяхъ. М. б. доброе и благопопечительное духовное начальство умѣетъ вознаграждать св-я-ц-сл-лей за ихъ незавидный матеріальный бытъ другими какими либо способами: наградами, повышеніями, ласковостію и пр.

Отдѣлъ 18ый.

Взаимное сравненіе бѣлаго и чорнаго д-въ относительно наградъ, повышеній, знаковъ отличій и пр.

Есть русская пословица: *богатому счастье, ему все уда-
ется*. Потомъ, по замѣчанію русскихъ людей, *одна бѣда
раждаетъ другую, третью и т. д. до седьмой*. Первая по-
словица вполне прилагается къ м-щимъ; они точно какія-то
привилегированныя существа, какъ будто бы, по другой
русской пословицѣ, *родились въ сорочкѣ* и состоятъ на осо-
быхъ правахъ. Имъ не только предоставлено быть богатыми,
но ихъ т. с-ть находятъ нужнымъ, какъ можно болѣе, на-
граждать за то, что они обязаны истративать по своему
благоусмотрѣнію получаемые ими огромные доходы; дѣйстви-
тельно трудъ иногда немаловажный, особенно для о. о. на-
стоятелей монастырей и для всѣхъ вообще прогрессистовъ.
Но замѣчаніе русскихъ людей о бѣдахъ какъ нельзя лучше
идетъ къ бѣлому д-ву. Члены его, которые, по словамъ
г. Щербины, живутъ, какъ *пролетаріи*, добываютъ себѣ
хлѣбъ, какъ *попрошайки*, не очень счастливы въ отношеніи
къ наградамъ, знакамъ отличія, повышеніямъ и пр. Пораз-
смотримъ это.

Часть первая.

Предпочтеніе, которое предоставлено чорному
д-ву предъ бѣлымъ относительно повышеній,
наградъ и пр.

Авторъ книги: о. у. д. у. (1 т. 98 стр.) говоритъ: «если
нужно имѣть идеаль *самой покойной жизни, идъ уже нтъ
никакого движенія впередъ, нтъ даже надежды на это*, то
не угодно ли поступить свѣтскимъ наставникомъ въ духов-
ныя училища? Тутъ уже вы будете пользоваться совершен-
нымъ покоемъ.» Авторъ, к-ся, увлекся состраданіемъ къ свѣт-

скимъ наставникамъ. Напрасно онъ думаетъ, что они представляютъ совершенный идеалъ неподвижности по службѣ; въ этомъ случаѣ они находятъ соперниковъ во всемъ почти бѣломъ д-вѣ. Изъ бывшихъ въ 1861 году 63421 причетника даже и тѣ 247 человекъ, которые окончили курсъ семинаріи и по вновь заводимымъ порядкамъ должны прослужить сколько нибудь въ званіи чтеца, и они не все будутъ священниками, а многіе не пойдутъ далѣе дьяконства. Затѣмъ изъ причетниковъ, обучавшихся въ среднемъ и низшемъ отдѣленіи семинаріи, сколько нибудь сдѣлается дьяконами, а изъ прочихъ развѣ только при помощи всеильной протекціи, особенныхъ какихъ либо экстренныхъ обстоятельствъ, даже *всѣми неправдами* удостоится на свой стихарь наложить орарь. Все же остальные, никакъ не менѣе 60,000 останутся причетниками, даже и не мечтаютъ о дьяконствѣ. Далѣе изъ 12,444 дьяконовъ попадетъ въ священники развѣ малая часть кончившихъ курсъ въ семинаріяхъ, да нѣкоторые протодьяконы и соборные дьяконы. А потомъ 11,000, а м. б. и 12,000 говори до скончанія жизни своей: *наки и наки міромъ Господу помолимся*. Наконецъ изъ 37,335 священниковъ слишкомъ немного получатъ протоіерейство. Прежде епархіальные архіереи еще имѣли право возводить достойныхъ (случалось и недостойныхъ) іереевъ въ протоіереи, а теперь могутъ такъ поступать относительно только 577 штатныхъ протоіерейскихъ мѣстъ, которыхъ въ большей части епархій бываетъ почти столько же, сколько кафедральныхъ и городскихъ соборовъ. Раздѣливъ 37,335 на 577, получимъ частное число равное почти 65; т. е. изъ 65 священниковъ можетъ разсчитывать на штатное протоіерейство только одинъ. Во всѣхъ прочихъ случаяхъ синодъ предоставляетъ себѣ, конечно по ходатайству епархіальнаго начальства, жаловать протоіереемъ. Но, чтобы удостоиться этой чести, священнику нужно напередъ получить набедренникъ, скуфью, камлдавку и наперсный крестъ; а о такой кучѣ наградъ самой большей части священниковъ и мечтать нельзя. Доказательствомъ этого служить то, что всѣхъ протоіереевъ въ 1861 г. было 610, — значить, только 33мя болѣе штатнаго положенія. Но едва ли не думаетъ духовное начальство сократить и это число, по к. м. въ томъ же году вмѣсто 143 протоіереевъ, уволенныхъ по болѣзни и старости, введено въ ту же степень 44. Затѣмъ изъ 610 протоіереевъ 56, почти $\frac{1}{11}$ часть занимаетъ мѣсто кафедральнаго протоіерея. А еще затѣмъ въ недосягаемой уже высотѣ, въ безконечномъ почти разстояніи отъ всѣхъ провинціальныхъ

священниковъ и протоіереевъ есть пять должностей: духовника Его Императорскаго Величества, главнаго священника арміи и флота, протопресвитера Московскаго Успенскаго Собора и двухъ полевыхъ главныхъ священниковъ. Но объ этихъ пяти мѣстахъ могутъ мечтать протоіереи придворные, столичные и военнаго вѣдомства. Т. о. самая огромная масса бѣлаго д-ва всю жизнь свою остается безъ всякаго повышенія.

Напротивъ въ м-вѣ замѣчаемъ совсѣмъ другія явленія. Послушники, хотя въ общей массѣ, ниже причетниковъ и по образованію и по нравственности и даже по пользѣ, которую приносятъ обществу; — а м. т. причетникъ оставаясь всю жизнь причетникомъ, а послушникъ, какъ скоро его постригутъ въ монахи, дѣлается почти тотчасъ же іеродьякономъ. Рѣдкій изъ іеродьяконовъ остается навсегда въ этомъ званіи, его непременно тоже сдѣлаютъ іеромонахомъ; исключенія касаются людей, которые такъ простоваты, или такъ пятнаютъ себя дурными поступками, что производствомъ ихъ въ іеромонахи боятся обезславить священно-іеромонашество, — или еще голосистыхъ басовъ, которыхъ держать въ званіи іеродьякона до конца жизни для торжественности богослуженія, давая впрочемъ имъ названіе протодьяконовъ, даже архидьяконовъ и по доходамъ сравнивая съ іеромонахами. Іеромонаху не нужно имѣть большаго запаса умственныхъ и нравственныхъ качествъ, или отличатся заслугами, что бы попасть въ казначей, а въ большихъ монастыряхъ въ ризничіе, экононы, благочинные; тутъ главную роль играютъ время и лѣта. Отъ казначейства же и другихъ монастырскихъ второстепенныхъ властей слишкомъ недалеко до званія настоятеля. Иные настоятели сначала называются строителями, игуменами, а наконецъ архимандритами, но нерѣдко изъ іеромонаховъ прямо переименовываются не только въ игумена, но и даже въ архимандрита. Что въ этомъ отношеніи не только нѣтъ, но даже не можетъ быть неподвижности, замѣчаемой въ бѣломъ д-вѣ, служатъ доказательствомъ слѣдующія вычисленія. Въ 477 мужескихъ монастыряхъ въ 1861 г. было 5648 монаховъ. Ограничивая число чиновныхъ особъ въ каждомъ монастырѣ только настоятелемъ и казначеемъ, получимъ 954; т. е. они составляютъ болѣе, нежели $\frac{1}{6}$ часть всѣхъ іеромонаховъ и іеродьяконовъ; слѣд. изъ шести монаховъ одинъ непременно будетъ или казначеемъ, или настоятелемъ, даже одинъ изъ 11—12 имѣетъ право надѣяться сдѣлаться настоятелемъ. Это вовсе не то, что въ бѣломъ д-вѣ, гдѣ, какъ сейчасъ было доказано,

изъ священниковъ, не включая дьяконовъ, на протоіерейское, мѣсто можетъ разсчитывать одинъ изъ 65. Другое вычисленіе. Званіе протоіерея относительно къ священникамъ надобно считать тѣмъ же, чѣмъ служитъ званіе игумена и архимандрита относительно іеромонаховъ. Но въ 1861 г. при 50,394 священникахъ и дьяконахъ получили санъ протоіерея 44 человекъ, одинъ изъ 1145 тѣхъ или другихъ, а изъ 5648 іеромонаховъ и іеродьяконовъ получили игуменство и архимандрію 34 лица, или одинъ изъ 165.*)

Объ ученомъ м-вѣ нечего уже и говорить; тамъ движеніе впередъ идетъ такъ быстро, что у нѣкоторыхъ дѣлается, к-ся, головокруженіе, или, какъ говорятъ, *голова кружимо вьртитсѣ*. Студентъ академіи іеромонахъ, получивши инспекцію въ семинаріи, или бакалаврство въ академіи, возводится въ санъ архимандрита среднимъ числомъ чрезъ 5—6 лѣтъ; но множество есть примѣровъ, что это бываетъ чрезъ 2—4 года; вмѣстѣ съ тѣмъ, или вскорѣ затѣмъ новый архимандритъ, часто не живя даже ни одного дня въ монастырѣ, дѣлается настоятелемъ его и еще ректоромъ семинаріи. Потомъ лѣтъ чрезъ 5—10 ректоръ и архимандритъ б. ч. получаетъ въ управленіе епархію. Изъ дожившихъ до 1864 г. архипастырей восемь достигли этого сана, не прослуживши на ученой, или епархіальной службѣ 9—10 лѣтъ. Но по табели о рангахъ званіе архимандрита нужно ставить въ параллель съ 7мъ или 6мъ, а званіе епископа съ 4мъ классомъ. И такъ учоное м-во даетъ возможность чрезъ 2—6 лѣтъ получить т. с-ть чинъ одинаковый съ чиномъ подполковника, или полковника, а чрезъ 9—10 л. уравниваться съ ихъ превосходительствами. Помилуйте, да столь быстрому возвышенію не только порадуются, а даже изумятся дѣти самыхъ богатыхъ и вліятельныхъ аристократовъ.

Такъ называемыя внѣшнія отличія, которыми украшаютъ людей за какіе либо подвиги, полезную и бесполезную службу, м. б. и не очень нужны для государственнаго благосостоянія, для поощренія людей къ исполненію гражданскихъ и особенно моральныхъ обязанностей. Сѣверо-американскіе Штаты обходятся безъ всякихъ чиновъ и орденовъ; и м. т. любятъ свое отечество, жертвуютъ для его благосостоянія имуществомъ и жизнію, отличаются гражданскими заслугами и

*) При этомъ вычисленіи слѣдовало бы брать во вниманіе число священниковъ и іеромонаховъ, но я не сдѣлалъ этого; п. ч. въ отчетѣ Об. Пр-ра іеромонахи и іеродьяконы заключены въ одну цыфру.

моральными качествами нисколько не менѣе тѣхъ государствъ, гдѣ всю грудь, пальцы и даже бока можно увѣшать крестами, звѣздами и множествомъ другихъ отличій. Сама аристократическая Англія скупа на свои Подвязки и Баню (два ордена: Подвязки и Бани). Сэръ Робертъ Пиль, к-ся, уже послужилъ своему отечеству, увѣковѣчилъ свое имя въ исторіи его; и впрочемъ умеръ, не получивши и, главное дѣло, не добываясь никакого ордена. Но уже, если есть знаки отличія, то при раздачѣ ихъ нужно бы соблюдать самое строгое безпристрастіе, не давать ихъ однимъ почти зато только, что они *одного съ нами поля ягодъ*, имѣютъ нашего цвѣта одежду, а другимъ, которыхъ дѣятельность гораздо полезнѣе *однопольныхъ ягодъ*, или прикрытыхъ одноцвѣтною съ нами одеждою, систематически отказывать, или препятствовать въ полученіи наградъ. Въ такомъ случаѣ знаки отличія, м. б., и не дѣлали бы отличаемыхъ полезными гражданами и добродѣтельными людьми, по к. м. не служили бы вывѣскою начальственнаго пристрастія къ награждаемымъ. Обращаясь теперь къ нашему вообще д-ву, замѣтимъ, что и въ этомъ отношеніи черное пользуется предъ бѣлымъ новыми привилегіями.

О томъ, что ни причетники, ни дьяконы не получаютъ никакихъ знаковъ отличія, извѣстно всѣмъ. Развѣ на рѣдкомъ изъ нихъ увидишь медаль, но не за службу по церкви, а зато, что онъ рисковалъ жизнью, спасая кого либо отъ огня, или воды, или зато, что нѣсколько десятковъ лѣтъ, училъ мальчиковъ грамотѣ, имѣлъ школу на свой счетъ и страхъ. Но и въ этомъ случаѣ представленіе идетъ б. ч. отъ свѣтскаго начальства, а духовное развѣ, вѣроятно, для торжественности и великолѣпія, пооттянетъ дѣло производство, а потомъ к-рія при выдачѣ медали непременно заставитъ награжденнаго заплатить за нее, иначе долго, долго ее не выдастъ. Былъ еще чуть ли не единственный случай, когда дьяконъ получилъ орденъ Св. Анны 3й степени; это-знаменитый *Прогоръ*, служившій иподьякономъ при нѣсколькихъ петербургскихъ митрополитахъ, но и онъ награжденъ свѣтскимъ правительствомъ въ 1850 году за то, что 14 Декабря 1825 г. на Исакиевскую площадь пріѣзжалъ вмѣстѣ съ митрополитомъ Серафимомъ. Тутъ могутъ сказать: «За что же и награждать дьяконовъ и причетниковъ? Какія ихъ заслуги?» М. б. и правда. Впрочемъ и они имѣй надежду на какія либо отличія, что нибудь да сдѣлали бы; а теперь очень хорошо знаютъ, что, какъ бы ни была полезна ихъ служба и дѣятельность, ужъ не получить отличія. Такъ не

лучше ли жить такъ, чтобы и не за что было отличать отъ другаго?

Для священниковъ установлено много знаковъ отличія: набедренникъ, скуфья, камилавка, наперсный или кабинетный кресты, палица, ордена, даже и митра. Почти всё эти отличія, кромѣ развѣ орденовъ, установлены, какъ говоритъ указъ Императора Павла въ пользу бѣлаго д-ва (Собр. Зак. XXIV. стр. 821. No. 18273. 18 Дек. 1797 г.) Но на раздачу ихъ священникамъ особенно сельскимъ духовное начальство ужасно скупое. Даже ранѣе 35 лѣтняго возраста не велѣно ихъ представлять къ какой либо наградѣ, кромѣ немногихъ исключеній (Отч. Об. Пр-ра за 1850 г. стр. 46). Отъ этого и происходитъ, что сельскій пастырь за свою даже отличную службу ничего не получить. Послушаемъ, какъ объ этомъ говоритъ одинъ изъ берлинскихъ защитниковъ (стр. 41): «больно видѣть иногда, что священникъ, всю жизнь хлопотавшій по судамъ, что бы выхлопотать планъ на землю, потомъ отведшій свою землю для кирпичнаго сарая, собравшій много лѣтъ съ прихожанъ дрова, подводы, ходившій по домамъ, умолявшій ихъ объ этомъ и продажею кирпичей наконецъ собравшій деньги на построение церкви, послѣ 40-лѣтней службы священникомъ — не получилъ и набедренника.» На отличія могутъ рассчитывать тѣ священники, которые состоятъ завѣдывателями, наставниками семинарій, или училищъ, благотворными, членами к-рій, духовныхъ правленій и попечительствъ о бѣдныхъ духовнаго званія, депутатами, служатъ при казенныхъ мѣстахъ, напр. при острогѣ, больницѣ и пр. Такъ какъ всё эти особенности, кромѣ должностей благотворнаго и депутата, могутъ встрѣчаться въ городахъ только, то большинство сельскихъ священниковъ ничѣмъ не награждается. Или: прекрасный священникъ служить 40—50 л., любимъ своею паствою, уважается окружнымъ д-вомъ, но умираетъ, не получивъ никакого знака отличія, даже набедренника, даже шапочки для прикрытія своей головы. И городскіе священники для получения награды очень часто имѣютъ нужду въ представленіи и ходатайствѣ свѣтскаго начальства. Это подтверждаютъ петербургскіе епархіальные священники, которыхъ большая часть получаетъ первыя особенно награды именно такимъ путемъ; и потому стараются найти, какъ они выражаются, хоть какое нибудь *казенное мѣстечко* или заведеніе, которое бы ихъ представляло къ наградамъ. Въ самыхъ наградахъ соблюдается строжайшая постепенность и торжественная медленность. Всякій начинай съ набедренника, потомъ скуфьи

и пр.; получивши одну награду, отложи попечение другой по к. м. на 2—3 года. Тутъ даже не обращается вниманіе на существующія постановленія. По уставу духовно-учебныхъ заведеній училищная служба ставится выше епархіальной и потому наставникъ, поступивъ чрезъ 10-20 лѣтъ своей педагогической службы въ священники долженъ бы награждаться такъ, какъ будто онъ пробылъ 10-20 и даже болѣе лѣтъ священникомъ. Но нѣтъ; на него смотрятъ, какъ на молодаго священника; награждать его начинаютъ опять съ набедренника. Отступленія бывають слишкомъ рѣдки и, смѣшнѣе всего, возбуждаютъ даже ропотъ. Когда напр. теперешній ректоръ московской академіи Горскій болѣе, нежели послѣ 23-лѣтней службы при академіи поступилъ въ священники и почти тотчасъ же сдѣланъ протоіереемъ, и когда потомъ чрезъ 5—6 лѣтъ получилъ вмѣстѣ и камилавку и наперсный крестъ, то дѣйствительно многіе и удивились такому быстрому возвышенію, и даже негодовали на то. Почему, по ихъ понятію, и г. Горскаго не заставить бы, какъ всякаго семинариста, сначала получить набедренникъ, потомъ скуфью, камилавку и пр., притомъ съ промежутками года въ 3—4? Понятно послѣ этого, что набедренникъ, скуфья, камилавка не легко достаются даже и благочиннымъ. Одинъ изъ берлинскихъ защитниковъ говоритъ (стр. 41): «не больно ли видѣть, что благочинный за 27 лѣтъ службы въ этомъ трудномъ званіи, — службы усердной, ничѣмъ не замаранной, получилъ въ награду только набедренникъ и скуфью. Нѣтъ! это не хорошо, это не справедливо.» Нынѣ впрочемъ стали пощедрѣе на эти награды; напр. въ 1861 г. дано 542 скуфьи, 284 камилавки и 284 наперсныхъ креста; тогда какъ въ 1852 г. — 300 скуфей, 145 кам. и 98 нап. кр., а въ 1836 г. — 144 ск., 53 кам. и 37 нап. кр. Прогрессъ есть.

Орденами еще менѣе избаловано бѣлое д-во. Въ Петербургѣ можно встрѣчать кавалеровъ-священниковъ и протоіереевъ. Но въ провинціяхъ орденъ даже 3й степени Анны необыкновенная рѣдкость. Не очень давно въ цѣлой губерніи никто изъ бѣлаго д-ва не имѣлъ ордена, или имѣлъ его только кафедральный протоіерей. Да и нынѣ протоіерей уѣздныхъ городовъ дѣлаются кавалерами развѣ чрезъ 35—40 лѣтъ своей службы и то не всегда. Даже въ 1861 г. всѣхъ духовныхъ лицъ получило 210, а въ 1859 только 134; но въ числѣ награжденныхъ очень порядочное количество нужно отнести на черное д-во. Священники и протоіерей, р-ся, получаютъ только ордена 2 и 3 степени Анны и 3 и 4 ст.

Владимира, звѣздоносцами же между бѣлымъ д-вомъ могутъ быть едва ли не одни главные священники и протопресвитеры, да и то, не воѣ; к-ся, еще доселѣ ни одинъ протопресвитеръ московскаго успенскаго собора не удостоился чести носить орденъ Анны 1й степени.

Наконецъ остается сказать нѣсколько словъ о награжденіи митрою. По моему мнѣнію, она бы должна составлять не награду, а необходимую принадлежность кафедральнаго протоіерея. Въ самомъ дѣлѣ онъ долженъ считаться въ епархіи первою особою послѣ архіерея, а не какой либо архимандритъ. Въдѣ, епархія составляется не изъ монастырей, а изъ приходскихъ церквей; она очень можетъ обойтись безъ всякой святой обители, какъ это было въ 1858 г. въ епархіяхъ: варшавской, рижской, екатеринославской, камчатской и трехъ грузинскихъ. Одни монастыри не составятъ епархіи; напр. на Афонѣ нѣтъ епископа. Онъ назначается для управленія не монастырями, а собственно бѣлымъ д-вомъ; онъ, какъ я выразился въ 6мъ отд., не *архи-монахъ*, а *архи-іерей*. Кому же теперь быть по немъ первою особою, представителемъ и даже чѣмъ-то въ родѣ предводителя всего бѣлаго д-ва, какъ не кафедральному протоіерею? Воѣ почти кафедральные протоіереи люди пожилые, заслуженные, магистры или кандидаты и даже доктора богословія; иные сдѣлались извѣстными своими сочиненіями, часто несутъ на своихъ плечахъ к-рію.*) Почему же имъ не давать этой награды, которая бы ихъ сравнила съ архимандритами, когда между послѣдними есть конечно и люди умные, учоные, заслуженные, но еще болѣе выслужившихся послушниковъ, исключенныхъ семинаристовъ, мѣщанъ и пр., отъ которыхъ ни общество, ни церковь не получали никакихъ заслугъ? Повторю: *митра должна бы составлять не награду, а необходимую принадлежность должности всякаго кафедральнаго протоіерея*. А затѣмъ, почему и другихъ, р-ся, уже очень не многихъ, притомъ заслуженнѣйшихъ протоіереевъ не награждать ею. Въ этомъ случаѣ можно даже сослаться на выше-приведенный указъ Импер. Павла отъ 18 Дек. 1797 г. Тамъ сказано: «опредѣляемъ въ пользу бѣлаго священства . . . третіе, для знатнѣйшихъ изъ нихъ

*) Къ сожалѣнію есть кафедральные протоіереи, которые получаютъ свои мѣста не по достоинству, а по какимъ либо проискамъ. Но все-таки и такіе протоіереи во всѣхъ отношеніяхъ лучше многихъ архимандритовъ. Справедливость требовала бы, чтобы кафедральный протоіерей, какъ предводитель бѣлаго д-ва, былъ имъ самимъ избираемъ.

митры.» Неужели въ каждой епархіи къ знатнѣйшему священству нельзя причислить кафедральныхъ и немногихъ другихъ протоіереевъ. Но митра такъ рѣдка, такъ рѣдка, что объ ней и мечтать не смѣютъ. Въ настоящее время, сколько мнѣ извѣстно, ее носятъ изъ блага духовенства — члены синода Бажановъ и Рождественскій, протопресвитеръ московскаго успенскаго собора Новскій, протоіерей преображенскаго собора въ Петербургѣ Сицилинскій, протоіерей Васильевъ въ Парижѣ: всѣ эти лица не принадлежатъ къ епархіальному вѣдомству. Затѣмъ изъ лицъ, подчиненныхъ епархіальному, или духовно-училищному начальству украшены митрою ректоръ м. академіи Горскій и протоіерей Исакиевскаго собора въ Петербургѣ Колоколовъ. И того по моему счету семь человекъ, а въ епархіальномъ вѣдомствѣ двое, или почти одинъ — Колоколовъ. Вѣдь, какъ угодно, мало, даже очень мало, когда въ одинъ 1859 г. пожаловано ему вмѣстѣ съ архимандріею 21 монахъ. Притомъ нельзя не смѣяться надъ негодованіемъ м-щихъ, особенно начальниковъ епархіи и семинарій, когда имъ стануть доказывать, что митру должно бы давать почаще протоіереемъ, и даже присвоить нѣкоторымъ должностямъ. Вотъ очень недавній примѣръ. Почти всѣ священники уѣзда одной подмосковской губерніи, по случаю приближавшагося 50-лѣтняго юбилея ихъ семинаріи, рѣшились просить епархіальнаго архіерея о томъ, что бы наградить митрою кафедральнаго протоіерея и вмѣстѣ инспектора семинаріи, находящагося въ епархіальной и училищной службѣ слишкомъ 35 лѣтъ. Что тутъ дурнаго? Всѣ почти священники и протоіереи цѣлой епархіи были учениками, или воспитанниками почтеннѣйшаго и заслуженнѣйшаго отца протоіерея и инспектора; служба его отличалась замѣчательною дѣятельностію, рѣдкою исправностію, примѣрнымъ, почти безпримѣрнымъ безкорыстіемъ. Почему бы его не наградить митрою? Почему его благодарнымъ ученикамъ не позволить ходатайствовать объ этой наградѣ? Но дѣло вышло не такъ, и епархіальный начальникъ и особенно ректоръ семинаріи остались очень недовольны поступкомъ д-ва, хотѣли-было подвергнуть всѣхъ подписавшихся подъ ходатайствомъ взысканію, протоіерея уѣзднаго удалить отъ благочиннической должности за дерзость и яко бы за превышеніе власти, за посягательство на власть другихъ и пр. и пр., чуть не за революціонныя движенія. Вотъ и служи 35, 40, даже 50 лѣтъ честно, безкорыстно, да и смотри, какъ стануть гнать тѣхъ благодарныхъ подчиненныхъ, которые вздумали напомянуть забывчивому начальству, что

пора бы достойнымъ образомъ наградить неутомимаго и честнѣйшаго служаку!

Негодую даже на тѣхъ, которые дѣлаютъ такое напоминовение, епархіальные начальники и вообще м-шіе крайне внимательны къ заслугамъ - мнимымъ, или дѣйствительнымъ своей черной братіи. Конечно, послушниковъ и даже іеродьякона не награждаютъ, такъ же какъ причетниковъ и дяконовъ, но это еще бѣда небольшая; они, какъ в. с-но, будутъ іеромонахами, и тогда уже могутъ рассчитывать на награды; притомъ для людей, какъ послушники, іеродьяконство, а потомъ іеромонашество, и послѣ должность казначея, да это такія награды, о которыхъ при другихъ условіяхъ имъ нельзя было и думать. Займемся іеромонахами. Для нихъ прежде всего сокращенъ срокъ полученія отличій; за набедренникомъ даютъ имъ прямо наперсный крестъ. Замѣчу здѣсь, что по указу Имп. Павла отъ 18 Дек. 1797 г. эта награда предназначалась только въ пользу бѣлаго, а не чернаго д-ва. Счастливейшими изъ іеромонаховъ по части наградъ надобно считать тѣхъ, которые состоятъ въ придворномъ штатѣ архіерея и называются *крестовыми іеромонахами*. Рѣдкій изъ нихъ, послуживъ лѣтъ 5—10, не получитъ набедренника, наперснаго креста, даже ордена; многіе дѣлаются игуменами, архимандритами и настоятелями какого нибудь монастыря. Изъ м-щихъ нечиновныхъ іеромонаховъ очень многіе украшаются набедренниками, а въ богатыхъ монастыряхъ, особенно въ лаврахъ даже наперсными крестами. Но изъ чиновныхъ іеромонаховъ: казначеевъ, экономовъ, благочинныхъ и пр. рѣдкій остается безъ наградъ. Р-ся, тутъ на первомъ планѣ опять стоятъ лавры и другіе богатые монастыри; — *богатымъ*, какъ я выше сказалъ, *счастье*; затѣмъ слѣдуютъ монастыри, состоящіе подъ начальствомъ архимандритовъ - членовъ к-рин и особенно ректоровъ семинаріи. Наконецъ есть примѣры, что не только чиновные, но и простые іеромонахи, получаютъ ордена. Настоятели монастырей еще ближе ко всѣмъ наградамъ; ихъ даже можно назвать привилегированными особами для нихъ. Кромѣ весьма не многихъ исключеній, когда кто либо изъ нихъ не пользуется благорасположеніемъ епархіальнаго начальника, всякій, прослуживъ не болѣе пяти лѣтъ, получитъ наперсный крестъ, если онъ не архимандритъ, а затѣмъ и орденъ, потомъ и другой; очень жаль, что Об. Пр-ръ въ своемъ отчетѣ не выведетъ наружу, сколько настоятелей монастырскихъ остается безъ всякихъ отличій. Тогда бы увидѣли всѣ то пристрастіе, которое епархіальные на-

чальники обнаруживают къ подобно цѣлѣннымъ себѣ лицамъ.

Но учоному м-ву по части наградъ завидуютъ даже прочіе монахи. Оно какъ будто установлено съ тѣмъ, чтобы человекъ въ *возможно-краткій срокъ получить возможно большее количество отличій*. Въ этомъ случаѣ для учоныхъ монаховъ оставляютъ безъ вниманія существующіе обычаи и постановленія. Напр. простой іеромонахъ не прогрессистъ слишкомъ рѣдко дѣлается прямо архимандритомъ, и первоначально долженъ послужить игуменомъ, или строителемъ какой либо обители. Для учоныхъ монаховъ этого перехода не существуетъ; б. ч. они прямо изъ іеромонаховъ дѣлаются архимандритами. Въ недавнее время чиновника ранѣе 15 лѣтъ службы и не представляли къ ордену, если онъ не оказалъ какихъ либо экстренныхъ заслугъ; но учоные прогрессисты нерѣдко получали орденъ Анны 2й степени чрезъ 5—7 лѣтъ и орденъ Владиміра 3ей степени чрезъ 8—11 лѣтъ службы, притомъ въ томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ ихъ сѣдой свѣтскій профессоръ оставленъ безъ всякаго отличія, а священникъ или протоіерей имѣлъ, м. б., скуфью, или камилавку только.— Чиновникъ, или лицо бѣлаго д-ва ранѣе 2—3 лѣтъ послѣ послѣдней награды и не представляются къ новой; притомъ въ этомъ случаѣ считается часто за награду полученная новая должность. Но учоный монахъ выше такихъ ограничений; бывали примѣры, что инспекторъ семинаріи въ одинъ годъ дѣлался ректоромъ и вмѣстѣ съ тѣмъ архимандритомъ, и въ добавокъ получалъ орденъ. — Недавно чиновникамъ и бѣлому д-ву нужно было получать ордена съ строжайшею постепенностію, начиная съ 3ей ст. Анны. Но учоные монахи б. ч. прямо награждались 2ю ст. Анны, а потомъ и 3 ст. Владиміра, хотя бы четвертой и не имѣли. Тутъ даже иногда бывають довольно оригинальные случаи. Епархіальный архіерей, или академическое правленіе представили какого либо инспектора къ 3ей ст. Анны; представленіе дошло до синода въ то время, когда будущаго кавалера дѣлають ректоромъ семинаріи. Тогда самъ синодъ уже не только награждаетъ его ректурою и архимандріею, но и представляетъ ко 2й ст. Анны. Болѣе уже высокіе прогрессисты украшаются только одними звѣздами. И если припомнимъ, что архіереями дѣлаются иногда чрезъ 8—9 лѣтъ службы, и если 1ю ст. Анны получаютъ послѣ еще чрезъ два года, то будетъ очевидно, что учоный монахъ по сану станетъ наравнѣ съ превосходительными особами и сдѣлается звѣздоносцемъ не болѣе, какъ чрезъ 11 лѣтъ своей, не Богъ знаетъ, какой полезной службы,

Повторю сказанное выше: такому возвышенію позавидуютъ лица самыхъ знатнѣйшихъ аристократическихъ фамилій; такіхъ наградъ и степеней не получаютъ ни въ свѣтскомъ, ни въ военномъ званіи люди гениальные, настоящіе государственные мужи; только 11-мѣсячная осада Севастополя дала нѣкоторымъ возможность сдѣлать такіе скачки по службѣ, какихъ въ м-вѣ очень много.

Часть вторая.

О томъ, кто болѣе заслуживаетъ наградъ: бѣлое или черное д-во?

Чтобы оправдать пристрастіе къ м-ву и невниманіе къ бѣлому д-ву, такъ ясно выказываемыя въ жалованіи отличій, монашисты говорятъ: «за что же награждать приходскихъ, особенно сельскихъ священниковъ? Какія они оказываютъ особенныя заслуги? Отслужить въ недѣлю разъ обѣдню, съѣздить съ молитвою, получить за это притомъ награду, право, тутъ не Богъ знаетъ какіе труды и заслуги? А м-щіе прогрессисты воспитываютъ духовное юношество, управляютъ и бѣлымъ д-вомъ и всею церковью. Неужели ихъ *ставитъ на одну*, какъ говорятъ, *доску* съ сельскимъ священникомъ?» Въ былое время громко прибавляли да и нынѣ иногда поговариваютъ: «миръ держится молитвами праведниковъ (*спмя свято стояніе его*), а наши обители и есть тѣ мѣста святыхъ, изъ которыхъ возсылаемы молитвы такъ доступныя къ Богу, такъ полезны русскому царству; да и самая жизнь святыхъ отшельниковъ обнаруживаетъ на православный народъ столь благотѣльное вліяніе, что достойнымъ образомъ ихъ никогда не наградишь.» О послѣдней апологіи не зачѣмъ говорить; жизнь монастырская извѣстна, отчасти уже много описана, отчасти еще описетса. Скажу только, что *русскій Богъ услышитъ молитвы русскаго народа и защититъ его отъ враговъ и безъ посредства монашескихъ молитвъ*. Лучше разсмотримъ первую апологію, начавши съ прогрессистовъ.

Сельскій священникъ конечно не заслуживаетъ однихъ и тѣхъ же наградъ, какъ ректоръ и инспекторъ семинарій, или академіи, если, р-ся, воѣ они исполняютъ свои обязанности, какъ слѣдуетъ. Воспитаніе достойныхъ пастырей церкви

требуетъ больше и ума и трудовъ, нежели совершеніе богослуженій и исполненіе разныхъ требъ. И такъ пусть ректоры и инспекторы семинарій и академій награждаются скорѣе и щедрѣе, нежели приходскіе священники. Но зачѣмъ м-щіе считаютъ только себя однихъ способными къ начальническому должностямъ въ среднихъ и высшихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ? Зачѣмъ они насильственно устраняютъ отъ того не только свѣтскихъ наставниковъ, но и бѣлое д-во? И если какой либо священникъ занимаетъ инспекторскую должность, то зачѣмъ монаха за 5—10 лѣтъ службъ награждать уже орденами, а священнику отказывать въ это время даже въ скуфѣ, или камилавкѣ? Такая монополія, такое несправедливое присвоеніе привилегій, такое пристрастіе къ однимъ и невниманіе къ другимъ даже и въ д-вѣ возмутительно; въ другихъ вѣдомствахъ все это приписали бы безсовѣстности и нахальному невниманію къ правдѣ.

Епархіальные начальники считаются у насъ равными тѣмъ особамъ, которыя принадлежатъ къ 4, 3 и 2 классамъ; это все такъ называемыя превосходительныя лица; нельзя же ихъ ставить наравнѣ, или награждать одинаково съ тѣми, которые соотвѣтствуютъ чинамъ 8 и 9 классовъ. Но и здѣсь нельзя обойтись безъ вопросовъ. Я уже не говорю о томъ, что архіереемъ можетъ быть, какъ ниже докажется, священникъ и протоіерей, но, даже оставляя это въ сторонѣ, можемъ спросить: почему м-щіе, присвоивши себѣ важнѣйшія должности въ іерархіи, никакъ не хотятъ должностямъ, оставленнымъ для бѣлаго д-ва, дать болѣе высокое значеніе, нежели какое онѣ теперь имѣютъ? Отчего напр. даже кафедральный протоіерей въ глазахъ иного іерарха чуть-чуть не такой же протопопъ, или попъ, какъ и всѣ прочіе наши пастыри? Отчего только 2—3 протопресвитера, 2—3 главныхъ священника выдаются предъ своею братією и сближаются съ епархіальными начальниками, или хоть съ архимандритами? Притомъ и въ этомъ вовсе т. с-ть невиновато м-во; оно бы и теперь съ величайшимъ удовольствіемъ готово было поручить управленіе гвардейскимъ и армейскимъ д-омъ кому либо изъ своей братіи, давно уже досадуетъ, почему это духовникъ Императорской фамилии не принадлежитъ къ черноризцамъ? Т. о. если здѣсь нѣтъ, какъ въ предъидущемъ случаѣ, ни монополіи, ни привилегіи, то по к. м. сильно прогладываетъ желаніе не давать хода бѣлому д-ву.

Отъ ректоровъ и архіереевъ перейдемъ къ прочей м-щей братіи. Замѣчу прежде всего, что даже странно награждать монаха тѣми отличіями, которыя существуютъ въ граждан-

скомъ обществѣ. Монахъ по церковной теоріи есть такой человекъ, который, отказавшись отъ своихъ родныхъ даже, отъ міра и его удовольствій, клянется проводить всю жизнь свою въ постничествѣ и молитвѣ, умерщвленіи плоти и другихъ подвигахъ съ единственною цѣлю заслужить прощенье своихъ грѣховъ и сподобиться чрезъ то царствія небеснаго. О гражданскихъ обязанностяхъ ему во время постриженія ни однимъ словомъ, ни однимъ намѣкомъ не напоминаетъ. Въ монашѣ, по моему мнѣнію, *олицетворенъ идеалъ блаженнаго эгоизма*. Авторъ книги: о. с. д. (стр. 138) прекрасно говоритъ: «монахъ заботится лишь объ одномъ себѣ; цѣль воѣхъ подвиговъ его — личная польза.» И потому съ этимъ же авторомъ скажемъ: «пустынника, величайшаго подвижника награждать людямъ не за что.» Но не зависимо отъ этого общаго взгляда поищемъ заслугъ монашескихъ и сравнимъ ихъ съ заслугами священническими.

Въ самыхъ многолюдныхъ монастыряхъ—киевопечерской и троицко-сергіевской лаврахъ по штату положено м-щихъ и послушниковъ въ первой 387, а во второй съ приписанными къ ней монастырями и скитомъ 309. Затѣмъ въ Соловецкомъ монастырѣ по штату должно быть 145 человекъ; изъ другихъ же ставропигіальныхъ монастырей только въ новоспасскомъ полагается 50 монаховъ и послушниковъ, а въ прочихъ менѣе этого. Незнаю опредѣленно числа братіи въ саровской пустыни; но, к-ся, могу сказать, что настоятели развѣ пяти, или въ крайнемъ случаѣ десяти монастырей имѣють подчиненныхъ болѣе 100 человекъ (прислуга въ зотъ счотъ не вносится); а самое огромное большинство ихъ управляютъ менѣе, нежели 50—20 человекъ. Съ другой стороны самый малый проходъ состоитъ изъ 500—1000 душъ обоего пола, о нравственномъ и религіозномъ назиданіи которыхъ священникъ долженъ заботиться. — Настоятель монастыря не имѣетъ нужды выходить изъ монастырской даже ограда, ходи изъ кельи въ церковь, изъ церкви въ столовую, пожалуй, загляни въ комнаты братіи, даже на скотный дворъ; развѣ разъ или два въ годъ онъ долженъ съѣздить на поклоненіе епархіальному архіерею. Но священникъ слишкомъ часто ступай не только днемъ, а и ночью за 5—10 верстъ; не можетъ отказаться, хотя бы снѣгъ валилъ хлопьями, дождь лился ливнемъ, бушевалъ самый сильный вѣтеръ. — Настоятель изъ церковныхъ службъ совершаетъ только обѣдню, иногда утреню, или молебень для почетнаго посѣтителя; мелочными т с-ть обрядами онъ не занимается; его въ этомъ отношеніи можно назвать *блоручкою*. А священ-

нику чего не приходится совершать и притомъ часто при какой обстановкѣ? напр. при выносахъ покойниковъ, при провозѣ ихъ на кладбища, при общественныхъ молебнахъ и пр.; тутъ уже не смотри ни на морозъ, ни на дождь и снѣгъ; тутъ видѣнъ *чорноробочій*. — Настоятель есть почти полный командиръ братіи; она поклялась быть у него въ повинности до послѣдняго своего издыханія; а священникъ имѣетъ дѣло съ прихожанами, которые отъ него вполне независимы, а напротивъ отъ которыхъ онъ зависитъ въ матеріальномъ отношеніи; конечно въ монастыри ходитъ много богомольцевъ, но настоятель пользуется только ихъ приношеніями, нисколько не отвѣчая за ихъ религиозное состояніе. А появивъ и распространивъ въ приходѣ расколъ, священникъ нерѣдко ступай въ крію и тамъ отплачивайся. И такъ, рѣшите сами, г. ч., кто приноситъ больше пользы обществу и церкви, больше трудится и подвергается большей отвѣтственности? Священникъ ли, или о настоятель даже ставропигіального монастыря? Что послѣдній дѣлаетъ отличнаго въ сравненія съ первымъ? На первые два вопроса вы сами, г. ч., составьте отвѣтъ, а на третій я хочу сдѣлать вамъ выписку изъ книги о. с. д. (стр. 140 и д.): «что сдѣлалъ отличнаго вотъ этотъ архимандритъ, украшенный двумя орденами? Развѣ то, что изобрѣлъ способъ проживать десять тысячъ въ годъ при всемъ готовомъ, что составляетъ первыя потребности жизни, совершенно одинокій и не удѣляя ни деньги бѣднымъ и сиротамъ? Развѣ то, что разорилъ свой монастырь, на который смотритъ, какъ на ферму? Развѣ то, что служить въ недѣлю разъ и ночи посвящаетъ на интимныя собесѣдованія съ барынями, запершись въ кабинетѣ? По истинѣ великія и важныя заслуги, далеко превышающія тяжолую, страдальческую, мученическую дѣятельность священника! Какое сравненіе! Одиная живеть сибаритомъ; для прихотливаго вкуса его съ трудомъ угождаетъ лучшій поваръ съ изысканнѣйшими блюдами, съ дорогими винами; для нѣжныхъ членовъ его никакія подушки не мягки, никакіе ковры не эластичны и кто же это? Кто? Сынъ пономаря, вскормленный на рѣдкѣ и пустыхъ щахъ, валившійся въ неисходной грязи; глаза его не могутъ смотрѣть ни на что, кромѣ серебра и брилліантовъ; дѣятельность его ограничивается прочтеніемъ газеты, или книжкой журнала, а лѣтомъ разнообразной прогулкой въ каретѣ въ ближайшую рощу, или оплатой полуночныхъ визитовъ и т. п. Другой въ самомъ кровавомъ потѣ лица пріобрѣтаетъ себѣ хлѣбъ, довольствуется въ средствахъ жизни тѣмъ, что нужно для

всякаго христіанина, не смотря на то, что долженъ удовлетворить безконечнымъ требованіямъ своихъ прихожанъ, часто весьма прихотливымъ и не разумнымъ; — въ бурю, въ вьюгу, въ полночь, при 25⁰ мороза на клячѣ долженъ ѣздить въ деревни за 5—10 верстѣ, нерѣдко послѣ цѣлдневныхъ самыхъ убійственныхъ работъ и пр. Какъ же не награждать перваго? Живетъ *отлично!* И за что награждать втораго? *Ничего отличнаго не дѣлаетъ.*» Да, г. ч., невольно изумишься умѣнью духовныхъ монашескихъ властей оцѣнивать заслуги людей и награждать ихъ по достоинству. По неволѣ скажешь съ однимъ изъ берлинскихъ защитниковъ (стр. 41): «почему скупость (въ наградахъ) должна пасть именно на долю (бѣлато) д-ва, и безъ того уменьшеннаго въ правахъ въ сравненіи съ другими служащими?»

Если даже у отцовъ настоятелей монастырей не очень много заслугъ, то что нужно сказать о прочей монастырской братіи? За что ее ставить выше и награждать чаще, нежели священниковъ? У самого казначея только и есть одна заслуга: закупать запасы и матеріалы для монастыря, расплачиваться съ торговцами, ходить по рынку, по лавкамъ, возиться съ послушниками и монастырскою прислугою. Вотъ, к-ся, вся его специальность! Развѣ только при экономіи онъ можетъ собрать въ богатыхъ монастыряхъ себѣ порядочный капиталецъ *отъ крутицы, падающей отъ трубы.* У прочихъ іеромонаховъ не отыщешь и этихъ заслугъ; только что служить по очереди въ церкви, поютъ хоромъ на клиросѣ, обѣдаютъ въ общей столовой и пр., да развѣ занимаются спасеніемъ своей души. Но скажу словами заграничнаго Вѣстника (№. 6. 1864 г. стр. 600): «быть святымъ въ пустынѣ весьма посредственная заслуга; уединеніе сохраняетъ отъ искушенія; искушеніе только въ толпѣ и отъ толпы к-ся неодолимымъ.» Притомъ и священнику тоже нужно спасать свою душу, только при множествѣ затрудненій, о которыхъ монахъ и понятія не имѣетъ; да кромѣ того не менѣе нужно пецись о спасеніи душъ всѣхъ своихъ прихожанъ, что бы, явившись на страшный судъ, онъ могъ сказать: *се азъ и дѣти мои.* У лицъ придворнаго штата архіерея не болѣе заслугъ, нежели у монастырскихъ монаховъ. О. экономъ и казначей хлопочутъ о покупкѣ запасовъ, или объ уплатѣ денегъ за нихъ, ведутъ шнуровыя книги, притомъ не очень исправно; о. духовникъ какъ управляетъ совѣстію своего начальника, — дѣло темное и не извѣстное; но зато, исповѣдуя всѣхъ такъ называемыхъ ставлениковъ, не бываетъ въ убыткѣ. Всѣ крестовые монахи конечно

служать въ крестовой церкви, но вмѣстѣ съ тѣмъ пользуются и доходами отъ нее, которые б. ч. выше доходовъ многихъ приходскихъ церквей. Что? каковы заслуги, особенно въ сравненіи съ службою священника? Я и здѣсь тоже хочу сослаться на книгу о. с. д. (стр. 138—139): сельскій іерей не дѣлаеть ничего отличнаго? Да развѣ уже не отличное дѣло, если онъ, скованный самыми тяжкими нуждами, погруженный въ самое отвратительно-вонючее болото жизни, не потеряется и не падеть? Развѣ не подвигъ, не величайшій подвигъ остаться честнымъ и чистымъ въ чумной атмосферѣ причетничества и люда православнаго? Подвигъ всякаго пустынножителя безконечно легче, чѣмъ подвигъ, предлагаеще священнику; у того-два врага: плоть и дьяволъ; у священника, кромѣ этихъ враговъ, миллионы другихъ, о которыхъ пустыльникъ знаетъ только по слуху. Пустыльникъ, послѣ сороколѣтнихъ изумительныхъ подвиговъ, страшно палъ, когда на одну только ночь оставили вблизи его дѣвицу, имъ же изцѣленную; такъ первое столкновеніе изъ дѣйствительнаго міра погубило старца, ожившаго, казалось бы, для волненія и страстей. Въ какомъ же положеніи долженъ быть священникъ, съ утра до ночи встрѣчающійся со всѣми лицами дѣйствительнаго міра? Въ какомъ состояніи долженъ быть его духъ, когда на исповѣди ему рассказываютъ такіа вещи, отъ которыхъ холодъ проникаеть въ кости, волосъ на головѣ поднимается къ верху, кровь останавливается въ жилахъ? И если священникъ среди всего этого сохранить себя чистымъ, — это не отличное дѣло? А страшныя лишенія, на которыя осужденъ онъ, его жена, его дѣти, послѣ безконечныхъ трудовъ, если онъ перенесетъ ихъ благодушно, терпѣливо, — все это, по вашему, мудрые и благонамѣренные пастыри (архипастыри), не подвиги, п. ч. вы не испытали ихъ, не имѣете ни малѣйшаго понятія о нихъ; и вамъ ли судить о значеніи ихъ?»

Сами епархіальные архіереи удостоиваютъ священства только воспитанниковъ, выслушавшихъ полный семинарскій курсъ, — а дьяконства — тѣхъ, которые поучились хоть сколько нибудь въ семинаріи. Съ другой стороны всякій послушникъ, исключенный изъ училища за дурное поведение, лѣность, тупость, всякій мѣщанинъ, крестьянинъ, умѣющій читать и писать, и ни въ одномъ училищѣ не обучавшійся, — всѣ они дѣлаются іеродьяконами, потомъ іеромонахами, а потомъ нѣкоторые попадаютъ въ настоятели, даже въ архимандриты. Эти факты не служатъ ли яснѣйшимъ доказательствомъ, что, по мнѣнію самихъ архіереевъ, іеромонахомъ

и даже настоятелемъ могутъ быть тѣ лица, которыхъ бы они не выпустили цѣлую жизнь изъ причетниковъ и развѣ только сдѣлали дьяконами, что для священника нужно полное богословское образование, а для іеромонаха и даже архимандрита достаточно умѣнья читать и писать, или поучиться въ реторикѣ? Вѣдь к-ся слишкомъ ясно. А м. т. тѣже епархіальные начальники монаховъ охотнѣе и чаще награждаютъ, нежели священниковъ!

Лицамъ бѣлаго и чорнаго д-ва весьма нерѣдко случается быть вмѣстѣ въ засѣданіяхъ присутственныхъ мѣстъ, при совершеніи литургій, выносѣ и погребеніи покойниковъ, при торжественныхъ молебствіяхъ, крестныхъ ходахъ и пр. Тутъ нельзя быть всемъ равными; одному надобно занять первое, другому второе, а кому нибудь и послѣднее мѣсто. Принимая во вниманіе объѣтъ смиренія, который возлагаютъ на себя монахи при постриженіи, нужно было бы полагать, что они во всехъ перечисленныхъ мною случаяхъ станутъ уступать первенство бѣлому д-ву или хотя не захотятъ присвоивать себѣ и тутъ привилегій. По здравому смыслу надобно бы считать равными священника и іеромонаха, протоіерея и игумена и даже архимандрита; кафедральнаго протоіерея, какъ в. с-но, первою особою по архіереѣ. Затѣмъ между равностепенными лицами бѣлаго и чорнаго д-ва первенство должно бы отдавать или старшинству или же знакамъ отличія. Но гдѣ дѣло касается предпочтенія м-ва бѣлому д-ву, тамъ здравый смыслъ остается въ сторонѣ, тамъ пускаются въ ходъ привилегіи. Всякій уже архимандритъ, или даже игумень считается выше всякаго протоіерея; отъ этого нерѣдко мѣщанинъ, или исключенный семинаристъ, сдѣлавшійся архимандритомъ потому только, что надобно быть кому нибудь въ этомъ званіи, занимаетъ первое мѣсто, а протоіерей, даже кафедральный, магистръ, докторъ и пр. — второе. Въ одной епархіи одинъ исключенный изъ училища ученикъ былъ при кафедральномъ соборѣ звонаремъ, пономаремъ, псаломщикомъ и въ этихъ должностяхъ отправлялъ иногда должность кучера у кафедральнаго протоіерея. Псаломщикъ овдовѣлъ, поступилъ въ монахи, причисленъ къ придворному штату архіерея, сдѣланъ экономомъ, получилъ званіе игумена и наконецъ архимандрита; и по заведенному порядку сталъ выше того кафедральнаго протоіерея, у котораго нѣкогда кучерствовалъ, да и, к-ся, былъ совершенно на мѣстѣ. Протоіерей былъ чловѣкъ осторожный на словахъ, но тутъ не выдержалъ. Однажды, ѣхавши въ своемъ экипажѣ, онъ обратился къ новому своему кучеру, мужику, котораго назо-

вѣмъ хотѣ Артемомъ: «экой ты, Артемка, сказалъ протоіерей, что ты мало о себѣ заботишься? Ступай-ка въ монахи; и ты будешь архимандритомъ, какъ вотъ Н. (тутъ онъ сказалъ имя новаго о. архимандрита); вѣдь, онъ же, какъ и ты, былъ моимъ кучеромъ, а теперь вонъ уже архимандритъ и становится выше меня.»

Архимандричья митра по к. м. красивѣе и дороже поповскихъ камилавокъ; почему же ее и не уважить? Но часто не игумены даже, а простые іеремонахи предпочитаютъ заслуженнымъ кафедральнымъ протоіереямъ; это особенно касается учонаго м-ва. Напр. всякій инспекторъ семинаріи, только что оставившій академическія скамейки, почти вездѣ становится непосредственно за архимандритами выше старшихъ протоіереевъ, которые ему годятся въ дѣдушки, и даже имѣютъ ордена; развѣ только кафедральному протоіерю и то рѣдко дѣлается уступка. Въ духовныхъ академіяхъ можно бывать свидѣтелями болѣе странныхъ случаевъ; т. о. въ петербургской въ числѣ наставниковъ прежде бывали почетные протоіерей, напр. Кочетовъ, докторъ богословія, кафедральный протоіерей петропавловскаго собора, ординарный профессоръ академіи, имѣлъ на шеѣ Анну и Владиміра. Но на молебнахъ, совершавшихся въ академической церкви, эта почетная особа становилась ниже только что кончившаго академической курсъ монаха-баккалавра, даже иногда не утвержденнаго въ магистерской степени, чуть даже не мальчишки.

Баккалавръ академіи и инспекторъ семинаріи люди учоные, прогрессисты, надѣются быть епископами; какъ же имъ не позволить заранѣе наслаждаться удовольствіемъ видѣть ниже себя всѣхъ тѣхъ лицъ, которыхъ они частенько величаютъ просто *попами*? Но вотъ напр. экономы архіерейскихъ домовъ; которые ужъ рѣдко имѣютъ притязанія на учоность, у которыхъ въ послужныхъ спискахъ отмѣчается только: *обученъ домашнимъ обученіемъ чтенію и письму*, которые не отличаются и аскетическими подвигами. Смотря на иного изъ этихъ господъ, на его полное мѣщанское лицо, пронырливый и при случаѣ нахальный взглядъ, на его умѣнье покупать и продавать, по неволѣ пожелаешь быть ему десятникомъ у какого нибудь подрядчика, прикащикомъ купеческой лавки; тутъ онъ былъ бы совершенно въ своемъ мѣстѣ. *И сей-то* господинъ въ соборѣ на общихъ молебнахъ уступаетъ мѣсто только нѣсколькимъ протоіереямъ, а заслуженныхъ священниковъ, между которыми есть магистры съ камилавками и наперсными крестами, ставитъ ниже себя.

Его патронъ какъ будто и не замѣчаетъ такой глупой выходки.

Но есть и у бѣлаго д-ва привилегія, которую бы м-щѣ душевно желали уничтожить. Эта привилегія принадлежитъ протопресвитерамъ и особенно тѣмъ, которые по своимъ должностямъ непремѣнные члены синода. И митра, которую они носятъ, и голосъ, который имѣютъ въ синодѣ, и значеніе, которое приобрѣтаютъ своимъ умомъ и заслугами; — ужасно какъ не нравятся м-щимъ. Это кошмаръ, или нашъ русскій домовой, который давить не только архимандритовъ, но и архіереевъ. Послѣ коронаціи нынѣ царствующаго Императора одинъ архипастырь, считавшійся постникомъ, благочестивымъ, кроткимъ, даже смиреннымъ, съ душевнымъ прискорбіемъ рассказывалъ своему задушевному другу — свѣтскому ханжѣ объ одномъ неприятомъ впечатлѣніи, которое онъ вывезъ изъ Москвы: «что нынѣ, такъ началъ свою іереміаду смиренный архипастырь, мы архіереи? Бѣлое д-во все у насъ отбиваетъ, а со временемъ отобьетъ. Представьте себѣ; вотъ мы пришли въ залу представиться Государю Императору, стоимъ въ ряду; я даже ногой шевельнуть, глазами повернуть не смѣлъ. А вотъ В. Б. Б-въ (духовникъ Императорскій) говоритъ съ Великими Князьями, смѣется съ ними; они жмутъ ему руку. Что тутъ? Чего намъ ожидать?» Объ ученыхъ, административныхъ и нравственныхъ качествахъ высокопочтеннѣйшаго В. Б. Б-ва смиренный архипастырь ничего и не говорилъ; ему только ужаснымъ казалось, почему это Великіе Князья оказываютъ такое уваженіе своему отличному бывшему законоучителю и теперешнему духовнику Императора, человѣку во всѣхъ отношеніяхъ достойному уваженія и занимаемаго имъ высокаго мѣста, — почему это уваженіе достается на долю не его — пресвященнаго, который не умѣлъ никогда проговорить хорошо лекціи, пока былъ еще наставникомъ, да и послѣ въ разговорѣ отличался только глубокими вздыханіями, благочестивыми улыбками, заученными сентенціями и такъ называемымъ смиренно-мудрымъ молчаньемъ?

Въ предъидущемъ случаѣ жаловался на значеніе протопресвитеровъ хоть архіерей; а вотъ не угодно ли послушать рассказъ и объ о. о. архимандритахъ. Десятка за два лѣтъ одинъ свѣтскій профессоръ, пришедши къ пріятелю архимандриту, бакалавру академіи, засталъ его въ самомъ веселомъ расположеніи духа. «Что вы такъ веселы, о. архимандритъ?» — «Какъ же не быть веселымъ? Сейчасъ вотъ ѣду на *салтуру*, буду на выносѣ служить обѣдню въ сергіевскомъ

соборѣ и погребеніе, потомъ провожу покойника на кладбище. Вѣдь славная халтура! Теперь извини меня; приходи вечеромъ, напьемся вмѣстѣ чаю.» Пріятель пришолъ, но засталъ о. архимандрита въ крайнемъ негодованіи чуть не въ бѣшенствѣ. «Что съ вами, о. архимандритъ? Вѣрно, плоха вышла халтура.» — «Ну нѣтъ ошибаешься, отвѣтилъ архимандритъ. Деньги я получилъ хорошія, но униженія, которое я нынѣ вынесъ, никогда не забуду.» — «Въ чемъ же было униженіе?» спросилъ профессоръ. — «Вообрази, пожалуйста, началъ обиженный. Вынось сдѣлалъ я изъ дому съ попами, и шолъ, р-ся, первымъ. Прихожу въ сергіевскій соборъ, читаю входную, облачаюсь, хочу начать обѣдню, анъ-смотрю, предъ престоломъ стоитъ уже Музовскій; и я, архимандритъ, долженъ былъ стать съ боку, какъ какой либо попъ, потомъ точно также стоялъ на отпѣваньи, а хуже всего шолъ на кладбище, по улицамъ. Вѣдь это совершенный срамъ!» Чтобы судить объ униженіи о. архимандрита, надобно сказать вамъ, г. ч., что Музовскій былъ въ то время семидесятилѣтнимъ старцемъ, духовникомъ Императора, членомъ синода, кавалеромъ Александра Невскаго. И все таки о. архимандриту съ небольшимъ въ 30 лѣтъ, бакалавру академіи, притомъ очень не далекому, казалось унижительнымъ стоять ниже Музовскаго. *Только монашеская стѣпь можетъ оскорбляться подобными случаями.*

А вотъ уже очень недавнее происшествіе. Теперешней ректоръ московской академіи, протоіерей Горскій, получивши митру, пріѣхалъ въ Москву и долженъ былъ 25 Декабря участвовать въ торжественномъ молебнѣ въ успенскомъ соборѣ. Митрополитъ приказалъ ему стоять непосредственно за настоятелями ставропигіальныхъ монастырей; т. о. прочіе отцы архимандриты очутились ниже протоіерея, притомъ очень недавно посвященнаго. Нѣкоторые изъ нихъ поняли справедливое распоряженіе митрополита; но остальные, р-ся, въ присутствіи своего начальника скрыли свою досаду; зато за глазами его въ дружеской бесѣдѣ съ негодованіемъ говорили о своемъ униженіи. А м. т. негодовавшіе почти только тѣмъ и оказали услугу отечеству и церкви, что носятъ на своей головѣ митру, да проживаютъ доходы своихъ монастырей.

Отдѣль 19ый.

О снисходительности и потачливости духовныхъ властей къ монахамъ.

Разсмотрѣнныя въ предыдущемъ отдѣлѣ привилегіи касались только тѣхъ случаевъ, когда привилегированныя особы считаются исправными и не должны подвергаться никакимъ взысканіямъ за опущенія по должностямъ, или за дурное поведеніе. Но монастырская братія, какъ извѣстно, подвергается множеству искушеній и вмѣстѣ съ тѣмъ испытываетъ паденія. Тутъ конечно бываетъ виновата и плоть съ своими страстями и похотями, и міръ съ своими обольщеніями, и люди съ своими соблазнами; но главною причиною, если вѣрить отцамъ инокамъ, всѣхъ ихъ паденій есть исконный врагъ рода человеческого — діаволь. По ученію монастырскихъ обитателей тебѣ, мірянинъ, искушаетъ какой либо ни на что порядочное негодный бѣсенокъ; отъ этого ты и живешь хорошо; но около каждаго монаха работаетъ никакъ не менѣе семи настоящихъ чертей, извѣстныхъ въ аду своими заслугами; если эта семерица ничего не съумѣетъ сдѣлать, посылаются цѣлые легіоны, иногда самъ Люциферъ считаетъ обязанностію лично принять участіе въ войнѣ противъ какого либо инока. Послѣ этого какъ же доброму начальству, р-ся, ж-щему не смотрѣть снисходительно на слабости своихъ братьевъ? Какъ не покрывать ихъ своею милостию, и даже не прикрывать молчаніемъ? Вотъ напр. къ бѣлому д-ву надобно быть очень строгимъ, какъ п. ч. по монашескимъ вѣрованіямъ даже за священникомъ надзираетъ тоже одинъ какой либо чертенокъ, съ которымъ, значитъ, искушаемый можетъ легко управиться, такъ и п. ч. пастыри церкви должны служить образцами для своего прихода; зачѣмъ же ихъ щадить въ случаѣ проступковъ? И дѣйствительно пощады нѣтъ. Гдѣ можно бы ограничиться совѣтомъ, или отеческимъ выговоромъ, тамъ налагаютъ штрафъ со внесеніемъ въ послужной списокъ; гдѣ нужно бы сдѣлать легкое взысканіе, тамъ выводятъ изъ села, отсылаютъ на исправленіе въ монастырь (нашли же мѣсто для исправленія!) низводятъ въ причетники, а послѣднихъ выгоняютъ изъ духовнаго званія и пр. и пр. . . .; да, тутъ уже нѣтъ пощадъ; я уже не говорю о проторяхъ, и расходахъ по к-ри во время дѣло-

производства. Въ случаѣ болѣзни тоже мало снисходятъ; задрожали у священника руки, ослабло зрѣніе, ступай въ отставку. А сколько притомъ почти что придумано преступлений и преступниковъ, о которыхъ непремѣнно должно производиться дѣло въ к-ріи. Причтъ не раздѣлил блиновъ, поссорился изъ за усадьбы, дьячокъ не поспѣлъ къ началу утрени, не явился къ благочинному на дежурство, не отозвонилъ при проѣздѣ архіерея мимо его колоколни, не подписался подъ какимъ либо дѣломъ по глупости, или недоумѣнію, одѣлалъ ошибку, самую простую ошибку, описку въ метрикахъ и пр. и пр.; начинай дѣло, пиши какъ можно больше бумаги. И вотъ одному священнику запрещается священнодѣйствовать за то, что не сносить части своего дома по несправедливому рѣшенію к-ріи, не обратившей вниманія на право собственности. Вотъ на двухъ священниковъ одного села налагается такое же запрещеніе за то, что они не согласились въ дѣлежѣ нивъ по полямъ. Вотъ священникъ выводится вонъ изъ села за то, что у него между причтомъ есть родственники — какъ говорятъ, *на седьмой водѣ кисель*, хотя к-ріи, положившей такое рѣшеніе, известно, что во многихъ мѣстахъ при одной церкви есть отецъ съ сыномъ, тестъ съ зятемъ два родныхъ брата и пр. Казни бѣлое д-во.

Но къ м-щамъ нужно быть непремѣнно милостивымъ, какъ къ людямъ не человѣческаго, а ангельскаго чина. И точно уже снисходительны; въ примѣрахъ недостатка нѣтъ. Начнемъ въ верхней ступеньки іерархической лѣстницы. Одному знаменитѣйшему архипастырю ясно доказали, что его викарій ведетъ жизнь вовсе не по монешески, не по архіерейски, имѣетъ чрезъ чуръ роскошный столъ, изумляетъ цѣлый городъ четверкою своихъ орловскихъ рысаковъ; — къ этому еще было прибавлено — о многихъ интимностяхъ иппофила. Но знаменитость, какъ пишетъ авторъ книги о. с. д. отвѣчала: «чѣмъ же и утѣшить себя монаху, какъ не хорощимъ столомъ, да не орловскими рысаками? — Посмотримъ, какъ не одна знаменитость, а собраніе знаменитостей судить о слабостяхъ и недостаткахъ своихъ собратій. Сдѣлалось вполнѣ извѣстнымъ, что одинъ епархіальной архіерей слишкомъ любостяжательнъ; подвиги его по части взяточничества даже воспѣты были въ нарочно составленномъ акафистѣ, съ припѣвами: *радуйся с-е сребролюбче*. Обо всемъ начальство узнало и въ наказаніе положило перевести сребролюбца изъ третьеклассной во второклассную епархію, полагая, что переводимый самъ не поѣдетъ на новую кафедру; а онъ, р-ся поѣхалъ, и оставался достойнымъ того, чтобы

ему пѣли по прежнему акаѳистъ съ припѣвоиъ: *радуйся с-е сребромобче*. Другой и съ молодю не отличался дѣятельностію и знаніемъ дѣлъ, а перевалившись за 70 лѣтъ, предоставилъ распоряжаться всеиъ или своей дворнѣ, или к-ріи; епархія страдала отъ взяточничества и несправедливостей. Услыхали о томъ и опять положили перевести старика, годнаго только на покой въ какой либо монастырь, въ другую высшую по номераци епархію, полагая тоже, что онъ не приметъ далекаго пути; но ошиблись, старикъ поѣхалъ, и теперь даетъ возможность другой к-ріи богатѣть и наживать. Третьяго ударилъ параличъ, руки трясутся такъ, что онъ не можетъ держать сосуда; ноги едва передвигаются. Когда ему нужно бываетъ дѣлать визитъ главно-управляющему нѣсколькими губерніями, то онъ цѣлую четверть часа употребляетъ на то, чтобы перейти залу. Священниковъ въ такихъ случаяхъ требуютъ въ крестовую, или кафедральный соборъ и какъ скоро увидятъ трясеніе въ рукахъ, увольняютъ отъ должности. Но архіерей, управляющій одною изъ важнѣйшихъ въ настоящее время епархій, не смотря на свое параличное состояніе, продолжаетъ оставаться на своемъ мѣстѣ; служеніе въ соборѣ поручилъ своему викарію, дѣлами распоряжается одинъ протоіерей. Четвертый назначенъ былъ въ одну изъ заграничныхъ миссій, гдѣ ему нужно было играть и политическую роль. Поэтому г. министръ иностранныхъ дѣлъ захотѣлъ видѣть человѣка, съ которымъ ему нужно будетъ имѣть сношенія. При свиданіи *tête à tête* министръ увидѣлъ, что на новаго епископа рѣшительно нельзя положиться; такъ ограниченны были его умственные способности. Тутъ спорить было нельзя, министру дали новаго епископа; но прежняго не послали куда либо на покой въ монастырь, гдѣ онъ по своимъ монашескимъ правиламъ, м. б. былъ бы на мѣстѣ, по к. м., вредилъ бы одному монастырю. Нѣтъ, ему поручили въ управленіе многолюднѣйшую епархію. У него тотчасъ же явился *alter ego*, намѣстникъ, или лучше временникъ іеромонахъ; который всеиъ и началъ распоряжаться — не безкорыстно. О вопіющихъ несправедливостяхъ и безпорядкахъ, которые произошли, дошли слухи до свѣденія высшаго начальства; епархіальному начальнику дали знать, чтобы онъ удалилъ отъ себя іеромонаха. «Нѣтъ, отвѣчалъ іерархъ, я не могу съ нимъ разлучиться; смѣните лучше меня.» Не разрывныхъ друзей не разлучили и оставили епархію подъ общимъ ихъ управленіемъ. О пятомъ были получены донесенія отъ генералъ-губернатора, жандармскаго штабъ-офицера, градскаго головы и пр., что жизнь

его вовсе не архипастырская. Улики были на лицо; долго думали, какъ бы выпутать изъ бѣды своего брата; положили вытребовать его въ Петербургъ для присутствія въ синодѣ и при этомъ случаѣ посмотреть на него. Приѣхалъ, р-ся, два года нужно и можно было отъ всего воздержаться, по к. м. устроить дѣло такъ, чтобы не все выходило наружу. И потому изъ третьеклассной епархіи перевели его въ второклассную и вмѣстѣ съ тѣмъ наградили орденомъ. Шестая личность представляетъ собою едвали не самый замѣчательный примѣръ ненаказанности. Въ своей епархіи онъ распоряжается, рѣшительно ничѣмъ не стѣняясь, и потому на него поступило сначала множество жалобъ. Одна важная особа при проѣздѣ своемъ чрезъ резиденцію шестой личности отдала ей цѣлую кипу жалобъ и просила быть только поосторожнѣе; жалобы даже не были помѣчены.

Изъ дальней епархіи былъ вызванъ въ Петербургъ архіерей для засѣданія въ св. синодѣ, но такъ какъ онъ оказался слишкомъ старъ, то былъ посланъ съ почотомъ на другую епархію для ея исправленія. Встрѣтила паства новаго святителя и порадовалась, что наконецъ-то порядокъ дѣлъ будетъ восстановленъ, что «каждое чадо, какъ Израиль во дни Соломона, отдохнетъ подъ сѣнцію своей кущи» (слова изъ прѣдговѣстной рѣчи). Но вскорѣ узнали на дѣлѣ, что преосвященной, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, слишкомъ уже дряхлѣ. М. т. ради этой старости, свыше оказывалось ему глубочайшее вниманіе. Потребовались владыкѣ, нѣкоторые знакомыя ему личности изъ прежней епархіи; ихъ тотчасъ же вызвали для утѣшенія старика. — Въ числѣ-то этихъ вызванныхъ личностей появились новые секретарь и письмоводитель. Что надѣлали здѣсь эти выходцы, со стороны трудно повѣрить. Грабили и грабили всѣхъ, не обращая вниманія ни на званія, ни на состоянія; не пощадил даже сиротскихъ денегъ, и тѣ утащили. Паства вопіяла, вопль доходилъ и до верхнихъ слоевъ административной атмосферы, но изъ уваженія къ владыкѣ-старикѣ, удовлетворенія не было. Шестъ лѣтъ продолжались страданія. Наконецъ преосвященный умеръ. На погребеніе изъ Петербурга приѣхалъ другой архіерей; но вмѣсто погребенія онъ занялся ревизіей, или изслѣдованіемъ. При гробѣ покойника поднялся судъ, только р-ся не надъ нимъ, а надъ всѣми членами к-рія, безъ разбора. Когда приступили къ набору новыхъ членовъ, то оказалось, что все д-во городское, болѣе надежное, уже подъ судомъ. Выслушавъ указъ объ увольненіи отъ членства, одинъ изъ членовъ могъ только замѣтить:

«это было давно, когда еще никого не было, въ нѣкоторомъ царствѣ былъ такого рода обычай: когда умиралъ царь, то убивались и всѣ чиновники, служившіе при немъ.» Пусть бы и такъ, только зачѣмъ же къ древнимъ обычаямъ прибавлять еще новые? — всѣхъ членовъ отдали подъ судъ, секретаря, его помощника и чиновника канцелярскаго даже въ острогъ посадили, а одинъ изъ членовъ, при помощи протекціи, все таки успѣлъ сухимъ вылезть изъ воды; письмоводитель же до суда съ хорошимъ запасомъ денегъ убрался въ Петербургъ и тамъ, говорятъ, живетъ отлично, успѣвъ даже за какія-то медали, выбитыя имъ въ память чего то, получить перстень изъ Кабинета.»

Снисходительность или потачки относительно епархіальныхъ начальниковъ бываетъ часто такъ велика, что иногда Верховная Власть сами, требуетъ отъ синода болѣе бдительнаго надзора и формальнаго дознанія, или даже удаляетъ виновныхъ; послѣдній случай былъ и въ нынѣшнее царствованіе.

Что же теперь сказать о снисходительности къ м-щимъ, расположеннымъ на прочихъ ступеняхъ іерархической лѣстницы? Я здѣсь употреблю выраженіе, которое въ большомъ ходу между духовными лицами: *по сему и прочая разумывайте*. Монахи вообще самыя строгіе систематики; принятую ими систему относительно своего сословія они распространяютъ сверху-до низу, и снизу-до верху, и во всѣ стороны. Ну, съ послушникомъ еще можно не церемониться; онъ еще мірской человѣкъ, по к. м. можетъ имъ быть безъ разстриженія, безъ судопроизводства; такъ и убирайся по скорѣе, если намъ не понравился. Но начиная съ іеродьякона всѣ уже должны пользоваться тою привилегіею, которую я разсматриваю. У монаха почти нѣтъ никакихъ обязанностей относительно другихъ, кромѣ своей братіи и настоятеля. Но разныхъ дразгъ, даже мерзостей въ монастыряхъ *не обереишь*, какъ говорятъ; только все это по пословицѣ, *бываетъ шито и крыто*. Напр. пьянство несравненно въ сильнѣйшей степени развито въ монастыряхъ, нежели въ бѣломъ д-вѣ, и м. т. почти никогда не производится ни одного о томъ дѣла въ к-ріи; развѣ уже какой либо отецъ святой своими бахусовыми похождениями скандализируетъ постоянно цѣлый городъ, и кромѣ того поссорится съ о. настоятелемъ. Опять сколько ссоръ у братіи съ настоятелемъ, сколько перепрешокъ и даже потасовокъ между братіею? — все ни по чемъ; надобно все прикрывать. Развѣ уже, когда поведеніе дѣлается вполне невыносимымъ, посовѣтуютъ отцу пере-

браться въ другой монастырь; это и есть единственное, кромѣ выговоровъ и замѣчаній наказаніе.

Духовное м-щее начальство къ настоятелямъ монастырей и ректорамъ семинарій и академій еще милостивѣе, нежели къ простымъ монахамъ. Въ случаѣ проступковъ и неисправностей къ послѣднимъ только снисходятъ, а первыхъ не только прощаютъ, но нерѣдко даже награждаютъ. Одинъ ректоръ академіи любилъ предаваться бахусовымъ наслажденіямъ; но для этого запирался въ своихъ комнатахъ и никого не приказывалъ къ себѣ пускать. Академическіе чиновники и наставники называли это *карантиномъ*. Карантинъ продолжался иногда по нѣскольку недѣль; отчего происходила совершенная остановка въ дѣлахъ. Ни мѣстный архіерей, ни Петербургъ не хотѣли обратить вниманіе на это и позволяли бахусову поклоннику своимъ примѣромъ показывать будущимъ наставникамъ семинаріи, будущимъ пастырямъ и архипастырямъ, какъ они должны вести себя и руководить другихъ. Наконецъ увидали, что академія совершенно можетъ разстроиться при такомъ начальникѣ, а она кстати только еще устроивалась; ректора уволили отъ управленія ею, но все таки дали очень хорошій монастырь, вѣроятно, съ тѣмъ, чтобы ему до конца жизни была возможность поддерживать свою наклонность къ бахусовымъ наслажденіямъ. На новомъ мѣстѣ онъ продолжалъ прежній образъ жизни, жилъ-жилъ, или лучше пилъ-пилъ и умеръ, — все таки управляя своею обителью.

Въ другую академію пріѣхалъ бывший ея прежній начальникъ и вручилъ ректору 200 рублей съ тѣмъ, чтобы ихъ передать студентамъ, или употребить на улучшеніе ихъ содержанія. Случай этотъ описанъ въ No. 3 Совр. 1860 г. въ замѣткахъ новаго поэта подъ заглавіемъ двѣ небольшія, но обличительныя повѣсти о чаѣ и лекарѣ. Событіе случилось въ концѣ Іюня 1859 года. Ректоръ общался на 200 р. послѣ каникулъ давать воспитанникамъ цѣлый мѣсяць по лишней котлеткѣ. Но студенты пожелали, чтобы на подаренныя имъ деньги выписаны были книги и журналы. Начальникъ, поморщившись, согласился было, но потомъ раздумалъ и объявилъ, что онъ вмѣсто книгъ и журналовъ дастъ каждому изъ воспитанниковъ по фунту чаю. Дѣйствительно вскорѣ принесли чай въ красныхъ сверткахъ съ надписью на каждомъ изъ нихъ фамили воспитанника. Развѣшивалъ чай и дѣлалъ надписи въ своей комнатѣ самъ почительный начальникъ съ своимъ фаворитомъ-наставникомъ. Но чай оказался *сттой*, съ затхлымъ букетомъ и съ при-

мѣсью шалфея и гвоздики, которая, не смотря на свое количество не уничтожила затхлости; впрочемъ нѣкоторые весьма немногіе воспитанники, вѣроятно отличавшіеся покорностію и благонавіемъ предъ начальствомъ, получили хорошій чай. Какъ и кто и гдѣ покупалъ 86 ф. чая, осталось непроницаемою тайною. Воспитанники пороптали втайнѣ и замолчали. Но вотъ въ No. 42 Развлеченія (1860) въ отдѣлѣ городской хроники было напечатано: «нѣкто подарилъ 200 руб. ученикамъ одного какого бы то ни было училища. Ученики просили у начальника эти деньги употребить на книги. Начальникъ сказалъ: на что вамъ книги? Я куплю вамъ чаю и купилъ имъ цибикъ затхлаго чая и пр. . . .» К-ся начальнику, если бы онъ былъ чистъ и праведенъ предъ людьми и своею совѣстію, не зачѣмъ бы тревожиться; училище его не поименовано, названо *какимъ бы то ни было*. Но русская пословица: *на воръ шапка горитъ* справедлива. И начальникъ и его приближенные пришли въ крайнее смущеніе и волненіе. Инспекторъ, человекъ честный, хорошій, но имѣвшій привычку вздыхать, или смѣяться, когда вздыхаетъ и смѣется ректоръ, сталъ уговаривать воспитанниковъ нарядить депутацію къ ректору, огорченному статейкою, и объявить ему что они торжественно отступаются отъ всего, напечатаннаго въ ней; что вся эта замѣтка о чаѣ, — наглая ложь, и что, если эта ложь доставлена для напечатанія кѣмъ либо изъ товарищей, то они готовы, не медля, выдать такого негодяя. «Да отчего же отступаться, чтожъ за ложь? возразили воспитанники, — мы не видели въ глаза этой статейки. Наша депутація не будетъ имѣть никакого смысла.» Тогда написали письмо къ редактору Развлеченія съ просьбою уведомить, отъ кого онъ получилъ статейку о чаѣ. Отвѣтъ былъ неудовлетворительный. Оказалось нужнымъ перемѣнить тактику. Начальникъ давно находился въ очень дружескихъ отношеніяхъ съ почтмейстеромъ мѣстечка. Всѣ домашнія тайны воспитанниковъ по чему то были извѣстны попечительному начальству. Дѣло состояло въ томъ, что почтмейстеръ руководствовался правилами гоголевскаго почтмейстера, но только не изъ любви къ чтенію, а изъ дружбы къ начальнику заведенія. И воспитанники, нерѣдко получая письма отъ своихъ родныхъ съ надломленными печатями, не удивлялись, а спокойно восклицали . . . . О дружба — это ты! Къ этому почтмейстеру начальство и обратилось за помощью въ своихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Однажды инспекторъ спросилъ дежурнаго студента: ну, а кому нынѣ изъ Москвы писали о чаѣ? а?» Дежурный отозвался незна-

нѣмъ. Инспекторъ продолжалъ: «до меня дошли слухи, что троемъ отписано изъ Москвы о чаѣ и я хочу переговорить съ ними. Надобно во что бы ни стало отыскать виновнаго. И въ продолженіи нѣсколькихъ дней начальство вмѣстѣ съ дежурными и старшими только и бредило объ отысканіи виновнаго. Но когда нѣсколько воспитанниковъ явились къ инспектору съ полученными письмами и, указавъ на подломленныя на конвертахъ печати, объявили, что они подозрѣваютъ почтмейстера въ томъ, что онъ распечатываетъ ихъ письма и читаетъ, то ректоръ, забоявшись скандала, приказалъ немедленно прекратить искъ о чаѣ.

К-ся похвалятъ не за что ректора; его, какъ вора, надобно было бы удалить отъ всѣхъ должностей и ни къ какому впредь не опредѣлять. Но вы, міряне, въ монашескихъ дѣлахъ мало смыслите. Духовное начальство вмѣсто того, чтобы по русской пословицѣ, *худую траву изъ поля вонъ*, рѣшилось убѣдить всѣхъ, что вся исторія есть выдумка. Прямо этого доказывать не осмѣлились; употребили косвенный путь. Ректора сочли достойнымъ повышения и сдѣлали епархіальнымъ начальникомъ; т. е. вы, міряне, не вѣрете журналу нигилистовъ и толкамъ недоброжелателей м-ва. Событія описаннаго не было-де, — ректоръ честнѣйшій-де человекъ, а *сѣ* очевидно изъ того, что его тотчасъ же сдѣлали архіереємъ; значитъ, онъ бѣлѣе снѣга. Только къ сожалѣнію маневръ не удался; всѣ не монашествующіе знаютъ и вѣрятъ, что дѣло было такъ, какъ описано въ Современникѣ.

Одинъ уже не ректоръ, а простой архимандритъ былъ намѣстникомъ и настоятелемъ богатѣйшаго и извѣстнѣйшаго монастыря, на который истрачены милліоны грацинею О-й. Но о. архимандритъ любилъ почаще знакомиться съ бахусомъ; принуждены были удалить его изъ знаменитѣйшаго монастыря, а все таки сдѣлали настоятелемъ монастыря въ П-ой епархіи. Здѣсь новый настоятель не измѣнялъ своихъ привычекъ; и когда епархіальный начальникъ сталъ выговаривать ему за нетрезвую жизнь, и грозилъ донести синоду; то весельчакъ отвѣчалъ: «полноте В. Пр-во, не трудитесь, не стражайте меня; вѣдь тамъ всѣ знаютъ, что я пьяница, а вы кляузникъ.»

Намѣстникъ въ другомъ монастырѣ любилъ быть въ интимныхъ отношеніяхъ къ прекрасному полу. Какой-то доvikій человекъ захватилъ въ свои руки секретную его переписку. Думая извлечь изъ нея выгоды для себя, онъ явился къ автору писемъ и сталъ просить съ него порядочную сумму

для выкупа корреспонденцію; въ противномъ случаѣ грозилъ огласить все дѣло. Сумма ли требовалась большая, или намѣстникъ лучше ловкаго человѣка понималъ, какъ смотритъ начальство на монашескія слабости, только соглашенія не состоялось. Владѣлецъ писемъ явился съ частью ихъ къ самому начальнику обители и рассказалъ ему все дѣло. А гдѣ же письма? спросилъ начальникъ; простодушный и недогадливый владѣлецъ отдалъ ихъ; они немедленно были изорваны въ клочки, а принесшему ихъ указали дверь. Но молва о скандалѣ все таки разнеслась; надобно было блистательно ее опровергнуть. И вотъ о намѣстникѣ, по представленію своего начальника, получаетъ орденъ, о которомъ ему и мечтать нельзя было. Не правду ли я сказалъ, что *въ м-ть не только прощаютъ проступки, но даже награждаютъ за нихъ, когда они огласятся?*

Защитники монашества обыкновенно стараются распространять и доказывать мысль, что всѣ рассказы о паденіяхъ м-щихъ изобрѣтаются врагами ихъ и православія, при помощи исконнаго врага человѣческаго рода, сирѣчь діавола. Если по к. м. въ нынѣшнее время это справедливо; то почему бы каждый разъ, какъ появится новый такой рассказъ — по многимъ признакамъ достовѣрный — не разузнать его самымъ обстоятельнымъ и строгимъ образомъ, даже почему бы не произвести формальнаго дознанія о событіи, которое было поводомъ къ рассказу. Если молва окажется несправедливою, то невинность оправдается и явится въ лучшемъ свѣтѣ, нежели прежде; клеветники пристыдятся, посрамятся и отъ повторенія подобныхъ случаевъ потеряютъ охоту къ выдумкамъ; по к. м. лишатся всякаго довѣрія у публики. А когда не производится никакого дознанія, или производится пристрастнымъ образомъ, ну тогда, извините, мы вѣримъ рассказамъ. даже болѣе, нежели сколько они заслуживаютъ. Расскажу очень замѣчательный случай, сюда относящійся.

На покойнаго настоятеля Н-ой пустыни о. архимандрита А-а былъ поданъ доносъ о томъ, что онъ живетъ въ не-
 позвожительной связи съ одною женщиною, которая часто бываеъ въ его келліи и притомъ имѣетъ особую квартиру, нанятую почтеннымъ настоятелемъ. Епархіальное и свѣтское начальство назначило произвести стражайшее слѣдствіе. Составленная для этого комиссія изъ лицъ не очень расположенныхъ къ о. архимандриту, даже вѣрившихъ возведеннымъ на него обвиненіямъ, пригласивъ его въ свое засѣданіе, просила быть откровеннымъ. Почтенный старецъ общался удовлетворить эту просьбу. Ему стали предлагать вопросы.

«Вы ли наняли для такой-то женщины квартиру? — Вы ли ей доставляете все содержаніе?» Я, отвѣчалъ спокойно о. архимандритъ. — Ходитъ ли она къ Вамъ?» — «Почти каждый день, а часто по нѣскольку разъ.» — «Долго ли она у васъ бываетъ?» — «Различно, но просиживаетъ нерѣдко по нѣскольку часовъ.» — «Часто ли сами вы ходите въ ея квартиру? и долго ли тамъ остаетесь?» — «Очень часто и тоже нерѣдко весьма долго тамъ остаюсь?» Слѣдователи были въ восторгѣ отъ отвѣтовъ, надѣялись такъ легко открыть скандалезную связь архимандрита съ женщиною; даже не могли удержаться отъ острогъ и благодарностей за откровенность. О. архимандритъ былъ спокоенъ, даже величественъ. «Ну теперь уже скажите, что у васъ за связь съ этою женщиною? что за привязанность къ ней? да сдѣлайте милость, говорите откровеннѣе.» — О. архимандритъ отвѣчалъ опять спокойно безъ всякаго оттѣнка насмѣшки, или досады: «женщина эта — моя родная сестра и вотъ вамъ доказательства на это,» тутъ онъ подалъ самые вѣрные, неопровержимые документы, подтверждающіе его слова. — Слѣдователи, какъ говорится, были *ошеломлены*, скомпрометированы такимъ яснымъ, простымъ и неопровержимымъ отвѣтомъ. Имъ стыдно стало, что они такъ прежде глумились надъ добродѣтельнымъ, невиннымъ человѣкомъ, принялись предъ нимъ извиняться, просить у него прощенья. Почтенный о. архимандритъ также былъ спокоенъ, какъ и прежде. Дѣло, р-ся, закончено было; клеветникъ получилъ достойное наказаніе, хотя оклеветанный сильно за него ходатайствовалъ; и почтенный о. архимандритъ сдѣлался еще почтеннѣе прежняго. А оставъ это дѣло безъ строгаго формальнаго слѣдствія, клевета поддерживалась бы, и наконецъ была бы принята за правду. Не лучше ли было бы и всегда такъ поступать, нежели кричать безъ всякихъ доказательствъ: «это все клевета, да выдумки неблагонамѣренныхъ людей.» Всякое слѣдствіе конечно можно назвать дождемъ, который не всегда бываетъ приятенъ. Но дѣдушка Крыловъ давно сказалъ, что только *фальшивые цвѣты дождя боятся*, а натуральные послѣ него бываютъ красивѣе и пахучѣе. Но если бы по слѣдствію м-щее лицо оказалось виновнымъ и его слѣдовало бы подвергнуть суду и наказанію, даже лишенію сана, то и чрезъ это честь всего сословія не пострадала бы. Тогда міряне поступокъ провинившагося ставили бы въ укоризну ему одному, даже почувствовали бы состраданіе къ наказанному, какъ это у насъ всегда бываетъ со всѣми важнѣйшими преступниками, послѣ наказанія ихъ считаютъ

уже *несчастными*. О самомъ же сословіи монашескомъ не только не составили бы дурнаго заключенія, но стали бы говорить: «м-во, вѣрно, состоитъ изъ хорошихъ людей; вотъ было одинъ позашалился, позазнался, напраказничалъ; такъ его не прикрыли, а тотчасъ обличили милого дружка; другому не будетъ повадно.» Напротивъ при теперешней прикрывательной системѣ проступокъ обвиняемаго по слухамъ переносятъ на все сословіе. Мірянинъ имѣетъ полное право такъ разсуждать: «вѣрно тамъ мало хорошихъ людей, что не хотятъ дознаніемъ обнаружить столь скандальнаго, или столь гадкаго поступка, вполне уже всѣмъ извѣстнаго; вѣрно тамъ много похожихъ на этого молодца; тронь его, тогда вѣрно нужно будетъ еще цѣлый десятокъ, или сотню съ нимъ вмѣстѣ обвинить.» Какъ угодно, а мірянинъ будетъ правъ, такъ разсуждая. Сословіе, прикрывая своихъ дурныхъ лицъ, этимъ самымъ показываетъ, что ихъ въ немъ слишкомъ много, или по к. м. заставляетъ предполагать и б. болѣе, нежели сколько ихъ есть на самомъ дѣлѣ. Святые Отцы! *въ семь не безъ урода, на мнѣ не безъ плевель*; зачѣмъ же усиливаться доказывать, что уроды — люди красивые, а плевелы одинаковы съ колосьями. Этимъ вы только унижаете все свое сословіе, п. ч. число уродовъ увеличивается, и плевелы болѣе и болѣе вытѣсняють и заглушаютъ колосья пшеничные. Последнюю мысль я хочу доказать вамъ подробно, г. г. прогрессивисты, такъ какъ вы одни всему злу причиною и можете остановить его развитіе. Еще Цицеронъ сказалъ: *maxima illecebra peccandi impunitatis spes est*, т. е. надежда на безнаказанность бываетъ самою сильною приманкою ко грѣхамъ. Это изреченіе имѣетъ приложение и къ дѣтямъ, но еще болѣе, по моему мнѣнію къ тѣмъ взрослымъ людямъ, которые одарены страстною натурою, или по образу жизни увлекаются къ себялюбію, принуждены жить въ борьбѣ съ самыми естественными, справедливыми требованіями природы, не имѣютъ возможности открыто наслаждаться даже самыми невинными развлеченіями и удовольствіями, должны быть въ вѣчной борьбѣ съ самими собою; въ такомъ положеніи страсти не умолкаютъ и только раздражаются и усиливаются; даже, если ихъ не было, то, т. с-ть избрѣтаются. Въ дѣтяхъ привычки, прихоти и страсти еще не окрѣпли, не пустили глубоко корней; въ нихъ шалости и проступки зависятъ отъ временнаго увлеченія, отъ случайнаго каприза, дѣлаются безъ разсчета, безъ разсужденія; на нихъ можно дѣйствовать ласкою, убѣжденіями, любовью. Но въ взрослыхъ людяхъ съ натурою страстною, —

естественною, или обстоятельствами искусственно развитою проступокъ является послѣ борьбы между добрымъ и злымъ началомъ, служить признакомъ побѣды послѣдняго надъ первымъ. Благородныя инстинкты, нравственныя и религіозныя побужденія, здравый смыслъ представляютъ доброе, а сдерживаемыя, но тѣмъ съ большою силою рвущіяся на просторъ страсти злое начало. Сраженіе не вдругъ проигрывается; если бы прежде окончанія, особенно въ началѣ его человѣку явился на помощь вспомогательный корпусъ въ видѣ мысли, что проступокъ повлечетъ за собою позоръ предъ обществомъ, презрѣніе равныхъ себѣ, негодованіе начальства, униженіе и пр., то, по всей вѣроятности, представители добраго начала не были бы разбиты. Тутъ конечно еще нѣтъ добродѣтели, но повторяющіяся побѣды мало по малу бы облагородили и возвысили характеръ; религіозныя и нравственныя чувства окрѣпили бы и человѣкъ сдѣлался бы христіански — добродѣтеленъ. Но когда вспомогательный корпусъ не является на помощь, то добрыя элементы ослабляются, а страсти себѣ все подчиняютъ; человѣкъ уже является плѣнникомъ, котораго господинъ влечетъ куда хочетъ. Приложимъ эти замѣчанія къ нашимъ м-щамъ. Ихъ уединенная жизнь, необходимость насильственно отказывать себѣ въ удовлетвореніи самыхъ естественныхъ потребностей сильно питаютъ и развиваютъ страсти. Если къ доброму нучалу тутъ не явится тотъ вспомогательный корпусъ, о которомъ сейчасъ говорено; то хоть одинъ изъ семи бѣсенятъ непременно подшепнетъ: «ну полно, чего бояться? Вѣдь и М. и Н. и Р. дѣлали тоже самое, на что ты не рѣшаешься, а вонъ смотри, какъ поживаютъ; начальство смотритъ сквозь пальцы; обществу нѣтъ дѣла; полно колебаться. А что за наслажденіе ожидаетъ тебя? Попробуйка, спасибо мнѣ скажешь и уже никогда отъ него не отстанешь.» Святые отцы, имѣющіе власть, не забывайте цитеронова изреченія! *Pescata* (грѣхи) между высшею и низшею вашею братіею сильно распространяются. Надежда на ненаказанность подаетъ поводъ даже къ выходкамъ, къ бравурамъ. Недавно одинъ студентъ московской духовной академіи, поступивъ въ м-во, закутилъ. Когда товарищи стали его убѣждать протрезвиться и остепениться, въ противномъ случаѣ устращали гнѣвомъ начальства; то онъ съ циническимъ смѣхомъ сказалъ: «что вы это говорите? я теперь монахъ; все, все мнѣ простятъ; вотъ вашего брата, р-ся, погонять вонъ, а я монахъ.

А кстати, святые отцы, не пренебрегайте мнѣніемъ общества и всего русскаго народа о васъ. Наши

предки благоговѣли предъ вашими предшественниками, которые впрочемъ заслуживали того своими подвигами. И нынѣ конечно русскій народъ оказываетъ, по видимому, уваженіе къ вамъ, но вовсе не п. ч. считаетъ васъ достойными этого за вашу жизнь, а по преданію, по заведенному порядку, по привычки, даже *per vim inertiae*, въ слѣдствіе своей не-дѣйственности. Помните, что неблагоприличныя дѣянія вашихъ собратій нынѣ составляютъ любимый предметъ разговоровъ мірянъ и подають поводъ къ колкимъ насмѣшкамъ надъ всѣмъ вашимъ сословіемъ не только въ образованномъ классѣ, но и въ простомъ народѣ. Даже тѣ, которые, по видимому, съ благоговѣніемъ приложились къ вашей рукѣ, отвернувшись отъ васъ, или послѣ вашего отъѣзда начинаютъ потѣшать публику рассказами о васъ; и публика въ восторгѣ. Вы уже не божества для народа, а только кумиры, которые нужно сильной и смѣлой рукѣ спихнуть съ пьедестала; тогда уже васъ никто не подниметъ.

Отдѣлъ 20ый.

О причинахъ пристрастія духовнаго начальства къ м-щимъ.

Стороннему человѣку страннымъ покажется, отчего духовное м-щее начальство такъ пристрастно къ однимъ, и невнимательно, даже сурово къ другимъ своимъ подчиненнымъ? Отчего д-во раздѣлено на два враждебныхъ лагеря; тогда какъ гораздо бы лучше было, если бы оно составляло одну семью пастырей и архипастырей? Почему бы духовному начальству не оцѣнивать заслугъ духовныхъ лицъ не по цвѣту ихъ одежды, а по нравственнымъ и умственнымъ качествамъ? Для разрѣшенія этихъ вопросовъ и рождающихся вмѣстѣ съ ними недоумѣній раздѣлимъ изслѣдованіе на два отдѣла; въ первомъ-этомъ покажемъ, почему духовное начальство такъ исключительно благосклонно, даже пристрастно къ монастырямъ и ихъ обитателямъ, а во второмъ-слѣдующемъ, — почему тоже начальство такъ равнодушно и даже враждебно къ св-и-ц-сл-лямъ.

Въ тѣхъ государствахъ, гдѣ народъ еще рѣзко раздѣленъ на отдѣльныя сословія, которыхъ интересы сталкиваются между собою, сословныя идеи, предразсудки, выгоды берутъ верхъ надъ общественными идеями, и выгодами одного какого либо сословія. Въ этомъ отношеніи одинаково похожи другъ на друга старинныя англійскіе бароны, нѣмецкіе цѣхи, римскій патриціатъ, египетскія и индійскія касты. И у насъ сословія еще не сблизились. Военный все-таки ставитъ своихъ собратьевъ по мундиру выше фрачниковъ; гражданскій чиновникъ при всякомъ случаѣ готовъ отпустить острое слово на счетъ эполетъ; купецъ изъ подлобья съ завистью поглядываетъ на военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ и мститъ имъ въ своей лавкѣ товарами и барышами; самъ крестьянинъ, если только можно, не пропуститъ случая *показать въ карманъ кукиши* лицамъ привилегированныхъ сословій, погроизтъ взадъ имъ своимъ крѣпкимъ кулакомъ и облегчитъ свою досаду красненькимъ не печатнымъ словомъ. Но нигдѣ сословный духъ не обнаруживается съ такою силою, какъ въ монашескихъ орденахъ, принадлежать ли они къ буддизму, магометанству или христіанству. Наше м-во находится тоже подъ вліяніемъ общихъ законовъ, управляющихъ человѣчествомъ; и въ немъ преобладаетъ сословный духъ даже болѣе, нежели въ прочихъ сословіяхъ; — и очень естественно. Лица почти всѣхъ прочихъ сословій не привязаны къ нимъ не сокрушимыми цѣплями. Военный человѣкъ можетъ сдѣлаться гражданскимъ чиновникомъ, купецъ — перейти въ собственника — землевладѣльца, а прежде переряжался даже въ барина. Но монахъ не можетъ оставить своего сословія, не лишившись всѣхъ правъ такъ называемыхъ свободныхъ сословій; онъ отказался отъ всего; всѣ его интересы сосредоточены въ его же сословіи. Поддерживая ихъ, онъ думаетъ поддержать и защитить себя на цѣлую жизнь.

Такое настроеніе проявляется не только въ низшихъ, но и въ высшихъ членахъ м-ва; въ послѣднихъ даже сильнѣе, нежели въ первыхъ. Причина этому весьма понятна. Низшіе члены еще не успѣли усвоить себѣ сословнаго духа, не научились еще быть равнодушными къ интересамъ другихъ сословій; напротивъ высшіе члены, пройдя по всѣмъ почти ступенямъ монашеской лѣстницы, успѣвши привыкнуть къ выгодамъ, соединеннымъ съ иночествомъ и очень равнодушно относиться къ мірянамъ и бѣлому д-ву, не любятъ останавливаться ни предъ какими препятствіями. Притомъ на долю низшихъ членовъ достаются не всѣ выгоды

и не въ очень большихъ размѣрахъ; тогда какъ высшіе члены пользуются ими вполне и во всей обширности. Какъ же имъ не поддерживать привилегій своего сословія?

Къ поддержанію и даже увеличенію монашескихъ привилегій располагають духовное начальство другія соображенія. Наше м-во давно уже старается удержатъ свое *status quo*; на всякое ограниченіе своихъ привилегій, на всякую уступку изъ захваченныхъ правъ оно готово отвѣчать, подобно Пію IX, *non possumus*, или подобно старинному генералу іезуитовъ, *simus ut sumus* (впрочемъ не прибавляютъ *aut non simus*). Оно по доброй волѣ ни за что не расстаётся и не разстанется съ начальническими должностями въ семинаріяхъ и въ академіяхъ, ни одного протоіерея даже вдоваго не сдѣлаетъ епискомъ, если онъ не поступитъ напередъ въ м-во; даже по какимъ либо крайнимъ обстоятельствамъ надѣваетъ саккосъ и омофоръ на протоіерея, или священника, переименованнаго въ іеромонаха, или архимандрита. Такимъ людямъ, за ихъ сочувствіе къ бѣлому д-ву, оно не довѣряетъ. Но выше уже было замѣчено, что число дѣльныхъ людей, которые поступали бы въ м-во, не велико и постоянно уменьшается. И это бываетъ теперь, когда м-во, особенно прогрессисты, пользуются такимъ множествомъ привилегій, когда на его слабости неисправности, и проступки *смотрятъ сквозь пальцы*. Чтоже будетъ, если вдругъ эти привилегіи уничтожить, если монаховъ стануть судить люди безпристрастные также строго, какъ теперь судятъ бѣлое д-во? Вотъ почему м-щие стараются удержатъ *status quo*, между ими не много найдется людей, которые имѣли бы столько генія, смѣлости, возвышенности душевной, благородства въ чувствованіяхъ, чтобы рѣшиться на реформу. Они видятъ грозящую ихъ ордену опасность, но похожи на того студента московской академіи, который, вступая въ м-во, сказалъ товарищамъ: «я еще успѣю до наступленія опасности подняться.» Теперь, г. ч., вы понимаете, почему духовное м-щее начальство такъ настойчиво отстаиваетъ и даже увеличиваетъ привилегіи чорнаго д-ва. А почему такъ равнодушно, даже враждебно относится къ интересамъ св-и-ц-сл-лей покажетъ вамъ слѣдующій отдѣлъ. Прошу извинить меня, что я стану подробно, даже исторически разсматривать вопросъ. Кто высказываетъ мысли непріятныя сильной партіи, долженъ основательно ихъ доказывать.

Отдѣль 21ый.

Историческое развитіе причинъ вражды между бѣлымъ и чернымъ д-омъ въ восточныхъ церквахъ и у насъ въ Россіи.

А. Въ восточныхъ церквахъ.

Смотря нынѣ съ одной стороны на великолѣпіе, богатство, даже величіе, которымъ окружаютъ себя архіереи, а съ другой на скромную, очень часто бѣдную и почти вездѣ униженную жизнь священника, особенно сельскаго и предъ мірянами и еще болѣе предъ епархіальными начальниками, никто незнакомый съ церковною исторіею не подумаетъ, чтобы предшественники тѣхъ и другихъ по должностямъ, — епископы и пресвитеры посланій ап. Павла были совершенно равноправны между собою лица, чтобы епископъ по отношенію къ священникамъ былъ только *primus inter pares*, первый между равными. Но эта равноправность подтверждается не только очень нехитрыми соображеніями, но и фактами, сохранившимися въ исторіи.

Въ началѣ своего посланія къ Филиппійцамъ ап. Павелъ посылаетъ т. с-тъ *благодать и миръ всѣмъ святымъ о Христѣ Исусѣ, сущимъ въ филиппинъ съ епископы и дьяконы* (1, 1—2). Здѣсь за епископами прямо слѣдуютъ дьяконы, а о пресвитерахъ ни слова. Точно также въ 3й главѣ 1го посланія къ Тимофею апостолъ, перечисливъ качества, необходимыя для епископа, прямо потомъ говоритъ о качествахъ, необходимыхъ для дьяконовъ; о пресвитерахъ опять ни слова. Вовсе нельзя думать, чтобы въ обоихъ этихъ случаяхъ апостолъ забылъ о пресвитерахъ; особенно въ посланіи къ Тимофею, гдѣ относятся къ епископамъ семь, а къ дьяконамъ пять стиховъ, да еще одинъ стихъ къ женамъ ихъ. Какъ же забыть пресвитеровъ, когда такъ подробно говорится о дьяконахъ и даже дьяконицахъ? Очевидно, что тогда еще не было различія между епископомъ и пресвитеромъ; подъ первыми разумѣли и послѣднихъ, а потому-то въ приведенныхъ выше двухъ мѣстахъ апостолъ за епископами прямо ставитъ дьяконовъ. Далѣе въ 5 ст. 1ой гл. посланія къ Титу пишется, что апостолъ приказалъ Титу поставить пресвитеровъ по критскимъ городамъ, въ 6мъ стихѣ говорится, что пресвитеръ долженъ быть непоро-

ченъ, имѣть одну жену, вѣрныхъ дѣтей, не укоряемыхъ въ распутствѣ или непокорности, — въ 7мъ и д. объясняется, для чего это нужно, но уже вмѣсто слова: пресвитеръ употребляетъ слово: епископъ. Очевидно, что апостолъ не находитъ никакого различія между пресвитеромъ и епископомъ. Иначе описавши въ 6мъ стихѣ, чѣмъ долженъ быть пресвитеръ, какъ же онъ въ подтвержденіе этого могъ въ 7мъ ст. говорить о епископѣ. На этомъ - то, вѣроятно, основаніи объясня 17 ст. 20ой гл. дѣяній апостольскихъ: *изъ Милета пославъ въ Ефесъ, онъ призвалъ пресвитеровъ тамошней Церкви*, Ириней подъ пресвитерами разумѣетъ также и епископовъ: *in Mileto convocatis episcopis et presbyteris*, изъ Милета призвавъ епископовъ и пресвитеровъ. Конечно, герменевтика семинарій истолковываетъ иначе всѣ приведенныя три мѣста изъ посланій ап. Павла. Но она написана подъ влияніемъ епископской партіи; объясни профессоръ такъ, какъ я объяснилъ, его увольять отъ должности.

М. т. предложенное мною объясненіе основывается не только на буквальномъ смыслѣ текстовъ, но и на слѣдующихъ соображеніяхъ и фактахъ. Апостолы въ посѣщаемыхъ ими городахъ и деревняхъ обращали въ христіанство не Богъ знаетъ какое количество; число послѣдователей І. Христа часто ограничивалось десяткомъ, или десятками, и уже постепенно переходило за сотню. Для порядка, для назиданія въ новой общины христіанской нужно было конечно установить какую нибудь власть; но смѣшно полагать, чтобы она была нынѣшнею властію епископскою; не нужно ли ужъ къ ней прибавить к-рію съ секретаремъ и благочинными? Избирались обыкновенно люди почотные, пожилые *превѣтерои* — пресвитеры, старѣйшины, — или надзиратели *ἐπίσκοποι* епископы. Послѣ общины, или Церкви увеличивались новыми членами и соединялись между собою; тогда нужно было увеличивать число старѣйшинъ и надзирателей, а имъ при общемъ собраніи нужно было имѣть предѣдателя, которому мало по малу усвоено названіе епископа, а за прочими осталось имя пресвитеровъ. Т. о. епископъ первоначально былъ не болѣе, какъ старшій изъ пресвитеровъ, б. ч. самими ими и выбранный. Вотъ и доказательства. Иларій, объясняя 3ю гл. 1го посланія къ Тимоѣю, говоритъ: *omnis episcopus presbyter, non tamen omnis presbyter episcopus; hic enim episcopus est, qui inter presbyteros primus est; т. е. всякій епископъ есть пресвитеръ, но не всякій пресвитеръ есть епископъ; епископъ есть тотъ, кто между пресвитерами занимаетъ первое мѣсто.* Потомъ Иеронимъ говоритъ: «въ

александрійской церкви до епископовъ Гіероклеса и Діонисія, до половины 3го столѣтія пресвитеры обыкновенно одного изъ своей среды избирали президентомъ своимъ и называли его епископомъ. «Наконецъ по словамъ Евтихія, александрійскаго патріарха, жившаго въ 1ой половинѣ 10го столѣтія «въ александрійской Церкви до епископа Александра въ началѣ 4го вѣка была коллегія изъ 12ти пресвитеровъ, подъ предсѣдательствомъ епископа; эти пресвитеры избирали изъ своей среды одного епископомъ, и остальные одиннадцать посвящали его въ епископа.»

Но избранные и первые между равными захотѣли быть начальниками тѣхъ, которые ихъ избрали, это впрочемъ случилось и случается вездѣ. Епископы начали присвоивать себѣ высшую власть въ управленіи Церковію и совершенную независимость отъ пресвитеровъ. Но и эти съ своей стороны старались отстаивать свои права. Явились т. о. двѣ партіи; *епископская и пресвитерская*. Пресвитерская партія до половины третьяго вѣка была еще очень сильна. Не смотря на то, что во время Тертуліана епископы высоко уже стояли надъ пресвитерами; онъ — предстоятелей христіанскихъ церквей называетъ однимъ именемъ: старшины — *seniores*. Кипріанъ, епископъ карфагенскій, при самомъ вступленіи своемъ на епископскую кафедру принялъ за правило ничего не предпринимать безъ совѣта съ пресвитерами (*a primordio episcopatus mei statui, nihil sine consilio vestro mea privatim sententia gerere*). Поэтому удалившись во время гоненій изъ Карфагена въ пустыню и дѣлая тамъ одинъ какія либо распоряженія, предъ пресвитерами извинялся въ этомъ необходимостію. Въ память того отношенія, которое первоначально было между епископами и пресвитерами, онъ послѣднихъ называетъ *conpresbyteros*, сопресвитерами.

Капитальное различіе между епископами и священниками состоитъ нынѣ въ томъ, что первые не должны не только не имѣть жены, но и быть монахами, а должности вторыхъ предоставляются только людямъ напередъ женившимся и никакъ не монахамъ. Но это различіе не было извѣстно въ первенствующей Церкви. Подобно тому, какъ апостолы вели жизнь одни брачную, другіе безбрачную, такъ въ первые вѣка христіанства и епископами и пресвитерами могли быть женатые и не женатые люди. Впрочемъ ап. Павелъ семейную жизнь, считалъ необходимою принадлежностью и епископовъ и пресвитеровъ; во 2мъ ст. 3 гл. 1го посланія къ Тимофею онъ прямо говоритъ — подобаешь епископу бити непорочну, *единяя жена мужу*. Замѣчательно, что

защитники монашескаго архіерейства хотя и объясняют этотъ текстъ въ свою пользу при помощи діалектики и схоластики, впрочемъ иногда прибѣгаютъ здѣсь даже къ грубымъ выходкамъ. На окончательномъ экзаменѣ XVго курса одной изъ духовныхъ академій студентъ отвѣчалъ изъ археологіи о трехъ степеняхъ священства. Предсѣдатель на экзаменѣ — одна изъ духовныхъ знаменитостей спросила объ особенностяхъ каждой степени. И когда студентъ сказалъ, что въ первенствующей церкви епископы преимущественно избирались изъ семейныхъ людей и доказывать это сейчасъ приведенными словами ап. Павла, то предсѣдатель сказалъ: «ну, вотъ, что еще заговорилъ; *не всяко мѣко въ строку*» да, именно такъ было сказано; только ужъ не знаю, на основаніи какого параграфа герменевтики Рамбахія, или г. Саввалтова. А м. т. *это мѣко* внесено въ такъ называемыя апостольскія правила. По 40му изъ нихъ велѣно заботиться о томъ, чтобы не растрчивалось имѣніе епископа, *имѣющаго иногда жену и дѣтей*. Значитъ, во время составленія правилъ епископы были не только женатые люди, но и могли наживать и передавать свое имѣніе женѣ, дѣтямъ и пр. Конечно, тогда же появилось мнѣніе, что епископамъ и даже пресвитерамъ приличнѣе жизнь безбрачная; только оно встрѣтило сильное сопротивленіе; напр. по 5му правилу апостоловъ епископъ, подъ благовѣніи изгнавшій свою жену; отлучается отъ общенія церковнаго, а въ случаѣ дальнѣйшаго упорства извергается отъ священнаго чина. Кажется, тутъ *мѣко поставлено въ строку*.

Послѣ мысль о безбрачій д-ва начала болѣе и болѣе распространяться. Неокесарійскій соборъ въ 314 г. постановилъ: «священника, вступившаго въ бракъ, лишать священства; анкирскій соборъ былъ нѣсколько понисходительнѣе къ дьяконамъ. По 10му его правилу: «поставляемые въ дьяконовъ еще при самомъ поставленіи засвидѣтельствовали и объявляли, что они имѣютъ нужду ожениться и не могутъ безъ того пребыти; таковые послѣ сего оживившись, да пребываютъ въ своемъ служеніи, поелику сіе позволено было имъ отъ епископа. Аще же которые, умолчавъ о семъ и принявъ рукоположеніе съ тѣмъ, чтобы пребыти безъ женитьбы, послѣ вступали въ бракъ: таковымъ престати отъ дьяконскаго служенія.»

Въ возгорѣвшейся т. о. борьбѣ за власть и безбрачіе епископовъ, пресвитеры, по всей вѣроятности, одержали бы побѣду; м. б. они предоставили бы епископу власть начальническую, а не президентскую только; но вѣрно бы настояли,

чтобы онъ изъ нихъ же избирался и былъ женатымъ человекомъ, подобно тому, какъ Киприанъ называлъ священниковъ сопресвитерами, они, вѣроятно, поставили бы себя въ такое отношеніе къ епископу, что бы можно было имъ дать названіе *comepiscopi* — соепископа. Къ сожалѣнію въ 3мъ и послѣдующихъ вѣкахъ на помощь къ защитникамъ власти и безбрачія епископовъ явился сильный союзникъ въ м-вѣ.

Христіанскаго м-ва до 4го вѣка не существовало. Основатель его Антоній хотя еще въ 285 г. удалился въ пустыню, но жилъ одинъ до 305 г.; въ это время нѣсколько поселившихся съ нимъ христіанъ составили первую монастырскую общину. Благодаря тогдашнему политическому состоянию римской имперіи, морально-религіозному настроенію христіанъ, а также климатическимъ условіямъ Египта и Палестины и многимъ другимъ причинамъ, м-во въ 4 и 5 вѣкахъ быстро развилось и увеличилось. Пахомій, ученикъ Антонія, основавшій общину подъ названіемъ киновіи въ Фивайдѣ на одномъ изъ острововъ Нила, еще при жизни своей видѣлъ уже около себя до 3000 монаховъ; это число послѣ смерти его возрасло до 7000, а въ половинѣ 5го столѣтія до 15,000 человекъ. Не менѣе успѣшно распространялось м-во въ Палестинѣ Иларіономъ, который жилъ нѣсколько времени съ Антоніемъ. Надобно сказать, что въ 4 и 5 вѣкахъ между монахами было очень много людей замѣчательныхъ по своему уму, аскетическимъ подвигамъ и христіанскимъ добродѣтелямъ; они не только сами приобрѣли, но и всему м-ву, т. е-ть, усвоили необыкновенно сильное вліяніе на народныя массы. При такомъ положеніи смиренныя иноки не могли же отказать себѣ въ желаніи не ограничивать своей дѣятельности одними монастырями. Но съ другой стороны смѣшно говорить, чтобы у нихъ былъ еще съ 4го вѣка опредѣленный планъ подчинить себѣ христіанскую церковь; событія историческія, въ родѣ того, о которомъ идетъ здѣсь дѣло, вырабатываемыя цѣлыми вѣками, происходятъ не по напередъ составленному и сознательно исполняемому плану, а по какому-то инстинктному побужденію, которое въ дѣятельяхъ развивается и поддерживается иногда незамѣтно для нихъ самихъ современными имъ идеями, потребностями и пр., только въ послѣдствіи историкъ можетъ открыть и прослѣдить планъ, по которому какъ будто бы событія совершались. Но нельзя не сказать, что м-во присвоивало себѣ верховную власть въ церкви христіанской, держась въ нѣкоторомъ отношеніи того плана, которому слѣдуютъ теперь іезуиты. Последніе всячески стараются

поставить выше всего власть епископовъ, потомуъ мало по малу замѣстить епископскія кафедры своими приверженцами и членами, и надѣются подчинить себѣ если не все христіанство, то хоть католичество, когда, начиная съ папы до послѣдняго епископа а partibus infidelium будутъ иезуиты. Планъ этотъ, по всей вѣроятности, не исполнится и, м. б., именно п. ч. по немъ дѣйствуютъ сознательно. Но м-во, также дѣйствуя, достигло своей цѣли. Сначала оно помогало утвердить приматство епископовъ надъ пресвитерами. Тутъ даже большихъ усилій ему и не было нужно дѣлать. Живя подъ деспотизмомъ политическимъ, христіане и даже пресвитеры подчинили себя монархизму религіозному. Т. о. съ 4 и особенно 5 вѣка епископы были почти уже независимы отъ клира и избирались б. ч. тоже епископами и митрополитами. Пресвитеры, р-ся, долго еще оставались совѣтниками ихъ, даже по мѣстамъ и участниками въ управленіи епархіей, но болѣе и болѣе теряли силу, и мало по малу изъ *пресвитеровъ-старѣйшихъ* превращались въ *іереевъ-жертвоприносителей*, или, повѣжливіе, *совершителей священныхъ дѣйствій* *) или, какъ говоритъ авторъ романа Le Maudit (т. 3, стр. 63) въ *faiseurs d'enterrements et des baptêmes*.

Послѣ того, какъ власть архіереевъ сдѣлалась монархическою и почти деспотическою, м-ву оставалось укрѣпить за собою всѣ епископскія мѣста. Тутъ дѣйствовали очень осторожно, п. ч. поспѣшностію все можно было испортить. Въ этомъ случаѣ сильно помогло высокое мнѣніе, которое издавно на востокѣ существуетъ о безбрачной жизни; епископамъ и даже пресвитерамъ, — первымъ, какъ представителямъ Иисуса Христа, а вторымъ, какъ служителямъ алтаря Господня, р-ся, слѣдовало быть, но этому мнѣнію, людьми чистыми, т. е. безбрачными. На первомъ Никейскомъ вселенскомъ соборѣ безбрачіе сдѣлали бы обязательнымъ для всѣхъ духовныхъ лицъ, если бы не попрепятствовалъ тому епископъ Пафнутій. Не смотря на то, что самъ съ дѣтства былъ очень строгимъ аскетомъ, онъ убѣдилъ отцовъ собора въ святости брака и въ томъ, что женатый священникъ можетъ вести святую жизнь. Но и Пафнутій не осмѣлился говорить противъ безбрачія д-ва. Положено было, что духовныя лица трехъ степеней не могутъ же-

*) Слово іерей взято съ греческаго слова *ιερεύς*, которое происходитъ отъ *ιερεύω* убиваю, или закалываю жертвы; поэтому *ιερεύς* значитъ собственно закалатель жертвъ, жрецъ; въ лексиконѣ Гедериха это слово выражается латинскимъ *sacrificator*.

ниться послѣ своего посвященія, а въ прочихъ случаяхъ предоставляемо было дѣйствовать по своему произволѣю. Т. о., благодаря Пафнутію, священники и дьяконы въ восточной церкви остались женатыми людьми. Но на епископскія мѣста стали поступать люди безбрачные; если же кто изъ женатыхъ пресвитеровъ получалъ епископскую кафедру, то ему должно было разойтись съ женою. Противъ послѣдняго многіе сильно вооружались. Такъ напр. Синезій, получивши епископскую кафедру въ Птолемаидѣ, сказалъ: «Богъ, законъ и освященная рука Феофила (епископа александрійскаго) даровали мнѣ жену. Напередъ говорю всеѣмъ и клянусь, что я не разлучусь съ нею, не стану жить втайнѣ, какъ будто въ не позволенной связи, п. ч. первое совершенно противно благочестію, а второе законамъ. Я желаю прижить отъ нее многихъ и хорошихъ дѣтей.» Но Синезіевъ было мало, а число противниковъ и м. б. завистниковъ брачной жизни постоянно увеличивалось. Императоръ Юстиніанъ постановилъ, чтобы въ епископы были поставляемы преимущественно м-щіе, если же изъ блага д-ва, то безбрачные, или по к. м. не имѣющіе дѣтей (19 т. Приб. къ Тв. Св. Отц. стр. 202). Наконецъ Трульскій — шестой вселенскій соборъ въ 12мъ своемъ правилѣ такъ выражается: «дошло до нашего свѣдѣнія и то, что въ Африкѣ и Ливіи и въ иныхъ мѣстахъ нѣкоторые изъ тамо сущихъ боголюбезвѣйшихъ предстоятелей (т. е. епископовъ), и по совершившемся надъ ними рукоположеніи, не оставляютъ жити купно съ своими супругами, полагая тѣмъ претыканіе и соблазнъ другимъ. Имѣя убо великое тщаніе, дабы все устроить къ пользѣ порученныхъ паствъ, признали мы за благо, да не будетъ отнынѣ ничего такового.» Но припомнивъ, что этимъ они противорѣчатъ 5му правилу апостоловъ соборъ прибавляетъ «сіе же глаголемъ не по отложенію, или превращенію апостольскаго законоположенія, но прилагая попеченіе о спасеніи и о преспѣяніи людей на лучшее, и о томъ, да не допустимъ какого либо нареканія на священное званіе.»

Этимъ правиломъ Трульскій соборъ выразился по нѣмецки *hat den Priestern Garaus gemacht* (далъ карачунъ пресвитерамъ) и въ то же самое время поднялъ м-во. Немногіе изъ первыхъ къ ихъ чести соглашались для епископства разлучиться съ своими женами, которыя по 48 правилу того же предусмотрительнаго собора, должны были въ такомъ случаѣ поступить въ *монастырь, далеко отъ обитанія сего епископа созданный*. Лучшіе и благороднѣйшіе изъ нихъ хотѣли лучше остаться въ скромномъ званіи пастыря, но

имѣтъ съ подругою своей жизни, нежели, бросивъ ее, наслаждаться величіемъ сана архипастыря. Отъ этого на вакантныя епископскія мѣста стали поступать или вдовыя священники, или въ случаѣ недостатка достойныхъ, неженатые, преимущественно монахи. М-ще архіереи чрезъ это умножились и наконецъ совершенно заградили доступъ на епископскую кафедру всякому пресвитеру, если только онъ, овдовѣвъ, не приметъ схимы. И здѣсь опять поступали осторожно. Законъ, позволяющій священниковъ прямо безъ принятія м-ва производить въ епископа, до сихъ поръ положительно не отмѣненъ, но остается безъ приложенія. Тутъ нельзя не замѣтить сходства съ нашими семинаріями и академіями. По уставу ректорами тѣхъ и другихъ могутъ быть монахи и протоіереи. Духовное начальство не отмѣняетъ этого закона, но только ни одного протоіерея не дѣлаетъ ректоромъ ни семинарій, ни академій; *законъ-де мы не нарушаемъ, не отмѣняемъ, — мы только его не хотимъ исполнить* (Sic!). Гг. русскіе чиновники! вотъ отличный способъ обходить законъ, апробованный древностію и іерархію!

Война окончилась, по к. м. на долгое время пріостановилась отъ поработенія, въ которомъ остается до сихъ поръ побѣжденная сторона у побѣдителей. Но еще старинные римляне говаривали: *vae victis* горе побѣжденнымъ. Это изрѣченіе народа самаго опытнаго въ искусствѣ убивать и поработать людей имѣетъ полное приложеніе къ пресвитерамъ, къ преемникамъ ихъ іереямъ и къ нашему бѣлому д-ву. Побѣжденная партія, лишившись прежнихъ правъ, потерявши значеніе въ церковной іерархіи, мало по малу унизилась въ глазахъ и своихъ собственныхъ и христіанъ. Побѣдители ловко этимъ воспользовались, привлекая въ свой лагерь даровитыхъ людей даже безъ большихъ усилій. Причины, по которымъ въ 4, 5 и ближайшихъ къ тому вѣкахъ такъ много умныхъ и дѣльныхъ людей шло въ м-во, еще долго продолжались. Внѣшнія войны, внутреннія усобицы, отсутствіе правосудія, даже открытый почти грабежъ, безнравственность, всюду распространившаяся пробуждали въ душахъ по прежнему мистическое настроеніе, отвращеніе къ житейскимъ дѣламъ и желаніе посвятить себя Богу. При другомъ порядкѣ дѣлъ значительная часть такихъ людей поступила бы въ пресвитеры. Но послѣ побѣды м-ва для честолюбивыхъ и энергическихъ лицъ въ пресвитерствѣ ничего не было привлекательнаго; остаться навсегда въ какомъ либо приходѣ, возиться всю жизнь съ грубою,

деревянною, переносить матеріальныя лишеныя, чувствовать гнѣть сверху, — право, для этого нужно было болѣе самоотверженія и отреченія отъ себя самаго и отъ мірскихъ выгодъ, нежели для поступленія въ м.-во. Т. о. число талантливыхъ людей между пресвитерами постоянно уменьшалось. Поэтому м.-шіе архіереи какъ будто уже справедливо, по необходимости стали окружать себя другими монахами, будущими своими преемниками и съ ними раздѣлять не одніи тяжести, но и выгоды управленія церковію, а пресвитеры сдѣлались только исполнителями требъ, совершителями богослуженія, а потомъ покорнѣйшими рабами, даже данниками архіереевъ. Съ ними уже нечего было церемониться и быть вѣжливыми; оказалось возможнымъ держать ихъ *въ ежовыхъ рукавицахъ*; сопротивленія отъ нихъ нечего было ждать и опасаться. При этомъ отречшіеся отъ міра могли иногда дѣйствовать подъ вліяніемъ чувства мести, досады и самозащиты. Пресвитеры были нѣкогда выше ихъ, боролись съ ними, теперь конечно побѣждены, но иные еще помнятъ, а иногда напоминаютъ о прежнемъ своемъ значеніи, о своихъ правахъ, несправедливо у нихъ отнятыхъ. Какъ же теперь немножко не *поприсмирить*, не *попридавить* ихъ? Какъ имъ не напомнить, что мы побѣдители, что *vae victis*? Такъ поступали побѣдители римляне въ своихъ завоеванныхъ провинціяхъ, Франки въ Галліи, Готфы въ Испаніи, Варяги въ Россіи и пр. Отчего же и иночествующимъ людямъ въ обращеніи съ своими побѣжденными, у которыхъ можетъ пробудиться революціонный духъ, не придерживаться той же системы, которой слѣдуютъ всѣ побѣдители, особенно несправедливые? *Пресвитеры, превратившіеся въ іереевъ*, стали, можно сказать, подчиненными епископовъ; между ими и ихъ начальниками-сопресвитерами *утвердися пропасть велика, дистанція огромнаго размѣра*.

В. Въ Россіи.

Эта пропасть, эта дистанція уже существовала, когда христіанство введено было въ Россію. Приѣзжавшіе тогда и долго еще послѣ того изъ Константинополя къ намъ архіереи и митрополиты привозили съ собою уже покоренныхъ и вполнѣ покорныхъ пресвитеровъ. Покорность эта у насъ должна была принять еще большіе размѣры. Всѣхъ священниковъ нужныхъ для русскаго народа нельзя было выписывать изъ Греческой имперіи, понадобилось производить ихъ изъ туземцевъ. Но теперешній споръ между Болгаріею и Кон-

стантинопольскою патриархіею показывается, какъ архіереи, приѣзжающіе изъ Царя-града къ славянскимъ народамъ, обращаются съ вѣрною имъ паствою и пастырями. Конечно, со временъ Великаго Князя Владиміра до Императора Александра 2го прогрессъ могъ многое усовершить въ константинопольскихъ Грекахъ. Но зародыши того, чѣмъ они сдѣлались при Султанахъ Абдуль-Меджидѣ и Абдуль-Азисѣ давали уже отпрыски при Василіѣ и Константинѣ. Не даромъ же наши Великіе Князья такъ хлопотали о томъ, чтобы ихъ уволили отъ Грековъ-митрополитовъ. Не по доброй же волѣ каждый изъ русскихъ митрополитовъ, отправляясь въ Константинополь за утвержденіемъ въ новой должности, считалъ непремѣнною обязанностью брать съ собою какъ можно болѣе подарковъ и денегъ патриарху и его сотрудникамъ. Да и нынѣ, если какой либо іеромонахъ, особенно архимандритъ съ Афона, изъ Іерусалима и пр., приѣхавши для собиранія подаянія въ Россію, обращается такъ важно съ подающими, принимаетъ приношенія такъ, какъ будто бы онъ этимъ дѣлаетъ намъ милость и снисхожденіе, то можете судить, чѣмъ были архіереи изъ Грековъ, управлявшіе русскою церковію, по отношенію къ священникамъ изъ Славянъ туземцевъ. Существовавшая дистанція между тѣми и другими увеличивалась и отъ другихъ обстоятельствъ. Греки при Владимірѣ и его преемникахъ все-таки были образованнѣе Славянъ, особенно тѣхъ, которые поступали въ сельскіе священники. По всѣмъ этимъ причинамъ послѣдніе смотрѣли на своихъ архиереевъ, какъ на людей высшаго разряда, предъ которыми они должны преклоняться; они и не знали, и даже не могли подозрѣвать, что епископъ нѣкогда былъ только первый изъ пресвитеровъ.

Наконецъ и архіереи, и самъ митрополитъ избирались уже только изъ русскихъ. Но это немного помогло нашему бѣлому д-ву. Отношенія его къ архіереямъ уже установились, приняли легальную форму, противъ которой вооружаться почти тоже значило, что нарушать законы. Но нельзя было не положить національнаго клейма на эти отношенія, особенно съ того времени, какъ боярство наше стало измѣняться въ барство. Въ самомъ дѣлѣ, когда наши бояре могли обращаться съ своими крестьянами, какъ съ рабами, когда воеводы въ городахъ самоуправно распоряжались не только карманами но и спинами чиновниковъ и земскихъ людей, когда палочные удары, влети и пр. были въ употребленіи даже относительно придворныхъ; то почему же и архіереямъ

нужно было церемониться съ своими уже не пресвитерами, не іереями, а просто *попами*? Зачѣмъ щадить ихъ и самолюбіе и карманъ, и спину. Какъ ни унижено было положеніе бѣлаго д-ва до Петра Великаго, однако и тогда нѣкоторые члены его *осмѣливались* не любить м-щей іерархіи и даже при случаѣ выражать эту ненависть. Такой случай былъ при погребеніи Алексѣя Михайловича. По обыкновенію отпустительную молитву влагааетъ въ руки покойника духовникъ; но относительно Царя сдѣлалъ это патріархъ. Р-ся, тутъ ничего не было ни дурнаго, ни незаконнаго. Но у духовника царскаго давно, вѣроятно, *рвалось сердце* на патріарха; а тутъ онъ не могъ уже сдержитъ себя. Послѣ погребенія пошелъ онъ въ комнату, гдѣ собралось все царское семейство и началъ кричать: «покойный государь прощенія не получилъ; патріархъ не далъ мнѣ вручить ему прощальную грамоту; дайте мнѣ 2000 войска; я пойду на патріарха и убью его; или оружіемъ, или какою отравою убейте мнѣ супостата моего патріарха; если же не придадите смерти патріарха, то я васъ прокляну, и съ патріархомъ управлюсь самъ; я уже нанялъ 500 ратныхъ людей, чтобы убить его.» (XIII т. Истор. г. Соловьева стр. 243.) Глупо конечно было такъ кричать; я этого и не одобряю, но посмотрите, какая ненависть къ патріарху проглядываетъ въ словахъ Савинова. Глупый крикунъ былъ отданъ патріарху и сосланъ въ монастырь.

Но бѣлое д-во скоро начало становиться поумнѣе; наши цари не предложили, а приказали завести училища и семинаріи для приготовленія не поповъ, а умныхъ и образованныхъ священниковъ. Не смотря на то, что духовно-учебныя заведенія дурно управлялись и управляются, въ бѣлое д-во проникла и болѣе болѣе проникаетъ образованность и заставляетъ какъ подчиненныхъ, такъ и начальниковъ подумывать, или хотъ задумываться о новыхъ взаимныхъ отношеніяхъ. Образованный человекъ быстро понимаетъ неестественность своего положенія и своихъ отношеній къ высшимъ себя; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ принимаетъ хорошія мѣры къ тому, чтобы измѣнить все къ лучшему. Въ этомъ случаѣ для своихъ притѣснителей онъ бываетъ тѣмъ опаснѣе и досаднѣе, что дѣйствуетъ осторожно, безъ крика и выходокъ. Самое его молчаніе, его спокойный пристальный взглядъ, его при случаѣ торжественная и внушающая уваженіе поза, его какой нибудь выразительный жестъ отнимаютъ иногда и языкъ и руки у самаго задорнаго, зазнавашагося начальника. А если еще начнетъ говорить съ логикою философа, съ воодушевленіемъ

нѣмъ оратора, съ достоинствомъ честнаго человѣка, тогда побоишься ему сказать даже грубое слово. Послѣ этого не удивительно, если въ послѣдніе 50 лѣтъ многіе члены бѣлаго д-ва стали чувствовать несправедливость гнета, надъ ними тяготящаго и желаніе освободиться отъ него. Желаніе это особенно оправдывалось и подстрекалось однимъ обстоятельствомъ. Какъ будто бы для того, чтобы испытать, способно ли бѣлое д-во управляется лицами, избранными изъ среды его, безъ поступленія въ м-во, въ полной независимости отъ епархіальныхъ архіереевъ и к-рій, начальниками надъ д-омъ придворнымъ и д-омъ гвардейскаго и армейскаго вѣдомства сдѣланы протоіереи подъ именемъ оберъ-священниковъ, нынѣ главныхъ священниковъ. Опытъ удался какъ нельзя лучше. Д-во этихъ вѣдомствъ считаетъ себя счастливымъ, находясь внѣ монашескаго вліянія, постоянно улучшается во внѣшнемъ своемъ благосостояніи, въ кругу своихъ прихожанъ пользуется завиднымъ для приходскихъ священниковъ уваженіемъ, отличается нравственными своими качествами; въ немъ незнакомы съ тѣми клязузами и мерзостями, которыя такъ многочисленны въ к-ріяхъ. Такіе счастливые результаты нельзя приписать образованности этого д-ва; въ него поступаютъ не самыя лучшіе люди изъ семинаристовъ и академиковъ, а прежде военное д-во набиралось почти что кое изъ кого; и все таки и было, и жило лучше епархіальнаго. Какъ угодно, а подобныя метаморфозы случаю приписать нельзя; главные — или оберъ-священники своимъ умнымъ и благороднымъ управленіемъ тутъ много, если не все значатъ. М. т. д-во пархіальное и не пархіальное сходится, роднится, знакомится особенно въ Петербургѣ. Если бы первое вовсе не догадывалось о своихъ правахъ, то одно обличеніе съ послѣднимъ ему могло бы открыть глаза. Прибавьте къ этому шутки, насмѣшки, сожалѣнія, рассказы не епархіальнаго д-ва, — по неволѣ встрепенется и заговоритъ ретивое у епархіальнаго д-ва. Благоденствіе и свобода нынѣ заразительно дѣйствуютъ на бѣдность и неволю другихъ имъ подобныхъ. Съ другой стороны епархіальное начальство давно уже догадывается и слышитъ о затаенномъ желаніи подчиненныхъ своихъ высвободиться изъ подъ его тяжелой опеки, а иногда даже видимъ, какъ это желаніе проявляется въ дѣйствіяхъ. Всякое другое правительство поняло бы справедливость этихъ желаній и сдѣлало бы уступки. Но правительство изъ лицъ, составляющихъ нѣчто въ родѣ касты особенно монашеской, никогда не уступаетъ; девизъ его — *non possumus*. Авторъ романа *Le Maudit* прекрасно говоритъ:

«каста не сдается, не может рѣшиться пожертвовать самою ничтожною привилегіею, развѣ только продолжительныя и страшныя несчастія помогутъ сокрушить ея неумолимое сопротивленіе (Т. 3. стр. 395).»

Т. о. завязывается и уже завязалась борьба между бѣлымъ д-омъ и епархіальною его властію.

Борьба эта могла бы ограничиться только, т. е. ть верхними слоями, происходить между аристократіею монашескою и умнѣйшими и образованнѣйшими лицами бѣлаго д-ва. Но она обобщилась отъ разныхъ обстоятельствъ, особенно отъ привилегій, предоставленныхъ монастырямъ и монахамъ. Бѣлое д-во постоянно почти сталкивается съ чернымъ, встрѣчаетъ въ немъ соперничество, испытываетъ отъ него непріятности и пр. Оно напр. несетъ на себѣ всю тягостность исполненія всѣхъ такъ называемыхъ церковныхъ требъ, обязано учить народъ, отвѣчаетъ даже за его уклоненія отъ православія, и за всѣ эти труды вознаграждается скудно, средствами унижительными а м. т. должно еще кормить свои семейства, воспитывать дѣтей. Какъ ему не позавидовать м-ву, которое, не имѣя никакихъ обязательствъ относительно народа, получаетъ богатое содержаніе, не выходя изъ монастырской ограды и совершая богослуженіе только въ определенное время? — Бѣлое д-во какъ в. с-но (6 ч. 8го отд.) при жизни богача исполняетъ копѣчныя и рублевныя требы въ его домѣ. Но умеръ богочъ, и монастыри являются къ услугамъ, за которыя получаютъ сотни и тысячи рублей. Бѣлое д-во знаетъ, что въ немъ больше умныхъ, дѣльныхъ, дѣятельныхъ и даже добродѣтельныхъ людей, и м. т. оно остается чуть не въ крѣпостныхъ отношеніяхъ къ черному, видитъ, что послѣднему отдается во всемъ преимущество предъ нимъ. — Бѣлое д-во за свои неблагодарныя труды, за свой умъ и нравственныя качества могло бы ожидать большихъ наградъ, нежели м-во, которое ниже его во всѣхъ поименованныхъ отношеніяхъ; а м. т. на послѣднее изливаются всѣ милости духовнаго начальства. Сколько бѣлому д-ву приходится вынести униженія и притѣсненія отъ епархіальной власти и ея агентовъ? Сколько передаетъ оно ему взятку изъ своихъ и безъ того скудныхъ средствъ? Лица бѣлаго д-ва, какъ люди семейные, желали бы дать своимъ дѣтямъ воспитаніе, которое бы упрочило ихъ будущее положеніе въ обществѣ. А м. т. люди, отрeksiеся отъ міра и все воспитаніе взявшіе въ свои руки, изъ сыновей его хотятъ сдѣлать послушниковъ, даютъ имъ аскетически — педальное настроеніе, учатъ и содержатъ, какъ нельзя хуже.

Тѣже самые *отреченцы* не только благоденствуютъ и роскошествуютъ, но постоянно улучшаютъ бытъ своихъ черныхъ собратьевъ, выпрашиваютъ у правительства для нихъ новыя льготы, привилегіи и доходныя статьи а когда коснется дѣло до настоящихъ труженниковъ, которыми поддерживается религіозность въ народѣ, тогда начинаютъ проповѣдывать объ апостольской нищетѣ, учать терпѣнію, упрекають любостязаніемъ и плотоугодіемъ, откладываютъ улучшения на безсрочное время. Когда объ всѣхъ этихъ выгодахъ и привилегіяхъ одной, невыгодахъ и униженномъ положеніи другой стороны духовное лицо поговоритъ, поразмыслитъ, повспомнитъ исторію церкви первыхъ вѣковъ, — неужели оно останется равнодушнымъ къ той борьбѣ, о которой я началъ говорить? Не приметъ ли оно участія въ ней? Не почувствуетъ ли даже вражды къ противной сторонѣ? Вражда эта проявляется даже и въ причетникахъ. Въ ст. г. Рѣшетникова (No. 10 Совр. 1864 г. стр. 380) отецъ Макси дьячокъ предъ смертью говоритъ сыну своему: учись, но не ходи въ солдаты и *въ монахи не ходи!*

Заглянемъ въ другое лагерь, въ другое воюющее царство. Тамъ слишкомъ заинтересованы ученые монахи съ тѣмъ и поступившіе въ м-во, чтобы воспользоваться всѣми нынѣ существующими преимуществами своего ословія. Но вотъ начинаютъ говорить и писать, что эти преимущества несправедливы, что ихъ нужно уничтожить. Неужели можно остаться равнодушными, когда земля, на которой стоимъ, начинаетъ колебаться, — когда зданію, въ которомъ надѣялись весь вѣкъ блаженствовать, грозитъ разрушеніе, — когда на дорогѣ, которая вела прямо къ нашей цѣли, появляются и умножаются препятствія? Какъ тутъ не помочь своимъ предводителямъ? Какъ въ своемъ кругу не содѣйствовать, чтобы опасныя намъ идеи не распространялись? А затѣмъ и неучоная м-щя братія не можетъ тоже оставаться спокойною. Ей конечно не занимать епископскихъ кафедръ. Но зато при нынѣшнихъ епископахъ она надѣется пользоваться всѣми монастырскими доходами и отъ угодьевъ, и отъ оборовъ, и отъ свѣчь и пр. и т. о. кончить свою жизнь въ довольствѣ и даже роскоши. Напротивъ произойди перемѣна въ церковномъ управленіи, чего добраго, пожалуй, заведутъ вездѣ общежитія, попросятъ свѣчные доходы на воспитаніе семинаристовъ, ограничатъ произволъ въ употребленіи всѣхъ вообще монастырскихъ суммъ; — перспектива не очень пріятная. Притомъ теперъ мы стоимъ выше поповъ, получаемъ награды скорѣе ихъ; такъ какъ же не защищать

привилегій своего сословія? Какъ не враждовать противъ тѣхъ, которые словомъ и дѣломъ стараются подорвать ихъ? Имъ анафема, а начальству своему полная преданность въ борьбѣ!

И вотъ борьба съ обѣихъ сторонъ обращается во вражду; и теперь уже очень много признаковъ этой вражды. Когда въ Твореніяхъ св. отцовъ и въ Православномъ обозрѣніи, а потомъ и въ другихъ журналахъ было напечатано, что архіереями не всегда были монахи, а сначала и долго пресвитеры, не разлучаясь даже съ женами, когда явились намеки, что этотъ порядокъ возможенъ и нынѣ; то съ какимъ изумлениемъ священники спрашивали: «неужели все это правда? неужели это напечатано? Неужели можно рассчитывать на такое нововведеніе, или по к. м. на ограниченіе произвола епархіальныхъ властей?» Съ какимъ удовольствіемъ слушали утвердительные отвѣты на свои вопросы, или читали самыя статьи? Тутъ наружу выходило все, что таилось давно въ душѣ. Въ другомъ царствѣ выражалось самое безцеремонное негодованіе. Въ 3мъ Отд. уже сказано какъ были встрѣчены книги: о с. д. . . . и о. у. д. у. . . . Во многихъ семинаріяхъ запрещалось строжайше читать все, гдѣ хоть сколько нибудь порицался новый порядокъ вещей, вырѣзывали статьи даже изъ духовныхъ журналовъ. Напротивъ книги, написанныя въ опроверженіе злонамѣренныхъ, какъ выражаются клерикалы, толковъ, напр. изданная въ Берлинѣ о сельскомъ д-вѣ апологія, брошура г. Предтеченскаго о нападкахъ на д-во и пр. такія книги не только навязывали ученикамъ, но даже читали ихъ въ общихъ собраніяхъ.

Въ лицахъ бѣлаго и чорнаго д-ва, не обучавшихся далѣе семинаріи, описываемая вражда не обнаруживается съ такою силою, какъ въ академистахъ. Авторъ книги о у. д. у. очень подробно изобразилъ эту вражду; имъ преимущественно я здѣсь буду руководствоваться. Известно, что студенты духовныхъ академій, проучившись б. ч. 16 лѣтъ, могутъ рассчитывать на хорошую будущность почти только отъ того, какое они займутъ мѣсто въ окончательномъ спискѣ и какую должность получать въ училищной службѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они знаютъ, что м-ще ихъ товарищи превосхищаютъ у нихъ и мѣста въ спискахъ, и должности въ семинаріяхъ и академіяхъ. И потому: «не осуждайте (свѣтскихъ студентовъ) и не удивляйтесь, если они (узнавъ о поступленіи своихъ товарищей въ м-во) увлекаются тѣми страстями, которыя такъ сильно разыгрываются

въ 25-лѣтнемъ сердцѣ при неожиданной встрѣчѣ съ прѣпятствіями. Какъ имъ не ознакомиться съ непріязненными чувствами къ тѣмъ, которые, будучи хуже ихъ по успѣхамъ и поведенію, м. т. перебиваютъ у нихъ дорогу? . . . Въ молодости не любить молчать; эти недовольные, р-ся, не скрываютъ своихъ мыслей; товарищи ихъ •слушаютъ съ участіемъ, п. ч. каждый болѣе или менѣе заинтересованъ въ этомъ вопросѣ. Представьте себѣ, что это продолжается нѣсколько десятковъ лѣтъ, передается отъ одного курса къ другому, и тогда поймете то разъединеніе, ту, можно сказать, пропасть, которою раздѣляются двѣ категоріи студентовъ (т. е. м-щіе и не м-щіе). Надобно пожить и побыть въ академіяхъ, чтобы все это вполне понимать. Нѣтъ насмѣшки, нѣтъ сарказма, которые бы не были высказываемы въ задушевныхъ бесѣдахъ, или даже открыто противъ м-щихъ студентовъ. Вотъ вамъ примѣръ, случившійся очень недавно.

Въ одной изъ академій при окончаніи курса оказалось семь м-щихъ студентовъ. Какія же дали имъ названія прочіе ихъ товарищи? Названія семи смертныхъ грѣховъ; гордость, лихоиманіе, блудъ, зависть, чревобѣсіе, гнѣвъ, лѣннество. Что м. б. ядовитѣе такихъ названій? Какъ злѣе можно выразить свою ненависть? Но и о ненавидимыхъ надобно судить по-человѣчески; они тоже люди и имѣютъ страсти; они не могутъ не платить тою же монетою, которую такъ щедро имъ расточаютъ. Такія непріязненные чувства съ обѣихъ сторонъ остаются надолго, а м. б. въ иныхъ и на цѣлую жизнь (1 т. стр. 112—113). «Да и нельзя имъ не оставаться. Если эти чувства назвать огнемъ, то въ этотъ огонь послѣ безпрестанно подкладываются новыя горючія вещества; на нихъ вмѣсто воды льется иногда масло и смола. Студенты кончили курсъ, монаха послали инспекторомъ, начальникомъ уже, а съ нимъ вмѣстѣ его однокурсниковъ. «Хорошо, если (они) хуже, или немного лучше его (новаго инспектора) по успѣхамъ и не дѣлали ему никакихъ непріятностей; тутъ дѣла еще кое-какъ улаживаются. Но бѣда, если новый начальникъ былъ менѣе успешенъ новаго своего подчиненнаго товарища; академическія предубѣжденія не уничтожаются» (стр. 115). Вотъ кандидатъ, или магистръ поступилъ священникомъ. Вскорѣ надъ нимъ, полнымъ, настоящимъ начальникомъ дѣлается не только академическій товарищъ, но человѣкъ моложе, даже ученикъ его и единственно п. ч. надѣлъ на себя черную рясу. Конечно, смиреніе есть добродѣтель; отказываться отъ него

никому не слѣдуетъ, но м-щимъ нужно бы показывать на себѣ образецъ этой добродѣтели. М. т. бывшіе товарищи священниковъ магистровъ и кандидатовъ, сдѣлавшись ихъ начальниками, частенько, какъ будто намѣренно ставятъ ихъ въ униженное положеніе: Унижаемые, конечно, молчатъ, — *молчишь по неволѣ, когда нельзя говорить*; но неприязненность не уничтожается, а усиливается. Унижающіе молча и даже вслухъ унижаютъ, но этимъ не научаютъ терпѣливо переносить униженіе; и вмѣстѣ съ тѣмъ досаждаютъ, что *юрдцы* часто все-таки не поддаются; кланяются, но не позволяютъ. Эти-то неприязненные чувства развиваются и усиливаются, а иногда выражаются самыми ѣдкими сарказмами. На это можно бы привести много примѣровъ; но опасно не для меня, который отрубилъ канаты у своего корабля, а для тѣхъ, кто выражалъ эти чувствованія. Я расскажу только случай, бывший за 30 лѣтъ. На обѣдѣ у одного петербургскаго протоіерея, гдѣ сидѣли академическія и семинарскія учоности, зашла рѣчь о томъ, откуда взялось названіе бѣлаго и чернаго д-ва. Ректоръ семинаріи представить какое-то мистическое объясненіе. Но одинъ изъ гостей, почтеннѣйшій протоіерей Г. П. П-скій сказалъ: «вотъ еще что придумали; мое объясненіе будетъ лучше. Въ языческой Россіи было два главныхъ бога: бѣлъ-богъ и черно-богъ; бѣлъ-богъ, — настоящій Богъ, а черно-богъ тоже, что чортъ. По принятіи крещенія Владиміромъ жрецы бѣлаго бога пошли въ бѣлое д-во, а жрецы черно-бога въ м-ство. Вотъ откуда взялись названія бѣлаго и чернаго д-ва, и вотъ отчего до сихъ поръ такая вражда между тѣмъ и другимъ.» Учоное м-во сидѣвшее за обѣдомъ, пришло въ ужасъ и потеряло ашетитъ отъ этого объясненія, которое очень понравилось свѣтскимъ академическимъ наставникамъ и бѣлому д-ву. Г. ч., вотъ какими чувствами воодушевлены были протоіереи за 30 лѣтъ! Съ того времени эти чувствованія сильнѣе сдѣлались и стали проситься наружу. На чьей сторонѣ останется побѣда въ новой борьбѣ между пресвитерами и монахами, неизвѣстно; я не берусь рѣшать этотъ вопросъ. Я и писалъ этотъ отдѣлъ только съ тѣмъ, чтобы видно было, почему м-во такъ враждебно относится къ бѣлому д-ву. Этой цѣли я достигъ; отдѣлъ этотъ въ послѣдствіи намъ многое прояснитъ.

Отдѣлъ 22ый.

О гордости, какъ типическомъ качествѣ монаховъ.

Монахи любятъ говорить, что они *моди не отъ міра сего*. Слова эти, принимаемая въ собственномъ и даже переносномъ значеніи, несправедливы, Монахи, подобно всѣмъ намъ грѣшнымъ, родились и живутъ на одной съ нами планетѣ, и хотя при постриженіи отрицаются отъ міра, м. т. такъ наслаждаются его благами, такъ обезпечены въ своемъ содержаніи приношеніями другихъ, а не собственными трудами, столько хлопочутъ о внѣшнихъ отличіяхъ и столько ихъ получаютъ, что могутъ назваться *счастливыми, любимцами, а вовсе не отверженцами міра сего*. Потому побужденія, которыми руководствуются нынѣ при поступленіи въ м-во, даваемые при постриженіи по старопечатнымъ книгамъ обѣты, вовсе несогласные съ побужденіями, образъ жизни, несообразный съ обѣтами — заставляютъ думать, что большинство монаховъ *не совсѣмъ похожи на людей міра сего*. Наконецъ множество привилегій, несправедливо ими присвоенныхъ и удерживаемыхъ, множество отличій и наградъ, которыя имъ даются не за заслуги, а за то, что они прикрыли себя *шлемомъ спасенія*, предоставленіе имъ всѣхъ важныхъ должностей въ церковной іерархіи должны пробудить въ нихъ мысль, что они *выше людей міра сего*. Отсюда слишкомъ недалекъ переходъ къ тѣмъ качествамъ, которыя называются гордостью, тщеславіемъ, высокомеріемъ, спѣхью и т. п. Для доказательства, что эти качества составляютъ отличительную, необходимую, *типическую* черту м-ва, нельзя ограничиться однимъ нынѣшнимъ временемъ, а нужно утвердиться, т. е. ть, на исторической почвѣ.

Часть первая.

О томъ, какъ развивалась гордость въ м-вѣ въ древнія времена на востокѣ и у насъ въ Россіи, особенно въ ученomъ м-вѣ; въ чемъ она нынѣ обнаруживается, особенно въ начальникахъ семинарій и академій.

Когда Антоній, Пахомій, Иларіонъ и ихъ первые послѣдователи прославились своими отшельническими подвигами и чудесами, тогда уваженіе къ м-щимъ было близко къ благоговѣнію. Лица всѣхъ состояній и возрастовъ стремились въ монастыри и считали за счастье быть принятыми въ нихъ. Сначала это были б. ч. люди истинно-благочестивые, искавшие въ м-вѣ своего спасенія и проводившіе тамъ жизнь въ смиреніи и послушаніи. Но въ головахъ новыхъ пустынножителей не могла не зародиться мысль о величіи ихъ и мало по малу превратиться въ гордость. Вѣдь они, бывши пока мрянами, приписывали м-ву необыкновенно-высокое значеніе; неужели же, сдѣлавшись монахами, они самымъ логическимъ путемъ не могли дойти до мысли, что и *мы-де* теперь люди особаго, ангельскаго чина. Не безъ причины же въ житіи Аввы Іоанна, сочинителя Лѣствицы (стран. VII) тщеславіе называется *пявщицею*, а гордость *осьмою изъ прелестницъ*. Наконецъ высокое мнѣніе завладѣло большинствомъ монаховъ и обратилось въ неопровержимую истину, когда они, одержавъ побѣду надъ пресвитерами, присвоили себѣ епископскія кафедры и имѣли уже въ рукахъ доказательства своей важности въ христіанствѣ и средства выказать ее предъ христіанами.

Съ утвержденіемъ христіанства въ Россіи м-во и здѣсь не могло не быть въ уваженіи. Къ намъ пріѣзжали митрополиты, архимандриты, люди, уже окруженные величіемъ; они дѣлались совѣтниками, даже наставниками великихъ князей. Отъ нихъ не могло не перейти уваженіе и на все м-во, къ которому они принадлежали. Уваженіе это вскорѣ увеличилось и сдѣлалось, т. е. ть, національнымъ, когда Антоній и Θεодосій Печерскіе прославили себя своею подвижническою жизнію. Бѣдственныя времена удѣльнаго и монгольскаго періода заставляли лучшихъ тогдашнихъ людей искать успокоенія отъ житейскихъ тревоженій въ монастыр-

скихъ оградахъ. Число и монастырей и монаховъ увеличилось, накопились богатство, а вмѣстѣ съ тѣмъ росло уваженіе къ нимъ. Все это перешло въ періодъ единодержавія; самъ даже Грозный искалъ спокойствія совѣсти въ монашескихъ молитвахъ и свою александровскую слободу хотѣлъ устроить на образецъ киновіи. Патріаршество еще болѣе прежняго возвысило м-во; одинъ изъ его сочленовъ сдѣлался почти равнымъ самому царю; не могло же это величіе не отразиться на духѣ цѣлаго сословія. Желѣзная рука Петра I нѣсколько смирила иноковъ; въ бироновщину явились между ними даже страдалцы; но все это, особенно послѣднее, не только не подорвало уваженія народныхъ массъ къ ангельскому чину, но едва ли еще не возвысило. Смиранные иноки знали это и неизбѣжно считали себя людьми если не отъ міра сего, то *выше моделъ міра сего*.

Учоное м-во, наследовавъ всѣ права и преимущества своихъ предшественниковъ, имѣло множество причинъ присывать себѣ необыкновенную важность, особенно въ д-вѣ. Замѣчаютъ, что между священниками болѣе всѣхъ любятъ поважничать тѣ, которые происходятъ отъ причетниковъ. Причина на то очень простая. Мальчикъ-сынъ причетника — съ дѣтства видитъ, что священникъ и для причта и для прихода — важная особа, въ семьѣ своей слышитъ, какъ отецъ и мать завидуютъ положенію священника и говорятъ: «вотъ если бы на его мѣстѣ быть, тогда наша доля не была бы несчастна;» и почти всегда приговариваютъ сыну: *«учись, родимый, потомъ будешь и насъ не забудешь*. Какъ же теперь мальчику не заважничать, когда онъ достигнетъ должности, которая была любимую его мечтою съ дѣтства? Но если званіе священника такъ пробуждаетъ гордость въ сынѣ причетника, то что должно сказать объ архіерействѣ, а вмѣстѣ и о тѣхъ должностяхъ, которыя къ нему ведутъ, если на нихъ смотрѣтъ съ точки зрѣнія семинариста? Сынъ духовнаго лица тоже опять съ дѣтства слышитъ, что есть гдѣ-то тамъ въ губернскомъ городѣ люди необыкновенно важные и великіе: инспекторъ и ректоръ семинари и особенно архіерей, слышитъ, какъ отецъ его со страхомъ собирается явиться къ нимъ, особенно къ послѣднему; бываетъ иногда свидѣтелемъ, какъ владыку при проѣздѣ его встрѣчаютъ съ колокольнымъ звономъ, поклонами и преклоненіями, какъ всѣ хлопчуть, бѣгаютъ, унижаются при этомъ случаѣ; посѣтитель к-ся какимъ-то полубожествомъ. Но вотъ мальчикъ отдастъ въ училище, поступилъ въ семинарію; тутъ онъ самъ уже своимъ собственнымъ опытомъ убѣдился въ

исобыкновенной важности инспектора и ректора для его особы. Объ архіерей нечего уже и говорить; одно присутствіе при литургіи, которую совершаетъ онъ, вскружить голову мальчику; ему архіерей тутъ можетъ показаться какимъ-то неземнымъ существомъ. А вотъ наступилъ публичный экзаменъ, или по какому-либо другому случаю прїѣзжаетъ архіерей въ училище и семинарію. Тутъ мальчикъ видитъ, что всѣ учителя, самъ даже ректоръ теряется, унижается предъ высокимъ посѣтителемъ. Представьте себѣ, что такое обаяніе продолжается уже чрезъ многія поколѣнія; конечно, во многихъ свѣтлыхъ головахъ оно разсѣивается; но большинство не разочаровывается. И вотъ теперь студентъ духовной академіи, слѣдуя или собственнымъ расчетамъ, или убѣжденіямъ начальства, поступаетъ въ м-во, — на прямую дорогу къ тѣмъ высокимъ должностямъ, которыя ему еще съ дѣтства представлялись въ ореолѣ. Какъ ему не возмечтать о себѣ при самомъ поступленіи въ м-во? Различіе состоитъ только въ томъ, что умный способенъ прикрыть свои чувства, а у болѣе простаго они дѣлаются видными всякому. Вотъ онъ уже инспекторъ, ректоръ, архимандритъ, кавалеръ, . . . вмѣстѣ съ этимъ онъ въ своихъ глазахъ все растетъ и растетъ; прочіе люди, т. е. духовные предъ нимъ становятся все ниже и ниже. Наконецъ МЫ достигли верхней ступеньки іерархической лѣстницы; все преклоняется предъ НАМИ; все лобзаетъ НАШУ десницу и шуйцу, всюду встрѣчаютъ НАСЪ съ колокольнымъ звономъ . . . . . закружится голова хоть у кого; замечтаешься о себѣ! Не даромъ слишкомъ недавно одинъ ректоръ, узнавши о своемъ назначеніи въ архіерей, не могъ скрыть своей радости; друзей у него не было; но душа рвалась высказаться; и потому обратившись къ келейнику, сказалъ: «а знаешь ли ты? вотъ и я скоро буду архіереємъ!»

Вотъ, г. ч. историческое происхожденіе и развитіе той гордости, которая, зародившись подъ рубищемъ фивандскаго пустынно-жителя, росла съ побѣдами м-ва надъ пресвитерами, съ увеличеніемъ значенія его въ христіанствѣ, перенесена къ намъ изъ Византіи въ видѣ уже огромнаго вѣтвистаго дерева, пустила глубокіе корни на нашей почвѣ, лишалась иногда вѣтвей, пошатывалась на своихъ кореняхъ, во никогда не увядала и теперь еще находится въ цвѣтущемъ состояніи.

Въ величин, которымъ такъ роскошно у насъ окружено архіерейство, не могутъ не участвовать и прочія м-ція лица; вѣдь и они всѣ принадлежатъ къ одному и тому же ангель-

скому чину. Кроме того ректоръ есть уже почти епископъ; ему остается сдѣлать одинъ шагъ; какъ же ему не ставить себя выше другихъ и не дѣйствовать сообразно съ ожидающимъ его величіемъ, да и другихъ не приучать къ благоговѣнію предъ своею особою? Другой архимандритъ, не ректоръ конечно, не будетъ архіереемъ; но онъ теперь все-таки также архимандритъ, какъ и ректоръ, даже иногда постарше его лѣтами и службою, повыше его номеромъ монастыря; — зачѣмъ и ему не считать себя важною персонаю? Инспекторъ скоро будетъ ректоромъ; іеромонахъ сдѣлаться можетъ казначеемъ, настоятелемъ и даже архимандритомъ; — значитъ и имъ есть чѣмъ повеличаться. Наконецъ и послушникъ можетъ мечтать о многомъ. И такъ у всего монашескаго чина есть причины погордиться и предъ мірянами и особенно предъ бѣлыми д-омъ. Подтвердимъ все это фактами.

По порядку слѣдовало бы начать дѣло съ послушниковъ и простыхъ монаховъ, но не стоитъ. Вліяніе этихъ отцовъ и не-отцовъ на другихъ такъ ограничено, случаи выразить свою спѣсь такъ рѣдки, что она обнаруживается почти только въ важномъ видѣ, растянутой рѣчи, величественно-смѣшной позѣ и т. п. Развѣ иной послушникъ, близкій къ постриженію, увидавъ дьячка-прежняго своего товарища не узнаетъ его, или не отвѣтитъ на его поклонъ; развѣ іеродьяконъ, если никто изъ братіи не видитъ, даетъ поцѣловать свою руку простенькому богомольцу; который, считая его священникомъ, попроситъ у него благословенія; развѣ іеромонахъ изъ дьячковъ, или послушниковъ поѣдетъ нарочно въ свое село, чтобы тамъ, благословивъ дьякона, попадью, дать имъ для цѣлованія свою руку; развѣ навяжется служить литургію, чтобы стать выше какого-либо учонаго священника, особенно бывшаго своего учителя и профессора. Но все это мелочи. Даже не стану много заниматься настоятелями монастырей, не принадлежащими къ категоріи прогрессистовъ. Величіе ихъ б. ч. ограничивается подчиненною братією, поклонами, цѣлованіями руки, стояніемъ выше протоіереевъ при служеніи и т. п. Правда, встрѣчаются и тутъ примѣры громадной спѣси и тщеславія. Одного изъ нихъ опишу. Описываемая личность есть о. намѣстникъ въ одномъ монастырѣ. Заслуги о. намѣстника отечеству, церкви, монастырю, въ которомъ онъ живетъ, неизвѣстны никому, ни даже ему самому. М. т. гордость этого *незаслуживца* не знаетъ почти предѣловъ. Предъ своимъ начальникомъ онъ, какъ говорится, *наданъ до ногъ*; предъ прочими держитъ себя, какъ

истый вельможа старыхъ временъ. Хоть и архимандритъ, онъ развѣ только знаменитымъ архипастырямъ, посѣщающимъ его обитель, оплатитъ визитъ; даже у себя принимаетъ ихъ болѣе, нежели какъ равный равнаго. Говорятъ впрочемъ, что къ лицамъ недуховаго званія, р-ся, къ чиновнымъ аристократамъ по происхожденію, и особенно богатымъ, онъ повнимательнѣе и поспиходительнѣе; графъ и князь, графиня и княгиня, московскій первостатейный купецъ, шуйскій, или ивановскій фабрикантъ встрѣчаютъ у него болѣе ласковый пріемъ, нежели большинство нашихъ представителей Церкви; вѣдь отъ послѣднихъ нечего ждать и принять кромѣ благословенія, въ которомъ о намѣстникѣ не нуждается; ну а первые могутъ и принести, и привести, и прислать очень многое. Разсчитъ вѣрный! Но повторю, представителями спѣси и гордости монашеской надобно считать монаховъ-прогрессистовъ. Прослѣдимъ ихъ жизнь съ студентческой скамейки.

Едва студентъ подаетъ просьбу о поступленіи въ м-во, онъ уже б. ч. оставляетъ прежнюю и принимаетъ новую физиогномію, перестаетъ шутить съ товарищами, говоритъ торжественно, ходитъ задумавшись, или опустивши глаза внизъ, какъ будто пріучаясь отыскивать, подобно Сикету V, ключи Петровы, или поднимаетъ голову къ верху, какъ будто собираясь отдѣлиться отъ этого міра. Вотъ его постригли; имя под которымъ его крестили и миропомазывали, оказалось ненужнымъ; съ новымъ именемъ надобно сдѣлаться другимъ человѣкомъ. И дѣйствительно, новый инокъ ведетъ себя такъ, что къ нему не хотятъ подступитъ прежніе его друзья; такъ и смотреть уже будущимъ ихъ начальникомъ. Если же какой-либо весельчакъ, или дерзкій студентъ позволить себѣ въ присутствіи новаго святаго отца зашутиться, забыться, то ему иногда напоминаютъ: «какъ вы можете говорить подобныя вещи въ присутствіи духовной особы? Какъ вы рѣшаетесь на это при мнѣ? Я уже не то, что вы; прошу замолчать и не забываться.» Но надобно сказать, что въ академіяхъ гордость монаховъ-студентовъ встрѣчаетъ сильную оппозицію въ студентахъ сертуконосцахъ, которые, своею численностію, умственными и нравственными качествами превосходя ихъ, не даютъ имъ зазнаваться.

Но на училищныхъ должностяхъ, особенно въ семинаріяхъ, гордость и въ собственномъ своемъ видѣ, и подъ видомъ высокомерія, спѣси, тщеславія выступаетъ наружу; тутъ уже мы начальники; тутъ есть субъекты, надъ и

предъ которыми можно выказывать свое превосходство. Здѣсь я буду говорить и объ инспекторѣ и о ректорѣ вмѣстѣ. Начну съ того, какъ эти смиренные о. о. начальники приходятъ къ своимъ дѣтямъ ученикамъ.

Вы, люди низшаго, средняго, а иногда даже и высшаго класса, куда-нибудь пришедши, вѣроятно, затворите сами ту дверь, чрезъ которую входите изъ сѣней, или передней въ жилой покой, если не предупредитъ васъ въ этомъ прислуга. Но монахъ-инспекторъ, или ректоръ такъ въ своемъ училищѣ уже не поступаютъ. Происхожденіе ихъ, какъ знаете, очень не аристократично; отцы ихъ, какъ говоритъ русская поговорка, *сами затворяютъ лавы*, да и ихъ В-бія не очень давно тоже самое дѣлали, но теперь другое дѣло. Иные изъ нихъ, отправляясь на лекцію, берутъ съ собою лакея, чтобы онъ отворилъ дверь въ классъ. Если же не взять лакея, то они обезпокоятся сами отворить ее, но ни за что не затворятъ, кромѣ самыхъ рѣдкихъ исключеній; это долженъ сдѣлать ученикъ семинаріи, или студентъ академіи, смотря потому, гдѣ начальствуетъ вошедшій. Затѣмъ Его В-біе выдвигается на средину класса, останавливается, правою рукою крестится, лѣвою величественно, опирается на трость. Молитва прочитана, ученики поклонились; имъ рѣдко отвѣтятъ чѣмъ-нибудь похожимъ на поклонъ, развѣ взглянутъ, чтобы посмотреть, всё ли и надлежащимъ ли образомъ поклонились. Теперь дѣло доходитъ до трости; ее бы, конечно, могъ куда-нибудь поставить самъ о. ректоръ, или инспекторъ, но какъ же себя утруждать? Обыкновенно ученикъ, притомъ лучший выходитъ изъ-за парты, кланяется Его В-бію, принимаетъ отъ нихъ трость и за такое мило-стивое дозволеніе прикладываетъ къ рукѣ ихъ. Если нужно скинуть верхнее платье, напр. шубу, то и это исполняетъ также ученикъ, но уже безъ лобзанія руки. Потомъ пришедшій усаживается на кресло, или кафедру, ученики, р-ся, до этого времени стояли; но и тутъ садиться не смѣютъ безъ приказанія; о. начальникъ, чтобы испытать послушаніе и смиреніе ихъ, иногда какъ будто забудется, начнетъ разбирать списокъ, вынетъ изъ кармана платокъ, медленно, высморкается, утретъ, положитъ платокъ въ карманъ, вздохнетъ и уже тутъ-то позволить присѣсть. По окончаніи лекціи принявшій трость вручаетъ ее Его В-бію, вновь облобызавъ руку; снявшій шубу надѣваетъ ее на Его В-біе, но безъ цѣлованія руки, а третій поспѣшитъ съ поклономъ отворить дверь тому же Его В-бію. Всѣ эти лакейства, или часть ихъ исполняются не только учениками семинаріи,

но иногда и студентами академіи. Не думайте, чтобы на чашество лакейства эти только терпѣло; нѣтъ, оно ихъ требуетъ настойчиво. Вотъ вамъ событіе 1864 г. Въ сентябрѣ этого года въ одной изъ семинарій ученики, только что переведенные въ высшее отдѣленіе, должны были въ первый разъ слушать лекцію о. ректора. Его В-біе изволили войти, помолились; ученики уже знали, что трость нужно взять; поэтому одинъ съ подобающею почтительностію приблизился къ особѣ о. ректора; — *сей мужъ* протянулъ лѣвую руку съ тростью къ приблизившемуся; но замѣтивъ, что ученикъ хочетъ взять трость, не поцѣловавъ руки начальнической, отдернулъ ее назадъ. Ученикъ остановился, ректоръ опять протянулъ руку съ тростию, но ученикъ вновь или не догадался, или не хотѣлъ цѣловать руки; ректоръ опять отдернулъ руку и сказалъ: *цлуй*, но ученикъ не разслыхалъ и вновь думалъ взять трость безъ лобзанія; тогда уже ректоръ громко и величаво повторилъ: *цлуй руку*; тутъ уже богословъ приложился къ шуйцѣ Его В-бія и дѣла пошли порядкомъ.

При посѣщеніяхъ ученическихъ комнатъ двери открываются и затворяются, шубы скидаются и надѣваются также, какъ и въ классахъ, но трость остается въ рукахъ начальника. Пока онъ въ комнатѣ, р-ся, всѣ ученики стоятъ. Очевидно, впрочемъ, что тутъ торжественности мало; къ счастью между начальниками-монахами есть люди изобрѣтательные; они умѣютъ придать самому обыкновенному событію торжественность. И теперь инспекторствуетъ м-щая особа въ Т-ой семинаріи; она часто ходитъ по ученическимъ комнатамъ въ монашеской мантии, которую надѣваетъ сверхъ своей рясы. Картина дѣйствительно великолѣпная. Мантия обыкновенно сзади имѣетъ нѣчто въ родѣ шлейфа аршина въ полтора; т. о. о. инспекторъ не только посѣщаетъ, но вмѣстѣ и выметаетъ комнаты и коридоръ. Какъ, должно думать, жалѣетъ о. инспекторъ, что монашеская мантия не имѣетъ *позвонцовъ*, которые прикрѣплены къ архіерейскимъ мантиямъ; тогда бы *шестое* его совершалось со звономъ если не въ колокола, то въ позвонцы т. е. въ *побрякушки*, какъ говорятъ дѣти.

Вѣдному инспектору семинаріи можно придать торжественность своимъ осмотрамъ ученическихъ комнатъ развѣ только шлейфами мантии; другое дѣло ректора академіи. Многіе изъ воспитанниковъ петербургской академіи, вѣроятно, никакъ не забудутъ тѣхъ торжественныхъ процессій, которыя у нихъ совершались въ праздники послѣ обѣдни. Рек-

торъ-епископъ, выходя изъ церкви, составляя около себя свиту, или, т. е. ть, штабъ изъ инспектора, двухъ его помощниковъ, эконома и его помощника; къ свитѣ, по приглашенію, присоединялись бывавшіе въ церкви чередные архимандриты и попадавшіеся на глаза наставники. Процессія открывалась тростію преосвященнаго ректора, за которою онъ самъ слѣдовалъ непосредственно; двери всё были открыты, служители разставлены въ разныхъ мѣстахъ, студенты каждой комнаты стояли во фронтѣ; процессія, предшествуемая тростію, двигалась медленно, длиною вереницею, замыкавшеюся часто высокою фигурою унтеръ-офицера съ огромными бакенбардами. Осмотрѣвъ жилыя комнаты и спальни, трость и тянувшаяся за нею процессія вступала въ столовую; чрезъ нѣсколько времени студенты входили по два въ рядъ, устанавливались между скамьями и столами, пѣли: *отче нашъ*; но, помолившись Отцу Небесному, не забывали и академическаго Владыки. И вотъ послѣ словъ: *отъ лукаваго* студенты продолжали: «слава Отцу и Сыну и Святому Духу, Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй, Владыко благослови;» сущность здѣсь состояла не въ Отцѣ и Сынѣ, а въ словѣ Владыко; Владыко благословлялъ и тогда, поклонившись ему, студенты принимались за обѣдъ. Проказники-студенты и насмѣшники-наставники, зная, что при дворахъ коронованныхъ особъ бываютъ такъ называемыя большіе и малые выходы, называли описанныя посѣщенія *обходами большими*, если штабъ былъ многочисленный, *малыми*, если онъ ограничивался 3—4 лицами.

Чтобы воспитанникамъ напомнить въ училищномъ зданіи о томъ благоговѣніи, которое они должны имѣть къ своему главному начальнику, отдается приказъ, чтобы они въ томъ коридорѣ, гдѣ находится квартира Его В-бія, никогда не смѣли ходить въ фуражкахъ. Коридоры иногда бываютъ до 40—50 саж. длиною, никогда не отопляются, постоянно прочищаются сквознымъ вѣтромъ; комнаты ректора находятся на одномъ концѣ, но всякій семинаристъ, вступивъ на другой конецъ, скидай долой фуражку и никакъ не смѣй надѣвать ее, хотя ректора не только въ коридорѣ, но и въ корпусѣ, даже въ городѣ нѣтъ. Что же это значитъ? спросите вы въ недоумѣніи. Извольте видѣть, — особа о ректора, р-ся, должна быть священной для всякаго воспитанника; его не даромъ же въ Церкви на великомъ выходѣ и ектеніяхъ величаютъ священно-архимандритомъ. Квартира о ректора, какъ его жилище, должна быть для семинари чѣмъ-то въ родѣ храма, ну а коридоръ? Это хоть паперть,

правда немножко длинноватая. Послѣ того очевидно, что нельзя быть въ фуражкѣ во всемъ коридорѣ, гдѣ находятся комнаты о. ректора; и если кто оказываетъ непослушаніе въ этомъ случаѣ, его надобно счесть дурнымъ по поведенію, хорошенько поругать, а иногда почему и за волосы не потаскать? Не думайте, чтобы описанная мною церемонія была рѣдкостью въ духовныхъ училищахъ; довольно сказать, что ее не одинъ разъ покушались ввести въ петербургской духовной академіи.

Описанныя мною ребячества не молодыхъ, а иногда и пожилыхъ людей, пока они разыгрываются въ семинарскомъ домѣ, смѣшны только; но они дѣлаются отвратительными, когда ихъ встрѣчаешь во храмѣ, — тамъ, гдѣ въ присутствіи Высочайшаго Существа можно бы ужъ забыть о суетности человѣческой. Къ искреннему сожалѣнію *мы и тутъ не отстаемъ отъ своей стѣси*. Она прежде всего проявляется тѣмъ, что о. о. ректоры безъ себя не позволяютъ начинать ни всенощной, ни обѣдни. Для этого, очевидно, надобно бы поскорѣе прійти въ Церковь. Но извините, важные люди всегда медленны. И вотъ принимаются благовѣстить на колокольнѣ; ученики тотчасъ собираются въ Церковь; туда же валить и сторонній народъ. Звонять 20—30 минутъ, иногда и часикъ, а о. ректоръ нейдетъ, вѣдь, значить, есть удовольствіе сидѣть дома и думать: «подождите, постойте, безъ меня не посмѣете начать; вѣрно, я важная особа. Наконецъ двинулись; тутъ непремѣнно начинается звонъ на колокольнѣ. Случается, что ученикъ-звонарь не увидитъ шествующаго о. начальника. Иной ректоръ, молча, угрюмо пройдетъ, но зато ученику такъ намылятъ послѣ голову, что онъ долго не забудетъ того. Нетерпѣливые же о. о. ректоры остановятся, пошлютъ кого-либо на колокольню; одинъ даже самъ любилъ кричать снизу звонарю (колоколни была невысока): «Эй, что же ты не звонишь, звони!» Пришли въ Церковь; если не служатъ сами, то пройдутъ торжественно между двумя рядами раздвинувшихся людей. Въ этомъ случаѣ немного особенности встрѣчается. Только ученики, которые должны по очереди читать каѳизмы, шестопсалміе и проч., регентъ и уставщикъ входятъ въ алтарь поцѣловать руку о. ректора и инспектора въ началѣ службы и по окончаніи возложеннаго порученія. Потомъ о. ректоръ, пришедши позже всѣхъ, долженъ былъ бы и выходить послѣднимъ. Но нѣтъ, тутъ они уже часто изволятъ быть первыми; и Боже сохрани, если ученики осмѣлятся ранѣе ихъ выйти, хотя уже служба давно кончилась, хотя о.

ректоръ занять посреди Церкви интереснымъ разговоромъ съ какою-либо домою, принявшею у него благословеніе.

Но если ректоръ служитъ литургію, то онъ въ этомъ случаѣ старается всячески доставить себѣ удовольствіе предвкусить то наслажденіе, которое его ожидаетъ, когда онъ получитъ епископію. Извѣстно, что епископамъ, совершающимъ богослуженіе, присвоены нѣкоторыя отличія отъ прочихъ священнодѣйствующихъ. Ихъ обыкновенно встрѣчаютъ у самой двери съ зажженою толстою свѣчою, съ крестомъ, священники въ рясахъ, а дьяконы и прочіе въ стихаряхъ; тутъ же надѣваютъ на нихъ мантию; пѣвчіе поютъ: *отъ востока солнца до запада, достойно есть* и пр. Потомъ они тотчасъ не входятъ въ алтарь, п. ч. для нихъ читаетъ прямо дьяконъ *входную* предъ царскими вратами; по прочтеніи ея не прикладываются къ мѣстнымъ иконамъ по обѣимъ сторонамъ вратъ, а имъ подносятся маленькіе образа. Еще во время чтенія апостола они сидятъ прямо за престоломъ на такъ называемомъ *юрнемъ мѣстѣ*. О. о. ректора вовсе не пользуются этими привилегіями; но почти всѣ они ихъ сами себѣ присвояютъ; вѣдь пріятно хоть въ чемъ-нибудь играть роль епископа. И вотъ ихъ тоже встрѣчаютъ у двери со свѣчами, съ крестомъ, въ стихаряхъ и рясахъ, сопровождаютъ, иногда даже ведутъ подъ руку къ иконостасу, читаютъ входную; р-ся, имъ не хочется приложиться къ мѣстнымъ образамъ; имъ подносятся маленькія иконы. Къ ихъ сожалѣнію послѣ нельзя итти на возвышенное мѣсто, гдѣ облачаютъ архіерея; они идутъ въ алтарь и тамъ облачаются; но во время чтенія апостола уже непременно сядутъ не съ боку престола, но, какъ можно ближе, къ горнему мѣсту, ну хоть вершка на полтора отъ него. Къ архіерейскимъ прерогативамъ присоединяется ректорамъ во время богослуженія еще разныя разности; напр. малому и большому выходамъ во время литургіи предносятся два подсвѣчника съ двумя длиннѣйшими свѣчами; для несенія ихъ всегда назначаются лучшіе, а иногда и красивые ученики высшаго отдѣленія въ стихаряхъ. Наконецъ нѣкоторые ректора приказываютъ по случаю совершаемой ими литургіи зажигать каждый разъ всѣ большія свѣчи въ алтарѣ, предъ мѣстными иконами и даже въ люстрѣ. Староста одной семинарской церкви жаловался, что ректорская служба иногда отъ этого бываетъ даже убыточна для церкви тѣмъ болѣе, что сторонніе не рѣшаются ждать цѣлый часъ и даже болѣе, пока Его В-іе благоволятъ пожаловать; п. ч. въ такихъ случаяхъ звоны и перезвоны бываютъ какъ можно продолжи-

раженія рѣшать трудно. Поэтому при возраженіяхъ надобно такъ отвѣчать: «оно конечно, что и такъ справедливо . . . . однако, впрочемъ и то вѣрно.» На экзаменѣ ревизоръ, услышавши, что внѣ церкви нѣтъ спасенія, спросилъ: «а какъ спаслись Мельхиседекъ, Іовъ и др., не принадлежавшіе ни къ іудейской, ни къ христіанской церкви?» Студентъ и началъ съ *конечно*. Ревизоръ, наскучивъ пустословіемъ, даже обидѣлся и порядочно *притупилъ* о. ректора за его *конечно, впрочемъ, однако* и пр.

5) Языческія божества, особенно Юпитеръ и Юнона, не были похожи на христіанскаго Бога, — Бога любви и милосердія; они были горды и недоступны для людей. Эти качества обнаруживались въ нихъ двоякимъ образомъ: или снисходительностію къ тѣмъ, которые воскуряли имъ фиміамъ, преклонялись предъ ихъ истуканами, умиловивляли ихъ посредствомъ богатыхъ жертвоприношеній, — или преслѣдованіями, которымъ подвергался человѣкъ, чѣмъ бы то и какъ бы то ни было оскорбившій ихъ; пощадъ тутъ не было. И въ нашихъ полубожествахъ типическая черта обнаруживается между прочимъ тѣми же самыми двумя способами. Первый мною уже порядочно разъясненъ. Надобно хоть немного сказать что нибудь о второмъ. а) Одного ректора академіи лечилъ докторъ и профессоръ университета. Забѣлая, что болѣзнь усиливается отъ излишней раздражительности пациента, докторъ сказалъ: «вамъ, о. ректоръ, нужно по меньше горячиться.» «Да съ чего вы взяли, что я горячусь?» былъ отвѣтъ, сказанный тономъ самымъ грубымъ. Докторъ молча взялъ шляпу и ушелъ, но въ тотъ же день получилъ чрезъ эконома приказаніе отъ ректора подать просьбу объ увольненіи отъ званія врача академическаго. Докторъ отвѣчалъ, что просьбы не подастъ и станетъ искать защиты у Министра Народнаго просвѣщенія. Но, когда по утру пріѣхалъ въ академію, то привратникъ по распоряженію начальства не впустилъ его чрезъ ворота. То-то смотрите, господа, не обижайте полубожествъ; докторъ былъ чрезвычайно дѣльный человѣкъ и все таки его выгнали. Тутъ Юпитеръ разилъ открыто и быстро своими перунами. б) Но можно разить медленно, незаметно, безъ шума и треска, а м. т. послѣдствія бываютъ печальнѣе нежели въ предъидущемъ случаѣ. На экзаменѣ въ одной академіи ревизоръ сдѣлалъ возраженіе студенту. Этотъ, разрѣшая его, какъ-то не осторожно вступилъ въ словопрѣніе съ возражателемъ, такъ что произошелъ споръ, гдѣ каждому нужно было отстаивать свое мнѣніе. Къ несчастію или мнѣнію

студента было слишкомъ справедливо, или мысль противника тоже слишкомъ — не справедлива; только студентъ покончилъ единоборство ссылкой на ясный библейскій текстъ; побѣда осталась за нимъ, но была для него гибельнѣе пораженія. Не милость Юпитера выражалась въ слѣдующіе экзамены очень не двусмысленными признаками; студентъ опасался неудачной для себя развязки. Будучи человѣкомъ честолюбивымъ и надѣясь чрезъ счастливое окончаніе курса стать на хорошую дорогу, онъ увидѣлъ, что она предъ нимъ закрыта; началъ задумываться, задумываться и несчастный покончилъ свою жизнь петлею. Мнѣ даже указывали то мѣсто, гдѣ по сохранившемуся въ академіи предаію погибла эта жертва оскорбленнаго человѣческаго учонаго высокомірія.

в) Одинъ протоіерей какъ то обидѣлъ ученика старинной семинаріи; м. б. даже былъ не совершенно правъ. Ученикъ *пошолъ*, какъ говорятъ, въ *іору*, и чрезъ нѣсколько времени явился начальникомъ своего стариннаго обидчика. Этотъ, зная характеръ своего противника, явился къ нему съ покорностію, съ мольбою о прощеніи и пр. «Ну что ты это говоришь, сказалъ древле-обиженный. Къ чему вспоминать ребяческія глупости. Ступай, я знаю и не забуду тебя.» Дѣйствительно и не забылъ. Протоіерей имѣлъ многочисленное семейство, но, занимая хорошій приходъ, могъ его содержать безъ затрудненія. М. т. въ томъ же городѣ, гдѣ онъ жилъ, была церковь, которая по епархіальному рангу занимала высокое мѣсто; только причту приходилось жить самымъ ничтожнымъ жалованьемъ; тутъ безсемейному чловѣку трудно было имѣть кусокъ хлѣба. Вдругъ протоіерейское мѣсто сдѣлалось при ней вакантнымъ. Тогда древле-обиженный призываетъ своего обидчика и говоритъ ему: «ну вотъ ты боялся меня; а я тебя не забылъ. Въ такой-то церкви открылась протоіерейская ваканція; ты знаешь, какое высокое мѣсто занимаетъ она въ нашей епархіи. Я уже сдалъ въ к-рію предложеніе тебя туда перевести; ступай, живи тамъ.» Но взысканному этою милостію не пришлось долго пожить. Въ семействѣ появилась бѣдность; въ будущемъ не предвидѣлось улучшенія; несчастный сталъ задумываться и покончилъ жизнь подобно предъидущему.

4) Подобное этому происшествіе случилось уже очень недавно, — тогда ужъ, какъ стали хлопотать объ улучшеніи быта д-ва. Одинъ иподьяконъ отъ преслѣдованія епархіальныхъ властей также покончилъ жизнь, какъ и два предъидущіе. Подробностей объ этомъ событіи я не успѣлъ собрать; а о немъ сдѣланъ намекъ въ 3мъ примѣрѣ 3ей части

бмъ отд. Конечно, всё описанныя здѣсь происшествія юридически не доказаны, но они рассказываются и рассказываются, передаются даже изъ поколѣнія въ поколѣніе. Если они даже не такъ случились, какъ здѣсь описано, то по к. м. были событія, послужившія основаніемъ для нихъ и, главное дѣло, есть въ бѣломъ д-вѣ убѣжденіе въ томъ, что духовнымъ лицамъ отъ юпитеровскаго и юнонинскаго съ ними обращенія епархіальной власти можно дойти до петли. Вотъ въ чемъ вся суть! Вотъ значеніе этого, положимъ даже, и мифа; въ мифахъ важна выражаемая ими идея, на способъ выраженія ихъ не смотрите. Чтобы не оставлять читателя подъ неприятнымъ впечатлѣніемъ, расскажу относящееся сюда событіе, гдѣ не Юпитеру конечно, а т. с-ть Немезидѣ мужескаго рода другія божества академическаго олимпа не позволили погубить одного студента. Этотъ господинъ при отличныхъ успѣхахъ и способностяхъ не нравился инспектору за то, что не любилъ подчиняться аскетическимъ его требованіямъ. Пришедши въ студентскія комнаты, инспекторъ не засталъ своего не любимца и сказалъ: «онъ вѣчно шатается.» М. т. студентъ былъ въ академіи у кого-то изъ наставниковъ. Возвратившись въ комнату и услышавши объ отзывѣ инспектора о немъ, онъ поспѣшилъ объясниться съ начальникомъ; но отъ келейника услышалъ, что о. инспекторъ кушаетъ въ столовой, которая имѣла особый входъ изъ коридора. Горячій молодой человекъ туда прямо взшелъ и увидалъ, какъ о. инспекторъ, запустивши вилку въ жаренаго гуся, отрѣзывалъ себѣ порцію, а другіе монахи-баккалавры ожидали своей очереди. Само собою р-ся, сконфузились. Студентъ началъ оправдываться; инспекторъ, желая поскорѣе избавиться отъ непрошеннаго гостя, говорилъ ему, что онъ и не думалъ оскорблять его, имѣть о немъ прекрасное мнѣніе и пр. «Ступайте, ступайте.» Кое-какъ выпроводили. Но при назначеніи учоныхъ степеней инспекторъ настаивалъ, что бы студента записать во второй разрядъ. И когда прочіе члены конференціи попросили, за что такая немилость къ такому отличному студенту, то инспекторъ, не касаясь гусиной исторіи, сказалъ: «я и самъ не знаю ничего за нимъ особенно дурнаго, но у меня не лежитъ къ нему душа; — ну не люблю его.» Впрочемъ студентъ кончилъ курсъ хорошо; профессора выручили его изъ бѣды.

И колокольный звонъ и титуломанія съ ея длиннѣйшими словами, съ перевосходными степенями, съ привѣтствіями, которыя не употребляются ангелами, когда они воспѣвають

Творца вселенной, съ рѣчами, которыя выслушиваются при торжественныхъ случаяхъ, — и прочіе факты, описанные въ этомъ отдѣлѣ могутъ служить уже порукою того очень, даже чрезъ-чуръ *высокаго* мнѣнія, которое наши *смиренные* архипастыри имѣютъ о себѣ. А при исконной враждѣ между чернымъ и бѣлымъ д-вомъ, при упорствѣ однихъ удержать во что бы то ни стало присвоенныя себѣ права и при желаніи другихъ освободиться отъ лежащаго на нихъ гнета, это мнѣніе не очень благоприятствуетъ, кроткому, милостивому и привѣтливому обращенію духовныхъ начальниковъ съ своими подчиненными. Фактовъ, сюда относящихся, такъ много, что ихъ умѣстить въ одномъ отдѣлѣ невозможно. Притомъ о простыхъ монахахъ и даже архимандритахъ можно было просто сказать, что они горды и спѣсивы и пр.; ну а къ лицамъ, поставленнымъ въ іерархической лѣстницѣ выше ихъ, такая безцеремонная метода не приложима; тутъ нужно доказывать и доказывать даже историческими фактами. Вотъ почему я напольшъ нужнымъ разяснить разсматриваемый предметъ въ нѣсколькихъ отдѣлахъ.

Отдѣлъ 23^{ій}.

О гордости нашихъ старинныхъ іерарховъ особенно въ отношеніи къ бѣлому д-ву.

Старинные наши митрополиты и даже первые изъ патріарховъ съ современными имъ архіереями не любили пропускать случаи, гдѣ бы имъ можно было выказать свое величіе; но настоящую аристократическую, даже автократическую или, лучше, автоіерархическую важность стали обнаруживать наши іерархи со временъ Никона. «Патріархъ (Никонъ) говоритъ г. Соловьевъ въ своей исторіи (т. 13, стр. 292), окружилъ себя недоступнымъ величіемъ.» По словамъ же современниковъ Никона онъ *возлюбилъ стоять высоко, ѣздить широко*. И грозенъ былъ, должно думать, святитель, когда во время заточенія его приставленный для надзора за нимъ Нероновъ говорилъ: «да и какая тебѣ честь, владыка святой, что всякому ты страшенъ, и другъ другу,

грозя, говорятъ: знаете ли, кто онъ, звѣрь ли лютый левъ или медвѣдь, или волкъ? Дивлюсь . . . . отъ тебя всёми страхъ и твоя посланники пуще царскихъ всёми страшны, никто не смѣетъ съ ними говорить.» Самъ царь добрый и кроткій Алексѣй Михайловичъ въ полномъ смыслѣ боялся грознаго владыки. «Въ то время, говорится въ №. 6 Библ. для Чт. 1862 г. въ ст. новыя свѣдѣнія о расколѣ (стр. 98), какъ патріархъ антиохійскій и царь Алексѣй Михайловичъ пріѣхали въ саввинъ монастырь, тамъ содержался въ заточеніи дьяконъ сербскаго митрополита Миры, которому патріархъ Никонъ запретилъ священнослуженіе. Дьяконъ этотъ, выбравъ удобную минуту, бросился въ ноги царю и умолялъ дозволить ему совершить въ тотъ день литургію. Царь отказался удовлетворить его просьбѣ и сказалъ; *боюсь патріарха Никона*; онъ отдастъ, пожалуй, мнѣ свой посохъ и скажетъ: возми и самъ паси монаховъ и священниковъ. Я не вмѣшиваюсь въ то, какъ ты распоряжаешься своими воеводами и войсками, зачѣмъ же препятствуешь мнѣ управлять священниками и монахами?»

Знаменитый патріархъ нашолъ себѣ подражателей въ другихъ іерархахъ. Въ этомъ случаѣ особенно замѣчательнъ Іосифъ архіепископъ коломенскій. «Станетъ Іосифъ прохладенъ (навеселѣ) и не щадитъ никого, ни царя, ни патріарха, ни бояръ; говоритъ про великаго государя, что не умѣетъ въ царствѣ никакой расправы самъ собою чинить; люди имъ владѣютъ, ... а патріархъ Іоакимъ мало и грамотѣ умѣетъ, ... на соборѣ только бороду уставя сидитъ, ничего не знаетъ, непостояненъ, трусъ . . . . поученіе станеть говорить, только гноить и слушать не хочется . . . . Называлъ Іосифъ великаго Государя г. . . . , и б. . . . , д. . . . , патріарха глупцемъ и безлюдицею, архіереевъ скортами и трусами, шушерою, бояръ — хамовымъ родомъ (13 т. Истор. Соловьева стр. 154 и 105 примѣч.)» Такъ говорить не можетъ дѣйствительно смиренный человѣкъ.

Воцарился и долгою поцарствовалъ Петръ I; это былъ уже не Алексѣй Михайловичъ; про него нельзя было сказать, чтобы онъ боялся патріарха; а м. т. іерархи наши не усмирились еще, не отказались отъ высокаго мнѣнія о себѣ; иначе бы регламентъ не сталъ предписывать, чтобы «всякъ епископъ не высоко о своей чести мыслить»: иначе не говорилъ бы о томъ, что нужно,» укротити оную вельми жестокою епископовъ славу. (Духов. реглам. 14 и 15 прав. о епископахъ.)» Петръ своею желѣзною волею еще могъ

обуздывать притязанія и замашки духовной аристократіи. Но по смерти его одинъ изъ архіереевъ рѣшился на неслыханный въ нашей исторіи поступокъ. Бывшій еще при Петрѣ петербургскимъ архіепископомъ Феодосій потребовалъ отъ своихъ подчиненныхъ почти такой же присяги, какую у насъ даютъ Императору, и т. о. устроилъ у себя въ Невскомъ монастырѣ, маленькое царство. Вотъ эта присяга: «великому господину св. привительствующаго синода вице-президенту, преосвященному Феодосію, архіепископу великоновгородскому и великолудскому и архимандриту александроневскому — обязуюсь во всемъ по должности моей вѣрнѣ и весьма покорнѣ быти и все до его архіерейской чести принадлежащее, по послѣдней моей силѣ умножать и охранять, и остерегать, и защищать, и тайность хранить всеусердно буду, и о противныхъ случаяхъ доносить и всякіе вреды отвращать всепрілѣжно потшуся, и повѣренной и положенной на мнѣ чинѣ, въ которой я указомъ Его Пр-ва опредѣленъ, какъ по приличному званію моему Императорскаго Величества указомъ и регламентомъ и прочимъ правамъ, такъ и по его преосвященнаго архіепископа опредѣленіямъ и инструкціямъ, каковы мнѣ вручены, или впредь даны будутъ, отъ которыхъ что до моего званія и порученнаго мнѣ правленія надлежитъ, долженствую исправлять по совѣсти моей вѣрно и справедливо (т. 7 Собр. Закон. 14 окт. 1725 г. стр. 542, No. 4788).» Хотя за эту попытку на маленькое самодержавіе и другія дѣянія помянутый плутъ Феодосъ, какъ выражается синодъ, кончилъ жизнь въ заключеніи; хотя при Биронѣ между архіереями явились даже безвинные страдальцы; но все-таки *вельми жестокая гордость* ихъ вполнѣ не укротилась. Когда Екатерина II рѣшалась на отобраніе населенныхъ имѣній отъ монастырей и архіерейскихъ домовъ, то нашолся еще у насъ подражатель папамъ. «Вмѣсто буллы ростовскій митрополитъ Арсеній Мацѣвичъ въ чиноположеніи недѣли православія прибавилъ анафему обидчикамъ церкви и монастырей (No. 9. Прав. Об. 1865 г. замѣт. стр. 67);» а между тогдашними мнимыми обидчиками первое мѣсто нужно было уступить самой Императрицѣ. Поплатился и Арсеній за свое «анафема» заточеніемъ; іерархи увидали, что имъ съ свѣтскимъ правительствомъ бороться невозможно; оставалось быть предъ нимъ смиренными пастырями. Слышалъ я между прочимъ отъ одной весьма почтенной особы, что петербургскій митрополитъ, настаивая на уничтоженіе министерства духовныхъ дѣлъ, будто бы на одно замѣчаніе Императора сказалъ:

«кому и учить Васъ, какъ не мнѣ.» Но въ какой степени вѣренъ этотъ рассказъ, не знаю.

Но смирившись предъ правительствомъ, наши иерархи могли еще «стоять высоко и ѣздить широко» относительно своихъ подчиненныхъ. И въ этомъ случаѣ историческія преданія имъ весьма благоприятствуютъ. Знаменитый кievскій митрополитъ Петръ Могила не отличался снисхожденіемъ къ монахамъ и даже къ митрополиту своему предшественнику. Будучи посланъ отъ него уполномоченнымъ на коронацію Владислава, Могила выхлопоталъ себѣ королевскую грамоту на митрополию и возвратившись въ Кіевъ свергнулъ митрополита Исаю, выгналъ его — большого старика изъ михайловскаго монастыря въ одной власяницѣ, такъ что онъ кончилъ жизнь въ бѣдности. Потомъ съ вооруженнымъ отрядомъ и пушками напалъ на николаевскій пустынный монастырь, велѣлъ бить монаховъ плетью до тѣхъ поръ, пока не объявили, гдѣ у нихъ спрятаны деньги и серебро; выгнанные монахи бродили безъ пристанища. Нѣкоторыхъ печерскихъ монаховъ, заковавши въ кандалы, отсылалъ къ козакамъ, какъ уніатовъ; Арсенія игумена троїцкаго монастыря, — слѣпаго такъ били, что онъ чрезъ нѣсколько недѣль умеръ.

И великороссійскіе архіереи похожи были на Петра Могилу. Еще въ царствованіе Алексѣя Михайловича «не только мелочной Іосифъ, но и преемникъ его Никонъ по характеру своему не былъ способенъ мягко и благодушно относиться къ подчиненнымъ, уважать въ нихъ высоту пастырскаго сана . . . . Послышались сильныя жалобы на то, что они перемѣнили прежнее благодушное обращеніе патріарховъ съ священниками и пр. (13 т. Истор. г. Соловьева стр. 152).» Впрочемъ отъ Никона доставалось не поамъ однимъ. «Пашій (архіерей) хотѣлъ было первый говорить, но Никонъ, увидавъ его, вышелъ изъ себя и бранныя рѣчи полились на Лигарида: «воръ, нехристь, собака, самоставленникъ, мужикъ! давно ли на тебѣ архіерейское платье? Есть ли у тебя отъ вселенскихъ патріарховъ ко мнѣ грамоты? Не въ первый разъ тебѣ ѣздить по государствамъ и мутить! и здѣсь хочешь дѣлать тоже!» Заговорилъ Іосифъ Астраханскій, Никонъ бросился на него: «помнишь ли ты, бѣдный, свое обѣщаніе? Обѣщался ты и Царя не слушать, а теперь говоришь! Развѣ тебѣ бѣдному дали что-нибудь, а тебя слушать и говорить съ тобою не стану (стр. 322).» Если такъ обращались съ архіереями, то очень можно повѣрить, что при великомъ патріархѣ «татарскимъ абызамъ»

было жить гораздо лучше, нежели попомъ (стр. 292), что дворяне и боярскіе люди имѣли право говорить: «бей попа, что собаку, лишь бы живъ былъ (стр. 29).» Но Іосифъ, коломенскій архіепископъ, к-ся, превзошелъ самого Никона.

Конечно, можно прийти въ ужасъ, читая въ Ледяномъ домѣ Ложечникова, какъ клеветы Бирона въ жесточайшій морозъ обливали на открытомъ воздухѣ хохла Гордѣенко водою и какъ она постепенно замерзала на обнаженномъ тѣлѣ несчастнаго мученика, покрыла его толстою ледяною корою и составила ледяную статую. Конечно также можно прийти въ негодованіе, слушая рассказы о тѣхъ расправахъ, которыя недавно *чинили* помѣщики и помѣщицы надъ своими крестьянами и крестьянками, даже дѣвицами. Но, вѣроятно, вы, г. ч., сдѣлаетесь посписходительнѣе къ клеветамъ Бирона и къ помѣщикамъ, когда прочитаете слѣдующій отрывокъ изъ 13 т. Истор. г. Соловѣева (стр. 154). «Кого начнутъ смирять Іосифъ (архіепископъ коломенскій); кричитъ: кто васъ у меня отниметъ? Не боюсь я никого; ни царь, ни патріархъ васъ у меня не отниметъ.» Виноватымъ наказанія были жестокия; били шелепами и плетями, сажали на цѣпи, дня по три ѣсть не давали, холодною водою со снѣгомъ (на дворѣ Бирона снѣгу не клали въ воду) за утренокъ соборныхъ поповъ и пѣвчихъ знобили, водою поливали, снѣгъ за пазуху клали; какого-то Петрушу Кирилова самъ архіерей на молебнѣ въ соборной церкви зашибъ до крови; поповъ билъ плетями нагихъ и приговаривалъ: *бей гораздо, мертвые наши!*» Вѣдь, какъ угодно, а Іосифа можно поставить выше и клеветовъ Бирона, и помѣщиковъ. Тѣ м. б. не заморозили бы Гордѣенко, еслибы случайный пріѣздъ императрицы не заставилъ ихъ сдѣлать ледяную статую. А помѣщики конечно жестоко наказывали своихъ крестьянъ, но изъ собственныхъ выгодъ не могли кричать: *бей гораздо, мертвые наши*; имъ нужны были живые люди для работъ и оброковъ. Іосифъ же могъ разсуждать также, какъ, по словамъ г. Шелгунова (No. 8. Рус. Сл. 1864 г. стр. 66) разсуждаютъ въ наугеймскихъ соловарняхъ въ Гессенѣ. Г. Шелгуновъ, встрѣтивъ бочку съ разсолдомъ, запряженную людьми, спросилъ: «зачѣмъ вы не заведете лошадей?» — «Прежде были, ему отвѣчали, но нашли невыгоднымъ; лошадь околѣетъ, нужно купить новую, а умретъ человекъ, убытка нѣтъ.» И его пр-во Іосифъ мертваго попа могъ безъ всякаго убытка для себя замѣнить другимъ живымъ.

Не думайте, чтобы въ императорскій даже періодъ на-

шей исторіи, іерархи отличались большою гуманностію относительно своихъ подчиненныхъ. Въ 1767 г. Синодъ изъ производившихся въ немъ дѣлъ усмотрѣлъ, что «во многихъ епархіяхъ . . . священнослужителямъ за происходящія отъ нихъ проступки отъ духовныхъ командировъ, равно какъ бы и въ свѣтскихъ командахъ подлomu народу тѣлесныя чинятся наказанія и пристрастные распросы, чрезъ что д-во, а особенно священнослужители теряютъ должное по характеру своему отъ общества почтеніе, паствѣ же ихъ подается не малый соблазнъ и причина къ презрѣнію.» И потому приказано было, чтобы священникамъ . . . какъ пристрастныхъ распросовъ, такъ и никакихъ тѣлесныхъ наказаній чрезъ побои въ духовныхъ командахъ отнюдь чинимо не было (XVIII т. Собр. Зак. стр. 141 No. 12,909 7го Іюня 1767 г.)» Потомъ указомъ 20го Мая 1771 г. предписано было соображаться съ предъидущимъ указомъ относительно дьяконовъ (Собр. Зак. т. XIX стр. 279. No. 13,609). Но и послѣ этого архіереи, по к. м. не всё оставили *чинить* тѣлесныя наказанія, для которыхъ въ архіерейскомъ дому имѣлись и плети. Въ этомъ отношеніи особенно отличался владимірскій архіерей Іеронимъ; я самъ слыхалъ отъ старика священника, какъ въ его присутствіи этотъ архипастырь въ своей подачѣ при всѣхъ приказывалъ сбѣчь плетью св-и-ц-сл-лей. Даже, когда послѣ того какъ правительство уволило ихъ отъ тѣлеснаго наказанія, не вдругъ было оставлено *отеческое наказаніе*, по к. м. архіереи не отличались снисходительностію и ласковостію къ своимъ подчиненнымъ. Иначе нельзя объяснить Высочайшую волю покойнаго Императора Александра «относительно умѣреннаго, какъ выражается синодъ, обхожденія съ духовными чинами,» въ слѣдствіе чего синодъ предписалъ епархіальнымъ архіереямъ указами, чтобы «съ людьми духовнаго званія во всѣхъ случаяхъ начальники духовные поступали съ благоразумною кротостію и обходились умѣренно, сообразно духовному чину и нравственному ихъ состоянію (XXVII т. Собр. Зак. стр. 509 No. 20,693 Марта 26 дня 1803 г.)»

Отдѣль 24ый.

О поклономаніи въ д-вѣ.

Едва ли не во всѣхъ религіяхъ отъ самаго грубаго фетишизма до христіанства принято для выраженія своей преданности, благодарности, благодарности Божеству, для испрошенія прощенія себѣ за грѣхи становиться на колѣна, дѣлать поясные и земные поклоны. Послѣ этого и тѣмъ людямъ, которые по своему высокомерию ставятъ себя выше прочихъ собратій, естественно желать, чтобы предъ ними все изгибалось, наклонялось и преклонялось. Да и тѣ, которые такъ, или иначе отъ нихъ зависятъ, считая ихъ нѣкотораго рода послубожествами, надѣются лучше всего угодить, выражая свое къ нимъ уваженіе тѣми внѣшними приёмами, которые предписываются религіями относительно настоящаго Божества. У насъ на Руси это ведется давнымъ давно, было особенно въ употребленіи у д-ва, и даже возведено на степень закона въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напр. посвящаемые въ священники и дьяконы, на основаніи церковнаго чина, должны не одинъ разъ поклониться до земли архіерею. Но еще до Петра, вѣроятно, поклоняющіеся и поклоняемые (извините за это слово) не умѣли соблюдать одни мѣру своей покорности, а другіе *мѣру своей чести* такъ что духовный регламентъ нашолъ нужнымъ предложить, чтобы епископамъ «въ землю подручная братія не кланялась,» и главное, чтобы имъ и умѣренной чести самими не искать и отъ подручныхъ не истязовать, но свободно подаваемою довольствоваться (15 пр. о. епископахъ.)» Значитъ, требованія чести были не умѣренны, похожи даже на истязанія.

Само собою, р-ся, что это правило регламента не очень строго соблюдалось послѣ его изданія. Но нѣкоторые архіереи въ нынѣшнемъ столѣтіи не любили и не требовали поклоновъ. Напр. по словамъ г. Никитинскаго (№. 4 Дня 1863 г.) въ царствованіе Александра 1го въ костромской и рязанской губерніяхъ былъ архипастырь Сергій. Поклоновъ земныхъ покойный владыка терпѣть не могъ; ничѣмъ его бывало нельзя было такъ раздражить, какъ поклонившись ему въ ноги. «Какъ ты смѣлъ это сдѣлать?» Разсказъ этотъ совершенно справедливъ, только въ немъ опущены за-

мѣчательныя слова, которыя покойный владыка прибавлялъ: «развѣ я Николай-угодникъ? вскрикивалъ онъ въ негодованіи. Если ты такъ мнѣ кланяешься, то Богу какъ станешь молиться?» Другой случай въ этомъ родѣ былъ съ покойнымъ с. петербургскимъ митрополитомъ Серафимомъ. Къ нему одинъ наставникъ духовной академіи и вмѣстѣ архимандритъ пришолъ принять благословеніе въ день своихъ именинъ и поклонился ему въ ноги. «Что ты? Что съ тобою сдѣлалось?» сказалъ владыка съ недоумѣніемъ и безпокойствомъ, поглядывая какъ-то подозрительно въ глаза поклонившемуся. Послѣдній, надѣявшійся поклономъ заслужить милость, сконфузился и отъ словъ и отъ взгляда своего начальника. Серафимъ какъ будто не понимая, отчего произошло конфузъ, повелъ архимандрита въ свою гостиную, усадилъ на диванъ и съ немножко хитрымъ и насмѣшливымъ добродушіемъ спросилъ его: «что, вѣрно напраказничалъ что-нибудь? Экой ты какой! Ну, да скажи по чистой совѣсти, я постараюсь дѣло какъ-нибудь уладить.» Архимандритъ рѣшительно растерялся, и кое-какъ разсказалъ, зачѣмъ онъ пришолъ. Тогда архипастырь со своимъ добродушіемъ продолжалъ: «да зачѣмъ же ты кланялся въ ноги? Ну, а я такъ и думалъ, что ты напраказничалъ что-нибудь; ступай съ Богомъ, празднуй свои именины.»

Архiereевъ со взглядомъ Сергія и Серафима на поклоны было немного. Одни прямо и настойчиво требовали, чтобы все д-во безъ исключенія предъ ними распростиралось; не исполнившимъ этого дѣлался суровый выговоръ, а иногда заставляли тотъ часъ же поправить, какъ говорятъ мужики, *провинность*. Другіе не рѣшались, можно сказать, на подобное нахальство, но вели дѣла такъ, что поклоняющіеся имъ имѣли право рассчитывать на милости и благосклонность, а не унижающіе себя поклонами такъ или иначе, рано или поздно недешево расплачивались за свою яко бы гордость. Третьи наконецъ малодушные, трусливые досадовали, когда имъ не поклонятся, не осмѣливались зато преслѣдовать, или выговаривать, но поклоновъ не отвергали и къ поклончивымъ людямъ были внимательны и благосклонны. Духовныя лица сличкомъ зависятъ отъ своихъ архипастырей, избѣгаютъ всякаго случая чѣмъ либо имъ не понравится и потому, какъ говорить г. Никитинскій (въ №. 40 Дня 1863 года), «земныя поклоны предъ властями составляютъ почти какую-то принадлежность, даже привилегію д-ва, отличный его признакъ отъ прочихъ сословій; ихъ (поклоны) конечно не вездѣ, но во многихъ мѣстахъ дѣлаютъ не только,

когда являются въ качествѣ просителей, вымаливаютъ прощенье въ какомъ либо проступкѣ, или благодарятъ за какую либо милость, — но и въ то время, когда даже нѣтъ никакихъ поводовъ кланяться до земли. Является ли подчиненный по должности, — кланяйся. Приходитъ ли по требованію начальника для исполненія его же порученій, — опять кланяйся. Встрѣчаетъ ли духовное лицо въ своемъ дому, или провожаетъ изъ него владыку, когда послѣдній удостоитъ его, по какому либо случаю, своего посѣщенія, — *наки и наки* поклонись, да притомъ не одинъ, а со всѣмъ своимъ семействомъ. Даже если приглашены почтенныя лица изъ д-ва на чай или обѣдъ и тутъ иногда не забываютъ о земныхъ поклонахъ.» Послѣ этого обычай или порядокъ, о которомъ идетъ дѣло, можно назвать какимъ-то *полуремниознымъ культомъ, поклономанією, человѣкопоклоненіемъ.*

Особенно тяжело и непріятно видѣть, когда подчиненные епархіальныхъ архіереевъ приходятъ къ нимъ цѣлою семействомъ для поздравленія въ какихъ либо торжественныхъ случаяхъ. Описание такой сцены беру изъ книги о. у. д. у. «Вотъ цѣлое учное сословіе наставниковъ непрогрессистовъ, полупрогрессистовъ и даже самихъ начальниковъ является, положимъ, въ какой либо праздникъ . . . для поздравленія къ самому Его П-ву. Всѣ стоятъ въ почительномъ, чуть-чуть не благоговѣйномъ ожиданіи. Наконецъ отверзаются двери и едва начальникъ переступилъ порогъ ихъ, какъ все сословіе, магистры и кандидаты, въ узкихъ и болѣе просторныхъ одеждахъ; въ форменныхъ сертукахъ и рясахъ, въ кlobукахъ, камилавкахъ, скуфьяхъ, съ крестами въ петлицѣ, на шеѣ, — все распростирается предъ появившимся свѣтиломъ. Начальникъ даетъ имъ общее благословеніе въ этомъ смиренномъ положеніи; они встаютъ и начинаютъ отдѣльно подходить къ нему и получать, по своейственной ему снисходительности, новое благословеніе. Усерднѣйшіе, а иногда и каждый тутъ вновь дѣлаютъ поклоненіе и даже два-предъ полученіемъ благословенія и послѣ него. Когда всѣ подойдутъ и вновь выстроятся съ лицами, покрашенными и сіяющими, р-ся, отъ удовольствія, что удостоились такого отеческаго приѣма, выслушиваютъ нѣсколько назидательныхъ изреченій и потомъ отпускаются. Тутъ вновь начинается поклоненіе; нельзя не выразить своей благодарности за столь превосходный приѣмъ.» (1 т. 142 стр.), Авторъ, вѣроятно, не зналъ, что при такомъ торжественномъ представленіи однажды случилось не очень деликатное событіе. Въ то время (около 1850 года) была мода носить

брюки съ штрипками и, какъ говорятъ, *въ обтяжку*. Какой-то щеголь-профессоръ натянулъ ихъ такъ, что на нихъ не было никакой морщинки; и явился вмѣстѣ со всѣми своими товарищами поздравить Его В-во съ праздникомъ Р. X. По обыкновенію, при появленіи *светила*, все преклонилось предъ нимъ. Тутъ съ нашимъ щеголемъ случилось несчастіе. И безъ того сильно натянутыя брюки не выдержали поклона, звучно разорвались на самомъ колѣнѣ; чрезъ это сдѣлалось на нихъ значительное отверстіе, сквозь которое безсовѣстно выглядывали инекспрессибли. Щеголь сконфузился, сослуживцы и начальники не знали, какую слѣдовало принять фізіогномію. Его В-во лучше всѣхъ себя выдержало; оно какъ будто ничего не слышало и не видало, долѣе обыкновеннаго побесѣдовало съ поздравителями.

Описанная сцена, происходя внутри архіерейскаго дома, б. ч. не въ присутствіи мірянъ, можетъ считаться еще, т. е-тъ, *домашнимъ учрежденіемъ*, какъ выражались плантаторы южноамериканскихъ штатовъ о рабовладѣльцествѣ. Но поклономанія проявляется и въ публичныхъ засѣданіяхъ. — Бывали ли вы, г. ч., на публичныхъ экзаменахъ въ семинаріяхъ, особенно провинціальныхъ? Если — нѣтъ, то, значитъ, вы не имѣете понятія о томъ, какъ изъ того простаго событія, какъ школьное испытаніе, сдѣлалось нѣчто въ родѣ сценическаго представленія, или языческаго обряда поклоненія и служенія предсѣдателью. «Прибытіе его (архіерея), какъ говорить авторъ книги о. у. д. у. (1 т. стр. 468), возвѣщается колокольнымъ звономъ въ тѣхъ семинаріяхъ, гдѣ есть колокольня съ достаточнымъ количествомъ колоколовъ. Карета подъѣхала; дверцы ея распахнулись; начальники спѣшатъ исполнить обязанность, свойственную *aux domestiques*, поддерживая своего патрона подъ руки, какъ при выходѣ изъ кареты, такъ и на ступеняхъ лѣстницы. Одинъ — раздавши, другіе — получивши благословеніе, — поднимаются по лѣстницамъ, идутъ по коридорамъ, приближаются къ залу. Занавѣсъ поднята, т. е. двери въ залу отворены; вступаютъ въ нее; все и всѣ встаютъ «*Царю Небесный, или днесъ благодать св. духа нась собра*» пропѣты. Усѣлись . . . . сейчасъ начаться должно представленіе.» Но тутъ авторъ ошибся. Конечно *усѣлись*, но не всѣ. Если между посѣтителями есть много свѣтскихъ, то эти садятся безъ разрѣшенія высшаго начальства. Но если публика состоитъ только изъ наставниковъ и городского д-ва, то когда одинъ уже усѣлся и сидитъ, прочіе еще стоятъ иногда и долгонько. Самое усаживаніе не на всѣхъ вдругъ распространяется; сначала пуб-

ликъ позволять присѣсть, а ученики стоятъ; имъ крѣпко, накрѣпко приказано, чтобы они стояли до тѣхъ поръ, пока не отдано будетъ, т. е. ть, специальное приказаніе садиться. Случалось мнѣ видѣть, что вызванные ученики уже отвѣчаютъ, а предъ глазами председателя стоитъ 300—400 семинаристовъ; онъ какъ будто и не замѣчаетъ этого, ему хочется попробовать, хорошо ли выдисциплированы ребята; наконецъ чрезъ 10—15 минутъ раздается благосклонное: *садитесь*. Теперь посмотримъ уже не на экзамень, а, по словамъ того же автора на разыгрываніе экзамена (стр. 469—470). «Быстро выступаютъ на сцену одинъ за другимъ наставники, кланяются, принимаютъ благословеніе и опять кланяются; въ эту интермедію ученикъ уже стоитъ на авансценѣ. Наставникъ быстро спрашиваетъ, ученикъ отвѣчаетъ чуть не съ такою же быстротою. Раздается *довольно*, — *изъ другаго предмета*. Наставникъ вновь кланяется, вновь принимаетъ благословеніе и вновь покланяется. Преемникъ его начинаетъ и оканчиваетъ выходъ тѣмъ же церемоніями. Иные, особенно м-шіе наставники, преимущественно же начальники, въ знакъ своего смиренія и благоговѣнія къ особѣ председательствующаго, не стыдятся предъ всею публикою и своими учениками *пасть ницъ и, поклонившись до земли, распростереться по полу*. Сосчитавъ поклоны, которые дѣлаютъ воспитанники, подходя къ экзаменаторскому столу и отходя отъ него, также поклоны, которыми каждый наставникъ начинаетъ и оканчиваетъ свой экзамень, — еще благословенія, получаемыя ими въ обоихъ случаяхъ, — сличивши время, употребляемое на всѣ эти поклоны, со временемъ, которое ассигнуется на ученическіе отвѣты, мы по неволѣ нерѣдко приходили къ той мысли, что публичныя испытанія въ духовно — учебныхъ заведеніяхъ придуманы не для того, чтобы опредѣлить степень познаній воспитанниковъ, но чтобы видѣть, хорошо ли они и наставники умѣютъ кланяться; по неволѣ готовы были считать ихъ какимъ-то языческимъ обрядомъ, установленнымъ для того, чтобы преклоняться и наклоняться предъ грознымъ кумиромъ.»

Описываемое мною человѣко-поклоненіе, можно сказать, свирѣпствовало во всей силѣ до начала нынѣшняго царствованія; *поклоняемые* воображали, что въ поклоненіи ихъ особамъ нѣтъ ничего смѣшнаго, отвратительнаго, а выражается то благоговѣніе, которое должны воздавать имъ подчиненные; а *поклоняющіеся* боялись не только говорить, но и думать о томъ, что *смирение* ихъ начальники дѣлаютъ изъ нихъ пресмыкающихся животныхъ. Все было мирно и спокойно;

никто открыто не жаловался; литература молчала; статья о челоуѣкопоклонствѣ могла послужить автору паспортомъ на далекое путешествіе. Но періодъ, наступившій послѣ крымской кампаніи, сначала расшевелилъ было самыхъ сѣдыхъ іерарховъ и ободрилъ самыхъ трусливыхъ особъ изъ бѣлаго д-ва; начали было подумывать о томъ, не слѣдуетъ ли излечиться отъ поклономаніи и поклоняющимся и покланяемымъ? Но не безпокойтесь; преданія одержали верхъ надъ новыми идеями, по к. м. не уступаютъ имъ мѣста. Челоуѣкопоклоненіе близъ нашихъ архіереевъ - существуетъ еще почти въ прежней силѣ; многіе сѣдые и не сѣдые іерархи поддерживаютъ и защищаютъ его, чуть не какъ святыню. Подтвердимъ это фактомъ

1) Почти до конца пятидесятихъ годовъ въ одной епархіи архіерействовалъ челоуѣкъ, очень любившій земные поклоны; онъ ихъ принималъ отъ ректора на публичныхъ экзаменахъ почти каждый годъ, но, по слабости своего характера, не могъ цѣлую епархію приучить къ челоуѣкопоклоненію. Въ преемникъ его поклономанія была чѣмъ-то похожимъ на *delirium tremens*; онъ даже не могъ вообразить, чтобы къ его особѣ духовнымъ лицамъ можно было приблизиться безъ земнаго поклона, выходилъ изъ себя, когда кто либо кланялся ему по челоуѣчески, а въ припадкахъ *delirii trementis* хватался за плеча и даже за волосы не поклоняющагося и своими руками приучалъ, его какъ слѣдуетъ привѣтствовать начальника. Однажды на публичномъ экзаменѣ въ семинаріи ученикъ богословія, вышедши для отвѣта, сдѣлалъ ему очень простенькій поклонецъ, какъ говорится, кивнулъ головой: «Какъ ты смѣлъ такъ поклониться, воскликнулъ почти внѣ себя сѣдой іерархъ? Куда ты вышелъ? Предъ кѣмъ ты стоишь? Понимаешь ли ты это?» и не захотѣлъ дальше даже слушать никакихъ его отвѣтовъ; *стуйай прочь*, было сказано въ заключеніе. Когда у богослова вскорѣ умеръ отецъ, оставивъ послѣ себя огромное семейство и когда жена покойника пришла просить не оставить ее съ дѣтьми безъ куска хлѣба, то іерархъ не могъ удержаться, принялся бранить и ея сына, и ее самую, и покойника-мужа ея; всѣмъ досталось. Р-ся, усилія одержимаго поклономаніею увѣнчались полнымъ успѣхомъ; всѣ почти, кромѣ самыхъ ничтожныхъ исключеній, поклонялись, и если не распростирались, то доставали по к. м. рукою, или головою до пола. 2) Въ самомъ началѣ 1863 года свѣтскій наставникъ одной изъ духовныхъ академій долженъ былъ, по распоряженію начальства, явиться къ знаменитѣйшему архи-

пастырю и удостоился чести нѣсколько разъ бесѣдовать съ нимъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ не имѣя предъ собою никакихъ образцовъ, онъ выражалъ свое уваженіе къ хозяину обыкновенными приемами. Но 6го Января его пригласили къ обѣду, за которымъ присутствовали протоіереи, архимандриты и даже два епископа. Наставникъ пришолъ послѣ всѣхъ и, сдѣлавши поклонъ, получилъ благословеніе. Обѣдъ кончился; надобно было разъѣзжаться. Сперва начали благодарить хозяина за хлѣбъ - соль старѣйшіе лѣтами и саномъ; тогда-то наставникъ увидалъ, что онъ вовсе не знаетъ церемоній, которыя нужно исполнять, являясь къ важнымъ духовнымъ особамъ, или уходя отъ нихъ. Всѣ, *тщательно* *всѣ* кушавшія особы распростирались, цѣловали руку накормившаго ихъ, поклонялись и уходили. 3) Года за полтора въ одинъ губернской городъ пріѣхалъ молодой архіерей для погребенія скончавшагося мѣстнаго архипастыря. Пріѣхавшій изумилъ всѣхъ своею вѣжливостію, цѣловалъ даже со священниками, ему представлявшимися; нѣкоторымъ, не Богъ знаетъ, какъ высокимъ особамъ, не давалъ и руки своей лобызать; всѣ были озадачены его привѣтливостію и благоснисходительностію. Но вотъ, по окончаніи погребенія, собрались помянуть покойника, *пошли и попили*, но прежде, нежели *разошлись*, родственникъ покойника, протоіерей съ магистерскимъ крестомъ, счелъ нужнымъ поблагодарить погребавшаго и выразилъ свою благодарность земнымъ поклономъ, хотя лѣтами оба были почти равны, даже протоіерей едва ли не старше, а учоною степенью положительно выше. Тутъ открылось, что либеральный молодой владыка, даже не кутейникъ по происхожденію, заразился тоже поклономаніею; онъ не отвергъ поклоновъ, вступилъ въ разговоръ съ протоіереемъ, а зтогъ, ободренный своею отважностію, поговорить, поговорить, да и, по пословицѣ, *бухъ въ ноги*; и наклонялся же онъ за всѣхъ собесѣдниковъ. Тогда-то всѣ поняли, что молодой епископъ — бывший ректоръ семинаріи — также страдаетъ поклономаніею, не успѣлъ ввести полный обязательный для всѣхъ культъ антрополатріи, но очень благосклонно *пріемлетъ всякое земное поклоненіе и възскууетъ своею милостію всякаго, сичевымъ образомъ поклоняющагося*. 4) Четвертый примѣръ, или лучше свидѣтельство беру изъ литературы. Извѣстный нашъ писатель г. Щедринъ въ No. 9 журнала Время 1862 г. (стр. 10—12) помѣстилъ свою статью подъ названіемъ нашъ губернской день. Въ ней между прочимъ описывается одинъ *пустынникъ*. Вотъ какъ его характеризуетъ г. Щедринъ: «есть у насъ пріятель, который

слыветъ подъ именемъ пустытника. Почему дали ему такое прозвище, — объяснить не могу. Развѣ п. ч. онъ любилъ прибѣгать къ славянскимъ оборотамъ рѣчи, а, м. б., п. ч. въ дѣйствительности ничто такъ не противно природѣ его, какъ уединеніе. Человѣкъ онъ старый, одинокій, но еще до сихъ поръ сохранившій въ душѣ своей юношескую веселость и проказливость. Мы любили посѣщать его. Когда ни придете къ нему, у него всегда словно масляница: либо самъ пѣсни поетъ, либо соберетъ мальчишекъ, да и заставить ихъ голосить, а самъ сидитъ на диванѣ и благодушествоуетъ. — «*Величай, душе!*» дерутъ во все горло мальчишки, — «*Преславнаго и пречестнаго!*» подтягиваетъ имъ пустытникъ и когда придется голосомъ забирать высоко; то вытягиваетъ шею и руки, точь, какъ дѣлаютъ регенты. И т. о. время проходитъ быстро, весело и для души невинительно.» Понятно, г. ч., кто можетъ быть такимъ пустыникомъ. Къ нему - то однажды прѣхалъ г. Щедринъ и засталъ его въ самомъ дурномъ положеніи. «Что съ вами, пустытникъ? спросилъ его авторъ. — Скорблю, былъ короткій отвѣтъ. Наконецъ г. Щедринъ кое-какъ узналъ о причинѣ глубочайшей скорби пустытника. «А вотъ сударь что! возглаголазъ скорбящій. Приходить ко мнѣ нынѣ одинъ изъ *жеребцовъ столбыхъ* (пустытникъ называетъ т. о. своихъ дворовыхъ) *) и кланяется мнѣ . . . . вотъ эдакъ (пустытникъ кивнулъ головой съ невыносимымъ пренебреженіемъ)! Я на него смотрю и думаю: не въ горячкѣ ли малый, не очнется ли? Однако-нѣтъ. Стоитъ, какъ столбъ безчувственный. «Постой, что ты дама что ли?» спрашиваю я его. — Нѣтъ, говоритъ, я не дама, а, по вашему мнѣнію выходитъ, я жеребецъ стоялый! Ну, ужъ меня, знаешь, и разбирать зачало, однакоже все терплю. «Что же, говорю, коли ты не дама, зачѣмъ же такъ кланяешься?» Все еще, знаешь, мысляю, что онъ очнется, очунѣетъ . . . . хорошо. Только что же бы, ты думалъ, онъ сдѣлалъ? — А коли тебѣ мой поклонъ не нравится, такъ и нѣтъ тебѣ ничего! Повернулся хребтомъ - то, да и былъ таковъ! А что? хорошо?» Вотъ какъ наши *пустытники высококаго сама* смотрятъ на поклоны. Человѣкъ, вѣчно пѣвшій, смѣявшійся и пр. пришло и въ негодованіе и заскорбѣлъ, — отчего же, — да отъ того только, что одинъ изъ его стоялыхъ жеребцовъ плохо поклонился ему. — Наконецъ 5) во второй уже по-

*) Семинаристовъ и всѣхъ вообще духовныхъ русскій народъ давно уже провалятъ *архирейскими жеребчиками*.

ловинѣ 1864 г. по торжественному случаю въ одну изъ духовныхъ академій прѣхалъ епархіальный начальникъ. Ему, по заведенному порядку, представлялись *in corpore* все академическіе начальники и наставники. Ректоръ, не смотря на свои заслуги, сѣдые волосы, ордена и даже знаменитость, поклонился полубожеству въ ноги, ему послѣдовали наставники духовнаго сана. Затѣмъ пошли свѣтскіе. Старшій изъ нихъ съ Анною на шеѣ; вполне заслуженный человѣкъ, который даже составляетъ честь и украшеніе академіи, затруднился дѣлать земной поклонъ. Но за нимъ шолъ другой профессоръ, который за лучшее и болѣе выгодное для себя счесть не подражать предшествовавшему, а распростерся предъ полубожествомъ. Отъ него отстать не достало уже ни у кого смѣлости и т. о. въ 1864 г. ordinарные профессора высшаго учебнаго заведенія вымѣряли полъ своимъ тѣломъ, какъ какіе либо монастырскіе служки.

Пять этихъ примѣровъ слишкомъ хорошо показываютъ, что человѣкопоклоненіе въ бѣломъ д-вѣ еще здравствуетъ и благоденствуетъ, что отступленія отъ него выражаютъ не правило, а исключенія изъ правила. Соглашусь, пожалуй, съ г. Никитинскимъ (N. 40 Дня 1863 г.), что пока все на Руси кланялось, «ну тогда и священнику почему не поклониться своему начальнику, даже не стать предъ нимъ на колѣни? Но нынѣ совсѣмъ другое дѣло. Нынѣ и мужики *валою*, по пословицѣ, *не валяются* даже предъ ставновымъ и исправникомъ; умные отцы стыдятся приучать дѣтей къ низкопоклонничеству; подчиненные предъ начальниками, прислуга предъ хозяевами и пр. не падаютъ ницъ, даже слегка только кланяются, или приподнимаютъ фуражку. Нынѣ развѣ немногіе не сочтутъ слово *низкопоклонникъ* оскорбительнымъ для себя ругательствомъ, *поноснымъ прозвищемъ*. Зачѣмъ же теперь однимъ только лицамъ духовнаго званія надобно держаться обычая, почти совершенно вышедшаго изъ употребленія? Что стануть думать о бѣломъ д-вѣ тѣ лица другихъ сословій, которыя видятъ священниковъ, дьяконовъ распростирающимися по полу, или стоящими на колѣнахъ, какъ бы въ качествѣ осужденныхъ преступниковъ? Что подумаютъ прихожанѣ о своемъ батюшкѣ, когда узнаютъ, а чего добраго и сами увидятъ, какъ онъ пресмыкается предъ епархіальнымъ начальникомъ? Никакъ нельзя думать, чтобы въ обоихъ и имъ подобныхъ случаяхъ паства стала уважать пастыря за его смиреніе, притомъ мнимое, или вынужденное. Да и сами поклоняющіеся не будутъ имѣть высокаго понятія о себѣ. По нашему мнѣнію,

кто подъ видомъ привѣтствія, или въ знакъ уваженія и преданности поклонится въ землю кому набудь, даже своему начальнику, тотъ чуть ли не на всегда заклеимтъ себя позоромъ.» А по моему мнѣнiю человекъ съ благородно душою всегда станетъ стыдиться такого поступка. Потому вмѣстѣ съ авторомъ книги о у. д. у. «я никакъ не могу надивиться нашимъ архипастырямъ; не могу постигнуть того наслажденiя, которое они, вѣроятно, ощущаютъ, видя, какъ предъ ними сгибаются и расprostируются не мужики — неуклюжiе, не лакеи раболѣпные, не бабы деревенскiя, а часто люди образованные, учоные, съ орденами и другими отличiями, люди почетные и пожилые, которымъ даже физически трудно согнуться, наклониться и приветать. Неужели въ самомъ дѣлѣ прiятнѣе смотрѣть на затылки и спины расprostертыхъ какихъ-то существъ, нежели на открытыя лица стоящихъ людей? Неужели въ самомъ дѣлѣ можно наслаждаться раболѣпнымъ униженiемъ своихъ равныхъ по образованiю, а часто и по лѣтамъ братiй?

Притомъ не только поклонomaniя запрещается, какъ в. с-но, духовнымъ регламентомъ, но и противъ нее можно найти доказательства въ другихъ каноническихъ правилахъ. Напр. въ 20мъ правилѣ 1го вселенскаго собора пишется: «понеже суть нѣкоторыя, преклоняющiе колѣна въ день господень и во дни пятидесятницы, то . . . . угодно святому собору да стояще приносятъ молитвъ Богу.» А въ 90мъ правилѣ 6го вселенскаго собора сдѣлана еще прибавка: «отъ богоносныхъ отецъ нашихъ канонически предано намъ не преклоняти колѣнъ во дни воскресные, ради чести воскресенiя христова.» Далѣе въ 15 правилѣ Св. Петра архіепископа Александрийскаго и мученика сказано: «въ сей (воскресный) день и колѣна преклоняти мы не прiяли.» Отсюда очевидно, что на основанiи важнѣйшихъ авторитетовъ церковныхъ христiане обязываются въ пасху, пятидесятницу и во всякiй вообще воскресный день не преклоняться въ церкви предъ Богомъ, а молиться *стояще*. Что же сказать теперь о тѣхъ нашихъ архипастыряхъ, которые позволяютъ предъ собою преклоняться, даже требуютъ этого уже не въ воскресные дни, а въ самый свѣтлый, радостный праздникъ воскресенiя Христа? Вѣдь являющiеся къ нимъ и въ этотъ день съ поздравленiемъ, по обычаю, расprostируются. Почему бы и знаменитѣйшему архипастырю (какъ в. с-но во 2мъ примѣрѣ) не подумать, что праздникъ Богоявленiя Господня важнѣе воскресныхъ дней и что благодарность за обѣдъ могла бы хоть въ этотъ день не выражаться тѣми прiемами

которые вселенскою православною церковію запрещены даже въ храмѣ предъ Богомъ во дни воскресныя. А вѣдь въ 1863 году праздникъ Богоявленія былъ даже въ воскресенье. Такъ хотьбы *ради чести воскресенія и Богоявленія Господня* забыли о человѣкоклонствѣ. Но тамъ, гдѣ касается мнимой чести, или лучше самолюбія архипастырей, они сразу скажутъ: *не всяко мыко въ строку*. — Не сердитесь и не скучайте, что я такъ много говорилъ о поклонахъ; для васъ, если вы — не духовныя лица, они ничего не значать. Но помните, что на нихъ осуждено доселѣ цѣлое почтенное сословіе, что ихъ отстаиваютъ люди авторитетные; надобно же было хоть кому нибудь описать всю ихъ отвратительную сторону и выставить ихъ защитниковъ на общій судъ. и позоръ.

Защитники архіерейскаго человѣкоклоненія въ концѣ концовъ упираютъ особенно на ту мысль, что оно утверждалось въ д-вѣ цѣлыми вѣками и теперь соблюдается, какъ завѣщаніе старины, какъ привычка которая сдѣлалась второю природою и что нынѣшніе просвященные, даже еслибы и желали, не могутъ уничтожить, по к. м. вдругъ этотъ видъ идолопоклонства. «Не кричать же имъ каждому входящему къ нимъ духовному лицу: *ей, смотри, не кланяйся въ землю*. Не удерживать же своими руками отъ коленнопреклоненій всякую вдовую попадью, или дяконицу; которыя нерѣдко съ кучею дѣтей пришли просить владыку не оставить сиротъ безъ куска хлѣба и не умѣютъ выразить своей просьбы иначе, какъ поклонившись въ землю и ставши на колѣна. Не поднимать же самому, или чрезъ прислугу всякаго священника, который, по заведенному порядку привѣтствуетъ владыку работѣннымъ поклономъ. Не посылать же указовъ о томъ, не брать же подписокъ въ томъ, чтобы никто не смѣлъ кланяться.» Скажу сначала на счетъ указовъ. Если архіерей узнаетъ, что какіе либо обычаи имѣютъ дурное вліяніе на д-во, то онъ, по всей вѣроятности, предпишетъ оставить ихъ. И такъ какъ земными поклонами и коленнопреклоненіями унижается д-во и предъ другими сословіями, и въ собственномъ сознаніи, то почему же даже не предписать указомъ, чтобы оставили этотъ глупый обычай? Вѣдь духовный регламентъ нашолъ же нужнымъ поговорить *о весьма жестокой епископовъ славѣ и о томъ, что бы въ землю онымъ подручная братія не кланялась*. Но указы ненужны, скажи только одному, двумъ: за чѣмъ вы кланяетесь? не будь милостивъ къ низкопоклонникамъ; — всѣ перестанутъ кланяться. Когда новый владыка пріѣзжаетъ на епархію, то на

первыхъ порахъ идущія къ нему духовныя лица обыкновенно спрашиваютъ: «ну что этому какъ кланяться?» и услышавши, что онъ не велитъ распростираться, прибавляютъ: «ну, вотъ слава Богу, насилу-то дождались добраго архипастыря.»

Отдѣлъ 25ый.

О томъ, какъ епархіальные архіереи обращаются съ домъ и вообще и въ частности при подаваніи имъ прошеній; сцены въ такъ называемыхъ подачахъ.

Принимая льстивыя титулы и выслушивая высокопарныя привѣтствія, можно какъ бы въ вознагражденіе за этотъ, т. с—ть, невещественный фиміамъ, самимъ титудуемымъ быть привѣтливыми и ласковыми, по к. м. не выказывать грубости, не подѣргать своихъ подчиненныхъ униженію. Къ сожалѣнію высокіе духовные сановники забываютъ объ этомъ. Займемся сначала личнымъ мѣстоименіемъ втораго лица. *Ты* и *вы*, какъ односложныя слова, повидимому, ничего въ себѣ особеннаго не заключаютъ, и имѣютъ между собою ничтожное различіе, а м. т. на благородную и впечатлительную душу каждое изъ нихъ производитъ неодинаковое впечатлѣніе. Ученики семинарій, прибывши въ духовную академію, чувствуютъ себя вдругъ возмужавшему и выросшимъ, услыша, что начальство академическое обращается къ нимъ съ *вы*. Это привѣтствіе нисколько ихъ не портитъ, напротивъ они стараются показать и съ своей стороны, что заслуживаютъ вѣжливое обращеніе. Но наши архипастыри всё, съ самыми ничтожными исключеніями, говорятъ: *ты*, *твой* не только причетнику, но священнику и благочинному, сами кафедральные протоіереи и архимандриты слишкомъ рѣдко слышатъ: *вы*, *вашъ*; самихъ ректоровъ семинарій, а часто и академій, на публичныхъ испытаніяхъ, извините за слово; *тыкаютъ*. Назвать даже кафедральнаго протоіерея, или ключаря по имени и отчеству считается, т. с—ть, унизительнымъ для власти; немногіе изъ архіереевъ употребляютъ даже слова: *отецъ протоіерей*, *отецъ ключарь*. Чаще всего слышатся: *эй*, *ключарь*, *протоіерей*, или *Иванъ Ивановъ*, *Семень Антоновъ* и пр. Отъ этой манеры не отступаютъ въ присутствіи мірянъ. Такую невѣжливость оправдываютъ тѣмъ, что встарину, въ первые вѣка христіанства, не знали нынѣшнихъ утонченныхъ разговорныхъ формъ.

Дѣйствительно въ степяхъ фивандскихъ, на горѣ Афонской, въ римской и византійской имперіяхъ не было въ употребленіи *вы*. Но тамъ всё уже обращались другъ къ другу съ *ты*, и цезарь къ плебею, и плебей къ цезарю, — настоятель къ послушнику и послушникъ къ настоятелю. Тоже самое было и у насъ едвали не до самаго Петра Великаго, тогда *ты* никого не унижало. Но нынѣ совсѣмъ другое дѣло. Нынѣ *вы* чуть-чуть не во всеобщемъ употребленіи. Съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права и магнаты-бояре и деревенскія барыни стали поговаривать *вы* — первые, своему камердинеру и даже прочей прислугѣ, а вторыя — своей экономкѣ и даже горничной. Нынѣ учителя, даже начальники чуть ли не во всѣхъ училищахъ, кромѣ духовныхъ, взрослымъ воспитанникамъ говорятъ *вы*. Нынѣ и мѣщане, и купцы, и даже крестьяне ознакомились съ этимъ пріятнымъ для слуха словомъ. За-чѣмъ же къ священнику обращаться съ *ты*, когда онъ самъ, особенно въ городѣ рѣдкому изъ прихожанъ не скажетъ *вы*? Не слишкомъ ли унизительно для него, когда его высокій начальникъ съ нимъ разговариваетъ на *ты*, а присутствующихъ тутъ же помѣщиковъ, чиновниковъ, купцовъ, даже старость величаетъ *вы*? Да и послѣдніе не подумаютъ ли сами про себя, даже не скажутъ ли и знакомымъ, и незнакомымъ, и всему приходу: «да батюшка-то нашъ не въ большомъ почотѣ у владыки, который насъ уважаетъ больше, нежели его.»

Но и при *вы* можно быть крайне невѣжливымъ; съ другой стороны и *ты* иногда нравится больше, нежели *вы*. Отецъ и мать говорятъ своимъ дѣтямъ *ты*; и м. т. дѣти вовсе этимъ не обижаются. Т. о. епархіальные начальники при своихъ: *ты* и *твой* безъ *вы* и *ваши* могли бы еще быть и вѣжливыми, и ласковыми. Къ несчастію это случалось и случается рѣденько. Недавно, очень недавно ректорамъ семинарій и академій на публичныхъ испытаніяхъ приходилось слышать отъ председательствующаго: *ну что же ты стоишь? Объясни самъ, или: Какую чепуху ты говоришь? Что за вздоръ ты несешь?* даже вылетало слово и *дуракъ*. Въ одной изъ академій бранчивыя и грубыя слова, которыя пришлось слышать отъ председателя на экзаменѣ, довели ректора до того, что онъ не могъ удержаться отъ слезъ. Въ одной изъ семинарій, гдѣ сидѣло за главнымъ столомъ нѣсколько важнѣйшихъ архипастырей, отвѣчали ученики изъ догматическаго богословія. Лекціи были составлены самимъ ректоромъ; правда, немножко растянута, или какъ говорятъ, *водянисто*, но все-таки трудъ стоялъ

одобрения и прощения. Какая-то мысль не очень понравилась одному изъ архипастырей. «Самъ ты писалъ уроки?» спросилъ онъ ректора, и когда получилъ утвердительный отвѣтъ, то крикнулъ на него почти внѣ себя: *дуракъ ты*. Сцена была до такой степени неожиданна и возмутительна, что на время водворилась общая во всей залѣ тишина. Архипастырь-главный начальникъ семинаріи и по дѣтамъ, и по должности старше того, который былъ причиною сцены, первый нашолся, съ намѣреннымъ удивленіемъ долго смотрѣлъ на закричавшаго: *дуракъ*; потомъ, обратившись къ ученику, сказалъ: *читай дальше*; и, выслушавши нѣсколько періодовъ, прибавилъ: *хорошо, другъ мой, спасибо тебѣ*. Потомъ ректору велѣлъ еще вызвать ученика и, выслушавъ его отвѣтъ, спросилъ: «а что, о. ректоръ, самъ ты писалъ лекціи? и, получивши утвердительный отвѣтъ», сказалъ: «*спасибо, спасибо, хорошо*. Спросите-ка еще.» Т. о вновь было спрошено человѣкъ десять, а начальникъ только и дѣлалъ, что расхваливалъ отвѣты и лекціи. Наконецъ окончивъ экзаментъ, онъ принялся вновь благодарить ректора и тѣмъ смягчилъ нанесенное ему оскорбленіе.

Если такъ на публичныхъ экзаменахъ ректоровъ академій и семинарій называли дураками и доводили до слезъ, то чтоже сказать о бѣломъ д-вѣ, — о попахъ, какъ иногда выражаются высшія духовныя особы, о *стоялыхъ жеребцахъ*, какъ у Щедрина говоритъ пустынный. Опять беру не кабинетные факты, а болѣе, или менѣе публичныя, происходившіе даже въ храмахъ. 1) Въ 1848 году одному неважному человѣку съ свѣтскимъ чиномъ нужно было прійти къ п-ому викарію. Въ темной прихожей на какой-то скамьѣ онъ, вмѣстѣ съ дьячками, мужиками, бабами нашолъ знакомаго, протоіерея М-на, который ему *годился бы*, какъ говорятъ, *въ отца*. Вы здѣсь давно уже? спросилъ свѣтскій человѣкъ протоіерея. — Да уже съ часъ сижу, отвѣчалъ старецъ. Свѣтскаго попросили въ кабинетъ, гдѣ викарій просидѣлъ съ нимъ около часа, занимаясь *переборомъ изъ пустаго въ пороженое*, а почтенный протоіерей М-нъ продолжалъ сидѣть съ прежними собесѣдниками. Конечно, тутъ ни *вы*, ни *ты* не было еще сказано, но каково старцу, протоіерею, кавалеру дожидаться два часа аудіенціи у человѣка, вовсе ничѣмъ серьезнымъ не занятаго. 2) Въ тотъ же самый годъ немного поранѣе нужно было тому же викарію выносить изъ дома тѣло скончавшагося протоіерея Н-каго. Въ одной изъ комнатъ квартиры покойника стояло множество духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, ожидавшихъ выноса. Наконецъ

викарій прїѣхалъ и взошолъ въ комнату; прежде всего стало подходить къ благословенію собравшееся тутъ самое знаменитое бѣлое д-во; викарій благословлялъ его, рѣшительно не обращая на благословляемыхъ никакого вниманія, не отвѣтствуя никого ни однимъ словомъ, даже, можно сказать, ихъ не благословляли, а имъ только позволяли прикладываться къ рукѣ. За духовными пошли къ благословенію свѣтскіе-фрачники, люди очень неважные. Тутъ сцена измѣнилась, *умбались*, каждаго спрашивали о здоровьѣ, многимъ не давали цѣловать руку, а только пожимали ея руку благословленнаго. Противоположность такъ ярко бросилась въ глаза, что одинъ свѣтскій пожилой человѣкъ обратился къ наставнику академіи съ вопросомъ: кто таковы духовныя лица, тутъ присутствовавшія? И когда оказалось, что въ числѣ ихъ находились самыя почетныя особы, даже кафедральный протоіерей; то свѣтскій человѣкъ съ удивленіемъ спросилъ: да почему викарій съ ними такъ презрительно обращается? Вотъ напр. меня онъ никогда не видалъ, а м. т. спросилъ о моемъ здоровьѣ, не далъ мнѣ поцѣловать руку, а имъ просто позволялъ только прикладываться. 3) Одинъ архимандритъ былъ въ первый день пасхи 1862 г. приглашенъ служить утреню въ кафедральномъ соборѣ, но по причинѣ грязнаго времени и отдаленности монастыря прїѣхалъ, когда архіерей былъ уже въ соборѣ; впрочемъ остановки отъ этого въ богослуженіи никакой не произошло. Архимандритъ облачился и вмѣстѣ съ другими пошолъ кругомъ собора. Когда остановились въ притворѣ предъ церковными дверями, то архіерей, обидѣвшійся за позднымъ прїѣздомъ архимандрита, не дѣлая надлежащаго возгласа, подошолъ къ нему, грубо и громко сказавши: «архимандритъ, а не знаешь, какъ стоять», повернулъ его и оставилъ на томъ же мѣстѣ. Кстати тутъ же стоялъ почтенный соборный священникъ, магистръ и законоучитель гимназіи, на котораго владыка имѣлъ, можно сказать, безпричинное неудовольствіе. *Рука*, какъ говорятъ, *расходилась*, подошлѣ и къ священнику: «а вотъ ты еще магистръ, а не *умѣешь стоять*», тоже повернули его и оставили на томъ же мѣстѣ. Послѣ этого эпизода, когда всѣ православные христіане ожидали, скоро ли начнутъ пѣть: *Христосъ воскресе*, сдѣлали наконецъ надлежащій возгласъ.

Если такъ владыки обращаются съ архимандритами и протоіереями, даже кафедральными, то можно уже догадываться, что бываетъ съ простыми священниками, дьяконами и причетниками. Чтобы имѣть понятіе объ этомъ, сначала

отправимтесь въ *подачу* т. е. ту комнату архіерейскаго дома, гдѣ, какъ говоритъ г. Никитинскій (въ No. 40 Дня 1863. г.), «духовныя лица ожидаютъ, пока имъ дозволено будетъ явиться къ епархіальному начальнику для объясненія своихъ нуждъ и просьбъ. У всѣхъ почти свѣтскихъ начальниковъ для приѣма просителей назначается особая комната чистая, свѣтлая, теплая, со стульями, столами и пр.; здѣсь-то просители — кто сидя, кто стоя, кто похаживая, дожидаются того времени, когда имъ можно будетъ объясниться съ хозяиномъ. Только развѣ крестьяне, слишкомъ уже неопратно одѣтые, съ грязными ногами, стоятъ гдѣ либо на крыльцѣ, въ сѣняхъ, или передней. Но д-во въ дому своего начальника находить совсѣмъ другаго рода приемную; кромѣ немногихъ исключеній, *подача* состоитъ изъ комнаты съ загроможденнымъ до нельзя поломъ, съ почернѣвшими стѣнами, съ какою либо мебелью топорной работы, напр. съ чѣмъ то въ родѣ садовой скамейки или кухоннаго стола, и притомъ въ очень ограниченномъ количествѣ. Иногда подача не отплевается въ самыя жестокіе морозы; впрочемъ, вмѣщая въ себѣ нерѣдко до 40—50 человекъ, не бываетъ очень холодною; въ тепломъ зимнемъ платьѣ можно еще стоять въ ней; только голова ощущаетъ холодъ.» Но не всегда удается дожидаться и въ подачѣ, по словамъ автора книги: о. с. д. «Кто бывалъ у архіереевъ въ тѣ часы, когда являются просители, тотъ безъ сомнѣнія видалъ, что іереи, даже покрытые сѣдинами, постыдно толкаются въ сѣняхъ (даже и не въ прихожей) съ причетниками и мужиками; сидятъ на лѣстницѣ въ ожиданіи выхода владыки; нѣтъ нужды, что это бываетъ и въ морозы градусовъ, въ 25; — архіерей держитъ ихъ часа по два, по три, а пожалуетъ какая либо барыня, и по пяти часовъ; и послѣ такого ожиданія еще прикажетъ сказать, что сегодня не принимаетъ просителей и чтобы они явились завтра (стр. 123).» Отъ лѣстницъ не далеко и до чистаго открытаго воздуха; почему же и тутъ не заставитъ подождать аудіенціи. Вотъ уже въ 1864 г. одинъ архіерей весною переселился на дачу за городъ; она ему понравилась, и онъ остался въ ней жить на всю зиму, прикрываясь тѣмъ, что будто бы надобно передѣлать домъ, что въ немъ холодно. Дача состоитъ изъ очень обширнаго дома; въ передней и залѣ котораго можетъ помѣститься до 100 и болѣе человекъ. Но его пр-во, когда начнется подача, приказываетъ впускать къ себѣ по одному человекъ. Прочіе же всѣ, кромѣ весьма немногихъ исключеній, и въ это время, и прежде помѣщаются, если ихъ немного въ сѣ-

нихъ совершенно холодныхъ, досчатыхъ, по которымъ вѣтръ разгуливаетъ свободно, куда входитъ морозу и снѣгу нѣтъ препятствій. Если же просителей много, то имъ приходится стоять уже на чистомъ, открытомъ воздухѣ, на вѣтру, подъ дождемъ, въ мятель, слякоть и морозъ. Прибавьте къ этому, что иногда приходится ждать по 2—3 часа, что на дачу нужно пробираться и съ ней возвращаться чрезъ чистое поле, гдѣ въ дождливое время надобно мѣсить грязь, ити по лужамъ, а зимою наметаются сугробы снѣгу по колѣна; представте все это и вы, вѣрно, описанія двухъ авторовъ, изъ которыхъ я взялъ отрывки, уже не назовете преувеличеніями. А архіерей считаетъ себя и считается отъ другихъ добрымъ человѣкомъ, даже ласковъ и вѣжливъ въ обращеніи. Впрочемъ, должно думать, по добротѣ своей сдѣлалъ на своей дачѣ улучшенія. Въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ главнаго дома построены домикъ, въ родѣ кафе-ресторана (я не смѣю назвать ни харчевней, ни трактиромъ), гдѣ можно согрѣть себя и чайкомъ и . . . . . Вѣдь не замерзнуть же просителямъ! вмѣстѣ съ тѣмъ и плата умѣренная, даже неопредѣленная. О экономѣ архіерейскаго дома не назначилъ въ кафе-ресторанѣ никакого *prix-fixe*, приказалъ братъ, что дадутъ, но отъ этого нѣтъ убытка, даютъ больше, нежели что стоитъ выпитое. Кромѣ того извоицики крайне довольны житьемъ владыки на дачѣ. Всякій порядочный священникъ, даже дяконъ и причетникъ, особенно въ дождь, жаръ, снѣгъ, вѣтеръ и пр. боится отпраляться пѣшкомъ; промокнешь и переябнешь еще на ходу, да потомъ постой часа два на чистомъ воздухѣ, или въ холодныхъ сѣняхъ. Извоицики понимая, что безъ нихъ обойтись нельзя, назначаютъ плату по вѣнушенію *извоицичей совѣсти*, особенно если берутъ ихъ съ тѣмъ, чтобы они дожидались до окончанія аудіенціи. Т. о. приходится иному бѣдняку заплатить не только полтинникомъ, но и рубликомъ и даже побольше.

Войдемъ - те, г. ч., въ подачу, и посмотримъ, что тамъ подѣлываетъ собравшееся д-во. По словамъ г. Никитинскаго, въ этой-то комнатѣ, т. е. въ подачѣ ждутъ вмѣстѣ не только дяконъ и священникъ, но и благочинный и протоіерей, вмѣстѣ даже съ нищими и сборщиками подалий; ждутъ, — кто вытянувшись въ струнку на ногахъ, кто прислонившись къ стѣнѣ, кто присѣвши на окно, кто даже опустившись на полъ, — ждутъ всѣ. Исключеніе бываетъ для немногихъ протоіереевъ, или благочинныхъ, которые по особому вниманію къ нимъ прислужника, или посьмоводи-

теля, находятъ гдѣ нибудь въ сосѣдней комнатѣ сносное убежище. «По словамъ автора книги: о. с. д. мимо стоящихъ въ подачѣ священниковъ безпрестанно снуетъ архіерейская сволочъ; — отъ письмоводителя и до лакея, — и каждый какъ будто необходимымъ считаетъ толкнуть его (священника) и разорвать нить его мыслей лакейски грубымъ: *что сталь не на мѣстѣ* (въ лакеѣ отражается господинъ — известная аксіома.) Онъ (священникъ) отходитъ на другое мѣсто, но гдѣ бы ни сталь, гдѣ бъ ни сѣлъ, — вездѣ не на мѣстѣ; вездѣ ругаютъ, отсюду съ ругательствомъ гонять (Стр. 121).» Отъ этого, добавляетъ авторъ, «священникъ», еще не выдавшись съ архіереемъ, уже растерялся и на половину позабылъ, о чемъ нужно говорить.» Позвольте и мнѣ съ своей стороны прибавить что нибудь. Стоя въ подачѣ, хотя бы въ ней было 40—50 человекъ, не услышите не только веселаго, а даже одушевленнаго разговора; всѣ посматриваютъ изъ подлобья; одинъ, наклонившись къ другому, шепчетъ на ухо вовсе не секретъ, — а дѣлаетъ это, чтобы звукомъ голоса не нарушить господствующаго молчанія. Другой посмѣлѣе шепчетъ, но уже не на ухо; третій иногда поговариваетъ такъ, что его можно понять на аршинномъ разстояніи отъ него. Иногда даже начинается общій гулъ, но тутъ какой либо осторожный человекъ своимъ *ми*, или *цси* заставляетъ всѣхъ умолкнуть. Иногда же при нѣсколько усиленномъ (вовсе впрочемъ не громкомъ) говорѣ раздается голосъ лакея, или письмоводителя: *эй, вы! что разшумались?* и тогда все вытянется, замолчитъ; муха пролетитъ; — ее услышишь. Развѣ какой нибудь крестьянинъ, безцеремонно привыкшій распоряжаться у себя на дворѣ и на полѣ, или въ городѣ на базарѣ, вдругъ заговорить громко; тогда всѣ улыбнутся, а кто нибудь поближе скажетъ: «что ты? экой мужикъ! разорался,» и крестьянинъ сконфуженный замолчитъ. Да, стоя въ подачѣ, невольно подумаешь: *крѣпкоко васъ, отца святые, держатъ въ рукахъ, побаиваетесь вы своего владыки!*

Подаваніе просьбъ, какъ говоритъ г. Никитинскій, происходитъ б. ч. двоякимъ образомъ. Иногда въ подачу выходитъ такъ называемый *податчикъ*, имъ бываетъ или письмоводитель, даже слуга, келіиникъ, или другое довѣренное лицо не высокаго ранга. Онъ б. ч. важно, торжественно, иногда и не безъ нахальства, даже не безъ брани собираетъ письменныя просьбы, не бываетъ внимательнымъ къ словеснымъ, милостиво улыбнется почтенному священнику, или благочинному, даже скажетъ: что это вы здѣсь

стоитъ, вы бы пожаловали ко мнѣ, или въ залу, — и потомъ отправляется во внутренніе апартаменты со всѣми просьбами.» Но большая часть архіереевъ лично принимаетъ просьбы, или выслушиваетъ объясненія; для этого или сами они выходятъ въ подачу, или лакей пускаетъ изъ нее въ сосѣднюю залу просителей, гдѣ они бывають *tête-à-tête* съ владыкою. Въ томъ и другомъ случаѣ приходится выносить новыя униженія и оскорбленія. Въ очень недавнія времена бывали примѣры, что при появленіи владыки въ подачу всѣ духовныя лица дѣлали ему земной поклонъ; въ одной епархіи становились даже на колѣна; съ кѣмъ владыка вступалъ въ разговоръ, тотъ имѣлъ право встать, а прочіе въ колѣнопреклоненномъ положеніи дожидались своей очереди. Но это случалось и особенно случается рѣдко. Б. ч. по отобраніи прошеній просители одинъ за другимъ впускаются въ ближайшую къ подачѣ комнату предъ лицо своего начальника. «Въ этомъ случаѣ, какъ говоритъ г. Никитинскій, духовныя лица дѣлають иногда только поясной поклонъ, но во многихъ мѣстахъ земной и даже становятся на колѣна. По окончаніи аудіенціи, принявъ благословеніе, вновь распространяются, гдѣ это заведено. Отъ принятыхъ обычаевъ нѣтъ возможности отступить даже смѣлымъ людямъ; такъ или иначе, словомъ, или дѣломъ, выраженіемъ ли лица, тономъ ли голоса во время аудіенціи, или послѣдствіями ея дадутъ либералу замѣтить, что онъ забываетъ свои отношенія къ начальству, не оказываетъ ему должнаго уваженія и потому не заслуживаетъ ни награды, ни снисхожденія; по неволѣ поклонившись и забудешь свою гордость. И потому почти всѣ, и кафедральныя протоіереи, и архимандриты, и кавалеры св. Анны и св. Владиміра, и еще кто либо повыше, — всѣ соблюдаютъ заведенный порядокъ.»

И эта поклонomanія не дѣлаетъ чести нашимъ владыкамъ; но поклонившагося можно еще привѣтливо принять, обласкать; онъ бы и за это очень былъ благодаренъ, а за поклоны не сталъ бы сердиться. Но въ подачахъ и приемныхъ бывають иногда возмутительныя сцены. Возьмемъ рассказы о нихъ изъ книги о. с. д. „Создатель мой! Что можетъ быть унизительнѣе, позорнѣе, безчеловѣчнѣе того, какъ архіереи обращаются съ іереями вообще и съ сельскими въ особенности? (стр. 123.) . . «Описывать все, что бываетъ въ обращеніи архіереевъ съ сельскими іереями и слишкомъ много потребовалось бы бумаги, и слишкомъ горько писать подобныя вещи, да и какая въ этомъ польза? Скажемъ коротко, что архіерен не только не хотятъ видѣть въ іереяхъ слу-

жителей Бога вышнего, своихъ собственныхъ сотрудниковъ въ великомъ дѣлѣ паствы, но и людей. *Какъ собака*, держатъ ихъ за дверьми своихъ прихожихъ, кликутъ на нѣсколько минутъ для подачи ли прошеній, или для необходимыхъ объясненій и стараются, какъ можно скорѣе, выпроводить ихъ изъ своей прихожей. Не только удостоить продолжительнаго собесѣдованія, даже подойти близко не хотятъ они къ іерею, а изъ дверей зала протягиваютъ руку для приѣма прошеній (стр. 124).» Вотъ описаніе аудіенці: «наконецъ допускается и священникъ (на котораго пожелается помѣщикъ), передрогшій, измучившійся долгимъ ожиданіемъ (истомъ хуже всего) предъ лицо архіерея. Не кроткое слово апостольскаго преемника встрѣчаетъ его, а грубое, жесткое, грозное: *что ты надѣлалъ тамъ, неаппій?* — поражаетъ его на первомъ шагу. У священника отъ такой привѣтливой рѣчи содрагается весь организмъ; въ глазахъ у него темнѣетъ, мысли путаются, языкъ нѣмѣетъ; вмѣсто настоящаго объясненія, онъ бормочетъ кое-что. «А ты еще вздумалъ оправдываться,» прикрикиваетъ на него архіепастырь и, не раслушавъ хорошенько, что говоритъ онъ — «пошолъ вонъ!» (стр. 85).» Вотъ образчикъ другой аудіенці. «Принявъ прошенія, архіерей обращается въ нему (священнику) съ вопросомъ; тебѣ что? — «Объясниться съ В. П-вомъ.» — Вѣрно, кляузы какія нибудь; у васъ вѣчно кляузы.» Отъ этихъ словъ, высказанныхъ грубо, жестоко, раздражительно, іерей теряется окончательно; мысли его путаются; не связано, безтолково, невнятно онъ бормочетъ кое-что не умѣя дать себѣ отчету, гдѣ онъ и что дѣлается съ нимъ. Не раслушавъ и не дослушавъ, архіерей обращается къ нему спиной и кончено объясненіе, отъ котораго шерѣдко зависитъ спокойствіе и даже судьба всей семьи іерея и всего его семейства. Слово, одно только слово привѣта и ободренія, могло бы успокоить встревоженный духъ іерея, и онъ получилъ бы возможность ясно и толково высказать, за чѣмъ являлся; но нѣтъ никогда такихъ словъ на устахъ архіереевъ, какъ и въ самомъ взглядѣ никогда не выражается ни милости, ни снисхожденія. И эти же *сатраны въ рясахъ* всегда т. о. рекомендуютъ барамъ сельскихъ іереевъ: «что за ослы, эти деревенскіе попы, — слова толковаго не услышишь отъ нихъ; удивляюсь, какъ еще вы терпите ихъ и допускаете къ себѣ (!!!)» Рекомендация по истинѣ самая благонамѣренная, самая умная, самая архіепастырская. Такъ безсовѣстно и безчеловѣчно топтать въ грязь цѣлое сословіе въ присутствіи тѣхъ, у которыхъ цѣль всей жизни — все пони-

ратъ своими ногами; какъ бы говорить: «мы уже совѣмъ растоптали поповъ; топчите кстати и вы, — всѣ ослы и большаго не заслуживаютъ.» На это способны только *смирные* архипастыри православной Руси! (Стр. 127.) Закончимъ выписку слѣдующими словами автора; «Словомъ, если кому угодно видѣть азіатское чинопочитаніе во всей его красѣ, во всемъ его пошло-отвратительномъ велелѣши, — отъ стуканья въ полъ подчиненныхъ и до фигуры начальника, въ которой во всей ярко выражается одно: необъятное, ничѣмъ неудовлетворимое тщеславіе, — тотъ пусть проведетъ нѣсколько сутокъ при архіереѣ, и внимательно и безпристрастно всмотрится въ его обращеніе съ подчиненными. (стр. 124.)»

Для читателя, который незнакомъ ближайшимъ образомъ съ взаимными отношеніями между д-омъ и епархіальнымъ начальствомъ, видалъ архіереевъ въ соборѣ во время литургіи окруженными всѣмъ церковнымъ великолѣшемъ, или сиживалъ у нихъ въ гостяхъ, — для такого читателя сдѣланныя мною сейчасъ выписки покажутся болѣе, нежели невѣроятными; онъ ихъ, пожалуй, сочтетъ клеветою, а автора назоветъ неблагонамѣреннымъ человѣкомъ. Обращеніе архіереевъ описано въ чертахъ, которыя показываютъ такое пренебреженіе къ священному званію, такое высокоуміе, что даже, имѣя въ рукахъ доказательства на все это, ужаснешься составить общее заключеніе. Но г. ч., не подозрѣвайте, Бога ради, автора книги: о. с. д. ни во лжи, ни въ клеветѣ, ни въ злонамѣренномъ искаженіи фактовъ, онъ человѣкъ честный, благонамѣренный, добросовѣстный и весьма набожный. Г. Погодинъ (N. 5. Русс. Вѣст. 1859 г. стр. 50.) справедливо говоритъ, что книга о. с. д. «не раздаетъ отъ себя ударовъ, а только заявляетъ полученные удары, обнаруживаетъ раны, кои точатся кровію.» Но такъ говорятъ защитникъ автора; м. т. одинъ даже, изъ берлинскихъ апологистовъ въ своей критикѣ на книгу о. с. д. сказалъ: «не одна только ложь и клевета, а частію и грустная правда высказана въ ней (стр. 3).» А потомъ, когда почтенному автору грозило примѣрное, какъ у насъ говорятъ, наказаніе за его сочиненіе, то за него вступился его же епархіальный архіерей вовсе уже не либералъ, а даже горячій защитникъ іерархіи. Чѣмъ это объясните, какъ не тѣмъ, что авторъ своими пастырскими добродѣтелями заслужилъ хорошее мнѣніе у одного изъ тѣхъ, кого такъ рѣзко описалъ въ своемъ сочиненіи? Затѣмъ онъ, какъ священникъ, зналъ все, имъ описанное, или по своему опыту, или

по разсказу другихъ близкихъ къ нему священниковъ. Напрасно впрочемъ онъ не сдѣлалъ оговорки, что встрѣчаются и встрѣчались нѣкоторые архіереи, которые не могутъ быть вставлены въ его картину. Но называть его лжецомъ, клеветникомъ никакъ не слѣдуетъ. Даже знаете ли, г. ч., случайно или намѣренно онъ не коснулся вовсе одного предмета, котораго описаніе пробудитъ въ самомъ хладнокровномъ чловѣкѣ негодованіе и отвращеніе; и въ самомъ жаркомъ и недобросовѣстномъ клерикалѣ недоумѣніе. Съ этимъ то предметомъ я хочу васъ познакомить.

Ошибки, неисправности, проступки и даже преступленія случаются въ бѣлому д-вѣ также, какъ и во всякомъ сословіи; за нихъ читать, или писать похвальные слова не слѣдуетъ. Въ этихъ случаяхъ, какъ говоритъ г. Никитинскій: «конечно нельзя обойтись безъ штрафовъ и наказаній, но къ нимъ должны бы относиться только тѣ, которые положены по XV тому, Свода Законовъ, или по особымъ постановленіямъ. Выдумывать же свои собственныя наказанія, притомъ несогласныя съ правилами, которыми пользуется виновный, никакъ не слѣдовало бы. Даже, еслибы какое нибудь наказаніе не было отмѣнено, а м. т. противорѣчить существующимъ понятіямъ о чести, то нужно было бы, к-ся, неупотреблять его, или отмѣнить.» Но эта, т. с-тъ, теорія не прилагается къ бѣлому д-ву; оно еще до сихъ поръ подвергается такимъ унижительнымъ и даже дѣтскимъ наказаніямъ, о которыхъ другія сословія забыли уже. Каково напр. показалось бы, если бы министръ народнаго просвѣщенія, пріѣхавъ ревизовать университетъ, поставилъ за какія либо неисправности на колѣна профессора, или даже студента; если бы точно также поступилъ директоръ департамента съ какимъ нибудь помощникомъ столоначальника, или дивизионный генералъ съ прапорщикомъ, даже юнкеромъ? Каково было бы, если бы всѣ эти начальники заставили виновныхъ своихъ подчиненныхъ публично при всѣхъ, даже при постороннихъ положить 50 — 100 земныхъ поклоновъ? Что заговорила бы тогда русская даже публика, когда бы она узнала о такомъ самоуправствѣ министра, директора и генерала? Такъ пусть же публика знаетъ, что епархіальные архіереи, конечно не всѣ но и не одинъ же употребляютъ очень недавно и даже употребляютъ эту исправительную мѣру по отношенію даже къ священникамъ. Вѣдь это такая съ позволенія сказать, *дичь*, что ума не приложишь, какимъ образомъ подобныя постановленія доселѣ существуютъ. Почему бы не вспомнить при этомъ случаѣ, что св-и-ц-сл-ли

не дѣти, что если не земные поклоны, то стояніе на колѣнахъ причислить можно къ тѣлеснымъ наказаніямъ, отъ которыхъ нынѣ уволены почти все сословія?

Но произволъ и отступленіе отъ общихъ государственныхъ постановленій въ наказаніяхъ д-ва ограничиваются не одними земными поклонами и стояніемъ на колѣнахъ; есть еще другія наказанія-поунизительныя. Весьма нерѣдко епархіальныя начальства отсылаютъ духовныхъ лицъ *на исправленіе и смиреніе* въ монастыри, или въ крестовую церковь. Въ этомъ случаѣ смиряемые и исправляемые обязаны быть при всехъ ежедневныхъ богослуженіяхъ, — дѣло хорошее. Но исправляемые и смиряемые въ архіерейскихъ домахъ обязаны не только молиться, но и исправлять кое-какія вовсе не молитвенныя занятія. Позвольте и здѣсь говорить нѣсколько измѣненными словами книги: о. у. д. у. «ревнители старинныхъ преданій думаютъ, что наказанія духовныхъ лицъ только нравственными средствами касаются одной души, а извѣстно, что едвали не во всякомъ проступкѣ участвуетъ и тѣло. Зачѣмъ, по мнѣнію ихъ, душу наказывать, а другаго участника, даже, м. б., зачинщика оставлять безъ наказанія? Надобно, чтобы этотъ зачинщикъ, т. е. грѣшное тѣло, почувствовалъ свою виновность. И потому заставляя виновное духовное лицо бывать у божественной службы въ крестовой, не слѣдуетъ забывать и грѣшное тѣло, обязывая его расчищать дорожки въ саду, набивать щепень для нихъ, рубить или колоть дрова, переносить ихъ на третій этажъ, возить въ тачкѣ, или носить на носилкахъ землю, качать воду изъ колодезя, даже почистить канавы и. пр. и. пр. Вѣдь, какъ хотите, для тѣла все это ощутительно, вѣдь оно хоть и матерія, а чувствуетъ, что его за что-то наказываютъ (т. 2. стр. 34—35).» Къ несчастью смиряющихъ и исправляющихъ общественное мнѣніе и государственныя постановленія смотрятъ нѣсколько иначе на подобныя исправительныя мѣры; называютъ ихъ *чорными работами*, на которыя могутъ быть осуждаемы только люди податнаго состоянія, арестанты арестантскихъ ротъ, люди, посаженные въ смирительные дома; а людей свободныхъ, не податныхъ сословій безъсуда, безъ лишенія правъ состоянія нельзя дѣлать, хотя бы на часъ, чернорабочими. Скажите же теперь, почему подъ этотъ законъ не подведены духовныя лица? Они принадлежатъ къ свободнымъ сословіямъ, а священники и дьяконы вмѣстѣ съ почетными гражданами и личными дворянами составляютъ даже второе сословіе въ государствѣ. Неужели с. петербургскій генералъ-губернаторъ,

или даже какой либо министр за проступки посылаетъ чиновниковъ, или почетныхъ гражданъ утрамбовывать дорожки, носить дрова и воду? (т. 2, стр. 45).» Но тутъ еще не должно забывать о томъ вредномъ влияніи, которое имѣютъ подобныя наказанія на паству и пастырей. Г. Никитинскій справедливо говоритъ: «прихожанинъ, увидавши, или услышавши, что его духовный отецъ ставится, какъ дитя, на колѣна, не почувствуетъ большаго къ нему уваженія. Чтоже сказать о томъ, когда сдѣлается извѣстнымъ, что и дьячокъ и батюшка гдѣ либо (въ архіерейскомъ домѣ) осуждены были на черную работу? Да и что подумаютъ о себѣ самихъ духовныхъ лица въ этихъ случаяхъ? Моральное униженіе почти всегда у насъ отнимаетъ часть нашего нравственнаго достоинства и мужества; по неволѣ тутъ поищешь утешенія въ чемъ либо недолжномъ, или почувствуешь презрѣніе къ самому себѣ.»

Въ предъидущемъ случаѣ черныя работы налагались по к. м. на виновныхъ въ чемъ нибудь. Но виновные не всегда бываютъ на готовѣ, или не въ такомъ количествѣ, чтобы исполнить всѣ нужныя по архіерейскому дому и саду черныя работы. Можно бы конечно для этого нанять какихъ либо настоящихъ рабочихъ людей, но съ ними надобно вести счоты и разсчоты, кормить ихъ, давать имъ квартиру, — сколько хлопотъ и даже убытку? Почему не пригласить къ себѣ кого либо изъ своихъ подчиненныхъ въ качествѣ помощниковъ по хозяйственной части? На этомъ соображеніи въ одной епархіи слишкомъ недавно всякій причетникъ, подавшій прошеніе о посвященіи въ стихарь, получалъ приказаніе ходить въ крестовую, чтобы де увидать, заслуживаетъ ли онъ стихаря. Но *умисель другой тутъ былъ; хозяинъ нашъ* приказывалъ дьячкамъ быть въ полномъ распоряженіи о. эконома, котораго называли *страшнымъ*. По распоряженію этого отца ставленники-дьячки исправляли всѣ черныя работы по архіерейскому дому. Въ это время строился на архіерейской дачѣ за городомъ огромный домъ; щепы и отрубковъ было тамъ множество; почему не подумать о сбереженіи этого суррогата топлива? И вотъ причетники собирали все это въ кучу, перевозили не на себѣ впрочемъ, а на архіерейскихъ лошадяхъ въ архіерейскій домъ. Понадобилось привести сѣно? — они же отправлялись на дуга къ стогамъ, навивали его на воза и перевозили его въ архіерейскую конюшню. Такое приготовленіе къ стихарю продолжалось по нѣсколько мѣсяцевъ, даже по полгода; приготовляемые жили на свой счотъ въ наемныхъ кварти-

рахъ, — конечно проживались, но зато способствовали къ уменьшенію расходовъ въ архіерейскомъ домѣ. Рабочихъ рукъ иногда было даже въ излишкѣ. Однажды намѣстникъ монастыря, котораго настоятелемъ былъ владыка, доложилъ ему, что нужно у нихъ прочистить старыя и прорыть новыя канавы, и потому просилъ позволенія нанять рабочихъ. «Къ чему это? возразилъ владыка; вотъ погоди, я къ тебѣ пришлю дьячковъ, они все сдѣлаютъ.» Зная вкусъ и экономію владыки, многіе кандидаты на причетничество, не имѣя никакого мѣста въ виду, являлись къ нему и просили позволить имъ ходить въ крестовую, чтобы приучиться къ причетнической должности; такъ *массилось* на официальномъ языкѣ; но въ самомъ дѣлѣ и они поступали въ распоряженіе о. эконома. Послуживши, т. е. поработавши мѣсяца 3—4 и даже побольше полгода, они признаваемы были достойными дьячества, или пономарства и опредѣлялись на открывавшіяся вакансіи. Правду сказать, *Страшный* иногда уже слишкомъ безцеремонно обращался. Однажды причетникъ плохо подмелъ крестовую. Страшный, замѣтивъ неисправность, счолъ нужнымъ наказать виновнаго; свои собственные руки пожалѣлъ, а увидавши у печки желѣзную кочергу, *сѣздомъ* ею, по выраженію причетника, нѣсколько разъ по спинѣ, впрочемъ слишкомъ большой боли м. б. и не было; наказанный былъ въ овчинномъ тулупѣ. — Все это уже отзывается покойнымъ нашимъ крѣпостнымъ правомъ; не забудьте, что подобныя порядки существовали, положимъ хоть бы и въ одной епархіи, почти до конца 1863 года, когда уже на основаніи манифеста 19 февр. 1861 г. всѣ лакеи безъ всякаго выкупа сдѣлались свободными отъ власти помѣщиковъ.

Впрочемъ не одни эконома, а иногда и тѣ, при комъ они состоятъ, любятъ давать волю своимъ рукамъ, забывая 27 правило св. апостоловъ, которымъ повелѣвается извергать епископа, біющаго вѣрныхъ согрѣшающихъ, или невѣрныхъ обидѣвшихъ. 1) Одинъ законо-учитель гимназіи и протоіерей пришолъ доложить своему епархіальному архіерею о томъ, что его дьяконъ служилъ всенощную въ гимназіи въ нетрезвомъ видѣ. «Да развѣ нѣтъ благочиннаго? Почему ты къ нему не пошолъ, а лѣзешь ко мнѣ со всякою дрянью,» изволили воскликнуть. Законоучитель вздумалъ было объясняться, ну тогда уже нечего было разговаривать, собственно десницею повернули его на право кругомъ, сообщили ему движеніе къ двери, такъ что о. протоіерей на основаніи такъ называемой недейственности въ слѣдствіе прибрѣтенной скорости быстро очутился за дверью. 2) Въ

одно, р-ся, богатое село освящать новый храмъ былъ приглашенъ мѣстный преосвященный. Во время причащаго стиха по совершении даровъ онъ иподьякону сказалъ, что будетъ чай пить у младшаго, а обѣдать у старшаго священника. Иподьяконъ ли забылъ передать, какъ слѣдовало, или лакей неясно понялъ это распоряженіе, только послѣдній, провожая преосвященнаго послѣ обѣдни и проходя мимо одного дома, сказалъ: вотъ здѣсь живетъ священникъ. Полагая, что тутъ живетъ младшій священникъ, у котораго предполагалось пить чай, преосвященный зашелъ въ домъ. Но къ несчастію домъ принадлежалъ старшему священнику; тотъ зная, что владыка у него будетъ обѣдать, ничего не приготовилъ къ чаю, не встрѣтилъ гостя за воротами съ хлѣбомъ солью и съ поклономъ; даже самого хозяина не было дома. «Такъ-то вы принимаете архіерея воскликнулъ оскорбленный владыка; ни чаю, ни встрѣчи, ни хозяина нѣтъ.» Жена священника растерялась; но вскорѣ прибѣжалъ хозяинъ и кое-какъ объяснилъ, что домъ принадлежитъ ему-старшему священнику и что здѣсь, по распоряженію самого преосвященнаго, ждали его къ обѣду, а чая не приготовляли. Владыка увидалъ, что хозяева не въ чемъ не виноваты, поднялся и пошелъ вонъ. У двери лакей поспѣшилъ подать ему трость, но получилъ пощечину, отъ которой отлетѣлъ въ сторону. Отправились къ младшему священнику, но вышла новая бѣда. Здѣсь узнавши, что владыка зашелъ уже къ старшему священнику, подумали, что онъ перемѣнилъ свое распоряженіе и не будетъ у нихъ пить чая, и потому не ждали гостя и не приготовились къ приличному приему его. Владыка уже и прежде раздосадованный, пришолъ въ крайнее негодованіе, но хозяинъ кое-какъ объяснился владыка увидалъ, что и тутъ хозяева не виноваты. Полагая, что всему злу виною иподьяконъ, которому первоначально передано было распоряженіе, онъ нѣсколько разъ говорилъ: *послать ко мнѣ П-аго* (фамилія иподьякона); *идти П-ий?* но иподьяконъ, зная характеръ своего начальника, не показывался на глаза ему. Въ это время къ несчастію явился ни въ чемъ не виновный протодьяконъ, чтобы по заведенному порядку на блюдечкѣ поднести двѣ просфоры владыкѣ. Но оскорбленному надобно было, какъ говорятъ, *сорвать сердце* съ кого нибудь; иподьяконъ не являлся, другіе успѣли оправдаться, а протодьяконъ стоялъ молча, и потому бѣдникъ получилъ такой толчокъ въ грудь, что ударился въ перегородку, которая вся задрожала. Сердце владыки послѣ этого успокоилось; начали кушать чай, повеселѣли мало по

малу и сдѣлались очень милостивы и любезны. — 3) Къ одному преосвященному пришло ректоръ подвѣдомственнаго духовно-учебнаго заведенія. Снявши верхнее платье въ передней и отворивши дверь въ приемную, онъ увидѣлъ гогортовскую сцену. Владыка въ одномъ подрясникѣ, безъ клобука лѣвою рукою удерживая священника за грудь, правую дѣлалъ очень, очень чувствительныя внушенія его грѣшному тѣлу. Священникъ конечно не могъ вступить въ бой по правиламъ боксеровъ, но принималъ оборотительное положеніе, отпарировалъ удары своими руками, что впрочемъ не всегда удавалось сдѣлать; а главное отступалъ къ ближайшему ретраншементу, за которымъ надѣялся скрыться, т. е. къ двери. Битва была въ разгарѣ, поэтому присутствіе ректора не вдругъ замѣтили; но, замѣтивши, нападающая сторона немедленно и поспѣшно отступила во внутренніе апартаменты; атакованный же поскорѣе убрался въ прихожую. Черезъ нѣсколько минутъ къ ректору вышелъ его начальникъ, но уже въ клобукѣ, рясѣ, орденахъ, панагіи и пр. 4) Въ другой епархіи инспекторъ семинаріи, репортуя владыкѣ о ея благосостояніи, чѣмъ-то не понравился ему. Инспекторъ былъ монахъ; съ нимъ нечего было церемониться; клобукъ очутился на полу, волосы, хотя были причесаны очень хорошо, оказались въ слѣдствіе одной непріятной операціи веклокоченными. Но высокій начальникъ пораженъ былъ смиреніемъ, съ которымъ виновный принялъ назиданіе и восхлопоталъ ему ректорское мѣсто; *за битаяго двухъ не битыхъ даютъ*. 5) Одинъ владыка, приглашенный въ день Благовѣщенія служить обѣдню въ приходской церкви, назначилъ въ число служащихъ между прочимъ благочиннаго-протоіерея П-аго и любимца своего крестоваго іеромонаха В-ія. Но послѣ оказалось, что въ ту же обѣдню надобно дать набедренникъ одному городскому священнику. Поэтому владыка приказалъ, чтобы протоіерей не служилъ. Но иподьяконъ намѣренно, или не намѣренно объявилъ это крестовому іеромонаху. Владыка входитъ въ храмъ и, замѣтивъ присутствіе благочиннаго и отсутствіе іеромонаха, спросилъ, почему служить П-ій, а не В-ій, р-ся, виновнымъ оказался иподьяконъ. Облачили *Насъ*; нельзя же было оставить наказаніе проступка до окончанія обѣдни, или ограничиться выговоромъ, но найдено тоже не очень удобнымъ поступить такъ, какъ выше поступлено было съ протоіереемъ; избрана была золотая середина: когда на такъ называемомъ архіерейскомъ мѣстѣ остались только владыка и иподьяконъ, то первый подозвалъ къ себѣ виновнаго,

сжалъ одну изъ частей его тѣла своею десницею такъ сильно, что иподьяконъ чуть не вскрикнулъ. Послѣ этого все успокоилось, п. ч. правосудіе оказалось удовлетвореннымъ. Владыка этотъ отличался оригинальнымъ характеромъ. По его убежденіямъ, или лучше минутнымъ увлеченіямъ всякій проступокъ относительно его высокой личности долженъ былъ получить немедленное воздаяніе — *словомъ*, а частенько и *дѣломъ*, и уже не всегда ограничивался сжатіемъ, или чѣмъ нибудь въ родѣ щипка. Отъ этого случалось, что протодьяконъ, дьяконы и иподьяконы въ алтарѣ читали нужнымъ держать себя на почтительной дистанціи отъ облеченнаго въ *саккосъ правосудія*, а по окончаніи обѣдни, проводивши владыку, присаживались и говаривали: «ну, слава Богу, кончилась. Кому досталось? Тебѣ? или тебѣ? и пр.» И слишкомъ рѣдко можно было въ этомъ финалѣ услышать: «а что, братцы? нынѣ, к-ся, всѣ, цѣлы, остались!»

б) Въ соборѣ уѣзднаго города предъ совершавшимъ литургію архіереемъ долженъ былъ держать книгу мѣстный причетникъ. Зная порывчатый характеръ владыки, дьячокъ трусилъ; отчего у него дрожали руки. Осердившись на это, святитель вырвалъ книгу, ударилъ ею трусливаго и неловкаго причетника, сказалъ ему: убирайся. Но когда тотъ сталъ отходить, то ему сообщено былъ въ шею довольно сильное движеніе впередъ десницею совершавшаго литургію архіерея; дьячокъ чуть не упалъ. 7) Разсказу еще одно событіе, въ которомъ конечно кулачное право не было пущено въ ходъ въ буквальномъ смыслѣ, но выражаются такое презрѣніе, такая гордость архіерея относительно священниковъ, что невольно приходишь въ недоумѣніе, негодованіе и ужасъ. Въ 2ой ч. 13го отдѣла было объяснено, какъ одинъ *ловкій человекъ* собралъ пожертвованія съ д-ва на постройку дачи для епархіальнаго начальника. Въ одно двушатное село ловкій человекъ пріѣхалъ съ мѣстнымъ благочиннымъ и остановился въ домѣ старшаго священника, туда же немедленно былъ приглашенъ и другой священникъ. Этотъ, будучи немножко навеселѣ, выслушавъ предложеніе о пожертвованіи, указалъ на висѣвшую предъ нимъ картину, на которой нарисовано было, какъ цирюльникъ выдергивалъ зубъ у человекѣка. «Вотъ такъ-то и изъ насъ вытаскиваютъ деньги,» сказалъ священникъ. Тогда *ловкій человекъ* за-о свидѣтельствовавъ предъ благочиннымъ и хозяиномъ дома такое, т. е-ть, *епископохульство* и составилъ о томъ нѣчто въ родѣ протокола. Епископохульника вскорѣ вызвали къ епархіальному начальнику. Виновный явился и, думая уми-

лостивить раздраженнаго начальника, повалился ему въ ноги; при этомъ длинные его волосы разостлались по полу. Владыка немедленно вступилъ на нихъ обоими ногами, прижалъ т. о. несчастнаго къ полу и повелъ грозную рѣчь: «Ну что? А? деньги, какъ зубы изъ васъ вытаскивають? Какъ ты смѣлъ такъ говорить? А?» И долго, долго служитель алтаря господня находился въ этомъ ужасно, — отвратительно - униженномъ положеніи. Дѣло впрочемъ этимъ не кончилось. Нашли причину удалить епископохульника отъ должности; онъ было хотѣлъ передать свое мѣсто дочери; ему отказали; бѣдняку съ семействомъ грозила бѣдность. Къ счастью у него въ Петербургѣ былъ протекторъ, который помогъ ему по к. м. пристроить дочь къ мѣсту; самъ же священникъ, будучи вдовцомъ, теперь, какъ мнѣ говорилъ одинъ іеромонахъ, состоитъ въ числѣ монастырской братіи.

Изъ фактовъ, описанныхъ въ этомъ отдѣлѣ, очевидно, что взаимныя отношенія между нашими архипастырями и пастырями вовсе не похожи на тѣ, которыя существовали между Спасителемъ и его учениками, между апостолами и тѣми, кому они ввѣряли пасти христово стадо, между епископами и пресвитерами первыхъ вѣковъ христіанства. Они скорѣе похожи на . . . . но я лучше приведу здѣсь рассказъ изъ книги: о у. д. у. «Когда въ одномъ собраніи (вскорѣ послѣ манифеста 19го февр. 1861 г.) съ восторгомъ говорили о Царѣ, освободившемъ болѣе, нежели 20 милліоновъ христіанскихъ душъ отъ рабства и прибавляли, что теперь въ Россіи нѣтъ болѣе невольниковъ, то (одинъ) шутникъ сказалъ: ошибаетесь, господа; нѣтъ въ Россіи остался еще многочисленный классъ въ полной крѣпостной зависимости отъ другаго класса. Изумленные этими словами собесѣдники спросили: что же это за классъ, котораго рабство еще не уничтожено, шутникъ уже серьезно отвѣчалъ: *наше бѣлое d-во.*» Какъ хотите, тутъ есть и шутка, и острота, а вмѣстѣ съ тѣмъ много горькой правды. Но для этого, скажутъ, нужно, чтобы всѣ, или большая часть епархіальныхъ архіереевъ похожи были на описанныхъ выше. По моему мнѣнію вовсе нѣтъ надобности въ такомъ числѣ. Положимъ даже, что въ извѣстную эпоху, хоть напр. нынѣшнюю существуютъ 4—5 архипастырей, которые любятъ прибѣгать къ тому, что французы называютъ *voie de fait*, а нѣмцы *Faustrecht* (кулачное право). По существующему порядку каждый изъ нихъ перебиваетъ среднимъ числомъ въ 3—4 епархіяхъ и т. о. всѣ они знакомятъ съ духомъ своего управленія 12—20 епархій. Теперь прибавьте къ нимъ не

болѣе 10 человекъ, которые не пользуются нѣмецкимъ *Faustrecht*, но за то держатъ себя на недоступной высотѣ отъ подчиненныхъ, обращаются съ ними надмѣнно и гордо, удивляются помѣщикамъ, какъ они еще принимаютъ къ себѣ *ословъ поповъ*. Тогда эти 10 человекъ въ теченіи своей жизни побываютъ тоже въ 30—40 епархіяхъ и потому вмѣстѣ съ предъидущими они доставятъ д-ву цѣлой Россіи удовольствіе испытать тяжелое и деспотическое свое управленіе. Представьте, что такія личности преемствуютъ другъ другу со временъ Никона и Іосифа Коломенскаго, тогда поймете, что д-во тоже преемственно по неволѣ должно было настроиться на тотъ ладъ, которой такъ шолъ къ крѣпостному праву. При такомъ настроеніи прекрасные и добрые архипастыри невдругъ могутъ измѣнить свои отношенія къ подчиненнымъ. Последніе сначала станутъ смотрѣть не только съ удивленіемъ, но и съ недовѣріемъ на ласковое съ собою обращеніе, будутъ думать, не хотятъ ли поиспытать ихъ, повывѣдать ихъ наклонности. Потомъ убѣдившись въ добротѣ и вѣжливости архипастыря, они не увлекутся ими зная, что преемникъ его *повернетъ*, м. б. на *старый ладъ*. Нынѣ есть преосвященные, которые стараются отечески, даже *сопресвитерски* сблизиться съ священниками. Но при всей ихъ настойчивости и благонамѣренности едвали они успѣютъ въ своихъ намѣреніяхъ. Укоренившіеся старыя привычки, послѣдователи, защитники и страдальцы ихъ не позволяютъ совершиться благодѣтельной реформѣ. Особенно же въ этомъ случаѣ сильное препятствіе встрѣчаю въ старыхъ іерархахъ, привыкшихъ къ *ты* и поклонаніи. Недавно одинъ было викарій ставъ обращаться съ д-вомъ очень хорошо, священникамъ говорилъ: вы, сажалъ ихъ у себя и пр. Начальникъ узнавши объ этомъ, сказалъ ему: «ты что это дѣлаешь? Развѣ меня хочешь переучивать? Ну послѣ моей смерти поступай, какъ знаешь а теперь веди дѣло по нашему. «Дѣло и повели по ихнему. Нѣтъ, нужно *оживить кости*; нужно *вести въ нихъ духъ животенъ* (оп. сель дух. стр. 149), нужно пересоздать и само бѣлое д-во и его начальство. А до того времени если не всему бѣлому д-ву, то его большинству придется по отношенію къ своимъ епархіальнымъ начальникамъ испытывать тѣже чувства, которыя такъ хорошо описаны въ книгѣ: о. с. д. На ея 125—126 стр. авторъ говоритъ: «И іереи подъ гнетомъ такого обращенія, всѣми средствами и мѣрами стараются избѣгать свиданій съ архіереями. Ниодинъ сельскій іерей, бывая по какимъ либо дѣламъ въ губернскомъ городѣ, не осмѣлится

побывать такъ, просто, чтобы принять благословеніе и услышать какое либо наставленіе. Лишь самая крайняя необходимость заставляетъ его преодолѣть свой страхъ и явиться предъ лицо владыки. И тутъ, еслибы кто заглянулъ только, что происходитъ въ душѣ его, то переполнился бы весь негодованіемъ къ такому порядку и состраданіемъ къ несчастному. Вотъ онъ стоитъ или сидитъ, и по всему тѣлу у него холодная дрожь. Угодно ли кому удостовѣриться въ справедливости этого? Пусть любаго іерея, готовящагося предстать предъ архіерея, заставить написать, или подписать что нибудь, — увидятъ, какія страшныя конвульсіи у него...»

Зато нельзя не отдать чести нашему бѣлому д-ву за терпѣніе и благодушіе, съ которымъ оно переноситъ всё непріятности. Какъ оно бываетъ радо, когда, ему дадутъ какую либо льготу, даже когда только не побранятъ. Лѣтъ за 7—8 въ одну епархію назначень былъ грозный начальникъ, молва о немъ предупредила его прїѣздъ. Прибывши на новое мѣсто, онъ скоро, какъ говорятъ, *далъ себя знать*; недѣли въ 2—3 досталось отъ него и ректору, и кафедральному протоіерею; о селскомъ д-вѣ нечего и говорить. Но чрезъ годъ начали владыку хвалить и похвалявать. Дѣло очень, просто объясняется, владыка не измѣнилъ своего характера, онъ до самой смерти своей не забывалъ о *Faustrecht*, о земныхъ поклонахъ, обидныхъ словахъ, прикрикиваньяхъ, всего было вдоволь. Но старикъ, державшій себя, какъ говоритъ авторъ книги: о. с. д. (стр. 121) *трехбунчуужнымъ папшою*, увидѣвъ, что все предъ нимъ преклоняется, находилъ возможнымъ, а иногда нужнымъ принимать хорошо; одного нисколько не побранить, другому проговорить: *ай да старикъ!* третьяго назаветъ молодцомъ, четвертому даже скажетъ спасибо. Теперь, г. ч., вникните въ дѣло. Вотъ священникъ, основываясь на прежнихъ примѣрахъ, является къ грозному владыкѣ со страхомъ и вдругъ видитъ, что его не бранятъ, даже говорятъ полуласково и отпускаютъ съ миромъ. Р-ся, такой человекъ, вышедши изъ пріемной бываетъ въ восторгѣ, что такъ благополучно кончилась аудіенція. Поэтому какъ не похвалиться предъ другими, что *меня* владыка пранялъ прекрасно и пр.? тутъ даже можно немножко прихвастнуть. Т. о. одинъ за однимъ говорили, что владыка вовсе не такъ страшенъ, какъ прежде себя показавъ. По временамъ и даже очень нередко онъ обнаруживалъ свой характеръ во всей силѣ, но и посмерти о немъ жалѣли.

Отдѣлъ 26ой.

О томъ, къ кому архіереи болѣе внимательны и привѣтливы, — къ духовнымъ ли лицамъ; или къ мірянамъ?

Руководствуясь обыкновенною логикою, мы должны думать, что нашимъ архипастырямъ слѣдуетъ тѣснѣе сближаться, быть ласковѣе и дружелюбнѣе со всѣмъ клиромъ, особенно съ священниками, нежели съ мірянами. Какъ и что ни говорите, а священники всетаки помощники, сотрудники архіереевъ, которые вмѣстѣ съ ними пасутъ христово стадо, совершаютъ богослуженіе; ну, а міряне въ религиозномъ отношеніи, по своимъ занятіямъ, образу жизни, дальше отстаютъ отъ архипастырей, нежели пастыри и весь вообще клиръ. Но въ этомъ случаѣ преосвященные какъ будто нарочно хотятъ доказать несостоятельность человѣческой логики, не исключая даже и той, которая предписывается въ семинаріяхъ; на самомъ дѣлѣ владыки наши — всѣ безъ исключенія — несравненно ближе, ласковѣе и добрѣе къ мірянамъ, нежели къ д-ву, особенно къ бѣлому.

Назначается на епархію новый начальникъ; пріѣзжаетъ; обыкновенно встрѣчается прежде всѣхъ въ соборѣ д-вомъ и оттуда идетъ въ архіерейскія комнаты; р-ся, тутъ не до объясненій; съ дороги устали; надобно отдохнуть и разстаться. Въ слѣдующіе за тѣмъ дни начинаются представленія новому владыкѣ д-ва, и общества, и властей гражданскихъ; но тутъ уже бываетъ видно различіе между д-вомъ и свѣтскимъ міромъ. Пріѣзжаетъ ли не только губернаторъ, или предсѣдатель какой либо палаты, но совѣтникъ, голова градскій, купецъ, — объ нихъ сейчасъ же докладываютъ; а если посѣтителей довольно, то ихъ прямо приглашаютъ въ гостиную, гдѣ они принимаютъ благословеніе, получаютъ приглашеніе присѣсть, встрѣчаютъ почти всегда ласковый и вѣжливый приемъ. Но весьма часто въ тоже самое время всѣ эти лица, приходя и уходя, видятъ въ приемной кучку священниковъ и наставниковъ семинарскихъ, которая стоитъ и ждетъ, пока ее допустятъ къ цѣлованію руки; объ ней даже не очень и заботятся, особенно когда ректоръ и инспекторъ приглашены уже въ гостиную; ее развѣ кое-гдѣ пригласятъ туда; рѣшительно никогда не посадятъ хотя въ

числѣ мірянъ, усаженныхъ и усѣвшихся въ гостинои, есть духовныя дѣти тѣхъ протоіереевъ и священниковъ, которыя принадлежатъ къ кучкѣ.

Точно т. о., если не хуже, идутъ дѣла въ торжественные праздники: въ пасху, рождество христово, именины владыки и пр. Возьмемъ пасху. Въ этотъ день б. ч. наши архіеры принимаютъ поздравителей тотчасъ послѣ обѣдни. При этомъ почти вездѣ соблюдается патріархальный обычай, напоминающій былыя времена первенствующей церкви, когда всѣ христіане составляли не только *единое стадо*, но и одно семейство. По этому обычаю у владыки готовится закуска и то, чѣмъ въ кельѣ монахи могутъ разговѣться въ Великій день. Во многихъ епархіяхъ къ этому обычаю всѣ привыкли и идутъ ко владыкѣ послѣ обѣдни принять благословеніе и вмѣстѣ съ нимъ, или по к. м. у него разговѣтся. Въ газетахъ было напечатано, что въ Варшавѣ въ пасху 1864 г. самъ намѣстникъ Царства Польскаго со всѣми высшими властями и гражданскими чиновниками тотчасъ послѣ литургіи былъ у православнаго тамошняго архіепископа Іоаннікія и разгавливался, обычай, повторяю, хорошій.

Но зачѣмъ этотъ Великій день, — день радости для всѣхъ вообще христіанъ — дѣлать днемъ униженія для бѣлаго д-ва? И въ этотъ день, конечно не вездѣ, но и далеко не въ одномъ епархіальномъ городѣ можно въ передней или пріемной архіереевъ замѣтить ту же несчастную кучку, о которой я сейчасъ говорилъ. Стоитъ она по прежнему въ уголку; мимо нея, какъ говорится, *валомъ валать* люди свѣтскіе, чиновники, купцы, церковные старосты, даже мѣщане; все идетъ прямо ко владыкѣ; а кучка стой, дожидайся. Однажды смѣлые профессора семинарии рѣшились было итти, какъ говорятъ, *на трамикъ*; пошли, — но у самой двери были остановлены своимъ начальникомъ, которій чуть не въ ужасѣ говорилъ: «что вы? куда? остановитесь,» и атакующіе со стыдомъ должны были отступитъ въ прежнюю позицію. Нашей кучкѣ въ пасху приходится испытывать еще большее униженіе отъ нѣкоторыхъ, т. е-тъ, акцессуаровъ. Вы знаете, что въ свѣтлое Христово Воскресеніе русскіе непремѣнно христосуются съ своими знакомыми и не знакомыми. И вотъ мимо нашей кучкѣ проходящій какой либо чиновникъ, купецъ видитъ въ ней знакомыхъ своихъ профессора, священника, протоіерея, — своего даже духовника и приходскаго священника, подходитъ къ нимъ, христосуется конечно, а м. т. говоритъ: «вы-то что здѣсь

стоите? вѣдь, всё идутъ; владыко такой ласковый, мы тамъ уже закусили и пр. и пр.» — Стой кучка и краснѣй; учись смиренію даже и въ Великій день. Иногда, хоть очень рѣдко нужно поучиться и терпѣнію. У одного еперхіальнаго архіерея въ одинъ изъ праздниковъ кучка должна была дожидаться въ холодной, совершенно не топленой приемной; холодъ былъ не сносный; смѣльчаки профессора надѣли на себя даже шубы, а нѣкоторые и простудились. Но вотъ и дождались; иногда къ нимъ выйдутъ, благословятъ поживѣе, п. ч. тамъ въ гостиной есть гости, — махнутъ рукой и уйдутъ. Но приемъ и въ гостиной не всегда обходится безъ униженія для кучки; иногда поворачивайся она живѣе на право кругомъ и убирайся, хотя еще тутъ много есть ядущихъ, пьющихъ и сидящихъ. Положимъ даже, что кучка скоро допущена до благословенія, даже приглашена закусить; но и тутъ вновь не безъ униженія. Уже въ 1864 г. къ одному епархіальному архіерею въ пасху послѣ обѣдни изъ чиновниковъ никто не зашолъ; явились только одни его подчиненные; закуска приготовлена; надобно же ее покончить. Сами сѣли на диванѣ, пригласили поближе къ себѣ ректора и архимандрита; тудаже подошолъ было кафедральный протоіерей, заслуженный и почтенный человекъ; ну уже пусть извинитъ; его не только не пригласили присѣсть тутъ же, хотя, пустыя кресла были; ему сказали: «о. протоіерей, попотчуйте моихъ гостей,» для которыхъ накрытъ былъ особый столъ, хотя при немъ стоявшій эконоомъ архіерейскаго дома могъ бы исполнить эту обязанность; да гости сами догадались бы выпить и закусить. Тутъ по неволѣ скажешь: «вѣроятно, никакъ нельзя мѣшаться жидамъ съ самарянами и самарянамъ съ жидами.»

Владыки нынѣ знакомы съ свѣтокими приличіями; иные уже завели визитныя карточки. Поэтому послѣ своего прибытія на епархію, а также въ пасху и рождество христово развѣ рѣдкій изъ нихъ не оплатитъ визитовъ. Одни погордѣе, а м. б. и поумнѣе удостоиваютъ этой чести высшую городскую и чиновную аристократію. Но другіе стараются побывать у всѣхъ мірянъ, которые были у нихъ съ поздравленіемъ; тутъ получаетъ визитъ не только всякій совѣтникъ, адъютантъ жандармскаго штабъ-офицера, но и всякій членъ городской думы и пр.; такъ что иной архіерей оканчиваетъ свои визиты въ пасху не ранѣе четверга, или пятницы. Но д-во въ этихъ случаяхъ остается въ сторонѣ, развѣ только ректоръ удостоится посѣщенія владыки. Одною профессора академіи спросилъ его пріятель: «а что? вамъ

архіерей оплачиваетъ визитъ на пасху, или святки?» — «Ну вотъ еще, отвѣчалъ профессоръ, какъ же онъ можетъ ко мнѣ прѣхать? Я слишкомъ высокій человѣкъ; вотъ онъ у моего сапожника бываетъ.» Дѣло состояло въ томъ, что сапожникъ былъ членомъ городской думы, въ числѣ представителей города являлся поздравлять владыку съ прозникомъ и получалъ въ свою очередь визитъ отъ него, м. т. владыка былъ человѣкъ необыкновенно гордый, т. е. съ д-вомъ. Почему же и этому и другимъ іерархамъ, заѣзжающимъ даже къ сапожникамъ, не заѣхать бы къ почтеннымъ лицамъ въ бѣломъ д-вѣ? Почему бы не присѣсть у нихъ, не позволить всему семейству принять благословеніе, не обласкать малютокъ, не дать поцѣловать имъ своей папагіи? Вѣдь, такое посѣщеніе составляло бы въ семействѣ священника эпоху; объ немъ стали бы помнить долго; а сколько было бы радости не поддѣльной, а искренней? А теперь духовнымъ, хоть и рѣдко, случается въ пасху и святки избѣгать встрѣчи съ епархіальнымъ начальникомъ, даже скрываться отъ него. Вотъ напр. причтъ идетъ, или пришло въ какой либо домъ съ крестомъ и святою водою; а тутъ вдругъ мчится, или уже подѣхала карета архіерейская. Ну и прячься куда нибудь; постои гдѣ либо за воротами, выйди изъ дома заднимъ крыльцомъ и пр. и пр. Тутъ скажутъ: «владыка вове не обидѣлся бы, встрѣтивъ причтъ гдѣ нибудь; сами духовныя лица виноваты тутъ отъ своей глупой робости.» Пожалуй, и правда, м. б. Ну а кто же и что же довело ихъ до этой глупой робости? Вѣдь, сами по себѣ они не захотѣли бы быть глупо-робкими.

У рѣдкаго изъ епархіальныхъ начальниковъ въ его резиденціи нѣтъ знакомыхъ и друзей, къ которымъ для развлечения, для препровожденія времени онъ самъ въ качествѣ гостя ѣздитъ, или которыхъ, какъ гостей, у себя принимаетъ въ часы свободные отъ должностныхъ занятій. Конечно, никому нельзя предписывать, чтобы онъ имѣлъ друзьями тѣхъ, или другихъ лицъ; тутъ все нужно предоставлять вкусу, настроенію и образованности каждаго. Но странно, что наши архіереи въ этомъ отношеніи держатъ себя отъ своихъ подчиненныхъ едва ли не въ большемъ отдаленіи, чѣмъ въ другихъ случаяхъ. «Въ старое время, какъ говоритъ г. Никитинскій, дѣйствительно было огромное разстояніе между пастырями и архипастырями. За недостаткомъ образованности, за неразвитіемъ нравственнаго чувства, у пастырей не было, т. е. тѣ, лѣстницы, по которой бы они могли подняться и стать на одинаковую высоту съ архи-

пастырями. По этому первые смотрѣли на послѣднихъ, какъ на полубожества, какъ на людей высшаго разряда, предъ которыми нужно только падать ницъ. Но нынѣ совсѣмъ другое дѣло. Самая большая часть городскихъ священниковъ достаточно образована, сѣумѣетъ высказать свои мысли, если не будетъ застрашена; много есть священниковъ, которые по своему образованию и нравственнымъ качествамъ нисколько не ниже архипастырей; тѣ и другіе сидѣли вмѣстѣ на школьныхъ скамьяхъ въ семинаріяхъ и академіяхъ; первые иногда даже выше послѣднихъ по ученымъ своимъ степенямъ и трудамъ. Почему бы имъ не сблизиться между собою? Почему вышему не имѣть бы въ низшемъ не только подчиненнаго, или безмолвнаго помощника, работника, но совѣтника, друга? Почему бы не быть иногда его гостемъ, но не требовать, чтобы хозяинъ и вся семья его дѣлались на этотъ разъ ползающими животными? Право, все можно, и отъ того не пострадаетъ дисциплина, подчиненные не сдѣлаются непослушными, не зазнаются, а напротивъ, почувствовавши свое нравственное и гражданское возвышеніе, изъ одной благодарности стануть избѣгать такихъ случаевъ, которые могли бы оскорбить ихъ благодѣтельныхъ и внимательныхъ начальниковъ. «М. т. поѣхать преосвященному къ самому почтенному лицу бѣлаго д-ва, даже къ кафедральному протоіерею въ качествѣ гостя, на вечеръ, — да это вполнѣ неслыханное дѣло. Даже если какой либо протоіерей вздумалъ бы попросить преосвященнаго пожаловать къ себѣ, его к-ся, сочли бы полупомѣшаннымъ. Исключеніе изъ этого бываетъ, какъ в. с.-но. (1 ч. 13го Отд.), въ храмовые праздники, когда преосвященный самъ служить литургію; тогда онъ дѣйствительно заѣзжаетъ къ священнику на нѣсколько минутъ. Но и тутъ главный почетъ церковному старостѣ, у котораго бываетъ обѣдъ. Даже и къ священнику не потому ли заходятъ, чтобы не показалось слишкомъ страннымъ изъ церкви прямо ѣхать къ купцу на обѣдъ; тогда, пожалуй, заговорятъ «значить, вся сила въ старостѣ, да въ обѣдѣ . . .» Ну а нѣсколько минутъ, проведенныхъ у священника, чашка выпитаго чаю служатъ, т. с.-ть, ступенью, своего рода прикрытіемъ . . . . Равнымъ образомъ лицамъ бѣлаго д-ва являться въ видѣ гостей ко владыкѣ опять неслыханное дѣло. Только въ нѣкоторые праздники, напр. въ пасху, именны владыки и пр., иногда къ официальному обѣду приглашаютъ почтенныхъ особъ; это особенно часто случается у петербургскаго и московскаго митрополитовъ. Но и въ этомъ случаѣ духовныя лица

бываютъ дѣлою массою невольными гостями, приглашаются для парада; а просто быть приглашеннымъ на вечеръ въ какой либо будничнѣйшій день на чай, повторяю опять, неслышанное дѣло. Если и бываютъ отступленія, то они лучше всего показываютъ, какъ мало сближенія между начальниками и подчиненными. Въ 1863 г. п-ій архіерей пригласилъ одного прїѣзжаго акцизнаго чиновника, служившаго прежде въ одной съ нимъ семинаріи, къ себѣ на чай вмѣстѣ съ женою. У чиновника въ городѣ много было родныхъ и между прочимъ протоіерей и инспекторъ семинаріи и пр. Архіерей захотѣлъ быть внимательнымъ къ чиновнику и потому пригласилъ къ чаю протоіерея. Приглашеніе это было такъ необыкновенно, что приглашенный какъ будто не вѣрилъ неожиданной чести; — пошолъ, не все-таки придумалъ какое-то дѣло и, явившись ко владыкѣ, когда семейство родственника его тамъ уже было, завелъ сначала рѣчь о дѣлѣ; но она скоро прекратилась. Послѣ того протоіерей остался, по русской пословицѣ, *какъ ракъ на мели*; какъ подчиненному, ему не зачѣмъ было болѣе оставаться; къ роль гостя онъ не привыкъ; архіерей не догадывался попросить, или приказать ему сѣсть: бѣднякъ стоялъ, переминался, передвигался съ мѣста на мѣсто, а сѣсть все-таки не смѣлъ; насилу-то догадались посадить.

Но если епархіальные начальники оказываютъ расположеніе къ какому либо изъ подчиненныхъ имъ духовныхъ лицъ; то здѣсь замѣчается очень странное явленіе. Такъ какъ почти всѣ они обучались въ духовныхъ академіяхъ, то слѣдовало бы ожидать, что расположеніе ихъ должно распространяться болѣе на священниковъ-академистовъ, нежели семинаристовъ; у нихъ съ первыми все-таки больше, т. е-тъ, *точекъ соприкосновенія*, нежели съ послѣдними. М. т. опытъ показываетъ, что архіереи болѣе расположены и милостивы къ семинаристамъ, нежели къ академистамъ. Только нужда въ умныхъ, дѣловыхъ людяхъ заставляетъ іерарховъ приближать къ себѣ магистровъ и кандидатовъ и имъ довѣряться, но и въ этомъ случаѣ милости изливаются не всегда на тѣхъ, которые умнѣе другихъ; къ нимъ прибѣгаютъ поневолѣ. Одинъ изъ нашихъ знаменитыхъ архипастырей, имѣя нужду поручить кому нибудь работу трудную, требующую ума, призываетъ къ себѣ какого либо изъ забытыхъ имъ магистровъ и говоритъ: «возьми вотъ это и разсмотри хорошенько. Чтожь дѣлать? Вѣдь, васъ умныхъ людей у меня немного, а дуракамъ такого дѣла поручить нельзя.» И м. т. дураки все-таки скорѣе и чаще попадаютъ въ благочин-

ные, протоіерей, члены к-рін, получаютъ награды, нежели умные.

Нужно еще сказать объ одной странности. Школьная скамья какъ-то всёхъ болѣе или менѣе уравниваетъ; о школьныхъ товарищахъ долѣе помнимъ, нежели о сослуживцахъ. И потому товарищи по училищамъ, особенно высшимъ всегда почти являются друзьями, не наговорятся о своемъ прежнемъ житіи-бытіи и, живя въ одномъ мѣстѣ, непремѣнно сдѣлаются коротко знакомыми. Вовсе не рѣдкость, что иной совѣтникъ, или настоящее уже превосходительство, подружески бесѣдуетъ съ какимъ нибудь убитымъ и забытымъ благородіемъ, которое съ нимъ вмѣстѣ училось въ школѣ. Исключеніемъ изъ этого правила служить большая часть нашихъ архіереевъ. Отказываясь отъ міра и его удовольствій, они какъ будто нарочно стараются отказаться и отъ школьныхъ своихъ, преимущественно академическихъ товарищей, которые поступили въ бѣлое д-во, служатъ наставниками при семинаріяхъ и особенно состоятъ подъ ихъ начальствомъ; отказываются отъ тѣхъ дружелюбныхъ взаимныхъ чувствованій, которые такъ сильны во всёхъ товарищахъ. Подобные отказы начинаются даже прежде хиротоніи. Далеко не всякій ректоръ семинаріи, пріѣхавши на новое мѣсто, узнаетъ между наставниками своихъ товарищей, когда инспекторъ даже скажетъ фамилію ихъ; — не всякій, узнавши, съ распростертыми объятіями приметъ своего стараго товарища, а позволитъ, какъ и прочимъ облобызать только свою десницу, — не всякій, поздоровавшись, заговоритъ съ нимъ, вспомнить бывшее житіе; почти никто не заведетъ пріятельскихъ дружескихъ отношеній. Чтоже касается до стоящихъ на слѣдующихъ ступеняхъ іерархической лѣстницы, тутъ уже не только забываютъ о товарищахъ, но обижаются, даже метягъ, если кто либо изъ подчиненныхъ напомнитъ о прежнемъ своемъ равенствѣ. За нѣсколько десятковъ лѣтъ пріѣхалъ въ одну епархію новый владыка и сталъ экзаменовывать всёхъ протоіереевъ и священниковъ, не исключая никого, — экзаменовывать, какъ экзаменуютъ мальчиковъ. Между почетнѣйшими протоіереями былъ товарищъ владыки, магистръ, человекъ гордый, но весьма умный. При первомъ своемъ представленіи начальнику онъ счодъ нужнымъ рекомендоваться старымъ и знакомымъ его товарищемъ. Владыка сухо и гордо отвѣчалъ: «прошедшее я забываю, настоящимъ не занимаюсь, а помышляю только о будущемъ.» Протоіерей замолчалъ. Но когда и его — магистра — началъ бывший его товарищъ, не, Богъ знаетъ, какой геній,

экзаменовать, какъ какого нибудь школьника изъ катихизиса и т. п., то, справедливо обидѣвшись, протоіерей сказалъ, что они должны знать другъ друга, учились вмѣстѣ, помнятъ свои успѣхи; странно же имъ другъ друга экзаменовать. Протоіерею дорого обошлось это. Послѣ разныхъ разностей его выслали въ другую епархію. Но этотъ примѣръ давнишній. Вотъ другой самый свѣжій. Когда вновь прибывшій на свою (В-ую) епархію архіерей принималъ не многочисленныхъ своихъ подчиненныхъ, то одинъ изъ нихъ напомнилъ ему, что онъ его товарищъ. «Нѣтъ, я не помню,» отвѣчалъ владыка. Обиженный, или недогадливый священникъ принялъ доказывать свое товарищество такъ усердно, что забывчивому преосвященному нельзя уже было ничего возражать. «Да, да, сказали они, — я что-то помню.» Вскорѣ начались и гоненія. Священникъ какъ-то не явился на царскій молебенъ, — ему выговоръ. Потомъ случилось тоже во второй разъ, тогда уже сдѣлано было предложеніе к-рію обсудить столь важное преступленіе. Услужливая к-рія опредѣлила и его. В-во утвердили, чтобы священникъ искалъ себѣ мѣста внѣ епархіальнаго города. Епархія малая, мѣста не въ резиденціи бѣдны. Несчастный, обремененный семействомъ, рѣшился ѣхать въ Петербургъ, но ему по разнымъ пустымъ причинамъ не давали билета. Съ горя онъ впасть въ меланхолю, предался несчастной страсти столь обыкновенной въ д-вѣ и потомъ скоропостижно умеръ. Жена его, явившись къ архіерею, сказала: «В. В-во, вотъ вы приказали моему мужу искать мѣста внѣ города, онъ теперь нашолъ.» — «Гдѣ же?» спросилъ преосвященный, не подозрѣвая драматической развязки. «На В-омъ кладбищѣ,» отвѣчала жена. Тутъ преосвященный началъ валить все на к-рію и обѣщался помочь семейству. Но не лучше ли было бы не гнать своего товарища за то, что онъ напомнилъ о своемъ товариществѣ?

Защитники нашихъ іерарховъ тутъ могутъ сказать, повидимому, даже справедливо: «Не смѣшно ли ставить въ упрекъ епархіальнымъ начальникамъ то, что они и сами не ѣздятъ къ попомъ, и ихъ не зовутъ къ себѣ въ гости, что они забываютъ о своихъ школьныхъ связяхъ и пр.? У нихъ и безъ того дѣла много; управлять епархією — дѣло не шуточное, до гостей ли тутъ?» Это возраженіе было бы вполнѣ справедливо, если бы архіереи точно занимались только одними дѣлами по своей должности и ни съ кѣмъ, какъ говорится, не водили хлѣба-соли. Но опытъ совершенно противорѣчить тому; не многіе изъ нихъ сядятъ

вѣчными домоѣдами; развѣ къ не многимъ никто не является иначе, какъ по дѣламъ. Къ счастливицамъ, у которыхъ святители бывають и которыхъ они принимаютъ въ качество гостей, принадлежатъ только вліятельные чиновники, богатые помѣщики и купцы. Потомъ владыки наши любятъ оказывать гостепріимство любимымъ, или вліятельнымъ гостямъ — мірянамъ. Пустынникъ г. Щедрина, называвшій своихъ подчиненныхъ *столями жеребцами*, чиновниковъ гостей пріѣтствуетъ слѣдующими словами: «не хотите ли зернистой икорки закусить? Мнѣ наши черноглазовскія дѣвки вотъ это мѣсто въ презентъ прислали. Да балыкъ тоже престоимѣный есть; это наши мужички изъ Полорѣцка презентовали... Не велѣтъ ли развѣ рыбки подать? мнѣ намеднис престоимѣной изъ Песчанолѣся прислали... Да не велѣтъ ли тоже рыжичковъ подать? мнѣ дѣвки мельконькихъ такихъ въ укусуѣ прислали... И не пройдетъ получаса, какъ одно за другимъ переберутся всѣ произведенія глуповской природы во всѣхъ видахъ и со всевозможными приправами. Не пройдетъ получаса, какъ гость ощущаетъ себя сытымъ. Потомъ призываются пѣенники (т. е. пѣвчіе), шлются гонцы за новыми собесѣдниками, столъ уставляется новыми снѣдами и питьями и зачинается пиръ горой до самой ночи (№. 9 Врем. за 1862 г. нашъ губ. день стр. 10—12, 14).

Значитъ, есть и время и желаніе не одними епархіальными дѣлами заниматься, а принимать гостей къ себѣ, только, чтобы они не принадлежали къ д-ву, особенно бѣлому. Къ чему такое исключеніе? По моему мнѣнію съ ними-то и надобно было бы преимущественно бесѣдовать. Прежде всего для нихъ не нужно бы запасаться ни зернистой икрой, ни престоимѣнымъ балыкомъ, ни рыжечками; духовныя лица довольны были бы однимъ собесѣдованіемъ; а если бы имъ пришлось выкупать чашки двѣ, три чаю, да съѣсть ломтикъ другой булки, или сухарика два, то они стали бы еще хвалиться угощеніемъ. Потомъ епархіальный архіерей и подчиненное ему, особенно почетное бѣлое д-во, одинаковы по происхожденію, воспитанію, образу мыслей, вмѣстѣ совершаютъ литургію, имѣють почти однѣ и тѣже обязанности и интересы и пр. На что лучше искать людей, съ которыми разговаривая, можно было-бы отдохнуть отъ служебныхъ обязанностей, посудить о религіозномъ и моральномъ состояніи паствы, о средствахъ улучшить ее? Съ другой стороны, что можетъ быть общаго между епархіальнымъ архіереемъ, сыномъ священника, или дьячка, воспитавшимся въ семинаріи и академіи, занимавшимся почти только богослов-

скими науками, отказавшимся отъ семейной жизни, отъ свѣтскихъ удовольствій, — и между барининомъ, пропитаннымъ своею барскою спѣсью, получившимъ вполне свѣтское образованіе, не знающимъ иногда даже катихизиса, — чело-вѣкомъ, для котораго всё свѣтскія развлеченія, даже самыя сплетни — насущная пища, — или между купцомъ, занятымъ своими торговыми оборотами, барышами и пр., — или между барынею, часто пустою ханжою и богомолкою, — что спрошу опять, можетъ быть общаго? Тутъ въ самомъ дѣлѣ для сближенія, для поддержанія разговора понадобятся и икра, и балыкъ, и рыжики, и разныя *сиди и питья*.

Людей, между которыми имѣемъ и ищемъ знакомыхъ, друзей и хлѣбосоловъ, нельзя же не отличать отъ прочихъ, особенно отъ подчиненнаго НАМЪ люда и въ томъ случаѣ, когда они приходятъ въ качествѣ не гостей, а посѣтителей даже просителей. Имъ, какъ привилегированнымъ особамъ, не придется ни сидѣть въ сѣняхъ, на лѣстницахъ съ дьячками и мужиками, ни стоять въ загрязненной передней, ни ждать аудіенціи часа по два, ни получать толчки отъ тѣхъ лицъ, которыя въ книгѣ о с. д. называются архіерейскою сволочью. Эта сволочь въ видѣ ли лакея, келейника, писмоводителя и пр., сейчасъ съумѣетъ отличить привилегированнаго посѣтителя, поможетъ ему даже иногда снять верхнее платье, попроситъ тотчасъ въ залу, доложить владыкѣ. Не думайте, чтобы разсматриваемая привилегія простиралась только на людей, замѣчательныхъ по чему бы то ни было; нѣтъ, — въ числѣ ихъ замѣтишь какогонибудь мелкаго помѣщика, — отжившую свой вѣкъ, и выжившую изъ ума барыню, — купца, пользующагося даже между своею братіею не очень завидною репутаціею, но богатаго, — хитраго, ловкаго и проницливаго бурмистра, старшину и пр. Особенно дурно здѣсь то, что когда привилегированные посѣтители съ вниманіемъ и отличіемъ встрѣчаются, принимаются и провожаются, — тутъ же въ толпѣ въ подачѣ стоятъ ихъ священникъ, или благочинный, съ которымъ у нихъ есть неудовольствіе. Привилегированная особа, проходя мимо этихъ смиренныхъ людей, гордо на нихъ посмотритъ, выразитъ своими глазами и всею физиогноміею: «ну что ты, попъ! смотри-ка, какъ меня владыка принялъ! куда тебѣ со мною тягаться?» И потомъ всемъ рассказываетъ о своей побѣдѣ. Впрочемъ объ этомъ и безъ него узнаютъ. Тутъ же въ подачѣ сидитъ мужичокъ, иногда прихожанинъ священника и благочиннаго, все видитъ, слышитъ, и своимъ умомъ-разумомъ смекаетъ, что попы-то предъ архіереемъ не

очень важныя особы, что онъ не только барина, но и бурмистра, или старшину болѣе уважаетъ. Послѣдствія этого очевидны. Въ одной изъ подмосковныхъ губерній очень недавно былъ бурмистръ Павелъ; но его всѣ величали *Павелемъ*. Это былъ высшей степени безсовѣстный человѣкъ, который укралъ у своей вотчины нѣсколько тысячъ рублей, потомъ не сдѣлалъ ничего полезнаго даже для своей церкви, а м. т. пользовался необыкновеннымъ благоволеніемъ владыки, который при ревизіяхъ у него останавливался, принималъ у себя съ отличіемъ, слушалъ его и вѣрилъ ему, такъ что мѣстные священники были истинными страдальцами отъ униженія хитраго и безсовѣтнаго мужика. Если и мужикъ такъ дѣйствовалъ, то можете судить о вліяніи, которое на д-во можетъ имѣть привилегированный у владыки баринъ, чиновникъ, купецъ и пр.

Къ числу привилегированныхъ особъ въ глазахъ епархіальныхъ начальниковъ принадлежатъ и духовныя лица, но имъ въ такомъ случаѣ нужно быть изъ другой епархіи, или изъ военнаго вѣдомства. Есть въ настоящее время епархіальный начальникъ, предъ которымъ, какъ предъ какимъ либо полубожествомъ, всѣ его подчиненные преклоняются не исключая протоіереевъ, архимандритовъ и пр. М. т. это грозное, недоступное, безцеремонное съ подчиненными полубожество, иногда даже черезъ чуръ вѣжливо съ духовными лицами другихъ епархій. Они, пришедши принять благословеніе, встрѣчаютъ у него ласковость и привѣтливость; ихъ просятъ въ гостиную, сажаютъ на кресло; съ ними бесѣдуютъ безъ высокомерія, даже съ полною снисходительностію; такъ что они уходятъ въ полномъ восхищеніи. Однажды зашли къ нему протоіерей и священникъ, — тестъ съ зятемъ; первый былъ изъ семинаристовъ, послѣдній изъ магистровъ. Приняты были ласково, и когда ихъ попросили сѣсть, то тестъ почему-то нашолъ неудобнымъ выбрать для этого мѣсто на креслѣ, и сѣлъ вмѣстѣ съ владыкою на диванъ; и все обошлось благополучно; тогда какъ подчиненные тому же владыкѣ почотнѣйшіе протоіереи принимаются высокомернѣйшимъ образомъ. О другихъ епархіальныхъ архіереяхъ нечего и говорить. У нихъ священникъ, особенно протоіерей другой епархіи встрѣтитъ самый ласковый приемъ. Студентъ академіи — недавній семинаристъ, пріѣхавъ на каникулы и пришедши принять благословеніе у владыки, становится уже почотною особою; его не только обласкаютъ, не *тыкаютъ*, но даже часто посадятъ. Профессора изъ другой семинаріи посадятъ и долго

съ нимъ поговорять. Но тѣ же профессоръ, студентъ, священникъ и протоіерей даже военнаго вѣдомства, поступи въ Нашу епархію; ну тогда ужъ пусть извинить; обхождение съ ними измѣнится; они уже подчиненные. Во время послѣдняго польскаго возмущенія одинъ военный священникъ былъ прикомандированъ къ кафедральному В-ому собору. Мѣстный архіепископъ съ своимъ бѣлымъ д-вомъ держалъ себя весьма гордо, но этого священника принималъ необыкновенно ласково, просилъ его ходить къ себѣ за-просто на чашку чаю и проводилъ съ нимъ въ бесѣдахъ по нѣскольку часовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ не одинъ разъ предлагалъ ему перейти въ его епархію, обѣщая дать ему лучшее мѣсто. Когда священнику его родные стали говорить, почему онъ не соглашается на столь лестное и ласковое предложеніе, то онъ отвѣчалъ: «да, подите-ка, поступи къ нему въ епархію, тогда бы онъ изъ меня выжалъ сокъ.»

Но едвали не самую высшую привѣтливость у епархіальныхъ архіереевъ встрѣчаютъ жители Петербурга. Этотъ городъ — нашъ *Urbs*, имѣетъ чарующее дѣйствіе на провинціи; петербургскій чиновникъ, петербургскій магнатъ, петербургскій учоный, — это, Богъ знаетъ, что за люди; чего добраго, они тамъ знакомы и съ директорами и съ министрами, какъ ихъ не принять, какъ ихъ не уважить, особенно если они привезли поклонъ отъ вліятельнаго лица, тонко намекнули, что съ нимъ на короткой ногѣ? И дѣйствительно знакомому съ бытомъ епархіальныхъ начальниковъ извѣстно, какимъ вниманіемъ пользуются у нихъ не только петербургскіе жители, но даже ихъ письма. Сколько разъ случалось, что священническое мѣсто предоставлялось комунибудь по письму такого столичнаго жителя, который, будь въ губернскомъ городѣ, не попалъ-бы даже въ число друзей дома. Но изъ петербургскихъ жителей особенно грозны, и слѣдовательно *самые пріятные посылатели и гости* архіереевъ — это чиновники духовнаго вѣдомства, начиная впрочемъ преимущественно съ секретарей синода и стодоначальниковъ прочихъ управленій. Имъ нельзя не оказать уваженія и въ томъ случаѣ, когда МЫ сами бываемъ въ Петербургѣ, даже засѣдаемъ въ синодѣ. Не слишкомъ давно умеръ одинъ чрезвычайно гордый архіепископъ. Онъ не учился въ академіи, но не смотря на то, или м. б. поэтому считалъ себя необыкновеннымъ іерархомъ. Несчастны были ректоръ и профессоры семинарій, которые состояли подъ его начальствомъ. И м. т. этотъ гордый іерархъ, живя въ Петербургѣ, имѣлъ своими любимыми

собесѣдниками по вечерамъ секретарей синода. Они не очень церемонились, особенно Р-овъ, рассказывали не всегда деликатные анекдоты на счетъ другихъ архіереевъ и гордый іерархъ, внутренно ими обижаясь, поговаривалъ: «полноте, господа!» Но господа все-таки говорили и ихъ все-таки ласково принимали. Можно даже немножко повыше подняться. Известно, что у п-скаго митрополита бывають по нѣскольку разъ въ годъ официальные великолѣпные обѣды. Нынѣ на нихъ уже приглашаютъ свѣтскихъ профессоровъ академіи. Но въ не давнее время подобная честь немислима была. Вотъ и доказательство. Вновь посвящаемые архіереи даютъ тоже обѣды въ митрополичьихъ комнатахъ на свой, конечно, счетъ, но все-таки предоставляютъ митрополиту списокъ приглашаемыхъ лицъ. Въ одинъ изъ такихъ списковъ новый архіерей — ректоръ академіи помѣстилъ своихъ сослуживцевъ наставниковъ. Митрополитъ долго не соглашался на это: «какъ же мнѣ въ своихъ комнатахъ имѣть подобныхъ гостей?» и только при настойчивости ректора дозволилъ пригласить ординарныхъ профессоровъ. Но известно, что профессоры академіи состоятъ въ VII классѣ и могутъ по своей должности получить IV классъ, а секретари синода и столоначальника младшіе въ VIII, а старшіе въ VII, но получаютъ только однимъ чиномъ выше. И м. т. на тѣхъ же обѣдахъ, куда не приглашали академическихъ профессоровъ, или дѣлали это въ видѣ исключеній, секретари синода и столоначальники управленій считались необходимыми гостями.

Не забываютъ, р-ая, и прочихъ чиновниковъ духовнаго вѣдомства, которые по табели о рангахъ стоятъ выше секретарей и столоначальниковъ. Про нынѣшнія времена говорить неудобно; сразу примуть мои общія замѣчанія за личныя; коснемся прошедшихъ временъ, впрочемъ не очень отдаленныхъ. Охъ! какъ тогда уважали высшихъ чиновниковъ? даже совѣстно вспомнить. На одномъ изъ обѣдовъ въ митрополичьихъ комнатахъ чисто духовная и свѣтско-духовная аристократія сидѣла въ гостиной, а прочая братія — архимандриты, протоіереи, оберъ-секретари, секретари толпились въ ожиданіи обѣда въ залѣ, которая обращена окнами внутрь монастыря. Двери въ сѣни и на лѣстницу были открыты. Вдругъ въ залѣ услышали голосъ изъ сѣней: «ну что у васъ за лошадь? Я было на своей четверни хотѣлъ васъ обогнать, кричу кучеру: гони скорѣй; не жалѣй лошадей; ну нѣтъ, куда мнѣ тягаться съ вами?» Разговоръ на эту тему продолжался и въ залѣ; разговари-

вающіе даже остановились на нѣсколько минутъ въ ней, чтобы докончить разговоръ о взаимномъ достоинствѣ лошадей. Но больше говорилъ только одинъ, видимо желавшій своими похвалами польстить другому, а этотъ другой только изъѣдка съ насмѣшливою улыбкою позволялъ себѣ сказать что нибудь и принималъ лесть даже его лошади, какъ обычную дань. Четверня принадлежала архіепископу, о отличная лошадь одному изъ директоровъ по духовному вѣдомству. Разговоръ былъ веденъ такъ громко, что всѣ почти толпившіеся въ залѣ, вслушались въ него; синодскіе чиновники послѣ весело посмѣивались и поговаривали: *каковъ нашъ-то? какъ къ нему подтызжаютъ?* — А о. о. архимандриты какъ-то покраснѣли и видимо были сконфужены. Но не одинъ нашъ иппофилъ былъ внимателенъ къ высшимъ свѣтскимъ чиновникамъ по духовному вѣдомству. Кто въ тѣ времена въ святки и пасху долженъ былъ ходить по переднимъ этихъ чиновниковъ, чтобы записаться въ качествѣ поздравителя, тотъ очень хорошо помнить, какъ на той же страницѣ, а иногда совершенно по сосѣдству съ нимъ собственноручно записывались епископы и архіепископы. О тогдашнемъ Об. Пр-рѣ нечего и говорить; онъ былъ всемогущею особою; поэтому по вѣншности къ нему было полное и беспредѣльное уваженіе. Когда онъ, послѣ своей поѣздки, изъ за границы пріѣхалъ въ Петербургъ, но на другой день никого еще не принималъ, то многіе, желая выразить свою радость о его благополучномъ возвращеніи, пріѣхали къ нему и записывали на особомъ листу свои имена. Замѣчательно, что списокъ поздравителей начинался однимъ присутствовавшимъ тогда въ синодѣ архіепископомъ. Поговаривали также, но я не могу навѣрно утверждать, что въ пасху и святки между именами поздравителей, записывавшихся на листахъ, встрѣчалось имя . . . . . М-та. — Когда у тогоже Об. Пр-ра скончалась мать, то онъ пригласилъ свое приходское д-во совершать утромъ и вечеромъ литіи надъ покойницею, пока она оставалась въ домѣ. Но архіереи сами безъ всякаго со стороны его намека настояли на томъ, чтобы позволено было совершать эти литіи; для чего по очереди и являлись въ домъ.

Петербургъ заключаетъ въ себѣ множество вліятельныхъ лицъ, которыхъ благосклонность нужна важнымъ, особамъ чорнаго д-ва; р-ся этой благосклонности ищутъ, или крайне опасаются навлечь неблагосклонность. Въ прошедшее царствованіе къ К-ой епархіи поступила въ монахини одна дворянка довольно богатая. Пока была бѣлицею, она

видѣла полное къ себѣ уваженіе, но постригшись, вскорѣ замѣтила, что мать игуменья стала поступать съ нею довольно деспотически; дворянская кровь заговорила; новая монахиня вступила было въ борьбу съ своею начальницею, но тотчасъ же почувствовала свое безсиліе; ей замѣтили, что она уже теперь не дворянка, а монахиня; даже не позволили съѣздить къ своимъ роднымъ въ сосѣднюю губернію. Дѣлать нечего, надобно было покориться. М. т. мѣстный архіерей вытребованъ былъ въ Петербургъ на чреду; въ это время монахиня какъ-то добилаcь увольненія на свиданіе съ родственниками; уѣхала и отъ епархіальнаго начальника сосѣдней епархіи получила билетъ на проѣздъ въ Петербургъ. Игуменья, узнавши объ этомъ самовольномъ поступкѣ и полагая, что ея подчиненная намѣрена поступить въ другую обитель, не хотѣла безъ борьбы съ нею разстаться и сообщила въ Петербургъ къ архіерею о бѣгльницѣ, какъ ее называли. Бѣглянку отыскали, призвали, настращали и приказали немедленно выѣхать изъ Петербурга и отправиться въ обитель; въ противномъ случаѣ грозили существующими о непослушныхъ монахиняхъ постановленіями. Бывшая дворянка испугалась, но еще болѣе боялась возвратиться къ прежней начальницѣ. Петербургскіе ея родные уговорили ее искать защиты у одной дамы, пользовавшейся огромнымъ уваженіемъ въ свѣтскомъ и въ духовномъ мірѣ. Дама, выслушавши слезную просьбу, сказала монахинѣ: «не безпокойтесь, я сейчасъ попрошу къ себѣ вашего преосвященнаго» и, написавши коротенькую записочку, даже не запечатавъ, велѣла лакею тотчасъ отнести ее по принадлежности, а просительницѣ пока подождать. Не много спустя подѣхала четверня цугомъ къ подѣзду; изъ кареты вышелъ преосвященный; у монахини духъ занялся. Къ счастью дама сама встрѣтила послушнаго владыку, который, вошедши въ залу и увидавши тутъ же монахиню, тотчасъ сообразилъ, почему его такъ безцеремонно попросили пріѣхать. Естественнo, что тактика была измѣнена. «Ахъ, матушка *имярекъ!* такъ началъ говорить владыка дамѣ; вѣрно она (указавши на монахиню) наговорила всякую всячину, нажаловалась на меня. Экая ты какая! обратясь къ монахинѣ, продолжалъ владыка: за чѣмъ ты тревожишь матушку *имярекъ?* ко мнѣ бы могла явиться.» Потомъ вновь началъ объясняться дамѣ: «вѣдь, я ее хотѣлъ только пострадать; смотрите уѣхала въ чужую епархію, пріѣхала въ Петербургъ, не спросясь ни матушки игуменья, ни меня; ну какъ же ее не пожурить?» Монахиня никакъ не ожи-

дала такого поворота, или лучше переворота; р-ся, воспользовалась имъ и получила увольненіе не только изъ прежняго монастыря, но и изъ епархіи. А еще говорятъ, что будто наши м-щіе незнаютъ свѣта. Если архіепископы даже присутствующіе въ синодѣ такъ внимательны къ чиновникамъ духовнаго вѣдомства и къ свѣтскимъ вліятельнымъ лицамъ; то какъ же имъ не быть ласковыми, привѣтливыми и гостепріимными, когда къ нимъ въ провинцію заѣдетъ кто либо изъ поименованныхъ особъ?

Отдѣлъ 27ой.

О томъ, почему архіереи не ласковы и даже суровы къ бѣлому д-ву, и напротивъ привѣтливы и благосклонны къ мірянамъ.

Содержаніе предъидущаго отдѣла пробуждаетъ многіе вопросы. Отчего наши владыки такъ недружелюбны, такъ мало расположены къ бѣлому подчиненному д-ву, такъ неохотно съ нимъ сближаются? Отчего священники академисты имъ менѣ нравятся, нежели семинаристы? Отчего они стараются забыть свое академическое товарищество и даже недовольны бываютъ, когда напоминаютъ имъ о немъ? Напротивъ отчего такъ ласковы, внимательны, вѣжливы къ дворяномъ, къ чиновникамъ, особенно синодскимъ, угодливы предъ ними? Отчего купецъ, церковный староста, даже бурмистръ и старшина болѣе встрѣчаютъ у нихъ привѣта, нежели священники? Займемся этими вопросами; намъ это сдѣлать тѣмъ легче, что для разрѣшенія ихъ выше уже приготовлено много матеріаловъ.

1) Въ 22^{мъ} отдѣлъ я очень подробно объяснилъ, что вообще м-во и въ частности іерархи страдаютъ особенно гордостію, высокоуміемъ, тщеславіемъ, спѣсью и пр. Нѣкоторые изъ душевныхъ недостатковъ, неодобрительныя сами по себѣ, сносны по к. м. тѣмъ, что, какъ говорится, *нелезутъ, не просятъ наружу*, а затаиваются внутри большаго ими; такова напр. зависть. Но перечисленные сейчасъ недостатки стараются себя выказать; высшимъ ихъ наслаж-

денемъ, любимымъ, т. е-ть, блюдомъ служить для нихъ всѣ случаи, которые имъ удовлетворяютъ. Гордый, надменный человѣкъ похожъ на кумиръ, только одушевленный; ему непремѣнно нужны приношенія и поклонники. Но нынѣшній либеральный свѣтъ сталъ бѣгать отъ кумировъ; люди независимые перестаютъ идолопоклонничать, или лучше человѣкопоклонничать; только нужда, служба и зависимость заставляютъ преклоняться предъ кумирами. Гдѣ же теперь и тѣмъ людямъ, о которыхъ я началъ говорить, искать себѣ поклонниковъ, какъ не въ своихъ подчиненныхъ? Кто, какъ не эти подчиненные, обязаны предъ ними *воскуратъ бжгмаамъ и воспяватъ хвалобные тсны*? А если бы они какъ нибудь забыли о томъ, то почему своими перунами не напомнить имъ о ихъ обязанностяхъ; — юпитеръ не щадилъ сопротивлявшихся ему. Но кумиры, принимая поклоненія, не могутъ же сходить съ своихъ педесталовъ; къ греческимъ истуканамъ и бурятскимъ божкамъ можно по к. м. подходить и касаться ихъ. Одушевленные же кумиры никогда не допускаютъ подобной близости. Притомъ они понимаютъ, что немного еще имъ чести, если предъ ними склоняются какія либо тростинки, или пресмыкается какой либо червякъ, ласкается какая либо шапка. Нѣтъ, то ли дѣло, когда гордый и вѣтвистый дубъ склоняетъ предъ НАМИ свою вершину, или когда могучій левъ и тигръ ползаютъ около НАСЪ и лижутъ НАШУ руку? Вотъ это самое лакомое блюдо, какого никогда не приготавливалъ самъ Каремъ не только для Георга IV, но и для Ротшильда! Но львовъ и тигровъ трудно усмирить, особенно обратить въ комнатныхъ собачекъ; еще труднѣе заставить дубъ склонить до земли свою вершину; онъ скорѣе сломится, нежели наклонится. Конечно академистовъ священниковъ нельзя всѣхъ сравнивать съ львами, тиграми и дубами, но они все-таки неподатливѣе тростинокъ и любятъ стоять не на четырехъ, а на двухъ ногахъ болѣе, нежели семинаристы.

2) Въ 21мъ отдѣлѣ весьма подробно-было говорено о той *исконной* враждѣ, которая находится между чернымъ и бѣлымъ д-вомъ; между пресвитерами и епископами. Конечно еще до начала этой вражды Спаситель проповѣдывалъ: *любите враги ваша и добро творите ненавидящимъ васъ*; конечно и нынѣ та и другая враждующая сторона проповѣдуетъ это съ церковной кафедры грѣшнымъ мирянамъ; но человѣческія страсти не слушаются даже библейскихъ текстовъ. Врага побѣжденнаго и покорнаго можно еще щадить;

не преслѣдовать; но если побѣжденный вновь замышляетъ возвратить свою независимость, домогается одинаковыхъ правъ съ побѣдителемъ, тогда политика совѣтуетъ не щадить его, и если почему либо нельзя рѣшиться на окончательное его истребленіе, то надобно держать его по русской поговоркѣ, *въ ежовыхъ рукавицахъ*. — Врагу можно не мстить, не подпустить его близко къ себѣ, сдѣлать своимъ совѣтникомъ, повѣреннымъ своихъ тайнъ, — на это немногіе рѣшатся. Какъ же послѣ этого одной изъ нашихъ враждующихъ партій, притомъ той, которая послѣ долговременной борьбѣ осталась побѣдительницею, — какъ ей быть благосклонною къ другой партіи, которая начинаетъ поднимать опять свою голову, готова приблизиться даже поклониться съ тѣмъ, чтобы высмотрѣть слабую сторону своихъ властителей и ею воспользоваться? Конечно, она и издали замѣтитъ многіе недостатки, но тогда ея слова возможно еще заподозрить. Войди же съ нею въ интимныя отношенія, она и увидитъ многое, чего можетъ быть и не подозрѣвала, да и станетъ подтверждать свои рассказы словами: *я сама знаю, я жила вблизи ихъ, я все высмотрѣла*. И такъ побѣдитель держи себя подалѣе отъ побѣжденныхъ! Въ этомъ отношеніи особенно опасны для нашихъ іерарховъ академисты, и еще особенно академическіе товарищи. Семинаристы — священники и прежде и нынѣ смотрятъ на академію сквозь призму, или увеличительное стекло, представляютъ ее въ какой-то сумрачной дали, какимъ-то святилищемъ наукъ, по к. м. не могутъ знать, чѣмъ бываютъ тамъ тѣ лица, которымъ послѣ отдается въ распоряженіе все д-во; даже еслибы о чемъ нибудь услышали, или догадались, то часто не посмѣютъ этому повѣрить по догматическимъ и школьнымъ своимъ предубѣжденіямъ. Академисты же и особенно товарищи въ этомъ отношеніи смѣлѣе. Они съ кумирами сидѣли на однихъ и тѣхъ-же скамьяхъ, знаютъ механику, посредствомъ которой кумиры поднимаются на пьедесталы, съ сознаніемъ истинности словъ своихъ могутъ, указывая на кумиры, частенько говорить: *очи имуть, — и не видятъ, уши имуть, — и не слышатъ*. Присоедините сюда ту ненависть, которая господствуетъ въ духовныхъ академіяхъ между студентами монахами и студентами сертуконосцами, тѣ колкія насмѣшки, которыя слышатъ, тѣ прозвища (въ родѣ семи смертныхъ грѣховъ), которыя получаютъ первые отъ послѣднихъ. Монахамъ конечно приходилось молчать, п. ч. большинство и умъ были на сторонѣ сертуконосцевъ. Но досада западала въ душу; взволнован-

ная кровь, раздраженіе нервовъ, ненормальное состояніе желчи оставляли впечатлѣніе въ организмѣ. И если можно еще какъ нибудь сдержатъ себя отъ мстительности, то какъ же любить и жаловать своихъ обидчиковъ? Какъ ихъ приближать къ себѣ? Развѣ кто нибудь совершенно покорится, забудетъ о прежнемъ своемъ товариществѣ и равенствѣ; ну, такого еще можно почитать своимъ довѣріемъ и расположеніемъ. А то лучше имѣть дѣло съ семинаристами.

3) Обѣ предъидущія причины я хочу назвать *иностранными, византійскими*, только взаимная ненависть между м-щами и свѣтскими студентами академій, можетъ отчасти назваться туземнымъ произведеніемъ. Теперь займемся *чисто русскою причиною*. Замѣчая нерасположеніе всѣхъ классовъ общества къ бѣлому д-ву, — къ кутейникамъ, нѣкоторые малодушные, или спѣсивые люди изъ него отказываются отъ своего происхожденія. Къ сожалѣнію, они встрѣчаются въ тѣхъ лицахъ, которыя происходятъ изъ духовнаго званія. Есть теперь знаменитость между медиками, которая явившемуся къ ней семинаристу родному племяннику своему сказала: *ты и не смѣй называть меня дядею; въ такомъ случаѣ я твой покровитель; а если этого не съѣлаешь, то не тыяй*. Жена этого же вельможнаго доктора, въ присутствіи другаго племянника своего мужа, пресерьѣзно говорила: «вотъ скажите пожалуйста; болтаютъ, что мой мужъ будто-бъ изъ духовнаго званія и учился въ семинаріи. Какой вздоръ! Онъ дворянинъ и учился въ гимнази.» Такихъ лицъ, забывающихъ о своемъ происхожденіи или стыдящихся его довольно и между архіереями. Недавно умеръ одинъ архіепископъ, сынъ священника, учившійся въ духовномъ училищѣ, семинаріи и академіи, не занимавшій никогда ни одной свѣтской должности, даже любившій, какъ слышно, говорить: *дѣдъ мой былъ — еврей, отецъ — герей, а я — архіерей!* И этотъ-то чисто поповскій сынъ своею собственною рукою въ послужномъ списокѣ, въ графѣ о происхожденіи отиѣтилъ: *изъ дворянъ*. Но онъ былъ изъ западныхъ губерній, гдѣ дѣйствительно нѣкоторые священники принадлежатъ къ дворянскимъ, или шляхтичьимъ фамиліямъ; москалямъ подобныя притязанія обнаруживать нельзя. Тутъ прибѣгаютъ къ другому способу не смѣть, а позамазать свое поповское происхожденіе. Они своими привычками, приемами, домашнею жизнію и пр. стараются доказать, что стоятъ гораздо выше бѣлаго д-ва, не могутъ терпѣть той грязи, въ которой оно живетъ, имъ такъ и хочется показать, что они настоящіе не только дворяне, но даже *бары*.

Такихъ людей много между архіереями и между ректорами. Однажды ректоръ п-ой семинаріи, былъ приглашенъ однимъ профессоромъ на именины на вечеръ. Гостей уже было очень много, когда изволило пожаловать его В-біе. По окончаніи привѣтственныхъ церемоній о. ректоръ сѣли на диванъ, но очень скоро стали выражать на лицѣ своемъ непріятную мину, обнюхивали воздухъ, поворачивались въ разныя стороны. Хозяинъ замѣтивши это, осмѣлился спросить: «что васъ беспокоитъ, ваше В-біе?» «Право, не знаю, какой-то странный у васъ запахъ, я начинаю чувствовать головокруженіе и стѣсненіе въ груди, только никакъ не могу понять, отчего это происходитъ.» Но и хозяинъ, и десятка два гостей, сидя часа два уже не чувствовали ни головокруженія, ни стѣсненія въ груди, и зная характеръ новаго гостя, съ улыбкою переглядывались между собою и ожидали, чѣмъ все это кончится. Наконецъ вопросъ разрѣшился: «послушайте, обратился о. ректоръ къ хозяину, ну что это вы дѣлаете со мною и съ гостями? Какъ вамъ не стыдно? Я теперь вижу, отчего у васъ въ комнатахъ не хорошо пахнетъ?» Хозяинъ поспѣшилъ узнать о причинѣ. «Да развѣ не догадываетесь? ему отвѣчали. Какія у васъ горятъ свѣчи? — вѣдь все салныя. Нѣтъ, какъ угодно, я не могу никакъ сидѣть при салныхъ свѣчахъ; у меня тотчасъ же дѣлается головокруженіе и стѣсненіе въ груди.» И сконфуженный хозяинъ долженъ былъ поскорѣ добыть стеариновыхъ, или восковыхъ свѣчъ. Другой тоже ректоръ, пріѣхавши въ к кую семинарію, измучилъ одного профессора отыскиваніемъ прачки. Бѣлье у него было голландское, отличное; послѣ мытья онъ обнюхивалъ его и говорилъ: «понюхайте, все пахнетъ мыломъ, что это? неужели нельзя найти въ цѣломъ городѣ хорошей прачки? Я никакъ не могу носить бѣлья, отъ котораго хоть сколько нибудь пахнетъ мыломъ.»

Наши преосвященные чаще всего употребляютъ послѣдній способъ, чтобы совершенно выдѣлать себя изъ бѣлаго д-ва, поставить выше и внѣ его и въ своихъ собственныхъ, мысляхъ, и въ глазахъ другихъ. Пусть кто нибудь изъ нихъ занимается только спархіальными дѣлами, избираетъ друзей и знакомыхъ изъ бѣлаго д-ва, въ свободное отъ должностныхъ занятій время или самъ принимаетъ у себя только однихъ духовныхъ особъ, или къ нимъ ѣздитъ для отдыха и развлеченій; къ дворянству, чиновничеству, купечеству конечно ни холоденъ, ни не привѣтливъ, но и не оказываетъ имъ особеннаго расположенія, не стоитъ съ ними

на дружеской ногѣ, не водить хлѣба-соли. Такому преосвященному не можетъ ли прійти на мысль: «а что-то подумываютъ обо мнѣ свѣтскіе? Вѣрно говорятъ: «вотъ знается только съ одними попами, ихъ только къ себѣ приглашаетъ, у нихъ только и самъ бываетъ; и видно, что самъ не только изъ поповскаго рода, но и не отсталъ отъ привычекъ и убѣжденій этого рода.» Тутъ, пожалуй, услужливый, или неосторожный любимецъ подшепнетъ: «Ахъ, ваше пр-во! какъ вами дворяне и купцы недовольны за то, что вы не сближаетесь съ ними, даже знаете ли, осмѣливаются васъ называть кутейникомъ.» Кромѣ того, проводя свободное время исключительно, или хоть преимущественно съ духовными только лицами, по неволѣ почти принужденъ будешь разговаривать болѣе всего о д-вѣ, о прежнемъ семинарскомъ, или академическомъ житѣ, о догматическихъ и нравственныхъ истинахъ. Иной, пожалуй, тутъ еще примется рассказывать, какъ онъ вмѣстѣ учился съ владыкою, какъ ихъ вмѣстѣ ставили на колѣна и сбкли, разгами, какъ онъ былъ аудиторомъ и старшимъ его пр-ва, какъ они голодали въ семинарской столовой, подъ дождемъ и по грязи хаживали домой на каникулы и пр. Вѣдь такъ жить не значитъ ли оставаться въ тойже сферѣ, въ которой родился, воспитывался, служилъ до епископства; тутъ и въ своихъ мысляхъ не поднимаешься выше бѣлаго д-ва.

Возьмемъ теперь противоположный случай. Пусть преосвященный не имѣетъ никакихъ интимныхъ и дружескихъ отношеній и бесѣдъ съ лицами бѣлаго д-ва, а съ чиновниками и дворянами ведетъ дружбу и хлѣбъ-соль, бываетъ у нихъ запросто, зоветъ къ себѣ на вечера и пр. Потомъ когда разговоръ коснется бѣлаго д-ва, онъ не станетъ выражаться, какъ выразился въ книгѣ: о. с. д. архіерей: «что за ослы эти попы такіе, слова толковаго отъ нихъ не услышишь,» это и грубо и глупо. А преосвященный съ сожалѣніемъ, со вздохомъ, послѣ продолжительной паузы скажетъ: «да, бѣлое д-во какъ-то въ жалкомъ состояніи по умственному и нравственному своему состоянію. Я было старался съ нимъ сблизиться, да нѣтъ возможности; одни слишкомъ услужливы, приторно-вѣжливы; другіе готовы лѣзть на шею; третьи умѣютъ только поговорить о приходахъ и требохъ. Право, нѣтъ возможности съ нимъ сблизиться. Вотъ напр. съ вами другое дѣло. Съ удовольствіемъ поговоришь о чемъ угодно, встрѣтишь въ васъ образованность безъ педантства, вѣжливость безъ приторности, отведешь душу отъ своихъ епархіальныхъ кляузъ и

мерзостей, оживишься, станешь другимъ человѣкомъ. Да, жалко о своихъ подчиненныхъ, но ничего не могу сдѣлать.» Этого преосвященный можетъ вообразать, что о немъ не сдѣлаютъ такого же отзыва, какъ и о предъидущемъ; можетъ утѣшать и ласкать себя надеждою, что о немъ станутъ говорить свѣтскіе люди: «владыка вовсе не похожъ на попа, разсуждаетъ и говоритъ по человѣчески, по нашему, да еще какой прекрасный и добрый человѣкъ? какъ гуманно судить о попахъ? да только къ несчастію не можетъ поднять ихъ изъ грязи.»

Наши взгляды и на себя, и на другихъ могутъ иногда устанавливаться, т. е. ть, насильственно, механически. Вѣдь враль, повторяя одну и ту же ложь съ клятвою и съ кажущимся убѣжденіемъ, не только доводитъ другихъ, но и самъ доходитъ до убѣжденія, что его вранье — истина. Ханжи и лицемѣры, настойчиво и продолжительно *прикидывались* благочестивыми, наконецъ и сами начинаютъ и другихъ заставляютъ вѣрить въ небывалыя свои добродѣтели; точно такъ же и ловкій актеръ до такой степени сродняется съ своею ролею, что, играя Франца Мора дѣйствительно начинаетъ ненавидѣть своего брата. Вѣдь Людовикъ XIV считалъ себя полубогомъ Франціи, а какой нибудь Кутухта или Далай-Лама вѣрятъ въ свое мнимое божество, да и цѣлыми милліонами считаются небесными существами. Послѣ этого нашимъ іерархамъ не трудно и себя и другихъ убѣдить, что они далеко выше блага д-ва. Этому убѣжденію помогутъ, кромѣ психологическаго настроенія, и внѣшнія обстоятельства. Тутъ какой либо ловкій свѣтскій льстецъ съ вкрадчивою деликатностію говоритъ: «удивляюсь, какимъ образомъ ваше пр-во такъ себя образовали; извините меня за искренность, въ васъ поповскаго ничего незамѣтно; вы точно какъ будто родились и всегда жили въ высшемъ аристократическомъ кругу.» Но и безъ этого внѣшняя обстановка архіерейства почти невольно заставляетъ владыкъ считать себя полубожествомъ относительно д-ва. Станешь приказывать, — отвѣчаютъ только: *слушаю-съ, будетъ исполнено*; скажешь: какъ ты думаешь? — отвѣчаютъ: какъ угодно вашему пр-ству.» Шагу не ступишь, чтобы кто нибудь не поклонился; руки не протянешь, чтобы кто нибудь не поцѣловалъ ее, слова не скажешь, чтобы не нашолся охотникъ восхищаться имъ; все служить, прислуживается, ждетъ ласки, милостивой улыбки, бываетъ въ восторгѣ отъ нее. Какъ хотите, г. ч., а закружится голова; по неволѣ вообразишь себя не земнымъ существомъ, не для всѣхъ ко-

нечно, по к. м. для блага два, которое какъ будто бы и существуетъ для того, чтобы НАМЪ прислуживать. И можно ли теперь съ нимъ сближаться, имѣть между нимъ друзей, знакомыхъ, когда тутъ только должны существовать поклонники и обожатели?

Лучшаго, добраго даже гуманнаго архіерея по отношенію къ бѣлому д-ву можно сравнить съ отличными бывшими помѣщиками. Многие изъ послѣднихъ были очень снисходительны и милостивы къ своимъ крестьянамъ, имѣли между ими довѣренныхъ людей, даже любимцевъ, съ которыми совѣтывались, говорили имъ: Иванъ Сидоровичъ, или Панкратичъ, потчивали чашкой чая, даже сажали на стулъ. Но, воля ваша, помѣщику нельзя было имѣть друзей и знакомыхъ между своими крѣпостными. Да и эти въ свою очередь помнили, что онъ имъ не ровня, что онъ ихъ баринъ, по его волѣ прикащикъ завтра могъ быть конюхомъ, управляющій лакеемъ, бурмастръ — свинопасомъ и пр. И потому ласкою были довольны, но все таки свободы желали. Другую часть сравненія продолжите сами, г. ч.; я вамъ доставилъ и еще доставлю много матеріаловъ для этого. Но мы брали лучшаго архіерея, чтоже сказать о не лучшемъ? И если онъ еще увлекается сословною гордостью, сословною враждою, то поймете положеніе блага д-ва по отношенію къ епархіальнымъ начальникамъ. Между ими утвердилась *пропасть велика*; не скоро ее завалишь, или чрезъ нее сдѣлаешь мостъ; на это можетъ рѣшиться только могущественное правительство.

Объяснивши, отъ чего архіеріи такъ не дружелюбны, неблагосклонны, горды и пр. въ отношеніи къ бѣлому д-ву, займемся вопросомъ: почему они такъ внимательны, предупредительны и ласковы къ лицамъ изъ прочихъ сословій, или даже къ не подчиненному имъ д-ву?

При всемъ своемъ величій, при всемъ желаніи забыть о своемъ происхожденіи архіереи не могутъ по психическимъ нашимъ законамъ, освободиться изъ подъ вліянія тѣхъ впечатлѣній, которыя они получили, бывши еще поповскими, или дьячковскими дѣтьми. Въ то время въ домахъ своихъ отцовъ они возимѣли высокое понятіе о дворянахъ и чиновникахъ; видали, какъ отецъ и мать хлопотали, когда къ нимъ пріѣзжалъ исправникъ, или знатный баринъ, какъ иногда предъ ними унижались, въ отсутствіи ихъ завидовали имъ, какъ довольны были, когда богатый помѣщикъ приглашалъ ихъ къ себѣ на чай, или обѣдъ. И если при этомъ случаѣ отецъ и мать брали съ собою своего сына,

то послѣднему барскія комнаты казались чертогами. Мальчикъ поступилъ въ училище и семинарію; тутъ онъ видитъ, какъ учителя и начальники, — эти грозныя существа для него смиренны, а иногда ничтожны, какъ даже сами пресвященные столъ важные и недоступные для профессоровъ и самаго о. ректора, какъ и они привѣтливы и ласковы предъ губернаторомъ, предсѣдателемъ палаты и даже менѣе важными чиновниками, предъ богатыми помѣщиками, купцами и пр. И когда этотъ мальчикъ сдѣлается взрослымъ человѣкомъ и вступить въ жизнь у него въ мозгу остается неизгладимое впечатлѣніе, что въ Россіи послѣ царя вся сила въ чиновничествѣ и дворянахъ. Со слѣдами отъ всѣхъ этихъ впечатлѣній онъ дѣлается архіереемъ; и тутъ ему трудно освободиться отъ нихъ тѣмъ болѣе, что жизнь и практика болѣе и болѣе доказываютъ силу и значеніе чиновниковъ и дворянъ. Мнѣніемъ подчиненнаго ему д-ва онъ смѣло можетъ пренебрегать; на это мнѣніе Петербургъ не обращаетъ вниманія; надобно только, чтобы не было слишкомъ явныхъ несправедливостей и притѣсненій, чтобы дѣла по внѣшности велись исправно; въ такомъ случаѣ и жалобы д-ва останутся безъ послѣдствій; отъ нихъ можно отписаться. Но дворяне — другое дѣло; у нихъ въ Петербургѣ и родные, и знакомые; они, какъ говоритъ авторъ книги о. с. д.: кричатъ громко и голосъ ихъ легко можетъ достигнуть до Петербурга (стр. 85);» да и сами тамъ бываютъ. Чиновники, особенно высшая губернская администрація еще сильнѣе помѣщиковъ. Въ прошедшемъ царствованіи два епархіальныхъ архіерея (И-ей И-скій и И-хъ Р-ій) были удалены отъ своихъ должностей безъ суда и слѣдствія по донесенію только свѣтскихъ мѣстныхъ властей. Конечно оба они оправдались; но гораздо лучше, не оправдываясь ни въ чемъ, оставаться на мѣстѣ, нежели лишиться его, потомъ оправдавшись, вновь получить. Но и безъ отставки неприятно, если вдругъ пошлютъ изъ второкласной въ третьекласную епархію; еще, пожалуй, неприятнѣе, когда какъ будто въ видѣ повышения поручатъ управленіе иркутскою, томскою, астраханскою и тобольскою епархіями. И такъ не лучше ли жить въ ладу съ дворянами и чиновниками, р-ся, вліятельными, важными и богатыми? Они съумѣютъ и въ Петербургѣ распространить хорошее о НАСЪ мнѣніе.

Расположеніе и вниманіе къ купечеству поддерживается въ пресвященныхъ разными побужденіями. Извѣстно, что наши купцы болѣе всѣхъ другихъ сословій дѣлаютъ пожертвованія на такъ называемыя богоугодныя дѣла. Иногда

изъ-за благословенія синода или епархіального начальства, изъ-за медали, иногда даже безъ всякихъ расчетовъ они жертвуютъ тысячами рублей. Такими людьми пресвященные должны по своему званію дорожить тѣмъ болѣе, что въ пожертвованіяхъ нуждаются, по к. м. отъ нихъ не отказываются кафедральные соборы, особенно крестовыя церкви и монастыри, состоящіе подъ управленіемъ владыкъ; тутъ купецъ является нѣкотораго рода благодѣтелемъ. Но у купцовъ понятіе о богоугодности очень обширно: доставить нѣсколько четвертей купъ или пшена, нѣсколько пудовъ масла для пѣвчихъ, нѣсколько десятковъ возовъ сѣна, или дровъ для архіерейскаго дома они считаютъ тоже богоугоднымъ дѣломъ. Иногда ихъ приношенія сосредоточиваются на одномъ главномъ лицѣ архіерейскаго дома. Иной въ видѣ временнаго презента, или даже опредѣленной дани представитъ цибикъ чаю, десятокъ или даже цѣлую бочку головъ сахару, дорогую шолковую матерію на рясу, другой нѣсколько аршинныхъ стерлядей и пр. и пр. Какъ хотите, и въ этомъ случаѣ конечно можно принять все, какъ богоугодное приношеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ является потребность и поблагодарить, даже поцѣловать жертвователя, пожать ему руку, чтобы поддержать его расположеніе къ подобнымъ богоугоднымъ дѣламъ и приношеніямъ на будущее время. Тутъ даже можно сносить причуды жертвователей. Въ К-гѣ былъ богачъ купецъ рыбникъ, безденежно снабжавшій рыбою архіерея и ректора. Однажды какой-то семинаристъ, получивъ отказъ въ дьяконскомъ мѣстѣ, упросилъ рыбника хлопотать о немъ. Этотъ, съ огромной стерлядью въ подолѣ явившійся къ архіерею, сказалъ: «На-ка тебѣ, славная! Да вотъ что, сдѣлай-ка такого-то дьякономъ.» Нельзя, — отвѣчали. «Ну вотъ еще нельзя; сдѣлай, ищи-ка, гдѣ его просьба.» Просьбу нашли. Тогда рыбникъ, облокотившись не столь обѣими руками, продолжалъ: ну-ка пиши, да пиши по моему.» Дѣлать нечего, — написали; семинаристъ сдѣлался дьякономъ. Но кромѣ такихъ экстренныхъ случаевъ кто въ городахъ въ храмовые праздники приходскихъ городскихъ церквей послѣ литургіи устроить богатый обѣдъ, отблагодаритъ за милостивое вниманіе надлежащимъ приношеніемъ, удовлетворитъ всю свиту, начиная съ фореятора и малѣйшаго изъ пѣвчихъ, — кто, какъ не купцы? Дворянъ и чиновниковъ нужно уважать и ласкать, п. ч. они иначе могутъ сдѣлать много зла, — а купцовъ п. ч. много сдѣлаютъ добра матеріальнаго. Съ другой стороны нынѣ купечество уже имѣетъ

голосъ; во многихъ губерскихъ, особенно въ сибирскихъ городахъ оно принимаетъ сильное участіе въ такъ называемомъ общественномъ мнѣніи. Богатые же купцы, градскія головы могутъ и въ Петербургѣ явиться къ митрополиту, оберъ-прокурору и пр. Простыя слова человѣка съ туго набитымъ бумажникомъ какъ-то краснорѣчивѣе, нежели отличная рѣчь учонаго труженика. По всеѣмъ изложеннымъ причинамъ какъ же епархіальному начальнику не быть внимательнымъ къ купцамъ?

При крѣпостномъ правѣ управляющіе, прикащики и бурмистры богатыхъ и вельможныхъ помѣщиковъ имѣли порядочное значеніе; справедливыми своими донесеніями, или хитрыми навѣтами они иногда вредили вліятельнымъ лицамъ изъ мѣстной администраціи; не безъ причины къ нѣкоторымъ бурмистрамъ заѣзжали въ гости даже ихъ превосходительства — губернаторы, какъ это было не очень давно въ деревнѣ Сиксотовѣ, находящейся близъ самой почти Калуги. Но этимъ только однимъ трудненько объяснять то расположеніе, которое епархіальные начальники оказываютъ къ деревенскимъ властямъ, трудненько отыскать и настоящую причину такого явленія. Нельзя ли развѣ указать на желаніе нашихъ іерарховъ быть, т. е-тъ, популярными въ низшихъ классахъ? Этому желанію дѣйствительно могутъ помочь деревенскія власти, отъ которыхъ много зависитъ деревенское общественное мнѣніе. И въ самомъ дѣлѣ какъ можно не полюбить, не хвалить владыки, когда узнають, что онъ ихъ бурмистра принялъ, обласкалъ, даже посадилъ; мужику это нравится; изъ чести, которой удостоился бурмистръ, какъ будто частички достается и на его долю. Или м. б. расположеніе, о которомъ идетъ дѣло, не есть ли капризъ сильныхъ и знатныхъ людей, которые любятъ себя показать милостивыми и внимательными къ простонародью, не имѣя впрочемъ никакой особой любви къ нему? Или не хотятъ ли этимъ еще яснѣе показать бллому д-ву его ничтожество? Не хотятъ ли сказать: «смотри, мы и мужика — твоего прихожанина принимаемъ лучше, нежели тебя? Ты для насъ даже ничтожнѣе бурмистра.»

Но ласку и привѣтливость къ лицамъ иноепархіальнаго даже бѣлаго д-ва легко объяснить; они являются разъ или два на короткое время; расходъ на благосклонный приемъ ихъ небольшой. Почему же съ ними не обойтись милостиво и кротко? А м. т., возвратившись домой, они стануть съ удивленіемъ и убѣжденіемъ рассказывать: «смотрите пожалуйста; вотъ у насъ носится молва, что такой-то владыка

и гордъ, и грубъ; не вѣрьте, я самъ у него былъ. Какъ онъ прекрасно принялъ меня? Какъ ласково обошелся и милостиво разговаривалъ со мною? Вотъ еслибы Господь послалъ и къ намъ такого владыку; то-то мы были бы счастливы.»

Еще больше причинъ быть внимательнымъ и къ духовнымъ, и къ свѣтскимъ лицамъ, прїѣзжающимъ изъ Петербурга. Епархіальный начальникъ, принимая такихъ лицъ, можетъ быть увѣренъ, что его слова, жесты, мины — все будетъ извѣстно въ столицѣ не однимъ только друзьямъ и знакомымъ рассказчика. Въ Петербургѣ сословія такъ перемѣшаны, что новость, сказанная въ квартирѣ священника, перейдетъ въ гостиную вельможи; это именно водоворотъ, влеи въ него ковшъ воды, и брызги отъ нее разнесутся во всѣ стороны. Посудите же, какъ не принять самымъ вѣжливымъ и предупредительнымъ образомъ прїѣзжаго оттуда свѣтскаго, или даже духовнаго лица? Расходъ на эту ласку и привѣтливость принесетъ огромный процентъ въ столицѣ. А попробуйте-ка даже духовное петербургское лицо принять холодно, грубо; продержите его въ подачѣ часа два вмѣстѣ съ своими стоялыми жеребцами; ну, тогда извините, въ Петербургѣ столько и такихъ наговорятъ про васъ анекдотовъ, что рассказы о нихъ приведутъ въ негодованіе самыхъ хладнокровныхъ людей. Нѣтъ, бойтесь Петербурга, ласкайте всѣхъ прїѣзжающихъ оттуда, даже студентовъ академіи.

Особенно же непремѣнно нужно быть внимательными къ чиновникамъ синодальнымъ, они важны и какъ жители Петербурга, но еще болѣе, какъ чиновники. Въ самомъ дѣлѣ наши епархіальные начальники обязаны не только пасти Христово стадо, проповѣдывать слово Божіе, назидать и пасомыхъ, и пастырей, но и заниматься бюрократическими канцелярскими дѣлами. Каждый изъ нихъ считается президентомъ к-ріи и утверждаетъ протоколы и журналы ея, отвѣчаетъ за противозаконность ихъ и медленность дѣлопроизводства, такъ что даже одинъ изъ берлинскихъ защитниковъ (стр. 41) архіереевъ называетъ чиновниками. Далѣе изъ каждой к-ріи отъ каждаго архіерея поступаютъ въ синодъ многіе дѣла на окончательное утвержденіе; синодъ составляетъ высшую инстанцію, куда подаются на нихъ жалобы и отсылается множество срочныхъ вѣдомостей, отчетовъ, репортовъ и пр. А потому оттуда же можно получать не только благодарности, признательности, благоговенія, но что всего важнѣе, выговоры, замѣчанія и пр.

Теперь понятно, почему епархіальные начальники не только *бываютъ*, но и *должны быть* досковыми, услужливыми и предупредительными къ чиновникамъ синодальной канцеляріи, начиная по к. м. отъ секретаря и поднимаясь до директора ея. Но не должно забывать чиновниковъ канцеляріи Об. Пр-ра, духовно-учебнаго и хозяйственнаго управленій, даже и тѣхъ, которые ниже столоначальника, контролера, секретаря. Вѣдь всѣ они составляютъ одну корпорацію и принимаютъ участіе другъ въ другъ; неприятность, сдѣланная одному, можетъ быть принята на свой счетъ всѣми, или многими. Что же теперь сказать объ — Об. Пр-рѣ? Послѣ будетъ подробно разъяснено огромное влияние его на все вообще д-во, не исключая самихъ архіереевъ. — А теперь сошлюсь только пока на одинъ случай. Одинъ изъ покойныхъ петербургскихъ митрополитовъ на официальномъ у себя обѣдѣ, когда стали пить за здоровье тогдашняго — Об. Пр-ра, сказалъ: «да мы должны желать здоровья его с-ву; вѣдь отъ него мы много зависимъ. Вѣдь онъ докладываетъ Государю Императору объ насъ и нашихъ наградахъ.» Р-ся, все почтенное обѣдавшее собраніе, не исключая самаго его с-ва, нашли эти слова преосвященнаго митрополита вполне справедливыми.

Конечно, не легко для епархіальныхъ начальниковъ благопріятно расположить къ себѣ мѣстное дворянство, купечество, даже крестьянство, потомъ прїѣзжихъ изъ Петербурга и синодскихъ чиновниковъ; гораздо бы лучше и легче было сдѣлаться настоящимъ архипастыремъ своихъ пастырей и паствы, *право правящимъ слово истины*. Но первое несравненно выгоднѣе послѣдняго. Положимъ, что епархіальный начальникъ и суровъ, и гордъ, и несправедливъ относительно подчиненнаго ему бѣлаго д-ва, что онъ даже похожъ на трехбунчужнаго пашу, и на сатрапа въ рясѣ, и на прокусула въ митрѣ, и пр. Само собою разумѣется, что слухъ о подобныхъ обстоятельствахъ можетъ дойти до Петербурга; то смѣлый священникъ подастъ умно-написанную жалобу на несправедливость, ему оказанную; то какой либо добрый и сострадательный свѣтскій челоѣкъ, коротко ознакомившійся съ ходомъ епархіальныхъ дѣлъ, по челоѣколюбію сообщитъ о томъ тѣмъ лицамъ, *имъ же вѣдати подобаетъ*, а часто *дѣла и сами за себя говорятъ. Улика на лицо*. — Об. Пр-ръ встревожился, но ему прежде, нежели сдѣлаетъ предложеніе синоду, нужно развѣдать все обстоятельно; вѣдь на архіерея вводить серьезное обвиненіе по однимъ слухамъ, частнымъ письмамъ и нѣкоторымъ жалобамъ — нельзя; тутъ сразу са-

мому можно подвергнуться подозрѣнію въ неуваженіи къ святительскому сану, въ посягательствѣ на неприкосновенность его. И вотъ Об. Пр—ръ начинаетъ добросовѣстнымъ образомъ производить дознаніе. Сначала приказываетъ канцеляріи синодской хорошенько рассмотреть поступившія жалобы. Тутъ добрые и услужливые чиновники — благопріятели найдутъ слабыя стороны жалобы и сѣмѣютъ ослабить ея силу и даже достовѣрность. За тѣмъ сообщать, что у этого епархіальнаго архіерея все идетъ необыкновенно исправно; отчеты и вѣдомости представляются своевременно и въ отличной исправности; дѣла рѣшаются по всей строгости законовъ; репорты могутъ считаться образцомъ канцелярскаго краснорѣчія. Тутъ иногда доложатъ, что вотъ я и такіе-то по частнымъ дѣламъ были въ этой епархіи, видѣли самага преосвященнаго и узнали, что вся епархія имъ довольна, что управленіе его истинно архипастырское; говорятъ только, что онъ строгъ къ негоднымъ духовнымъ лицамъ, но мнѣніемъ этихъ людей дорожить не слѣдуетъ. Осторожный и честный Об. Пр—ръ этимъ не удовольствуется; онъ соберетъ отзывъ отъ свѣтскихъ и духовныхъ петербургскихъ лицъ, которыя были въ той епархіи. Р—ся, довольные приѣмомъ, а часто и хлѣбосольничествомъ преосвященнаго не преминутъ распространиться въ похвалахъ ему. «Не вѣрьте скажутъ, клеузникамъ и клеветникамъ; мы сами имѣли честь быть у его пр—ва, долго съ нимъ бесѣдовали и не можемъ безъ удовольствія вспомнить о томъ времени, которое у него провели.» Об. Пр—ръ и этимъ не удовольствуется, увидѣвшись какъ нибудь съ губернаторомъ, дворянскимъ предводителемъ, градскимъ головою, другими сановными, важными и вліятельными лицами той епаріи, откуда дошли слухи, или жалобы неблагопріятныя для архіерея, онъ спроситъ ихъ и опять услышитъ панегирики. Наконецъ даже пошлетъ довѣреннаго чиновника развѣдать обо всемъ на мѣстѣ. Петербургскій чиновникъ, р—ся, представится губернатору и другимъ властямъ губернскимъ, побываетъ въ клубѣ, даже въ домахъ мѣстной аристократіи; и вездѣ услышитъ похвалы умному и образованному архипастырю. Съ священниками же и не поводится; стоятъ ли того? да если и увидится, то эти бѣдняки не посмѣютъ ему — чиновнику Об. Пр—ра — *ни съ того ни съ сего* — вдругъ открыться. А онъ м. т. непременно побываетъ и у самага епархіальнаго начальника. Приемъ будетъ прекрасный, особенно, если получится отъ благопріятелей извѣстіе о предметѣ миссіи чиновника. Предъ нимъ блеснутъ даже гуманностію, пожа-

дѣютъ о необразованности и нравственномъ упадкѣ бѣлаго д-ва, расскажутъ частные случаи и мѣры, принимаемыя къ исправленію. Чиновникъ, чего добраго, даже будетъ въ восторгѣ. По своей добросовѣстности, остановившись гдѣ либо въ деревнѣ, онъ и тамъ постарается поразунать объ архіерей; мужикъ или повторить то, что слышалъ отъ своего бурмистра, или скажетъ: «а я по чѣмъ знаю; поди спроси нашего управляющаго, или бурмистра; у нихъ владыко въ прошломъ году останавливался.» Пойдетъ и услышитъ новыя похвалы, возвратится въ Петербургъ и донесетъ обо всемъ Об. Пр—ру. Что же теперь послѣднему дѣлать? Попу надобно увеличить наказаніе, а преосвященнаго представить къ слѣдующему ордену. А о томъ, что должно послѣдовать, если архіерей будетъ истиннымъ отцомъ — начальникомъ бѣлаго д-ва, ихъ ангеломъ-хранителемъ, и м. т. не понравится ни свѣтскимъ чиновникамъ, ни помѣщикамъ, ни синодскимъ чиновникамъ, — объ этомъ уже по частямъ было говорено. Конечно нельзя сказать, чтобы именно всякій расчитывалъ, какъ я описалъ. Но слишкомъ очевидно, что если кто станетъ такъ дѣйствовать по напередъ составленному плану, то результатъ непременно будетъ тотъ, который я описалъ. И такъ почему же не предположить, что въ такомъ образѣ дѣйствій нѣтъ расчота?

Теперь понятно будетъ, отчего можно встрѣчать различные отзывы о какомъ либо архипастырѣ! Духовные отъ него въ восторгѣ, а свѣтскіе терпѣть не могутъ; другаго эти *носятъ*, какъ говорятъ, *на рукахъ*, а тѣ неистощимы въ жалобахъ на него. Тотъ владыка въ Петербургѣ слыветъ образцовымъ архипастыремъ, а на епархіи едва не проклинается; этотъ Петербургу не нравится, но подчиненные къ нему благоговѣютъ. Даже и общіе, литературные отзывы противорѣчащи. Въ книгѣ: о с. д. архіереи являются трехбунчужными пашами и сатрапами, а въ берлинскомъ сборникѣ имъ воскуряютъ фиміамъ. Газета День и другіе журналы описываютъ возмутительные факты самоуправства, гордости, не внимательности архіереевъ къ бѣлому духовенству. А L'Union chretienne печатаетъ имъ панегирики. Надобно долго изучать епархіальное управленіе, выслушать мнѣнія всѣхъ сторонъ, даже самому побывать и подъ гнетомъ и въ милости архіереевъ; тогда только можно понять, что они такое на самомъ дѣлѣ. По одному, по двумъ и тремъ случаямъ составлять общее заключеніе тутъ невозможно. Напр. не смѣшно ли читать въ L'union chretienne, что Газета День унижаетъ себя, помѣщая въ своихъ столб-

цахъ разныя якобы *bouffonades* относительно архіереевъ, что они нынѣ превосходные, гуманные люди. Г. Корольковъ, писавшій это, есть чиновникъ синодскій и, р-ся, находитъ ихъ прекрасными. Но и ему слѣдовало бы подтверждать свои мысли доказательствами получше тѣхъ, которые у него встрѣчаются. Ну не смѣшно ли ему указывать для примѣра на Леонтія, бывшаго викарія Петербургскаго, освящавшаго православную церковь въ Парижѣ? Онъ говоритъ: развѣ такихъ людей можно называть деспотами? Чудной вы человекъ, г. Корольковъ. Неужели пресвященному Леонтію надобно было и въ Парижѣ вести себя такъ, какъ ведутъ его собраты въ какомъ либо губернскомъ русскомъ городѣ? —

Отдѣлъ 28ой.

О фаворитахъ архіереевъ.

При множествѣ официальныхъ епархіальныхъ дѣлъ у архіереевъ не достанетъ возможности, или охоты входить во все подробности ихъ, читать и разбирать всякую бумагу; нужны непременно люди, которые въ этомъ случаѣ были бы помощниками. Потомъ нельзя никакъ обойтись безъ тѣхъ, или другихъ людей, которые были бы вблизи насъ въ то самое время, когда намъ хочется отдохнуть отъ должностныхъ занятій, поговорить о чемъ нибудь житейскомъ, быть не владыкою людей, а просто человекомъ. Наконецъ во всякомъ архіерейскомъ домѣ есть свое притомъ очень сложное хозяйство, есть домашнія хлопоты, есть многочисленная прислуга. Не самому же епископу входить во все мелочи хозяйства. Т. о. для епархіальныхъ начальниковъ — людей не семейныхъ — является необходимость въ помощникахъ, довѣренныхъ лицахъ, любимцахъ, наперсникахъ и пр.

И дѣйствительно, к. ся, рѣшительно нѣтъ ни одного архіерея, у котораго не было бы одного, двухъ и болѣе такихъ лицъ. Начнемъ съ домашняго, т. е-тъ, штаба.

Часть первая.

О лакеѣ, письмоводителѣ и экономѣ, какъ ближайшихъ фаворитахъ архіереевъ.

Штабъ этотъ не многочисленъ, состоитъ не менѣе, какъ изъ трехъ, но не болѣе, какъ изъ пяти лицъ. Лакей, письмоводитель и экономъ есть непремѣнно у cadaго владыки; къ нимъ у нѣкоторыхъ прибавляются податчикъ, келейникъ, камердинеръ.

Лакеи почти вездѣ выбирались изъ бывшихъ служителей архіерейскаго дома, только архіереи, происходяще изъ свѣтскаго званія, или любившіе жить на свѣтскій манеръ, нанимали какого либо настоящаго лакея, служившаго прежде у вельможи, — лакея, одѣтаго во фракъ, съ часами, золотую цѣпочкою, манжетами, нарукавниками и пр.; у нѣкоторыхъ можно встрѣтить на первый разъ отставныхъ солдатомъ, или исключенныхъ семинаристомъ, которыхъ они имѣли въ своемъ штатѣ, будучи еще ректорами.

Письмоводитель (его иногда величаютъ секретаремъ) почти всегда первоначально беретъ изъ консисторскихъ приказныхъ, бываетъ иногда изъ пѣвчихъ архіерейскаго хора, изъ тѣхъ семинаристомъ, которые состояли келейниками у ректоровъ и, прѣхавши вмѣстѣ съ ними на епархію, сдѣлались письмоводителями. Родственнлюбивые владыки поручаютъ эту должность своимъ племянникамъ и другимъ *приснымъ* лицамъ. Нынѣ въ одной епархіи (т-ой) письмоводительствуетъ духовное лицо. Но кто бы ни были эти письмоводители, самая большая часть ихъ исключенные семинаристы; между ними изрѣдка попадаются кончившіе курсъ семинаріи, только, сколько мнѣ извѣстно, у одного владыки былъ академикъ, письмоводитель.

Должность податчика съ обязанностію докладывать владыкѣ объ имѣющихъ нужду съ нимъ видѣться у важныхъ архіереевъ исполняетъ письмоводитель. Но болѣе скромные владыки позволяютъ это дѣлать своему лакею и особенно камердинеру, если онъ есть.

Наконецъ о экономѣ почти всегда м-щее лицо въ званіи іеромонаха, игумена и даже архимандрита. Слѣшломъ рѣдко эту почетную должность занимаетъ вдовой священникъ, или протоіерей. Никогда почти экономъ также, какъ и письмоводитель не принадлежитъ къ кончившимъ курсъ въ семи-

нари, особенно въ академіи; все это не доучившіеся семинаристы, а иногда и нигдѣ не учившіеся.

Можно сказать, что всё поименованныя должностныя лица принадлежатъ не епархіи, а извѣстному только епархіальному начальнику. Съ перемѣщеніемъ его на другую епархію, одинъ или двое изъ нихъ, а иногда и всё съ нимъ вмѣстѣ переѣзжаютъ и опять вступаютъ въ прежнія должности. Бывали примѣры, что нѣкоторые владыки увозили съ собою любимцевъ лакеевъ изъ государственныхъ крестьянъ и не отпускали отъ себя, такъ что палаты государственныхъ имуществъ принуждены были вытребовывать фаворитовъ чрезъ мѣстную полицію. Но если кто либо изъ штаба не уѣдетъ съ своимъ прежнимъ начальникомъ, то онъ почти всегда лишается своего мѣста. Новые владыки, если и не привезутъ съ собою полнаго штаба, то замѣняютъ прежній новыми лицами, особенно экономъ и письмоводитель должны быть новые.

Перечисленныя должности по официальнымъ документамъ очень не важны; ихъ даже нѣтъ въ табели о рангахъ, только экономъ значится въ штатѣ архіерея, какъ духовная особа безъ класса, а лакеи въ табели не попадаютъ; письмоводители при архіереяхъ не полагаются, поэтому тѣ, которые занимаютъ такую должность, числятся при К-ри; только у митрополитовъ московскаго и петербургскаго есть штатныя секретари (о кievскомъ митрополитѣ не знаю). Не смотря впрочемъ на это, наши должностныя лица пользуются необыкновеннымъ уваженіемъ цѣлой епархіи; многіе завидуютъ имъ, добиваются ихъ мѣстъ, да и не безъ причины, п. ч. социальное или, лучше сказать, епархіальное ихъ положеніе, какъ говорятъ, презентабельно и очень выгодно. Станемъ разсматривать его первоначально съ финансовой стороны.

Жалованье всѣхъ лицъ штаба почти ничтожно; штатные лакеи прежде получали цѣлковыхъ по два въ мѣсяцъ; нынѣ м. б. по пяти и болѣе; но все это не, Богъ знаетъ, какая сумма. Письмоводителю, какъ чиновнику к-ри, жалованье опять ничтожное, ну хоть 10—15 руб. въ мѣсяцъ, да и то едва ли, развѣ числится на должности помощника секретаря. Только секретари петербургскаго и московскаго митрополитовъ получаютъ по 2500 руб. асс., да еще очень немногіе архіереи назначаютъ отъ себя прибавочное содержаніе. Эконому полагается въ годъ въ епархіяхъ 2го класса 17 р. 31 коп., а 3го класса 14 р. 31 коп. (N. 35 Дня за 1864 г. стр. 2). Судя по этимъ цифрамъ, надобно бы полагать, что всё они служатъ, т. е-ть, *изъ чести, безкорыстно*, единственно изъ

удовольствія состоятъ при особѣ преосвященнаго. М. т. почти всё они по какимъ-то *неистовдымымъ судьбамъ* наживають очень хорошіе капиталы. Начнемъ съ лакея.

Чтобы ознакомиться съ его годовымъ по части доходовъ бюджетомъ, надобно быть въ архіерейской подачѣ. Сюда съ утра входятъ одинъ за другимъ дьячки, мужики, мѣщане, дьяконы, старосты священники и пр. Догадливый лакей, или (почтимъ его) келейникъ зорко слѣдитъ за входящими и не занимается плебейми. Но вотъ вошелъ великолѣпный священникъ, или протоіерей, взглянулъ, поморщился и подумалъ: «неужели и мнѣ тутъ придется стоять часъ и болѣе! О Господи; какой срамъ и стыдъ!» Лакей тотчасъ догадался о затруднительномъ и не деликатномъ положеніи вошедшаго, подбѣгаетъ къ нему, величаетъ его вашимъ высокоблагословеніемъ, даже В-біемъ, снимаетъ верхнюю рясу, беретъ калоши, проситъ въ сосѣдную комнату. Великолѣпный священникъ вышелъ изъ бѣды; гордо посмотрѣвъ на окружающихъ его плебеевъ, величественно скрывается за дверь. Скажите, пожалуйста, какъ тутъ не дать даже цѣлковаго? Тѣмъ болѣе, что въ противномъ случаѣ послѣ простоишь въ передней, да еще получишь толчокъ и услышишь слова: «ты чего на дорогѣ стоишь.» Даже и теперь, уходя, принужденъ будешь самъ надѣвать свою верхнюю рясу и не скоро отъищешь калоши.

Наступаетъ подача просьбъ; блаженъ лакей, если ему поручаютъ собирать ихъ. Къ архіереямъ иногда подаются цѣлыя десятки просьбъ; доходитъ даже до сотни. Владыка, р-ся, начнетъ *класть резолюціи* съ тѣхъ, которыя лежатъ сверху. Какъ же догадливому и дорожащему своимъ временемъ просителю не *сунуть* въ руку цѣлковаго, чтобы его просьба была съ самаго верха; лакей возьметъ, но не съ одного, и каждому улыбнется, даже руку пожметъ; а положить на первомъ мѣстѣ только одну.

Вскорѣ начинаются словесныя объясненія; и съ ними приходятъ иногда цѣлыя десятки людей; надобно одному изъ нихъ быть первымъ, другому послѣднимъ. Составленіе списка въ этомъ случаѣ почти всегда зависитъ отъ лакея, кому онъ прежде дверь отворить, кого напередъ пригласить, тотъ первымъ и войдетъ! за первымъ важно второе мѣсто, потомъ третіе и т. д. А кому изъ насъ не хочется быть первымъ? Особенно, когда приходится стоять въ грязной и холодной комнатѣ. М. б. не цѣлковый, а четвертакъ и полтинникъ дашь, что-бы не быть, какъ школьники говорятъ, *на самомъ кончикѣ*.

Подача кончилась, передняя опустѣла. Но вотъ начинаютъ появляться по одиночкѣ запоздалые просители, или знакомые преосвященнаго. Отъ такъ называемыхъ благородныхъ особъ лакею даже архіерейскому нечего ожидать; сними съ нихъ шубу, калашу, потомъ надѣнь ихъ, затвори дверь, и за все это спасибо не скажутъ, развѣ какой либо добренькій и простенькій старичокъ, благоговѣющій предъ всѣмъ, что окружаетъ архіерея, не обдѣлитъ и лакея его. Богатый купецъ любитъ блеснуть и форснуть; что ему стоитъ цѣлковый, или полтинникъ? Только смотри лакей, будь вѣжливъ. Но главный кладъ опять духовные. Вотъ робко входитъ кто нибудь изъ нихъ, лакей и не посмотритъ иногда на него; тотъ боязливо спрашиваетъ: «нельзя ли; сдѣлайте милость? Я вотъ опоздалъ.» Лакей уже знаетъ, кому сказать *ты*, кому *вы*: «Что ты опоздалъ? Или, извините, вы уже опоздали,» отвѣчаетъ. Начинаются просьбы. Владыка, м. б. и не запретилъ докладывать о новыхъ просителяхъ, но имъ же нельзя самимъ итти въ кабинетъ; безъ лакея тутъ уже не обойдешься. Получивши что слѣдуетъ, онъ говоритъ: «ну ужъ такъ и быть, пойду, доложу или: дайте прособу, подамъ; только боюсь, какъ бы мнѣ не досталось.» Т. о. не смотря на свою боязливость, онъ получаетъ приношенія, докладываетъ, или относитъ просьбы. Но есть пунктуальные владыки, которые послѣ извѣстнаго момента уже не принимаютъ никакихъ письменныхъ прошеній. Тутъ, к-ся, лакею слѣдуетъ только сказать: нельзя. Но на свѣтѣ нѣтъ ничего невозможнаго. Послѣ болѣе или менѣе долгихъ упрашиваній келейнику, или просителю приходитъ въ голову счастливая мысль: нельзя ли новое прошеніе, какъ говорятъ, *подсунуть*, *подложить* преосвященному; вѣдь у него такъ много лежитъ бумагъ, что прибавка одной будетъ не примѣтна. Ну тутъ уже четвертакомъ, или полтинникомъ не отдѣлаешься.

У архіерейскихъ лакеевъ, или келейниковъ кромѣ внутреннихъ есть еще *внѣшніе* доходы. Напр. владыку приглашаютъ отслужить литургію въ городской церкви въ храмовой праздникъ и потомъ напитокъ чаю, закусь и пообѣдать у священника и старосты. Р-ся съ этимъ вмѣстѣ *implicite*, какъ говаривали схоластики, приглашается и лакей. Во время переѣзда владыки изъ церкви до квартиръ, онъ, стоя на запяткахъ; или сидя съ кучеромъ, занимаетъ хотя возвышенное, но незавидное мѣсто. Но зато при закускѣ и обѣдѣ онъ играетъ важную роль въ домахъ священниковъ и даже купцовъ. Осторожные и догадливые узнаютъ отъ

него б. ч., какъ приготовить чай — густо или жидко, много ли сахару класть въ чашку, теплыя, или холодныя славки подавать? Какая икра болѣе нравится Его Пр-ву, паясная, или жидкая, красная, или черная, какія нужно ставить вина и пр.? А для избѣжанія ошибокъ лакею не рѣдко самому поручаютъ разливать чай, подавать и его и кушанье за обѣдомъ; онъ-де уже лучше сѣумѣетъ угодить вкусу дорогого гостя. Иногда даже и самъ гость, если онъ нетерпѣливый человѣкъ, замѣтивъ какую либо неловкость въ прислугѣ, говорить: «Э! что у васъ за люди? Позовите-ка моего Тимофея, или Ивана; онъ лучше это сдѣлаетъ.» Послѣ этого, г. ч., какъ хозяину не поблагодарить Тимофея, или Ивана, когда они помогутъ угодить дорогому гостю? цѣлковыхъ тутъ жалѣть нечего; вѣдь на закуску и обѣдъ истратится ихъ гораздо больше.

Особенно важнымъ лицомъ дѣлается лакей во время архіерейскихъ ревизій епархій. Сельскіе священники, къ которымъ заходитъ, или заѣзжаетъ владыка, можно сказать, сущіе невѣжды по части умѣнья приличнымъ образомъ не только накормить обѣдомъ, но и напоить чаемъ. О! тутъ лакей является даже благодѣтелемъ. Безъ него сразу иной батюшка, по деревенскому обычаю, предложилъ бы владыкѣ предъ утреннимъ чаемъ выкушать рюмочку водки. Поэтому почти всякій благочинный считаетъ непремѣнною обязанностію чѣмъ либо поблагодарить лакея, или келейника, который ѣздитъ со владыкою на ревизию. Разноцѣнныя бываютъ эти благодарности. Но вотъ событіе 1865 года. Одинъ благочинный вздумалъ поблагодарить лакея ревизорскаго только пятью рублями. «Что вы это, о. благочинный? сказалъ съ неудовольствіемъ лакей. Сколько вѣхъ селъ въ вашемъ благочиніи?» И когда услышалъ, что ихъ четырнадцать, то продолжалъ: «по к. м. надобно дать по рублику съ cadaго села.» Благочинный далъ; но получилъ въ то же время отъ лакея столько портретовъ преосвященнаго, сколько у него подъ начальствомъ священниковъ — и заплатилъ за каждый портретъ по рублю. «Стыдно, сказалъ лакей отговаривавшемуся благочинному, каждому священнику не имѣть у себя въ дому портрета владыки.» Тому же самому лакею въ трехштатномъ селѣ, гдѣ архіерей останавливался не болѣе, какъ на два часа, дали три рубля. Лакей этимъ обидѣлся и только тогда успокоился, когда получилъ шесть рублей.

Многочисло доходныхъ статей у архіерейскихъ лакеевъ и келейниковъ, великоцѣкъ ихъ годовой валовой доходъ.

Если они состоятъ вмѣстѣ податчиками и пользуются расположеніемъ владыки, тогда они получаютъ гораздо болѣе, нежели ординарные профессеры петербургской и московской духовныхъ академій. И потому нерѣдки примѣры, что какой либо Тимофей, или Иванъ, послуживши при владыкѣ 6—7, особенно 10—15 лѣтъ, и потомъ по случаю смерти, или перевода его въ другую епархію, принужденный оставить служебное поприще, записывается въ мѣщане, покупаетъ домикъ и величается даже Тимофеемъ Ивановичемъ, или Ивановъ Тимофеевичемъ отъ кушцовъ, которые у него берутъ тысячи за поряточные проценты. Эти новые мѣщане, или домовладѣльцы живутъ, да наживаются, припѣваючи.

Должность писмоводителя при архіереевъ вовсе не заключаетъ въ себѣ никакой трудности, не требуетъ особеннаго ума и свѣдѣній. Это не правитель дѣлъ губернаторской канцеляріи, не какой либо юрисконсультъ; это не болѣе, какъ писецъ. Онъ ведетъ входящую и исходящую бумагу у преосвященнаго, записываетъ его резолюціи, передаетъ бумаги въ к-рію принимаетъ оттуда протоколы и справки; онъ рѣдко даже составляетъ вечерніе письма, отвѣты, отпошенія, которыя начальникъ его долженъ посылать разнымъ лицамъ и присутственнымъ мѣстамъ. К-ся, откуда бы у писмоводителя быть большимъ доходамъ. А м. т. авторъ книги: о. с. д. справедливо говоритъ: «писмоводитель (архіерейскій) — это наглѣйшій, безсовѣстнѣйшій, безжалостнѣйшій подъячій, въ сравненіи съ которымъ даже подъячіе земскихъ судовъ — агнцы (стр. 53). Бѣлому д-ву надобно отдать честь за то, что оно владѣетъ рѣдкимъ искусствомъ обогащать своихъ взяточниковъ. Первая забота писмоводителя должна состоять въ томъ, чтобы сдѣлаться податчикомъ; тогда доходы по этой профессіи отъ лакея переходятъ въ его карманъ и притомъ съ *миховою*, п. ч. писмоводителю нельзя давать четвертаками. Потомъ резолюціи архіерейскія, *проходящія*, т. е. *сквозь его руки*, составляютъ для него важнѣйшій источникъ доходовъ. Духовные нетерпѣливы; имъ хочется поскорѣе узнать, что владыка написалъ на ихъ просьбѣ. Конечно, она сдается въ к-рію но *здесь имѣютъ привычку напередъ взять, а потомъ сказать*. И потому духовное лицо, спрашивая протоколиста, какая резолюція на его прошеніи, должно непременно заплатить, что требуетъ протоколистъ; но этотъ, получивъ требуемое, посылаетъ просителя къ столоначальнику, къ которому уже бумага сдана; столоначальнику надобно вновь дать, а данное протоколисту не возвращается; иногда бываетъ и на обо-

ротъ; сначала дашь столоначальнику, а потомъ приходится расплатиться съ протоколистомъ. Архіерейскій письмоводитель одинъ беретъ, не отсылая ни къ кому. Вотъ почему къ нему умные люди и обращаются. Затѣмъ всё уже благочинные, по заведенному издавна порядку, непремѣнно дѣлаютъ приношенія письмоводителю, по к. м. при сдачѣ годовыхъ повинностей. Если во время ревизій, какъ сказано уже, и лакей получаетъ порядочное вознагражденіе, то письмоводитель, какъ болѣе важная особа, бываетъ доволенъ своими поѣздками по епархіи. Впрочемъ бюджетъ письмоводителя, ограничиваясь одними перечисленными доходами, хотя бываетъ очень достаточенъ для содержанія его съ семействомъ, но не огроменъ.

Но письмоводитель, записывая архіерейскія резолюціи, читая изъ любопытства, по расчету, или по приказу, поступающія бумаги, мало по малу ознакамливается съ ходомъ епархіальныхъ дѣлъ, съ постановленіями, по которымъ они должны рѣшаться, съ подъяческими уловками, посредствомъ которыхъ обходятъ законъ. Потомъ обязанный часто видѣться съ своимъ патрономъ, въ одно время встрѣчая у него ласку и одобреніе, въ другое подвергаясь вспышкамъ и негодованію, онъ изучаетъ для собственной пользы его характеръ, узнаетъ привычки, слабости, любимыя мнѣнія, капризы и наконецъ съумѣетъ понравиться ему. Тогда патронъ начинаетъ видѣть въ немъ помощника, совѣтника и, главное, преданнаго человѣка. Спрашиваетъ: «какъ ты думаешь объ этомъ? Или: прочитай-ка, да скажи свое мнѣніе.» Получивши удовлетворительные отвѣты, прибавляетъ: «хорошо, ты ознакомился съ дѣлами, прочитывай ихъ, да говори мнѣ по совѣсти.» Съ этого то времени письмоводитель дѣлается секретаремъ и потомъ не рѣдко поговариваетъ: «Ваше Пр-во такое рѣшеніе не согласно съ такимъ-то пунктомъ; — тогда то вы рѣшили такое-то дѣло иначе, — тогда-то за подобное рѣшеніе полученъ выговоръ изъ Синода и пр.» Съ этого-то времени къ письмоводителю приходятъ уже въ квартиру, просятъ, нельзя ли помочь въ такомъ-то дѣлѣ, нельзя ли обратить вниманіе преосвященнаго на такое-то обстоятельство; нельзя ли однимъ дѣломъ поспѣшить, а другое приостановить и пр.? Тутъ мелочные доходы оставляются, или принимаются безъ благодарности, даже резолюціи позволяется узнавать чрезъ податчика, или к-рію; тутъ за разъ попадаетъ въ руку не цѣлковый, а десятки, даже сотни рублей; особенно благочинные дѣлаются данниками секретаря, а въ Петербургѣ съ этого времени для поздравленія въ день

именинъ, въ святки, пасху являюся сами іереи и протоіереи, или присылаютъ кого либо съ кульками, запечатанными письмами и пр. Иначе впрочемъ и поступать нельзя, сразу будешь наказанъ за гордость и невниманіе. Въ одномъ знаменитѣйшемъ городѣ, по случаю болѣзни епархіальнаго начальника, управляя епархією викарій, а у этого былъ письмоводитель К-въ. Кафедральный протоіерей города, имѣвшій на шеѣ и Анну и Владиміра, учоный, почетный человекъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ первымъ членомъ попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія, но, по своей знатности, не оказывалъ должнаго вниманія къ письмоводителю викарія. Когда подали годовой отчетъ по попечительству; то вдругъ получили запросъ; «были ль на основаніи такихъ-то статей св. Законовъ торги на отдачу квартиръ въ домѣ, принадлежавшемъ попечительству? И если не были, то кто виноватъ въ этомъ противозаконномъ поступкѣ?» Казначей попечительства-священникъ, прочитавши запросъ, прибѣжалъ въ страхѣ къ протоіерею и спросилъ: что дѣлать? Протоіерей прочиталъ, подумалъ и сказалъ: «возьми 100 руб. сер., ступай къ К-ву и спроси, что намъ написать.» Съ начала было казначей покапризился, но протоіерей повторилъ свой приказъ. Отнесли 100 р. къ К-ву, получили наставленіе, и противозаконное дѣло обузаконилось. А на праздникъ, м. б. довольно было бы и 25 руб. То-то надобно все дѣлать во время. Такіе письмоводители начинаютъ себя обезпечивать на будущее время, женятся на дочери богатаго священника, особенно купца, на *женщины*, р-ся, деньги, покупаютъ домикъ. Но пѣснѣ здѣсь не конецъ.

Владыки наши-люди пожилые, а поэтому или немощные, или боятся отъ излишнихъ трудовъ сдѣлаться немощными. А имъ, какъ свѣтильникамъ міра, надобно беречь себя; иначе съ оскуднѣемъ едея свѣтильникъ будетъ горѣть слабо и даже вовсе потухнетъ. Другіе и съ молодю не любятъ предаваться напряженной умственной работѣ, копотливой дѣятельности; по примѣру епископовъ первенствующей цѣркви, имъ бы, какъ они говорятъ, хотѣлось только заниматься спасеніемъ и себя самихъ, и паствы своей, назидательными бесѣдами съ благочестивыми мірянами и мірянками и пр. Для такихъ-то архипастырей нуженъ человекъ, который бы на вопросъ, что это за дѣло? Какъ его рѣшить надо? отвѣчалъ бы тотчасъ: *такое-то и такъ-то*. Когда *ображается* такой человекъ, тогда одинъ читаетъ, другой слушаетъ, или не слушаетъ, но молчитъ; одинъ диктуетъ, другой пишетъ; одинъ сочиняетъ и переписываетъ, а друфой подписываетъ;

работа идетъ быстро; вотъ если такимъ *взысканнымъ и обр-теннымъ* челоѣкомъ будетъ письмоводитель, тогда уже онъ не секретарь, а намѣстникъ, викарій, р-ся, не по титулу, а по сущности дѣла. Тогда уже конечно у владыки принимаютъ благословеніе, воздаютъ ему поклоненіе (*ему же честь, — честь*), даже докладываютъ и просятъ о дѣлѣ; но напередъ, или послѣ непременно повидаются съ викаріемъ, т. е. письмоводителемъ, упросятъ его, ублагодарятъ, ухлѣбятъ (*ему же дань, — дань*). Тогда самыя важныя лица въ епархіи, не исключая ректоровъ семинаріи и академіи и даже дѣйствительно титулованнаго викарія, находятся на дружеской съ нимъ ногѣ; благословивъ, не дають ему цѣловать руки, а прямо лобызаются, *аки бы Христосъ былъ посреда ихъ*. Подобные письмоводители перестаютъ брать не только рубли, но и десятки ихъ; къ чему протягивать руку и даже благодарить изъ-за такой мелочи? Но за это безкорыстіе къ нимъ приносятъ сотни и тысячи. «Ну, нѣтъ ужъ едва ли справедливо,» скажетъ недоѣрчивый читатель. Плохо же вы знаете дѣло. Вообразите, что мнѣ бы сейчасъ захотѣлось быть напр. священникомъ въ богатомъ приходѣ, или настоятелемъ, намѣстникомъ въ монастырѣ; что въ первомъ я буду получать каждый годъ 3—4000 руб., а въ второмъ даже до 10,000 р. при готовой квартирѣ и отопленіи. Скажите, отчего не дать мнѣ 1000 руб. въ первомъ и 4—5000 во второмъ случаѣ какому либо благодѣтелю, который поможетъ мнѣ тамъ пристроиться? Вѣдь заплативши 1000 руб. за священническое мѣсто, я въ первый годъ имѣю избытокъ въ 2—3000 руб., а отъ монастыря даже получу чистой выгоды 5—6000 руб. Разсчитъ слишкомъ основателенъ; мнѣ, к-ся, что благодѣтели еще очень дешево продають свои благодѣянія. Указывать на примѣры у насъ щекотливо, и потому я разскажу про нѣкоторое царство, про нѣкоторое государство. Тамъ одному вдовому пожилому протоіерею надоѣло получать по 5000 руб. отъ церкви; онъ сдалъ мѣсто сыну, но самъ захотѣлъ быть намѣстникомъ монастыря, котораго настоятелемъ былъ самъ владыка, не любившій, катати сказать, протоіерея, да, м. б. и не за что было любить. За совѣтомъ обратились къ секретарю владыки; поговорили, подумали; — одинъ сказалъ: *сколько?* другой: *столько*; договоръ заключенъ, р-ся, не письменный, задатокъ данъ; къ участию въ проэктѣ была приглашена духовная особа очень близкая ко владыкѣ. Протоіерей попросился въ тотъ монастырь, гдѣ положилъ быть намѣстникомъ. Постригли. Владыка сначала косо посматривалъ на новаго іеромонаха, но скоро и

отъ секретаря и, отъ духовной особы, и даже отъ добродушнаго, ничего не подозрѣвавшаго намѣстника слышитъ и не одинъ разъ, что бывшій протоіерей — отличный монахъ. У монастыря было особое отдѣленіе въ родѣ скита, киновіи, загороднаго дома, гдѣ была и церковь. Отыскались тамъ безпорядки; для исправленія ихъ по вліянію секретаря и духовной особы самъ намѣстникъ предложилъ будущаго своего преемника. Вскорѣ дошли до владыки новыя похвалы іеромонаху; владыка началъ измѣнять свое о немъ мнѣніе. Теперь нужно было вести атаку прямо. Секретарь завелъ однажды рѣчь о намѣстникѣ и началъ превозносить его до небесъ; владыка вполне согласился съ нимъ, п. ч. намѣстникъ былъ дѣйствительно прекрасный человекъ. Тогда панегиристъ прибавляетъ: «да, владыка, вы хвалите его, а м. т. поговариваютъ, что вы не оцѣниваете его заслугъ, даже будто бы не любите его.» «Какъ такъ?» воскликнулъ удивленный владыка. «Помилуйте, отвѣчалъ секретарь, отца намѣстника давно бы слѣдовало сдѣлать епископомъ; такъ по к. м. говорятъ.» — «А что? И въ самомъ дѣлѣ ты правду говоришь,» замѣтилъ владыка; эту правду подтвердила и духовная особа. Въ то время надобно было назначить викарія въ отдаленный какой-то уголокъ. Назначили бѣднаго намѣстника, старика немощнаго, никогда не думавшаго и не желавшаго быть епископомъ. Больной епископъ поѣхалъ, останавливался на дорогѣ по слабости здоровья, доѣхалъ и вскорѣ умеръ. А намѣстникомъ, р-ся, сдѣлался прежній протоіерей. Условія контракта были исполнены пунктуально.

Конечно, это было въ нѣкоторомъ царствѣ, но почему же не быть тому же въ другомъ государствѣ? Въ такомъ случаѣ я бы совѣтовалъ секретарямъ не брать приношеній отъ всѣхъ кандидатовъ на какое либо мѣсто. Мужчины какъ нибудь еще перенесутъ, но дамы, хотя бы они были вдовыя попадьи, или дѣвичихи, сразу надѣлаютъ скандалъ въ родѣ того событія, которое я сейчасъ расскажу. Въ передней одного викарія, временно управлявшаго епархією, сидѣли двѣ такихъ дамы и завели рѣчь между собою. «Вы, спросила дама N. 1, зачѣмъ здѣсь?» — «Да прошу мѣсто просвирни,» отвѣчала дама N. 2. «А куда, позвольте спросить?» — «Къ В-ой церкви.» — «Ну, нѣтъ, горячо перебилъ N. 1, это мѣсто вамъ не достанется.» — «А почему такъ вы думаете,» спросилъ N. 2? — «Да п. ч. я туда же прошусь.» — «Такъ что же за бѣда? Мнѣ это мѣсто уже обѣщано.» — «Да и мнѣ тоже.» — «Помилуйте, съ досадою перебилъ N. 1; отъ меня дано К-ву (фамилія письмоводителя), 200 руб.» — «Эка не

видадь, отвѣчалъ N. 2, а отъ меня 250 руб.; такъ мѣсто будетъ мое.» Споръ принималъ грозный оборотъ; дамы начали говорить слишкомъ громко; не далеко было уже и до того, чтобы рукамъ волю дать. Кое-какъ ихъ выпроводили изъ передней.

Такія событія скандалёзны; надобно брать съ одного когонибудь тѣмъ болѣе, что и этимъ можно нажать себѣ состояніе, которое обезпечить и чадь и внучатъ. Вотъ напр. одинъ, болѣе 20 лѣтъ служившій секретаремъ при м-тѣ, приобрѣлъ домишко на Е-мъ каналѣ этажей въ пять, въ которомъ помѣщается *народу видимо-невидимо*. Другой оставилъ своему сыну богатый загорогный домъ съ деревнями и капиталомъ. Третій ужъ очень недавно, послуживши при двухъ іерархахъ съ небольшимъ лѣтъ десятокъ и уволенный при третьемъ, уѣхалъ во одну изъ западныхъ губерній и тамъ купилъ богатое имѣніе. Четвертый, служившій при одномъ ректорѣ келейникомъ, ѣздившій съ нимъ на запяткахъ его кареты, — послѣ, какъ баринъ его сдѣлался епископомъ, занялъ мѣсто писемоводителя. Благоприобрѣтенныя деньжонки у него были и прежде, а теперь въ полномъ смыслѣ онъ разбогатѣлъ, женился на купеческой дочери, приобрѣлъ богатый домъ; но неблагодарный, — когда бывший его баринъ переведенъ былъ на епархію, гдѣ всѣхъ священниковъ не болѣе 150 человекъ, не похвалъ съ нимъ и теперь живетъ счастливымъ семьяниномъ и богатымъ гражданиномъ. Чего больше? можно и этимъ довольствоваться людямя, которые въ духовномъ званіи не получили бы даже священническаго мѣста.

Теперь очередь за отцами экономами. Если они занимаютъ одну свою должность и не исполняютъ какихъ либо экстренныхъ порученій владыки, то доходы у нихъ составляются тѣми же способами, какъ и у всѣхъ экономовъ русской имперіи. Остатки *отъ кружигъ*, хозяйственное заготовление матеріаловъ, *добровольныя* приношенія и благодарности отъ поставщиковъ, расходы не выше сибты и пр. доставляютъ имъ возможность и жить хорошо, и оставлять копѣйку на черный день. А экономія архіерейскаго дома не маленькая. Не говоря о самомъ преосвященномъ, его знакомыхъ и друзейхъ, нужно накормить пѣвчихъ, крестовую братію, лакеевъ, кучеровъ; нужно даже большую часть ихъ обувать и одѣвать, покупать фуражъ 6--10 лошадямъ, починивать экипажи, производить ремонтныя работы въ огромномъ домѣ, отоплять, освѣщать его; — помилуйте, сколько тутъ конечно и хлопотъ, но сколько можно и для себя

уэкономить? Притомъ архіерейскій экономя находится въ болѣе независимомъ и благопріятномъ положеніи, нежели его собратія-экономы казенныхъ заведеній. Онъ не знаетъ никакихъ членовъ правленія, или комитета, всѣ запасы покупаетъ и работы производитъ хозяйственнымъ образомъ, не имѣетъ ни участниковъ, ни соперниковъ, ни ревизоровъ, мало знакомъ даже съ отчетами. Положеніе его еще болѣе улучшается, когда у архіерейскаго дома есть мельницы, хутора, лавки, дуга и другія угодыя, которыя надобно отдавать въ наемъ, или когда бываютъ какія либо экстренныя работы. Въ первомъ случаѣ съемщики, а во второмъ подрядчики и поставщики не остаются неблагоприятными. Последній случай такъ правится, что его нарочно выдумываютъ, особенно въ первое время послѣ пріѣзда новаго епархіальнаго начальника; тутъ ломаютъ и созидаютъ, пробиваютъ стѣны, строятъ магазины, отдѣлываютъ подвалы, красятъ, чистятъ; маляры, столяры, каменщики, плотники, кровельщики! идите, всѣмъ вамъ дѣло будетъ. Кромѣ того экономя есть если не настоятель, то намѣстникъ настоятеля крестовой церкви; покупка свѣчъ, счоты и отчеты въ собираемыхъ деньгахъ лежатъ на его совѣсти; а уже выше с-но (1 ч. 13 Отд.), что доходы въ крестовыхъ церквахъ вовсе не маленькіе. Т. о. архіерейскіе экономы одними доходами отъ своей должности и отъ крестовой болѣе, нежели достаточно обезпечены.

Но добрые владыки взыскуютъ ихъ и другими милостями, возлагая на нихъ очень пріятныя порученія; имъ иногда предоставляется экзаменовать кандидатовъ на причетническія мѣста въ чтеніи, пѣніи, знаніи катихизиса. Экзаменуемые знаютъ, что имъ лучше дать 10, даже 25 р., нежели получить дурную аттестацію, въ слѣдствіе которой откажутъ отъ мѣста, или заставятъ послужить при крестовой и проработать въ архіерейскомъ дому нѣсколько мѣсяцовъ; не пожалѣешь даже 50 руб. А догадливый о. экономя начинаетъ экзаменовать, когда уже бываетъ темненько, ставитъ экзаменуемаго въ такой уголъ комнаты, гдѣ не различишь *такты* отъ *чвартки* (такъ называются ноты, употребляемыя во обиходахъ и октоихахъ), даетъ книгу съ мелкой печатью, которой и при полномъ дневномъ свѣтѣ не разберешь. Зато уже и причетники догадливы; они свою благодарность предпосылаютъ напередъ; вошедши, поклонавшись кладутъ, что по-добааетъ; по минѣ экзаменатора догадываются, доволенъ ли онъ приношеніемъ; если нѣтъ, *докладываютъ*, и прежде экзамена, т. е-тъ, сами составляютъ проектъ резолюціи для

своей аттестации. Я выставил только нѣкоторыя экстренныя доходныя статьи о. о. экономовъ; всѣхъ ихъ не перечесть; такъ бываетъ изобрѣтательно милостивое вниманіе патроновъ къ своимъ близкимъ особамъ. Но самымъ вышшимъ для эконома счастьемъ бываетъ, когда съ нимъ совѣтуются по управленію епархіальными дѣлами. Конечно тутъ надобно выдержать борьбу съ письмоводителемъ, секретаремъ и членами к-ріи; съ первымъ даже подѣлиться; но если побѣда одержится, если мирный договоръ съ соперниками заключенъ на взаимно-выгодныхъ условіяхъ, тогда будущность и эконома и его присныхъ по плоти обезпечена.

Дюдей столь близкихъ къ себѣ, столь преданныхъ, такъ готовыхъ на всѣ даже невозможныя услуги, надобно преосвященному награждать и отличать, чтобы они около него сіяли, какъ звѣзды около солнца. О награжденіи о. о. экономовъ наперсными крестами, орденами, игуменствомъ, архимандритствомъ и пр. было уже выше (1 ч. 18го Отд.), говорено; займемся другими лицами.

Письмоводителю награды и отличія достаются съ большимъ трудомъ и въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ эконому. Какъ свѣтское, лицо, онъ конечно получаетъ чины; но тутъ такъ много постановленій, ограниченій, а у него такъ мало случаевъ къ отличіямъ, что не скоро дождешься повышения. И вотъ почему письмоводители иначе награждаются. Б. ч. они стараются перебраться въ столоначальники и даже секретари к-ріи. Если же принадлежатъ къ кончившимъ курсъ ученикамъ семинаріи, то дожидаются богатаго священническаго мѣста и, получивъ его, смиренно погребаютъ себя гдѣ либо въ деревенской глуши. Иногда даже приходится пристроиться имъ въ губернскомъ городѣ; тогда патронъ постарается сдѣлать ихъ членами к-ріи. Случается впрочемъ, что письмоводителъ ипоступаютъ и въ свѣтскую службу. Большая же часть нашихъ письмоводителей, сдѣлавшись совѣтниками и особенно викаріями своихъ начальниковъ, не расстаются съ ними и теплое мѣстечко предпочитаютъ вишнимъ отличіямъ; впрочемъ не обходится безъ послѣднихъ; такъ напр. за нѣсколько даже десятковъ лѣтъ секретари митрополитовъ петербургскаго и московскаго украшались орденами, тогда какъ ординарные профессоры академіи и большая часть протоіереевъ не могли мечтать о такихъ наградахъ.

Говорить о наградахъ и отличіяхъ лакеевъ, келейниковъ и т. п. хотя и архіерейскихъ, какъ будто смѣшно. А м. т., если вы, г. ч., такъ думаете, то обнаруживаете большое незнаніе духовнаго міра. Можно и лакеевъ награждать и

отличать, только соблюдая постепенность. Весьма недавно одинъ іерархъ имѣлъ у себя лакея, котораго, какъ выражается Губеръ въ своемъ переводѣ Фауста,

За нравъ его невинный,
какъ сына полюбилъ; —

впрочемъ не за одинъ его нравъ невинный, но за услужливость и за то, что тотъ равнодушно и съ поклономъ переносилъ толчки въ родѣ оплеухъ и подзатыльниковъ. Въ минуты своего расположенія іерархъ сказалъ лакею: «а что ты, *имя-рекъ*, куда ты дѣнешься послѣ меня?» Услышавши слово: не знаю, іерархъ продолжалъ; «то-то не знаю, а сдѣлай-ка вотъ что: выпишишь изъ государственныхъ крестьянъ; я помогу тебѣ; потомъ запишишь послушникомъ въ С-кій монастырь. Оттуда мнѣ отрепортуютъ, что ты отлично живешь и знаешь церковную службу; я и сдѣлаю тебя дякономъ.» Къ несчастію скорая смерть не позволила привести этотъ планъ въ исполненіе. Но надобно сказать, что этотъ проэктъ былъ немножко трудноватъ; другіе апробованные уже опытомъ, легче и удобоисполнимѣе. Былъ у одного ректора сторожъ Буркинъ, к-ся, даже нигдѣ не учившійся, настоящій церковникъ. Баринъ его сдѣлался епископомъ. Буркинъ сталъ келейникомъ-податчикомъ. Потомъ возненавидѣвъ суету міра сего, постригся въ монахи; за это возвысился въ званіе іеромонаха и изъ лакеевъ сдѣлался экономомъ; послѣ получилъ монастырь и санъ архимандрита; во время служенія становился съ своею митрою выше магистровъ и протоіереевъ; — получилъ даже орденъ.

Французскую пословицу: *quel maître, tel valet* можно прилагать не къ однимъ настоящимъ лакеямъ. Если напр. господинъ-важная особа, то приближенные къ нему еще болѣе важничаютъ. Но люди въ родѣ исключенныхъ семинаристовъ обнаруживаютъ свое важничанье даже не спѣсю, не тще-славіемъ, а мужицкою и бурсацкою грубостію; толкнуть одного, окричать другаго (кого р-ся можно) — вотъ въ чемъ они поставляютъ свою важность. Авторъ книги о с. д. въ справедливомъ негодованіи клеймитъ такихъ людей названіемъ *архьерейской сволочи* (стр. 126). Надобно быть въ подачѣ въ плохой рясѣ, въ засаленномъ подрясникѣ, не имѣть въ карманѣ лишняго рубля, или гривны, чтобы улестить эту сволочь; тогда только вы узнаете, какъ она отвратительно груба и нахальна. Жаловаться на нее нѣтъ никакой возможности; васъ или не выслушаютъ, или обругаютъ, даже сочтутъ не уважительнымъ къ высокой особѣ. Лакей нахаленъ и дерзокъ, п. ч. увѣренъ въ безнаказанности своихъ

поступковъ. Право, иногда подумываешь, не нарочно ли уже, если не приказываютъ, то позволяютъ сволочи дѣлать грубости и дерзости, чтобы бѣлое д-во, напуганное еще въ передней, съ полнымъ страхомъ и благоговѣніемъ, являлось предъ лицо самаго хозяина? Письмоводитель уже не настоящій лакей; его манеры должны быть деликатнѣе лакейскихъ, но и тутъ сколько испытываютъ грубости и невѣжливости тѣ, которые не имѣютъ возможности приобрести благосклонность приношеніемъ; иногда достается даже и приносящимъ. Былъ письмоводитель — Барбось по прозванію. Онъ, какъ настоящій барбось, лалялъ даже на благочинныхъ. Экономъ, какъ духовная особа, долженъ быть вѣжливей двухъ предъидущихъ особъ; но и онъ, особенно будучи викаріемъ, грубъ и дерзокъ, иногда не менѣе лакея. Уже в. с-но (отд. 25), какъ одинъ изъ нихъ *создалъ* дьячка по спинѣ кочергою за то, что тотъ не очень чисто подмѣлъ крестовую. Ну, а если экономъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и экзаменаторъ причетниковъ, тогда чего не приходится выслушивать этимъ жалкимъ еуществамъ?

Нашей почтенной тріадѣ слѣдовало бы стараться составить изъ себя нѣчто единое, хоть напр. въ родѣ равносторонняго триугольника, и никакъ не забывать латинскаго изреченія: *concordiâ parvae res crescunt, discordiâ vero vel maximae dilabuntur*. Но исконный врагъ рода человѣческаго (кого же больше обвинять?) и здѣсь любитъ сѣять раздоръ между разумными существами, пробуждая тѣ страсти, которыми онъ такъ ловко, по ученію богослововъ, воспользовался въ эдемѣ, т. е. завистію и гордостію, но за недостаткомъ Еввъ пускаетъ третью человѣческую страсть — любостяжаніе. Изъ такой почтенной тріады никогда не выходитъ хоть какого либо триугольника; вѣроятно каждая изъ трехъ особъ хочетъ быть линіею большею, нежели двѣ другія; а при такомъ условіи, какъ извѣстно изъ геометріи, триугольникъ не можетъ составиться. Въ самомъ дѣлѣ я не знаю примѣра, гдѣ бы архіерейскіе лакей, письмоводитель и экономъ *жили душа въ душу*, составляли нѣчто единое. Не часто также случается, чтобы каждый жилъ особнякомъ отъ прочихъ; всегда почти бываютъ тутъ парныя совокупленія, или сочетанія; значить, хотятъ выигрывать большинство. Но по закону алгебраическихъ сочетаній и совокупленій здѣсь возможны только три парныхъ сочетанія, т. е. дѣйствуютъ за одно или: экономъ и письмоводитель, или экономъ, и лакей, или письмоводитель и лакей. Наша тріада имѣетъ не рѣдко грозныхъ враговъ въ

лицахъ, не принадлежащихъ архіерейскому дому. Владыка иногда довѣряется душою и тѣломъ кому либо изъ членовъ к-ріи, или секретарю ея и даже стороннему свѣтскому чело-вѣку; одинъ такой даже извѣстенъ былъ въ епархіи подъ названіемъ викарія. Тогда триада должна бы составить одинъ тріугольникъ и дѣйствовать противъ общаго врага. Но и врагъ тоже не дремлетъ. Онъ непременно въ ней отыски-ваетъ измѣнника, позволяетъ ему имѣть кое-какія выгоды и т. о. тріугольникъ не составляется.

Часть вторая.

О причинахъ особеннаго пристрастія архіереевъ къ своимъ любимцамъ.

Фавориты, наперсники и т. п. бываютъ не только у важныхъ сановныхъ и вельможныхъ особъ, но и у начальниковъ не высокаго ранга. Въ этомъ случаѣ архіереи отличаются отъ другихъ людей тѣмъ, что въ нихъ по отношенію къ любимцамъ замѣчается какая-то неодолимая привязанность, безпредѣльное довѣріе; полное пристрастіе, — настоящее ослѣпленіе. Архіерейскіе фавориты почти никогда не отличаются ни умственными, ни особенно нравственными качествами. Этого мало; часто недостатки въ нихъ бросаются въ глаза даже не очень умному чело-вѣку; о походе-ніяхъ, притѣсненіяхъ, взяточничествѣ и пр. знаетъ цѣлый городъ, цѣлая епархіа; извѣстіе о томъ доходитъ даже до Петербурга, только патронъ какъ будто ничего не слышитъ. Случается, что поддерживая своего любимца, не разставаясь съ нимъ, подвергаетъ нареканію свою собственную честь, заставляетъ сомнѣваться въ собственныхъ, нравственныхъ, общечеловѣческихъ и монашескихъ качествахъ и все таки не удаляетъ его отъ себя.

Открывать патрону глаза въ такихъ случаяхъ б. ч. бесполезно, а для подчиненнаго даже опасно; — не повѣрятъ, сочтутъ чело-вѣкомъ неблагонамѣреннымъ, лишатъ своего благоволенія, даже чего добраго станутъ преслѣдовать, а любимцу за мнимую клевету, которой подвергался, окажутъ какъ бы въ вознагражденіе еще большее довѣріе. Если даже

получаются внушенія и предостереженія свыше, то рѣшаются иногда сами лучше подвергаться всѣмъ неприятнымъ послѣдствіямъ, нежели лишиться своего наперсника. Иногда обвиненія въ недобросовѣстности бываютъ такъ ясны и положительны, что сомнѣваться въ злоупотребленіи довѣренности невозможно. Но и тутъ рѣдко лишаютъ милости недостойнаго ея человѣка. М. б. келейно его пожурятъ, но оставятъ при своей особѣ на прежнихъ правахъ. Пожалуй, подъ гнетомъ внѣшнихъ и особенно высшихъ вліяній перестанутъ совѣтоваться касательно епархіальныхъ дѣлъ, но будутъ продолжать интимныя дружескія связи въ частной жизни. Точно, какъ будто находятся подъ какимъ-то очарованіемъ; любимецъ дѣлается настоящимъ *alter ego*; отказаться отъ него какъ будто значитъ отказаться отъ себя самаго. Подтвердимъ эти общія заключенія нѣсколькими примѣрами.

1) Недавно скончавшійся архіепископъ былъ, по общему мнѣнію, человѣкъ добрый, по к.^тм. боявшій прослыть злымъ, несправедливымъ, — набожный даже до аскитизма, до самоумерщвленія въ буквальномъ смыслѣ, велъ жизнь въ послѣднія годы самую монашескую во всѣхъ отношеніяхъ; подозрѣвать его въ какихъ бы то ни было неодобрительныхъ связяхъ было невозможно. Несчастіе приблизило къ нему двухъ дамъ; одна была старушка, считавшаяся набожною, не далекою по уму, довольно скучною, охотницею за все и за всѣхъ ходатайствовать; другая же не старая не имѣла даже отрицательныхъ достоинствъ; была не красивою кокеткою, притѣснительницею своихъ крестьянъ, выжимавшею изъ нихъ *сокъ и кровь*, настоящею торговкою; къ первой благородное общество было только равнодушно; послѣднюю презирало и по достоинству. Владыка послѣ многолѣтнихъ наблюденій самъ убѣдился въ пустотѣ, даже неприличіи своего знакомства съ обѣими особами. Когда докладывали ему о пріѣздѣ которой либо изъ нихъ, онъ приходилъ чуть не въ отчаяніе, опирался на столъ обѣими руками и говорилъ: «Господи! что мнѣ съ ними дѣлать? Куда отъ нихъ дѣваться?» И все таки принималъ ихъ съ дружелюбною улыбкою. Р-ся, онѣ надоѣдали ему не одними посѣщеніями, но и своими ходатайствами иногда бессмысленными, иногда несправедливыми. Слабый старецъ и здѣсь не умѣлъ отстаивать свою независимость.

2) У тогоже архипастыря былъ наперсникомъ одинъ старикъ, служившій до полнаго пансіона по министерству народнаго просвѣщенія. Этотъ старый *цѣховодникъ* отличался издавна лицемѣріемъ, ханжествомъ, корыстолюбіемъ,

раболюпствомъ предъ тѣми, отъ кого надѣялся чѣмъ либо попользоваться, отвратительною спѣсью предъ тѣми, кто въ чѣмъ нибудъ зависѣлъ отъ него; всѣ благородные, порядочные люди презирали его. Но онъ умѣлъ очаровать архипастыря, завладѣть его довѣріемъ. Всѣ, кому нужно было получить незаслуженную милость, оправдаться въ справедливомъ обвиненіи, являлись къ нему, давали, чего онъ требовалъ, и почти всегда получали, чего добивались. Кому не чѣмъ было платить, отъ тѣхъ старый грѣховодникъ требовалъ другихъ услугъ. Напр. исключенныхъ семинаристовъ онъ держалъ у себя лакеями годъ, два и три даже; и зато такъ, или иначе доставлялъ имъ причетническаго мѣста. Если ходатайство было слишкомъ не законно, то онъ умолялъ, льстилъ, становился на колѣна, уходилъ по пяти и болѣе розовъ, останавливался во дверхъ, выглядывалъ изъ за нихъ, возвращался назадъ, — и *слабый человекъ сдавался*. Епархія называла грѣховодника викаріемъ. Прозвище это дошло до Петербурга; преосвященному сдѣлано было предостереженіе; м. т. викарій предался пьянству; къ нему уже стыдились ѣздить. И все-таки онъ до самаго увольненія своего друга на покой часто бывалъ его викаріемъ; а послѣ по самую свою смерть оставался другомъ. Для жителей городскихъ смѣшны бывали поѣздки, которыя можно было видѣть въ дни храмовыхъ праздниковъ, когда преосвященный самъ совершалъ литургію въ приходской церкви. Обыкновенно и викарій и двѣ дамы, о которыхъ сейчасъ было говорено, непременно пріѣзжали въ церковь; викарій занималъ видное мѣсто у иконостаса, а послѣ малаго выхода уходилъ въ алтарь и тамъ на виду у преосвященнаго молился, становился даже на колѣни. Дамы помѣщались у клиросовъ, или амвоновъ. Обѣдня окончивалась; преосвященный отправлялся къ священникамъ, къ старостѣ; за его каретою, запряженной въ четыре лошади цугомъ, ѣхалъ викарій, затѣмъ обѣ дамы и сестра преосвященнаго, каждая въ особомъ экипажѣ. Къ поѣзду еще очень часто присоединялся ректоръ семинаріи, кафедральный протоіерей, одинъ архимандритъ. И все это тянулось длинною вереницею, переѣзжало изъ улицы въ улицу, при колокольномъ звонѣ въ сосѣднихъ церквахъ; точно какъ будто происходила какая либо религіозная церемонія.

3) Есть преосвященный — уже старецъ; подозрѣвать его въ антимонашескомъ образѣ жизни, право, не возможно; всему есть время; ничто не продолжается далѣе извѣтнаго предѣла. М. т. къ нему къ ранней обѣднѣ каждое утро

является одна особа, которой бесплатно отведена квартира въ монастырскомъ домѣ. Послѣ обѣдни уходитъ во внутренніе апартаменты; тамъ съ хозяиномъ остаются на-единѣ часа по два по три; — повѣрьте, я ничего тутъ предосудительнаго не подозрѣваю; одно тутъ неосторожное ослѣпление и недогадливость. Во время такихъ ежедневныхъ аудіенцій не только никого не принимаютъ, даже не велѣно докладывать ни о ректорѣ, ни о кафедральномъ протоіерѣѣ. Дѣловые и важныя подчиненныя оскорбляются, насмѣшники и недоброжелатели не скупаются на сарказмы; толки распространены по цѣлому городу; и все таки ослѣпленіе продолжается.

4) Про одного архипастыря сдѣлалось извѣстнымъ, что его приближенныя берутъ многочисленныя взятки, богатѣютъ сами и будто дѣлятся со своимъ начальникомъ. Архипастыря уже не разъ переводили изъ одной епархіи въ другую или худшую, или низшую по рангу. Наконецъ рѣшились еще назначить на новое мѣсто, полагая, что старикъ не рѣшится на переѣздъ, но ошиблись. Онъ не только самъ переѣхалъ, но и взялъ съ собою весь свой штабъ лакея, писмоводителя и эконома. Лакей былъ государственный крестьянинъ, приписанный къ архіерейскому дому; его стали требовать официальнымъ путемъ назадъ, но и тутъ МЫ не хотѣли уступить; чуть было дѣло не дошло до Петербурга. Съ секретаремъ вышла исторія едва ли не хуже. Архіерейскіе дома наши считаются монастырями и на официальномъ языкѣ, и въ общенародномъ убѣжденіи. Но по соборнымъ постановленіямъ женщины ни подъ какимъ видомъ не должны жить въ монастыряхъ мужескихъ; такъ напр. по 47 правилу VI вселенскаго собора *ни жена въ мужескомъ, ни мужъ въ женскомъ монастырѣ да не спитъ*; по 18 правилу VII вселенскаго собора «пробываніе женъ въ епископіяхъ, или въ монастыряхъ есть вина всякаго соблазна. Сего ради, аще усмотрѣно будетъ, что кто либо имѣетъ рабу, или свободную въ епископіи, или въ монастырѣ, поручая ей какое либо служеніе, да подлежитъ таковой епитиміи; законсѣвающійже въ томъ, да будетъ изверженъ. Аще и случится быть женамъ въ загородныхъ домахъ, и восхоцетъ епископъ тутъ творити тако, то въ присутствіи епископа отнюдь никакого служенія да не исправлетъ въ то время жена; но да пребудетъ особо на иномъ мѣстѣ, доколѣ послѣдуетъ отшествіе епископа, или игумена, да не будетъ нарекаемъ.» М. т. *маголемый* архипастырь даже не въ загородномъ, а въ архіерейскомъ городскомъ домѣ,

гдѣ онъ постоянно жилъ, отвелъ для секретаря съ его женою, семьею и женскою прислугою отличныя и просторныя комнаты, находившіяся подъ его покоями. Благочестивые городскіе жители соблазнялись, видя, какъ изъ оконъ архіерейскаго дома выглядываютъ женскія головки, какъ на балконѣ того же дома дѣвка развѣшиваетъ вещи, принадлежащія къ женскому туалету; все это совершалось т. с-ть предъ глазами цѣлаго города. Дошолъ слухъ объ этомъ до Петербурга, или, какъ говорили, секретарь долженъ былъ выѣхать въ прежній губернскій городъ къ отвѣту по судебному дѣлу; только чрезъ годъ почти онъ со всею семьею и прислугою оставилъ архіерейскій домъ. Но тутъ открылось новое неожиданное обстоятельство, которое подало поводъ къ новымъ толкамъ и соблазну. Квартира секретаря, отлично отдѣланная и меблированная осталась никѣмъ не занятою, хотя помѣщенія архіерейской свиты, даже любимца эконома, были очень тѣсны. Не смотря на отъѣздъ секретаря, въ комнатахъ почти постоянно *обитала* какая-то таинственная особа; относительно ея было приказано соблюдать строжайшее инкогнито; всѣ пѣвчіе обязаны были, встрѣчаясь на дворѣ съ нею ни подъ какимъ видомъ не кланяться; они должны были показывать, что какъ будто ее не видятъ. Бывали даже грозные случаи; однажды докторъ преосвященнаго былъ разбуженъ въ полночь и потребованъ въ архіерейскій домъ. Отъ кучера онъ ничего не узналъ кромѣ того, что ему велѣно явиться, какъ можно скорѣе. Экономъ встрѣтилъ доктора на крыльцѣ и повелъ къ таинственной особѣ, съ которою случился жестокой припадокъ холеры. Жизнь была въ опасности; докторъ, сдѣлавши нужныя распоряженія для спасенія ея, долженъ былъ явиться къ самому хозяину и кое-какъ успокоилъ его. Не смотря на все это, таинственная особа жила въ тѣхъ же комнатахъ до самой смерти своего благодѣтеля и, какъ слышно, умѣла сама себя вознаградить за свою привязанность.

5) Письмоводитель одного знаменитаго, но въ высшей степени честнаго, безкорыстнаго и искренно-набожнаго архипастыря пользовался, а вмѣстѣ съ тѣмъ до послѣдней крайности злоупотреблялъ довѣренностію его. Кромѣ того онъ отличался любовными и скандалѣзными похождениями, но являясь ко владыкѣ въ очень не богатой одеждѣ, выказывая предъ нимъ набожность, преданность и пр., заслужилъ въ глазахъ его репутацію хорошаго христіанина. У архипастыря было два племянника, люди благородные и дорожившіе честью своего дяди, — одинъ профессоръ, а другой

студентъ духовной академіи. Они — было хотѣли обнаружить старцу всѣ похождения его любимца, но промахнулись. Владыка одному изъ нихъ сказалъ на отрѣзъ: «не твое дѣло; я самъ его знаю лучше тебя.» М. т. графиня О-ва подарила преосвященному отличныхъ лошадей своего завода и богатую карету. Фаворитъ, въ отсутствіи своего патрона, пользовался этимъ подаркомъ при выѣздахъ къ своей любви; насмѣшники и недоброжелатели владыки, чего тутъ не могли говорить на счетъ его самогo? Тогда племянники обратились къ духовнику его человѣку почтенному и уважаемому. Но владыка и тутъ сначала не повѣрилъ; впрочемъ рѣшился сдѣлать опытъ. Онъ поѣхалъ на свою загородную дачу, какъ будто намѣреваясь пробыть тамъ нѣсколько дней, но неожиданно возвратился вечеромъ того же дня и не засталъ дома ни лошадей, ни кареты о-скихъ, ни письмоводителя; и тогда-то уже рѣшился произвести домашнее дознаніе; р-ся, все открылось. И послѣ этого привязанность не уничтожилась; отъ себя негодия удалили, но дали ему рекомендательныя письма въ Петербургъ, — а тамъ сдѣлали его секретаремъ о-ской к-рии. Притомъ старецъ и послѣ нерѣдко съ сожалѣніемъ вспоминалъ о своемъ прежнемъ письмоводителѣ.

Откуда происходитъ такое слѣпое довѣріе и пристрастіе, такая непоколебимая (до смѣшнаго) привязанность къ любимцамъ? Причины на это многочисленны и разнообразны, даже, можно сказать, часто индивидуальны. Пересчитаю тѣ, которыя, по моему мнѣнію, чаще встрѣчаются.

1) Петръ Долгоруковъ въ своемъ сочиненіи: *la vérité sur la Russie* вообще показываетъ уваженіе и къ православной церкви и къ епископамъ, какъ предстоятелямъ ея, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ пишетъ: *Ces prelates, se consolent par la vénalité . . . Il y a des prelates, dont l'avidité est devenue proverbiale; et leurs exactions font scandale même en Russie* (прелаты утѣшаютъ себя корыстолюбіемъ. Есть прелаты, которыхъ жадность обратилась въ половицу; ихъ лихоимство производитъ скандалъ даже въ Россіи стр. 346—347). Въ подтвержденіе этихъ словъ прошу читателя припомнить, что в. с-но (3 ч. 13 Отд.) о громадныхъ капиталахъ, которые наживаются нѣкоторыми нашими прелатами въ епархіяхъ, гдѣ законныхъ доходныхъ статей очень мало. Самимъ высокимъ особамъ, какъ-то неприлично, по русской пословицѣ, *марать свои руки*, хотя иногда между полулистами просьбы искусно вкладываются и съ достоинствомъ принимаются документы за подписомъ Управляющаго банкомъ

и кассира. Но чаще всего стараются — въ этихъ дѣлахъ сохранять по наружности приличное достоинство, а избираютъ проводникомъ приношеній какое либо довѣренное лицо: письмоводителя, эконома, секретаря к-ри, даже своего келейника и пр. Съ такими избранными нельзя слишкомъ безцеремонно обращаться; ихъ нужно приласкать, задобрять; имъ надобно позволить себя не забывать. И потому если докажутъ злоупотребленія довѣренной особы, то какъ съ нею разстаться? Она умѣла секретъ сохранять; даже понажилась порядочно; можетъ довольствоваться малымъ. Новый человекъ, не извѣстно, каковъ будетъ; онъ еще бѣденъ; надобно еще наживаться, потомъ входи съ нимъ въ объясненія довольно щекотливыя. Нѣтъ, лучше при прежнемъ оставаться, машина заведена, хоть скрипѣнье и стуканье ея непріятны намъ и слышны другимъ; но вѣдь тоже самое будетъ и при новой машинѣ.

2) Нужно имѣть повѣренныхъ и по другимъ дѣламъ, гдѣ отъ сохраненія секрета зависить болѣе, нежели честь. Крѣпостнаго человекъ, бывшаго штатнаго служителя можно было еще какъ нибудь застрашать и принудить къ молчанію, можно даже увлечься и тою мыслию, что простой человекъ не обо всемъ догадается, не все стѣмѣетъ понять. Но довѣрять свою честь подобнымъ личностямъ и входить съ ними въ интимность какъ-то даже стыдно. Свободные же люди исполнять порученіе лучше, но зато ихъ ничѣмъ не застращаешь; ихъ молчаливость надобно покупать или тѣмъ, на что все покупается, или снисхожденіемъ къ тому, что имъ вздумается дѣлать. Подобныхъ людей преслѣдовать опасно, даже невозможно; въ раздраженіи они всѣмъ расскажутъ то, что и отъ самаго себя хотѣлось бы скрыть. Этихъ-то людей надобно держать при себѣ до самой своей смерти, ну а тамъ послѣ говори, что знаешь?

3) Предвидущія двѣ причины могутъ быть названы *частными, индивидуальными*; онѣ зависять отъ личнаго настроенія, отъ личныхъ слабостей и страстей сановника; теперь берусь за разрядъ причинъ, которыя можно назвать *должностными*, п. ч. онѣ тѣсно связаны съ существенными обязанностями, лежащими на епархіальныхъ іерархахъ. Послѣ хиротоніи каждый изъ нихъ, прибывши на епархію, долженъ разрѣшать съ перваго раза запутанные и сложные юридическіе вопросы, разбирать ссоры и жалобы, въ которыхъ истина искажена всевозможными кляузническими приемами, и неправда прикрыта и разукрашена подъяческимъ краснорѣчіемъ, — долженъ прочитать и окончательно порѣ-

шить дѣла, состоящія изъ сотенъ листовъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ человѣкъ, даже юридически и практически подготовленный, затруднится и позадумается. А ректоръ семинарій, единственные почти претенденты на епископскія кафедры, хотя и числятся членами к-рій, но въ ней почти не засѣдаютъ и только подписываютъ протоколы ея. Надѣлать съ перваго раза множество промаховъ не захочется даже человѣку съ скромнымъ самолюбіемъ, ну, а у о. о. ректоровъ оно б. ч. бываетъ громадно. Притомъ если бы МЫ еще были похожи по своему положенію на прежнихъ нашихъ патріарховъ, или на нынѣшнихъ католическихъ епископовъ, которые за медленное и несправедливое рѣшеніе дѣлъ отвѣчаютъ только предъ своею совѣстію и предъ общественнымъ мнѣніемъ, котораго у насъ нѣтъ, или которымъ у насъ не дорожатъ; — то еще можно бы рискнуть и не обращать вниманія на жалобы обиженныхъ подчиненныхъ. Но къ несчастію нашихъ епархіальныхъ начальниковъ на ихъ рѣшенія можно жаловаться и въ Синодѣ, и Об. Пр-ру. и даже въ комиссію прошеній. На такія жалобы приходится писать непріятныя объясненія, отвѣчать чуть не на запросные пункты, а главное получать выговоры, замѣчанія и пр. Кому же опять захочется на первомъ шагу заявить такъ ясно свою неспособность, — неопытность предъ синодомъ? И вотъ является необходимость найти лицо, которому можно бы вѣриться. Счастливъ тотъ архіерей, который или по своей проникательности, или по совѣту, и рекомендаціи другихъ найдетъ опытнаго и честнаго человѣка. Но б. ч. выбираютъ его почти на угадъ, по первому впечатлѣнію; тутъ на основаніи превратнаго пониманія теоріи монашескаго послушанія и смиренія берутся во вниманіе раболѣпная услужливость, умѣнье хорошо поклониться, сказать лѣстливое слово, пощекотать самолюбіе. Сначала новый наперсникъ, подобно всѣмъ временщикамъ, умѣетъ отличать своею неутомимою дѣятельностію, неподкупнымъ правдолюбіемъ, и особенно безпредѣльною преданностію. Какъ не полюбить подобнаго человѣка и не довѣриться ему? Если даже временщикъ очень скоро станетъ злоупотреблять оказанною ему довѣренностію, то его патронъ не вдругъ о томъ узнаетъ, даже и вовсе не узнаетъ. Наше д-во такъ привыкло къ злоупотребленіямъ, что и при новомъ владыкѣ не думаетъ о борьбѣ съ ними и только спрашиваетъ: «кто у новаго владыки *ворочаетъ дѣлами*, или кто у него въ милости?» идетъ къ нему, кланяется, приноситъ и пр.; только крайняя несправедливость, или кляузническое настроеніе, или

надежда найти защиту у владыки или въ синодѣ заставляютъ рѣшиться на борьбу.

Здѣсь лучше всего должно бы облегчить епархію то обстоятельствомъ, что владыка, даже на первыхъ порахъ неопытный, чрезъ годъ, или особенно чрезъ нѣсколько лѣтъ можетъ самъ ознакомиться съ механизмомъ консисторскихъ дѣлъ, съ духовными законами и самъ воѣмъ управлять. Но МЫ успѣли уже ознакомиться съ свѣтскимъ обществомъ и богатымъ купечествомъ. Вотъ приглашаетъ насъ къ себѣ Ея превосходительство, Его сіятельство и даже иногда какая либо свѣтлость, или какой нибудь полновѣсный купецъ и коммерціи совѣтникъ; вотъ кого нибудь и сами мы пригласили къ себѣ. Время при такихъ визитахъ и контръ-визитахъ, приправленныхъ свѣтскимъ кипучимъ разговоромъ и гастрономическими наслаждениями, проходитъ такъ быстро и пріятно, а консисторскія дѣла такъ скучны и утомительны, такъ анти-гастрономичны, что по неволѣ предоставишь послѣднія своему прежнему временичку. А вотъ богатый помѣщикъ, купецъ, или приходъ зоветъ верстъ за 200 и болѣе освятить новый, или обновленный храмъ; вотъ, на основаніи существующихъ постановленій, надобно ѣхать ревизовать епархію. Торжественны повсюду встрѣчи, немолкаемый почти колокольный звонъ, цѣлыя селенія *отъ мала до велика* сбѣгающія къ нашей персонѣ, пребываніе *наше* въ городахъ, обращающееся почти въ постоянный праздникъ и для насъ, и для жителей, цѣлыя сотни и даже тысячи, чуть не на колѣнахъ желающія принять *наше* благословеніе; — видя все это, не сочтешь ли нужнымъ, по возвращеніи въ свою резиденцію, пометать и даже не одинъ разъ рассказать своимъ знакомымъ о томъ, какъ еще простой, не испорченный современной цивилизаціею, незнакомый съ прогрессомъ народъ, благоговѣтъ предъ своими архипастырями; по к. м. такія мечты и рассказы несравненно пріятнѣе консисторскихъ протоколовъ, которыхъ въ *наше* отсутствіе накопились цѣлыя груды. А услужливый временичикъ какъ тутъ съ своею готовностію опять помогать и быть преданнымъ *нашей* особѣ. Ко всему этому присоединяется еще новое обстоятельство. Наши прогрессисты не всѣ любятъ отличатся неумолимою дѣятельностію и дѣловитостію даже во званіи, ректоровъ. Но тутъ предаваться полной безопасности, совершенному покою опасно. Надобно еще отыскивать *петровы ключи*, по к. м. показывать, что мы ихъ ищемъ, иначе подумаютъ, что намъ нравится безмятежный покой и помѣстятъ насъ на всю жизнь въ какой либо мо-

настырь. Получивши же въ руки *ключи петровы*, дѣлаемся, — если бы дѣло шло о мірянахъ, то я бы сказалъ: лѣнивыми, но говоря объ іерархахъ, надобно употребить другія слова: — теряемъ энергію, которой, м. б. и прежде не много было, впадаемъ въ апатію, къ которой и прежде имѣли расположеніе. И это случается съ такими натурами, которыхъ дѣятельность, повидимому, не магла истощиться въ теченіе цѣлой жизни.

Напр. былъ ректоромъ п-ой семинаріи человекъ, который казался вполнѣ неутомимымъ, вставалъ часа въ три утра, занимался въ кабинетѣ своимъ, пока все еще спали, затѣмъ осматривалъ комнаты, классы, кухню, слѣдилъ за всею экономіею, слушалъ уроки мальчиковъ; въ правленіи былъ не только секретаремъ, а иногда даже письмоводителемъ. Въостѣ съ тѣмъ этотъ же человекъ въ совершенствѣ зналъ богословскія науки, слѣдилъ за ихъ развитіемъ, выписывалъ и читалъ множество иностранныхъ книгъ, — не съ меньшимъ усердіемъ занимался и свѣтскими науками; у него было составлено нѣсколько десятковъ вопросовъ по астрономіи; которые въ немъ показывали почти специалиста и по этой наукѣ. Притомъ былъ воодушевленъ пламеннымъ желаніемъ помогать ближнимъ. Когда уже былъ епископомъ, онъ во время одного ужаснаго пожара въ городѣ, забывши мнимую важность своего сана, явился на самое пожарище, ободрялъ народъ не одними словами, но и примѣромъ, становился въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ, брался и за багоръ, и за трубу; массы народа воодушевились, *мысли*, по русской пословицѣ, за своимъ архипастыремъ *въ огонь и въ воду*; городъ былъ спасенъ. И что же послѣ вышло изъ этого человека? Секретарь его рассказываетъ, что дѣятельнѣйшій нѣкогда человекъ съ трудомъ и отвращеніемъ подписывалъ даже срочныя бумаги; однажды какой-то отчотъ цѣлый годъ оставался не отосланнымъ единственно п. ч. не доставало охоты подписать его, не болѣе, какъ подписать. И м. т. этотъ же самый человекъ, бывши въ Петербургѣ на чредѣ, проводилъ цѣлыя ночи въ разговорѣ съ свѣтскими людьми, которые часто пріѣзжали побесѣдовать съ нимъ. Что за причина такой странной апатіи? К-ся, тутъ главную роль играетъ настроеніе, получаемое въ духовныхъ училищахъ. Вѣдь многіе семинаристы, особенно академисты съ молодю бываютъ очень дѣятельны, но сдѣлавшись священниками, *почиваютъ*, по обыкновенному выраженію, *на лаврахъ*. Въ монахахъ прогрессистахъ этой страсти *къ отпочиванію* мѣшаетъ сначала нужда найти петровы ключи.

Послѣ обрѣтенія ихъ надобно же отдохнуть и предаться той благочестивой вѣгѣ, которая такъ приятна. Р-ся, сюда надобно присокупить неприкосновенность архіерейскаго сана, благоговѣніе массъ ко владыкѣ, окружающее его раболѣпство, лѣта и пр. При такомъ стремленіи къ этому райскому, даже буддійскому покою, захочется ли разстаться съ своимъ прежнимъ времящикомъ и наперникомъ? Положимъ, что мы даже узнали о многихъ его злоупотребленіяхъ, даже нужно бы и по *нашему* мнѣнію замѣнить его кѣмъ нибудь. Но новый *alter ego* будетъ ли лучше еще темно и неизвѣстно; притомъ для отысканія его нужно думать, хлопотать; а, главное, старый времящикъ уже знаетъ, какъ къ намъ прислуживаться. Онъ уже подметилъ любимыя наши идеи, предубѣжденія, слабости и пр.; противъ нихъ никогда не борется, а уступаетъ и льститъ имъ съ тѣмъ конечно, что бы во всемъ прочемъ диктаторствовать. Теперь попробуй удалить прежняго наперника. Вѣдь новаго надобно долго еще приучать къ себѣ; даже почти говорить: «вотъ это хоть и не справедливо, но я такъ люблю, смотри, помни это.» Не лучше ли остаться со старымъ испытаннымъ и вполнѣ понятливымъ и понимающимъ насъ намѣстникомъ?

4) Остается сказать о послѣднемъ разрядѣ причинъ особенной привязанности нашихъ архипастырей къ своимъ любимцамъ; — причины эти хочу назвать *общечеловѣческими* п. ч. онѣ основываются на свойствахъ, которыя общи всѣмъ людямъ вообще, но какъ-то иначе обнаруживаются и развиваются въ архипастыряхъ отъ исключительнаго ихъ положенія. Хвалите монашескую и уединенную жизнь какъ угодно, называйте м-во ангельскимъ чиномъ, — доказывайте, что жизнь семейная препятствуетъ намъ думать о спасеніи своей души, о вѣчномъ блаженствѣ, — пишите, что угодно обо всѣхъ этихъ предметахъ; м. б. получите за это степень доктора богословія сдѣлаетесь ректоромъ академіи, обогатитесь продажею нѣсколькихъ тысячъ своихъ сочиненій, но никогда вы не опровергнете той истины, что каждый чело-вѣкъ, кромѣ самыхъ ничтожныхъ исключеній, рожденъ жить въ обществѣ, а не въ уединеніи; ему нужны не только дружба, но и любовь сочувствіе особы другаго пола. Не даромъ же натурфилософы доказывали, что мужчана есть положительный, а женщина отрицательный полюсы и что для жизни нужно соединеніе обоихъ полюсовъ. Если не хотите знать натурфилософовъ, то припомните, что Творецъ еще объ Адамѣ сказалъ: *не добро быти единому чело-вѣку, сотвори же ему помощника*. Великая эта истина, — основа

обществъ человѣческихъ - пробивается наружу и въ учономъ м-вѣ. Не безъ причины же каждый инспекторъ и ректоръ монахъ помѣщаетъ близъ себя какого либо родственника, или келейника-семинариста; не безъ причины же въ этомъ случаѣ выборъ падаетъ на красивыхъ мальчиковъ; дурнаго тутъ не предполагаю; это есть только инстинктивное желаніе удовлетворить врожденному стремленію къ жизни семейной, или за неимѣніемъ ея, къ чему либо хоть сколько похожему на нее. Время проходитъ, лѣта прибавляются, страсти умолкаютъ, или подчиняются другимъ страстямъ, разсудокъ одерживаетъ побѣду при помощи нравственнаго и религіознаго чувства. Но одиночество по прежнему остается страшнымъ; друзьями, живущими въ другихъ домахъ, довольствоваться нельзя; нужно близъ себя имѣть людей или дѣйствительно вполне преданныхъ, или такихъ, которыхъ пріятно считать преданными, нужно не только искать въ этихъ людяхъ одну услужливость, но и дѣлать ихъ участниками своихъ радостей и горя. Потомъ никакой санъ, даже ангельскій чинъ, никого не застраховываетъ отъ болѣзней. Здоровому можно еще заняться епархіальными дѣлами, а больному что дѣлать? Конечно доктора явятся, пораспросятъ, посидятъ, пропишутъ рецептъ и уѣдутъ; фельдшеръ придетъ и припуститъ пивокъ; сестеръ милосердія у насъ, кромѣ Петербурга, нигдѣ, к-ся, нѣтъ; да ихъ, во избѣжаніе нареканія, нельзя принять къ себѣ. А больному одиночество не только ужасно, но и опасно; сразу впадешь въ меланхолю, — пропустишь время принять лекарство, — не найдешь, или не достанешь питья, когда мучить жажда, — пролежишь, когда нужно бы, или хочется встать, — не будешь въ состояніи повернуться на другой бокъ. Для всего этого прислуга не способна; тутъ нуженъ человѣкъ, который бы, по расположенію своему, по любви угадывалъ желанія, предупреждалъ нужды, или по к. м. не по найму удовлетворялъ имъ. А такимъ человѣкомъ надобно запастись, когда мы еще здоровы; надобно напередъ привязать и расположить его къ себѣ. Нужда въ такомъ человѣкѣ становится еще яснѣе съ преклонными лѣтами. Тутъ начинается приходиться на умъ, что съ нами будетъ въ послѣдніе дни и часы нашей жизни, когда и руки, и ноги, и языкъ откажутся намъ служить, но когда мы еще понимаемъ безпомощность и тягость своего положенія. На наемную прислугу въ это грозное время разсчитывать нельзя; она станетъ только глазами выбирать, а иногда руками прибирать то, что ей нравится. Даже, позвольте сказать, что только женщина умѣетъ ухаживать за больнымъ,

понимать и предупреждать его желанія; *мушны*, к-ся, *бол-ме способны на то, чтобы вынести из дома и донести до кладбища гроб покойника.*

Собразите сказанное мною о печальной сторонѣ одиночества, тогда поймете многое въ жизни нашихъ архипастырей и, м. б, будете къ нимъ снисходительны. Первенствующая церковь хорошо поступала, позволяя женатымъ людямъ быть епископами и продолжать въ этомъ званіи семейную жизнь. Даже нельзя не похвалить нынѣшнихъ католиковъ, которые не осуждаютъ епископовъ своихъ, когда они имѣютъ въ своихъ отеляхъ сестеръ, или другихъ родственницъ пожилыхъ лѣтъ. У насъ архипастырямъ приходится изобрѣтать, искусственно готовить для себя такихъ людей, которые бы хоть, повидимому, раздѣляли съ ними радость и горе, съ участіемъ ухаживали за ними въ болѣзни, закрыли глаза по смерти. Подготавливаемые т. б. люди стараются всячески угодить подготавливающему, пока онъ имѣетъ силу и власть дѣлать имъ добро и хорошо платить за услуги. Узнавши его характеръ и слабости, такъ ловко умѣютъ приспособиться, что патронъ вполне отдается имъ, какъ самымъ преданнымъ особамъ. Останутся ли они вѣрными до гробовой доски, дѣйствительно ли отъ души любить его, — дѣло темное и неизвѣстное. Но все-таки пріятнѣе воображать, что они *намъ* преданы. И потому, если даже думаемъ, что они оказываются недостойными нашего довѣрія, то какъ съ ними разстаться? Трудность пріобрѣсть и готовить такихъ людей уже *намъ* извѣстна; къ новому человѣку привыкать не легко, да и онъ не скоро пріучится къ намъ. Нѣтъ, пускай остается старый любимецъ; конечно онъ оказывается плохимъ; но онъ такъ много одолженъ *намъ*; мы такъ его лелѣяли, столько ему дѣлали добра; авось либо не будетъ вполне къ намъ неблагодаренъ; авось либо совѣсть образумитъ его. Если даже ошибемся въ своихъ надеждахъ, то кто поручится, что будемъ непогрѣшны въ новомъ выборѣ? И такъ останемся съ прежними любимцами.

Совсѣмъ другое было бы дѣло, если бы наши преосвященные могли вести не ту жизнь, на которую теперь они осуждены. Будь они людьми семейными, тогда бы Тимофеи и Иваны остались у нихъ только лакеями, экономами были не нужны, или обратились во дворецкихъ; и если бы зазнались, то могли бы тотчасъ быть смѣненными. А теперь, когда преосвященному нельзя быть не только семейнымъ человѣкомъ, имѣть близъ себя сестру и мать, но и считается не приличнымъ, если онъ помѣститъ въ своихъ ком-

натахъ кого либо изъ мушницъ — своихъ друзей безъ всякой официальной при себѣ должности; — они по неволѣ должны отдаться въ руки Тимофеямъ, Иванамъ, экономамъ, келейникамъ, лакеямъ и прочей своей сволочи. Здѣсь очень кстати будетъ сравненіе, заимствованное изъ аэростатики. Извѣстно, что, если открытый конецъ сосуда, изъ котораго вытянуть воздухъ, опустить въ жидкость, то она тотчасъ втекаетъ въ него. Старинная физика объяснала это явленіе тѣмъ, что природа будто бы имѣла *horrorem vacui* (ужасъ къ пустотѣ), и потому при первой возможности тотчасъ наполнила ее. Не видите ли, г. ч. чего либо подобнаго и въ жизни нашихъ преосвященныхъ? Ихъ по каноническимъ правиламъ и вѣковымъ обычаямъ хотятъ сдѣлать герметически закупоренными сосудами, требуютъ, чтобы въ нихъ несколько не было того, что такъ дѣлаетъ приятно семейную жизнь, производятъ, т. е. ть, въ нихъ своего рода *vacuum*. Но и нравственная природа наша тоже имѣетъ *horrorem vacui*, страшится пустоты. И такъ чтоже удивительнаго, если наши преосвященные подъ вліяніемъ этого моральнаго *horroris vacui*, соприкасаясь своей челяди, его и напоминаются. Если мое сравненіе не нравится, то пожалуйста, по к. м. о тѣхъ, которыхъ *horror vacui* заставляетъ приближать къ себѣ недостойныхъ людей.

5) Послѣдній разрядъ причинъ можно назвать *реміозными*. Въ русскомъ обществѣ господствуетъ мнѣніе, что преосвященные обязаны не только вести сами жизнь христіанскую, но и оказывать особенное вниманіе къ такъ называемымъ, набожнымъ и благочестивымъ людямъ, принимать ихъ у себя и бесѣдовать съ ними. Какъ скоро пріѣзжаетъ новый архіерей на епархію, то эти люди одинъ за другимъ начинаютъ приходить къ нему не за какими либо дѣлами, а почти единственно для того, чтобы отрекомендоваться: «вотъ-де мы самый набожный и благочестивый народъ изъ цѣлой епархіи; просимъ любить и жаловать насъ, а мы уже не перестанемъ васъ посѣщать.» У нѣкоторыхъ архіепастырей, умныхъ и здраво понимающихъ свои обязанности, достаетъ смѣлости не дорожить этой (какъ выражается авторъ романа *le Maudit*) *pieuse valetaille* — благочестивой челяди (т. 2, стр. 148) не отгalkивать грубо, но и не привязывать къ себѣ излишними ласками. Въ одинъ изъ послѣднихъ годовъ къ новому преосвященному явился одинъ церковный староста-помѣщикъ, чтобы отрекомендоваться по части своего благочестія. Замѣтивши, что преосвященный довольно холодно его принялъ, онъ вздумалъ расположить его къ себѣ

такъ называемыми благочестивыми взглядами и разсказами. Сначала заговорилъ о какомъ-то подвижникѣ, который въ наше дѣловое время проводить жизнь подобно Симсону столпнику. «Полноте его превозносить, прервалъ преосвященный я его знаю; это почти помѣшанный человѣкъ.» Помѣщикъ повелъ рѣчь о крещенской водѣ, доказывая, что по его собственнымъ опытамъ она, плотно закупоренная въ бутылкѣ или штофѣ, нисколько не портится. «Чтоже тутъ удивительнаго, возразилъ преосвященный? Да закупорьте какую угодно свѣжую воду, она точно также, какъ крещенская, никогда не испортится.» Ханжа долженъ былъ наконецъ убраться. Но такъ дѣйствовать рѣшаются немногіе архипастыри, а большинство опасается заслужить неодобрительный отзывъ *de la pieuse valetaille*, которая имѣетъ своихъ приверженцевъ и можетъ давать настроеніе общественному мнѣнію. Извѣстно, что въ каждомъ губернскомъ городѣ есть по разнымъ частямъ житейскаго быта специалисты. Одни исключительно занимаются театромъ, другіе благотворительностію, третьи политикою и пр.; къ нимъ-то и обращаются, когда нужно имѣть какія либо свѣдѣнія по ихъ части. Есть тоже специалисты по части благочестія и духовныхъ вообще дѣлъ; они непременно напрашиваются на знакомство съ преосвященнымъ, ректоромъ, кафедральнымъ протоиереемъ, бывають почти при всѣхъ архіерейскихъ, служеніяхъ мушныны стоятъ въ алтарѣ, или на любомъ клиросѣ, а дамы у амвона и праваго клироса впереди всѣхъ, участвуютъ въ крестныхъ ходахъ и стараются занять мѣсто непосредственно за главнымъ духовнымъ лицомъ; т. о. въ предвидущее царствованіе въ Петербургѣ въ крестныхъ ходахъ, или при выходѣ митрополитовъ изъ казанскаго собора за ними слѣдовали впереди частныхъ приставовъ и квартальныхъ надзирателей два свѣтскихъ лица, — одинъ скромненькій сѣдой старичокъ, а другой высокій съ длинными волосами мушнына среднихъ лѣтъ. Специалистовъ этихъ свѣтское общество не очень уважаетъ, даже подсмѣивается надъ ними, величая ихъ святошами, ханжами. Но м. т. желая знать что либо о духовныхъ дѣлахъ и лицахъ, къ нимъ обращаются. Если преосвященный не угодитъ имъ, то общество будетъ слышать неблагопріятныя о немъ отзывы и даже вѣрить имъ. «Помилуйте, говорятъ, какъ не вѣрить подобнымъ вещамъ? Вѣдь объ нихъ говоритъ и М-ъ и Г-ій, и М-ва и пр.; а они уже все это знаютъ; это по ихъ части.» Конечно умные люди поймутъ преосвященнаго лучше ханжей и опровергнуть ихъ отзывы о немъ. Но нельзя не

сказать, что большинство архіереевъ боятся вступить въ открытую боробу съ этими специалистами; скучаютъ отъ нихъ и все таки принимаютъ; потомъ привыкаютъ къ ихъ обществу, находятъ ихъ даже нужными, — слушаютъ, а наконецъ и слушаются ихъ. А если преосвященный по своему настроенію или по чему либо другому имъ сочувствуетъ, то они дѣлаются могучими въ духовномъ епархіальномъ мирѣ, — даже викаріями. Чтобы утвердить прочнѣе благосклонность къ себѣ преосвященнаго, специалисты не пренебрегаютъ и побочными средствами. Иной старается выказать полную привязанность свою къ нему, даже чуть не благоговѣніе; такъ напр. одно еще живое свѣтское лицо, долго считавшееся знаменитымъ авторомъ, не иначе получало благословіе отъ нѣкоторыхъ преосвященныхъ, какъ ставши напередъ предъ ними на колѣни. Какъ не полюбить, не послушаться такого человѣка? вѣдь это не попъ, преклоняющійся изъ боязни, а баринъ, писатель; очевидно, дѣлаетъ не изъ разсчетовъ; — ну и вѣримъ ему. Другіе преимущественно м-іе изъ придворнаго архіерейскаго штата разыгрываютъ роль суровыхъ ригористовъ, грубо высказываютъ какую либо правду, когда она имъ по чему либо нужна. Напр. у одного покойнаго архіерея былъ во свитѣ монахъ изъ отставныхъ солдатъ, человѣкъ вполне необразованный и грубый. Не смотря на расположеніе преосвященнаго къ нему, игуменья мѣстнаго монастыря, приглашая къ себѣ владыку, никакъ не рѣшалась принять гостемъ его фаворита. Это повторилось не одинъ разъ. Фаворитъ, р-ся, обидѣлся и рѣшился не только отмстить игуменьѣ за ея невнимательность, но и представить новое доказательство своей не лицемерной привязанности ко владыкѣ. Когда послѣдній съ ректоромъ и инспекторомъ семинаріи спускался по лѣстницамъ къ подъѣзду, чтобы отправиться кушать чай у игуменьи, то *безъ лести преданный* фаворитъ, стоя подъ лѣстницею, горевалъ въ слухъ. «Вотъ опять ѣдетъ; нѣтъ, чтобы дѣлами заняться, а давеча бѣдная попадья сидѣла вотъ тутъ и плакала, что ея дѣло не рѣшается дѣлую недѣлю, и она проживаетъ послѣднія деньжонки. Все въ гости, да въ гости; лычше бы дома посидѣлъ, да побольше написалъ резолюцій.» Владыка, ректоръ и инспекторъ, остановившись, всю эту іереміаду слушали. Первый постоялъ, подумалъ и сказалъ своимъ спутникамъ: «а старикъ-то правду говоритъ; поѣзжайте къ матери-игуменьѣ одни, скажите ей, что у меня много еще не рѣшенныхъ дѣлъ, которыми нужно заняться?» Ректоръ и инспекторъ уѣхали; но мати-игуменья и другіе;

приглашавшіе къ себѣ преосвященнаго, сдѣлались послѣ того подгадивѣе, или приглашали вмѣстѣ съ преосвященнымъ суроваго ригориста, или чѣмъ либо другомъ заискивали его расположеніе; въ такомъ случаѣ не оказывалось уже ни одной попадѣи, которая бы плакала о томъ, что ея дѣло не рѣшается цѣлую недѣлю.

Но если существуетъ такое множество разнообразныхъ причинъ, которыя почти роковымъ образомъ заставляютъ нашихъ преосвященныхъ имѣть близъ себя фаворитовъ, наперсниковъ, временщиковъ и пр. и имъ слѣпо довѣряться, то почему не избрать бы для этого не лакеевъ, не писмоводителей изъ приказныхъ консисторскихъ, не экономовъ изъ исключенныхъ семинаристовъ? Почему не предпочесть имъ людей съ благородною душою, съ образованнымъ умомъ, съ возвышенною нравственностію? Развѣ ихъ нельзя найти въ губернскомъ городѣ, или почти въ цѣлой епархіи — между духовными и свѣтскими лицами? При разрѣшеніи этихъ вопросовъ прежде всего надобно сказать, что умный и нравственный человѣкъ не захочетъ быть фаворитомъ и временщикомъ кого бы то ни было. Но кромѣ этой общей причины можно указать на нѣсколько другихъ частныхъ обстоятельствъ, имѣющихъ особое значеніе относительно преосвященныхъ.

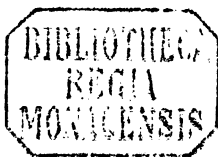
1) Человѣкъ умный, особенно съ благородною душою, съ нравственными качествами не любитъ раболѣпствовать предъ кѣмъ бы то ни было, быть, хоть даже изрѣдка, слѣпымъ исполнителемъ несправедливостей, особенно ихъ пріисланнымъ и обязательнымъ защитникомъ. Съ другой стороны тѣ изъ нашихъ преосвященныхъ, у которыхъ временщики и фавориты бывають чуть не всемогущими распорядителями по епархіальнымъ дѣламъ, удерживають за собою часть самостоятельности и требуютъ, чтобы имъ слѣпо повиновались тамъ, гдѣ они этого желаютъ, и чтобы желанія эти облекались въ законную форму. Умный и вмѣстѣ благородный человѣкъ, чего добраго, тутъ еще примется доказывать, даже къ большой бѣдѣ основательно докажетъ незаконность и неосновательность требуемаго и все-таки этимъ не измѣнитъ мыслей своего патрона. Ну и тепершніе любимцы и наперсники архіереевъ не очень щекотливы и притязательны. Видя настойчивое требованіе своего покровителя, они не станутъ противорѣчить ему, дадутъ всему законную обстановку, даже постараются предупредить желанія, или успокоить колеблющуюся совѣсть. Скажите, за чѣмъ же такихъ услужливыхъ, догадливыхъ и преданныхъ слугъ замѣнять упрямъ-

цами, которые не имѣютъ кстати сдѣлать уступку и уступку?

2) Рѣдкій изъ насъ не желаетъ скрывать свои слабости, недостатки и особенно важные пороки отъ людей близкихъ къ себѣ, даже отъ своихъ любимцевъ; и если этого нельзя сдѣлать, то старается, по к. м. извинять ихъ необходимостію, или приписывать какимъ либо благонамѣреннымъ побужденіямъ. Желаніе это бываетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ человѣкъ самолюбивѣе и чѣмъ выше занимаетъ мѣсто въ обществѣ; тутъ даже хочется и себя и другихъ убѣдить въ своей непогрѣшимости. Въ этомъ отношеніи умные и благородные люди не годятся на вакансиі временщиковъ, наперсниковъ, любимцевъ. Они, особенно если владѣютъ тонкимъ нравственнымъ чувствомъ, слишкомъ скоро поймутъ своего патрона; послѣдному невозможно будетъ предъ ними утаить свои слабости и недостатки и особенно прикрыть ихъ какими либо благовидными побужденіями. Умный и благородный человѣкъ, но съ энергическомъ темпераментомъ, чего добраго, примется, пожалуй, доказывать, что такіа слабости унижаютъ особъ высокаго ранга, что съ ними, во что бы то ни стало, надобно разстаться. А потомъ, увидавши, что его слова не производятъ никакой перемѣны, а даже пробуждаютъ неудовольствіе въ патронѣ, онъ оставитъ его, не захочетъ не только быть, но даже и казаться участникомъ въ тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя такъ часто происходятъ отъ слабостей высокихъ сановниковъ. И потому—то наши преосвященные любятъ держать около себя людей, которые неимѣютъ поводовъ хвалиться своимъ умомъ, не приходять въ негодованіе отъ недостатковъ своего милостивца, не стануть противъ него проповѣдывать крестовый походъ. Одинъ преосвященный, пріѣхавши на новую епархію и, узнавши, что при его крестовой есть монахъ, отличавшійся большимъ умомъ, хотя, по правдѣ сказать, любившій заниматься юридическою практикою, сказалъ ему: «нѣтъ, ты слишкомъ уменъ, иди себѣ мошатырь, а я держатъ тебя не стану? — Ни одинъ фаворитъ не можетъ быть самостоятельнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ; прихоти его патрона весьма часто должны служить закономъ для него. Умные и благородные люди не ищутъ подобныхъ мѣстъ; а, получивши ихъ, не хотятъ, или не умѣютъ долго держаться на нихъ. Имъ болѣе нравится играть скромную, но самостоятельную роль, нежели имѣть болѣе обширный кругъ дѣятельности, только дѣйствовать именемъ другаго и часто быть слѣпымъ его орудіемъ. Притомъ имъ нѣтъ повода дорожить сомнительными и не всегда

благовидными милостями патрона; они при своихъ способностяхъ могутъ найти себѣ вездѣ кусокъ хлѣба. Затѣмъ и патроны знаютъ, что отъ такихъ людей вѣчной и безпредѣльной преданности имъ ожидать нельзя. Толи дѣло люди, которые по своимъ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ не могутъ рассчитывать на значеніе въ обществѣ; которымъ нужно, т. е. ть, прицѣпиться ко хвосту какой либо птицы, чтобы подняться на высоту, и которые тотчасъ упадутъ на землю, даже въ какое либо болото, — стоитъ только птицѣ стряхнуть ихъ съ своего хвоста. Такимъ-то людямъ необходимо дорожить милостями своего патрона и оставаться вѣрными ему до конца жизни. Зачѣмъ же теперь нашимъ преосвященнымъ на степень своихъ любимцевъ, намѣстниковъ и викаріевъ возводить людей, которые по своимъ способностямъ никогда не останутся безъ куска хлѣба и кромѣ того дорожатъ своею самостоятельностью? Съ ними вѣкъ не проживешь. *Не лучше почитать довѣренностію* какого либо скромнаго келейника или служителя? При самыхъ счастливыхъ обстоятельствахъ отъ своей профессіи ему можно рассчитывать на 5—10 руб. мѣсячнаго жалованья. Почему же ему навсегда не оставаться при томъ человѣкѣ, при которомъ во званіи податчика, или простаго даже лакея кромѣ жалованья онъ можетъ набрать добровольно, — невольныхъ, приношеній отъ д-ва, даже за тысячу рублей? *Не лучше ли почитать довѣренностію* своего письмоводителя изъ приказныхъ консисторскихъ? Въ к-ріи мѣсто столоначальника есть крайній предѣлъ его честолюбія. Конечно онъ не будетъ бѣднымъ, но здѣсь онъ зависитъ и отъ секретаря и отъ членовъ, притомъ нужно не только выпрашивать, а даже выжимать приношенія; да сразу можно попасть подъ уголовный судъ. Толи дѣло мѣсто письмоводителя при преосвященномъ? начальникъ одинъ; просители сами приходятъ и приносятъ; самъ лично ни за что не отвѣчаешь; все скрѣпляется подписью владыки. А м. т. лѣтъ въ десять можно составить капиталецъ, который обезпечитъ на цѣлую жизнь. *Не лучше ли почитать довѣренностію* смиреннаго инока изъ отставныхъ солдатъ, или изъ исключенныхъ семинаристовъ? М. б. онъ въ монастырѣ сдѣлался бы іеромонахомъ, а при счастливыхъ обстоятельствахъ подъ старость казначеемъ и пр. Но толи дѣло мѣсто эконома и довѣренной особы при преосвященномъ? И пабедренникъ и наперсный крестъ, орденъ Св. Анны, игуменство, архимандрія явятся другъ за другомъ; получай только поздравленія. А главное въ перспективѣ всегда виднѣется настоятельство въ какой либо святой

обители, гдѣ уже самому подѣ своимъ начальствомъ можно будетъ имѣть, если не эконома, то казначея. Да и въ архіерейскомъ дому можно, если владыка почтитъ своею особливо довѣренностію, нажить порядочное состояніе. А о почетѣ нечего и говорить; немного нужно олужить, чтобы стоять выше самого кафедральнаго протоіерея. — Что ни говорите, г. ч. а и протекторы и ихъ протеже поступаютъ основательно и разсчитливо для собственнхъ выгодъ. Они нужны и полезны другъ другу; имъ никакъ не слѣдуетъ разлучаться даже до гробовой доски. И зачѣмъ первому замѣнять послѣднихъ учеными, умными людьми?

Лейпцигъ,
въ типографіи Бера и Германа.

Leipzig.
• Druck von Bär & Hermann.

